

ФРИДРИХ ГОРЕНШТЕЙН

НА КРЕСТЦАХ

**ДРАМАТИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ
ИЗ ВРЕМЕН ЦАРЯ
ИВАНА IV (ГРОЗНОГО)
В ШЕСТНАДЦАТИ ДЕЙСТВИЯХ,
СТА СОРОКА ДВУХ СЦЕНАХ**

ImWerdenVerlag
Мюнхен—Берлин
2023

ISBN 978-1-4478-0048-4

© Фридрих Горенштейн, наследник, 2023

© Юрий Векслер, предисловие, подготовка текста, 2023

© Григорий Никифорович, послесловие, синопсис, 2016

Писатель и империя

Заметки к первой публикации в открытом доступе полного текста романа-драмы Фридриха Горенштейна **«На крестцах»** с авторским подзаголовком **«драматические хроники из времен царя Ивана IV (Грозного)»**

«...На мой взгляд, литератор, обеспокоенный современностью и желающий изучить и восстановить ее исторические корни, должен забыть о своих идеологических и философских пристрастиях, так же как и археолог, осторожно снимающий верхние слои и добирающийся все глубже к нижним, или как аморальный гробокопатель, будоражающий мертвых. Да, я бы сказал, в подобной работе надо забыть даже о морали. Мораль необходима в истории живой, в истории мёртвой, в истории “обратного хода” надо попытаться взять за образец аморализм “чистой сердцем” природы. Ибо только та история правдива, в которой о мертвых, кто бы они ни были, не боятся говорить плохо, вопреки пословице. Но и не стараются использовать безответность мертвеца, чтобы пнуть его ослиным копытом. Особенно когда мертвецу-империи 450 лет.

Ф. Горенштейн «Лингвистика как инструмент познания истории»
Журнал „Столица“ 3, 1993

Еще раньше, но уже начав собирать материалы для книги о Грозном, Горенштейн в повести «Последнее лето на Волге» (1988) пишет: «И вот в наше итоговое время принудительно, рукотворно слились в русском море славянские ручьи, образовался огромный искусственный водоем-океан, который мелеет и иссякает. Особенно же мелеет и иссякает русская жизнь, русский национальный характер. Мелеть он начал не сегодня, не вчера, не позавчера, а более чем четыреста лет назад, когда был избран принудительный, рукотворный поворот чужих ручьев и рек в русское море. Понять это до конца может не взгляд изнутри, не русский ум, а скорей орлиный взгляд сверху, внешний взгляд Шопенгауэра или Шекспира, а то и скромный взгляд со стороны таких пасынков России, как я...»

Итак, к 1993 году Горенштейн видел Российскую империю умершей, но описал он эту империю в период окончательного становления.

Горенштейн протрудился над хрониками Грозного 10 лет (подготовка с 1987 года, первая попытка написания, вторая 01.06.1994 г. — 05.03.1997 г.)...

В конце 2001 года, будучи уже смертельно больным, Фридрих Горенштейн в последний раз был в Москве. И он сказал тогда в своем последнем в жизни интервью Анатолию Стародубцу: «...в американском издательстве уже на подходе 800-страничный роман-пьеса „На крестцах“ об Иване Грозном, написанная на языке того времени. Труд

многих лет жизни. Жаль, что этого не прочтет российский читатель, для которого все это и писалось (курсив мой — Ю. В.)».

Для пессимизма у Горенштейна было достаточно оснований. За десять предыдущих лет у него на Родине вышла только одна книга — переиздание романа «Псалом». В России его игнорировали. За год до интервью писателя Анатолию Стародубцу издательство «ЭКСМО», выпустившее «Псалом» отдельной книгой, отказалось переиздать роман «Место» по причине «слишком большого объема»... Только спустя еще 15 лет россияне смогли, наконец, начать знакомиться с адресованным им (как, собственно, и все творчество Горенштейна) романом-драмой со старинным названием «На крестцах», современным эквивалентом которого было бы «На перекрестках». В 2016 году издательстве НЛО была выпущена сокращенная версия книги, в которой по желанию издателя Ирины Прохоровой примерно половина сцен была представлена аннотациями. Целью сокращений было — не отпугнуть покупателя все тем же «слишком большим объемом» книги. Цель в итоге была достигнута, тираж в 1000 экземпляров распродан, и ныне этой книги в продаже больше нет. Хочется думать, что число познакомившихся с ней читателей все же больше 1000... И вот спустя еще 7 лет книга полностью выкладывается в открытый доступ.

Вот что написала вскоре после выхода до сих пор единственного полного издания книги в Нью-Йорке (2001) литературовед Ирина Служевская (14 марта 1955, Ташкент — 21 декабря 2013, США): „На крестцах“ — название тысячестраничной эпопеи Горенштейна, „хроники времен Ивана IV Грозного“. Хроника здесь — жанр шекспировских хроник, — единственный ряд, в который может быть поставлена эта книга. Представьте себе тысячестраничный протокол действий в царствовании прототипического русского тирана: от похода на Новгород до смерти. Данный только в речах, монологах, репликах, криках, теологических спорах, отрывках из писем, воплях убийц и убиваемых, палачей и пытаемых, погибших и спасшихся, подлинных и вымышленных лиц эпохи. Их...не меньше тысячи, и главный из них — сам Иван, данный с библейской точностью деталей и невероятного, кипящего смысла характера. Я не вижу способа рассказать об этой книге. Тут возможен, мне кажется, только построчный комментарий. Тот, кто решится на него, должен, очевидно, сравняться с Горенштейном в знании источников: от Библии, ее апокрифов и всех ее толкований (в которых Иван — как у себя дома) до исторических свидетельств о 16-м столетии (где Горенштейн отнюдь не ограничивается Россией и ее врагами, а чудом и мастерством создает панораму событий от Англии до Китая). До тех пор, пока эта невероятная книга остается неосвоенной, мы не вправе судить об отечественной литературе XX-го века”.

Горенштейн тоже был в библии как у себя дома, и он верил в то, что его будут читать после его смерти. И это медленно, но верно, слава Богу, осуществляется.

Дорогой читатель! Пусть тебя не пугают объемы некоторых сочинений Горенштейна и в частности «На крестцах» — они, эти тексты, конечно, не для «проглатывания» в метро по дороге на работу и не для аудиокниг, слушаемых за рулем, но они доставят тебе редкое удовольствие долгого общения с умным и не разжевывающим для

тебя интеллектуальную и духовную пищу автором, который доверяет тебе и избирает жанр, называемый иногда «пьеса для чтения», т.е. роман без авторского текста, без рассказчика и комментатора...

Ко всем трудностям читательского путешествия во времени в жизнь далекую герои мегапьесы говорят на русском языке, стилизованном под XVI век. И все же... игра стоит свеч (в противостоянии тьме вокруг нас).

Действие в «На крестцах» начинается в декабре 1569 сценами расправы Грозного над вольным Новгородом; продолжается последние 14 лет жизни царя и заканчивается уже после смерти Грозного воцарением его сына Федора и укреплением при нем власти будущего царя Бориса Годунова.

Завершает же текст монолог летописца — дьякона Герасима Новгородца:

«...Земля уж не выносила злодейств царя Ивана-мучителя, испуская благостные вопли, тихо сама о беде плакала. (Некоторое время молча пишет.) Однак пособил Бог, царь отвращался еды и отринул, жестокое свое житье окончив. Давно писал сие, ныне уж оканчиваю написание многогрешною рукою своею. Еще одна последняя епистолия, и летопись окончена моя. (Пишет.) ...Сия книга грешного чернеца, дьякона Герасима Новгородца, писана его скверною рукою. Прости меня, Бог. Слава свершителю Богу! Аминь! (Оканчивает писать и ставит точку.)»

Думаю, что и сам Горенштейн в момент написания этого последнего монолога, так же как и его герой, дьякон Герасим Новгородец, испытывал радость и облегчение по поводу окончания многолетнего труда. Герасим Новгородец не выдуман Горенштейном, он существовал реально. Но для того чтобы он, как и другие исторические личности, стал реальностью для читателя или зрителя будущего спектакля (что в случае с «На крестцах» вполне возможно), нужен автор, его воображающий, в него перевоплощающийся. У Горенштейна в «На крестцах» «не меньше тысячи» действующих лиц, и все они (монархи, военачальники, придворные, священнослужители, простой народ) зримы, объемны — литература и драматургия сценариста-мастера Горенштейна с его любовью к подробностям и деталям — это всегда 3D, если выразиться современным телевизионным термином. Перевоплощаясь в своих героев, Горенштейн как бы рождает их из себя заново и сопровождает по жизни — он был одарен способностью видеть их и ощущать их изнутри. Это и есть художественность. А «в художественности дна нет, как в открытом космосе», — написал однажды Горенштейн.

В «На крестцах» перед нами предстает, можно сказать, бездонный «русский космос». Читателю предстоит глубоко погрузиться в русскую историю. Для чего? На это каждый может и должен ответить для себя сам. Можно сделать это, например, просто проявляя интерес и доверие к писателю, как к автору знакомых уже великолепных произведений, таких как «Искупление», «Место», «Псалом» «Попутчики» или «Бердичев»...

Мне довелось однажды услышать от философа Александра Пятигорского следующее высказывание: «Я просто думаю, что, говоря об истории, люди смешивают две вещи: ход событий, который они могут знать или не знать, и второе — человеческая идея

об истории, которая может вообще не иметь никакого отношения к ходу событий, это просто стойкая привычка сознания рассматривать какие-то факты как исторические. Я думаю, что наука история, конечно, строго говоря, имеет дело, прежде всего, с сознанием, а не с такими, казалось бы, природовидными событиями. И очень трудно, конечно, убедить в этом историка, для которого есть некая абсолютная историческая объективность. Хотя многие историки стали понимать, и даже раньше понимали, что история — это подход к событию, а не сами события. Это способ нашего мышления о событиях, который мы называем историей. Есть много древних культур, которые, наблюдая события, никогда не наблюдали их исторически. Были древние культуры, где людей никогда не интересовало, что было до и что было после. Мы же универсализируем наш исторический подход, считая его абсолютным. Вот это то, против чего я не могу не выступать. Поэтому я, скорее, согласен (я не помню, кто это сказал), что русская история нового времени гораздо лучше читается в романах и рассказах, чем в исторических статьях. Это не абсолютная правда, но в этом что-то есть».

История и ее интерпретации то и дело становятся предметом манипуляций в политических целях, что мы видим и в наши дни и, несомненно, будем видеть и далее. И в самом труде Горенштейна, в его финале мы видим, как пишется официальное житие Ивана Грозного, пишется под строгим присмотром власти, пишется по канонам жития святых, то есть не считаясь с фактами реальной жизни и деятельности царя.

Но есть, однако, еще и Герасим Новгородец.

Есть и Фридрих Горенштейн.

Читать «На крестцах» - это почти что посетить Землю в дни царствования Ивана IV, стать на время если не Богом, то этаким доном Румата из «Трудно быть богом».

Мне близки мысли Пятигорского и его понимание истории, при котором хронология не столь важна, сколь художественная правда, правда характеров, а там где недостает документированной фактологии, нужны, как формулировал Пушкин, «истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах» и добавляя — вот чего требует наш ум от драматического писателя». Всем этим Горенштейн был с лихвой одарен и вооружен.

Писалась ли предлагаемая читателю хроника «На крестцах» в расчете на будущую постановку? Нет, конечно, но писатель, несомненно мечтал увидеть своих героев на подмостках русской сцены. В письме Лазарю Лазареву от 1.6.92, сетуя на «разрастание» текста в процессе работы над первым вариантом «На крестцах», Горенштейн замечает: «Для сцены надо будет сокращать вчетверо». На тот момент в июне 1992 года он думал, что в пьесе будет страниц 300 (т.е. для сцены страниц 75)...

В другом письме 1992 года: «Все расплзается за счет риторики. Время было очень риторичное. Без риторики пропадет аромат».

Вопрос, будет ли его риторическая хроника интересна театрам или кино, был для Горенштейна, конечно, второстепенен. Двигало им то, что он видел в современной ему России продолжение ее давней истории, в которой царствование Ивана Грозного он

считал ключевым, корневым периодом. О своем понимании времени Грозного Горенштейн высказался в 1991 году в интервью Виктору Ерофееву.

ВИКТОР ЕРОФЕЕВ. Ну так, традиционно, ты веришь в Россию, или тебе кажется, что это — проклятое место?

ГОРЕНШТЕЙН. Это неправильная формулировка. Что значит «веришь в Россию или не веришь» — это говорили так называемые национал-патриоты: «В Россию можно только верить». Я думаю, что Россия встанет. Только она должна (будет Ю.В.) отказаться от каких-то важных своих костылей. Прежде всего, арифметика должна быть другой. Мне не нравится арифметика в 72 года (время правления коммунистов. — Ю.В.). Это 450 лет. Это структура 450-летней давности, и это очень важно.

ВИКТОР ЕРОФЕЕВ. То есть 72 года — это болезненный момент, но все эти болезни начались гораздо раньше?

ГОРЕНШТЕЙН. Гораздо раньше. Как раз Калита, как раз период Ивана Грозного, когда страна могла сложиться совсем по-другому. И конечно же, что за тема «Ивана Грозного»? Это победа одного образа жизни над другим образом жизни. Это победа московского монголоидного кочевого образа жизни над новгородско-псковским образом жизни эгоистически-индивидуальным.

ВИКТОР ЕРОФЕЕВ. И гораздо более свободным...

ГОРЕНШТЕЙН. Свободным и умелым, ничем не отличающимся от Запада. И вот три века потомки Калиты ломали хребет этой России, и сломали ее только к концу царствования Ивана Грозного. Отношения между монголоидной Москвой и Новгородом было такое же, как теперь отношение между Россией и Литвой. Они завидовали, они ненавидели. Они старались там поселиться. Они всячески переселяли новгородцев и псковцев куда-то в глубинные места... То есть мы узнаем современные проблемы. Мы подошли опять к проблемам, которые существовали 450 лет назад.

Глубокое знание прошлого России делало Горенштейна провидцем. Вот что было написано им в советской Москве в 1975 году в романе "Псалом", в сцене в Третьяковской галерее: «Женщина смотрит на «Явление Христа» («Явление Христа народу», картина Александра Иванова. — Ю. В.), Андрей смотрит на нее, думает: «Вот он, русский верующий. В компаниях с религиозными спорами сейчас много говорят о том, что атеизм проиграл и начинается религиозное возрождение. Хорошо, допустим, атеизм проиграл, но выиграла ли от этого в России религия? Ничему не научившись, возрождается она с прежним юродством вместо чувства, с тяжелоголовыми спорами о Христе и с простонародьем, которое о Христе не спорит, но ждёт от него того же, что и от грузина Сталина, от турка Разина или иного русского атамана. И если суждено России в будущем попытаться спастись через национально-народное сознание, то не материалистическим и атеистическим оно будет. Национально-религиозную будет носить личину русский фашизм-спаситель».

ВИКТОР ЕРОФЕЕВ. Значит, для России важно вернуться что, к новгородскому вече или к чему?

ГОРЕНШТЕЙН. Нет, не к новгородскому вече, а к образу жизни эгоиста, образу жизни индивидуалиста...

ВИКТОР ЕРОФЕЕВ. Европейскому образу жизни?

ГОРЕНШТЕЙН. Тому образу, который существовал до того, как Калита создал это государство.

Говоря об «отказе от костылей» Горенштейн явно имел в виду отказ от империи, необходимость заняться собой, а не другими странами и народами...

Но Горенштейн не был услышан, и ныне, когда мы видим, что российская империя, этот зомби-монстр, так и не отказалась от старых костылей, а ищет новые, книга Горенштейна становится по-настоящему актуальной для изучения и понимания являющейся нам агонии издыхающего дракона, а также понимания окончательно обмелевшей расчеловеченной русской ментальности. Медленное умирание предсказывал России в конце своей жизни и историк Юрий Афанасьев.

Закончив «На крестцах» и не надеясь при жизни увидеть книгу напечатанной в России, Горенштейн в том же последнем московском интервью 2001 года, отвечая на вопрос, чем особо дорого ему это произведение, рассказал Анатолию Стародубцу: «Там среди прочего есть очень важный для меня эпизод. Во времена Грозного рядом с Кремлем на Варварке (на том месте, где теперь церковь) была установлена Варварина икона, написанная Андреем Рублевым. Но позже ее подновлял некий Алампей, который завидовал Рублеву и ненавидел его. Из мести он пририсовал на внутренней деке рублевской иконы черта. Никто этого видеть не мог. Но фактически получалось, что прихожане многие годы молились и черту тоже. Только юродивый Василий Блаженный каким-то шестым чувством это уловил и на глазах изумленной публики несчастную икону разбил. За это толпа его растерзала».

Молились и черту тоже. Черт присутствует на многих страницах «На крестцах». В его существование верят многие герои книги, некоторые, как Алампей, ощущают его присутствие и проигрывают ему душу. Герои Горенштейна много говорят о дьяволе, веря в его существование и эти ощущения героев благодаря мастерству Горенштейна передаются читателю.

Историческое отступление.

Один из ярких примеров описанной попытки политики кроить и интерпретировать историю в угоду своим интересам в прошлом был явлен в беседе Сталина с Эйзенштейном по поводу второй серии фильма о все том же Иване Грозном. Беседу записал присутствовавший на ней и участвовавший в разговоре исполнитель роли Грозного Николай Черкасов. Причем не только Сталин, но и Жданов с Молотовым высказывались на тему, как именно надо изображать то или иное историческое явление, в частности, опричнину.

Беседу записал исполнитель роли Грозного Николай Черкасов

«Сталин. Вы историю изучали?

Эйзенштейн. Более или менее...

Сталин. Более или менее?.. Я тоже немножко знаком с историей. У вас неправильно показана опричнина. Опричнина — это королевское войско. В отличие от феодальной армии, которая могла в любой момент сворачивать свои знамена и уходить с войны, — образовалась регулярная армия, прогрессивная армия. У вас опричники показаны как ку-клукс-клан.

Эйзенштейн сказал, что они одеты в белые колпаки, а у нас — в черные.

Молотов. Это принципиальной разницы не составляет.

Сталин. Царь у вас получился нерешительный, похожий на Гамлета. Все ему подсказывают, что надо делать, а не он сам принимает решения... Царь Иван был великий и мудрый правитель, и если его сравнить с Людовиком XI (вы читали о Людовике XI, который готовил абсолютизм для Людовика XIV?), то Иван Грозный по отношению к Людовику на десятом небе. Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния. В показе Ивана Грозного в таком направлении были допущены отклонения и неправильности. Петр I — тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам, слишком раскрыл ворота и допустил иностранное влияние в страну, допустив онемечивание России. Еще больше допустила его Екатерина. И дальше. Разве двор Александра I был русским двором? Разве двор Николая I был русским двором? Нет. Это были немецкие дворы. Замечательным мероприятием Ивана Грозного было то, что он первый ввел государственную монополию внешней торговли. Иван Грозный был первый, кто ее ввел, Ленин — второй».

В конце беседы Сталин, можно сказать, «проговорился», дав свой собственный, личный взгляд властителя на фигуру Грозного.

«Сталин. Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким, можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким. Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он *не дорезал пять крупных феодальных семейств* (курсив мой Ю. В.). Если он эти пять боярских семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал... Нужно было быть еще решительнее».

...Не скажу за Сталина или Эйзенштейна, а вот о Горенштейне историк Ирина Щербакова, хорошо знавшая творчество автора «На крестцах» и его лично, сказала с убежденностью: «...у него был безусловно дар погружения в историю».

Горенштейн был свободен от каких бы то ни было идеологических установок и табу. Он следовал своему дару и чутью. В эссе «Лингвистика как инструмент познания истории» (1993) Горенштейн изложил свое кредо в подходе к изображению исторических событий (см. эпиграф). Итак, российская империя по Горенштейну — мертвец, труп, но живой труп — зомби...

Писателя Горенштейна в людях и ситуациях всегда интересовали подробности, самые мельчайшие. И результат его труда в «На крестцах» поражает — такого полного собрания поступков, помыслов, взглядов, страстей и фобий Ивана Грозного в одном произведении до Горенштейна явлено не было. И все это в драматической форме, в действиях. Исчерпывающий портрет. Международная политика, войны, и наряду с этим убийства, совершаемые царем лично, казни, изнасилования, садизм, 8 жен, 1000 других женщин, собственноручно задушенные «выблядки»... И при этом подлинный интерес царя к науке, к книгам, к мудрости... Но еще больше к властвованию. М.б. с учетом рекомендаций Макиавелли (книгу которого он читал, как позднее и Сталин). Борьба Бога и дьявола, клубок противоречий в душе царя Ивана. Интересная странность: при всем его стремлении возвысить Россию и оградить ее от иноземных влияний, мы видим тягу Грозного к Западу, видим стремление влить Россию в Запад. Иван Грозный прожил 53 года, из них 50 лет он был на троне. В событиях последних 14 лет царствования, отраженных в пьесе Горенштейна, мы видим царские победы и поражения в войнах, его ум и одновременно его трусость и малодушие, например, готовность бежать от опасности пленения крымским ханом в Англию, бежать, прихватив с собой свои сокровища. Мы видим его попытки жениться в девятый раз (церковь позволяла монарху только два брака) — на английской принцессе, а до того — на сестре польского короля и многое другое... Историка всегда может опровергнуть другой историк. Но историку не под силу опровергать талантливого писателя или драматурга. Горенштейн явил нам свою историю периода Грозного. И дал он нам ее не умозрительно, а чувственно, с поистине шекспировским размахом и с такой же художественной силой и убедительностью.

Например, царь Иван, показанный как садист, как закоренелый грешник, сочувствия не вызывает, кроме одной минуты, одной сцены. Это момент, когда он осознает, что скорее всего непреднамеренно в припадке бешенства убил родного сына и уничтожил таким образом своими руками вождеденную возможность продолжения династии. И в перевоплощении в эту минуту Фридриха Горенштейна в Грозного автор заставляет нас вопреки всему пожалеть этого изверга. В таких чудесах восприятия проявляется Божий дар и высочайшее мастерство автора.

Станет ли эпопея «На крестцах» материалом для театра, кино или телевидения, мы не знаем, но прекрасно, что она, наконец, в полном объеме приходит к русскому читателю.

Публикация сочинения Горенштейна актуальна, так как как раз в наши дни авторы русской православной церкви снова пытаются делать из Грозного чуть ли не святого, оболганного западными авторами, историками и интерпретаторами событий. По их версии один из якобы «развенчиваемых» фейк-мифов, на который де попался великий Илья Репин — это нечаянное непреднамеренное убийство Грозным своего сына Ивана. Современные интерпретаторы убежденно утверждают, что царя оболгала западная пропаганда и царевич де умер своей смертью.

Один из современных православных публицистов Андрей Солодков пишет, например: «Один из самых распространенных – убийство собственного сына. Сегодня известно, что при вскрытии саркофага с телом Ивана Ивановича не обнаружено ни крови на волосах, ни пролома черепа. А обнаружено при исследовании останков содержание ртути, в 30 раз превышающее норму. Скорее всего, его отравили. Автором мифа считается иезуит Антонио Поссевино, который был личным врагом Ивана Грозного».

Андрей Солодков якобы «разоблачает» и развенчивает другой миф — опричнина как террор и удовлетворение личных амбиций самодержца...Он вслед за Сталиным обеляет опричнину, как бы «забыв», что ее уничтожение было проведено по приказу царя.

Тем ценнее данный Горенштейном подробный разносторонний портрет Грозного в его деяниях как царя и как человека. Портрет этот следует традиции образа Грозного в русской литературе (прежде всего Пушкину в «Борисе Годунове») и истории (Карамзин, Ключевский), но нынешним историкам в погонах нужен пиар для современного царя и современной опричнины.

И в заключение несколько заметок об издательской истории книги. Тому, что мы вообще можем сегодня издавать, а читатель читать «На крестцах», мы во многом обязаны берлинскому биографу Горенштейна Мине Полянской, ее семье и нью-йоркской издательнице, к сожалению, уже ушедшей из жизни, Ларисе Шенкер. Мина Полянская рассказывает: «У Фридриха Горенштейна был нечитаемый почерк, а к концу жизни стал абсолютно неразборчивым. Писатель попросил нас, своих друзей (меня, моего мужа Бориса Антипова и сына Игоря Полянского), записать текст рукописи „На крестцах“ на магнитофон, на что мы, несмотря на трудности исполнения такой записи (800 страниц!), дали свое согласие... Текст об Иване Грозном, предназначенный для издания в руководимом Ларисой Шенкер ньюйоркском издательстве „Слово-Word“, мы записывали по выходным дням в течение двух лет! ...Параллельно с записыванием текста велась еще одна трудоемкая работа. В Берлине был нанят оплачиваемый „Словом-Word“ специалист, который записывал частями текст с аудиокассет, создавая компьютерный вариант. Распечатанные „куски“ текста Фридрих Горенштейн проверял, а затем отправлял Ларисе Шенкер по почте кассету компьютерного варианта и распечатанный, проверенный, выправленный его, Горенштейна, рукой текст. Однако и на этом текстологическая работа не считалась завершенной. Лариса Шенкер после второй проверки отсылала тексты Горенштейну на вторичную проверку. Горенштейн вновь просматривал его, а затем как окончательный вариант отсылал Ларисе Шенкер». (Отрывок из книги «Берлинские записки о Фридрихе Горенштейне». СПб., 2011)

Уточняя на всякий случай, что Горенштейн сам начитывал свое произведение по рукописи. И не только эти бесценные кассеты находятся в семье М.И. Полянской, но и, как она пишет, «...аудиозаписи и расшифровки с корректурами Горенштейна находятся у нас дома». Отдавая должное самоотверженности семьи Мины Полянской и издательницы Ларисы Шенкер, нашедшей в США грант на издание этой книги, нельзя не сказать, что, тем не менее в противоречии с рассказом Полянской, книга вышла с сотня-

ми опечаток, часто искажающими смысл написанного... Похоже, что ошибки возникали при распечатке с кассет, а в Нью-Йорке многие правки Горенштейна просто не были сотрудниками Ларисы Шенкер внесены. Но у издателей было после выхода книги в 2001 году время создать исправленную версию текста. Сделано это не было, и это пришлось делать мне, опираясь только на рукопись. Помимо опечаток и искажений текста, в нью-йоркском издании нарушена нумерация, а две сцены напечатаны дважды.

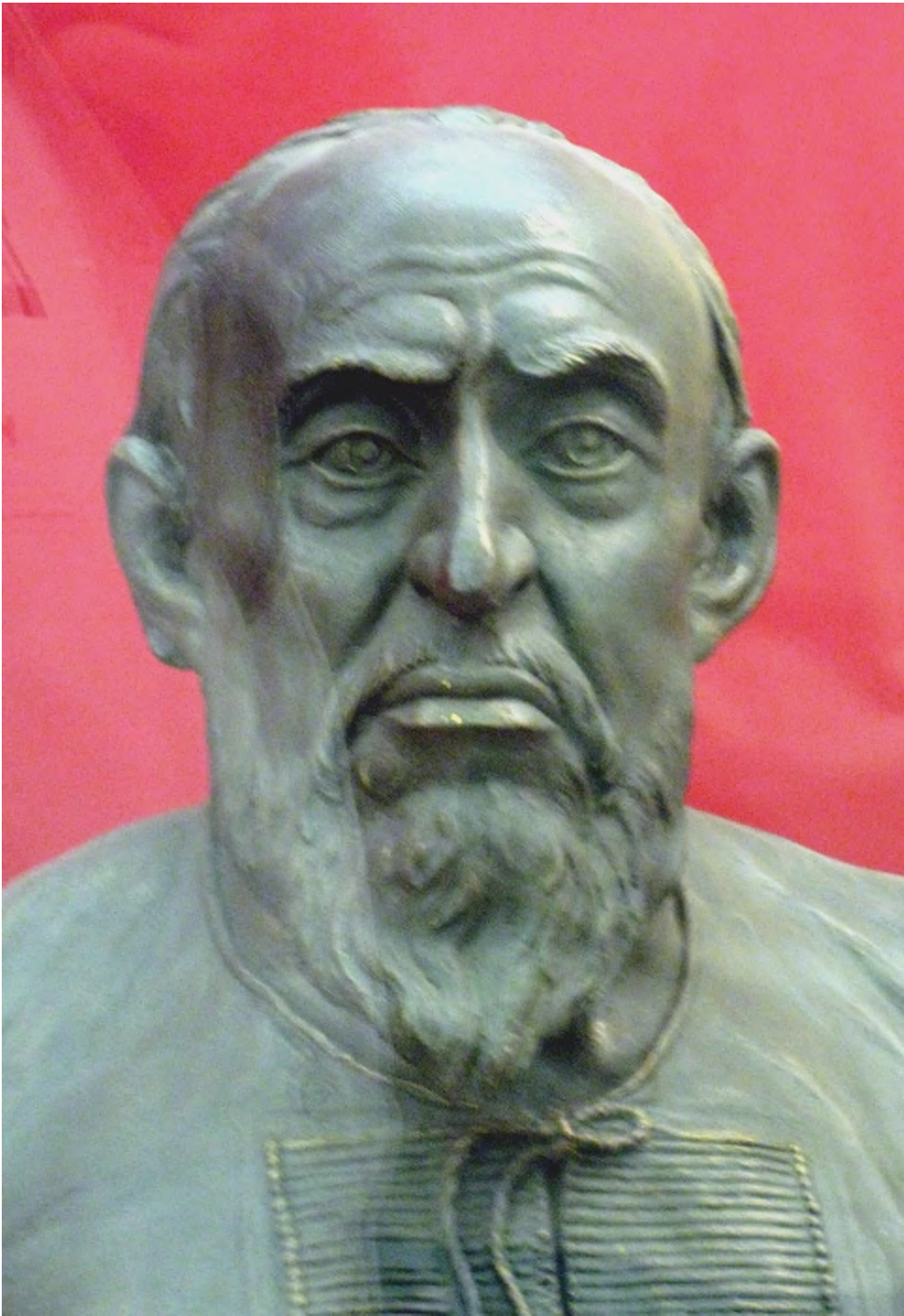
К сожалению, по причинам, не зависящим от готовивших это и предыдущее переиздание в НЛО, в их распоряжении, кроме книги, изданной в Нью-Йорке, и рукописи, хранящейся сейчас в архиве писателя в Бремене, не оказалось ни дискет, ни компьютерных распечаток, о которых пишет М. Полянская. От предложенного сотрудничества она отказалась.

Но то, что есть, есть, а то, чего нет, нет. Мы с Григорием Никифоровичем вместе с редакторами НЛО, опираясь прежде всего на перефотографированную мной рукопись (которая публикуется здесь же, спасибо Александру Векслеру), в свое время проделали кропотливую текстологическую, изыскательскую и корректорскую работу. Ныне полный текст «На крестцах» доступен всем желающим с ним познакомиться. А полностью выверенное издание рано или поздно, я уверен, появится, должно появиться — труд большого писателя Фридриха Горенштейна к этому просто обязывает потомков.

Огромную благодарность я хочу выразить веб-дизайнеру нью-йоркского издания Богдану Бурмичу, у которого чудесным образом сохранилась верстка книги. Это избавило меня от необходимости сканировать текст нью-йоркского издания в 1065 страниц либо (от не менее трудоемкой) — набирать его заново. И то и другое привело бы скорее всего к появлению новых ошибок в тексте, которых из без того было предостаточно.

В самом начале в эссе 1993 года «Лингвистика как инструмент познания истории» Горенштейн писал: «Почти десять лет тому назад, с конца 1983 года, периода для истории ясного и неподвижно-застойного, мной вдруг начал овладевать „исторический невроз“. Так в тяжелый душный день хочется ветра, беспокойства, неопределенности. Из этого чувства родился замысел драмы о петровской эпохе, судьбоносной для России и для Европы». Этот «исторический невроз», принесший свои творческие плоды, растянулся у писателя на всю дальнейшую жизнь и привел к написанию не только «На крестцах», но и последнего романа Горенштейна «Веровочная книга», все еще остающегося нерасшифрованной рукописью...

Юрий Векслер
Берлин, 09.03.2023

*Биография Ивана Грозного невозможна.
О нем мы знаем мало.
Историк Платонов*

*Холодный пепл мертвых не имеет
заступника кроме нашей совести.
Историк Карамзин*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена 1

Тверь. Тверской Отроч Монастырь. Келья бывшего митрополита Филиппа, полутемная и тесная. Филипп шепчет молитву. Входят два монаха.

Первый монах (умиленно). Филипп святитель, воздевши руки, на псалмопении божественном стоит.

Филипп (оглядываясь). Иноки, а чего придоша оба, коли я на молитве стою?

Второй монах. Святитель благословенный! Царь Иван Васильевич ныне был в Твери, и, по слуху, сюда, в Отроч монастырь, вознамеривается.

Первый монах. По дороге идучи в Тверь, царь повелел Малюте Скуратову к нам в Отроч монастырь, к тебе, опальному, наведаться.

Второй монах. Оттого, святитель, повинны мы вновь одеть на тебя оковы, чтоб не опалился государь на нас и не погубил нас самих смертными муками. Ибо государь повелел тебя по рукам и ногам и по чреслам наитягчайшими веригами оковати, повелел в твердые затворы и замки заключити и так держати. Мы ж, стражи твои, любя тебя, преподобного, то царское повеление порушили, от оков избавивши да поклавши их рядом. (Монахи берут оковы и надевают их на Филиппа).

Первый монах (плача). Прости, святитель.

Филипп. Не плачьте, иноки. Исполняйте.

Второй монах (плача). Как же не восплакать, не возрыдать, не припасть к коленам твоим, святителя, исполняя по нужде веление прегордой власти?

Филипп. Иноки, пошто царь в Тверь пришел?

Первый монах. Святитель благословенный, меж рождеством и крещением избрал царь и великий князь Иван Васильевич время, чтоб идти с великою опалою в Великий Новгород.

Филипп. То его наустили недобрые клеветы.

Второй монах. Наущением и злоумышлением богоотступников, злых и буянных человек, хищников от действия неприязного супостата дьявола, в уши царя была нашептана клевета на архиепископа Пимена, на владычных бояр и изящных¹ именитых жителей градских.

Филипп. Дождался и Пимен. Прежде был тот Пимен чистого житья, однако ради своих благ и чинолюбия почал прихлебывати да прислуживати тирану, мучителю, и вкупе с ним меня неправедно гнати. Говорил я ему: а мало пожди - и сам смертную чашу изопьешь от него, мучителя.

Первый монах. Бог ожесточил сердце царю великим гневом и неукротимой яростью, и великим озлоблением. Не одни лишь Новгород и Псков, а и Тверь осуждена на кару.

Второй монах. Царь на Твери многия люди побил, через Волгу раза два и три перелезая.

Первый монах. Тако ж и иные города подлежали разорению: Торжок да Вышний Волочек, да Клин. Клин первый испытал царский гнев.

Второй монах. Гневен царь.

Филипп. Царь ли то! Царя ли тут усвоаем? Навуходоносор. Не монарх, не властитель, не самодержец, не Август Кесарь. Кровопойный сумасброд вступил в войну с прошедшими веками, дико мстя живым за давно умерших. Тверь осуждена на кару в воспоминание о тех временах, когда тверские князья боролись с московскими предками царя Ивана, с семенем Калиты. Клин да Торжок, да Вышний Волочек, все те города тогда не у Москвы, у Твери были. А мог бы, то и всему народу русскому отомстил. При опричном утверждении он уже обвинял весь русский народ, что в прошедшие века этот народ не любил царских предков. Однако особая нелюбовь царя к двум землям вечевой свободы - Новгороду да Пскову. Новгородцы издавна знают о той царской злобе, давно чуют над собой беду и, как был я митрополитом, то просил ходатайствовать за них перед царем. Не раз ходатайствовал я за Новгород и иных опальных к жестокой самоуправной и надменной прегордой власти, паче же сказать, прелютому ненасытному кровоядцу, оному зверю, к лютому да хищному. А вот чего достиг! Повелел оковать меня тягчайшими цепями, ввергнув престарелого и измученного, утомленного да удрученного великими трудами и с немощным уж телом в темницу.

Шум. Вбегают третий монах.

Третий монах. Святитель Филипп! Царь Иван Васильевич приехал в Отроч и идет к тебе.

Быстро входит царь Иван. С ним Малюта и опричники.

Иван. Мир тебе, преподобный епископ.

Филипп. Не епископ я, государь. Нищий монах в заточении.

Иван. Не тяжко ли тебе живется, не тесно ли тебе?

Филипп молчит.

Малюта. Отвечай государю!

Филипп. От молодости, государь, был я украшен добровольной монашеской нищетой. Так и ныне ничего.

Иван. Знаю я твою прежнюю благолепную жизнь иерея. Знаю, что ты духом тверд, и крепок, и мужественен. А хочешь ли, то сотворю тебя беспечальным на сем свете, и ничто не надобно тебе будет?

Филипп. Я монах. А кроме молитвы Божией ничего мне не надобно.

Иван. Однако и монашеская набожность боится дьявола.

Филипп. Все в человеке доброе и злое от него самого. И дьявол не может отвлечь человека от доброго.

Иван. Что ж, ты и впредь желаешь оставаться иноком?

Филипп. Иночество Богу угодно.

Иван. Если бы иноческое жительство было действительно угодно Богу, то сам Христос и божественные ангелы носили бы иноческий образ. Но мы видим Христа и его ангелов в мирском. *(Монахам).* Снимите со святителя оковы.

Первый монах. С превеликой радостью, милостивый государь!

Монахи снимают с Филиппа оковы.

¹ *Изящный*, стар. русск. *изящный* "ловкий", также "знатный".

Иван. Теперь вон идите. *(Монахи уходят)*. Доволен ли ты сотворенною милостью?

Филипп. Не подобает государю зло чинить, без милости казнить. Подобает государю милостивым быть.

Иван. Я, государь, от Бога поставлен лихо творящих казнить, а добро творящих жаловати. Благослови меня, святитель, на разгром новгородских изменников.

Филипп. Как же просишь у меня благословения? Против меня самого собрал ты скверное сборище иереев Вельзевула и проклятый сонм согласников кияфиных² и выставил скверных людей, лжесвидетелей, клеветателей, мужей скверных, предателей своего спасения. И ободрали с меня спасительные одежды, и в руки палача мучителям отдавши. И нагого, влекли меня из церкви, сажали на быка опако, сиречь задом. И били люто, нещадно тело мое, удрученное многими постами, и возили по площадям, крепостям и городам. Но я терпел все сие, будто не было у меня тела, одна лишь недоступная твоим мучениям душа, и благодарил Бога в хвалах и пениях, благословляя толпу горько плачущих и рыдающих. Ныне же без стеснения просишь у меня благословения?

Иван. Святитель, прости меня по-христиански. Все сие от того, что не возжелал ты пособить мне против измены. Знаешь ли, с молодости я тебя любил, да и настоял, чтобы тебе занять митрополичий престол, видя в тебе пособника во спасении Святой Руси от ереси. Читывал ведь и ты давние книги Иосифо-Волоколамского монастыря, Иосифо списание на новгородских еретиков. Благослови же меня, святитель, а также мысли на возвращение на митрополичий престол.

Филипп. Царь, ежели обещаешь покаяться в своих грехах и отогнать от себя оный полк сатанинский, собранный тобой на пагубу христианам, опричников, сиречь кромешников, я благословлю тебя и прощу по-христиански, и на престол мой, послушав тебя, возвращусь. А ежели нет, то будешь ты проклят в сем веке и в будущем, и с кромешниками твоими кровоядными, и со всеми согласующими тебя во зле.

Иван *(сдерживая гнев)*. Чернец, да почто ты из монастыря, из кельи хочешь меня, государя, учить, не зная ничего, что ныне открыли изменников, которые готовили передачу Новгорода и Пскова Литве!

Филипп. То, государь, похульный слух пошел. Также по тому похульному слуху оставил ты кровавые следы, идучи в Тверь.

Иван *(вопит гневно)*. Повсюду заговоры. Особо же в Новгороде сделали они заговор великий! Мы, московские цари, владетели Новгорода. Они ж, заговорщики, вечевые мужики, купцы да бояре, хотят по дьявольскому наущению перейти в латинскую веру, а кто не желает от христианской веры отречься, то тех в темницы бросают, голодом морят, имущество себе забирают. Оттого и иду я вероотступников наказать для спасения Святой Руси.

Филипп. Все то ложь, царь. Не для того идешь ты, чтобы Русь спасать. Утесняешь ты народы, особо же убогих. За утеснение убогих обещаны огненные муки.

Иван. Вижу, не понял ты милости моей. Одеть вновь на него вериги. *(Опричники надевают на Филиппа оковы)*. Лучше ли тебе, чернец, в оковах? *(Смеется. Опричники смеются)*. Сиди так, а день-другой спустя пошлю в тюрьму кое-кого из своих соратников посмотреть, не умер ли уж. *(Смеется)*.

Филипп. Ежели душа свободна и чиста, то и оков не будет.

Иван. Снимать их чарами? Ежели увидите, что оковы рядом лежат, то подробно возвестить, чтоб знал: чары он пустил, мой враг и изменник. А за чары – сожжение.

Малюта. Государь, надо бы медведя к нему пустить. Ежели чаровник, то поглядим, не околдовал ли зверя.

Иван. Добро. Изморив голодом, свирепого медведя пустить к нему, епископу, в темницу.

Филипп. Царь, уподобившись во зле первому и самому лютому дракону, сиречь очень большому змию, губителю рода человеческого, ты, лютый зверь, не сыт еще кровью. Кровь тебя разлакомила, а с тобой паразиты полулукавые, тунеядцы, шуты, также тати, воистину разбойники, человеки, полные бесчестных мерзостей.

Иван *(Свирепо вопит)*. Он чаровник. Отвести его в Слободу и сжечь на горящих углях. Знаешь ли Слободу, чернец?

Филипп. Знаю любимую твою крепость, называемую Слободой, что наполнена христианской кровью. Упорство твое, царь Иван, в грехе последнем соберет тучи над твоей головой.

² *Согласников кияфиных* – по имени Каиафы (Кияфы), первосвященника Иудеи с 18 по 37 год, осудившего Иисуса Христа.

Иван (*Вопит*). Удушить его немедля подушкой!

Малюта. Любо, любо, моя-то работушка ко мне пришла.

Филипп. Царь Иван, с детства ты воспитан буен, самодуром. (*Крестится*). Прими мою душу, Господи.

Малюта. Иди, чернец, с миром. (*Душит Филиппа подушкой*).

Иван. У которого против государя, божьего помазника, неподобная речь, и кто станет браниться и задираться, имея к государю ненависть, то уж ум его отнимется. Почнет он без ума ходить и без призору умрет. Так всем изменникам будет, особо же новгородцам. Опричным воеводам учинить около Великого Новгорода велики сторожни и крепки заставы, дабы ни одному человеку из города не убежать.

Малюта. То сделаем, государь. (*К опричнику*). Покличь монахов. (*Опричники уходят*).

Иван. Объявить повсеместно: “Бывший митрополит Филипп умер в заточении нечаянной смертью от угара”.

Входят монахи.

Малюта. Иноки, бывший митрополит умер от угара.

Иван в сопровождении Малюты и опричников уходит.

Первый монах (*С плачем*). Мыслю, святитель благословен задушен по велению царя от прелютого и бесчеловечного кромешника, собственноручно от Малютки.

Второй монах (*С плачем*). Погребем святителя за алтарем. А время придет, и перевезем священномученика в Соловки для народного почитания. А еще время придет, то будет он причислен к лику святых и открытые мощи его будут поставлены в кремлевском Успенском соборе.

Первый монах. Аще так, аще иначе будет он увенчан от Христа венцом. От Христа, которого смолоду полюбил и за которого со страстью принял и страдания.

Монахи выносят мертвого Филиппа.

Занавес

Сцена 2

Новгород. Вечевая башня с колоколом. На софийской стороне около Детинца. Площадь заполнена взволнованным народом.

Тверичанин (*звоня в колокол, кричит*). Беда! Побил нас государь!

Первый из толпы. Кто то кричит?

Второй из толпы. Тверичанин к нам в Новгород прибег.

Третий из толпы (*звонит в колокол*). Жителя новгородские! Беда велика! Воспалился грозный царь Иван Васильевич, что надо казнить Новгород и Псков, не оставить на улице ни курицы!

Четвертый из толпы. Он не царь нам - князь московский!

Дьяк Долматов. Опомнитесь, народ! Он государь!

Пятый из толпы. Ставьте щит против государя! Запрем ворота!

Дьяк Долматов. Разумное ли кричишь? Кто то кричит?

Пятый из толпы. То, дьяк Долматов, смельчаки кричат. Ты смельчак ли, дьяк Долматов?

Дьяк Долматов. Смельчаки кричат, а благоразумные останавливают. Не доводите до кровопролития, жителя новгородские.

Первый из толпы (*звонит в колокол*). Хай посадник скажет, боярин Василий Дмитриевич Данилов.

Данилов. Жителя новгородские! Все города, большие дороги и монастыри от Слободы до Лифляндии заняты опричными заставами. Деваться нам некуда. Некий волшебник подбросил князю московскому Ивану письмо, а в оном говорится, что Новгород отказывается прочь от него. Царь рассердился и, идучи на нас, стал дорогою казнить людей занапрасно. А что нам будет - хай беглые скажут, с которыми уже сделалось.

Первый беглый. Жителя новгородские, по всей-то дороге от Твери и Торжка к Новгороду все почти деревни московский князь разорил. Так и по другой дороге Новгорода. На Твери многие люди побиты. По пути их разоряли и убивали.

Второй беглый. Я из Клина. Царь с отрядом кромешным как прибыл в Клин, то учинил расправу. Кромешники убивали кого попало. Мы, испуганные жителя, ни в чем не повинные, не разумеющие, что это значит, разбегались куда ни попало. Жену мою побил и детей малых. (*Плачет*).

Первый из толпы. Не царь то православный. Полуверок!

Беглый купец. На Твери царь пять дней стоял. Сперва ограбил всех духовных, начиная с епископов. Мы, мирские жители, думали, что тем дело кончится. Однако спустя два дня по царскому приказанию опричники бросились в город, бегали по домам, ломали всякую домашнюю утварь, разбивали ворота, двери, окна, забирали всякие домашние запасы и купеческие товары. Воск, лен, кожу и прочее свезли в кучи да спалили. Потом удалились. Мы, жители мирские, опять почали думать: истребив наше достояние, нам хотя бы оставили животы. Однако внезапно опричники сызнова явились в город, почали бить кого попало, мужчин, женщин, младенцев. Иных жгли огнем, других рвали клещами, тащили и бросали тела в Волгу. Многих побили. (*Плачет*).

Третий беглый. Также и в Торжке. (*Плачет*).

Четвертый беглый. Также и в Вышнем Волочке. (*Плачет*).

Пятый беглый. Я из Волдая. (*Плачет*).

Шестой беглый. Я из Язжелбицы. (*Плачет*). По обе стороны от дороги опричники разбегались, убивали людей, достояние грабили. (*Плачет*).

Первый из толпы. Что-то онному грешному царю и слова правды никто не скажет?

Монах. В тверском Отроч монастыре задушен митрополит Филипп за смелое слово правды.

Второй из толпы. Не великий князь то, не государь, щелкан³ то! (*Звонит в колокол*). Не хотим государем щелкана. Уж лучше в Литву подадимся, к польскому королю.

Третий из толпы. В Литву хотим! К польскому королю хотим!

Данилов (*звонит в колокол*). Жителя Великого Новгорода, по сему делу говорите! Что известные торговые гости скажут Федор да Алексей Дмитриевич Сырковы?

Федор Сырков. Как торговый гость новгородский, к тому же и новгородский дьяк, скажу. Мы не отчина великого князя. Великий Новгород из века вольная земля.

Алексей Сырков. Великий Новгород сам себе государство, и к кому податься разбирать можем.

Мужик (*звонит в колокол, кричит*). Испокон Москва нас утесняет. Как занял московский князь Новгород, то отнял у нас Волхову и иные воды утечные, отнял у нас ловы уток, отнял у нас поля заячные...

Данилов. Что тысячник скажет Андрей Васильевич Тулупов?

Тулупов (*звонит в колокол*). Я, тысячник шелонской пятины, за новгородскую вольность.

Данилов. Ты скажи, владычин дворецкий, Неудача Цыпляев с сыном Никитою.

Цыпляев. Я, владычин дворецкий, Неудача Цыпляев с сыном Никитою Неудачиным Цыпляевым от новгородских духовных да от архиепископа Пимена имею наказ на вольность.

Данилов. Ой ли! Владыка сам не пришел на Вече.

Цыпляев. Владыка занемог.

Дьяк Долматов (*звонит в колокол*). Жителя, не доводите до кровопролития! Царь идет с великим войском. Как донесли царю, будто хотим отложиться Литве, то прииде с великой яростью в Великий Новгород...

Цыпляев. Про Литву неразумные кричат. Мы вольности хотим от всех. От королей и от князей московских.

Тулупов. Заодно стоять будем, не возьмет нас князь московский. Новгородская кованая рать⁴ по числу вдвое более опричников.

Дьяк Долматов. Опомнитесь! У царя тридцать тысяч татар и десять тысяч стрельцов!

Данилов. То вымысел. Правда, что московский князь не одних православных христиан, а и иных бьет: татар, немцев да литвинов. Про то хай Мишки скажут, беглые пушкари.

Мишка. Я, Максим Литвин, по-русски Мишка, сидел в Торжке в башнях с немцами и татарами. Царь Иван явился прежде к немцам, приказал убивать их перед своими глазами и наслаждался до ночи их муками. А ночью я с иным Мишкой побежали да добрались в Новгород в великом страхе.

Первый из толпы. И мы тут в Новгороде в великом страхе. (*Шум*). Слышите, что-то случилось.

Вбегают испуганный посадский, звонит в колокол.

³ *Щелкан* – татарский посол Чол-хан, двоюродный брат хана Узбека, который в 1327 г. творил произвол в Твери.

⁴ *Кованая рать* — упоминается в псковской летописи XV—XVI вв. Судя по иностранным известиям, это были лучшие конные полки московского войска, составлявшиеся из воинов Новгородской и Псковской областей.

Посадский. Жителя Великого Новгорода! Государь Иван Васильевич с передовым полком уж явился и сюда идет. *(Слышно конское ржание и топот конский).*

Входит царь Иван, царевич Иван Иванович, духовник Евстафий, шут, Малюта, Василий Грязной и опричники.

Иван. Ко времени поспел. *(Поднимается в тишине на вечернюю башню).* И мне ведь дозволено вольное слово сказать. *(Звонит в колокол).* Так ли, посадник боярин Данилов? Чего затихли? Страх имеете?

Данилов. Государь, чуяли, что в ярости ты идешь, оттого и страх.

Иван. Однако, горланили. Горланьте и далее.

Первый из толпы *(испуганно).* Великий князь московский!

Малюта *(перебывает).* Не великий князь московский, а царь великий, князь Всея Руси.

Иван. Говорите. *(Толпа молчит).*

Царевич Иван Иванович. Отчего ж ужас такой, батюшка? Пришел православный царь в свою вотчину и оттого ужас?

Иван. Сейчас поймешь, мальчик, отчего ужас. Кто все слышал да правду государю сказать хочет?

Петр Вольнец. Я, государь, затаившись, все слышал. О чем тебе в грамоте писал, тут в Вече слышать удалось. Скажу о новгородцах. Яко взбесившиеся, самый бесчеловечный разум имеют. Наняли злых тех смердов, убийц, шильников⁵ и прочих безыменных мужиков, подобно скотам не имеющих разума, но только могущих кричать. Называли государем Великий Новгород. А нанятые мужики, придя в Вече, били в колокол и кричали, и лаяли как псы: “За короля хотим!”

Иван. Вот, мальчик, отчего ужас. Как узнали изменники законного Государя с наследником и прочими царскими людьми.

Шут. Меня, государь, особо испужались. Помыслили: “Смерть наша приде от государева плеча и от его меча.” *(Вытаскивает из ножен обломок меча. Смеется).*

Иван *(сердито).* Помолчи, шут, не до тебя. *(Толкает шута).* Что сам скажешь, посадник боярин Данилов?

Данилов *(испуганно).* Государь, оклеветали злые люди Новгород Великий.

Иван. Оклеветали? Дай-ка, Малюта, грамоту. *(Берет грамоту).* То ваши подписи?

Данилов *(берет грамоту).* Государь, от подписи рук наших отпереться не можем. Но что мы к королю польскому податься хотели, того никогда не было.

Иван. Новгород - отчина наша издавна. Так ли? Скажите. *(Молчание).*

Плотник. Ежели большие люди молчат, то мы, меньшие люди, скажем. Издавна Новгород - город весь вольный. *(Крики: “Велик Новгород, волен город!”)*

Иван *(гневно).* Кто-то лает.

Дьяк Долматов. Не бери в укор, государь милостивый, то меньшие люди кричат с загородного, гончарного да плотницкого конца.

Иван. Ты кто, смерд?

Плотник. Имею плотницкое ремесло.

Дьяк Долматов. Мы, государь, тут в Новгороде сами их презираем, плотников.

Плотник. Ты ябеда площадная, дьяк Долматов, подслуживаешься, а нам ни к чему... Мы, плотники, Новгород Великий издавна возводили. Новгород - деревян-город. Лес кругом. Плотницкое ремесло в цене. Наш-то город Новгород.

Иван *(гневно).* Что ты возносишься, смерд, передо мной, Божьим Помазником. Я державу строю, ты ж деревянную избу срубную.

Шут. А вы, плотницы сущи. А приставим вас хором срубить наших... *(Смеется).*

Плотник. Не одни лишь избы, и церкви святые делали. Спас-на-Нередице, Успение-на-Волотве, Спас-на-Хвалеве, Михаил-на-Сковороде, Благовещение-на-Городище. Все плотницкая работа. В десятом веке от Рождества Христова тут первую на Руси церковь поставили. Дубовую церковь Софии о тринадцати верхах с ее соборами. А Москвы тогда и в помине не было!

Иван *(гневно).* Ты, посадник боярин Данилов, подучил тех смердов своих брехать?

Данилов. Государь, знаешь ли, правду плотник говорит: уж в двенадцатом веке Новгород большой город был по обе стороны Волховы. То в грамотах и летописях наших писано. Вольный город отчина наша. А княжа суздальские и ярославские в Детинце сидели и исполняли волю вечную сиречь вечною, будучи лишь воеводами.

⁵ *Шильник* - мелочный плут, надувала; *сиб.* мелочный торговец; *стар.* продажный негодяй.

Иван (*гневно*). В грамотах ваших новгородских набросано много псикофантий, сиречь ложных измышлений. А ни одно не может меня зацепить да суздальскую династию нашу Калиты!

Царевич Иван. Батюшка, новгородцы оскорбили твоё достоинство, а также всего нашего суздальского корня!

Иван. Волны бьют о камни и ничего камням не сделают. Сами рассыпаются пеной и исчезают как бы на посмеяние. Так будет и с этими людьми новгородскими. Новгород - град деревян! Москва - город каменный!

Духовник Евстафий. Государь великий, все новгородские еретики жидовствующие да стригольники, сиречь несогласные. Ежели царь и великий князь не казнят этих людей, то как же нам свести срам со своей земли?

Малюта (*негромко*). Государь, тут посад буйствует аки при шведском короле Эрике, который с дворянством заодно против законной власти был и короля сверг.

Царевич Иван. Тот посад на пики взять, батюшка!

Василий Грязной. Позволь почать, государь!

Иван. Все ко времени, милые мои! Посадник, позволь мне, как предкам моим Ярославичам позволяли, на новгородском вече речь сказать. Дозволяешь?

Царевич Иван. Батюшка, как же просишь у них, подвластных?

Иван. То, мальчик, будет речь московско-суздальского воеводы Парфения Уродивого. (*Смеется*). Дозволяешь, посадник Данилов?

Данилов (*растерянно*). Говори, государь.

Иван (*звонит в колокол*). Новгородцы! По пословице: "один строит, другой разоряет", приехал я, воевода, в отчину мою. Хочу каменный город делать. Чтоб стоял крепко против внешнего врага: Литвы с поляками, немцев да прочих. Деревянные стены по земляному валу хоть и ограждены рвом от врага - не спасут. Так же и улицы города беспорядочны, все к Детинцу и замощены криво, сиречь грубо.

Плотник. Мы камня не хотим. Дерево здоровей, сырости меньше. А замощены те улицы добро деревянными плахами поперек дороги на продольных подстилающих лыжнях.

Грязной. Устыдись, пес, против государя говорить!

Плотник. Здесь вече, каждый свое слово речет.

Иван. Посадник Боярин Данилов, у тебя в Новгороде царят всевозможные непорядки! Самый большой - непослушание и буйство меньших людей. Бояре в Новгороде меньшими людьми наряжаться не могут, а меньшие их не слушают. А люди-сквернословы плохи и пьют много и лихо. Только их Бог блюдет за их глупость. Поэтому я, Помазник Божий, приехал сюда блюсти, поскольку вы, бояре, не можете то. (*Звонит в колокол, с пафосом*). Отчина моя, Великий Новгород, люди новгородские, исправьтесь! Не вступайтесь в мои земли и воды. Держите имя мое честно и грозно. Посылайте ко мне бить челом, а я буду жаловати свою отчину по старинке. Не отступайся, моя отчина, от православия, изгоните новгородцы, из сердца лихую мысль, не приставайте к латинству и бейте мне челом. Я вас буду жаловати по старине.

Данилов. Господин великий князь Иван Васильич Всея Руси! Помилуй, Господа ради, виновных перед тобой людей Великого Новгорода, своей отчины! Покажи, господин, свое жалование! Уйми огонь и меч! Не нарушай старины земли сей! Дай видеть свет безответным своим! Помилуй, смилуйся, как Бог тебе на сердце положит! (*Кланяется царю*).

Иван. Где владыка новгородский архиепископ Пимен?

Данилов. Занемог владыка.

Иван. Занемог? А я уж повелел уготовить кадило и фимиам вложить, и целовати руку, а тут и всем мир и прощенье дать, и перекреститься трижды, обвив четки около руки своей... (*Внезапно толкает посадника ногой, тот падает. Кричит*). Вы лжецы! Изменники новгородские. Знаю и весь ваш заговор новгородский. Волынец, кто главный заговорщик?

Волынец. Главный заговорщик - вон посадник боярин Василий Дмитриевич Данилов да два немчина: Максим Литвин и Роп - немчины, пушкари беглые, Мишки. Слуги посадника, - он их в Литву с секретом послал с изменной грамотой. Также гости - гости торговые Федор и Алексей Дмитриевичи Сырковы, да прочие. Вот список. (*Подает список*).

Иван. Малюта, возьми список для сысканого дела. (*Звонит в колокол*). Починаем новгородское изменное дело!

Грязной. Государь великий, по твоему царскому повелению опричные дети боярские тотчас окружили город, чтоб никто не мог убежать из него. Схватили духовных из новгородских и окрестных монастырей и церквей. Пятьсот старцев. Так же и с белым духовенством.

Иван (*гневно*). Заковать в железо и в Городище поставить на правеж. Всякий день бить их на правеже, требуя по двадцать новгородских рублей с каждого на выкуп. Та же участь для торговых людей. Дворянам и детям боярским опричным созвать в Детинце знатнейших жителей и торговцев, а также приказных людей. Заковать и отдать приставам под стражу, и дома их и имущество опечатать. Имущество отдать в государеву казну. (*Звонит в колокол*). Сей вечевой колокол - знак вашей городской свободы. Так ли?

Дьяк Долматов. Так, государь. Однако волен ты, государь, над нами и над нашим колоколом.

Иван. Езжай, дьяк Долматов, в Псков. Вели, чтоб псковичи мне свои колокола сюда в Новгород отправили.

Дьяк Долматов. Исполню, государь милостивый.

Шут (*звонит в колокол*). Народ новгородский, слава тебе Господи, было да сплыло. Не о чем думати. Не спи, не стони, да оборону от клопов держи. (*Смеется*).

Иван (*тоже смеется с опричниками*). Речь моего шута - то последняя новгородская вечевая речь. Дед мой великий князь Иван Третий, тот канбан, сиречь колокол, снял. Они, изменники, вновь приладили. Более не будет. Вечьему колоколу в отчине нашей Новгороде не быти! Посаднику не быти! А государство все нам держати.

Опричники срывают колокол, набрасываются на посадника и иных новгородцев.

Занавес

Сцена 3

Новгород. Городище. Толпа игуменов, попов и монахов в оковах окружена опричниками. Холодно. Падают снег. Входит царь Иван, царевич Иван Иванович, духовник Евстафий.

Иван. Грязной, что делается?

Грязной. Государь великий, правеж делаем по твоему царскому повелению игуменам, попам и монахам новгородским.

Духовник Евстафий. Неразумные! Многие бесы в себе принесшие! Ежели не перестанете, от такого начинания погубите и тела и души свои.

Иван. Духовные новгородские! Христос бо мне, Царю, повелел, Помазнику Божьему, соблюдать русскую землю от бесов и злых человеков. Со скорбьюзираю на вас, обликом духовных, а нутром бесовских! Каетесь ли?

Монах. Государь милостивый, Божий гнев русскую землю постиг за грехи наши!

Царевич Иван Иванович. Они, подстрекаемые бесом, вопили: “Господин Великий Новгород!” Желали Новгород над Москвой поставить и бесстыдное дело сотворити, ибо Москва место Божие. Бог подал помощь в том месте граду быти - центру русскому.

Царь Иван. Истину говоришь, мальчик! Предок наш, великий князь суздальский Долгорукий, воздел руки к небу, вздохнувши из глубины сердца, со слезами рече: “Боже Вседержитель! Творец всему и Создатель! Прослави, Господь, место сие и устрой город на месте сием! И вознагради святые церкви!” Так повелел и град основал около тех красных сел на Москве-реке. Сей же град на Волхове - вотчина наша. А церкви здешние - митрополия наша. По Божьему благословиению приде из Киева-града к Москве Преосвященной Петр митрополит и благословил князя, и нарече его великим князем московским и Всея Руси. И пророчествовал Петр митрополит о сем граде Москве. Якобы по Божьему повелению будет град сей царствующий, вельми распространится, и устроится в нем дом всемогущий и живоначальная Святая Троица, и Пречистая Мать и Пресвятая Богородица, и церковей Божьих во множестве, и монастырей святых бесчисленно много множеств. Милые мои, люблю Русь Святую и особо же за церкви и монастыри! И тут, в вотчине моей, Новгороде, всякий раз бываю, в первочеред по церквам и монастырям езжу. (*К одному из Духовных*). Ты, чернец, какого монастыря?

Духовный. Нередицкого монастыря, государь милостивый.

Иван. Стенопись там хороша. Роспись алтаря в церкви Спаса-на-Нередице. Помнишь ли, мальчик, Нередицкого Деисуса?

Царевич Иван. Там, батюшка, в Деисусе, вместо Богоматери, Святая Марфа. Деисус делается Иоанном Предтечей и Богоматерью, а в Нередице Иоанн Предтеча да Марфа. Нет ли в том подвоха новгородского?

Иван. Истинно подвох, мальчик. Так заказчица Марфа посадница велела. То против канона, однако роспись хороша. Духовные, выкликайте, кто откуда?

Второй духовный. Церковь Благовещения, Государь.

Иван. Особо хороша там икона за иконостасом: три пророка в пещере огненной.

Третий духовный. Спас-на-Ковалева.

Иван. Роспись там сделана Феофаном Греком.

Четвертый духовный. Спас-на-Ильинке.

Иван. Купольная роспись там потягаться может с купольной росписью Софии.

Пятый духовный. Богородица-на-Михальце.

Шестой духовный. Фрола и Лавра на Людгощей улице.

Седьмой духовный. Церковь Рождения Христова на кладбище.

Иван. Грубая церковь. Стены ее излишне толсты, по чертежу неверному линии кривые. Столбы церкви округлы, аки церковь Спасения на Волковом поле. Отец Евстафий, надо бы с митрополитом Кириллом поговорить, чтобы те церкви снести и заново сделать.

Евстафий. Исполню, государь.

Иван. Особо роспись мне не по душе. Се фрески Рождества излишне земны и грубы, не то, что роспись Спаса-на-Ильинке Феофана Грека. На соборе про росписи мыслить надобно, а не так - каждый как хочет. Да про перестройки ветхих и негодных церквей. В Москве кости мертвых при перестройке церкви свезены в Драгомилово. На месте церковной ограды, служившей для погребения, сад. (*Сердито*). То беда земская и нечестие государское: кости мертвых вынесены, а тела остались на прежнем месте, рассыпавшись в прах. И на них сад посажен. А Моисей во Второзаконии не велел садить садов и деревьев подле требника Господа Бога! Гробокопателям каковы казни написаны? А ведь это от того, что будет Воскресение мертвых! Не велено мертвых с места двигать, опричь великих Святых, коих Бог чудесами прославил. Где столько лет стояли Божьи церкви, где стоял престол и жертвенник, - эти места не огорожены, собаки ходят по ним и всякий скот! Обсудить то все с митрополитом.

Евстафий. Обсудим, государь.

Иван. Называйте далее, духовные, с какой церкви.

Восьмой духовный. Церковь Воскресения на Мячине.

Иван. Про сию церковь особый разговор. Церковь Уверения Фомы на озере Мячине - предтеча Спаса-на-Нередице. Она мне по душе. А Воскресения на Мячине делалась по особому замыслу новгородской вольницы. И в росписях повесть о бывшей победе новгородцев над суздальцами. Они о прошлом своем пишут несправедливо. (*Гневно*). Церковь также снести! Отныне строить будут лишь по московскому образцу, московскому облику церкви Никиты на Московской улице - церковь шестистенную. (*Нервно ходит*). Нет более новгородских церквей! Есть общерусские! Так и новгородские Грановитые Палаты сделаны против Москвы. Тако же обстройка владычина Двора и новгородского Детинца. Посадник на берегу ручья церковь Федора Стратилата поставил. Федоровская церковь с большими палатами на каменных сводах.

Царевич Иван. Они, батюшка, храмы да иные дома на латинский манер делают, желают к латинам податься.

Иван. Истинно, мальчик. Новгородские палаты немцы делали, немцы из Заморья да новгородские мастера. Палаты каменные, при новгородской самостоятельности там заседал Боярский Совет со своим Владыкой. Нашу Московскую Грановитую Палату фрязин строил. В ней дух светлый, тут дух темный, готический. Тут дух еретичный. Знаю, есть среди новгородских попов и монахов мудрствующие по-жидовски, отвергающие Святую Троицу и Божественного Иисуса Христа. Тот дух, а также измену истребим. (*Гневно, дико кричит*). Тот пес еретичный изменой, тою дорогою поганю дойдет до меня, а далее не пойдет! И умре на поле будет!

Грязной. Что велишь, государь великий?

Иван. Указываю. Игуменов, попов, чернецов и дьяконов, и старцев, которые тут собрались из разных монастырей и поставлены на правеж, избить палицами. Когда будут перебиты, я, государь, повелю каждого из них в свой монастырь развезти и погresti.

Грязной. Что велишь, государь великий! Повелением царя перебиты дубинами до смерти всех игуменов и монахов, стоящих на правеже, и развезти тела их на погребение, каждого в свой монастырь.

Опричники. Любо, любо! *(Начинают избивать дубинами духовных. Крики и плач).*

Иван *(дико вопит).* Бей их! Сих злых блудников и наложников плотских скверн, канальных! Похотных! Угодных для дел бесовских, связанных сатанинским законом! *(Дико хохочет).*

Царевич Иван. Батюшка, и я их, злыязычников, побую. *(Хватает дубину и тоже бьет).*

Иван. С той поры, как предки мои Ярославичи потеряли в Новгороде власть на Детинце, то они, князя, потеряли и свой храм. София перестала быть княжеской, перешла в руки посадника и новгородского архиерея. Так уж боле не надобно попускать! Дай знать архиепископу Пимену, что приедем в воскресенье к Святой Софии к обедне. *(Слышен звон колокола).* И мне пора к обедне становиться. Поеду в Хутинский монастырь в каменну церкву жен мироносиц, а вечерню в Преображенском соборе слушать буду. Люблю Преображенский собор Хутинского монастыря! Отцом моим, великим князем Василием Ивановичем построен по образцу московского Успенского собора. Царевич Иван Иванович, едешь ли со мной к обедне?

Царевич Иван. Я, батюшка, еще побую сиих малодобрых. *(Бьет).*

Иван. Хваля тебя, реку, княже, сын мой, иди вслед меня по выведению измены. Бог тебе в помощь! *(Крестится и уходит в сопровождении духовника Евстафия. Избиение продолжается).*

Занавес

Сцена 4

Новгород. Волховский мост. Звон колоколов. Множество празднично одетого народа.

Первый из народа *(умиленно).* Владыка архиепископ в белом куколе, в мантии с посохом выходит из ворот и ступает на Великий мост.

Второй из народа *(умиленно).* По давнему обычаю архиепископ Пимен со своим собором, с крестами и иконами стал у часовни Чудовского креста встречать государя.

Третий из народа. Царь идет вместе с сыном царевичем Иваном, да множество воинских людей с ним.

Первый из народа. По обычаю на встречу вышел на Волховский мост архиепископ Пимен, чтоб благословить царя.

Пимен с поднятым крестом идет к царю. Царь останавливается.

Первый из народа *(испуганно).* Царь не подошел к кресту!

Иван *(гневно Пимену).* Ты, злочестивый, в руке своей держишь не крест животворящий, но вместо креста оружие, и сим оружием хочешь уязвить царское сердце наше!

Второй из народа *(испуганно).* Что царь сказал?

Первый из народа. Владыка хотел было благословить царя, однако тот обратился к владыке с такими словами: “Ты, злочестивец, в руке держишь не крест животворящий, а вместо креста оружие”. Сказал так.

Третий из народа. Тихо, царь говорит.

Иван. Ты со своими злыми злоумышленниками пришел сюда лживо! Злоумышлением со своими злотворцами и единомышленниками града сего жителями пришел. И хотите царския нашей державы вотчину нашу, сей великий богоспасаемый Новгород предати супостатам нашим, иноплеменникам, королю литовскому Жигмонту Августу.

Первый из народа *(испуганно).* Царь яростно на нас, жителей, говорит. Отдать, говорит, хотите Великий Новгород польскому королю Жигмонту Августу!

Иван *(яростно).* И отсель впредь ты, Пимен, наречешься не пастырь и учитель и сопрестольник великой соборной апостольской церкви и премудрости Божьей Софии, но волк, и хищник, и губитель, и изменник, и царскому нашему венцу досадитель.

Второй из народа *(испуганно).* Царь владыке Пимену сказал: “Ты уж не называешься пастырем и сопрестольником Святой Софии, а называешься ты волк, хищник, губитель.”

Третий из народа. Господи милостивый, уйми ярость царскую на наш Новгород Великий! *(Крестится).*

Иван. И видя многие бесы, пришедшие на меня с оружием, хотят что меня убить, реку: еще не перестанете от такого начинания, погубите сами же себя! Я же аки человек благочестивый не пожелаю пропустить службу, хочу помолиться Богу и Пречистой Богородице, и Святому Николаю Чудотворцу. Повелеваю: служи, архиепископ, литургию в соборе, а потом со всеми полчанами⁶ отправимся в столовую палату к тебе, архиепископу, хлеба ясти. *(Проходит мимо Пимена. Вслед за ним царевич Иван, духовник Евстафий, Грязной и опричники).*

Первый из народа *(растерянно).* Не подходя к кресту, царь велел архиепископу служить обедню.

Занавес

Сцена 5

Столовая палата новгородского архиепископа. Столы уставлены едой и питьем. Входят царь, царевич, духовник, шут, Грязной и опричники.

Иван. Отслушав обедню, со своими людьми пришел я сюда на пир. Добро ли еда и питье?

Пимен *(кланяясь).* Приготовлен добрый обед для тебя, высокого гостя.

Шут. Страсть, государь, есть хочу! Студню хочу да похлебки. *(Хватает ложку и начинает есть, и тут же, поперхнувшись, кашляет, плюется и сморкается).*

Иван *(толкает шута).* Пошел прочь! Как поставлены еда и питье, тут не кашляют и не сморкаются.

Шут. Ну-с прокашлялся, государь, и просморкался.

Иван. Умолкни, шут, дай за стол усесться. *(Садится за стол).*

Пимен. Многолетия, здравия царю и государю моему, батюшке Ивану Васильевичу Всея Руси! Аминь! *Церковный хор поет: “Многолетнее здравие государю!”*

Иван *(тихо).* Малюта да Грязной, помните ли ясак, сиречь условный знак?

Малюта *(тихо).* Помним, государь. Завопишь.

Пимен. Государь Великий Иван Васильевич Всея Руси! Добре помню я слово Святого Писания: “Яко покорно слово сокрушает кости, и смиренные сердца сокрушенные Бог не унижит.” В древния лета изволением земного царя Константина от царствующего града царский венец был дан русскому царю московскому. Однак белый сей клубок мной носимый изволением небесного царя Христа дан архиепископу Великому Новгороду. Ибо ветхий Рим отпал от веры Христовой по гордости и своеволию. В Константинограде притеснением агарянским христианская вера гибнет. И лишь в Третьем Риме иже есть на русской земле воссияет Благодать Святого Духа.

Шут. *(Ест).* Государь, отдавай и ты сиих поминальных пирогов.

Иван *(сдерживая ярость).* Истинно поминальные! *(Ест, и вдруг дико вопит).*

Малюта. Опричники! Окончен пир! Царь Иван Васильевич возопил гласом великим с яростью к нам, своим людям, подавая этим знак.

Иван. Окончил ты, митрополит, свою поминальную речь. Лжешь, не Новгород - Третий Рим, Москва - Третий Рим! Москве небесным царем Христом белый клубок завещан! Утвердился белый клубок на главах святых московских митрополитов, начиная со святого Петра, не на главах архиепископов новгородских! Малюта, сиречь Григорий Лукьянович Скуратов да ты, Василий Григорьевич Грязной! Повелеваю схватить главу новгородского заговора архиепископа Пимена!

Малюта. Сделаем, государь! *(Хватает Пимена).*

Царевич Иван. Они, батюшка, желали вознестись над Москвой, выявили пронырство лукавого змия.

Иван. Истинно, мальчик. Вознестись желали силой и богатством. Доход московского митрополита три тысячи рублей, а доход новгородского епископа в десять-двенадцать тысяч. Да церковные деньги в рост дают. Давал деньги в рост?

Пимен *(тихо)* Я деньги давал в рост, чтоб священников кормить.

Иван. А монету свою велел чеканить? Пиши, Малюта, в сыском деле: “Обвинен Пимен за чеканку монет”.

Малюта. Так запишу, государь великий.

⁶ *Полчане* – воины из Государева полка, личной охраны царя и царевича.

Иван. Пиши: “За измену, чеканку монеты своей новгородской и отсылку ее вместе с иными сокровищами королям шведскому и польскому. Оттого тотчас же владычин двор со всем, что в нем есть, придать расхищению, сиречь взятию, ибо то наше русское богатство. Самого Пимена отдать приставам, стеречь, и на прокорм выдавать ежедневно из казны по две деньги”.

Пимен *(кланяется)*. Благодарю, Государь, за щедрость и великодушие.

Иван. Опричникам взять владычину казну. Тебе, дворецкий Василий Григорьевич Грязной, да тебе, духовник Евстафий, с царскими моими боярами овладеть ризницей церкви Святой Софии, а отсюда отправиться по всем монастырям и церквам забирать в пользу мою, царя, неправедно нажитое богатство - церковную казну и утварь. Тебе, Евстафий, принять казну.

Евстафий. Как быть с древними Корсунскими воротами?

Иван *(гневно)* Выломать из алтаря.

Духовник Евстафий. Совершим сие, государь. После же того совершим молебен со звоном против демонских сил.

Опричники с шумом и криками бросаются грабить.

Шут. Государь, я сейчас скоморохов кликну, чтоб архиепископ с ними поплясал-поиграл. *(Смеется)*.
Вбегают скоморохи.

Скоморох. А мы уж здесь! *(Пляшет и поет)*. Умная головушка, Иван сударь Васильевич, умнее его на роду нет. Бражки не пьет, винца в рот не берет, речь у него соколиная, следы его лебединые, без него и меда не пьется, и сахара не кушается.

Иван. Играй да пляши, Пимен, со скоморохами! Дайте ему лютню! *(Скоморохи дают лютню)*. А ты, шут, дурацку булаву. *(Шут дает дурацкую булаву)*. Тебе, Пимен, пляшучи медведей водить, а не сидеть владыкою.

Скоморох *(Пимену)*. Играй с нами, седой белоголовый! *(Поет и пляшет)*. Что во сахаре головушка лежала, против солнышка головушка сушилась. Как белый сыр на окошке, как крупичатый калач на теремке. *(Шлепает Пимена по голове)*.

Иван. Не пригодится тебе, Пимен, архиепископом быти, одно трубником и с куклами играти. Тебе там пригоже быти. И с медведями по танцам ходити. *(Смеется. Опричники смеются)*. А лучше тебе жену пояти, которую я тебе выбрал. Эй, жену архиепископу давайте. *(Опричники вводят Анницу)*. Вот новгородская гулящая женка тебе в жены. *(Смеется. Тискает Анницу. Она пьяно визжит)*. Пойдешь ли за Пимена в жены?

Анница. Как повелишь, государь.

Иван *(смеется)*. Полюби его!

Анница. Повелишь то, полюблю. Да допущу в то самое место. *(Хохочет)*.

Иван. Вот тебе, Пимен, жена! Молода забава, дочь путятишна. *(Хохочет)*. Лебедь белая! Ради твоих любовных утех... Хороша ростом и тельна, не больна невеста и не суха. *(Тискает Анницу)*. У тебя изредка ее займу. Тебе, старику, одному не управиться. *(Хохочет. Опричники смеются)*. Анница, облапь его, жениха своего!

Анница *(Пимену)*. Поди ко мне. Я тебе хотю, и ты меня хочешь. *(Хохочет, хватает Пимена)*.

Иван *(скоморохам)* Глумцы, органники, смехотворцы, гусельники, свадебную давай!

Скоморохи *(танцуют и поют)*. Растворяйте ворота, растворяйте шире рты, вы еще того пошире, вы сойдитесь поближе, поцелуйтесь помилей, вы еще того милей.

Иван. А игумену и прочим, которые с ним, я говорю: вас всех на ту свадьбу вашего архиепископа хочу позвати. Тако на ту свадьбу соизволяется всем вместе. Что нам надобно, то нам надобно. Начать с духовенства правож денег на свадьбу. *(Опричники хватают духовных)*. И страшными муками у них выпрашивать. *(Кричит)*. Страшными муками!

Пимен *(которого Анница с хохотом теревит за бороду и за волосы)*. Предан я поруганию за грехи свои, особо же, что прислуживал и гнал вкупе с иными святителя Филиппа митрополита.

Шут. Государь, разрешение на брак, вечную память архиерей дает, а ему, архиерею, я, шут, архиереем буду. Не дам вечную память.

Иван. А чего не дашь, шут?

Шут. Обручив невесту, поимел другую, белу кобылу. *(Общий хохот)*. Венчать ли его, не венчать, понеже яко прелюбодей есть.

Иван. Анница, поди ко мне. *(Анница подходит. Царь обнимает ее)*. Эта тебе не по духу. Привести белу кобылу. Сядь же на нее и поедь к Москве. И там приехав, в трубники, в гусельники и в медведники,

которые плясуны медведя водят ватагу, в той же список запишешься. Васютка Грязной, привести кобылу!

Грязной. Сделаем, государь! *(Уходит).*

Иван. Как на коня сядет в худом платье, ноги ему под чрево подвязати, подать лиру, свирель, трубу, домру, что выберет. Я добрый. *(Смеется).* Вот твоего ремесла приправы! Пригоже тебе в домру играти, нежели на месте архиепископа быти. И ты ныне на тех приправах играй, учи, и к товарищам своим домерникам в Москву поедь.

Шут *(поет).* На Новый год осиновый гроб, кол да могила, ободрана кобыла.

Иван *(Пимену).* Играй!

Пимен *(плачет).* Достоинства своего ограблен и несказанною срамотою обесчещен.

Малюта *(хватает Пимена за бороду и трясет его).* Играй, изменник, поскольку царь велит!

Пимен. Хотя не умею играти, а чему я, бедный, отродясь не учивал, а велено, то сыграю. *(Дудит в поданную ему скоморохом свирель. Иван и опричники смеются).*

Иван. То ты верно, на свирели не можешь.

Грязной *(подходит).* Кобыла приведена, государь.

Иван. Архиепископа после ареста посадить на белу кобылу, дать ему в одну руку русскую лютню, а в другую дурацкую булаву.

Грязной. Сделаем, государь!

Иван. И он через весь посад на кобыле сидя подвязанный пусть едет.

Грязной. Сделаем! *(Пимена уводят).*

Иван *(Аннице).* Жених тебе неприязнь оказал, не принял, то ко мне приходи. *(Тискает ее. Она визжит и хохочет).*

Анница. Не чиста я теперь, государь, регулы у меня, я и в церковь не хожу, и скоромного не ем, пока не очищусь. И на исповедь не хожу к духовнику.

Иван. На исповедь к духовнику ходить можно. Так ли, отец Евстафий?

Евстафий. Можно, государь. Только запрет греховной женской природе ходить в алтарь, чтоб не осквернять.

Иван. Пимена водить повсеместно, окруженного скоморохами, играющими на своих инструментах. После Москвы отправить в Венев монастырь в заточение. Пусть живет там под вечным страхом смерти. Так очистим русскую землю от измены.

Царевич Иван. Батюшка, изменный народ надобно на копыа сажать!

Иван. Правду говоришь, мальчик. Однако прежде прочего крепкою верою против измены стояти. Вон фряги какую крепость держат на своей вере. Сказывал мне цесарский посол испанского короля, как он свою землю очистил...

Скоморох *(поет).* Умная головушка Иван сударь Васильич. Он и раньше воевал городами, а сейчас он воюет головами.

Скоморох играет и поет.

Иван. Истинно, отец мой духовный Евстафий... Головами, батюшка, играемся...

Малюта. Государь милостивый, где сыскное дело, сиречь правез, продолжим?

Иван. Покончив с духовными, удалюсь в городище. Приказываю привести ко мне в городище тех новгородцев, которые до моего прибытия взяты под стражу. *(Уходит).*

Занавес

Сцена 6

Городище. Пыточный двор. За столом царь Иван, царевич Иван Иванович. Горит костер. Слышны крики и стоны. Посадник Василий Дмитриевич Данилов и еще несколько человек висят на дыбе.

Малюта. Государь великий, по твоему велению привлечены к дознанию на городище архиепископские бояре и многие из новгородских людей, служилые детей боярских. Все то владычные бояре новгородские, дети боярские, выборные городские и приказные люди и знатнейшие торговцы.

Иван. Кто главные заговорщики новгородские, дознались ли?

Грязной. Главные заговорщики: посадник боярин Василий Дмитриевич Данилов, тысячник шелонской пятины Андрей Васильевич Тулубов с семьей, владычин дворецкий Неудача Цыпляев с другими

родичами, торговые гости Федор и Алексей Дмитриевич Сырковы: хотели Великий Новгород передать иноплеменникам, королю польскому.

Малюта. Также в сыском деле Василья Димитрова Данилова узнать тебе надобно, милостивый государь, о пушкарях о беглых, о Мишках. Два немчина литвина, те слуги Даниловы, бежали на родину, но были пойманы и под пытками сказали: “Бежали мы с ведома хозяина”. Так ли? (*Бьет висящих на дыбе пушкарей*).

Пушкарь (*сквозь стоны*). Так...

Второй пушкарь. С ведома...

Иван. Повинился ли Данилов в измене в пользу польского короля?

Малюта. Вздернутый на дыбу, повинился. Так ли, Данилов?

Данилов (*со стоном*). Винюся: измена в пользу польского короля...

Иван. Змей! И перед лицом нелицемерного судьи Христа милость себе сотворишь ли?

Царевич Иван (*злобно*). Пытать его, чтоб издох! Батюшка, Божей помощью убиен да будет лукавый сей змий да прочие известные люди.

Иван. Как против иных известных сыск ведется?

Грязной. У людей известных опечатаны дома и поставлены стрельцы.

Иван. Пытками выбивать, где спрятаны деньги и церковная казна. (*Кричит*). Разрывать их и терзать муками неисповедимыми, аки в адских котлах, коих они достойны! А чего не жгете мукой огненной, именуемой пожар? Составленной мной самим мудростью огненной?

Грязной. Государь милостивый, мы, опричные судьи, жгем. В Торжке сожжен Невзор Лягин, в Клине каменщик Иона, а наемни особо множество псковичей с женами и детьми, ста и два десятками человек.

Иван. И тут, в Новгороде, жечь. Подвешивать за руки и поджигать у них на челе пламя. То пламя - мечь, часть огня адского, некая собственная мука огненная тут на земле мной придумана.

Опричники зажигают огонь на голове у нескольких узников. Те вопят. Иван дико смеется.

Царевич Иван (*тоже смеется*). Так в аду грешники страдают.

Иван. Мальчик, тот адский огонь разгонит бесов аки дым исчезающий. А сделан он мной, как ты ведаешь, по ученой мудрости, именуемой Химос. В сосуд из красной меди наливают уксус да томят сосуд в навозной куче, да добавляют вино горячее, да готовят в пушечных избах пороховой состав. Посадника, церковных да прочих именитых граждан жечь. Пусть знают суд Божий. Сей суд на Городище - главное деяние новгородского похода.

Царевич Иван. Батюшка, грамоты новгородские да прочие бумаги, что ты велел взять, вот они. Я особо важные принес.

Иван. Читай, мальчик.

Царевич Иван (*читает*). Грамота утверждения новгородского посадника и тысяцких, и всех новгородских посадских людей меж себя, что им к московским великим князьям ни о чем бити челом не посылати. А писано в тысяча пятьсот шестьдесят девятом году от Рождества Христова. А у ней еще сорок шесть печатей свинцовых. А у ней две печати да рука митрополита бывшего Филиппа.

Иван. Неприязливые новгородские прелестники, к измене пришедшие, да бывший митрополит Филипп с ними. Взятые ли давние грамоты от предков? Для нынешнего изменного дела и давние измены предков присовокупить.

Царевич Иван. Взятые, батюшка. В меху холщевом списки сводные прежних великих государей и князей. Грамота великого князя Витовта в Великий Новгород к новгородскому посаднику и к тысяцкому и ко всему новгородскому народу: просит, чтобы присылали к нему людей. Писано июня второго, второй день, а в котором году, того не написано. Грамота ветха и изодрана, печать отпала. Тут же с нее список снятый. Иная грамота докончальная литовского великого князя Свидригайла с новгородским владыкой Ефимием и с посадником. Писано на харатье⁷, вся потлела и изодралась. Печать у ней на красном воску. Грамота Казимира, короля польского с великим князем Александром Тверским.

Иван. Тверские измены нам ныне не потребны. Все по новгородской измене подбирать дела.

Царевич Иван. Тут, батюшка, в связке среди всякой мелочи и розни ненадобной ветхой написанное нашел по предка нашего великого князя Ивана Калиту.

⁷ Харатья - от хартия, стар. папирус, пергамент, все, на чем встарь писали, и самая рукопись.

Иван. Да, то имущество нужно. Читай.

Царевич Иван. Указано, батюшка, в синодальном списке новгородской первой летописи под тысяча триста тридцать вторым годом от Рождества Христова. Здесь читается: “Иван Калита, приде из Орды и взверже гнев на Новгород, просил у них серебра закамского, и в том взят Торжок и Бежецкий Верх через крестное целование”.

Иван (гневно). Они, новгородцы, написали в исступлении ума, идущи по пути измены. Преславного предка моего великого князя московского Ивана Калиту новгородский летописец обвинил в нарушении крестного целования, что взял у них Торжок и Бежецкий Верх. То выскоблить «через крестное целование». По выскобленному написать слова: “За новгородскую измену”. Самих новгородцев обвинить в измене, выскоблив обвинение против Калиты. После новгородского похода много и в нашем лицевом своде, царственной книге, надобно будет переделать, ибо иные герои, которые вписаны, оказались изменниками. Про то говорить буду с главным дьяком посольского приказа Иваном Михайловичем Висковатым. И ты, мальчик, с ним переделывать будешь. По новгородскому делу особо.

Царевич Иван. Батюшка, в новгородском синодальном списке первые пятнадцать тетрадей, где новгородские предания, писано о начале Новгорода и русского государства, что началось оно от Новгорода. Также и ярославские грамоты про новгородскую независимость и вольность.

Иван. Те пятнадцать тетрадей оторвать. Дай-ка. *(Царевич подает список. Царь открывает тетрадь).* Малюта, спали сии изменные словеса, аще смрадно глаголют с неприязливым духом своим, отчего им смерть должна быть заодно с изменниками.

Малюта (берет тетрадь, бросает в огонь). Государь великий, изменники уж умерли на дыбе от огненной мудрости - посадник Данилов да торговые люди Сырковы, да Мишки-пушкари, да прочие.

Иван. Объяви повсеместно, что посадник новгородский Василий Дмитриевич Данилов казнен за измену во время суда на Городище под Новгородом, а с ним и иные.

Малюта. Государь, полученные на пыточном дворе материалы обличают многих высоких лиц в Москве.

Иван. Кого?

Малюта. Боярина Алексея Басманова с сыном Федором.

Иван. Измена в ближних опричных пределах! Алексей Басманов, супротивник с неких пор, уж несправим. Он был супротив похода на Новгород, оттого не допущен к походу.

Малюта. Дознался, царь, я также про тайное сношение Афанасия Вяземского с Пименом.

Иван. Лукавый! В Вяземского я прежде верил. *(Гневно).* Новгородский змий, трепещи и мертв, кропит Русь изменной кровью своей. И в Москве сии струпья и язвы изменные. Уж ближние мои опричники изменили.

Малюта. Милостивый государь, мы те язвы и струпья исцелим.

Грязной. Государь, от многих врачей тебе преданных исцеление будет. Не от единого получишь. От митрополита Кирилла только что пришло сообщение.

Иван. Я уведомил митрополита Кирилла об измене новгородского архиепископа. Что пишет митрополит?

Грязной. Московский митрополит и иные епископы русские публично осудили новгородских изменников. Они отправили сообщение тебе, царю, что приговорили на Соборе новгородского архиепископа Пимена, против государства грамоты писавшего, за его бесчестие - священно не действовать более, а сана лишить. *(Подает бумагу).*

Иван (берет бумагу, читает). То уж переусердствовали. Что православная церковь со мной против измены стоит - радостно. Однако отпиши им: я, царь, предлагаю не лишать Пимена архиепископского сана до подлинного сыску и до соборного уложения. Все надобно делать по закону, чтоб не уподобиться врагам нашим, изменникам. Помни сие, мальчик, когда взойдешь на высокое место, возьмешь одеяние мое и жезл, и меч мой.

Царевич Иван. Батюшка, не поместишь ли меня в Новгороде наместником? Знаешь ведь, у меня особая тяга к Новгороду.

Иван (недовольно). Рано тебе еще, мальчик.

Царевич Иван. Отчего же рано, батюшка? Я уж давно преступил порог совершеннолетия.

Иван (*сердито*). Рано тебе на царствие на Новгороде Великом. Знаю я через лазутчиков, что худородные дядья твои Романовы, они же прежде Захарьины, они же Яковля подбивают тебя к скорому царствованию вместо меня, отца твоего. Да говорил ты им, что тяготит тебя опека моя.

Царевич Иван. Такого не было, батюшка.

Иван (*сердито*). Было! Не хочу распри в семье начинать, особо во времена изменные. Набирайся, мальчик, разума многомысленного, мудрого понятия, чтоб достойно сменить меня, когда придет время, и чтоб не смеялись над нами, православными христианами, враги.

Царевич Иван. То делаю, батюшка, с усердием.

Иван. Пишешь ли, мальчик, житие святого князя Дмитрия Прилуцкого согласно задуманному?

Царевич Иван. Мыслю писати, батюшка. Однако смотрел списки святых, то нового чудотворца ярославского обнаружил.

Иван. Кто такой?

Царевич Иван. Иоанн Агафонович Суций. Не про него ли прежде писать, батюшка? Про него никем не писано.

Иван. Не слыхивал я про такого чудотворца. Покажи, где вычитал.

Царевич Иван. Вот, батюшка. (*Достает бумагу. Читает*). А после того в том же граде Ярославле явился новый чудотворец Иоанн Агафонович Суций, созиратай ярославской земли. Чудес сотворил множество, не можно исписати и исчести. Понеже бо во плоти Суций цъяшос. Последнее слово я, батюшка, не пойму.

Иван. Дай-ко. (*Берет бумагу. Читает*). Последнее слово – цъяшос - писано тайнописью. Мне та тайнопись ведома, именуема простая литорея, а читать, мальчик, суций с малой литеры. Иоанн Агафонович суций созиратай ярославской земли. Сиречь, тут помысли - разоритель. Цъяшос же тайнописью означает дьявол. Тут в насмешку он назван чудотворцем. Вот, Иван, сын, какого чудотворца ты хотел записать в списки русских святых! В святые ты дьявола записать хотел!

Царевич Иван. Ах, батюшка, досадно же как!

Иван. Пусть сие тебе будет уроком.

Царевич Иван. Оный запомню сей урок твой, батюшка.

Иван. Так по всей Руси нашей демоны норовят надеть святые хари. А по стране видать много множеств. Темные силы демонов видением черны и сини, и изуверы, и страшны, а скопище их - сей Новгород. На софийской стороне, на торговой стороне, повсюду измены. Среди духовных, среди торговых, да среди посада. Суд над главными новгородскими заговорщиками в моем царском лагере на Городище окончен. Почитаю - за иных браться. Сколько в твоём, малютином, списке?

Малюта. Государь великий, двести дворян, триста домочадцев, сорок пять дьяков и приказных, и столько же их родичей. Однако новых еще пишем.

Иван. Дело надобно делать по ряду, сиречь по порядку. Зашибить сначала всех семейных подячих с женами и детьми, а затем холостых подячих. Приказных новгородских писать отдельно: новгородские подячие неженатые.

Малюта. Сделаем, как велишь, государь.

Иван. По окончанию того я, государь, со своими воинскими людьми стану ездить по монастырям. Считаю вину черного духовенства доказанной, решил я посетить главнейшие из монастырей в окрестностях города не ради лишь богомолья, а чтоб присутствовать при изъятии казны.

Малюта. Та казна монастырская заблаговременно нами, опричниками твоими, опечатана. У двадцати семи монастырей казна опечатана.

Иван. Над монастырями второму суду быти. Кожный день я, царь, буду подниматься и переезжать в иной монастырь. А почнем с Антониева.

Грязной. Любо, любо, государь! Уж дадим простор своему озорству. (*Смеется*).

Иван. И потом третьему суду быти над городским посадом. После суда на Городище и над монастырями нападём на город, особо на торг городской. В Швеции посад Стокгольмский заодно с вельможами короля Эрика сверг. Я же размышляю себе: благодарю и хвалю Бога моего, что я по нему судил. А кабы я не по нему судил, то и меня бы заговорщики новгородские заодно с московскими свергли на погибель.

Малюта. Радуйся, государь, ибо дана тебе от Бога сила убивать свирепого змея, сиречь измену.

Иван. Радуюсь, хвалю Бога. Аминь! (*Крестится и уходит в сопровождении царевича*).

Занавес

Сцена 7

Новгородский Антониев монастырь. Царь с царевичем и опричниками слушают обедню. Поет хор. Царь и царевич неистово молятся, подпевая хору.

Иван (тихо). Люблю, грешный, церковное пение. (Подпевает.) Всякий раз, как слушаю обедню, то сожалею, что конец уж. (Крестится.)

Царевич Иван. И я, батюшка, страсть как пение люблю. (Крестится.) Однако, обедня уж к концу.

Малюта. Государь, настоятель со старцами к нам идут, депутация. Допустить ли?

Иван. Допусти.

Настоятель (подходит и кланяется). Государь милостивый со царевичем, ради Бога окажи нам милость и прими в память посещения Антониева монастыря нашего сей резной стативый образок Троицы. Также царевич, прими стативый амулет - нательный крестик святой.

Иван. Добро. Так быти. (берет образок.)

Царевич Иван (берет крестик и целует его). Батюшка, что за камень сей - статит?

Иван. На Руси того камня нет, статита. Зарубежный камень. Из Литвы возишь, настоятель? Не в том ли прельщение?

Настоятель. Государь милостивый, издавно статит в Новгород везли, да не из Литвы, из Византии еще.

Иван (сердито). Тому, чернец, меня не учи! Знаю, что множество византийских статуй да образов из статита. Видно, богату казну имеешь, что везешь иноземный камень на образа. Тяжко представить, чтоб статит везли в бедные монастыри, и затерянные на севере али на северо-западе. В тех монастырях вера истинна, да никто не придает заветов чудотворца, подобно Иуде, серебра ради али страстолюбия ради.

Настоятель. Государь милостивый, и мы истинной молитвой живем.

Иван. Вижу, как молитесь. Что за икона? (Указывает на висящую на стене икону.) Кому икона?

Настоятель. Государь милостивый, то давняя икона "Молящиеся новгородцы".

Иван. Сними да подай. (Старец снимает икону и подает ему.) Когда писано?

Настоятель. В тысяча четьреста шестьдесят седьмом году от Рождества Христова писано.

Иван. В дерзкое время антимосковского противоборства. Пред тем, как дед мой великий князь Иван Третий на врагов новгородских приде, предводительствуемый владычицей, и возвратился в страну свою со славной победой, одержанной с помощью Богоматери против ереси.

Настоятель. То икона истинно православная: наверху Троица, внизу святые.

Иван. Которые святые? Вижу - Сергей и Никола. Они почитаемы повсеместно. А сии двое кто?

Настоятель. То, государь милостивый, новгородские святые Власий и Акакий.

Иван. Знаешь ли ты, мальчик, таких святых?

Царевич Иван. Нет, батюшка.

Иван. Власий - здешний новгородский святой. Он на Москве да иной Руси непочитаемый. А Акакий не стригольник ли, сиречь несогласный? Стригольника на икону поместили да в сочетании с Троицей и святыми Сергеем и Николой. То, сын, что говорил я тебе, и есть цяшос.

Настоятель (испуганно). Государь милостивый, не осуди!

Иван (гневно). Молчи! В святые дьявола записал рядом с Троицей, и догмат Троицы тем порушен вами, новгородскими ересеучителями да лихоимцами. Они соблазнами погубить нас хотели да предать виноградник наш, сиречь отечество, иноземцам, деньгами своими пользуясь как оружием против Бога по-дьявольски. Потому настоятеля и старца сечь. (Опричники хватают настоятеля и старца и секут.) Бить с утра до вечера по пяткам палками, требуя с них особую мзду. (Опричники бьют настоятеля и старца. Те кричат и плачут.)

Царевич Иван. Батюшка, отчего новгородцы против единства Руси?

Иван. Зело полезно знать тебе, мальчик. Дед мой, а твой прадед, благочестивый великий князь Иван Васильевич московский, взял и покорил себе Великий Новгород. Новгородские же люди не хотели его над собой имети и великим князем звати, тем руша единство Руси. Изначало же едино

царство и едино государство было, едина держава русская - и поляне, и древляне, и новгородцы, и полочане, и волыняне, и подолии - единая Русь единому великому князю служила и повиновалась и давала дани. Они же, неразумные новгородцы, привели себе от прусские земли, от варягов князя и самодержца, и землю ему свою предали, да владеет ими яко же хощет. И в те горькие батыевы времена избежали они ига рабского работного, видя в державе русской нестроение и мятеж, среди правителей русских несогласные и вражду, отошли они и отделились от русского царства. Оттого остались новгородцы Батыем незавоеваны и непленены. Не дошел бо он ста верст до Новгорода и с заступлением Божьей Матери обратился вспять, и того ради они ни скорби, ни бед не испытали. Тем же и возгордились, и возомнили себя яко сильны и богаты, не ведая яко Господь богатит и смиряет, и возвышает, и гордых наказывает, и смиренных милует. (Гневно.) Они же проклятые, забыв своих великих князей русских, пренебрегли ими, наносили им обиды и ни во что их не ставили, и воевати с ними почали, мало и худо помогая великому князю: платили ему дань серебром, живя по своей воле, сами собой властвуя и управляя, никому не покоряясь и больше надеясь на свое богатство, а не на Бога.

Царевич Иван. Истинно они прокляты, батюшка. Пусть Бог сокрушит их, и Пречистая его Богоматерь, и предаст их в рабство и разграбление как некогда иереев израильских.

Иван. Истинно, мальчик! И не вспомнили они апостола, говорящего: “Братья, Бога бойтесь, а князя почитайте, всегда творя для него добро в страхе господнем, ибо он, государь, Божий слуга и отомститель, злему воздающий злом, а доброму - благом. Не втуне, сиречь не напрасно, бо меч носит в руках, но против тех, кто противится”.

Грязной. Государь милостивый, люди твои и опричные дети боярские спрашивают, можно ли поозоровать, по кельям пограбить? (Смеется.)

Иван. Делайте! Деньги забирайте, кельи изменников разоряйте, снимайте колоколы, громите монастырское хозяйство. Приказываю! Перед глазами моими истребляйте огнем хлеб в скирдах и в зерне, секите скотину, рубите лошадей, коров и всякий скот. (Дико кричит.) Перебить все живое в монастыре!

Грязной. Любо, любо! (Опричники бросаются бить и грабить.)

Иван. Так повсюду будет, где измена. Хоть по виду, подобию, по обличию христиане, но не захотели служить чудотворному своему христианскому государю, а захотели иметь своими правителями литовского короля, державшего латынскую веру. Бог призвал меня и послал наказать их, как послал римского царя Тита Веспасианова сына разорять град Иерусалима и рассеять жидов за беззаконие их по всей вселенной. Так покорила Бог мне крепких и жестокосердных новгородских людей. Расправившись таким образом с иноческими обитателями, я, царь, почну прогулку по мирскому жительству Новгорода.

Царевич Иван. И я их бить буду, батюшка, на копы сажать.

Иван. Бери копы, мальчик! Они осуждены горькой смертью умерети, не умевши жить в воле своей, и возгордились в великой власти над своим самодержцем. (Кричит.) Бейте их, секите! (Крики, шум погрома.)

Занавес

Сцена 8

Новгородский торг. Тесно стоит множество лавок. Толпится продающий и покупающий народ. Слышны крики торговцев.

Первый торговец. Белорыбница, бела и красна семга, лец, шерешпер, голавль, сельдь переяславская, треска, лососина, сиги, осетры, снетки! Рыба свежая, соленая, сушеная, вяленая, вареная! Китовое сало, ворвань, белое сало! За бочку щучины полтина московская!

Второй торговец. Мясо тушами, стягами, полтями! Говядина, свинина, баранина, зайцы, гуси, утки, тетерева, куры! Солено мясо и сало в розницу и бочками!

Третий торговец. Масло коровье ведрами, кринками, пудами, блюдами, ставцами! Масло вологодское, молоко, творог, сыры, яйца куриные, гусиные, утиные, тетереви!

Четвертый торговец. Меха, горностаи, бобры, лисицы, белки, зайцы, медведи, волки, кошки!

Пятый торговец. Мед натуральный и переработанный, мед простой, патока, сытный, пресный, фруктовый и ягодный! Восковой сырец, воск на свечи!

Шестой торговец. Армяки, колпаки, сарафаны, телогреи, однорядки, рубашки, шелки тафтяные, бархатные, атласные, камчатные, кафтаны сермяжные, терличные, чупрунные⁸, пуговицы, гайтаны, завязки!

Седьмой торговец. Дубленые кожи вологодские по двадцать алтын! Красные, черные, персидские кожи сафьянные! Сыромятные кожи! Мягкие сапоги, поршни, опорки, лапти из лыка или бересты!

Восьмой торговец. Можайские сукна, сермяжные сукна из Ржева, вологодские сукна, троицкие сукна для одежды монахов, сукна для ряс, мантий, шапок, клобуков, поясков, некрашенный деревенский холст.

Девятый торговец. Московские сосуды из обожженной глины, красного, белого, серого, черного лужения посуда! Новгородская посуда черного лужения! Кувшины, сковородки, горшки, миски для еды, миски для варки, плошки для светильников, кубышки глиняные, бутылки, рукомойники, большие лохани, фляги, лампадки, мореная керамика нелощеная!

Десятый торговец. Надгробья Псковско-Печерского монастыря, плиты из светложгущихся глин!

Первый торговец. Гвозди сапожные вологодские, тверские иголки, углицкие свечники, шандалы, топоры вологодские, углицкие топоры, костромские безмены!

Купец Коробов. Песцы белы на мурманском берегу пол-ефимки. Отвези во французскую землю, заговаривают по тысяче. Бочка семги три-четыре рубли, а во французскую землю отвези - возьмешь много более.

Второй купец. Во французскую землю везти надобно тысячу бочек да бочки сала, а песцы и соболи в Перми лучше купите. Жителя Перми и Печеры платят за железный топор столько соболей, сколько купец может продеть в отверстие топора, куда влагают топориче.

Третий купец. Повезешь ли? Знаешь ли, государь князь московский на нас по лжесвидетельству ярость имеет. Так на правож многих поставил именитых и духовных, и посадника боярина Данилова казнил, и архиепископа отца Пимена обвинил в чеканке монет новгородских и сказал, что то - измена, да на белу кобылу с издевкой сажал. Ныне же, по слухам, в окрестностях ездит по монастырям, творя правож.

Купец Коробов. То на софийской стороне да на Городище. Торговой стороны да посада то не касается. Рынок работает, а и опричники государевы на нем торгуют. Надо ведь и опричникам где-то награбленное продавать. Вон, гляди-ко!

Первый опричник. Кафтан шелков зелен золотом! Кафтан на золотой парче! Охабень шит жемчугом и дорогими камнями!

Второй опричник. Шуба с золотом и шелком на соболях. Ферязи, бархат венецицкий. За убрус четыре деньги. Пятьдесят рублей денег за платье и за сажень, и за монисты, за серьги, и за запястик. *(К покупателю)*. Бери! За все пятьдесят рублей.

Покупатель. Двадцать пять рублей дам.

Опричник. Добро. Ты цену рублишь надвое, и я тебя разрублю надвое. Понеже где кто с кем торг имеет, то по половине разделяй. *(Достает саблю. Покупатель испуганно убегает)*.

Первый опричник. Так-то, Ермолка, ничего не продашь.

⁸ *Терличный* - от «терлик», узкий кафтан. *Чупрунный* - от «чупрун», женский *кафтан* с перехватом.

Второй опричник. Прокляты новгородски жидовины! Они по государеву указу не должны перечесть нашему войску.

Первый опричник. На торге свои указы. Торгуй полюбовно, а деньги плати.

Второй опричник (*сердито*). Святой Боже, помилуй мя, как же полюбовно с новгородскими прелестниками-обманщиками? Побить их всех до единого! С утра уж отоцал.

Первый опричник. И я есть хочу. Хлеба бы купить.

Торговка. Хлеб ржаной, простой и сытный! Хлеб мешаный ржаной и овсяный, пшеничный хлеб, калачи, просфиры, оладьи ржаные и перепечи, блинное тесто, лепешки жирны из кислого теста.

Первый опричник. Женка, продай хлеба!

Торговка. Который тебе, молодец? Вот тебе ржаной, вот тебе простой, вот тебе перепечи.

Второй опричник. А пироги у тебя, баба, каковы?

Торговка. Из сдобного теста. Пироги с маком, с медом, кашей, репой, капустой, грибами, пирожки семейные, сочни, с рубцом, булки, сдоба, пряники медовы и фруктовы.

Второй опричник. Добро. (*Хватает товар*). Бери и ты, Микешка!

Торговка (*вопит*). Я крестьянка бедная! Государь, пожалей меня, бедную вдову, с сынчонкой и дочеришками! Ребятишков покормить нечем!

Второй опричник. Лжешь, змеина новгородская!

Торговка. Государь, правду говорю! Вели милость-пощаду учинить, умилосердуйся! Государь, дай свет увидеть, заплати!

Первый опричник. Не плачь, жена, я тебе за хлеб простой цену дам. (*Дает ей*). А ты, Ермолка, не обидь вдову нещасну.

Второй опричник. Э-э, Микешка, да ты, гляжу, уж тоже оживел, забыл указ государя! Обучение тут, в Новгороде, дьявольское усвоил.

Первый опричник. Усвоил я учение Евангельское сызмальства от сущего попа, Потапия именем, в церкви праведного Лазаря в городе моем. Однако по искушению впал в грех и тот грех замаливаю.

Второй опричник. Э-э, Микешка, гляди, не было б тебе от того замаливания изменного беды. Я от тебя прочь. В корчму медвяную тут на горе. (*Уходит*).

Первый опричник. Сказано: “Не бойся мудра, бойся глупа!” (*Платит торговке*).

Торговка (*кланяется опричнику*). Государь, бьет тебе челом с детишками сирота крестьянка Федосица Григорьева.

Опричник. Женка, я сам бобылек. Бобылек, брянского города пушкарский сельчишко Микешка Макаров. А милость совершил я ради Бога. И ты так делай. Вон, нищие калики идут, каличья ватага, подай им.

Калики (*поют*). Изволением Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Вседержителя. От начала века человеческого, а в начале века сего тленного сотворил небо и землю, сотворил Бог Адама и Еву.

Опричник Макаров (*подает нищим деньги*). Куда путь держите, калики?

Нищие. По городам и селам поести-попити.

Первый нищий. Хлеба искушати.

Торговка. Возьми ради Бога. (*Подает им хлеб. Нищие кланяются и уходят*).

Купец Коробов. Антошка, зазови калик ко мне, чтоб послушать рассказов о неизвестных чудесах. Я того любитель. (*Нищие подходят*). Идете ли в святые земли?

Нищий (*кланяется*). Идем в святые земли помолиться, Господнему гробу приложиться.

Купец Коробов. Антошка, досыта накорми их, да допьяна. (*Нищие кланяются*).

Голоса. Арестантов пленных ведут, латын да татар.
Вводят пленных в цепи, окруженных стрельцами.

Татарин. О, русский Бог! Слышал я о тебе, что милостив ты и праведен, и на лица человеческие не смотришь, но правду сердца ищешь. Увидь ныне скорбь и беду нашу и помоги мне. Я - мурза татарский Сулем.

Литовец. Бедный и беспомощный литовского города Могилева человек пораненный просит прокормиться.

Первый из народа. Латыне ныне просят, а как мы, сироты, были за Смоленском, то по нам литовские воры из пищалей стреляли.

Литовец. И я ранен под Полоцком. Ныне я человек безоружный, и ежели за милостью к тебе, то от Бога. Я тебя обидеть не хочу, зло против тебя не имею, большое или малое, прошу тебя сотворить милость, покормить меня ныне, пленного просителя. Пусть Бог мой да твой, в которого я верю, убьет меня, ежели лгу. *(Крестится латинским крестом).*

Второй из народа. Латын свой крест показал. Нет у нас, православных, общего Бога с латынами.

Торговка. Зло не говори. А то прислали к нам пленных из северных городов, и тех псковичи поили и кормили, и плакала, на них смотря. *(Утирает слезы).* Ведь и наши так же страдают в чужой земле. *(Подает пленным хлеб).*

Опричник Макаров. Люди православные! Божье смирение и покорение, ибо не только истинным христианам помогает милосердный Бог, но и поганым способствует. Будем и мы милосердны.

Входит английский купец Томас Рандольф с приказчиками.

Томас Рандольф. Нами собраны сведения, что русский царь пришел в город, и мы в большой заботе, ибо слышал, пришел он ради казней по письму, которое им получено.

Купец Коробов. Я аки сотник торговых рядов объявляю вам, английской земли торговым людям, что то касается лишь изменных дел боярских и духовных. А о нас, ремесленных и торговых, должна быть от царя лишь забота: который товар и по какой цене купить и почем подлежит его продавать. А мы из купеческих слобод приданных новгородских Орешко и Корело, люди богаты, как торговали прежде, так и ныне торговать будем.

Рандольф. Однако, не убьет ли государь русский новгородскую торговлю своей яростью?

Коробов. Новгород остался богат, оправившись после Ивана Третьего погрома, деда нынешнего государя. И новый торговый путь через Белое море не убил нас. Так и ныне переживем. *(Слышны крики).*

Первый торговец. Кто-то кричит.

Крики. Тревога! Великий князь наших переловил!

Первый из народа *(испуганно).* Кто-то кричит!

Второй из народа *(испуганно).* Купец кричит, бросивший товар. Торг окружен опричным войском.

Входят царь Иван, царевич Иван Иванович, Малюта, Грязной, духовник Евстафий, шут, опричники.

Малюта. Жителя новгородские, государь великий царь, великий князь Иван Васильевич Всея Руси с наследником царевичем, милость вам сотворивший, изволил приехать на новгородский торг. Кланяйтесь государю!

Шут. Народ, кланяйтесь, государь приехал на торг, то платите деньги.

Иван. За что, шут, мне платить? Я же ничего не продаю.

Шут. С приезжего взимать плату за тепло, за стряпье, за капусту, за квас по четыре московских с человека. *(Смеется).*

Иван. Новгородцы похваляются: “Мы, торговые, лучше“. Чем мой шут не торговый человек? *(Смеется. Опричники смеются).*

Шут. Я, государь, все пошлины знаю. Приезжаешь на торг, плати тамгу в мыт⁹ при переезде через таможенную заставу - передние калачи. Уезжаешь с торга, плати пошлину - задние калачи.

Иван. Так-то казну нашу государеву пополним. Отныне шута своего назначаю главным торговым человеком Новгорода. Сбирать будешь, шут, пошлины. *(Смеется).*

Шут. С монастырей брать ли, государь?

Иван. С истинных монастырей пошлины не брать, иное дело - с изменных.

Царевич Иван. Батюшка, а чего с монастырей не брать?

Иван. Монастыри, мальчик, издавна покровители русской торговли. Однак не еретичны отшельники и блудливые монахи, а воинствующая небесная рать - архангел Михаил, князь Борис и Глеб, воины Георгий, Дмитрий, Прокопий - святые воины избраны в покровители торговые.

Духовник Евстафий. Государь, также Никола Чудотворец и Параскева Пятница.

Иван. Истинно! Торговля надобна для блага отчизны, не для иудина сребролюбия и измены ради латынства и зарубежных денег. Который же купец - лихоимец, то у бесов спытать надо, где его душа. Они же покажут ему его душу в лютом пламени. Кто сотник купеческих сего торга? Не ты ли?

Коробов *(низко кланяясь).* Я холоп твой, государь, Митрофанка Коробов, челом бью.

⁹ *Тамга* – в России это название употреблялось в 13—15 вв. применительно к сбору с торговых сделок.

Мыт — пошлина в древней России.

Иван. Страшно ли тебе да иным новгородским лихоимцам быти в бесовском пламени?

Коробов. Государь, мы в Новгороде не лихоимцы. Издавна в Новгороде были люди с капиталом, и жителя пользовались благосостоянием.

Иван (*сердито*). Хитростью то состояние нажито!

Коробов. Нет, государь, не хитростью. Новгород перед другими краями русскими славится признаками умелости повсюду. Ведь недаром же все предшествующие годы приглашали в Москву из Новгорода каменщиков, кровельщиков, резчиков по камню и дереву, иконописцев, серебряных дел мастеров да прочих.

Иван (*сердито*). Ишь как возгордился да возомнился! Вы тут и храмы новгородские возводите, желая быть лучше Москвы. А гляди, спросишь: а мое место где есть? Они же, бесы, покажут тебе храмину, исполненную всякого зловония, и огонь палящий, говоря - се твое жилище.

Духовник Евстафий. Сказано: "Не прельщайся на золото и серебро, не собирай богатства неправого".

Иван. А спастись хочешь, то делай так. По Евангелию сказано: "Жена твоя и дети останутся в одних сорочках, имение же раздели среди иных." Видишь, вон? (*Указывает на опричников*). Среди них раздели, людей божьих и государевых! Да на церкви подай.

Коробов. Нельзя, государь, нам без капитала оставаться. Ездим в Швецию и иные места. Также английской земли торговые люди нас навещают. (*Указывает на Рандольфа*).

Рандольф (*кланяется кивком головы*). Государь русский, я английский купец Томас Рандольф, имею на новгородском торге торговый двор. Ныне веду разговор с купцом Коробовым да иными русскими купцами про дела торговые.

Иван. Так-то мне любо. Мы, как подобает государям христианским, милостиво оказываем честь иноземным купцам, особо английским, также и иным. По моему велению сделаны в Москве английские, литовские, армянские да прочие подворья. А в Новгороде немецкие, датские, шведские, голландские торговые дворы. Особо же английские подворья в Москве на Варварке за Покровским собором. Подарена мной для английских купцов усадьба в два этажа каменная, а в ней избы, поварни, конюшни, сад с яблонями, вишнями и грушами. Все то мной делается ради милосердия Божьего да ради дружбы с английскими и прочими торговыми людьми. Руси потребны английские товары, особо порох и пушки.

Коробов. Государь милостивый, в Новгороде куплены тысяча пятьсот пудов меди к пушечному и пищальному делу. Медь везем из Англии, Дании, Швеции, сами же на Руси мало производим. Продаем же воск, кожу и лен.

Иван. Сколько льна отвезли?

Коробов. Государь милостивый, сотнями кораблей, хоть в Ливонии война. Через Нарву только ежегодно сто судов больших и малых с льном и пенькой. Новгородский и псковский лен везем также в Ревель. Хлеб у нас не берут, а лен берут, также сало. Государь, за рубеж ежегодно десять тысяч пудов сала, соленое мясо, масло, сотни бочек, сотни пудов. Также меха: бобры, соболи, песцы, выдры, горностаи - все за рубеж. Внутрь мало.

Иван. Велика, гляжу, новгородская торговля, и торг велик.

Коробов. Велик, государь. На торгу тесно, лавки стоят иные у самой воды. Случается, лавка свалится в воду. Тут уж в торговых рядах торгуем в розницу. В гостином дворе - оптом. Оптом торговля хлебом на Хлебной горке. На Волховском мосту торговля сеном, на берегу Волховы - досками, скот на прогоне животинном.

Иван. Солью где торговля?

Коробов. Соляной двор имеем при дворе гостином.

Иван. Сколько амбаров?

Коробов. У нас вместо амбаров навесы. Приезжаем и складываем товар туда, оттуда развозим по торговым дворам.

Иван. У тебя на торговом дворе сколько амбаров?

Коробов. На моем дворе три горницы, три избы, сорок шесть амбаров на подклетьях для оптовой торговли.

Иван. Кто ж соль покупает?

Коробов. Государь милостивый, то в точности приказчики мои скажут.

Первый приказчик (*кланяясь*). Государь милостивый, от Соловецкого монастыря по амбарной книге (*заглядывает в книгу*) куплено шестьдесят тысяч двести сорок четыре пуда соли. Оптовые

покупатели соли: вологжанин Исаак, Богдан и Иван костромитяне, Плохой и Нечай москвитины, Потап кашинец, казанец Ларь Пологжанин, ярославец Василий Великосонный, свияжец Гришка Любимец.

Иван. Гляжу, по всей Руси продаешь.

Коробов. Государь милостивый, Новгород - величайшее торжище всея Руси.

Иван. То раньше было, теперь Москва будет. Вижу, богатый ты купец. Не возгордился бы аки купец богатый из Вавилонии именем Бондар, имел у себя много золота и серебра и был в великой славе. Много ли у тебя золота и серебра?

Коробов. Мои для дела торговли потребны.

Иван. Кто ж у тебя деньги считает?

Коробов. Приказчик, государь милостивый.

Иван. Считать можете? Знаете перевод натуре на деньги?

Первый приказчик. Знаем, государь милостивый.

Иван. Пересчитай-ко великие числа.

Первый приказчик. Тьма, легион, ворон, колода.

Иван (приказчику). Сколько в колоде воронов?

Приказчик. В колоде десять воронов. Я, государь, знаю удвоение и раздвоение чисел.

Иван. А земное верстание знаешь?

Приказчик. И земное верстание знаю. В сохе восемьсот четвертей.

Иван. Я сих приказчиков заберу в Москву служить. Такие парубки Руси нужны, а не жадному купцу. В приказах грамотных не хватает. Согласен ли ты, купец, отдать парубков?

Коробов. Государь милостивый, парубки арифметике обучены, они мне потребны.

Малюта. Как смеешь ты, мужик торговый, перечить государю!

Иван. Погоди, Малюта, сей человек, мужик торговый, впал в соблазн. Мы, христиане, тот соблазн должны рассеять, чтоб не вознесся тот мужик торговый надо мной, Самодержцем. Как купец Бондар из Вавилона устроил пир велик и позвал на него царя и прочих знатных людей, и повеселясь, разъехались, и рече купец жене своей: “Жена, был у нас царь и прочие персоны были. И призовем и Господа на пир. И устроил пир, и учредил мосты, и разложил сукна, и поставил сторожей с оружиеми, и позвал Господа на пир.” Так и ты, купец, уж так возгордился, что Господа на пир к себе позвать хочешь. Вознесся надо мной, государем, а Новгород - над Москвой и Русью! *(Гневно)*. Взять купца на правеж! Хай выкупит себя и прочих! И иных на правеж! *(Опричники хватают купца. Бросаются, хватают торговых. Крики, шум)*.

Томас Рандольф. Государь, мы, английские купцы, к такому не привыкли, у нас такое не случается. Потому торговый двор свой мы запрем, а государыне нашей, королеве Елизавете, отпишем подробности.

Иван (гневно). Ежели так, то и мы твои дела оставим в стороне, ибо тем, кто хотят участвовать в нашем деле, да нам изменил, верить непригоже. А также их заступникам. Что ты меня поучаешь! В Англии на Лондонском мосту в один прием повесили триста человек, и моя сестра Елизавета показывала французскому да моему послу башни Тауэра, зубцы которого сплошь увешаны повешенными, да говорила: “Так-то мы выводим измену.” А нам, русским, что ли измену выводить нельзя?

Томас Рандольф. Однако здесь, Государь, не просто казнь, здесь всеобщий погром.

Иван. Мы право имеем выступить против изменников, не заботящихся о наших государских головах, о нашей чести и земли нашей, а лишь о своих торговых прибавках. А ты иди, ежели не согласен. *(Рандольф холодно кивает и уходит)*. Малюта, отписать надобно жалобу на Томаса Рандольфа али как он там зовется. Пусть забирают его. Не допускай его боле пред свои очи. А Антону сказать надобно, Дженкинсону, чтоб он боле таковых к нам не выписывал. Хай торгует, а в дела наши не мешается. Не хотят торговать, да и не надобно. Мы, Московское государство, покамест без английских товаров не скудны были.

Первый опричник Ермолка (пьяно). Государь великий, новгородские жидовины все с иноземцами заодно. Мы в те поры на приступ ходили и за православну христианску веру кровь проливали. Они ж, поодаль сидя, наживались. Я тут с раннего утра имею многие замечания.

Малюта. Говори, верный слуга, государю, какие замечания.

Опричник Ермолка (пьяно). Какие имеются замечания? Надобно такие замечания указать: Микешка вон, перечит указам государевым. *(Показывает на опричника Микешку)*. С новгородскими

жидовинами сошелся. Хлеб купил, деньги торговке заплатил. Тем он наше государево войско удручил.

Иван (*сердито*). Так ли, опричник?

Опричник Макаров. Государь мой батюшка, тронутый жалостью, заплатил я бедной вдове за хлеб, не желая брать его даром.

Иван (*гневно*). Ты указ порушил, государевым людям все даром брать. Повелеваю отсечь сему опричнику голову вместе с вдовой, а тела их с хлебом оставить на площади на показ всем три дни! (*Опричники рубят Макарова и вдову*).

Малюта. Государь, громить ли торг?

Иван. Громить. Опричники, берите палицы железные да прочие, бейте торг новгородский! Рушьте все, калечьте! Более не вознесется Новгород над Москвой да над всей Русью! Мелкие ткани и мелкие товары берите с собой, а прочие товары - сало, воск, лен - свалить в кучи и поджечь. Приказываю истреблять купеческие товары, разметывать лавки, ломать дворы и хоромы, выбивать окна, двери в окнах, истреблять домашние запасы и все достояние жителей.

Крики. Шум погрома.

Грязной. Государь, нищих бить ли? По причине голода и мороза в Новгороде скопилось много нищих. (*Подходят нищие*).

Царевич Иван. Батюшка, одно дело изменники новгородские, иное - нищие, они ведь люди Божии.

Иван. Истинно, мальчик. Откуда каличи ватаги?

Нищие (*кланяются*). Государь милостивый, из пустыни Ефимьевой.

Второй нищий. Монастырь Боголюбов.

Третий нищий. По городам и селам бредем.

Царевич Иван. Батюшка, помочь идущим в святую землю помолиться за грехи ближних равнозначно собственной покаянной поездке.

Иван. Истинно, мальчик. Я, грешный, иной раз мечтаю снять с себя тяжелые царские бармы, тяжелую шапку монахову, надеть платице старческое нецветное, обувь лапти белочицы, суму взять переметную вместе с клюшкою таволожной горбатой... Посетить да помолиться у Гроба Господня, аки с древности странники тянулись на поклон к святым чудесам Византии и к святым землям.

Царевич Иван. И я б то хотел!

Иван. Мальчик, не все ватаги доходят до Иерусалима. Одни стремятся к покаянному хождению, другие к беспечальному питанию.

Шут. Государь, и я желаю быть нищим, к святым присоединиться.

Иван. Отчего, шут?

Шут. Досыта кормят да допьяна поят, а злата-серебра насыпают им по суме. Имеется у меня давняя страсть к святым местам. (*Смеется*).

Иван. Нищие - прибыльное занятие. Дворяне и дети боярские, потеряв по случаю имущество от пожара ли, или пропив, предпочитают просить милостыню. Не занимаются делом.

Царевич Иван. Батюшка, как истинно нищих богомольцев узнать? Кто то может?

Иван. То Бог может, поскольку они истинные люди Божьи. Потому я, царь, велю выгнать нищих за ворота города.

Нищие (*плачут*). Пощадай, государь, за воротами города погибнем от голода и холода!

Иван. Кто истинный, не погибнет: тому Бог поможет! А ложные погибнут. Калики-странники, не меня просите грешного, земного, просите для ради Христа, Царя небесных. (*Опричники толкают и гонят нищих*).

Духовник Евстафий. «Се роды пошли добру убожливые и на безумие обратилися. За то на них Бог разгневался, положил на них напасти великие и страшные позоры».

Иван. Так разорив Новгород, Новгород спасу. Поставлю Новгород на путь истинный. (*Кричит*). Бейте изменников, мучьте их, жгите на огне составом огненным. (*Смеется дико*).

Шум погрома.

Занавес

Сцена 9

Берег Волхова. У моста толпа полураздетых истерзанных новгородцев. Царь Иван, царевич Иван Иванович, духовник Евстафий, шут и опричники в шубах. Метет поземка. Резкий ветер разносит дым костров.

Иван (*насмешливо*). Так-то, новгородские ушкуйники, хорошо ли вам ныне тут, на берегу у Волхова моста?

Первый новгородец. Смилуйся, государь, дурно нам при ледяном ветре.

Второй новгородец. Дым глаза ест.

Иван. Что ж так? Дело вам привычное.

Царевич Иван. Они, батюшка, издавна к дурному привычны. Не по-Божьи живут, не по-христиански. Чинят всякую неправду, так ли?

Иван. Истинно, мальчик. Народ - простая чужь, мужики. И купцы их - те же мужики разбогатевшие. Они с первого посадника своего Гостомысла жить в мире не могли. Чинили соседям всякие неправды и обиды, и долгов не платили.

Духовник Евстафий. И новгородские бояре, государь, издавна не имея никаких Божьих правил, окромя семейных, свое берегли, чужое грабили, а меж собой усобищали. Усобицы тут, на Великом мосту. Разбушевавшихся укрощал только владыка, входя с крестом на мост и становясь посреди драки.

Иван. Ныне, кроме меня, царя, укрощать Новгород некому. Владыка нынешний Пимен сам грешник-разбойник. Новгородские ушкуйники - разбойники старорусских времен, душегубством жили, усобицы всей Руси несли. Новгородские ушкуйники грабили на Волге, ездили на ушкуях грабить. Так ли?

Первый новгородец. Государь-батюшка, то прежде было.

Иван. Ой ли, прежде? В Новгороде терпите стеснение своего произвола, на стороне ищите простора, да всю Русь разбоем и усобицей, и обманом денежным угнетаете. А здесь же, в Новгороде, по новгородскому обычаю, с каждым пришельцем издавна деретесь на палках. Вот я, пришелец, позвал вас у Волхова моста похристосоваться. (*Смеется. Опричники смеются*).

Шут. Государь, дай, я покажу свою мочь, силу, бешеный задор. (*Размахивает дурацкой булавой*).

Иван. Принимаете ли вызов моего шута? Тут, на мосту, издавна ведь споры свои решали, так ли?

Первый новгородец. Истинно, государь милостивый, давние споры новгородские софийской и торговой стороны решались тут, на мосту через Волхов, в кулачном бою.

Второй новгородец. Государь милостивый, на мосту прежде встречи частые, но не кровавые, с софийской и торговой стороны, кто кого и как спихнет с моста в реку Волхов.

Иван. Ныне я, царь, пришел с вашими обеими сторонами драться и пихаться. (*Смеется. Опричники смеются*). Дружина моя опричная, хотите ли драться с ушкуйниками новгородскими?

Грязной. Любо, государь! Приуправимся с мужиками новгородскими.

Иван (*скрежещет зубами*). Бейте их!

Первый новгородец (*испуганно*). Смерть наша близка, братья. Государь, зубы скрежещущи, приказал избить.

Иван (*свирепо скрипит зубами, кричит*). Напускайтесь на тех изменников, секите, рассекайте, побивайте, никого живого не оставляйте, бейте их всех, новгородцев!

Мужик - новгородец. Злодей! И тебе Волхова, реки сей, не выпити! Всех новгородцев да не выбити!

Монах. Богородица охранит новгородцев. Взял я образ Божьей Матери. (*Поднимает вверх образ*).

Царевич Иван. Батюшка, против образа Богородицы как идти?

Иван. Сатанские изменники тут, тот образ взяв, в кошун впали. Не с ними Богородица, но с нами. (*Кричит*). Еретиков сжечь мудростью огненной! Опаленных привязывать к саням, волоча! За ними везти жен и детей! Женщинам связывать назад руки, к ногам привязывать их младенцев, и в таком виде бросать в Волхов! (*Дико вопит и смеется*).

Шум погрома. Крик и плач женщин и детей.

Грязной. Эх! Хороша потеха на Волхове! (*Смеется*).

Иван. Ломаем руки, ноги, головы.

Опричник (*весело*). На мостике на волховском дружиной мужиков с бабами пощелкаем. (*Бьет*).

Женщина (*вопит*). Сжалуйся, государь! Пощадай сынчишку моего, мальчика Сергия. (*Грязной сбивает ее. Она хватает Грязного за ногу*). Человеченок мой, человеченко мальей! Пощадай мальчика Сергия.

Грязной (насмешливо). Да что за тряпица за ногой волочится? Что за онуча привязалась? (Смеется. Толкает ногой женщину).

Иван (яростно). Васютка, обдирай ее до гола! Сьмай платье! (Дико смеется).

Грязной. Любо, любо! (Срывает одежду с женщины).

Иван (яростно). Вертите им головы, будто пуговицы! (Дико хохочет). Привязывайте тонкими веревками за ноги, головы, бросайте с моста, добивайте тонущих!

Малюта. Опричники! Государь велел нам, своим государевым детям боярским, тех изменников, мучаных и поджаренных людей, за руки и за ноги и за головы вязати различно тонким ужищами. И привязывати их повелел по человеку к саням, и повелел их быстро за санями волоčiti на Великий Волхов мост, и метать с моста в реку Волхов, а жен и детей связывать вместе и метать их в ту же реку.

Опричники. Любо, любо!

Иван. По реке ездить моим царским слугам с баграми и топорами и добивать тех, которые всплывут.

Малюта. Так сделаем, государь. Опричники! И иные государевы люди, дети и боярские и воинские люди! В малых судах ездите по реке Волхов, с оружием, с рогатиной, и с копьями, и с баграми, и с топорами. И которые люди, муж и жена и всякий возраст, из глубины речной вверх по воде всплывет, тех людей копьями да рогатинами, да топорами секуща без милости в глубину речную сурово погружати, предаючи их, изменников, лютой и горькой смерти.

Опричники. Любо, любо! (Бьют).

Шут. И я дубец возьму, прутик. (Размахивает дурацкой булавой).

Иван. Мальчик, отчего ты прежде бил изменников, а ныне не бьешь?

Царевич Иван. Приутомился я, батюшка. Неможется мне. Кваску бы горячего попить, на морозе стоячи, на ветру ледяном.

Шут. Попей, царевич, руды¹⁰ заместо кваску, и она горяча и красна.

Иван (толкает ногой шута). Молчи, шут. Эй, квасу горячего! (Приносят квас).

Шут. Хорош квасок. В чанах солод затирается с мукой овсяной в сусло. Дай и мне попить.

Иван. Тебе, шут, квасная дробь, которая на корм скоту. (Смеется).

Шут. Государь, и дробь поем, ежели с хлебом. (Смеется).

Иван (пьет квас). Малюта, сколько побито, на воротах написать.

Малюта. Так пишем, государь великий. На воротах записки делаем, по углам номера выставляем, что эта улица уже казнена.

Грязной. Писано, Малюта, которую мы с тобой улицу мели, ехали, секли, рубили до единого. (Смеется. Пьет квас). Государь, и татар из тюрьмы сюды привели.

Иван. Се пленники схвачены, ведите их сюда. (К сыну). Иван-сын, мальчик, а чего не пьешь квас, который возжелал? Горяч квасок исцеляющ. А хочешь ли, лечца кликнуть?

Царевич Иван. Помыслил я, батюшка, не от квасу мне исцеление, да не от лечца. От молитвы, ежели Бог пожелает. Видел я, батюшка, сон дурной. И от того видения ужасного занемог. И не говорил о том, пробудившись в страхе и ужаса исполненный.

Иван. То, Иван-сын, демон над нами властвует, желает нам зла от еретиков новгородских напущена. Что видел?

Царевич Иван. Видение церкви, батюшка, и ты со мной шел и видел свет в церкви, какого прежде николи не было. И святого Прокопия, идущего в церковь в западные двери, и тот святой Прокопий нам угрожал. И тут же видел брата моего Федора, близ меня стоящего с рыданием. И захотел бежать из той церкви, а ты, батюшка, меня удержал.

Иван. Демон то в облике праведного Прокопия Устюжского Чудотворца. Что говорил тебе цъашос обо мне, то все ложь. Пробудившись, надобно говорить: “Отойди, проклятый демон!” Да псалтирь глаголет. Отец же мой духовный соборный протопоп Евстафий почнет над нами псалтирь глаголет сем вечером. Так и пройдет.

Евстафий. Так, государь милостивый, демонов покорим.

Грязной. Государь великий, пленных привели уж. (Вводят пленных). Тут содержащиеся в темницах и башнях пленные немцы, поляки и татары.

Евстафий. Вот он, государь, демон латынский и бусерменский.

Иван. Они, ходя войной на Русь, села и города разоряли, а Новгород со Псковым к измене склоняли.

10 *Руда* – кровь (древнерусское).

Малюта. По твоему, государь, велению собраны пленные полочане и немцы, и татары, которые содержались в тюрьмах, а частью помещены были в домах.

Иван. Сии пленные, схвачены по моему велению, крепко должны быть, охраняемы. Новгородские же изменники, чтоб уязвить мою царскую власть, смирились перед ними и повиновались им в их еретичных желаниях, и одаривали их подарками, и давали для них славны пиры, желая совершить измену. Как и новгородцев, приказываю убивать их перед моими глазами. *(Кричит).* Тащите их на берег, рассекайте на части, бросайте под лед, палками под лед заталкивайте. *(Опричники бросаются на пленных).*

Татарин *(кричит).* Мурзы татарские! Все умрем за юрт! Бей свиноядцев! *(Бросается на опричников. Драка. Двое опричников падают).*

Малюта. Рубите их!

Татарин *(кричит).* Аллах! За великую и древнюю нашу веру! *(Бьет Малюту. Тот падает.*

Татарин хватает его саблю). А ты, русский царь Иван, про себя пекись! Не царь ты нам! И землей нашей казанской тебе не управлять! *(Идет на царя с саблей).*

Иван *(испуганно).* Остановите его! *(Пятится назад. Падает. Испуганно кричит).*

Татарин. Эх ты, рус! *(Замахивается саблей).*

Грязной подбежал сзади, убивает татарина. Опричники убивают всех татар).

Грязной. Государь милостивый, варвар повержен.

Царевич Иван *(кричит).* Батюшка мой, жив ли?

Малюта *(зажмает текущую из раны на голове кровь).* Цел ли ты, государь милостивый?

Опричники поднимают царя с земли.

Иван. Лютый зверь, закованный в цепи, не хотел смириться с участью своей, смерти моей возжелал. Но царская смерть без ведома Божьего не случается! Также и смерть любого другого человека, ибо все Божьими руками охраняется, все умирает судом его Божьим. Никто не может быть убитым до назначения его дня.

Уходит с царевичевым духовником и шутом, окруженный опричной охраной.

Погром продолжается.

Занавес

Сцена 10

Городище. Толпа новгородцев, окруженная опричниками. Входят царь Иван, царевич Иван Иванович, духовник Евстафий, князь Пронский, опричники.

Новгородцы становятся на колени.

Иван. Все ли тут?

Малюта *(с перевязанной головой).* Государь великий, как велел ты, собрано по лучшему человеку с улицы из оставшихся в живых.

Иван. Отец мой, духовник Евстафий, припомни-ко, что глаголено о праведном суде?

Евстафий. Глаголено: “На двенадцати престолах сидит и судит по велению праведному”.

Иван. По тому образу и я делаю. Помнишь ли ты, мальчик, сказанное святым апостолом Павлом?

Царевич Иван. У апостола сказано: “Не впадайте во зло, ибо злые слова растлевают благие обычаи”.

Иван. Истинно так, мальчик. Страшно ли вам, жителям Великого Новгорода, от содеянных измен?

Первый новгородец. Государь милостивый, мы же от страха есть аки мертвы, ожидаем своей гибели.

Иван. Ныне, февраля тринадцатого, в понедельник, на второй неделе поста, я, царь, повелел со всякой улице поставить перед собой по лучшему человеку из оставшихся в живых. Как стоите передо мной, царем?

Второй новгородец. Государь милостивый, встали мы перед тобой, царем, с трепетом, упали, отчаялись с живота своего яко мертвые, видя неукротимую ярость цареву. Про тела не мыслим, мыслим, как души спасти.

Иван. Жителя новгородские, спасение души бывает от всяческого смирения. Я, грешный, по себе то ведаю.

Первый новгородец *(шепотом).* Боже правый, царь окинул нас милостивым взглядом и говорит ласково.

Иван. Мужие, жители сего Великого Новгорода, все ныне оставшиеся в городе, молитесь все милостивейшего и всещедрого, и человеколюбивого Господа Бога и Пречистую Богоматерь Владычицу Богородицу, и всех святых его о нашем благочестии царском державном и о чадах моих благоверных царевичах Иване и Федоре, и о всем нашем христолюбивом воинстве, чтоб нам Господь Бог подаровал свыше победу и одоление на все видимое и невидимое врагов наших и супостатов. Осудит Бог в наказание общему изменнику моему и вашему владыке новгородскому Пимену и его злым советникам и единомышленникам, и вся-то кровь взыщется на них, изменниках. И вы о сем ныне не скорбите. Живите во граде сем с благодарением, и я вам во свое место оставляю правителя во граде, боярина своего и воеводу князя Пронского. *(Указывает на Пронского.)*

Пронский. От богохранимого царя Ивана Васильевича Всея Руси взявший город тот Новгород в управление, соблазны гнать буду своими деяниями, чтоб окаянные не смели его в латинскую веру приводить. *(Кланяется.)*

Иван. Служи мне, Пронский, верно, ты ж, мальчик, для правителя еще молод. Всякий купчишка тебя обманет. Учись, мальчик, правлению, науке нашей царской.

Царевич Иван. Так, батюшка, сделаю.

Иван. Жителя, какие еще ко мне, царю, речи?

Старец Иван Жигальцо. Государь милостивый, много набитых, без числа человечины принарублено, нельзя пройти по улице. Что полтей по улице валяется тех мужиков новгородских. В реченьке Волхове на целую версту вода с кровью смешилась.

Иван. Се было наказание Вседержателя Господа Бога нашего, великого в сем богоспасаемом Новгороде, и всем живущим в нем за грехи наши и прочему человеческому роду на уверение.

Старец. Ах ты, батюшка, Иван Васильевич! Прикажи убрать тела убитых, придать их матери сырой земле. Прошу то тебя я, нищий старец Иван Жигальцо.

Иван. На них, изменных, взыщется вся пролитая кровь. Ты ж, старец Иван Жигальцо, погребай их. Место погребения - скудельница у церкви Рождества-на-Поле. *(Крестится.)* Я же немедля выезжаю из Новгорода.

Малюта. Куда поедет, государь великий?

Иван. Из Новгорода я, царь, отправлюсь во Псков с намерением и сему городу припомнить его древнюю свободу. Ты ж, Малюта, езжай в Москву, готовь московское дело.

(Уходит в сопровождении царевича и остальных.)

Занавес

Сцена 11

Монастырь святого Николая в Люботове, неподалеку от Пскова. Ночь. Слышен отдаленный звон множества колоколов. Царь Иван, царевич Иван Иванович, опричники.

Царевич Иван. Батюшка, отчего звонят в ночи псковские колоколы?

Иван. Услышав звон в псковских церквах, понял я, что псковичи готовятся к смерти.

Царевич Иван. Смерть убо¹¹ всем ли, батюшка? Ведь тут, батюшка, псковская земля, где святой старец Филофей жил да провозгласил первым: "Москва - Третий Рим".

Иван. То, мальчик, прежде было. Ныне Псков заодно с новгородскими крамольниками. Игумен псковского Печерского монастыря да келарь Вассиан Муромцев в переписке с злейшим врагом моим и отечества собакой Андреем Курбским. Давно известен игумен ненавистью и злобой против Москвы, и смерти мне желает.

Грязной. Государь, сказнись ему да иных, объявив: всепроклят тот, кто государский убийца.

Иван. То утром делать будем, въехав в город, ныне же, подъехав к Пскову ночью, поспим тут в Люботове в монастыре святого Николая. *(Уходит.)*

Занавес

¹¹ Убо — церк.,стар., союз: итак, сего ради, посему, следовательно, стало быть; | ибо, так как, потому что.

Сцена 12

Псков. Вдоль улицы столы с хлебом-солью. Псковичи лежат ниц. Входят царь Иван, царевич Иван Иванович, oprичники.

Иван. Ниц лежит народ покорен, то по душе. Однако, и Иуда был сначала покорен Христу ради хитрости своей. *(Идет процессия с крестами и иконами).* Верить ли печерскому игумену, вышедшему навстречу мне, царю, с крестами и иконами? Игумен ли он? Не бесов ли сын? Да иные с ним. То не чернецы, а осквернители монашеского образа. Потребен ли им православный царь с сыном-наследником? Нет, им потребны цари-иконоборцы, чтоб на Руси, как в Царьграде, зло началось. Как от царя-иконоборца Льва Исавра да сына его Константина Гноетезного. *(Кричит).* Рубите их! Печерскому игумену отрубить голову!

Грязной рубит голову игумену.

Иван. Где воевода псковский Юрий Токмаков?

Токмаков *(испуганно).* Здесь я, государь милостивый!

Иван. Так-то ты, собака, блюдешь мою царскую власть! Во Пскове повсюду бунты и измены!

Токмаков *(кланяясь).* Государь милостивый, велел я поставить на улицах столы с хлебом-солью и всем жителям приказал земно кланяться и показывать знаки полнейшей покорности как буде выходить царь.

Иван. Истинно покорны ли?

Токмаков. Государь милостивый, жителя в оцепенении, многие исповедались, причастились, готовясь к смерти.

Иван *(сердито).* Чуют грех свой. Говорите, чуete ли грех? Отчего молчите о грехе?

Первый пскович *(испуганно).* Государь, у нас, псковичей, от ужаса горло пересохло и уста слиплись.

Второй пскович. Мы не против тебя, государь, Бог волен и ты, государь, над нами, своими людьми.

Третий пскович. У нас в летописях записано такое крестное целование: псковичам от государя, который будет на Москве, не отходить ни к Литве, ни к Польше, ни к немцам, никуда. А иначе будет у нас гнев Божий, глад, и огонь, и потоп, и нашествие неверных.

Иван *(гневно).* Вы, псковичи, изменили крестному целованию!

Токмаков. Мы не изменили крестному целованию. Псковичи, дабы очистить душу и отогнать страсти, приказываю самим нам пред благоверным царем опустить вечевой колокол.

Первый пскович. Вечевой колокол - то воля наша. *(Плачет).*

Токмаков. Снять вечевой колокол, иначе будет кровопролитие. Проявим покорность. Я, князь, аки простой смерд сяду на ступеньки храма у ног твоих. *(Под общий плач опускается вечевой колокол).*

Царевич Иван. Жителя псковские, отчего плачете?

Второй пскович. Мы, царевич Иван Иванович, по воле своей плачем.

Третий пскович. Разве что грудной младенец не плачет. Все плачут.

Токмаков. Теперь Бог и государь волен над Псковом и над нашим вечевым колоколом.

Иван *(гневно).* То покорство лживое. Не мне покорство, но сраму своему.

Входит юродивый.

Юродивый. Царь, помысли ты о своем сраме!

Грязной. Рубить ли дурака, государь?

Иван. Токмаков, кто сей юрод?

Токмаков. То, государь милостивый, здешний юродивый Никола по прозвищу Салос.

Иван. Грек ли? По-гречески юрод - салос.

Токмаков. Государь, не ведаю, кто и откуда. Сего рода люди представляют из себя дурачков и осмеливаются говорить сильным людям то, на что не решился бы другой. Он и меня, воеводу, много обличал, однако в темницу я его не сажал, ибо пользуется он общей любовью народа.

Иван. Откуда ты, юрод?

Никола. Из мира сего. Мир вам, православные христиане.

Псковитяне. Государь милостивый, сего дурака по имени Никола многие почитают более чем за человека, почти за пророка.

Иван. Что ж пророчишь мне, Никола?

Никола. Пророчу тебе по внушению Божьему и подаю тебе совет ехать прочь из города, чтоб не было большого несчастья.

Иван (*насмешливо*). Которого несчастья? Казнить изменников, разве то несчастье? (*Опричники смеются*).

Никола. Царь, оставь ужасны словеса свои. Приотстань от великого кровопролития и не дерзай еще грабить святы Божьи церкви. А ежели не можешь без кровавого мяса, то вот. (*Достает из сумы кусок сырого мяса*).

Иван. Я христианин, не ем мяса в пост.

Никола. Ты хуже делаешь: ты ешь человеческое мясо. Неужели съест в пост кусок мяса животного грешно, а нет греха съест столько людского мяса, сколько ты уже съел?

Иван (*насмешливо*). Не из тех ли ты лживых пророков, что бегают из села в село нагие и босые с распущенными волосами, трясутся и бьются, и кричат: “Святой Николай! Святая Анастасья! Святая Пятница!” Таких мужиков и женок, и девок, и старых баб изымать надо и слать в монастыри дальние на работы. Особо же злых казнить.

Грязной. Сделаем, государь. (*Хватает юрода*).

Иван (*злобно*). Повелеваю с Троицкого и иных соборов колокола снять, забрать церковную утварь!

Никола (*кричит*). Кровопийца! Пожиратель христианского мяса! Ежели твои воины коснутся мечом хоть волоса на голове последнего псковского ребенка, будешь поражен громом. Ангел Божий хранит Псков для лучшей участи, не для разграбления.

Первый пскович. Николай святой, спаси нас!

Грязной. Это обманщик или колдун! Вели его зарезать!

Никола. Разрядится в огненной туче, которая, как ты сам видишь, государь, стоит над тобой. Сию минуту истинно сильная мрачная буря пришла. (*Крестится*).

Слышно конское ржание.

Опричный слуга. Государь милостивый, конь твой любимый царский пал.

Третий пскович. Царь содрогнулся.

Иван (*испуганно крестится*). Юрод, прошу молиться об избавлении меня, царя, и прощении мне моих жестоких замыслов.

Грязной. Государь, то обманщик и колдун. (*Новый удар грома*).

Царевич Иван. Батюшка, ныне зима, а зимой громовы тучи разве громоносят? (*Крестится*).

Никола. Пророчества мои почали сбываться. Предрекал я тебе беду, ежели почнешь свирепствовать в Пскове? Сейчас издох твой любимый конь, а и хуже будет. Поди прочь, Ивашка! Ивашка, Ивашка, до коих пор будешь ты без вины проливать христианскую кровь? Помысли о том и уйди, или тебя настигнет большое несчастье.

Грязной. Рубить юрода, государь?

Иван. Пусти, Васютка, юрода. Я же из Пскова тотчас еду в Старицу, а оттуда в Слободу.

Грязной. Казнить ли псковцев, государь?

Иван. Возьмешь лишь казну да иные частные имена, а казнить более не надобно. Поход окончен. (*Уходит прочь*).

Никола. Куда ж ты, царь, хочу позвать тебя в пещерку у Волхова, в убогий вертеп. Угостить склянцой крови и частью сырого мяса да показать тебе души невинные мучеников, возносящихся на небеса.

Царь в сопровождении царевича быстро уходит.

Занавес

Сцена 13

Новгород. Ночь. Кладбище у церкви Рождества-на-Поле. Горит большой костер. У костра греется разнообразный народ. Стоят сани и телеги с мертвыми телами. Кучи тел лежат на земле. Старцы погребают трупы.

Иван Жигальцо. От зимы сей до лета погребать будем, да все лето погребать будем. Своят кучами сюда к церкви Рождества-на-Поле, да вместе с телами утопленных, всплывших на поверхность воды. И я, нищий старец, с иными старцами их погребая за ради Бога.

Первый старец (*неся тело*). Без церковного обряда хороним, прости нас, Господи! Прежде без церковного обряда хоронили самоубийц, скоморохов, еретиков, богохульников, людей, погибших в судебных поединках, кулачных боях и иных потехах. Ныне без обряда хороним народ честный.

Второй старец. То не наш грех. Того грех, кто аки лютей зверь всех сек и колод, и на кол сажал.

Первый новгородец *(у костра)*. Избиение длилось до пяти седмиц. Тяжко сказать, сколько горя и ужаса нам предосталось. *(Плачет)*.

Второй новгородец. Запрудило убитыми новгородцами Волхов. С той поры от обилия пролитой человеческой крови река не замерзает возле моста, как ни велики были бы морозы.

Иван Жигальцо. Уж истинно, память про царский погром долга будет. Место погребения, скудельницу, и позднее легко будет приметить у церкви Рождества. Покопать лишь палкой землю, и тотчас окажется, что она вся переполнена человеческими костями. *(Погребает с другими старцами трупы)*.

Третий новгородец *(у костра)*. Много ли уж загребли?

Иван Жигальцо. В одном лишь Новгороде без пригородов уж загребли в братские могилы тысяч десять. Знаю я от того, что тут постоянно был на провожании. Я, Иван Жигальцо, нищий старец.

Первый старец. Хороним умерших новгородцев в могилах у стен Рождественского монастыря без поминальной трапезы. Прежде были поминальные трапезы на кладбищах.

Иван Жигальцо. Какая уж трапеза! Голод кругом. Из-за кусочка хлеба человек убивает человека.

Второй старец. То прежде прочих грех князя московского. Мстительный и кровожадный правитель без всякой нужды залил кровью безвинных людей новгородских. Ныне покинул он Новгород, погрузив на возы награбленное.

Первый крестьянин. Я шелонской пятины крестьянин. Наша шелонская пятина сама собой великое кладбище, среди которого кое-где бродят живые люди.

Второй крестьянин. И у нас, деревня Корбесали Кирьяжского погоста. Иные дворишко распродали в царевы подати. Хлеб морозом побил, а опричники людей побил. *(Плачет)*.

Третий крестьянин. Я крестьянин деревни Юрик-Ярви Давид Исачев. Деревня запустела от неволь шведской да опричины, от латынского мучения и от опричного.

Четвертый крестьянин. Немцы перебили нас, жителей деревни, дворы сожгли. Опричники тоже.

Пятый крестьянин. Степашка Савин, брата опричники на правеже замучили, дети с голоду померли. *(Плачет)*.

Шестой крестьянин. Замучили опричники и Артюшку Афанасьева, и Игнатку Лукьянова, и Ларюку Марьева, и Фомку Логинова замучили, животы пограбили. От голода и от большой горести, да от божьего поветрия, мора да огней и болезней, крестьяне вымерли, а иные безвестно разошлись. А как ратные люди татары шли, иные деревни выжгли. *(Голоса крестьян)*. Запустели от мору, от государева правежу, от голодухи, государева посоха. Набеги шведских немцев да государевых ратных людей, да опричный правеж подобны налету саранчи. Запустели дворы, и места дворовые пусты, и топи, и варницы, и всякие угодыя от лихого поветрия. И опричные правежи кругом. *(Плач)*.

Купец Коробов *(с нищенской сумой)*. Был я купец богатый, ныне нищий. С Ивановым посещением новгородский край упал, обезлюдел. Мы, недобитые, им ограбленные новгородцы стали нищими, суждены плодить нищих. Попалено все огнем, пожжено и мхом порастает. *(Шум. Крики)*.

Первый старец *(кричит)*. Татей поймали!

Старцы приводят двух.

Иван Жигальцо. Чего такое сделали?

Старец. Они трупья мертвых людей с телег воровали.

Первый. Прости нас, Господи! Едим трупья мертвых людей. *(Плачет)*.

Иван Жигальцо. Как едите?

Второй. В зимние ночи крадем убитых с телег. Иной раз солим человеческое мясо в бочках. *(Плачет, потом смеется)*.

Первый крестьянин. Он умом тронулся. *(Крестится)*.

Иван Жигальцо. Откуда оба?

Первый. Сельцо Вашюриново и деревня Холмово. Опричники разорили и та земля лежит пуста. Лежать будет лет двадцать. Многих людей государь в своей опале попалил. *(Плачет)*.

Второй. Мы ж пойдем к русским землям, питаючись мертвечиной и ягодой полевой, и травой дикой. *(Смеется и плачет)*.

Иван Жигальцо. Пустите их, старцы. Хай идут оба. Да дайте убогим брашна¹². Прежде на кладбище костры разжигали, чтоб душам умершим было тепло на том свете. Ныне же души живых согреть нужно. (*Крестится*). Да молитесь, братья, Богу. (*Крестится и вместе с другими старцами погребает мертвых*).

Занавес

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена 14

Александровская слобода. Царь с жезлом стоит у распахнутого окна, окруженный опричниками. Рядом с ним шут.

Царь Иван (*кричит, высунувшись в окно*). Топи басурман! (Дико смеется).

Шут (*высунувшись в окно*). Корми рыбок басурманами, басурманскими телесами! Кушайте, питайтесь, на нас не обижайтесь! Пускай тухло да гнило, лишь бы сердцу вашему было мило! (*Смеется*).

Входит дьяк посольского приказа Иван Михайлович Висковатый с делегацией поляков и литовцев.

Висковатый. Государь! Как тобой велено, от посольской избы приведены сюда в слободу польские да литовские послы к тебе на встречу.

Иван (*не обращая внимания, увлеченно*). Малюта, секи их да в воду сажай!

Висковатый. Придется, панове, подождать, пока государь изволит вас принять.

Первый посол. Что делает царь?

Второй посол (*тихо*). Русский царь, видно, желая опохмелится от новгородской крови, топит татарских пленников.

Первый посол. Ходят слухи, что московский государь не вполне здоров. Мы, послы, были свидетелями, как русский царь возвращался в Москву из своего новгородского похода. Он сидел на коне с луком за спиной, а на шее коня была привязана собачья голова. Возле него ехал шут на быке.

Второй посол (*тихо*). После Новгорода толкуют, что Бог покарал царя Ивана неизлечимой болезнью. Припадки перерастают как бы в безумие.

Первый посол. Стоит ли вести переговоры с подобным государем? Ведь он не в полном уме.

Висковатый (*подойдя к царю*). Государь, польские послы по твоему указу приехали.

Иван (*оборачиваясь*). То ты, Иван Михалыч? С чем приехал?

Висковатый. Государь, нами в посольском приказе заключено наконец перемирие с Польшей и Литвой. Грамота готова, надо лишь твое утверждение. (*Показывает грамоту*).

Иван (*смотрит грамоту*). Какой срок перемирия?

Висковатый. Срок перемирия назначен нами три года, и в продолжении этого времени полагаем заключить окончательный мир.

Иван. Мир нам потребен весьма. (*Неожиданно громко кричит*). Поляки, поляки! Ежели не заключите со мной мира, прикажу всех вас изрубить на куски! (*Смеется*). Паны польские, мой дьяк печатник Иван Михайлович Висковатый составил грамоту, по которой народы и сословия королевства Польского согласны на мир с нами. Ту грамоту я, царь, погляжу добре. А, может, и привешу свою печать со скрепою руки, ибо верю дьяку своему Висковатому как себе.

Первый посол. И мы верим пану канцлеру, что грамота составлена ко взаимной выгоде. Пан канцлер Висковатый любим за границей и пользуется доверием.

Иван. Дьяк печатник мой Иван Михайлович Висковатый любимец мой, добрый разумный человек, наподобие которого нет у меня в сие время в Москве. Знаю, его разуму и умению московиты,

¹² *Брашно* - ср. церк. (борошно южн. ржаная мука). яство, пища, кушанье, еда, харч.

ничему не учившиеся, очень удивляются. Среди многих измен, любому бы таких служителей. *(Вдруг кричит, обернувшись к окну)*. Секите их, бейте, топите! *(Хохот)*. Панове, во время пребывания вас, послов, топлю я татар, татарского пленного врага, врагов креста. Не желаете ли взглянуть?

Первый посол. Нет, мы не привыкли к таким зрелищам.

Иван. Отчего ж, панове? Ведь Папа Римский давно склоняет меня к союзу против неверных.

Второй посол. Это совсем иное дело.

Иван. Иное ли? Богу христианскому угодна моя служба - врагов креста татар и турков на копья сажать.

А иных, напополам пересекая, сжигать и топить, и до сущих младенцев племя вражье извести.

Первый посол. У нас в Европе иные законы.

Второй посол. Особо же обеспокоены мы новгородскими казнями. Про то скажем открыто.

Иван *(сердито)*. Истинно обеспокоены, ибо желаете зла отчизне нашей от измен. Мы же, ненавидя во всей земле зло, делаем так: кто учинит какое зло, татьбу или разбой, или какую лжу или изменную неправду, то и никогда не будет жив. *(Нервно ходит. Громко кричит)*. Аще великий боярин, али священник, али инок, али простой мирянин, али великое богатство имел бы кто - не может искупиться от смерти.

Первый посол. Государь, мы скорбим по-христиански о смертях в твоей земле. Смерть празднует свое дело в Московии. Помимо казней, болезней - чума, голод. Европа весьма обеспокоена.

Иван *(сердито)*. Голод и в Литве, и в Польше.

Висковатый. Панове! Заносчивость, капризы и взаимные упреки не должны отражаться на переговорах. Потребно доверие Москвы и Речи Посполитой.

Иван. Истинно, Иван Михалыч. Я погорячился, панове. Ради Бога, простите меня, грешного, за дерзость и суетность слов. Передайте брату моему Жигмонту, что ко взаимной выгоде он найдет во мне ласкового миротворца, друга свободы и вольностей, увидит во мне широкое разумение привычек и потребностей народа и государства, с которым прихожу в соприкосновение.

Висковатый. Мыслию, государь, переговоры лучше будет продолжить в Москве при меньшей горячности с обеих сторон.

Иван. Продолжим в Москве ко взаимной выгоде. Я намерен вскоре посетить Москву. До побаченья, панове. *(Послы раскланиваются и уходят)*. Проклятые латыны. То они соблазнили изменников. Из Польши изначально послано было письмо-память к новгородским изменникам. Литовский лазутчик из Вольни вез назад изменную грамоту, отписку из Новгорода о польской памяти, да был нами схвачен. Иван Михайлович, после погрома изменников посольский приказ должен составить наказ для русских дипломатов в Польше. Ежели поляки будут и дале спрашивать о казнях в Новгороде, то на их вопросы отвечать ехидным казусом.

Висковатый. Которым же, государь?

Иван. Отвечайте: али вам то ведомо? Коли вам то ведомо, а нам что и сказывать? *(Смеется)*. Говорите: ведомо о котором есть лихом деле с государскими изменниками через лазутчиков зарубежных, сообщающихся с врагом. И Бог ту измену государю нашему объявил, и потому над изменниками так и случилось.

Висковатый. Государь, веришь ли ты мне по-прежнему?

Иван. Верил и верю, Иван Михайлович, и не желаю себе иного советника.

Висковатый. Радостно мне то слышать, государь. С давних времен, с первых лет Казанской войны возглавлял я посольский приказ да служил тебе и отечеству с честью без лести, говоря, что мыслию. Так ли, государь?

Иван. Истинно так.

Висковатый. Был я враг Сильвестру с Адашевым, которые тебя, царя, в опеке держали, удручая тем достоинство Руси. Был я враг князя Старицкого, которого Шуйский да иные хотели на трон посадить при болезни твоей.

Иван. За то особо тебя ценю, Иван Михайлович. Сам я веду переговоры лишь с теми государствами, у которых рассчитываю найти поддержку. С Англией ли, с Данией ли. Да будучи царем-самодержцем, сам принимаю решения о войне и мире, о походах и строительстве крепостей. Тебе же поручаю все иное. Не опричным, а тебе, земскому, поручаю переписку с турецким султаном. Передал ли ты тайную грамоту?

Висковатый. Государскую тайную грамоту передал мурзе Косыму. Неудачный поход турок на Астрахань дает нам возможность для выгодного мира. Однако дела с Ливонией нехороши, государь. Затянулась, и не дала результатов осада Ревеля. Не оправдалась, государь, надежда на Данию. Германский король Фридрих Второй заключил союз со Швецией. Ныне ты, государь, воюешь один на один со шведским королем Юханом Третьим.

Иван (сердито). Юхан давний враг Руси и мне лично. Брата своего Эрика, друга нашего, свергнул, невесту мою, Жигмонта Августа сестру Катерину, себе взял, а послов наших с глумлением велел ограбить и обесчестить, оставить их в одних сорочках. Мне грамоту бранную прислал. На ту грамоту, пересланную через пленника и лай, который в той грамоте, мы дадим отповедь после. Да по-христиански, со смирением. Заметь лишь себе, запиши, как будешь грамоту в посольском приказе составлять, то укажи Юхану: ты, Юхан, пишешь свое имя впереди нашего. То неприлично, ибо нам брат Цезарь Римский и другие великие государи, а тебе невозможно называться им братом, ибо шведская земля честью ниже сиих государств. Так напиши, и чтоб толмач все точно перевел.

Висковатый. Укажу гонцу твоему, Петруше-толмачу, чтоб аккуратно перевел.

Иван (ходит). Юхан, ежели ты говоришь, что шведская земля - вотчина отца твоего, то ты бы нас известил, чей ты сын, чей сын отец твой Густав и как деда твоего звали, и был ли дед твой на королевстве. *(Ходит в задумчивости. Диктует)*. Много крови пролилось из-за нашей вотчины, ливонской земли, да из-за гордости твоей. А гордость твоя мужичья, ибо род твой мужичий.

Висковатый. Так, государь, в грамоте посольской писать нельзя. То означает усиление вражды.

Иван (сердито). Что ж вражды? Не к вражде ли они мыслили, шведы да Литва, когда сносились с изменниками в Новгороде? Неужели же достоинство нашей отчины, Великого Новгорода, в том, что она от нас отделилась, а теперешнее бесчестие в том, что она после похода нашего признает нас, великих русских государей, как о том нелепо говорят и пишут. А войску нашему правитель Бог, а не человек. Как Бог даст, так и будет.

Висковатый. Государь, по новгородскому делу как советник твой и русский человек хотел бы иметь с тобой длительное объяснение, однако наедине, без шута твоего и слуг.

Иван. Ежели хочешь, изволь. Эй! Меду нам да блинов ржаных! *(Садится к столу)*. Да оставьте нас вдвоем. *(Шут и слуги уходят)*. Садись и говори, Иван Михалыч.

Висковатый. Государь, могу ли говорить правду?

Иван. Говори без боязни. Когда вернулся из новгородского похода, то немало стали мне говорить вздора, доносить на тебя, будто ты говорил о нас неподобные слова с укоризной. А я на то плюнул и выругал доносящих.

Висковатый. Государь, все ж колеблюсь. Есть слух, что митрополит Филипп задушен за смелое слово правды.

Иван. То лжесвидетельство. Митрополит Филипп умер нечаянной смертью от угара. Лучше бы ты, чем слухам верить, дело делал. *(Ходит в задумчивости)*. Сестра польского короля Жигмонта Катерина Ягеллонка обещана была мне в невесты, а отдана Юхану. Однако, по договору с королем Эриком старшим, братом Юхана, о разделе Ливонии да о взаимной помощи, Эрик обязался отослать ее ко мне. Тот договор остается в силе.

Висковатый. Государь, ныне, после свержения Эрика, шведы тот договор не признают.

Иван (сердито). Послы шведские целовали крест, обязуясь исполнить все то, что написано в мирной грамоте. Оттого ныне у нас со Швецией ничего быть не должно, кроме вражды, покуда не признают за нами Выборг да всю выборгскую сторону. *(Разливает вино. Царь и Висковатый выпивают)*. Что ж до того, что посулил мне Эрик прислать сестру польского короля Катерину, то указать надобно: из-за лживого послания своего брата Эрика и всех шведских людей пошла та вражда, ибо писал он, Эрик, мне, что ты мертв, потому жену твою я хотел взять.

Висковатый. Не было у нас такого послания от шведов.

Иван (раздраженно). Не было? А ты пошукай - может, лежит в Посольском приказе? Прибыло, когда ты в Дании был, в колчане, а дьячки твои нерасторопные утерали. Пиши: никто на тебя, Юхан, не покушается. Делай с женой и с братом что хочешь. Об этом много говорить не стоит. Злое же дело начал ты, как только сел на государство. Не будь твой отец мужичий сын, ты б так не делал.

Висковатый. Государь, так писать в посольской грамоте не следует. Особо же при нынешних делах.

Иван (*раздраженно*). Как же не писать? То истинная правда! Когда при отце его Густаве приезжали наши торговые люди с салом и воском, то тот король Густав сам надел рукавицы, аки простой человек пробовал сало и воск. И на судах осматривал, и ездил для того в Выборг. А слышал я то от своих торговых людей. Отчего по прежнему обычаю сносился шведский король не с московским самодержцем, а с новгородским наместником и был ему ровня? (*Ходит*). Ежели ты, Юхан, хочешь жить по правде, то прислал бы ты мне послов, и все бы без крови разрешилось. А ты крови желаешь, потому вздор говоришь и пишешь. А много крови проливают из-за твоей гордости, из-за того, что незаконно вступил в нашу вотчину, в ливонскую землю, да из-за того, что не хочешь по прежним обычаям сноситься с новгородским наместником. (*Оборачивается*). Ты отчего не пишешь?

Висковатый. Про невинну кровь мыслю, государь. Где она пролилась, невинная, не в новгородской ли земле еще боле, чем в Ливонии?

Иван (*раздраженно*). Невинная? Покарали изменников, которые подготовили передачу Новгорода и Пскова Литве. В Новгороде, где еще не исчезли предания независимости, завелась постоянная латынская партия.

Висковатый. Так ли, государь? Измена ли? Не воображение ли то?

Иван (*сдерживая гнев*). Иван Михайлович, знаю я издавна твое желание вступать не в свои дела.

Висковатый. О Новгороде говорю я как русский человек, не как посольский дьяк.

Иван (*сердито*). Дела свои делай, делами своими займись. По условиям мира, должен быть устроен съезд в Соболине на реке Вуоксе. На том съезде должны прибывать с обеих сторон достойные честные люди из моей, царя, вотчины Великого Новгорода, а также из шведского королевства, которые должны измерить и установить границы по земле и воде согласно грамоте.

Висковатый. Государь, где они, те достойные и честные люди из Великого Новгорода? Да какую границу устанавливать, ежели вся округа опустошена? Тысячи жертв, точно это чужая враждебная земля, а не своя отчина и дядина, не свое добро!

Иван (*гневно*). Не литовских ли лазутчиков слова повторяешь ты, дьяк посольский? Ты писать должен посольские указы, а не повторять вражьи слова!

Висковатый. Государь, такие посольские указы ослепление обнаруживают. Ты, царь, и твое окружение стали жертвами обмана. Литовская секретная служба при содействии изменника Андрея Курбского имела целью клевету на новгородцев с помощью подложных материалов сделать, чтобы ты утратил доверие к подданным. Ты, царь, использовал войско, назначенное против Польши, чтоб громить собственные города. Ты же, чтобы развязать себе руки для погрома собственной земли, хочешь заключить перемирие с поляками и самонадеянно заявляешь, что сам Бог открыл их, поляков, сговор с новгородцами.

Иван. Знаешь ли ты, дьяк, что плетешь? Главные заговорщики новгородцев посадник Данилов да архиепископ Пимен. Ты ж говоришь с литовских уст.

Висковатый. Государь, знаешь ведь добре, я был за Литву против южного направления, за войну с поляками и Литвой стоял. Однако ныне, после новгородской бойни, то делать мы не можем при разоренном тыле, при голоде и болезнях. В Твери да иных местах от голода и болезней умерло еще более, чем от опричного погрома. Мы в посольском приказе знаем, что говорят и пишут иноземцы. Гляди, государь. (*Достаёт книгу*). Издана книга зарубежная под названием: “О жестокой жестокости великого князя Московского, которую в Новом городе и Пскове выполнил”. (*Подает книгу*).

Иван (*берет книгу*). Знаю, лицемеры зарубежные изображают меня хищником. (*Листает книгу, читает*). «Tandem ad satellites circumstantes, fremebundus dixit: Irruite in hos perfidos, secate, dissecate, trucidate, neminemque vivum relinquate». Зубы скрежещущи приказал: напущайтесь на тех изменников, секите, рассекайте, побивайте. Никого жива не оставляйте... Я в латыни не шибко силен. Надобно велеть толмачу, чтоб точней перевел. (*Бросает книгу на стол*). То полезно знать, как о тебе враг судит. Я же имею нелицемерного судью Христа милостивого. (*Ходит нервно*). Лицемеры. Что сделал я и дед мой, великий князь Иван Третий, сделал во Франции Людовик Одиннадцатый, в Испании Фердинанд Католик с Изабеллой Кастильской, германский император Фридрих Второй и Максим Первый. Цезарь. Борджиа коварно умерщвлял врагов для объединения отчизны. Жестокость, обман, коварство указаны как мера необходимая в известных условиях у Макиавелли в книге «Государь» - “Il principe”. Меры необходимы против государственных преступников.

Висковатый. Рядом с государственными преступниками гибнут невинные люди.

Иван. Кто те невинные люди? Укажи мне хоть одного!

Висковатый. Опричниками убито много невинных людей, арестован и мой невинный брат Третьяк.

Иван. Ах, понятно, то ты ради брата пришел все то говорить. Кто ж тебе более дорог - царь и отечество или брат? *(Кричит)*. Эй! Покликать Малюту! *(Нервно ходит)*. Не ведаю, что с братом твоим. Малюта скажет. А ты-то говорил, что пришел ради отечества. Пришел же, печатник, ради брата?

Висковатый. Да, признаюсь, отважился я на такое объяснение с тобой, царем, после того, как опричные арестовали моего родного брата, а до того молчал. Грешен! Однако горячо убеждаю тебя, царя, прекратить кровопролитие, не уничтожать своих бояр и иных людей иноземцам в радость. Расправы над Новгородом далеко превзошли исправительные наказания, ежели они вообще были нужны!

Иван. Мыслите ты да тебе подобные, я уничтожаю невинных. Однако страшный суд над новгородцами - то Божий суд над изменниками, против отечества вставшими при сей тяжелой войне. Война длится уж двенадцать лет, не обещая конца и выхода, и все ж неизбежная для государства. Правительство напрягает все средства и потому требует великих усилий от подданных. Пусть не всегда прямая измена, но ведь и вялость службы, нерадение при данном положении равносильны измене. Иноземцы обличают нас в жестокости, однако в том ли их главная неприязнь? Сестра моя Елизавета Английская соперничает с Филиппом Испанским на море. Так и при мне, при царе Иване Четвертом, впервые Россия принимает участие в европейском споре за Балтику. С этой поры она, Россия наша, стала европейской державой. Вот чего иноземцы нам простить не могут, а не казни!

Висковатый. Государь, Ливонская война показала, что Россия не может выиграть войну за Балтику без морского флота.

Малюта *(входит)*. Государь великий, как тобой указано, все татарские пленные перетоплены.

Иван. Умерли они в ложной той своей вере, в ложном учении Магометановом. Однако позвал тебя по иному делу. Отчего взят брат дьяка посольского приказа Ивана Михайловича Висковатого?

Малюта. Третьяк Висковатый казнен за изменное сношение с Крымом.

Висковатый *(вскрикивает)*. Брат мой родной казнен! *(Закрывает глаза ладонью, плачет)*.

Иван. Так-то, Иван Михайлович. А ты говорил - невинный. Казнен за изменное сношение с Крымом. Ведь и мой брат князь Владимир Старицкий казнен. И ты способствовал тому. Отечество Русь превыше братьев, превыше всего иного. Я Помазник Божий. Мне и отечеству служить надобно.

Висковатый. Государь, я почал говорить, что нельзя выиграть войну за Балтику без морского флота. Ты ж, царь, строишь вместо морского флота речной. В Посольском приказе и в Думе стало ведомо, что в заложенных в окрестностях Вологды верфях, где трудятся английские корабельные мастера, спущены на воду большие плоскодонные барки. Они для войны на Балтике непригодны. Для чего ж, царь, барки те предназначаются? Для перевозки твоей царской казны к северным морским пристаням. Там казна погружена будет на английские морские суда. Ты, царь, переговоры с Англией из Посольского приказа изъял, однако ведомо нам стало про твое тайное письмо королеве. Пролив невинную кровь крестьянскую, после возвращения, опасаясь бунта, хочешь сбежать в Англию?

Иван *(гневно)*. Схватить его. *(Висковатого хватают)*. Я тебе, дьяк, слишком долго прощал. Не надо бы!

Висковатый *(гневно)*. Изверг! Казнишь невинных за измену, сам не изменник ли?

Иван. Долго ты, змей, пользовался моим доверием. *(Кричит)*. Ты, пронырная свинья! Потхилое гузно!

Малюта. Государь, после Новгорода открылось: в Москве есть соучастники новгородской измены и в самом ближнем окружении. Также среди именитых опричников.

Иван *(гневно)*. Жалуетесь на истребление? Я вас еще не истреблял! Я едва только начал! *(Кричит)*. Но я постараюсь всех вас искоренить! Чтобы памяти вашей не осталось!

Висковатый. Всех истребишь ли? Я ж высказал вслух настроение всей земщины. Также со стороны высших приказных чинов в боярской Думе. Разорение и погром твой обернулись новым татарским игом. Таких ужасов Россия не видела со времен Батые! А и при Батые не так все ж было.

Иван. Я не доверял боярам, но и приказные чины с ними заодно. Этого не ожидал. Пресечь недовольство на корню. Малюта, помимо Висковатого, арестовать и иных земских дьяков.

Малюта. То делаем, государь. Государь, тут в слободе давно уж дожидаются ходоки, обиженные приказными, с жалобницами.

Иван. Давай их немедля. *(Малюта выходит)*. Ты, дьяк, все правду говоришь. Поглядим, какая у тебя самого правдивая жизнь! Не так ли? Не берешь ли скуп, сиречь взятку? Да иные с тобой. *(Нервно ходит)*. Чего тебе не хватало? Ты был последний советник ранней моей поры. *(Шут вбегает)*. Погляди, шут, на сию кислую рожу дьячью. Я, царь, ему верил. Служил бы мне верой и правдой да жил бы в радости и богатстве!

Шут. Истинно: любил бы государя, жил бы так, как жук в говне, что желудь в дупле, что червь за корой, что сверчок за печью. Эх, костям бы твоим ломота, зубам щепота. *(Смеется)*.

Входит Малюта, сопровождаемый ходоками. Ходоки низко кланяются царю.

Иван. Все бумаги пишутся от имени государя да все дела на местах в московских приказах. Оттого приказные волочат дела для личного обогащения. Так ли?

Первый ходок. Истинно так, государь милостивый. Челом тебе на приказных бьем.

Иван. Говорите смело. Я, царь, Богом поставлен для защиты народа от притеснений.

Первый ходок. Государь милостивый, жалобы имеем на приказных. Яков Конашка Дементьев, да вот со мной Варажка Михайлов, да Негодка Степанов. Бьют челом и плачутся сироты твои. В селе Дуплово заперты были в бане приказными, и заперши, вымучили у нас, у сирот: у меня, Конашки, двадцать пять рублей, у Варажки семь рублей, у Негодки пять рублей.

Второй ходок. Я, царь великий, служилый татарин Исаналейка свияжского города и иные служилые татаровя, да из Сарского уезда служилая мордва, да кунгурский ясашный татарин Кусекайко Салкаев на Юкперду Янгизитова жалобы имеем. В Казани хлеб приказные принимают лживо, по записной их тетради две тысячи пуд ясака ржи и овса тож пять тысяч пуд. А везем вельми больше, а приказный говорит: хлеб в Казани везут вельми плохо... А хлеб, ясак приказные себе берут...

Иван *(перебивает)*. Повсюду голод, а приказные хлеб себе берут... Это не равно ли измене? Далее говорите.

Третий ходок. Пошлины берут приказные и казенные, и черные с черных слобод, да воруют.

Иван. Так-то приказные весь народ бесчестят. Малюта, записать надобно: а буде кто обесчестит гостинные и суконные, и казенные, и черные сотни и слободы, то править за бесчестие: гостинные сотни большой статьи двадцать рублей с человеку, суконные сотни большой статьи пятнадцать рублей, черные сотни и слободу и посадским тяглым по семь рублей. Те люди, что живут и приписаны в той или иной слободе или сотне, кои от приказных были обижены - приказных наказывать.

Малюта. Государь, наказываем кнутом, лишаем чина - все равно скуп, сиречь взятки, берут.

Иван. То мелкоту секут. Верхушку денежную секите, отделявайте, ежели попадутся. Вот таких, как он! *(Указывает на Висковатого)*. Сего знаете?

Малюта. Как не знать! Печатный думный дьяк посольского приказа Иван Михайлович Висковатый. Чтоб получить грамоту на поместье, надо дать приказному взятку едва не в полпоместья, да после этого надо еще приложить к ней печать у сего печатника думного дьяка Ивана Висковатого. Человек он гордый. Счастлив может почитать себя тот, кто получит от него грамоту в месячный срок. Да скуп давать.

Иван. Так-то, дьяк Висковатый. Ты меня в нечестии упрекал! *(Кричит)*. Вор, тать! Безобразно и бесстыдно лжешь перед царем! Обижаяешь народ простой! Устрою тебе и иным праведную казнь на Поганой луже перед народными глазами. А ты, Висковатый, если публично покаешься, то поглядим.

Висковатый. Не стану я каяться перед тобой, демоном!

Висковатого уводят.

Иван. Злокозненный враг. Ежели не кается грехов своих, то и святых тайн христовых не дать ему причащать. Аки животину, скотину, отделать. Да с иными татями, с взяточными приказными. Я сию заразу с Руси выведу! Чтоб на Руси закон правил!

Третий ходок. Были, государь, на Москве дьяки честны, а ныне земля ими пуста.

Иван *(раздраженно)*. Пусть вон идут ходоки. Устал я.

Ходоки торопливо уходят.

Иван *(в задумчивости)*. Малюта, возьмешь из Посольского приказа лицевой свод, цареву книгу. Там текст с новыми моими замечаниями остался неперебеленный. Да впишешь все! Народ должен знать изменников. Также возьмешь на себя Висковатого дела Посольского приказа, пока людей других не нашел. Не скупа Русь новыми людьми - братья Щелкановы, Борис Годунов, Пушкин.

Малюта. Родня мой Богдан Бельский тоже весьма пригож.

Иван. Про собаку Висковатого написать: изменник Руси.

Малюта. Так напишем.

Иван. Вор, напиши.

Малюта. Так напишем.

Иван. Брат мой Владимир Андреич Старицкий был прежде в летописях удельным князем. В летопись, которую Висковатый правил, та запись не вошла. Висковатый брата того не любил. Надо бы восстановить.

Малюта. Исполним, государь.

Иван. Брат мой, Старицкий князь, невинно пострадал. Не сам он хотел вместо меня на трон, а иные его оговорили, такие, как Висковатый. Записать: дьяк Висковатый виновен в смерти брата моего царева.

Малюта. Исполним, государь.

Иван. Записать также, что Висковатый был против войны с Польшей. *(С горечью)*. Прежде ведь я любил его как самого себя. Также брата моего Владимира Андреевича Старицкого по благословению отца моего митрополита Макария. А разве не любил я митрополита Филиппа? При женитьбе на благоверной царице Марии Темрюковне разве не ему я изрек: “Отче честные, совокупи меня законным браком с любезнейшей моей”. Однако кругом измены, особо от тех, кого любил и верил. А жену покормили отравой, чтоб я был один.

Малюта. Мы, верные слуги твои, не допустим более такого.

Иван. Верные слуги, где они? Новых людей мне найди. Напиши: Басмановых, Вяземских да прочих, прежде именитых опричников, чтоб не было. Мне список составь изменников. *(На бумаге читает)*. В опричнину взять новых: Малюта Скуратов, Григорий Грязной, Богдан Бельский, трое Годуновых, князь Черемисинов, Федор Трубецкой, из земской знати дьяки Щелкановы. Не оскудела русская земля добрыми людьми! *(Ходит в задумчивости)*.

Малюта. Государь, опричник Федор Ошанин привез из Новгорода в Москву опального архиепископа Пимена. Что с ним делать?

Иван. Посадить в твердое хранило Чудова монастыря. Там поглядим, в монастырь далее отправим или казним.

Малюта. Государь, после погрома изменников велико запустение новгородских дворов. По распоряжению твоему царскому в Новгород переселены многие жители других городов и деревень, в дворах старых новгородских поселены. Да иные идти добром не хотят из своих мест.

Иван *(гневно)*. Не хотят добром, тащить силой. Приказать ратным начальникам тащить силой из городов и деревень кругом пятидесяти миль народ всякого звания на поселение в Новгороде. Также московских сведенцев, тверских сведенцев, полоцких сведенцев и прочих.

Малюта. Ныне, государь, из иных мест переводить мор препятствует. Всеобщая лихорадка, огненная болезнь, чума.

Иван. Против чумы поставить на дорогах воинские заставы. Всех, кто пытается выехать из мест, пораженных чумой, хватать и сжигать на больших кострах вместе с имуществом, лошадыми, повозками. Страже в городах наглухо заколачивать чумные дворы с мертвецами, также и с живыми, которые при тех мертвецах. При чуме сей на пир пригласить именитых опричников Басмановых, отца с сыном Вяземских да прочих. Хочу с ними попить. *(Смеется. Слышен звон колокола)*. То звонит колокол новгородского Софийского собора, привезенный мной в слободу. *(Крестится)*. Пора к обедне звать братьев.

Уходит с Малютой.

Занавес

Сцена 15

Александровская слобода. Столовая палата государева дворца. За столом Алексей Басманов с сыновьями Федором и Петром и Афанасий Вяземский.

Алексей Басманов. Стол велик, а званы лишь мы - я с сынами да ты, Афанасий Вяземский. Особо же печально, что велел Царь звать также младшего моего сына Петра. Он у меня еще дите - вишь,

прутиками играет: одной рукой пруттик держит, а другой рукой по пруту бьет. Чадо мое милое! (*Гладит Петра по голове и плачет*). Видно, наказывает Бог за грехи, вот я и плачу, грозный воевода.

Федор Басманов (*Петру*). Петр, не играй! Видишь, отец твой опечален и плачет.

Петр (*отбрасывает пруттик*). Вижу, отец, что ты очень опечален и плачешь. Что с тобой случилось?

Алексей Басманов Чадо мое милое, молод ты еще, семи лет, и играешь по-детски, так что не поймешь отцовскую печаль. (*Утирает слезы*). Позван я был Царем с вечера, и сказал Царь: “Завтра приходи ко мне обедать”. И поглядел недобро.

Афанасий Вяземский. То по наущению Малюты да Грязного, да иных сыскных судей. Были мы любимцы царские. Я был до того любим Царем, что Царь Иван, иной раз, ночью вставший с постели, приходил ко мне беседовать.

Федор Басманов Не с тобой одним Царь в постели беседовал.

Афанасий Вяземский. Со мной не так, как с тобой, Федор. С тобой царь в постели дело имел дурным свойством. (*Смеется*).

Федор Басманов (*сердито*). Неверный ты и поганый человек, Афанасий Вяземский.

Алексей Басманов Не ко времени ныне распри, други. Были мы все в числе любимцев первые, ныне же Царь к нам переменялся.

Афанасий Вяземский. Воистину, прежде, когда Царь был болен, то только от меня одного принимал лекарства. Ныне же, когда Царь переменялся ко мне, человек облагодетельствованный мной и порученный мной царской милости, Григорий Ловчиков, донес на меня, своего благодетеля, будто я предупредил архиепископа Пимена о грозящей Новгороду опасности. Вчера Царь призвал меня к себе, говорил со мной ласково, а тем временем по его приказанию были перебиты мои домашние слуги. Воротившись домой, увидал трупы, однак повинен был не обнаруживать виду, что в том дурное усмотрел, ибо кругом двора поставлены опричные стрельцы. Жена же моя и дети в трясовице, сиречь в лихорадке. Споро отправил их из слободы в Москву. Не ведаю, что далее будет, какое новое Царя наставление, не темница ли, али более того?

Алексей Басманов. Ты, Вяземский, не говорил против похода Царя на Новгород, а я говорил. Царь знает, что я не одобрил того похода и потому я не был допущен к походу. Мы, члены опричной думы, опасаемся, что расправа с Пименом усилит неприязнь к опричному делу.

Афанасий Вяземский (*тихо*). Царь вовсе разум потерял. Слышал, еще женится.

Алексей Басманов. На ком же?

Афанасий Вяземский. На новгородской гостье, деве Марфе Собакиной. А сватает Малюта, чтоб через родичку свою с Царем породнится да поднять свое худородство. Он-то, Малюта, даже из среднехудородных наших опричников выделяется своим худородством.

Алексей Басманов. Что ж прежние родичи царицы Марьи Темрюковны? Прежде прочего шурин, черкасский князь Мамстрюк Темрюкович, сиречь Мишка, он-то в опале?

Афанасий Вяземский. Любимый царский шуринок в фаворе. Хочет Царь сделать его главным воеводой опричного войска вместо родича твоего, Басманов, вместо Захария Очина.

Алексей Басманов (*тихо*). И Черкасский долго не усидит... Если б его ныне к нашему делу привлечь...

Афанасий Вяземский (*тихо*). А царь кто?

Алексей Басманов (*тихо*). Наследник Иван Иванович уж созрел. Был у меня на сей счет разговор с земским боярином Юрием Романовым... Ежели бы с Темрюковичем сговориться, у него войско опричное...

Федор Басманов Не получится, батюшка, сговор с кострюком-мамстрюком. Кострюк-мамстрюк - это по нашему значит кострика, костриковый человек, несговорчивый, строптивый, басурман крещеный.

Афанасий Вяземский. Тихо, идут сюда.

Входят царь, Малюта, Грязной, черкасский князь, опричники и скоморохи.

Иван. Все ли в сборе?

Алексей Басманов. Все, кто зван, Государь.

Иван. Кругом слободы чума! И на богомолье не выедешь. То будем здесь пировать. (*Садится к столу*). Несите еду и поите моих бояр!

Слуги разливают вино. Все выпивают.

Иван. Люблю хвастанье разгулявшихся сотрапезников. *(Выпивает еще. Все выпивают).* Люблю, когда пьют, едят. Когда потешают, зелено вино иссушают, белую лебедь рушат. *(Смотрит на Басманова и Вяземского).* Басманов с сынами да ты, Вяземский, чего невеселы? Пир не нравится? Не хотите Царя потешить? Знаете вы ведь: не люблю, когда на пиру молчат - не лихо ли думают? Молчания не выношу. Не сидит ли где измена на пиру?

Малюта. Почто Царю не отвечаете?

Грязной. Уж не лихо ли кто против Царя думает?

Шут. Они, Государь, тайные цели имеют.

Иван. Которые, шут?

Шут. Хотят каменную Москву в полон взять, хотят войти в Кремль-городок.

Иван. Чую, правду шут говорит. Так ли Вяземский, любимец мой?

Вяземский. Государь милостивый, аки пес был я тебе предан всегда.

Иван. Аки пес? Вот мы у ловчего про пса спросим. Малюта, здесь ли ловчий Григорий Ловчиков.

Малюта. Здесь, государь.

Входит Григорий Ловчиков.

Малюта. Имеется донос на него, Афанасия Вяземского, от ловчего Григория Ловчикова. Предупредил Вяземский о новгородском походе. Так ли, Григорий Ловчиков?

Ловчиков. Так было. Оружничий Вяземский тайно предупредил Пимена о грозящей ему опасности от Царя.

Иван. Согласники Пимена в ближнем окружении! Ныне, когда я, Царь, дознался про твои, Вяземский, тайные сношения с Пименом, спытать хочу: внес ли ты уже вклад на помин души?

Вяземский *(испуганно).* Государь милостивый, оговорен напрасно.

Иван *(гневно).* Внес ли вклад?

Вяземский. Велел детям внести в Троицкий монастырь сельцо Офросимово Московского уезда на помин души отца и сына.

Иван. Сельцо Офросимово? Вызнать! Сколько ты за опричное время нагрбил? Схватить его, засадить в тюрьму, убить несколько его именитых родственников, а его самого подвергнуть пытке, допрашивать, где его сокровища. *(Кричит).* Все отдашь, что нагрбил у народа и нажил за время своего благополучия. *(Вяземского хватают).* Помимо того, чтоб показал на многих богатых людей, которые тебе должны. Да и весь тот долг взять в царскую казну.

Вяземского уволакивают.

Малюта. Государь, впоследствии Пимен, готовясь сдать литовцам Новгород и Псков, ссылался со своими московскими сообщниками: с боярином Алексеем Басмановым, с его сыном Федором, с оружничим Вяземским, земским боярином Юрьевым-Романовым и дьяками.

Иван *(встает из-за стола, нервно ходит).* Огромный заговор против меня всех руководящих земщины и опричнины. Того ли хотел, Алексей Басманов?

Алексей Басманов. Государь, знаешь ли, мы, Басмановы, главные зачинщики опричнины. Я, государь, подал тебе мысль об опричнине, чтоб защитить отечество от вельможного произвола. А служил я тебе и отечеству не как Вяземский, обозным воеводой али в опричной казне. Отличился и награжден тобой при взятии Казани, отразил нападение Девлет-гирея на Рязань да еще немало раз отражал татар, также с успехом в Ливонии воевал.

Иван *(гневно).* Для кого ты все делал, для меня, не для себя ли? При малолетстве моем сам участвовал в смутах, а после новым Адашевым сделался, меня поработить хотел. *(Кричит).* Адашев сгинул в опале, так и тебе будет! Влиянию твоему конец!

Алексей Басманов. Государь, мое влияние было на истинных заслугах воеводы да на пролитой своей крови. Я был за выведение измен, однако против погрома Новгорода. Государь, в правительстве опричном есть люди независимые в суждениях. Они, как и я, не одобряют погрома Новгорода.

Иван. После сокрушения суздальской знати и смены боярского руководства земщины хотите вы надо мной, самодержцем, верх взять, и теми, кто заправляет в опричнине. На вас обрушу свой последний удар. Круг замкнулся. *(Гневно ходит).* Советники Пименовы, ныне как раскрылось, что встревожились?

Алексей Басманов. Государь, новгородское дело встревожило тех опричных, которые не утратили способности соображать свои дела, помимо служения твоему величию, с пользой для отечества, також со здравым смыслом. Нелепость обвинения против Пимена для нас сама собой разумеется.

Среди церковных деятелей новгородское архиепископство издавна поддерживало опричнину, и было предано тебе, Царю. Пимен дружен был со мной да опричниками, да помогал свергнуть митрополита Филиппа, тебе, Царю, и опричнине враждебного.

Иван. Все то делалось для своих нужд.

Алексей Басманов. Опричнину ввели, чтоб истреблять неправды боярских правителей. На деле же ныне в глазах народа опричники страшней татар.

Иван. Ах, так-то говоришь? Ты-то, Алексей Басманов, предстатель, заступник народа, так ли? Речи твои прелестные и обманные. Вспомни-ка про свои многочисленные душегубства и убийства в земщине! Душегуб, сколько ты народу погубил! Я же, Царь, про многое не ведал, а про многое мне обманом доносили. Также и грешен, слабость имею - привязчив я. Говорят на меня, что я недоверчив и жесток. Я же доверяю безгранично до излишества. Так было с Сильвестром, проклятым попом, так с Адашевым, так и с тобой, Алексей Басманов! Однако Бог наставляет меня, открывает мне верный путь. Ты, Адашев...

Малюта. Басманов, государь.

Иван. Оговорился, а к месту. Ты, Басманов, внушил мне мысль об опричном управлении, устроенном на великом насилии против вельмож, а пожелал ты насилие обратить на меня, самодержца. Однако, с божьей помощью, обратится то насилие на тебя самого. А заместо тебя и тебе подобных всегда люди найдутся честные. Не оскудела Русь! Вот шурин мой, Михаил, Темрюкович прозванный, человек честного рода. Что скажешь, Михайло Темрюкович, Черкасский князь?

Михаил Черкасский. Великий и грозный наш Царь Иван Васильевич! Для твоей царской светлости и утехи пустился б я в такое дело. Привел бы черкасские свои силы, горских людей черкасских привел, ибо не все русские надежные.

Иван. То дело говоришь. Приведи. Истинно, не все наши надежны.

Михаил Черкасский. Грозный и сильный Царь, сотворю повеление твое. И Царь Черкасский горский Темрюк Юрьич выступил с черкасами, с двумя тысячами. С луками казанских татар взяли две тысячи. В Свияжске взяли двести пушек, казны пороховой взяли шесть пуд.

Иван. Вдвое надобно. От казанских князей десять тысяч надобно, чтоб с ними Москву окружить. Скорей чтоб ехали от устья реки Камы. Да от Астрахани воинства шесть тысяч с двенадцатью астраханскими князьями.

Алексей Басманов. Что ж ты, Царь, и в Москве готовишь учинить погром, как в Новгороде, да с басурманами заодно? Уж кощунствовать хочешь над землей русской!

Иван (*гневно*). Утопить его с сынами. (*Опричники хватают Басманова*). Готовы ли, Малюта дела доводные, речи росписные тех изменников, что повинились?

Малюта. Готовы, Государь.

Иван. Новгородское изменное дело перешло в дело Московское. Тебе, Алексей Данилович Басманов, я верил особо, и с тобой за обман и измену расправлюсь особо жестоко. Что завещаешь сыну своему старшему Федору?

Алексей Басманов (*утирая слезы*). Аки воин воину завещаю сыну моему коня буланого с седлом и уздою, саадак и саблю, да колчан, да свою пару коротких немецких пистолетов, да два самопала долгих. Иное свое имение завещаю сыну младшему Петру.

Иван. С тем поторопился. Не пригодится то сыну твоему младшему Петру. (*Кричит*). Обезглавить его младенца, сына Петра!

Алексей Басманов (*со слезами*). Государь милостивый, он мальчик еще, дите малое семи лет, никакого зла не совершил. Пощадите, Государь!

Иван (*бешено кричит*). Обезглавить! Ты, опричник Митнев. (*Указывает на одного из опричников*). Обезглавить!

Митнев (*стоит неподвижно*). Не могу то совершить, Царь. Ежели тебе нужна его кровь, то пей ее сам. Царь, воистину, яко сам пьешь, так и нас принуждаешь окаянный мед, с кровью смешанный братий наших, пити.

Иван (*гневно*). Повелеваю убить его! (*Митнева убивают*). Кто взял его, изменника, в опричнину?

Малюта. Афанасий Вяземский. Он сродник Вяземского. Дворянин Митнев выслан из своего уезду, да лишен земляных владений. Однак, по велению Вяземского, в опричнину взят был из Можайска.

Иван (*нервно ходит*). Никому уж не верю. (*Кричит*). Ненавижу вас, изменников! Рубите сына Басманова. (*Грязной рубит Петру голову*). Старшего сына, опричного кравчего Федора Басманова, я милую. Предан ли ты мне, Федор?

Федор Басманов (*тихо*). Предан тебе до могилы, государь.

Иван. Помяни евангельское слово: “Ежели выведешь честное из нечистоты, то будешь, как будто бы уста мой”. Чтоб доказать преданность царю, зарежь отца своего. (*Федор молчит*). Сделаешь ли?

Федор Басманов (*со слезами*). Сохранишь ли, Государь, жизнь сынов моих, младенца Петра Федоровича да Ивана Федоровича?

Иван. Разжалобил ты меня. Сохраню, ежели отца-изменника зарежешь. Я, Царь, тебе отец, а отечество, Русь, тебе дом.

Федор Басманов (*плача*). Отец, дашь ли прощение мне?

Алексей Басманов (*плача*). Делай, Федор. (*Целует сына*).

Федор Басманов. Прощай, отец. (*Убивает отца*).

Иван. Так-то ты, сын Федор, зарезал отца-преступника, покаявшись и возвратившись из тьмы в свет. Ныне ехал бы, Федор, ты прочь в Москву безо всякой боязни и честно бы служил мне, Царю и великому князю. (*Обнимает и целует Федора. Федор уходит, шатаясь и плача*).

Малюта. Он, Государь, теперича вельми опасен.

Иван. К Москве ему приехать не дать. Взять дорогою да отправить в изгнание на Белоозеро.

Грязной. Так сделаем, Государь. Глядеть за ним будем, чтоб поскорее умер. (*Смеется*).

Иван. Вяземского подвергнуть торговой казни. Потом сослать его в город Городец на Волге. Там его уморить в тюрьме, в железных оковах. Сокровища взять. По доносу Григория Ловчикова ведомо, что заготовили мастера железные бочки, а он, Вяземский, наполнил их золотом и погрузил в реку. А мастеров повелел казнить, чтоб никто не знал о его коварстве, кроме тетки его - дьявола. Выпытать про те бочки.

Малюта. Сделаем, Государь. С Басмановыми-Плещеевыми как быть? Их в опричнине много. Басманов потянул за собой весь род Плещеевых.

Иван. Теперь всех их разом чтоб постигло наказание. Захарию Очина-Плещеева, что командовал опричными отрядами, да прочих. (*Ходит*) А трупы убрать, пировать будем. (*Мертвых уносят. Царь и опричники садятся за стол*). Читал я, был в Мунтянской земле воевода, христианин греческой веры, имя его по-валашски Дракула, а по-нашему - дьявол. Так жесток и мудр был, что каково его имя, такова была и его жизнь. Обедал Дракула среди трупов, посаженных на кол. Много их было вокруг стола его. Он же ел и в том находил удовольствие. Я ж, когда ем, не могу терпеть смрада. Видно, еще не до конца грешен. (*Смеется*). Велите монахам, хай воскурят благовоние. Вы ж, скоморохи, пойте.

Скоморохи (*поют*). Уж как мне то, грозну Царю Ивану Васильевичу, уж мне-то можно похвалиться. Вынес я порфиру из Цареграда. Взял Казань-город и славу Астрахань. Вывел я туман из-за синя моря. Вывел я измены из Ново-города. Вывел из Пскова, изо каменной Москвы.

Иван. Готовишь ли, Малюта, место для казней в Москве?

Малюта. Готовим, Государь, на Пожаре, на Красной площади.

Иван. Нет, не будет им красна смерть. Казнить будем на Поганой луже, чтоб смерть им была погана.

Малюта. Сделаем, как велишь, Государь.

Иван. Народ простит жестокие казни, ежели они ради выведения боярской да прочей измены со Руси святой. (*Крестится*).

Занавес

Сцена 16

Москва. Рыночная площадь, называемая Поганая лужа. 25 июля 1570 года.

Бревенчатый помост, на котором палачи расположили орудия пыток, окружен виселицами. Горит костер. В большом котле кипит вода.

Первый горожанин (*со страхом*). Ужасное делается!

Второй горожанин (*со страхом*). Царь великий, словно лев в ярости, хочет броситься на нас.

Третий горожанин (*со страхом*). Уж мимо проходит день доброго житья.

Четвертый горожанин. Про кровавы оргии в царевой слободе и Кремлевском дворце давние слухи. Девицам велит вырезать срамные места, с живых кожу сдирает, а иным вдовам груди отрезает. А другим старым людям сдирает кожу с срамных мест и, раскалив железный прут, вонзает в срамное место так, что выходит он через рот.

Первый горожанин. Так и нам сделать хочет. Весь город Москву каменну погубить.

Пятый горожанин. Откуда взяли? Были ли то, али небылицы?

Четвертый горожанин. Истинно то, из уст в уста горожане передают. А казненные стоять будут привязанны наги к столбу, пока не истлеет плоть и не распадутся кости, али не расклюют их птицы.

Первый горожанин. Бежим, дабы не умереть.

Второй горожанин. Куда побежишь, если тесен город?

Первый горожанин. Побежим по чердакам да погребам ховаться.

Горожане разбегаются. Входят послы.

Литовский посол. Московские люди разбегаются по домам. Готовится нечто ужасное.

Немецкий посол. В Москве Царь хочет новые казни сделать, хуже, чем в Новгороде. Русский Царь погубил в Новгороде до двенадцати тысяч знати, а ремесленников и простого народа до пятнадцати тысяч. Большая река Волхов, что вдвое шире, чем Прегель в Пруссии, на которой стоит Кеннигсберг, до того была переполнена трупами, что у моста образовались запруды и вода в этом месте окрашивалась кровью.

Немецкий посол. Знает ли о том митрополит?

Литовский посол. После расправы над митрополитом Филиппом никто не смеет спорить с Царем. Арестованы в Новгороде сообщники опального митрополита. Также и его противники, такие как Пимен, томятся уж несколько месяцев в Александровской слободе.

Немецкий посол. В России теперь некоторые связывают надежду с принцем-наследником.

Литовский посол. Царевич так же кровожаден и жесток, как и отец. В старшем любимом сыне своем Иоанн-Царь готовит России второго себя. Принц Иоанн видит повсюду измены.

Немецкий посол. Однако о нем говорят и иное. Я слышал, что ныне Царь не любит старшего сына. *(Шум, конский топот).* Царь явился на место казни в полном вооружении под охраной стрельцов.

Литовский посол. Оба сына с ним: Иван да Федор. Иван такой же кровопийца, Федор же безумен.

Входят царь Иван, царевич Иван, царевич Федор и опричники.

Иван. Все ли сделано?

Малюта. Все сделано, великий государь. Разложены орудия казни *(показывает):* печи, сковороды, острые железные когти, кошки, клещи, иглы, веревки для перетирания тела пополам, котлы с кипящей водой, да прочее. Площадь окружена тысячью пятистами стрельцов конными и пешими.

Иван. Добро. Как я вывел измену с Новгородчины, повыведу измену с каменной Москвы. *(Оглядывается).* Однак площадь пуста, как будто все вымерли. Где народ?

Малюта. Великий Царь, люди разбежались по домам.

Грязной. Государь милостивый, глупый народ, увидев все наши приготовления, пришел в ужас и бросился в беспамятстве бежать куда попало. Купцы побросали в отворенных лавках товар и деньги, однак и так сбежали. Воровать некому.

Иван. Объявите: мне, Царю, то не понравилось. Я, Царь, тем обескуражен. Что ж, разве русский народ не одобряет дело Царя своего против измены? Малюта, надобно разослать гонцов по всем улицам и велеть кричать: идите без страха, никому ничего не будет! Царь всем обещает милости!

Малюта. Сделаем, как велишь. *(Уходит).*

Иван. Тут ли земщина?

Мстиславский. Я, князь боярин Мстиславский, да князь боярин Воротынский от земщины. *(Бояре кланяются).*

Воротынский. Стоим, Государь, в ожидании царской милости.

Иван. Стойте да ждите. А отчего нет митрополита тут на Поганой Луже? Здесь же рядом митрополичий загородный двор, а неподалеку литовские послы с их двором. Вижу, литвины да прочие явились, а митрополита нет.

Воротынский. Отец святой митрополит Кирилл захворал.

Иван *(сердито).* Знаю я ту митрополичью хворь. Как Филиппа с Пименом лечил, так и его вылечу.

Появляются люди.

Малюта. Государь милостивый, москвичи выползают, кто с чердаков, кто с погребов, и сходятся на площади.

Толпа заполняет рыночную площадь.

Иван (*кричит*). Народ православный, я, Царь, увещаю вас: подойдите посмотреть поближе. (*Народ подходит*). Не против вас я, против изменников. Праведно ли я караю изменников лютыми муками?

Первый гражданин (*кричит*). Живи и здравствуй, преблагий Царь!

Второй гражданин. Ты хорошо делаешь, что наказываешь изменников по их делам.

Третий гражданин. Будь здоров и благополучен! Преступникам и злодеям - достойная казнь!

Иван. Выводи изменников!

Малюта. Вывести триста опальных!

Стрельцы выводят осужденных. Многие из них идут с трудом, подвергнутые пыткам.

Первый гражданин (*шепотом*). Едва идут, так пытаны.

Иван. Малюта, а чего нет среди осужденных воеводы-изменника Петра Семеновича Оболенского-Серебряного?

Малюта. Великий государь, воевода Петр Семенович Серебряный казнен уж пять ден тому, при казнях на Ильин день. Также казнен в тот день и дьяк Мясоед Семенович Вислый.

Иван. Вислый повешен ли?

Малюта. Повешен, государь.

Иван. А жена его?

Малюта. Жену его повесили ранее. Также перебито в тот день полтора ста польских пленных.

Иван. Будет помнить ляшье племя вражье, как мира со мной не заключать. Да духовенство и земщина помнить повинна, что есть Царь-самодержец, грозный и милостивый. (*Громко*). Народ православный, сначала я, Царь, объявляю монаршью милость! По списку сто восемьдесят четыре человека из осужденных отпущены на свободу. Отвести их в сторону и отдать на поруки земцам.

Опричники отделяют от осужденных тех, кто помилован. Среди помилованных старый боярин Белеутов и трое Михалков.

Малюта. Царь великодушно объявляет народу помилование!

Крики. Великий Государь всемогущий, милосердный, пресветлый, праведный.

Белеутов (*рыдая*). Великий государь, одолжен милостью твоей.

Первый Михалко - отец (*рыдая*). Великий Государь, по дурачеству своему не знаю, в чем я винен, однако принес к тебе, Государю, свою винную голову.

Второй Михалко - сын (*рыдая*). В вине моей ты, Государь, волен.

Третий Михалко - сын (*рыдая*). Государь милостивый, праведный!

Общие рыдания помилованных, крики. Многолетнего здравия Государю, милостью своей нас, худых рабов, вознаградил!

Иван. Народ русский православный, дети мои Государя своего, объявляю, что дарую им жизнь по своей великой милости. Остальных всех изменников Святой Руси казнить мучительными казнями.

Малюта. Царь объявил: остальных ждет лютая казнь.

Иван. Пусть дьяк громко вычитает вины прочих, и почнем казни.

Малюта. Дьяку Василию Щелканову перечислить всех осужденных на смерть.

Иван. Также зачитать статейный список из сыского новгородского изменного дела, чтоб народ то знал!

Щелканов (*читает громко*). Статьиный список из сыского из изменного дела на новгородского архиепископа на Пимена и на новгородских дьяков и подьячих, и на гостей, и на владычинных приказных, и на детей боярских, что они ссылались в Москве с боярином с Алексеем Басмановым и с сыном его Федором, и с казначеем Никитою Фуниковым, и с печатником с Иваном Михайловым Висковатым, и с Семеном Васильевым сыном Яковля да с дьяком с Васильем Степановым, да с Андреем Васильевым, да с князем Афанасьем Вяземским, да с дьяком Казенного приказа... (*Читает монотонно*).

Литовский посол (*шепотом*). Царь хочет умертвить до ста пятидесяти начальных людей, из которых каждый судил и рядил по стране.

Щелканов (*продолжает чтение*). По даче Великого Новгорода и Пскова, что архиепископ Пимен хотел с ними Новгород и Псков отдать литовскому Королю, а Царя и великого князя Ивана Васильевича Всея Руси хотели злым измышлением извести, а на государевый престол посадити

князя Владимира Андреевича. И в том деле с пыток многие про ту измену на новгородского епископа Пимена, на его советников и на себя говорили.

Иван. Первый Иван Висковатый. Бывшего печатника Висковатого привязать к бревнам, составленным наподобие креста. *(Висковатого привязывают к кресту)*. Однако, милые мои, то не христов крест, а крест разбойника Вараввы. А тело, его, разбойника, у церкви не положат, а пеня божьего не будет, а душе мука злая. Так будет, ежели не повинисься, Висковатый, всенародно.

Малюта. Тебе, распятому дьяку, предложено великодушно повиниться и просить у Царя помилования. Просишь ли?

Висковатый. Отказываюсь просить.

Иван. Щелканов, зачитай вину.

Щелканов. Вина - изменническая переписка с польским Королем. Он написал Королю польскому, обещая ему предать крепость новгородскую и псковскую. Также предательские сношения с турецким султаном.

Иван. Ты писал царю турецкому, увещевая его послать войска к Казани и Астрахани?

Висковатый. Я не писал. То ложь.

Щелканов. И сношения с крымским ханом.

Иван. Ты писал царю перекопскому и таврическому, чтоб он опустошал огнем и мечом владения мои, Царя и великого князя?

Висковатый. Не писал я.

Иван. Врешь! Тот царь перекопский учинил набег на Рязань, причинил большой урон жителям Московской земли. Признаешь ли вину?

Висковатый. Вину свою отрицаю.

Малюта. Просишь ли помилования?

Висковатый *(кричит)*. Помилования не прошу! Будь проклят ты, кровопийца, вместе с вашим Царем.

Иван *(гневно)*. Печатника разрезать на части живым. С креста снять, повесить вверх ногами, рассекать по частям аки мясную тушу.

Малюта. Приказано по суставам резать. *(Висковатого подвешивают вверх ногами)*.

Иван *(гневно)*. Один за другим чтоб приближенные отрезали какую-либо часть тела, да чтоб тут разницы не было. Малюта Скуратов да ты, подьячий Иван Реутов, да иные чтоб почали.

Первый Михалко. Государь милостивый, позволь и мне с двумя сынчишками резать во искупление вины.

Иван. Режьте, Михалки. Уважьте Царя. *(Висковатого режут по частям)*. Каждый пусть служит Царю! Служба государева ныне выше породы. И знатный, кто не служит, может захудать. Вот Белеутова предки лет уже сто тому входили в первую десятку знатнейших московских боярских фамилий. Так ли, Белеутов?

Белеутов *(кланяется)*. Так, Государь милостивый.

Иван. То чего ж не режешь изменника, Белеутов.

Белеутов. Стар я, невмочь мне. *(Плачет)*. Родом мы велики, да по службе закоснели, не поднимаемся выше полковых голов. *(Плачет)*.

Грязной. Взять ли его в оборот, Государь?

Иван. Пусть вон идет. Пошел вон, Белеутов! Шут, прогони его.

Шут бьет Белеутова по шее и прогоняет его.

Шут. Государь, мне дьячий срам чтоб достался, я его засолю и с хреном поем. *(Смеется)*.

Иван. Делай, шут. *(К сынам)*. Так-то, мальчишки-сыны мои. Я, Царь, не раз поучал вас, особо тебя, Иван-сын, наследника, как тебе людей держати и от них беречься, и во всем умети иных к себе присвоити. Да тем измены выводить со святой Руси.

Царевич Иван. Как же держать, батюшка?

Иван *(недовольно)*. Ты, царевич, вижу, свое неумение проявляешь, поучения мои худо помнишь.

Царевич Федор. Тех поучений, батюшка, много. Упомнишь ли?

Иван. Вот Евангелие, глава от Матфея, тогда помни. Три строки: "Толкайте, отверзется вам. Просите, достанется вам. Ищите, обрящете." *(Малюте)*. Далее кто?

Малюта. Казначей Никита Фуников, государь.

Иван. Признаешь ли вину?

Никита Фуников. Отрицаю вину.

Иван. Государственного казначея Никиту Фуникова, который, следуя бесовскому примеру дьяка Висковатого, отказался признать себя виновным, заживо сварить в кипятке. Однак пред тем попеременно обливать то кипятком, то ледяной водой. *(Фуникова обливают водой. Крики, стоны)*. Далее кто?

Малюта. Как ты велел, повар казнен, который отравил брата твоего князя Старицкого. Дьяку разбойного приказа Григорию Шапкину, жене его и двум сыновьям головы рубит опричник Василий Темкин. Дьяк большого приказа Булгаков с женой уж казнен. Казнен дьяк поместного приказа Василий Степанов.

Иван *(гневно)*. Не просто рубить, у многих изменников вырезать из живой кожи ремни, с других совсем снять кожу. Кожному определить, когда тот должен умереть. Для кожного различный род смерти.

Малюта. Так делаем, Государь.

Иван. Всех ли жен изменников казнили?

Грязной. Государь милостивый, иных на другой день потопим. Некоторых, коих пред тем подвергнем изнасилованию. *(Смеется)*.

Иван *(гневно)*. Кожному изменнику особая казнь. Тела казненных чтоб лежали несколько дней на площади, терзаемые собаками. *(Крики и стоны казненных)*.

Литовский посол. Еще недавно эти люди были всесильные правители. Печатник Висковатый вел переговоры с нашей польско-литовской делегацией, со шведскими послами.

Немецкий посол. Все это ужасно и неожиданно. Майн готт. *(Крестится)*. Безумное бешенство овладело царем Иваном. После Новгорода толкуют о том, что Бог покарал царя Ивана неожиданной болезнью. Припадки каждый день переходят как бы в безумие.

Литовский посол. И в Швеции правил безумный король Эрик, однако Сейм отстранил его и назначил королем его брата Юхана. Во всех государствах закон для защиты народа от тирании, кроме Московии и Турции, которые должны считаться не государствами, а соединением разбойников.

Иван *(свирепо)*. Дьяка Разрядного приказа Иоанна Выродкова, что изменнически не собрал пополнение для полков, привязать к барьеру, чтоб я, Царь, с сыновьями его убивал, нанося удары пиками и саблями.

Малюта. Сделаем, как велишь, Государь. *(Выродкова привязывают к барьеру)*.

Иван. В казнях повинны участь брать не одни лишь опричные свиты, но и я, Царь, с сынами, вооруженные пиками и саблями. Делайте, сыны, как я. *(Наносит удар Выродкову пикой, потом саблей)*. Делай, Иван-сын.

Иван - сын. Ныне не могу, батюшка.

Иван *(раздраженно)*. Отчего не можешь? В Новгороде вместе со мной сажал народ на копыя.

Царевич Иван. То в Новгороде измена, а тут Москва - стольный город.

Иван *(раздраженно)*. Делай, не перечь отцу. *(Царевич Иван ударяет Выродкова пикой)*. Теперь ты, Федор. Да как пику-то держишь! Острие вперед держи!

Федор. Батюшка, коли ты велишь, то я его ушибу. *(Подбегает и ударяет пикой в барьер)*.

Иван. Эх! Царьград да и цари во Царьграде ото всех царей и королей честны и славны были наследием своим, а как не стало наследия, то не стало и Царьграда. Бог так изволил, что хочет, то творит. *(Крестится)*.

Малюта *(убивает Выродкова)*. Кончено уж, Государь. И сей изменник убит.

Иван. Записать в подробностях да объявить на крестцах: многие казнены смертью какой, разными казнями. А иные разосланы по тюрьмам, до кого дело не дошло. А тех, кто освобождены, и иные пожалованы, также объявить. Да тут же список, кого казнено смертью и какою казнью, а кого отпущено. И тут же список за дьячею пометою. Да тут же приговор Государя, царя и великого князя всея Руси и царевича Ивана о тех изменниках, кого казнить смертью. И как Государь-царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси и царевич Иван Иванович выезжали в Китай-город на полое место¹³ и велели тех изменников вины вычести перед собой и их казнить.

Щелканов. Государь милостивый, сделаем, как велишь.

Входит юрод.

Федор. Батюшка, гляди - юрод.

¹³ На полое место - то есть, к месту казни.

Юрод Третьяк Артемий (*кричит*). Тут я на Поганой Луже, ростовский урод Третьяк Артемий! По моему пророчеству пришла мне из Москвы весть: Царь бояр своих, и ближних, и дьяков казнит и установил триста плах. Вот пришел, да не поспел.

Иван. Ежели пришел изменников спасать, то сам не изменник ли Руси святой?

Юрод Третьяк Артемий. Царь, я тебе изменник, да изменники тебе, Царь, вся Москва да вся Русь. Царь, объяви народу, было ли у тебя в мыслях погубить всех жителей Москвы.

Иван. Истинно я, Царь, объявляю народу, что в мыслях у меня было намерение погубить всех жителей города Москвы, но я сложил с них гнев.

Юрод Третьяк Артемий. Опричники твои, Царь, намеревались учинить в Москве такой же погром, аки в Новгороде. Что задумал, то татары совершат, за грехи придут с неверной земли. (*Кричит*). Так что давай-ка нам, благоверный Царь, ишшо три дворика, и три постоялые. Широки три разъезжалые, А не то зайду с краю - Москву вырублю, зайду с другого - Москву выпалю. А тебя, Царя, в полон возьму, с божьих церквей кресты сниму! (*После чего уходит*).

Федор. Батюшка, что пророчит юрод?

Иван. Пророчит юрод поход крымцев на Русь. Я и без юрода ведаю, что изменники готовят поход крымцев да царя крымского на Русь. Висковатый не прочь был, чтоб крымский царь забрал русскую землю, потому что он был расположен ко всем татарам и помогал им. К христианам же он был очень враждебен. Також и иные изменники. Однак с Божьей помощью чистим мы Русь от измен, пособляющих басурманам. Место, где очищаем измены, отныне чистым держать, запретить с рынка гниль да нечистоты в пруд кидать. Пруды очистить да именовать их отныне не Поганая Лужа, а Чистые Пруды за очистку от измен.

Уходит в сопровождении сыновей.

Занавес

Сцена 17

Крым. Бахчисарай. Дворец крымского хана Довлет-гирея. На ковре восседают крымский хан Довлет-гирей, его братья Ислав-гирей и Милгле-гирей, Калга-наследник, мурзы.

Довлет - гирей. Малый совет гиреев и мурз должен с помощью Аллаха выбрать направление нового набега: напасть ли на землю польского короля, на Литву, на Валахию, или на Русь. Скажи ты, Калга-сын, мой наследник.

Калга - наследник. Отец, Русь забрала себе юрты казанские и астраханские. На Русь надо идти.

Довлет - гирей. Что делать, братья мои гирей?

Ислам - гирей. Я, Ислав-гирей, думаю, на Польшу идти надо. Король Сигизмунд Август больной и меж вельможами нет согласия.

Милгле - гирей. Я, Милгле-гирей, думаю, на Валахию надо идти, там богатства много, а войско слабое.

Калга - наследник. Нет, на Русь надо идти!

Довлет - гирей. Гирей и вы, мужи, с тех пор, как забрал русский царь юрты казанские и астраханские, постоянно злобствую я против Москвы и дожидаюсь лучше отомстить ей за прежнее самым чувствительным образом. Несколько лет я уговаривал Турецкого падишаха Сулеймана Великолепного нагрянуть на Москву с турецкими и татарскими силами, отнять Казань и Астрахань.

Суламиш. Благословенный хан, прошлый поход на Казань и Астрахань едва не погубил нас. Ныне ж с Москвой лучше мир, чем размирье.

Слуга. Благородный хан, посол русского царя просит его принять.

Довлет - гирей. Пусть идет. Гирей и мурзы, оставьте распри, чтоб о том Москва не проведала.

Нагой (*входит и кланяется*). О великий хан, нам государские очи случалось видеть, а также от ближних его, государь, да людей слышать, что дед твой и отец твой деду государя нашего и отцу государя нашего дружбу и мир держали. Так и далее хотим, потому послал нас царь с легкими поминками, с тяжелым поклоном. (*Кланяется. Дьяки укладывают перед ханом подарки.*) Так же ты, мурза Сулеш, так же и брат твой Суламиш князь Догалды-мурза государю нашему службу чинили. Государя нашего со своим государем Крымским ханом в дружбе сводили. Потому тебе, Сулеш-

мурза, особые поминки от царя, сиречь подарки. (*Кладет подарки перед Сулешем.*) Великий хан, пришли в Москву попросение великого государя нашего Царя и великого князя Ивана Васильевича Всея Руси послом Сулеш-мурзу, чтоб дружба наша крепко оставалась.

Довлет - гирей. Передай русскому Царю, Крымское правительство согласно послать в Москву по его, Царя, прошению своего большого посла, доброго своего человека, а кого пошлю, то сами решим. Пожалуюсь я, Хан, Царю, что ты, Нагой, в Крыму делаешь. Поминки, подарки для подкупа моих царских вельмож, да чтоб сеять меж нами рознь.

Нагой. О великий Хан, я дарю что мне Государь велит ради дружбы между нашими странами. Для того и прошу размена послов.

Довлет - гирей. Пошлю письмо-грамоту русскому Царю Ивану прошлого не поминать, а от моего имени обращусь к главному бею посольского приказа Висковатому, чтоб меж государей добра хотели.

Нагой. Дьяк Висковатый более не в посольском приказе. Он умер.

Довлет - гирей. Умер? Жалко. Добрый был человек. Передай Царю, что мы, татары, мира хотим. Пусть отдаст назад Казанскую орду, Астраханскую орду, Ногайскую орду. Не отдашь, передай Царю, твою землю возьму, а ты захочешь мне лиха чинить, на мою землю через Перекоп тебе не идти. Пойдешь на мою землю - погибнешь.

Нагой кланяется и уходит.

Довлет - гирей. С тех пор, как сын турецкого падишаха Салим послал вместе с нами, крымцами, турецкое войско для завоевания Астрахани, все мыслю, как поправить ту неудачу. Турки уж дошли до Астрахани, но недостаток припасов при безлاديце меж нами, крымцами и турками, привела к тому, что едва все не погибли. Надо поправить неудачу успехами другого рода, а лучше всего последовать примеру предков и идти прямо на Москву. Тут ли русские перебежчики?

Ислам - гирей. Тут они.

Довлет - гирей. Пусть идут. (*Слуги выходят за перебежчиками.*) Казанская и Астраханская орда, также и Ногайская орда, пали под иго. Ими завладел дух торгашества. Только в Крыму сохранилась татарская воинственность батыевых времен. Мы зависим лишь от турецкого Султана, однако зависимость эта для нас более выгодна, чем тягостна. Посылаем турецкому Султану дары и всегда можем надеяться на сильную помощь в случае опасности. В Крыму в орде своей самовластвуем, воюем и миримся с кем хотим. А как потомки Тохтамыша, основателя Крымского ханства, имеем даже право господствовать в русской земле.

Входят перебежчики, падают ниц перед ханом.

Первый перебежчик Кудияр Тищенко. О могущественный из ханов хан, дозволю слово сказать.

Второй перебежчик Ашут Юрьев. О великий хан, дозволю совет дать.

Довлет - гирей (*Тищенко*). Кто ты?

Тищенко. Кудияр Тищенко, донской казак.

Довлет - гирей. Что сообщить хочешь?

Тищенко. О великий хан, хочу сообщить о дурном состоянии русской земли, о казнях царем Иваном людей своих, о всеобщем унынии русского народа. Хочу указать тебе, великий хан, что наступает самое удобное время напасть на Москву.

Довлет - гирей. Что ж, в Москве голод?

Тищенко. В стране такой голод, какого не было со времен разрушения Иерусалима.

Второй перебежчик Ашут Юрьев. Я горичанин Ашут Юрьев, сын Сумароков, доношу тебе, крымскому хану: в Москве уже два года голод, казни, царь Иван в слободе, армия в Ливонии. Советую первыми идти на Москву.

Тищенко. Государя чаю в Серпухове, а людей с ним мало и стояти против тебя не с кем, и ты, Государь, пойдти прямо к Москве. Не так, то на кол меня посади у Москвы.

Ашут Юрьев. Мы, русские перебежчики, поведем тебя под стены столицы. Москва воинством оскудела. Многие воинские люди вымерли от голоду и мора, и многих людей государь казнил в своей опале. Стоять против тебя, царя, некому. А так уж царя теперь более на Руси нет, не любят его.

Довлет - гирей. Возблагодарим Аллаха, силы Руси истощаются, а наша орда, бывшая прежде в расстройстве, поправилась. Я, крымский хан Довлет-гирей, повелеваю собрать войско: от каждого

из сорока домов пусть идет один здоровый воин. Надобно с необыкновенной скоростью собрать до ста двадцати тысяч крымцев и ногаев, что бросятся в середину Московского государства.

Занавес

Сцена 18

Александровская слобода. Царь Иван и Малюта Скуратов.

Малюта. Государь, разбойник Кудияр Тишенков да несколько детей боярских, в числе их природные татары, подались к Крымскому Хану, возбуждают крымцев идти на Москву.

Иван. А что наши амиаты и приятели Москвы Ешеловские беи Сулешины, доброхоты наши? Мы ведь им поминки послали да высокий кор постановили. Что извещают они?

Малюта. От Нагого из Бахчисарая через Сулешиных сообщили о распрях между гиреями и о походе крымцев на литовскую землю, однако передает Нагой, Сулешиным и прочим амиатам верить нельзя. Хоть бывали они послами в Москве, дружба их ненадежна. Сам Сулеш участвовал в набеге на рязанскую землю, а Аллах советовал хану идти походом на Москву.

Иван. Вызван ли дворянин князь Михайло Иванович Воротынский?

Малюта. Как ты велел, Государь, скоро тут будет.

Иван. Князя боярина Ивана Воротынского хочу я, Царь, назначить ведать станицы и стражи. Удел его, князя, на юге - Одоев, Новосиль. Степь он знает, уж делал то прежде. Наблюдать за степью, чтоб своевременно обнаружить татарских воинских людей. Оборона подвижная - стражи и станицы. И неподвижная - засечная черта.

Малюта. Довлет старается помешать создать оборону, собирает силы, выступая то здесь, то там. Ногайцы нападают на низовые города, доходят до Алитыря и Китишей. В казанской земле восстали горная и луговая мари и черемисы.

Иван. Те восстания - Крыма дело. Тяжкое ныне лето. Не утихает война с Крымской ордой. Постоянно в тревожном ожидании татарского набега. Вечная война с Крымской ордой со времен еще Золотой орды. Как Тохтамыш пришел из Крыма да сжег Москву, южные наши границы открыты через степи дикого поля. А Крым тяжело доступен. Надобно крепко южную границу засечной чертой закрыть. *(Входит Воротынский.)* Пришел, князь? *(Обнимает Воротынского.)* Ты, Воротынский, засеки знаешь с прежних лет. Тебя хочу назначить. Боярина Никиту Романова от засечных дел отзову, недоволен я делами его: татары да ногаи повсюду нападают. Отовсюду слышно: город сожгли котороилы, дворы пустые, людей поймали в полон крымские люди. Принимаешь ли, князь, назначение?

Воротынский. Принимаю, Государь милостивый. Ради тебя да ради Руси. Какие уж, Государь, обиды-о спасении Руси речь!

Иван. Погляди на чертеж. *(Подходит к столу, на котором лежит чертежная карта.)* Засечная черта от Переяславля рязанского на Оке через Пеннев, Тулу, Одоев, Лихвин до реки Жиздри в брянских лесах. Против набегов крымцев и турецких янычар надобны лесные завалы, глубокие и широкие рвы с валами, полны частокола и надолб, сторожевые шатры и боевые башни, завалы для конницы из деревьев. При появлении врага зажигать должны дозоры, кузова с берестом и смолою о приходе воинских крымских людей.

Воротынский. Государь, черные работники добры потребны. Они ж убогие, полунищие, ищут заработок, нанимаючись, кормятся по миру. Для крепостей молодые мастера потребны.

Иван. Повелю Каменному приказу то делать. Где Годунов? Годунов тут ли?

Годунов *(входит)*. Тут я, Государь.

Иван. Пиши, Годунов: для засечной полосы смета. Дьяку указать. Сметается, сколько надобно кирпича, извести, бутова камня, дров для изготовления извести. Клич кликнуть: вольным каменщикам будет плачено по семь, плотникам - по пять, черным работникам - по четыре, другим - по три деньги.

Годунов. Однак, Государь, много явится. А применительно для казны, государь?

Иван. Ну, кроме каменщиков, иным по полденьги убавь. Нам потребно во множестве каменных крепостей. Повсюду ни стен, ни ворот, кто хочет, тот идет. А сторожей нет. Муражский шлях - открытая безлесая местность. Около Тулы главная татарская дорога. Тут надобны крепкие

земляные валы с пушками. Леса черты объявить заповедными, рубить запретить. Засечные приказчики чтоб за всем следили. Каждый воевода ответствен за свой участок. При появлении крымских людей должны помогать один одному. Только ту засеку пройдет татаровье, где помощи один другому нет. Я, милые мои, с месяц осматривал работы на черте, ездил в объезд в Козельск, Белево, Волхов и иные украинные места от крымской украины. Татаровье прорваться могут только всей ордой и с помощью перебежчиков.

Воротынский. Государь, Гуляй-город, или, по-нашему, город-обоз надобен. Возить на телегах разобранным, а зимой город на санях огромных.

Иван. “Гуляй” имеем. В мирные дни “Гуляй” хранится в Коломне, а приезжати к Казани в пятьдесят втором году, стрельцы и казаки подвинули осадный “Гуляй” к Карской башне.

Воротынский. Жаль, Государь, не все гнезда татарские тогда перебили. В Крыму оставили.

Иван. Знаю те упреки мне еще со времен Сильвестры да и Адашева. Перво- наперво, милые мои, России потребны порты Ливонские, потому потребно было для Ливонии, а не для Крыма войско и флот. Малюта, поскольку ты ныне к Сыскному приказу большой Посольский еще получил вместо изменника Висковатого, отписать тебе надобно, чтоб английская королева позволила приезжать в Россию людям, знающим кораблестроение и мореплавание.

Малюта. Сами, Государь, не шибко ту грамоту ведаем, то вели Пушкину да иным написать.

Иван. Когда брали Казань, то войска шли полем, конной ратью. Другие, судовая рать, пятьсот или шестьсот, уж не упомню, речных судов имели для рати и для нарядов. Ныне для ливонских потребностей все отдали. Да думаю завести морской флот. В гаванях давно уж думаю завести такой флот. Велю послу нашему в Англии, послу нашему Писемскому, взять письмо на бумаге - описание королевского флота. Чтоб прислал образец английского корабля со всеми снастями, распущенными парусами, флагами, раззолоченными орудиями. Модель из Лондона. Да все чтоб по науке было: корабль с магнитом. Я, милые мои, изучал магнит, да читал про него, и хочу рассказать моим людям, как время найду, о свойствах магнита, без которых нельзя было бы плавать по морям, окружающим мир, и знать положение и круг земной. Милые мои, покорением Ливонии хочу я открыть государству удобный путь к сношению с европейскими державами, важный для успеха промысла и образования русского народа. А против Крыма-засечная полоса да казаки.

Малюта. Государь, немало среди нас, казаков, изменников да разбойников, таких как Кудияр Тишенков. Татары используют советы изменников и опустошают владения. Используют советы изменников-перебежчиков, кои наводят татар на Русь. Те говорят: стоять против него, Крымского царя, некому. Войска в Ливонии. Предлагают услуги татарам прохода через Оку до Москвы. Также татары через народ, через подсланных языков, сообщают ложные сведения о своих намерениях и силах. Татарин сказал в пытке: Хан хочет идти на Государеву Украину, а пошел на Рязань. Станичники же стоят на сторожах неусторожливо и приезжают к воеводам с вестями ложными. Станичники, что сказали, что видели крымских людей, то иной раз солгали.

Иван. Князь боярин Михайло Воротынский, велю тебе все проверить и едино править в стороже. Стояти в тех местах, которые более усторожливый, где бы им воинских людей можно усмотреть. С коней не слезать, ездить по урочищам направо и налево по два человека. Кашу всегда варить на новом месте. В том месте, где полднел, в том месте не ночевать. Не стояти в глубине лесов. За уход из урочища или из станицы, не дождавшись себе отмены, ежели из-за того враг нападет на границу, смертная казнь. Ежели воевода или голова установит, что ратные люди стоят на своих местах небрежно и неусторожливо, и до урочищ не доезжают, то сторожей за то бить кнутем. Как воинских людей подстерегут, послать товарища с вестями о враге. Сметить число направлений, послать которыми дорогами поближе, чтоб весть доставить ранее, не близко перед ними. Тебя, Воротынского, назначаю после Никиты Романова за всем уследить.

Воротынский (*вынимает меч*). Государь, на мече поклянусь. Не смеяться поганым над православными христианами. (*Вкладывает меч в ножны.*)

Малюта. Государь, имею некое начальное соображение. Для предупреждения татарского нашествия летний ползок в степи надо бы. Велено ежегодно жечи поле всем в октябре-ноябре, ныне же, в ожидании Довлет-гиреевой войны, летом жечь.

Иван. Так сделать: траву выжечь на большом пространстве, перекрыв выжженной степью все возможные дороги крымских татар.

Воротынский. Все не перекроешь. Татарские конники аки саранча быстро мчатся от украины дикого поля, по хорошо разведанным шляхам выбирая такие дороги, чтоб не было сложных переправ. Броды выбирают в местах с пологими берегами.

Иван. Велено мной ныне поболее изготовлять чеснока, железные рогульки для засыпки бродов, перелазов и прибрежных спусков на южных границах, чтоб мешать движению татарской конницы.

Годунов. Как велено, Государь, в Устюге и Туле делается, однако в Устюге делаем так уж по твоему, Государя, велению для морских судов железные скобы да большие судовые гвозди. То времени не хватает. А в Туле делаем пищали и ядра. Да кожные нуждаются в нескольких молотобойцах. Там для чеснока Государю ни людей, ни железных прутьев не имеем вдоволь. Когда на государство делают и прочее, то молотильников казна оплачивает, а кто чеснок оплатит, Государь?

Иван (сердито). Что, Годунов, неладно говоришь. Волокитчики! Всякое нужное дело волочите для личного обогащения, однак приказных волокитчиков казнил, так появились другие. Собаки! Я, самодержец, со всякими изменниками могу справиться, а с волокитчиками справиться не могу! Одних приказных убираю, другие такие же являются. Собаки! В Земском ли приказе, в Поволжском ли, в Мещерском ли. Вижу, людей зарубежных для дел звать надобно.

Годунов. Государь милостивый, дела я только лишь принял.

Иван. Принял дела, то делай, Годунов! Чеснок ныне превосходно изготовлять, а предмет тот не хитер. В Серпухове и Кашире на крестьянских домницах можно изготовлять, в Дедалове возле Тулы.

Годунов. В Дедалове, Государь, самопалы делаем. Слобода биш специальная самопальников, никому иному в ней не жить.

Иван. По деревням раздай. Кузнецы сталь делают, наварка стальных лезвий на железо, косы, серпы, сошники делают, то и чеснок против татар приготовят. И в малом, и в великом, милые мои, требуется умение, иначе не избавим Русь от сего татарского мучительства и напрасной смерти. Ибо умел татарин.

Воротынский. Истинно умел, Государь. Выносливые татарские кони за сутки могут пройти сто и более верст. Каждый всадник имеет запасных лошадей, переменяя их на ходу. Вместо обозов крымцы оставляют в тылу на заранее назначенных местах лошадей и верблюдов с коневодами. На них везут добычу обратно в Крым. Стараются прийти на Русь безвестно, веером рассыпаются от Брянска и Калуги до Тулы и Рязани.

Иван. Прежде прочего надобно дознаться, не идут ли крымцы всей ордой.

Воротынский. Государь, хитрость крымцев-разделяться на несколько отрядов, стараются привлечь русских к одному месту, а сами нападают на место без защиты. Сажают на лошадей чучела в виде людей. Одни забавляют русских перестрелкой, а сами нападают на места без защиты. Умело воюют татары, наши же дети боярские служивого сословия на войну выходят на малорослых слабоуздых конях и на таких седлах, на которых нельзя поворотиться в сторону.

Иван. Наемники нам потребны, умелые воинские люди. Наемных иноземцев несколько сотен: пешие солдаты, взятые в плен в Полоцке, среди пушкарей десятка полтора немцев, поляков да литвин. В Москве четыреста немцев и голландцев среди ратников. Однак, по совету англичан, хочу собрать из шотландцев, французов, ливонцев, датчан тысячу двести человек отряд. Им выдать деньги и платье, и каждодневное содержание едой и питьем, также лошадей и сено, и овес. Использовать только для дворцовой службы и против татар.

Малюта. В опричину их взять, Государь?

Иван. Нет. Хай будут особо при дворце. Запиши, Годунов.

Годунов. Исполню, Государь.

Иван. Тот отряд иноземный наемный в случае нужды тебе отдам, Воротынскому, в земство. Отъездил я месяцы по засечной полосе, то в тетрадь записки делал. Погляди. (*Достает тетрадь.*) Тут все в подробностях расписано, каких в Туле и Заурской засеке и к Орловским воротам воевод. На кожном воеводе засекой по тридцать пять верст, и сходиться им один с одним. Им полагается помогать один одному, ходить Уляжской засекой один к одному. Всего двадцать одна засека, пятьсот девяносто верст и семнадцать саженой. На них тридцать одни ворота, а людей у засек тысяча девяносто восемьдесят один человек, оприч сторожей и засечных из отборных людей. Тут известие по каждой засеке воевод да стрельцов, да казаков. Погляди, Воротынский. (*Отдает тетрадь.*)

Воротынский (берет тетрадь). Погляжу, Государь, да низко кланяюсь тебе за доверие. (*Кланяется.*)

Иван. Какие еще дела?

Малюта. Государь, я по делам доводным, распросным говорить хотел.

Иван. Завтра скажешь. Ныне я утомлен. Иди, Малюта, и ты, Воротынский, дело свое делать. Ты, Годунов, останься. *(Малюта и Воротынский уходят.)* Какие вести, Годунов? Чую, повсюду голод.

Годунов. Год всеобщего неурожая, Государь. Разорение, голод да мор, чума.

Иван. Много ли померло?

Годунов. Государь, мор отмечен в двадцати восьми городах. В Твери от голода и чумы много померло. На Устюге на посаде померло, скажут, двенадцать тысяч прохожих. А попов осталось на посаде шесть. Мор и в Вологде, венгерская лихорадка. В новом присоединенном Полоцке мор, в Новом Зелишке, в Торопце, Кольване, Смоленске, в Новгороде да старой Руси.

Иван. Про то перебежчики и донесли Крымскому Хану. Голод, мор, измены. По грехам явилось божье посещение на русских людей. *(Крестится.)* Сие сотворено божьим повелением, а не нашим изволением. Сказано: "Поминать смерть на всякий час. Помните о Страшном Судилище и возмездии за земные грехи." Писано бо: "В чем я тебя застану, в том и сужу." Ты, Годунов, евангельскую притчу о бедном и богатом Лазаре знаешь?

Годунов. Не упомяну, Государь.

Иван. Люблю я ту притчу. Праведникам за страдание вечное спасение, введение в лоно Авраамово. Иди, Годунов. Я наедине помыслю.

Годунов кланяется и уходит. Иван сидит задумавшись.

Занавес

Сцена 19

Александровская слобода. Палата типография. У печатного станка работают мастера. Царь Иван, царевич Федор, Малюта, Борис Годунов наблюдают за работой.

Иван. Добрые книжники-грамотеи для меня, Царя, и отечества не менее потребны, чем добрые воеводы.

Царевич Федор. Батюшка, отчего оно так?

Иван. Отчего? В которую веру хочешь веровать, сын мой Федор? Во светлую ли Троицу Отца, Сына и Святого Духа или в проклятую еленскую веру да в иные? Возвопите все единым гласом, в которую?

Все. Хотим, Государь, веровати в светлую Троицу.

Иван. Ежели так, то книги святые потребны во множестве, чтоб научить народ весь православный.

Печатник Федоров. Государь милостивый, для изготовления печатного станка потребно плотницкое дело, работа по дереву и металлу - литейное дело.

Иван. Все то велю оплатить из казны. Поясни работу.

Федоров. Государь милостивый, на деревянных столбах перекладина, к ней укрепляется металлическая гайка, именуемая орех.

Иван. То оно? Тот орех? *(Указывает.)*

Федоров. Тот, Государь. Внутри гайки винт, на нижнем конце винта плита, под плитой лист бумаги. Рукоятью мастер вращает винт.

Иван. Так ли? *(Нажимает на рукоять.)*

Федоров. Так, Государь. Винт прижимает лист к установленной под ним укрепленной в раме печатной форме.

Иван *(работает)*. Любо-то как! *(Радостно.)* Лист печатный изготовил!

Царевич Федор. И я, батюшка, хочу.

Иван. Нажми тут, мальчик. Так, мальчик, работает печатник, мастер печатного дела. *(Заглядывает в лист.)* Однако, строчки разной длины.

Федоров. То вначале, Государь. Увеличиваем али сокращаем расстояние меж литерами. Делаем выкручку. *(Работает.)*

Иван. Так книжная страница более красива.

Федоров. Печатаем теперь, Государь, в две краски: красная да черная.

Иван. Бумага потребна добрая. Хотел делать у нас бумагу итальянец Рафаэль, да не приехал.

Федоров. Затеяли и мы, Государь, также делати бумагу. Однак все еще не могу употребить ее.

Иван. Где затеял?

Федоров. Бумажную мельницу у реки Учи на лугу. Да не вышло дело.

Иван. Годунов, велеть надобно бумагу привезти из Франции, Польши, Германии. Французскую бумагу англичане продают, закупают партии в несколько тысяч стоп и продают в Москве, Вологде да иных городах. Дорого берут. Самим бы надо заказывать. Бумагу с водным знаком. Царь Иван Васильевич всея Руси. Князь великий московский. Чтоб было заказано.

Годунов. Исполним, Государь.

Иван. Написал датскому королю, просил прислать мастеров, которые могли бы сделать типографию, однако ответа не получил. А и Русь, не оскудела ли дни? Милые мои, хочу повторного издания псалтыря тут в слободе. Чтоб слобода стала не одним лишь центром управления Руси, а и центром книжности. Сюда государеву типографию сделаете ли, печатные мастера?

Тимофеев. Государь милостивый, сделаем слободской псалтырь. Я, Государь, напечатаю, невежа Тимофеев.

Иван. Делайте, милые мои. Только так уж и псалмы Давыдовы. А на них изображение царя Давыда в древнерусском виде. Также мыслю о книжном воспитании сынов своих и иных русских отроков. Малые книжечки для обучения малым детям. *(Ходит в возбуждении.)* Велю им, учителям, учить, а то учиться негде силе божественного слогу Писания. Не в Москве только, но во всех городах малых все православное христианство учиться должно. А плату нести по достоинству учителей.

Царевич Федор. Как, батюшка, потребно учиться?

Иван. Не так, как прежде, мальчик. Во слагательный метод с постоянным повторением нараспев, что прочитано и показано. Такое не может помочь осмыслить чтение и поучение. Учат по вечерней, заутренней и часослову, семичасовнику, и по псалтырю. Годунов, вели составить наказание ко учителям, как им учить детей грамоте и какое учителю в божественном Писании и разумении что было.

Годунов. Исполним, Государь.

Иван. Главное, милые мои, выразительное чтение: где говорится дебело и тонкостно, где с придибением уст и где с раздвижением, и где на ударении внимание замедляющих и ускоряющих речь. А еще более главное, помнить смысл разума того, что читается. Малые книжечки писал для обучение малым детям урий, архиепископ казанский. И я задумал такую малу книжечку написать с доступным изложением Святого Писания, чтоб дети мои учили и иные отроки. Малюта, где ж царевич Иван, ему ведь велено быть?

Малюта. Он, Государь, ныне все более с дядьями своими, с Романовыми.

Иван. Отчего ж?

Малюта. То особый разговор, Государь.

Иван. Я на царевича Ивана Ивановича сердит. Велел ему явиться ко мне после вечерней молитвы. Погляди за ним, где он, Малюта.

Малюта. Исполню, Государь.

Иван. По удачному исходу ливонской войны хочу открыть во многих городах - Москве, Пскове, Новгороде и прочих - первоначальное училище, в котором русское юношество обучалось бы всяким наукам, также латинскому и немецкому языку, также математическим наукам и космографии, также строению земли да науке Химос, также медицине и аптекарскому делу, да прочим.

Годунов. Государь милостивый, толмач Обраим Никулаев учит у нас учеников свейскому языку. У одного немца в Москве учат иных, кто желает, за плату немецкому. У поляков-польскому.

Иван. То знаю, милые мои. Предлагают открыть училище, учить еленскому языку, да лучше посылать учить ко двору патриарха в Константинополь.

Малюта. Государь, уж отправили двух новых дьяков из Посольского приказа. Поехали Грязнуша Ушаков да Федор Внуков, да малый Тараска из Рязанов. Шведский король предлагает, как мир наступит, посылать учить к ним шведский, и в Польшу предлагают для взаимного обучения.

Иван. Слышал о том, да не стоит этого. Знаем, кем становятся православные, поучившись в иезуитских школах. Милые мои, имею я мечту сделать в Москве университет не хуже краковского и падуанского. То королю Зигмунту мнится, якобы в Польше возродился римский Сенат да

повторяется древнеримская и древнегреческая история. Нет уж! Третий Рим - Москва! А четвертому - не бывать! Да сильна Москва чтоб была также наукой и книжностью. Как верю я в честный крест, так верю я и в честную книгу. Блаженной памяти жена моя царица Анастасья Романова, мать твоя, Федор, подарила мне при брате сочинение-книгу "Нового рая цветы", позолочена, кожи белой. То храню аки драгоценный подарок. Также золоченое Евангелие, застежки серебряные, отца моего митрополита Макария подарок.

Царевич Федор. Батюшка, какие книги особо потребны?

Иван. Всякие книги, мальчик, окромя еретичных. Хочу сделать тут, в слободской типографии лечебник-травник учителя доктора Симона польского, ботаника. Большая книга, много рисунков, растений лекарственных. Тако ж аристотелевы книги, тако ж Аристофан греческий, печатный. Однако, прежде прочего душеполезные сочинения для назидательного чтения. Особая нужда в псалтыре, тако ж "Азбуковик полый" для школьников. Собака Курбский в Литве перевел сочинения Иоана Дамаскина, однак мыслю, то надобно заново сделать тут, в Москве, ибо немало нахожу в том еретичного. Также пишет он, пес, более в шляхетской науке или внешней, но в духовной мало смылит. (*Ходит в задумчивости.*) Перевелись книжники, не с кем слова ученого сказать. Алешка Адашев, собака, в библиотеке имел множество немецких и латинских книг. У тебя есть ли, Малюта?

Малюта. Я в книжном деле, Государь, не силен. Зато, Государь, верен я великим делам твоим.

Звон колокола.

Иван. Вот уже вечерня. (*Крестится.*) Пора в церковь. Книжные печатники, проба мне по душе. Скоро приступите к печати слободского псалтыря. По моему указу, по благословлению митрополита перед началом печатания книжки чтоб служили молебен, а рабочим выдавали на калачи.

Уходит в сопровождении царевича Федора, Малюты и Годунова.

Занавес

Сцена 20

Александровская слобода. Теремная палата. Царь Иван, Годунов, Малюта, дьяки.

Иван. Годунов, какие известия?

Годунов. Государь, по причине голода англичане послали на Двину несколько кораблей, груженых хлебом.

Иван. Ныне, в тяжкое время, имею надежду на дружбу с Англией. Малюта, опричные власти повинны установить особые отношения с английскими купцами.

Малюта. Исполним, Государь.

Иван. Опричным дьякам издать таможенную грамоту: обложить повышенным сбором новгородских торговцев, новгородских изменников Софийской стороны. Англичанам же право беспошлинной торговли по всей Руси, а также право чеканки русских денег из иностранной серебряной монеты. Таможенное послабление, чтоб привлечь английские деньги в Россию. У нас нужда в военных материалах, потому опричному правительству разрешить искать в опричных северных уделах залежи железа. А также, где они удачно найдут его, построить дом для выделки того железа. Также разрешить англичанам построить канатную фабрику в Вологде. Также полотняную мануфактуру, на которой выделялся бы грубый холст для парусов.

Малюта. Государь, такие привилегии англичанам вызывают недовольство среди московских людей. Также и иные недовольства ширятся.

Иван. Кто прежде всего повинен?

Малюта. Государь, приказных мы казнили. За спиной приказных - боярская знать. Прежде прочего, Романовы, родичи твои. Боярин Юрьев-Романов - главный оруженосец наследника, да боярин Никита Романович Романов, брат покойной царицы Анастасьи, да прочие.

Иван. То мне ведомо. Они уж, дядья, давно сеют распри в семье моей.

Малюта. О том, государь, ныне молва велика. Нами перехвачено польское письмо. (*Достает письмо.*)

Иван (*берет письмо, читает*). Между Царем-отцом и старшим сыном возникло величайшее разногласие и разрыв. И многие пользующиеся авторитетом знатные люди с благосклонностью относятся к отцу, а многие - к сыну. А сила лежит в оружии. (*Гневно ходит*). А спор тот решат

оружием. *(Ходит задумчиво)*. Те поляки мечтают, чтоб в царской семье начался глубокий раздор. Да Захарьины-Романовы хотят использовать свое влияние на наследника-отрока, сына моего, в своих делах. Не дай, Господь, такому совершиться. *(Крестится)*.

Входит царевич Иван и боярин Никита Романов.

Царевич Иван. Батюшка, звал ты меня?

Иван *(быстро подходит, обнимает сына)*. Сын мой, четвертый день тебя не видел. Отроче, детище мое, имею о тебе скорбь великую. *(К Никите Романову)*. Вы, дядья, что ж, вовсе сына моего к себе причаровати желаете?

Никита Романов. Государь миленький, мы ему не чужие. Он сестре нашей единокровный.

Иван *(сердито)*. Знаю ваше, Романовых, стремление: дабы сошел я, Царь, с высокого места своего и дал отроку одеяние свое и жезл, и меч свой. А сын мой, отрок, мал. Что может сотворить? Править будете сами вы, Романовы.

Никита Романов. Государь милостивый, то клевета.

Иван *(сердито)*. Ой ли? Мыслите втайне, что то будет, а того не ведаете, что Бог дает царство тому, кому хочет. Се и творит. *(К царевичу)*. Иван-сын, детище мое, отцы ответят за воспитание детей на страшном суде, с них спросится за плохих детей. Кто детей своих не научает воли Божьей, лютей разбойника осудится. Убийца только умертвит, родители, что не научают, мертвят душу.

Царевич Иван. Батюшка, чему должен учить родитель?

Иван. Родитель должен учить скромности, честности, приветливости, милости, нищелюбию, бескорыстию, трезвости. Воспитывать во всякой чистоте. Учить вежеству, чтоб человек хитр был и разумен, а не груб.

Царевич Иван. Тому ли меня батюшка учил, не греху ли учил? Четыре дня ездил я по монастырям грехи замаливать, что учинили мы в Новгороде чудовищное дело и такое же в Москве совершили.

Иван *(сердито)*. Дядья Романовы тебе такое твердят ради своего властолюбия. Так ли, боярин Никита Романов? О том ли забота?

Никита Романов. Государь, о России забота. Всюду татарская угроза. В Ливонии против нас комплот шведов да Речи Посполитой. Ныне же армия без лучших воевод.

Иван. Кто те лучшие воеводы? Не ты ли? Поставил тебя на засечную полосу, то крымцы постоянно идут набегами. Тебя оттуда возьму, князя Воротынского поставлю.

Никита Романов. Государь, обо мне ли речь? Ущерб опричнины велик. Армия лишилась всех своих вождей и многих полковых воевод. Из двадцати высших командиров, возглавлявших победоносный поход на Полоцк, девять казнено. Среди казненных покоритель Казани князь Горбатый-Шуйский. Нарвский победитель Алексей Басманов, хоть и сам он опричник был кровавый, и мне не друг, однако вождь военный был хорош. Казнен князь воевода Репнин. Многие воеводы, стрелецкие и дворянские головы казнены. Дьяки и приказные, Висковатый, Фуников, да и иные. С кем против врага Русь стоять будет? С ним, с Малютою? Руси потребны воины, не палачи!

Малюта. Государь милостивый, не вывести тебе измены до веку, пока сидит супротив тебя сын такой с дядьями Романовыми.

Никита Романов. Желал бы ты, Малюта, злодей, сказать, чтоб велел Царь казнить наследника. Однако я, боярин Никита Романов, брат матери-царицы, вступаюсь за него. *(Кричит)*. Ты, Малюта, Малюта Скуратович, не за свой кус принимаешься! Ты этим кусом подавишься!

Иван. Вы, Романовы-Захарьины, знать велика, сами на трон хотите, династию Романовых сделать. Не быть, вам, Романовым на русском троне! Ваш Романов-предок чуть ли не в торговцах лошадьми был. А имя его Конь!

Малюта. Государь, в новгородском судном деле значит, что изменники новгородцы ссылались в Москве с Семеном Васильевичем, сыном Яковли, Захарьиной-Романова. Боярин Яковля-Захарьин-Романов в родстве с наследником.

Иван *(гневно)*. Опричникам убить его вместе с малолетним сыном Никитою.

Малюта. По московскому делу обвинен и боярин Захарьин-Юрьев. Захарьин-Юрьев умер, однако есть показание на двоюродного брата его Никиту Романова.

Царевич Иван. Батюшка, если казнить велишь родного брата моей матери дядю моего Никиту, то вели казнить и меня.

Иван. Ты Иван-сын, дурно понимаешь нынешние дела. У меня, Царя, подозрения насчет тайных интриг окружавшего тебя, царевича, боярства. Я, Царь, не доверяю давно Захарьиным-Романовым и боюсь, как бы они не впутали тебя, сына, в придворные распри. То уразумей, мальчик.

Царевич Иван. Батюшка, я уж не мальчик. Зовешь меня мальчик, а мне уже, наследнику, исполнилось семнадцать лет. Батюшка, уж некоторое время с трудом урезониваю себя, ибо обладаю нравом не менее крутым, чем ты. Я, царевич, давно уж преступил порог совершеннолетия, и мне тягостна твоя опека, властного отца.

Иван. Так-то заговорил. А помнишь ли правила церковные: отлучение от церкви и лютая смерть. Вот так по церковным правилам детям, не повинующимся родителям. Родитель, как сказано, также и учитель.

Царевич Иван. Учитель к ученику не должен проявлять жестокости. Меж учителем и учеником должен существовать любви обычай.

Иван. Сказано, однако: “Любя сына своего, учащай его раны”. *(Бьет царевича Ивана посохом по спине)*. Не ослабляй, бия младого. Жезлом бьешь его, не умрет. Бия его по телу, душу избавляешь от смерти. *(Сильно бьет жезлом)*.

Царевич Иван *(гневно)*. Иных зовешь изменниками, про себя помысли! Ты английскими еретиками подучен Россию истребить и в Англию сбежать!

Иван *(гневно)*. От собаки Висковатого ту клевету взял. *(Сильно бьет сына жезлом)*.

Годунов *(бросается между царем и царевичем)*. Государь, пощади сына.

Иван *(тяжело гневно дыша)*. Поди прочь, Годунов! И тебя зашибу. *(Царевичу)*. Так-то тебя, неразумного сына, воспитывать буду! Что скажешь мне, отцу?

Царевич Иван *(держась за ушибленное место)*. А Иоанн-златоуст словесами учит воспитывать.

Иван *(гневно, тяжело дыша)*. Трона лишу! В Византии не было закона о престолонаследии. Никто не имел особого права на престол. Всякий свободный человек, не раб и не холоп, имел право надеть на себя царский венец и порфиру. Сын царя имел такое же право на престол, как и всякий другой. Помыслию, не сделать ли так и у нас, ибо мы, Государь, были русские законные наследники царей Византийских. Потому публично объявлю о своем намерении лишить сына права на престол и сделать своим наследником ливонского короля Магнуса, моего вассала, принца датского. Малюта, едет ли датский принц?

Малюта. Государь великий, скоро будет в Москве для переговоров.

Иван. Датского принца Магнуса торжественно встретить, договориться о переходе под русский протекторат Ливонского королевства и о женитьбе Магнуса на дочери брата моего, ныне усопшего Владимира Андреевича Старицкого. Хотел женить на Евдокии, однак Евдокия умерла. Женю его на другой дочери - Марии. Брат мой, Владимир Старицкий, невинно пострадал: не сам он хотел на престол, а иные хотели, и ныне хотят. Его ж оговорили, совместно с женой и малыми детьми оговорил собака Висковайый. Сделаем брак дочери с Магнусом. Брату дочери, Василию Владимировичу, дам Старицкий удел. Я не Святополк поганый, чту братову память... Истинным же изменникам - казни. Поскольку сам боярин Юрьев-Романов умер, я, царь, велю убить дочь Юрьева и его внука. *(Кричит)*. Не хоронить их тела по христианскому обычаю. *(Нервно ходит)*. Для тебя, царевича Ивана, та казнь троюродной сестры должна послужить грозным предсказанием, чтоб не делал перечины в семье да иным многим людям при твоём, наследника, дворе.

Малюта. Близким человеком при царевиче служит опричный боярин Василий Петрович Захарьин-Романов. Связан с изменником Афанасием Вяземским.

Иван *(гневно)*. Забить палками вместе с братом земским боярином Иваном Петровичем Хироном-Захарьиным. Також сделать земскому боярину Ивану Большому Шереметьеву, ближней родне Захарьинова-Романова.

Малюта. Государь милостивый, тот Большой Шереметьев уехал на Белоозеро и постригся в монахи.

Иван. Мыслим тем скрыться от моего царского гнева. Надолго ли? Романовым - казни. Они на трон мимо меня не сядут. Казнить трех дядей царевича Ивана Ивановича.

Малюта. Его, Никиту Романова, казнить ли?

Иван. Его не казнить, но ограбить в назидание. Вон подите с очей моих, царевич Иван с дядей своим Никитой Романовым. *(Царевич и Никита Романов уходят)*. Малюта, смотреть за ними надо.

Малюта. Уж поглядим, государь.

Иван. Господи, вздохнув в глубине сердца своего из таких измен, я уж теряю надежду присоединить Ливонию к России силой оружия. Уж страшусь поручать свои войска воеводам, не изменят ли с воинством. Потому прибегнуть хочу к хитрости: склонить на свою сторону владетеля Эзеля, датского принца Магнуса, да выдать за него свою племянницу Марию, отдать ему титул короля ливонского.

Малюта. То умелая хитрость, государь.

Иван (*ходит в задумчивости*). Которые еще вести, Годунов?

Годунов. Прежние вести, государь. Мор силен по всей русской земле. Ныне ж мор начался и в Ливонии.

Иван. А что в Казани, спокойно ли?

Годунов. В сие лето прииде на казанские, да на свияжские, да на чебоксарские места мышь малая из лесов тучами великими, и не только на полях хлеб поедает, а и в житницах и в закромах.

Иван (*тревожно*). То самая дурная весть. То верная примета, что татары придут на Русь. При всеобщей измене надежда ныне лишь на Бога и чудотворцев. Надобно взяться за оружие Божье, и да никто не предаст заветов чудотворцев, подобно Иуде за серебро, или, как ныне, ради удовлетворения своих страстей.

Уходит в сопровождении Малюты и Годунова.

Занавес

Сцена 21

Москва. Кремлевская Золотая палата. Заседание Думы. Царь Иван на троне в золотой короне со скипетром. Царевич Иван Иванович сидит в стороне среди Романовых. У трона Малюта и дьяк Щелканов. На лавках бояре, думные дворяне, дьяки и иноземные послы. Дьяк Щелканов монотонно читает имена присутствующих.

Литовский посол Ян Кротовский (*тихо*). Мы, панове, видим тут в Москве византийского царя на московском престоле в золотой византийской короне на голове, в золотом византийском платье, с византийским скипетром в руке. Москва - истинная наследница Византии. И нравы, панове, тут византийские. Ходят слухи, русский царь намерен передать трон своему новому вассалу принцу Магнусу датскому. Царь заподозрил в измене собственного сына принца Ивана.

Немецкий посол. И у нас в Германии слухи, что царь не любит старшего сына и нередко бьет его палкой. Младший же сын думкопф¹⁴.

Датский посол Ульфред. Принц Магнус в Москве и скоро приедет в Кремль. Но у нас в Дании многие не одобряют такого союза. Московский царь слишком кощунственно жесток. Во время моей поездки из Новгорода в Торжок и Тверь я мог наблюдать, что по Литовской дороге все почти деревни московский князь разорил, как и по другой дороге Новгорода.

Французский посол. Беспощадно истребил новгородцев шестьдесят тысяч.

Английский посол. Тем не менее, говорят о браке московского государя с датской королевной.

Датский посол Яков Ульфред. На такой брак датский королевский дом не согласится. У русского царя иные замыслы. Первого июня во время переговоров в Кремле шведского посла епископа Павла с канцлером Висковатым и дьяком Васильевым русский царь потребовал в качестве неперемennого условия установления взаимоотношений выдачу ему Катерины Ягелонки, сестры польского короля и жены шведского короля Юхана Третьего.

Литовский посол. Такое кощунство – требовать чужую жену по мирному договору – невозможно в цивилизованной стране. Многие русские разумные советники противились недобрым самодурствам, однако канцлер Висковатый и иные вельможные люди казнены. Царь теперь окружен дурными советниками.

Немецкий посол. Тут, господа, в азиатской России, самодержавная полнота власти московских государей. Властью, которую он применяет к своим подданным, русский царь легко превосходит монархов всего мира.

¹⁴ *Dummkopf* (нем.) – болван.

Английский посол Дженкинсон. Господа, хоть всемогущий Бог и наказал русскую землю так тяжело и жестоко, что никто и описать не сумеет, все ж нынешний царь и великий князь достиг того, что по всей русской земле, по всей его державе одна вера, один вес, одна мера. Он один и правит. Все, что ни прикажет он, все исполняется. Все, что запретит, действительно остается под запретом. Никто ему не перечит - ни духовные, ни миряне.

Датский посол. Полновластие московских царей близко к турецкой деспотии.

Литовский посол. Но полной власти, панове, тем не менее нет. Царь постоянно испытывает страх за свою власть. По русским думным правилам, царь указал, а бояре приговорили. Царь казнит своих вельмож и боится их.

Датский посол. Тихо, господа, действо началось.

Дьяк Щелканов (громко). После перечисления присутствующих ко всем думным боярам, дворянам, а также к иноземным послам царь, Богом просветленный, объявляет о прибытии к нему в Кремль по его милости датского принца ливонского короля Магнуса.

Входит Магнус со свитой, подходит к трону и кланяется царю.

Магнус (торжественно). Божественного существа милостью, властью и хотением скипетродержателя российского царства Царя и великого князя Ивана Васильевича Всея Руси призван я сюда. Да приехал с радостью от дома моего, почетной степени королевства датского.

Иван (торжественно). Воспользовавшись давней дружбой с королевством датским, я, брат Кесаря римского и других великих государей, объявляю о желании своем посадить в Ливонии, в вотчине своей, чтоб не было более там кровопролития, московским голдовником¹⁵ датского принца Магнуса. Хочу выдать за него свою племянницу Марию, дочь брата моего, ныне усопшего, князя Владимира Старицкого, и дать ему титул короля ливонского. Я признаю независимость его от России и Польши.

Немецкий посол. Великий царь, я, посол немецкий императора, хотел бы знать, какие требования при том Россия предъявляет принцу Магнусу.

Иван. Я требую от принца Магнуса лишь одного: такой присяги, какую давали германские владетельные князья императору.

Немецкий посол. Это означает изначально, что ливонский король станет вассалом, а Ливония - русским протекторатом?

Иван. С новым назначенным королем будет заключен обстоятельный договор, в силу которого я, царь Иван Четвертый, отступлюсь от прямого управления Ливонией. За принцем Магнусом, его наследниками и всеми жителями страны будут признаны прежние права и привилегии, суды и обычаи, а также свободное исповедание протестантства, сиречь лютеранства. Далее, ливонцам открывается свободная беспошлинная торговля в московском государстве, за что в свой черед они обязаны свободно пропускать в Москву иноземных купцов со всякого рода товарами, а также художников, ремесленников и техников.

Литовский посол. Государь, каковы военные условия договора? Они важны.

Иван. Для меня, царя, истинно самыми важными статьями договора есть военные. Новый ливонский правитель должен помочь овладению Ревелем и Ригой, изменнически не признающими нашей власти.

Французский посол. Я, посол французского короля, хотел бы знать, что произойдет, если эти города не признают принца Магнуса королем добровольно?

Иван. Ежели не признают королем добровольно, то я, царь, их к тому принужу. Во исполнение этого обещания я, московский государь, беру на свое содержание все военные силы, которые принц Магнус приведет мне на помощь, и подчиняю его командованию московских воевод в случае совместного с русскими ведения войны. По плану Москвы, Россия с Данией породнятся. С большой торжественностью и блеском обставил я, царь, сие великое событие. Пышные празднества будут сопровождать объявление принца Магнуса королем Ливонии, женихом царской племянницы. *(Встает с трона, подходит к Магнусу, обнимает его и сажает рядом с собой).*

Магнус. Божественного естества скипетродержатель великий государь Иван, очень многие радуются и ликуют в Ливонии, будучи уверены, что поляки уступят - передадут мне, ливонскому королю, все взятое ими в Ливонии. Это подтвердит и моя немецкая свита.

¹⁵ Голдовник - стар. поселенец на чужой земле, хозяин, зависящий от владельца; род пожизненного или наследственного арендатора.

Первый из немецкой свиты. Мы, немецкая свита принца Магнуса, признаем его наилучшим и христианнейшим господином, который выведет нас до великих почестей и снова возвратит нам отечество.

Второй из немецкой свиты. Многие во всей Ливонии относятся благосклонно к герцогу Магнусу и не знают лучшего утешения и помощи на земле для Ливонии.

Иван. Рад показать свое расположение к Ливонии и ее новому правителю. Я, царь, отпущу с ним на родину множество пленных немцев, сидящих по тюрьмам и сосланных на поселение во внутренней области России.

Датский посол. Тем не менее, ливонский король принц датский Магнус будет слугой российского царя?

Иван. В России высшее звание - слуга.

Никита Романов. Государь милостивый, по думному разряду высшее звание конюший боярский, и оно ныне пустует после гибели Челяднина-Федорова.

Иван. Понял твою речь, боярин Никита Романов, и куда ты клонишь. По думному разряду конюший боярин, но высшее звание государства - слуга. Слуга и конюший. Высший титул государства - слуга. Выше бояр да дворовых воевод. Принц датский Магнус - слуга наш в Ливонии. Ты, Малюта Скуратов, будешь распоряжаться свадебным разрядом принца Магнуса.

Малюта. Государь милостивый, за честь великую низко кланяюсь.

Иван. Господа, после разгрома изменнического Новгорода и обнаружения там новых изменных подробностей, также в Москве измен, в присутствии боярской Думы и иностранных послов объявляю, что намерен передать трон своему новому истинному слуге принцу датскому и ливонскому королю Магнусу. Ты, Магнус, не сын мой Иван, станешь наследником русского престола.

Магнус. Государь великий, служить верно буду тебе и России - новой моей отчизне. После переговоров отправлюсь на Ревель с русскими войсками и нарядом, рассчитывая покрыть воинской славой свои знамена.

Царевич Иван (со слезами). Отец, почто ставишь мне, законному наследнику, препону?

Иван. По правилам, которые Византия унаследовала от Рима, царь право имеет назначать себе приемника, како пожелает. Объяви о том, Малюта.

Малюта. Благоверный царь Иван Васильевич гнев возымел на сына своего царевича Ивана Ивановича и восхотел поставить ему препону: нарек на царствование принца датского Магнуса.

Никита Романов. Государь, не зашло ли дело слишком далеко? Сие публичное объявление о намерении лишить сына прав на престол и сделать своим наследником ливонского короля Магнуса думные бояре не приемлют. Мы не приемлем такое, государь. Объявление, сделанное в присутствии бояр и послов, опрометчиво, и сие вызовет сильное раздражение, особенно в ближнем окружении законного наследника.

Иван (гневно). Вижу, не научило вас, знатных, ни новгородское дело, ни московское. Не научили вас казни на Поганой Луже приказных изменников, а также ваших знатных вельмож ставленников, таких как Фунников да Висковатый.

Французский посол. Государь, гибель канцлера Висковатого многих удивила и в Европе. Канцлер получил широкую популярность за границей.

Немецкий посол. Иван Михайлович Висковатый был отличнейший человек, подобного которому нет сейчас в Москве. Его уму и искусству, как москвитя, нигде не учившегося, очень удивлялись мы, иностранные послы.

Иван (сердито). Иван Висковатый погиб потому, что оклеветал князя Владимира Старицкого, дочь которого Марию я выдаю замуж за принца Магнуса. Клевета на брата моего терпима не может быть мною, царем. (*Встает, нервно ходит*). Да все, кто поднимут руку на самодержавную власть, будут казнены. Таковы законы всякого государства - казнить государственных преступников.

Французский посол. Великий царь, рядом с государственными преступниками погибли обыкновенные люди в Новгороде, в Москве и иных городах. Французский мой светлый король Карл Девятый велел мне передать, что он скорбит о кровопролитии и невинных жертвах.

Иван. Так-то он скорбит? Ты, брат наш дражайший, скорбишь о кровопролитии. Да вы все вместе с ним в Европе скорбите о гибели наших изменников. А скорбите ли, что у французского короля в его королевстве несколько тысяч перебито вместе с грудными младенцами? Христианским

государям пригоже скорбеть, что такое бесчеловечие французский король учинил и столько крови без ума пролил. А не скорбят. Филипп Второй испанский поздравляет Карла Девятого французского. От нас хотят терпимости к еретикам-изменникам, сами же совершают Варфоломеевскую резню.

Английский посол Дженкинсон. Государь, мы в Англии осуждаем насилие в католической Европе, но также и новгородский погром.

Иван. Вы в Англии разве не делаете то же? В Англии на Лондонском мосту в один прием повесили триста человек, и моя сестра Елизавета, показывая французскому да моему послу башни Тауэра, зубья которого сплошь увешаны повешенными, говорила: “Так-то мы выводим измену”. Да издавна так было. Что сделал я да дед мой великий князь Иван Третий в северо-восточной Руси, делали во Франции Людовик Одиннадцатый, в Испании-Фердинанд Католик с Изабеллой Кастильской, германские императоры Фридрих Третий и Максимилиан.

Литовский посол. То же использует Россия и для внешних завоеваний.

Иван. Мы, господа, боремся за нашу отчину. Как у Елизаветы английской соперничество с Филиппом испанским на теплых морях, так и у нас в Ливонии на Балтике с Речью Посполитой да Швецией соперничество. Ливония для нас есть сношение с Западной Европой. Белое море далеко от Европы и свободно для плавания меньшую часть года. Также и успешная наша борьба с татарской Азией: прежде оборонялись, ныне наступаем. Господа, при прежних князьях Россия тесно общалась с образованным миром. С появлением татар связь с Западом прервалась. Война с Ливонией есть восстановление прерванной татарами связи.

Литовский посол. Если вы, москвиты, стремитесь к единению с Европой, отчего же отвергаете Унию всех христианских церквей?

Иван. Оттого, что подобная Уния гибельна для православного духа нашего, а то означает и для отчины. Издавна раздвоение церкви, греческий Восток православный и латинско-лютерский Запад. В России признавался Второй Рим. Однако сто с лишним лет тому дошла весть: благочестивый император и вселенский патриарх, как раз те, кому бы и хранить больше всего истинную веру, впали в тяжкую гнусную ересь - на флорентийском Соборе тысяча четыреста тридцать девятого года от Рождения Христа признали над собой первенство Папы и приняли папство, ненавистное *filioque*¹⁶. Известие сие аки гром поразило православие. Те, на кого полагались аки на незыблемую твердыню и на оплот православия, столп веры, учителя, наставники - слово, которое ценилось на вес золота, - они вероотступники. А что стряслось далее, господа, всем ведомо. Четырнадцать лет спустя после флорентийской Унии турецкий султан Магомет Второй торжественно въезжает во главе победоносного войска в ворота Константинополя. С сей минуты Царьград становится Стамбулом, а святая София - нечестивой мечетью. Вместо христианского креста, над поруганным храмом благочестия заблестал мусульманский полумесяц. Второй Рим низвергнут, и на престол византийский, вместо защитника православия, воссел враг Христов. Здесь Божья кара. Мог ли Бог попустить нечестивых агарян овладеть Константинополем - священным сосудом вечной истины? Город и вся страна погибли за свои грехи. Главный же грех - флорентийская Уния, подчинение Папе римскому. Ежели бы и мы совершили такое, то и у нас над святыми православными соборами Кремля вместо христианских крестов заблестали бы мусульманские полумесяцы! Потому-то мы держимся нашего православного богословия.

Литовский посол. Я, Ян Кротовский, литовский посол - убежденный протестант. Со мной в свите проповедник Ян Рокита из среды моравских братьев. И я мыслю, что многое в католичестве должно быть обновлено, а власть Папы римского ослаблена. Истина в протестантском понимании Божества.

Иван. Вы, лютеране, еще хуже латын - Богу не поклоняетесь. Поклоняетесь сатане, что сидел в Виттенберге. Мы, православные, против латынства, против лютерства, против басурманства, против еретиков. (*Нервно ходит*). В одном нет никаких сомнений: погиб Второй Рим, но не погибло с ним православное царство. Сосуд разбит, но не иссякло содержание. Истина, хранимая в этом сосуде - бессмертна! Не восторжествовать над нею латынцам или лютерам, или злым агарянам. Какой же православный народ понесет истину? Не сербы же, не болгары, согнувшиеся под ярмом мусульманства. Нет, только один русский народ. (*Нервно ходит*). Русский народ, очистившийся от измен и ереси.

16 *Filioque* - указание на нисхождение Святого Духа не только от Бога-Отца, но «и от Сына».

Ян Рокита. Государь, откуда у русских право провозгласить себя единственными носителями истины?

Иван. На то у нас, русских, и кровное право. Русские государи происходят от царской крови, потомки римского императора Августа по брату Прусу, прапращуру Рюрика, первого русского царя. Тем высокое положение признано. Греческий император Константин Мономах прислал в дар Владимиру Мономаху царский венец и ожерелье со своего плеча. Владимир короновался тем венцом с шапкой Мономаха и тем ожерельем. А в Грецию шапка Мономаха попала из Вавилона. Шапку ту послал Навуходоносор.

Ян Рокита. Государь, как же она не истлела за тысячу лет?

Иван. То убогий лютерский вопрос, ибо лютеры не верят в красоту чуда, также и в святых чудотворцев. *(Нервно ходит)*. Знаю я то новое лютерское учение, именуемое Евангельским. Судите по делам вашим! Последователи Евангельского учения - свиньи. Что то за учение? Можешь ли ты сказать?

Ян Рокита. Скажу, государь, если ты обещаешь не прерывать меня.

Иван. Обещаю не прерывать.

Ян Рокита. Наше Евангельское учение бросает вызов темным силам церкви во главе с Папой. Папа не имеет никакого права распоряжаться поляками и литовцами. Одно только имеет он право - злодейское разбойничье и дьявольское, которым он обольстил королей и панов, обманул и заставил преклоняться этой римской мерзости. Он есть дикий вепрь, толстый бык, бесплодное дерево, волк, медведь, дракон, немой пес, злодей и хитрый разбойник, гроб нечистый, дьявольский сын, вероломный мужеубийца, фальшивый пророк, для которого Богом является брюхо.

Иван. То ты хорошо сказал. Проявил ловкость, нападая на римскую церковь. А слушал я тебя внимательно, терпеливо, и хочу похвалить твое красноречие. Начало предвещало плохой конец диспуту, однако, слава Богу, дело обошлось благополучно. Хочу иметь твою речь написанную и отвечу на нее на прощание. Тебе, Яну Роките, вручат мой трактат об апостолах и православной церкви. *(Оборачивается)*. Малюта, что-то стряслось?

Малюта (тихо). Государь милостивый, казак прискакал с Дикого Поля. Говорит, Девлет пришел к Перекопу, а с Перекопу - на Украину.

Иван (тревожно). Куда идет Девлет?

Малюта. Девлет идет на Тулу, оттуда на Серпухов пойдет.

Никита Романов. Вот, государь, не измышленная, а истинная опасность для Руси.

Царевич Иван. Дай мне войско, батюшка, постоять за Русь.

Иван. Юн ты еще, Иван-сын. Пойдешь со мной на берег в Серпухов. Ты, Магнус, пойдешь в Ливонию.

Немецкий посол. Царь встревожен. Что-то стряслось.

Литовский посол (тихо). Набег крымцев. Помогла matka Боска. *(Крестится по-лютерански)*. Государь, есть ли опасность для Москвы?

Иван. Опасность есть, но отобьем татар. Москву обороним. Такая, господа, крымская татьба - срамливать между собой Москву и Литву. Манит то одного, то другого союзом, и разоряет волости обеих.

Литовский посол (тихо). Панове, советую как можно быстрее покинуть Москву. *(Послы уходят)*.

Иван (встревоженно). Собрать воевод опричных да земских.

Малюта. Исполним, государь.

Иван. Для отражения набега крымцев на Москву поставить обоз за Москвой-рекой, за деревянным городом меж Серпуховым и калужскими дорогами. Поставить артиллерию, расписать к ней запасы и пушкарей, да приготовиться для сражения с врагом.

Никита Романов. В довершение всех бедствий недоставало давнего врага русского народа - татарского нашествия. И то суждено испить русскому народу. Помогите нам, Господи. *(Крестится и уходит)*.

Занавес

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена 22

Серпухов. Берег реки Оки. Стоит войско с развернутыми знаменами и хоругвями.

Иван. Приказываю в сурны играти и трубити и по набатам бити (громкие звуки музыки). Православное войско! Такие боевые звуки вместе с громом набатных барабанов услышит противник наш супостат, как пойдём на него. По получении известия я, царь, собрал возможно большую рать. С войском на берег Серпухова пошел и стал во главе со старшим сыном. Я, царь Иван Васильевич Всея Руси, и сын мой царевич Иван Иванович московский против крымского царя Довлет Гирея стоим. А с нами великий князь Симеон Тверской да командующий опричными отрядами Михаил Черкасский, да иные воеводы. Постоим за Русь!

Крики. Слава государю и наследнику его! В твоё присутствие повернут назад татары-супостаты.

Михаил Черкасский. Великий царь, татары, узнав о тебе, сильно испугаются.

Малюта. Государь милостивый, схвачен скomorох, говорит, что послан от татар. (*Приводят скomorоха.*) Где они, татары, скomorох? Далеко ли?

Скоморох. Грозный царь Иван Васильевич, крымский хан Довлет Гирей направил тебе ярлык.

Иван. Который ярлык?

Скоморох. Ярлык такого писания. (*Достаёт ярлык.*) Ежели ты действительно настоящий царь Руси, как вечно выставляешь это на вид и гордишься перед татарами, назначь место, где мы могли бы сойтись, как подобает двум царям и врагам. Я тебя ждать не заставлю, недаром прошёл я долгий путь - две тысячи миль - желая тебя найти. (*Подает ярлык царю.*)

Иван (*берёт ярлык, читает*). Как же татарин приходит до меня, помазника Божьего, вызывает на драку?

Скоморох. Ежели хан не получит ответа, то сюда придёт. А расположился он в твоём увеселительном дворце села Коломенского, а сыновей отправил разбить стан на Воробьевы горы.

Царевич Иван. Батюшка, хан уже у московских стен!

Иван. То похваляется хан. Так ли, шут?

Шут (*в соломенных доспехах, с деревянным мечом*). Государь, крымский царь богатырь-насилник постоянно грозит Москве с поля. Дай мне войско, царь, я его в капусту искрошу. (*Смеется.*)

Царевич Иван. Батюшка, татарские темные силы басурманские в похвальщине не раз к Москве приходили. Ныне хан Довлет Гирей подошел к московской украине. Не стоять нам надобно с опричниками на Оке. Идти совместно с земскими воеводами. Дай мне войско.

Иван (*сердито*). Скорей шути дам, чем тебе. Знаешь ли, войско опричное мало. Многие опричники не вышли на службу.

Гонец (*вбегаёт и падает перед царем на колени*). Государь милостивый, Довлет зашел в тыл русским войскам на Оке.

Иван (*тревожно*). Сколько в войске Гирея?

Гонец. Милостивый государь, истинного числа неведомо. Войско Гирея от сорока до двухсот тысяч. Быстро движется Гирей на север. Ныне сжег тульские посады.

Второй гонец (*вбегаёт*). Милостивый государь, Довлет шел на Калугу, а реку Оку перешел выше Калуги на устье реки Яганки и пришел под Москву канун Вознесеньего дня, и стал, государь, в селе Коломенском.

Царевич Иван. Батюшка, скomorох правду сказал: татары стоят под стенами столицы. Получил ты от хана посольскую грамоту с прикладкою, как велику грозу.

Иван (*скomorоху*). Что еще велел передать хан?

Скоморох. Что передать велел? (*Пританцовывает.*) А вот послушай: ай ты грозный царь Иван Васильевич, чисти улицы с переулками, конюшни спораживай, дворы разглаживай, питье размечивай, яства полаживай, яства бы были сахарны, а питье медвяное, и выискивай-налаживай красных девушек толпищами, молодухек станицами, удалых добрых молодцев с ширшаками, уж ты кланяйся понизешеньку, а славу говорить погладешеньку, а кресты веди по писанному. (*Смеется и танцует.*)

Третий гонец (*вбегает*). Государь, татары подождя, зажгли предместья!

Иван (*испуганно*). Где Воротынский с земцами?

Гонец. У Воротынского с земцами рать невелика - пришлось отступить к Москве.

Иван. Где иные воеводы?

Третий гонец. Воеводы Иван Бельский и Михайло Морозов на Большой улице на всем пути от Варварки к пристани, пересекая мост через Язу. Полк правой руки Ивана Мстиславского да Ивана Шереметьева Меньшого на реке возле стрелецких слобод. Передовой полк Михайло Воротынского и Ивана Тетерина на Таганском Лугу, за Неглинною полк князя Дмитрия Ростовского, а пришли воеводы одновременно с татарами. Явились татары неожиданно под стенами, приведены перебежчиками.

Царевич Иван. Батюшка, надобно идти, не останавливаясь, на подмогу. Перебежчики рассказали: Москва пуста без прикрытия.

Иван (*тревожно*). Молчи, мальчик, много ль ты в делах смыслишь. Делается ли оборона?

Гонец. Государь, земские воеводы Бельский, Мстиславский и иные приготовились было отстаивать столицу, но татары пустили огонь на слободы. Воевода Иван Бельский выезжал против крымского царя и его людей за Москву-реку и дело с ними делал, а приехал в город ранен.

Четвертый гонец (*обожженный*). Послан я от воеводы Ивана Бельского, государь. Москва горит.

Иван (*испуганно*). Один за одним являются гонцы с дурными вестями. Точно вороны, черные вести. Горит город святой Москва.

Четвертый гонец (*говорит с трудом*). Подождя к Москве, неприятель зажег высокую колокольню святого Ивана да иные.

Иван (*с испугом и скорбью*). Горят святые церкви, церкви соборные Михаила Архангела, Креста Благовещенского, Ивана Великого. Крымский царь посады на Москве зажег и от того огня греха ради наших оба города выгорают. Ныне обретение честной главы. В среду в неделе на Пасху, в канун Вознесенного дня пришел царь крымский к Москве. И села, и Новый монастырь жжет, и посады жжет. Случаем ли то стряслось на Пасху, братие? Нет, то гнев Божий греха ради наших.

Скоморох. Что, царь, заробел? (*Смеется*.)

Царевич Иван. То еретик подсланный, изменник в скоморошьей мошкаре. Убить его.

Скоморох. Я - ханский гонец. Хан за меня накажет. А лучше сам царь пусть поостережется гнева Божьего.

Иван (*скорбно*). Истинно Божий гнев. Не начал Посад гореть и по иному, не татарским зажигом, но гневом Божьим, Божья буря началась велика. Прости нам грех, Пречистая Богородица.

Пятый гонец (*вбегает*). Государь, земские воеводы не успели загородить хану путь через Оку. Хан направляется сюда к Серпухову.

Иван (*испуганно*). Сюда хан идет? Где опричный отряд воеводы Якова Вольнского?

Пятый гонец. Государь, под Серпуховым разбит.

Царевич Иван. Батюшка, надобно становится на бой.

Скоморох. Не становись на бой, царь. Лучше беги, царь, как делали предки твои Дмитрий Донской да прочие при подходе Тохтамышша.

Царевич Иван. Вот тебе, захожий глумец, за песни твои дьявольские. (*Убивает скомороха*.) Батюшка, надо бить в боевые набаты.

Иван. Войска мало, многие опричники не вышли на службу, и потому я, царь, решил поворотить назад.

Царевич Иван (*сердито*). Батюшка, в Вологду хочешь, а оттуда с Руси бежать в поморские страны! Того ли ради устроил суда?

Иван (*сердито*). Хоть сын ты мне, а глаголю тебе, человекче: который человек учнет попрекать меня, самодержца, того разорю и накажу! И род и племя от него не оставлю! (*бьет царевича палкой*.) Гляжу, ум у тебя отнялся и начал ты без ума ходить и такие речи глаголить! При Дмитрие Донском в отместку за победу на Куликовом Поле Тохтамыш сжег Москву, то сам святой Дмитрий Донской бежал! А ведь как храбр был, отчего же бежал? Оттого, что родословная верста государя определяет честь государства, ибо государь государства больше. Спасен будет государь - спасено будет и государство. Малюта, распорядись о моем отъезде.

Малюта. Исполню, государь.

Иван. Хочу идти к Троице, оттуда в Переяславль-Залесский. *(Нервно ходит.)* Али нет. Поеду через село Бронцы и Слободу, не заезжая в Москву к Ярославлю. *(Нервно ходит.)* Али нет. Доберусь только до Ростова, где ныне царевич Федор, оттуда поверну с сынами в Кириллов монастырь. Быстро поеду через Слободу в Ярославль, а потом в Белозерский монастырь. Ты, Малюта, поедешь со мной. Командующими опричными назначаю князя Михаила Черкасского да князя Семена Булатовича Тверского. Великий князь, передаю тебе власть.

Михаил Черкасский. О, мой сердечный владыка государь могучий, с войском войду в город на татар.

Семен Булатович. О, государь могучий, разверну свой меч, поставлю стоймя и напорю врага на меч, и рассечет его меч на две части.

Царевич Иван. Батюшка, издавна было: отрядами нерусскими русские командуют, а теперь командовать над русскими поставлен крещеный татарин. Под Полоцком командовали русские казанскими людьми, свияжскими людьми, чебоксарскими людьми, не наоборот. Позволь же, батюшка, мне в подобие предка нашего князя Даниила ездить против врагов своих на грозное побоище, на татар, сиречь на крымских людей, как он, князь Даниил, ездил.

Царь Иван. Иван-сын, един ты у меня наследник, а что принцу Магнусу оставил русский трон - то, чтоб напугать тебя, строптивного. Не могу допустить, чтоб ты убит был, али в полон взят, ибо все ж люблю тебя, невзирая на стропливость.

Царевич Иван. Батюшка, ежели я от татар, сиречь крымских людей, убит буду или каким иным способом придет мне смерть безвестная, или на бою в трупях человеческих сыскати и признати меня не сможешь, или в полон буду взят жив от татар, сиречь от крымских людей, и которым путем в которую землю сведут меня, то пошли на розыск дворян своих, а не сыщещь, то помяни павшего за Русь.

Царь Иван *(сердито)*. Наполнил дьявол сердце твое теми злыми мыслями. Ты, наследник русского престола, пойдешь со мной ради спасения династии.

Малюта. Государь, к отъезду все готово.

Иван. Господи - владыка и творец всех, создатель - помоги нам.

Шут. Государь, меня возьми в Кириллов монастырь. И мне тут на Оке страшно, татар идолище идет по мостам - мосты зыблются, по переходам - переходы колеблются, креста не кладет, царю не бьет челом, речет: царя полоню, Москву головней прокачу, спалю царство Московское. Страшно, государь!

Слышна отдаленная пушечная стрельба.

Малюта. Государь, поторопись! Татары уже за Сенькиным перевозом.

Иван с царевичем и Малютой быстро уходят.

Занавес

Сцена 23

Горящая Москва. Тревожно звонят колокола. В страхе, с криками, плачем мечется народ. Воины вносят раненного воеводу Ивана Дмитриевича Бельского.

Бельский *(говорит с трудом)*. Покладите меня. Тут огня поменее. *(воины кладут Бельского.)* Где иные воеводы?

Первый воин. Князь боярин Иван Дмитриевич Бельский, государевы воеводы на Якиманке, на Варварке, в Китай-городе.

Бельский *(говорит с трудом)*. Пошлите гонцов, скажите, я, боярин Иван Дмитриевич Бельский, велю выходить на окрестные луга.

Второй воин. Князь боярин Иван Дмитриевич Бельский, кругом пожар, Москва-река согрелась от жара, покрылась кровью.

Третий воин *(вбегают в опаленной одежде)*. Князь боярин Иван Дмитриевич Бельский, греха ради наши почали татары к острогу подступаться и разорвали острог за Неглинной и на Ваганькове зажгли посад.

Колокола смолкают. Слышен треск огня.

Бельский. Затихли колокола Божьих церквей. *(Кашляет от дыма.)* Много ли гибнет народа?

Третий воин. Много сбежалось к Москве бедных крестьян. У ворот скопление многих. Тысячи уж задушены, не счесть мужчин, и женщины, дети мечутся в беспомощности, ищут спасения в церквях. Но татары разбивают церковные двери, врываются в храмы, истребляя всех от мала до велика.

Бельский. Не можем мы дать им, православным, от басурман защиты греха ради наши. *(Плачет.)*
Входит воевода Иван Мстиславский с воинами.

Мстиславский. Главный воевода князь Бельский тут ли?

Бельский. Тут я, израненный. Князь Мстиславский, принимай главное воеводство. Откуда ты с воинами?

Мстиславский. Пробились мы сквозь татарские ряды к Арбату. По велению хана крымцы подожгли посад, прежде всего за Неглинной. Буря понесла огонь на Арбат и Кремль. После взрыва пушечной избы загорелся и Китай-город.

Бельский. Где ныне царь?

Мстиславский. По слухам, сам царь и великий князь Иван Васильевич с опричиною сей порой идет из Серпухова в Броничное село мимо Москвы в Слободу, а к Москве не идет с подкреплением.

Бельский. Все ли выгорело?

Мстиславский. Уцелел один Кремль. Туда народ не пускают. Толпы народа бросаются в ворота, удаленные от неприятеля, толпа напирает на толпу, передние попадали, задние идут по ним, за ними другие повалили их. Многие уже задавлены.

Второй воин. Трудно бежать из обширного города. Кроме жителей, набилось много народа из окрестностей, а сзади напирают татары.

Слышны приближающиеся звуки труб и гром набатов.

Бельский. Не наши ли то набаты, не идет ли на подмогу Магнус? Был слух: идет Магнус с пятнадцатью тысячами.

Мстиславский. Набаты гремят многие басурманские. *(Приближаются звуки труб и набатов.)*

Первый воин. Набаты гремят, многие трубы трубят, и в барабаны бьют великие несказанные.

Второй воин. Ужасно слышать сердцу всякому православному их басурманские трубья. Яко звери воют страшные над головами нашими разными голосами.

Третий воин. Татары уж близко, уж видны их знамена языческие, великие, неизреченно черные. Смотрите туда.

Мстиславский. Отнесите подалее князя боярина Бельского. Мы ж пойдем на вылазку, чтоб пробиться на Таганский Луг.

Бельский. Отнесите меня в мой двор. Не вернусь.

Мстиславский. О, прегордые лютые варвары, как предки ваши, басурмане поганые, учинили над Царь-градом, взяли зятя его, убили они государя царя христианского Константина благоверного, побили в нем христиан многие тьмы-тысячи и обагрили кровью нашей христианской все церковной, искоренили до конца всю веру христианскую. Так и у нас, в Москве, варвары поганые хотят. Мы ж кровь свою и басурманскую нечисту прольем. Ну, так с нами Бог и Пресвятая Богородица.

Врываются татары. Бой. Мстиславский с воинами пробивается сквозь татарские ряды. Крики и шум, плач.. Врывается множество татар. Гонят перед собой жителей. Одних режут, других хватают, набрасывают арканы. Входит хан Довлет Гирей, окруженный мурзами и воинами, с ними же русские перебежчики.

Мурза Тубердай. Русские свиноподцы, падайте ниц перед великим ханом.

Татары избивают бичами, заставляя толпу русских лечь на землю.

Хан (радостно). Бейте в барабаны, трубите в карнии. *(Звучит татарская музыка.)* Во славу Аллаха сегодня плов сварим. Давно имел мечту сварить плов на московском пожарище. *(Смеется.)*

Мурза Суламиш. Аллах, забрал ты всех свиноподцев.

Хан. Сядем, поедим плов. Э, мурза Сагурай, приготовь место.

Сагурай. Хоп, милостивый хан!

Татары выхватывают из толпы русских мужчин, женщин, детей, старых и молодых. Тут и вельможи, и посадские, и крестьяне. Всех их укладывают в ряд на землю, а сверху кладут широкую тяжелую доску. Хан с мурзами усаживается на доску укрытую ковром. Прислужники ставят перед ним миску, потом расставляют блюда и пиалы. Из-под доски раздаются стоны, предсмертное хрипение.

Хан (*весело*). Э-э, русские добрые люди, чего плачете, город полон радости. (*Смеется. Татары смеются.*)

Тишинков (*угодливо смеется*). Великий хан, Кремль осадить надобно, - в Кремле сидит митрополит Кирилл с царской казной.

Хан. Потерпим. Говорят, терпение - желтое золото. (*Смеется.*) Тишинков, где русский царь плешивый?

Тишинков. Милостивый хан, русский царь по слухам, пошел в Ярославль и дошел до Ростова.

Хан. Убежал ты, русс, не захотел со мной драться, бороться на базаре. (*Смеется.*) Пиши ему, Тишинков: тебя, русский царь, отведу к себе в Бахчисарай, заставлю тебя прислуживать - разливать чай моим сорока тысячам воинов. (*Смеется, татары смеются.*) А не хочешь, убью тебя, привяжу твою голову к луке моего седла. (*Татары вносят большой котел и ставят его на огонь горящего недалеко дома.*) Хорошо на очаге в котле кипит плов. Хорошо. Пусть веселят меня. (*Молодой татарин-танцовщик Бача танцует и поет, извиваясь и дергая задом.*) Кипи, мой плов, кипи. Буль-буль-буль-буль. Кипи, мясо, кипи, морковь, кипи, мой плов, кипи. Буль-буль-буль, твой голос. (*Смех.*) Эй, отбирайте полон. (*Татары вытаскивают одного из русских.*) Кого ты мне привел? Этот тощий, разве это человек? Мне таких работников не нужно. (*Тощего русского убивают. Вытаскивают из толпы другого.*) Этот жирный, для шашлыка. Эй, кто хочет шашлыком из людского мяса торговать? (*Смеется. Жирного русского убивают.*)

Татары втаскивают Василия Блаженного.

Татары. Милостивый хан, поймали русского дурака голого, чтоб тебя повеселить.

Хан. Русский голый дурак! (*Смеется, татары смеются.*)

Кудияр Тишинков. То, великий хан, русский блаженный. Он и в лютые морозы ходит голый, русские почитают его за святого.

Хан. Русский святой дурак! (*Смеется.*)

Тишинков. Василий Блаженный, спой песню, дурак. Великий хан Довлет Гирей велит тебе петь, а то зарубим тебя саблей.

Блаженный (*поет*). На стене Киева Богоматерь плакала, ведая невзгодушку, невзгодушку великую.

Хан. Что он поет?

Тишинков. Хан спрашивает, что ты поешь, дурак?

Блаженный. Пою песню о Батыге. Заступница плачет о Киеве, обложенном силой Батыга. Да не сбудется! Вышла матка святая Богородица с того монастыря смоленского. Заступница, что Богородица, спасет Москву от конечного истребления. Чудо Пресвятой Богородицы спасет Русь.

Хан. Мне неприятна та песня дурака. Эта песня - песнь свиноядцев. Пойте мне про плов, татары.

Танцовщик (*танцует и поет*). Кипи, мой плов, кипи, твой голос пьянит меня, твой запах пьянит меня, кипи, мой плов, кипи.

Хан. Веселись с нами, русский дурак. (*Татары смеются.*)

Василий Блаженный (*поет*). Покличешь с небес господен глас, и на еси собака крымский царь. Татарин хвастается, да крестьянин тешится. То ли тебе, крымский царь, неведомо, а еще есть на Москве семьдесят апостолов, опрично трех святителей. Побежишь еси собака, крымский царь. Не путем еси, не дорогою, не по знамени, не по черному, побежишь в свою землю неверную.

Хан (*гневно*). Изрежьте его по четвертям.

Первый Татарин. Я его убью.

Второй Татарин. Нет, я его убью. Старший не трудится, если рядом с ним младший.

Первый Татарин. Старший должен быть в почете.

Василий Блаженный. Крымский царь, не успеешь почесать в голове, как все тут загорится.

Сильный взрыв, снопы огня, дым.

Третий Татарин (*вбегает в горячей одежде, с горящими узлами.*) Пороховой склад взорвался! (*Падает.*)

Четвертый Татарин (*вбегает, объятый пламенем*). Все горит!

Хан (*торопливо встает*). Не стану я осаждать Кремль, уйду, отступлю в село Коломенское. Прокатил я головные по всему царству московскому и собрал большой полон.

Василий Блаженный. Напрасно снарядились татары! Ничего не смогли пограбить, все сгорело. (*Смеется.*)

Хан (*гневно*). Выколите дураку глаза и обрежьте ему ноги по колени!

Новая вспышка пламени. Густой дым заволакивает все кругом.

Татары. Хан, не можем найти русского дурака, дым кругом!

Хан (*кашляет*). Удаляемся, пойдем! (*Уходит в сопровождении мурз.*)

Василий Блаженный (*появляется из густого дыма*). Помогла мать Богородица. (*Треск пламени.*) О, Пречистая Богородица и ты, Пречистая, ныне плачешь. (*Крестится и плачет.*) Как есть наступила тьма темная и страшно нам стало от них с той поры. (*Уходит с плачем.*)

Треск пламени. Все заволакивает дымом.

Занавес

Сцена 24

Келья Кирилло-Белозерского монастыря. Царь Иван молится.

Иван. Но ныне ты отринул и презрел, прогневал на помазника твоего, пренебрег рабом твоим, поверг на землю венец его, разрушил все ограды его, превратил в развалины крепости его, расхищают его все приходящие путем, возделался посмешищем у соседей своих. Ты возвысил десницу противника моего, обрадовал всех врагов его, ты обратил назад острие меча его, ты не укрепил его на брани и отнял у него блеск и престол, его поверг на землю. (*Крестится.*) Преклони, Господи, ухо твое и услышишь меня, ибо я беден и нищ, сохрани душу мою, ибо я благоволю перед тобой, спаси, Боже мой, раба твоего, уповающего на тебя. Помилуй меня, Господи, ибо к тебе взываю каждый день. В день скорби молю и взываю к тебе, потому что ты услышишь меня. (*Крестится.*) Восстанови нас, Боже, спасение наше и прекрати негодование твое на нас. Неужели вечно будешь гневаться на нас, прострешь гнев твой от рода до рода?

Малюта (*входит*). Государь милостивый, гонец от воеводы Мстиславского извещает, что, испугавшись пожарного зноя, Довлет Гирей уходит от Москвы.

Иван. Услышал молитву Господь. (*Крестится. Входит гонец и падает перед царем.*) Много ли выгорело?

Гонец. Государь великий, весь город сожжен и сравнен с землей.

Иван. Вот злая честь татарская. Уцелел ли Кремль?

Гонец. Государь великий, Кремль уцелел, однако в Кремле сгорели многие церкви и деревянные дворы.

Иван (*скорбно*). И то Божьим гневом грехов ради наших Москва сгорела вся. Ужас и скорбь. (*Утирает глаза.*) Долго горела?

Гонец. Государь, в каких-нибудь три-четыре часа вся Москва сгорела. Город и в городе твой государев дворец, двор и все дворы и посады, все за Москвой, и людей сгорели многие множества, им же не было числа, и всякое богатство, все погорело. И церкви каменные от жару исседались, и люди в каменных церквах и каменных погребях горели и задохались. Едва кто где Божьим сохранением от смерти избавлен. Митрополит же Кирилл со священным Собором в ту пору пересидел в церкви Пречистой Богородицы в соборной. А князь Иван Дмитриевич Бельский в своем дворе в каменном погребе задохся. Умер также опричный воевода Воропай Волынский и многие другие воеводы земские и опричные. Иных же княгинь, бояр и всяких людей, - кто может исчезнуть их, - задохлось, померло. И Москва-река мертвых не пронесла.

Иван. Где царь крымский в сии поры?

Гонец. А царь крымский в сии поры отошел в Коломенское и, смотря гнева Господни, дивился и пошел в Крым.

Иван. А к Москве надолго не подпустил его Господь преступити. Случилось по-писаному - не даст бы Господь жезла на жребий свой.

Малюта. Государь милостивый, приход татар навел ужас на Москву. Но сами же со срамом и уходят. То не военная победа, а наезд.

Иван. И тут, как пришла весть, что крымский царь пошел прочь, я, царь и великий князь, ворочусь в Москву.

Занавес

Сцена 25

Москва. Лежит множество обгорелых трупов среди обгорелых развалин.

Слышен плач и крики оставшихся в живых жителей.

Первый из народа. И разгневался Бог, попустил в Российское государство мусульман крымских. (Плачет.)

Второй из народа. От басурман вся Москва сгорела. (Плачет.)

Третий из народа. Смотрите, святой нагоходец с нами. (Плачет.) Василий Блаженный, что делать нам? Кто в беде виновен?

Василий Блаженный. Царь виновен. Царь Иван уклонил свою мысль на крестьянское убиение и грабление. Басурман же устранившись зело, убог, Москву бросил.

Монах. Православные, истину блаженный говорит, пока тихо и спокойно, царь обирает нас понапрасну, как придет беда - покидает нас.

Василий Блаженный (плачет). Ой ли великим падениям быть и убийствам! Православные, превеликая Москва, коль немилостиво раскопана, и так уже пламенем восхищенным вся великая Москва дымится, от сего же великие палаты сокрушены. О бедные матери, колико болезни сердца ваши узрите, источаемые и под пудом разграбляемые. И толико не возьмешь изнести слез и разорение чад ваших. Их же рассекали немилостивые кровавые мечи. Пред отцы сыновья убиваемые, отрокови же от матери отторгаемые и блудному растлению предлагаемые, никакого защищения не обретаемые. И тако разрушена превеликая Москва. (Плачет.)

Входят иноземные послы.

Немецкий посол. Великая беда постигла Москву.

Английский посол. В два месяца едва будет возможно очистить от человеческих и от лошадиных трупов город, в котором остаются теперь одни стены, да там и сям лишь торчит каменный дом, словно головка водосточной трубы. Деревянные здания сгорели с такой быстротой, что в четыре часа не стало большей части города. Зрелище было ужасно: люди горели в домах, на улицах.

Немецкий посол. Сгорело то ли триста, то ли восемьсот тысяч.

Английский посол. Всего в Москве сто тысяч населения. Правдоподобно погибло от пожара семьдесят тысяч и сгорело сорок тысяч дворов.

Польский посол. По сведениям из Варшавы от самих крымцев, татары убили всего шестьдесят тысяч, столько же взяли в плен.

Немецкий посол. Смотрите, господа: царь со свитой пришел сгоревшую Москву осматривать.

Входят царь Иван, царевич Иван Иванович, Малюта, Годунов, Никита Романов, князь Михаил Черкасский, дьяк Щелканов, дьяки, опричная охрана.

Польский посол. Всемогущему Богу угодно было исполнить то, что так часто желал деспот - видеть Москву когда-нибудь грудой пепла и угля.

Немецкий посол. Царь Иван Васильевич бежал и предал столицу на произвол судьбы, как в подобных случаях поступали все его предки, предшественники, прежние московские государи.

Польский посол. Сей московский царь Иван Васильевич унижен, поражен, сообразно своему характеру, он столь же падает духом, когда постигло его бедствие, сколько чванится в счастья.

Английский посол. Московская трагедия заставит русского царя быть гораздо уступчивее. Есть известие, что он согласен теперь на создание в Астрахани полунезависимого от России княжества. Также надеемся, что на переговорах он даст согласие на восстановление наших английских торговых привилегий в России.

Иван. Страшная картина Божьего гнева за грехи наши. (Крестится.) В Москве не осталось ни одного деревянного строения, даже шеста или столба, к которому можно было бы привязать коня. Лишь кое-где торчат обугленные трубы. Город лежит в пепле и развалинах. Весь город наполнен обугленными трупами. Возвратившись в Москву, я, царь, прежде велю освободить Москву от мертвых тел. Годунов, сколько убитых?

Годунов. Трудно определить, государь. Но число жертв огромно. Ведь в Москве, спасаясь от нашествия крымцев, собрались бежавшие с ближней и дальней округи.

Дьяк Щелканов . Государь, по разным подсчетам Казенного приказа, от ста до ста двадцати тысяч человек сбежалось из округи.

Иван. Ныне, вернувшись в Москву, я, царь, повелеваю освободить Москву от мертвых тел. Повелеваю прятать мертвых людей. Годунов, тебе заняться погребением мертвых, чтоб предупредить заразу.

Годунов. Уже делаем, государь. А погребать будем до Ильина дня, может, до июля двадцатого, а, может, и долее. От посадов и в Китае-, и в Старом-городе дворы, и людей бесчисленно, и лошадей. Смрад велик.

Иван. Для очищения наряжайте посоха, вспомогательные отряды от других городов.

Годунов. С городов, государь, уже посоха нарядили развозить их, мертвецов. Долго развозить будем, на Москве некому развозить.

Дьяк Щелканов. Нами в Казенном приказе сделан счет денежный: от восьмидесяти погребенных тел рубль. Триста рублей уже уплачено. Двадцать четыре тысячи человек от татарского меча убито, не считая сгоревших и утонувших.

Иван. Утонувших рыбы погребут. По моему приказанию бросать мертвых в реку.

Годунов. Государь, Москва-река запружена телами. Из трупов образовались плотины. Вода не может протекать и поднялась. Колодцы высохли. Оставшиеся жители утоляют жажду речной водой и заболевают.

Царевич Иван. Велики, батюшка, страдания народные. Гляди, вон и блаженный плачет среди иного народа.

Иван (*подходит к плачущей толпе*). Народ православный, я, царь, ныне воротился, чтоб заново Москву строить, а страдания ваши, язвы врачевати. Я о том спасении молиться буду.

Малюта (*кричит*). Слава государю! Кричите: слава государю! (*Народ молчит.*)

Василий Блаженный. Я скажу. Царь, имеешь ты обычай ходити по церквам, уединяться, как беда приходит ныне. Помолившись вдоволь в северных монастырях, вернулся да узрел сию срамную картину. Хан крымский ворвался в Россию без труда, дошел до Москвы, предал ее пламени и с богатой добычей возвратился в свои улусы, ознаменовавши набег пеплом городов и трупами беззащитных россиян, оставленных тобой, государем.

Малюта. Схватить дурака. (*Опричники хватают блаженного.*)

Народ (*кричит*). Не троньте блаженного! Святую истину говорит!

Монах (*кричит*). Православные! Помнятся ныне давно забытые времена батыевы, с той разницей, что в батыевы времена русские князья умирали со своим народом, а ныне глава Руси бежал и сидел до конца, запершись в Ростове со своей семьей!

Малюта. И этого схватить. Еретик, народ мутит.

(*Опричники бросаются вперед. Схватка с народом. Крики.*)

Первый из народа. То правители виновны! Царь да бояры!

Второй из народа. Когда в последний раз Москва горела, погорельцы многих бояр побили. Так и ныне нам сделать!

Годунов. Государь, народ озлоблен. Надобно успокоить народ.

Царь Иван (*испуганно*). Пустите блаженного и монаха.

(*Опричники отпускают схваченных.*)

Малюта (*тихо*). Государь, я послал за подмогой.

Иван. Народ православный, в беде нашей виновны изменники, которые подготовили передачу Новгорода и Пскова Литве, открылись другие изменники, которые помогли крымцам незаметно подойти к Москве.

Первый из народа. Правители виновны! Они изменники!

Второй из народа. Крестьян и посадских тяглецов мучают!

Первый из народа. Ныне оставили народ басурманам! Резня продолжалась до тех пор, пока у татар не утомились плечи, не иступились сабли.

Третий из народа. Москва пополнилась сечеными во всех улицах от конца до конца! Мы ж, погорельцы, остались без крова.

Иван. Православный народ, я, царь, великую муку и скорбь имею, ради Христа молил за спасение России от басурманства.

Василий Блаженный. Царь, апостолы шли за Христом на распятие. Так и тебе со слугами твоими надо было, а не быть бегунами и хоронятыми, бросающими щит и другие доспехи.

Малюта. Государь, бунтовщики народ с умыслом мутят.

Вбегают новые опричники и теснят народ.

Иван (испуганно). То заговор, то измены, то восстания, теперь опасуюсь вспышки народной злобы, как в молодости моей после московского пожара. Как человеческие грехи часто раздражают Бога, так и тогда случился за наши грехи по Божьему гневу в царствующем граде Москве пожар. Изменники бояре, улучив благоприятное время для своих измен, убедили скуднейших умом, будто мать матери нашей княгиня Анна Глинская со своими людьми и слугами вынимала человеческие сердца, и таким колдовством воспалили Москву, и будто б мы знали об этих замыслах. И теперь ныне хотят тоже.

Малюта. Государь милостивый, ныне мы, верные слуги твои опричные, оградим тебя.

Иван. Надобно оградить себя и подставить других в жертву народной злобе. Воеводы во всем виноваты. Так надо объявить.

Опричники оттесняют народ. Царь проходит, окруженный стражей.

Немецкий посол. В довершение беды не было бы еще и народного бунта.

Польский посол. Русские холопы недовольны. Но для бунта силы невелики. С одной стороны крымцы, а с другой неистовость царя, погубили многих людей, так что народа уцелело мало, и сил немного.

Английский посол. После нынешнего пожара Москва долго не отстроится.

Иван. Годунов, на Ваганькове, на Тверской, Никитской, Петровке деревянный город делать для живых успокоения народа ради.

Годунов. Так исполним, государь.

Иван. Однако, в первоочеред от тел Москву освобождать, поскольку и Москва-река мертвых не пронесла у порогов, что поставлены были сопровождать на низ реки мертвых людей, а хоронить их на государские кошты некому, а которые остались приятели, те чтоб хоронили.

Годунов. Исполним, государь.

Иван. В Кремле силен ли пожар?

Годунов. В государевых палатах: в Грановитой, сиречь Золотой, в Проходной и в Набережной, и в иных палатах прутья железные толстые, кладимая крепости для связки перегорела и переломилась с жару, такой был пожар. Митрополит Кирилл со священным Собором в те поры пересидел в церкви Пречистой Богородицы в Соборной, однако ныне от дыма и угара болеет, лежит в беспамятстве.

Входит воевода Иван Дмитриевич Милославский с воинами. Многие в обгорелой одежде, перевязаны раны.

Мстиславский (кланяется царю). Государь милостивый Иван Васильевич Всея Руси, рады видеть тебя в крепком здравии в городе твоём стольном.

Иван (недовольно). Где иные воеводы?

Мстиславский. Главный воевода князь боярин Бельский задохнулся от огня и дыма, также князь Вольинский и иные воеводы, кто лежит ранен, кто еще с войском на лугах.

Иван (сердито). Дурно Москву обороняли! Неудачно обороняли от крымцев. Щелканов, в казенном разряде писать надобно: воеводы помышляли худо и оплошно.

Мстиславский. Государь, мы к Москве поспешали и пришли в нее за день до татар. Татары, подойдя, зажгли предместья. Ясный день и сильный ветер помогли пожару. Пожар распространился с изумляющей быстротой по сухим деревянным строениям. Погибло много войска и народа.

Иван (сердито). Однако ты, Мстиславский, да тебе подобные спаслись бегством, бросив город басурманам!

Мстиславский. Государь, у нас в живых не осталось и трехсот боеспособных людей. Подойдя к Москве, неприятель зажег высокую колокольню святого Ивана, в ту минуту поднялась ужасная буря, от которой загорелись церкви, дома и палаты в городе и предместьях на триста верст в окружности. Все обратилось в пепел. Все дома и улицы были так полны народу, что некуда было потесниться. И все они погибли в огне. За шесть часов погибло несколько тысяч мужчин, женщин и детей. Подойдя к Москве, хан остановился в Коломенском, а его сыновья в Воробьеве. На следующий день он послал в окрестности Москвы двадцать тысяч поджигать в разных местах. Все погибли в огне, кроме некоторых воинов, сражавшихся с татарами, и немногих других, искавших

спасения через стену, в реке, где некоторые из них потонули, а другие были спасены. Большое число сгорело в погребах и церквях.

Иван. Где ныне татары?

Мстиславский. В ночь после пожара татары отошли от Москвы к Оке.

Иван. Там на Оке опричные войска были. Ты, князь Михаил Черкасский, что ответишь? Тебя я назначил главнокомандующим всеми опричными отрядами и о том объявил.

Михаил Черкасский. Грозный и сильный государь наш Иван Васильевич, татар было много, опричников мало, много опричных дворян на службу не пришло.

Никита Романов. Государь, есть слух, что в походе Довлет Гирея участвовали отец Михаила князь Темрюк.

Михаил Черкасский. Грозный и сильный царь Иван Васильевич, тот слух ложен, отношения наши черкесов с татарами недружественны.

Иван (сердито). О том еще помыслим. Уйди ныне, князь Михаил Черкасский, с очей моих долой. Да сказать надобно князю Косимовскому, чтоб на глаза не казался. *(Михаил Черкасский кланяется и уходит.)* Он давно мне внушает подозрение после смерти сестры своей царицы Марии Темрюковны.

Царевич Иван. Батюшка, наши воеводы отказались служить Михаилу Черкасскому. Михайло Черкасского надобно заменить более родовитым и русским. Того многие требуют.

Иван. И русских изменников немало!

Малюта. Государь великий, есть слухи об измене московской знати. Также и казаки. Многие из них, такие как Кудияр Тишинков, который помог хану в походе на Москву. При расспросах сказали: желал он тебя, великого государя, татарам выдать.

Иван. Ежели не ушел бы, то выдали бы Довлету. Хорошо, что ушел.

Никита Романов. Государь, поход Довлет Гирея показал полную неспособность опричного войска. Довлет с множеством пленников повернул в Крым, опустошив на пути всю рязанскую землю. Татарскими войсками сожжен Рождественский Эпифанский монастырь, а старцев всех крымские люди побили, и иных в полон поймали. Вот казак приехал с вестью.

Казак (кланяясь). Государь великий, весь город Каширу сожгло татаровье, в деревнях киширского уезда добро пожгло татаровье, а крестьяне померли лихом по ветру, а иных поймали татары в полон, и остальные люди разошлись.

Иван. На Руси беда грехов ради наших по многим городам. Велеть надобно, чтоб митрополит Кирилл со священным Собором из города в город ходил с иконой Божей Матери да прочими иконами, и от той иконы Божей Матери и прочих бесчисленные и непостижимые чудеса были для православных крестьян, чтоб люди приходили и исцелялись от страха пережитого и увиденного.

Мстиславский. Истинно страх, государь. Как татары пошли, мы тотчас с лугов воротились. Страшное зрелище, государь, русская столица, недавно многолюдная и богатая, не было в ней ни одной живой души, кучи трупов лежали повсюду на улицах среди обгорелых бревен и пепла, и растворенные церкви были завалены телами убитых. Некому было ни отпевать, ни оплакивать их, ни звонить по ним. Также истреблено много книг, снесенных со всего города в соборные церкви.

Иван. То все измена совершила таковое над Москвой глумление. Малюта, начат ли розыск о московском набеге татар?

Малюта. Государь великий, розыск начат. Нагой из Крыма приехал, привез сообщение. Крымский хан был подкуплен подарками Польши, превышающими наши московские. Московские бояре, допустившие нашествие татар, не остались чужды и польской дипломатии.

Иван. То подробно на пыточном дворе выведать. А все, милые мои, от безверия все измены. Недаром же изменник Иван Висковатый против икон говорил. То от безверия все зло, милые мои, починается. Подобно тому, как в Царь-граде все зло почалось от царей-иконоборцев Льва и Савра, и его сына Константина. Ибо Лев только посеял семена, Константин же обратил царствующий град от бесчестия к мраку. Семена те и при нас дают ядовитые всходы. Ведь многие бояре вместе с Висковатым первыми не стали ходить с Крестным ходом, отсюда и измены. До сих пор не перестают посылать в Крым и наводят басурманство на христиан. Потому и Москва страшно погорела и обезлюдела.

Дьяк Щелканов. Ничего, государь. Мало-помалу собирается народ.

Иван. Истинно. Из Золотой Орды Тохтамыш, из Крыма придя, Москву спалил при святом князе Дмитрие Донском. А обстроились. Потому, милые мои, ныне отрезайте уничижающие суетные мысли, следуя повелению апостола жить обновленной жизнью. По Господню же слову оставьте порочным мертвецам погребать свои пороки. Так и своих мертвецов. Вы ж шествием возвещайте царство Божие.

Царевич Иван. Батюшка, не про небесное, а про земное ныне мыслить надобно, ибо мы, помазники Божьи, за земную беду в особом ответе перед Богом.

Иван (сердито). Ты не смыслишь, про что говорю. Также и от гордыни мне противоречишь. А иначе, кто здесь богат и могущественен, будет и там богат и могущественен. Так ведь то лживое магометово учение, говорит, кто здесь в силе и славе, тот и там будет. Он и другое многое лгал.

Царевич Иван. Я про то, батюшка, что впредь лживое учение на Русь не допускать.

Годунов. Прежде прочего, государь великий, строить надобно - ведь все сгорело. Сгорели даже все городские ворота.

Царь со стражей проходит дальше.

Немецкий посол. Царь прилюдно говорит с принцем Иваном сердито.

Польский посол. Коронованный психопат в присутствии вельмож и иноземных послов объявил наследником русского престола датского принца Магнуса.

Английский посол. Однако, господа, подойдем выскажем свое сочувствие. *(Подходят и кланяются.)* Милосердия ради Бога выражают царю Руси сочувствие от имени королевы Елизаветы английской, французской, ирландской и иных.

Иван (недовольно). Сестра моя Елизавета писала ко всем королям и князьям, и властителям, и управителям, но на наше имя ни одного слова послано не было. Так уж от брата моего Жигмонта и от немецкого императора. Что ж, в Европе мыслят после набега татар и московского сожжения, - мы уж недостойная держава, и нет надобности в разговоре о государских делах?

Немецкий посол. Мы в Германии весьма огорчены бедой Московии. Беда постигла Москву такова, что ни один человек в мире не мог бы этого себе представить.

Польский посол. В Варшаве печалются поражением, которое ты, русский царь, понес от крымского хана.

Иван (раздраженно). Крымскому хану помогли предатели, сообщившие о расположении русских войск. Переходы охранялись войском в сто тысяч у Серпухова.

Немецкий посол. Страшный пожар постиг Москву. Сгорело много бедных русских людей.

Английский посол. На расстоянии двадцати миль в окружности погибло множество народа.

Иван. Татарам удалось подойти к Москве и зажечь ее, потому что воеводы были в других городах.

Польский посол. Государь, кто ж виновен в страшном бедстве?

Иван. Скажу тебе с горечью, мои подданные подвели меня под татар. Довлет хотел меня убить или взять живым. Для того послал отряд. Тех было сорок тысяч, а у меня только шесть, и я о том не ведал. Шестеро воевод, что шли передо мной с сильными отрядами, не дали мне знать. Правда, они не могли выиграть дело против такого многочисленного врага, но я поблагодарил бы их, ежели, погубив несколько тысяч, они принесли бы мне хоть татарский бич. И уж Москва была сожжена, а меня не уведомили о том. Пойми же, каковы тут были измены мне от людей моих.

Немецкий посол. Кто ж изменил?

Иван. То решается в делах. Ныне же я сомневаюсь во многих своих дворянах и военачальниках, замысливших выдать меня татарам. Однако Бог спас меня от сих бесовских игрищ ради спасения Руси. Сообщите о том государям вашим. *(Уходит в сопровождении свиты.)*

Польский посол. Полетят головы. *(Крестится.)* Бедная держава без закона и порядка! Нет в ней порядка ни панского, ни холопского.

Послы уходят.

Занавес

Сцена 26

Москва. Пыточный двор. Горит костер. За столом, уставленным питьем и едой, царь Иван, царевич Иван Иванович.

Малюта. Государь великий, начинаем распрос русских пленников, вышедших из Крыма, по доносу Нагого арестованных.

Иван. Афанасий Нагой - человек добрый, я велел его наградить.

Царевич Иван. Дипломатия Нагого в Крыму не шибко хороша, батюшка. Награда Нагому выписана на другой день после сожжения татаровьем Москвы.

Иван. То, Иван-сын, не за дипломатию. Награда совпадает с началом следствия о заговоре князя Мстиславского и других бояр в пользу Крыма. Тут ли Нагой?

Малюта. Тут, государь.

Иван. Хай идет, дабы участвовал в расспросах.

Малюта. Государь милостивый, умышенно нами розыск возобновился, когда Нагой вернулся из Крыма.

Нагой (входит и кланяется). Государь милостивый, спешил приехать, поведать о заговоре.

Иван. Чтение твое нами вознаграждено. Афанасий Федорович, в опричнине не бывал ведь?

Нагой. Не бывал, государь милостивый.

Иван. Заслужить жалованье из опричнины за успехи - особая милость для земского.

Нагой. Приемно благодарен, государь милостивый. (Кланяется.) Десять лет посол в Крыму, а положение скромное мое, ниже Годуновых. Годуновы получили думный чин окольного.

Иван. Служи и ты мне верно! За верную службу получишь чин - ближний дворянин Думы.

Нагой. Приемно благодарен. (Кланяется.)

Малюта. Государь, по доносу Годунова арестованы вернувшиеся из крымского плена холопы князя Мстиславского.

Иван. Тут ли князь Мстиславский?

Малюта. Тут князь.

Иван. Хай войдет. (Входит Мстиславский, кланяется.) Князь Мстиславский, посол наш в Крыму Афанасий Федорович Нагой указал на твоих холопов. Малюта, пыткой пытать холопов Мстиславского.

Малюта. Исполним, государь. Приволочь Ермолку, человека князя Ивана Мстиславского. (Вводят Ермолку.) Ермолка, не был ли ты послан в Крым своим господином с каким-либо тайным поручением к Хану?

Мстиславский. Говори правду, Ермолка, без шутовства и ябедничества, как перед Богом указано.

Нагой. Хай сам говорит, без твоего, Мстиславского, учения. Ермолка, скажи, за что ты его, воеводу, ведаешь.

Ермолка. Князь Иван, государь, Мстиславский в Крым меня не посылал, и приказа от князя Ивана в Крым ни к кому не бывало. А того в Крыму не слышал же, от кого с Москвы в Крым ко царю и к мурзам ждет ссылка.

Иван. Ермолку к огню придвинуть и учать пытать, огнем жечи.

Ермолку подвигают к огню.

Ермолка (кричит). Во всем винюсь. Бояре изменяют! Князь Мстиславский первый изменяет да иные. Как приходил царь к Москве и Москву сжег, а Иван да Федор Шереметьевы на Москве пушки заливали, норовя крымскому хану, чтоб против царя стояти было нечем.

Иван. Щелканов, пиши. Под пыткой холоп подтвердил об измене Крыма главных руководителей земщины.

Щелканов. Слушаюсь, государь. (Пишет.)

Малюта. Другой боярский человек Костя. (Вводят Костю.) Государь, другой боярский человек Костя под пыткой. (Костю жгут огнем.)

Костя (кричит). Даже многие бояре государю изменяют, и неправды великие делают, и засылают бояре с Москвы в Крым с царем.

Иван. Кто?

Костя (кричит). Изменяют! Ой! Уй! (Воет.)

Малюта. Благоверный наш царь Иван Васильевич посетил Пыточный двор, задал вопрос тебе, боярскому холопу. Говори, не то вовсе сождем.

Иван. В другой раз спрашиваю, кто из бояр наших нам изменяет?

Костя. Ой! Уй! *(Воет.)*

Иван. Отодвинуть от огня, хай скажет. *(Костю отодвигают от огня.)*

Костя. Среди них, изменников, князь Иван Мстиславский, Михайло Воротынский и Шереметьев Федор, и Шереметьевы. Также Федор Салтыков. Мстиславский и Федор Салтыков отпустили барымского царевича, как царь приходил к Москве и Москву сжег. Наказал ему просить хана, чтоб тот снова вернулся в русскую столицу, а только придет к Москве, и Москва будет его.

Царевич Иван. Государь-батюшка, сей холоп не ведает, что врет. Какой еще такой барымский царевич?

Иван. Помолчи, Иван-сын. *(Смеется.)* Холоп, я сам примусь подсказывать имена. Боярин Никита Романов да прочие Романовы изменяют?

Костя. Изменяют.

Иван. Афанасий Нагой изменяет?

Костя. Изменяет.

Иван. Малюта Скуратов изменяет?

Костя. Изменяет.

Иван. Сын мой царевич Иван изменяет?

Костя. Изменяет. Все изменяют.

Царевич Иван. Государь-батюшка, аж ты не хочешь сына своего здраво видеть, разрешить чрево мое?

Иван. Шучу, Иван-сын. *(Смеется.)* Уведите холопа. *(Холопа уводят.)*

Малюта. Ты шутишь, государь, а у нас, самых близких твоих советников, стоящих после тебя на Пыточном дворе, кровь леденеет.

Иван. На то и самодержец, милый мой, чтоб при нем всякий на всякое был готов. Скромный оруженосец, возящий мой царский самопал, глядишь, через год-два - член ближнего царского Совета. А никто также не должен сомневаться, какой при случае короткий сделается для него путь из-за царского стола на плаху или на кол. *(Входит Василий Грязной и следом за ним опричники вводят избитого окровавленного князя Михаила Черкасского.)* Погоди, вот подтверждение слов моих: шурин мой князь Черкасский-Пятигорский Михайло Темрюкович, прозвищем честного рода человек. Стряслось что-либо, честного рода человек? *(Смеется.)*

Черкасский *(дрожит)*. Грозный и сильный царь, медведи меня подрали.

Грязной. Как ты велел, государь, медведи его под арест взяли. *(Смеется.)*

Черкасский *(дрожит)*. У ворот моих привязаны медведи дикие сердиты. Войти нельзя было: разорвали бы, разодрали.

Иван. Ах ты, бедный, заперт в хоромах, ел и пил. *(Смеется.)* Узрел я, царь, что ты, Михайло Черкасский, восхваляешься, денег много имеешь. Потому велел отвести тебя на то место, где должников по обычаю нашего русского народа секут плетьюми. Секли его там?

Грязной. Государь великий, там столь долго по повелению твоему царскому били, пока всю казну свою объявил и отдал все деньги.

Иван. Видишь, как? Впредь не хвались, князь Черкасский. Поди ко мне за стол. Чашиники, налейте князю вина! *(Чашиники наливают вина.)* Верните ему все деньги, да после чего сам из казны своей денег вели ему отчести. Такой-то на Руси царь - иногда ограбит всего живота, иногда обогатит! *(Смеется.)*

Черкасский. Грозный и сильный царь, бью тебе челом, слуга твой князь Черкасский-Пятигорский с благодарностью, также рабским поклонением земного, и прошу нижайше повешенных с моих ворот снять.

Иван. Которых повешенных, уж и не упомяну?

Грязной. Государь милостивый, то возницы побранились.

Иван. Которые возницы?

Грязной. Случилось вознице Михайло с возницей твоим великого государя, а сошлись на дороге, почали браниться, и, бранясь, побились. Возница твой великого государя более был избит, ушел жаловаться, что его избил возница шурина царского, и тебя, царя, о том известил.

Иван. О, то теперь вспомнил. *(Смеется.)*

Выслушав речь обеих сторон оговоренных, послал ради справедливости стрельцов на двор шурина своего и велел трех человек его из лучших на воротах у него повесить. Долго ли весят?

Черкасский. Грозный и сильный государь, и те слуги мои повешенные долго висят, и все, кои с двора и во двор ходят, они на тех повешенных натываются.

Грязной. Две недели висят. *(Смеется.)*

Черкасский. Упрашиваю тебя, великий государь, - вели снять их.

Иван. Женил я тебя на дочери всеми уважаемого боярина Василия Михайловича Юрьева-Романова, здорова ли жена да младенец здоров ли?

Черкасский. Жена моя, дитя мое... *(Плачет.)*

Иван. Чего опять плачешь? Велел ли я снять холопов повешенных с твоих ворот?

Черкасский *(кланяется).* Твоему пресветлому царскому величеству челом бью, возвещаю: царь-государь, вовеки и навеки... *(Плачет.)*

Иван. Михайло Темрюкович, прозвищем человек честного рода, вновь жалуешься. Я приятельство свое к тебе держу. Пей-ка за мое царское здоровье большую чашу! *(Подает чашу.)* Залпом пей. *(Князь Черкасский берет чашу и пьет.)* Пей без отрыва! *(Черкасский пьет, потом начинает кашлять.)*

Грязной. Государь, удавить надобно, что захлебнулся за твое здоровье пить. *(Смеется.)*

Иван. Погоди, Васютка. Михайло Темрюкович, царский шурин мой, командующий всем войском опричным, да он мне человек мил, а ты, Васютка, говоришь удавить. Так ли, князь Черкасский?

Черкасский *(пьяно, с трудом шевелит языком).* Грозный и сильный царь, то возвышал ты меня почестями да деньгами, то на правез выволакивал, то приближал к себе, то мучал. *(Плачет.)*

Иван. Не печалься, князь Черкасский, как давал тебе прежде разные поручения, так и давать буду.

Черкасский *(пьяно).* Тут ненавидят меня, что нерусский, а там, на Кавказе, - что с русскими.

Иван. Не печалься, к отцу твоему Темрюку посылать буду часто, как прежде, со своим жалованьем отправлю в посольство, дабы сберечь от недругов от черкасских, которые на него ощетинились, которые ему тесноты делают. И отпущу рать с князем на отца его челобитного, рать свою на черкасских князей. Тебя, Михаил Темрюкович, отпущу в Судак. С тобой, Темрюком, пошлю воеводу с казаками и стрельцами. Скорей пошлю, пока Волга не встала. Прошлый раз зимовали под Девичьими горами в устье Курьи, ныне же езжай по полкам. *(Обнимает князя Черкасского.)* Черкасы верно служили России в борьбе с нерадивыми соседями. Служите так и далее!

Черкасский *(пошатываясь уходит, потом возвращается).* Государь, молодую жену шестнадцатилетнюю вместе с полугодовалым ребенком моим велел ты рассечь на куски, разметать посреди двора, где ежедневно я, муж, проходил, и велено мне было, чтоб я не имел права ничем выражать свой ужас и горе и не говорить про то, а я говорю про то. *(Плачет.)*

Иван. Кто тебе такую ложь сказал, что я велел? Не иначе изменников интриги!

Черкасский. Ты велел, государь! По твоему царскому повелению вначале опричнины рассек я на части хозяина Тютина, грека родом, казначея, вместе с ним всю семью. Казнил его в собственном доме вместе с женой, двумя сыновьями пяти и шести лет и двумя дочерьми. Я, князь Черкасский-Пятигорский рассек на мелкие части, разбросал по площади! Ныне же, как не стало любезнейшей моей сестры царицы Марии Темрюковны, то и на меня пришло Господне наказание. Прости меня, великий Христос! *(Крестится неумело нетвердой рукой и уходит.)*

Грязной. И кресты сотворить не может сей от племени измаильтян.

Нагой. Государь, в Крыму весьма недовольны близостью России с черкасскими и кабардинскими князьями, и что сделал командующим против татар черкасского князя Михаила Темрюковича и всем дал знать о том.

Иван. Грязной, поедешь следом за князем Черкасским, когда будет он в милях пяти-шести, отъедет подальше, приказываю посадить его на кол. Посажен на кол, ненадолго *(смеется)* ты свою сестру, человек честного рода, пережил.

Щелканов. Каковы причины записать, государь, казни командующего?

Иван *(раздраженно).* Без всякой причины! Пиши... Пиши. Командующий опричными войсками князь Михайло Темрюкович Черкасский находился с царем после сожжения Москвы. Князь в царев приход ехал из полка в полк и изгиб безвестно. Так и русским гонцам вели говорить перед иноземцами.

Щелканов. Исполним, государь. *(Пишет.)*

Нагой. Такое крымским татарам по душе придется.

Иван. Милые мои, гибельное нашествие заставляет нас смягчить с крымскими татарами тон и стараться им угодить. В сношениях с крымцами более уступчивости, предупредительности и покладистости, поболее смирения. *(Ходит в задумчивости.)*

Царевич Иван. Батюшка, за что казнен свойственник наш Михаил Темрюкович да дочь боярина Василия Юрьева-Романова и ее малолетний сын?

Иван. Чтоб обезопасить свой трон от претендента, коим может стать племянник царской жены. Потому велел зарезать племянника царицы Марии. Довлет Гирей дал мне повод расправиться с давно внушавшими опасение свойственниками. Надобно также казнить виновных в военных неудачах.

Малюта. Опричный боярин Темкин-Ростовский уже утоплен, государь.

Иван. Спасен бо от меча татарского, но не спасен от воды! Дурно оборонял опричный район Москвы. С князем Черкасским послан был вдогонку за Довлет Гиреем, да не догнал. Кругом враждебность да измены. *(Нервно ходит.)* Также боярина Василия Петровича Яковля, вахмейстера царевича Ивана, забить насмерть батогами. Вспомнить ему и неудачную осаду Ревеля.

Малюта. Исполним, государь. Государь, какое наказание князю Мстиславскому?

Иван. Князь Мстиславский, и ты ведь мне родич.

Мстиславский. Истинно, государь милостивый, троюродный брат твой.

Иван. Неужель мой родич? Ужика мои, родичи, уверится меж собой издавна желают, дабы мне, царю, урватися, сиречь упасть.

Мстиславский. Клевета то. Государь милостивый, сотвори милости, пощади. *(Униженно кланяется.)*

Иван. Вы, зять воеводы, начальствующего земского войска, второго после князя Ивана Бельского, лишившегося жизни при московском пожаре при пришествии хана, запись в том, что он и воеводы, его товарищи, изменнически сносились с ханом и подвели последнего на разорение русской земли и ее столицы. Пиши поручную запись проклятую, князь Иван Федорович Мстиславский, что в той крестоцеловальной грамоте князь торжественно объявлял: я государю и всей русской земле изменил, навел своими товарищами безбожного крымского Довлет Гирея. Обещаю впредь на все православные христианства варвар не наводити. Тебе, князь Мстиславский, объявляется обвинение в измене.

Щелканов *(пишет).* Государь, какую казнь записать?

Иван. Казнь не пиши. Обвинение страшно, однак ограничимся поручительством.

Мстиславский *(униженно кланяется и плачет).* За милость твою царскую бью челом.

Иван. Поручительство твое взять от опричного боярина Петра Ортоевского, от земского боярина Михаила Морозова и опричного конюшего Алексея Хованского. Всего двадцать тысяч рублей выручат ли тебя, князь Мстиславский.

Мстиславский. Выручат, государь милостивый. В дополнение триста княжат и детей боярских за меня поручиться могут.

Иван. Южные вотчины князя Мстиславского отписать на меня, государя. Также я, царь, обвиняю и Шереметьевых, которые прислали людей в Крым басурманство на христианство наводить. Обо всем том на Крестцах объявить. Хан пошел к Москве по указу изменников, боярских детей. В измене повинился князь Иван Мстиславский, да иные повинились. Малюта, беспокоен ли народ?

Малюта. Беспокоен, государь.

Иван. Теперь более, чем когда-либо, вправе я ожидать новой вспышки народного негодования и злобы. Все то может прорваться подобно тому, как сделалось некогда после московского пожара. Так что и народ повинен знать истинных виновников. Получив запись, я, царь, после того могу уж без удержу объявить даже иноземцам, что русские бояры-изменники навели на меня крымцев. Ты ж, Мстиславский, с товарищами, давши запись, останетесь не только целы и невредимы, но потом вновь будешь начальствовать с войском.

Мстиславский. Великая твоя милость, государь. *(Кланяется.)*

Малюта. Государь, от чего земские воеводы менее пострадали опричных?

Иван. Земские воеводы, виновные в сожжении Москвы, менее пострадали, ибо их вина меньше, чем опричных.

Гонец *(входит и кланяется).* Государь великий, послы крымские едут к тебе.

Иван *(всполошась).* Принять надобно с почетом. Однако Москва сожжена, тут принять негде. Примем в селе Батошино. Чтоб крымцев известить. Ты, царевич Иван, со мной поедешь. Да ты, Нагой, да ты, Малюта. А нарядимся погорельцами, смиренно. Я, царь, наряжусь в сырмяг, в усерь да в шубу

баранью, и бояре также. Как потребуют крымские гонцы с меня дань, чтоб видели нынешнюю нашу бедность и смирение.

Царевич Иван. Как же такое одеяние, батюшка, не унижение ли то перед супостатами басурманскими?

Иван. Иван-сын, спасение души бывает от всяческого смирения. Кто в белицах велик, тот и в черницах велик. Господа мои, вспомните вельможу, описанного в Рестовице, Исидора, прозванного железным, который был князем Александрийским. А какого смирения достиг? Вспомните так уже вельможу царя индейского Авенира, явившегося на испытание. А какое портище на нем было? Не кунье, не соболе. Ты, Иван-сын, вспомни и Иосафа, сына индейского царя. Как он оставил царство, пешком пошел до той Синаритской пустыни, и ризы царские, царские одежды сменил на власяницу. Смотрите же сами, что дает силу: послабление али твердость. То разуметь надобно, когда что потребно.

Уходит в сопровождении царевича.

Занавес

Сцена 27

Село Батошино. Губная изба. Царь Иван, царевич Иван Иванович, Малюта, Нагой, все одеты по-мужицки в грубые кожуха, на ногах грубая простая обувь.

Иван. Милые мои, мысля про сие посольство наше на встречу с крымскими послами, как не вспомнить посольство царя Левкия, нареченного в крещении России, пославшего в Вавилон идолюски. И они пошли путем и пришли к змею, а шли они по лестнице, проложенной через змея. Так и нам ныне через змея идти. А войдя в палату, они увидели царские одежды, парфиры, но едва прикоснулись руками, как все обратилось в прах. Как и на нас ныне не царская одежда и парфиры за грехи наши.

Царевич Иван. Чем, батюшка, шибко унижены перед крымским змеем, а так уж одежды мужицкой, что я, наследник русского престола, не в горностае перед ними, а в овчинном камзоле, да подпоясан кушаком из грубого синего сукна, на ногах же не сапоги, а калики, что нищие бродяги носят. Да ты, царь, не в шубе золотой и разном шелке на соболях, да иные также. Не стыд ли то, батюшка?

Иван. Смотри, смири гордыню, Иван-сын. Помысли, которое испытание за грехи преподнес нам тысяча пятьсот семьдесят первый год от Рождества Христова: затянулась и не дает результата осада принцем Магнусом Ревеля, не оправдались надежды на Данию, король датский Фредерик Второй заключил союз со Швецией, Англия не откликнулась на союз с нами, я воюю один на один с Юханом Третьим, тем воспользовались крымцы, сожгли Москву. Ныне же нам без смирения перед Крымом не обойтись.

Нагой. Государь, но с Польшей, Жигмонтом Августом, перемирие заключили.

Иван. То Бог помог да твое старание, Афанасий Федорович. За верную службу будешь принят во Двор чином дворянина ближней Думы.

Нагой. Приемно благодарен, государь милостивый.

Иван. А то мыслят, един собака Висковатый дипломат умелый. Есть на Руси и иные! Ты, Афанасий Нагой, участвовал в важных переговорах с Польшей и Данией. Ты и впредь веди те переговоры. Так уж ты и с австрийцами. Оклад будешь иметь в пятьсот рублей, больше, чем получает Скуратов. У тебя, Малюта, сколько?

Малюта. Четыреста пятьдесят рублей, государь. И мне бы прибавить!

Иван. Тебе чего прибавлять, ты уж дочерей своих замуж повыдавал.

Малюта. Истинно, государь милостивый. С Господней помощью одна за двоюродным братом твоим, царя, Василием Глинским, другая за Борисом Годуновым, третья за Дмитрием Шуйским.

Иван. Видишь как, Малюта, а ведь ты худороден. Даже среди незнатных опричников ты, Скуратов, выделяешься своей худородностью. В списках думных дворян опричины имя твое стоит последним.

Малюта. Зато, государь, служу тебе верно среди многих измен.

Иван. Служи, Малюта, получишь пост дворового воеводы.

Малюта. Низко бью челом, государь милостивый. *(Кланяется.)*

Царевич Иван. Батюшка, такие посты могут занимать исключительно из родословной боярской знати. Таков ли Скуратов?

Иван. Мне, Иван-сын, верные люди потребны, ибо верности вижу мало кругом себя. Из прежних - Малюта, из новых - Годунов да Нагой.

Малюта. Племянник мой, Богдан Бельский, верный парубок.

Иван. Племяннику твоему дам дворовой оклад двести рублей, погляжу, что он за слуга. Служите, милые мои, верно царю своему в сей тяжкий для него и для Руси час.

Нагой. Государь, поход турецких вассалов крымцев на Москву да поход турок на Астрахань вселил в некоторых европейских странах надежды на союз России против турок. Папа Римский обратился с призывом борьбы с Турцией. Так уж с призывом вступить против неверных обратился венецианский дож.

Иван. Как мыслишь ты, Афанасий Федорович?

Нагой. Мыслю, государь, нам такой союз не потребен. Нам, государь, почтиться надобно с турками союз и меч, чтоб через них яростный гнев крымского царя умерить.

Иван. Истинно так, Афанасий Федорович.

Нагой. Государь, турки требуют за свой отказ от Астрахани уничтожить русские крепости на Тереке и открыть волжский путь для турецких купцов.

Иван. Надо соглашаться. Военные приготовления Крыма и сожжение Москвы заставляет нас искать мира с турками.

Подъячий *(входит)*. Государь милостивый, крымские гонцы приехали.

Иван. Встретимся немедля.

Входят крымские послы.

Царь Иван *(кланяется)*. Послам великого крымского царя бью челом.

Первый крымский посол. Я, мурза Сулеш, он, мурза Опат, привезли тебе, царю московскому, грамоту от нашего великого крымского хана.

Иван. Ежели великий крымский царь большую дань с меня потребует, то со смирением вам, послам, откажу.

Мурза Сулеш. Гнев хана будет силен, царь московский.

Иван. Видишь же меня, в чем я. Так для меня царь крымский сделал. Все мое царство выпалил и казну пожег, дати мне нечего царю.

Мурза Сулеш. Не про дань денежную в первоочеред речь, читай грамоту хана, мурза Опат.

Мурза Опат *(читает)*. Жгу и пустошу все за Казань и Астрахань. Будешь помнить. Я богатство всего света применяю, надеюсь на величие Божье, на милость да веру ислама. Пришел я на твою землю с войсками, все пожег, людей побил. Пришла весть, что ты в Серпухове, я пошел на Серпухов, а ты и из Серпухова убежал. Я думал, что ты в своем государстве в Москве, и пошел туда, а ты и оттуда убежал. Я пришел на тебя, город твой сжег. В Москве посады сжег и город сжег, и опустошил много людей, сабель побил, а других в полон взял. Хотел и венца твоего, и головы, а ты не пришел и не стал против меня, а еще хвалишься, что я, де, московский государь. Был бы в тебе стыд и способность, то есть дородство, так пришел бы против нас и стоял. Захочешь с нами душевною мыслью в дружбе быть, так отдай наши юрты - Астрахань и Казань. А захочешь казною и деньгами всесветное богатство нам давать, то не надобно. Желание наше - Казань и Астрахань. Отдай же мне Казань и Астрахань. А не отдашь - так я в государстве твоем дороги видел и опознал, и опять меня в готовности увидишь. *(Подает грамоту царю Ивану.)*

Иван *(берет грамоту)*. Пошлю к великому крымскому царю гонца с челобитной. Я согласен на создание в Астрахани полунезависимого от России татарского княжества. Да быть миру с Довлет Гиреем, а во главе боярской Думы поставлю Михаила Кальбуновича с титулом царевич астраханский.

Мурза Сулеш. Нет, московский царь, Астрахань чтоб независимая от России была. Так хан хочет.

Царь Иван. Добро. Передай великому крымскому хану, я согласен отдать Астрахань, только прошу отсрочки. Лишь бы нам с великим крымским ханом сговориться-утвердиться. Уж ты, мурза Сулеш, помоги с чину, сиречь с пустыми руками не останешься.

Мурза Сулеш. Царь московский, мы, яшловские беи Сулешины, давние амиаки, доброхоты русского правительства. Вот Нагой то знает. Наш удел близ Бахчисарая. Мы, Сулешы, постоянные советники хана, карачи, и не раз давали шелд, клятву за хана и за весь Крым.

Мурза Опат. Как своему государю добра хотим, так и тебе, государю, добра хотим. А которые твои тут в Крым послы ходят и гонцы, и те то не видят. Как своему служим, так и тебе служим.

Нагой. Истинно так, государь. Мурза Сулеш и мурза Опат за службу свою жалование от нас имели.

Мурза Сулеш. А послали к тебе мурзу Тимеша, и того Тимеша в Крыму не знают и в Москве имени его не ведают. Мы же повсюду ведомы, потому за свою службу прошу особых поминок, чтоб перед ханом от тебя ходатайствовать.

Царь Иван. Чего ты хочешь?

Мурза Сулеш. За свою службу прошу особых поминок: шубу соболью и в чем к Хендриковским воротам, сиречь к султану, идти. Такову бы шубу прислал мне однолично, шубу, какову при царе пригоже носить.

Иван. Послать ему шубу как особому слуге.

Опат. Царь московский, и вели меня особым слугой называть. Дай мне, слуге, тысячу алтын и соболью шубу, и подарки на приданое дочери.

Сулеш. Царь, подарки пришли не для нас только, для других доброхотов Москвы, чтоб наш мог с ними делиться. И тот чтоб подарки имел, кто с нами в одной роте и шелде.

Иван. Велю казне, чтоб промеж государей Руси и Крыма добра бы хотели, чтоб прошлого не поминать. Передайте великому царю крымскому и Калге-наследнику низкий поклон от меня, царя московского, и от наследного принца Ивана Ивановича.

Царь кланяется. Послы кланяются в ответ и уходят.

Царевич Иван. Государь-батюшка, тяжко мне видеть твое унижение да унижение Руси.

Иван. Не унижение, а спасение от смерти.

Царевич Иван. Ты боишься смерти, но ведь ты не бессмертен. Ни человек, ни зверь, ни птица не избежит смертного приговора. Ежели боишься, то передай своих воинов мне, и я не пощажу себя и не отвращу лица своего, когда придется стать против татар, а не дашь войско, то проси униженно, как прежде у хана, и разорь свои улусы сам без меня. Я - наследник, и я просить не буду.

Иван. Гляжу, кощунствуешь и невежествуешь, Иван-сын. По чьему наущению, не дядьей ли своих Романовых? *(Берет Библию.)* Давно ли в Библию заглядывал, в вечную нашу святую поучительницу? Мою походную поучительницу постоянно с собой вожу. Так уж и сей малый Псалтырь старописьмен. *(Открывает Псалтырь.)* Заглянем во Псалтырь. Обетование Божье Давиду и семьям его. *(Читает.)* Если сыновья его оставят Закон мой и не будут ходить по Заповедям моим, если нарушат уставы мои и повеления мои не сохраняют, - посвящу жезлом беззакония их и ударами неправду их. *(Бьет сильно царевича Ивана по спине.)* Таковы поучения мои, помазника Божьего, семени моему, неразумный. Лучше солгать и получить жизнь, нежели истинствовать и погибнуть, отдавши землю на разорение, крестьян на истребление, святые церкви на запустение и осквернение, и уподобиться окаянному Ироду, который погиб, не хотя переступить клятву. Сын мой, царевич Иван, одумайся! Вслушайся в слова Господни. *(Читает.)* Однажды я поклялся святостью моею, солгу ли Давиду? Семя его пребудет вечно на престоле его как солнце предо мной. Будем же верны лишь клятве Господне. Милые мои, надобно выиграть время ценой временных потерь, потому мягче надобно быть после крымского нападения. Малюта, пошли гонцов к королеве Елизавете с просьбой о помощи. Я же решил найти замену умершей царицы Марии Темрюковны. Тебе, Малюта, поручаю я подготовку к царской свадьбе. В сей скорбный час будем веселиться.

Малюта. Исполним, государь.

Иван. В Слободу со всех сторон свести дворянских девушек, из них я, царь, выбирать себе буду.

Уходит в сопровождении наследника и остальных.

Занавес

Сцена 28

Кремлевские палаты.

Иван. Малюта, возобновляю торговые привилегии английским купцам. Назначить аудиенцию послу Дженкинсу.

Малюта. Исполним, государь.

Иван. Нам надобно сближение с Англией, потому восстановлю права московской компании. Так уж в невзгодах утешение с Польшей, что Жигмонт целовал крест на перемирных грамотах. Ныне же оставим скорбь.

Малюта. Государь милостивый, по велению твоему боярская Дума утвердила приговор о прибытии ко Двору лучших невест в государстве. Бояре и окольные разъехались во все концы страны смотреть невест. Впереди бояр ехали гонцы с грозным наказанием всем дворянам, имевшим дочерей двенадцати лет и старше, повелеть немедля везти таковых к наместнику на смотрины. За утайку невесты дворянам сулили великую опалу и казнь.

Царевич Федор. Батюшка, я жениться желал бы на вавилонской царевне! *(Смеется.)*

Царевич Иван. Не твой черед, Федец. Помолчал бы, нет у тебя ни ума, ни памяти.

Царевич Федор. Сам ты, Иванец, глуп, упырая рожа.

Царь Иван. Не перечьтесь, царевичи, особо ты, царевич Иван. Федор мал да не разумеет.

Царевич Федор. Батюшка, а чего иные нам невест ищут?

Царевич Иван. Для государей, мальчик, невест подбирают думные люди по городам и уездам. А уж из отобранных государь выбирает сам.

Царевич Федор. Я, батюшка, желал бы на вавилонской царевне жениться. Ты и туда, в Вавилонское царство, думных пошлешь?

Царь Иван. Эх, Федец, детище мое малое, отрок! Неисповедима мудрость твоя. *(Обнимает Федора.)* В царской семье в браке дело не частное, а подчинено делу династии. Как был я млад, твоих, Федец, лет, и недалеко мне уж было до брачного возраста, но затеяно было дело, чтобы заполучить мне в невесты - польску принцессу. Однак, Божьим помыслом те переговоры с королевским домом были безуспешны, ибо предназначено мне было жениться на матери вашей, благолепной царице Анастасье Романовой. Сосватал ее, мать вашу, на таких же боярских смотринах. Малюта, сколько невест собрано?

Малюта. Государь милостивый, со всех концов собрано тысяча пятьсот девушек - девок невест.

Царь Иван. Сколько девок подобрано?

Малюта. Первоначально подобрали. Здоровье и красота - единственное, что надобно. То и другое, государь, в избытке у доброй половины невест. Отбор делали в несколько туров, отобрали двадцать четыре невесты. Ныне же двенадцать осталось.

Царь Иван. Хай идут.

Входят невесты.

Царевич Федор. Батюшка, красота-то! Неможно отъехать от той всеобщей девичьей красоты и доброты! Не хочу я более вавилонской красоты, хочу православной.

Царь Иван. Отроче, и я в твоих годах помышлял еси жениться в иных царствах, у короля у которого или у царя у которого, да я ту мысль отложил, сказавши в речи к Думе и к духовным: в иных государствах не хочу жениться, для того что без отца своего и без матери остался мал. Привезти мне за себя жену из иного государства - и у нас нравы будут разные, или меж нами тщета будет. И я умыслил и хочу жениться в своем государстве. Так вот женился на матери вашей, благоверной царице Анастасье, да жил с ней тринадцать лет, шестерых детей имел, но только вы двое остались живы. Иных за грехи Господь прибрал. Два первых ребенка, царевна Анна и Мария, умерли, даже не достигнув года. Третий ребенок, царевич Дмитрий, утонул грехов ради наших, а после горячих моих молитв во прощение грехов родила мне благоверная царица Анастасья второго сына - тебя, царевича Ивана, затем родилась и царевна Евдокия. Ты, царевич Иван, Божьим помыслом выжил, а Евдокия померла на третьем году жизни. Царство ей небесное.

Царевич Федор. Батюшка, для чего женитьба потребна? Жить бы так с красотой по любви себе в утешение.

Царь Иван. Отроче царевич Федор, такое твое блаженное слово. Брат же твой царевич Иван - удалой молодец. И такие вы у меня разные, ибо рождены по-разному. Как родился ты, то благоверную царицу мою Анастасью, мать твою, одолели болезни. И родился ты у меня хилым и слабоумным. *(Обнимает и целует Федора.)* Что ж ты спрашиваешь про женитьбу, то отвечу: брак необходим детотворения ради.

Царевич Федор. Батюшка, а без брака разве дети не родятся?

Царь Иван. То дети незаконнорожденные. Они неуютны Богу да жить не должны, даже ежели и родятся, ибо без венчания люди живут аки язычники. Муж же законный венчает семью аки крест увенчивает храм. Оттого во вдовстве вступил я во второй брак с Марией Темрюковной. Ныне же при вдовстве решил в третий раз жениться.

Малюта. Государь милостивый, невесты подобраны, все красны лицом.

Иван. Осмотрены ли все?

Малюта. Государь милостивый, все они показаны сведущим людям и надежным женщинам. Велено было осмотреть их с такой тщательностью, что дозволялось ощупывать и исследовать даже более сокровенное.

Царевич Иван. Батюшка, как невест смотреть будем?

Иван. Во время смотри невеста должна пройтись по комнате, немного поговорить, чтобы показать, что у нее нет телесных недостатков, чресложития и придурковатости. *(К одной из девушек.)* Как тебя зовут?

Девушка. Милостивый государь, меня Дарья зовут.

Малюта. То, государь, дочь муромского воеводы Дарья Пронская.

Иван. Хороша, собольи брови, сахарны уста. Вымолвишь ли что, утетишь? Что тебе любо?

Дарья. Дорог бархат на торгу: стоит сто рублев, а, может, и тысячу.

Иван. Поди прочь. *(Девушка уходит.)* Придурковата. Другую давай. *(Подходит другая.)*

Малюта. То, государь, княгиня Евдокия Сабурова.

Иван. Со времен княжеских измен невесты для царской семьи выбирались из дворянских семей, не из высшей знати. А чего эту привел?

Малюта. Хороша шибко, государь, и в изменах Сабуровы не замечены.

Иван. По душе она тебе, Иван-сын?

Царевич Иван. По душе, батюшка.

Иван *(Евдокии Сабуровой).* Куда ты ходить любишь?

Евдокия Сабурова. Государь милостивый, люблю ходить с говором, по девичникам, чтоб послушать хорошее пение.

Иван. Детей любишь?

Евдокия Сабурова. Детей люблю, государь. Малы детушки что оладушки.

Царевич Иван. По душе мне княжна, батюшка!

Иван. Сделаю для тебя, наследника, исключение. Выбираю тебе в жены Евдокию Сабурову.

Царевич Иван. Бью челом тебе, батюшка.

Иван. Сделаешь, Малюта, свадебный разряд, подберешь свадебны чины. Будет тебе, Иван-сын, расхорошая жена.

Царевич Федор. И я хочу, батюшка, душечку расхорошую.

Малюта. Погоди, царевич Федор, мал еще, сперва батюшка женится. Гляди, государь милостивый, женища какова - Марфа Васильевна Собакина, дочь новгородского купца.

Иван. Не бледна ли излишне?

Малюта. Лицом бела да уста сахарны, да умна - мудрая мысль, тиха беседа.

Иван. Девица Марфа Собакина, что делать любишь?

Собакина. Гадать люблю, государь.

Иван. Как же гадаешь?

Собакина. Насыпаю зерно, ставлю воду и кладу глину. И пускаю петуха али курицу, али обоих. Ежели клюет зерно - удача, счастье. Пьет воду - беда, разорение. Подходит к глине - смерть.

Иван. По душе мне сия дева новгородская. Есть в ней неземное. Знаете ли, милые мои, великая душа апостола Павла воспылала, повстречавшись в Коринфе с женщиной Федорой, названной им сестрой. Также и ныне, глядя на сию женщину, воспылал я. Тут Богово естество. Милые мои обои сыны, внимательно разберите и прочтите слова Павла, истолкованные златыми устами. В Первом

Послании к коринфянам, в тридцать третьем поучении, подробно расскажет он о вложении в нас Богом естественного закона любви, так же, как следует проникать родственной любовью к родителям, ближним родственникам и свойственникам. Увидишь ты, Иван-сын, и поверишь, что не впустую я плачу и рыдаю, видя иное непотребное случаем, то наказываю тебя палкой.

Малюта. Государь милостивый, та девица Марфа Собакина со мной в дальнем родстве. То радуюсь, что ты, государь, ее, гостью Марфу Васильевну Собакину, берешь.

Иван. Объяви, Малюта: выбрал царь, деву новгородскую Марфу Васильевну Собакину.

Малюта. С радостью, государь милостивый, ибо при худородстве моем она приближает меня к твоей царской семье. А с изменой новгородской отец Марфы не в связи. Переселен он не так давно в Новгород вместе с семьей по твоему указу. На самом же деле, отец - коломенский сын боярский Василий Большой Степанович Собакин.

Иван. Готовь свадьбу. Свадьбу свою царскую назначаю на октябрь двадцать восьмой. А на ноябрь четвертый чтоб сына моего царевича Ивана с Евдокией Сабуровой женить. Свадьбу в Михайлов день восьмого ноября.

Малюта. Исполним, государь.

Иван. На сем с Божьей помощью смотрины кончим. После смотрин запишем брачный договор.

Уходит в сопровождении сыновей.

Занавес

DSC00218

Сцена 29

Александровская слобода. Большая Теремная палата устлана дорогой материей и коврами. Множество гостей.

Хор (поет). Растопилась банюшка, разгорелась каменна, пересыпал бел жемчуг по другому столику, по шелковой по скатерке.

Первый гость. Царский свадебный поезд уже от венчания?

Второй гость. Кто венчал? Митрополит всея Руси ведь помер.

Первый гость. Венчал новгородский архиепископ Леонид.

Третий гость. Палата добро украшена, обиты бархаты и постланы ковры тульский и персидский.

Первый гость. Идет свадебный царский поезд.

Входит архиепископ Леонид с иконой, за ним Иван с Марфой Собакиной. Следом царевичи Иван и Федор. Далее князья, бояре и вся свита.

Хор (поет). Царь по городу гуляет, царь царевну свою ищет. Уж ты где, моя царевна, где княгиня молодая? Уж и вот твоя царевна, вот княгиня молодая, все по городу гуляет, шелковым платком махает.

Первый гость. Царь устроился в своем царском одеянии, как при короновании. А новую царевну приказал нарядить во все царственное, оприч короны. А еще положен на ней венец девичий.

Гостья (шепотом). Невеста болезненна, краше в гроб кладут.

Второй гость. (шепотом). Сразу после татарского набега свадьба да веселье, а Москва выгорела и погорельцев много.

Третий гость. Тихо, если тебе голова дорога! Видишь, свадебный дружок Малюта и его зять Борис Годунов.

Малюта (торжественно). Великий государь! Поскольку объявляются свадебные разряды, то объявляю разряд свадьбы царя Ивана Васильевича Всея Руси с Марфой Васильевной Собакиной! А читал чтоб свадебный разряд дьяк Василий Щелканов за столом!

Василий Щелканов (торжественно читает). Несет камки князь боярин Иван Федорович Мстиславский, несет камки князь Михайло Иванович Воротынский, а за столом сидят боярыни княгини Мстиславские, Воротынские, Нагие и прочие жены. А на царском месте думный дворянин Григорий Лукьянович Скуратов. Речь боярина князя Мстиславского к жениху.

Мстиславский. Государь великий! Поял ты велику княгиню Марфу и нашу государыню. Держи!

Щелканов. Речь князя Воротынского к жениху-царю.

Воротынский. Государь великий! Поял ты велику княгиню Марфу, и ты, государь, свою велику княгиню, а нашу государыню, держи!

Архиепископ Леонид. Покровители свадьбы, святые Кузьма и Демьян, к сияющим благочестием царю с царицей обращаются, дабы очистили душу их, отогнать страсти и подать исцеление тел от многих болезней. Алилуйя!

Хор (поет). Ты, святой Кузьма-Демьян, скуй нам свадьбу крепку-липку. И люди судят - не рассудят. И солнце сушит - и не рассушит. И дождь мочит - и не размочит.

Щелканов. Камки чтоб стлали пред царем со царицей Федоровы-дети Нагого! Да сам Нагой Афанасий ходить у свадебных саней! *(Нагие стелят перед царем и царицей камки.)* Сидевший на месте великого князя думный дворянин Григорий Лукьянович Скуратов чтоб царю-жениху место отдал!

Малюта Скуратов (кланяется). Я своего места даром не уступлю! Продать - продаю.

Царь Иван. Чем же ты, добрый молодец, торгуешь - лисицами ли, куницами ли, или место царское продаешь?

Малюта Скуратов. Я торгую всем: лисицами, куницами и местом царским. *(Встает, с поклоном уступает место царю и царице.)*

Архиепископ Леонид. Благослови Бог! *(Крестит царя и царицу и благословляет крестом.)*

Малюта Скуратов. Каравайникам нести хлеб, а каравай нести Борису Федоровичу Годунову! А другому караваю быть Богданом Ивановичем Бельским носимым. *(Годунов и Богдан Бельский несут хлеб.)*

Первый гость (шепотом). Родичи Малюты: один зять, другой племянник.

Второй гость (шепотом). Малюта указал царю на Марфу Собакину, свою дальнюю родичку. Ныне играется свадьба, да худородный Малюта вошел в круг царской родни.

Малюта. А с обручальными свечами идти, да чтоб шел Парфен Иванов, сын Собакин. Должен идти с фонарем и нести свечу вощеную с другим подножием Ефрем Иванов, сын Собакин. Нести скамейки с ковром - Михаил да Алеша Собакины, а с ними идти Степану да Семену, детям Васильича Меньшова Собакиным.

Первый гость (шепотом). Множество Собакиных! От свадебного пиршества до эшафота недалеко, то не пойдут ли туда?

Малюта (Щелканову). Кто должен нести миндер?

Щелканов (вглядываясь в бумаги). Миндер должен нести Василий Собакин.

Малюта. Миндер нести Василию Собакину да сыну его Калине!

Царь Иван. Духовнику моему протопопу Евстафию, ему идти щас и говорити молитву.

Евстафий (произносит молитву "Отче наш"). По молитве я, духовный, благословляю крестом свадебный чин. Благоверный царь со царицей и весь свадебный чин, молитесь образам. *(Все молятся.)* Дружки и подружья, и отцы, и матери невесты, благословляйте новобрачную и дочь вашу!

Отец Собакин. Благослови Бог!

Мать Собакина. Благослови Бог!

Малюта. Для возложения венцов новобрачной косу чесати и укорачивати, а новобрачному волосы расчесывати. Держати вместо царя и великого князя чарку с вином, из которого голову чесати, Борису Федоровичу Годунову. А как почнут чесати, то царя и царевну закрыть покрывалом, и держати покров священникам. *(Царя и царицу закрывают покровом и расчесывают голову.)*

Хор (поет). Суженый-ряженный, приходи ко мне, голову чесати. Суженый-ряженный, переплакалась Марфуша перед отцом, перед матерью. Ты подай мне, голубушка, тонко бело полотно. Утери да личико бело.

Малюта. Стольники, несите яства и ставьте перед царем и царицей и всем свадебным чином! *(Стольники несут блюда и питье.)* Как яства поставите, то быть благословению и возложению венцов.

Архиепископ Леонид. Снимите покров! Снять венец девичий и отдать на сохранение службе. *(Снимает венец.)* Царь, благословляю тебя хлебом и сыром! Царь благословенный, из единого сосуда поднести тебе и пити красного французского. *(Царь и царица пьют.)* Духовнику Протопопу Евстафию поучить, как им, новобрачным, жити.

Евстафий. По венчанию жене у мужа быти в послушании, и друг на друга не гневаться! Разве некие разны вины мужу поучати ее слегка жезлом. Залеже муж жене яко глава на церкви. И жили бы честно и богобоязно неделю, и среду, и пяток. И все посты постились, и господские праздники, в которые одни получают праздновати Апостолом и Евангелистом, и иным нарочным святым грехам чтоб греха не сотворили. И в церкви божьи приходили, и подаяния давали, и с отцом духовным спрашивались почасту. А совершась се поучение, царицу благоверну беру за руку да воздаю ее мужу, и велю вам учинити целование.

Малюта. Поцелуйные песни давай!

Хор (поет). Ягода с ягодой сокатилась, ягода ягоде поклонилась, ягода ягоде не в глаза зазрела, ягода с ягодиной в уста целовалась.

Архиепископ Леонид. Благословенный государь, веди благословенну государыню за праву руку! (Царь ведет царицу.) Чтоб в церквах колокола звонили! (Царь идет с царицей.) Возложить на царя и царицу короны! (Возлагают короны. Слышен колокольный звон.)

Хор. Михаила Архангела голуби венчались, сизенький да беленький, сизенький-Иванушка, беленький-Марфушка. (Царь и царица целуются.)

Архиепископ Леонид. Во всех церквах Бога молитесь о здравии его царском и о царевны здравье, и о сочетании закона о браке.

Хор. Хлебу да соли долгие века. Слава! Государю нашему долее того. Слава! Государь наш не старится. Слава! Его добрые кони не изъезжаются. Слава! Его цветное платье не изнашивается. Слава! Его верные слуги не стареются. Слава!

Марфа Собакина. Кур идет в сени. Слава! (Пошатнулась.)

Первый гость. (испуганно). Царице неможется.

Марфа Собакина. Кур клюет пшеницу, и курка с ним. Кур клюет сетицу, и курка с ним. Сетица, хоча медового заваря. (Падает. Общее смятение. Царицу поднимают.)

Иван (испуганно). Хворая ты, Марфушка. (Вопит.) Лекарей! Царицу опоили!

Малюта. Государь, изменников найдем, казним!

Иван (вопит). Извели царицу лихие люди!

Марфу Собакину уносят. Царь идет следом, вопя. Гости разбегаются в страхе.

Занавес

Сцена 30

Москва. Успенский собор Кремля. Царь Иван, Малюта Скуратов и духовные.

Новгородский Архиепископ Леонид. По велению благоверного государя царя Ивана Васильевича Всея Руси собрано духовенство на соборный Совет: архимандрит кремлевского чудотворного монастыря Ефремий, архимандрит Симонова монастыря Иосиф, ростовский архимандрит Давид, крутицкий владыка Тарасий. Иные приехать не смогли.

Архимандрит Давид. Я, ростовский архимандрит, знать бы хотел, по которой причине.

Архиепископ Леонид. Архиепископ Левкий ветх и болен, некоторые иные по разным прочим причинам. Знаете ли, отец Левкий передал миру, мне, я же по велению митрополита Кирилла, ныне почившего в бозе, ее принял. А по желанию государя после Пимена получил новгородскую кафедру.

Царь Иван. Та кафедра особая. Глядеть там надобно особо, а при случае ругать новгородских игуменов и попов.

Архиепископ Леонид. Так делаю, государь милостивый. Ругаю их часто, собаки, воры, изменники, да все новгородцы с вами. (Угожливо смеется.)

Иван. Архиепископ Леонид пользуется доверием моим, царя. А занял новгородский престол после разгрома опричниной новгородской измены. Ныне же по статусу, ежели московский митрополит в отсуствии, то новгородский архиепископ - глава Собора.

Архиепископ Леонид. С радостью твою царскую милость принимаю - богодостойный крест метрополии. Да возгорятся верою в тот честный крест сердца наши.

Архиепископ Давид (*шепотом крутицкому владыке Тарасию*). По слухам, хоть Леонид на кафедре недолго, а уже обобрал новгородских игуменов и попов.

Терасий (*шепотом*). Он повязан с опричиной.

Иван. Господа и отцы святые, обращаюсь от сердца своего, чтоб разрешили мне, царю, четвертый неканонический брак, поскольку я, царь, женился на своей больной невесте, но царица Марфа Собакина умерла через одиннадцать дней после брака. Для того собран церковный Собор во главе с архиепископом Леонидом. Скажите про то, что мыслите, открыто мне, царю. И вы, мои господа и отцы, ради Бога простите меня, грешного, за дерзость моих суетных слов.

Архиепископ Ефремий. Разрешение на брак и вечную память людям обычно дается архиепископом. Помазнику же Божьему - митрополитом Всея Руси. Однако, братья, митрополита в Москве в нынешнем виде нет. Преподобный Кирилл умер. Потому, духовный Собор, во всем благоверного царя простишь, и разрешим. Аки сказано по уставу Ярослава Мудрого: простивши и разрешивши.

Терасий. Я, архиепископ Тарасий, не знаю, как такое подписать. По уставу Ярослава, первый брак - закон, второй - прощение, третий - законопреступление.

Давид. Государь, по древним церковным правилам, вступление в третий брак облагается высокой вечною пошлиной и длительной очистительной епитимией. Четвертый и последующие браки отвергаются в православии напрочь.

Архиепископ Иосиф. Я, архимандрит Симонова монастыря Иосиф, так мыслю: брак государя - то Божье дело, государственная необходимость. Занеже он, государь, в возрастетех лет еще не дошел, чтоб ему можно было без супружества быти. Он, государь, для христианской надежды не женился бы, а себе бы нужды не наводил.

Архиепископ Давид. Однако, можно ли венчать четвертый брак по обряду церковных типов? С третьего брака государя прошло же весьма мало дней. По православию, и разведенный в первом браке не должен бы семь лет думать о новом.

Архиепископ Леонид. Отец Давид, в жизни случается и иное, особо ежели жених - Государь Великий Всея Руси.

Иван. Государи и отцы мои, знаю, четвертый брак мой есть уступка, прощение греховной природы человека. Ибо я, царь, помазник Божий, также и человек. Потому составьте грамоту, разрешающую мне, царю, вступить в четвертый брак, издавна запрещенный церковными уставами, но с тем, однако, чтобы никто из подданных мест не явился поступать по примеру меня, царя.

Архиепископ Леонид. Так сделаем, государь милостивый. По уставу Ярослава, главное, чтоб не было кровного родства. Присмотрел ли ты уже новую жену?

Иван. Присмотрел, господа и отцы. Я, царь, хочу жениться в четвертый раз на Анне Алексеевне Колтовской, юница шестнадцати лет.

Архиепископ Леонид. То не препятствие, государь, в уставах не оговорено, ежели жених стар, а невеста - юница. По Стоглаву же сказано: венчание юницы не с двенадцати, а не ранее пятнадцати лет. Препятствие же одно - беснование жениха али невесты.

Архиепископ Ефремий. Государь милостивый, кто отец невесты?

Иван. Анна Колтовская, как и третья жена Марфа, дочь коломенского дворянского сына боярского, ее отец Алексей, дворянина Игната сын Колтовского, умер давно, в пятидесятих годах, в полоне.

Малюта. И то добро, государь. Не надобно родичам чины давать.

Архиепископ Леонид. Записать в вечную память невесту государя Ивана Васильевича Всея Руси Анну Алексеевну Колтовскую. Собор дозволяет царю противозаконный по уставу брак, однако налагает на него епитимью.

Архиепископ Ефремий. Да и тут чтоб почести брали на себя духовные, разрешая от них царя во время военных походов.

Архиепископ Леонид. Так и запишем.

Малюта. Отцы соборные, не будучи лицом духовным и членом духовного Собора, все ж скажу существенным образом: третья жена государя царица Марфа умерла, отравленная ядом. А отравлена ли кем, а не сама собой, - дальнейшие расспросные дела покажут. Государь милостивый, поскольку Собакины дальние мои родичи, то беру по чести вину на себя. Государь, понеже меня боле не любишь, то скажи то и сам удались, али делай со мной, что велишь.

Иван. Среди всеобщих измен люблю тебя, Малюта, по-прежнему и верю тебе. Говори, что знаешь.

Малюта. Государь, дело идет о чаровании, волшебстве и чародействе. Прилюдно объявлено, что царицу извели ядом злые люди. Однако имеется извет одного ябеды, что мать Собакиной передала ей через одного из придворных какие-то травы для чародеяния. Может, оттого она и отравилась.

Иван. Чуял я, что то чародеяние. Третья моя царская жена лежала во гробе бледная, но как бы живая, не тронутая тлением. Так и погребена. После обручения стала она сохнуть от чаровных трав. Счаровать меня хотели, однако Бог не допустил. Малюта, что делается против чаровников?

Малюта. Отец Марфы Василий Большой Собакин насильно пострижен в Кириллов монастырь. Мать также. А делали все по племянников замыслу. Племянники Степан, Семен, дети Василия Меньшого Собакина, да Калист, сын Василий Средний, уже казнены.

Иван. Проклятые змеи меня хотели извести. Как жена моя, мать царевичей, была отравлена, труп раздулся. Положил я на нее покров, сначала висел до земли, а потом оказался недостаточен для покрытия трупа.

Малюта. Государь, всякую измену в ее же крови утопим, а тебя сохраним.

Иван. Бог хранит меня и семя мое царево. Сделаю свадьбу мою веселую, а прежде женю сам сына моего, царевича Ивана Ивановича, на княгине Евдокии Сабуровой, ибо в браке единственная возможность удержать от блуда тех, кто не может без жениного житья жити.

Архиепископ Леонид. Венечная память царевичу Ивану Ивановичу уже выписана. Указано: царевич Иван Иванович здоров, не бесноват. Тебе же, царю милостивому, выпишу немедля то же, понеже благоизволил то поп.

Архиепископ Давид (*шепотом*). Трус, низкопоклонник корыстолюбивый, лжец.

Архиепископ Тарасий (*шепотом*). Все мы грешны. Никто не осмелился поднять голос за непоколебимость церковных постановлений. Бывший митрополит Филипп задушен за смелое слово правды Малютой, а боле некому.

Архиепископ Леонид. Подписывайте, отцы духовные, венечную память государю.

Духовные подписывают.

Занавес

Сцена 31

Москва. Кремлевская Столовая палата. Царь и гости сидят за свадебными столами, уставленными едой и питьем.

Архиепископ Леонид. Государь, уж час боевой, как благословенные крестом новобрачные пошли опочивать, и ты, царь благоверный, и иные немногие люди, и жены проводили их до той палаты, где им опочивать, и, проведя, пошли все прочь попрежнему за столы, чтоб есть и пить до тех мест, как от новобрачных станет ведомо. Но не пора ли, царь благоверный, послати царевичу и царевне дружка спрашивать о здоровье?

Царь Иван. Пора уж. И спустя час боевой послать к царевичу с царевной дружка - родича царевича боярина Никиту Романова. Иди, Никита Романов, к сыну моему царевичу Ивану Ивановичу, а твоему племяннику, в опочивальню и спроси о здоровье. Добро ли меж новобрачными свершилось.

Никита Романов. Исполню, государь. (*Уходит.*)

Первый гость (*шепотом*). Уж принесли яство третье - лебедей, и поставили на стол, а добро все не совершается.

Второй гость (*шепотом*). Молод царевич, оттого неумел. (*Тихо смеется.*)

Третий гость (*шепотом*). Оставь речи пустошные. Ешь лебеда. (*Гости едят.*)

Иван. Свадебный разряд вести велено дьяку Василию Щелканову. Все ли, дьяк, расписано?

Щелканов. Государь, все расписано. (*Читает.*) Разряд свадебный царевича Ивана Ивановича с царевной княгиней Евдокией Сабуровой. Как добро совершится, то идти боярину Никите Романову,

действовать при том духовнику Евстафию, а по церквам за государем с царевичем ездити архиепископу новгородскому Леониду, протопопу благовещенскому духовнику Евстафию, протопопу покровскому Симеону, а со священной водой ездити священнику Василию да дьяку Фоме. А списки носити мне, дьяку Щелканову. А после церквей заново постели стлати, кому царь велити и князь велит. А в поезде с царем быти князьям Сабуровым, родичам невесты. А у царевича в палатах, в передних сенях и у дверей других, то все князья Сабуровы, также от бояр Романовых. А у ворот главных князь Сидор Сабуров, а у воротец, что с казенного двора, Слепошай Сабуров. А в других воротах отсады, которые у ледника, и те ворота заперты. У ворот запертых князь Кижман Сабуров. У ворот, которые меж царевичевой комнатой и Западной, повалуша на лестнице и на дворе сыну боярскому Григорию Грязному. У ворот, что были царевичу во двор, думному дворянину Василию Грязному. У пятых ворот против сада, и у тех ворот ведать Максиму Танееву. И ворота городовые, ходовые да приезжие, и ключи от тех ворот- Григорию Лукьяновичу Скуратову.

Малюта. Государь, все ворота надежны, люди свои повсюду.

Никита Романов (входит). Государь, царевич Иван Иванович оповещает, что в добром здравии. Также и царевна Евдокия. Доброе между ними совершилось!

Царь Иван. Слава тебе, святая Богородица и вы, святые Кузьма и Демьян! *(Крестится. Все крестятся.)* Что делает ныне царевич Иван с царевной Евдокией?

Никита Романов. Царевич Иван и царевна Евдокия ныне выходят из мыльни и в то время возлагают на них срачицу и порты, и платье иное, а прежнюю срачицу велено сохранить постельничему.

Боярыня - сваха (входит с сорочкой и простыней). Осмотря сорочки царевича и царевны и простыни, реку с радостью для того, что ее, царевны, девство в целости совершилось!

Гости. На здоровье, на здоровье, на здоровице!

Вторая боярыня - сваха (входит). Государь милостивый, царевич и царевна уж из мыльни вышли и почини изготовились. А царевич и царевна уж во всем своем одеянии.

Входят царевич Иван и царевна Евдокия.

Хор (поет). У голуба голубушка под крылом, у Иванца Евдокиюшка под бочком, у Иванца Евдокиюшка под правом.

Щелканов (торжественно). Речь царя Ивана Васильевича Всея Руси к жениху.

Иван. Нашим жалованьем даны за тебя князь Василия Сабурова. А ты пережалован. И жили бы вместе по церковному закону. А мне, царю, дали б вскоре царева внука.

Архиепископ Леонид. Поздравляю обвенчанных образами окладными. Целуйте образа. *(Новобрачные целуют образа.)* Велю так уж учинить меж собою целование. *(Царевич Иван и царевна Евдокия целуются.)*

Царь Иван. Я, царь, приговорил женить сына своего на княгине Евдокии Сабуровой. Принесите кубки. *(Приносят кубки. Все выпивают.)*

Крики. На здоровье, на здоровье, на здоровице!

Щелканов. Одарение починается! Бояры и боярыни, и прочие гости новобрачного с новобрачной дарити.

Царь Иван (весело). Дарити бархатами и атласами, и камками, и золотыми, и серебряными, и перстнями золотыми, и камнем, и сосуды серебряные. У кого что приучилось - да не жалеите ради моей царской милости. *(Гости подносят дары.)* Федор-сын, отчего не благословляешь брата да сидишь печальный на веселье?

Царевич Федор. Батюшка, в начале сего века тлен тленного так сотворил Богоданный Еву, как без свадебного веселья велено им жить, без богатства. Лишь дал им в подарок Заповедь Божью. *(Подходит к царевичу Ивану.)* Иван-братец, прими от меня сей Божий подарок. *(Подает Евангелие.)* А того двадцать рублей. Да сестре Евдокии полотенце да два платка. *(Целуется с царевичем и царевной.)* А по веселье пойдти с царевною по московским монастырям и молебствуй, и корми чернецов, и давай милостыню, что подарков получил - раздай.

Царевич Иван. Ты, братец, в се время еще мал и глуп, не в полном разуме, несовершенно. Честь царская не в монашеских делах.

Царевич Федор. Батюшка, ведь правду говорю! По веселию ходить надобно так, как и по богадельням и по тюрьмам, и давать милостыню же также лицам нищим и убогим людям по рублю и по полтине, и тех денег из казны чтоб разошлось много тысяч!

Царь Иван. Убогий ты у меня, Федя, хворенький! (*Целует Федора.*) Наполните снова, милые мои, кубки. (*Чашники разливают вино.*) Милые мои - ты, сын мой Иван, да ты, сын мой Федор, да гости дорогие - учинил Бог заповедь законную: велел он брату и женьитьбам быть для рождения человеческого и для любимых детей. И назло племя человеческое вначале пошло непокорливое, к отцовскому учению зазорливое, и за то на них Господь Бог разгневался. Положил их в напасти великие, попустил на них скорби великие и срамные позоры, немерные супостатные походы, набеги басурманские, пожары, журю немерную, наготу и босоту, бесконечную нищету и недостатки последние. Тот гнев Господен все смиряючи нас, наказывая приводит нас на спасения путь. Милое ты наше чадо царевич Иван Иванович, помни заповеди: веселись яко же в радости дозволено Богом и отцом твоим, Божьим помазником. Да вы все веселитесь с нами. (*Выпивает. Все выпивают.*) Эй, столыники, ставьте на стол овощи, всякие сахара и ягоды и иные диковинки! Так уж музыку давайте да пение веселое!

Хор. Рожица-матушка колосилась, во ржи свинюшка поросилась, семьдесят поросят да свиночки, свиночки да все пестренькие, хвостики у них востренькие.

Царь Иван (*весело*). Гостям плясать! (*Гости пляшут.*) Пляши, Иван-сын. (*Царевич Иван пляшет с царевной.*) Воспойте славу сыну моему наследнику царевичу Ивану с царевной Евдокией!

Хор. Хозяин в доме-что Адам в Раю, а хозяйка в доме-что ладья в меду! Хороша изба, под покрывшечку хороша, под повязочку хороша!

Василий Блаженный (*появляется из толпы гостей*). Некрещеная изба, некрещеная изба, некрещеная изба! Хозяин в доме что-дьявол в аду! (*Смеется.*)

Малюта (*сердито*). Кто юрода среди гостей впустил?

Сторож (*растерянно*). Не углядели! Они, юроды, сквозь стену пройдут.

Василий Блаженный. Государь, не умял ты меня, сиречь пригласил. То сам явился слово тебе сказать.

А помню я веселье отца твоего князя Василия, а как веселие царское бывает и на царском дворе, и под сенями играют трубки и сурдинки, и бьют литавры, а на дворе через всю ночь для светлости жгут дрова на устроенных местах. А иных игр и музыки, и танцев на царском веселии не бывает никогда. Ты ж веселишься сатанински. Тьфу! (*Плюет.*) Не было б после такого веселья похмелья!

Малюта (*хватает блаженного*). Государь, притемнить юрода нечистого!

Иван (*садится на скамью*). Пусти его, пусть идет. (*Блаженный уходит.*)

Царевич Иван. Батюшка, аки ворон залетел, птица черная, вестью. Не к добру ко мне сделалось ли, юрод на веселье пришел. Тягостно мне на сердце.

Царь Иван. Иван-царевич, сын мой, велики высоты людских страстей. Нам ли, грешным, тому противиться? Хорошо бы жить в келье - кус хлеба, звено рыбы да чашку кваса. Мы ж, цари, должны жить по-царски. Для того Бог нас поставил и грехи наши для того прощает. Гости почтенные, после стола да танцев ешьте овощи! Вы, бояре Романовы да князи Сабуровы и прочие гости, и свадебный чин, ешьте. (*Гости садятся за стол.*) Танцев более не будет, а поевши и попивши, езжайте по домам. (*Гости едят и пьют.*) Что говорит блаженный, то его, Божьего человека, дело. Но до каких пор будут делаться эти разговоры и смута, суета и мятеж, распри и нашептывание, и празднословие? Знаю я, что такое делается за моей царской спиной. Для иных из вас и монастырь не спасение! Отправил я отца моей прежней жены Марфы Собакиной, злобесного пса, собаку Василия Собакина в монастырь, а он не только не знает правил иноческой жизни, но не понимает даже, что такое чернец, а тем более инок, что еще выше, чем чернец. Ты, отец нынешней невесты князь Василий Сабуров, понимаешь, что такое чернец?

Василий Сабуров. Я, государь, понимаю. (*Начинает кашлять.*)

Малюта. Князь Сабуров овощами подавился.

Иван (*сердито*). Разъезжайтесь по домам, гости. (*Гости уходят торопливо.*) Иван-сын, и ты иди опочивать с княгиней! (*Иван уходит.*) Малюта, где воевода Михайло Воротынский?

Малюта. Воротынский в пределах земли рязанской засеки проверяет.

Иван. Созвать надобно воевод, особо Михаила Воротынского, для выездского Собора в Коломне, ибо нельзя боле быть в праздности. Тревожно мне.

Малюта. Исполним, государь.

Царь Иван в сопровождении Малюты уходит.

Занавес

Сцена 32

Коломна. Военный совет.

Царь Иван. Воевода князь Михайло Воротынский, в конце зимы, да в начале весны мной, царем, дан был специальный наказ, чтоб делалась оборона на Оке и о укреплении берегового войска. Доложи, что делал.

Воротынский. Государь, уж приняты оборонные меры, и новый набег татар встретим отпором.

Иван. Одновременно со шведской войной укреплять надобно и южные границы, возводить новые засеки.

Воротынский. Государь, ныне отправил я воевод в Перемышль засечную черту делать.

Иван. Сколько всего собрано?

Воротынский. Государь, в ожидании татарского нашествия уже собрали на южной двенадцать тысяч дворян, две тысячи тридцать пять стрельцов, три тысячи восемьсот казаков. Вместе с ополчением северных городов думаю поставить двадцать тысяч.

Иван. А у татар сколько, известно ли, Нагой?

Нагой. Государь милостивый, по словам языков, татары приведут пятьдесят тысяч всадников крымской Большой и Малой Орды. Хан имеет у себя турецкую артиллерию.

Иван. Нашим русским силам основным быть тут под Коломной, закрыть подход к Москве со стороны Рязани.

Воротынский (*разворачивает чертеж*). Государь, надобно учесть и повторное вторжение татар с Юго-Запада из местностей близ Угры. На правый фланг Калуги поставлю воеводу князя Дмитрия Ивановича Хворостинина с передовым полком.

Хворостинин. Уж постоим за отечество, государь милостивый!

Воротынский. Государь, вопреки прошлым расстановкам, передовой полк не превосходит полки правой и левой руки, чтоб не дать татарам сразу прорваться. Подвижной речной отряд обороняет переправу через Оку.

Малюта. Государь милостивый, где стоять опричным полкам?

Иван. Нет, Малюта, и не будет больше опричных полков! Козличи, костромичи-помещики бежецкой пятины, рязанцы, смоляне, кашинцы, горятчани, старитчани, служивы люди Малоярослава, жогаичи, брянчане, владичи, - вся Русь едина стоит в обороне. Ныне будет смотр государевым людям здесь, в Коломне, боярам и дворянам и городovým казакам, придатным людям, смотря кто сколько дал мне, государю, в полк людей. Годунов, ведется ли роспись?

Годунов. Личная роспись ведется, милостивый государь царь Иван. Мы в разряде разницу стереть должны меж служивыми людьми двух частей русского государства. Люди бы у всех были со всех поместий дворянских со ста четвертей по человеку по конному, да по человеку по пешему и с пищалями.

Воротынский. Государь, указано полкам собраться в Коломне. После смотра разместим на Оке в точном соответствии с твоим царским наказом в таком порядке: большой полк - Воротынский, Шереметьев - меньший в Серпухове. Полк правой руки - боярин Иван Петрович Одоевский и Федор Васильевич Шереметьев - в Тарусе. Передовой полк - боярин Хованский и Хворостинин - Калуга. Сторожевой полк - окольный Василий Иванович Умной-Колычев - Кашира. Полк левой руки - река Лопасня под началом князя Леонида Репнина. Всего должно быть выставлено по точному подсчету двадцать тысяч тридцать четыре боевых людей, не считая казаков атамана Михаила Черкашина.

Иван. Добро. Стойте, казаки вольные, согласно прошлым вашим подвигам.

Михаил Черкашин. Государь православный, мы, холопы твои и прозванные ныне вечные, казачество донское, рязанское, мещерское, тарапетское да прочее, я, холоп твой атаман Мишка Черкашин да вольные казаки Петруши Пронца, да атаман Васька Рожка со своими казаками, головы покладаем не думаючи! Скажи-ка ты, Петруша Пронец да Васька Рожка.

Петруша Пронец. Государь православный, мои, Петруши Пронца, вольные казаки повоевали многие места немецкие, взяли приступом крепость и, пролома в двух местах стену, захватили много пленных и пушек. Так и ныне будем биться!

Васька Рожа. Государь православный, как пошел ты походом на ливонский немец, крымский хан умыслил внезапно похитить и крестьянство: послал на Русь сто тысяч войска с Магомет Гиреем. В то время в тылу у крымцев я, Черкасский аттаман Васька Рожа, людей улусных побил много. Государь православный, русская сабля уж воевала в Крыму с Данилой Адашевым, братом Алексеевым. Ходили мы по Днепру до Крыма...

Малюта (*перебывает*). Про Адашевых говорить не след, поскольку обнаружены их измены.

Иван. Скажу истину, милые мои, одно время я зело любил того Алексея и вступил с ним в союз, также и с попом Сильвестром, мысля про общее благо отечества. Мы взяли его, Алексея, из навоза и сровняли его с вельможами, надеясь на верную его службу. Потом я для совета в духовных делах и спасения своей души взял попа Сильвестра, надеясь, что человечествующий, стоящий у престола Господня побережет свою душу. А он, поправ свои священнические обеты и свой сан, и права предстать с ангелами у престола Господня, к которому стремятся ангелы преклониться, где вечно приносится в жертву агнец Божий и никогда не гибнет, он, еще при жизни удостоившийся серафимской службы, все то пограл коварно. (*Нервно ходит.*) Сколько измен! С молодости моей бояре и прежде выступали против нас. Вас же, бояр своих, тебя так уж, Михаила Воротынского, и всех прочих людей за вины все простил и обещал впредь о том не вспоминать. И так признал всех вас верными слугами. Так ли, Воротынский?

Воротынский. Мы, верные твои, государя, и отечества слуги, стоять будем крепко в тяжкий час. Какие уж тут счеты в сей тяжкий час!

Михаил Черкашин. Государь православный, мы, вольное казачество, верны тебе. В тяжкий час станем мы с ним, крымским царем, биться, что с худым свиным пастухом.

Иван. Я, царь, казаков и атаманов за службу пожалую, также и иных людей православных. Также, милые мои, знаете ли, имел я давний план вербовки для Москвы военных наемников, обученных европейскому бою. Нашел я и предводителя наемников. Поди сюда, Юрген Феленсбах. (*Подходит Юрген Феленсбах.*) Вот, милые мои, ливонский дворянин, совсем еще молодой, успевший побывать на службе чуть ли не во всех европейских странах. Скажи, где ты был, Феленсбах?

Феленсбах. Был я, государь, в Швеции, Франции, Нидерландах, Австрии...

Иван. Добро нам европейские умельцы нужны. Он, Феленсбах, побывал в плену, и прямо из тюрьмы получил свое прощение. Скоро отберешь наемников, да кого возьмешь?

Феленсбах. Государь, материал для наемнических отрядов может тебе поставить сама Ливония, где, благодаря непрерывному военному положению, разоренные люди и отвыкшая от работы молодежь охотно принимаются за солдатское ремесло.

Иван. Сколько набрать можешь?

Феленсбах. Думаю набрать семитысячный отряд ливонских и чужеземных гофлейтов.

Иван. Добрая подмога будет тебе, Воротынский. Мы, христиане, сражаться вместе должны против басурманства яко единое европейское воинство. Так ли, Мишка Черкашин?

Михаил Черкашин. Государь православный, и у басурман множество людей - наемных пашей, а с ними наш пашанин присылает курский царь и крымский царь под нашу могучую свою собранную силу и басурманскую рать, совокупа на нас всех подручников своих - нечестивых царей и королей, и князей, и владетелей - говорят, двенадцать земель. Воинских людей переписано в свои рати из-за моря, боевого люда бранного чуть ли не двести тысяч, окромя поморских и кафинских черных мужиков, которые у них на сей стороне собраны близ Кафы, и которые со всех, и крымских, и нагайских, и прочих, на загребенье наше, чтоб нас, христиан, многолюдством своим загрести.

Васька Рожа. Нашей смертью хотят славу себе вечную во всю вселенную, а нам да христианам учинить вечную укоризну. Однак, не бывать тому!

Воротынский. Однак, вернемся к делу. (*Склоняется над чертежом.*)

Васька Рожа. Еще сказать хочу. Мы, народ христианский, станем заодно. Я - казак, да ты - литвак Юрген Феленсбах. (*Обнимает ливонца.*)

Воротынский. Имеются у нас четыре способа обороны, от того, где хан перелезет Оку и в каком направлении пойдет по русской земле. Затем постройка нового Гуляй-города, подвижной крепости, ибо старый ветх.

Иван. Каждый должен помогать при постройке Гуляй-города в соответствии размеру своих поместий, как и при постройке укреплений на берегу Оки.

Годунов. Так и делаем в Казенном приказе.

Иван. Милые мои, бедствие, постигшее Москву, повести должно к принятию на будущее время лучших мер безопасности. С нынешних пор в южных пределах нашего государства чтоб образовалась наконец крепкая сторожевая и станичная службы из детей боярских, казаков, стрельцов, а частью из охотников, посадских людей выбирали сторожа и станичные. Первые ставреша чтоб попеременно сторожу делали на известных местах. Вторые, также ставреша, чтоб ездили от города до города, от сторожи до сторожи. Поглядите, милые мои, нынче на юге возникают новые города. Так появились Епифань, Даньков, Бряжк, Волхов, Орел, Явница и другие. Пусть города эти сначала небольшие - острожки с деревянными стенами и башнями, окруженные рвами. Они мало-помалу привлекут к себе население, людей смелых и отважных. Туда будут стекаться гулящие и вольные люди, те, кто не записан и не должен нести повинности. То люди молодые, сыновья и племянники людей всякого звания - и служивых, и посадских, и крестьян. Так лишь всем народом заступим впредь басурманству дорогу на Москву. Чтоб впредь бояре-изменники да прочие разбойники не могли наводить на Русь и на царей православных крымцев, как навели они крымцев на меня.

Михаил Черкашин. Костями ляжем, государь православный, а не пропустим впредь.

Иван. Угроза Крыма побуждает меня искать мира с Речью Посполитой. Афанасий Нагой, через литовского посла надобно от меня, царя, передать в Краков предложение о союзе против турков и татар.

Нагой. Исполним, государь.

Иван. Поскольку на юг будет отправлено двадцать тысяч и более объединенного войска, а также наряд на силу обороны крепостей, хочу потребовать присылки полномочных крымских послов в то же село Батошино. А на требование крымского хана сделать назависимым Астраханское ханство - не давать никакого ответа.

Нагой. То исполним, государь.

Иван. С татарами надобно переменить тон, поскольку уж приняты оборонные меры. В переговорах чтоб звучали новые ноты. Уклоняться от прямого вопроса крымских гонцов о судьбе Казани и Астрахани.

Уходит в сопровождении воевод.

Занавес

Сцена 33

Село Батошино. Губная изба. Царь Иван в дорогой собольей шубе. Годунов и Нагой также в дорогих шубах. Атаман Михаил Черкашин в кафтане из золотой парчи. Толмачи и подьячие в зипунах. Входят крымские послы мурза Сулеш и мурза Опат с толмачем.

Мурза Сулеш. Московскому царю от всеильного хана крымского Довлет Гирея поклон.

Иван. И от меня, царя всея Руси, крымскому хану поклон. Здоров ли брат мой крымский хан Довлет Гирей?

Мурза Опат. Здоров, здоров.

Иван. Хорошо ли доехали вы, послы крымские?

Мурза Сулеш. Московский царь, мы, послы крымские, привезли тебе верящие грамоты от хана всеильного. Однако, прежде вручения хотим спросить о судьбе Казани и Астрахани.

Иван. Передайте брату моему Довлет Гирею, что я, царь Иван Васильевич Всея Руси, высказал пожелание о присылке из Крыма посольства для заключения мира.

Мурза Опат. А мы разве не посольство - мурза Сулеш и мурза Опат, и толмач Ошут Юрьев?

Иван. Пусть пришлет высокое посольство, чтоб был кто-либо из Гиреев. Только с таким посольством буду вести переговоры о конечном условии мира.

Мурза Сулеш. Московский царь, твои такие слова вселяют в нас, послов великого хана, гнев! Однако, помним мудрую татарскую поговорку: сегодняшней гнев оставь на завтра. Потому будем дальше спрашивать о чеченском Тереке. Хан и турецкий султан в большом беспокойстве.

Иван. Про что беспокойство? В тысячу пятьсот шестьдесят седьмом году от Рождества Христова поставили мы на Тереке город Твертецкий Остров против чечен, на помощь кабардинскому князю Темрюку, дочь которого была мне женой. Город не устоял, был брошен, появился снова два года потом и снова не устоял - брошен. Годунов, брошен ли?

Годунов. Брошен, государь, стрельцы ушли.

Иван. Истинно ведь так. Я, царь, для братской своей любви к Довлет Гирею и султанам и турецкой любви тот город велел оставить и воевод и людей своих оттуда вывел.

Мурза Сулеш. Воеводы ушли, казаки остались! Вот толмач Ошут Юрьев про то скажет.

Ошут Юрьев. Царь московский, жалуется султан на вольных московских казаков, которые гуляют и воруют на Тереке.

Иван. Я дал свое царское обещание, могу ли я его нарушить? Слышал я про подобные известия, потому взял сюда, в село Батошино, атамана казаков Михаила Черкашина. Правду ли про вас говорят, что воруете?

Черкашин. Царь православный, не ворует мы, казаки, но стоим на стороже, как велено.

Ошут Юрьев. Стоя на стороже и воруют.

Иван. Но они же стоят у Александра, царя кахетинского, друга Москвы. Так ли, Мишка Черкашин?

Черкашин. Государь православный, летом по щелям в горах от чавкала дагестанского на сторожах.

Ошут Юрьев. Туда в те места много русского разбойного народа сбегается!

Иван. Так ли, Годунов?

Годунов. Государь, так Дума постановила - украинные города против супостата и гад, кто за злодейство осужден будет к смерти, да убежит в те города, то там избежит смерти своя.

Иван (сердито). Я дал обещание турецкому султану, чтоб не воровали. Потому злодеев-гадов держать в страхе разумом и жестокостью. Эти змии задвигались также против государств и скопились на украинах, слышал я, более двадцати тысяч ситцевых воров. Так ли, Мишка Черкашин?

Черкашин. Иные воры имеются, однак, мы, казаки, исполняем твое, православного царя, указание, чтоб стояли на Тереке и на устье Сульчи-реки и не перепускали турок да персиян.

Ошут Юрьев. То-то! Потому на словах бранят, а на деле их, казаков, не унимают. Вы, казаки, осуждены теперь накрепко. Прогневали вы султана, царя турецкого, величество его. Первое - что вы у него убили на Дону честного мужа греческого закона турецкого посла Фому, а с ним побиили всех армян и гречан для их серебра и злата.

Иван. Про что речь?

Черкашин. Царь православный, убили мы турецкого посла Фому Контакузина, что послан был на Дон против тебя, нашего царя, говоря, чтоб шли мы служить туркам.

Иван. Все одно, посла бить не следует. Так у нас на Руси издавна посол неприкосновенен.

Нагой. Государь, по сожжении Москвы крымский хан над твоим, царя и великого князя, послом нечисть великую и грабеж учинил и подьячего липуна сырмомтил, нос и уши зашивал, и, обложая, по базару водил. Надо бы в ответ за задержание и поношение русских послов - за стены крымских послов.

Мурза Опат. Крымский всемогущий хан за то разгневается, опять придет, всю Москву за щитом возьмет. Хочешь ли того?

Иван. Я мира хочу. Скажи про то крымскому хану и турецкому султану.

Мурза Сулеш. Мира хочешь? А шубу не прислал. Обещал прислать шубу соболью, такую, как ты носишь, чтоб мне в ней воротам к султану идти. Шубу, какую при султани пригоже носить, почему не прислал?

Иван. Шубу? Годунов, отчего шубу не прислали?

Годунов. Шуба соболья дорога, государь.

Иван. Истинно, дорога! Иностранцы пишут о мехах во множестве, но пушнина дорога, шуба добра в Москве - тридцать-сорок денег. Дорогая соболья шуба, покрытая бархатом, которая на мне, четырнадцать тысяч денег. Сам едва заплатил.

Мурза Сулеш (сердится). Смеешься ты над нами, московский царь! Скоро забыл ты пожар! Выше нас себя ставишь! А кто ты такой? Какое твое царство?

Иван. Мое царство православное. Равным себе я признаю в мире только германского императора и турецкого султана.

Мурза Опат. Как можешь себя равнять с великими? Повсюду русских знают как невежд. Посол России Плещеев отвесил турецкому султану глубокий поклон стоя, но не опустился на колени, как иные европейские послы. Посол России Васильчиков поклонился персидскому шаху, да на колени не встал и не поцеловал ногу.

Мурза Сулеш (*сердито*). Говоришь про мир, а хочешь войны. Всемогущий крымский хан Довлет Гирей по такому случаю велит тебе передать: твою землю возьму, а ты захочешь мне лихо, напасть чинить, царь, через Перекоп тебе не идти.

Мурза Опат. Раз саранча прыгнула, два - прыгнула, а в третий раз и попалась. (*Смеется.*)

Мурза Сулеш. По такому случаю верящую грамоту тебе не дадим, дадим складную. (*Подает грамоту.*)

Мурза Опат. Также подарок хороший, крымский нож, (*подает нож*).

Черкашин. Государь православный, за укоризну тебе, позволь, я их, басурман, в капусту искрошу. За такую против тебя лютость грубую.

Иван. Пусть идут к себе в Крым да скажут в Крыму: мы хотим мира. Идите к себе в Крым. (*Послы уходят.*) То разрыв. Разрыв выражается через присылку складных грамот. (*Ходит в задумчивости.*) Вечная война с Крымской Ордой со времен Золотой Орды. Южные наши границы открыты через степи Дикого Поля, а Крымский полуостров почти недоступен. Удержим ли мы на сей раз татар засеками? Приближается пора татарских набегов.

Черкашин. На украинских, государь православный, те набег почались. Глядишь, город сожгли татаровье и напали на него аки волки голодные и не пощадили никаких мужского полу, ни старо, ни мало. Посекли всех до едина. В одном месте, глядишь, дворы пусты, сожгли татаровье.

Иван. Как год тому Давлет Гирей сжег Москву, то угнал в Орду сто тысяч жителей православных.

Нагой. Особенно, государь, мальчиков и девочек хватают, которых они продают туркам. Султану турецкому крымский хан десятую часть добычи отдает. На невольничий рынок в Крымской Орде продают тысячи пленных рабов в другие страны Азии и Европы.

Иван. Оборона наша во все стороны великая, а удержим ли? У его, Довлет Гирея, сила страшная. Орда Крымская, Ногайская, да прочие. К тому же изменники-вельможи стоять будут нехорошо. Не так ли, как год тому?

Черкашин. Государь православный, иные вельможи завладели многими землями, сами богатеют и ленивеют, а крепко за веру христианскую не стоят. Люто против недруга смертною игрою не играют. Те Богу лгут и государеву. Однако князь Михаил Иванович Воротынский- воевода умелый, и постоим мы с ним, как стояли прежде против басурман святорусские богатыри.

Иван. Пусть поможет нам Бог и святые чудотворцы! (*Крестится. Все крестятся.*) Годунов, велел я свою царскую казну повести на сохранение в Новгород. Исполнено ли то?

Годунов. Исполняем, государь. Туда из Москвы уже отправили четыреста пятьдесят возов государственной казны.

Иван. Добро сделаем, а там уж как Бог похочет.

Уходит в сопровождении остальных.

Занавес

Сцена 34

Крым. Бахчисарайский дворец хана Довлет Гирея.

Довлет Гирей. Русский царь, свиноядец, черная кость, уклоняется от своих обещаний.

Калга. Идти надо опять на Москву.

Опат. Повелитель, русский царь-хам, сам испугавшись своей дерзости, послал вслед нам своего гонца. Он уведомляет, что готов уступить Астрахань ради мира.

Довлет Гирей. Ответить, что Крым отвергает это. Одной Астрахани теперь мало. Россию опустошают голод и чума. Царская армия понесла тяжелое поражение под Ревелем и Москвой. Русская столица теперь для нас, татар, легкая добыча. Старые укрепления уничтожены пожаром, новые наспех возведены. Военные неудачи поколебали могущество русских в Поволжье и Прикаспии. Ногайская Орда вышла из-под русской всеильной зависимости. Покорные народы Поволжья пришли в движение, чтобы сбросить владычество русских. Многие Адыгейские князья Северного Кавказа теперь поддерживают Крым. За спиной Крыма великая Оттоманская империя, султан хочет направить в Крым своих людей и турецкие пушки, янычар для участия в завоевательном походе на Русь.

Тибердамурза. Великий Аллах! Пусть вертящиеся дервиши молятся в мечетях о нашей удаче!

Довлет Гирей. С помощью великого Аллаха я надеюсь не только отторгнуть от России Среднее и Нижнее Поволожье, но и захватить Москву. Пришла пора восстановить нашу татарскую власть над Русью, зависимость Москвы от ислама.

Мухаммед Ишам. Великий Аллах, сделаем всю Россию исламской, а крест, на котором их Бога-раба распяли, свергнем, возведя полумесяц благородный.

Довлет - Гирей. Не погаснет великий ислам. Как исчез город неверных Константинополь, так исчезнет и город неверных Москва. Как языческая София обратилась в правоверную, Эль-Акса, так обратим и кремлевские соборы. Накануне вторжения я, крымский хан Довлет Гирей, потомок повелителя России хана Тохтамышша, создателя Крымского ханства, приказываю расписать меж мурзами уезды и города России. Я, потомок Тохтамышша, имею право на владение Россией. О том мечтал и дед мой Абуль-Заха-Гирей, построивший этот дворец в Бахчисарае.

Калга. Отец мой великий, хан Довлет Гирей, как сладок инжир, так сладка кровь неверных. Дай мне отряд, я пойду первым.

Довлет Гирей. Дам тебе, Калга-наследник, сорок тысяч всадников. Двадцать пятое лето, как Иван Четвертый царь на Руси. Это его лето последнее. Русь возьму, царя в Крым увезу. *(Слышно пение.)* Пришел час вечерней молитвы. Помолимся, чтоб не остаться в долгу из-за пропущенной молитвы, ибо сказано - молитесь и не смотрите по сторонам, чтоб не нарушить благоволение молитвы.

Поднимается с ковра и уходит вместе со свитой.

Занавес

Сцена 35

Александровская слобода. Теремная палата. Царь Иван сидит, опершись головой на ладонь. Входит Годунов и дьяк Щелканов.

Годунов *(шепотом)*. Замыслился государь, али задремал.

Щелканов *(шепотом)*. Уж некое время государю не по себе.

Годунов. С приближением поры татарских набегов царь впал в состояние мрачной тревоги.

Щелканов *(шепотом)*. Есть от чего. *(Погромче.)* Государь!

Иван *(резко испуганно поднимает голову)*. Кто тут?

Годунов. Государь милостивый, то я, Борис Годунов, да дьяк Щелканов.

Иван *(недовольно)*. Что вам надобно?

Годунов. Государь милостивый, велел ты тотчас докладывать, как гонец твой вернется из Крыма. Тут уж он.

Иван. Где он?

Щелканов. В сенях дожидается.

Иван. Пойди, немедля приведи. *(Щелканов выходит.)* Сидел, мыслил, да мыслючи задремал. И сказал мне некто: смерть твоя есть от крымского плеча, от агарянского же меча.

Годунов. Государь, от излишнего волнения таковы мысли.

Иван. Чуял я во сне- злое змеиное дыхание и сопение уж близко. Испытал у чудотворца, каково бы убить змея, чтоб самому не погибнуть. Нарече Николай - чудотворец царю: хочешь ли узрети

православный меч, иди вслед за мной, и приде в монастырь Воздвиженский, и показал мне на алтарь, на алтарный сине-меч. Кругом же стояли воеводы, а впереди них - Михайло Воротынский. Где князь Михайло Воротынский?

Годунов. При войске, государь, на берегу.

Входит Щелканов с гонцом. Гонец кланяется.

Иван. Какие вести из Крыма? Согласен ли хан взять Астрахань от меня, чтоб быть миру?

Гонец. Нет, государь. Хан понял, что ты волочишь дело. Опять идти хочет на Москву. От шпигунов ведомо: хан восхвалялся перед турецким султаном - возьму всю русскую землю за год, царя уведу в Крым. Роспись сделал, кому из мурз здесь сидеть, на Руси.

Иван. Помыслить надобно, как мне, государю, стояти против своего недруга.

Годунов. Крымский хан идет вторично с дерзкой мыслью изгнать тебя, царя.

Иван. Да, да шведы хотят идти против меня. Думаю идти и стать против шведов, идти на север. Тут ли Брамлей, астролог?

Годунов. Тут он.

Входит Брамлей и кланяется.

Иван. Идти ли мне на север в Новгород, али оставаться тут?

Брамлей. Не поддавайся, государь, отчаянью. Иди на север.

Иван. Истинно, пойду на север. Раз звезды так желают, так и сделаю. Елисей, верный мой звездочет, тебе я верю, мне гороскоп мой составлен. Головы по гороскопу. Сыграю на севере свадьбу Магнуса с племянницей моей Марией Андреевной. Так и порешим. Годунов, готовь отъезд на север. Прибуду в Новгород в сопровождении Двора и стрельцов. Подготовиться к отъезду.

Годунов. Исполним, государь.

Иван. Тут против крымцев стоять будет Михайло Воротынский с воеводами. Я же стану против шведов на подмогу Магнусу. Магнуса я объявил королем Ливонии.

Годунов. Государь, принц Магнус простоял под Ревелем почти семь месяцев, громя крепостные стены русской артиллерией, но не смог взять город.

Иван. Магнус не взял Ревель, ибо шведские корабли подвозили припасы и снаряжение, однако отступление от Ревеля не остановит меня. Полкам прикажу собираться в Орешке у Ладожского озера и у Дерпта, чтоб вести войну со шведами, в Финляндии и Эстонии.

Годунов. Составь реестр о походе на Швецию.

Щелканов. Слушаюсь.

Иван. Пиши: идти на непослушника своего, на шведского короля Юхана войною царю за его неисправление. Я считаю Юхана своим личным врагом. Он мою невесту забрал, сестру польского короля Катерину Ягеллонку. Пишешь ли?

Щелканов. Пишу.

Иван. Направить ему послание в заносчивых и высокомерных выражениях. Требовать, чтоб шведский король объявил себя вассалом русского короля и немедля уступил Ревель. Создание в Ливонии вассального королевства не получилось после неудачной осады Ревеля. Надо мне исправить. Для похода собрать в Казани казанских князей и черемис, и мордву, и, собрав, велеть за собой быть в Новгороде Великом. В нынешнем новгородском походе чтоб были как опричники, так и земские. В разрядах разницу стереть меж служивыми людьми двух частей русского государства. После отражения татар хочу перебросить всю армию из-под Москвы в Новгород. *(Ходит в задумчивости.)* От меня да от митрополита Антония направить грамоты в Кириллов монастырь и просить их, игумена и старцев, молиться о победе над врагом шведским и басурманским.

Годунов. Исполним, государь милостивый.

Царь Иван уходит.

Щелканов *(тихо Годунову).* Под предлогом войны со шведами царь вновь покидает столицу, несмотря на угрозу татарского нападения. *(Уходит.)*

Занавес

Конец третьего действия. Не вычитано

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена 36

Новгород. Большие палаты уставлены свадебными столами. Много гостей, среди них и много иноземных. Царь сидит рядом с молоденькой девочкой царицей Анной Колтовской. Рядом с ним царевич Иван с Евдокией. На месте жениха и невесты-датский принц Магнус и племянница царя Мария Владимировна Старицкая.

Царь Иван *(с большим кубком в руке, говорит хмельно)*. Свадьбой сией датского принца Магнуса с племянницей впервой породнился я с Европой. Особо же с короной датской. Любезные мои господа, главный успех России в ливонской войне есть занятие Нарвы, благодаря чему открылись прямые сношения морем с Западом. Велики расчеты и надежды московского правительства с открытием морского пути. По договору с Данией я, царь, выговорил свободный проезд в Копонгон и во все города Датского королевства для гостей наших, царёвых и великого князя, - и купцов Великого Новгорода, и псковичей, и купцов всех городов московской земли, также и немцев моей вотчины, ливонской земли городов. Выпьем, любезные мои!

(Все выпивают).

Малюта. Чашники, разлить еще! *(Чашники наливают вино).*

Иван. Торговля должна быть свободная и прямая с купцами и потребителями Дании, без участия каких-либо факторов или посредников-маклеров. Дания соединит нас, русских, с Европой. Принц датский Магнус, я, царь, радостен весьма, что взял ты мою племянницу Марию Владимировну, брата моего покойного Владимира Андреевича Старицкого дочь, упокой, Господи, его невинную душу. *(Крестится)*. Желая любезным облобызать обоих родичей. *(Жених и невеста подходят и кланяются царю. Царь обнимает и целует их)*. Дания ныне нам родич, и замыслил я отдаленные поездки русских, в которых Дания будет страна, связывающая нас с Европой. А обратно - поездки через Данию иноземных торговцев в русскую землю. А которые наши, царевы и великого князя, купцы и гости, Русь и немцы, поедут из Копонгона в заморские государства с товаром, и которые заморские государства пойдут мимо королевства Датского морскими воротами, проливом Зундом, тем должны предоставить свободный проезд. Выпьем, любезные мои, за дружеские отношения России с христианской Европой! *(Выпивает)*.

Немецкий посол *(тихо)*. У нас в Германии много говорят об успехах Москвы. Иные готовы верить, что создается величайшая империя в мире. Если московский царь завладеет Ревелем, он водворится скоро посреди Балтийского моря, на островах Готланде и Борнхольме, и будет для Германии гораздо опаснее, чем турецкий султан.

Австрийский посол фон Бухау. У нас в Австрии кажется напротив: выгоднее завести прямые сношения с Москвой и приобрести в ней союзника против Турции.

Иван. Любезные мои, не война с христианской Европой нам потребна, а торговля. Немало уж бедствий привела нам война. Ныне к бедствиям войны польской присоединилось опустошение отечества ханом крымским. Злобствуя на происк давно сгинувшего за измену сановника нашего Адашева, весьма самовольно хана разозлившего, и зная, что все наши силы на Западной границе, он ворвался в Россию и с помощью измен дошел до Москвы. Ныне же он вторично намерен прийти с дерзкими планами изгнать меня с престола.

Польский посол *(тихо)*. Царь весьма обеспокоен, и ему с трудом удастся это скрыть.

Иван. Любезные мои, я передал через послов о союзе с поляками против татар и турок. Также и с другими христианскими государями. Однако союзу тому вредит Швеция. Много лет воюю я один на один с Юханом шведским, который забрал в голову, что я намеревался отнять у него жену Катерину Ягеллонку, сестру польского короля. То невежество: я указал, чтобы мне выдали Катерину Ягеллонку, думая, что Юхан умер, чтоб отдать ее назад брату. Ныне имею православную царицу Анну Колтовскую. *(Обнимает и целует царицу)*.

Польский посол *(тихо)*. Испуганная девочка, что сидит рядом с царем, - нынешняя русская царица, четвертая жена. Ей столько же лет, сколько снохе Евдокии Сабуровой. Царю же уже за сорок.

Иван. Любезные мои, видя такое невежество шведского короля Юхана, я, царь, послал своих воевод из Орешка воевать в село Лебяжье и иные села. Однак, до большой войны с христианским

государством доводить не хочу. Повоевавши две недели, решил изъяснить готовность вести с Юханом мирные переговоры, учитывая и так уж опасное вторжение крымских войск для нас и для всего христианства. Попробовал я отпустить находящихся в заточении послов Юхана Третьего - епископа Павла и товарищей. Малюта, тут ли они?

Малюта. Тут, государь.

Иван. Пусть идут послы. (*Входят послы в оковах и кланяются*). Шведские послы Юхана Третьего, ты, епископ Павел, и товарищи, чего просите?

Павел. Просим, чтоб государь пожаловал, гнев свой утолил и рати свои унял, да войной на шведского короля нашего Юхана и на шведскую землю ноне не ходил.

Иван. Согласен временно до Троицы будущего года сделать мир и поход свой на шведских немцев отложить. Отправлю тебя, епископа Павла, со своей грамотой к шведскому королю, чтоб предложить мирные переговоры при условии, что Швеция передаст России Ревель, по-русски Кольвань, и все свои ливонские земли. Ныне же садитесь за стол, веселитесь вместе с нами. Снимите с них оковы! (*С послов снимают оковы. Они садятся за стол*). Веселитесь! Хор, пойте свадебные песни!

Хор. Что ж ты, ягодка-малинка, где ж ты, ягодка, росла? А я против пригорка росла, ясна солнышка и ручья.

Польский посол (*тихо*). Успехи царя Ивана в Ливонии получились благодаря полному бездействию Польши и Литвы. Наш король Сигизмунд Второй тяжело болен, и с его смертью прекратится династия Ягеллонов, а без королевы обещают хаос.

Немецкий посол (*тихо*). Но, может, нашествие крымских татар остановит московского медведя.

Литовский посол. С огорчением замечу, господа, что сами мы часто виновны в помощи московскому медведю. Ливонский дворянин Юрген Ференсбах завербовал среди ливонцев семитысячный отряд к русскому герцогу, князю Воротынскому, на Оку против татар.

Иван (*возбужденно*). Отче честные, архиепископ новгородский Леонид! Совокупи ты законным браком принца датского Магнуса с любезнейшей моей племянницей Марией. Принц Магнус, величайся с сией красотой до конца века своего. Тебя, Арцимагнуса, короля, я, царь, признаю королем Ливонии, и вся Европа должна признать. Также пожалуй тебе город Полчев и иные города. Ты ж по Божьей воле в своей вотчине вольный. Кого хотим, того и жалуем.

Магнус (*кланяется*). От меня и благородного короля Дании Христиана тебе, царю русскому, родичу нашему, от сердца благодарны.

Иван. Царица благоверная Анна да сын мой царевич Иван с женой Евдокией, и ты, царевич Федор, обнимите брата своего принца датского Магнуса с женой его, сестрой вашей Марией. (*Царевичи обнимают и целуют Магнуса и Марию*). Мы теперь родичи датских королей Фридриха Первого, что царствовал прежде, и Христиана Второго, что захватил Стокгольм и учинил избиение изменной шведской знати, как я учинил избиение своих изменников, ибо Шведское королевство выдвинулось из Датского королевства изменой. Отец нынешнего шведского короля Густав примчался из Смоланда со своими коровами, аки бессовестный мужик, и перебил бояр короля Христиана датского, а сам стал королем.

Немецкий посол (*тихо*). Русский царь перескакивает с одной мысли на другую и часто теряет разумную нить того, что говорит.

Польский посол (*тихо*). Он опьянел и выглядит нездоровым.

Австрийский посол. Я того не нахожу. В свои сорок пять лет он полон сил и довольно толст. Также и внешне красив: у него высокий рост, у него длинная густая борода рыжего цвета с черноватым оттенком, бритая голова, крепкие плечи. Более всего меня покоряет его царственная осанка. Однако при том на лице его большие бегающие глаза, которые смотрят иной раз с тревогой и испугом.

Иван. Рад я, что к нам входят христианских государей послы. На меня за то все мусульманские государства подняли войну. Моя ж давнишняя мечта - жить воедино с Европой. Особо с возмужания моего, со второй половины царствования моего, многие на Руси замечали, а иные неумы даже осудили, мою склонность к иностранцам и интерес к Западной Европе. Любезные мои, общение с Европой для меня семейная традиция - и дед, и отец поддерживали сношения с государствами Средней и Южной Европы. Объявление русских земель Новгорода и Пскова в подчинении сделало Москву соседом с немецкими, ливонскими и шведскими владениями. А родство с Палеологами привлекло в Москву фрягов, романских князей, италийцев. Начал я также

сношение с Англией, которую особо люблю и куда с грамотой отъехал английский посол. Ливонская война укрепила союз с Данией супротив наших общих врагов. Выпьем за союз России с Европой! (*Выпивает. Все выпивают*). Меня, любезные мои, интересуют не только родовые комбинации и торговля, но и культура Европы. Также техника, наука, религия. Впервые же такой интерес заимел после знакомства с минным делом, и с молодости, тому лет двадцать, как был между нами мастер под Казанью. Подкапывали с учениками. Тогда же велел немцу Гансу Шлите вербовать в Средней Европе техников для Москвы. Интересуюсь и лекарями медицинскими, также и аптекарями. Двадцать лиц, али более, пригласил медицинского звания. Однако этим приглашенным не удалось пробраться сквозь ганзейские и ливонские заставы, ибо есть такие в Европе, которые желали бы видеть Русь темной и в убожестве. Но другие медики приезжают через устье Северной Двины и Холмогоры. То англичане, сведущие люди. Из Англии приехал ко мне кембриджский доктор Елисей Бромлей, ныне царский медик и астролог, которого люблю и которому доверяю. (*Обнимает Бромлея*).

Бромлей. Рад служить твоей душе и телу, государь!

Немецкий посол (*шепотом*). Этот проходимец и интриган уже некоторое время играет большую роль при царе как медик и гадатель-астролог.

Польский посол (*шепотом*). Говорят также - составитель ядов для опальных людей.

Иван. Ведомо, любезные мои, - чья власть, того и вера. То утвердилось по всей священной Римской империи после Аугсбургского Собора. В Англии также произошло подчинение королевской власти. Говорят в Европе про наши жестокости, однако, мы положили на алтарь единства меньше крови, чем Европа. Аутодафе в Испании и Португалии, английское движение в Нортумберленде и Вестумберленде, парижская резня в ночь святого Варфоломея... Мы в России защищаем православие, защищаемся от подкопов врагов. Чести царской и церковной стояти воедино, потому и орел двуглав. Однако при том хотим мы единства и со всей Европой.

Немецкий посол (*тихо*). Если начинает говорить о своем царстве, начинает горячиться, будто с кем-то в споре, перед кем-то оправдывается.

Иван. Малюта, надобно написать грамоты ко всей хрестыанской Европе о единстве. Государям собраться бы вместе в Копенгоне у датского короля для разговора о едином союзе.

Малюта. Исполним, государь.

Иван (*с кубком в руках*). Написать цезарскому величеству римскому: милосердием ради милости Бога нашего, воеже посети нас, Восток, свыше и направити ноги наши на путь мирен, сего убо Бога нашего в Троице славимого милостию, мы, великий государь, царь. Польскому королю: Бога в Троице славимого милостию, мы, великий государь царь, брату нашему любительному, няяснейшему великому государю. Также и сестре нашей английской. Особо же к датскому королю, родичу нашему, брату нашему любительному и соседу, ради милости нашей, и к шведскому Юхану: Божьей милостью мы, великий государь, царь. Так же как и к графам, и к голландским статам нашего царского величества. к любым министрам и ратманам. Также к торговым людям, которые служат в моем царском промысле факторами. Ко французскому, к испанскому, к португальскому королям посольств и ссылок не бывало, и грамот ни о чем не посылали. То жаль. И, хотя прежде времени деда моего великого князя Ивана Третьего с французским королем бывали в ссылке, однако в нынешнее московское разорение и в нынешнее пожарное время письма все эти в московской Посольской избе погорели, и тех старых ссылок ведать нипочем.

Царевич Федор. Батюшка, вопрос имею.

Иван. Спрашивай, мальчик.

Царевич Федор. Для чего царь московский пишется в христианских государствах большими титлами, а в басурманских государствах теми титлами не пишется? Что есть тому за причина?

Иван. В тех государствах басурманских обычай писати себя - низить, а его - высити и называться холопами его.

Царевич Иван. Батюшка, не должны мы, Великая Русь, себя перед басурманами низити, называться холопами его. Были мы холопами басурманскими, татарскими чуть ли не триста лет. Против нового холопства надобно мечом стояти. И просил же я тебя отпустить меня на Оку к князю Воротыньскому. Пока ты, батюшка, царь, и мы с тобой хоронимся в далеком Новгороде, под Москвой, может, снова бой с татарами.

Иван. Неразумно ты говоришь, Иван-сын. Сам помысли, отчего неразумно!

Немецкий посол (*тихо*). По слухам, царь Иван в смятении. Уведомил Крым, что готов поступиться Астраханью в пользу хана, если тот согласится на военный союз с Россией. Но Крым считает уступку недостаточной, военный союз отклонил.

Польский посол (*тихо*). После сожжения Москвы крымцы, поддержанные турками, выдвинули план полного военного разгрома и подчинения русского государства. Что, панове, не так уж дурно было бы для Европы?

Австрийский посол. Мы в Вене с тем не согласны. Новая Золотая Орда, ныне к тому же мусульманская, стала бы страшной угрозой для христианской Европы. В битве на Оке может решиться судьба не одной лишь России, но и всей Европы.

Иван. Любезные мои, правительство наше сознает: разоренная страна одна не может вести борьбу с такими сильными противниками, как Крым и Турция. Потребна помощь Европы.

Немецкий посол. Государь, прежний канцлер Адашев предлагал все силы направить против татар и турок, оставив Ливонию в покое. Тогда получила бы Россия поддержку Европы. Не видна ли ныне правота Адашева?

Иван. Изменник Адашев да прочие изменники желали лишить нас нашей древней ливонской вотчины. Мы свое отдавать не желаем, и чужое нам не надобно. Любезные мои, мы мира желаем со всеми. Мы мирные грамоты желали бы послать ко всем султанам, писать с титулами повелителям: персидскому шаху с титулом, как к датскому королю, братством и соседством. У крымского царя титулов мало, писать его нужно также братством и соседством, также татарским письмом. Также государям иверской земли, карталинской, грузинским царям, и кабардинским, черкасским и горским князьям, и иным многим государствам, и землям восточным, и западным, и северным, отчичам и дедичам, и наследникам, и государям.

Царевич Иван. Батюшка, все те грамоты, кроме крымских, печатать большой государственной печатью. А крымскую печать особой печатью - вырезано: царь на коне победил змия.

Иван. Мужествен ты у меня, сын Иван. (*Обнимает сына*). Бог тебе в помощь. Бог прославит тебя чудотворным образом матери своей Пречистой Богородицы после того, как я, отец твой, от этой грешной мирской жизни отойду. Ныне же, пока я царь, веселись на этой свадьбе, и вы, гости, веселитесь в богохранимом Великом Новгороде. Выпьем еще для веселья по большому кубку! (*Чашники разливают вино*).

Польский посол (*тихо*). Царь от мучающих его страхов желает упиться.

Иван (*вопит*). Я, царь, весело отпраздную свадьбу племянницы с датским принцем. Ныне духовный праздник святого Афанасия. Вы, гости, чтоб плясали под напев псалма святого Афанасия. (*Хор запекает псалом святого Афанасия*). Молодых иноков ко мне! (*Подходят иноки*). Становитесь в круг. (*Иноки становятся в круг с царем*). Я, государь, в свои сорок пять лет отплясывать буду наравне с молодыми иноками! Пляска с жезлом! (*Пляшет, размахивая жезлом*). В такт пляшите, в такт пляшите! (*Отбивает такт по головам иноков железным жезлом*). По головам иноков такт отобью! (*Поет*). О, владыка, царю наследник, силы небесного царства твоего. (*Пляшет*).

Малюта. Государь, гонец из Москвы. (*Входит гонец*).

Иван (*оборвав пляску, тревожно*). Что там?

Гонец. Государь, хан Девлет Гирей с крымцами и ногайцами июля тринадцатого появился на русской Украине.

Иван (*тревожно*). Где он теперь?

Гонец. Хан подошел к Оке.

Иван (*испуганно*). Татары опять на Оке! (*Пошатнулся. Его подхватывают*). Неужели все пойдет прахом. Пропала Русь...

Царевич Иван. Батюшка, захворал ты.

Царевич Федор. Лекарей к царю!

Бромлей (*подходит к царю, смотрит его*). У царя корчи и трясновение. (*Царя уносят. Общее смятение*).

Занавес

Сцена 37

Новгород. Царская спальная палата. Царь лежит на постели. Возле него лекарь Бромлей. Тут же Малюта Скуратов.

Бромлей. Возьми, государь, сей бальзамус.

Малюта. Ну-тка, дай. *(Берет склянку с бальзамом, нюхает).*

Бромлей. Государь, сей бальзамус от московской английской аптеки Джеймса Френшама сделан, ему доверять можно.

Иван. Из чего сделан?

Бромлей. Из камфоры, уксуса, ревеня, трав и прочих деревьев.

Иван *(выливает)*. Но болезни по церковному понятию есть наказание за грехи, да и прочие беды также. Великие мои грехи и беды. Малюта, нет ли гонцов из Москвы?

Малюта. Последнее известие, государь: стычка со сторожевым полком воеводы Ивана Шуйского. Более известий нет. Распутица на дорогах, гонцы тихо едут. Больше ехать не могут.

Иван *(вздыхнув)*. Тяжко сердцу и душе, милые мои. Хочу писать завещание.

Малюта. Государь милостивый, отчего завещание? Жить тебе и царствовать, и здравствовать на благо на многие годы.

Иван. Хочу завещание сказати! Пусть придут сыновья мои и царевич Иван со сватом.

Малюта. Исполним, государь, как велишь.

Иван. И царица Анна, тако же и переписчики, и духовник Евстафий.

Малюта. Исполним, государь.

Иван. Елисей, что извещают звездные планеты? Только скажи истину!

Бромлей. Звезды, государь, неблагоприятно расположены и предвещают тебе всевозможные беды.

Иван. Чую я то. Все за грехи мои, за тяжкие грехи мои. Елисей, есть ли путь к спасению?

Бромлей. Надобно составить новую пасхалию, государь. Напишу я вхождение во времена, поставлю круги солнечные и лунные, чтоб затем стараться открыть путь к спасению.

Входит Малюта, с ним царевичи Иван и Федор, царица Анна и два переписчика, и духовник.

Иван. Милые мои сыновья да ты, царица Анна, и духовник мой отец Евстафий, садитесь подле меня, слушайте завещание.

Царевич Федор. Тяжко тебе, батюшка.

Иван. Тяжко, мальчик. Дыханию тяжко, ауры, сиречь воздуха, мало.

Анна. Господин мой государь любимый, не запьешь ли иссопа? Иссоп - то ароматное растение, из которого настойки делают для ритуала и для лечения прискорбной болезни хворой корчи. *(Протягивает склянку).*

Малюта. Ну-ка, дай! *(Перехватывает склянку, нюхает).* Государь уж попил бальзаму. *(Выливает настойку в таз возле постели).*

Иван. Прошлая жена моя, Марфа Собакина, забавница-колдунья была. Родичи той царицы, особо дядя ее Варлаам Собакин, подучили греху. Варлаама племянница хотела меня с детками чародейством извести, да Бог меня от них укрыл. Их злодейство открылось, и потому сталося. Сиречь их казнили. Трое было казнено. Так, Малюта?

Малюта. Истинно так, трое казнено.

Иван. Дядя же по раскаянии сослан в монастырь. Малюта, пострижен ли Варлаам?

Малюта. Пострижен в дальний северный монастырь, государь, под крепким надзором.

Иван. Третья моя женитьба на Марфе Собакиной принесла гибель многим из ее родичей. А в том и мой грех, что на чаровнице женился.

Малюта. По заговору и покушению Собакиных на тебя, государь, дело продолжаем.

Иван. Не надобно далее. Закрой дело, Малюта. Всепрощения хочу. Милые мои, в сем завещании не услышите вы грозного голоса самодержца, обличающего бояр, но слабый голос кающегося грешника измученного.

Первый переписчик. Государь, писать-то, что говоришь?

Иван. Пишите. Духовные царя и великого князя Ивана Васильевича самодержца всероссийского. Во имя Отца, Сына и Святаго Духа, святых и живоначальных Троицы и ныне, и присно, и во веки веков, аминь. И по благословению отца нашего Антония, митрополита Всея Руси, се аз многогрешный и худый раб Божий Иоанн, пишу сие исповедание своим целым разумом. Но понеже разума нищетою содержим есть, и от убогаго дому ума моего немногих представи трапезы, пищи

ангельских словес. Понеже ум мой иступился, тело мое изнеможено, болезнует дух, струпья телесные и душевные умножаются. (*Поднимается, садится на постели*). И не сыщу врача, исцеляющего меня, не сыщу, кто со мной поскорбит, утешит, воздавши мне за возлюбление мое. Но и зло, и ненависть вижу кругом.

Царевич Федор. Батюшка, почто так говоришь? Мы, сыны твои, тебя любим. Ведь так же, Иван?

Царевич Иван. Так-то, батюшка, мы тебя любим.

Анна. И я, жена твоя, господин мой любимый, тайная, сердечная, едина с тобой.

Иван. Не говорите так, милые мои. Не сыщу, кто со мной поскорбит.

Второй переписчик. Государь, сие также писать?

Иван. Пишите. Кто со мной поскорбит и утешит, приобрету, ибо душою осквернен и телом покаян.

Против иерусалимских Божественных заповедей к иерихонским страстям пришел! И не житейского ради подвига жил, а прельстился мира сего пущей красотой. И багрянице светлостей и златоблещанию предался умом. И в разбойники впал мысленным и чувственным помыслом и делом. Сего ради ненавидим всеми есть. От благодати совлечен, и ранами душевными исполумертв оставлен. Хоть еще и жив, но Богу скаредными своими делами паче мертвеца смраднейшего и гнуснейшего. (*Плачет*).

Первый переписчик (*испуганно*). Государь милостивый, сие писать ли?

Иван. Пишите. Понеже от Адама до сего дня всех преминух в беззакониях согрешивших. Каиново убийства прешед, Ламеху уподобился, первому убийце, Исаву последовал скверным невоздержанием, Рувиму уподобился, осквернившему отчее ложе блудом своим. Разумом растлен, скотен умом, осквернен желаниями и неподобными делами, рассуждениями убийства и блуда, и всякого злого деяния. Язык мой полон срамословий, сквернословий и гнева, и ярости, и невоздержания, и голова моя гордости и чаянья высокоглаголего разума полна, руки истязания неподобного и грабления ненасытного, и убийства. Помыслы всяким скверным и неподобным осквернены, объеданием и пьянством, и чрезъестественным блужением, сквернодеяниями и иными подобными глумлениями. А по множеству беззаконий моих Божьим гневом изгнан есмь от бояр самовольства их ради. Ныне же от татарского нашествия.

Первый переписчик. Государь милостивый, что означает се изгнание? Лишение ль престола?

Иван. Здесь изгнание не значит лишения престола, но ненависть на меня. В духовной я ясней всем скажу, но месть запрещаю. Пишите: а что по множеству беззаконий моих Божьим гневом распрощавшимся изгнан есмь от бояр самовольства их ради, от своего деяния и скитаюсь по странам. Ныне ж изгнан от татарского нашествия.

Второй переписчик. Государь милостивый, что означает сие скитание?

Иван. Скитание свое именую: соизволил от страха бунтного жить в городе Старице, а более в Александровской слободе. Также и с сынами своими царевичами. Ныне ж изгнан из стольной Москвы. Сыны мои, царевичи Иван и Федор, подойдите ко мне, мальчики. (*Сыновья подходят. Царь обнимает их*). Се заповедую вам - да любите друг друга, и Бог, мир да будет с вами. То всего больше знайте. Православную христианскую веру держите крепко и за нее страждите крепко и до смерти, а сами живите в любви, а воинству поелику возможно навькнете. А как людей держати и жаловати, и от них беречься, и во всем их умети к себе привлекати, вы того навькнете же. А людей бы есте, которые вам прямо служат, жаловали и любили их и они прямее служат. А которые лихи и вы бы на тех опалы клали не вскоре, по рассуждению, не яростью. А всякому делу навькайте - и божественному, и священному, и иноческому, и судейскому, московскому пребыванию и житейскому, всякому обиходу, и как которые чины ведутся здесь и в иных государствах. Здешнее государство с иными государствами что имеет, то есть бы сами знали, также и в обиходах во всяких, как кто живет и как кому пригоже быти, и в каковой мере кто держится, тому всему научены были. Ино вам люди не указывают, вы станете людям указывать. А чего сами не познаете, то люди подскажут. Вы не сами станете своим государством владеть, а с людьми. Дети мои Иван да Федор, всячески отговариваю вас от поступков, которые по грехам своим делал сам. Ныне я, царь, мыслю, что всякие деления страны на какие-либо части пагубны. Докудова вас Бог милует от бед, вы ничем не разделяйтесь. Люди бы у вас заодно служили, и земля бы заодно, и казна бы у всех заодно была. И то вам прибыльнее. А ты, Иван-сын, береги сына Федора, чтоб ему ни в каком обиходе нужды не было. А ты бы, Федор-сын, Ивана-сына слушал. А ты бы, сын Иван, моего сына Федора и своего брата младшего держал бы, берег и любил, и жаловал бы его, добра ему хотел во

всем, как себе хочешь. А ты, сын мой Федор, держи сына моего Ивана в мое место, отца своего, и слушай его во всем, аще Христос будет посреди вас для вашей любви и никто не может вас поколеблети. Вы будете друг друга стена и забрало, и крепость, ибо рече апостол Павел: аще кто ближних своих не помышляет, веры отверглся, и есть неверного горши. Бога любите от всего сердца и заповеди его от всего сердца творите. И вы, дети мои Иван и Федор, Божьи заповеди и евангельские усердно послушали. И моего наказания и повеления. Поняли, что сказал?

Царевич Иван. Поняли, батюшка. Чтоб мы оба были нераздельны.

Иван. Ежели раздельны были бы, то лишь вотчинами и казнами, а сердцем и любовью были бы нераздельны и никто никому ни в чем не завидничал. И хотя по грехам, что и на ярость придет, вы бы творили по апостолу Господню. Правду и равнение давайте тем рабам своим, послабляюще прощение, яко и вам Господь на небесах. Так бы и вы делали во всех опалах и казнях, там, где возможно по рассуждению и по милости. Нас, зародителей своих и прародителей, не токмо в господствующем граде Москве, но и в гонении и в изгнании, в Божественных литургиях и в панихидах, и в ратях, и в милостынях к нищим, и в пропитании, поелико возможно, не забывайте, сыны мои. *(Ложится на постель, кашляет).*

Царевич Федор *(с тревогой).* Утомился ты, батюшка.

Иван *(слабым голосом).* Отец духовный протопоп Евстафий, иди сюда. *(Духовник подходит).* Благословляю сына моего Ивана на престол животворящим деревом большим царьградским. Да сына же своего Ивана благословляю на престол Петра чудотворца, которым чудотворец благословил прародителя нашего великого князя Ивана Даниловича и весь род наш. Да сына своего Ивана благословляю царством русским, шапкою мономаховою и всем чином царским, что прислал прародителю нашему царю великому князю Даниле Мономаху царь Константин. Истинно сына же своего Ивана благословляю своим царством русским, чем благословил меня отец мой и великий князь Василий. А что прежде пожаловал голдовника своего короля Арцимагнуса, сиречь принца датского Магнуса, престолом русским, то отменяю. А что пожаловал голдовника своего короля Арцимагнуса своей вотчины лифляндской земле, городом Полчевым и иными волостями и селами, то служит по нашей жалованной грамоте сыну моему Ивану. А отойдет куда-либо и город Полчев, и волости, и села, то город Полчев и волости, и села отойдут сыну моему Ивану. А что дал королю Арцимагнусу в заем пятнадцать тысяч пятьсот рублей денег, московское число, из тех денег король Арцимагнус заложил у меня в ливонской земле город Варну, город Преков, город Смилтен, да прочие. И мой Иван те деньги или за те деньги города, которые в деньгах заложены, возьмет себе. А сыну моему Федору до того дела нет. Сыну же моему Федору, благословив, даю город Суздаль, город Шую, город Кострому, город Углич, город Ярославль, город Козельск и Серенеск, город Волоколамск с волостями, с путями и селами. А что по Божьей воле взял у брата своего Жигмонта Августа, короля, своей вотчины город Полоцк, и тем городом Полоцком благословляю сына моего Ивана. И держите, сыны мои, Иван, то все по перемирным грамотам с Жигмонтом-королем. Так уж с Божьей помощью, своим личным завоеванием взял я казанские и астраханские царства. И то держи, Иван. Сыны мои, вспомнив гибель брата моего Владимира Старицкого по грехам моим, объявляю женой и отроковицей крестной моей город Тверь. Ты, Иван, чтоб не подыскивал удела царевича Федора, а на него лихо ни с кем не ссылался. Даже ежели тот поступку какую учинит, и ты бы его наказал и пожаловал, а до конца бы его не разорял, а ссылкам чужим отнюдь не верил, занеже Каин Авеля убил, а сам не наследовал же. Дай-ка клятву, целуй крест.

Царевич Иван. Даю, батюшка, клятву на святом кресте. *(Целует крест в руках у духовника).*

Иван. И ты, Федор-сын, должен быть с царевичем Иваном заодно, и с изменниками и лиходеями не ссылатся. Клянись и целуй крест.

Федор. Клянусь, батюшка. *(Целует крест).*

Иван. А что по грехам жен моих Марьи и Марфы не стало, вы бы жен моих Марью и Марфу аки своих благодетелей матери поминали бы со всеми своими родителями незабвенно, матери нашей великой княгине Елене и жены моей, а вашей матери Настасьи Романовой, а живая ныне Анна чтоб почиталась. Да благословляю жену свою Анну. Поди сюда, Анна. *(Анна подходит. Иван обнимает ее).* Даю ей город Ростов с волостями, путями и селами, и со всеми пошлинами.

Анна. Любимый мой муж, государь мой! *(Целует Ивана).*

Иван. Особо же скажу про воеводу Михайло Воротынского, что стоит ныне против татар при нашем благословлении. А князю Воротынскому ведать третью Воротынска да городом Перемышлем, да

городом Одоевым, да городом Новосиль, а служит князь сыну моему Ивану. И что отец наш князь великий Василий Иванович Всея Руси пожаловал князя Федора Мстиславского, и что тот передал сыну своему земскому боярину князю Ивану, то сын мой Иван в ту вотчину не вступался бы. Земские ли, опричные ли - едино берегите. Малюта, не та ныне опричина?

Малюта. Не та, государь великий.

Иван. Опричина должна та, что прежде - монашеское братство во главе с игуменом Иваном, Афанасием Вяземским, пономарем Малютою. Иные же опричники ведущие, как Афанасий али Басманов собачьим образом изменили, за что казнены, потому оставляю саму опричину, чтобы смотрели своих сыновей. Пишите: а что учинила опричина по воле детей моих Ивана и Федора, как им прибыльнее и чине, а образец им учинен готов. *(Лежит молча, тяжело дышит).*

Бромлей. Государь, прими еще бальзаму. *(Подает склянку. Царь Иван выпивает).*

Иван. А ныне приказываю свою душу да сына своего Федора отцу своему, богомольцу Антонию, митрополиту Всея Руси, да тебе, сыну своему Ивану, наследнику моему. А кто сию мою душевную грамоту порушит, тому судья Бог, и не будет на нем мое благословение. А у сей моей душевной грамоты сидел духовник мой протопоп благовещенский отец Евстафий. Утомился я. Идите все с Богом. Ты ж, Малюта, останься. *(Обнимает и целует сыновей своих. Все уходят).* Малюта, ежели татары возьмут Москву и пойдут на Новгород, готовы ли суда для отплытия в Англию?

Малюта. Готовы, государь. Перегружать ли казну из ярославского двора на суда?

Иван *(после паузы).* Не знаю. Тяжко душе о деле.

Малюта. Государь милостивый, мы, верные твои псы, всегда с тобой.

Иван. Не про псов говорю! Нет мне верных людей. Да и верных псов мало.

Малюта. Государь, перегружать ли казну на суда?

Иван. Подожди еще, авось, Бог поможет. Елисей Бромлей сказал, пасхалью составит новую, авось и звезды принесут спасение. Иной раз в одиночестве люблю я вспоминать моменты строения великой державы. Неужели пойдет все прахом, станем вновь татарскими идольниками, Русь будет зваться татарскою, и править будут нами из Орды?! *(Лежит молча).* Сие завещание составил ради бесподобий, которые могут со мной случиться в самое ближайшее время. *(Лежит молча, тяжело дышит).*

Занавес

Сцена 38

Поле у деревни Молодень близ берега реки Лопаси. Стоят войска. Воевода князь Воротынский оглашает воззвания и хоругви.

Воротынский. Воины православные, тут, у деревни Молодень, в сорока пяти верстах от Москвы, посрамим татар, али ляжем костью за Русь.

Слышен топот коня. Вбегает гонец.

Гонец *(говорит прерывистым голосом).* Князь Воротынский, крымский царь Довлет Гирей пришел со многими людьми, со многим воинством, перешел реку Оку, в трех местах перелез, да передовой отряд ногайского мурзы Тибердея идет на Москву.

Воротынский. Когда пришел Тибердей?

Гонец. Тибердей пришел на Сенькин перевоз в ночь против недели. По сю сторону Оки-реки стояли двести голов детей боярских. Они тех детей боярских разгромили, оплеть исподкопали, да прошли по сю сторону Оки.

Воротынский. В те поры где стояли большие воеводы?

Гонец. В те поры большие воеводы стояли против крымского царя, от Серпухова три версты. Ныне идут сюда.

Второй гонец *(вбегает).* Воевода князь Воротынский, крымский царь велел стреляти из-за Оки из полкового наряда по нашим, по русским полкам.

Воротынский. Ответного огня не открывать. Сколько их перешло на сю сторону?

Второй гонец. Не меньше двух тысяч.

Воротынский. До вечера есть два часа. Мыслю, крымский царь и в вечер, и всю ночь оставит на том месте две тысячи татар и велит им с нашими воеводами травиться, а сам ночью сией на том Сенькином перевозе объявится. *Входят воеводы Хворостинин и Хованский.*

Хворостинин. Главный воевода князь Михайло Воротынский, Тиберда мурза пошел под Москву и отнял все дороги около Москвы.

Хованский. Татары пошли к Туле, пытались перейти Оку выше Серпухова, ныне же возобновили нападение. Ногайцы у Сенькина перевоза захватили броды.

Воротынский. Куда направляются татары?

Хворостинин. Направляются на север.

Хованский. Хан Довлет по северной дороге пошел к Москве. Передовыми отрядами командуют сыновья хана.

Воротынский. Мой большой полк и твой, воеводы Дмитрия Иваныча Хворостинина, да полки правой руки, пойдем за крымским царем, и сторожевой полк с немцами, стрельцами и казаками станет у деревни Молодень, у Гуляй-города. Учнем с ними, татарами, дело делати. *(Слышны конское ржание, выстрелы, барабанный бой.)* Воевода князь Хворостинин, ударь Тибердею навстречу, потом отступи, завлеку татар.

Хворостинин. Догоню сторожевой полк татар до ханской ставки. *(Уходит.)*

Воротынский. Солнце меркнет во дне сием и в светлую кровь превращается. Кровава будет ночь.

Шум битвы.

Занавес

Сцена 39

Ставка крымского хана. Поле. Горят костры. Слышен шум битвы. Хан Довлет Гирей сидит на подушках.

Довлет Гирей. Москва уже разорена была прежде пожаром. Ныне на дым спуцу все царство московское. *(Кашляет.)* Дурная земля русская - сырость, болото. Мурза Гирей, отчего в болоте стали?

Гивей. Великий хан, тут кругом реки и болота, а на холме возле деревни русские крепость подвижну сделали - "Гуляй" по-русски. Туда не пройти без боя.

Довлет Гирей. Сколько мы за ночь верст прошли?

Гивей. Семь верст, великий хан. А стали тут за рекой Пахрой.

Довлет Гирей. Я, хан крымский Довлет Гирей, за рекой Пахрой прошел семь верст, и вынужден остановиться в болоте со своими людьми. Такое терпеть не буду. День стояли мы под Пахрой, теперь отойдем. А к утру воротиться надобно и начать решительно из-за Пахры битву.

Слышно конское ржание. Вбегают крымские царевичи.

Первый крымский Царевич. Государь-отец мой, русские близко, домчали нас до твоей ханской ставки. В двух местах бой.

Второй крымский Царевич. Государь-отец мой! Ты, государь, идешь на Москву, а нас московские люди сзади побили. А на Москве, государь, не без людей же будем!

Довлет Гирей. Вам ли, царевичам крымским да моим мурзам страх иметь перед свиноядцами? Гивей, послать помощь двадцать тысяч татар, да ты сам с ними иди.

Первый Царевич. Домчим русского воеводу до русской Гуляй-крепости!

Второй Царевич. Велик Аллах! *(Уходит.)*

Довлет Гирей. Плохая земля русская, сырость и болото. *(Кашляет.)* Кудияр! *(Входит Кудияр Тишенков и кланяется.)* Расписал ли ты русскую землю?

Кудияр Тишенков *(кланяется).* Расписал всю, крымский царь. А есмь царь наш крымский. А тебе, государь, у нас сидети в каменной Москве. А сыну твоему - во Владимире. А племяннику твоему - в Суздали. А сродичу - в Звенигороде. А боярину Конюшенному держать Рязань старую.

Довлет Гирей *(кашляет).* Плохая земля русская, для холопов земля. Жить тут не будем. Дань собирать будем. Пойдем в Крым. Нас, татар, Аллах поселил в Крыму, в земле благодатной. Лишь дремать начинаю, среди московских болот, вижу себе Бахчисарай, дворец садов, золотые фонтаны,

мраморные ограды гаремного сада, ханское кладбище в Тюрьбе, гробницу хана. Святая земля для правоверных, а оттуда, из Крыма, будем Русью желтоглазой управлять. Помогите нам, Аллах.
Шум битвы.

Занавес

Сцена 40

Крепость Гуляй-город. Шум битвы.

Воротынский. Ты, Юлий Ференсбах, с ливонцами и прочими чужеземными гофлянами, наемными людьми немецкими, станешь на левом краю Гуляй-крепости, да бейтесь уж как можете.

Ференсбах. Герцог Воротынский, мы, гофлейты, на службе уж докажем свое солдатское мастерство.

Воротынский. Атаман Мишка Черкашин да вы, есаулы Петруша Пронец и Васька Рожа, да прочие, сколько с вами приехало казаков, сидеть в Гуляе, не посрамите Дона и иных рек своих.

Михаил Черкашин. Воевода князь Михаил Воротынский, я клятвой своей, атаман, старшина казачий, клянусь, как станут мурзы с пашами над Гуляй-городом промышленяти и над нашими казацкими головами, что не посрашим Дона и иных рек наших.

Петруша Пронец. Я, Петруша Пронец, с есаулом своим биться буду за веру христианскую.

Васька Рожа. Я, есаул Васька Рожа, не впервой сражаюсь с тюркской народностью, да с ними же, с пашами и мурзами, да с пришедшим из Крыма крымским царем, да братьями ханскими царевичами и калгами крымскими и ногайских князей ордою. Биться будем с ними, собаками, оголтело. Про то клянусь.

Воротынский. Ты, стрелецкий голова, поставил ли всех людей своих, как велено, у подножья холма?

Стрелецкий голова. Главный воевода князь Воротынский, как велено, у подножья холма за речкой Рошей три тысячи стрельцов поддерживают воевод на пищалях.

Воротынский. Центр нашей обороны - холм на вершине Гуляй-города с наспех вырытыми рвами. Тут нам стоять и воинству христианскому против Орды по обе стороны моря собраны, сюда идти басурманам, словно с лопатой и заступом, чтобы нас, воинов христианских, и следом всю Русь, живьем закопать.

Стрелецкий голова. Там, где твоя голова, князь, ляже, там и наши головы лягут. Нет большего позора для дружины вернуться с поля сечи, когда пал князь.

Воротынский. Воины наши, ратники, буду стоять во челе, и первый начну битву.

Стрелецкий голова. Как раздастся боевой клич, потягнем по князю, следом за тобой.

Воин (вбегают). Воевода князь Воротынский, крымский царевич мчит полк князя Хворостинина до города до Гуляя.

Воротынский (кричит). И князь Дмитрий чтоб посторонился полком города Гуляя направо. *(Конский топот.)* В те поры из-за Гуляя велю стрельцам из пищаля по татарским полкам бити, а пушкарям-из большого снаряда, из пушек бити.

Сильная стрельба, крики. Татары поворачивают.

Воротынский. Воины православные, залпы пушек в упор заставили татарскую конницу повернуть. Пойдем же на вылазку. *(Вытаскивает меч.)* За церкви Божьи, за все государство московское и за имя царское!

Стрельба, крики. Все заволакивает дымом.

Занавес

Сцена 41

Поле у крепости Гуляя. Татарский стан. Шум битвы.

Довлет Гирей. Кровопролитное сражение до вечера, а вестей о победе нет.

Мурза Сулеш. Бой тяжел, великий хан. Из крепости шибко стреляют и на вылазки ходят.

Вбегают царевичи.

Первый Царевич. Государь-батюшка, побили нас!

(Опускается на землю.)

Довлет Гирей. Что, испугались людей московских, свиноядцев! Поехали ко мне, хану, то учиняете, говорите непотребное!

Второй Царевич. Ты, государь, идешь к Москве, а московские люди нас побили! Ногайских и крымских людей из снаряда!

Первый Царевич. Потери наши, татарские, велики. Погибли предводитель ногайской конницы Тиберда-мурза и трое знатных крымских мурз.

Довлет Гирей. Где главный воевода Довлет-мурза?

Второй Царевич. В плен захватили главного воеводу Довлет-мурзу. В плен попал и астраханский царевич.

Довлет Гирей *(гневно)*. Бросить в бой еще двенадцать тысяч крымцев и ногайских всадников! Выбить Довлет-мурзу и астраханского царевича у русских!

Кудияр Тишенков. Всемогущий царь крымский, позволь мне сказать.

Довлет Гирей. Говори.

Кудияр КТишенков. От лазутчиков знаю: в Гуляй городе запаса продовольствия мало. Ныне же иссякло. Да стены Гуляй-города неустойчивы - их руками перекинуть можно, ежели братья за дело приступом и подкопом.

Довлет Гирей. Так возьмем. Осадить крепость в три ряда от реки и до холма вкруговую.

Кудияр КТишенков. Всемогущий царь крымский, как почнется среди московской армии особый голод, людям и лошадям, то послать меня толмачем. Я, государь всемогущий крымский царь, сам донской казак, да знаю - особо казакам дорога ли честь царя русского. Много уж царские воеводы нас перевешали, казаков. А ныне надобно ли нам за царя стояти до смерти?

Довлет Гирей. Поставить туры и осадную артиллерию, громить день и ночь, обложить строем пехотным, а потом строем конным и снова пехотным. И так восемь рядов. А русским сказать: берегитесь, не покоритесь правоверным - смерть головам вашим, и дома ваши прикажу разорить, имущество разграбить. Эх, благородный Аллах, Москву возьму, Русь возьму, царя русского в Крым увезу, - так я султану обещал. А не возьму, то заложу свою ханскую саблю.

Сулеш - мурза. Всемогущий хан, ночь кончается и наступает утро, и приближается время первой молитвы.

Довлет Гирей. Станем, правоверные, молиться, чтобы Аллах послал нам победу. *(Начинает молиться.)*

Занавес

Сцена 42

Крепость Гуляй-город на холме и поле перед ней. На поле выходит Кудияр Тишенков в окружении татар.

Кудияр Тишенков *(кричит)*. Воины русские, который уж день и ночь длится у вас осадное сидение! Ведомо, что в городе Гуляе запасы продовольствия иссякли, в армии почал быти голод людям и лошадям великий. Царь же ваш русский Иван, хороняка и бегун, сховался в Новгороде, пока вы тут кровь понапрасну льете. Особо же казачество, которое царь московский испокон изводил, за гадов их почитал, ибо я так уж донской казак Кудияр Тишенков, однак ж служу истинному государю, царю крымскому!

Васька Рожа *(на стене Гуляя)*. Воевода князь Михайло Воротынский, почать ли бить из пищалей по татарам, зрадника срезать?

Воротынский. Хай кричит зрачник, испытывая нашу верность царю.

Кудияр Тишенков. О, люди Божии царя небесного! Кому преподносите обиды великие и страшные грубости! Взявши Гивея-мурзу да царя астраханского и побив воинов крымских, наступили вы на велику десницу высокого государя-царя, от руки его страшной птицей ли вам из Гуляя лететь? Осаждены вы теперь накрепко, а если только вы из Гуляя-города без помощи не выйдете, поклонившись царю крымскому, не можете завтра от нас живы быти. Кто вас может, злодеи-убийцы, укрыть и заступит от руки его, царя крымского, таки сильной и от великой, таки страшной непобедимой силы его, царя крымского, чтобы вы, казаки, он, великий государь

крымский, царь - не убийца вашему брату вору, казаку и разбойнику, ему бы то царству крымскому честь достойную, что победил-де царя великого и равно своей чести, а ваша ему не дорога кровь разбойничья. Даст он вам золото и серебро, чтоб шли вы вон из Гуляй-города в свои городки казачьи, а на отходе ничем вас не тронет, а ежели вы пересидите в Гуляе ночь сию через царскую таку милостиву речь и заповедь, примет город Гуляй и вас в нем, воров-разбойников вместе с иными людьми московскими муки лютые и грозные, раздробит всю вашу плоть, вашу разбойничью, на крошки дробные, холопы московские. Нет стольких волос на головах ваших, сколько сил крымских и ногайских под Гуляй-городом! Видите вы, глупые вору, его великую несчетную силу, как они покрыли все поле ваше, не могут, чаю, и с высоты города очи ваши видеть другого краю сил наших, хотя бы вас, воров, сидело сорок тысяч, и на силы с пашами и мурзами под вас послано триста тысяч. Не перелетети через нашу силу никакой птице. Вам, вора и холопам, даем ведать, что от царства вашего московского никакой помощи и выручки не будет, ни от царя, ни от человек русских. Запаса вам хлебного не пришлют, а царь ваш русский, трусливый хороняка и бегун, сидит в Новгороде, хочет сам бежать в заморские земли. Крымский царь на Новгород пойдет, царя русского поймает и повезет в клетке в Крым. Вы ж, воеводы, холопы и казаки, выходите мирно, а не грубо, и крымский царь, и мурзы, и паши отпустят вас, обогатив многих несчетным богатством. Выходите и кланяйтесь царю крымскому, особо ты, московский воевода князь Воротынский. Захочешь, царь крымский сделает тебя великим мурзой, даст тебе платье свое злогоглавое, печать подаст золотую с царилом и клеймом своим. Одумайтесь, воины русские, не сидите в Гуляе против нашей силы, ведая наше свирепство, бесстрашие и гордость.

Васька Рожа. Воевода князь Михайло Иваныч Воротынский, дозвожь мне, казачьему есаулу Ваське Роже, ответить за войско православное, а особо за казачество.

Воротынский. Говори, Васька Рожа.

Васька Рожа (*кричит*). Ответ наш православный, также казачий, из города Гуляя крымским, ногайским и разных иных языков людям. О, прегордые и лютые варвары, видим мы всех вас до сих мест, ибо вас ведаем, как впрямь людей басурманских много, что травы на поле или песку на море. И пришли вы сюда для смерти нашей, и то вам, басурманам, давно ведомо, что по сию пору никто наших зипунов даром не изымал с плеч наших. Ваш царь крымский назвал отвысока сам себя, будто он выше всех земных царей, а мы - люди Божьи, надежда у нас вся на Бога и на мать Божью Богородицу, и на иных угодников, и на всю братию, воинство православное, и на товарищей своих. И то нас выручит. А холопы мы природные, государям нашего христианского царства московского, а нас, казаков, никто живых не изымал. Вас же, басурман, не раз били и побьем всех до единого. Где у вас его крымского царя рати великие, теперь в санях ревуты славятся, а завтра в том месте у вас будут вместо того ваши горести лютые и плачи многие, лягут от рук наших ваши трупы многие, ибо гордому басурманскому царю крымскому Бог противится. Равен он собаке смрадной, пес ваш крымский царь. Как он, басурман поганый, смеет в титулах писаться выше царя православного? Да вы же, басурмане, нас жалуете, что с Руси не будет к нам запаса хлебного и выручки, а мы просто без вас, собак, ведаем, какие были в московском государстве Руси люди дорогие, а государство московское многолюдно, велико и пространно, сияет светло посреди паче вас иных государств и орд басурманских. А государь наш великий и праведный царь и великий князь Иван Васильевич Всея Руси. Пришли вы, басурмане, Москву, Русь разорять, а будет вам ваших басурманских кровей разлитие и грязь ваших басурманских разорений! (*Свист*).

Воротынский. Быть готовым на все, особо вы, пушкари.

Первый пушкарь. Князь Михайло Воротынский, мы, пушкари, у пушек у затинных и у затинных пищалей малого калибра все крестное целование прошли, клятву дали.

Второй пушкарь. У них, у басурман, весь наряд прикован на цепях, боятся, чтоб мы, на вылазку вышедши, того снаряда не отбили и в город не взяли. А мы вольно стоим.

Воротынский. Ты, Алалакин, из сторожевого полка взял в плен крымского большого мурзу Гивея, не посрамись и ныне, стань с людьми своими Гуляя.

Алалакин. Не посрамимся, воевода князь Воротынский.

Воротынский. Ты, Юлий Ференсбах, со своими немецким умом и немецким помыслом, да люди твои наемные, уж послужите общему делу христианскому!

Ференсбах. У нас в Европе всякое ремесло в чести стоит. Честью постоим своей наемной в солдатском ремесле.

Воротынский. Ты, стрелец, Абрам Сидельников, хочу послать тебя гонцом в татарский стан, чтоб во время сражения Довлет Гирей взял тебя в плен, гонца, и повезешь грамоту лживую, написано: идет рать новгородская многая, царя нашего будто посланная, пусть держится крепко, я, царь, хочу послать ему и воеводе Воротынскому в помощь короля Магнуса и сорок тысяч конных.

Абрам Сидельников. За дело святое не убоюсь и смерти, на пытке стоять буду крепко. А поможет нам святая Богородица! *(Крестится.)*

Воротынский. И вы все, воины православные, мужайтесь и не ужасайтесь. Братия! Отведите весь страх от себя. Не поясти вас, николы, басурманский меч. Положите упование на Бога. Примите венец нетленный от Христа, а души ваши примет Бог. *(Шум.)* Братья, татары почали приступ, станем против них! *(Вытаскивает меч. Гром орудий.)*

Крики. Татаровье, пришедши к Гуляю, берется руками за стены, чтоб Гуляй опрокинуть!

Воротынский *(кричит).* Секите руки татарские!

Шум. Крики.

Занавес

Сцена 43

Крепость Гуляй-город. Дым и пламя. Лежат трупы русские и татарские.

Лежат отсеченные головы и руки.

Воротынский. Много ли polegло?

Голова. Много, воевода князь Михайло Воротынский. Три тысячи стрельцов, те, что стояли у подножия холма за речкой Рожной и поддерживали воевод на пищалях, polegли на поле боя все до единого.

Атаман Михаил Черкашин. И казаков наших много polegло, пушкарей наших затынщиков.

Хворостинин. Да много polegло детей боярских.

Воротынский. Братья, велика рать татарская и свирепость их велика. Никак не постижимо уму человеческому такой страшный и дивный приход басурманский испытать на себе. Такую рать великую и страшную, собранную, кому отчина видится, и за чьи слезы видеть побитых воинов наших во все приступы. Однак, и мы побили многих татар, бесчисленно руки и головы отсекли. Засевши в крепости, побили татар особо пальбой пушек и ружейной. Отошли татары назад, не отбивши Гивея-мурзу да иных.

Хворостинин. Стоят татары в полверсте от Гуляй-города, о новом приступе помышляя. *(Свист стрелы.)*

Васька Рожа *(подходит со стрелой).* Воевода князь Воротынский, они, басурмане, нагадались к нам на стрелах, почали ярлыки метать.

Воротынский. Что в тех ярлыках?

Васька Рожа. В ярлыках своих они пишут: просят от нас выкупить Гивея-мурзу, царевича астраханского да прочих. А дают за них выкупу - за всякого по триста тарелей серебра чистого. За Гивея-мурзу и за астраханского царевича еще и по двести золотых червонных арабских впридачу.

Воротынский. То добрая весть. И иные были надежды нас силой взять. И хотят подкупить деньгами, побито и у них много.

Васька Рожа. Истинно, после того уж нам от них polegчало. Мыслью, приступа уж не будет нам. Воевода князь Воротынский, можно ли мне к ним напротив писать ярлык.

Воротынский. Пиши, казак, царю крымскому. А ты, подьячий, записывай.

Васька Рожа. Не дорого нам ваше серебро и золото, собачье похабное басурманское, ты, царь крымский. У нас золота и серебра своего много. То нам, молодцам, выкупных воинов православных дорого и надобно, чтоб наша была слава вечная по всему свету, чтоб не страшны нам всем мурзы и паши, и силы басурманские. Нашел ваш крымский царь себе тут на Молодах позор и укор до веку. *(Берет ярлык, накладывает его на стрелу.)*

Воротынский. Пусти ту стрелу в татарский стан. А мы следом за стрелой на вылазку пойдём из Гуляй-города. Отсюда из Гуляя даю я, воевода князь Воротынский, приказ открыть огонь из всех пушек и пищалей.

Пушкарь. Исполним, воевода князь Воротынский, как велишь. И приказываешь нам, пушкарям, удар из всех пушек.

Воротынский. Я своим большим полком татар обойду долом. А из города Гуляя- ты, Дмитрий Иванович Хворостинин, с детьми боярскими, с немцами и стрельцами.

Хворостинин. Сделаем, воевода князь Воротынский. По особому сигналу дадим залп.

Воротынский. С тыла мой полк ударит. Вы, казаки, впереди полка пойдёте.

Михаил Черкашин. Пойдем с иконой Ивана Предтечи, покровителя казачьего, и Николая Чудотворца против басурманского войска.

Васька Рожа. С первого дня басурманского приступа святой Иоанн да святой Никола плачут о нас, а лампы полны слез у их образов. Позволь, воевода князь Воротынский, стать перед боем на молитву на случай нашей смерти.

Воротынский. Молись, казак, да с тобой все наше войско будет на случай смерти прощаться.

Васька Рожа. Во имя Отца, Сына и Святаго Духа, простите нас, святые отцы. Прости нас, холопов своих грешных, государь великий князь Иван Васильевич Всея Руси, самодержец. Не позор мы учинили государству московскому. Постойм мы, грешные, за него до смерти. Прости нас и ты, земля отцовская. Простите нас, леса темные и дубравы зеленые. Простите нас, поля чистые и тихие заводи. Прости нас, море синее и море черное. И реки быстрые. И милостью Пречистой Богородицы, и заступлением небесных сил чтоб умереть нельзя нам, и по смерти учинить на Руси славу вечную. Потому взяли мы икону чудотворную предтечную да Николы, и пойдём с ними против басурман на вылазку. А ежели суждено нам умереть, так уж чтоб от смертных ран и от истомы их отдохнули и замертво в покое повалились во сне прохладном.

Воротынский (*крестясь*). Пойдем, братцы, дело с басурманами делати. (*Вытаскивает меч.*)

Занавес

Сцена 44

Новгород. Теремная палата. Царь Иван нервными быстрыми шагами ходит взад-вперед у стола, на котором разложена географическая карта. Малюта и Годунов.

Иван. Видишь, жду английского посла Дженкинсона для последнего разговора. Малюта, отчего не идет?

Малюта. Скоро будет, государь милостивый.

Иван. Отчего от воевод вестей нет? От Воротынского да прочих.

Годунов. Распутица, государь, гонцы не слишком скоро едут.

Иван (*нервно ходит*). Татары, может, уже в версте от Новгорода! Схватят меня, царя православного, с детьми моими, в клетку посадят, в Крым повезут.

Малюта. Государь милостивый, опричные заставы кругом. За тебя, государя, голову положим.

Иван. Побегут прочь опричники твои, Малюта, как прошлый раз с берега бежали. Выставилось: они, опричники, лишь безоружного бить могут, а царя от басурман защитить не могут! (*Нервно ходит*). Где дети мои, царевичи Иван и Федор?

Годунов. Тут неподалеку, государь.

Иван. Пошли за ними.

Годунов. Сейчас, государь, царевичи будут. (*Посылает слугу*).

Иван (*подходит к столу*). Годунов, каким путем в Англию мне с семьей да казной ехать намечено?

Годунов. Вот тут на чертеже намечено, государь.

Иван (*смотрит чертеж*). Лучший путь торговый, от Москвы к Белому морю через Ярославль, Вологду, Тотьму, Устюг. Да он не годится. Города те, видать уж, татарами взяты. (*Нервно ходит*).

Годунов. Государь милостивый, отсюда, из Новгорода, намечено ехать в Англию северным путем по

Белому морю. Тут, государь, на чертеже намечено на карте Белого моря от реки Мезень. Доехать до реки Мезень и тут нагрузиться на суда.

Иван (*нервно*). Нет, так не поеду. В дороге татары перехватят, али свои изменники.

Годунов. Государь, также можно ехать через берег дышучего студеного моря до устья реки, притока Оби, добраться посуху. То есть, государь, мангазейский морской ход. (*Входят царевици*).

Царь. Сыны мои! (*Бросается, обнимает их*). Милые мои детки, маленькие мои мальчишки! Бедные, остались в беде со мной! Лихо на меня. Как так про вас подумаю, что рогатиной кто в сердце вопьет. Как укрыться нам от басурманской напрасной смерти? И звезды дурное предсказывают! Елисей Бромлей говорит: семь планет недобро расположены на сферах.

Царевич Иван. Батюшка, Елисей Бромлей злой волхв, он тебя, батюшка, подучивает с Руси бежать.

Иван. А где ж еще нам, сыны мои, укрыться от жаждущих крови нашей крымцев да иных басурман?

Царевич Федор. Батюшка, Русь нас укроет. Поедем в леса, в тишину пустошную.

Иван. В тишину пустошную, в дальние монастыри отъехать бы, сидеть там в пустоши среди лесов и солеварен, стихари писать и мед пить. Жить в глуши среди святых имен, у Дионисия преподобного на Глушнице, али у Александра на Лавре близ Олонца, али в Вычегодском Усоле среди лесов, рек и варниц. Годунов, надо бы и сокровищницу царскую из Вологды отвезти по Северной Двине да по рекам Вычегде, Веледи в Сольвычегодскую. Также и здешнюю сокровищницу из Новгорода.

Годунов. Государь, не можем то сделать, ежели крымцы дороги перекрыли.

Иван. Истинно нельзя. Надобно в Англию. Отчего Дженкинсон не идет? (*Нервно ходит*).

Царевич Федор. За что нас убить хотят, батюшка?

Иван. За истинное учение лучшее православное, кто не хочет обасурманиться.

Царевич Иван. Батюшка, мы, самодержцы русские, почто нам бежать? Дай мне войско, пойду на басурман.

Иван. Опричное войско ненадежно, мальчик, тем более иное. В Англию надобно. (*Входит Дженкинсон*). Антон, едва дождался тебя. Передал ли сестре моей королеве Елизавете? Согласна ли она?

Дженкинсон. Государь, королева Елизавета отвечает, что ты, московский царь, можешь приехать в Англию и жить там сколько угодно со всем своим содержанием, соблюдая обряды старогреческие. Однако то должен решить также наш парламент и королевский совет.

Иван (*нервно*). Ждать надобно, а басурмане, жаждущие крови моей да сынов моих, ждать будут ли?

Дженкинсон. Государь, ты можешь выехать немедленно даже без согласия парламента и королевского совета. Можешь приехать в Англию и жить.

Иван (*нервно*). Нет, так недостойно мне. Я не купец, не беглый боярин. Я - государь. Я, царь, прошу королеву предоставить мне убежище в Англии для сбережения себя и своей семьи, пока беда не минет, пока Бог не устроит иначе. Ведь и с ней, с сестрой моей, такое может случиться. Изменчиво и опасно положение государей, которые наравне с самыми низжайшими людьми подвержены переворотам.

Дженкинсон. Государь, ты можешь ехать как частное лицо. Однако, как государя, тебя королева не может принять без парламента и королевского совета.

Иван (*нервно и сердито*). Такое изменение лишает договор смысла. Нам против нашего ожидания случилось быть вынужденными выйти из нашего государства и получить помощь из Англии. Мы, государь с детьми-царевичами, должны честно передаться во власть покровителей. Я желаю честных отношений. Я - царь Иван Васильевич Всея Руси, и желаю сохранить достоинство. (*Нервно ходит*). Дипломатия Елизаветы не обманет меня. Она не дает мне государственного убежища, не желая ссориться с Крымом и турецкой Портой. (*Нервно ходит. Кричит сердито*). Христианские ли то государи непристойные, только всегда на кровоизлитие христианское желают, а басурманским государям в том радость чинят!

Слуга (*вбегает*). Государь милостивый, приехали гонцы от воевод.

Иван (*испуганно*). Татары близко? Далеко ли татарская конница?

Первый гонец (*кланяется*). Государь милостивый, поганые изгитбли!

Второй гонец. Хан побежал! Какой дорогой пришел, такой дорогой назад вышел!

Иван (*радостно*). Хан побежал! Господи, услышал молитвы мои! Унял слезы мои! Хан побежал! Как Мамай побежал - и Девлет побежал неготовыми дорогами в распутицу. (*Смеется*). Мальчишки, спасение пришло от Господа! (*Обнимает царевицей*).

Бромлей (*вбегают*). Государь, круги лунны и солнечны указывают на спасение! Пойду еще по скале рассчитывать. (*Уходит*).

Иван. И небесные силы доброе сулят.

Входят воины, вносят хоругви и шатры и бросают под ноги царя.

Первый воин. Государь великий, главный воевода князь боярин Михайло Иванович Воротынский хоругви и шатры басурманские взятые тебе прислал.

Малюта (*кричит*). Слава государю!

Все. Слава! Слава!

Иван (*радостно*). Хан посрамлен! (*Возбужденно ходит*). Говорите, как стало посрамление хана!

Второй воин. Государь, в среду прошлую меж нашими полками и крымскими, и ногайскими татарами дело было великое, сеча великая. И Божьей милостью, а государевым счастьем, в том бою крымцев и ногай бесчисленно побили. И ногайского большого воеводу мурзу Тибердея убили.

Иван (*радостно*). Так-то посрамление татар русскими удалцами! Так-то, Дженкинсон! Уведоми английскую королеву о прекращении переговоров - непотребно моей царской семье убежище в Англии. Желаю также напомнить Елизавете, что главное для истинного государя не торговые прибитки, а государева честь. Потому не хочу вести дальнейшие переговоры с королевой по причине ее гордости и торгашества, и уверток. Унизить меня, царя и великого князя Ивана Васильевича Всея Руси! Да уж потом заключу нужный мне договор с австрийскими габсбургами. А сестра моя, английская королева, есть пошлая девица на троне. Так, Дженкинсон, сообщи ей от меня: и ты, сестра, пребываешь в своем девичьем чину как есть пошлая девица. Теперь же пойдись вон с очей!

Дженкинсон уходит.

Царевич Иван. Батюшка, так-то лучше без английских торгашей!

Иван. Истинно! Говорите далее, как стало. Любо мне сидеть и слушать!

Второй воин. Государь, да на том же деле сын боярский суздалец Темир Алалакин взял крымского большого воеводу Гивея-мурзу.

Иван. То герой истинный, Малюта! Который-то Алалакин?

Малюта. Государь, Темир, а потом Яков Федорович Алалакин – служивый дворянин, сын боярский на Костроме. При опричне переведен в Суздаль, в земство из вотчин своих.

Иван. Более такого не будет, чтоб из вотчин изгонять, ибо смешанное войско сильнее опричного. Говорите далее.

Первый воин. Государь, убили также царева сына, царевича, да внука царева сына, царевича, мурз и татар побили и живых поймали.

Иван (*весело*). Так-то, крымский хан, предавший огню наши земли, бежал в степи, пошел в Крым сильно наспех. (*Смеется*). Говорите далее.

Первый воин. Сеча была велика! И государевы воеводы сошлись в воскресенье и бились пять дней.

Второй воин. Девлет Гирей побежал и оставил в болоте крымских татар тысяч три рядовых людей! Да и тех царь оставил для сбережения татар тысяч две. Всех тех татар побили.

Первый воин. И как побежал крымский царь той ночью, Оку перешел, то наши воеводы на остальных напустились да тех татар до один всех побили. А иных в воду метали. А иные за Оку ушли. Божьей милостью и государевым счастьем отбили наезд.

Малюта. Слава государю!

Все. Слава! Слава!

Иван (*радостно*). Единая Русь победила! С этим пришел опричнине конец. И никто чтоб не смел поминать опричнину! Ты, Малюта, заготовишь про то указ.

Малюта. Исполню, государь.

Иван. Всем посрамителям басурман – подарки!

Малюта. Ты, наш государь Иван Васильевич Всея Руси - главный посрамитель, ибо Божьей силой и верой Русь жива!

Иван. Объяви царское мое ликование по поводу посрамления хана. Известить народ о победе. В Новгороде я, царь, велю устроить пышные торжества. Праздновать победу две недели. В Новгороде чтоб не умолкал колокольный звон, в церквах делать торжественные молебны. А повсюду для народа забавы и пиры.

Уходит в сопровождении сыновей.

Занавес
Сцена 45

Новгород. Волховский мост. Множество празднично одетого народа. Колокольный звон. Поет хор.

Первый новгородец. Славну победу празднуем, ибо в каменну Москву приходил поштрук, паж турецкий, а его побили.

Второй новгородец. Не паж турецкий, а крымский царь! Празднуем ныне победу воевод московских над неверным ханом.

Третий новгородец. Они обои приходили – крымцы да турки. А со срамом покинули поле сражения. Объявили – более в Москве не бывать. Заключились.

Четвертый новгородец (*выпивший*). Крымский царь, по натуре насильник, постоянно грозит Москве. Также и иные басурманские цари-бахвальщики. Да не сбилось! Силу басурманску шутя искрошил кабацкий заседатель Василий-пьяница. (*Смеется.*)

Второй новгородец. Чего ты мелешь? Не Василий-пьяница, а воевода князь Михайло Иванович Воротынский. Всех татар побил, Москву спас.

Третий новгородец (*тихо*). А царь, говорят, заробел, - тут в Новгороде хоронился.

Второй новгородец. Говорят, по случаю победы царь обещал опричнину отменить.

Первый новгородец. Дай-то Бог! (*Крестится.*) Татарские набеги несут бедствия. Однако опричники страшней татар. Они обшарили все государство, на что царь дал им согласие.

Второй новгородец. Истинно многочисленно душегубство и убийство в земщине.

Третий новгородец. Помним мы, новгородцы, бесчинства опричников во время новгородского похода. Опричники безнаказанно грабили и убивали людей, а мы в городе не успевали хоронить мертвых. С тех пор, по царскому разорению да чуме и голоду впридачу, по дорогам бродит много нищих и бродяг.

Первый новгородец. Крымских басурман отбили, своих куда девать? Говорят, царь живет с купавушкой-похабушкой, царицей нерусской, а Малютка да иные советники у него- с ухваточкой татарской.

Второй новгородец. Молчи, опричники кругом, стража как и прежде, пропадешь!

Третий новгородец. Торжественная процессия уже идет. Царь с сыновьями, а с ними архиепископ новгородский Леонид.

Входит процессия. Впереди несут иконы.

Архиепископ Леонид (*с поднятым крестом в руке, торжественно*). Народ православный, благословляю вас на сиих торжествах по случаю славной победы над басурманством!

Малюта. Православному государю нашему, волей своей одолевшему крымцев и басурман – слава!

Хор (*поет*). А не сильна туча заступилася, а не сильны громы грянули! Куда идет собака крымский царь? А ко сильному царству московскому. А наипаче мы пойдем к каменной Москве, а назад мы поедем – Рязань возьмем. А как будут они у Оки-реки, а тут они станут белы шатры расставлять, а думать думу с целого ума: кому у нас сидеть в каменной Москве, а кому у нас во Владимире, а кому у нас сидеть в Суздали, а кому у нас держать Рязань-старое, а кому у нас сидеть в Звенигороде, а кому у нас сидеть в Новгороде.

Скоморох (*торжественно*). Покличет с небес Господень глас – и на еси собака крымский царь, то ли тебе царство неведомо, а еще есть на Москве семьдесят апостолов, опрично трех святителей, еще есть на Москве православный царь!

Крики. Слава! Слава государю! Слава!

Архиепископ Леонид. Как могут крымцы, варвары, думать о завладении нашим царством? Наше московское царство под покровительством сонма угодников, заступников перед престолом сего всевышнего, и, кроме того, есть на Москве православный царь – богобоязненный и любимый Богом. На нем-то, царе, и глаз Господень. Посягательство такое на хранимое Богом царство – безрассудно!

Крики. Слава государю!

Скоморох (*торжественно*). Побежал еси собака крымский царь! Не будь он еси, ни по знамени, ни по черному!

Четвертый новгородец (*выпивший*). То-то, царь крымский, не попыривай! Крымский, не помахивай! Не выехать с нашего города – в полон взяли! (*Смеется.*)

Крики. Слава государю!

Хор. А живет он, наш грозный царь Иван Васильевич, а живет-то да извеселяется, он своими-то воинами защищается, а живет он без всякой опасности, а век по веку, отныне до веку. Аминь! (*Звон колоколов.*)

Иван. Народ православный, новгородцы! Я, царь, с сыновьями приехал на сей раз в Новгород Великий, остановился не на Княжеском дворе на Софийской стороне, а на торговой стороне, поближе к простым людям. Говорите, люди мои новгородские, что на сердце, мне, царю. Говорите, не имейте страха.

Первый новгородец (*робко*). Государь милостивый, Иван Васильевич Всея Руси, правда ли, что по случаю победы над крымцами будет отменена опричнина?

Иван. Истина! Ныне конец опричнине с набегом Довлет Гирея.

Радостные крики. Слава! Слава государю!

Иван. Народ православный, новгородцы! Когда игра с Довлетом ныне окончена, все вотчины будут возвращены земству, так как они выходили против крымского царя. Я, царь и великий князь, далее не могу без них обходиться с отменой опричнины и торжественным возвращением двух икон в Софийский собор, захваченных во время пожара тысяча пятьсот семидесятого года от рождества Христова, как приходил в прошлый раз.

Крики. Слава государю!

Иван. Народ православный, новгородцы, с этим пришел опричнине конец. И чтоб никто не смел поминать опричнину! Я, царь, издал указ о запрещении употреблять самое слово опричнина. За нарушение указа строгие наказания. Виновных, болтающих об опричнине, обнажить по пояс и бить кнутом на торгу. Строго следить за исполнением моего царского указа я назначаю думного дворянина царского двора Малюту Григорьевича Скуратова!

Малюта. Исполним, государь великий!

Иван. Следить также, Малюта, за восстановлением справедливости! И все земские, кто только еще остался в живых, получают свои вотчины, ограбленные опричниками. Придется опричникам расстаться с земельными участками.

Малюта. Исполним, государь милостивый. Сделаем справедливые законы на Руси!

Иван. Народ православный, новгородцы, знаю, что было много доносов, более того не будет. Ябед бить будем, строго наказывать. Ты, Малюта, за то в ответе.

Малюта. Исполним, государь милостивый, чтоб доносов более не было.

Первый новгородец. Государь милостивый Иван Васильевич Всея Руси! Раз ты, государь, заступник для всякого православного честного человека, по то позволь мне слово сказать.

Иван. Говори, человек православный.

Первый новгородец. Государь, вот с тобой рядом стоит опричный боярин Зайцев. Взял он у меня, митрополитического дьяка Гридия, крупную сумму, отказался вернуть долг. А чтоб избавиться от меня, арендатора, да запугать, - убил моего сына. (*Плачет.*)

Иван. Велю Зайцева наказать. За убийство повесить. Взять его. (*Зайцева хватают.*) Никому не позволю разбойничать. Имею также иные сведения о грабежах и убийствах опричного войска. Когда я, царь, узнал об этих варварских проделках воевод и опричников, то приказал отвести воевод в окопах и удалить опричников. Они что много излишествовали, обманывали меня, царя, измышляли измены. Ныне многим придется за то расплатиться.

Архиепископ Леонид. Народ православный, государь наш Иван Васильевич - грозный, но справедливый владыка. За правду милует, за неправду вешает. Народ с благословением любит тебя, с которого и началось московское царство. Господи, храни московское царство!

Хор. Господи, храни московское царство. Аминь!

Иван. Народ православный, новгородцы! Знаю, сколько вас побито, потоплено тут на Волховском мосту. То и вы топите детей боярских! Были они особого моего доверия, сопровождали меня сюда. Ныне им не верю, ибо имею на них свой царский гнев. Для народа пусть будут медвежьи потехи, мед с пивом, да иные угощения.

Народ (*радостно*). О любо! Любо! (*Хватает опричников и бросает их с моста.*)

Опричник (*кричит*). Про все-то ты, царь, ведал! Сам ты окаянный!

Малюта убивает опричника.

Иван. Долго я колебался распускать опричную армию. Разгром татар положил конец таким колебаниям. Ныне опричников надобно держать в страхе, когда роспуск армии стал необходим. Надобно также пересмотреть служилое земледение. Годунов, подготовишь грамоту.

Годунов. Исполню.

Иван. Дворяне-опричники, которые успели выслужиться, и иногородцы, которых перевели из других уездов, должны расстаться с землей, забранной прежде у земских дворян. Упразднить также более высокие земельные оклады опричников. Надобно повторно перераспределить землю. В Новгороде восстановить наместничество. Главным наместником назначить земского дворянина Мстиславского, а бывшего опричного боярина Пронского ему в подчиненные. Объединить также опричную и земскую казну. Бывшего опричного печатника перевести на земский Казначейский Двор, чтоб стал помощником земского казначея. Свезенные в Новгороде перед вторжением татар сокровища, которые уложены в церковных подвалах на Ярославском Дворе, чтоб поступили в единое казначейство.

Годунов. Как велишь, государь, все сделаем.

Иван. В Москву отправить государские лубы с казною. Вскоре туда же и я отбуду со двором. В Москве продолжим пышные торжества. *(Уходит со всей процессией. Народ радостно продолжает топить опричников.)*

Занавес

Сцена 46

Новгород. Царские теремные палаты. Царь Иван сидит за столом с царевичами Иваном и Федором, держа в руках книги.

Иван. Сыны мои, мальчики царевичи Иван и Федор, божественен первый толчок чтения Библии.

Царевич Иван. Также и Ветхой, батюшка?

Иван. Также и Ветхой.

Царевич Федор. Батюшка, иные чернецы говорят на Библию – старуха. Старуха - то книга Библия. И не любят ее, а кто ее почитает, те, говорят, еретики жидовствующие.

Иван. То лишенные ума говорят, али сами еретики. Старуха показала нам путь к отцу. Библия – с небес Откровение.

Царевич Федор. Батюшка, жидовствующие ведь икон не почитают и Святую Троицу.

Иван. А лучше ли те, кто в телегу икону, и увезли в церковь? Сами же в сути не смыслят. Давно мечтаю написать книжечку для детей малых, как все починалось и совершалось.

Царевич Иван. Батюшка, как все починалось, жизнь в мире Божья? Я про то немало замысливался.

Иван. Сыны мои, мальчики, починалось волей и желаниями, властью и силой Творения, когда сказал Бог: да будет свет, - и стал свет. И совершилось иное Творение тварей как наверху в небесах, так и внизу на земле, и в Преисподней. И затем создал Бог человека, мужчину и женщину, сотворил их, поселил в Раю и дал им наставления. Когда же они послушали врага, сиречь дьявола, и наставления преступили, Бог за то прогневался на них и изгнал их из Рая нищими. И осудил их на смерть и болезни, обрек их на труд, и отлучил их Бог от лица своего. И увидел враг, что первые его козни пошли ему на пользу, и что Бог прогневался на человека, и, увидя то, решил окончательно уничтожить людей и побудил Каина убить Авеля. Бог же, не оставляя свое создание, из милосердия к роду человеческому сотворил ради Адама родоначальника правды - спасителя Иисуса Христа.

Царевич Федор. Батюшка, правда ли, что совершили обрезание Христа?

Иван. Совершили по желанью Божьей Матери согласно вере израильской.

Царевич Иван. Поехать бы и мне в Палестину к реке израильской веры и там ждать Второго Пришествия, чтоб быть взятым на небо.

Иван. От неразумия, мальчик, такое говоришь. Ради взятия на небо надо угодить Богу, где б то ни было. Енох угодил Богу, ради чего Бог прославил его взятием на небо и сохранил его как нарицателя святого Второго Пришествия. И когда умножились люди и враг окончательно усилился, и люди стали повиноваться врагу, то все восприняли его злые дела, то Бог еще более разгневался и

истребил всех людей на земле Потопом. И обнаружив, что только праведник Ной действует по его заповедям, сохранил его за то, как родоначальника Вселенной. Затем, когда люди вновь размножились и враг еще более прельстил их, люди усердно предались вражьему прельщению и уклонились в богоборство, начали создавать столпы, говоря о себе: ежели снова захочет Бог навести Потоп, то мы взойдем на столпы и вступим в борьбу с Богом. И Бог гневным дыханьем уст своих, дыханьем бурным и сильным, сокрушил столпы, и одних побил, а других разделил на семьдесят два языка. Один только Евер не присоединился к их делу и замыслу, за что Бог и помиловал его – не отнял у него языка адамова. От его имени и называются евреи. А других он разделил, чтоб разделившись, восстали друг на друга и мучились за то преступление.

Царевич Иван. Батюшка, говоришь ты о Боге Ветхом, о Боге-Отце.

Иван. Когда я говорю о Боге, то, как и выше, я говорю об Отце, Сыне и Святом Духе в едином существе. Ибо здесь были произнесены такие слова: вот люди говорят одним языком и едиными устами, и могут сделать все, что захотят; спустимся и разделим их. Кто бы мог то говорить, как не Троица?

Царевич Иван. Батюшка, отчего еретики Троицу не признают?

Иван. От прельщенья дьявольского и слабоумия. Уж не раз говорил и снова скажу: все в человеке и звере троично. Все имеет: первое – конец, второе – сердце, и третье – снова конец. В природе явления тройственны. Первое – солнце, второе – луна, третье – звезда. Первое – ветер, второе – гром, третье – молния. В водном же естестве первое – жидкость, второе – студень, третье – мокрота. Из трех частей состоят деревья – корень, сердцевина и ветви. Всем естеством троичен и человек, еже во уме, и слове, и душе.

Царица Анна Колтовская (*входит и говорит робко*). Супруг мой государь Иван Васильевич...

Иван (*недовольно*). Чего пришла незванна, жена?

Царица Анна Колтовская. Со смирением отвечу. Прощения прошу, что не была с тобой, супруг мой, с вечера в спальном тереме. Скорблю monthly, и дают мне корень пить.

Иван (*раздраженно*). Который корень?

Царица Анна Колтовская. Есть трава, именем зовется Петров Крест. Ростом с локоть, цвет багров, растет кустиками, что молодой дятлевник. А корень все крестиками, крест крестом связан, бел и мелок. То трава ведьмы доброй, скорбью никак не вяжется. Или которая жена скорбит monthly, и давать корень пить, и будет здоровой. Или кто, поиде в мир, возьми корень с собою: от еретика и от напрасной смерти избавит Бог. Есть трава именем Прострел, растет при борах в марте месяце и в апрель, сквозь снег растет кустиками. Ту траву в апреле-месяце рвать. В то место положить яйцо великодено, сиречь пасхально, кто страдает от monthly.

Иван (*сердито*). Пойди прочь со своими monthly!

Царица испуганно уходит.

Иван. Надоела – молода, свежа, да глупа. Года еще нет женитьбе, а уж надоела. Постричь ее хочу. У тебя, Иван-сын, с Евдокией Сабуровой как?

Царевич Иван. У меня, батюшка, ничего так - Евдокия жена добра.

Иван. Не прельщаешься, чадо? Сабуровы - род недобрый. Соблазнились мы, то пожалеешь, что взяли их в царские родичи. Я тебе иную подобрал. Девуцу красну дворянского честного рода Петрова-Солового.

Царевич Иван. Уж как велишь, государь-батюшка.

Иван. Сказано, знайся, чадо, с мудрыми и с разумными водись. А кто глуп, не в совершенстве разума, - тех избегай. Да и книг святых читай поболее.

Царевич Иван. Я, батюшка, как говорено с тобой, житие пишу святого князя Дмитрия Прилуцкого. Погляди, батюшка. (*Подает бумагу*).

Иван (*берет бумагу, листает их, читает*). Сыны мои, мальчики, вспашите землю - сердце свое - послушанием и поселите там семена отческого поучения. (*Листает бумагу*). Многие из благородных влиятельных князей пользовались его, Дмитрия Прилуцкого, наставлениями. Гляди, как достойно и могуче управлял, кормил он своей великой лаврой монастыря Прилуцкого.

Царевич Иван. Добро ли писано житие, батюшка?

Иван (*листает бумагу*). Тебе еще, чадо, подучиться надо бы. Знаешь ли, мальчик, как пишутся дивные жития людей святых? Давно уж есть канон, по которому пишутся. Первое: его, святого, происхождение от благочестивых родителей. Затем ранние годы и послушание, задача бедным

имущества, мученические подвиги в бедности, затем его и размученическая смерть, и райское блаженство, али награда земная – возвышение, богатство от Бога и земная слава. Так писано житие и Сергея Радонежского, и Кирилла Белоцерковского, и Варлама Хутынского, и Пафнутия Боровского. Так и Дмитрия Прилуцкого пиши. *(Отдает бумагу).*

Царевич Иван *(берет бумагу)*. Так делать буду, батюшка.

Царевич Федор. Батюшка, говори далее, как все почалось. Откуда цари и властители почались?

Иван. Когда люди после Потопа вновь умножились и подчинились врагу, сиречь дьяволу, и Бог еще более на них прогневался и отступился от них, дьявол поработил их и по своей воле стал вести все человечество. И отсюда пошли мучители и властители, цари, как первый Нимврод, который почал строить столпы, когда произошло разделение языков. Нимврод почал царствовать в Вавилоне, затем Мисрем в Египте, и в Ассирии Вил крепорукий, он же Крон, и Бел, и Белус, и Белье, и Вабал, и Вельефегор, и Вельсавух, и Вельсавав, и Астартга, затем Ниние и Фор, он же Арес. И повсюду возникли многообразные царства. И каждое царство отдельно. Так возникло среди людей неблагочестие. Царствование то, от которого Господь наш Иисус Христос говорит в Евангелие, высоко для людей, мерзко для Бога. И так увидел Бог, что погибает род человеческий и создал праведника Авраама, того Авраама, который познал истинного Бога и которого Бог полюбил. И ради того Бог склонил на милосердие к человечеству и благословил Авраама и указал ему обязанности, и даровал ему наследника Исаака. Исааку Якова, он же Израиль. И обещал Бог Аврааму: сделаю тебя прародителем многих народов, и цари от тебя произойдут. И те, которые произошли от Авраама-Исаака-Якова, стали называться людьми, а прочие язычниками. Ибо говорит великий пророк Моисей: Всевышний поставил пределы народам по числу ангелов Божиих. И стал Яков уделом Господним, а Израиль – достоянием его. И много напастей претерпели, и Бог умилосердился над ними и дал им царя-праведника Давида, распространил царство его. То было первое благословенное царство. Бог снизошел к слабости человеческой и благословил царство.

Царевич Иван. Батюшка, ты говорил, что Бог отверг царство, а затем благословил.

Иван. Нечестивые царства отверг, праведные же благословил.

Царевич Федор. Наше царство русское благословил ли?

Иван. Наше царство праведно, ибо Божественным своим рождением Господь Иисус Христос прославил Августа Кесаря, соизволив родиться в его царствование. И этим прославил его и расширил его царствование, даровал ему не только римскую державу, но и всю вселенную. И когда Август владел таким образом всей вселенной, он посадил брата своего Пруса в городе, называемом Марбург, и в Торунь, и в Хвойницу, и в преславный Гданьск на реке Висле, которая течет в море Варяжское, именуемое также Балтийское, и затем, по благословению в Троице славным Богом, в российской земле создано царство. Как я уж говорил, Август Кесарь римский, обладающий всей вселенной, поставил сюда своего брата, упомянутого выше Пруса. Силой и милостью Троицы так создано то царство. Потомок Пруса в четырнадцатом колене Рюрик пришел и начал княжить на Руси в Новгороде, назвался сам великим князем и нарек сей город Великим Новгородом. Сын же его Игорь переселился в Киев и там установил скипетр российского царствования.

Малюта *(входит)*. Государь милостивый, дело спешное, хочу с глазу на глаз с тобой говорить.

Царевич Федор. Погоди, Малюта, пусть батюшка доскажет. Говори, батюшка, как было после Рюрика и сына его Игоря.

Иван. Что ж после них? Умилосердился Бог над нашей российской землей и привел сына Святослава Владимира к познанию истины, и прославил светом благочестия, чтоб он славил его – истинного Бога – как Отца, Сына и Святаго Духа во единстве. Почитатель избрал его как второго Павла в царских седилах. Отправил его к крещению и сделал царем правды христианской, как великого Константина. Как говорил божественный апостол Павел: нет власти не от Бога, пусть всякая душа повинуется власти. Поэтому тот, кто противится власти, противится Божьему повелению.

Малюта. Истинные слова, ко времени сказанные, государь милостивый.

Иван. Сыны мои царевичи, дайте-ко я вас поцелую, да идите с Богом! Милые вы мои чада, и впредь послушайте поучения родительские, и не будут вам нужды великие. *(Обнимает и целует сыновей. Царевичи уходят)*. Ко времени пришел ты, Малюта. После потопления опричных детей боярских среди опричных бунт и недовольство. Так ли?

Малюта. Так, государь. От всенародного потопления опричных в народе шатание и непристойные речи.

Иван. Более при народе топить не будем. (*Слуге*). Позови лекаря моего Бромлея. Бунтующих опричных надобно обезглавить. Составлен список – тут более ста имен. (*Подает список Малюте. Входит Бромлей*). Елисей, делаешь ли как говорено?

Бромлей. Делаю, государь. Отравное питье лучшего свойства. Ржавое железо, вино горячее, уксус, ртуть да олово. (*Подает склянку*).

Иван (*нюхает склянку*). Химос! (*Смеется*). По науке кембриджской сделано. (*Смеется*).

Бромлей. Уж истинно, государь, по твоему царскому приказу я, лекарь царский Елисей, отравил опричного дворецкого Ивана Федоровича Гвоздева-Ростовского, спальника Григория Борисовича Грязного, опричников Андрея Овцына, Булата Арцебашева, Воронцова, и далее.

Иван. Добро делаешь. Делай так и далее.

Малюта. Государь милостивый, в списке для отравления вместе с братом Григорием Василий Грязной. Василия ради меня пощади, государь. Ведь он был у тебя в приближенных.

Иван. Так и быть, пощажу ради тебя Васютку. Пошлю его с глаз долой в крепость малу под Перекопом. Пусть Васютка разъезжает среди крымских улусов. Он у меня привык за кушаньями шутить, а уж у крымцев шутить не будет. А я не запираюсь, что был он у меня в приближенных. Так ведь за грехи мои случилось и мне то как утаить, что отцу нашему и мне наши князья стали изменять! И я вас, холопов, приближал, желая от вас службы или правды, а где она, ваша служба и правда? Кругом измена.

Малюта. Истину говоришь, государь. Особо про князей. Государь, в армии, что стоит под Серпуховым, шатания. Да и в народе то ж. Славят повсюду князя Михайло Ивановича Воротынского. Называют его последним вождем со времени Адашева и спасителем отечества.

Иван. Злобесные псы. (*Нервно ходит*). Я Воротынскому давно не верил, да и всему роду его еще прежде. Как вернулся из первого латинского похода, то положил опалу на князей Михайла да князя Александра Воротынских за их изменные дела. Послал Михайло в тюрьму, однако после помиловал.

Малюта. Тут, государь, старый сыскной список и расписные речи боярина князя Михайла Ивановича Воротынского и брата его Александра. (*Подает список*).

Иван (*смотрит список*). Гневался на него, Михайла Воротынского, еще со времен женитьбы на княжне Марье Одоевской. Она ведь и мне приглянулась. К слову, нынешнюю царицу Анну Колтовскую хочу сослать в монастырь. Надоела мне - глупа.

Малюта. Исполним, государь.

Иван. Постричь в монастырь под именем Дарьи. У родственников земли отнять.

Малюта. Исполним, государь.

Иван. Воротынский объявил себя великим человеком и великим воином, а забыл уж, как прежде, когда Девлет Гирей приходил на Мценск, Михайло Воротынский не сумел его догнать при уходе того в степи. То причина была новой опалы. Также братья Воротынские оба служили в Серпухове под командованием двоюродного брата моего Владимира Старицкого, которого изменные бояре хотели вместо меня на трон, а Воротынский особо.

Малюта. Государь, как ко времени Владимира Старицкого умертвили. Ныне был бы особо опасен. И Воротынские, как удельные князья, опасны. Михайло Воротынский имеет почетное звание слуга, то под началом у него несколько тысяч военных слуг. А опричного войска более нет, государь.

Иван. Объявить: удел Воротынских Новосиль, Одоев, Перемышль и центр того удела Воротынский – переиначить, сиречь отнять в казну.

Малюта. Государь, в сыск поступила бумага от одного из слуг князя Михайла Воротынского. Сказано, что князь Воротынский хотел тебя, царя, очаровати и добывал на тебя, царя, баб шепчущих.

Иван (*гневно*). Змий проклятый! Объявить: Михайло Воротынский обвинен в колдовстве и измене. Изымати его и связано привести и передо мной поставити повелеваю.

Малюта. Исполним, государь. Вызовем из Серпухова в Москву, дорогой возьмем.

Иван. Я как приеду в Москву, сам допрошу колдуна и изменника. Надобно указать всем неразумным, что есть самодержавие, самодержец. В Индии, читал я, местный хан ездит на людях, хоть имеет много слонов и хороших жеребцов. Так надобно держать самодержавную власть. Боже, Боже, спаси милостивый, дай мне, Господи всякого человека убить, изменившего мне и отечеству. (*Крестится и уходит в сопровождении Малюты*).

Занавес

Сцена 47

Москва. На Пыточном Дворе царь Иван, Малюта, шут, слуга-доноситель, палачи. Князь Михайло Воротынский стоит связанный у горящего огня.

Иван. Говори, раб, как было. Ты, Умной, пиши все в сыскное дело.

Умной. Исполним, государь.

Слуга (*кланяется*). Государь-царь и великий князь Всея Руси, бьет челом тебе холоп твой Алешка Хвост, уведомляет. В нынешнем годе, августе двадцать шестого, как стали благовестить к заутренней, я, холоп твой, пошел к заутренней и стал на улице воротилки отворять. И ворота не отворяются. Я пошел на улицу другим двором, и смотрю, воротилки мои связаны большой и малой веревкой пеньковой, и у колодца веревка оторвана. И перед малыми воротами у самых ворот - неположенные голики венечные.

Умной. Говори ясней, раб.

Слуга Алешка Хвост. То с умыслом меня заперли, чтоб не ведал, что делается. А на князевых подворьях князь Михайло Воротынский собрал во множестве баб ворожить, баб шепчущих. Я собрал сторонних людей, и они то ведали. И я им заявил.

Иван. Князь Михаил Воротынский, се о тебе свидетельствует слуга твой, что меня хотел счаровать колдовством и добывал на меня баб шепчущих ворожить.

Воротынский. Не колдовал, о царь, я, и не привык я от прародителей, предков своих, колдовать, чаровать и в бешенство верить. Лишь хвалить Бога единого и Троицу славу, и тебе, царю и государю своему, служить верой.

Умной. Признаешь ли раба своего, слугу?

Воротынский. Сей клеветник истинно мой раб есть. Он убежал от меня, меня обокрав. Не подобает тебе, царь, всему верити, и свидетельство от такового приимати, яко от злодея, и от предателя, лжеклевещущего на меня.

Иван. Иные в войске и народе тебя называют главным посрамителем Девлет Гирея. Ты ли тому поучал через людей своих?

Воротынский. Не поучал я, царь, говорить. Сами от себя.

Малюта. Знаешь ли, уход крымцев есть прежде прочего перст Божий, судьба, благословляющая царя нашего великого Ивана Васильевича. Ты ж про свое воинское мужество и личное дарование воеводы повсюду велел кричать да про храбрых ратных людей твоих.

Воротынский. Царь великий, все, что мое, с ратными людьми моими отдам на служение царю и отечеству.

Иван. Шут, храбрый Михайло Воротынский добро ли воевал?

Шут (*поет*). Поехал Михайло воевати на добром коне - на собаке, шубенка жеребьячья, ожерелье поросьячье. Шубенка заржала, а ожерельце захрюкало. (*Смеется. Вокруг смеются*).

Иван (*тоже смеется*). Видишь, и шут признает твою храбрость, Михайло Воротынский. А о храбрости той ты немало возгордился. Ты, князь Михайло Воротынский, аки Исакий затворник, через гордыню свою соблазнен был бесом и попал во власть ликующих бесов. Сделался ты по бесовскому желанию колдуном и изменником царю своему и отечеству. (*Гневно*). Повелеваю сего изменника и колдуна положить связанного на дерево, жечь меж двух огней. (*Палачи кладут Воротынского на дерево меж огней. Воротынский стонет и кричит от боли*). Чаровал ты али не чаровал? Отнимите-ка его от огня.

Воротынский. Ведает, государь, то Бог и твое величество, как тебя Бог вразумит.

Иван (*гневно*). Жгите его! Я на него, Михайло Воротынского, давно неприязнь имею, еще как сослал с семьей в Белоозеро. Однак за поручительство тогдашней знати, бояр, также и собаки бешеной Курбского, возвратил его в думу, а отныне уж не возвращу. (*Нервно ходит*). А княжна Марья Одоевская его предпочла, не меня, царя! (*Гневно*). Малюта, повелеваю расстрелять из ручниц жену изменника Воротынского Марью, княгиню Одоевскую, и двух мальчиков, сынов его. Чтобы семени для мести не осталось!

Малюта. Исполним, государь.

Иван. Также и родичей: Никиту, князя Одоевского с детьми и жену. *(Гневно кричит)*. Всенародно погубить, чтоб весь род их погиб! *(Нервно ходит)*. Никиту Одоевского замучить – протянуть, продеть сквозь грудь его сорочку. *(Дико смеется)*. Через грудь его ту сорочку дергать туды и сюды. Так, чтоб он вскорости в мучениях скончался. Я сам явлюсь как главный палач к палачам. *(Оглядывается на Воротынского)*. Сей же колдун и изменник Воротынский кричать чего-то перестал. Видно, угольки потухли. Надо бы подогреть, подгрести жезлом горячих угольков под тело. *(Подгребают жезлом горящие угли)*.

Умной. Государь, видел ли ты родичку, девицу Анну Васильчикову?

Иван. Васильчикову я повидал и возжелал. Потому в захотение пришел пойти за себя, аки велику государыню.

Умной. То радостно мне и роду нашему, государь милостивый.

Иван. Малюта, вот тебе в сыскные дела помощник вместо того дурака Васюшки Грязного, преемник Василий Иванович Умной-Колычев. Готовь, Умной, помолвку мою с Анной Васильчиковой.

Умной. С великим усердием, государь милостивый! Брат мой Григорий Колычев усердно тебе служить хочет.

Иван. Малюта, назначить Григория Колычева руководить Стрелецким приказом с окладом двести рублей. Ивану Колычеву - сто рублей. Шестерым другим Колычевым - оклады от тридцати пяти до семидесяти рублей. По дворовому списку Назарий Борисович Васильчиков и Григорий Борисович Васильчиков получают небольшой оклад - пятьдесят рублей. Ныне более сделать – по сто рублей.

Малюта. Исполню, государь, укажу Годунову в Казенный Приказ.

Иван. Братья мои царской невесты Васильчиковой чтоб получили те громадные поместья в Шелоне, владельцем которых донныне был Васюшка Грязной.

Малюта. Как велишь, государь, так сделаем.

Иван. Свадьбу мою сыграем в октябре. Хотел позже, дел много, однако поспешу. По церковным правилам совершать брак не положено с четырнадцатого ноября до января – рождественский пост. Поскольку по церковному канону пятый брак незаконный, отпразднуем в узком кругу ближних дворовых людей. Также готовьте, Малюта, новую свадьбу сына моего царевича Ивана с дворянской девицей Петровой-Соловой.

Малюта. Исполним, государь. Велю составить свадебные разряды.

Иван *(смотрит на Воротынского)*. Чего-то колдун да изменник затих. Не причитает более.

Малюта. Обгорел в огне, государь. Он уж, государь, полумертв, едва дышит.

Иван. Отвести его в темницу на Белоозеро. Объявить повсеместно на крестах: князь Михайло Воротынский уличен в чародействе, измене отечеству и умысле извести царя. Сочинителям придворных песен, придворным скоморохам велеть готовить к торжествам помимо прославляющих песен также песни о опале и измене Михаила Воротынского. Первая награда – пятьсот рублей из казны, вторая – двести рублей!

Малюта. Исполним, государь.

Иван. Малюта, готовь торжества по случаю победы, которую мы одержали над Девлет Гиреем. *(Уходит)*.

Занавес

Сцена 48

Крестец Китай-города. Толпа народа. С возвышения кричит Бирюч-глашатый.

Бирюч. Народ православный! Великий государь всемогущий, пресвятой и правый царь, великий князь Иван Васильевич Всея Руси говорит народу на Крестцах, что за измену ему, царю, и отечеству, также за волшебное чарование опала положена на боярина князя Михаила Ивановича Воротынского и объявлена казнь изменников.

Чернец Игнатий *(из толпы)*. Не лжи! То казнь героев, спасших Россию от татарского нашествия.

Бирюч. Который бунтар кричал? Э-эй, решетчатые сторожа, сюда!

Чернец Игнатий. Я кричал, чернец Игнатий.

Бирюч. Эй, решетчатые сторожа, ухопить еретика!

Чернец Игнатий. Я тебя проворней ухоплю. (*Вскакивает на возвышение, возится с Бирючом, одевает ему на голову мешок и, держа, говорит.*) Народ православный, знаете ли, что сожжение великого, славного, многолюдного города Москвы от перекопского царя и по печальному и грустному опустошению русской земли безбожными варварами год спустя тот же царь перекопский, крымский пошел аки хищный лев-кроводец, рыкая, разиня лютую пасть на пожирание христиан со своей басурманской силой, желая уж вконец опустошить землю и изгнать из его царства царя Ивана! Услышав сие, наш чудо-герой убежал от него из Москвы сто и два десяти миль аж в Великий Новгород. А того Михайла Воротынского поставил с войском и велел хоронить, как сумеет, опустошенные, несчастные и оплакиваемые те земли. А он, Михайло Воротынский, муж крепкий, мужественный, весьма искусный полководец, дал сражение тому столь сильному басурманскому зверю. И пали басурманские полки перед воинством христианским. В той же битве взят живым и славный ханский воевода, христианский кровопойца мурза Гивей. Также и ханский сын убит. Все то – живого воеводу и мертвого ханского сына, и ханскую хоругвь – Воротынский отправил нашему трусу и беглецу.

Первый из народа. Я пойду. Язык у него горит себе и нам на пагубу. (*Уходит.*)

Второй из народа. Он правду говорит - царь в английские земли бежать хотел, Россию оставить.

Чернец Игнатий. Народ православный, чем же воздал царь ему, князю Воротынскому за сию службу себе и отечеству? Послушайте, молю, прилежно сие ладчайшее дело! Велел он схватить победоносца и защитника своего и всей Руси-земли, приревновал его и желает себя выставить истинным победителем. Так воздают благородному за подвиг в нашей, глаголю, варварской земле, в том неблагородном нашем отечестве.

Бирюч (*вырвавшись*). Решетчатые сторожа!

Сторожа вбегают с алебардами.

Бирюч. Ухопите еретика!

Первый Сторож. А откуда, почему?

Игнатий убегает.

Бирюч (*сердито*). Решетчатые сторожа! Не смотрите, кто ходит через ваши решетки, - грабежники и еретики! Кликнуть надо объезженному голову китайгородского объезду с оберегайщиками облаву сделать! (*Сторожа свистят, трещат трещеткой.*) Народ, кто-либо знает злого еретика?

Третий из народа. Государь Бирюч, глашатай царский, еретик, видать, нездешний, литовский лазутчик.

Бирюч. Истинно! От собаки и изменника князя Курбского послан. А вы ж беседам его внимали!

Второй из народа. Мы, государь, холопы, то не ведаем, то дело, кому внимать и каких властей. Хай вельможи меж собой делят. Мы, холопы, ведаем нечто на торгу простая солонина три денежек за фунт да бочка щучины полтина московская.

Бирюч. Ну, поди сюда. (*Второй из народа подходит.*) Тебя как звать?

Второй из народа. Чмут Никонец.

Бирюч. Вот тебе, Чмут Никонец, в назидание. (*Бьет в ухо.*) Чтоб не внимал, как он, еретик, говорит про государя нашего. А то хуже будет. Решетчатые сторожа, гоните народ с крестца!

Сторож. Люди, откуда пришли - туда и идите!

Народ расходится.

Чмут (*держась за ухо*). Обидно, что по уху оплел.

Третий из народа (*назидательно*). А что будешь знатно серд и смирен в ответах, как господа спрашивают, то будешь здрав.

Чмут (*держась за ухо*). Так взять бы березовый ослон да ударить его в лоб.

Народ расходится.

Занавес

Сцена 49

Площадь Пожар-на-рву у Кремлевской стены. Торжественный звон колоколов. Множество празднично одетого народа. Площадь оцеплена стрельцами.

Первый (*умиленно*). По случаю победы над басурманством площадь Пожар-на-рву ныне Красная и торжественная.

Второй. Царя с боярами да митрополита с иереями ждем у Лобного места. Когда еще в один день столько знатных повидаете?

Первый. Где ноне государь?

Второй. У Пречистой, у Сретенки встретил его митрополит с крестом, и чудотворны образа, и архиепископы, и иереи, и естественный чин.

Третий. У Пречистой лишь иереи встретили, а митрополит тут у Фроловских ворот встретил со всем освященным собором. Достоин пропев вселенский собор, пошли на молитву.

Первый. Так плывет-то над Москвою умиленно звон. (*Крестится*).

Второй (*тоже крестится*). Во всех кремлевских соборах звонят: да у Спасово-Смоленской площади, да у Николы-Чудотворца, у Каменного моста, да окраинные церкви и монастыри вторят - Новинский, Симонов, Андронников да иные.

Третий. Смотрите-то! У помоста главный царский бирюч, чтец царский Сафоний, рече про праздник победный.

Сафоний (*торжественно*). Прийде государь, победитель басурманский, на Москву, и встретило множество народу и поля не вмещали их от реки Яузы и до самых град, до Посада по обе стороны пути бесчисленны народы - старцы и юны. (*Писцы, держа бумагу на коленях, пишут*).

Пьяный (*идет, шатаясь, весело поет*). Мы вчера в пиру пировали, торгу торговали, свинцу, пороху закупали, медны пушки заряжали, в каменну стенушку пуляли. Каменну стенушку проббили, красну девку сполонили. Хороша девушка, румяна, по-немецки разубрана, на ней шубочка голубая, душегреечка парчевая, в косе ленточка шелковая.

Первый (*сердито*). Всяка шпына ходит. Ты чего дурачества при таком торжестве делаешь, дурнослов?

Пьяный. Сам ты, мужик, у своей матери не в любви. Свиные брови, овечья душа, запечный таракан.

Первый (*сердито*). Сказано, не шуми, смержей ты сын, неколотая потылица, безгосударев еси человек, никто тебя не примет за твою великую глупость. Нет у тебя ни ума, ни памяти.

Пьяный. Лужья жаба, жил бы ты дома да плел бы ты лапти, да ел бы ты крошку, пил бы ты болотну воду. Как бы не было у тебя ушей, и был бы ты целая ворогуша¹⁷. (*Смеется, поет*). Матушка, ластушка, брюшенько болит. Курва ты, плешница¹⁸, погрей на печи. Матушка, ластушка, там горячо. Курва ты, плешница, стели сарафан.

Женщина (*сердито*). Крикнем оберегалыщиков, да возьмут тебя за твои холщевые порты!

Пьяный. Меня? Я с басурманством сражался!

Седой. Сражался с печи духами и с бабою мамашиною! (*Вокруг смеются*).

Пьяный (*обиженно*). Ты-то, дед, кто?

Седой. Мы-то кто? Службу царскую несли мы по сроку, по пятидесяти и больше, а оставлены были за худобу и за старость, и за увечья.

Мальчик. Дедушка, ты на Казань ходил?

Седой. Дважды подступали. Ныне рать христианская ходила на царя Девлет-Гирея, мы ж ходили на Сафа-Гирея и клятвопреступного казанской земли. (*Кашляет*). И неким поветрием Божиим пришла теплота великая и мокрота многая, и везде вода большая на Волге, и пушки, и пищали многие провалились в воду. Многие воды на лед проступили речные, никому же на лед невозможно поступити. А многие люди в продушинах потонувши. И путь никак не обратился, как ни ждали. И возвратился царь к Нижнему Новгороду со многими слезами, что не сподобил его Бог путному шествию.

Мальчик. Дедушка, как же Казань взяли?

Седой. Подкопом взяли. Подкопали стену и заложили порох. А в подкопе поставили зажженну свечу. Когда она догорит, взорвется стена. А в поле поставили вторую свечу, чтоб по ней знать, когда взорвется. А бывши на стенах поганые поносы и укоризны делали нам, русским воинам. Насмехались: не быть нашей Казани под белым царем. Тут-то и взорвали умельцы: Фрязин да наш пушкарь Белоусов, который потом при пушке Степана Петрова, медной на колесах, служил. (*Кашляет*). Так-то, малец. Подкопом взяли и дружной великой резней.

Второй. И ныне много крови пролито. Войско от Серпухова вернулось сильно поредевшим.

¹⁷ *Ворогуша* – лихорадка, табуистическое название.

¹⁸ *Плешница* – проститутка.

Третий. Чую я, на Пожаре ныне награждать будут.

Четвертый. Кого награждать, кого казнить! Чую я, князя Михайла Воротынского казнить будут. Сблазнился басурманским золотом и изменил царю.

Третий. Бирючи кричали, его, опального, на Белоозеро повезли. Ныне же на Пожарах будут пиры и гуляния, а казнить никого не будут. Вот скоморох ведает, что ныне на Пожаре будет. Скоморошина, скажи, что ныне будет?

Первый скоморох. Велики торжества будут, ибо приходили на Русь цари басурмански - один царь Девлет, а иной царь Члухомент, вельми злокознен человек и огнен, да дерзостей и велика телесна и силен вельми. Отовсюду собрал к себе воинскую силу и многие города русские скупил, и до самого града дошел, до Москвы. *(Обходит народ с лукошком, куда бросают деньги)*. Кровавы аки звери человекоядцы, велики аки буйволы. Головы аки пивной котел, а глаза аки плоски. И умножились обиды, татьба и разбой на всей земле русской, рыдания вопль велик.

Мальчик. Скоморошина, как же одолели-то змиев лукавых басурманских?

Скоморох. Эх, малют, знаешь ли балачку: против лукавства лукавство идет. Божье крепко, а мое лепко. На Руси был лукавый царь Владимир, да ныне Грозный царь Иван Васильич, помогли же ему Вавила со скоморохами. *(Делает стойку на руках. Народ смеется)*. И в старину так было: двое братьев Леликов из земли ливонской замыслили набег на каменну Москву, да Вавила со скоморохами их перелукавил. Тогда с горя они заповедь порушили: самого князя Римского племянницу похитили. *(Кувыркается. Народ смеется)*. На Русь же более идти не смели!

Седой (сердито). Врешь ты все! Скоморошье твое дело бесовское. Так ли мусульман и прочих басурман супостатов одолели?

Мальчик. Дедушка, как же одолели?

Седой. Как одолели? Обыкновенно. Бились с ними не щадя живота палицами да мечами булатными, да прочим. Так одолели. *(Кашляет)*. Когда стояли мы под Казанью, то прислал на подмогу казанцам турский царь Ибрагим-султан под нас, христиан, своих двух пашей. Имена же их Капитана да Мустафа. А крымский царь пашу Иусейгу прислал да ближнего своей тайной думы Ибрагима Скобца прислал. А с ними, пашами, прислал турский царь на нас могучую свою собранную силу и басурманскую рать, совокупя на нас всех подручников своих, нечестивых царей и королей, и князей, и владетелей. *(Кашляет)*.

Первый. Слышите ли, сурмы заграяли да стелят камку алу. Сейчас царь и митрополит со свитой идти будут. *(Слуги расстеляют дорожки)*.

Второй. То камка ала набивная, шелк черевчатый, по три рубли аршин, а бархат турецкий.

Третий. Турецкий бархат малинов да вишневый. Здесь же бархат алый, венецинский.

Умной-Колычев (с помоста торжественно). Выход царя Всея Руси под колоколы!

Неистовый звон колоколов. Слышен цокот лошадиных копыт.

Умной-Колычев (оберегальщику). Как почнут царя золотыми деньгами посыпать, смотри, чтоб слуги подбирали и чтоб народ не крал!

Сафоний (торжественно). Герой царь Иван Васильевич из Фроловских ворот на царском своем коне облачен во царский сан. Народ и иноземцы дивуются. Ни в коем царе, ни в коем короле таковой красоты и силы, и славы великие не видывали! Московиты-то забегают вперед и лепятся на крышах. Девицы же чертожные и жены княжеские и боярские, коим нельзя ради сорома из дома, яко птицы в клетцах из двери из окон своих глядят и наслаждаются видениями грозного, доброго и славного. Народ же простой на прочее глядит и радуется. *(Писцы пишут)*.

Третий. Государю царю и великому князю Ивану Васильевичу Всея Руси слава! Многолетнего здравия государю! Самодержавствуй, благоверный царь! *(Звон колоколов. Залпы салютами)*.

Сафоний. Царь ступил на камку и бархат алый, из Фроловских ворот на торжества постеленные.

Входят царь с наследником и свитой. Впереди митрополит Антоний и новгородский архиепископ Леонид с крестами.

Возглас. Ты бо еси царь мира и спас душам нашим и тебе слава! Восславим Отца, Сына и Святого Духа, аминь!

Царя осытают золотыми монетами.

Хор. Аминь!

Василий Блаженный (выглядывает из толпы). Кровь течет из ворот Фроловских! Царь по крови идет!

Первый. Вася пришел, праведный нагоходец.

Второй. Многоумрец пришел.

Умной-Колычев. (*Гневно кричит*). Безумный юрод! Оберегальщики, ухопите юрода! *Оберегальщики бросаются, расталкивая народ. Вася скрывается.*

Немецкий посол. Этого бесстыдного голого бродягу русское простонародье почитает за святого из-за его выносливости, которая действительно предполагает громадную силу и полное пренебрежение к физическим лишениям. Говорят, он простаивает босыми ногами зимой на церковной паперти. Ноги примерзают к железным плитам.

Итальянский посол. Он подобен нашим итальянским пасквилям, обличающим власти и богатство. Но наши пасквили более веселы и не так сердиты.

Английский посол Дженкинсон. Стремление этих людей отказаться от всех удобств и выгод жизни поражает народ, общество и самого царя. В юродах видят присутствие нездешней силы, сверхсилы из-за смелости и способности говорить правду в глаза людям сильным и властным, обличая пороки и несправедливости.

Польский посол. Поистине панство несправедливости. Истинный победитель гетман Воротынский пытан и отправлен в тюрьму, а царь, который ховался в Новгороде, восхваляется церковью и народом. (*Слышны крики*).

Третий. Благоверный царь взошел на помост у Лобного места да сел на стул. Сейчас митрополит Антоний будет говорить речь.

Митрополит Антоний (*торжественно*). О Боге венчанный царь и благочестивый государь великий Иван Васильич Всея Руси! Мы, твои богомольцы, освященным собором молим Бога и великой его благодати хвалу воздаем. Дивен Бог в словах, творя чудеса, показал на тебя, царя благочестивого, славу свою и светлые победы. Свое христоименитое стадо от иноплеменного агарянина ныне тобой, государем нашим, сохранено. Ты, благочестивый, крепок в здравии. Видел владыка неотложную твою веру и чистоту, и любовь нелицемерную, и расуждение благоразумное, и храбрость, и мужество, и целомудрие, как царства басурманское и казанское, и астраханское передал тебе в руки. Так оборонил Москву от басурман, тем возвел на тебя благодать. Как и равноапостольному Константину и прародителям твоим великому князю Владимиру, посвятившему русскую землю в крещение, да славному Дмитрию на Дону, варваров победителям, и светлому Александру Невскому, латынов победителю, дано было от Бога сокрушить врагов, так и ты град Казань и змия, там гнездящегося и кроющающегося в норах, сокрушил своей благодатью и силой и крепостью. И другого змия крымского, ныне приползшего, аки Егорий Победоносец копьём пронзил. Здравствуй, государь благочестивый, царь со своими наследниками царевичами и со всеми боярами, и со всем христоролюбивым воинством в богоспасаемом царствующем граде Москве. А тебе, царю, благочестивому государю, за твои труды со священным собором и всем православным христианством челом бьем! (*Кланяется*).

Сафоний (*торжественно*). Митрополит Всея Руси склоняется перед царем-победителем. (*Звон колоколов. Салют*).

Хор (*поет*). Государю нашему на сей земле слава! Чтоб нашему государю не стариться, чтоб его цветному платью не изнашиваться, и его добрым коням не изъезживаться, его добрым слугам не изменяться! Чтоб правда была на Руси краше солнца светла, чтоб царева золота казна была век полна! Аминь! Аминь! Аминь!

Крик. Победителю казанскому, астраханскому и крымскому слава!

Крики. Слава! Слава!

Польский посол (*тихо*). При взятии Казани отличился более всего князь Горбатый-Шуйский, великий гетман царской армии. Царь не выказал больших дарований, однак истинного победителя гетмана Горбатого-Шуйского казнили.

Немецкий посол. Тише, господа, тут кругом шпионы.

Малюта (*торжественно*). Слово для приветствия благоверному царю имеет второй иерарх нашей православной церкви новгородский архиепископ Леонид.

Леонид. Народ православный! Спасители Руси Александр Невский и Дмитрий Донской под стать царю нашему Ивану Васильевичу! Слава тебе, благородный царь, во веки веков!

Крики. Слава! Слава!

Митрополит Антоний (*подняв крест*). Государь! Да благословит тебя Господь и света моего царевича! (*Крестит Ивана, царевича и целует им руки*). Многия лета!

Царь Иван (*торжественно*). Отец наш митрополит Антоний Всея Руси! Архиепископы и епископы, и все православие! Бью вам челом о ваших к всеильному Богу прилежных молитвах об избавлении от варварского нахождения. Басурманские цари и все басурманские люди много лет христианство расхищали и многие города и села, Богом дарованные нам нашей Руси-державе, попримали. И в тех городах церквей святых было разорение, и не имеющего числа крови христианской пролилось. И впрямь расхищение России на Руси-земле грехов ради наших, а паче моих согрешений. А многие лета мы вооружались. И отец наш, и дед наш воевод посылали на отпущение, уничтожив дух пустынь за грехи наши. А ныне по совету Божьему ходили на них и, как прежде, многолюдный город Казань со всеми живущими в нем был предан нам в руки. И магометановы прелести пороча, водрузили животворящий крест в запустенной мерзости казанской. Так и ныне стряслось. Милосердный Бог, молитв ради наших и ваших, и Пречистая Богоматерь, и великие чудотворцы услышали и подали нам помощь. Крымский Девлет Гирей возвратился, гонимый гневом Божьим.

Нагой. Государь великий, в Крым вернулась третья часть татар. Сам хан приехал в Бахчисарай бесславной ночью в телеге раненный. Видели: рукав у него был перевязан. Так-то ему, кровопролитцу!

Иван. На наши молитвы уповало ополчение со своим войском против кровопролитцев крымских. И мужеством, и храбростью всех наших бояр и воевод, всего нашего христианского воинства, с рвением и страданием за нашу истинную христианскую веру победили супостата.

Крики. Слава! Слава!

Малюта. Государь великий, ты добр, и мягкосердечно прощаешь грехи. Однако, мы, твои верные слуги, не можем простить измен тебе, благочестивому. Не все за тебя стояли. И о том, про измену, написаны стихари. А лучшие отобраны.

Иван. Кто ж лучшие написал про измены? Который из придворных скоморохов?

Малюта. Государь великий, лучшие стихари, по нашему всеобщему мнению, писаны дворянином Михалкой с сыном своим. Они лучшие сочинители придворных стихарей! Позволишь ли прочесть?

Иван. Хай произносит!

Михалка (*кланяется*). Государь всемогущий и милосердный, пресвятой праведный! Как прародитель твой вывел порфиру из Царьграда, так и ты храбро предводительствовал рати против супостата! Ты - грозный, но справедливый владыка. За правду милуешь, за неправду вешаешь. Народ с благочестием любит тебя, с которого началось московское царство.

Иван. Читай стихарь.

Михалка. Господь, храни царство московское и царя нашего Ивана Васильевича!

Иван. Читай стихарь.

Михалка. Царь Иван Васильич копил силушку, накопил силу - сам пошел! Через Москва-реку переправился, не дошедши города Серпухова, становился он в зеленых лугах и при алых цветах, при лазоревых. И тут стал переглядывать силушку, все князья-бояре налицо были, не случилось лишь одного при том. И сказали царю про Мишеньку, про Михалку, про Воротынского: изменил тебе, царю белому, продался он хану крымскому. Также продался хану Турецкому, он прельстился на его золоту казну, на тех ли на сарациночек, по-нашему, на красных девушек. (*Кланяется*).

Иван. Добро. Теперь ты, младший Михалка, стихарь свой скажи.

Михалка младший (*кланяется*). Вот и батюшка православный царь, в твоём славном-то городе Серпухове всем князьям-боярам перебор пошел, одного князя не случилось, се Михалушки, братцы, Ивановича. Предался он, братцы, князю Рымскому, князю Рымскому, царю миланскому. (*Кланяется*).

Иван. Старшему Михалке из казны пятьсот рублей, младшему двести рублей.

Михалки кланяются, целуют царю руки.

Василий Блаженный (*выглядывает из толпы, кричит*). Хула спустилась на хвалу, хула спустилась на хвалу, хула спустилась на хвалу!

Умной Колычев. Ухопить того юрода!

Василий убегает.

Малюта (*негромко*). Хоть бы замерз зимой на паперти, черт бесхвостый! А то избавиться от него втихую. (*Громко*). Обаяние православного царя возвеличено заступничеством Божьим! Уход крымцев - прежде всего судьба, благоволящая царю, затем - мужество и военное дарование воевод,

и храбрость ратных людей. Про что сами же басурмане говорят да изменники, что с басурманами шли на Москву? Привести басурман!

Приводят пленных татар в оковах. Среди них, также в оковах, казак Кудеяр Тишенков.

Народ (*встречает их сердитыми криками*). Так-то им!

Женщина (*вопит*). Татары детей моих истерзали! Старшу дочь в полон угнали! Дом подпалили!

Первый (*указывая на Тишенкова*). А тот, гляди, изменник, крапивный сын!

Крики. Бей их!

Толпа нападает. Стрельцы, взявшись за руки, сдерживают толпу.

Малюта. Тихо, народ! Кто самовольно будет совершать дурачество, не пожалел бы! Послушайте, что сказано будет.

Умной Кольчев (*оборачивается к царю*). Государь, сей изменник Кудияр Тишенков великую новость сказал в пытке. Ныне покаившись, публично сказать хочет. Говори, Тишенков!

Тишенков (*низко кланяется*). Государь грозный, перед приступом русских было нам страшное видение: на небеси над нашим полком басурманским шла великая туча, и стала она против самого табора нашего, и перед ней, тучею, идут по воздуху два страшных юноши.

Иван. Юноши... То, видимо, святые Борис и Глеб, сыны святого князя Владимира. Так ли, отец святой архиепископ Леонид?

Леонид. Истинно так, государь!

Тишенков. Идут два юноши, а в руках своих держат мечи обнаженные и грозят на наши полки басурманские.

Первый. То-то! Они нас побороть хотели, а от небес, вишь, сказано - они от нас, русских, неминуемо должны погибнуть.

Малюта. Государь, видение небесное и наш казак подтвердить может, есаул Васька Рожка.

Васька Рожка. Истинно, государь великий, и нам в ту ночь видение виделось. По валу басурманскому, где их наряд стоял, ходили тут два мужа лет то древними, на одном власяница мохнатая. Так же наверху летали в ратных одеждах молодые.

Иван. Мужа древние не иначе как Иоанн Предтеча и Никола Чудотворец. Сие означает - целый сонм святых нам в помощь был!

Царевич Федор (*радостно*). Батюшка, мужи храбрые, младые, в ратной одежде - то воины небесные. С нами ангелы, батюшка!

Иван. Так-то, сын мой царевич Федор, и ты, царевич Иван, двое в белых ризах, двое в власяницах, то есть святые, а с ними ангелы небесные.

Царевич Иван. После видения что сделали вы, казаки да иные воины?

Васька Рожка. Государь великий и вы, царевичи, после видения пошли мы на вылазку из града Гуляя, и на ней, вылазке, все видели басурмане, крымцы и турки, и ногаи: два мужа храбрые и младые, в одежде ратной, с мечами голыми множество басурман побили, а очи наши то не видели, лишь мы поутру по убитым знаем, что дело Божье, не рук наших. Распластаны люди крымские да прочие, иссечены на полы, сослана на них победа была с небес. И они, полонялые, о том с нас спрашивали: скажите нам, казаки, кто у вас из Гуляй-города выезжал к нам в полки наши крымские, два младых мужика в белых ризах с мечами голыми? И побивают они у нас нашу силу крымскую всю и пластуют людей наших на полы по всей одежде.

Малюта. То с небес ниспослано, государю нашему. Слава государю, что стоял за нас, за овец христианских, против басурманских волков!

Крики. Слава! Слава!

Васька Рожка. Славе твоей, государевой, пришла победа! Крымский царь со всеми своими силами и турецкие паши с турецкими янычарами за четыре часа до свету, заметавшись и встрепетась, побежали, гонимы, с вечным позором. Пошли паши турецкие себе за море, а крымский царь пошел к себе в Орду, черкасы пошли в Кабарду, ногаи пошли в Улусы, а нас, казаков, с двоих тысяч осталось только триста семь человек. А которые остались, мы холопы государевые, и те все переранены. Нет у нас человека целого ни единого, какой бы не пролил крови своей за тебя, царя нашего, и за имя Божье, и за веру христианскую!

Иван. Ворам и недругам наказание, а честным воинам и труженикам награды. Составлены ли наградные списки, Годунов?

Годунов. Государь, ныне списки составляемы в казначействе.

Иван. Первым в списке поставь митрополита. Также и архиепископа поставь. Без православия не было бы победы казанской и нынешней, серпуховской. Потому место в Казани под церковь и под двор пусть получит Троицко-Сергеевский монастырь, обитель родная Сергея Радонежского, вдохновителя куликовской победы. Дать ему, монастырю Троицы, доходные привилегии с пошлин, с купли-продажи ногайских лошадей. Сколько в казне наградной раздачи намечено?

Годунов. Государь, раздает казна по списку казначейства деньги, платье, доспехи, коней. Опричь вотчин и поместий и кормлений сорок восемь тысяч рублей.

Иван. Брата ныне покойной царицы благоверной Анастасии, матери сынов моих царевичей, Никиту Романова жаловати государственными избами и великими фряжевými кубками и ковшами. Поставити его, любимца казаков, таж вновь на засечную черту. То была помылка, что оставил вместо него Михайла Воротынского.

Никита Романов. Щедрость Бога послала нам, русским, такого царя, который, исполняя усердие и по собственному разумению, начал вооружаться против врага. Он не хотел наслаждаться покоем. Жить, затворясь в прекрасных хоробах, как в обыкновении у теперешних царей на Западе. Прожигать целые ночи, сидя за картами и другими бесовскими измышлениями. Но сам поднялся, не щадя своего здоровья, на враждебного и злейшего своего противника. Слава государю!

Крики. Слава! Слава!

Хор (поет). Господи, храни царство московское!

Иван. Воевод, детей боярских и всех воинов наградить избами многоценными, со своих плеч шубами, бархатом и золотом! А именно соболя и куньки, и иные шубы и ковши. Иным кони и доспехи. Особо же думному дворянину царского двора Григорию Лукьяновичу Скуратову, который храбро по сей день непокойные племена близ Казани усмиряет, и иные измены со стрельцами и казаками усмиряет.

Малюта. Хвала тебе, государь великий! Ради тебя живота не пощажу! *(Целует царю руку)*.

Иван. Награда всем душевно преданным, и вельможам, и простым воинам. А сему казаку всенародно от себя кафтан! *(Снимает с себя кафтан и надевает на казака)*. Да наградить его золотой гривной!

Васька Рожа (взволнованно). Великий государь, мы, холопы твои, за тебя да за отечество стояли! Мало нас против них, чуть боле трехсот коней! А пошли напролом за дело христианское! Прими же от воинов твоих с рук наших твою государеву победу для святой Предтечины и Николина образа! И ты, государь, и Русь наша от войны, от басурман безопасны будут! А за твою государскую тою к Богу веру, и твоей государской рукой оборонил нас Бог от таких великих басурманских сил, а не нашим молодецким мужеством и помыслом. И буде, государь, нас, холопий твоих, пожалуешь, велишь пойти нам ратным делом - подыдем мы, грешные, икону Предтечеву да пойдем с ним, куда ты и он свет велит. В Сибирь ли, на латын ли, за Камень ли, а атамана поставим у его образа. Тот будет у нас игуменом. А есаула поставим - тот будет пономарем. И приде на врагов Руси победа от Христа, сына Божьего, с небес, от силы Божественной.

Иван (С пафосом) Воин православный, иди, куда укажет Господь и государь твой! *(Обнимает казака)*. Надобно раздвинуть русские пределы до рубежей, указанных Богом и самой природой - до Камня, сиречь хребта Уральского, до Кавказа, до Азии, до берегов Каспийского, Черного и Балтийского моря!

Митрополит Антоний (торжественно). Ветхий Рим пал от ереси! Второй Рим в руках безбожных агарян. Твое же, великий государь, русское царство - Третий Рим - все другие царства превзошло своим благочестием! А ты единый во всей вселенной есть истинный христианский государь! Прими, государь, награду - знамя победителя татар на Куликовом поле! *(Подает знамя)*.

Иван (целует знамя). То знамя прародителя моего князя Дмитрия на Дону. Охрану знамени поручаю входящему в свиту мою Борису Годунову и Семену Пушкину! *(Передает знамя)*.

Мальчик. Дедушка, то главное знамя русского войска?

Седой. Истинно, малец, сие старинное знамя со Спасом с нами под Казанью было. Знамена со Спасом али со святым Георгием имеют все полки русского войска.

Митрополит. Государь Иван Васильевич Всея Руси, прими таж сей меч Победителя от церкви православной за борьбу твою с агарянами, жестокими врагами креста Господня. *(Подает меч)*.

Иван (берет меч и целует его). С трепетом приемлю от православия сей меч! Сей меч с длинным клинком, рукоять прямая с крестовиною несколько изогнутой, как у древних мечей, в алых ножнах, перевит золотом, видать можно на старинных иконах в руках у святого Дмитрия

Солунского. На новгородской иконе “Иоанн, Георгий и Власий” таков меч, Георгий Победоносец держит такой меч. Чести царской и церковной стояти воедино, ибо орел двуглав! Русское государство - единое, независимое, православное царство должно заменить погибшую Византию - Израиль, в среде которых правая вера и истинное благочестие. Турецкие же, татарские - то агарянские люди. Стоять буду за все московское царство и за весь народ Нового Израиля!

Третий. Всеславлен оборонитель наш, сохранитель державы, православный государь и победитель басурман!

Хор (поет). Хлебу да соли долгие лета. Слава! Государю нашему долее того. Слава! Слава! Слава!

Архиепископ Леонид. Престол твой, государь, правдою и крепостию, и судом истинным утверждается! Да рассыплются страны поганские! Да покорены будут враги твои под ногами твоими!

Годунов. Се благочестивый государь и князь великий, добрый правитель хоругви земли русской, скипетродержавного корня. Людей упася и великим смыслом единовластия русское утвердит, мечом храбрым все супротивное ему побеждается, покоряется, силу своей земли умножает.

Малюта. Государь, от риторов московских нижнего ряда, также фруктового ряда, где иноземными книгами торгуют, речет ритор Протасий доброплетущие словеса.

Протасий. Храбропобедный, в благодати славлю скипетродержавное, то же, что райские древесна, яки наслаждаются при восходящих вод и правоверием наполняемы. Благоразумием же и благодатию возрастаемы, и Божьей славой осияемы, образуют сад доброросен и красолиствен, и благоцветен, многоплоден же и зрел, благоухания исполненный. Великие же и высоковерные, и многочадным рождением яко светлзрачными ветвями расширяемы. Так же ты, государь, премудр и храбр, и крепкорук, и силен телом, и легок ногами, подобно деду твоему Ивану Третьему, снявшему татарское иго с русской выи. Он почал, ты завершил побиение сгустившихся было вновь врагов. Ты, государь, чудотворец, ибо чудеса предвещали победы над басурманами. Слышит твои торжественные властные заявления тот, кто чтит историю, вспомнит далекую старину, перенесется во времена блистательных римских цезарей, владеющих великими землями. Слава тебе, премудрый, превзошедший римских цезарей!

Крики. Слава! Слава!

Василий Блаженный (протискивается сквозь толпу). Государь, и я пришел с подарком.

Умной Колычев. Оберегальщики, волоките прочь юрода!

Стрельцы-оберегальщики волокут блаженного.

Блаженный. Государь, гляди, много досады и разорения, и биения, и пихания от безумных человек испытываю. Гляди, как бы худо не было!

Иван. Пустите юрода. Хай, скажет, что хочет.

Оберегальщики отпускают блаженного.

Василий Блаженный. Государь, прими славу света сего. Ты же ее хочешь. *(Протягивает мешочек).*

Иван. Юрод, чего ты мешочек мне принес? Что в том мешочке?

Василий Блаженный. Пыль в мешочке, государь. Помни о ничтожестве и бренности человека, читай про грешников, в патериках и минеях.

Малюта. Гоните дурака. Пошел прочь, юрод!

Василий Блаженный (кричит). Встань поутру, царь, да тысячу поклонов отбрось! *(Скрывается в толпе).*

Умной-Колычев. Оберегальщики, глядите, чтоб боле юрод не являлся.

Митрополит Антоний (торжественно). Изрек пророк Исая: “Хвала делам Господним, дом к дому и село к селу приближающим!” Так и царская власть с православием приблизит все дома да села, все одни к одному.

Иван. Без помощи церкви, без церковного руководства не дана была бы нам победа над агарянами. Потому не одними лишь воинами завоеваны, а и церквами нашими с монастырями, для крещения басурманства. Как окрещен будет последний казанский царь Едигер Мухаммед, внук последнего золотоордынского хана Ахмета.

Приводят Едигера с несколькими татарами.

Едигер (кланяется царю Ивану). Великий белый царь! Изъявил желание креститься.

Иван. Ничто так не радует православных царей, как неверных в веру обращати, ежели и не восхотят.

Дабы вся вселенная наполнилась православием.

Митрополит Антоний. Царь Едигер принял крещение и наречен Симеоном.

Иван (*обнимает Симеона-Едигера*). Новый брат у меня отныне, царевич Симеон Бекбулатович Касимовский! От Бога нашего дан нам великий обряд крещения. Всякий раз не могу без слез его видеть! (*Утирает слезы*). Точно еще при жизни принимает Бог с человека его душу.

Крик. Посрамителю басурман царю Ивану Васильевичу Всея Руси слава!

Крики. Слава! Слава!

Иван (*торжественно*). С помощью Божеской воли мы, православные, оборонили Москву от супостата. Москве отныне именоваться богохранимым преименитым царствующим градом, Третьим Римом, благочестием цветущим. Войскам-оборонителям двинуться торжественным ходом!

Звучит музыка и громкие звуки набата.

Царевич Федор. Батюшка, люблю военную музыку. Славно как!

Иван. И я люблю военную музыку православную. Татар зурна издает бесовский звук. В русском же войске много трубачей. Ежели они по отеческому обычаю станут дуть в свои трубы, вместе загудят, то можно услышать тогда некоторое удивительное и малоожидаемое созвучие.

Музыка. Идут войска.

Мальчик (*восторженно*). Оружия сколько всякого в войске! Что то за оружие, дедушка?

Седой. Оружие колющее и режущее, и огненное.

Мальчик (*восторженно*). Пушки идут!

Седой. То пушки на вертлюгах. Ранее на волочках везли, а ныне, гляди, на телегах. А то везут огненные мортиры, которые вверх стреляют, и гаубицы. А те длинноствольные ушаты на станках, лафетах, а те - "сороки" многоствольны. "Сороки" называют, что быстро гутарят, сиречь бьют.

Первый из толпы (*восторженно*). "Сорока" - она дробью бьет!

Седой. "Сорока" заряжается множеством пуль. Пули - ядра с гусиное яйцо.

Второй из толпы (*восторженно*). Велики пушки идут!

Седой. Тяжелы пушки для обстрелу большими ядрами в колено человеку и в пояс.

Немецкий посол. Ни у одного государя не видел таких больших орудий.

Английский посол. Ни один христианский царь не имеет столько пушек, такого запаса военных снарядов. В Оружейной палате хранится огромное количество. Русский царь снабдил пушками все построенные крепости.

Польский посол. То-то Европа, панове, так богато вооружает тирана. Казань город велик, а уж на половину Москвы-то заселят. Из камней мечетей строят там православные храмы. Не случилось бы то с Европой!

Музыка. Идут войска с развернутыми знаменами.

Мальчик (*восторженно*). Знамен-то сколько! Что то за знамена, дедушка?

Седой. Знамя это, лазоревое, опушка - тафта, алая - то дворянское ополчение. Знамя пестрое, в середках клинцы: два белых да два лазоревых. Опушка - тафта алая - то московские стрельцы. Знамя желто, на нем выбит зверь - гриф. То стреленные стрельцы. Знамя черно, на нем выбит золотой орел одноглав - то казаки. Знамя лазоревое, на нем солнце да луна золотом и серебром - новосъезжие, из литвинов, немцев да прочих наемных иноземцев. Знамя зеленое, а опушка желтая - новокрещенные из служивых татар. Мордва, чуваша, черемисы. Знамя - тафта черная, на нем кресты и хоругви. Государев полк!

Царь Иван. Народ православный, велико наше торжество над посрамленным врагом! По случаю победного торжества освободить на волю на Москве воров, кроме самых великих убийственных дел. Малюта, тем займешься.

Малюта. Исполним, государь. Государь, получена весть: князь Михайло Воротынский в дороге на Белоозеро помер.

Иван. Собачья смерть ему и кошачья могила! Всякая измена карается от Бога. Все от Бога. И сия победа дана от Бога. Объяви народу гулянья, пиры и медвежьи представленья за счет казны.

Малюта. Народ, по милости царской будет всеобщее угощение. Бочки на выкат, пиво да водка, да квас, да мед. Также мясна да рыбна пища и прочее. Также медвежьи потехи.

Крики. Слава государю! Отец наш, государь-батюшка!

Малюта. Государь, головщик хора хочет тебе новую песню показать после походского стояния против

супостата.

Подходит головщик, кланяется.

Иван. Показывай, головщик.

Головщик. Государь-батюшка, по случаю великого победного торжества сложена моя песня про твои славны дела.

Иван. Люблю слушать песни о славных событиях моего царства. Также про иные славные деяния. Я и сам написал стихари, сочинил к ним музыку в честь праведного митрополита московского Петра, перенесшего свой стол из Владимира в Москву. Также в честь Сретения иконы Владимирской Божьей матери, защитницы Руси от врагов. В такой музыке мажорные радужные нотации должны иметь свой звук на напряженных тугих минорных.

Головщик. Государь-батюшка, зная твоё познание и умение в истинно музыкальном деле, старался стихари писать, как ты учишь. Старался, чтоб скоморошских грехов не было.

Иван. И скоморошья песни люблю. Сложены коротким стихом, и петь их надобно на живой веселый мотив. Прославляющие же стихари, аки евангельские, надобно строгие и медленные, образы широты поднебесной, куда идут апостолы и смятенные души жен-мироносиц. У латын и лютеров то юбеляцией именуется. *Jubilatio*, сиречь ликование, музыка ликующая. У греческого пения заключный тон не отпеваётся. Покажь-ка ноты, головщик.

Головщик. Вот, государь-батюшка, стихари, положенные на крючковые ноты.

Иван (*смотрит в ноты*). Где тут высота звука?

Головщик. Вот, государь, в киновари намечена высота звука.

Иван. Делали ли распевы на гласы?

Головщик. Делали, государь.

Иван. Покажи песню.

Головщик. Слушаюсь, государь-батюшка. (*Торжественно*). Песня о славном царе-соколе!

Запевала (*поет звонким голосом*). Поутру то было, по зореньке, на восходе красного солнышка, не ясен сокол по горам летал, не белый кречет перепархивал.

Хор. Здравствуй, батюшка, православный царь, со своим славным городом со Серпуховым!

Иван. Головщик, не так у тебя хор поет. Надо: низ и верх должны вступать вместе с момента на захват, как подголосные песни. Изрядное осьмоголосье сладкоголосьящее для распева. Дай-ка, я стану. (*Становится перед хором*). Почали! (*Дирижирует и поет с хором*). Здравствуй, батюшка православный царь со своим славным городом со Серпуховым.

Головщик (*умленно*). Государь-батюшка, сладкослышанное пение! И корелы лучше-то не споят, корелы-то поют сладко!

Иван. Люблю петь. И дед мой Иван Третий любил. В хоре придворных дед пел. Еще споём. (*Дирижирует и поет*). Здравствуй, батюшка православный царь со своим славным городом со Серпуховым.

Крики. Слава государю!

Малюта. Государь великий, от простого народа подарок хочет тебе принести крестьянин кабальный Якуш Ярмаков.

Якуш Ярмаков (*подходит и низко кланяется*). Царь-батюшка, государь православный, хочу подарить тебе от сердца лапти и луковку - убогий свой подарок.

Иван (*берет лапти и луковку, растроганно*). Приемлю с благодарностью лапти и луковку. Дети мои, народ православный! Лишь среди вас, простецов, я, царь, отдыхаю душой. Ныне пируйте и веселитесь по случаю великого торжества.

Вбегают скоморохи.

Скоморох (*весело*). Начинается комедь, чтоб народу не шуметь! Русский народ будем сверху пороть! (*Смех*).

Первый. То главный комедчик кричит. (*Смеется*).

Скоморох (*весело*). Народ православный, ныне поглядите на всякое! Есть у нас чудесные и зеленые черти! И люди, жгущие себя на костре! (*Смех*). Ложки, игрушки, прялки, хлопушки! Чего тут нет! (*Ревет труба, стучит бубен, поет флейта, гудит барабан, говор, возгласы, песни, весело играет музыка*).

Итальянский посол. Господа, это напоминает мне наш итальянский карнавал. Таким же образом отправляется карнавал. Тем только отличается, что в Италии день и ночь в то время ходит дозором

конная и пешая стража, а в Москве нередко сама стража упивается вином и вместе с народом своеволит.

Польский посол. В Московии среди разгула самые разные игры часто переходят в страшные кулачные бои. Не струсилось бы и ныне подобное.

Скоморох (*показывает куклы*). То греческая девка Венерка! В старину она богиней была, а ныне на украшение! Черт, обшитый черной овчиной, ксендз в черной рясе с широкими рукавами. Рот, нос, глаза и уши красные. (*Смех*). Смерть - скелет с косой. Пузата кукла с гусями. Вот купец, вот казак.

Второй из народа (*со смехом*). То бумажная комедь. Куклы вырезаны из сахарной бумаги на ниточках. Люблю бумажную комедь!

Скоморох (*весело*). Слон персидский, а на нем человек сидит, он много бед натворил, сухарей потопил, на крестцах будки с гнилым сухарем, с прокислой кутьей. (*Смех*). Вот, мол, и лекарь, старый аптекарь, он старых баб на молодых переделывает, у кого живот болит, приходи к нему лечиться, он новые зубы вставляет, старые вон выбивает, чири вырезает, болячки вставляет. (*Смех*).

Итальянский посол. Таких паяцев называют в Московии скоморохи. Не от итальянского ли скоморучча? Скомора, шпион, вор, разбойник.

Польский посол. Церковь борется с ними, называя дело их бесовским, но царь их любит и защищает всячески.

Скоморох (*весело*). Вот богатырь, также немец-великан Али-Гасан. Вот здесь, при полном мраке, быть назначено злой драке. Спрячьтесь к месту и смотрите! Примечайте, не дремлите! Кто задремлет - пятак. (*Смех*). Поп служит молебен, закатывается под пьяную песню. (*Поет, приплясывая*). Затопила млада печку, сама по воду пошла. По воду, по воду на матушку на реку. Уж как первая беда - расплескалась вода. А вторая-то беда - подвернулся каблучок, подвернулся каблучок, и упала на бочок. (*Народ смеется, приплясывает и подпевает, пьет вино*).

Первый (*хмельно*). Главный комедчик, далее показывай комедь!

Скоморох. Овцы златороги, быки безроги в саду разгуливают. В тюрьме сидит нищий с сумой. Русалки танцуют. Музыка.

Царевич Иван. Батюшка, русалки в страстной четверг до Троицы живут в водах, на берег выходят поиграть. С Троицева дня до Петрова поста живут на земле в лесах. Так ли?

Царевич Федор. Батюшка, правда, в труппах на деревьях - любимое пребывание душ по смерти?

Иван. Сыны мои, мальчики, души злых превращаются в страшные безобразные оборотни, пугают и делают зло людям. А русалки тому противятся. И для того до поста Петрова сидят на деревьях. После поста Петрова русалки падают.

Малюта. Государь, юрод не оборотень ли? Гляди, что юрод делает проклятый! Возле Фроловской церкви на корточки сел. Послать оберегалыщиков побить его, да в кутузку.

Первый из народа. Гляди, Вася Блаженный возле церкви срам делает!

Второй. Вася, ты чего срам творишь при царе и народе?

Василий Блаженный. Душу свободную имея, не срамлялся человек сраму, ибо чрево у него свое потребное. И перед народом проход твори. И перед царем проход твори.

Малюта (*гневно*). Вот велю тебя побить, юрода поганого! Что перед царем срам творишь.

Блаженный. От мирских вождей страха не имею. От пленных уз и темниц и раны великие огня.

Иван. Отчего ж ты так храбр, юрод?

Блаженный. Доспех на мне нерушимый, царь. (*Хлопает по голому телу*). Надел я на себя белые ризы нетленной жизни.

Скоморох (*насмешливо*). Государь великий, юрод в тех белых ризах со бродячими псами спит, однако псы от него отбежали - воняет слишком. (*Затыкает нос. Смеется. Вокруг смеются*).

Василий Блаженный. То истина. Ежели я снизошел до псов, то псы снизошли до меня.

Скоморох (*сердито*). Проклятый юрод. Государь милостивый, позволь, я на него смердячего медведя напущу?

Иван. Пускай, скоморох, медведя. Хай полакомится.

Скоморох. Сергач, пускай медведя! (*Слышны медвежий рев и крики народа*).

Первый. Страшно-то как, зубастый да клыкастый! По частям раздирает!

Польский посол. Панове, начинаются кровавые дела москвитов. Пора уходить от зрелища не для европейского глаза. (*Рычание звериное не смолкает. Слышно тихое урчание*).

Первый из народа. Глядите, медведь юрода не взял! Облизал лишь руки да лицо, да пошел прочь.

Второй из народа. Медведь животное честное. Не воровит, не обманывает простой народ.

Третий. Медведь имеет особую силу. Ежели попляшет перед порогом, то незачем опасаться пожара и других несчастий. Ежели что болит, то прикоснуться надобно. У кого голова болит - к голове медведя, у кого нога - к ноге медведя.

Четвертый. Он тебе прикоснется! То юрода облизал, а тебя он на куски.

Третий. И меня медведь не тронет! Медведь произошел от простого мужика. Однажды вздумал мужик напугать старичка, а старичок-то оказался Богом и покарал обидчика. Ты меня напугал, а вот за то ты будешь такой, что тебя будут люди бояться. Ты будешь реветь, а чтоб люди знали, что ты из человека, ноги твои будут как человеческие руки.

Первый. Смотрите, что юрод-то! Юрод прочь уходит.

Второй. Вася, куда уходишь от нас?

Блаженный. Иду владимирску клюкву искать. А с вами, холопами, быть не хочу.

Иван. Скажи, мудрец голый, что есть правда?

Блаженный. Правда есть Христос. И не хотящим вам того, аз приемлю и! *(Уходит)*.

Иван *(крестится)*. Сохрани и спаси нас, Господи! На том месте, где Василий Блаженный проход сделал, повелеваю поставить, заместо деревянного, у Смоленских ворот храм каменный. Объявить, бирючи, о том всенародно.

Бирюч Сафоний *(Торжественно)*. Благоверный и христоробивый царь и великий государь Иван Васильевич Всея Руси самодержец повелел поставить храм Покрова каменный с пределы о победе, что Бог покорил Руси басурманский рог.

Крики. Слава государю, многие лета!

Иван. Дети мои, народ православный! Веселитесь и пируйте далее о делах победных.

Крики. Любо, любо!

Скоморох *(весело)*. Починаем медвежьи потехи!

Мужик. Хороши медвежьи потехи! Когда медведи-плясуны в селение к нам приезжают, и старики, и мальчишки, и женщины с грудными младенцами сбегаются, оставив второпях хаты незаперты. Один другого давит, садятся поближе. Небольшое селение, а народу сбегается страшная уйма! Будто из земли люди выползают, подобно муравьям. Кажется, ежели б шапки посрывали и чуприны посрезали, то не заметят. *(Смех. Появляются медведи)*.

Мальчик *(весело)*. Сергач, медвежий подводчик, покажи комедь медвежью.

Сергач. Ну-ка, мишенька, покажи-ка государю нашему да народу всему православному, как красная девица белится, румянится, в зеркальце смотрит, прихорашивается.

Первый *(смеется)*. Смотрите, мишка садится на землю, трет себе одной лапой морду, а другой вертит перед рылом кукиш! *(Смех)*.

Сергач. А как бабушка Ерофеевна блины на масляничную ночь собирала? Блины не пекла, а только сослепу руку сожгла да от дров угорела.

Второй. Смотрите, мишка лижет себе лапу, мотает головой, охает. *(Смех)*.

Сергач. А ну-ка, Михайло Иванович, представьте, как поп Мартын к заутреней не спеша идет, на костыль опирается, тихо вперед передвигается, и как поп Мартын от заутренней домой гонит, а попадья его не догонит. *(Смех)*. И как старый Терентий из избы в сени пробирается, к молодой снохе подбирается. *(Смех)*.

Третий. Гляди, Михайло Иванович семенит и путает ногами. *(Смех)*.

Сергач. А как боярыня с баб в корзину яйца собирает? Складывает, а боярин все на бабью работу посматривает. Не чисто ль-де лен прядут? Умиляется, знать, до напряженного льна и до прядух подбирается. *(Смех)*.

Первый. Гляди, Михайло Иванович ходит кругом и теребит сергача за гашник. *(Смех. Народ бросает деньги)*.

Умной Колычев. Возьми, сергач, от государя пятьдесят рублей в утеху. Государь велит, чтоб и далее веселил добро народ.

Сергач. Поклонись, Михайло Иванович, государю Ивану Васильевичу. Теперь, государь, скоморошья потеха: как холопы из господ жир вытряхают. *(Смех)*. Афонька новый и боярин голый. Боярин так хозяйствует, что в поле колос от колоса не слышал человеческого голоса. *(Смех)*. Копна от копны три дня езды. *(Смех)*.

Скоморох. Государь милостивый, показавши вельмож, дозволю нам поиграти в царя?

Иван. В которого царя?

Скоморох. В польского Жигмонта.

Иван. В Жигмонта позволяю.

Скоморох. Представление начинается! *(Входят скоморохи, одетые в бумажные доспехи).* Се, государь, польские жолнеры. Ишь, как идут, горды паны-гусары! Знамена - тряпки, барабаны - лукошки, ружья - дранницы. *(Смех).* Сидит царь Жигмонт на троне. *(Садится на принесенный чурбан).* Вокруг него придворные на соломе. *(Смех).* Сиречь на соломе. Позвать ко мне Маршалку!

Второй скоморох. О, царь-король Жигмонт, зачем меня призываешь и что творить повелеваешь?

Третий скоморох. И не дождавшись навету, поворачивается задом и производит нескромный звук. *(Хохот).*

Польский посол *(сердито).* О, холера ясная, лайдаки пся крев! Свиньи российские!

Первый *(хохоча).* То он нажимает телячьи пузыри, которые у него подвязаны подмышкой.

Второй скоморох. А ну тебя за то! *(Бьет Маршалку).*

Третий скоморох. Придворные, бросьтесь на Маршалку и задайте ему трепку.

Скоморох - король. Я, царь-король Жигмонт, повелеваю убить до четырнадцати тысяч младенцев!

Второй скоморох. И тебе достанется! *(Бьет скомороха-короля).*

Третий скоморох. Заодно задаю трепку и царю-королю! Потом царя уносит в пекло черт. *(Скоморох, одетый чертом, волочит скомороха-короля).*

Крики. Бей его! Бей ляхову Литву! Бей всех ненаших! Бей! *(Слышны шум, крики и топот).*

Малюта *(сердито).* Что там за дурачество стряслось?

Стрелец - оберегальщик *(вбегают с разбитым в кровь лицом).* Какой-то ходит в городе, уродует. Возле Каменного моста перехожего убил.

Вбегают огромный детина с огромной дубиной.

Стрелец - оберегальщик. Вот оно, гонится!

Малюта. Берите его!

Детина пьяный. Меня? Да я всю Москву прошел, по себе борцов не нашел! Борцов, удалых молодцов.

(Смеется). Борцов не случилось, молодцов не годилось. *(Размахивает дубиной. Бьет кого-то в толпе. Тот падает).* Первая пошибочка, вторая пошибочка, почну третью пошибочку. *(Смеется. Размахивает дубиной. Крики. Медвежий рев).*

Скоморох *(кричит).* Ермолка, медведей уводи, медведей зашибут!

Польский посол. Как московские холопы развеселятся, то самое время, панове, уходить. *Послы уходят.*

Царь Иван. Волоките дурака ко мне! *(Оберегальщики волокут детину).* Ты зачем убил перехожего? Тебе самому да ведь также смерть приде.

Детина *(падает перед царем на колени).* Ой-ты, еси царь-государь Иван Васильич, принес тебе свою винную голову. Уж мочь-силу, государь, имею. По пирам люблю ходить, буйствовать. *(Смеется).* Сел за дубовый стол в большой угол, попихнул правой рукой и правой ногой, - все гости в правый угол, попихнул левой рукой и левой ногой, - все гости в левый угол. Попихнул обеими - все гости в сенях. *(Смеется).*

Иван. Люблю русское раздолье! Пустите его. *(Детину отпускают).*

Седой. Пойдем, малец. Ведь ты, мальчик, еще мал. А народ здесь пьет и шумит. *(Слышны шум и драка).*

Пьяный. На прошлой ярмарке меня два брата били. Все побили-переранили. Мне они не кажись! Я одного братца на руку возьму, да другого на руку другую возьму. Я братанов вместе схлестну, - у них кости расхлебаются и все суставы рассыплются. *(Бросается в драку).*

Второй пьяный *(с окровавленным лицом).* И я со многими бранился, а с иными дрался! Того не помню всего. *(Смеется. Шум драки).*

Слышны крики. Бери его на левый вороток, поднимай на правый носок, дергай рукой с плеча, дергай ногой с гузна! Поперек хребта его!

Первый *(держась за глаз).* Ой, глаз выкололи!

Второй *(хромая на ногу).* Ногу выломали!

Третий. Ишь ты, черт, ревет, окарача! *(Ползает, бьет дубиной вокруг себя).*

Стрелец - оберегальщик *(пьяный).* Тотчас всех смутьянов-буянов возьмем в объезжую за дела

неприличные! *(Падают)*.

Поп. Как такое творить при священных особах, при государе! Караульщики, сюда! Ты, грешник, уймись, не то брошу тебя о землю, то кожа лопнет, от шеи до гузна. *(Дерется)*.

Пьяный *(поет)*. Эх, ели до икоты, пили до перхоти, пели до надсады, плясали до упады. *(Смеется. Танцует)*.

Иван *(смеется)*. Милые мои, признаюсь, грешник, люблю русскую лихую драку. При игрищах и потехах потешный бой - потеха исконно русская. Признаю свое неблагочестие. Но при том мыслю, что игрищами и потехами я хочу добиться любви среди простого народа, сходя к его немощи. Дабы нас, своих государей, признали, а не их, вельмож-изменников. Выкатить еще бочки с пивом да и вино! Хай веселится натура русская!

Крики. Слава государю! Слава!

Выкатывают бочки. Народ пьет, веселится, дерется. Иван со свитой уходит.

Занавес

Конец четвертого действия

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Сцена 50

Золотая палата Кремля. Царь Иван сидит на троне. Рядом с ним царевицы Иван и Федор, Малюта, Борис Годунов.

Борис Годунов *(докладывает, глядя в бумаги)*. Государь, для пожарного строительства в Москве площади сгоревших храмов ныне выровнены, а где надо, дома сломлены. Сломка за счет хозяев вольнонаемными работными людьми. Ров обложен тесанным камнем. Общая стоимость тридцать пять тысяч рублей.

Иван. Который ров?

Борис Годунов. Ров, который отделяет площадь Пожар от спуска к реке. И в другой части на рву положена водосточная канава. *(Подает бумаги)*. А в городе Москве старые храмы надобно починить и новые поставить.

Иван *(смотрит бумаги)*. Ради того, чтобы новые ставить, старые алтари разбирать, надо ли старые хоромы да храмы ломать?

Борис Годунов. Государь, ломаем лишь то, что в полную негодность пришло али что негодно складено. Слом домов очищает местность для другого. В Москве, помимо выложенного камнем рва, около Кремля Гостиный Двор обнесен каменной стеной. Каменные стены вместо деревянных делаются в городах Нижнем Новгороде, Коломне, Туле, Саранске. В Нижнем Новгороде, кроме стен, строятся улицы, площади и ряды. Строятся пригороды псковские, также стены, улицы и площади в городах Изборске, Опочке, Выбор, Вороноч, Бельев остров, Гдов, во Владимире. Для того потребно нам из казны сто тысяч рублей.

Иван *(смотрит в бумаги)*. При постройке ветхих церквей особо глядеть, чтоб церковные заповеди не порушить.

Борис Годунов. То глядим.

Иван. Каковы еще дела?

Щелканов. Челобитные жалобницы во множестве, государь.

Иван *(смотрит жалобницы, читает)*. Бьет челом сирота твоя, государева... Иноземец, литвин, торговый человек полочанин Кондратушка... Бьет челом, раба твоя Катька Соколова... Бьет челом и плачется сирота ваша Анфимия... Бьет челом богомолица в отчине твоей села Лескова... Бьют челом холопы твои государевы князя Иван, сын Великоперского Сеньки... Великому государю бьет челом холоп твой Алешка, князь Юрьев... Щелканов, надобно указать, чтоб в жалобницах в титуловом заглавии писали обязательно среди прочего слово "милостивый". "Милостивый государь царь Иван Васильевич, покажи милость". Без слова "милостивый" жалобницы не принимать!

Щелканов. Так укажем, государь милостивый.

Иван. Указать в уложении по укреплению власти: Божьего помазника, монарха писать и называть его

милостивый. По слову “государь” также указать надобно. Государь пишут всякому: воеводе, наместнику, купцу, приказным, дворянину обычному. Велеть надобно, чтоб слово “государь” в государстве потреблялось лишь в обращении к царю и к царице. Также к наследникам и к митрополиту.

Щелканов. Укажем, государь милостивый.

Иван. Все те челобитные ты, Щелканов, посмотри, про особые мне доложи. *(Отдает Щелканову бумаги).*

Царевич Иван. Батюшка, имею я челобитную для передачи тебе.

Иван. От кого же та челобитная, Иван-сын?

Царевич Иван. От ученого старца Максима Грека. Ездил я к нему в Отроч. Тяжело там ему столько лет в заточении. Уж двадцать два года в оковах.

Иван. Не я его туда заточил! Священный Собор заточил еще прежде, при прежнем митрополите Макарии.

Царевич Иван. Заслуги его перед русской словесностью велики, батюшка, да перед православием.

Иван. То мне ведомо, Иван-сын.

Царевич Иван. Батюшка, ученый старец назад к себе, в Грецию, на Афон, просится. Пустить бы его за заслуги по старости годов.

Иван. Как мыслишь, Малюта?

Малюта. Государь милостивый, нельзя старца Максима Грека назад пускать. Он и ныне там иное еретично пишет. Имеется у меня, государь милостивый, жалобница на него от старцев Отрочева монастыря.

Царевич Иван. Батюшка, ученый старец ошибался не с умыслом, по забывчивости, али по скорби. Иной раз и от излишнего винопития. Однако, после соблазнов тяжело каялся. За ученого старца хлопочет троицкий игумен.

Иван. Пусть потерпит. Может, со временем переведем его в Троицкую Лавру. Я чую, собака Курбский с ним шибко общался. Собака Курбский впал в гордыню и представил себе, что он шибко ученый муж. Прибыло ли от него что новое, от Курбского?

Малюта. Государь милостивый, некий собачий лай прибыл. Я его велел твоему государеву чтецу Сафронию отдать.

Иван. Позвать Сафрония, хай покажет.

Малюта. Слушаюся, государь милостивый. *(Посылает слугу).* Как изменник Курбский сбежал, то за рубежом особо много нечисто про тебя, государя великого, имелось чего сказано, да про Россию. Шпигуны мне немецкие листы прислали. Хай немецкий толмач прочтет.

Толмач *(берет листы, читает).* Летучие листы. Жесточайший, ужасный...

Иван *(сердито).* Так про меня, государя русского, сказано, будто про варвара. Где сделаны эти листы?

Толмач. Государь милостивый, один листок из Регенсбурга, другой из Лейпцига, третий из Праги.

Иван *(сердито).* Годунов, указать надобно немецкому послу. Немецкий брат мой, дружеский император Максимилиан Второй, скорбит о наших жестокостях. А разве без жестокости испанский король Филипп Католицкий очистил страну от лживого учения? И у французского короля в его королевстве несколько тысяч перебито вместе с грудными младенцами, о том уж немало говорим. Мы стремимся к миру с Германией. Стремимся к договору, чтоб немецким купцам дать право ездить через Москву в Индию и Китай, а русским - взамен через Любек на Антверпен в Копенгон, и далее в Англию, Францию, Испанию. Однако, ежели в немецких летучих листах нас, русских, и меня, царя русского, жесточайшим страшилищем изображать будут, то дружеского договора не сделаем. И никакой русской торговли воском не будет.

Малюта. То, государь мой милостивый, козни изменника Курбского. Он в Европе про тебя и Россию клеветать тщится.

Входят Сафоний и Афанасий Пушкин, подьячий.

Иван. Сафоний, что ныне прислал собака Курбский?

Сафоний *(глядя в бумаги).* Книга “Цицерон - опера умная”, - так писано.

Иван. Дай-ка сюда. Цицерон - опера уния, сиречь собрание сочинений Цицерона.

Сафоний. Государь милостивый, я чтец православный, в тех делах языческих не учен. Потому взял в помощь Пушкина, брата знаменщика Семена Пушкина.

Иван. Не одним лишь православием мудрость жива. Требование мудрости - множество разума.

Издавна у нас чтец меньше пятидесяти лет не бывает, будто кто моложе, тот не мудр. Однако та мудрость не по старости дается. Мудрость дело духовное.

Царевич Федор. Батюшка, что есть то дело духовное?

Иван. То есть, мальчик Федор-сын, что милосердному и мудрому уготовлен рай, тому, кто истинно мудр, со христианским смирением, а не так, как собака Курбский. Курбский, подобно невежде попу Селиверсту, ныне в преисподнюю сгинувший, кичится своей мнимой мудростью и ученостью. Надобно отличать мнимых книголюбов, которые запирают книги в коробки и лари. А побегал он с отечества, собака, то все книги бросил. Сафоний, сделан ли реестр-книгопись тех книг, что Курбским брошены?

Сафоний. Государь, реестр делают, однако книг множество. Иные уж присланы. *(Берет бумаги, читает)*. Реестр посылаю до вашей милости, перепись богослужебных книг: Евангелие, апостолы, прологи, минеи, да книги от слова Козьмы, да новопоявившаяся ересь, да послания Фотия патриарха князя Борису болгарскому, да пророчества Набатая, да царства, да Иисус, да логика, да Дионисий Ареопаг, да Аристотель, Врата поучения Аристотеля греческому царю Александру Македонскому.

Иван. Все собака Курбский в игре с отечеством бросил. Помню, поведал мне мудрый старец Максим Грек, что царь Константин незадолго до падения Царьграда отправил в Венецию корабль с библиотеками. После захвата Константинополя бежал с книгами патриарха Алексей. Но не все книги сумел взять. Те, что остались, Магомед велел перевести для себя на турецкий. Даже варвар книги более почитал, чем сей мнимый книголюб собака Курбский.

Царевич Иван. Батюшка, какие книги особо почитать?

Иван. Для учения на первое место грамматика. Вслед логика, она же учит с доводом распознать правду от кривды. Чти книги святого Иова или послания святого апостола Павла. Аще посмыслить уметь риторикку, что есть красномовность. А особо чти книги Соломоновы. Для изучения музыки премножество стихов и песни святых по всей Библии найдешь. Уметь надобно арифметику. Еще вкратце считать учить. В-четвертых, книги Моисеевы чти. Имеючи перед очима науки геометрию, или, по-русски сказано, землемерие, чти книги Иисуса Навина, библейского правителя евреев. Ежели астрономию, али звездочетие, сотворение солнца и месяца, то найдешь в Иисусе Навине. Яко стояло солнце на едином месте целый день. По Библии закон и права - лекарства душевные и телесные. О делах военных и богатырских - книги Судей али книги Маковеев. Свидеть ты хочешь много тысяч лет летописей, чти книгу Паралипоменон. Ключ разумения - читати книги. О зверях, птицах, гадах, рыбах, деревьях, камениях и разных водах, которые в море, в реках, в студнях найдутся. И уважать их натуру надобно.

Малюта. Государь милостивый, записать надобно все, что говоришь, для посрамления западных магистров философии, а также их потаковников, как изменник Курбский. Ты, государь - великий философ!

Иван. Я изучал философию, однако по смирению не считаю себя, наподобие гордеца Курбского, хорошим знатоком сей науки. И не люблю, когда, думая почтить и польстить, называют меня философом. А Курбский в Литве ныне что подельывает?

Малюта. Государь милостивый, от шпигов наших известие, что Курбский записался в Краковский университет науки учить.

Иван. Малюта, которые науки?

Малюта *(заглядывает в бумаги, с трудом читает)*. Записался учить физику... Тут слово непонятное... Титку аристотелеву.

Иван. Этику аристотелеву. Эх, Малюта, грамотей ты. Я немало изучал Аристотеля. От него многие начала. Аристотель особо назвал, сиречь важнейшими, грамматикку, гимнастикку, музыку, рисование. И все ж из древних философов я отдаю первенство возвышенному Платону, также Сократу. И не так люблю Аристотеля, на котором держится латинская схоластика. Особому же осуждению предати надлежит неразумное приложение диалектики. Я люблю и уважаю очищенную от дьявольских умозрений философию. Как ученик Евангелия, я требую, чтобы философия была служительницей евангельских истин. Давно мечту имею по удачному исходу ливонского умысла сделать в Москве университет не хуже, чем в Кракове, али в Бранденбурге. А учить там, исходя из Евангелия. Аристотеля ли, Платона ли, Цицеронову ли риторикку. Чул я, в Краковском университете учение писем Цицерона. То, видать, собака Курбский мне пишет, подражая Цицерону. Зачти-ка,

Пушкин, что та собака пишет из Цицерона.

Пушкин (*читает*). Великий князь московский, посылаю тебе, как обещал в прошлом послании, вторую главу, выписанную мною и переведенную мной из книги премудрого Цицерона, известнейшего римского советника, жившего еще в те времена, когда римляне владели всей вселенной. А писал он, отвечая недругам своим, которые упрекали его как изгнанника и изменника, подобно тому, как твое величество, не в силах сдержать ярости своего преследования, стреляет в нас, убогих, издавляя огненными стрелами угроз своих понапрасно и попусту.

Иван (*встает с трона, ходит нервно*). Собака. (*Яростно*). Что ж ты, собака, совершив такое злодеяние, пишешь и жалуешься! Чему подобен твой совет, смердящий хуже кала!

Сафоний. Писать сие, государь, сноски?

Иван. Пиши, Сафоний, мои сноски. Ты ж, Пушкин, читай.

Пушкин (*читает*). Против Клавдия, который незаслуженно изгнан царем из города, все глупцы неистуют, а я тебя истинными словами представляю не глупым, как часто бывает, и не злым, как постоянно, но невоздержанным безумцем. Разум мудрого словно стена ограждает, и величие мысли терпимостью ко всему человеческому, презрением к счастью и всяким добродетелям. Может ли быть побежден и низложен тот, кого нельзя изгнать из города? Ибо что такое город? Всякий ли сонм злых человек, ненавистников, всякая ли толпа воров и бродяг, собравшихся в одно место? Видать, спорить будешь, ибо не существует город в то время, когда законы в нем бессильны, когда судьи бесправны, когда обычаи отцом забыты, когда коль скоро вельможа, изгнанный мечом, не существует, не существует имени Сената. Это сборище разбойников. Благодаря тебе, своему вождю, разбойники бесчинствуют на площадях и дошли теперь до звероподобия твоей жестокости.

Иван (*яростно*). Лживый изменник, я отвечу мечом и пером! Лживый изменный вельможа, побуждает меня всякий раз братья за перо, чтоб не одним лишь мечом вразумлять строптивых подданных. (*Нервно ходит*). Фарисей лживый, чужое берет. Как стоял мой дед Иван Третий на Угре против татар, и кончилось после того стояния татарское иго, архиепископ россиянин писал моему деду. Из того послания поп-невежда Селивестр брал чужое. Так и Курбский чужое берет. А сам ли берет и пишет? За него Достоевский пишет. (*Нервно ходит*). Федор Достоевский, секретарь Курбского, шляхтич ученый. Малюта, через шпииков надо бы переманить того ученого шляхтича Федора Достоевского на Москву. То поглядим, что собака Курбский будет писать и где денется его ученость.

Малюта. Исполню, государь милостивый.

Иван. Напиши, платим хорошо. Пененза¹⁹. Нам, милые мои, ученая шляхта, знающая латынь, потребна. А то был я в Спасском монастыре, книг там добрых немало, а чего только не пишут. Книга латинская - сочинение по официалу, толкование так прочли: латинские слова алфавита. Абецало. Другого латинского философа сочинение без перевода, записана книга трактатус дефактус эт игнорансия. Не все равно ли такое невежество показывать, непонимание латыни?

Царевич Иван. Батюшка, мы народ православный, а прежде прочего потребно от книги православие.

Иван. Против того ничего не скажу, Иван-сын. Оттого так пекусь о печатании православных книг прежде прочего. Годунов, я велел печатнику Федорову тут быть.

Годунов. Скоро будет, государь. За ним послано.

Иван. Милые мои. Прежде прочего православие. Однако, помнить надобно про латинскую нашу связь, связь России с Римом. Ибо Москва есть Третий Рим. Антоний-Римлянин, стоя на камне, был волной перенесен из итальянской Калабрии на Волхов. Прямо о том сказано в житии преподобного Антония-Римлянина, основателя Антония-Рождественского монастыря, где хранится древняя перепись из Священного писания.

Царевич Федор. Батюшка, спросить хочу. Ежели случайно будет брошена на землю, разорвана бумага, которая содержит что-либо из Священного Писания, то можно ли ходить по тому месту?

Иван. Федор-сын, мальчик, всякий раз я, отец твой, удивляюсь такому твоему разуму и богомыслию. (*Подходит и целует Федора*). Ибо разум истинно чистого простеца также мудр, как разум Эразмуса, голландского философа. Согласно Эразмусу, личный утешитель - философия. В том Эразмус ссылается на парадоксы Цицерона. И многомыслие чистого простеца утешение, однак и загадка. Так что дай мне, мальчик, срок помыслить. Милые мои, что в философии парадокс, то в богословии протиречие. Царская наша воля, данная от Бога, покоится на философии и на

¹⁹ *Пененза* – деньги (*польск.*)

богословии. Однако Адам преступил заповеди, оттого принял бесчестие, принял грех. Оттого нет более свободы, а есть принуждение, сиречь царская власть. Изменники же, подобные Курбскому, той власти протиреча, протиречат Богу. И Курбский пишет, протиреча. Про что еще пишет собака Курбский?

Сафоний. Про князя Михайло. Называет его мучеником за веру. Про Воротынского. Будто ты, государь, пролил его победоносную святую кровь мученика.

Иван. То чаровник и изменник Михайло Воротынский мученик за веру? Пиши, Пушкин, победоносной и святой крови в нынешнее время в нашей земле не видно и нам не ведомо. И мучеников за веру у нас нет, особо среди вас, вельмож. Те, кого ты называешь мученики, и их сообщники презрели наш приказ и преступили крестное целование. И не можешь сказать, что теперь мы клеветаем, ибо измены их известны всему миру.

Сафоний. Государь, Курбский в послании много хвалится своей храбростью под Казанью.

Иван. Пиши. Что ты хвалишься, раздуваясь от гордости? Ведь и иные, кроме тебя, особо предки наши, отцы и деды были так мудры и храбры, и заботились о деле, что ваша с Воротынским храбрость и смекалка разве что во сне может с их достоинствами сравниться. И шли в бой те храбрые и мудрые люди не по приказанию, а по собственной воле, охваченные бранным пылом. Ежели бы ты был воинственным мужем, то не считал бы свои бранные подвиги, а искал бы новых. Потому ты и перечисляешь свои бранные деяния, что оказался беглецом. Да еще имеешь лицо эфиопское, глаза голубые. Встречал ли ты хоть одного честного человека, у которого голубые глаза? Пушкин, тут чтоб Курбский не принял такое за простую мою грубость, надобно цитату из физиономики и из книги "Тайны тайн". Те книги имеются в библиотеке Чудова монастыря.

Пушкин. Сделаем, как велишь, государь.

Иван (*ходит и диктует*). Как может цвести дерево, ежели у него высохли корни? Также и здесь. Пока в царстве не будет порядка, откуда взятая военной храбрости? Ты же, все презрев, одной храбростью хвалишься. А на чем храбрость основывается, то для тебя неважно! И выходит, что ты ничтожество. В доме ты изменник, в военных делах ничего не понимаешь, ежели хочешь укрепить храбрость в самовольстве и в межусобных бранях. Пожалуй, над тобой не следует совершать и последнего отпевания, ибо ты - еретик.

Пушкин. Государь милостивый, начало своего послания Курбский взял из Навата-еретика. То мной установлено. Вот, погляди, государь. (*Подает бумаги*).

Иван. Добро ты сделал, Пушкин, что нашел. (*Просматривает*). Начало своего письма ты написал, размышляя о наватской ереси, думая не о покаянии, а, подобно Навату, о том, что выше человеческой природы. А когда ты про нас пишешь «среди православных и среди пресветлых явившемуся», то оно так и есть. Как в прошлом, так и сейчас веруем верой истинной в истинного и живого Бога. А что до слов, «супротивным, разумеющий совесть прокаженную имея», то тут ты по-наватски рассуждаешь. Ты не думаешь об евангельских словах. Разве то совесть прокаженная - держать свое царство в своих руках, а своим рабам не давать господствовать? Это ли против разума - не хотеть быть под властью своих рабов? Сюда, Пушкин, послание о мономаховом венце. И повествование о смерти царя Гидеона при захвате власти незаконным сыном Авимелехом. Все, чтоб подтвердить злодеяние Курбского. Также и святых отцов и из великих четьи минеи... Также из «Апостола». Годунов, приехали ли печатники?

Годунов. Приехали, государь милостивый. Иван Федоров и Мстиславец. Апостол привезли.

Иван. Немедля смотреть буду. Курбский, возгордившись храбростью, возгордился и книжной своей ученостью. Думает, сбежал с отечества, - так нет более на Руси ученых книжников.

Входят Федоров и Мстиславец. Кланяются.

Федоров. Государь, с трепетом привезли тебе первопечатный московский апостол.

(Иван берет апостол, читает).

Федоров. Как ты велел, государь.

Иван. В первопечатном стесняться не пристало. И заголовки роскошные. (*Радостно*). Дети мои, царевичи, поглядите, какой подарок сделан нам и всей Руси.

Царевич Иван. Узорные буквы красивы, батюшка!

Царевич Федор. Цветы и плоды красивы, батюшка!

Федоров. Государь, как ты велел. Крупные отделы возглавлены широкой заставкой, полной цветов и плодов, а мелкие части книги - более простыми лентами травяного и цветного орнамента. По душе

ли тебе, государь?

Иван. По душе. И подгонка киновари к черному шрифту хороша. И сам шрифт хорош. *(Радостно)*. Милые мои, отныне имеем на Руси книгопечатание. *(Обнимает Федорова и Мстиславца)*. Щедро награждать их, да иных, кто с ними работу делал. Повсюду на торжищах указать о начале печатания как о важном государственном деле.

Мстиславец. Государь, зело возрадовались и Богу благодарение воздаем за твою царскую милость.

Иван. Типографию великую делать хочу. Напиши указ, Сафоний: Благоверный царь повелел устроить дом от своей царской казны, дабы печатному делу строиться, и нещадно дал от своих царских сокровищ делателям Николы-Чудотворца гасунского дьяку Ивану Федорову и Петру Тимофееву Мстиславцу для составления печатного дела и для совершения дела их. А первые наши печатные сии святые книги, «Деяния Апостольские» и «Святого Павла послания». Для того устроить особый дом - шанбу, сиречь типографию. В Кремле который дом, тот тесен. Годунов, государеву шанбу перенести из Кремля на Никольскую улицу.

Годунов. Исполним, государь.

Федоров. Надобно, государь, станки и шрифты.

Мстиславец. У нас, государь милостивый, три станка - надобно двенадцать. Надобны словолитцы, наборщики, печатники, батырщики, которые наливали бы краску на печатную форму; олифляники, чтобы разводили краску, рудники, чтоб коптели сажу и делали из нее типографскую краску, резчики - вырезать отливки для литер и формы деревянные для гравюр, знаменщики, сиречь художники, переплетчики...

Федоров. Всего, государь, надобно триста восемьдесят семь рублей, двадцать девять алтын, пять денег.

Иван. Годунов, заплатит из казны. Всем работающим дать хорошие оклады. Славно то. *(Листает «Апостола»)*. Сей «Апостол» первопечатный. Как будешь иные делать, то сохранив каноническое, старайся перевести на простую мову, удобную для обучения детей.

Федоров. Государь, как быть с иноязычными словами?

Иван. Сколько тех иноязычных слов?

Федоров. Всего четыре. Слово «микелия» от греческого слова «микелон», заменено на торжище; «климаты» - от латинского «clima» - на слово «страна». Слово «крадоводя» - греческое, на слово «прельщает».

Иван. Прельщает - то не вполне удачный перевод. Еще помысли.

Федоров. Русское слово «състав» имеет восемнадцать значений, заменено с греческим «ипостась». Слово «пищаль» - в прежнее время «свирель», ныне «оружие».

Иван *(листает «Апостола»)*. Вот слово «щегы» - надо бы заменить «кощуны», можно и «колдуны»; во фразе «блюдите, псы, блюдите, злые делатели!» глагол «блюсти» может быть воспринят двояко: в переходном и непереходном значении.

Федоров. Тут, государь, опасаясь ошибок, велел написать, как писано в древности.

Иван. Нет, в «Апостоле» исправь. Напиши «блюдетесь от псов, блюдетесь от злых делателей». То ныне важно, блюстись от псов, от изменников, таких, как Курбский.

Нагой *(входит)*. Государь милостивый, получена важная весть! Седьмого июля сего, тысяча пятьсот шестого года, умер польский король Жигмонт Август.

Иван. То истинно важная весть! *(Встает, ходит)*. Свершилось событие особой важности. Скончался польский король. С ним прекратилась мужская линия Ягеллонов.

Нагой. Государь, среди претендентов на польский престол - ты сам и твой сын, царевич Федор. Для переговора едет сюда литовский посол Михайла Гарабурда и польский посол Федор Зенкевич-Воропай.

Царевич Федор. Батюшка, не хочу быть в Польше королем. Они, поляки окаянные, богоотступники латинские.

Царевич Иван. Истинно, батюшка, ведь они - католики. Они там, в Западной Руси, латинским ядом отравлены, к нам бы не занесли.

Иван. Сыны мои, мальчики, царевичи Иван и Федор! Против католицизма ныне православное просвещение. Так ли, Федоров?

Федоров. Истинно так, государь! В Западной Руси - Острожская академия, Киево-Могилянская академия, Киевское богоявленское братство - все это защита от католицизма.

Иван. А державное единение славянства - это помысел Божий. Так решим и ливонское дело, и

литовское дело. Да не войной, единением решим, единой славянской державой. Все то добро обмыслить надобно. Однако, Нагой, отчего так поздно весть дошла?

Нагой. Удаление польской столицы, государь, неважное состояние дорог, дурная ямская служба, трудность перехода границы в военное время...

Иван. Надобно скоро и умело подготовиться к приезду польско-литовских послов. (*Ходит*). Ежели Польша с Литвой присоединятся к Руси, то куды таким изменникам, как Курбский, бежать будет?! Малюта, надо все продумать, чтоб сделалось сие!

Малюта. Будем стараться, государь!

Иван. Руси от державного единения славянства - выгоды великие. А от католицизма внутри единой державы православие защитим, для того имеются у нас книжность православная и ученость. Федоров, прежде прочего ныне нам потребна в Москве азбука, наука ко чтению и разумению письма славянского, кириллицы. В начале книги - слоги, потом - «Отче наш» и «Верую». Диалексис, сиречь речения, простой русский диалект, изложение о православной вере в форме дислогии меж странным зловерным и православным благоверным.

Федоров. Я, государь, в Литве уже издавал книгу, называемую «Евангелие учительское». Выбрано из всех четырех Евангелий и многих Божественных писаний, а предисловие писано литовским гетманом Ходкевичем. Не напишешь ли ты, государь милостивый, предисловие к московскому изданию для защиты? А то, государь, невежественные грамотники, смущенные новизной типографского дела, все обвиняют меня в ереси и волшебстве.

Иван. Напишу, только бы время отыскать. Нагой, да ты, Годунов, да ты, Щелканов, да все прочие! В приказах готовьте и обмыслите, чтоб переговоры с панами хорошо прошли. (*Уходит в сопровождении царевичей*).

Занавес.

Сцена 51

Золотая палата Кремля. Царь Иван на троне, рядом с ним царевичи, Малюта, Нагой, Годунов, Умной-Колычев, дьяк Щелканов.

Иван. Нагой, готово ли все для переговоров с поляками об избрании меня на польский трон?

Нагой. Все готово, государь! От Литвы приехал Михаил Гарабурда, знакомый по прошлым переговорам, от Польши - Федор Зенкевич-Воропай.

Иван. Хай идет. Милые мои, продолжительное межцарствие в Польше по смерти брата моего, короля Жигмунда Августа, благоприятствует успеху нашего оружия и даже может прекратить борьбу слиянием Литвы и Польши с Россией в единую державу.

Малюта. Государь, изначально говорить надобно с литовским послом.

Иван. Истинно так. С ним особый разговор. Литовско-русские паны еще сохраняют и православную веру, и русский язык, хоть уже начавший значительно изменяться под влиянием польского. Они боятся за свою народность, как равно и за свои владетельные права. Незадолго до смерти Жигмонт с большим трудом устроил соединение Великого Княжества Литовского с Польским Королевством.

Нагой. Государь, хоть литовцы согласились на соединение, но все еще не доверяют полякам и хотят держаться особо. В самом акте соединения Великому Княжеству Литовскому оставлено устройство вполне самобытного государства и даже особое войско.

Иван. Тем надобно воспользоваться. Как мыслите, советники мои? Ты, дьяк Щелканов?

Щелканов. Государь милостивый, тем надобно воспользоваться скорей, ибо всякое упорство литовско-русского высшего сословия по охранению своей веры и народности никак не может быть продолжительным, так как превосходство польской цивилизации перед русской неизбежно должно тянуть к себе русско-литовское высшее сословие и смешать его с польским. Однако ныне стремление к удержанию своей особенности еще сильно.

Умной-Колычев. Наконец, государь милостивый, паны падки на деньги и подарки, а тебя, московского государя, считают в Литве богачом.

Иван. Годунов, надобно составить в казначействе реестр денежных расходов для одаривания панов.

Годунов. Исполним, государь!

Иван. Нам, милые мои, открылся повод развить большую дипломатическую кампанию для окончательного закрепления за собой Ливонии. *(Входит литовский посол Михаил Гарабурда и кланяется, став на колени.)*

Михаил Гарабурда. Великий московский царь! В польско-литовской державе бескорольеве, предстоит выбрать нового государя. Мы, паны, убежденные в необходимости соединения обеих частей Руси, желаем видеть тебя, царя Ивана, на престоле Ягеллоновом.

Иван. Я, царь и Великий Князь Иван Васильевич Всея Руси, сам очень того желаю.

Гарабурда. Мы, русско-литовские паны, находим выгодным для своих стремлений избрать государя из московского дома преемником последнему из дома Ягеллонов. С этим соединяются и другие виды. Кроме православных, желающих иметь государя своей веры в Польше, много протестантов, которые боятся посадить католика на престол.

Щелканов. Польши не бойтесь. Государь помирят с нею Литву.

Иван. Хорошо бы расторгнуть прежнюю Люблинскую унию. Я помыслию, не откажется ли мне от польской короны и искать одной литовской. Я к тому готов. Литве я обещаю возвратить земли, отнятые у нее Польшей. Лишь один Киев должен отойти к Москве. Хотим держать государство Московское и Великое Княжество Литовское за одно, как были прежде Польша и Литва.

Гарабурда. Государь великий, как относишься ты к выдвигению на трон сына твоего, царевича Федора, и к Литовским вольностям?

Иван. Дам тебе на сей счет такой ответ: прежде всего ставлю на вид, что не мне али моему сыну будет почет избрания в короли, а Литве и Польше, ежели я на такое избрание соглашусь. Знаем, что цесарь и король французский прислали к вам, а нам это не в пример.

Гарабурда. То правда, великий государь. Хитрый и ловкий французский посол Монблюк красноречием и подарками составил в пользу французского принца сильную партию в Польше.

Иван. Ежели такое случится, чего я, московский государь, особенно не хочу, то быть беде. Требую, чтоб не избирали французского принца, иначе буду грозить войной.

Гарабурда. Великий государь, мы того тоже не хотим, чтоб избран был французский принц- католик, Генрих де Анжу Валуа. Однако то решит сейм, а в Польше у тебя меньше почитателей, чем в Литве.

Иван. Отчего ж так? Люди с широким взглядом должны видеть, что избрание короля из московского дома привело впоследствии к тому же сближению, а после и к соединению Московской Руси с Польшей, какое последовало с Литовской Русью.

Нагой. Нам ведомо, что среди литовцев много недовольных отторжением земель Польше в силу Люблинской унии. Соединение же с Москвой обещает Литве, напротив, усиление над Польшей.

Гарабурда. Мы в Литве мыслим, что московский государь может дать нам настоящую защиту как от татар, так и от Германской империи. Немало и в Польше так мыслят. Есть и в Польше сторонники и противники тебя, московского царя. Обе партии в Литве и Польше разделились. Определенно за тебя большая часть шляхты, затем все население нешляхетское и, в особенности, крестьяне.

Иван. То радует, то показатель народнической сущности нашей московской военной монархии. Притом видно, что внутренняя политика нашего московского правительства хорошо известна за границей и производит сильное впечатление против всякой клеветы беглецов-изменников, подобных Курбскому.

Гарабурда. Однако, государь, тяготение к тебе и Московии среднего и нисшего сословия, не имеющего участия в выборах и в сеймах, мало чему поможет. Против тебя высшая аристократия, а в руках ее ведение переговоров. Она легко может расстроить все надежды и расчеты почитателей твоих. Польские паны Рады долго не спешили посылать послов в Москву, так как мы в Литве сразу же решили отправить в Москву посла с рядом предложений. Ныне приехал все ж польский посол Воропай. Не надобно заставляя его излишне ожидать. То затрагивает самолюбие панов, составляющих высшую Раду.

Иван. Я желаю говорить с тобой, как православный с православным. Католику при таком разговоре быть не к чему.

Гарабурда. Однако, государь, ради восшествия твоего на престол Ягеллонов необходимо исполнять публичные церемонии, к которым привыкла польская и ливонская аристократия. Сказать о привелегиях. Вот, государь, образцы писем, с которыми тебе, царю, следует обратиться к аристократии, которая соберется на избирательный сейм. *(Протягивает письма.)* Тут и фамилии аристократов, государь. *(Читает.)* Паны Марциевские, Подневские, Мешковские, Ферлеи,

Точинские, Замойские, Радзивиллы, особенно Николай Радзивилл Черный и Николай Радзивилл Красный...

Иван (*недовольно перебивает*). Которые письма? Государь ссылается только с государем, а паны - с боярами.

Гарабурда. Ныне в Польше бескорольеве.

Иван. Все одно, с панами мне ссылаться непригоже. Знаю, французский король прислал к вам, но то нам не пример, потому что, кроме нас да и турецкого султана, ни в одном государстве нет государей, которых бы род царствовал непрерывно двести лет. Потому они и выпрашивают себе почести, а мы от государства государи, начавшего от Августа Кесаря из начала веков, и всем людям то известно.

Малюта. Государь милостивый, мы, холопы твои, за тебя напишем. Также займемся обработкой панов сейма в отдельности.

Иван. То поручить надобно окольному Умному-Колычеву. Он в таких делах умел. Также и я напишу ради дипломатии послание в сейм, так, чтоб не уронить своей чести. Где Зенкевич-Воропай?

Нагой. В сенях дожидается.

Иван. Хай идет. Ежели для польско-литовской аристократии явился удобный момент, чтоб предложить мне, московскому государю, остановку враждебных действий, то надобно дипломатией достигнуть целей своих, своих желаний и воспользоваться обстоятельствами. (*Входит Воропай и кланяется.*)

Воропай. Ясновельможный московский царь, высшая палата сейма - сенат, и нижняя изба, представители рыцарского сословия, тако ж паны нашей шляхты, ставят на вид возможность объединения обеих великих славянских стран, Речи Посполитой и Московии, под одной династией.

Иван. То мне полюбилось. Ваши паны польские и литовские теперь без главы, потому что хоть в Короне Польской и Великой княжества Литовского и много голов, однако одной доброй головы нет, которая бы всем управляла, к которой бы вы все могли прибегать, как поток или воды к морю стекаются. Если ваши паны, будучи теперь без государя, захотят меня взять в государи, то увидят, какого во мне получают защитника и доброго правителя! (*Встает, ходит.*) Если бы вы избрали меня своим государем, то увидели бы, какой добрый государь и защитник был бы у вас. Не зазнались бы уже поганые! Силы поганские тогда выситься не будут. Да не только поганство. Да что я говорю поганые! Ни Рим, ни другое какое королевство не могло бы ничего сделать против нас, если б ваши земли стали с нашими заодно. Рим не устоит, и ни одно королевство против нас не устоит!

Воропай. Ясновельможный царь московский, хочу объявить, что польско-литовская Рада желает иметь королем младшего сына твоего, принца Федора.

Иван (*после продолжительного молчания*). То мне не полюбилось. Хочется, чтоб избрали не сына, а меня самого.

Царевич Федор. Батюшка, отчего не хочешь отпустить меня в Польшу королем? Я ныне помыслил, ведь и Польша - держава христианская, и в Польше много церквей и колоколен. Пан посол, есть ли в Польше колоколы?

Воропай. Колокол? Dzwon? В Польше много dzwon.

Царевич Федор. Батюшка, славно как! Поеду в Польшу с иконами на королевство, буду по церквам ездить, в колоколы звонить на святое Рождество. Батюшка, правда ли, что в Слободе на часовне каменной, крытой тесом, большой колокол в 44 пуда?

Иван. Сын мой, царевич Федор! Малюту спытай, он пономарем был.

Малюта. То правда, государь царевич, а праздничный на монастырской колокольне-340 пудов.

Федор (*обрадованно*). Люблю звонить в колоколы. Каждый колокол свой голос и свое название имеет. Один - Корноухий, другой - Нефимон, тот Застольный, тот Всполошной, тот Слободской, Красного звона. Часовой... Пан посол, и в Польше колоколы великие?

Воропай. Пан принц, и в Польше есть великие в костелах. Есть и малые, перечасные, и великие звоны.

Царевич Иван. Помолчи, Федец, дай батюшке сказать! Да ты и по-русски говоришь дурно, куда тебе в польские короли, ежели по-польски говорить не умеешь?

Царевич Федор. Могу. Говор по-польски подобен смоленскому. Так ли, батюшка?

Иван (*ласково*). Дай мне сказать, дитя! Ной разделил землю меж сыновьями. Царь вселенной Август определил брата своего Пруса, моего предка, к берегам Вислы, на реку Неман, впавшую в море. Я ж, паны послы, не делить хочу, соединять. Если б только паны захотели меня избрать своим государем, тогда и Ливония, и Новгород, и Псков, и Москва, все будут едины. Оттого отклоняю

намерение избрать в короли своего сына. У меня их два (*обнимает сыновей*), как два глаза в голове. Ежели мне отдать одного из них в короли-то все равно что из человека сердце вырвать.

Воропай. Ясновельможный московский царь! Предложения твои не понравятся многим панам, особенно польским.

Иван. Отчего ж не понравятся? Скажи правду, как мыслишь!

Воропай. Скажу правду, ясновельможный царь. Про тебя, ясновельможный царь, дурная слава в Европе. Те, которые готовы избрать принца Федора, совсем не охотно мирятся с мыслью, избрать в короли свободного народа государя, который так ославился своим тиранством.

Иван (*нервно ходит*). То речи пустошные. **Обыщик**, оговорщик Курбский! Да ему подобные стремятся меня обнести, сиречь осрамить, опозорить в Европе. Я знаю, что у вас говорят, что я злой и запыльчивый человек. Правда, я гневлив и зол, не хвалю себя за то. Но спросите, на кого я зол? На того, кто против меня зол. На злых и я злой, а кто добрый, тому я не пожалею снять цепь и одежду с себя.

Малюта. Благодетельный царь, православный государь! Казна твоя не убога, найдешь, чем кого пожаловать.

Иван. Литовские и польские паны знают, как богаты были мои предки, а я вдвое их богаче. Не удивительно, что ваши государи милуют своих людей, ведь ваши люди любят своих государей. А мои люди подвели на меня крымского хана и татар, Москву сожгли, а меня об этом даже не оповестили. Видишь, какие изменники мои люди? После этого, если кто и казнен, то за свою вину. А у вас разве милуют изменников? Верно знаю, что их казнят. Скажи панам польским и литовским, чтобы они, посоветовавшись, поскорее послали ко мне послов с известием об избрании. Если Бог даст, я буду вашим государем, то обещаю перед Богом не только в целостности сохранить ваши права и вольности, но еще и умножу их. Не стану много говорить о своей доброте и злости. Если Бог даст, пусть литовские и польские паны пошлют своих сыновей на службу ко мне и детям моим, тогда узнают, какой я, злой государь или добрый и милосердный. А что изменники мои говорят обо мне, то это у них уж такой обычай, чтоб говорить дурно о своих государях. Почти его, озари, как только возможно, он все-таки не перестанет говорить про тебя дурно.

Малюта. Такой-то злобный клеветник и изменник Царю и Отечеству Курбский!

Иван. Я нахожу важным объяснить польским и литовским панам свое отношение к Курбскому. Я и не думал его казнить, хотел только посбавить у него чинов, уряды отобрать и потом помиловать. А он, испугавшись, отъехал в Литву. Хочу, панове, предостеречь аристократическое правительство от личности, столь ненадежной. Пусть паны ваши отнимут у него уряды и смотрят, чтоб он куда-нибудь не ушел!

Михаил Гарабурда. Ясновельможный государь, князь Курбский сказал в Литве, что ложно оклеветан, он опасается за свою жизнь.

Иван. Ложь! О, чудо, какая ложь! Клянусь своим царским именем, что желал лишь слегка его наказать. Верные мои слуги уж давно говорили мне о его изменах. Я ж всячески стараюсь найти с ним мир и урезонить его, а он на то мое стремление уподобился аспиду глухому, ибо, по словам пророка, аспид глухой затыкает уши свои, чтоб не слышать голоса заклинателей, иначе будет заклят премудрым, ибо зубы в пасти сокрушил Господь и челюсти лвам раздробил.

Воропай. Однако, ясновельможный государь, казни иных вельмож могли напугать князя Курбского и принудить его к бегству.

Иван. Панове, кого я казнил незаконно? Разве я хотел похитить престол или захватить его через войну и кровопролитие? По божьему изволению с рождения был предназначен царствовать, и уж не вспомню, как меня отец благословил на государство. На царском престоле я вырос. Они ж, изменники, рассердившись на меня, человека, восстали на Бога. Клевещут, будто я растлен разумом. Ставлю, панове, Курбского, его самого, судьей между мной и им, он и ему подобные растленны разумом, или я, который хотел над ним господствовать по Божьей воле, а они не хотели быть под моей властью, повиноваться мне и слушать меня, Божьего помазанника. Но сами мной владели, захватили мою власть и правила, как хотели, а меня отстранили от власти. На словах я был государем, а на деле ничем не владел.

Малюта. Изменники мыслили над государем и над государственной землей лихо.

Иван (*ходит взад-вперед*). Панове, а ведь же и в вашей земле есть земские, и дворовые, и королевские, гетманы и подскарбии, и иные чины. Также и в вашей земле обличают и наказывают изменников.

Как же иначе? Если изменник ярославский владыка Курбский бежал из отечества, то его и обличать нельзя? У вас в Литве, пан Гарабурда, разве не было дела Ягайла со Свидригайлом? Так и Курбский имел притязания называть себя отчищем ярославским и хотел в Ярославле государить. Он говорил языком хорошим, а в сердце затевал дурное. Так и иные изменники, на глазах одобряют и хвалят, а за глаза - поносят и укоряют, подобно зеркалу, которое отражает того, кто на него смотрит, и забывает об отошедшем. Когда мы встречаем людей, свободных от этих недостатков, людей, которые нам служат честно и не забывают, подобно зеркалу, полученной службы, то мы награждаем их всякими жалованьями. А у вас разве не так меж королем и вельможами?

Воропай. Ясновельможный царь, для решения споров меж королем и вельможами существует в Польше и Литве сейм.

Иван. Кто же у вас в Польше правит, король или сейм? Уступки панам и шляхте лишили власти короля. Также и у нас вельможи сделать хотели. Ежели изберете меня королем, то увидите преимущества военной монархии над шляхетской республикой. Поместная дворянская система дает нам конную шляхетскую армию. Российский помещик-шляхтич должен быть готов всегда в поход, чтоб биться до смерти с ногайскими, али немецкими, али иными людьми, не щадя живота.

Воропай. У нас, ясновельможный царь, земля от отца к детям переходит, не от короля. По королевскому реестру войска людского, шляхтич должен выставить два коня збройжы и драба, холопа с пушницею.

Гарабурда. Однак, пан Воропай, многие шляхтичи того не делают. Трудно собирается войско, шляхта право имеет не служить. Король не смог собрать ополчение для борьбы с Валахией. Шляхетское ополчение разошлось по домам, в лагере устроили петушиную войну.

Иван. Сами ж, панове, видите, как дурно, когда нет государского решения. Кто ж все разрешает?

Воропай. Вольный сейм из панов Рады. Посольская шляхетская изба, нижняя палата, зависит от вольных сеймиков.

Иван. Панове, так ведь можно и державу погубить! Курбский и ему подобные мятежники тянутся к польской вольности, ибо у нас я отымаю у удельных мятежников-сородичей почву. Вельможи среди слуг царю и отечеству. Кто царю и отечеству служит, тому награда.

Воропай. У нас в Польше невозможно управиться с тремя нациями: поляки, литовцы и русские.

Малюта. Изберете короля московского государем - он управится. Велика и сильна будет сия наша славянская держава.

Нагой. Панове, перед вами во весь рост - могучая фигура покорителя народов, государя Ивана Васильевича Всея Руси.

Иван. Я обещаю, что не буду нарушать прав и вольностей литовцев и поляков, но при том требую почитать свой титул. Щелканов, надо б тщательно выписать новый полный титул: Божьей милостью Государь, царь и Великий Князь Иван Васильевич Всея Руси Киевской, Владимирской, Король Польский, Великий Князь Литовский, Великий Князь Русский Великого Новгорода, царь Казанский, царь Астраханский, а потом должны быть расписаны области русские, польские, литовские, по старшинству.

Щелканов. Исполним, государь! От Константинопольского патриарха получена грамота. Решение Вселенского Собора, утверждающее право на царский титул. Глава православной Вселенской Церкви освятил власть московского государя.

Иван. Того же жду и от Папы Римского. При деде моем, Иване III, при отце моем, Василии III, великих русских князьях, константинопольские патриархи признавали главой русской церкви не московского, а западно-русского митрополита. Ныне церковь будет едина. Щелканов, так- же не упустить прибавить о сохранении прав нашей державы и моей власти. Вере нашей быть в почете. Церкви в наших замках, волостях и дворах, каменные и деревянные, вольно нам ставить. Митрополитов и владык почитать по нашему обычаю. Еще надобно уговориться о дворовых людях, без которых я не могу ехать в Польшу и Литву. Этих людей не много.

Воропай. Ясновельможный царь, опричников мы в Польшу не пустим.

Иван. Опричина ныне уже отменена и преобразена в двор. Однако не отменен довод в пользу моей строгости, о котором так много говорят, но пусть ту строгость не принимают за жестокость. Верно, больше всего люблю я свое войско. Вельможи хотели разлучить меня с армией и сделать правителем гражданских лишь дел.

Малюта. Государь великий, любя войско, одержал ты победы над мусульманством, завоевал Казань и Кавказ и отбил крымцев.

Нагой. Все трепещет царя - государя единого под солнцем, врага бусурман и иных недругов.

Иван. Однако любя дело военное, важны мне и дела гражданские. Прежде всего - внимание к простому народу. При межевании земли сравним с шляхетской Польшей. Там захваты земли, тут монарх - защитник крестьян и прочих, кто верно служит.

Воропай. Ясновельможный царь, в Польше защитником не монарх, а закон.

Иван. Панове, я немало мыслил про законы. У нас, панове, нет домашнего совета единоверных, как при иных государях. Власть имеет старший лишь. Родные младшие братья - обычные придворные. Таков закон византийский. Однако имеем в России судебник и судебные законы. В Германии судебников нет, судят, исходя из древнего римского права, в Англии суд по старым решениям.

Воропай. Ясновельможный царь, в Германии - Рейхстаг, в Англии - парламент, у нас - вольный сейм решает дела. Дворянство по закону равно между собой. Воеводы, каптеляне, старосты. А высшие должности по закону поделены меж шляхтой и магнатами Речи Посполитой.

Иван. И я, панове, мечтаю про парламент наподобие английского. Но можно ли то делать с нашими русскими дикими вельможами? Ославляют один другого счетом взаимным, и тем ославляют державу, потому, в пример других государей, ограничиваю власти вельмож. Самодержавство носит в себе закон власти. Имел бы я других вельмож, может, мыслил бы иначе. Много ли образованных людей при королевском дворе?

Воропай. Ясновельможный царь, среди придворных и сановников много высокообразованных людей. В сенате, в сейме тон задают воспитанники краковского и падуанского университетов, читатели Цицерона и Ливия и поклонники Горация и Вергилия.

Иван. То мне, панове, весьма по душе. По приезде в Польшу тотчас хочу посетить Краковскую академию. Немало слышал о тамошних ученых магистрах. Кто из них особенно знаменит?

Воропай. О, ясновельможный царь, тут, в Краковской академии, еще недавно трудился Никола Коперник, великий астроном, физик, математик, гидравлик, поэт и переводчик. Ныне читает лекции ректор академии магий Моховит, магистр философии и доктор медицины. Тут читает лекции Симон Марцилиус из Познани, знаток Цицерона, переводчик ораторских речей Демосфена, античник Войцех Новопольский, цicerонисты Савостьян Вазин из Кракова, Зигмунд Обремский, доктор Сабинка, толкователь Теренция, Михаль Войнич, комментатор "Энеиды" Вергилия, Мергин Бжезя, исследователь эпистол Горация...

Иван. Как стану польским королем, так с радостью приеду в Краков, вотчину мою, всюду послушать. Красив ли Краков?

Воропай. О, ясновельможный царь, Краков - прекраснейший город страны, в котором бьют чистые источники, возвышаются зеленые холмы, который славен учтивостью горожан, постоянством мужей и плодовитостью жен, опекой святых патронов и знаменитым королевским дворцом.

Иван. Желал бы иметь тех всех людей у меня в подданных. Так что то за дворец и где он?

Воропай. Королевский дворец в краковском замке в Вавеле. По образцу того дворца магнаты и богатая шляхта строят свои дома, украшая многочисленными статуями, колоннадами, арками, стены галерей увешаны десятками портретов предков, чтобы указать на древность и знатность рода.

Иван. То нам не потребно. Всему свету известна наша знатность от кесаря Августа. А по богатству нас никто не превзойдет. И платим хорошо Пенянзы.

Малюта. У нас в присутствии царя обедают иной раз пятьсот иностранцев, двести русских. На виду у всех поставлена золотая посуда, притом столько, сколько может уместиться, ставится одна подле другой, кроме того, четыре шкафа наполнены золотой и серебряной посудой. Между прочими предметами - двенадцать серебряных бочонков. На краях тех бочонков - по шесть золотых обручей. Есть ли то все в Польше?

Иван. Всему ведом блеск моей царской сокровищницы. На царском моем обеде - целое сооружение из золота. Два аршина вышиной с высеченными на крышке башнями и драконьими головами. Так ли украшены в Польше королевские обеда али обеда польских магнатов?

Воропай. Ясновельможный царь, мы любим за столом во время пиршества послушать музыку, стихи и песни прославленных лютнистов, поспорить о философии, науке, рассказать новый анекдот, повеселиться, посмеяться. Однак главное наше украшение за столом, ясновельможный царь, то женщина, польская пани.

Иван (*с интересом*). Красивы ли польские шляхетские женщины?

Воропай. Красивы и умны, ясновельможный царь. К ее, шляхетской пани, голосу прислушиваются короли, князья, магнаты. Она содействует развитию искусства, литературы. Поэты сочиняют стихи, стройные, изящные, возвышенные. В стихах тех воздают восторженную хвалу женщине. Польским рыцарям и вельможам по этикету уважать женщин и угождать им во всем, ибо от них исходит доброта и зависит веселье, а мужчина, благодаря им, достигает почестей и славы. Никто не станет порочить того, кто имеет почтенную мать. От нее наследуют доброе имя. А такую силу женщины приобрели от Матки Бозки!

Иван. Родич мой по матери, великой княгини Елены Глинской, Николай Радзивилл Красный, ибо мать его - родная сестра моей матери. Я и сам давно желаю с Польшей братского мира и родственного соединения через женитьбу на польской принцессе Катерине Ягеллонке, дочери почившего в бозе короля Жигмонта. Однако из-за интриг отдали ее не мне, а шведскому королю Юхану, который ей не пара, тем более, был принцем финляндским. Однако по-прежнему желаю родственного соединения с Польшей через женщину. Знаю, что есть еще на выданье принцесса Анна, сестра Катерины.

Воропай. Однако, ваша государева светлость женат.

Иван. То девица Анна Васильчикова, родичка окольного моего Умного-Колычева, мне не пара. Хочу отослать ее в монастырь. Умной-Колычев и сам отыщет монастырь для своей родички, да заодно пусть для себя! (*Смеется*.)

Умной-Колычев (*Кланяется*). Как велишь, государь!

Иван. Теремные наши девицы все скучны, а вельможные - неотесаны. Я от этого шибко страдаю. Не с кем слова умного сказать! С тобой, что ли, Умной-Колычев?

Умной-Колычев. Тому не обучен, государь милостивый!

Иван. Пан Воропай, скажи ему, как надобно вести себя за столом по европейским правилам! Вести себя за столом не умеют!

Воропай. Дамам и рыцарям надобно садиться за стол в хорошем расположении духа, быть любезными со своими соседями, не мешать им, когда они желают послушать разумную речь хозяина. На тарелку полагается класть кушанья одного блюда, а не хвататься за многие сразу, разрезать на маленькие куски, большие куски - на мелкие части, и, не торопясь, пережевывать.

Иван. Слышал, ты, Умной-Колычев, да и вы, мои вельможи, не много лучше! Сидите за столом вроде неотесанного вола, уткнув нос в тарелку, и ежели за столом истинная дама, то можете ли вы быть к ней внимательны? Ежели с Божьей помощью осуществится моя женитьба на польской принцессе, али также есть намерение брака между московским государем и датской королевной, то я займусь улучшением ваших нравов! Годунов, запиши, чтоб издать указ о нравах, как вести себя за столом да в светском обществе.

Годунов. Исполним, государь!

Иван (*вдохновенно ходит*). Земле - сила, мнения - государству, сила - власти. Участие в управлении простого всенародства. В Речи Посполитой все ли города участвуют в управлении?

Воропай. Краков и Познань, ясновельможный царь, посылают своих делегатов из патрициев для участия в работе вольного сейма, который вместе со шляхтой, магнатами и духовенством выбирает польского короля. Остальные города лишены тех прав. Также и челядники, ученики, подсобники, домашние слуги, лавочники, лоточники, да и прочие лишены права выбора.

Иван. В единой державе все это отменим. Я за права всего всенародства, и единомысленный вселенский собор от всех городов величества, всякого высокоумия и гордости христианской смиренной мудростью урезоним. Вся земля, от всяких мер, всяких людей, всего нашего московского и прочих частей державы. Малюта, постарайся послать письмо сестре польского короля.

Малюта. Исполним, государь!

Иван. Сразимся за руку и сердце польской принцессы.

Воропай. У нас за сердце дамы сражаются на рыцарских турнирах. Так два молодых князя, Божуйл и Федор, сражались за руку и сердце прекрасной дочери датского короля Тересы.

Малюта. Кто же пара нашему великому государю?

Иван. Да, ты верно сказал. Никто в любви мне не пара.

Воропай. Ясновельможный царь, однако есть у нас общая любовь.

Иван. Какая общая любовь?

Воропай. Ливония, ясновельможный царь! Польша в той же мере, что и Москва, тянется к Ливонии, также как Москва не может обойтись без выхода к морю.

Иван (*сердито*). То иное дело! Вся Ливония и все великое княжество Литовское есть наша вотчина. Все русские земли, находящиеся еще во власти Польши, есть достояние предков моих, киевских князей, и сама Литва платила дань сыновьям Мономаха.

Воропай. И все ж, ясновельможный государь, мы б хотели в короли вашего сына Федора.

Иван. Когда я сам в старости пойду в монастырь, тогда паны польские и литовские должны будут выбрать одного из моих сыновей. А что лучше было бы, если бы само великое княжество Литовское без Польши избрало меня, и чтоб венчал меня на королевство православный митрополит. А еще лучше было бы, если бы поляки и литовцы выбрали себе в короли австрийского принца Эрнста Габсбурга, Максимилианова сына, да чтоб не выбирали французского принца, иначе будет война. Это все напишу вашему сейму. Ныне же аудиенция окончена. Дам указания нашим послам в своей полномочной грамоте, по которой наши послы могли б вести дела, договариваться о христианском мире и устраивать дружбу и братство нас с вами.

Гарабурда. Честь имею, ясновельможный царь. (*Кланяется по-литовски, встав на одно колено.*)

Воропай (*кланяется*). Ясновельможный царь, я сообщу вольному сейму твое сиятельное царское мнение. (*Идет к выходу. Шепотом.*) Не знаю, что сообщить. Царь делает странные замечания, противоречащие одно другому. Все перепутывается в речи московского царя, бессвязно... (*Уходит.*)

Иван. При переговорах с панами надобно держаться нам наших твердых православных правил, чтоб прошла повсюду слава о православном Кресте. Ибо скорей птиц крылатых она проносится и смело доходит до всех.

Нагой. Государь милостивый, ежели не договоримся, то опять война.

Малюта. Лучше уж война, государь, чем вступать в управление шляхетской республикой. Шляхетская республика погубит Московию еще больше, чем война. (*Царь в сопровождении свиты уходит.*)

Занавес.

Сцена 52

Варшава. Вольный сейм.

Канцлер Замойский. Ясновельможное панство, депутаты вольного сейма Речи Посполитой, с той поры, как умер ясновельможный король, его королевской милости Зигмунд Второй Август, последний из мужской линии Ягеллонов держава наша без королей. Мы, ясновельможное панство, радовались и надежду имели, когда из многочисленных претендентов избран был королем французский принц Генрих де Анжу Валуа. То, панове, была первая вольная элекция. Но Валуа недолго процарствовал. Недолго пришлось быть этому государю в Польше. Не зная ни по-польски, ни по латыни, и плохо объясняясь по-итальянски, этот государь неспособен был к управлению и играл самую жалкую роль. Наши польские нравы были ему не подстать. Проскучал он со своими французами около четырех месяцев в Польше и, услышав, что бездетный брат его Карл IX умер, убежал тайно из Кракова во Францию, где и получил французский престол.

Николай Черный Радзивилл. Ясновельможный канцлер пан Замойский, надобно указать нашему сейму Речи Посполитой, то не по-рыцарски, он оскорбил Польшу!

Замойский. Пан Николай Черный Радзивилл, мы уже дали указания нашим послам в христианской Европе и Турции сказать про неприличие принца.

Николай Красный Радзивилл. Он, холера ясна, назвал нас, поляков, сарматами, а наш климат - суровым сарматским.

Замойский. Пан Николай Красный Радзивилл, мы дадим достойную отповедь французскому принцу. Про то слово имеет пан подканцлер, краковский епископ, пан Филипп Подневский.

Подневский. Ясновельможное панство, как сказал ясновельможный пан Канцлер Замойский, Генрих Валуа узнал, что во Франции освободился трон, который он намеревался занять, и бежал из Польши

вместе со своей свитой. А находившийся в его свите французский поэт Филипп Депорт осмелился оклеветать польский народ в своем стихотворении «Прощай, Польша!». *(Крики: Позор, ганьба!)*

Подневский. Ясновельможное панство, наш великий польский поэт, пан Ян Кохановский, долгое время по моему настоянию и при моем содействии бывший секретарем Его королевской милости Зигмунда II Августа, ныне, по смерти короля, живет на покое в Чернолясе. Однако, ясновельможное панство, великий поэт и великий польский патриот по моему приглашению явился в сейм, чтоб дать отповедь оскорбителю нашего дорогого отечества Речи Посполитой, народа польского.

(Крики): Слава! Bravo! Ще Польша не сгинела!

Кохановский. Ясновельможное панство, уважаемые депутаты вольного сейма! По смерти ясновельможного нашего короля, Его королевской милости Зигмунда II Августа, я решил оставить службу при дворе. Я не мечтаю ни о чинах, ни церковной митре. Порядочность - вот мой титул. *(Крики: Bravo!)* Я знал, доходы мои станут меньше, зато будет мысль моя не связана и сердце свободно. *(Крики: Bravo!)*

Ясновельможное панство, я оставил службу при дворе, но я не оставил службу отечеству нашему, Польше. *(Крики: Bravo!, Длительные аплодисменты.)*

Ясновельможное панство, клевета француза, Филиппа Депорта, возмутила меня до глубины души, и я дал ему гневную отповедь в своем произведении «Отповедь французу или кукарекающему петуху». *(Крики: Bravo! Смех.)*

Француз оклеветал наши польские обычаи, бросил упрек полякам, что много пьем и дремлем во хмелю за столом, на что я ответил: «А в отечестве галлов, то есть французов, как пьют?» Панове, я сознательно написал на латинском языке, чтобы стихотворение имело общеевропейский резонанс. Нынче же буду читать в авторском переводе на польский. *(Читает.)* «Там за то, что захочешь вином утолить жажду, кровью платят своей. Прославленный пир королевский жизни стоит порой. Там, когда ты задремлешь, можешь совсем не проснуться, а сон твой в похмелье не окончится, а окровавленный труп без стеснения бросят в окошко!» *(Крики: Bravo! Позор Франции! Слава Польше! Длительные аплодисменты.)*

Замойский. Ясновельможное панство, радостно видеть такой польский патриотизм нашего сейма и всей ясновельможной шляхты. Вольный сейм ныне избирает избирательный сейм для избрания польского короля. По сему делу просил слова примас королевского гнездинского архиепископства пан Яков Уханский.

Уханский. Ясновельможное панство, на противостоянии Московии строил свой расчет очень искусный французский агент Монлон. По его словам, Генрих заведет флот, посредством которого всего скорей воспрепятствует нарвской торговле москвитов. Далее он приведет в цветущее состояние краковскую Академию, снабдивши ее учеными людьми, отправит на свой счет в Париж сто польских шляхтичей для занятия науками... Известно, панове, что нашу Польшу в такой же мере, как Московию, заботит выписка с Запада техников, а также возможность обучения молодежи заграничной науке. Однако, ясновельможное панство, все те обещания оказались ложью, а антимосковская кампания, поддержанная иными ясновельможными панами, повела нас дурным шляхом, и удача нас, поляков, с Генрихом Валуа, бежавшим через несколько месяцев после избрания назад во Францию покинула. Однако это обстоятельство открывает, панове, возможность избрания московского царя Ивана IV на польско-литовский престол. Теперь, панове, в Польше и Литве по поводу выбора другого короля снова складывается партия в пользу московского дома для создания единой славянской державы.

Николай Черный Радзивилл. Нет, ясновельможное панство, мы, польские вельможи, рыцарство, не хотим единения с диким московским медведем, мы желаем единения с Европой!

Николай Красный Радзивилл. Ясновельможное панство, такое единение с Москвою повредит нашим отношениям с Римом! Его преосвященство папский нунций с беспокойством доносит в Рим про такое единение.

Шляхтич Топорек. Нет, нам потребно единение! Такое единение непотребно лишь вельможам! Пся кров, мы, шляхтичи, требуем отмены церковных судов над нами, отмены отчисления десятины и отчисления из своих доходов в пользу Рима, динария Святого Петра!

Богданец. Мы, шляхта, от шляхетской посольской избы требуем, чтоб духовенство наряду со всеми облагалось государственным налогом и привлекалось к военной службе, также сокращения

земельных латифундий, которые клир получил от князей и короля. Духовные пасторы обязаны жить скромно. *(Крики, шум.)*

Николай Черный Радзивилл *(кричит)*. Ясновельможное панство! Кто требует?! Яцек Топорек и Мацько из Богданца, мелкопоместная шляхта!

Топорек. Мы - польские дворяне. Все дворяне равны между собой!

Николай Красный Радзивилл. Вы - шляхетская беднота! *(Шум, крики: Ганьба!)* Панове, мелкий шляхтич мало чем отличается от крестьянина, разве что имеет карликовый земельный надел! *(Смех.)* Так ли, пан Жолкевский?

Пан Жолкевский. Ясновельможно панство! У той шляхты и фамилии нет, одни лишь уменьшительные имена: Мацько из Богданца, Яцек Топорек! *(Смех.)*

Топорек *(сердито)*. Мы есть польский народ! Вы ж, вельможи и магнаты, тянетесь лишь к беспечной жизни и роскоши, а не к польской обороне!

Николай Красный Радзивилл. Мы, рыцарство, прежде и есть польская оборона! Мы, панове, плечи короля!

Богданец. Мы хотим сильного государя! Только вельможи не хотят московского царя! Народ же показывает к нему расположение. Московского государя желает все мелкое дворянство, как польское, так и литовское, в надежде через него высвободиться из-под власти вельмож! *(Крики: Ганьба! Не дадим посадить на престол московского медведя!)*

Замойский. Тихо, ясновельможное панство! Ясновельможное панство, хай скажет нам свое мнение великий наш поэт и польский патриот Ян Кохановский.

Кохановский. Уважаемое панство! С болью сердечной наблюдаю за сей сварой сейма Речи Посполитой! Как бы от таких свар не распалось наше милое отечество и не расширились в нашем отечестве крестьянские и плебейские бунты, как случилось в Гданьске от ариан, зовущих к отделению от Польши. Потому борзо потребно нам окончить бескорольеве и избрать доброго короля, пока от междоусобицы еще Польша не сгинела!

Жолкевский. Правду говорит наш великий поэт пан Ян Кохановский. Без доброго короля плебеи перебьют рыцарей, как убили знатного рыцаря Анжея Тенчинского!

Кохановский. Отчего его убили? Надобно разобрать то на сейме, не обидел ли он народ?!

Жолкевский. Рыцарь отдал в починку свое оружие одному из краковских ружейных мастеров. Работа была сделана плохо, он затеял с мастером ссору и сильно побил его. Тогда, пся крев, и горожане возмутились, напали на пана Тенчинского. Рыцарь поспешил укрыться в ризнице костела францисканцев, однако, пся крев, это не остановило плебеев. Горожане нашли его, убили, а тело поволокли по улицам города и бросили в канаву.

Николай Черный Радзивилл. Презренные мещане! Вот почему нам нужен истинный король!

Замойский. Ясновельможное панство, суд сейма приговорил шестерых краковских граждан к смертной казни.

Топорек. Шляхетская посольская изба не утвердит приговор! Рыцарь Тенчинский вел себя со злобной ненавистью, высокомерием! Граждане обратились в суд во Вроцлаве.

Николай Черный Радзивилл. Презренные мещане смеют обращаться в суд! Шести горожан - за одного рыцаря-шляхтича-того еще мало!

Богданец. Шляхетская посольская изба не позволит вельможам обижать простаков, ни мещан, ни крестьян.

Кохановский. Тихо, ясновельможное панство! Ясновельможное панство, магнаты, рыцари, шляхта, горожане, крестьяне-все то есть польский народ. Хай боронит его Пан Бог и Матка Бозка, где бы он ни был; в Познани, в Мазовии, в Полесье, в Силезии, в Куявии, в Добруджской земле. *(Крестится. Все крестятся. Крики: Bravo! Хай живе Речь Посполита! Хай процветает вся Польша!)*

Уханский. Ясновельможное панство, такое возможно с венчанием на московское царство Ивана IV, называемого государем всех христиан от востока до запада и до океана. *(Крики: Bravo! Позор! Ганьба!)*

Замойский. Тихо, ясновельможное панство! Мы послали от сейма польского литовской Рады послов московскому царю. Хай скажут послы. *(Воропаю.)* Пан Воропай!

Воропай. Ясновельможное панство! Речь Посполита не должна объединяться с москвитами. Москвитам присуща особая жестокость. Москвит с коварным сердцем крокодила, про что я слышал от самого тирана московского во время царского обеда.

Ухарский. Московский царь Иван - человек просвещенный. Видно, беседа с ясновельможным паном Воропаем, московский царь говорил нечто из книги «Государь» флорентийца Николы Маккиавели.

Гарабурда. Ясновельможный канцлер Замойский, ясновельможное панство! Я лично не вижу в Москве тех ужасов и прочих примеров безнравственности, о которых говорят и пишут мои соотечественники. В Московии больше законности и порядка, чем во многих других европейских странах. Дороги в Московии, например, более безопасны.

Жолкевский (возмущенно). Можно ли так изображать Москву, ясновельможное панство! Москва известна Европе как страна варварская, управляемая жестокими азиатскими приемами, невежественная и погибающая от застоя и незнания просвещенной Европы. На этом мрачном фоне, панове, тем ярче можно видеть законосообразие, основанное на договоре, правления Речью Посполитой, подобное правлению английской королевы с парламентом.

Николай Красный Радзивилл. Нет, панове, наше устройство лучше английского! С 1505 года мы имеем конституцию под названием «никаких нововведений!» В той конституции, панове, записано, что ни сам король, ни сенат не могут принимать никаких государственных решений без согласия шляхетской посольской избы, то есть без шляхты и всего избирательного народа. Что станет с нашей конституцией и с вашими правами, паны Топорек и Богданец, если Речь Посполитая, как вы желаете, присоединится к варварской Московии!

Ухарский. Московиты не варвары, не язычники. Такие же христиане, как и мы, католики. Отличаются от католиков только своими обрядами. Ясновельможное панство, надобно не мешкая объединяться с великою славянскою державой для укрепления обороны и улучшения нравов.

Замойский. Ясновельможные депутаты нашего вольного избирательного сейма! Я вижу, что сложилась сильная партия в пользу московского дома, и главой ее - человек очень сильный, ясновельможный примас королевства, гнездинский архиепископ Яков Ухарский. Он сносился с московским царем и научил его, как следует распорядиться обещаниями и дарами знатнейших панов и шляхты. Что ж случилось с теми поучениями, ясновельможный пан Ухарский? Вот получен ответ. *(Берет бумагу.)* Московский царь Иван IV отвечает, что посланный им гонец Ельчанинов будет дожидаться короля, а у панов разных не будет. Государь ссылается только с государем, а паны - с боярами. Раз у нас есть король, с панамы ему, царю московскому, сноситься непригоже. *(Крики: О каком короле речь?)*

Замойский. О сбежавшем короле-французском принце.

Жолкевский. Московский варвар с самого начала затронул политическое самолюбие нас, панов, составляющих высший разряд!

Ухарский. Панове, мне ведомо, что крупный ум московского государя страдает от мелких досадных недостатков, от неумения сдерживать себя вовремя, от увлечения своим остроумием, я пренебрежении к собеседникам. Все это служит ему плохую службу, однако то не может помешать лучшим его качествам.

Замойский. Добже, пан Ухарский. Пусть московский государь в своей монархической самоуверенности не исполнил необходимых публичных цивилизованных церемоний, к которым привыкла польская и литовская аристократия, и о привилегиях, которые он намерен предоставить высшему правящему сословию польскому и литовскому, не сказал ни слова. Поглядим, что дальше!

Жолкевский. Ясновельможное панство, каков бы ни был французский принц Генрих, не забывайте, что мы только что получили от него золотую грамоту вольности. За короткий - несколько месяцев - срок правления французского принца были намечены экзекуция прав, исправление прежде принятых законов по укреплению наших шляхетских вольностей. Что станет с нами, если в Польшу придет московский медведь!

Замойский. Ясновельможное панство, на наш избирательный сейм, собравшийся в Варшаве, московский царь не прислал большого полномочного посла, написав, что таких послов может посылать только в столицу королевства Краков. А Варшаве или Познани предстоит сноситься не с Москвой, а с Новгородом или Псковом. *(Крики: Ганьба! Позор!)* Что скажете по сему поводу вы, приверженцы Москвы, скажи, пан Гарабурда!

Гарабурда *(неуверенно)*. Мы ожидали нетерпеливо заявления московского царя. Мы разочарованы его кратким, сухим и бессодержательным посланием, что весьма прискорбно.

Николай Красный Радзивилл. Ясновельможные депутаты вольного сейма, ясновельможный канцлер Замойский! Я пригласил выступить у нас на сейме пана Андрея Курбского, ныне князя польского, московского гетмана и друга московского царя.

Замойский. Слово пану Курбскому.

Курбский. Ясновельможный канцлер Замойский, ясновельможные депутаты вольного сейма, панове! Много раз умные люди спрашивали меня с большой настойчивостью: «Поведай про бывшее отечество, про бесчисленные страдания и беды того отечества!» И каждый раз со вздохами и слезами я отмалчивался, не хотел отвечать, думая: «Поверят ли мне, перебежчику?»

Ухарский. Истинно, ясновельможное панство! Можно ли верить перебежчику?

Курбский. Нет, ясновельможное панство, нельзя верить перебежчику. Да и самому ангелу нельзя бы поверить, если б он поведал о том, что стряслось! Можно ли поверить, что царь, помазанник Божий, хранитель отеческих святынь, стал источником бесчисленных несчастий, опустошения и кровопролития, о которых подробно говорить невозможно?

Ухарский. Ясновельможное панство! Нельзя приписывать русскому монарху чуть ли не все неурядица московской жизни! Я тому удивляюсь, панове!

Курбский. Чему вы удивляетесь, ясновельможный пан? Чему вы удивляетесь, живя здесь от века в свободе под христианскими королями и считая, что нельзя верить этим названным нашим бедам? Действительно, нельзя бы, казалось, верить, если бы изложил я все подробно. Я это написал и о том говорю, стремясь сохранить горестную трагедийную ноту, потому что и так едва не разрывается мое сердце от великой горести. Когда же, панове, с ужасом узнал, что кровожадный московский тиран выступает как претендент на польский престол во время бескоролья в Речи Посполитой, то решился не молчать более. Ныне пишу, панове, историю великого князя московского, которую правильно было бы назвать хроникой, мартирологом погибших от его рук мучеников прежде и новоизбиенных мучеников ныне. Пишу и говорю, панове, ради того, чтоб развенчать тирана-царя.

Замойский. Ясновельможный пан Курбский, долгое время вы были близки к царю. Скажите нам о нем как о личности.

Курбский. Ясновельможный канцлер, пан Замойский! Можно говорить подробно, а можно сказать кратко: зверь, азиатский деспот! Я, панове, молчал, ибо не знал, что говорить. Это зверь от природы, тиран! В России все шло хорошо, пока управляли другие. Русский царь лишен государственного ума, не издал ни одного значительного закона, не предпринял ни одного значительного действия, ничего, кроме казней, пыток, опалы, разоренного гнева, взволнованной крови, необузданной страсти!

Николай Красный Радзивилл. Вот кого пан Ухарский и иные некоторые шляхтичи хотят на престол свободного народа Речи Посполитой! Московский царь - неистовый кровопийца. Это второй Калигула или Нерон, кровавый дикарь, der rote Wilde!

Курбский. Именно так, ясновельможное панство! Див, апокалиптический зверь, сын сатаны! Во всем этом служили ему его прихлебатели со свирепым полком варваров, называемым опричниками. Я и прежде не раз говорил о них. Вместо выдающихся, украшенных доброй совестью мужей, таких как канцлер Адашев и священный муж Сильвестр, собрал он со всех своих русских земель людей скверных, наполненных всяким злом.

Николай Красный Радзивилл. Я слышал, панове, он подбирает опричников из дерзких и жестоких головорезов очень низкого происхождения, подчас из крестьянского рода. Он оказывает покровительство всякому сброду, распущенной военщине, как только можно. Он не покровительствует высшему дворянству, и все ради безграничной своей власти.

Курбский. Сверх того, панове, еще связал этих кровешников своих страшными клятвами и принудил несчастных не водиться не только с друзьями и братьями, но даже с родителями, а только во всем угождать ему и исполнять скверные, кровожадные его приказы. Так что христианским целованием принудил он этих несчастных и безрассудных на такие и еще более жестокие дела.

Гарабурда. Однако ныне опричнина отменена, и даже сие слово запрещено.

Курбский. Все то, ясновельможное панство, не боле, чем хитрость и лукавство. Опричнина лукаво изменена на царский двор, и вместо одних кровоядных поставлены другие. Главный кровопийца остался. Главный кровопойца всей России Малюта Скуратов поставлен теперь думным дворянином царского двора по восстановлению справедливости, в чем дал царю клятву! О, умыслил лукавый враг людей, о неслыханно злой скверне, толкающей людей в пропасть сильнее, чем любые преступления! Слыхал ли кто когда, чтоб знаком креста клялись в том, что будут преследовать и мучать Христа, чтоб справедливость было дано восстанавливать палачу и иным многим опричникам, которые черные одежды сняли и заняли места в земщине!

Ухарский. Не оправдывая слабости и ошибки московского государя, хочу лишь сказать, ясновельможное панство, что и русские вельможи плели заговоры, нападали на законного государя. Оттого государю пришлось бороться со своими слугами.

Курбский. Ясновельможное панство, не было борьбы! По той причине, что царю не с кем было бороться, перед ним не было истинного государственного врага, были лишь враги личные, и то очень часто придуманные, ибо царь смешал дело личное с делом государственным. Бояре не нападали и не оборонялись. Бояре противопоставили царю Ивану одно терпение. Единственное, что они употребляли в свою защиту - это отъезд за границу, их древнее право.

Жолкевский. Пан Курбский, а народ поддерживает ли царя?

Курбский. Народ молчит. Царь сокрушает дружину, а народ молчит, присутствует при том сокрушении и ужасах, ужасных казнях московских и новгородских. Московский царь придал казни картинные, изуверские формы, и то узнал он еще от отцов-дедов своих. И ранее было, при деде, Иване III, вся дорога от Москвы до Новгорода, как верстовыми столбами уставлена была виселицами с трупами крамольников. Таково, панове, издавна на Руси,

Николай Черный Радзивилл. Хорошо, что Россия по варварству своему не ведает скрытых в ней богатых сил. Если бы она то ведала, то от соседей не осталось бы камня на камне.

Курбский. Ясновельможное панство, я сказал кратко, что знаю про царя и князя московского. А если иные из вас, панове, не верят нам, таким, как я, понапрасну именуя нас коварными изменниками, пусть прочтут в Слове об Ироде, произнесенном златовещательными устами, начало. *(Берет книгу.)* «Когда стали нам теперь известны праведность Иоанна, жестокость Ирода, потряслись утробой, вострепетали сердца, померкло зрение, притупился ум, ибо Ирод осквернил церковь, осквернил порядок, сокрушил царство - все, что касается благочестия, правил жизни, нрава, веры, учения, уничтожил и смешал. Ирод, тиран гражданам, насильник над воинами, убийца друзей, убийца близких, напояя землю кровью, испытывает жажду крови». Так, панове, сказал Иоанн Златоуст об Ироде. Лучше, панове, не скажу я о нынешнем царе московском, которого лишь по великому недоразумению можно желать на престол свободных королей свободной страны Речи Посполитой.

Замойский. Ясновельможное панство Речи Посполитой, уважаемые депутаты вольно избранного сейма, если слышанное нами от пана Андрея Курбского еще не всех убедило, ибо иные, может, мыслят: то он от обиды, как перебежчик говорит, - то хочу ясновельможному сейму предложить иные свидетельства против московского царя, коим поверить должно. Наш сейм изволила почтить своим посещением жена шведского короля, шведская королева Катерина, дочь нашего славного короля Зигмунда II Августа, ныне отошедшего к Богу, а с ней - благоверная сиятельная сестра ее, королева польская Анна. *(Входят Катерина и Анна. Депутаты сейма встают, склонившись в поклоне.)* Ясновельможные сиятельные сестры королевы! Нас, депутатов сейма, переполняют такие чувства, что выразить их может лишь великий польский поэт Ян Кохановский. Прошу Вас, пан Ян Кохановский!

Кохановский *(дрогнувшим голосом).* Ясновельможные в Пане Боге и Матке Бозке и Троице славимой милостью дочери короля нашего, наияснейшего государя Зигмунда II Августа! Надобно иметь абсолютный слух и сильный, красивый голос, чтоб произнести о Вас хоть несколько слов. Мой же голос простого человека, лишь любящего музыку и изящные манеры, оттого скажу: в обеих ясновельможных сестрах короля Зигмунда не меньше нежности, чем блеску. Швеция имеет королевой младшую - Катерину. Не достойна ли наша Польша иметь королевой старшую сестру - Анну. *(Крики «Браво», аплодисменты).*

Замойский. Ясновельможный сейм, слово - королевне Анне.

Анна. Ясновельможные депутаты сейма, брат мой и Катерины, король Зигмунд II Август писал английской королеве: «Ясно, что мы до сих пор побеждали московского царя только потому, что ему не было известно военное искусство, дипломатические приемы и уловки». Ясновельможное панство, московский царь издавна стремится в Европу, стремится неумело. С медвежьим напором, но стремится то ли военной силой, то ли нынешней политикой объединить Речь Посполитую с Московией через свое коронование на польский престол Ягеллонов. *(Крики: «Ганьба, позор!»)* То ли еще более по-варварски стремится насильно жениться на польской принцессе, на сестре моей Катерине. Теперь и мной получено от царя московского о том письмо. *(Крики: «Позор! Ганьба!»)*

Кохановский (*гневно*). Ясновельможное панство, такая политика московского медведя вызывает глубокое омерзение. Хотя, ясновельможное панство, ежели даже злодей не может устоять перед сияющей ангельской красотой ясновельможной пани Анны, то можно ли сказать о таком человеке, молодость которого уходит, и на висках прибавляется седины. (*Дрогнувшим голосом.*) Ясновельможная пани Анна, ничего не могу подарить тебе, кроме бессонных ночей поэта, слагая свои многочисленные стихи. (*Со слезами в голосе.*) Когда не знаешь ты, что значат бледность эта, ответы невпопад, и боль души поэта, вздох частый, редкий смех, ты и понять не в силах, что сердце твое любовью одарила. (*Крики: «Браво!»*)

Анна. Ясновельможный пан Кохановский, возьми от меня в подарок перстень! (*Снимает с пальца перстень и подает.*)

Кохановский (*целует перстень*). Сиятельная королева, не смею взять! Позволь одеть его снова на твой палец! (*С почтительным поцелуем одевает перстень на палец Анны и жарко целует ей руку.*) (*Крики: «Слава королевне Польши Анне Ягеллонке! Слава великому польскому поэту Яну Кохановскому!» Длительные аплодисменты.*)

Николай Черный Радзивилл (*Николаю Красному Радзивиллу*). Кохановский женат на шляхтянке Доротее Подлевской, да сохранил свою тайную безнадежную любовь к королевне Анне!

Николай Красный Радзивилл. Можно ли устоять перед чарами сестер-красавиц? Неудивительно, что и московский варвар соблазнился!

Анна. Ясновельможный сейм, московский царь, сватаясь ко мне, не может забыть и свое неудачное сватовство к Катерине. Пока в Швеции царствовал сын Густава Вазы Эрик, который из страха за престол засадил в тюрьму брата своего, герцога финляндского, мужа Катерины, он, московский царь, требовал, чтоб тот, Эрик, такой же безумец полупомешанный, как и московский царь, выдал ему Катерину. К счастью, с помощью Пана Бога, безумец Эрик свергнут государственным советом.

Замойский. Однако, ведь московский царь женат! На ком он женат, пан Воропай?

Воропай. Не помню, на какой-то плебейке. Ныне при царе не осталось никого, кроме отъявленных палачей и молодых ротозеев.

Кохановский. Грязный московский медведь мечтал жениться на орлице, а женился на глупой бесплодной свинье! (*Смех.*)

Анна. Моей любимой сестре Катерине пришлось пережить много бед из-за любви ее к принцу Яну, ныне королю Швеции. Наш отец, король Зигмунд старший, хотел задержать сестру в Вильно, но она не послушалась, спешила с выездом. В расстроенных чувствах сказала я сестре Катерине: «Катерина! Если на тебя упадет несчастье, чтоб ты меня не винила!» Мы простились со слезами. (*Утирает слезы.*) Панове, пусть про то скажет сама Катерина!

Катерина (*тоже утирает слезы*). Мы простились со слезами. Я села в экипаж, Ян на коня, и с этой минуты начались несчастья. Первой же ночью этого путешествия случился мороз, потом буря. Архиепископ Рижский дал нам свежих коней. По приказу Эрика, который ненавидел моего мужа, своего брата, нас задержали и всех коней забрали. Мы шли пешком 30 миль в страхе, зная, что русский царь выслал отряд нас перехватить.

Анна. Матка Бозка, представляю свою любимую сестру во власти русского медведя!

Жолкевский. Ту же участь иные приверженцы московского царя готовили и готовят любимой Польше. (*Крики: «Позор! Ганьба!»*)

Катерина. Я ждала своей участи под стражей в Грибольме, в семи милях от Стокгольма. Меня поселили в замке на скале, открытой ветрам, и разрешили иметь только двух поляков, двух полек и двух карлиц. (*Утирает слезы. В зале сейма слышны всхлипывания. Паны достали платки.*) С мужем своим, которого тоже держали под стражей, я была разлучена. Для унижения мне давали еду для обычных преступников, в то же время ежедневно предлагали богатство, и подарки, и еду от царя Ивана, но я не брала.

Уханский. Ясновельможное панство, трудно все то понять. Ведь царь Иван - просвещенный, много читающий человек. Так ли, пан Курбский?

Курбский. Да, ясновельможное панство, он много читал и читает, много помнит из прочитанного, но его чтение беспорядочно и не дает прочных и полезных знаний. Ежели, панове, даже попытаться забыть о кровавых казнях, а думать лишь о натуре московского царя, будучи беспристрастным, то можно сказать: то натура неуравновешенная, болезненная, нервная. Он весь из порывов, из смутных

страстей. Иной раз трудно понять, один ли то человек. Он не взвешивает хладнокровно поступки свои и чужие, легко поддается сильному первому впечатлению. Воспитание не дало ни сильной воли, ни твердого характера. Он не стоек и не силен, поддается чужому влиянию, впечатления воссоздаются пылко и нервно, но душа не глубока. Московский царь - то, панове, несчастнейшее сочетание крайней слабости воли с непомерной властью.

Замойский. Ясновельможное панство, ясновельможные депутаты сейма! Все услышанное, думаю, станет причиной того, что партия, желавшая избрания короля из московского дома, совершенно исчезнет. Так ли, ясновельможный пан Ухарский?

Ухарский. Ясновельможный сейм! Известно, что австрийский император Максимилиан прислал московскому царю посольство с просьбой ходатайствовать и у нас в Польше в короли выбрать эрцгерцога Эрнста Габсбурга. Не рассмотреть ли нам такую вариацию?

Замойский. Нам то ведомо, пан Ухарский. Царь Иван думал было сначала устроить так, чтоб в Польше был выбран Эрнст, а в Литве - он, царь Иван.

Жолкевский. Такой план не найдет сочувствия у большинства панов Литвы, не говоря уже о польских панах.

Замойский. Нам ведомо, что план тот не по сердцу и самому австрийскому дому. И там есть желание владеть совокупно Польшей и Литвой, не деля Речь Посполитую. Притом же, царь Иван, намекая на такие разделения, противоречит себе, говоря, что он будет доволен, если Эрнст будет вместе королем польским и литовским.

Гарабурда. В Литве нашлись бы паны, которые хотели бы Эрнста, но сам Иван, или даже его сын Федор, к тому же слабоумный, становится мало пригодным.

Курбский. Я, ясновельможное панство, вообще удивлен, откуда такая идея - взять в Речь Посполитую королей из дома Калиты? Весь род тот кровавый и нечистый. Ведь отец его, Василий, будучи стар, сошелся с преступной и совсем молодой женой Еленой Глинской, верно, приехавшей из Литвы, но природной татаркой из рода Мамаев. Тот же Василий разыскивал повсюду злодейских колдунов, чтоб помогали ему в деторождении. И с их помощью, от тех скверных семян, по произволу, а не по природному естеству Бога, родилось ему два сына. Один такой прелютый и кровопойный, да и погубитель отечества, что не только в русской земле о таком чуде и диве не слыхано, но воистину нигде же, никогда же, потому что и злобного Нерона превзошел лютостью, жестокостью и различными неисповедимыми мерзкими сквернами. Особенно не то, что не был он внешне непримиримый враг и гонитель церкви Божьих, но внутренне змей ядовитый, жрущий и терзающий рабов Божьих. А другой сын, брат Ивана, князь Угличский Юрий, был безумен, без памяти, бессловесен, как будто родился диким зверем. Ныне Бог сжалился и прибрал его со света, однако гнилое семя Калиты явилось в последнем, младшем сыне Федоре, который по-русски именуется «дурак»! *(Смех.)*

Катерина. Ясновельможный сейм, слово хочет сказать приехавший со мной наш шведский королевский посол.

Замойский. Сейм Речи Посполитой слушает посла Божьей милостью великого шведского государя.

Шведский посол. Препочтеннейшие депутаты сейма! Московский медведь может быть побежден только международной европейской коалицией. Наш государь Юхан III, король шведский, готский и ванзейский, не только государственный, но и личный враг московского безумного тирана, пожелавшего отнять у короля его законную жену королеву Катерину. Потому мы, шведы, нанесем ему, медведю, первый удар. Ясновельможные депутаты, я, королевский шведский посол, хочу на сейме выдвинуть сразу самый острый вопрос внешней политики, вопрос о войне против Москвы за Ливонию. Я от имени короля Юхана III предлагаю бороться общими силами. Пусть поляки отдадут нам, шведам, свою часть Ливонии. Шведы откажутся от денежных сумм, которые они ссудили Польше. Из Ливонии может быть выставлено особое владение, которым править будет нынешний малолетний шведский королевич Сигизмунд, по матери, королеве Екатерине, потомок Ягеллонов. Затем я, королевский шведский посол, предлагаю избрать на польский престол королеву Анну, сестру умершего короля Сигизмунда II Августа. *(Крики: «Браво! Слава польской королеве Анне!»)*

Шведский посол. Препочтеннейшие депутаты сейма! По моему мнению, только этим способом уладятся дела польские и шведские, ливонские и московские, будет крепкий союз между соседними государствами, будет мир с турками, с татарами и Германией. Москва будет изгнана из Ливонии. Нарвская торговля, столь вредная для Польши и выгодная для Московии, прекратится.

Замойский. Ясновельможные панове, выслушав шведского посла, выслушаем и посла турецкого султана. Многие в Европе с помощью России пытаются обезопасить себя от Турции. То, пожалуй, ошибка. Магометанская Турция - броневая плита против России.

Шведский посол. Это не беда. На беду, не все католики понимают: святой Папа Римский мечтает о крестовом походе вместе с Россией, тогда как Турция - наш союзник против России.

Турецкий посол. Сиятельные депутаты польско-литовского сейма! У вас и у шведов есть вечный союзник в лице турецкого султана, моего повелителя. Мы, турки, опасаемся избрания на польский престол сына императора Максимилиана, представителя враждебного Турции австрийского дома. В Австрии - плохой закон, в России - плохой закон. В Турции - хороший закон. Велик Аллах! Если турецкий судья или турецкий воевода плохо исполняет закон, мой повелитель, турецкий султан, велит содрать с него кожу. Хороший судья или хороший воевода сидит на сушеной коже плохого судьи или плохого воеводы, исполняя хороший турецкий закон. Мой повелитель, турецкий султан, выдвигает своего хорошего семиградского воеводу, семиградского князя Стефана Батория, который уже много лет сидит над сушеной кожей плохого воеводы. Князь Стефан Баторий приехал со мной. Встань, покажи себя сиятельным депутатам сейма, князь Стефан Баторий! *(Стефан Баторий встает.)*

Ухарский. Он зависит от турок, от янычар! Можно ли янычара на христианский престол?

Баторий. Нет, господа, я не янычар. Верно, земля семиградская по необходимости связана союзом с Турцией, но мы, паны, христиане и живем по закону христианской культуры.

Жолкевский. Ты, князь, приехал сейчас из Семиграда?

Баторий. Нет, панове, я вернулся из Италии, где в университете Падуи изучал юриспруденцию, грамматику и риторику.

Замойский. Князь Баторий, что обещаешь ты сейму Речи Посполитой?

Баторий. Уважаемые депутаты! Даю вам, сейму, истинное обещание сохранить все вольности панов и шляхты, сообразовываться во всем с их желаниями, обратно завоевать все отнятое Москвой, для чего я приведу свое войско. Обещаю сохранить мир с турками, татарами, обещаю лично предводительствовать войсками, обещаю прислать 800 тысяч золотых на военные издержки, выкупить пленную шляхту из земель русских и захваченных в последнее татарское нашествие.

Замойский. То блестящие обещания пана Стефана Батория. Ясновельможное панство, имея две кандидатуры на престол, одну - Эрнста Габсбургского, другую - семиградского князя Стефана Батория, кто за Габсбургского, пусть отойдет влево, кто за Батория - вправо. *(Шум, движение.)* Ясновельможное панство, большинство остается за последним. *(Крики: «Браво! Слава королю Речи Посполитой Стефану Баторию!»)*

Замойский. Избранный на сейме Стефан Баторий должен прибыть в Краков для коронации.

Баторий. Уважаемые паны, я приеду в Краков и получу польскую корону на условиях, явно и открыто враждебных московскому государству: отнять все, что в последнее время было отнято московским царем. *(Крики: «Браво! Пусть живет Польша!»)*

Жолкевский. Панове, история великой Польши с избранием сего короля починается. Польша от моря и до моря! Споем, панове, песнь о Грюневальдской битве, песнь о Грюневальде, гимн свободной великой Польши! *(Паны поют гимн.)*

Курбский (взволнованно). Уважаемое панство! Я изгнан с Родины и стал врагом Отечества по желанию тирана. Противник мой, царь московский, неистовый тиран. В горести решил открыть ему душу свою, исполненную негодования. В порыве сильных чувств я написал царю письмо-послание, а царь, волнуемый гневом и внутренним беснованием, немедля мне ответил. Однако, панове, война лишь словом мне не по душе, и я не намерен ютиться в безопасности. Едва прибыв в Литву, довел я до сведения короля о происках Москвы, которые следует пресечь. Особо же мучает меня, что по принуждению тирана сжег Витебск. Двадцать четыре христианские церкви! В награду же мы, воевавшие за него, получили иваново кровопийство. Ныне, панове, я хочу участвовать в сражении против тирана, которого ненавидят вельможи и простолюдины. Прошу дать мне 30-тысячную армию, и я захвачу Москву. Если ко мне есть какие-либо подозрения, что перебегу назад, я согласен, чтоб в походе меня приковали цепями спереди и сзади, окружив солдатами с заряженными ружьями, чтоб тотчас застрелить меня, если заметят во мне неверность. На этой телеге, окруженной для большего устрашения всадниками, я буду ехать впереди

руководимого направляемого войска и приведу его к цели - к Москве. Пусть только войско следует за мной!

Жолкевский. Панове! Экспансия на восток решит все проблемы Речи Посполитой.

Замойский. Ясновельможное панство, мы не можем починать дело, пока в Кракове не коронован государь, и пока в Гданьске не подавлен бунт. Надо, панове, до тех пор осторожно вести себя с московским медведем, не раздражая его.

Баторий. Это справедливо. После восхождения своего на престол я, как новый король, отправлю посольство в Москву.

Шведский посол. Высокочтимые депутаты! Кандидатура князя Стефана Батория в польские короли сошлась с предложением нас, шведов, избрать королевой Польши сестру Сигизмунда Анну. Мы бы хотели, чтоб князя Батория прочили в супруги королевны Анны.

Замойский. Что скажешь, князь?

Баторий. Велика честь иметь руку и сердце такой сиятельной, добродетельной красавицы.

Замойский. А ты что скажешь, Анна?

Анна (*потупившись*). Князь Баторий - сильный, просвещенный рыцарь. (*Крики: «Браво королю Польши Стефану Баторию и королевне Анне!» Долгие аплодисменты. Паны встают и поют гимн «Грюневальд».*)

Замойский. Слава нашему Отечеству! Гданьск, Поморье, Куява и Силезия, вся малая и великая Польша, малая с Киевом и великая Польша с Краковом, Запьястье, все староство Прусское, Пшеметское, Вислица, Любарство, Ольшане, Подсохочевск, Кроводжа - вся Польша единая имеет теперь слатронвного короля и славную королеву! (*Крики: «Слава Польше!»*)

Занавес.

Сцена 53

Москва, Золотая палата Кремля. Царь Иван и приближенные.

Иван (*сердито*). Нагой, кто тот Стефан Баторий, избранный польским королем? Откуда тот Баторий?

Нагой. Государь милостивый, польско-литовским королем избран трансильванский семиградский владетель, князь Стефан Баторий, венгерец родом, католик, питомец Падуанского университета в Италии. Побывал и в Германии.

Иван. Наемник на троне Ягеллонов! Щелканов, что ты скажешь?

Щелканов. Государь, Баторий - опасный враг. Таким образом, вместо желанного соединения и мира, тебе, государь Иван Васильевич, со стороны Польши и Литвы угрожает упорная решительная война, тем более, Государь, опасная, что теперь в соседней стране власть не в руках слабого телом и душой Жигмонта Августа, а в руках воинственного, деятельного и умного Стефана Батория.

Иван. Он ли умен? По его посланию судя, он предпочитает радости суетного мира вечному и бесконечному. Нагой, и ты, Щелканов! Я устраняю вас от польских дел! Нерадиво то дело делали. Ты, Малюта, переймешь с племянником своим Богданом Бельским.

Малюта. Слушаюсь, Государь!

Иван. Говорите, умен да образован тот Баторий?! Милые мои, по посланию судя, можно только посмеяться и удивиться его нраву. Он, избранный, отправил ко мне, законному от Бога государю, посольство, не подумав, что рассердит меня, царя Ивана Васильевича Всея Руси, ибо тот Баторий назвал себя ливонским государем, а мне не дает, московскому государю, ни царского титула, ни даже титула Смоленского и Полоцкого князя. Мало того, я, царь Иван, поставил себе в оскорбление, что польский король назвал меня, царя, своим братом! Я, царь Иван, хочу заметить, Стефан Баторий ничуть не выше каких-нибудь князей Островских, Вольских и Мстиславских.

Малюта. Ты, Государь, Божий помазанник, они - земные холопы твои.

Иван. Как умер последний Ягеллон Жигмонт Август - Речь Посполита превратилась в избирательную монархию. Многим паны предлагали, и мне тоже предлагали...

Богдан Бельский. Речь Посполита, Государь милостивый, как баба гулящая! (*Смех.*)

Иван. За меня были литовские паны и часть польской шляхты, но я ставил условием истинную нашу веру, неприемлемую для поляков, особенно для католиков, латын. Тот Стефан Баторий, как ты говоришь, какой веры, католик?

Богдан Бельский. Говорят, близок к арианам.

Иван. Ареанство еще хуже латинства и пап, ибо Арий имени Христа истовый враг. А где арианова вера - тут уж Христос не нужен, и не подобает эту веру звать христианством, и людей этих называть христианами, и о христианской крови тем людям нечего беспокоиться. Мы же, смиренные, во Христе крестились, во Христа облеклись, во Христа веруем, в смерти его обретаем крещение. А христианам по Христовым заповедям подобает терпеть беды и неудачи. (*Ходит взад-вперед.*) Милые мои, не скрою, что наш дипломатический подход, на который я, царь, потратил столько сил, выдумок, риторства и диалектики, окончился неудачно. Не удаётся нам путем моего коронования на польский престол создать славянскую большую державу с Москвой, Третьим Римом, в центре. Но с иной стороны, может, то был соблазн дьявола, которому всякий доступен, и соблазн тот расстроен помыслом Божиим.

Малюта. Истинно, Государь милостивый! Вступить в управление двумя шляхетскими республиками значило не только навязать себе новые великие тяготы, но также подвергнуть опасности всю налаженную военно-монархическую систему нашей московской державы.

Иван. Милые мои, сказать истинно, вряд ли я когда-либо серьезно думал стать избранным ограниченным монархом в иноверческой стране. Я уже с некоторых пор охладел мыслью о занятии польско-литовского или даже литовского престола. Сближение Швеции и Турции, северного и южного соседа Польши, заставляет меня искать союза с Австрией, которая выставила своего претендента на польский престол, и я готов уступить это опасное положение целиком своему новому союзнику. Тем легче надеюсь я воцарением австрийца удержать за собой Ливонию.

Малюта. Государь, послы императора Австрийского приехали в Москву и ждут.

Иван. Приму их перед Баториевыми. Баториевых не приму сегодня, да вместе со шведскими послами и холопами моими ливонцами приму.

Щелканов. Позволь сказать мне, Государь. Эти австрийские союзники никогда не приносили добра России, не принесут и ныне. Придется тебе, Государь, узнать все дурное той австрийской дипломатии. Они, Государь, вечно опаздывают, также лишены гибкости и такта. Цесарские правители, Государь, не умеют подойти к Москве да не уважают нашу державу, нанеся нашему гонцу Скобельцыну в Вене обиду, приняв его после индейского посла. Также и тебе, царю, Великому Князю, поклон не передали.

Иван. То, милые мои, мне ведомо. Думаю, ныне цесарские послы привезли извинение. Надобно строго следить, милые мои. Главное - оберегать государя от порухи. Однако, тем не менее, мир с Австрией нам потребен. (*Входят австрийские послы.*)

1-й посол. Приветствую тебя, царь Москвы, от цесарского величества императора Максимилиана. И тебе, московскому царю, приносим извинения за мелочный недосмотр при приеме посла Скобельцына, напрасно толкуемый за умышленную обиду. (*Подает грамоту.*)

Иван (*берет грамоту*). Наша московская держава требует к себе особого почитания. Мы не новая держава, какое-нибудь из Индии посольство от Бабура, когда и у нас в Москве не решаются приветствовать султана далекой земли братом государя, потому что неизвестно, кто он - государь или урядник. (*Смех.*)

2-й посол. Такое более не стрясется, великий московский царь!

Иван. То добро. А о Польше привезли ли ответ?

1-й посол. О Польше от императора ничего не привезли. Привезли только извинения.

Иван (*сердито*). Как так - только извинения?! Как так, в императорской грамоте ни слова о Польше?!

1-й посол. Государь московский, от австрийского канцлера велено передать, что Австрия крайне обеспокоена турецким ставленником Баторием на польском литовском троне. В одном важном пункте предложение наше сходится с твоим намерением, государь, именно - в вопросе о разделе. Помыслили мы и решились, чтоб польская корона отошла к цесарю, а великое княжество Литовское - к московскому государству.

Иван. А Ливония?

1-й посол. Ливония, Государь, издавна составляла часть Германской империи.

Иван (*гневно*). Как так Германской империи? Император австрийский не способен забыть, что Ливония когда-то незаконно принадлежала немцам, а забыл, что Ливония - издавна русская вотчина? Ливонская земля - наша вотчина. Ливонской земли и Курской, сиречь Курляндии - сей быть к нашему государству, у нас там посажен голдовик, датский принц Магнус. (*Нервно ходит.*) Так ты бы, брат наш дражайший Максимилиан Цезарь, в Ливонскую землю не вступал, и этим бы нам любовь свою показал, а мы Ливонские земли достаем и впредь хотим искать. (*Ходит.*) Ведь был договор и план раздела польско-литовско-венгерского государства между Австрией и Москвой! При этом дележе мы оставляем за собой Ливонию. Что ж, все время планы менять? Как же верить? У меня план давний, неизменный. Мне бы хотелось, чтобы поляки выбрали Эрнста, а литовцы - меня, московского государя. Но если даже Литва не согласится отстать от Польши, пусть и она выбирает Эрнста. Однако Ливония - наша.

1-й посол. Государь московский, надо ли тебе мыслить о Прибалтике? Хотим увлечь тебя идеей о владении Царьградом. Избрание Эрнста, сына императора, в короли будет очень выгодно твоему величеству. Ты, Эрнст, Цесарь Максимилиан, король испанский, Папа Римский и другие христианские государи вместе на сухом пути и на море нападете на главного недруга вашего, султана турецкого, и в короткое время выгоните неверных в Азию. Тогда по воле Цесаря, Папы, короля испанского, эрцгерцога Эрнста, князей императорских и всех орденов все царство греческое, восточное, будет уступлено твоему величеству, и Ваша Светлость будет провозглашена восточным царем.

1-й посол. В златоверхом Царьграде, на Святой Софии, вместо креста - полумесяц. Император мира-турецкий султан. Тень Бога называет себя он. У него 30 королевств в подчинении. А христианский мир - в раздоре. Столетняя война Англии с Францией, Алой и Белой розы в Англии, гуситы в Чехии, - мы, христиане, зажатые Азией на узком пространстве, должны искать новые земли морскими путями. Все это изменится, если ты, христианский царь, с нашей европейской помощью станешь царем Царьграда.

Иван. Нет, высокочтимые господа! Я не склонен поддаваться на призраки, подобные тем, какими увлекаются юные отроковицы или неразвитые, в несовершенном возрасте стоящие у власти. На союз христианских государей я смотрю с большим сомнением. Из истории восточного вопроса хочу вспомнить и преподнести вам, австрийцам, Владислава Венгерского, который заключил союз с Цесарем и многими немецкими государями, но был ими покинут и предан туркам, вследствие чего и погиб. Для того, высокочтимые господа, чтоб в такой союз поверить, мало обещаний императора, нужен обмен всех государей, к примеру, датского короля, о котором забыл император, и прочих. Что касается Ливонии, то я еще раз отвожу предложение Цесаря. Ливония наша!

Нагой. Государь, погляди на печать, поставленную в грамоте. То не императорская печать.

Иван. Верно! Что то за печать?

1-й посол. Ваша светлость, это печать австрийской торговой гильдии.

Иван (*гневно*). Так кого ж император мне прислал?! Это есть в моих глазах не настоящие послы, а скорей торговцы, имеющие выгоду! (*Кричит.*) Гнать их вон в зашей! (*Стрельцы прогоняют послов.*)

Нагой. Государь милостивый, я до сих пор, сколько ни приходило грамот, хоть бы у одной одинаковые печати видел. У всех грамот печати разные!

Иван (*нервно ходит*). И то не соответствует государским обычаям, принятым у государей. Как может австрийский император так пренебрежительно относиться к нашей державе? Надобно отписать ему. Таким грамотам ни в каком государстве не поверят. У государей, в государстве, живет печать одна. Мы тем всем вашим грамотам по доброте и милости доверяли и поступали по тем грамотам. Ныне боле не верю! Нагой, надобно и нам занять печать, а то печатаем теми печатями, которыми еще собака Адашев грамоты печатал. Чтоб царская печать была истинно самодержавна!

Нагой. Государь милостивый, заменили уж меньшую великокняжескую печать большей печатью, украшенной символом самодержавия. Имеем два образца, и ты, Государь, решишь, который. Один - орел двуглавый, а среди него - человек на коне, а на другой орел же двуглавый, а среди него - инорог, сиречь единорог.

Иван. То помыслию. Милые мои, надобно высоко держать честь государства и честь нашей державы. В Австрии послу нашему не передавать поклон от меня, царя и великого князя, так как на прошлом приеме королевский посол мне, царю и великому князю, поклон не правил. Послу в Речи

Посполитой править королю только поклон, а не спрашивать о здоровье, поскольку польский посол поклон сделал, но не спросил о царском здоровье.

Нагой. Исполним, Государь!

Иван. Царский наш титул надо еще укрепить, чтобы ни у кого не было сомнений. Вместо прежнего простого «Божьей милостью» ставить в грамоты и печати перечисление атрибутов Божественных, как читал я у Дионисия Ареопагита. Ареопагит был обращен в христианство апостолом Павлом, и тот сделал его первым епископом Афинским. Он умер мученической смертью при императоре Адриане, мучителе христиан. Вот кто нам пример! Так и нам надо от Бога себя поставленным понимать, когда говорить о государственных головах, о честях и землях. Надо вставить в титул, помимо царства Казанского и Астраханского да прочих, также и Сибирскую, и Северскую страну, и Ливонию.

Нагой. Исполним, Государь!

Иван. А что ливонцы именуют себя полемоновым родом, то брехня, и в ливонских летописях - ложь, будто Полемон, добравшись до Неману, положил начало литовскому народу. Не был Полемон римским князем в родстве с Нероном. На Шклове и на Мыши издавна жила жмудь, наши русские данники. Литовские князья Гидеминовичи - из той жмуди, а докажем им то не только через наши летописи, ногами наших коней докажем. Переступим все их дороги и воду во всех тех местах поьем. Уж Литва не посмеет говорить, что не везде ноги наших коней были. *(Уходит в сопровождении свиты.)*

Занавес.

Сцена 54

Москва, Золотая палата Кремля. Царь Иван в окружении свиты принимает польско-литовских, шведских, ливонских послов.

1-й польский посол. Прими, великий московский Государь от наияснейшего короля Речи Посполитой Стефана Батория низкий поклон и подарки.

Нагой. Посольский дьяк, объяви польские подарки.

Дьяк. Партия шелка 100 аршин, атлас, камка лазоревая, желтая, блюдца золотые, солонца серебряные...

Иван *(мрачно перебивает)*. Чем Стефан Баторий стал достойней иных, у которых особый дар Божий? Такое сокровище дал Бог мне, неужели не надеялись найти в многолюдном мире среди достойных государей, королей, курфюрстов, князей и графов истинного для устроения Божьего удела?

2-й посол. Государь, когда на вольном сейме мы избираем короля, то говорим ему: «Король, из многих достойных престола поляки избрали тебя, надеясь, что ты будешь беречь польскую честь!»

Иван. Кто ж ваш король Баторий: монарх али евнух турецкого гарема? *(Смех.)* У нас на Руси подданные обязаны беречь честь монарха, ежели монарх истинный, Мы, русские государи, происходим от царской крови римских императоров по брату его Прусу, прапращуру Рюрика, первого русского князя, - вот кто мы! Бармы, которые я держу, - бармы Мономаха, шапку, которая на мне надета, греческий император Константин прислал в дар Владимиру Мономаху, а в Грецию шапка Мономаха попала из Вавилона. То шапка нетленная. Почитайте блаженного Августина, да поймете, отчего она за столько тысяч лет не истлела. Таковы наши государи. А ваш государь не из мужиков ли? *(Смех.)*

1-й польский посол. Государь, Давид, царь иудейский, пророк, из мужиков низкого звания избран.

Иван. Давид - то избранник Божий, здесь же выбранный местечком человеческим, сеймом. *(Смех.)* От кого вы, поляки да Литва, послы? Вы моему шуту вручите грамоты! *(Срывает с посла шапку и надевает ее на шута.)*

Шут. Гойда, гойда! *(Смеется.)*

Иван *(смеется)*. На колено встань! *(Надевает шапку на себя.)* Гойда, гойда! *(Смех.)* Мой шут дипломатию знает, дела польские! Ну-ка, шут, расскажи дела мировые!

Шут. С английской королевой цесарь Вилель, не в миру же, для веры, что она лютерка. Да потому она стоит против шпанского короля за идерландскую землю, за лютерей, которые от шпанского короля отстали. А датский король и швейский, тех Папа и Цесарь к себе в помощь принимати не хотят. *(Смех.)*

Иван. Такое избрание мужика в короли есть дело чудесное, вельзевулово, ибо чудо - от Вельзевула, а царское венчанное дело - Божье. Мне и прежде казалось удивительным, что Жигмонт называл шведского короля братом. Разве не известно польскому государю, что дом Вазы, правящий в Швеции, происходит от водовоза, а теперь шведские и польские государи истинно братья: оба мужики. *(Смех.)*

Шут. Короли польский и свейский аки тяглецы - челом бьют и просят дать им кормицу. Вели, Государь, послати тех королей в Арзамаский уезд, да вели выдать им кляченку да коровенку, а то хлеб испрел, и все их государево перевелось. *(Смех.)*

Иван. У вас в Польше, как и в Швеции, вся земля монарху в товарищах. Не одни лишь магнаты, а маршалки, старосты, ключники, ксендзы, доктора-иноземцы. *(Смех.)* В шведской грамоте читал, писано: «Архиепископ Упсальский руку дает за все королевство шведское». Если б у вас в Польше и Швеции совершенное королевство было, то королям вашим архиепископы, советники, вся земля, в товарищах не были бы. Вы, послы, от кого?

1-й польский посол. Мы - послы от Речи Посполитой, королевства польского.

Иван. То-то, не от короля, от королевства! Король ваш - голова, точно войт, староста волости. У нас на Руси такого не будет! Родословная вера государя определяет честь, ибо государь государства выше!

1-й польский посол. Мы, Государь, для мира приехали, не для ссоры и войны, а чужого не хотим. В польской пословице сказано: «Odejmiј tylko u kogo odijeto» .

Иван. Ваша польская пословица не правдива. В Евангелии сказано: «У неимущего отнимется и то, что имеет». Обо всем том отпишу я в послании королю вашему, Стефану Баторию.

Нагой. Государь милостивый, допускать ли шведов?

Иван. Допускай уж.

1-й шведский посол *(кланяется)*. Король шведский, готский и вандейский Юхан III передает поклон тебе, государю московитов, и спрашивает о твоём здоровье.

Иван. И мы, смиренный Иван Васильевич, который удостоился быть носителем крестonosной хоругви и креста Христова Российского царства и иных многих государств, и царь-скипетродержатель по Божьему изволению, а не по многмятежному человеческому желанию, спрашивает о здоровье шведского короля.

2-й посол. Наш король Юхан III здоров, и ты, вижу, в добром здравии.

Посольский дьяк. Подарки шведского короля: жемчужные зерна, да песцы белые, да ведро масла коровьего, да пуд семги...

Иван. Божественной милостью, властью и хотением скипетродержателя Российского царства, допущены вы пред царские очи. Говорите.

1-й шведский посол. Государь московский, приехали мы, чтоб обиды меж тобой и нашим королем не было, и чтоб вести нам переговоры не через наместников твоих новгородских, а подобно добрым соседям как равные с равным.

Иван *(сердито)*. Равные?! Знаете ли, что такими словами вы раздражаете нашей степени величество?

2-й шведский посол. Отчего ж, Государь? Мы лишь доброго соседства желаем, потому гонцов своих к новгородскому наместнику король Юхан боле посылать не хочет, а сноситься с новгородским наместником хочет через своего наместника в Выборге.

Иван. И ты сам о том рассуди. Выборгской земле с государством Великого Новгорода равняться пригоже ли? Отпишу Юхану. Самому тебе будет неведомо, ты у купцов своих поспроси. Уведай, новгородски пригородки, и Псков, и Устюг, и Двинская земля, чай, знают, сколько больше они Стекольна холма.

1-й шведский посол. Стокгольм Москве не уступит, не говоря уж о Новгороде и Пскове. И земля наша русской не хуже.

Иван *(сердито)*. Хорошо ли будет королю шведскому, ежели за твое невежество обращаю я гнев свой на шведскую землю да пойду из вотчины своей, Великого Новгорода-хорошо ли будет?

2-й посол. Порубежные твои лихие люди уж не раз приходили на нашу землю с грабежом и убийством, а воевода твой Динабург сжег и многих людей пленил.

Иван. Который воевода?

1-й шведский посол. Вянцилав Цаба.

Иван. Врешь, и воеводы такого у меня нет.

Малюта. Государь милостивый, видно, шведский посол про казака Саву Жабу говорит. Атаман Жаба с шайкой своей ходил не от нас. Мы к тому делу отношения не имеем.

Нагой. Некий Жаба у поляков есть, казак, предводитель польского войска, взявший Двинск. Может, у них там бунт был. а они на нас валят!

2-й шведский посол. Среди лихих людей были также и московские стрельцы.

Малюта. Государь милостивый, видно, с передовых наших полков, которые от Новгорода шли, иные дошли до Орешка, а иные немногие люди, которые от передовых людей оторвались, в шведскую землю отомчались.

Иван. Про то не со мной пусть говорит, с новгородским моим наместником. Их король Юхан родом из Шмалот, а Шмалот означает «малая земля», а в самом названии не намек ли на мужичье происхождение вас?

1-й шведский посол. Провинция Смоланд на юге Швеции, а род Ваз, наших королей, из другой провинции - Упланд.

Иван (сердито). Ты всерьез взялся мне перечить! Наша степень и величество чаяло, что твой король Юхан и шведские земли уж познали свою глупость. Мы, как истинные христианские государи, умилосердствовались, задержали свой гнев на шведскую землю, а тут плутовство шведское обнаружилось. *(Кричит.)* Оборачиваетесь, как гад, разными видами!

Малюта. Государь, они мыслят, шведская земля может по-прежнему разбойничать, как прежде, вопреки перемирию нападая на Орешек. Немецкие ландскнехты, наймиты шведского короля, под Орешком убили русских пленных и над трупами надругались. Поскольку многие из убитых отличались тучностью, немецкие маркитантки вырезали из таких тел куски, вынимали жир для лекарств.

Нагой. Государь, то бывает во всем христианстве. Те тела мертвые на мелкие куски разрубают, просматривают человека всех и внутренности, кабы в хворобах и ранах живым помогало.

2-й шведский посол. Швеция хочет взаимного мира, чтоб не было нападений ни наших, ни ваших.

Иван. Ежели шведский король хочет свою бранью лютость утолить и послушать наших наставлений, мы оценим его покорность и его пожелания. Потому в виде милости не от новгородского наместника, от меня получит он послание.

Нагой. Государь, допускать ли ливонских послов?

Иван. С теми могу говорить лишь про дерптскую дань. Годунов, готов ли материал по дерптской дани?

Годунов. Готов, Государь милостивый!

1-й ливонский посол Врангель (кланяется). Ливонский сейм в Вольмаре поручил нам выступить пред тобой, государем русским, от имени всех влиятельных князей и городов Ливонии.

Иван (перебивает). Кто есть влиятельные князья ливонские, не знаю, а принял вас, чтоб возместить недоимки по платежу дани.

Врангель (после паузы, продолжает). В состав посольства вошли ливонский магистр Иоганн Бакгорст и Отто Гротгаузен, а также послы гернтского епископа Дерик Ковер и я, Вольмар Врангель.

Шут. Одни немцы-лютеры. Государь, ой, люты лютеры, ой, люты лютеры! *(Смеется.)*

Врангель. Наш милостивый князь и государь и другие государи лифляндские...

Иван (сердито перебивает). Много лет с Юрьевской области да с иных ливонских областей дани мне царской не платят, и гостей обидите, и церкви христианские обидите.

Бакгорст. Не понимаем, о чем ты, государь русский!

Годунов. Государь наш царь и великий князь Иван Васильевич дал понять вам, послам ливонским, что он до сих пор с большим терпением ждал этой дани, и теперь видит, что магистр и все ливонцы мало признают ее.

Посол Ковер. Мы приехали говорить не о дани, а предложить перемирие на 30 лет.

Иван (кричит). Перемирие без дани?! Я не соглашусь на перемирие и не дам крестовой грамоты, пока дань по силе договора не будет признана и заплачена мне ливонцами, а также не возместят накопившиеся за прошлые годы недоимки по платежу.

Врангель. Мы, Государь, не знаем, про какую дань идет речь, ибо в старых писаных грамотах мы ничего не находим, что великому князю, отцу Вашему и деду, платили дань.

Посол Гротгаузен. Во всей Ливонии не найдется человека, хотя бы и двух лет от роду, который знал бы что-либо об этой дани, поэтому предлагаем перемирие на старых условиях, без дани.

Бакгорст. Никак нельзя доказать, что дерптские жители были когда-то данниками великого князя московского.

Годунов. Вот договорная грамота, извлеченная из царского архива. *(Подает грамоту.)* Вот договор от 1503-го года от Рождества Христова, в котором черным по белому записаны пункты о дерптской дани. Можно ли желать лучшего свидетельства, чем договор, на котором дерптцы и прочие ливонцы целовали крест и в котором упомянута дань?

Врангель *(смотрит договор)*. Дань здесь если и упоминается, то как Geehrligkeit - почет, а не как Pflicht, обязанность.

Иван. Хотя дед и отец мой некоторое время не требовали причитающейся дани, эту дань, однако, они вам не подарили. Ливония - вотчина великих наших государей, и мы вольны распоряжаться, как хотим.

Врангель. Ливония - наша родина, где жили наши предки. Как послы мы вновь хотим заявить, что мы не вассалы чьи-либо, а вольные люди.

Иван *(гневно)*. Как это ливонские послы не хотят знать, что их предки пришли в Ливонию из-за моря и вторглись в мою, русского государя, землю, из-за чего много крови пролилось?! Чтобы этого избежать, мои, русского государя, предки много сотен лет тому назад позволили вам, немцам, остаться в стране, но с условием, что вы должны платить законную дань, однако вы, немцы, поступили против данного вами обещания и как клятвопреступники того не делали. За то ныне вы должны явиться с полной суммой дани за прошлые времена.

Годунов. Ливония - исконное владение русского государства, вы, немцы - завоеватели, временные хозяева, допущенные в Ливонию по милости русских государей. Дерптская дань - доказательство верховных прав России на всю Ливонию.

Иван. Не разумеют! Ты, шут, им разъясни.

Шут. А дань благоверному великому государю, царю русскому, и старые залого - все то бозкопу Юрьевскому давати по старине, по крестному целованию. Так-то, господа ливонские бояре! Судите-рядите в Божью правду, в крестное целование. Дело у нас в месяце севрасе, в серую субботу, соловьиный четверток, в желтый пяток. День пил я да Сергунька в судне по подледью, в зиме на свинье, сам стоял на поясах, а елдак весь в тороках, по четыре часа на день, а руки держал за пазухой, а ногами правил, а головой в седле сидел. Мои недруги стоят ниже меня ростом и глупее меня разумом, и тут они меня били и грабили, однорядку сняли не тем цветом, однако и я не вяземским лычком шит, да их, недругов, топить в бане буду. *(Смех.)*

Иван *(смеется)*. Теперь уразумели, как шут мой подробно объяснил?

Врангель. Давно поняли, о чем речь. *(Послы говорят между собой по-немецки.)* Государь русский, но у нас нет полномочий, и мы просим все оставить по-старому во имя мира.

Иван *(гневно)*. Меж кем мир?! Меж законным государем и его холопами? Вы живете на моей земле, и дань ваша холопская.

Ковер. Каков размер дани?

Годунов *(заглядывает в бумаги)*. Тысячу дукатов или шесть тысяч марок, и за прошлый год сорок пять тысяч талеров.

Шут. Гляди, Государь, у послов едва глаза из лба не выскочили! *(Смех.)*

Ковер. Мы решительно не знаем, как быть. Сумма очень значительна.

Годунов. Ой ли? Ливонские власти без особого напряжения, только на средства трех богатых городов - Дерпта, Риги и Ревеля - могут собрать и 60 тысяч талеров для внесения требуемого платежа.

Врангель. Платить дань - значит признать себя русскими вассалами!

Малюта. Если послы и дальше не будут принимать наши условия, то царь сам пойдет за данью.

Врангель. Видим мы, русские ищут лишь благовидного предлога для завоевания Ливонии и задумали дипломатическую подготовку войны.

Иван *(гневно)*. Ни Баторию, ни шведам, ни вам, немцам, ни прочим перед нами балтийские порты не закрыть! Щелканов, пиши договор!

Щелканов. Слушаюсь, Государь!

Иван *(диктует)*. По Божьей воле и по великого государя велению дань благоверного царя русского всей Юрьевской державе, со всякой головы по гривне по немецкой, опричь церковных людей, богомольцев, и старые залого-как были исстари. Пишешь?

Щелканов. Пишу, Государь.

Иван. А благоверный царь и великий князь ту свою дань и старые залогов положил на епископскую душу, и епископу ту дань сыскати. А не учнет епископ дерптский, магистр ливонский, все люди ливонские ту дань сыскивать, то дань сыскати самим, и чтоб вновь возвращались русские церкви, которые захвачены немецкими бюргерами.

Щелканов. Важен пункт. Государь, чтоб ливонцы не вступали в соглашение с Польшей, Данией, Швецией и ганзейскими городами северной Германии.

Иван. Про то разговор идет с послами сих держав, с ливонскими же послами по-особому поступлю. Пока не будет в ливонской земле людям исправления, послов их заслать в Муром!

Врангель. По римскому праву послы иноземной державы находятся под защитой богов.

Иван (*гневно*). Вы не послы иноземной державы, а ливонские непокорные холопы! Схватить их! (*Послов хватают и уволакивают.*) Гнев мой на ливонцев велик! (*Нервно ходит, держась за спину.*) Опять чреслением заболел. В предчреслии у меня боль, в поясице.

Малюта. Кончать надобно будет посольский прием. Надобно тебе докторов позвать.

Иван. Прием окончен! (*Послы кланяются и уходят.*) В предчреслии у меня боль, в поясице. (*Нервно ходит, держась за спину.*)

Шут. Много мыслю я, Государь, отчего Бог не сотворил на своей земле одних русских, православных, а сотворил еще лютеров, латын, иудеев и басурман.

Иван. За грехи, шут, как и болезни наши, все за грехи. Иначе земля должна принадлежать тем, кто в истинного Бога верует. Нагой, приехал ли датский гонец?

Нагой. Государь милостивый, приехал с запозданием. Датский гонец пожаловался, как ехал к нам и ему на дорогах, на ямах, до Торопца подвод не давали. И не соромно ли то, государь!

Малюта. Жалуется, что подводу ему не давали, сам же жалобы принимает от ливонцев за московские обиды. И то не больший ли сором?

Иван. Надобно указать, что Дания не должна принимать жалоб ливонцев за московские обиды, поскольку ливонцы - давние подданные древних князей русских, а ныне есть слуги неверные, удравшие от своего московского господина. Пиши, Щелканов! Дания не должна принимать жалоб ливонцев, подданных московского государя, обратившихся к иностранным державам. Ливонцы уподобились неверным слугам, которые, укравши ночью у своего господина часть его имущества, продают ее другому. Московские государи не привыкли уступать кому бы то ни было покоренные земли. Они готовы на союз, но только не для того, чтоб жертвовать своими приобретениями. (*Ходит.*) С Данией, как и Англией, милые мои, нам потребен союз. Нагой, подготовишь мирные грамоты.

Нагой. Исполним, Государь!

Иван. Надо с ними о мире говорить. С польско-литовской стороною не может быть мира, а только перемирие. Ливония - не самостоятельная страна, с ней не может быть и переговоров. Со Швецией не надо личных переговоров, это дело наместников, ибо в Швеции не постоянные короли, а держатели, а Дания помещается на противоположном России узком конце моря, она - привратник морской. Так же с торговыми державами, прежде прочих с венецианской державой, с немецкой Ганзой и Англией, нужен истинный мир ради их купечества.

Нагой. Государь милостивый, западное купечество сложилось из морского пиратства, и едут европейские купцы с разбойничьими планами, ибо торговлей можно поработить сильнее, чем войском.

Иван. Милые мои, для обороны нужны две вещи: деньги и войско. Делами их купеческими воспользуемся, а самовольничать не дадим. Правду сказал премудрый Соломон: царь хорошими советниками крепок, как город - крепкими башнями.

Нагой. Государь милостивый, папский легат приехал к нам для переговоров, надо бы принять его с дипломатическим почетом.

Иван. Нет, этого не приму. Папа хочет, чтоб мы его ересям подчинились. Сколько у латын ересей, помнишь?

Нагой. Помню три-четыре ереси латинские.

Иван. Тридцать и две ереси у латын, вот сколько! Папский легат едет предшествуемый латинским крестом, про то нас святые отцы наставляли.

Нагой. Как православный, почитаю и разделяю наставления святых отцов, однако Папа - глава католической Европы, а католическая Европа - то, Государь, Польша, Литва, Венгрия, Испания,

Австрийская династия - государство, где никогда не заходит солнце. Союз с Австрией нам нужен. Союз с Папой нам нужен против Польши, чтоб судьей нам папа был с Польшей.

Иван. Какой Папа нам судья? Вся-то католическая Европа хочет отнять у нас Ливонию, а наставление мое царское таково: ливонские земли с незапамятных времен - наша вотчина. От великого князя Ярослава, сына великого Владимира, а во святом крещении Георгия, который завладел Чудскими землями и поставил на них город, называемый по его имени Юрьев, а по-немецки Дерпт, а затем от великого государя православного нашего князя Александра, одержавшего на Неве победу над немцами римской веры, все то к нам перешло. Не сам ли Бог дал ему победу над римской верой?

Малюта. Глядя на тебя, царя великого, вспоминаешь счастливые времена Святослава, Владимира, Ярослава Мудрого, первых князей-завоевателей. Что уж перед тобой шведский Юхан али Стефан Баторий!

Иван. Где ныне Баторий?

Нагой. Государь милостивый, тот в Данциге осаждает отошедший от Польши город.

Иван. Баторием пренебрегу. На него стрелецкого полка хватит. Пойду на Юхана, шведского короля.

Нагой. Государь, у Батория на наших изменников надежда, таких, как Курбский. Также, Государь, и в Смоленске обнаружена измена. В Смоленске, Государь, сильна литовская партия. Вельможи подарки литовские берут.

Иван (гневно). Изменников смоленских, которые хотят назад в Литву, повесить на стене, надеть на них полученные от Литвы подарки.

Малюта. Исполним, Государь!

Иван. По необходимости скоблят и разрезают железом гниющую гангрену вплоть до здорового тела, срезают гниющее мясо. Вся лифляндская земля, вся Ливония наша прикладная и отчина, и опричь изменников да опричь немцев, которые разбойничают издавна то под Вильно, то под Гданьском, ливонцы мне, государю своему, верны. Пойду в Псков, а оттуда выступлю в последний решительный великий поход на Ливонию. (*Уходит в сопровождении свиты.*)

Занавес.

Сцена 55

Псков. Приказная изба псковского наместника.

Иван. План новой беспощадной истребительной войны в Ливонии почнется отсюда, из Пскова. До сего времени дело тянулось вяло, целые годы. Тебя, Мстиславский, я послал сюда наместником, а и при тебе дело покорения этой страны шло очень вяло. Теперь я сам, царь Иван Васильевич, вступаю в Ливонию с таким огромным войском, какого еще не посылал в эту землю. Я, царь Иван Васильевич, приступаю к решительным действиям в Ливонии.

Мстиславский. Так как эта страна отдалась царству шведов, царству поляков, то ты, как московский Государь, снова вооружишь против себя и тех и других. Меж тем, Государь, мне, как псковскому наместнику, стало известно, что шведы не против мира. Шведский король писал мне ... (*Берет бумагу*). Твоему Государю мы желаем мира. Идет война, а мы не можем разуместь, за что вы с нами воюете. Если дело в Ревеле, то мы готовы предоставить его Императору, и вы тогда у Цезаря промышляйте.

Малюта. То, государь, шведы хотят за наш счет договориться с австрийцами.

Иван. Я не остановлюсь, пока не захвачу Эстляндию и Лифляндию.

Мстиславский. Государь, вступив в Лифляндию, ты столкнешься с войсками Стефана Батория, поддерживающего шведов.

Иван. Кто есть Стефан Баторий? Я - московский государь, с войском, готов действовать против неведомого Батория. Где ныне Баторий?

Малюта. Баторий ныне занят осадой отпавшего от Польши Данцига и не может воспрепятствовать походу твоему, государь, на Лифляндию.

Нагой. Польский король в грамоте своей жалуется, что ты, царь, без объявления войны отбираешь у него ливонские города.

Иван. Я пошлю сему спесивому наглецу особое послание, а на сию грамоту ответить особо. Пиши, Сафоний!

Сафоний. Слушаюсь, Государь.

Иван. Тебе, Стефану Баторию, нечего беспокоиться о Ливонии, старой московской вотчине, когда тебя самого взяли с неведомого семиградского воеводства только для занятия польской короны и Литовского Великого Княжества.

Нагой. Государь! Продолжить ли переговоры о вечном мире, как прежде установлено было?

Иван. В переговорах о мире ставить требование: выдачу мне Киева, Каневца и Витебска.

Нагой. Государь, и Литва хлопочет о перемирии, хотя бы на полгода. Только бы не трогали ревельских мест.

Иван. Претензии на Ревель отвести решительно. Ревель буду держать своим именем (*ходит*). Может, переговоры вести не с Баторием, а прямо с Литвой? У Литвы по-прежнему обычно запрашивать и Киев, и Волынь, и Галич, потом великодушно уступить эти земли, а требовать себе Полоцк и Ливонию. Надобно указать им, что мы - великая держава. Некоторые же полуумы побегам в Польшу и Литву роняют честь отечества.

Нагой. Государь милостивый, такие требования невозможны. Ни поляки, ни литовцы не согласятся.

Иван. Отчего же невозможны? Милые мои, помыслите о династии! Литовские Гедиминовичи происходят от полоцких Рогволодовичей. Эти князья были славны великими государями, нашими братьями, по всей вселенной ведомыми, по коленству, родству нам братья. Поэтому корона польская и Великое Княжество Литовское - наши вотчины, ибо из этого княжеского рода не осталось никого, а дочь королевская Анна, ставшая женой Батория, государству не помеха (*ходит*). Те обе сестры, Анна и Катерина, не хотели меня, истинного царя, а пошли за мужиков - семиградского и шведского.

Малюта. Шпигуны доносят, Катерина Ягеллонка приезжала к сестре, а ныне в Вильно. Можно послать летучий отряд для перехвата.

Иван. Пошли отряд, Малюта. Добром не хотят - то силой возьму Ливонию и женщину (*ходит*).

Мстиславский. Надобно, государь, учитывать не только разрыв со Швецией, но и опасность Турции.

Малюта. Вымыслы. На сей раз, государь милостивый, все благоприятствует тебе, даже крымские татары на твоей стороне и одновременно с твоим нападением на прибалтийские владения Польши, произвели набеги на Волынь и Подолию. А они то не могут делать без согласия турок! В самой Литве, государь, нашлись люди, которые готовы вступить в изменнические сношения с Москвой. Государь милостивый, королевский дворянин Станислав Колымет намерен перебежал к нам на службу.

Иван. Хай войдет перебежчик.

Колымет (*входит и кланяется*). Ясновельможный царь, я, дворянин Станислав Колымет, служил у гетмана Николая Красного Радзивилла. Пан ясновельможный, бардзо тебя доступати! Potrapic... Przyjazd... Obronic... Ясновельможный царь, ехал ненароком.. Wyjazda ... Ominac... Chodz i bronie... Dobrodzeju... Бороняй от походу... Przyrodzenie... Натура, ясновельможный пан... Chwalic...

Иван. Что говорит, не пойму. Переводи, Пушкин.

(*Пушкин говорит с перебежчиком по-польски*).

Пушкин. Он говорит, под всею подсолнечной нет такого мудрого Государя, как Иван Четвертый, русский царь.

Колымет (*радостно кивает*). Богато любит покой, рокој - мир, цвет войска, повыкнуть... в поле живи... навек привыкать... zamożnie. Избавиться суд изломати. Меч обназил. Тебе, ясновельможный царь, уничтожить перед Крулем Польским!

Иван. То он, видно, про изменника Курбского доносит! Спроси его, Пушкин, что делается в Ливонии? (*Пушкин говорит с перебежчиком по-польски*).

Пушкин. Он говорит, в Ливонии междоусобица. Магистр Ливонского ордена враждует с Рижским Архиепископом, города тянутся к Ганзе, городские вельможи не желают повиноваться ни Ордену, ни Архиепископу Римскому, литовские и финские жители враждебны немцам. Однако союз с Речью Посполитой все может изменить и укрепить власть.

Малюта. Надобно поспешить, чтоб того не случилось. (*Перебежчику*). Иди, ты более не потребен! (*Перебежчик уходит*).

Иван. От Литвы и от немцев у нас пошло всякое разорение, грехов ради наших. Простой народ

ливонский, теснимый романским духовенством, смотрит на меня как на защитника православия. Надобно большую войну за истинную веру.

Малюта. По твоему, Государь, велению, к балтийскому побережью двинуты конные массы с Волги, из Ногай и с Терека. На расстоянии каждых четырех-пяти верст уже обстроены ямские дворы с большими помещениями для лошадей. Обозы телег и саней с порохом и свинцом направлены к западной границе.

Иван. Меня слишком долго удерживали от военного вмешательства, однако в случае раннего выступления можно предупредить раздел Ливонии между Польшей и Швецией. Ливония - не самостоятельная страна, давняя наша вотчина. У меня, Государя, право господствовать над Русью. Киев, Смоленск, Полоцк - все то вотчины от московский правителей, происходящих от Мономаха. Нагой, посольскому приказу надо все то указать, по летописям и архивным извлечениям, а также по неоспоримым крепким нашим преданиям.

Нагой. Исполним, государь!

Иван (ходит). Ливонской войной войдем мы в европейскую историю. Ныне Ливония - одна из частей распадающейся Германской Империи. То малое подобие Германии, со своими самовластными лютерскими да латинскими епископами, большим и мелким рыцарством, самовольными городами, бунтующим крестьянством. Такие страны, слабо сплоченные государственные тела, неминуемо должны стать жертвой завоевательных движений государств новых, опирающихся на господство одной главной народности. Выход к морю нужен России, особенно портовые ливонские города Балтики - Нарва, Ревель, Гаспаль, Рига! Такие замыслы были еще у моего деда, великого Князя Ивана Третьего. Прежде всего он хотел устранить посредничество ганзейцев и завести прямую торговлю с Европой. Но не надо упускать и иных выгод завоевания: доходность богатого и населенного края, возможность вывоза из страны умелых работников, знающих свои ремесла. Уж дед мой, великий князь Иван, в войне с Орденом сильно налег на захват живой добычи, переселяя, на манер древних персов, Синахорета али Навуходоносора, пленных ливонцев вглубь Московии. Ливонию же надо сделать русским краем. Подобраны ли ливонским городам русские названия?

Сафоний. Подобрали для многих, как ты велел. (*Берет бумагу*). Ревель зовется Кольванью, Нарва - Рогодивом, Венден - Кесью, Мариенбург - Алистом, Нейшлос - Сыренском, Вайшштатт - Белый Камень, Нейгауз - Новгородский, Тольберт - Толщбор, Засвеген - Истивин, Розитген - Резицы, Лаузен - Лужи.

Иван (возбужденно). Так возвратится к нам наша русская вотчина. Однак то лишь начало величия Руси. Знаю, в Европе на наш царский титул смотрят искоса, говорят, что дарован он нам Византией. Правда, после женитьбы деда моего Ивана Третьего с греческой царевной мы в Москве сами любили настаивать на перенесении титула из Византии. Однак ныне, из покорения Казани и Астрахани, а также ливонского покорения, московская дипломатия должна извлечь новый довод для оправдания перед западными державами моего царского титула. Надобно изменить доводы, говорить сначала о царском звании Владимира Святого, который на иконах писан царем, потом сослаться на титул и права Мономаха и, наконец, настаивать на том, что по взятии Казанского Царства и покорении Ливонии я, Иван Четвертый, сам стал царем. И потому я начал войну за обладание Ливонией. Война ливонская становится делом моей жизни.

(*Входит слуга, говорит что-то на ухо Малюте*).

Малюта. Государь, принц Магнус приехал, как ты велел.

Иван. Ливонский король явился, пусть идет для разговора. Я, милые мои, так уверен в успехе, что теперь решил изменить свою политику относительно Магнуса. Мой голдовик был промежуточным звеном между основными русскими землями и прибалтийским берегом. По новому договору, Магнусу я отдаю земли к северу от реки Аа, тогда как область между Аа и Двиной оставляю за собой.

Малюта. Государь, Магнус, недовольный тем, пытается действовать самостоятельно и стал захватывать города на свой риск. Он взял Коккенгаузен, Венден и хочет взять Вольмар.

Иван. Наглец! Я хоть величал его королем, но сего короля надобно держать в черном теле.

Магнус (входит и кланяется кивком головы). Я, король Ливонии Магнус I, приветствую тебя, Великий Государь Московский Иван IV!

Иван. Король Ливонии Магнус I, кто позволил тебе захватывать города на свой риск?

Магнус. Государь Московский Иван IV, пора уже дать мне все мое королевство во владение!

Иван (со злой усмешкой). Если ты, король, недоволен Кесью, то есть Венденом и другими городами, которые тебе даны, то поди в свои земли Езель, да и в Датскую землю - за море. А нам тебя имати нечего. Разве что в Казань тебя сослати? (Смех). То лучше только пойдешь за море, а мы, с Божьей помощью, очистим свою отчину, лифляндскую землю, и тем себя обережем.

Магнус. Государь Московский, ливонцы сделали выбор в мою пользу, потому я хочу от твоих русских воевод не беспокоить моих верноподданных.

Иван. Ты хочешь сказать, что ливонцы выбрали между мной, царем, и тобой, нанятым авантюристом. Остановились на тебе?

Магнус. Ты публично признал меня королем Ливонии, потому я начал действовать самовольно. Я хочу создать себе положение настоящего короля.

Малюта. Оттого, Государь, он без всяких приказаний твоих, Великого Государя, занял Коккенгаузен, Аммераден, Линдверден, Роннебург и хочет занять Вольмар.

Магнус. Все те города сдались мне добровольно, чтоб не попасть к русским воеводам. Государь, твои русские завоеватели не знают никакой пощады, страну жгут и разоряют немилосердно, избивают стариков, молодежь увозят в плен. Государь, идет двадцатый год адской, неслыханной войны. У твоих воевод забыты все средства привлечь расположение чужеземного населения, осталась одна мысль - о завладении территорией хотя бы с остатками народа. Перед опустошительным, ужасным налетом твоей, царь, русско-татарской армии все никнет, все бежит в отчаянном страхе.

Малюта. Государь, принц Магнус повторяет слова католических немцев в Ливонии, Литве и русских областях, находящихся под владычеством Польши. Наши воеводы делают все, что возможно, чтоб навести страх на Польшу.

Иван. Я назвал тебя, Магнус, своим голдовником и союзником, а помысли, не заподозрить ли тебя в тайном соглашении с Польшей. (Кричит). Наглец! Не хочешь ли в Казань? А то ступай себе за море! Забыл, что принял ливонскую корону от меня?

Магнус. Принимая ливонскую корону, я надеялся на твою царскую щедрость! Слишком мало твоей царской щедрости и великодушия!

Иван (гневно). Тебе мало? Глупец, я тебя принял в свою семью, одел, обул, а ты восстаешь против меня! Я выдал за тебя свою племянницу Марью Владимировну, я торжественно отпраздновал свадьбу, я тебя щедро наградил!

Магнус. Приданное, пять бочек золота и прочее, так и остались только лишь обещанием. Мне же, датскому принцу и ливонскому королю, пришлось удовлетвориться очень скромным уделом.

Иван. Я отдал тебе город Киркгаус, остальные ты должен был еще выслужить! Выслужить деньги и корону, которые тебя соблазнили!

Магнус. Великий Московский царь, я стараюсь выслужить. Если ты подкрепишь мои немецкие войска отрядом татар, то я оставлю сравнительно хорошие защищенные шведские владения и направлю все свои усилия на Польскую область, чтоб принудить к сдаче замок Салис и угрожать Пернау и Риге. А явился я к тебе ради миролюбивых переговоров.

Иван. Ты, фальшивый король, явился вести на равных переговоры со мной, Божьим помазником?! Ты действуешь, точно во сне! Тем неприятнее твое пробуждение! В тебе я боле не нуждаюсь и тебе не верю! Все те города и замки возьму сам. Отныне твоим эфемерным королевством будет лачуга! (Смех). Короля Ливонского к ногам моим! (Малюта хватает Магнуса и швыряет его к ногам царя). Запереть короля Магнуса в лачуге и продержат его на соломе несколько дней! Немцев из свиты, приехавших к нам, высечь! (Магнуса уволакивают). Помыслим, не обвинить ли Магнуса в измене, сношениях с курляндским герцогом и поляками. (Ходит). Он мой вассал, голдовник, нарушил тут, в Пскове, соглашение. Надобно ему пригрозить ссылкой в Казань.

Нагой. Государь, не надо бы слишком сильно наказывать датского принца! То не понравится Дании. Датский флот поддерживает Гданьск, восставший против Батория.

Иван. Сначала накажу Магнуса за дерзость, потом помилую. Габсбург и даже римские курии поддерживают недовольных против Батория внутри Польши. Видя во мне страшного соседа, польские вельможи старались подольше занять меня обещаниями короны, которую вовсе не намерены были мне вручать, а вручили Баторию. Чем же Баторий лучше Магнуса? Я царь, и Баторию продиктую мои условия мира, как продиктовал Магнусу. С Польшей можно не считаться.

Нагой. Истинно, государь! Новый король занят своим упрочением на престоле.

Малюта. Усидит ли? Пятьдесят тысяч русских с крупными орудиями снова появились под Ревелем, а в

Ливонии Батория полководец Радзивилл не имеет и двухсот лошадей. Ждет ассигновки в три тысячи форинтов, и напрасно. Крымская орда опустошает Польшу, и нет у Батория против нее силы.

Иван. Осведомленный обо всем том, я, царь, решил не терять времени и первая задача - разгромить шведов в Эстляндии. Потом можно направить внимание и на поляков.

Нагой. Государь, но и Россия ныне крайне разорена. Сможем ли мы воспользоваться затруднительным положением Речи Посполитой, чтоб закончить войну одним ударом? Не попытаться ли вновь использовать дипломатию для навязывания плана раздела?

Малюта. Переговоры лишь затянут дело. Надобно, Государь, спешить, пока в Ливонии разложение, воспользоваться минутой и идти к морю.

Иван. Так и сделаем! Все колеса, рычаги, проводы действуют точно и отчетливо. Имея сильное, благоустроенное войско, воевод искусных на поле брани, я без труда надеюсь управиться со всеми соперниками. Кто может противостоять нам? Изнеженное рыцарство? Рыцари давно уж утратили добродетели своих предков, живут в великолепных замках, утопают в роскоши, проводят дни в весельи, ссорятся друг с другом. Они в непримиримой вражде со своими лютерскими епископами, и не слушают своих гермейстеров. Дух воинского братства в сих рыцарях исчез, его заменил раздор, мужество уступило изнеженности нравов, пороки так глубоко вкоренились, что дряхлый ливонский орден не может существовать независимо и, по примеру тевтонского, должен ныне признать покровительство одного из государей: русского, польского али шведского. Я лишь решил предупредить совместников.

Малюта. Быстрой, Государь, надобно послать войска для завоевания!

Иван. Не для завоевания, а для наказания Ливонии как мятежной области. Ливонцы для меня -не военные враги, а мятежники, и я буду поступать с ними, как с русскими мятежниками. Укрепленные города и замки один за другим должны сдаваться, или они испытают все бедствия приступа.

Малюта. Государь милостивый, редкий из них сможет выдержать осаду. Все бежит или признает власть русских.

Иван. Баторий должен будет признать мою власть над Ливонией, и наглость его получит отповедь в моем послании. *(Уходит в сопровождении свиты).*

Занавес.

Сцена 56

Псков. Теремная палата. Вечер, горят свечи.

Иван *(ходит и диктует).* Мы, великий Государь, царь и Великий Князь, Иван Васильевич, Всея Руси самодержец, Стефану, Божьей милостью Великому Государю, королю Польскому и Великому Князю Литовскому, Русскому, Прусскому, Жмудскому, Мазовецкому, Князю Семиградскому.

Малюта. Государь милостивый, не слишком ли ты учтив к сему Баторию?

Иван. Милые мои, внешняя дипломатия при перечислении должна соблюдаться. Титул Батория включает польского короля, включает прусские и мазовецкие земли, титул Великого Князя Литовского, претендует властью над русскими, сиречь белорусскими и малороссийскими землями, также над жмотскими, сиречь жмудскими западнолитовскими землями. Во всем дал я ему отповедь ниже, однако согласен, что, будучи трансильванским князем и воеводой, Баторий есть вассал турецкого султана и в переписке должен быть обвинен в связи с бассурманами.

Малюта. Государь милостивый, он, Баторий, собака, твой титул не признает!

Иван. И на то дадим отповедь. Знаю, что отвергает он да шведский Юхан происхождение русских государей от Августа, признает лишь от Рюрика, однако даже ежели вести род московских князей только от Рюрика, то и тогда правит по летописным датам призвание варягов с 862-го года, а не с вчера, как Баторий, имея при том великую жадность и высокомерие. Пиши, Сафоний, дале!

Сафоний. С какого места, Государь милостивый?

Иван. С титула польского пиши, а далее так (*диктует.*): Мы твою грамоту прочли, хорошо поняли. Ты широко разверз свои высокомерные уста для оскорбления христианства. А таких укоров и хвастовства мы не слышали ни от турецкого султана, ни от императора, ни от иных государей. А в той земле, в которой ты был, и в тех землях тебе самому лучше известно, нигде не бывало, чтобы государь государю писал так, как ты к нам писал. А жил ты в державе басурманской, а вера латинская, полухристианская. А на ней твои держатся иконоборческой и лютерской ереси, а ныне мы слышим, что в твоей земле устанавливается вера арианская.

Пушкин. Государь милостивый, в своей грамоте король Баторий называет тебя, государя, «маестет». Сей термин переводится на Руси как «величество».

Иван. В употреблении сего термина вижу проявление высокомерия польского государства к нашей монархической власти. Пишите. (*Диктует.*) А твое высокомерие при потреблении к нам слова «маестет» с чем можно сравнить, сам можешь понять. И Александр, царь македонский, Дарию царю с таким высокомерием не писал. А помяни пророческое слово: если ты, как орел, поднимешься высоко и совьешь гнездо свое среди звезд небесных, то и оттуда, говорит пророк... - а что в конце, прочти сам. Поэтому подумай обо всех возвысившихся, Синахереме и Хосрове, а в недавнее время Темир-Аксаке и Витовте, или так скажешь: «Не се ли есть град мой, великий Вавилон, не моя ли рука сотворила сие все, али всю русскую землю, как птицу, рукой своей возьмешь, али раздавишь нас, как мошку, по совету Курбского, который нам изменил, потому что хотел нашей смерти, а мы, раскрыв его измену, хотели его казнить. А он составил заговор и хотел нас извести и возвести на престол другого государя, и нас Бог сохранил. И он бежал от нас и, будучи там, подымал против нас крымского хана. От того нас Бог поберег и сохранил, и ныне он подбивает тебя да шведского Юхана. (*Ходит*). Нагой, послано ли посольство в Крым?

Нагой. Готовясь к войне с Ливонией, послали мы, милостивый Государь, в Крым послов для перемирия. Пока ответа нет.

Иван. Надо еще послать. Сообщить хану, что от политики Адашева полный отказ. Мы, царь, желаем мира с татарами.

Малюта. Государь, поляки, по совету Курбского, подстрекают на Москву крымского хана, а шведский король захватом взял замок Пайду и угрожает нашей русской границе.

Иван. Шведскому же королю, собаке, надобно писать с грубым выговором. Писать королю с многими бранями и насмехательными словами и укорить за его безумие. Писать, что Москва отказалась признать захват шведами замка Пайда. Вся Ливония есть наша вотчина, и мы это утвердим силой. Подготовь таку грамоту, Нагой.

Нагой. Исполню, Государь.

Иван. Ныне же пиши, Сафоний, далее Баторию. (*Диктует.*) И ты называешь себя благочестивым и набожным? Так ты не слушай суждения злочестивых и прославь себя благочестием и набожностью, понапрасну христианской крови не проливай. Пойми ж, к чему тебя приводит Курбский. Чтоб нас погубить... (*ходит*) Как вспомню, милые мои, того Курбского да всю ту раду собацкую, то злоба берет! (*Нервно ходит.*) Они себя героями выставляли, наставниками Руси, как прочие изменники, подобные Воротыньскому! Я ли не боролся с неверными, с двумя зловедствующими царям, и третьего, учителя и дьявола, совладел?! А они, изменники, меня одолеть хотели! Поп-невежда да собака Алексей Адашев, прислуживающий, выходец из гноища, батожник! Как они меня, царя, столько лет унижали! Первое, Адашев и Селиверст вотчины раздавали, второе - власть отняли. Они меня из Казани насильно везли, без охраны, через безбожный язык, через неверные земли, погубить хотели! И когда царица Анастасия недомогла, то требовали, чтоб выехал из Можайска по распутице, отчего она еще более простудилась! Подобно язычникам, гнавшим первых христиан, так они меня гнали! И собака Курбский был с ними! Пишу про Курбского, то все вспоминаю с горькой обидой.

Малюта. Государь милостивый, как Бог помог тех твоих гонителей одолеть, и нынешних одолеем.

Иван. Истинно! Ихними изменами побеждали басурмане, побеждали поляки да Литва русскую кровь. Польша давно б признала наши завоевания и заключила б мир, если б не ихние измены. Пиши, Сафоний! (*Диктует.*) Мы смиренно уведомляем тебя, Короля Польского, о Курбском, по христианскому обычаю. Ведь в тебе Курбский обрел нашего губителя, а ты мощью благочестивого рассудка отвергни его злочестие и такую недостойную славу на себя не возводи, но лучше укрась себя славой благочестивого государя и благочестием. И если Бог соблаговолил тебя из твоего

княжества возвести на такое великое государство, то ты в том государстве веди такие христианские обычаи, которые достойны столь великого государства. А начнешь и впредь браниться с такими оскорблениями, так и будет видно, какого ты происхождения и как поступаешь и пишешь. А мы как христиане по христианскому обычаю со смирением увещеваем и браниться с тобою не хотим, потому что тебе со мной браниться честь, а мне с тобой браниться - бесчестье, поэтому, как Иезекия, царь иудейский, ассирийскому царю Синахерему говорил: «Вот, Господин, раб твой Иезекий», так и я тебе, Стефану, говорю: «Вот, Господин, раб твой Иван, вот, Господин, раб твой Иван, вот, Господин, раб твой Иван, утешил он тебя своей покорностью?» (*Ходит.*) И не потому ли ты надеешься быть величественнее нас, что отвергаешь наше происхождение от Августа Кесаря? Так поразмысли о своих предках и о нашем ничтожестве. Всемогущий Бог благоволит ко всему нашему роду. Мы государствуем от великого Рюрика 717 лет, а ты со вчерашнего дня на таком великом государстве. Тебя первым из твоего рода по Божьей милости избрали народы и сословия Королевства Польского и посадили тебя на те королевства управлять ими, а не владеть. А то, что ты прародителей наших перед Божьим судом укорил, то в этом тебе Бог судьей и противником твоей гордыни, а они обратят молитву к милости создателя, и Господь не оставит свою землю и не предаст тебе державы наших прародителей. И лук твой сокрушится, и стрелы твои, по словам пророка, поразят твое сердце, а ты так хвалишься в гордыне, кабы уж связаны перед собой меня видишь. Но на то воля Господня. Как Господь благословит, так и будет.

Малюта. Уж благословил тебя Господь, Государь милостивый. Смута длительная ослабила силы опасного противника.

Иван. Верно Благословение Господне. Не возрадуется ныне собака Курбский. Помню я, милые мои, как те собаки прежде радовались, говорили, когда Адашев с Курбским были в Ливонии, то немало городов были готовы сдаться им ради их доброты. То брехня! Знаю я ту доброту. Долго та доброта меня угнетала. Когда болела царица, то говорили якобы за наше непослушание. Болезнь царицы-скорбь для меня, для них - радость. Царица им мешала. Царицу окормили отравой. Мне же намеревались и впредь, как для малолетнего, молока вместо твердой пищи давать, сделавши меня вдовцом. Потому обвиняю собаку Курбского не только в измене, но и в убийстве царицы, матери моих сыновей-наследников. (*Нервно ходит.*) Пиши, Сафоний! (*Диктует.*) А то, что ты на меня одного вооружаешься, крови моей хочешь по совету Курбского, то прежде всего рассуди, к чему тебя Курбский приводит, в какое бесчестье заводит своими советами. Но всемогущий Бог как пожелает, так и сотворит, и свое стадо сохранит от волков, губящих его. Поэтому мы уповаем на Божье щедрое милосердие. Если пожелает Господь, то сохранит свое достояние, искру благочестия истинного христианства в Российском Царстве, и укрепит державу нашу от всяких львов рыкающих, и рыкающих, и пыхающих злобой на нас. Будь имя Господне благословенно отныне и веки! Сия грамота писана в нашей вотчине, в городе Пскове. Так окончить. Как перепишешь набело, тотчас отправь через Полоцк с гонцом королю Баторию.

Нагой. Исполним, Государь!

Иван. Прежде царская власть из-за спесивых советников, таких, как собака Адашев, поп Сильвестр да Курбский, была несамодержавна. Тем враги наши пользовались. Сильвестр, Адашев да Курбский сами государствились, как хотели, а с меня вместе государство сняли. Словом был как Государь, а делом ничего не владел. Так и иные изменники, такие как Воротынский, поступать со мной хотели. Объявили себя героями. Милые мои, только те начинания хороши, которые укрепляют самодержавие!

Малюта. Государь милостивый, поход на Ливонию укрепит самодержавие. Ливония да Литва - главная опора самовольных вельмож. С Запада идет к нам измена.

Иван. Для того ты и поставлен, Малюта, чтоб измены искоренять. А торговля с Западом нам нужна. Путь через Белое море далек и неудобен. Оттого ищем незамерзающее Балтийское море для торговли. Ныне владеем большим участком побережья Финского залива, всем течением Невы, по которой проходил древний путь из варяг в греки. Замыслил я, милые мои, построить в устье Иван-город, чтоб отсель угрожать наглому шведскому королю Юхану, и почали дело. Однако на болоте строить тяжело, а поскольку с Божьей помощью подлежать нам теперь также и правый берег реки Нарвы, в устье которой прежде заходили многие европейские корабли, то решил перенести строительство Иван-города сюда. Сафоний, пиши указ!

Сафоний. Слушаюсь, Государь! (*Берет бумагу.*)

Иван. Построить на Нарве город для бусного, сиречь корабельного, прихода заморским людям, первый русский порт на Балтике. Также воспретить новгородским и псковским купцам торговать в ливонских городах Риге и Ревеле. Они должны отныне ждать немцев в своей земле.

Нагой. Государь милостивый, из того ничего не выйдет. Попытка наладить торговлю с Западом через устье Нарвы не дает результата. Корабельное пристанище уже готово, а корабли плавают в немецкую Нарву.

Малюта. Государь, Ливонию сохранить надо, тогда и торговлю наладим.

Иван. Истинно так! Сафоний, по росписи сколько всего войска собралось?

Сафоний (*берет бумагу*). Государь, не учитывая закупа под Луками, закрывающими шведам дорогу на Псков и Ржев, тут, под Псковом, 18 105 дворян с сопровождении 30 тысяч боевых холопов, 7 219 стрельцов и казаков, более 6 тысяч служилых татар. Общая численность ополчения 31 546 человек, а с холопами-60 тысяч. Да 20 тысяч воевод Милославского и Шереметьева-меньшого под Ревелем против гетмана Ходкевича и Радзивилла.

Иван. Отпиши Ивану Шуйскому, Годунову и Хворостинину, чтоб собрали какие могут войска в Старой Руссе, в Ржеве и Жукове. Также и Никите Романову, чтоб еще казаков с берега прислал. Я же, царь, сам починаю дело ливонское, выступив под Вольмар. Аще ли восприму от Христа, Бога моего, победу, да и Богоматери его помощь? (*Крестится и уходит в сопровождении Малюты*).

Занавес.

Сцена 57

Поле под Вольмаром, перекопано траншеями - шанцами. За траншеями видны шатры и полотняная походная церковь. Раннее утро. Слышна орудийная и ружейная стрельба.

Сафоний (*диктует подьячему*). Рано после божественной службы поднялись войска со своим благочестивым царем из стана, и, развернув хоругви христианские, стройно и величественно пошли к вражеской крепости Вольмару.

Нагой (*входит*). Где государь?

Сафоний. Государь еще молится в походной церкви с новгородским епископом, преподобным Леонидом.

(Из церкви слышна молитва.)

Нагой. К государю борзоходец приехал, гонец от польского короля Стефана Батория. (*Из походной церкви доносится речитатив и пение, слышен голос царя.*)

Царь. О, Владыко премилостивый Христос, помилуй рабов своих! Поддай крепость Вольмар, на сопротивление намеревающуюся, рабам твоим. Помилуй, милостивый, помилуй падших рабов! Пошли милосердие и милость свою древнюю свыше и разумеет пусть мятежный, что Ты нам Бог, на Тебя уповаючи, побеждаем. Аминь. (*Слышно пение.*)

Сафоний (*диктует подьячему*). О слышании Божественной литургии на бранном поле под Вольмаром. Сам Государь литургию почал, страстно и умиленно, достойно благочестивого царя.

(Подьячий торопливо пишет.)

Иван. Ты, Владычица, помощница нам будь, и всему войству нашему, на Тебя надеющемуся. Аминь.

Леонид. Аминь. И пришло время на святое Евангелие. И буде едино стадо и един пастырь! (*Пение.*) Аминь! (*Слышен грохот взрывов.*)

Сафоний. И едва возгласил дьякон из Евангелия, яко сильно гром грянул и земля дрогнула и потряслась. (*Царь Иван выглядывает из церкви.*) Благочестивый царь из церковных дверей мало подступил.

Нагой. Государь милостивый, от Стефана Батория к тебе борзоходец.

Иван (*выходит из церкви вместе с архиепископом Леонидом*). Да не помянет Господь грехов моих и беззаконий великих, ибо согрешил перед славой Его! (*Крестится.*)

Леонид. Да пошлет тебе Господь свыше помощь свою, скорого своего архистратига ангела грозного Михаила, воеводу святых небесных сил, бывшего древнего помощника Авраама на царя Содомского! Аминь. (*Крестит царя.*)

Нагой. Государь, что ответить борзоходцу короля Батория? Баторий в который раз требует возвратить отнятые ливонские города.

Иван. Опять требует сей содомский царь? На это ответить, что царь московский также требует от содомского царя, да не только требует Ливонии и Курляндии, но еще Киева, Витебска, Канева и других городов. Послу объявить, что бывший Дом Ягеллонов происходит от полоцких князей Рогволодовичей, и на том основании я, Московский Государь, как родич последних, считаю великое княжество Литовское и королевство Польское своим наследием. Также я, царь, не хочу называть Батория братом, а назову его только соседом.

Нагой. Государь, Баторий намерен послать свое посольство в Москву.

Иван. Приказывай через своих бояр, если снова послы придут, перед теми польскими послами говорить разные оскорбительные речи моим именем. Глядите, ваш король Стефан не ровня нам и братом быть не может. Мало кого вы берете в короли! Носились слухи, что вы хотели посадить себе на королевство Яна Костку, али Николая Черного Радзивила, али Николая Красного Радзивилла! Что ж, по вашему избранию разве и этих считать нам братьями? *(Смех.)* Ваш король недостойн того великого сана. Может быть, и хуже что-нибудь сказать про него, да не хотим для христианства.

Малюта. Государь милостивый, приступ уже начался. *(Грохот взрыва.)*

Иван. Не зря сегодня до солнца поднялись к божественной службе. Бог нам в помощь!

Леонид. Да пошлет тебе, Государь, Бог в помощь равноапостольского князя Владимира и сынов его, святых страстотерпцев Бориса и Глеба, и святого великого Александра Невского! Молимся за тебя и всех твоих вельмож, бояр да прочих ратников. Кто храбрей Самсона сильного, ослиной челюстью тысячу иноплеменников убившего? Ты, Государь, наш Самсон!

Иван. Богдан Бельский, подай мне английскую трубу!

Бельский. Слушаюсь, Государь милостивый! *(Подает трубу.)*

Иван *(смотрит в трубу)*. Сю английскую оптическую трубу, ныне именуемую также фряжский двухзеркальный брахоскопос *(смотрит)*. Не токмо земля лютерская в Вольмаре или святые престолы, но и воздух над ними отемнен. При таком нечистом воздухе и свеча не горит, сплошь тьма.

Богдан Бельский. Государь милостивый, позволь сие колесико покручу. *(Крутит колесико.)*

Иван *(смотрит в трубу)*. Теперь вижу нечто, однако пожарище такое, что и зарю можно проглядеть.

Малюта. Государь, мосты и ворота всю ночь горят.

Иван. Где главный воевода Мстиславский?

Малюта. Впереди в шанцах.

Иван. Ко мне его немедля! *(Смотрит в трубу.)* Теперь вижу ясно гору, и крепость, и гетманский дворец, и лютерские кирхи. *(Слышна канонада.)* Не отдадут Вольмар борзо, много своих покладут. Они избрали кровь, не покой, и обратится болезнь их на их главы.

Мстиславский *(входит)*. Государь милостивый, звал ты меня?

Иван. Главный воевода князь Мстиславский, что у тебя всякий порядок утрачен? Вчера смотрел: пехота, конница, обозы перемешались, и движение застопорилось. Я, царь, с приближенными самолично должен был разъезжать по дороге, разбирать людей в заторах. А артиллерия в болоте застряла!

Мстиславский. Государь милостивый, от самого Можайска до Великих Лук шли стройно, а под конец смешались. Неширокая вольмарская дорога не может вместить всей массы войска и обозы. Армия почала застревать в лесных теснинах, среди болот. Однак за ночь пушки передвинулись к Вольмару.

Иван. Сколько всего?

Мстиславский. Четыре великих пушки, стенобитные орудия, пять средних, шесть сорок многоствольных, семь фальконетов, двенадцать пищалей. Подвезено две тысячи бочек пороху, четыре тысячи ядер и зажигательных снарядов для выпуску по городу. Подвинул всю артиллерию к вольмарскому острогу. Воеводы наши разрушили стены и вынудили ливонцев укрыться в верхнем замке. Ночью ливонцы сделали вылазку, пытаясь захватить пушки, но боярин Шереметьев с передовым полком отбил вылазку. В бою ядро погладило боярина по уху. Вместо него теперь воевода Иван Шуйский.

Иван. Чтоб не было излишнего пролития русской крови, бомбардировать город артиллерией, чем принудить гарнизон к сдаче.

Мстиславский. Воевода Иван Шуйский расставил батареи внутри сожженного острога и много часов бомбардирует верхний замок. В Вольмаре во многих местах пожары.

Иван. Слава Богу! *(Крестится.)* Чую я, вторжение в Ливонию удалось! *(Канонада.)*
Посланец-казак *(вбегает)*. Государь, огненная стрельба со стен города! Воевода Петр Шереметьев-младший больно ранен в лицо, воевода Василий Кашин - в перси.
Иван. Возможен ли подкоп под городскую стену да под замок?
Казак. Уже заложен. Государь!
Мстиславский. Заложено 48 бочек пороху. Как взорвем, пойдут войска на штурм,
Иван. Возьмем Вольмар, казак?
Казак. Возьмем, Государь! Войска по повелению пробудились рано, а мы, передовые казаки, да те, кто в турах над стенами, вовсе не спали.
Иван. Проси у Бога милости против лютерских немцев и Польши.
Казак. Мы, Государь благочестивый, и в сражении Бога помним. Просим у Бога милости, а у Предтечи образа - заступ. Ибо Иоанн Предтеча - покровитель донского казачества. *(Канонада)*
Иван *(смотрит в трубу)*. Крепко латыны со стен палят!
Казак. Ничего, Государь, это от нас, казаков, игрушка первая лишь. Мы, молодцы, оружие себе только-только прочистили.
Иван *(обнимает казака)*. Иди, казак, дело делай! За Русь святую! *(Казак кланяется и уходит.)* Город Вольмар славный основан Юлием Цезарем, нашим дальним прародителем, иногда именуется Юлин. *(Смотрит в трубу.)*
Малюта. Государь, кравчий Богдан Бельский еду заготовил.
Богдан Бельский. Я, царский кравчий, пишу царскую хочу подать, изволишь ли?
Иван. Что заготовил?
Бельский. Государь милостивый, икра черная с луком, икра красная сиговая с перцем, также журавли жареные, почки заячьи верченые, потрошек бараний, орешки в соку, редька в меду, квас и меда, конфеты польские...
Иван. А войско покормлено ли?
Бельский. А войско наше Бог покормит рыбами и иным зверьем. Ведь тут в озерах и реках много рыбы.
Иван. Нет, и мне, царю, давай, что войску! И не вспомню про изысканные напитки, про марципаны с конфетами, сражаясь за Бога и Отечество! Как был мне сладок в сражении за Казань черемисский хлеб, так здешний чухонский хлеб кажется мне слаще сдобных калачей.
Малюта. С таким благородным государем одолеем всякого супостата.
Иван. Бог сие делает всеми нашими воинскими страданиями и всенародною молитвою.
Леонид. Будь, Государь, здоров, победив супостата на своей вотчине Ливонской! *(Крестится..Свист ядра. Взрыв. Все заволакивает дымом)*.
Малюта. Огрызается, лютый! Уйди, Государь милостивый, дале за бугор, ради Отечества нашего!
Иван. Я лишь спохватнулся от ядра.
Мстиславский. Государь милостивый, сейчас подкоп собираемся взрывать. Погрознее лютерского ядра! Пойдем вперед тремя полками.
Иван. Воеводы, светлые мои мужи, и все ратники православные, да сотворим Божье! *(Крестится. Все крестятся. Шум сражения, крики, стрельба.)*

Занавес. **Сцена 58**

Вольмар. На площади перед ратушей-царь Иван в окружении свиты и воинов. Перед ними польские пленные.
Иван *(насмешливо)*. Что, паны, управились с нашим войском? Вам, панство, впору управиться со своим местечком, а не с Московским царством! *(Смех.)* Мне, московскому царю, сдалась вся Ливония, кроме Риги, Трайдена, Деламянде. Также и в Курляндии успех велик, город за городом сдается. Я, царь, беру один замок за другим. Мариенгаузен, Люди, Режица, далее взяты Заваген, Коненгаузен, Роненбург.
Малюта. Государь милостивый, тебе от князя Трубецкого весть: передовой отряд дошел уж до Крейцбурга на Двине. Многие немецкие наемники переходят на службу к Москве.

Иван. Так-то вы, паны! Шуты нацвотные! *(Смех.)* Все-то крепости сдаются без сопротивления, так ли, Мстиславский?

Мстиславский. Так, великий Государь! Здесь, под Коненгаузенем, Радзивилл с небольшим отрядом кавалерии, пытается дать отпор. Ходкевич держит свой четырехтысячный корпус вне Ливонии, опасаясь встретиться с нашими войсками.

Иван. Так-то, паны, шуты нацвотные! Как же вы тут, в Вольмаре, вздумали мне сопротивляться? Все русские земли, находящиеся во власти польского короля, есть достояние предков моих, киевских князей, и сама Литва платит дань сыновьям Мономаха.

Малюта. Шляхта, становись на колени! Перед вами покоритель народов! *(Пленные поляки становятся на колени. Вводят новых пленных.)* Государь великий, то - немцы, взятые в верхнем замке, а тот старик - их герцог.

Милославский. Маршал ливонского ордена Гаспар фон Мюнстер!

Малюта. На колени перед великим государем! *(Немцы становятся на колени.)*

Иван. Самодержец носит в себе закон власти, высшую мудрость неограниченного права суда над подданными. Ливонцы же - древние данники России, и я казнить вас могу за неверность, омыливание, сиречь обманы, торговые вины и разорение православных церквей. Ливония-древняя собственность моего царского дома, орден же меченосцев есть захватчик. Я пришел в Ливонию взять свое. В немецких рыцарях вижу чужих пришельцев, овладевших русскими землями, во время бедствий Отечества. То все оправдывает мое намерение сокрушить орден без пощады. Я не мог быть равнодушен к делам Ливонского ордена, который, опасаясь нашего просвещения, не пропускает через свои земли полезных для нас европейских людей, разглашал в Германии нелепые басни о русском правительстве и при всяком случае оказывал России явную неприязнь. Очевидная вражда меченосцев оправдывает мое намерение сокрушить орден. И все ж милость моя царская велика. Будете мне покорны, то не слишком накажу. По одной немецкой марке с каждой головы, с каждой души возьму. *(Смех.)* Наши успехи принимаю как указание Божьего провидения.

Малюта. Однако, Государь, план-кампании есть твое затейливое изобретение. Прежде всего нанести врагу удар на его собственной литовской земле, чтоб заставить отступить из Ливонии.

Иван. Королю Польскому Баторию сообщить, что я с тужением встретил его то требование, прекратить войну за вотчину мою Ливонию Мысль о падении Вольмара и оных городов произвело впечатление в Польше. Так ли, паны?

Малюта. Паны, кланяйтесь Божьей милостью Государю Всея Руси! *(Поляки кланяются.)*

Иван *(насмешливо)*. Что молвите, великие и гордые паны? *(Смех.)*

1-й поляк. Великий царь московитов, милости просим для себя и места.

Иван. Милости просите? Я издавна хотел с Польшей братского мира и родственного единения через женитьбу на польской принцессе Катерине Ягеллонке. Нынешнее завоевание Вольмара, про который паны говорили, что неприступен, и безразличие заднепровской Руси к королю Баторию показывают, что вмешательство Батория в дела Ливонии и прежний недружественный отказ короля Жигмонта отдать за меня сестру свою Катерину будет стоить Польше дорого. Посланы ли принцессе подарки?

Малюта. Государь милостивый, те твои подарки, что посланы, принцесса Екатерина, назад послала с запиской. Назад прислала драгоценные камни, сапфиры и большой изумруд. Рыбу же астраханскую да икру взяла.

Иван. Кто принес от принцессы записку?

Малюта. Шляхтич, служка королевны, он же наш шпиг!

Иван *(сердито)*. Все те шляхтичи фальтеры, польские зрадцы, а поспросить его надо крепче. *(Входит шляхтич и кланяется.)* Как тебя зовут?

Шляхтич. Кромар, ясновельможный царь, меня зовут. Тадеуеш Кромар.

Иван. Где теперь королевна?

Кромар. В Вильно, ясновельможный царь, а приезжала на свадьбу своей сестры Анны с королем Баторием, также на свадьбу гетмана и канцлера Яна Замойского с Гризельдой Баториевой, сестрой короля.

Иван. Две свадьбы было?

Кромар. Две.

Иван. Весело ли было?

Кромар. Весело, ясновельможный царь. Свадьба сия превратилась даже в пышный забавный карнавал. Шумные толпы в масках бродили по улицам Кракова с факелами в руках, разыгрывались сцены из античной мифологии, пели, шутили, смеялись всю ночь напролет.

Иван. Много ли было панов на королевской свадьбе? Говори подробно.

Кромар. Свадьба была великая. Пригласили панов с женами. В замке в большом костеле венчал епископ Вильны Валериан Мешковский. По обычаю сказали речь-благоволение к намерению королевны, к сердцу ее. И сердце королевское склонялось к просьбе Батория. Епископ в речи велел беречь дочь короля Жигмонта.

Иван (нервно). Так-то беречь. Что потом было?

Кромар. Ясновельможный царь, потом веселье было. Всю неделю танцевали, забавы, рыцарские турниры, много было раненых, с коней сбитых в поединках.

Иван. И Курбский был?

Кромар. И князь ковенский Курбский был.

Иван (сердито). Уж устрою я им, лайдакам, веселье. А Катерина с Юханом шведским была?

Кромар. Королева шведская Екатерина была с мужем своим, королем Иоанном. Король Иоанн особо веселился.

Иван. Что ж тот Юхан так веселился, в великой любви?

Кромар. Так. Ясновельможный царь, многие короли были пленены белоголовой, замуж хотели взять: и австрийский князь Фердинанд, и король кипрский, и иные. Однако мать принцессы миланской, княжна Бэли, настояла на нынешнем шведском короле.

Малюта. Как смеешь ты, дурак, сравнивать царя кипрского или шведского мужика с помазанником Божьим, московским царем?!

Кромар (испуганно). Прощенья прошу! Я лишь говорил, что было, ибо того ясновельможный царь хочет.

Иван. Я ли хуже тех мужиков? (*Нервно ходит.*) Жигмонт требовал в приданное за Катерину Смоленск Польше отдать, а того мало, просил договор, по которому Москва должна была уступить Польше Новгород, Псков, Смоленск и северные земли. Кичливый лях! Принимает нас за азиатов, дикарей. Сейм в Польше - сборище кичливой шляхты, истинный парламент будет в России. Окончим Ливонскую войну, созову Земский Собор. Земский собор, наподобие английского парламента. Как граф Симон де Монфер придумал парламент, а Филипп Красивый - генеральные штаты, так я, Государь Руси, сделаю Земский Собор. Только б окончить удачно Ливонскую кампанию! (*Ходит.*) Где записка от Катерины?

Кромар. Тут, ясновельможный царь! Велено тебе в руки отдать. (*Подает письмо.*)

Иван (берет письмо). Сама принцесса писала?

Кромар. Сама писала. Обучалась грамматике и риторике у ритора Кохановского.

Иван. Анастасюшка, Божьей памяти царица моя, грамоты не знала, что уж говорить про иных жен. (*Ходит.*) Однак мать моя, Божьей памяти Великая Княгиня Елена Глинская, знала грамоту и писать умела. (*Нюхает письмо.*) Ароматная бумага! Читай, Сафоний!

Сафоний (берет записку). Ясновельможный царь Базилий! Далее, Государь, латынью, буквами латынскими. Хай Пушкин читает!

Иван. Читай, Пушкин!

Пушкин. Ja tebye za to diell cholom bion gette menie sedyllan. Челом бью, что ты мне сделал. Далее кириллицей. Так что ты о своем здоровье ко мне писал, и пожаловал рыбы, с человеком своим прислал, и камни, я на своем приятстве и любви много челом бью, и посылаешь мне напрасно. Я сказала брату, королю Зигмунду: "Подождем, пока пан Бог пошлет мне знак". Теперь пан Бог послал, упущать не треба. Я знаю, что ты, царь Базилий, оскорблен отказом, выслал пять тысяч войска, меня схватить. Счастливо избегнув той засады, мы оказались в Ревеле, ангел-хранитель помог. Милостивый Государь, царь Базилий! Тут, Государь, далее латинские литеры, я тебе Vinu отдам. Ich will Du Schuld tho gehen. Положить вину на милость твою. Пожалуй, садись на вину мою. Челом бью за любовь. Любовь уж, пожалуй, ко мне прошла, а я за милость твою буду кланяться. Милостивый царь Базилий, я была невеста, теперь жена, и у меня сердце мужчины, любовь и верность до смерти. Да жаловал государь Базилий ко мне о своем многолетнем здоровье, и я за млет ... То, Государь, непонятное слово «млет», я за млет его много челом бью. Катерина Ягеллонка. Сестра, королева польская Анна, тебе кланяется.

Иван. Дай письмо! *(Берет письмо, нюхает.)* Благовонная бумага! Хочу сию женщину, европейскую шляхтенку, королеву, а отдали ее за шведского мужика незаконно. Король Житмонт, хоть и не отказывал решительно мне, московскому государю, но отговаривался под разными предложениями и, наконец, приславши своего посла, поставил условием брака моего договор, по которому Москва должна уступить Польше Новгород, Псков, Смоленск и северные земли. За того мужика отдал без приданного. Само собой разумеется, что подобные условия не могут быть приняты, и появление их повело не к союзу, а к вражде. Польша потеряла не одну лишь Ливонию, а всю Русь литовскую. За королевной же снарядить погоню на конях, санях и артау в направлении Вильно.

Малюта. Исполним, Государь! Шпигуй далее! Гляди, Кромар.

Иван. Ты, Тадеуш Кромар, будешь добре шпиговать, получишь пар гельд, а зрадишь, то повесим. Разумеешь?

Кромар. Разумею. *(Пятясь, уходит.)*

Иван. Не моя вина, а безумие Батория да польских вельмож причина того, что, как и Ливония, принцесса Катерина стала беззащитной жертвой, добычей сильного. *(Нервно ходит.)* Они меня медведем почитают, азиатом! Не хотели миром, возьму насильем женщину и Ливонию. *(Приводят новых пленных. Среди них женщины, старики, дети)* Поймут, кто тут Государь? *(Ходит.)* Малюта, кого ведете?

Малюта. Тут, Государь, знатные жители ливонские, предназначенные к выселению в Россию. Вместо них русских прислал.

Иван. Вижу, знатные люди, одеты в бархат, камку и шелк, с драгоценностями, золотом и жемчугом. Красивый народ люди этого края, красивейший в мире народ, как по своей породе, так и благодаря сухому и холодному климату страны. А кто та статная шляхтанка с ребенком на руках?

Малюта. То молодая вдова, шляхтенка Ядвига Мышковская, сестра епископа Вильны Валериана Мышковского. Служанок мы у нее забрали, оттого сама несет ребенка. Служанки ее слышишь, где, Государь? *(Слышны женские крики.)* С одного берега на другой слышны крики. То кричат те девушки, которых казаки насилуют в саду. *(Смех.)*

Иван. Ай, добре кричат! Пусть идет ко мне та знатная шляхтенка!

Малюта. Пани Мышковская, великий государь оказывает тебе честь!

Иван. Пани Мышковская, знаю я, что в Польше принято галантное почитание женщины. Перед женщинами даже князья встают и великую славу им воздают. Так ли? Каждую добродетельную пани хвалить пристало, и пусть пропадет пропадом тот, кто решит их порицать. Так ли?

Малюта. Иди, пани, к Государю!

Иван. Она не хочет. Они все, знатная шляхта, нами пренебрегают, называют дикарями, а пищей нашей считают вонючее конское мясо и воду.

Малюта. Приведите ее к царю. Стражники! *(Стражники приводят шляхтянку к царю.)*

Иван. Так ли, пани Мышковская? Я, пани Мышковская, богат, имею более иных в Европе. Жену же ищу, краснейшую и целомудренную, хотя бы и вдовствующую, аки благочестивый раб Божий. Однако, грешен, глядя на тебя, взалкал.

Малюта. Кланяйся царю, благодари его! *(Мышковская стоит неподвижно.)*

Иван. Грешен, взалкал! Ты ж в гордыне пребываешь, говоря себе: «По смерти мужа моего тебе или иному николи со мной не совокупиться. Так ли? То мысль лукава. Али нет европейского мужика взяла бы меня, потомка Цезарей, не хочешь? Малюта, возьми у нее ребенка! *(Малюта вырывает у кричащей шляхтянки ребенка.)* Дай мне! *(Берет ребенка.)* Красив! *(Ласкает и целует ребенка.)* Тоже вырастет злым паном! Мальчик, да? Да будет презирать нас, православных! Меня, потомка великого, они в своих листках изображают как призрак, стоящий над грудой трупов под северным сиянием. Пусть так будет! *(Яростно.)* Я - русский медведь, кровавый призрак Европы! *(Убивает кинжалом ребенка.)* Малюта, брось труп на улицу, али кому либо в окошко! *(Смех.)*

Малюта. Сделаем, Государь! *(Мешковская с воплем бросается к царю.)*

Иван *(испуганно)*. Бейте ее, мегеру! *(Малюта убивает Мышковскую.)* В обличье вцепилась, в волосы! Жаль, убил. Муку бы ей устроить!

Малюта. Уж убита. Государь!

Иван. Сильно ли мне лицо изодрала?

Малюта. Не дюже, Государь милостивый. Лишь над глазом опухлина.

Иван (*яростно*). Бейте их всех! Старика, маршала Гаспар фон Мюнцера велю ослепить. Затем бить его кнутом, пока не умрет. Где-нибудь в навозной куче то сделайте! (*Мюнцера уволокивают.*) Торжество мое будет ужасно! Они, взбунтовавшиеся спесивые паны, познают то торжество! Мстить буду за свое посрамление! (*Нервно ходит.*) А кто в той толпе?

Малюта. То Исак, юдейский купец.

Иван (*гневно*). Хулитель православия, враг Христов, я уже прежде был предупрежден против этого народа и не терплю его. Когда-то в Москве приехавшие иудеи были выгнаны за то, что торговали мумиями, продавали отравные зелья и отводили людей от христианства. Знаю я их еретичные книги - Моисей Меймонид, али шестикрыл, Иммануил бен Якоб, теории звездозрительной прелести. Новгородские еретики жидовствующие то изучают ради своих измен. Приказываю перетопить в Двине всех иудеев с их семьями за их козны бесовские.

Малюта. Исполним, государь

(*крики плач, иудеев бьют и волокут*)

Иван. Также всех бернардинских монахов. Татарам перебить всех бернардинских монахов (*Кричит*), всех латин и лютеров. Бейте их да берите в полон жен их и детей. Всем их жесточь ведомо какими злыми ухищрениями во многие лета лгали и сколько крови христианской проливали. Бог мстит им кровь христианскую. (*Воины набрасываются на настоятелей*). Бей их всех, старцев! Настоятелей католических монастырей я называю не игуменами, а только опятами, сиречь разбойниками. Я Лифляндию побеждаю силою креста, их же сила - в разбойничьем кресте

Архиепископ Леонид. Радуйся, царь православный, Божией благодатью победитель супостатов! Ты воистину по Богу наш православия заступник, за тобой те бедные хрестьяне освобождаются на века и нечестиво место благостью освящается.

Малюта. Государь милостивый, начальствующий в городе королевский воевода Довойна, замечая, видно, сочувствие народа к тебе, московскому государю, приказал сжечь посад и выгнал из него холопов, чернь, сиречь простой русский народ.

Иван. Повелеваю выгнать всех литовских людей. Надобно вести дело обрусения завоеванных областей восточной Ливонии, особо же - прилегающих к Чудскому озеру. В новой немецкой украине раздавать поместья детям боярским, в Нарве и других городах ставить русские церкви.

Леонид. То делаем, государь: по взятии города открываем православные церкви. В Рогодиве - Троицкую, в Вышгороде - Воскресенскую.

Иван. Безбожная Литва поклонение святым иконам отвергла, святые иконы пощипала, лютерство воспряло. Ни в сарацинской вере, ни в турках, ни в басурманских языках такое святым иконам не обретается поругание.

Малюта. Государь православный, холопы пришли к тебе на поклон.

Первый холоп (*становится на колени*). Ты, праведный государь русский, мы, вольмарские выходцы, хотим на твое царское имя служить.

Второй холоп. Тебе, русскому православному, верой и правдой, с женами и детьми.

Третий холоп (*раненый*). Хочется, государь, нам, православным, за тобой быть, не за панами. Они, паны, Гуфец на нас, православных, послали, отряд жолнеров, по нас литовские воры из пищали стреляли и меня, Гришку, подстрелили в правую руку. Вели пульту у меня сироты из руки вынуть (*показывает правую руку*).

Четвертый холоп. Мы, литовские православные холопы, испокон за тебя, государя праведного, да за Русь, и мой, государь, братишка ходил под знаменем - Мишка Константинов - и в те поры с церкви ихней католические паны ранили того знаменщика, моего братишку из самопала. (*Указывает на раненого брата*).

Пятый холоп. Позволь, милостивый государь, нам, вольмарским православным, с православным войском против панов битву стачить да вруч панов резать.

Мстиславский. Государь, иные из вольмарских православных холопов, перебежавши к нам в лагерь, указали большой склад литовских запасов, сохранившийся в лесах и ямах. Овладевши тем складом, нашему московскому войску легче было приступить к верхнему замку.

Иван. Народ русский православный, дети мои, государя вашего! Постойм против панов за землю нашу исконную! Всех снарядить, выдать жалование из взятых литовских запасов, лекарям помочь раненым, а вместо сожженного посада, жить будете в литовских домах. Я, царь, оставлю в Вольмаре воеводой Ивана Шуйского с товарищами.

Шуйский. Исполним, государь милостивый.

Иван. Приказываю укреплять город и не впускать а него литовских людей, но позволять им жить на посаде под судом воевод, которые должны творить суд, применяясь местным обычаям.

Шуйский. Исполним, государь.

Иван. Пиши, Сафоний, мой указ, чтоб под стать военным средствам складывалось укрепление и управление вновь покоренного края. Прежде прочего, начаться должно со строгих и обстоятельных мер для охраны города от пожаров. У местных жителей отбираем все оружие. Сами они, литовцы, под великим бережением допускаются в город только в большие праздники, по ночам воеводы должны объезжать город с фонарями, городничие замыкают городские ворота и приносят ключи первому воеводе, сиречь тебе, Шуйскому. По всем дорогам должны быть выставлены сторожевые отряды. Подозрительных людей незаметно выселять окружным путем через Псков и Новгород в Москву. При всем том, я, государь, по наказу своему требую, чтобы вы, воеводы, творили суд скорый, правый и внимательный по местным обычаям. Всех до последнего человека призывать, чтоб приходил бесстрашно, и только того, кто двух раз не послушает, приводить силой. Узнать у жителей о прежних податях, оброках, для установления новых.

Малюта. Справедливость твоя, государь милостивый, всем известна.

Иван. Истинно, наказ мой никак нельзя назвать варварским, он видно далек от европейской манеры безразличного отношения к быту завоеванного края. Наказ мой есть старинное уверенное правило просвещенной восточной монархии наподобие Византии, и такое должно быть по всей Европе.

Малюта. Государь милостивый, что ж делать со взятыми сокровищами?

Иван. Воеводам сокровища вольмарские взять своему воинству, на меня же не брать ни единой медницы, ни плену, только знамена гетманские и пушки городские. Все сокровища вольмарские и жены, и дети вольмарские-своему воинству отдаю. У всякого человека русского полону литовскому быть.

Малюта. Государь, сейчас донесли мне, русские холопы указали на изменника Фому, тот Фома товарищ известного проповедника ереси Феодосия Косого, бежавшего с ним из Москвы в Литву.

Иван. Волоките сюда. Так то не укрыться изменникам. И Курбскому не укрыться, и он ведь в Вольмар побегал. Тут, в Вольмаре, я про него вспомнил и ему отсюда напишу. *(Вводят связанного Фому).* Что, еретик, далеко ли от меня побегал?

Архиепископ Леонид. Сей еретик, государь милостивый, совместно со здешним арианом Симеоном Будой, написал катехизис арианский на русском и польском языках, отвергает божественное происхождение Иисуса.

Иван. Говори, отвергаешь ли Господа и святое евангелие?

Фома. Я ли отвергаю? В евангелии не велено мучить невинных, сие Господь указал в притче о плелелах.

Иван. Вы ариане, который закон признаете главным?

Фома. Сначала закон естества, потом закон Моисеев, потом христианский.

Иван. Ты - жидовствующий. То - ересь жидовствующая.

Леонид. Он, государь, в Литве с арианами сошелся.

Иван. Так ли? Отвечай.

Фома. Что мне отвечать, если ты, царь, слеп, и глух? Сказал Господь - Фарисей слепой, очисти прежде то, что внутри. Дух же речью глаголет - так сказано в послании апостола Павла Тимофею. Мы составляем общество русских братьев. Каждый туда входящий нам верит.

Иван. Утопить его совместно с иудеями в Двине, да будет ему единое братство. *(Смех).*

Фома *(кричит).* Да будь ты проклят, царь кровопийца!
(его уволакивают).

Иван. Против ересей латинских, литовских али жидовствующих церковь православная стоит. Тем Богу воздаю, видя такое милосердие Божие к себе на всем христианском воинстве. По всем полкам христианским молебны петь о победе, благодарение воздающие. Церковь наша воинствующая. Взятие Ливонии закрепить истинным православным христианством, чтоб где были еллинские капища - там Божественные церкви, где были скверные службы - там непрерывные жертвы, где были бесовские козни - там богодуховные песни, где дьявол волочился - там Христос прославлен.

Архиепископ Леонид *(торжественно).* Первое бревно для церкви Благовещения Богородицы в православный храм в Вольмаре понесет сам царь.

Иван. Исполнилось пророчество русского угодника чудотворца Петра о городе Москве, что взойдет рука ее на плечи врагов ее. Бог несказанные милости излил на нас, недостойных, выручил нас и город Вольмар в руки нам дал. *(Становится впереди, подпирая бревно плечом, за ним архиепископ Леонид, Малюта, воеводы. С пением процессия уходит.)*

Занавес.

DSC00471

Сцена 59

Вольмар. Комната в Вольмарском замке.

Иван *(ходит и диктует)*. Всемогущий и вседержательный десницею Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, державшего своею дланью все концы земли, которому поклоняемся и кого славим вместе с Отцом и Святым Духом и который милостью своей позволил нам, смиренным и недостойным рабам своим, удержать скипетр Российского царства от его вседержательных десниц христианской хоругви, так пишем мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич Всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский царь Астраханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверской, Печерский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных государь, и великий князь Нижнего Новгорода, и Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, и отчинный государь, и обладатель земли Лифляндской немецкого чина, Удорский, Обдорский, Кондинский и всей Сибирской земли и северной страны повелитель. Далее пиши титул Курбского.

Сафоний. Государь милостивый, обозначить ли прежний князь Ярославский, али нынешний князь Ковенский?

Иван. В послании своем он себя обозначает “от убогого Андрея Курбского, князя Ковенского”- так от гордыни дуется. Я ж его обозначу “Бывшему нашему боярину и воеводе князю Андрею Курбскому”. Сам пусть помыслит, изменник, что за тем мыслится. Многое, милые мои, сотрется в памяти, останется бегство, и после измены он еще и грамоту невежливую отсюда послал государю.

Сафоний. Обозначу указанным тобой, государь, титулом.

Иван *(диктует)*. Со смирением напоминаю тебе, о князь: посмотри как к нашему согрешению, паче же к моему беззаконию, превзошедшему беззакония Манасии... *(ходит)* Хай мой беглый раб видит мое смирение во время величия. Посмотри, как к нашему согрешению, паче к моему беззаконию, снизошел Бог. Ныне мной предпринят один из самых больших и удачных походов в Ливонию. Отправившись из Пскова на юг, к Двине, занял почти все прибрежные крепости. Вся Ливония, опричь Ревеля, Риги и Пайды и некоторых иных городов, в моих руках.

Сафоний. То писать, государь милостивый?

Иван. То не пиши, то ему и без писания ведомо.

Сафоний. С Манасии продолжить, государь?

Иван. Продолжь с Манасии, речь идет об описанном в Библии царе, который восстановил идолопоклонство, занимался гаданием, ворожбой, вызывал мертвецов.

Сафоний. О том писать, государь?

Иван. О том не пиши, то также Курбскому ведомо. Пиши - паче же к моему беззаконию, превзошедшему беззакония Манасии, хоть я не отступил от веры, оттого терпеливо Божие Величество верит в мое покаяние. И не сомневаюсь в милосердии Создателя, который принес мне спасение, ибо говорит Бог в Святом Евангелии, что больше радуется об одном раскаявшемся грешнике, чем о девяноста девяти праведниках, ибо если и многочисленнее песка морского беззакония мои, все ж надеюсь на милость благоутробия Божьего. Может, Господь в море своей милости потопит беззакония мои. Вот и теперь Господь помиловал меня, грешника, блудника и мучителя, и животворящим своим крестом низложил Амалека и Мексетия *(ходит)*. Тот Амалек,

согласно Библии, родоначальник амалекитян, нападавших на Израиль, Мексетий - враг первого христианского императора Константина, разбойник, разбитый им в 312 году от Рождества Христова. В житии императора Константина указано, что победа та была predetermined появлением в воздухе креста с надписью “Тем побеждай”. И я с Божью милостью часто вижу тот Божий крест в небе и ту надпись. Однако и о том не пиши беглому рабу. Пиши - а наступающей крестоносной хоругви никакая бранная хитрость не потребна, что знает не только Русь, но и немцы, и литовцы, и татары, и многие народы. Сам спроси их и узнаешь. Я же не хочу перечислять те победы, ибо не мои они, а Божьи (*ходит*). Писал ты, что я растлен разумом, как не встретишь и у неверных.

Сафоний. Где то писано, государь?

Иван. В первом послании тот беглый раб мне, государю, так написал.

Сафоний. Государь милостивый, тех слов в первом послании нет. Там сказано “совесть прокаженная”.

Иван. То все едино, а про растление разума моего писал в перехваченном послании литовский гетман Ян Ходкевич иному изменнику-Воротынскому. То имею в виду, ибо изменник мыслей едино Воротынский наказан, также скоро и иных накажу. Накажу беглого изменника и раба Курбского. Я же ставлю тебя самого судьей меж мной и тобой в “кто растлен”. Не вы ли “разумом растлен”, такие как ты али Вратынский, али батожник Алешка Адашев, али поп Сильвестр, которые хотели господствовать надо мной, али я помазанник Божий, который хотел над вами господствовать? Я царь, от Бога поставленный, хотел вас подчинить своей воле. Как же вы из-за того надругались над святыней Господней и осквернили ее, рассердившись на человека, восстали на Бога? Сколько церквей, монастырей и святых мест вами поругано и осквернено-сами за то Богу ответ дадите. И опять-таки умолчу об этом. Пишу здесь тебе о нынешних делах. Смотри, княже, на Божий суд. Как Бог дает власть кому хочет. Вот ради этого я и наострил свое перо, чтоб тебе написать. Вы ведь говорили, нет людей на Руси, некому оборонять. А нынче вас нет, кто ж нынче завоевывает твердые германские крепости? Это сила животворящего креста, победившая Амалека и Мексетия, завоевывает крепости. И, не дожидаясь бранного боя, германские города поклоняют головы свои пред силой животворящего креста. А где случаются за грехи наши явления, животворящего креста не было, там бой был (*ходит*). Писал ты нам с досадой, вспоминая с обидой, что мы тебя в дальноконные города как бы в наказание послали, так теперь мы со своими седиными в дальние твои дальноконные города пошли по всем дорогам из Литвы и в Литву. И пешими ходили, и воду во всех тех местах пили. Теперь уж Литва не посмеет говорить, что не везде ноги наших коней были. И туда, где ты надеялся от своих трудов успокоиться, в Вольмаре, на покой твой привел нас Бог. Настигли тебя. И ты еще дальнеконнее поехал. Итак, мы написали тебе лишь немного из многого, и сам рассуди, как быть, и что ты сделал, и для чего. И, зная милость Божественного попечения и нас, рассуди, что ты сотворил бежав с отечества и восстав против государя. Все это сам рассмотри-и сам найдешь решение этому. Видит Бог, что написали это мы тебе не из гордости или надменности, но чтоб напомнить тебе о необходимости исправления, чтоб ты о спасении души своей подумал. Писано в нашей вотчине - Ливонской земле, в городе Вольмаре (*ходит*). Тут ли Малюта? Хай явится (*Слуга выходит*). Курбский посылает ко мне послание премудрого Цицерона, сочинения Марка Тулия Цицерона против меня направляет, а пишет за Курбского Федор Достоевский. Я же от себя ему написал, от своей души. (*Входит Малюта*). Малюта, послание мое надо отправить со шпигуном, али отпущенным пленным.

Малюта. Исполним государь. Государь милостивый, сделал уже роспись похода на Пайду, по-немецки Виссенштейн (*подает роспись*). Берегом, Двиной, в конной рати воеводы князь Мстиславский, князь Федор Хрипун, да князь Ряполовский, передовой полк - Ряполовский, в судах - Шереметьев, Хворостинин, Трубецкой, Долгорукий да иные. Воеводы конные и судовые сойдутся под Пайдой.

Иван. Как наказали мы поляков под Вольмаром, так накажем шведов под Пайдой, ежели не придут просить мира (*уходит в сопровождении Малюты*).

Занавес.

Сцена 60

Поле под замком Пайда. Слышна орудийная канонада и ружейная стрельба.

Царь Иван (смотрит в брахиоскоп - оптическую трубу). Успехи и цели приблизились, вся Ливония в моей власти - от Нарова до Северной Двины. Непокорны лишь Рига, Ревель да Курляндское Герцогство. Заняты крепости Вольмар, Динабург, Коккенхаузен, Венден и множество мелких замков. Победное мое шествие произвело впечатление на ливонских дворян. Много замков ныне сдалось без сопротивления. А чего ж мелкий замок Пайда, по-немецки Виссенштейн, с пригородами не сдастся?

Малюта. Государь милостивый, тут в Пайде скопилось много перебежчиков, изменников, которые не ждут от тебя добра. Также и шведский немец на помощь своих надеется.

Мстиславский. Истинно так, государь милостивый. От воеводы Шереметева получено сейчас донесение. (Читает). "Государю Великому, царю и великому князю..."

Иван (сердито перебивает). Читай скорее.

Мстиславский (читает). "Немцы через рубеж перелезли после того, как на рубеже много с народом ссорились. И немцы, приходя, почали села жечь и детей боярских улавливать и гостей. И себе многих задержали и не отпустили, и сына боярского на кол горлом посадили».

Царь Иван. Король шведский Юхан преступил крестоцелование и перемирие порушил.

Мстиславский (читает). "Король Юхан прислал войска к Орешку, а по городу из наряда били, а ночью Петр Петров-воевода на них вылезал и многих побил, и пошли немцы от Орешка».

Иван (обрадовано). При добрых воеводах и война хороша. Надо бы отписать об отпущении наших добрых воевод к шведскому рубежу.

Мстиславский. Уж сделано, государь. Пишет Шереметев. (Читает). "И пошли полки к Выбору, а немцы шли от Стекольна, от короля. И встретились с немцы и побили наголову и полон взяли бесчисленно и вышли на Карельский рубеж, дал Бог, со всеми людьми».

Иван (радостно). Воеводам да ратникам за победу награду золотом выдать. Да объявить, что царь-государь Богу хвалу воздал, что милосердный Бог отомстил кровь христианскую неповинную. (Крестится). Надо и тут скорей, в Пайде, кончать с немцами да изменниками, перебежчиками. Мстиславский, отчего мало стреляете по замку ядрами огненными?

Мстиславский. Не можем то делать, государь, пушки неподходящие. А велики пушки еще на вежи не поставлены

Иван (гневно). Как, неподходящие? Где пушечный воевода князь Репнин?

Репнин. Тут я, государь милостивый.

Иван. Сколько у тебя пушек?

Репнин. За время нынешнего похода имеем 200 пушек, а чуть ли не половина - же-лезоконные орудия. Они непрочны. Да ядра надобно к калибру подгонять, и не точны они до гладкости. Особо же огненные ядра, раскаленные али обмазанные горючим составом...

Иван (гневно). Что же у нас делается. Малюта? Надобно все арсеналы проглядеть, кузнечные и литейные избы, нет ли там измены, а истинно виновных казнить. Пушечный воевода князь Репнин будет тебе в помощь, как в деле понимающий.

Малюта. Исполним, государь.

Иван. У нас тут не Польша. мы с изменами круто должны поступить. То Баторий шатко сидит на польском троне и без серьезного войска. Мы измену выведем.

Малюта. Как прежде, государь, выводили, так и ныне. Тут, в Пайде. особо много скопилось перебежчиков. Я со сторожевым полком вперед пойду, для перехвата.

Иван. Иди, Малюта, да не щади их, слуг сатаны, иудиных потомков. Деньги иудины им дадены наперед от рубля и более. Тот, собака, давний изменник Курбский, который был принят нами в думе не за свои достоинства, а по нашей милости, изменнически выдал наши замыслы по Ливонской войне. Также поносил нас, нашу царицу и наших детей. Сколько ж ему заплачено?

Малюта. Предательство Курбского щедро оплачено королевским золотом. Курбский выдал всех ливонских сторонников Москвы, с которыми сам прежде вел, от твоего, государь, имени переговоры и назвал имена наших московских шпигов при королевском дворе. Воеводской казны из Юрьева вывезти не успел, бежал шибко. Однако появился за границей с мешком золота. В пограничном ливонском замке Гельмей, среди гельмейских немцев, которые обыскали его, был наш шпиг. То донес! В кошельке Курбского нашли огромную сумму в иностранной монете: 30 дукатов,

300 золотых, 500-серебряных талеров
и всего 44 московских рубля.

Иван (*гневно*). Так оплачивается христианская кровь в иноземной монете. До конца надобно расследовать эти злодеяния да прочие подобные порушения крестоцелования!

Малюта. Уж расследуем до конца, государь милостивый. И крестное целование будет на тебе, король Юхан, и на твоих державцах также, и на твоих прислужниках изменных, и кровь старых и молодых прольется от тебя, Юхана, короля, и твоих державцев и прислужников, а не от нашего справедливого государя. (*Уходит*).

Иван. Мстиславский, сколько на Пайду войска послано?

Мстиславский. Пять тысяч послано войска, государь. Не хватает.

Иван (*сердито*). А чего не хватает?

Мстиславский. Множество оставлено гарнизонами в крепостях, в Нарове, Гапсале, Вендене, Миттау и многих других укрепленных городах у Восточного моря, также для охраны и перевоза снаряжения через реки и озера.

Иван. При умелых воеводах войска хватает.

Мстиславский. Государь, не закончив войну с Швецией, начали мы наступление в Польской Ливонии, теперь, не окончив в Польской Ливонии, начинаем в Эстляндии. Несмотря на усилия, удалось собрать двадцать тысяч дворян и стрельцов. С такими силами, государь, нельзя осаждать Ригу, а можно лишь брать небольшие крепости и мелкие замки, потеснив ливонские гарнизоны на северо-восток от Двины. И то, государь, нынешний успех непрочен, если против Москвы станут все претенденты на ливонское наследство.

Иван (*гневно*). Я тебя, Мстиславский, сделал главным воеводой, так гляди мне, чтобы не стряслось как с Девлет-Гиреевым набегом, когда Москву отдал. На сей раз как бы не заплатил головой со товарищи.

Мстиславский. Мы, воеводы, государь милостивый, ради тебя да отечества живота не пожалеем.

Иван. Поменьше бы измен, то всю Ливонию скоро возьмем. Сотворится то, весь Герман ради случая наш будет. (*Слышна усиливающаяся канонада*).

Гонец (*вбегают*). Государь милостивый, воевода Скуратов просил передать: ертаул²⁰ уж на половине горы к замку.

Иван (*смотрит в оптическую трубу*). Хорошо идет ертаул со сторожевым малютиным полком. А крепость стоит, словно пустая, словно нет даже людей, и даже ни один человеческий голос не раздается из нее.

Богдан Бельский. Видно, воевода немецкий в страхе сбежал в лес от нашего великого войска. (*Смех*). Пока воеводу того искать будут, не перекусить ли, государь милостивый? Вот полоток гусиный, половинка копченой гусятины.

Иван (*берет копченую гусятину, ест и смотрит в трубу*). Немцы в страхе заперлись в замке. Велеть надобно, чтоб белый флаг вывесили, тогда, может, милостиво прощу. (*Жует гусятину*).

Сафоний (*диктует подьячим*). «Рано, после Божественной службы, поднялись войска со своим благочестивым царем из стана и, развернув хоругви христианские, стройно и благочинно пошли на вражескую крепость».

Вольский. Государь милостивый, вот вино - двойное али боярское. Какое изволите?

Иван. Давай двойное, покрепче. (*Берет у Бельского чашу, пьет*). В Польше у Батория королевская власть в жалком положении, денежные дела в расстройстве, буйное шляхетство диктует королю условия. Я, царь Иван, знаю то. (*Бельский наливает новую чашку - царь пьет*). Бельский, ты переймешь у Афанасия Нагого иные дела по посольскому приказу. Ты племянник Малюты, тебе я верю.

Бельский. Низко челом бью, государь, за милость твою. А милость твою оправдаю.

Иван. Напишешь Баторию: наших великих государей вольное царское самодержавство не как ваше убогое королевство. Что ты, если посаженный государь, а не вотчинный. Как тебе захотели паны, так тебе жалованье государево и дали. Я, царь Иван Васильевич, полон пренебрежения к выборной королевской власти, польской и шведской. (*Бельский наливает, царь пьет*). Баторий шатко сидит на польском троне. Я продиктую ему условия мира. Ввиду того, прикажу отпустить на родину польских пленных. И чтоб перед отъездом самые знатные были приглашены ко мне на царский пир

20 *Ертаул* — стар. передовой отряд, переды, авангард; разведочный отряд.

и щедро одарены шубами и кубками. *(Смотрит в трубу)*. Немцы знамя вывесили на высокую башню. Сдаются уж.

Мстиславский *(смотрит в трубу)*. Нет, государь, то не белое знамя, а шведское королевское. *(Сильная канонада)*.

Иван *(гневно)*. Перебежчики, изменники видно наговорили немцам про свирепость московских людей, потому стреляют в нас. За то я, царь, приказываю взять замок приступом и осуждаю на избиение всех жителей Пайды с пригородами. Поляков же одарю милостию, тем внесу раскол меж польским и шведским королями. Через пленных передать Баторию, чтоб король посольство свое прислал, и дался б король на мою государеву волю во всем, да про то велеть им сказать королю, какова моя государева рука высокая. Ты, Бельский, племянник Малютин, тем займешься. Не век тебе лишь кравчим быть.

Бельский. С превеликой радостью, милостивый государь. *(Слышен сильный взрыв)*.

Иван. Что-то стряслось.

Мстиславский. Государь, замок взорвался.

Второй гонец *(вбегает)*. Государь великий, все сидевшие в замке не видели возможности устоять против русских и сами взорвали себя на воздух.

Иван *(гневно)*. То наказание Господне. Бог сие совершил всего нашего воинства страданиями и молитвою. Наградить наше воинство и, прежде всего, воеводу Григория Лукьяновича Скуратова за великий подвиг.

Второй гонец. Государь великий, воевода Григорий Скуратов при взятии замка Пайда убит наповал шведской пулей. *(Воины вносят мертвого Малюту)*.

Бельский. Дядюшко! *(Падает перед мертвым на колени, плачет)*.

Иван *(с печалью)*. Прощай. Малюта. Ты был верный пес господина. Тобой окончилась дружина моя, которая славу мне, царю, добывала, а от иных были ненавидимы. Угождали во всем мне, царю, так что их грех на мне. Прости меня, господи. *(Крестится. Все крестятся)*. Ты, Малюта, запомнишься палачом кровавым, мне же был крестным братом. Тем служил царю и имел звание моего слуги. Царем же слуга зовется по Божьей милости и царство ему дается по Божьей воле. Из того следует, что и Богу ты служил по-своему. И Бог тебя за грехи простит. *(Крестится. Все крестятся)*. Мы ж возвеличим Господа и прославим Мать Его за то, что избавил Господь меня, царя, и раба моего Малюту Скуратова и все наше воинство от латынского и лютеранского этого мучения. Аминь.

Архиепископ Леонид. В сием темном месте, в запустении, мерзости, свету твоему истинному возвыситься против скверного Лютера и его приспешников. Аминь. *(Все молятся)*.

Крики воинов. Слава государю! Слава!

Иван. Ратники мои! Народ православный! И вас милостью своею посетил Бог! Не отринул вас от православной веры, и подобает вам прославлять Троицу Святую – Отца, Сына и Святаго духа. Моим повелением, а вашим делом взята в большинстве своем Ливония. Все это я совершил Божьим повелением, а не своим желанием. Если Бог с нами, кто против нас?

Крики воинов. Слава! Слава! Слава государю!

Сафоний *(диктует подьячему)*. И воскликнули все люди единогласно, будто одними устами говорили: “О, по Божьей мудрости, владыке, многие лета, государю, нашему царю. Ивану Васильевичу”.

Иван. За верность одариваю я, царь, за измену - казню. Царские дарения не отдаются назад. Остаются они с Малютою. Однако отныне ты, Богдан Яковлевич Бельский, племянник Малютин, вместе с зятем Малютиным Годуновым будете царю первыми любимцами, и спать будете в моей опочивальне.

Бельский. Верой и правдой служить тебе буду, как служил родимый мой дядюшка. *(Низко кланяется и целует царю руку)*.

Иван. А сейчас очистить едину улицу, мертвых поснести от главных ворот, чтоб мне въехать в город Пайду. Рядом со мной будет ехать Богдан Яковлевич Бельский.

Крики. Многие лета царю благочестивому и победителю варварскому!

Крики воинов. Слава! Слава!

Бельский. Ратники! Надобно вычистить город от множества трупия мертвых, чтоб государь въехал. *(Уходит, распоряжаясь)*.

Иван. Выбрал я, царь и князь, воевод. Кого мне оставить после себя в Ливонии? Большому боярину и воеводе Мстиславскому царевым моим местом в Ливонии управлять велю. Так и Шереметеву и

Шуйскому.

Мстиславский. Исполним, государь милостивый.

Иван. Я с Богданом Бельским пойду к Москве. Оттуда в Слободу. Сам пойду Двиной на судах. А конно не пойду берегом. На берегу Двины смердеж трупный.

Архиепископ Леонид. Умножи, всемилосердный Бог, лет живота его, государева, что избавил нас от таковых змий ядовитых. От них же, злых, сколько лет православные страдали.

Иван. За страдания наши православные наказать тех змий сурово избиением. Ратным людям по моему царскому приказанию изнасиловать всех женщин и девиц. Так отомстим за христианскую кровь. Я же ныне пойду в походную полотняную церковь памяти особо почитаемых в Москве святых Михаила Архангела, Сергия Радонежского и Святой Екатерины молиться прилежно о победе своего воинства об избавлении от варварского нахождения. Ливонские магистры, князья и все ливонские люди много лет через наше жалование нам изменяли и христианство расхищали и многие города и села. Богом дарованные нам, нашей Руси державы попленили, и в тех городах церквам святым было разорение, и не имеющее числа крови христианской пролилось, и в плен расхищены и рассеяны по лицу всей земли, грехов ради наших, наипаче моих согрешений. Ныне же пришло им возмездие Божие, а мне Божье прощение. *(Крестится и уходит).*

Занавес.

Конец пятого действия.

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ

Сцена 61

Краков. Королевский дворец Вевель. Заседание Державной Рады.

Баторий. Ясновельможное панство, я, король Речи Посполитой, и вы, наизнатнейшие вельможи державы, собрались на Державну Раду, чтоб обмерковать яко нам дали, дело делать. Московский Царь занял в Ливонии многие города и крепости, подступает к Ревелю и удерживает Полоцк. Полоцк, панове, есть ключ к водному пути по Западной Двине и дальнейшее движение открывает на Вильну. Предвидя такую опасность, я, ясновельможное панство, по решению сейма искал мира, но польские послы наши не добились результата.

Ян Замойский. Ясновельможное панство, на послание нашего короля московит ответил: “Ваш король недостоин такого великого сана”.

Николай Радзивилл Черный. Ганьба!

Николай Радзивилл Красный. Ясновельможное панство, после такого приема война решена.

Баторий. Ясновельможное панство, Ливонский поход московского царя не может остаться без отмщения от меня, Батория, короля Речи Посполитой. Ибо при своем восшествии на престол я обещал возвратить Польше то, что еще прежде было в руках московского царя. Ранее всего - Полоцк, а затем и иные города.

Ходкевич. Ясновельможный король, ясновельможное панство, как гетман литовский, прежде прочего, вижу необходимость помочь шведам защитить Ревель. По сему поводу слово скажет от ревельцев Иван Шиккенберг.

Шиккенберг. Ясновельможный король Стефан Баторий, ясновельможная королевская Рада, не только немцы, шведы и поляки, но и мы, местная чухня, готовы драться против русских. Крестьянское наше население, терпевшее притеснения от немецких баронов, прежде было расположено признать власть Москвы, но свирепость, с какой по приказанию царя русские общаются вообще с жителями Ливонии, без различия их происхождения, до того раздражила наших чухон, что мы составили большое ополчение под моим, Ивана Шиккенберга, начальством.

Баторий. Такая помощь нам потребна, однако, ясновельможное панство, нам для победы потребна настоящая армия.

Ян Замоийский. Ясновельможное панство, Пан Бог послал нам доброго короля, но вести войну зимой ясновельможному королю будет нелегко. Признаем, панове, мы литовцы вовсе не отличаемся воинственным духом и не любим давать королю денег.

Гарабурда. Ясновельможный пан Замоийский, надобно учесть и трудности шляхты.

Ян Замоийский. Те трудности, панове, мне давно ведомы, трудности от своеволья. Шляхта не хочет ни служить в войске, ни платить налоги. И в наших автономных сеймиках менее всего находится охотников вникать в интересы государства. Как же тут осуществить план нового короля и его прожект создания войска?

Ухарский. Каков тот план, и каков тот прожект?

Баторий. Ясновельможный пан Ухарский, и вы, ясновельможное панство, план мой состоит в снаряжении хорошей ударной армии, которую следовало бы быстрым натиском повести в центральные области Московского государства, чтоб отрезать Ливонию и вырвать ее у московского царя.

Жолкевский. То, ясновельможное панство, великий план - удар по самой Московии.

Баторий. Ясновельможное панство, для того плана потребно доброе войско. Однако мой прожект создать крестьянское войско из крестьян королевских имений не прошел. Шляхетские Сеймы предлагают мне, королю, вместо того никуда не годное посполитое рушанье, то есть поголовное ополчение, а вместо денежной повинности - натуральную.

Гарабурда. Ясновельможный король, у шляхты нет денег, особо мелкопоместная шляхта живет бедно, скромно, не намного лучше крестьян. Война с Московией уж принесла немало жертв и разорения. Не лучше ли искать мира с могучею Московией?

Ухарский. Ясновельможный король, ясновельможное панство, я немного читал русские летописи и знаю, что есть Московия. Начиная с Рюрика знаю судьбу ее князей и родов. Иван III первый положил основание могуществу Москвы, и ныне царствующий Иван IV еще более увеличил при помощи своего счастья и искусства обширную державу, громадное царство Казанское и Астраханское он приобрел при помощи нового в то время способа, а именно подкопом и порохом. У царя лучшая в Европе артиллерия. Московское государство дошло до пределов Персии, ныне им занята почти вся Ливония. Потому надобно, панове, искать мира.

Николай Радзивилл Красный. Все это, панове, благодаря раздорам ливонцев Иван IV занял их страну, также благодаря раздорам наших со шведами наносил часто поражения то нам, то шведам.

Жолкевский. Панове, где наш польский патриотизм? Ганьба, панове? Где преклонение перед своими героями, где увлечение рыцарством, блестящей польской шляхтой? Где ненависть к врагам-москвитам? Вместо того, ужас перед ними. Ганьба, панове!

Ухарский. Ясновельможный пан Жолкевский, я тако ж польский патриот и преклоняюсь перед польским патриотизмом. Наш всемирно ученый астроном Николай Коперник был пламенным патриотом, верным сыном Польши. Он неоднократно подвергал свою жизнь опасности, выступая на прусских сеймах в Мальборке, в Грундзензе против могущественного немецкого ордена. Но при этом он был против войны с орденом, за мир с немцами.

Замоийский. Ясновельможное панство, Москва хуже немцев, Москва проводит в Прибалтике такую же политику, как и в Казани, усиленно насаждает московских помещиков, то есть, помимо колонизации и русификации, в их руки перешли плодороднейшие земли, населенные крестьянами, русское земледелие на всей территории занятой русскими войсками.

Шиккенберг. Наше местное чухонское и латышское население восстало против немецкого гнета и приветствовало русских. Теперь мы оказались под еще худшим гнетом. Русские отряды заняли наши острова Эзель, Даго, Моон, города Парнов, Гобсаль, Гермет. Русско-татарская армия уже три раза подступала к Ревелю. Они выпустили по городу около четырех тысяч ядер и зажигательных снарядов. Отбивши два приступа, мы, ревельцы, в ужасе ныне хотим обратиться к германским городам с мольбой о помощи, раз нет помощи от Речи Посполитой и Швеции. Мы хотим, панове, указать на свое положение как передового поста всех европейских государей и городов на Балтийском море. Русские придут еще и еще раз. Если Ревель перейдет под власть московитов, падет вся Ливония. Тяжко выдержать напор дикого, яростного врага, особенно после двух неудач он подобен дикому медведю, который, будучи ранен, делается еще отважней и страшней.

Замоийский. Мы, противники русских захватов давно тревожимся - накануне войны Россия овладела частью побережья Финского залива. Заняв немецкую Нарву, московит строит первый морской порт

Иван-город. У него теперь два удобных выхода на Балтике- в устье рек Нарва и Нарова, а заняв Ревель, он получит еще лучшее корабельное пристанище, торговля усилит русских в военном деле. Еще прежде, до нас, король Зигмунд писал немецкой королеве, убеждая прекратить торговлю с Россией, особенно Нарвскую.

Жолкевский. Ясновельможное панство, благодаря нарвскому плаванью, этот не только временный враг короны нашей, но и враг наследственный всех свободных народов, чрезвычайно преуспел в образовании и вооружении. Также и в Германии множество военных трактатов с Россией, и торговля постоянно увеличивает мощь московита, и можно опасаться, что он станет господином Балтийского моря.

Николай Красный Радзивилл. Державы, обладающие морскими флотами на Балтике домогаются господства над морскими путями, ведущими к русским рынкам. Даже и особенно, панове, Швеция помогает торговлей Московии. Есть однако надежда, что при нынешнем короле Юхане та помощь Москве прекратится.

Баторий. Ясновельможное панство, в то время, как Москва получает для своей вражды против Европы наши деньги, я, король Речи Посполитой, должен не только торговаться с вольным Сеймом о налоге, но еще и объезжать далекие воеводства и заключать частные соглашения с особо непокорными сеймиками. Напрасно стараюсь внушить шляхетским корпорациям краев, более отдаленных от театра войны, что обладание Ливонией имеет общегосударственное значение, что Речь Посполитая как земледельческая страна должна иметь свои вывозные порты. Вместо того, чтобы бороться с московским врагом, я, король Польши, борюсь с Сеймом, а такая борьба ставит под угрозу раз избранную мною, королем, систему священной борьбы с московским царем.

Жолкевский. Ганьба, ясновельможное панство! Государь Московии - коронованный психопат с похотливыми капризами. Известно, что сей грязный медведь домогается сестры короля Зигмунда, Катерины, законной супруги Юхана III. Сей московит еще опасней турок из-за своего еще большего беззакония.

Ухарский. Однако надобно признать, панове, велика сила московита на земле, ныне он сильнее турок. Царь Иван IV заключил соглашение с Крымом, императором и Данией. Дания признала за царем Лифляндию, а также права на будущее приобретение Курляндии.

Николай Черный Радзивилл и Николай Красный Радзивилл (вместе). Ганьба!

Ухарский. И все же, ясновельможный король и ясновельможная Рада, не лучше ли нам всем искать мирного результата?

Николай Красный Радзивилл. Ясновельможный пан Ухарский, мирного результата быть не может - обе стороны претендуют на Ливонию. Либо мы разобьем dem Rote Wilde, кровавого дикаря, либо он пойдет дальше и осадит Ригу.

Николай Черный Радзивилл. Надобно, панове, искать также опоры среди русских, недовольных тиранией. Ходят слухи, что к царю не чувствуют расположения ни духовные, ни миряне. Стоит неприятелю вторгнуться в страну, как его собственные русские немедля окажут поддержку.

Ухарский. Ясновельможная Рада, те слухи распускают перебежчики. Мы, панове, не можем верить таким слухам. Надобно, панове, отметить безграничную власть царя и беспрекословное повиновение ему подданных. То обстоятельство, что он один сохраняет на всем высшую власть и от него одного исходят все распоряжения, что он волен принимать те или другие решения и властен всеми средствами для выполнения оных, что он может в короткое время собрать самое большое войско и пользоваться имуществом граждан как своим для установления своей власти, все это, панове, имеет чрезвычайно важное значение для приобретения могущества и успешного ведения войны.

Николай Красный Радзивилл. Однако князь Курбский поведал нам иное. Против царя было уже множество заговоров. Так ли, Князь Курбский?

Курбский. Слухи те, ясновельможный пан Радзивилл, справедливы. Ясновельможный король, знатнейшие московские вельможи хотят перейти под твое, ясновельможного короля, покровительство и выдать царя как только ты, ясновельможный король, появишься с войском, пойдешь из Вильны на Москву. Когда пять лет тому назад русские войска были в походе, то много знатных лиц во главе с двоюродным братом царя, князем Юрием Старицким, ныне отравленным с женой и малолетней дочерью тираном, обязались, что передали бы тирана вместе с его сподвижниками, если б только его королевское величество Зигмунд Август двинулся на страну.

Однако когда пришла весть, что его королевское величество отступили, многие пали духом. Список недовольных был передан зрадником кровавому злодею - и по списку он казнил.

Ходкевич. В Ревель пришло донесение: когда москвит, взяв Пайду, намеревался идти на Вильну и ее осадить, но, не доходя десять миль до того места, было получено им известие - грамота или запечатанное показание - в Москве семь тысяч бояр согласились убить царя за его ужасное тиранство. Известия о том, бросил он войско и по почте возвратился.

Ухарский. Такие донесения, панове, часто бывают ложные и составлены здешними фельдшерами, перебежчиками. Русский народ любит своего царя. Тому, панове, кто занимается историей Ивана IV царствования, тем более должно казаться удивительным, что при такой жестокости может существовать такая сильная к нему любовь народа, любовь с трудом приобретаемая прочими государями, только посредством снисходительности и ласки. Удивительно, как могла сохраниться у его народа необычная верность своим государям. При сем, панове, должно заметить, что народ не только не возбуждал против него никаких возмущений, но даже высказывал во время войны невероятную твердость при защите и охранении крепостей, а перебежчиков вообще очень мало. Много, напротив, нашлось во всей этой самой войне таких, которые предпочли верность царю, даже несмотря на опасности для себя, величайшим наградам. Ясновельможный король Стефан Баторий, если начнешь войну, то убедишься в справедливости моих слов.

Баторий. Ежели то правда, то отчего же народ любит кровавого тирана?

Ухарский. Ясновельможный король, стойкость и послушание русских объясняется их религиозностью.

Николай Красный Радзивилл. А не рабством ли? Не так ли, Курбский?

Курбский. Ясновельможное панство, тиранство нашего царя есть отражение татарщины, вредно повлиявшей на народные нравы. У нас в Московии развито раболепие, а не гражданские чувства. Ясновельможное панство, в России народ и правитель стоят друг друга, пороки той и другой стороны взаимно обусловлены.

Николай Красный Радзивилл. Холера ясна! То истинно так. Русские лживы, недобросовестны, склонны к насилию, исполнены недоверия к друг другу. Русский народ расколот надвое: высшее и низшее сословия, которые ненавидят друг друга.

Баторий. Ясновельможный пан Николай Красный Радзивилл! Ясновельможное панство! В Московии такое происходит как раз от жестокости и злонамеренности управления, сознательной политики правительства, поддержанной хитростью православного духовенства, стремящегося держать народ в невежестве с согласия царя. Мы должны принести русскому народу из Европы свою свободу. Мы воюем не с русским народом, а с кровавым правителем - тираном. Пример Новгорода и Пскова, которые восстали против тирана и были кроваво подавлены, подтверждает мою правоту.

Курбский. Великие и гордые паны, ясновельможный король! Быстро образовавшееся могущество московского царя стало внушать страх не только соседнему народу, но и даже более отдаленным. И высокомерие его при таких обширных границах и великих удачах дошло до того, что он презирает в сравнении с собой всех других государей, и получается, что нет ни одного народа, который мог бы поспорить с ним богатством и могуществом. Европа, панове, должна восстать против царя - антихриста.

Ухарский. То голос перебежчика, панове, ведь московский царь не раз предлагал обменять его на польских или литовских пленных.

Курбский. То мне ведомо, пан Ухарский. Тиран жаждет насладиться моими мучениями. Он хотел бы сварить меня в кипятке или зажарить на сковороде, но я всегда ношу с собой в перстне яд. Я не изменник, пан Ухарский. Ясновельможное панство, я лишь воспользовался древним удельным правом отъезда. Право отъезда и право совета - вот удел. Панове, я предпочитаю теперь жить и умереть в Европе.

Баторий. А что с семьей твоей, князь?

Курбский. Ясновельможный король, принужденный поспешно бежать из Дерпта ночью, по веревке спустившись со стены, я оставил в московском государстве все свое имущество, все свои книги, дорогие мне, также оставил семью - мать, жену и сына - ребенка. Все они заключены царем - тираном в темницу и умерщвлены голодом. В России у меня, ясновельможный король, теперь никого нет. Однако Господь помог мне встретиться тут, в Польше, с вдовой Марией Козинской, урожденной княжной Гольшанской, и я хотел бы вступить с ней в брак. Я хотел бы почать новую жизнь после войны, заняться наукой и сочинительством - переводом Цицерона и составлением

эпистол, чтением Горация. Но прежде всего надобно сокрушить антихриста. Ясновельможный король, великие гордые паны, я лил кровь за азиатскую деспотию, позвольте мне пролить кровь за образованную Европу, за Речь Посполитую! Если ваше величество не может мне доверить 30 тысяч войск для похода на Москву, то прошу хотя бы небольшой отряд, с которым мог бы пересечь русские рубежи. Я хорошо знаю здешнюю местность.

Баторий. Князь, я дам вам литовский отряд.

Курбский. Сердечно дзинкую, ваше величество.

Шиккенберг. Ясновельможный король, надо скорей починать войну для нашего спасения. Московский завоеватель Ливонии не знает теперь никакой пощады. Страну жгут и разоряют, немилосердно избивают старых, молодых уводят в плен.

Баторий. Война дело решенное. Я при помощи канцлера гетмана, ясновельможного пана Яна Замойского, надеюсь преодолеть большие денежные трудности. Употреблю также опытную пехоту, венгерскую и немецкую, на военные издержки вложу собственные деньги, чтоб на них пригласить опытную пехоту и исправную артиллерию.

Замойский. К счастью для нашей Польши, Швеция после нападения московитов на Пайду также берется за оружие против ...

Ухарский. Ясновельможный король, ясновельможное панство, хочу привести мнение турецкого министра Магомета, умнейшего советника последовательно трех восточных государей. Король берет на себя трудное дело. Велика сила московитов и, за исключением моего, повелитель, нет на земле более могущественного государя.

Баторий. То мнение мне ведомо. Турок Магомет высказал его моим послам.

Ухарский. Ясновельможный король, ясновельможное панство, то не только лишь мнение. Помыслите о замечательном устройстве крепостной системы, возведенной со стороны Москвы вдоль литовской границы. Особенно укреплена полоса меж Двиной и Днепром, где поднялись замки, угрожающие Витебску и самой Вильне.

Ходкевич. То правда, панове. Особенно замечательна крепость Суша, выстроенная на нашей территории. Та крепость, панове, окружена громадными пустырями, непроходимыми дебрями, которым московиты дают распространяться, чтоб затруднить движение неприятеля. Также и крепость Велиш, и иные. Все укрепленные пункты обильно снабжены провиантом и военным снаряжением.

Жолкевский. Тем лучше, ясновельможный пан гетман Ходкевич. Как возьмем эти крепости, то провианта, фуража, пороху и военных снарядов будет найдено в городах так много, что не только наделит все наше войско, но еще останется всего столько, сколько нужно для гарнизонов.

Ухарский. Ясновельможное панство, невзирая на такой план и призыв к борьбе помыслим и о трудностях борьбы.

Баторий. Трудности велики, ясновельможное панство. Но все же, несмотря на исключительные трудности в этом районе, я решил напасть именно здесь. Прежде всего, панове, я руководствую стратегическими соображениями: отрезать от Москвы Ливонию и угрожать Смоленску, Пскову и Новгороду. Другое мое побуждение состоит в том, чтобы разрушить крепости. Разрушение крепостного клина, вдавшегося в Литовские территории, освободит движение торговых караванов, направившихся по главным артериям торговых сношений Литвы, по Днепру, Двине и ближайшим их притокам.

Курбский. Ваше величество, ясновельможный король Баторий, великие и гордые паны, надобно идти тремя путями - на Улу, на Тирварс и ко Пскову. Там в пригороде Изборск сидят мои люди, в воеводстве, Марк и Анисим Сырохозяины, и Тимофей Тетерин. Они откроют городские ворота.

Баторий. За измену московскому царю - почести сулить, и даже уделы в Литве, по примеру Князя Курбского.

Замойский. Весьма характерно, панове, что вожди наемников, служивших Ивану IV, датский принц Магнус, названный российским царем королем Ливонии, и Ференсбах, сражавшийся у русских против крымского хана на Оке, покинули московитов и перешли к нашему королю Баторию. Они уж теперь правильно почуяли, что дело московского царя проиграно. Также ногайский князь Урус, прежде верный Москве, начал тревожить русские границы.

Баторий. Мы, поляки, литовцы и шведы наступаем здесь, на Нарву, Полоцк и прочие крепости. С юга - татары, также ногайцы. Пан Бог поможет нам и покарает тирана. Где нынче московский царь?

Ходкевич. Шпиги доносят - отъехал в Москву, вместо себя командующим назначил князя Мстиславского - троюродного брата царя.

Баторий. Для отвлечения и омыливания надобно послать к нему посланника, также помысли о послании гонцов в Московию.

Ходкевич. Пошлю к Мстиславскому посланника Юрия Буковского с грамотой и разговором.

Баторий. Ты, Николай Красный Радзивилл, с летучим отрядом в 800 поляков пойдешь к Изборску. Ты, Николай Черный Радзивилл, пойдешь к Орешку. Я же с основным войском пойду к Полоцку.

Ходкевич. Шведы уже пробовали прежде Орешек штурмовать, однако штурм не удался. Из Новгорода прислали подкрепление на судах во главе с воеводой Шуйским. Шведы отступили.

Баторий. Людям новгородским и псковским - разъяснить, что им нет выгоды за царя - тирана стоять. Сии торговые города ближе Европе, не монголоидной Москве.

Замойский. Ясновельможный король, ясновельможное панство, так и шведы мыслят. Шведский министр Палтус Дулгарди пишет мне "надобно воспользоваться недовольством новгородского населения, занять Новгород и Псков". В Финляндии у шведов многочисленная армия, включая наемные отряды из Германии, Франции и Италии. Ближняя цель вторжения - крепости Орешек и Ладога. Захват Карелы и Копорья обеспечит шведам удобные коммуникации для похода на Орешек. Расчет - захватить все течения Невы и отрезать Россию от Прибалтики. Ясновельможный король Баторий, ясновельможное панство, шведский король выдвинул совместный план разгрома и расчленения России на небольшие княжества.

Баторий. Я, панове, давно мечтал о торжестве над Москвой. Это, панове, лишь одно из средств к завоеванию Турции. Недоброжелатели меня называют посаженным турецкого султана, а я хотел бы совершить крестоносный поход для освобождения Второго Рима. Так разрешится восточный вопрос. Разрешение восточного вопроса должно начаться с подчинения Московии, фальшиво именующей себя "Третий Рим". В действительности же Москва - оплот восточной деспотии в христианской Европе. Московская война должна быть закончена в три года. За подчинением Московии последуют завоевания на Кавказе и в Персии, движение на Константинополь со стороны Малой Азии и завоевание проливов.

Жолкевский. Хай живе великая польская империя от моря до моря и ее великий король Стефан Баторий!

Баторий. Ясновельможное панство, надо нанести врагу такой удар, чтоб у него вновь не выросли крылья. Да поможет нам Пан Бог и Матка Бозка. *(Крестится. Все крестятся по - католически, Курбский по - православному).*

Занавес

Сцена 62

Александровская слобода. Теремная палата. Царский пир. Шумное застолье.

Скоморохи *(поют и играют).* Нам сказали, что Иван, царь-государь не грозен. Он грозен, грозен, грознее всех. Он ударил рука об руку - распалось золотое кольцо, ударил во второй раз - отпирались дубовы сундуки.

Богдан Бельский. Стольники, перво-наперво сушь ставьте, снеток да всякую сушеную мелкую рыбешку.

Шут. И я б снетка, снетка поел, вандаша, сушеной рыбки.

Бельский. Помолчи, шут! *(толкает шута ногой).*

Шут *(притворно плачет).* Я государю шут, не тебе, Богдан Бельский. Государева шута лишь государь бить смеет. Государь, вели наказать кравчего Богдана Бельского, он тебя дурно кормит.

Иван. А чем бы ты меня, шут, покормил?

Шут. Нам бы с тобой, государем, терепуг похлебать из рыбы всевозможной, да скоромное, сиречь жаренное такое смолочь, сиречь заячье вымя поесть бы.

Иван. Ты у меня, шут, мастер на все руки, назначаю тебя, шут, на сегодня государевым кравчим.

Шут. Исполним, государь.

Иван. Тщись, шут, усердствуй, старайся. Может, и первым боярином государевой Думы назначу. Чем ты князя Мстиславского глупей? *(смех).*

Скоморохи (*поют и играют*). Умная головушка, Иван сударь Васильевич. Умнее его на роду нет. Бражки не пьет, винца в рот не берет. Речи его соколиные, следы его лебединые. Без него и меда не пьют, и сахара не кушают.

Архиепископ новгородский Леонид. Государь, выпьем водки за твою государственну правду (*поднимают чарки*).

Шут. Государь, без молитвы пить нельзя.

Иван. Читай, шут, молитву.

Шут (*нараспев*). Достоянная ты перцовка, многотимая ты сивуха, мы тебя ублажаем, каждый день по бутылочке выпиваем (*смех*).

Михалка. За здоровье государя! (*выпивает*).

Иван. Хорошо, други. Было время, той собаки батожника Алешки Адашева, попа невежды Сильвестра, Курбского да прочих изменников, они меня тут, царя, коротили упалым постничеством. Ныне на смену упалому постничеству пришли роскошные пиры да потехи.

Скоморохи (*поют*). Кто у нас умен? Кто у нас разумен? Иван Сударь - умен! Васильевич разумен. Он чепетно ходит, манежно ступает, сапог не ломает. На коня садится, конь под ним бодрится. Он плеточкой машет, конь под ним пляшет.

Архиепископ Леонид. Вино нам надобно пить лишь во славу Божию и за здоровье государя. Выпьем по второй! (*выпивает*).

Скоморохи (*поют и пляшут*). Он и раньше воевал городами, а теперь он воюет головами. У него же головушка кудрявая, из кудряшек в кудряшку завивается, из колечка в колечко заплетается. Что во сахаре головушка лежала, против солнышка головушка сушилась как бел сыр на окошке, как крупичный калач на тарелке.

Шут (*обходит стольников*). Холопы, все ли готово к государеву столу?

Первый стольник. Все свежо и готово, государь.

Шут (*строго*). Бараний потрох, государем особо любимый, готов ли?

Стольник. Готов. Из потрошков похлебку снарядил. Изволь испробовать.

Шут (*пробует*). Кишочки яйцом залиты, печень насечена с луком изжаренным, легкое на сковороде разболтал с молочком в муке, так ли?

Стольник. Все так, сударь.

Шут. Рыбное что?

Стольник. Вязига, да икра всякая, белорыбица тельная да уха стерляжья.

Шут. Попробую сии две паровые тешки (*пробует*) да ушки стерляжьей, (*строго*) гляди, чтоб стерляди не переварены были. Розгами бит будешь. У тебя, сытник, что?

Сытник. Как велено отварной мед посытил, да белый мед, да поташный, да ягодный.

Шут (*пробует. Строго*). Квасцы чтоб на льду держал. Как государь в баню пойдет - туда носи.

Сытник. Слушаюсь, сударь (*кланяется*), есть квас медвяной, квас сычный, квас ячный, квас паточный, квас ягодный.

Шут. Сейчас ставь любимый государем рассол красный на льду к государевой водке.

Сытник. Слушаюсь.

Иван. Вот, учитесь служить у шута моего. Особо ты, Михалка.

Михалка. Учусь, государь, с сынами своими. Я, Михалка Борисов и род весь мой состоит в родстве с почившей в бозе царицей Анастасией Романовой Захариной, готовы первыми лечь костями за тебя, государя нашего благоверного и за род твой и за веру твою.

Иван. Слава хвастливому по щекам (*бьет Михалку по щекам ...*).

Михалка. Позволь, государь милостивый, руку государеву, меня благословившую поцеловать (*целует руку*). За здоровье и счастье государево (*поднимает чарку. Все выпивают*).

Шут. Государь, вели покормить меня, шута государева, да брата моего Михалку рыбкою по-черкасски, а то оба мы от тщениа утомились.

Иван. Далеко ли шли вы с Михалкой, что утомились, шут? (*Смех*).

Шут. От Яузы до Москвы - шесть верст, а от места до места - один перст (*смеется*). Рыбку с Михалкой ловили для твоего государева стола.

Иван. Где трудились, шуты мои?

Шут. Рыбниками на озерах. Озеро Вядло за Тулом - озером да крашно, а в них рыбку ловят язом с теми крестьянами, что кругом озер живут. Отведай, государь, икры - лукожная, паюсная, сиговая, красная

икра, осетровая, осенняя и свежая икра, стерляжья, севрюжья, щучья (*стольники несут блюда на стол*).

Иван. Люблю рыбку. У нас в России любят рыбную пищу (*ест*), да свежую, да сушеную, да соленую, да вяленую. И в пост Святой, в щи, рыбу толкут в муку да кладут в щи.

Архиепископ Леонид. Государь милостивый, к нам в монастырь приезжай почаще. У нас в монастыре, у монастырских столовых обиходников, всякой рыбы вдоволь: рыба на сковородах добрая со взваром, горчицею, головы осетровы, снетки, рыба с хреном, лещи свежие, жареные с телом, со взваром и с перцем, икра черная с луком, икра красная сиговая с перцем, рыба ладожская с уксусом, сельдь переяславская.

Шут. А вместо квасу в монастырях пиво. До полуночи трудятся у пивного ведра.

Иван. Для того ли, шут, монастырь, чтоб пиво пить? Я, милые мои, и сам не раз хотел среди темных и мрачных мыслей найти от мирского мятежа и смятения и искушения спасительное прибежище в монашеской жизни.

Шут. Пойди в монахи, государь, и я с тобой пойду. Там монахи кругом ведра сидят без порток в одних свитах и так и утруждаются над ведром, что не помнят, где клобук с мантии (*смех*). Особо же в сем году в монастырях много пива пьют.

Иван. Отчего ж так, шут?

Шут. Оттого, государь, что весна была красна. Когда весна красна, то пенька растет толста. С той пеньки веревки можно свить долгие да толстые, чем из погреба бочки с пивом волочить. А то монастырям разорение - квас густ, а игумен воду пьет (*смех*).

Иван (*весело*). Эх, други, рад я, что кончилось проклятое время Сильвестра, Адашева, Курбского да прочих изменников. Держали меня, царя, аки в оковах: как есть и как пить и как с царицей жить, вотчины раздавали подобно, ветру. А кто против, тех гнали и травили.

Михалка. За благоверного, мудрого, великого государя нашего! (*Выпивает*).

Иван (*охмелев*). Пирогов хочу сдобных.

Шут. Подать государю великому пирогов с маком, с медом, с кашей, с капустой, репой, грибами, мясом.

Михалка. За мудрость государеву!

Иван (*выпивает*). Которая - уж не упомяну.

Архиепископ Леонид. Государь милостивый, по церковному поучению Василия Великого о умеренном питье, первые четыре чашки - благочинные, а богопротивны только седьмая и последующие чаши. Благочинные чаши смиряют злой нрав, настраивают на благую беседу, на философствующий язык, на совершение милований и любви к ближнему, к нищим. К покаянию зовут, к высшему Иерусалиму путь кажут.

Иван (*хмельной*). Покаянию в высшем Иерусалиме. Из-за грехов моих, жены мои умирают одна за другой. Дед мой Иван III дважды был женат, на тверской княжне и на византийской царевне Софье, сиречь Софье Палеолог. Однако отец мой Василий не мог из-за изменнических интриг жениться до двадцати пяти лет. Также против меня интриговали с польской принцессой. Как достиг я брачного возраста, иные бояре помышляли женить меня в иных царствах у короля которого или у царя которого. У польского короля сестру сватали Екатерину Ягеллонку. А отдали ее за мужика шведского. Однако я, милые мои, те мысли и сам отложил, ныне хочу жениться не на дворянке, а хочу родовитую, зато распорядился, - Сафоний, читай ведущие роды, откуда взять хочу.

Сафоний (*читает*). Большие роды князей и бояр, которые бывают в боярах, а в окольных не бывают: князя Черкасские, князя Воротынские, князя Трубецкие, князя Голицины, князя Хованские, Морозовы, Шереметьевы, князя Мстиславские, князя Одоевские, князя Пронские, Шейны, Салтыковы, князя Репнины, князя Прозоровские, князя Буйносовы, князя Хинковы, князя Урусовы.

Иван. Прежние большие роды князей и бояр многие без остатка миновали. Вот, Блеутов. Я тебя, царь, пригласил, а ты молчишь. Ты какого рода?

Блеутов (*испуганно*). Не смею молвить, государь.

Иван. Знаю, что ты знатного рода, оттого и молчишь. Меня не любишь, видать. Не люблю, когда на пиру молчат.

Блеутов (*испуганно*). Государь милостивый, я, раб, холоп, не смею при тебе великом и дышать.

Иван (*громко*). Гляди, милые мои, Блеутов родом велик, да мне вроде шута.

Михалка. Служить, Блеутов, надобно государю нашему чем можешь.

Иван. Придут те знатные, бороды свои уставят. Жаловали прежде многих не по разуму, а по их породе великой.

Шут. Они, государь, не умны, да и не студированы.

Иван. Приглашаю я, царь, бояр знатных во дворец, ради дружбы пить чаши великие. Шут, поднеси ка Блеутову чашу (*шут подносит чашу*). Пей, да не поперхнись.

Блеутов. Государь милостивый, стар я уж такую чашу пить.

Шут. Боярин упирается да отказывается осушить кубок. Он тебе, царю, не доброхотен.

Иван. Верно тебя, Блеутов, шут корит. Видно, из тебя еще не вышел дух и обычай Сильвестра, Адашева, Курбского да прочих собак, (*кричит*) я из вас тот дух выбью. Пей! (*Блеутов испуганно пьет*). Ныне в моей потешной компании заведен такой порядок. Первую чашу полную, зело пьяную, выпиваю я сам, такие же чаши подносятся всем пирующим (*Блеутов падает*), пока все не упьются до неистовства и до умертвения, не щади их (*смех. Блеутова уносят*).

Иван. Читай далее, Сафоний.

Сафоний. Роды же меньшие, которые бывают и в окольных и боярах, князя Куракины, князя Долгорукие, Батурлины, князя Пожарские, князя Волоконские, князя Лобановы, Стрешневы, князя Барятинские, Сукины, Пушкины, Плещеевы, Львовы.

Михалка. Государь, у князей Долгоруких юная княжна Мария красавица, она отдаленная родичка по жене моей.

Иван. Верно ли говоришь, Михалка?

Михалка. Государь милостивый, видал ли ты чистый красный луг, а на нем есть сладкая трава, и пусти твой добрый конь в тот чистый красный луг, он бы возрадовался. Так и ты возрадуешься, познав юницу Долгорукую.

Иван. Бельский, послать за княжной Марией Долгорукой.

Бельский. Исполним, государь.

Михалка. Государь милостивый, увидишь - залюбуешься, Мария Долгорукая - лучшая невеста в государстве. Я ж рад тебе, свету моему милостивому, моему кормильцу рабски, служить.

Иван. Ах, ты пес шелудивый, помнишь службу (*бьет ладонью по голове Михалки*). Целуй цареву руку.

Михалка. Государь милостивый, мне, холопу твоему худшему, скудоумному да сыночкам моим поместьиц бы с ярославской земли Курбского, на которых наложена конфискация.

Иван. Ежели Мария Долгорукая мне по душе будет, то получишь поместье.

Шут. И я, государь, хотел жениться, да раздумал.

Иван. А чего ж раздумал, шут?

Шут. Венечные сборы дорожи. Без венчания церковного буду жить. И ты так живи, царь.

Иван. Как же жить, не венчаясь по обряду церковных таинств?

Шут. Вот добрые люди скажут, как без церковных таинств весело (*вбегают ряженые в маска. Четыре человека в вывернутых наизнанку тулупах, с всклокоченными бородами, несут гроб*).

Шут. Я, Государь, наряжусь попом в рогожной рясе и с кадилом из глиняного горшка. Вот и будет тебе церковное таинство (*наряжается, шум, визг*).

Михалка. Государь милостивый, тот, с всклокоченными волосами из пакли и соломенным венником - мой старший сын, а тот, что приплясывает жеманно в маске козла - мой второй сын (*смеется*).

Иван (*весело*). Эх, милые мои друзья, народ православный, я, государь ваш, люблю гуляния в масках, харях, личинах (*смеется*). Наряжусь-ка умруном да лягу в гроб.

Михалка. Государь милостивый, для наряжения умруном лицо свое овсяной мукой натри, а в рот - как зубья - брюкву.

(*Царь наряжается.*)

Шут. И я, государь, маски люблю на Святки, как кончатся они, в Крещение, да за Крещением Успение, Оксения таусения (*смех*). А за концом Святков - масленица - сырная неделя. В понедельник - встреча, в четверг - разгул, в воскресенье - проводы (*смех*). Ярильные солнечные блины пекутся, да русские люди целуются. Дай я с тобой, государь, поцелуюсь (*хочет обнять царя, а тот толкает шута ногой, шут падает. Смех*).

Шут. Масленица - обманщица, обманула на великий пост - дала редьки хвост (*смех*). Царь, ложись в гроб, пора поминувальные пироги печь да умруна в уста целовать.

Михалка (*кричит весело*). Хвала водке, которую Господь для поминания души сотворил! За государя! (*Все выпивают*). Девки да парубки пусть с умруном прощаются да целуют его в отверзтый рот.

Шут. Пожужу уж, государь, до красной горки, до веселых хороводов на лужках. С красной горкой почнутся весенние свадьбы - то и меня полюбят. Да женюсь, да напьюсь, а на Фомину неделю, как будет посвящение усыпающим, тут жену похороню, да напьюсь (*смех*). Во вторник и субботу неделя Радуница, то женить буду род, то напьюсь (*смех*).

Иван. Кто же у тебя в роду, шут?

Шут. Бык да корова, государь. Надавать бы корове прожженной бы соломы, аржаной, да прямой, не мятой (*смех*).

Входит князь Репнин.

Иван. Что же ты, победоносный воевода, князь Репнин, запоздал к моему царскому пиру? Ну-ка чарку князю Репнину. Да музыку!

Шут (*подает чарку, пляшет и поет*). Мне жениться, разориться, стару бабушку взять, на печи ее держать, киселем ее кормить, молоком ее поить, с киселя-то весела, с молока-то молода (*смех*).

Иван (*весело*). Ты, Репнин, ныне свадебный воевода. Надень машкару да веселись с нами.

Репнин. Государь, как же я, русский воевода и князь, надену машкару, подобно скомороху али шуту?!

Шут. Он к тебе, к царю, недоброхотен.

Михалка. Не видишь разве, государь, князь Репнин пришел тебя упрекать, а служить тебе не хочет!

Репнин. Каждый государю своим делом служит. Шут своим, ты, Михалка, своим, а я, воевода, князь, боярин Репнин, своим.

Михалка. Каким таким делом ты служишь, а каким я?

Репнин. Я не чета тебе, я, как и предки мои, происхожу из знатного рода, служу государю на славу и пользу Отечества. Отец мой отличился на военном поприще. Ты же, Михалка - из дворни Захариных, а служишь царю гнусным делом содомским. Сыны твои, Михалка, оба, да ты, отец-потаковник, паче кроновых жрецов детьми своими действуешь.

Михалка. Оборони, государь. Уж и прежде Репнин со мной бранился. И ныне выбранил.

Иван. Вижу, Репнин, ты пришел ко мне с враждой, так ли, шут?

Шут. Истинно, государь, со враждой боярин и пришел.

Иван. От себя ли пришел, али от иных бояр, так уж от Шереметьевых, Трубецких, всех, кто против меня?

Шут. Что вы, боярины, не белы пришли? Черны, как вороны, широки бороды. Сварите щелоку, помойте голову, купите бороны, расчешите бороды (*смех*).

Репнин. Государь милостивый, не со враждой к тебе пришел, с тревогой и надеждой пришел. Принял твое приглашение. Как же без тревоги видеть тебя, нашего государя, среди бахарей, шутов, певцов и музыкантов? Кругом тебя не воины, не ученые, рыцари, не разумные, думные бояре, а шуты-потаковники, смычкари, гудошники, лирники, гусяры неподобные с плесканием, скверные бесовские песни и хребтов вихляние, и ногам скакание и топание. То, государь, сатана красует.

Иван. Милые мои, ну поглядите на сего высокоумника Репнина. Репнин, да Трубецкой, да Шереметьев привыкли не менее Шуйских высокоумничать.

Репнин. Государь милостивый, ведь знаешь, по церковным правилам скоморошье дело бесовское.

Иван. То знаю, князь. Я и сам скоморохов презираю, скоморохи псы, да люблю со псами позабавиться, люблю пение шутов гороховых. И ты пляши с нами (*пляшет со скоморохами и поет*). Матушка, ластушка, брюшенько болит. Курва ты, плешница, погрей на печи. Матушка, ластушка, там горячо. Курва ты, плешница, стели сарафан (*смех, Репнин плачет*). Боярин, князь Репнин, отчего при всеобщем веселье плачешь, отчего при всеобщем веселье прослезился?

Репнин (*плачет*). Как же иначе, жели изрядно выпив, пляшешь со скоморохами!

Иван (*гневно*). Корить меня хочешь громко?

Репнин. Не корить тебе, увещевать хочу. Не достойно ты, о царь христианский, такое творишь.

Иван (*сердито*). Строптивец! Урезониваю тебя, веселись и играй с царем твоим. Надень маску. Дай-ка я сам попытаюсь надеть маску на нелюбезного гостя (*хочет надеть маску на Репнина. Репнин срывает маску и топчет ее ногами*).

Репнин. Не буду я сие безумие, бесчестие сотворять. Я имею чин боярский, да имею чин суца мужа.

Михалка. Ссылаясь на боярский чин, князь Репнин, забыв приличия, растоптал машкару ногами. Не бесчестие ли тебе, государь!

Иван (*гневно*). Забыв страх господен, князь Репнин да иные прегордые вельможи вздумали мне, самодержцу, не только перечить, но и грубить.

Репнин. Государь, страх не сделает нас, русских вельмож, безгласными. Про все то неподобство скажу публично в Думе.

Иван. Вижу, герой ты, наподобие античных афинских. Знаешь ли ты, читал ли книги про Трои, Спарту, да Афины, про героев и философов афинских и спартанских?

Репнин. А я не в Афинах родился, не у мудрых философов учился, с мудрыми философами в беседах не бывал. Учился я книгам благодатного закона, чем моя душа спасется и избавится от вечных мучений.

Иван. Ежели учился книгам благодатного закона, то скажи, какой главный грех православия?

Репнин. Грехов много. Дьявол всякими способами вводит в соблазн. Скоморохами, глумцами, пениями поносными, машкарами, харями отвратными.

Иван. Не знаешь ты, Репнин, главный грех православия. Главный грех православия - гордыня. Видать, не читал ты книг святых грешников, не читал ты Житие Марии Египетской, Житие Алексея - человека божьего, да прочих. Чувство своей греховности - вот величайший подвиг в православии. Когда явился один бражник, блудник и разбойник после смерти к воротам рая, то посрамил не только тебе подобных, но и наиболее чтимых русских святых: апостола Петра, чудотворца Николая-угодника и прочих. Смирением и пониманием своей греховности. Ибо мучители - вот кто настоящие мученики.

Бельский. Государь, есть сведения, в Думе многие хотят тебя погубить, свергнув с престола.

Иван. Я их по-христиански прощаю, и тебя, князь Репнин, прощаю. Да ты меня по-христиански прости. Давай похристуемся (*обнимает Репнина и целует его*). Я, государь, помня заслуги твои, да отца твоего, ласкою приглашаю тебя к столу.

Шут. Государь, вот мерник - огромный ковш (*подает огромный ковш*).

Иван. Пей, боярин, князь Репнин, сию большую чашу.

Шут. За здоровье царя надобно пить одним духом. Доброе вино, то романе, французское сухое, пей, не поперхнись.

Иван. Пей, князь, за государево здоровье одним духом (*Репнин пьет, но поперхнувшись, начинает кашлять*). Поперхнулся! Так-то ты желаешь добра своему государю. И половины не выпил. Или романе тебе не по душе? Ступай же в погреб, там есть разное питье, там напьешься за мое здоровье. Эй, повелеваю спустить боярина-воеводу в погреб, чтоб закончил там праздник (*Репнина выволакивают*). Бельский, ступай вслед за ним, в погребе вместе с псарями задуши князя.

Бельский. Исполним, государь (*уходит*).

Михалка. А хорошо бы, государь милостивый, на другой день послать гонца в дом князя Репнина от тебя государя, пригласить еще его к себе. То-то, государь, потешимся ответом его жены, которая, не ведая, что случилось с мужем, скажет, что еще вчера ушел к государю (*смех*).

Иван. Давно не по душе он мне был. Да не было повода погубить его. Знаю я, они хотят свергнуть меня с престола. А в трактате Маккиавелли, "Князь", и сказано, что для спасения государства государь должен быть сильным, храбрым, беспощадно расправляться с врагами. Государством должна управлять династия, как имею я власть от предков. Так же и о том читанный мной с греческого перевода трактат французского Иогана Бодена. Самодержец-монарх подчиняется естеству закона, а подданные - законам монарха. Боден высказался за полную монархию, ибо в республиках демоса али вельмож множество дурного и неразумного. Лишь самодержец истинный хранитель веры и отечества. Так в книгах сказано, в наших и заморских. Читал ли ты те разумные книги, Михалка?

Михалка. Государь милостивый, я за всю жизнь только одну книгу прочел - «Повесть о бражнике» (*Смех*).

Шут. Государь, я как и ты учен, и у меня чтение - любимое занятие. Азбуку читал, тонко написано, с пономарем толкословие учил.

Иван. Так-то, Михалка, кто же из вас дворянин ты и тебе подобные али шут мой? Был у меня разговор с Митрополитом, как учить детей грамоте и как учиться божественному писанию и разумению. А кто грамоты не знает, такой человек глуп и груб, и невежда. Таковы многие вельможи наши. Они ни веры нашей не понимают, ни народа русского. Милые мои, сравнительно с Европой,

православие наше молодо, однако много в нем древнего, от предков наших, от самого древнего Рима. Таково наше древнее происхождение. Вельможи не понимают того, но народ чувствует. Я родился в праздник, в ночь на Рождество Иоанна Крестителя, может, оттого особо люблю наши русские праздники, хождение в харях, личинах. Они воссоединяют нас с предками, то наша русская античность: святки, масленица, весенний праздник, русская горка. Когда играют свадьбы на Красной горке, и я свадьбу сыграть хочу с княжной Марией Долгорукой.

Михалка. Мария - красавица писаная, государь, увидишь возрадуешься!

Иван. Будем же ныне веселиться, пить, плясать. Скоморохи, пойте и пляшите. Стольники, несите вина (*Скоморохи поют: как у чарочки, у серебряной золотое в ней веночек, у Ивана-государя дорогой разумочек. Танцы, веселье. Занавес.*)

Занавес

Сцена 63

Александровская слобода. Комната перед царской опочивальней. Стольники накрывают стол. У стола Богдан Бельский, Михалка, Архимандрит Новгородский Леонид и шут.

Шут. В царской опочивальне с княжной-девицей Марией Долгорукой царь опочивает. Выпьем за государеву радостную утеху.

Леонид. Рано, шут, выпить. Выпьем, как доброе совершится (*слышен бой колоколов*).

Михалка. Уж час боевой государь опочивает. Не послать ли к царю спрашивать о здоровье?

Бельский. Царь не велел, сам, сказал, известит. Ты, Михалка, как новый постельничий приготовил ли пиво, срачицу и порты, как девство княжны в целости свершится?

Михалка. У меня все готово, и срачица, и порты целостны, платье для княжны готово и свахи в передней-сенях ждут, чтоб по обряду осмотреть княжны сорочки, как ее девство в целости совершится.

Леонид. И у меня, как доброе меж государем и княжной совершится, все готово. Приготовлены оклады матери Божьей и святых Козьмы и Демьяна - покровителей свадьбы, чтоб благословить образами.

Бельский. Стольники, перво-наперво чтоб лапшу ставили и караваи битные и лисни слоенки.

Шут. Стольники, несите так же полотки гусиные и утячьи, да ветчины. Несите свинину, говядину просольную, говядину шестную.

Бельский. Помолчи, шут, слышь, государь зовет (*слышен крик царя, все вскакивают: Леонид с образами, Михалка с бельем и Бельский с хлебным караваем на блюде*).

Шут. А я государю волоцкой водки подам (*берет со стола рюмку. Царь Иван в мятой сорочке всклокоченный появляется на пороге*).

Михалка. Государь, милостивый, доброе совершилось. (*Иван бьет Михалку по лицу*).

Иван. Княжна утеряла девство прежде. Она, сука, еще прежде утеряла девство!

Михалка. Прости, помилуй, государь, знать того не мог! (*Слуги выволакивают плачущую растерзанную Марию Долгорукую*). Позволь, государь, я ее за обман зарежу!

Мария Долгорукая (*плачет*) Помилуй, мя, государь великий!

Иван. Как же помилую? Я, государь, захотел поять тебя в жены девицею. Ты ж до брака любила иного.

Леонид. Грех велик. Проси у Бога и государя прощения. Государю зареки: отче мой, твори надо мной за грех мой что хочешь, ибо государь есть отец всех подданных.

Долгорукая (*падает на колени*). Отче мой, твори надо мной за грех мой (*плачет*).

Иван. В Европе и Византии были и есть права мужа на убийство жены за тяжкий грех. Но советовали прибегать к побоям (*сильно бьет Марию Долгорукую по лицу и ногой в живот, та падает*).

Шут. Прохладись, государь милостивый, выпей волоцкой водочки, хороша водка!

Леонид. Истинно, государь, в селах иосифо-володского монастыря лучшую водку курят.

Иван (*выпивает*). Развод беру! По уставу Ярославля лишь поступок жены повод для развода. Род твой Долгорукий изменнический и ты такова!

Леонид. Государь милостивый, умерь свой гнев! Весь род женский таков с праматери Евы. По христианскому воззрению разделение на два начала: доброе и злое, женское - злое.

Шут. Государь, я не женат, ибо мне с детства папаша говорил: злые жены. Не беседуй с мужицами, ибо не все жены имеют добрые нравы. Блюдись дьявольской сети. И я блюдусь. Как жену захочу, так вместо того кисель гороховый хлебаю *(смех)*.

Леонид. В рукописном сборнике «Слово» о злой жене сказано: женщина - источник злобы, сосуд змеиный, хорева адова. Женская красота - гордыня для улавливания человеческих душ. От греховой породы женщин им запрет входить в алтарь храма, чтоб не осквернить исповедь священника. От женщин принимается исповедь вдали от царских врат. Так уж в период регулов женщина не чиста, за то время запрещено входить в церковь.

Иван. Однако сей грех большой Долгоруких шибко велик. Его не отмоешь, не очистишь. Доброе ничего не учинилось, поэтому велеть всем боярам, что ждут в столовой и в полатях, и всему свадебному чину разъехаться в печали, не быв у меня, царя.

Бельский. Исполним, государь. Что с Долгорукой делать?

Иван. Долгорукую приказываю посадить в коломыгу *(кричит)*, затиснуть ее в коломыгу, запрячь диких лошадей и пустить на царский пруд. Повезти на борзых конях и опрокинуть в воду *(дико смеется, все смеются. Плачущую Долгорукую уволакивают)*. Ты, архиепископ Леонид, сотвори молитву в о память рабе Марии-утопленнице. Тот царский пруд, милые мои, настоящая геенна, Юдоль смерти, наподобие той, в которой древние приносили человеческие жертвы. Много жертв было утоплено в том пруде. Рыба в нем питается в изобилии человеческим мясом и оказывается отменно вкусной для моего царского стола *(оглядывает стол)*. Кравчий, а чего рыбу не поставил?

Бельский. Прощения прошу государь, думал мясо наперво. *(Стольникам)* Ставьте рыбу!

Шут. Ел бы и я, молодец, рыбу-осетрину, да мыт меня изымет.

Иван. Что тебе, шут, мыт платить, рыбну пошлину? Ты ж постник!

Шут. Постник, государь, зело постник. В монастыре едал я постны щи, так лучше иных праздничных. Именуются щи двои: похлебка без рыбы и мяса *(смех)*. Так, же белорыбицы едал: белая семга вкусней красной. *(Стольники несут рыбу. Иван ест и пьет)*. Однако Мария-то Долгорукая хороша была! Женище! *(Поднимает чарку)*. За упокой ее души *(Все выпивают)*.

Иван. В память о печальном сием случае с Долгорукой я, царь, повелеваю провести черные полосы на позолоченном куполе церкви тут, в Александровской слободе. Люблю я ту невеликую церковь, Троицкий собор. Надо бы ее добро расписать, чтоб в барабане херувимы и ангелы.

Леонид. У нас в соборе Чудо нашего Михаила Архангела монастыря мастер-хитрец Авлампий пишет со товарищи.

Иван. Пришлешь его. Смотрел я росписи в соборе Чудо Михаила Архангела. Явление Архангела Михаила Иисусу Навину, «Исцеление Ярославлино», да иное. Фигуры чудовской росписи широкие, с одутловатыми лицами, рисунок хорош, однако сух. Тут, в Александро-Троицкой церкви, надобно торжества поболее, как в «Иконе Благовещания Воинства небесного царя». Причисление к небесному воинству после смерти - идеал для меня.

Бельский. Государь благоверный, жизнь твоя надобна Руси долгая, боярам же изменникам - скорая смерть.

Иван. О том и говорю, что и с неба многие века буду разить изменников Отечества. Вот отчего потребна в усыпальнице картина: меня, умирающего, принимают в небесное войско. Также в усыпальнице моей и моих сыновей-царевичей потребна картина о богатом и бедном Лазаре. Люблю эту притчу. Также «Пир богатого», «Смерть богатого», «Неправедный суд», «Богатый в преисподней», «Смерть бедного Лазаря». Все эти картины, порочащие знатное боярство, таких как Шереметьевы, Репнины, Долгорукие *(пьет)*. Однако-то, Мария Долгорукая истинно хороша была. В память о ней - черные полосы на куполе. А в церкви - цвета холодно-зеленоватые, лимонно-желтые *(ест и пьет)*.

Шут. Государь, добро ты полежал на крутых стегнах княжны Долгорукой, да скважины отведал *(смех)*. А мне, бедному, хоть киселя горохового отведать бы, али квасного солоду. С квасного солоду каша добрая.

Иван. То-то, гляжу, ты, шут, разрядился: кафтан шелков зелен с золотом. Не к девице ли собрался?

Шут. Государь, к девице пойду, как перстни заведу. Да рубаху, бархат венецицкий с кружевным жемчугом, да охабень, воротник шит жемчугом. Да однорядка сшита с сукна с королки.

Иван. Что ж не сошьешь шубу?

Шут. Государь, шил бы к празднику с королки, да животы-то у меня коротки *(смех)*.

Михалка. Государь милостивый, помнишь ли, узнал я, что у дьяка мясоедовского хороша жена, да ты велел мне привести.

Иван. То помню, где же она?

Михалка. Недалече, государь, в коморе сидит заперта. Когда дьяка не было, то пришел и силком взял в собственном доме с сынами моими и двумя дворянами: Петраком Зайцевым и Иваном Чоботовым. А уж в паре с ней девицу непорочну привезли для выбору.

Иван. Таку непорочную, как Долгорука?

Михалка. Нет, государь милостивый, сия умелыми женщинами оцупана, которую хочешь?

Иван. Мясоедовскую давай! Девица хай подождет. Ты, как постельничий, доброту старайся, Михалка. Ах ты, пес *(бьет его по лбу. Михалка целует царю руку)*.

Михалка. Усердствую, государь.

Иван. Послать слугу за мясоедовской, назначаю тебя в постельничьи постоянно. И того постельничьего чин таков: ведает моей царской постелью и спит со мной в одном покое вместе, когда с царицею али с какой иной не опочиваю, также у того постельничего для скорых и тайных моих царских дел печать. Бельский, дай Михалке печать. *(Бельский подает печать)*. А честью тот постельничий против окольникычего.

Михалка. Государь милостивый, буду служить тебе, живота не жалея. Государь милостивый, хочу подать тебе челобитную с просьбой о помощи от моей худости, ибо ты богом поставлен и верою утвержден и огражден святостью. Ты глава всем людям своим и государь своему народу и наставник крепок людям своим.

Иван. Чего просишь, прямо говори!

Михалка. Поместыце прошу. Ныне объявлено о конфискации всех костромских и переяславских земель изменника Адашева. То на тех землях поместьице прошу. А щедрость великая твоя и милость будет, то несколько прошу.

Иван. Старайся, Михалка, угодить, что поглядим. Я, царь, верным людям на награды щедр. Хороша, говоришь, дьячыха?

Михалка. Так хороша, что и словом не скажешь!

Иван. Вот своим вельможам в кручину возьму да и женюсь на дьячыхе *(смеется. Вводят дьячиху Мясоедовскую)*. Истинно хороша! Хочешь быть царицей? Изреку: достойна сия красота государю Ивану Васильевичу, с ним царствовать при святом величестве и государстве *(смех)*.

Мясоедовская *(плачет)*. Люблю я мужа своего, с ним Божиим венцом повенчана, пусти меня, бедную, к мужу моему, государь!

Леонид. Негоже, жена. Воистину, Бога ради любя, люби и помазанника божьего!

Мясоедовская. Вели, государь милостивый, пощаду учинить, чтоб душа твоя христианская не погибла.

Леонид. И то негоже говоришь, что душа государева погибнет. Государь под вечным покровом Христа пребудет в чистоте. Да вменит и тебе, жена, господь, да отречешься, жена, своего его государя-царя ради!

Мясоедовская *(плачет)*. Пусти меня к мужу, государь!

Михалка. Упоить ее, государь?

Иван. Не надобно, так потребна, свежая, уж я с ней поиграю *(смех)*. Волочите ее в опочивальню! *(Мясоедовскую волокут. Она рвется и кричит)*.

Бельский. Связать ей руки, государь? Взъярилась чересчур.

Иван. Не надобно, не хочет добром, насильством возьму. Ишь, глаза блестят!

Шут. Бьется, аки демона в утробе имеет. И мне б такую, государь, жена-раскрасавица, из лоханки брана, помелом разрисована *(смех. Мясоедовскую уволакивают в опочивальню)*.

Иван. Уж давно, милые мои, ищу я жену добрую. Как преставилась от изменников изведенная жена-юница Анастасия. И двух иных потерял. Аще те Бог дал жену добрую, дороже сих камней многоцветная *(из опочивальни слышен женский крик и плач)*.

Михалка. Уж ты потешься с ней, государь!

Иван. Люблю потешиться с такой женищем, то подобно радости потехи на зверя. Мыслил в Москву вернуться, однако вот разохотился в леса поехать, с женищами, псарями и псами. Все ли устроено, Бельский?

Бельский. Все готово, государь! Когда изволишь, государь? Устроены для той потехи под Москвой лесные рощи, а в них дворы, по 15, по 20 верст и больше.

Иван. Далее поеду погулять, добро хочу.

Бельский. Всего устроено, государь! А для ловли тех зверей и для потехи устроены потешники, ловцы, псаря со сто человек, да псов со сто. А ловят тех зверей в тенеты, ночью порою. И от Москвы во все стороны никому в тех приказных лесах и угодьях зверей ловити не велено и заказано под жестоким наказанием и пенею. А кто в тех заповедных лесах учнет про свой обиход сечь лес, и такому поймав бывает жестокое наказание и пеня.

Иван. То добро устроено. Однако на сей раз сия Мясоедовская меня разохотила (*смех*). Прежде Долгорукая, теперь Мясоедовская, разохотили меня женищи! Поеду далеко, в леса, не заповедные - дикие северные Новгородские. Люблю, милые мои, царские потехи на зверя, зимние, летние, лосиные, оленьи, медвежьи, волчья, лисья, заячья потеха с тенетами и псами.

Бельский. Уж будем тшиться, государь, чтоб тебе, свету нашему, угодить.

Иван. Велю, чтоб со мной были в походе стольники, стряпчие, псаря, дворяне, жильцы и иных чинов люди. Да от стремяного приказа тысячу человек стрельцов на царских лошадях. И скоморохов возьму для потехи. Хоть то и грех, а возьму!

Бельский. Исполним, государь.

Иван. А иным велю остаться в Москве для приказных дел. Годунову и Щелкалову про то отписать. Надо, чтоб оберегали дела. А Годунов чтоб особо царевичей берег. Прежде, будучи в походе на войну или по монастырям молиться, али для гуляния в далине, то двор свой царский приказывал одному человеку - боярину думному, а с ним товарищам-окольничьим - двум человекам, да думным дворянам - двум человекам, и думным дьякам. Ныне никому из вельмож, Шуйским ли, Долгоруким ли, Трубецким ли, поручить не могу, особо как Малюты не стало, да крепко за нами некому смотреть.

Михалка. Государь милостивый, ныне новое дворянство тебе опора. Служба наша такова - верность тебе.

Иван. Истинно то так, хоть опричны-то волей божьей ныне миновало, а верность дворянская как и прежде потребна против вельможных измен. Ныне царевичи сибирские, касимовские и казанские, крещеные в христианскую веру, мне дороже бояр изменных, таких, как Шереметьевы, Репнины али Курбские. Как на праздник я, царь, иду в церковь, они, касимовские, меня под руки ведут.

Михалка. Государь милостивый, и мы - новое русское дворянство, бывшая дворня боярская, на всякий день бываем пред тобой, царем, в преклонении и даны нам поместья и вотчины немалые, также поженились на боярских дочерях, имаем их за собой с великими пожитками и с поместьями, и с великими вотчинами. А за которым поместий мало, то ему твоей царской милостью идет от изменников конфискация. Также и прибавка идет, царский корм, денежный помесячный и потому особо верно служим.

Иван. Служи мне верно, то будут награды.

Михалка. Служим верно, аки псы. (*Из опочивальни слышен плач, треск материи и крики*). То, государь, Мясоедовскую раздевают, а она не дается (*смех*). И муж ее, дьяк Мясоедовский, недовольство изъявляет, что отняли жену, по улицам ходит да лает.

Иван (*гневно*). Повесить изнасилованную жену над порогом его дома и оставить ту в таком положении две недели.

Бельский. Исполним, государь.

Иван (*нервно ходит*). Холоп смеет перечить! Не над порогом повесить. Над его, дьяка, обеденным столом повесить.

Бельский. Исполним.

Иван. Ты, Михалка, как постельничий царский, пойдешь со мной в опочивальню. Будешь дьячиху за ноги держать.

Михалка. С превеликим удовольствием, государь. (*Уходит с царем в опочивальню. Оттуда слышны крики и плач.*)

Занавес

Сцена 64

Новгородская церковь Михаила на сковороде. Нижние церковные палаты. В углу лестница, ведущая на верхнюю палату. Ночь. В церковные окна светит луна. Тускло поблескивает церковная утварь. Золотые и серебряные оклады икон, шандалы, подсвечники, поставные свечи под иконами и иконостасом, паникадило, большая золоченая церковная люстра погашена. Горят лишь свечи в паникадиле - небольшом подвесном подсвечнике. Церковь в полумраке, кроме ярко освещенного стола и лавки под паникадиллом. За столом пономарь Жеребилов, его воспитанник ключарь Пашка, его жена, дочь Жеребилова - Ксения.

Жеребилов (водит пальцем по строке книги, лежащей на столе). Тут, Пашка, читай.

Пашка. Алфавит, Азбуковит, предисловие о буквице. Силы существа книжного письма святых ангелов, святых апостолов.

Жеребилов. Как то пишут?

Пашка. То, батюшка, покрыто пишут. Понеже что покрыто пишут, то свято.

Жеребилов. Верно все читаешь и говоришь, радуешь меня. Будто вчера взял я тебя, сироту, на воспитание младенцем, а с Божьей помощью ты - ключарь нашей новгородской церкви Михаила на сковороде, святого мученика, изжаренного язычниками. Радуюсь, что ты в страхе Божьем мной воспитан и в добром наставлении и дочери моей, вижу, муж хорош.

Ксения. (Руками разрывает ткань). Встань, Пашка, дай рубаху-то примерю. (Пашка поднимается. Ксения примеряет).

Ксения. Руки-то подыми, сюда листовица пойдет, вставка меж рубахою и рукавом (слышен шум). Шум какой-то, стук.

Жеребилов. (Прислушивается). Тихо как будто, ветер кровлей стучит. То я вас, дети, балачками про чертей прошлый раз напугал. Прости меня грешного (крестится). Однако побережься не грех. Третьего дня церковь Сорока Мучеников тати ограбили. (Одевает армяк, берет фонарь, выходит).

Ксения. Страшно-то как, ежели тати.

Пашка. Не страшись, Ксения, я тебя никому не отдам, животом лягу. (Слышен шум, крики).

Жеребилов (вбегает и кричит). Там разбойники ворота ломают. Пашка, бей в сполошные колоколы!

Ксения. (плачет). По души наши пришли!

(Врывается шумная толпа широкоплечих молодцов. Пашка замахивается дубиной, его сбивают с ног. Бьют и Жеребилова).

Слышен крик. На кого замахиваешься, на царя замахиваешься? (Среди вбежавших - царь Иван).

Михалка. Этого чоботом в личину успокоили (показывает на Пашку). А этого - пощечина уложила (показывает на Жеребилова).

Бельский. Холоп, ты на кого ослопом²¹ замахиваешься, на государя? (Бьет лежащего на земле Пашку).

Жеребилов. Государь! По божьей мудрости государь к нам явился! Благодарю Господа за милость! Дети, становитесь на колени перед государем! (Жеребилов и дети становятся на колени). Пощажай, государь, одолжи милостью своей. Затмением ума умыслил - разбойники ворвались в храм.

Иван. Кто таков?

Жеребилов. Великий Государь, по твоей милости холоп твой Афанасий Жеребилов, псалтырь здесь читаю, в храме Михаила на сковороде. Пономарь я, а то - ключарь здешний, муж дочери моей Ксении.

Бельский. Зажги, пономарь, большое паникадило, видишь, государь проявил милость в сей храм явиться.

Жеребилов. Слушаюсь и повинуюсь! (Зажигает паникадило).

Иван. Орлы, вороны, псари, да скоморохи! Славная охота была, славная потеха.

Бельский. Славно, государь. До макушки все грязью и кровью перемазаны (смеется).

Иван. Уж славно поиграли ножом да рогатиной. Сколько убили?

Бельский. За два дня, государь, убили 121 лося, не считая лисиц и медведей.

Иван. На прохладе потешились. Хороша охота всякая: соколиная, с кречетом и борзыми, с гончими. Однако знаю, что охота - жестокая суетная забава, осужденная православной церковью, и потому после охоты всегда езжу по монастырям да по храмам (крестится на иконы и поет). Да уповаат

21 **Ослоп** — деревянная палица (дубина) большого размера и веса с утолщённым концом, окованным железом или утыканным железными стержнями.

Израиль на господу, и тот избавит Израиль от всех беззаконий его.

Ватага (*нестройным хором*) Избавит Израиль от всех беззаконий его, Алилуйя!

Иван. Иные псы лучше на луну воют. Мне добры голоса надобны, а не те, что с похмелья, встав, дурностью и шаловством держатся.

Скоморох. Голоса застудили на охоте. Так же и от водки осипли, Государь. (*поет*) Дурдасы, многи скорби с похмелья живучи бывают (*смех*).

Иван. Поди прочь, пес, дуда (*ударяет скомороха по спине. Тот отбегает, почесываясь*). Пономарь, ты, я вижу, человек богомольный и богобоязненный. Нравится тебе, как скоморох спел?

Жеребилов. (*Кланяется*). Перед господом и государем правду говорить надобно. Блуд, нечистота, сквернословие, срамословие, бубны сопели - все скоморошье. Бога ради, государь, вели скоморохов из божьего храма выгнать.

Иван. То меня ты, пономарь, попрекаешь, что скоморохов в храм привел?

Михалка. Как смеешь ты, холоп, государя попрекать (*замахивается*).

Иван. Не встречай, Михалка! Правду говорит пономарь. Да не одни ли скоморохи, все вы - орлы-вороны - народ невежественный. При входе в горницу, тем более в Божий храм, надобно тщательно вытереть грязные ноги, высморкаться и выхаркаться. Делайте так! (*Ватага сморкается и харкает*). Перекреститься надобно на иконы (*ватага крестится*). Затем уж поздороваться с хозяином. Разговор с хозяином надо начинать с вопроса о здоровье и здоровье его жены. Здоров ли ты, пономарь, да жена твоя здорова?

Жеребилов. Государь милостивый, Божьей помощью, здоров я, жена ж моя преставилась за грехи мои, померла, лет уж 5 тому. Сам я, государь, воспитал детей: сироту-приемыша, который ныне в храме ключарь, да дочь свою, Ксению, она у меня добрая хозяйюшка. Сшить, прибрать, сварить - все может.

Иван. То хорошо. Родители перед Богом в ответе за детей. Особо же важно религиозное воспитание. При отце моем духовном, Митрополите Макарии, ныне почившем в бозе, писаны были «Четьи минеи», свод церковной литературы для домашнего чтения и церковного богословления.

Жеребилов. Государь милостивый, ежедневно «Четьи минеи» читаем, житие какого-либо святого, особо же часто мученика Михаила на сковороде, в честь которого церковь построена.

Иван. Хорошо. Ежедневное чтение жития какого-либо святого воспитывает народ в духе христианской морали и нравственности. Вызывает желание подражать в своей повседневной жизни благочестивой жизни мучеников али монахов-аскетов, которые иной раз мхом питались.

Бельский. Государь милостивый, не желаешь ли закусить? Полоток гусиный али говядины с чесноком, али свинины с луком, али похмелье баранное с крошенными огурцами?

Иван. Поел бы похмелья да щей.

Бельский. Пономарь, щей государь требует.

Жеребилов. Есть щи, государь, как раз щи дочка моя сготовила, на углях горячих те щи упревают.

Шут. Гляди, государь, стряпуха-то хороша пономарева. Точно масленица - такая тоненькая, высокая румяная девушка с длинной косой в новомодном платке, на ногах лапти чистые, на руках колечушки. Позволь, государь, я на ней женюсь! (*подходит к Ксении*).

Пашка (*заслоняет Ксению*). Пойди прочь, дурак, то моя жена (*толкает шута*).

Шут. Меня, шута твоего, холоп побил (*плачет*).

Иван. И поделом тебе, шут, ты тут человек чужой, а вежество забыл.

Шут. Чужой. Чужие кровлю кроют, а свои голосом воют (*смех*). Как бы тебе, ключарь, не завыть. У, пыль толоконная (*замахивается*). Вели, государь, ключаря казнить, чтоб я на масленице женился. На Красну горку свадьбу сыграю, и тебя, государя, угощу.

Иван. Шут, сия масленица излишне хороша тебе. На кукле женишься, широкорожей и кривошеей и кургузой (*смех*). Неси-ка щи.

Бельский. Скорей, девка, неси щи государю. (*Ксения подает дымящиеся щи*).

Иван (*ест*). Хороши щи. Что в щах?

Ксения. В щах белая капуста, кислица с чесноком да луком.

Жеребилов. Государь милостивый, как был я в Оптином монастыре, то хорошие щи варил старец Антоний, однако дочь моя, Ксения, лучше варит. Меня, молодого послушника, на торг посылал Антоний купить огуречных трав для засола, трав в капусту, чебреца, мяту, да прочего. Луку на пять денег во множестве покупал, ибо мята в монастыре да лук не годились. Покупал на деньгу. А дочь

моя сама те травы все выращивает да в борщ кладет. Она у меня, государь, и вышивальница-кружевница, тонкошвейка-мастерица, и пляшет отменно.

Иван. Пусть спляшет. Ну-ка, скоморохи, играйте!

Скоморохи (*играют и поют*). Берегись, бела рыбица, хотят тебя рыболовы поймать, во шелковы тенеты посадить, на двенадцать штук изрубить, на двенадцать блюд положить.

(*Ксения стоит неподвижно*).

Бельский. Пляши, девка, раз государь велит.

(*Ксения пляшет*).

Иван. Добро пляшешь (*подходит и тоже начинает плясать*).

Скоморохи (*поют*). Давай, давай, красна девица, давай, похристуемся, не дам тебе яичко во христовы дни, а дам тебе яичко в петровы дни.

Иван. Пономарь, возьму я твою дочь в Москву ко мне, государю, в челядь, али сенной девушкой, вышивальщицей-кружевницей, али стряпухой, али иной.

Бельский. Запиши ее царю! Благодарю, пономарь, за царскую милость.

Жеребилов. Нет, государь, то не можно. Она дочка ведь у меня замужняя.

Михалка. А как смеешь перечить государю!

Иван. Погоди, Михалка. У меня и замужние в челяди, мастерицы-швей, мужние жены и вдовы, девицы честные средних чинов, дворовых людей, которые делают еще золотом и серебром, шелком, с камнем и жемчугом. Также которые платья шьют моим женам и дворовым людям. И постельницы. Мне царю постели постеливают.

Бельский. Кланяйся, девка, царю за милость.

Жеребилов. Кланяйтесь, дети, государю нашему милостиву. Просите, чтоб не забирал от нас, от отца да мужа.

Иван. Пономарь, я и тебя возьму и мужа возьму. Хочешь, сделаю тебя пономарем московской церкви? Знаешь ли церковь Успения Пречистыя и от гроба Чудотворца Петра на Москве? Там пономарь требуется, ибо старый умер. Мужа сделаю ключарем.

Ксения (*встревоженно*). Нет, не хочу, не поеду.

Пашка (*встревоженно*). Не езжай, Ксения!

Михалка. Ты, холоп, государю перечишь. Государь девку силком возьмет (*хватает Ксению за руку*).

Пашка (*отталкивает Михалку, кричит*). Помилуй милостью своею, государь! А той дворянин напрасно в тою жену мою христианскую вклепывается, потому ж это та жена не его и не крепка ему.

Иван. Вижу, ты, ключарь, невежда! (*гневно кричит*). Паче кала, смердяй!

Жеребилов. Пощадай, государь, любит он дочь мою, оттого обезумел. Он и книжки читает.

Иван. Книжки читает? Ну-ка, я и сам такие книжки люблю, почитай, почитай!

Жеребилов. Почитай, Пашка, государю, государь то хочет, да проси смилостивиться.

Пашка (*берет книжку, читает робко, потом более смело*). Госпожа моя, свет очей моих, сладость гортани моей, зрети я не могу без тебя, света моего, и ни едина слова без тебя молвить ни с кем не хочется, и лицо мое отекло, и сердце мое окаменело.

Иван. Какою книжку читаешь?

Пашка. Государь, письмовник читаю, любовные письма (*читает*): когда взгляну на тебя, света моего, то возрадуются, дрожат все жилы тела моего и сердце мое горит, и лицо мое плавится, и все суставы мои греются (*падает в ноги к царю*). Государь, не отнимай Ксению.

Иван. Упоить его насильно. (*Пашку хватают и вливают в рот вино*). А ты, девка, пей, чтоб плясала лучше.

Жеребилов. Пейте, дети, да просите государя. (*Все выпивают. Ксения пляшет*).

Пашка. Ксения, ты мужняя жена честная. Не стыдно ли тебе со скоморохами плясать!

Ксения. Хоть что мне и стыдно, а ведь точно привязана (*пляшет*).

Бельский. И ты, холоп, пляши весело перед государем.

Пашка. Я плясать не стану.

Жеребилов. Пляши, Пашка!

Пашка. Нет, не стану плясать на похоронах своих, на погребении своем, и ты не пляши, Ксения. Ежели помирать, то помрем вместе, помоги нам Бог (*крестится*). На могиле невинно погубленных вырастут две березки, будут идти прохожие и дивиться: тут погублены две души безгрешные, тут

полита кровь видно безвинная.

Ксения. Пашка! *(Бросается к нему. Оба стоят, обнявшись).*

Иван. Так-то ты, пономарь, учишь детей, смердячий раб! Бить тебя на козле, что допустил!

Жеребилов. Великий государь всемогущий, милосердный, праведный *(плачет)*. Меня бей, детей помилуй!

Ксения. Государь, пощадай батюшку! Я плясать буду *(пляшет. Царь пляшет, обняв ее)*.

Скоморохи *(поют)*. Поймал сокол лебедушку.

Ксения. Государь, пусти меня к Пашке, мужу моему.

Иван *(поет со скоморохами)*. Я тогда тебя пущу, когда крылья оциплю, перышки в чисто поле упущу *(смех)*.

Ксения. Пусти меня, государь *(плачет)*.

Иван. Хай отец тебя выкупит.

Жеребилов. Выкуплю, государь, все отдам, все продам. Пожалуй меня, как тебя, государь, Бог наставит.

Иван. Орлы, вороны, скоморохи мои, что возьмем с новгородцев?

Шут. Казну церковную возьмем.

Скоморохи *(поют)* С хлебников по хлебнику, с калачников по калачику.

Иван. Деньгами выкупите. Пономарь да ключарь! Далеко ли храмовую казну запрятали с жидовским тщанием?

Пашка. Не знаем про казну.

Жеребилов. Которая казна, государь, не пойму?

Иван. Казна - древнее сокровище в стене. Где, в котором месте великие сокровища - серебряные да золотые слитки. Знаю я, вы, новгородцы, издавна изменники, приобретением богатства с иными не делитесь, а с иудейской завистью своей корыстно хотите удержать его только для себя. Торговать хотите с поляками, да с Литвой, да шведскими немцами.

Михалка. Государь милостивый, разве новгородцы христиане? Они и свинину не едят, по дворам здесь свинину не найдешь. Я тут поместье приобрел, так меня новгородские суседи поганым прозвали, что свиней держу. Они и боровые деньги не берут для роста поголовья свиней, а бараньи деньги берут. Они баранину и петухов едят - любимое мясо басурман да жидовинов литовских.

Шут. Истинно, государь! Петушка нашел *(вытаскивает из котомки у Ксении жаренного петуха)*. На свадьбе пригодится! *(смех)*

Бельский. Ключарь да пономарь! Добром скажете ли, где казна? Не боитесь ли государева гнева?

Жеребилов. Боимся Бога, государь! То Божьи сокровища!

Иван *(гневно)*. Тебе ли про Бога говорить! Знаешь, как в часослове поется *(поет)*: Иуда злочестивый, сребролюбивый, недугом омраченный. Верно ли пою, пономарь?

Жеребилов. Верно поешь, милостивый государь.

Шут. Неверно поешь, государь. Надо петь: на малой вечерне поблаговестим в малые чарки, также позвоним в полведришки пивышки *(смех)*.

Иван. Эх, ярышка, чего поешь. Петь надобно от сердца с христианским тщанием. Я ведь псалмы и часословы и трефологи знаю, в домашнем богослужебном пении с детьми вместе не раз пою. Ты, пономарь, поешь ли со своими детьми?

Жеребилов. Пою, государь.

Иван. Ну тогда, скажи, пономарь, али ты, ключарь, где золото, самоцветы да жемчуги хранятся. То оставлю тебе жену и удалюсь.

Ксения. Скажи про церковну казну, батюшка.

Пашка. На всходе она замурована, от разбойников запрятана *(крестится)*. Прости мне Господи.

Бельский. Я, государь, и мыслил, на всходе. Ключарь, покажь, где вскрыть стену *(уходит с Пашкой)*.

Иван. Вот он, пес, повинился и прощен. На виновных же и впредь опаляться будем, которые мне, государю, перечат *(слышен стук разбиваемой стены)*. Михалка, скоро ли возы придут, чтоб сокровища в Москву послать?

Михалка. Скоро, государь. А на возах там уж девок везут, чтоб повеселить тебя после охоты. С сей же девкой что делать?

Иван. Упоите ее да в навоз бросьте, и она к сокровищам причислена, поскольку шибко лицом красна *(смеется)*.

Михалка. Любо, любо. *(Запрокидывает Ксении голову и вливает водку).* Теперь пляши! *(Ксения пляшет).*

Жеребилов. Государь, ты же обещал прощение.

Иван. Прощение раскаявшимся. Ты ж, пономарь с ключарем, раскаялся ложно, не от души, церковной казной откупившись. А ведь то казна Божья.

Михалка. Пономари на торгах казенными свечами да воском торгуют. А ключари все тати.

Жеребилов. Прости мне, господи, за грех мой *(крестится).*

Пашка *(появляется на востоках).* Гибнем мы за грехи, что церковну казну разбойникам отдали.

Бельский. Так-то государя разбойником зовешь?

Пашка *(кричит).* Истинно разбойники! Святой дом наш, дом молитвы, обратили в вертеп, честну жену мою упоили. Вы и есть разбойники, при дележе денег берете себе сверх меры. И государю даете.

Михалка. Ишь, богобоязненные. Постытятся, да после соития моются. А государева ключаря и постельничьего Божьего не любят, и то не грехом считают.

Иван. Каково кликнется в лесу, так и откликнется. Добром вот покориться не хотели, так покоритесь злом. Пономарю жечь свечами бороду, да волосы на голове. Ключарю насыпать уголь раскаленный за голенища, то попляшет *(дико смеется. Ключарю насыпают горящих углей в сапоги. Он вопит, высоко подбрасывая дымящиеся ноги. Скоморохи играют, танцуют и поют. Вся ватага также поет и танцует).*

Скоморохи *(поют).* Яко сами-то малешеньки, на холенушках низошеньки, на язык присасывают, один на одного поглядывают *(смех).*

Иван. Орлы мои, вороны. Уроните пономаря да ключаря с колокольни *(Жеребилова уволакивают. Шут жует петуха).*

Шут. Отпоем петуха да ключаря, да пономаря *(поет).* Петуху, ключарю да пономарю вечная память *(смех).* Господи помилуй *(берет за шнурок обувь, размахивает, как кадиллом).* Попу корова, а дьяку - крынка молока, ключарю - сухарь, а пономарю - книга, а кто прочитал, тому - 100 рублей в мошну, кто слышал - тому по калачу, а кто не мешал, тому ничего *(смех).*

Михалка. Тебе сказка, а мне кренделей связка *(смех).*

Иван. Тебе камушок, а мне денежок мешок. *(Слуги несут с лестниц мешки с золотом и серебром).*

Михалка. Государь милостивый, славно потешились, поохотились в лесах, да казну богату взяли, да девку красну.

Шут. И я славно потешился, на босу ногу топор надевал, топорищем подпоясывался, а кушаком дрова рубил *(смех).*

Ксения *(с трудом поднимается, шатаясь).* Пашенька, батюшка, куда меня привезли?

Шут. В раю ты *(смех).* В том раю, где чертом дыру затыкают *(смех).*

Ксения. Кто здесь?

Скоморох. Дуда, репа да хрен, да черный чашник Ефрем *(смех. Скоморохи пляшут).* На свадьбе ты своей, а того не ведаешь.

Ксения. Бесы кругом меня! Куда мне деваться, чтоб удавиться. *(Кричит).* Люди, поглядите на красоту лица моего, люди добрые, замучьте меня насильством до смерти *(плачет).*

Иван *(подходит и обнимает ее).* Не печалься поношению укоризны, то Господа ради.

Ксения. Где батюшка мой, где муж мой?

Иван. Батюшка да муж твой с колокольни упали, ветром сдуты. Царство им небесное *(крестится).*

Шут. Им да жареному петуху *(тоже крестится. Смех).*

Иван. Молчи, дурак, глупый пес *(бьет шута, тот отбегает).*

Ксения. Батюшка, Пашенька, одна я теперь *(плачет).*

Иван. Не печалься, все напасти от Бога. Поминай грехи свои, трепещи и молись, и благодари владыку Христа. И я, государь всей Руси, одержим многими скорбями, а не ропщу.

Шут. Эх, красна девица! Уж пропьем девицу за вина чарку, за мед пивоварку, за медовый стаканчик, за сладкий калачик.

Михалка *(весело).* Государь милостивый! Телеги приехали, да девок на телеге привезли. И Дарка здесь, и Маринка-лебедь белая, и Маринка-волшебница и Анастасинька. И эту девку туда класть?

Ксения. Не покладете меня *(отбегает и закалывается ножом).*

Иван. Прими душу ее, господи *(крестится. Уходит вместе с ватагой).*

Занавес

Сцена 65

Москва. Теремные палаты. За столом царь Иван с царевичем Иваном и Федором.

Иван. Годунов, все ли ящики потребные из архива принесены?

Годунов. Государь, первоочеред, как велено, принесен ящик номер 224.

Иван. Стол еще один хай несут. Три справщика, тчец, писец повинны работу делать за большим столом. Бумаг много.

Годунов. Слушаюсь, государь (*посылает слугу*).

Федор. Батюшка, почто сии писания? Для чего они?

Иван. Мальчик мой, царевич Федор, и ты, царевич Иван, оба вы - наследники дела великого. Помыслите, милые мои, всю деятельную эпоху потребна деятельная мысль. Начальный добрый почин по созданию державы нашей большой частью успешен. Сделано более умелое государственное устройство, наша самодержавная власть продолжает свое дело, но сила и напор наши слишком долго уходили на борьбу с внутренним врагом, с изменой. Ныне то во многом преодолено. Сделанная опричина для защит от измен ныне отменена, имея и поспех и неспех. Однако от того осталась державная система вместо удельной, поместная система для военных нужд государства, правила ее и уставы. Тако уничтожена вельможная система кормлений, дробящая державу, сосущая державные соки. Даровано населению земское самоуправление с выборными главами, земскими судьями и губными старостами. А после успешного окончания ливонской войны мыслю сотворить вместо вельможной думы думу всенародную, земский собор не хуже английского парламента. Пишешь ли все, что мной говорено, Сафоний?

Сафоний. Пишу, государь милостивый (*пишет*).

Иван. Успехи на востоке, горделивое сознание собственной мощи, победы над татарскими царствами, также удачное начало ливонской войны, расширение русской державы до Риги и Ревеля. Ливонский орден потерял свою самостоятельность, распался под ударами русского оружия, Польша, Литва и Швеция нас трепещут. Все то потребно закрепить в усилении литературной деятельности для потомков. Оттого и возник у меня замысел составить царственный летописец, иллюстрировав историю России не стесняясь ни размеров, ни затрат...

Годунов. Великий замысел, государь, сей летописный свод.

Иван. Духовный отец мой, митрополит Макарий, ныне покойный, по итогам честной жизни своей сделал «Четьи минеи» - духовный свод жития наших русских святых. При отце моем митрополите Макарии канонизированы новые угодники русской церкви и писаны их жития. Надобно то продолжить. Одни жития писати заново, другие переделывать, ибо признаны неполными, неудовлетворенными, не зовущими на подвиг. Однако за грехи наши нет у нас более подобного царственного иерарха. Нынешний митрополит Антоний умер, то и вовсе митрополичий стол пуст. Также пусты многие столы архиепископов.

Годунов. Государь, одержано письмо от Гурия, игумена Свяжского монастыря. Пишет, по сей день нет указа о поставлении его архиепископом на Казань. Отец Леонид, новгородский архиепископ, заменяет митрополита, иного хочет.

Иван. Нет, Гурий будет. Пиши, Сафоний, о поставлении архиепископа Гурия на Казань. (*Диктует*). Месяца марта в 10 день поставлен архиепископом Гурий, царства Казанского и Свяжского города, прежде бывший игумен Свяжского монастыря. А на поставлении будет сын царев, наследник Иван Иванович, царевичи Казанские да прочие.

Годунов. Гурий просит, чтоб ты, царь, великий князь, приехал.

Иван. Я не успею, в Псков поеду, оттуда в Ливонию на закладку там новых русских храмов и монастырей. (*Входят писцы и художники в монастырском одеянии, среди них - Алампей. Все кланяются царю. Слуги вносят большой стол*).

Годунов. Государь милостивый, писцы пришли и художники, чтобы миниатюры делать. Главный художник - Алампей (*Алампей кланяется*).

Иван. Про него, Алампея, уже слышал. Кто главный писец?

Годунов. Вот он (*указывает на одного из монахов*) - Монах Яков, в миру Демка.

Иван (Якову). Подойди сюда. (Монах подходит). Знаешь ли, без доказа исправления не делать. Любое изменение в тексте - ересь, за самовольное непослушание - жестокая кара.

Яков (кланяется). То мне ведомо, милостивый государь.

Иван. Что прежде писал?

Яков. Цепь Злату писал, Лиственница Иоанна Синайского из Григория Богослова, Лексис Лаврентия Зизания Киевского Словотолкования, Евангелия от Матвея Зачало писал. Я много писал, государь, тонкословие знаю.

Царевич Иван. Как пишешь, полууставом али скорописью?

Яков. Батюшка, царевич Иван, пишу и полууставом и скорописью, по всякому (подает рукопись. Иван листает рукопись). Тут писал полууставом, переходящим в скоропись.

Иван. Читать тяжко. Такое писание - лишь порча книг. За такое сечь надобно. Милые мои, нам потребно просвещение народа. Не одни лишь вельможи чтоб читать могли, а и купцы, и простонародье. По благословению отцов церковных из церковных книг надобно христианам на дом давать. Однако в книге простонародной тягостно скорописное писание к прочтанию и внушению малонавыкшим и худо умеющим. Потому нам печатные книги потребны.

Сафоний. Государь, и печатные книги при живописном изукрашении дороги. Библия краковская на польском языке в посольскую избу куплена - 3 рубли. Псалтырь скорописный печатный - 2 рубли 50 копеек. Иноземные книги купцы из-за рубежа везут, втридорога торгуют.

Иван. Сделаешь мне доклад, по докладу твоему я, царь, буду книгам класть продажную цену. Кто порушит цену, тех наказывать. В завоеванных провинциях татарских и ливонских те книжки церковные выданы должны быть бесплатно. Население новых областей, присоединенных к России, должно пользоваться благонадежной литературой, дабы пресечь крамольное чтение ради обрусения новопросвещенных градов и их пределов.

Годунов. Государь, архиепископ казанский Гурий пишет, что осваивать надобно срочно Казанское царство, а книг мало в царстве. Мы по всем монастырям новгородским собираем деньги на владыку Казанского Гурия, да книги собираем по монастырям. То же и для Ливонии потребно.

Царевич Иван. Батюшка, простонародью вновь присоединенного края книга потребна простая, не разукрашенная.

Иван. Всякие книги потребны, мальчик. Однако истинно, для простонародья, что не имеет еще достаточно ума сообразить, где правда, божественные книги особенно нужны. Божественные же книги иные писцы пишут с неисправных переводов, а, написав, не правят. Опись к описи прибывает, и недописи, и точки не прямые. Надобно указать, чтоб запретить писать самовольно под угрозой кнутобития, чтоб писали лишь в книгописных мастерских Троице-Сергиевского монастыря, Иосифо-Волоколамского, Кирилла Белозерского, Соловецкого. Также в митрополичьей книгописной мастерской. А то и в главной книге Руси - царство-летописном Лицевом своде множество несогласований. Читай-ка ты, Сафоний!

Сафоний. (Берет рукопись, читает торжественно). летописный свод от сотворения мира до царствования благоверного царя Ивана Васильевича Всея Руси.

Иван. Указать надобно, что весь Лицевой свод писать должно быть четкими рисованными буквами полууставом и украшену цветными миниатюрами художников естественными. Сколько всего намечено миниатюр?

Алампей. Государь милостивый, всего 16 тысяч рисунков.

Иван. Пересказ Ветхого завета и Нового завета, заполненный византийскими хрониками и иными переводами, писать полууставом. А рассказы русской истории - крупным уставом, торжественным, строгим почерком.

Царевич Иван. Что в летописи главное?

Сафоний. Государь царевич, главное в летописи - присоединение к Москве удельных княжеств и всяческое прославление государя нашего Ивана Васильевича.

Иван. Прежде всего прославление надобно военное.

Сафоний. В Лицевом своде прежде всего житие твое, государя Ивана Васильевича, о чудесном рождении после пеших шестив по далечным пустыням князя великого Василия III и княгини Елены Глинской. Когда Бог не дал погибнуть без пастыря не то что единым русским странам от Киева до Москвы, но всему православию даровал родити наследника, тебя, Ивана Васильевича, царя-государя.

Иван. Без летописи старых лет не можно делать летопись и новых лет. Одно главное событие новых лет писать надобно да повествование через описание трудного сиротства, детства моего государева к триумфу моему - венчанию на царство. Также казанское или ливонское взятия, освященные чудесами, предсказывающими победу, которая предопределена сошествием небесных сил. Да все, чтоб в точности было подтверждено всесторонне. Потому велел доставить посольские сказки, родословные, никоновскую летопись для сличения, да пометить заранее места в тексте, где миниатюры новые поместить. Чтоб отмечены были каплями воска. Переписчику оставить место.

Годунов. Государь, в ящике 224 списки. Что писать в летописец? Лета новы прибраны от лета до лета.

Иван (*листает списки*). Нужна точность и полнота. Я уже кое-что прежнее проглядел, что ты мне, Годунов, привез. Просмотрено мною, где краска значительна, где коротка. Иной раз, милые мои, потребно исправить одну строку, али имя, а иной раз и букву. Буквы, которые я назначил для исправления, отмечены точкою, также «kozy» подле строчки. Глас - пометки на полях, меж строк (*листает бумагу*). Есть многочисленные недописи в двух составленных буквах «ы» и «оу»: «Вечеславоу с помочь»... «идоши стрельцы и с товары». А тут что за слово, не пойму: землеземлеседцы (*листает*). А то вот : «сказазеть», не могу прочесть, видно писец оторвал руку от строки, да забыл, что прежде писано, писал иное. Кто то писал?

Сафоний. Писцы Леонид и Иосиф, владычины ребята, митрополичьи.

Иван. Выпороть их на торгу кнутом (*листает рукопись*). Путают «юс» большой и «юс» малый, буквы «е» и «о», «кровичи» пишут, надо «кривичи». Аскород и Дар, надобно Аскольд. «Виде же Святополк побежде в ляхи». Надобно «побеже» (*листает рукопись*). Да много того прочего (*листает*). Глянул: уж в древней Истории дальнего моего предка римского, от которого происхожу, в Иудейской войне Флавиевой писано: «не пропустил бы Еуспасиана на Галилию», надобно «на Галилею». Али говорится, что Еуспасиан берет приступом Ерусалим, устроивши жлада, да биши не пакостили им из града. Надобно «устроивши желова» - то вид военного строя черепахой, «желов» по-древнему - черепаха. Милые мои, что потомки про нас мыслить будут при таких летописях. Поглядите древние рукописи на обычном пергаменте, не на французской бумаге. Писание торжественно, крупным уставом, строгим почерком, буквы уставные без наклона. Начертание у них математическое, промежутков между словами нет. Заглавие букв и заставки яркие и по сей день. Я смотрю на раскраску: блекло, иную надобно заново. Художник, сказано ведь, до раскраски смотреть государю.

Аламний. Государь милостивый, такое прежде делалось, до меня. Ныне лишь кое-где раскрашено, рисунки слегка намечены свинцовым карандашом, али оставлены пустые места под текстом.

Иван (*листает*). Сам ты рисуешь, али с кем еще?

Авламний. Рисунки сделаны одной моей рукой. А уж товарищи обводят.

Иван. Годунов, вставки и меты, которые надобно править, помечены сим знаком.

Годунов. Государь, писцы да художники к иным знакам привыкши. Однако сделаем, как велишь.

Иван. Мой знак напоминает царскую державу, кружок с крестом наверху. Ибо что писано и разрисовано, то в истории Российской останется. Милые мои, мыслите, во времена Ветхого завета не было в мире и иных деяний? Осталось же, что писано. Что не писано, то пропало. Кто пишет историю, тот Историю сотворяет.

Сафоний. Государь милостивый, прежде Адашев летопись делал, то писалось много ложного, для выгод иных.

Иван. Вижу, что много неправды в царской летописи (*листает*). Тут мной помечено «много неправды»: крещение отца моего, великого князя Василия III, да прочее об отце моем неправда также. Написано, будто он захватил престол, устранил брата своего, князя Дмитрия. С листа 228 закрашивать черные фигуры изменников, врагов державы, Курбского, Воротынского, Басманова, посольского дьяка Висковатого да прочих по списку.

Сафоний. Исполним, государь. В казни двоюродного брата твоего Владимира Старицкого за измены изображать ли тебя государя?

Иван. Басмановы, злоупотребляя опричниной, с посольским дьяком Висковатовым казнили его, Владимира Старицкого с женой и с младшей дочерью без моего государева веления. Во дворе Басманова показать тын огорожен. Меня же, государя, показать восседающим на престоле, да повелевающим отвести Басманова в тюрьму. Ибо государь есть повелитель, отдающий на расправу руководителя опричнины, восхитившего власть наслаждения ради мирского. Тот, кто обязан был

царя защищать, меня же, царя, предал совместно с иными изменниками. Измены с малолетства моего. Государя продавали издавна. То междоусобные брани при малолетстве, то тайные заговоры. То же при московском пожаре было. Показать боярский совет, попущением которого сделано убийство дяди моего, князя Юрия Глинского.

Сафоний. Тот боярский совет изображен, да приход возбужденной толпы, требующей цареубийства, в Воробьево.

Иван. Приход толпы в Воробьево закрасить белилами. Прямо показать, что государь повелел тех людей поймать и казнить. Особо же многие изменения надобны в описании моей болезни, чтоб показать мою правоту в борьбе с боярами, боярское иудино противостояние. Сравнить их, бояр, с Иудею. Так же наслаждения ради православное христианство и своих государей предали. Старицкого хотели царем поставить (*гневно ходит*). Из старой летописи взять отчет о заговоре Старицких с боярами в годы собацкой избранной рады: с Адашевым, Курским, Сильвестром да прочими. А князю Владимиру Старицкому почему было быти на государстве? Он от четвертого удельного родился. Что его достоинство государству? Которое его поколение разве выше моего, меня и сынов моих, царевичей? Он, Старицкий, по глупости согласился с боярами в заговор войти, да мать его, старица Евдокия, его поощряла. Бояре измены бы ему делали еще больше за его дерзость против меня, не получил бы он от бояр поощрения. Я же такие досады стерпеть не мог, за себя встал, да за Русь. Иное дело, не я велел князя Владимира с его женой и дочерью пятилетней опоить ядом, а мать его извести угаром, как ехала она на судне по Шексне. То всем ведомо. То Басманов с Висковатовым сделали, которые желали вовсе нашу семью - потомков Калиты - от власти извести да Шуйских посадить. Я ж по-христиански мыслил: спор в царской семье должен быть улажен семейными средствами.

Сафоний. Государь, не лучше ли вовсе по твоему указу уничтожить листы с казнью Владимира Старицкого?

Иван. Листы оставь, перебелить, как я сказал. Династические претензии брата моего Владимира опасны были. Однако он слишком был бездеятелен и недалек, чтоб завоевать поддержку среди дворянства, а среди знати у него было много недоброжелателей. Главные же - князья Суздальские-Шуйские. Они повинны в смерти дяди моего, отца Владимира, Андрея Старицкого и в расхищении его имущества. Приписывают же то матери моей, княгине Елене Глинской.

Сафоний. Распоряжением Адашева вписано ложно. При Адашеве писалось безмятежно, будто не было измен.

Иван. Не было измен? (*гневно ходит*). Забыв наши благодеяния, и более того, души свои, и то, что целовали крест нашему отцу и нам не искать себе государя кроме наших детей, для мятежных своих вольностей решили посадить на престол нашего дальнего родственника князя Владимира, чтоб затем свергнуть его и самим иметь власть. А детей наших, и прежде прочего первенца нашего младенца, данного нам от Бога, хотели погубить, подобно Ироду. И как бы им не погубить, когда бы воцарили князя Владимира во всем им послушного? Сафоний, надобно переделать прежний летописный рассказ, написанный при собаке Адашеве.

Сафоний. Исполним, государь.

Иван. То место про болезнь мою написать тут, где таков крест (*показывает*). Замазать чернилами его начало, а взамен написать новое. Вот, где пометка, тут писано - о государственной болезни и все, что там писано, замазать. Писано, будто я был бессловен, лежа без памяти. Вместо того припиши речи мои к боярам: «государевы речи произвели чаровное действие на крамольников, бояре все от того государева жесткого слова поустрашились и пошли в переднюю избу крест целовать». (*Писцы торопливо пишут*). Потом, глядите, добро перебелите.

Сафоний. Исполним, государь.

Иван. Милые мои, говорит ведь древнее изречение, хоть и мирское, да справедливое: царь царю не кланяется, но когда один умирает, другой принимает власть. (*Листает летопись*). Тут надобна приписка чернилами: Совет великого князя о венчании на царство с митрополитом и боярами. Да чтоб корона была царская.

Сафоний. До 93 листа, ты, государь, в княжеской шапке. А с листа 94 - в царской короне.

Иван. Надобно повсюду рисовать только корону.

Сафоний. Государь милостивый, и при прощании с умирающим отцом твоим, благоверным великим князем Василием III, рисовать тебе, младенцу, корону?

Иван. Да. Я сын-младенец в царской короне. Таким же принимаю послов, таким же отправляю войска, чтоб путаницы более не было.

Сафоний. Все исполним, государь.

Иван. Смотрите, на листе 288 отмета: а по аминe велел к себе митрополит принести шапку с аналая, сиречь венец. То государь изображен в короне, а затем снова в княжеской шапке. Рисовать на голове только венец, приличествующий сану русского государя!

Царевич Федор. Батюшка, кто носит корону, какие цари в лицевом своде изображены?

Иван. Корону, мальчик, носят цари турецкие, греческие, болгарские, армянские, а также ордынские ханы. Понятию царь соответствует корона, а понятию князь - шапка. Венец сохраняется царем даже после низложения, ибо от Бога. Когда турецкий царь Баязет был посажен в клетку Тамир Аксаком, по ихнему Тамерланом, так он остался в такой же короне, как и Тамир Аксак. Тамир Аксак носил шапку с косыми отворотами, пока не стал царем. Мамай надел корону лишь перед Куликовой битвой, уж 20 лет до того пробыв ханом, присвоив себе самовольно титул. Мое же венчание на царство было от Бога, оно торжественно утвердило единодержавие по всему российскому государству, оттого и брани боярские - от ненависти к моему Богом данному венцу.

Сафоний. Государь милостивый, тут подробно расписаны брани боярские, Совет с митрополитом о венчании на царство и само венчание дано в 12 листах.

Иван (*листает летопись*). В сцене прощания с отцом моим, великим князем Василием III, изобразить отца в княжеской шапке. Меня же - в царской короне. Я родился во царствии и воцарился Божиим повелением и родителей своих благословением все взял, а не чужим восхотением. Тем самым я, государь, поднимаюсь над государями, присвоившими корону: Тамир Аксаком, Мамаем, али над теми королями, как польский Баторий, как шведский Юхан, которые избраны вельможами. Когда собака Адашев летопись опекал, меня, государя, в тех старых миниатюрах рисовали постоянно испуганным мальчиком, державшим пальцы в двоеперстии при виде избиваемых боярами людей, мне, государю, близких.

Сафоний (*листает летопись*). Вот здесь, государь, на заднем плане, из палат выглядывает мальчик в шапке великого князя.

Иван. То замазать. В миниатюрах, показывающих боярские брани, видно должно быть, что бояре своего государя никакого промышления добротного не сподобивши. Сами же ринулись к богатству и славе и так наскочили друг на друга! (*листает летопись*). Сынов моих, царевичей, при рождении и крещении обоих в короне показывай (*листает летопись*). Далее описание крещения казанских царей и казанских строений.

Сафоний. Государь, поминать ли тех воевод, что были при казанском взятии, ныне же в опале: Курбского, Воротынского, Репнина?

Иван. Они изменами прошлое свое затемнили. Потому не поминать, имена их из разрядной книги вымарать. Казанское взятие predetermined не воеводами сиими, а освещено чудами, предсказавшими победу, которая predetermined сошествием небесных сил.

Сафоний. Упомянуть ли князя Горбатого-Шуйского? В разрядной книге сказано, что он главнокомандующий под Казанью был, высший воевода.

Иван. Упомяни о нем как об одном из бояр, сопровождавших царя.

Сафоний. Как быть с князем Владимиром Старицким?

Иван. Имя его замазать белилами. Князь Владимир при Казанском приступе не был, он в Гороховце сидел (*листает летопись*). Летописи правда истинная нужна. Вот, к примеру, повествуется о чудесном рождении моем. То должно быть подтверждено тогдашним митрополитом Иосифом, речью его (*листает летопись*). Тут писано про набег Саин-Гирея на Оку. Когда Саин-Гирей на Оку шел, мне и 10 лет не было. Писано же, что я с войском отправился на Оку. То путаница, тут Иван Бельский командовал, да Овчина-Оболенский. Мне чужого почету не потребно. Я тут в отражении набега не участвовал. Тут я, государь, вписан не к делу. Да на миниатюре тут государь нарисован не к месту, закрасить белилами (*листает*). Тут в верхней части листа нарисован я и мать моя, великая княгиня Елена Глинская. Когда пошли на Литву неудачно, мне и 5 лет не было, а мне и моей матери то приписывают. Забелить и нарисовать палаты, чтоб место не пропадало (*листает*). Как шли на Себеж и Гомей, поляцкий Гомель, то бояре тож изменные изменили. Изменным обычаем недругу нашему литовскому почали отчизну нашу отдавать и грады: Рогов, Стародуб, Гомель. Все то надобно расписать и разрисовать.

Сафоний. Исполним, государь. По Казанскому взятию сколько листов?

Иван (*листает*). Листов столько, чтоб уместилось от поставления Свяжска до торжественного моего, государя, въезда в город под стягом с изображением Спаса.

Сафоний. При Адашеве в летописи описывается и рисуется здравствование государю на царствии Казанском князя Владимира Старицкого и Шах-Али, радостные глаголы освобождаемых полоняников, челобитные побежденных. Победное возвращение в Москву.

Иван. Все то оставить. Лишь замазать белилами Старицкого. Того не было. Послал его тогда с глаз долой в Нижний Новгород. Князь Горбатый-Шуйский, писанный при собаке Адашеве главным воеводой, понапрасну губил православных воинов, почав битву в неподходящее время. Мне, государю, пришлось его удержать. Когда же город по Божьему милосердию был взят, Горбатый-Шуйский не занялся установлением порядка, а позволил своим людям устремиться грабить. Потому и татары, также луговые люди, всколебались, ясачников, которых ясаки собирали, побили. Таково ли покорение прегордых царств, которым они, подобно Курскому, кичились, неразумно хвастаясь! (*листает летопись*)

Царевич Иван. Батюшка, все про беды в летописи писано, а про радости писано ли?

Иван. И про радости писано, мальчик. Свадьбы царские.

Сафоний. Начиная с листа 293, государь милостивый, писано.

Иван (*смотрит*). Поглядите, мальчики, то матушка ваша покойная изображена, благоверная царица Анастасия Романовна. Тут выбор невесты. Мы с Анастасьешкой стоим друг перед другом (*утирает глаза*). Позади меня бояре, позади будущей царицы - боярыни. Хорошо разрисовано.

Аламгий. Государь милостивый, можно ли закрасивать?

Иван. Невесту надобно в короне нарисовать. Также, отчего на одном листе рисовано, в нижней части рисунка - венчание, в верхней - восседание за столом? По какому образцу рисовал?

Аламгий. Рисовал я, государь милостивый, по образцу свадьбы отца твоего. В нижней части великий князь Василий и княгиня Елена благословлены митрополитом Даниилом, а сверху - брачный пир.

Иван. Так прежде рисовали. В сей же летописи, глядите, брачному пиру князя Владимира Андреевича Старицкого отведен отдельный лист. Он, что ли, меня и отца моего знатней? Так при собаке Адашеве делалось с умыслом. Тот пир Старицкого вовсе забелить.

Сафоний. Исполним, государь.

Иван (*листает летопись раздраженно*). Тут на листе 652, где писано: «царь и митрополит Макарий вносят мощи всех святых отцов и молят бога». Меня, царя, рисовать тут надобно старо, пошто мальчика все рисуете? Также изображено - несу сосуды. Откуда сосуды?

Аламгий. Государь, в соответствии с писанием в нижнем правом углу, ты, государь, и митрополит Макарий с сосудами в руках. И тут же справа нарисовано - ты, государь, отдающий распоряжения жестом левой руки.

Иван (*раздраженно*). Кому отдаю распоряжения? Царь повелевает носить мощи и сосуды митрополиту Макарию и самому себе? То несообразность. То неподобаает, чтоб государь сам носил. Забелить. На сием месте можно изобразить поставление православных архиепископов в Татарии и Ливонии. Также молебны. Ныне при писании летописи надо нам иметь европейские образцы. Польский летописный свод, польско-литовская филигрань, али датские летописи, али германские (*листает летопись*). А рисуешь ты, художник, миниатюры хорошо. Ты и иконы пишешь?

Аламгий. И иконы пишу, государь милостивый. Иной раз по заказу, иной раз от себя.

Иван. Торгуешь в иконном ряду?

Аламгий. Государь милостивый, продавать иконы грех, промениваю их на деньги. Также государь, храмы расписываю со товарищи. В новгородской церкви Спаса на Нередице западную стену расписывал - Страшный суд. Имею также, государь, заказы от митрополита о подновлении чудотворной иконы Варваринской Божьей Матери на Варваринском крестце.

Иван. Хочу икону заказать для моей небольшой церкви в Александровской слободе. Бог-отец Саваоф на престоле с младенцем сыном. В руках младенца сфера мира с голубем –святым духом. Картина наподобие Троицы, только назвать «Отечество». Отец, сын и святой дух друг в друге не слитно и не раздельно вмещаются. Руки отца и сына раскинуты как бы в полете, в синем ореоле воздуха синие ангелы, среди мелких звезд два больших круглых лика - красное солнце и голубая луна. И сотворяет их ангел великого света. И тон светел: бледно-зеленый, белый, коричневато-розовый. Такое можешь написать?

Алампий. Ежели исхитрюсь, государь милостивый. У нас в Новгороде прежде художник хитрец звался, а в Киеве по сей день «хитрец» говорят. В Полоцке – хытрец. Как заказ на Варваринскую Божью мать получил, то часто теперь в Троицу хожу на рублевскую икону глядеть, на чем она держится, на какой хитрости.

Иван. И у меня рублевская Троица - любимая икона. Велю тебе с нее копию сделать, чтоб в походы брать.

Алампий. Уж исхитрюсь, государь.

Иван. Также «Троица» - любимая моя обитель. Годунов, я повелел о новом злещении верха церкви в Сергиевом посаде. Сделано ли?

Годунов. Исполнено, государь милостивый. Тысячу рублей выделено для того из казны.

Иван. Мальчики-царевичи, управимся с делами да пойдем пешие в Троицу молиться.

Царевич Иван. С радостью, батюшка. Там ныне святой старец Максим Грек обитает.

Царевич Федор. Батюшка, как Троица явилась?

Иван. В лесной глуши явилась, мальчики. Там, мальчики, в лесной глуши некогда поселился святой Сергей Радонежский, но к концу его жизни на месте уединенной лесной келии стоял уж монастырь, окруженный пашнями. По сей день горит святая лампада с неугасимой свечой, рукой святого старца возожженной (*встает, ходит*). Так, мальчики, на Руси всегда святость являлась. Издавна на Руси был обычай в некоторых деревнях строить деревянные часовни с образами, где народ молился за неимением церквей. Иногда в такую часовню приезжал священник, али иеромонах со святыми дарами, исповедующий и причащающий народ. Близ такой часовни часто проживал какой-нибудь благочестивый старец, внушавший уважение постничеством или благочестием. Так и Соловецкая обитель возникла. Старцы на лодке достигли Соловецкого острова, жили прежде на Каменном острове на Ладожском озере близ Валаамовой обители. Построили хижину на версте от моря близ озера, богатого рыбой. От той хижины началась соловецкая обитель. Все то можно прочесть из книг старцев соловецких Зосимы и Саватия «О сотворении жития от начальники».

Алампий. Государь милостивый, позволишь ли мне, рабу грешному, помолившись Богу и Матери Божьей, твой портрет писать?

Иван. Сможешь ли? Все мои портреты лживы, кроме маленькой фрески на стенах Новоспасского монастыря в Москве. В немецких летучих листах на обличительных портретах я - хитрый, жестокий азиат в косматой шапке, и пишут про меня ложно, будто имею я глаза серы. То у Курбского глаза серы, а меня Бог избавил. Истинно, где обретешь мужа правдива, ежели глаза его, али зекры, серы, то есть голубы. То с чужих слов обо мне судят, со слов беглецов-изменников.

Годунов. Государь милостивый, не дурно было бы с тебя портрет истинный сделать. Тем более ежели по твоему велению сватовство с датской королевной свершится, то в Копенгон пошлем для ознакомления.

Иван. Что ж, хай потщится художник, назначим время. А возьмем Ливонию всю, и Ревель, и прочие, да поставим там церкви православные, и тебе, Алампий и прочим православным художникам со товарищи их расписывать. Церкви Благовещения и Троицы и прочие. Милые мои, с Божьей помощью все то сбудется и станет такой же правдой, как и то, что ныне пятница, постный день, и мы овощи кушаем (*уходит с царевичами*).

Годунов. Несите в царскую трапезную морковь да репу с маслом, капусту с маслом поставцом, студень, орешки в соку, да свежих огурцов с медом, тако же лимонов критских в рассоле и арбузов волжских.

(*Слуги несут блюда*)

Занавес

Сцена 66

Москва. Теремные палаты. Художник Алампий пишет портрет царя Ивана.

Иван. Пиши, художник, добре, чтоб в Копенгон послать для сватовства датской королевне, а то много про меня неправды изменники лают, в титульниках европейских неправдиво изображают портреты, да дополняют словесным поклепом. Годунов, тут ли титульник? (*Берет книгу, читает*). Отсюда на закладке писано: «Царь Иван образом нелеп, очи имеет серы». То лжа. Очи, видите, темны.

Возрасту велик. То лжа. Возраст мой еще не стар.

Годунов. Государь, не возраст твой, рост имел в виду.

Иван. Росту верно велик. (*Читает*). Сухое тело имеет, плечи имеет высокие, грудь широкою, мышцы толстые. Иное верно, иное сомнительно. Пишут - орлиный нос и грозно сдвинутые брови. То хотят меня, точно хищника, Европе показать, с отталкивающей внешностью.

Годунов. Государь милостивый, не все подобно в Европе мыслят. Английские и итальянские купцы пишут, что ты, государь, привлекательный внешностью и хорош собой. Художник, ты государя чтоб подобно усмотрел.

Аламппий. Уж исхитрюсь. Как сделал с государя милостивого набросок с лица карандашом, то у себя в келье всю ночь трудился. Дорисовался до кур, сиречь до петухов.

Иван. Ты что ж, по памяти писал?

Аламппий. По памяти, государь милостивый. Черты лица у тебя, государь милостивый, запоминающиеся. Высокий лоб с большими залысинами, удлинненный, чуть узковатый нос, пышная борода.

Иван. Ну-ка, покажи (*смотрит портрет*). Нос излишне протяговен и покляп. Уменьши, да глаза поправь, помни, что царь есть помазник Божий. Изображение его должно быть в благообразном царском облике.

Аламппий. То тшусь, однако стремлюсь, чтоб в иконописной манере сохранить твоего, милостивого государя, чаровные черты, да чтоб недоумений не было. Лице твое полно сил, да длинная густая борода рыжего цвета с чреватым оттенком, большие глаза, да царственная осанка.

Годунов. Истинно, государь, в свои 45 годов ты полон сил для блага державы, Бог тому в помощь. И обликом по Божьему желанию царственен.

Иван. Бог дает власть тому, кому хочет, а не тому, кто того хочет, а все те царственные черты передаются успешно через иконопись. У святого старца Максима Грека имеется трактат, посвященный иконописанию. Помысли про такую икону для Благовещенской церкви в Риге али Ревеле, чтоб власть царскую изобразил.

Аламппий. Помыслию, государь милостивый.

Иван. В вотчине моей, в Ливонии, поставим православные храмы. Повелю митрополиту церкви освящати, чтоб митрополит вечернюю пел в новоявленных храмах, и всенощную, и заутреннюю. И буду я, царь, с царицею православною королевной датской, и сынами моими притом. Помогите, Господь, чтоб сбылось (*крестится*).

Годунов (*тоже крестится*). Сбудется, государь! Художник, чтоб портрет хорош вышел для посылки в Копенгон. Я уже оклад иконы на него заказал - серебро и золото.

Иван. Для иконы московских надобно серебрянников вызвать.

Годунов. Государь милостивый, уж вызван серебряных дел мастер Артамон да Родованка, петровы дети, которые горазды серебром образы обкладывать.

Аламппий. Государь милостивый, я иконы писаны сам чернью серебряной облагаю.

Царевич Иван. Как ты чернь делаешь?

Аламппий. Царевич-батюшка, чернь та серебряна - смесь серы, серебра, меди и свинца. То черный цвет красив делается. Им заливаю вырезанные на металле узоры. Работаю на заказ. Новгородский Софийский дом дает мне заказы также.

Иван. Откуда иконному мастерству учился?

Аламппий. Государь-батюшка, у нас от отца к сыну мастерство. У меня отец и дед иконники. Дед мой, постник Дермин, расписывал Софийский собор в Новгороде в 1509 году от Рождества Христова. У нас в Новгороде, государь, иконописцы называют себя изографы.

Иван. Иконописное дело богоугодное, сохранено в монастырях. Многие высшие патриархи гордились умением расписывать иконы, среди них и отец мой, митрополит Макарий, ныне покойный. Одно дело - любительская роспись, иное дело - мастерство, как у Рублева али Дионисия. Для храмов нам такие потребны, однако в малых храмах много икон дурных, много самоумства в иконном деле. Писать иконы научились самовольством для рыночной продажи. С ними церкви нашей православной надобно бороться, а кто иконное дело портит, того наказывать.

Аламппий. Государь милостивый, всякие есть самоучки. Также у мастеров ведомых, тобой названных, Рублева и Дионисия, не все доброе. Так, Дионисий расписывал собор Рождения Богородицы в Ферапонтовом монастыре, то употребил для изготовления красок гальку, которую собирал по

берегам местных речек и Бородаевского озера. И Рублев писал природными, земельными красками, более всего охрой различных оттенков, далее умбра, киноварь, празелень, ярь-медянка - горная сыпь, зелень. Оттого краски ныне утратили свой первоначальный цвет, а штукатурка, либо известковая побелка храмов, дурно отразилась на верхнем красочном слое. И с иконами так же. На чудотворной иконе Варварьевской Божьей матери, даденой мне для подновления, краски ныне блеклы. Особо же утрачены зрочки Божьей матери и младенца. Также почернение румянца на щеках. Я же, государь милостивый, хочу исхитриться, не так лишь бы те краски подновить, а сделать ярче, свежей и сильней, чем у Рублева краски в образе. Особо же то относится к синему цвету-фону.

Иван. Ой ли, художник, превзойти Рублева сможешь ли?

Аламий. Потщусь, государь. Иной раз мыслю - смогу. Силу в себе чую. Иной же раз сомнения, печаль. Однако потщусь. На бумаге, что Рублев писал в летописце, Троице, то выполнены те заставки золотом, чернилами и грубыми красками. Частью эти краски разведены на масле, на бумаге следы растекшегося масла. Рублев, как и иные, не знал употребления масляных красок и, верно, их не потреблял. Затем те же грубые краски особо часто употреблял. Наиболее плохо растерты красные краски, разведены на клею или на воде. Непомерно обильно применение золота.

Иван. Ты, вишь, художник, жаден сравниться с Рублевым. Зависть к нему, вишь, имеешь. Однак не судить тебя с ним, ведь самая мной чтимая православная икона - «Троица» Рублева в Троицком монастыре.

Аламий. И мной чтимая, государь милостивый. Часто хожу в Троицу на нее глядеть, да все примериваюсь сделать по-своему. И краски свои примериваю: празелень, охра, киноварь, сурик, лазурь.

Иван. То тебя, художник, гордыня мучит. А от кого гордыня, ведаешь ли?

Аламий. Ведаю, государь. Однако, государь, в живописном деле без гордыни да без того, от кого она исходит, не можно быть. И Рублев был мучим гордыней, и Дионисий, да оба к тому жадны были до денег. Дионисий иконостас Успенского собора с тремя друзьями писал, иконы-деисус, праздники и пророки, то получил огромную сумму. А Андрей Рублев за «Троицу» 100 рублей получил.

Царевич Федор. Сделай, художник, красивую икону, то батюшка тебе 200 заплатит, верно ведь, батюшка?

Иван. И 300 уплачу, если сделаешь лучше, чем у Рублева.

Аламий. У меня, государь милостивый, уж свои краски замыслены, особо для портрета твоего, также и для Варварьинской Божьей матери. Краски червень - от червь, червяк, краска из червяков особых.

Царевич Федор. Скажи, художник, как из червяков краски делать?

Аламий. Царевич, батюшка, тех червяков особых высушивают и растворяют в кислоте. А краску ярь, золотой ярил, так делаю: в сосуд из красной меди наливаю уксус, томлю в навозной куче, отсюда золотой налет, ярь-медянка. Творенное золото делаю, также ртуть и олово. Вот уж портрет государственный теми красками писал *(показывает)*.

Царевич Федор. Хороши те краски, верно, батюшка?

Иван. Краски хороши, а гордыню-то умерь, художник! Гордыня есть в православии высший грех. Я, милые мои, по себе, царю, помазнику Божьему, то знаю. Кто сам не может умерить, тот Бога должен просить, говоря: святой Боже, изойди к нам, чтоб мне хвалу воздать вседержителю *(крестится, все крестятся)*.

Аламий. Я, государь милостивый, уже немало молился. Однако все умерить себя не могу. А иной раз, государь милостивый, так желаю писать без святых образцов, от себя все писать.

Иван. То не посмей, художник! Гляди, уязвлен будешь, а окончишь тщина, сиречь пустыми руками, убогий и недостойный. Милые мои, издавна древнерусские живописцы, как и собратья Византии, писали по святым образцам. И в Европе прибегают издавна к образцам, то ехетрлѹт зовется. Без образцов святых он живопись колдовством испоганит.

Царевич Федор. Кто тот он, батюшка?

Иван. Царевич Иван, скажи брату своему Федору, кто тот он.

Царевич Иван. Не требуется борзого ума, чтобы понять. Древний змей Сатана, кому ж еще!

Иван. Сыны мои, мальчики, без святых образцов и молитвы издавна ничего не писали. Юный князь Владимир, будущий Мономах, после чудесного исцеления от болезни решил воздвигнуть в Ростове церковь подобно церкви Успения в Киевско-Печерском соборе. Для того Киевский храм был

тщательно замерен и на пергаменте сделана зарисовка. Ни одна роспись, милые мои, не выполнялась без использования каких-либо образцов. О том сказано в послании Епифания Мудрого Кириллу Тверскому.

Алампий. То мне, государь милостивый, ведомо. Однако прославленный Феофан Грек, в отличие от русских живописцев, не глядел на образцы, а все брал из головы. Когда уж все то набрасывал или писал, никто не видел, чтобы он в те образцы глядел. Когда чернец Андрей Рублев писал в Московском Благовещенском соборе с Феофаном Греком, то писали по-разному. Иконник Гречин, философ Феофан писал без образцов.

Иван. Ну, гляди, Алампий. Упатки твои хитры, повадки хитрые. Сделаешь мне храмину, то награжу, а не сделаешь - то тебе беда.

Годунов. Хочу его, живописца Алампия, с дружиною взяти церковь Богородицы расписывать, пострадавшую от пожара.

Алампий. Благодарю покорно, государь милостивый. Уж потщусь. Подновлять лишь, али можно и иные сюжеты?

Иван. Ты уж сам гляди.

Алампий. Государь милостивый, если также и иные сюжеты, то мастеров надобно поболее. Андрей Рублев с Феофаном Греком и старцем Прохором с Городца, с Данилом Черным так расписывали фрески и иконостас Благовещенского собора Московского Кремля. Так и Успенский собор во Владимире, и Троицкий Сергиево-Троицкого монастыря. В малой дружине художники хоть и разные, но близко связаны. А великая дружина не сделает ли грубо?

Годунов. Да и накладно то для казны, государь милостивый. Они теперь все до денег жадны, а казна ведь пуста ради военного времени. Владычные ребята, владычные парубки Федор с дружиною нанятые, чтоб побивати церковь святой Троицы свинцом и иными досками, затребовали преогромную плату, созвали мастеров множество, а мастера всякие, и из татар также.

Иван. Гляди, художник. При писании святых сюжетов лишь крещеные пригодны.

Алампий. То делаем, государь. Лишь крещеные пишут, однако число мастеров, государь, ныне увеличивается, и все же, ежели с работой сравнить, то их менее, чем прежде. Сюжеты ныне заказываются многофигурные, а письмо более мелкое, чем при Рублеве и Феофане Греке. Прежде мазок был более широк, да ныне подробен.

Иван. Истинно. В Софии Новгородской огромные погрудные изображения вседержителя. Сурово, да просто, наподобие византийской живописи. Также облик Богоматери Рублева, прост, но живописен, певуч. Троица проста, да изящна. Старозаветная икона новгородцев «Три ангела за трапезой у Авраама» хоть и подробна, но нет в ней изящества. Ангелы внешне объединены. А писалось то Рублевым с переводов, сиречь святых образцов - канонов, не прямо с головы, над которой сам по себе человек не властен.

Алампий. Государь милостивый, одно дело переносить с древнего иконописного перевода на загрунтованную доску, другое же - на стену храма. При нынешнем мелком письме, да многофигурности без множества мастеров не обойтись. Вот в чем беда. Ежели в новых храмах из-за холодного климата к расписанию храма у нас на Руси приступают год спустя после окончания постройки, чтоб хорошо просохнуть стенам, то в старых храмах и по холодной стене живопись не держит. По сырому грунту мастер наносит штукатурку на такой участок стены, который можно за день рабочий расписать. Как писали храм Спаса-на-Нередице, то почали в мае и стремились завершить в один сезон, а в сентябре живописные работы приостановили из-за холодов. Так же в Архангельском соборе церковь Михаила Архангела не дописали до того лета, что почали ради мелкого письма. В сезон в Новгороде не успели написать зимы ради росписи церкви Николы на острове.

Царевич Федор. Отчего же не смогли, художник?

Алампий. Государь царевич, краски не держат, особо лазурь не держит на сырой штукатурке без добавочного закрепителя из пшеничного клея, а и с закрепителем не всегда держит. Исхитряемся также, как в Киевской Руси, писать по сухой штукатурке красками, разведенными на яйце. Краски смешиваем с гашеной известью и густыми молочными сливками по сырой известковой штукатурке, чтоб по мере просыхания вода проникала в краски и закрепляла их. По всякому исхитряемся, однако не всегда помогает.

Иван. Ты с молитвой пиши, художник, чтоб подновить Варварьинскую Божью мать без ненужных

мелочей. В Махрицкий монастырь поезжай, тот монастырь в 12 верстах от Александровской слободы, в 35 верстах от Троице-Сергиевской лавры. Там икона Богородицы на троне с младенцем, ангелом и Сергием Радонежским. Также Пречистая Богородица Новгородская - икона Новгородская. На фигуре Богородицы изображен ясно зачатый в утробе младенец. Икона древняя, доска не пиленая, а тесаная в тех древних иконах. Толщина малая досок, а крепка. Деревянные древние гвозди. На новых же железницы, что доску калечит. Поземь красная полоса – на иконе изображение земли. Я ту икону давно полюбил, Годунов, надо бы ее взять в Кремль на иконостас Успенского собора, отпиши архиепископу Новгородскому Леониду.

Годунов. Исполним, государь.

Иван. Отпиши так, чтоб прислал 500 берковиц²² меда в царские погреба, рыбы также и рыбный зуб, моржовый клык поболее. Хоть Новгород и наказан мной за измену, а там во множестве богатства всякого, также и умения, также и красоты женской. Была там грешница гулящая, женка Анница, лицом красна. Взял ее сенной девушкой, думая Бога ради тут замуж отдать за стольника, али за стряпчего, а она, видишь, мастерицей оказалась, тонкошвейей, шелком покров Девы Марии шьет отменно. Как окончит, так погляди, чтоб Варварьинскую Божью мать не хуже делала. Погляди ты, художник, на ту пелену Богородицы, вышитую, аки на святой образец. Люблю я, милые мои, вышивание, особо святое. Сыны мои, царевичи, мать ваша, ныне покойная, юница моя милая, вышивала красиво. Покров Голгофа, вложенный в Троицко-Сергиевский монастырь, вышит ею собственноручно. Всегда, как бывает, стою перед тем покровом и не могу сдержать слез (*утирает слезы*). Вышито разноцветными шелками, камни Голгофы, словно драгоценные камни, освещены светом, переливаются. Два летящих и плачущих ангела.

Царевич Федор. Батюшка, как говорить надобно: ангел или агель?

Иван. И так и так, мальчик, можно говорить. У нас в семье многие шили. Тетка моя Евдокия, мать двоюродного брата Владимира Старицкого, шила. Вышила плащаницу Марии Магдалины. Лицом красива, глаза миндалевидны, на тетку Евдокию похожа, упокой господи ее душу (*крестится*). Также Мария, жена Ярославского князя Ивана Даниловича, сына князя Данила Алексеевича, шила. Мария Васильевна Глинская, сестра матери моей Елены, благоверной княгини, шила.

Входит Анница. (*кланяется*). Государь милостивый, звали меня?

Иван. Пришла, тонкопрядушка! Чем не хороша (*обнимает и целует Анницу*). Люблю я, милые мои, красивых наших женщин и девиц простонародных. Попрядуха, сельская деловица за прялкою с веретеном. Добрая и деловитая жена благоразумная своим помыслом, мужним наказанием. Не такова ли Феврония Муромская была, простая крестьянка, чудотворная, благоверная и преподобная, на которой женился достойный похвалы муромский князь Петр? Вот женюсь и я на крестьянке, чтоб вельможам досадовать (*смеется*). Пойдешь за меня, Анница? (*смех*).

Анница. Государь милостивый, я за грехи свои во имя Христа крестилась, должна Христу служить. Помни заповеди Божьи и пренебрегай соблазном мира сего. Когда разрешишь, милость свою проявишь, то в монастырь хочу. Хочу жить, как жили святые пророки и апостолы, а также мученики, и все святые ради, Христа страдавшие.

Иван. Вот достойный ответ от святости, от души, хоть и народный, низкий (*обнимает Анницу*). Царь познал жену свою аки Адам Еву вне породы. Порода тут райская, а в зачатии сила царева известившая (*смеется, целует Анницу*).

Годунов. Девка, будь благодарна за всю великую милость государеву. (*Анница кланяется*). Иди теперь, девка. (*Анница кланяется и уходит*). Художник, пиши далее портрет государя (*Аламтий пишет*).

Занавес

Сцена 67

Москва. Золотая палата. Царь сидит на троне.

²² *Берковец* — десять пудов.

Иван. Докладывай дела посольские, Щелканов, что нового стряслось в данной мне Богом прародительской державе?

Щелканов (*берет у подъячего бумаги*). От короля Батория польско-литовского панства тебе, государь, грамота. Король человека своего прислал королевского (*подает грамоту*),

Иван (*берет грамоту*). Отчего в грамоте мои царские и его королевские титулы коротки, как при войне? Ведь послано было просить о мире? Так ли?

Щелканов. Истинно так, государь. Пан Станислав Станиславович Довойнов да пан Остаплович, да писарь Петр Семашка приезжали просить о вечном мире, а вечного мира не сделали.

Иван. Вечного мира нам не надо. А взять с королем перемирие на два года от Благовещенские дни.

Годунов. Государь милостивый, с панами казаки воюют самовольно на польской Украине.

Иван. То воспретить. Виновных пороть, а в случае крайнем вешать.

Щелканов. Государь, паны воюют, то и казаки с ними.

Иван. Надобно, милые мои, использовать дипломатию, чтоб навязать шаткому Баториевому трону план раздела Ливонии.

Щелканов. Государь, то не удалось, Баторий усидел на троне. Есть, государь, сведения, что привлек к себе католическую империю Рима, обеспокоенную успехами России. Также примирился с Крымом.

Иван. Надобно такое развитие упредить. Послать в Польшу договорную грамоту, чтоб в договоре титулы обоих государей с обеих сторон возданы были по их государскому достоинству. По моему, Божьему избранничеству и Баториеву, людскому.

Щелканов. Государь, согласно дипломатии, в договоре титулы обоих великих государей надо бы указать, как они сами себя описывают.

Иван. Ну, напиши так, ради дипломатии. Знаю я с тех пор, как покинул армию, оставив вместо себя Мстиславского и Шереметьева, военные успехи наши непрочны. Рига и Задвинье в руках литовцев. Да Шереметьев потерпел поражение от Радзивилла под Веденом. Потому вскорости поеду в Псков к армии. Надобно нанести упреждающий удар.

Щелканов. Государь, по известию, сделана в Прибалтике коалиция Речи Посполитой и Швеции. С юга ногайский царь Урус тревожит русские границы. А Россия, государь, разорена. Сможет ли разоренная Россия противиться коалиции?

Иван. Действовать надобно скоро, пока коалиция не собралась (*встает с трона, ходит*). Ногайцы приняли участие в моем походе на Ливонию. Ногайцам, татарам, туркам пойдти на уступки ради мира на юге. Особо с Крымом нам ссориться непотребно. Знаю, крымский царь особо зол на меня за Казань, Астрахань, да побитие его под Серпуховим. Надобно хана умиротворить всячески. Людей надобно искать, которые с амиятами нашими в Крыму дружны.

Годунов. Таковых имеем, государь милостивый. Приехали от царя татаров Сенька Тутыев с товарищами и Бисаговский.

Иван. Крымскому царю грамоту писать золотом на большой александрийской золотой бумаге. К Баторию же грамоту писать на меньшей александрийской бумаге. Травы на золотом листе, а по сторонам нет, так же только начальное слово золотом, остальное - чернилами, как пишут в Любек или Амбург курфюрстам, бурмистрам, ратманам и торговым людям. Ибо тот Баторий их версты не выше. В Крым послать боярина Федора Нагого, а в Польшу послать Евгения Пушкина, простой дворовой чин. Сам же ты, Евгений Пушкин, отъедешь позже к императору Рудольфу в Висбаден. С каждой державой, милые мои, надо держать особое достоинство, не роняя отчины. Милые мои, надобно блюсти достоинство в своей отчине. Подумайте про отчину свою. На месте еще недавно раздробленных земель и княжеств сделалось огромное государство русское. Могут ли послы наши, грамотеи, географические рубежи хотя бы своей отчины показать?

Щелканов. Государь, на весь посольский приказ чертежей всего несколько, и те худы. Сыскан в разряде старый чертеж всему Московскому государству и всем окрестным государствам. И тот старый чертеж ветх, впредь на нем урочища смотреть не можно, избился весь и развалился. Из него бы новый перебелить (*подает чертеж*).

Иван (*смотрит*). Перебелять не следует, чертеж сделан давно, при прежних государях. На нем, глядите, Московское княжество в малых размерах, а иные, особенно Рязанское - велики. Княжества обступали маленькую Москву. Тот ли ныне царствующий град Москва. Еще недавно наша Москва была с низкими стенами, покрытая множеством бревенчатых заплат, так, что иноземцам казалось, что стены те деревянные. Ныне же крепкие каменные стены.

Годунов. Прежде всего Москва не така была народна. Ныне народом умножилась. В лета твои, благоверного царя и великого князя Ивана Васильевича, Всея Руси самодержца.

Иван. Такое умножение и развитие Москвы нашей и всей державы надобно в грамотах писать ко французскому ли королю, португальскому, испанскому, тем более к полякам, делая ссылки на старые дипломатические письма наши и ихние.

Щелканов. Государь, в московское разорение в пожарное время письма все выгорели, и тех старых ссылок ведать не по чему.

Иван. И без старых ссылок то возможно, на нынешние дела указывая, блюсти честь отчизны. Расширение на восток и в Ливонии вызывает нужду составить книгу большого чертежа, географическое описание нового русского царства с включением в него завоеванных земель. Землю велю всю измерить и чертеж государства сделать, на том чертеже города и реки, и всякие урочища подписать порознь. И в том чертеже меры верстами и милями английскими, и конскою ездою сколько ехать дней. И станичною ездою столько, сколько на день, написать. И чтоб мера была верстами положена. Особо же от Ливень от города тремя дорогами до Перекопа, и теми тремя дорогами к рекам и колодезям. И на реках татарские перевозы и перелазы, которыми татары приходят на Русь. Путь в Крым также из Путивля, на Конские воды надобен, чтоб знать броды, да по чертежу рассчитывать движение своих войск, царские сторожи, и следить за передвижением врага. Также путь от Пскова на Полоцк и Вильно, и Ригу. Все то посольскому Приказу исполнить, чтоб дипломаты рубежи наши точно понимали.

Щелканов. Государь, рубежи те наши не признаны Европою, да не одними лишь враждебными державами, как Речь Посполитая, али Швеция, также и Англия, держава, к которой у тебя, государь, особое расположение, те рубежи не признает. К нам, государь, в посольский Приказ попала карта Дженкинсона, посла английского, под названием «Описание России, Московии и Татарии». Астраханское ханство, завоеванное в 1556 году от рождения Христова, далеко за пределами Московской нашей державы показано. Не включен Смоленск - показан в княжестве Литовском, и сделана надпись «Эта часть Литвы в настоящее время подчинена империи России». Вязьма, отвоеванная у Литвы князем Патрикеевым еще при отце твоём, князе Василии III, также в Литве показана, не говоря уже о нынешних Ливонских завоеваниях (*подает карту*).

Иван (*берет карту*). То истинная недружба. И о ней надобно указать. Годунов, сколько Елизавете мехов послано?

Годунов. 44 тысячи собольих мехов, государь милостивый.

Щелканов. Государь, английская королева Елизавета твоего гонца царского приняла не во дворце, а в саду, по нашему - в огороде. Также и московского толмача, молодого парубка, отпустила без личной аудиенции. На помощь Англии нам рассчитывать в Ливонии не следует. Как бы не оказаться нам в Ливонии одним против коалиции.

Иван. Милые мои, ежели с нами, православными, так поступают, то не мы ли сами в том виновны? Иконы наши, вот нам в помощь повсюду, также и на поле сражений, также жития святых наших. На завоеванных землях повсюду православные храмы во множестве ставить, оттого и икон потребуется во множестве. Также и книг святых. Вот тогда с нами по-иному говорить будут. Годунов, надобно заготовить Указ про создание царской мастерской палаты. Особо для завоеванных земель, чтоб иконы и книги делали.

Годунов. Исполним, государь.

Иван. Царские палаты для подготовки иконописцев и умелых каллиграфов списания рукописей. Составить для них руководство иконописей подлинных, где собраны все необходимые сведения для написания икон: выбор доски, красок, покрытие золотом. Правил, которых следует непременно держаться при изображении священных лиц и событий, во избежание отступления от священного писания и предания православной церкви живописи, иконописи и церковной фрески.

Щелканов. Национального надобно держаться русского искусства, государь милостивый. А в Благовещенском соборе, также на Варварьинском кресте, Варварьинскую чудотворную Божью мать пишет новгородский художник Алампий со товарищи. Слух есть, умом исщатался, также к ереси склонен. Также и царственную летопись миниатюры и жития царские, жития святых Николы чудотворца, Сергия Радонежского да прочих можно ли ему поручать?

Иван (*недоволен*). Ты, Щелканов, своим займись. А для духовного царь есть и Святой Синод. И мне, признаюсь, более по душе тихие ангелы Рублева. А что поделаешь, милые мои, время наше

беспокойное, чаю я, светлой полосе конец, гроза подходит, воздух насыщается, небосклон заволакивает тучами. Достаточно неосторожного прикосновения, чтоб зажечь небесный пожар.

Бельский (*торопливо входит*). Государь, милостивый, Баторий пошел на Полоцк.

Иван. Вот оно к слову сказано, - искра, загорается небесный пожар (*ходит*). Легкие воеводы Хворостинин и Иван Шуйский чтоб получили приказ засесть в Полоцке.

Бельский. Уж невозможно, государь. Дороги на Полоцк перекрыты.

Иван. Ежели уж невозможно, то стоять в Соколе и ждать моего подхода. Я с силами своими пойду к Пскову, оттуда к Соколу.

Бельский. Шведский король Юхан III двинул свою армию и флот в Эстляндию.

Щелканов. Вот она, государь, коалиция, которой мы опасались. (*Иван нервно ходит*). Также с юга опасность крымская.

Иван. Силы крымцев поглощены войной с Ираном. Отдельные отряды нападать могут, меж шведами и Баторием противоречия из-за Эстляндии, то потребно использовать. Со шведами вести переговоры.

Щелканов. Государь, переговоры со шведами меж Иван-городом и меж Рогодивом на Нарве-реке, на мосту, пока без успеха.

Иван. Куда прежде прочего намеревается Баторий?

Бельский. Шпигуны доносят, от Полоцка Стефан Баторий хочет идти к Копенгаузену, потом ко Пскову, Смоленску али Великим Лукам.

Иван. Где ныне Баторий?

Бельский. Король пришел в Витебск, а многие наши воеводы еще на Волоке, Ржеве, Владимире.

Иван. В случае подхода Стефана Батория к Копенгаузену, Пскову, Смоленску, Великим Лукам помочь им, воеводам, войском, конным и береговым воеводам - с берега. Ибо татаровье занято с Ираном (*ходит*). В Нарове стоять Ивану Шуйскому, Годунову, Батурлину, еще Хворостину, аще поспеет. Куда потом пойдет Баторий, как мыслите?

Щелканов. Государь милостивый, мыслю, и только король придет в Смоленск, ко Пскову и Лукам его не чаять. Мыслю, князю Ивану Петровичу Шуйскому идти на сход к ржевским воеводам, и тогда быть с воеводами по полкам.

Иван. Так и сделаем. Князь Мстиславский, как главный воевода, чтоб занялся назначением и перемещением воевод во Ржеве, Жукове, в Старой Руссе и многих других городах. Где ныне Магнус с войском?

Бельский. Государь милостивый, то весть дурная, ее не сразу сказать решимся. Магнус перебежал к Баторию. Также и наемник ливонский Ференсбах перебежал.

Иван (*гневно*). Проклятье! Бегут, аки мыши при пожаре! Не рано ли?!

Бельский. Также лекарь твой царский Бромлеус бежал да схвачен.

Иван (*гневно*). Много лет он был при мне медиком и гадателем-астрологом. Ему я верил, а вишь, змей какой! Где он?

Бельский. На пыточном дворе. Его царевич Иван Иванович пытается.

Иван (*гневно*). Подвергнуть изменника страшным пыткам!

Щелканов. Государь, говорил ведь я, иноземцам верить нельзя! Рано али поздно изменят и прочь побегут.

Бельский. Не одни лишь иноземцы бегут, и свои бегут. И от своих имеем дела и побегания в Литву.

Иван. Какая собака побежала?

Бельский. Целая свора, Государь милостивый! Князья Лобановы-Ростовские. Тут они, связаны.

Иван (*гневно*). Сюда их, псов! По пути собаки Курбского побежали! (*Вводят связанного князя Никиту Ростовского.*)

Бельский. Князь Никита, сын Лобанов-Ростовский, первый побежал, а поймали его в Торопце дети боярские.

Иван (*гневно*). Паче кала смердяй! Кто тебя в Литву отпустил?

Никита Ростовский (*падает на колени*). Милосердный Государь, отпустил меня в Литву боярин Семен Ростовский, отец мой, сказал, что едет в Литву и все мои братья и его племянники с ним.

Иван (*кричит*). Князя Семена Лобанова-Ростовского поймать и выпросить!

Бельский. Уж тут он, пойманный. (*Вводят связанного Семена Ростовского.*)

Иван. Что, князь Семен, знаешь ли поучение: царя православного бойся и служи ему верой, и всегда о нем Бога моли, во всем ему повинуйся?! Ты же, нехристь, в Литву пытался бежать, в трудное для отечества время, когда те латыны на отечество войной пошли!

Семен Ростовский. Государь милосердный, хотел бежать от убожества и малоумства, понеже скудота у меня разума.

Бельский. Скудота разума?! А хто на государя непотребства говорил во множестве? Говорил о государе с яростью, ах ты пес лающий! Ты глава заговору!

Семен Ростовский. Не я, иные меня подбили!

Бельский. Приведите человека его, Семку! Семка Баршей, Государь, донос сделал. Семка подготовлял переезд в Литву участникам измены. *(Вводят Семку.)*

Семка *(падает на колени и ползет к царю)*. Великий милостивый Государь, не я сам побежал, они послали!

Бельский. Скажи, Семка, как было!

Семка *(показывая пальцем на Семена Ростовского)*. Он с послом литовским ссылался, с Довойной, и думу пересказывал, а потому послы вечного мира с нами не сделали, то во всем подговаривал и многие поносительные слова про царя, великого князя, приказывал. Сам он - добра ненавистник, сатана его уязви! *(Пытается поцеловать царю ногу. Царь отталкивает его ногой.)* Он хулу и укоризну на государя и всю землю делал.

Иван. Так ли, князь Семен?

Семен Ростовский. Все от малоумства говорил про тебя, царя и великого князя, а со мной ехать хотели такие же полуумы: Ростовские, князья Лобановы.

Бельский. Розыск показал: мысль бежать зародилась, как вступил в тайные сношения с литовским послом Станиславом Довойною, и поведал ему некоторые правительственные секреты.

Иван *(гневно)*. На кол его надо посадить, и иных таких!

Семен Ростовский *(плачет)*. Помилуй, Государь!

Бельский. По делам его осудить, казнить смертью, на позор послать!

Годунов. Мы приговариваем единодушно к смерти. Моли государя, чтоб ограничил твое наказание ссылкой в Белозерье!

Никита и Семен Ростовский *(плачут)*. Государь, ради деток малых! Борис, скажи слово за нас!

Годунов. Может, помилуем, государь?

Иван. Вон пошли с очей долой! В тюрьму их, там поглядим! А холопа Семку повесить! *(Ростовских и Семку уволакивают.)* Вот я, властодержец, своих врагов должен миловать, а они меня помиловали бы? *(Вводят связанного, изувеченного пыткой Бромлей.)* И ты, Елисей Бромлей, лекарь мой да астролог, побежал?! А мы тебя опекали! *(Сыну.)* Добро ли пытали его?

Царевич Иван. Добро пытали, батюшка, как ты учил!

Иван. Отчего бежал ты, Брамлей? Был ты при мне столько лет лекарем да гадателем, астрологом, гороскопы составлял.

Бромлей *(тяжело дышит)*. Пить хочу, Государь! Вели дать мне воды.

Царевич Иван. Астролог сей, батюшка, сиречь волшебник, проходимец и интриган, показал под пыткой *(берет у подъячего бумаги, читает)*: «Я, Елисей Бромлей, али Бомелей, родом из Вестфалии, учился в Англии, в Кембридже, подослан его, царя русского, врагами, Литвой и ливонцами.»

Иван. Так ли, Елисей?

Бромлей *(хрипит)*. Пить хочу, вели, Государь...

Царевич Иван *(читает)*. «Розыск показал: они, враги, к нему, царю Ивану Васильевичу, прислали немчина, лютого волхова, нарицанием Елисей, чтоб быть ему любимым и у царя в приближении, чтоб положить на царя страхование. И конечно бы отвел царя от веры, на русских людей возложил бы свирепость, а к немцам на любовь приложился. Также от иного раза Бромлей показал: лишить царя ума. Царь, в ратях и войнах ходя, свою землю запустошит, не вражью. Чтоб царь, будучи в иступи ума, многомножество рода боярского убить ему, цареви. После же и самого царя привести к желанию наконец сбежати в английскую землю и там жениться, а своих оставшихся бояр побить».

Иван. Так ли, Елисей Бромлей?

Бромлей (*говорит с трудом*). Государь, велел ты мне быть составителем ядов для опальных людей. Страшась мести родичей отравленных, решил бежать.

Иван. То врешь. Я ли тебе велел опаивать людей ядами? Не от врагов ли ты указания получил? Ты ж истинно составлял гороскопы, сулил мне всевозможные беды, но открывал пути ложного спасения! Сын царевич Иван Иванович, подвергнуть его страшным пыткам, чтоб сказал своих соумышленников.

Царевич Иван. Первоначально, батюшка, тот Брамлеус все отрицал, надеясь, что что-то переменится к лучшему. С помощью некоторых его доброжелателей, твоих, батюшки царя, фаворитов, посланных якобы посетить меня, царевича Ивана, занятого пыткой Брамлея, в действительности самому Брамлею помочь.

Иван. Кто те мои фавориты, от кого приходили?

Царевич Иван. От епископа новгородского Леонида приходили.

Иван. И там измена? Епископ новгородский Пимен был изменник, поставил Леонида, так и сей туда же? Бельский, розыск Брамлея должен положить начало второму новгородскому делу. Сам Бромлей, новгородский архиепископ и некоторые другие лица. В материалах обвинения чтоб были также показания слуг.

Бельский. Исполним, Государь милостивый! В деле Бомелея письма на греческом и латинском языках, посланные разными путями в Польшу и Швецию.

Иван. Вот где Батория и Юхана шпик сидел! Прямо подле меня, царя! Щелканов, в посольском приказе перевести.

Щелканов. Слушаюсь, Государь милостивый! Ведомо, Государь, что еще будучи в Англии, Бромлей пытался шантажом навязать свои услуги английскому правительству, писал канцлеру о бедствиях, угрожающих Англии, и обещал за деньги открыть средство, предотвращающее эти бедствия. Однако в Англии обвинен в колдовстве, посажен в тюрьму. Оттуда его вызволил и привез в Россию русский посол.

Годунов. Государь, то одно с другим не вяжется. Как же враги подослали, ежели русский посол привез?

Щелканов. Вяжется, Государь. Да еще как. С умыслом Бромлея русскому послу подставили!

Царевич Иван. Он, лютый волхов, запутавшись в интригах, решил бежать. Взял на имя слуги подорожную на поездку в Ригу, зашил золото в платье, однако в Пскове опознали его как подозрительного иноземца и в цепях привезли в Москву.

Иван. Признаешься ли во всем, Елисей?

Бромлей (*хрипит*). Государь, был я при тебе придворный медик и политический советник, оказывал тебе, Государю, разные услуги, составлял яды для впавших в немилость людей. Для брата твоего, Владимира Старицкого, для жены его и младенца... В том числе по твоему указанию, грешен, некоторых опричников: опричника Григория Грязнова, брата Василия Грязного, отравил сам, грешен, государь! (*Крестится.*)

Щелканов. Тьфу, латинским своим крестом перекрестился, сын дьявола! Имя его страх внушало даже и землякам-латынам, называли его «беглый шельмовский доктор».

Иван. Повелеваю считать Брамлея, иноземца и еретика, колдуном и обвинить во всевозможных преступлениях. Пытать далее! (*Бромлея уволакивают.*) Милые мои, хитер дьявол да слуги дьявола! Сей колдун Бромлей впервые познакомил меня с гаданием по звездам и использованием астрологических книг и таблиц, также с составлением гороскопов. Все то я делал, хоть церковь наша православная не одобряет. Астрономией, злыдень, альманахами меня соблазнял, и иными составами еретичными, кобами бесовскими. Святой старец Максим Грек, философ, и иные философы да церковные писатели указывают, что астрология отвлекает христианство от церкви. Отныне отлучать от церкви всех, кто прибегает на помощь колдунам-инородцам, выдавать их властям для казни по городским законам. Исполнить то, Бельский!

Бельский. Исполним, Государь милостивый!

Иван. Волхвам и чародеям, земным посланцам нечистой силы, святые должны противостоять с их чудесами: Сергей Радонежский, Николай Угодник, Моисей Муромский, Дмитрий Прилуцкий, Прасковья Пятница да прочие. Сей злой волхв Бромлей при приготовлении лекарств не к молитвам прибегал, а к заговорам и оберегам знахарей и ворожеев. Издавна не по душе мне то было, и сейчас, милые мои, за грехи наши бесы часто сильнее святых. Даже и иные аскеты изнемогают от борения с

кознями. Оттого-то потребно нам посещение святых мест для укрепления души, особо Троицы да Кирилло-Белозерского монастыря.

Царевич Иван. Давно мечтаю, батюшка, поехать с тобою да братом Федором по монастырям святым.

Иван. Святая обитель Кирилло-Белозерский монастырь тесно связана с жизнью нашего московского царского двора. Туда отец мой Василий Иванович приехал с матерью моей, княгиней Еленой, покойной, к праху преподобного Кирилла, моля чудотворца разрешить княгиню от бесплодия. Спустя два года родился я, царь Иван Васильевич Всея Руси, да на радостях отец мой Василий Иванович щедро отблагодарил братьев и заложил в монастыре две церкви: Усекновения главы Иоанна Предтечи на горе и Гавриило-Архангельскую. Туда поедем после Ливонии со святыми дарами, с драгоценными уборами, также и для икон Успенской церкви, и с драгоценным окладом для находящегося в ней Христофорова Евангелия. Ныне же, перед ливонским походом, поеду в Троицу, к любимой своей рублевской иконе, ведь победа в бою, как и исцеление - все от чудотворных икон.

Царевич Иван. С радостью, батюшка, молиться буду с тобой вместе и с братом Федором перед той иконой святой рублевской, созданной в похвалу святому Сергию Чудотворцу.

Иван. Иван, сын, мальчик мой, перед той иконой святой Троицы молиться надобно без слов, чтоб не отвлечь внимания трех ангелов, погруженных в тихую беседу. О чем та беседа, Иван, сын? То призыв к жертвенной любви и согласию, поскольку самоотверженная любовь к Родине была особо потребна во времена победы предка моего, Дмитрия Донского, на Куликовом поле. Тоже потребна ныне и нам победа над врагом в Ливонии. Умолим о том Бога! *(Крестится. Все крестятся. Царь Иван в сопровождении царевича уходит.)*

Занавес

Конец шестого действия

Конец шестого действия

ДЕЙСТВИЕ СЕДЬМОЕ

Сцена 68

Новгород.

Иван. Отсюда, из Новгорода, шестнадцать лет тому почал я победный поход на Полоцк, отвоевал его у Литвы. Ныне первый удар Баторий направил на вотчину мою, Полоцк, а предвидено сие не было воеводами да советниками. Ты, князь Мстиславский, главный воевода, отчего не предвидел?

Мстиславский. Государь милостивый, мы, воеводы твоей державы, держались плана, выработанного в Можайске: сбор главных сил у Волоколамска, оттуда к Пскову.

Иван. Тот план выработан был, чтоб упредить нашествие, потому наступление на немецкую Ливонию. Прибыв с войсками в Псков, я, царь, отрядил воеводу Хилкова с отрядом дворян и татарской конницей в Курляндию.

Бельский. Государь милостивый, добро погромил воевода курляндских немцев.

Царевич Иван. Батюшка, однак к моменту вторжения армия разъединена. Гонец Тимофеев сообщал, что удар на Полоцк, но ты, батюшка, не придавал значения его словам. Гарнизон полоцкий не был усилен.

Иван *(недовольно)*. Ты, Иван-сын, взялся за противоречия. Не по науцению ли дядьев своих Романовых? Мстиславский, двинулись ли воеводы на выручку крепости?

Мстиславский. Государь милостивый, на выручку крепости двинулись воеводы Шеин и Шереметьев. Но, не решаясь сразиться в открытом поле с войсками Батория, они заняли ближнюю к Полоцку крепость Сокол и стараются препятствовать подвозу провианта противнику.

Иван. Русская армия боится сего венгерца, который бросил на весы судьбы свой меч и свое счастье!

Выскачка, добившийся короны! Бельский, что доносят шпики о сем незнакомце- венгерце?

Бельский. Согласно указам великого государя, шпики доносят: сей Баторий есть чистой венгерской расы как по своему отцу Этьену Баторию Сомлио, так и по матери Катарине Телегда, и происходит из хорошего, достойного дворянского рода.

Иван. Что есть, милые мои, у венгерцев и шляхты тот хороший и знатный род? Всякий мужик, кто имеет лишний кусок земли. Ежели собака присядет отдохнуть на пахотной земле такого хорошего и знатного дворянина, то хвост ее обязательно окажется на поле соседа. *(Смех)*. Их дома отличаются от сельских светлиц лишь наличием крыльца и дворянского герба. *(Смех)*. Желая показать свое дворянское достоинство, такой дворянин носит саблю без ножен, или в ножнах из кожи угря. *(Смех)*. Однако читай далее.

Бельский *(читает)*. Внешность Батория типично мадьярская: низкого роста, коренастый, с выдающимися скулами, длинным носом и низким лбом. Лицо его массивное энергично и сурово, никакого изящества, взгляд неопределенный и дикий. Он не носит перчаток. После коронации, обуваясь по-польски, он пренебрегает чулками. Здоровье его неважное. Он уже давно страдает какой-то болезнью, хоть на вид здоровый человек. Во время службы при императорском дворе он страдал припадками апоплексии или эпилепсии, по-нашему трясовицы. На левой ноге его никогда не закрывающаяся рана, отчего он носит повязку.

Иван. И этого венгерского мужика с внешностью разбойника боятся русские князья, воеводы? В Москву вернувшиеся из Польши послы утаили от меня, царя: с Баторием идут немногие охочие люди из литовской шляхты, а поляки идти не хотят. Моя же русская армия - в 300 тысяч человек, я, царь русский, могу потопить польскую армию в волнах своего войска и направить его течение на Вильно и Варшаву. *(Ходит)*. У Батория иссякнут средства, ему не прокормить солдат своими венгерскими вшами! *(Смех)*. Мстиславский, пошли ли воины к Ведену?

Мстиславский. Не пошли, государь.

Иван *(сердито)*. Не пошли? Я уж дважды давал приказ послать войска к Ведену!

Бельский. Не имеем ли снова дела с изменой, великий государь?

Мстиславский. Государь, воеводы просят отменить приказ идти к Ведену: не с кем, людей мало!

Иван *(гневно)*. В русской армии 300 тысяч - и людей мало?

Царевич Иван. Государь-батюшка, дворянское твоё правительство, прежде прочего думные дворяне Афанасий Нагой, Богдан Бельский да Борис Годунов, ложно тебе про дела говорят, чтоб тебя ублажать и дурного не сказать.

Мстиславский. Государь милостивый, вот расчет разрядного приказа. *(Берет бумагу)*. За вычетом гарнизонов, 23 тысячи бояр, боярских детей и дворян, у тебя остается 10 тысяч служивых людей, и каждый из них приводит с собой двух вооруженных всадников. Это составит 30 тысяч всадников, али по точным подсчетам 31 596 всадников. Кроме того, у тебя, царя, 15 тысяч стрельцов и казаков, пеших и конных, 6 461 человек татар и 4513 человек различного рода оружия, среди них иноземцы: голландцы, шотландцы, датчане и греки. В общем то 57 689 человек из 110 тысяч человек всей русской армии. Есть посошные люди, набранные для нужд войны, однако, Государь, те люди могут употребляться лишь для земляных работ и некоторых услуг в армии.

Иван. Ежли все так, то означает, что разряд дурно провел мобилизацию, что не равно ли измене в военное время? Было мной указано: все конные и пешие пищальники должны со своим оружием, порохом и свинцом собраться перед ливонским походом, а велел собрать в Вятке, Балашихе, Костроме и иных городах пеших людей, которые были бы собой добры и молоды, и резвы, из пищалей и луков стрелять горазды.

Мстиславский. Государь милостивый, дворяне не идут в войско, много нетчиков.

Иван *(гневно)*. Как так: не идут? Указано ведь в титле: неявившихся на смотр, тем более в поход служивых людей - «нет» ставить. А нетчику в мирное время конфискация имущества, в военное - телесное наказание, тюрьма, смерть даже. Милые мои, Русь - держава самодержавная. Разница в положении моем и Батория - то, что я, государь-самодержец, не имею необходимости выпрашивать у сейма средств и взывать к доброй воле своих подданных, чтоб пополнить армию. Личность и имущество моих подданных - в моей царской власти! *(Кричит)*. Нетчиков сечь кнутом, а иных, особо злостных, казнить, заживо топить! Пиши указ, Бельский!

Бельский. Слушаюсь, Государь милостивый.

Иван. Нетчиков бить кнутом и выселять на государственную службу в порядке принуждения. В случае

бегства сына боярского наказанию подвергается семья. Войскам брать под стражу его детей и слуг.

Царевич Иван. Государь-батюшка, на одни наказания полагаться нельзя. Нетчиков и прежде били кнутом, забивали в цепи, предавали на крепки поруки, брали под стражу и детей, и слуг. В последнее время даже и к большим дворянам такие меры. Но мобилизация проводится все трудней, воеводы отменяют наступления, дети боярские не собрались, иные бежали с войны по поместьям!

Иван (*гневно*). Таких наказывать беспощадно!

Царевич Иван. Батюшка, служивые дворяне не все коней имеют и доспехи, многие воюют просто на коне, в саадаке и в сабле!

Иван. То мне, Иван-сын, ведомо. Иной бедный дворянин панциря не имеет, а слуга богатого дворянина имеет. У главных, таких как Мстиславский, Шереметьев али иные подобные вельможи, лошади покрыты богатой сбруей, седла из золота, парчи, узды также роскошно убраны золотом и шелковой бахромой, унизаны жемчугом и драгоценными камнями. Сам же в щегольской броне из блестящей булатной стали, сверх которой - одежда из золотой парчи, с горностаевой опушкой. А воюют дурно! Так ли, Мстиславский?

Мстиславский. Государь милостивый, мы, вельможи, с иными вместе терпим убытки. Вся Русь разорена войной, утомленные войной дворяне растеряли прежнюю воинственность и не заявляют боле, что готовы положить голову за одну десятину государственной земли.

Иван (*гневно*). Правда ли то? Не слухи ли то, с умыслом врагами распространяемы? Вы же повторяете им вслед!

Царевич Иван. То истина, государь-батюшка! Разруха усилилась, и усилилось разорение дворянства, особенно мелкого, обедневшего. Служилые люди громко заявляют о том, что не могут нести свою службу с пустых вотчин и поместий. Утомлены войной дворяне. Многие обращались ко мне, наследнику, с настоятельной просьбой войну закончить, поскольку им невозможно служить, имея запустелые поместья. Многие дворяне самовольно покидают полки.

Бельский. Государь великий, и на твое имя писали иные из тех нетчиков, однако мы те письма тебе не давали, а писавших преследовали, как ты указывал и указываешь.

Иван. Иван, сын, знаешь ли, и я стремился и стремлюсь к миру, однако враг того не желает. Я выпроводил оба польских посольства, присланных одно за другим Баторием ко мне, царю, для выигрыша времени, предъявлявших нам невозможные требования. И ныне прислал он посла для того же. Нагой, тут ли посол?

Нагой. Государь, посол Батория Лопатинский, как ты велел, дожидается приема.

Иван. Вели ему еще подождать. Скоро будут вести из Ливонии. (*Ходит*). Я согласился подписать перемирие на три года, но остановка военных действий не относится к вотчине нашей Ливонии. Внесен ли в русский текст договора пункт, запрещающий полякам вмешиваться в ливонские дела?

Нагой. Тот пункт внесен, Государь. Но поляки отказались принять его, заявив, что и они в Ливонии дома.

Иван. Позвать того Баториева посла да указать ему про сию наглость!

Нагой. Слушаюсь, Государь! (*Посылает слугу*).

Иван. Обычно разногласия среди нашего царского дома надобно скрывать от врага, чтоб его не возрадовать. Однак ежели ли бы изменникам то стало ведомо, да слух вылез наружу, то сделать наказ послам нашим, особо Писемскому в Англии. Ежели королева спросит: «Нет ли в вашем государстве в людях какой шатости?», послы должны сказывать: «Люди в государстве нашем у государя в твердой руке, а в некоторых людях и была шатость, и люди, вины своей узнав, государю били челом и просили у государя милости, и государь им милость свою показал».

Бельский. То исполним, Государь! (*Входит посол Венцлав Лопатинский*).

Лопатинский. Ясновельможный русский царь, прислан я к тебе Баторием говорить о мире или о войне.

Иван. О мире ли говорить пришел, не о доме ли моем ливонском?

Лопатинский. Ясновельможный царь, в Ливонии обе стороны чувствуют себя дома, король то велел сказать.

Нагой. Государь наш против короля стать готов.

Бельский. Теперь Москва не старая, государю у них в Литве да Польше мира не выкупить.

Иван. Мы знаем, паны и шляхта утомлены войной и не желают новой войны. Мечта о великой Польше приведет к краху, оттого, желая мира, отпустил я польских пленных без окупы, а за своих заплатил окуп.

Лопатинский. Я пришел иное сказать, пришел, чтобы государь русский знал: нечто изменилось в Вильно и в Варшаве, у нас теперь постоянный король.

Иван. Что такое ваш трансильванский князь? Никто об этом княжестве до сих пор ничего не слышал! Вашего короля мне, государю, и братом назвать нельзя! Ежели вы захотели б избрать в короли какого-либо Ивана Костку, простого дворянина, я и его должен был бы назвать братом? *(Смех).* Ливония - мой дом, не Баториев, так ему и скажи!

Нагой. И драницей, сиречь доской с кровли одного дома в одном городе государь наш не поступится!

Лопатинский. На Москве что делается, мы также знаем: людей нет, а что есть - те худы. Строения людям нету, в людях рознь.

Нагой. То фальшеры так говорят. Над государством нашим какого-нибудь греха не видим, а только милость Божью и благословение. Вы еще с Богом не беседовали, а человеку того не дано - знать, что вперед будет. Государь наш добрый, рослый, полный, красивый, государь разумный и счастливый. Сидит он на своих государствах по благословию отца своего и правит сам, против Батория избранного и ограниченного.

Бельский. Людей у моего государя много, вдвое против прежнего, потому что к людям своим он милостив и жалованье дает им, не жалеет своей государственной казны, и люди ему все с великим радением служат, и впредь служить хотят, и против всех его недругов помереть хотят. В людях розни нет никакой!

Гонец *(входит).* Государь милостивый, донесение от воевод!

Иван. Вот и вести из Ливонии! *(Берет донесение, читает).*

Лопатинский. Государь, хороши ли вести? Иже, Государь, ты наконец узнал, что кое-что изменилось в Варшаве. Ныне Речь Посполитая: Польша, Литва, Украина, Беларусь, Курляндия - крупнейшее государство Восточной Европы. Король мой, Стефан Баторий, направил меня, гонца, сообщить об объявлении войны. *(Обнажает саблю и подает грамоту).*

Иван *(взволнованно и гневно).* Посла Лопатинского, привезшего объявление войны, силой держать в Москве! *(Посла обезоруживают и увлакивают).* Мои царские русские войска разбиты, Полоцк и крепость Сокол взяты Баторием. *(Ходит нервно).* Как то случилось? Отчего не пошли к Ведену, как я велел?

Гонец. Государь милостивый, русские воеводы по твоему царскому приказанию двинулись к Ведену, но были окружены. Поляки под начальством Андрея Сапеги и шведы под начальством герцога Боэ объединились и заставили принять бой в открытом поле. В этом бою русских пало шесть тысяч, погибло четыре воеводы, четверо взяты в плен...

Иван. А татарская конница под начальством Голицына?

Гонец. Государь милостивый, татарская конница Голицына избежала разгрома, отступив.

Иван *(в бешеном гневе).* Отступив?! Бежал, обратился в бегство, чем ускорил поражение русских! Бежали, все бежали! Бежал старый воин, окольный Иван Шереметьев, бежал мой доверенный, приставленный к войску дьяк Щелканов, все бежали! И воевода князь Борис Шеин бежал?

Гонец. Нет, Государь милостивый, воевода князь Борис Шеин убит. Кровапролитие было сильное, русские бросали оружие, молили о пощаде, но их кололи и били.

Иван *(яростно).* Повсюду измены! Полоцк с артиллерией и гарнизоном сдали!

Гонец. Государь милостивый, осажденные в Полоцке оборонялись с упорством, три недели сдерживали несколько жестоких штурмов, но сдались, когда сгорели все укрепления города. Венгерская пехота и немецкая артиллерия зажгли стены города. Баторий применил под Полоцком новую свою выдумку - раскаленные ядра, которые вызывали пожар в стенах и внутри города.

Иван *(яростно).* Где была наша артиллерия? Мстиславский, где была наша артиллерия?

Мстиславский. Государь милостивый, войска подошли, артиллерия, наряд двигалась неспешно. Многие посошные люди к наряду не успели, а которые пришли, и те немногие разбежались, а которые остались, у тех лошади под нарядом не идут, особо в непогоду.

Иван. И укрепленный город Сокол сдали нерадивостью своей и изменой, так ли, гонец?

Гонец. Государь милостивый, вслед за Полоцком город Сокол взят был поляками приступом.

Иван *(бешено ходит, потом останавливается перед Мстиславским).* Вы, нечистый род, говорили, что Полоцк и Сокол неприступны и что король не сможет захватить этих замков, и вот Полоцк и Сокол потеряны, воины и прочие люди убиты. Тебе, главному земскому воеводе Мстиславскому, я, царь, припомню твое литовское происхождение! Бельский, готовь указ: обвинение Мстиславского в

предательских замыслах!

Бельский. Исполним, Государь!

Мстиславский (*испуганно*). Государь милостивый, служил тебе издавна верой и правдой!

Иван (*гневно*). Молчи, старый пес! Ты, старый пес, до сих пор насыщен полностью литовским духом! Ты мне говорил, чтоб я выслал тебя с моими сыновьями в Полоцк для противодействия польскому королю, ясно мне твое коварство! Так ты намеревался стать вероломным и подвергнуть крайней опасности моих сыновей!

Мстиславский. Государь милостивый, о том просил меня сын твой, царевич Иван Иванович!

Царевич Иван. Государь-батюшка, истинно, я о том просил. Ныне же стоим мы тут, в Новгороде, с большим войском, а надо бы идти, выручать стесненный гарнизон.

Иван. Помолчи, Иван, сын, мал ты еще, да не постиг их, вельмож, измен и коварств! Они весь наш род Калиты извести хотят, а посадить на трон иных. Не боярина ли Федорова-Челяднина дума вместо меня посадить хочет? Так ли, первый боярин думы Мстиславский? Ответа не знаешь? После сего вопроса почну колотить тебя, первого боярина, доброй палкой! (*Бьет изо всех сил Мстиславского, пока не ломается палка*). Бил бы еще, да жаль, палка сломалась! Вы все с изменником Курбским заодно, так ведь! Что Курбский?

Гонец. Государь милостивый, скорбно о сем говорить. Изменник князь Курбский с литовским отрядом пересек русские рубежи и зашел с тыла. Благодаря хорошему знанию местности сумел окружить наш полк, загнал полк в болото и разгромил. Семьсот больших бояр и детей боярских взяты в плен.

Иван (*гневно*). Клятвопреступник Курбский! Беглый боярин пишет свои изветы да льет русскую кровь! Злобесным собачьим умышлением, подобно псу лая и яд ехидны изрыгая. Знай же, проклятый, разъярившись на меня, царя, разъярился и на отчизну свою! Или мнишь, окаянный, что убережешься? Нет уж, ежели тебе и далее придется с ними, врагами нашими, воевать против Руси, тогда придется тебе и церковь православную разорять, и иконы попирасть, и православных христиан убивать. Ежели где и руками не дерзнешь, то там много зла понесешь смертоносным ядом своего умысла! (*Гневно ходит*). Ты, русский вельможа давнего ярославского рода, участвуешь в военном нашествии врагов на Русь? Представь же себе, как во время военного нашествия конские копыта попирают и давят нежные тела православных младенцев. А разве твой и тебе подобных злобесных собачий умысел изменить не похож на злое неистовство Ирода, явившегося убивать младенцев? А еще меня обвиняешь в жестокости! Разве жестокость - казнить таких изменников, как ты?

Царевич Иван. Батюшка, пойдем с войском выручать Полоцк!

Иван. Нет, Иван, сын, ныне пойдем из Новгорода ко Пскову. (*Уходит*).

Занавес

Сцена 69

Полоцк. Отблески пожаров, крики, плач, всюду трупы. Выстрелы и колокольный звон. Солдаты бьют и грабят, тащат добычу.

1-й русский пленный. Паны, пощады, я уж покорился! Возьмите с шеи моей цепочку золотую, ожерелье с гривной! (*Протягивает цепочку.*)

2-й русский пленный. Паны, пробудитесь жалостью к убиваемым братьям, ведь и вы тут христиане, в ляхской земле!

Иван Шекенберг. Чухонцы, нечестивого врага, проклятых московитов бейте всех до единого! Тем как настоящие воины Христовы совершите подвиги, ибо вы, чухонцы, зло страдали от них, москалей-пришельцев! Хотим очиститься от той нечистой московской скверны! (*Воины бьют пленных. Вбегают венгерские и польские воины, вырывают друг у друга добычу.*)

Поляк. Пся крев, проклятые угрины! То наши жидаы, то нам их бить и грабить! Подите прочь, до своих жидов, в мутянски да валашски земли свои, да там грабьте!

Венгр. Мы, мадьяры, с Будины на Дунае пришли с кралем своим Стефаном, здесь наша добыча!

2-й венгр. Мы, мадьяры, первые стены зажгли и город взяли, и то добыча главная нам, таков обычай наш и земли нашей.

2-й поляк. Тут земля ляхов, тут все наше! Те слитки золота наши! (*Вырывает мешок с золотом у венгра.*)

Венгр. Магьяры, становись в боевой порядок! *(Выхватывает саблю.)*

Поляк. Ты, венгерский холоп, не имеешь почтения! Польские рыцари, станем против угорских холопов, холера ясная! *(Дерутся. Крики дерущихся венгров и мадьяр и убиваемых пленных. Входит король Стефан Баторий, окруженный военачальниками и свитой.)*

Стефан Баторий *(кричит сердито)*. Чего ради такое зло?! *(Выхватывает саблю и бьет ею одного из дерущихся поляков.)* Всяк так погибнет, я, король, разбоя не допущу!

Малецкий. Ясновельможный король, то оказался наемник мой, состоящий на службе у меня, гетмана Малецкого, и я, важный сановник державный, очень в обиде на тебя, ясновельможного короля, что ты по вспыльчивости его саблей ударил.

Баторий. Я, король, ударил его саблей ради закона, при виде грабежа Полоцка и междоусобицы, да за пограбление. И я хочу закон наш тем подтвердить, чтоб крепче его держались, и чтоб грабежу больше не было.

Малецкий. Ясновельможный король, воины наши грабят пришельцев-москвитов да жидов, врагов Христа.

Баторий. Я хочу быть господином в своем королевстве, и потому не делаю разницы между вельможей, старостой и простым евреем. Гетман Замойский, чтоб не было более грабежей! *(Сердито кричит.)* Граблящих велю побивать, прибывать награбленное к телу им железными гвоздями и отпустить со словами: «Идите и скажите всем, что государь наш не привык терпеть от нас такие бесчестья!» По сему поводу издать манифест.

Замойский. То совершим, как велишь, ясновельможный король!

Баторий. Пан Жалкевский, откуда слышен колокольный звон и выстрелы?

Жолкевский. То, ясновельможный король, от православного храма. Город сдался, но епископ Киприан отказался признать сдачу и с некоторыми боярами заперся в церкви Святой Софии. С ним ведет переговоры князь Курбский, но пока успеха не имеет.

Баторий. Взять их силой!

Жалкевский. Как приказываешь, ясновельможный король, так сделаем! *(Посылает гонца.)*

Баторий. К упорствующим не должно быть пощады, однако пленным надобно щадить. Так же и мирных граждан. *(Слышны крики.)* Не пленных ли режут?

Жолкевский. То, ясновельможный король, пленных москалей чухна режет. Ополчение их чухонское под начальством Ивана Шекенберга, призванного Анибалом за свою храбрость, отличается против русских бесчеловечной жестокостью. Нет пощады ни одному русскому, попавшему им в плен, и мы, поляки, ничего не можем против того сделать!

Баторий. Привести ко мне Ивана Шекенберга. Резню пленных запретить под страхом смерти!

Малецкий. Ясновельможный король, однако тут нет возможности поступать по юриспруденции Падуанского университета! Москали убили всех наших пленных при осаде Полоцка! Трупы их были брошены в реку иплыли перед глазами осаждавших!

Баторий. Панове, мне известны эти и подобные эксцессы со стороны русских. Несмотря на это, армия Речи Посполитой и следующие за ней наемные европейские воины должны прибегать к наказанию очень редко, давая урок цивилизованного мира! *(Входит Иван Шекенберг.)* Шекенберг, ежели и далее будешь творить с людьми твоими такое зло, посадим тебя на кол, а твоих людей велю колесовать.

Шекенберг. Король, ты поставлен казнить злодея и награждать добродетель. А люди эти, москали русские, творили страшное зло, и по делам их наказывают.

Баторий. Безоружных пленных по христианскому латынскому закону бить нельзя. Панове, надобно обрисовать завязавшуюся борьбу в истинном свете. Хотя ведут борьбу два народа одной семьи, но все же они - представители двух разных миров. Гетман Замойский, пусть памфлетисты пишут манифесты о гуманном ведении войны.

Замойский. Ясновельможный король, никогда еще полководец в подобного рода победных манифестах не вдохновлялся столь благородными идеями. Но, ясновельможный король, осуществить их будет тяжело!

Жолкевский. То правда, ясновельможный король, трудно в кровавой войне сдержат пыл воинов, доходящий до безумия! Они иногда разгоняют лошадей и ломают копья о стены осажденных городов!

Замойский. Ясновельможный король, венгерская пехота, опытная в осадных войнах, первая на приступе, но первая и в грабеже, часто обнаруживает неповиновение. Шляхта в промежутках между сражениями поднимает споры о важности достигнутых выгод. Оттого при Полоцке грабежи: поляки, литовцы, венгры и прочие бьют друг друга.

Жолкевский. Ясновельможный король, Полоцк можно было взять и без штурма, один из русских воевод, Петр Волынцев, со своими стрельцами послал сказать тебе, королю Баторию, что они сдаются, но венгерцы, рассчитывая получить город на разграбление, убили русских парламентаров, спустившихся со стен осажденной крепости.

Баторий. Все то знаю, панове, то мне ведомо. Знаю, что действовать мне в трудной обстановке в шляхетской республике-вольнице, в наш беспокойный военный век, когда вся Европа составляет громадный рынок вербовки, когда уж не война вызывает солдат, а нередко воинственные, незанятые, не способные заняться мирным трудом люди, создают войны, до бесконечности тянут их. Однако наша война иная. То, панове, война Европы против Азии, цивилизации против варварства. В войске моем встречаются чуть ли не все нации Европы. Помимо поляков, литовцы, русские, венгерцы, которых я набрал в своих новых и старых владениях, под знамена мои стекаются немцы, бельгийцы, шотландцы, французы, итальянцы. Знаю, очень трудно держать дисциплину среди этих искателей счастья и добычи, выходцев из всех стран Европы, среди этой массы мелких предпринимателей и торгашей, продающих свое военное умение. Коли Фарнезе и Мориц Таранский держали свои наемные армии, веря в счастливую звезду, то мы же, панове, держаться должны иным.

Замойский. Чем же, ясновельможный король?

Баторий. Верой в Пана Бога и Матку Бозку. Религиозное чувство столь сильное требует от солдат истинной религиозной морали. Смесь солдат всех стран,двигающихся в сопровождении памфлетистов, писак и типографов, представляет латинский запад. Тут ли наши писаки?

Замойский. Тут писаки от Литвы и от немецких цайтунгов.

Баторий. Пусть пишут манифест, ибо ныне под славянскими знаменами повторяется восточное нашествие, только в обратном направлении, против монголоидной Москвы. Эта победоносная война может рассматриваться как завет Польши другим странам Европы и спасение Польши, а с ней и всей Европы от русского свирепого медведя. Никогда еще война не велась с большей умеренностью и гуманностью по отношению к земледельцам и мирным гражданам! Замойский, надобно издать циркуляр, в котором я, король Стефан Баторий, обращаюсь к дворянам, дворянству полоцкой земли.

Замойский. Про что циркуляр, ясновельможный король?

Баторий. Циркуляр должен быть настоящей хартией, обеспечивающей заинтересованным лицам их льготы и привилегии. Регламент, применяющийся во время этой кампании, запрещает убивать детей, стариков, духовных лиц, насиловать женщин, уничтожать и портить посевы, даже для корма лошадей. Этот регламент применять, несмотря на насилие и зверства со стороны русских. Военные судьи, снабженные широкими полномочиями, должны поддерживать в армии строгую дисциплину, опирающуюся на религиозную мораль. Даже для пароля должны служить всякие предостережения: «Боже, прости нас, грешных!» и «Господь наказывает злых!» В манифесте надо обещать уважение личной собственности и привилегии мирному населению, запрещать и подавлять всякого рода насилие. Манифест приказываю отпечатать на польском, немецком и венгерском на станках, которые должны сопровождать наше войско в течение войны, ибо мы, Речь Посполитая, начинаем войну соответственно европейским нравам нашей эпохи. Прежде чем заговорить языком пороха, надобно потратить немало чернил и типографской краски. Этот манифест, с целью оправдать мое предприятие и примирить с ним общественное мнение внутри страны и за границей, выпустим как можно скорее, уже в Сквире, куда намерен перейти из Полоцка. Отправить манифест в Польшу, Германию, Венгрию и Рим.

Жолкевский. Ясновельможный король, колокольный звон затих. Видно, с запершимися в русском храме покончено.

Баторий. Что ж, манифест и декларация не исключают некоторой жестокости, необходимой в наше время.

Немецкий памфлетист. Великий король Стефан, у нас в Нюрнберге и немецкая пресса старается удовлетворить любопытство своих читателей, жадных до новостей о польской войне против

России. Помимо листков «Цайтунг», мы издаем брошюры с виньетками, однако все ли можно писать? Мы слышали, что ты, великий король, издал указ, угрожающий смертной казнью памфлетистам враждебных сочинений, и один памфлет, напечатанный в Кракове, вызвал твое наказание! В нем было сказано, что ты, великий король Стефан, желая произвести впечатление своими декларациями, рассчитанными главным образом на гласность, сам же приказал подвергнуть попытке пленных, добываясь от них сведений! Так же с возмущившимися казаками поступил! Так же, как русский царь Иван, приказал казнить по десяткам и трупы рубить на части!

Баторий. Не всегда и не во всем возможна мягкость, mein Herr, и ваши немецкие законы о печати тоже не отличаются мягкостью. Но все-таки, принимая во внимание варварство, никогда не отделяющееся от той кровавой игры, которая именуется войной, мы можем утверждать: со стороны Речи Посполитой война эта ведется благородно. Летописи прошлого и нынешнего века не отметили ни одной такой войны: при одинаковой храбрости, противники имеют разные физиономии. *(Входят польские и литовские солдаты с князем Курбским во главе. Вводят русских пленных. Среди них - епископ Киприан в разорванной рясе.)*

Курбский. Ясновельможный король, полоцкий владыка в плен с некоторыми воеводами, стрельцами и пушкарями не соглашались сдаваться и хотели взорвать себя на воздух, но мы их не допустили до того, вытащили приступом из церкви Святой Софии и привели к тебе, королю. Среди воевод - князь Василий Сацкий, окольный Василий Воронцов да иные.

Баторий *(подходит к пленным)*. Как вы можете служить так усердно тирану?

Василий Сацкий. Мы, русские, преданы царям и милостивым, и жестоким.

Баторий *(подходит к пленным. Одному из раненых, лежащих на носилках)*. Как твое имя?

Воронцов. Я - окольный Василий Воронцов.

Баторий. И ты готов служить своему кровавому царю, который вовлек тебя в кровавую войну, а сам бежал?

Воронцов *(говорит с трудом)*. Моя жизнь - ничто. Царствовал бы мой государь.

Баторий. Князь Курбский, и ты утверждал, что существует борьба между царем и вельможами и защитниками старого порядка?

Курбский. Ясновельможный король, ожесточенная борьба не исключает смирения перед силой, составляет характерную черту русского национального духа. Это варварство, что сохранилось от татарского ига. *(Крестится.)*. Это обмануло многих европейских наблюдателей.

Немецкий памфлетист. Мы в Германии издавна с интересом следим за происходящим в России, особенно за нынешним царствованием, и осведомлены о великой популярности царя Ивана в своей стране. Тому, кто занимается историей его правления, тем более должно казаться удивительным, что при такой жестокости может существовать к нему любовь народа, любовь, с трудом приобретаемая прочими государями посредством снисходительности и ласки. В нашем «Цайтунге» был напечатан рассказ, как один боярин был посажен по приказанию царя на кол. В течение 24 часов он терпел эту ужасную казнь, не переставая говорить с женой и детьми, и все повторял: «Господи, помилуй царя!».

Курбский. Если такое и случается, то от варварства, к тому же лучших людей перебила опричнина. Лучших воевод, лучших полководцев, оттого и поражение.

Жолкевский. Князь Курбский, однако одним тем нельзя объяснить неудачи царя Ивана. За исключением русской артиллерии и нескольких сотен иностранных солдат и офицеров, против европейской армии нашего короля Батория стоит старая московско-азиатско-русско-татарская армия.

Замойский. Московский завоеватель сорвался на слишком крупной игре, ибо против него стоит знаменитый противник, наш король Стефан Баторий, которому выпало на долю разгромить создание двух великих Иванов: Русскую Империю, угрожающую цивилизованной Европе.

Курбский. Тот разгром близок.

Баторий. Панове, я не претендую на почетное место среди великих полководцев. Правда, панове, я обладаю некоторой опытностью в осадных войнах. После избрания на престол я должен был подавить восстание в Данциге, но признаюсь, панове, особого блеска в той кампании не было. Поляки еще не были в моих руках, а каленые ядра против каменных стен дали ничтожный результат. При Полоцке удалось зажечь каменными ядрами деревянные стены. Но снаряды те - не мое изобретение. Они появились еще в прошлом веке. Да и при зажженных стенах мы потратили

три недели на осаду. Надобно, панове, признать, что гарнизон держался храбро и сдался к концу третьей недели, благодаря отсутствию помощи от своего царя, который трусливо бежал.

Замойский. Ясновельможный король, царь Иван покинул Новгород, прибыл в Псков, оттуда вступил в переписку с двумя важнейшими литовскими магнатами: виленским воеводой Радзивиллом и канцлером Литвы Воловичем. Пишет им письма о восстановлении мира.

Баторий. Ту переписку надо продолжить, чтоб выиграть время для новой кампании. Каков бы ни был русский царь, русские сопротивляются отчаянно, и у них хорошая артиллерия.

Замойский. То правда, ясновельможный король, 107 полоцких орудий долго отражали наш приступ.

Баторий. Есть ли тут среди пленных русские пушки?

Курбский. Вот они, ясновельможный король! *(Указывает на пушкарей.)* Пушкарки и с ними нарядный пушкарский голова Иван Выродков.

Баторий. Спросите его, согласен ли он со своими пушкарями служить мне за хорошую плату.

Курбский. Пушкарский голова Иван Выродков, великий король Речи Посполитой предлагает тебе и пушкарям твоим пойти к нему на службу за хорошие деньги.

Иван Выродков. То мы не можем, ибо уже завербованы мы, пушкарки, к крестному целованию, сиречь присяге, государю, а плату имеем добрую: пушкарку по рублю человеку на год, да по два пуда соли, хлеба - 20 коробей ржи, 20 коробей овса на человека.

Баторий. Царь - варвар, за стойкость и послушание овсом платит, как скоту! Скажи, князь, я буду платить каждому по 10 талеров, а ему, начальнику артиллерии - 15 талеров. *(Курбский переводит.)*

Иван Выродков. Скажи польскому королю: мы, русские пушкарки, служим по присяге. То в коннице много иноземнцев, а мы, пушкарки, только великоруссы.

Баторий. Кто не хочет мне служить, насильно держать не буду. Идите и поведайте царю вашему обо всем, что видели. Я, король Стефан Баторий, предоставляю вам, москвитам, на выбор: идти ли ко мне на службу или возвращаться на родину.

Курбский. А помыслите, пощадит ли царь Иван вас? Вспомните ужасы площади Пожар, сиречь ужасы Красной площади! Царь Иван вас всех казнит!

Иван Выродков. Пойдем к нашему царю, и если любя ему моя служба, готов еще ему так же служить, сколько сил моих станет, а не любя, то понесу свою винную голову на плаху.

Немецкий памфлетист. У нас в Германии много удивления вызывает такая верность русского народа царю своему. Причем, должен заметить, что народ не только не возбуждает против него никаких возмущений, но даже выказывает во время войны невероятную твердость при защите и охранении крепостей, и перебежчиков вообще очень мало, много, напротив, таких, которые во время этой самой войны предпочитают верность даже с опасностью для себя величайшим наградам.

Баторий. Епископ, откуда такая стойкость и послушание русских?

Киприан. От православного закона, король. Они, русские люди, считают варварами или басурманами всех, кто отступает от тех законов в деле веры. В становлении своей православной религии считают верность государю в такой степени обязательной, как и верность Богу. Они, русские люди православные, превозносят похвалами тех, которые до последнего вздоха сохранили присягу своему князю и царю, и говорят, что души их, расставшись с телом, тотчас же переселяются на небо. Русский народ любит своего государя. В ответ на царский княжеский гнев и даже несправедливость у нас кротость и смирение, ибо ропот против царя и князя есть ропот против Бога, а царская княжеская жестокость есть Божья кара народных погрешений.

Баторий. Из сего, панове, мы в Европе должны лишь понять, что русский народ во многом живет еще в родовом строе, и переработка этого родового строя в государстве растянулась на многие века. Епископ, иди к своему царю, да бери с собой кого хочешь и что хочешь из ценного тебе, кроме оружия и снаряжения.

Киприан. Кланяемся тебе, король, что разрешил вернуться в свою православную веру, а не принять твое ложное учение католическое, чем поступил бы от истины, ввергнув себя во тьму. А брать мне с собой нечего, как разорили и сожгли твои солдаты с клятвopеступником Курбским церковь Святую Софию, то самое ценное сгорело. Добыча, взятая твоими солдатами в церкви, и добро, награбленное в городе, обманули ожидания победителей. Самые ценные части добычи - не оклады золотые и серебрянные, не казна церковная, а библиотека, имеющая многие летописи и переводы отцов церкви. Она, та библиотека, сожжена.

Баторий. На беду, епископ, все то сопровождает успехи войны. В своем манифесте я, польский король, дал своим войнам строгое указание не позволять мучать местных жителей, не истреблять их полей. Я объявил в своем манифесте, что воюю с московским царем, а не с русским народом. Идите же к своему царю и скажите ему обо всем этом. *(Киприан и пленные уходят.)*

Баторий. Я уже несколько раз ради интереса вызывал царя Ивана на личный поединок.

Курбский. Царю Ивану не может прийти в голову мысль во главе своих бояр броситься навстречу тебе, ясновельможный король. Но пером его можно достать сильнее, чем мечом. Я уже писал ему и думаю написать еще.

Баторий. Князь, не перо, а меч вершит эту войну. Панове, дело идет к новой кампании, не о новых успехах наподобие полоцкого или веденского сражения. В Ливонии, в этой опустошенной стране, усеянной развалинами, мне не представляется возможным добиться в будущем определенного успеха, и даже вести продолжительную кампанию. Нет, панове, ключ от этой провинции в другом месте. Его надо искать в Москве, панове, напав на главного соперника в его жилище.

Замойский. Ясновельможный король, еще наш король, старых лях Зигмунд Август Ягеллон, рассудил так, но у него не было средств выполнить этот смелый наступательный план. Теперь на это решился ты, ясновельможный король Стефан Баторий!

Баторий. Ясновельможное панство, я задумал сделать нашествие на Москву, и новое окончательное объявление войны, которое я хочу отправить в Москву, должно сопровождаться длинным историческим обзором, наполненным датами, также едкими замечаниями. Не забывать надобно и Пруса, брата царя Августа, от которого монголоидный варвар Иван лживо пытается вести свое происхождение. Так уязвим мы его вскоре пером. Но, панове, в этой борьбе первенствует меч, ибо ставки превышают первоначальный предмет спора. Не за Ливонию идет борьба, а за обладание Северо-Востоком, и, более того, панове, кто будет господствовать над славянским миром: Россия или Польша. *(Уходит в сопровождении военачальников.)*

Занавес

Сцена 70

Псков.

Царь Иван. Какие вести, Мстиславский?

Мстиславский. Недобры, милостивый государь. Поветерья нет, сиречь удачи. Литовский князь Константин Осторожский забирает города в Северной области, а польский воевода Кмит опустошает Смоленскую область.

Иван *(нервно ходит)*. То уж не Ливония, то уж Русь! Уж в Русь допустили супостата!

Царевич Иван. Батюшка, в довершение несчастий для нас, русских, шведы захватили Карелию и Ужорскую землю. Мы, батюшка, находимся с войском в Пскове и созерцаем отсюда такую татьбу против Руси, в поприще, сиречь в двадцати верстах суточного перехода.

Иван *(нервно)*. Иван-сын, знаешь, стоим, понеже сил мало, воеводы от Волоколамска не подошли. *(Нервно ходит.)* Бельский, что делается, чтоб новых людей набрать?

Бельский. Правительство принимает меры, милостивый государь, против уклонения от военной службы.

Иван *(нервно)*. Те меры - первый признак, что начинает расшатываться порядок. *(Кричит.)* Нечестивых бить кнутом, иных казнить!

Бельский. Милостивый государь, детей боярских, находящихся в бегах, отыскивают особые чиновные люди, разъезжающие по области, бьют кнутом и после заключения в темницу отправляют сюда, на государеву службу во Пскове.

Царевич Иван. Батюшка, много ли сделаешь таким войском? Народ любит славное отечество, непосрамленное, мы ж, хоронясь, его посрамляем.

Иван. По молодости и глупости такое говоришь, Иван-сын, также по наущению. Всякое отечество любить надобно, а посрамление по грехам нашим. Бельский, тут ли пленные, которые пришли от Полоцка, отпущенные?

Бельский. Тут еще, милостивый государь, в псковском остроге, однак скоро намерены их в цепях отправить в Белозерье.

Иван. Хай ко мне явятся.

Бельский. Слушаюсь, милостивый государь! *(Посылает слугу.)*

Иван. Где ныне Баторий?

Мстиславский. Милостивый государь, Батор двигается без остановки вперед. Он назначил сбор войскам в крепости Чашники, откуда дорога разветвляется на Смоленск и Великие Луки. От Великих Лук дорога на Псков, оттого, милостивый государь, наши московские силы пришлось раздробить: отдельные отряды посланы к Новгороду, Пскову, Гаузену, Смоленску. Сильные полки должны оставаться на юге, где может появиться хан. О том сообщает Никита Романов.

Бельский. Милостивый государь, шпики доносят, Баторий устроил в своем лагере совещание, нападать ли на Смоленск, или на Великие Луки.

Царевич Иван. То, батюшка, чтоб держать тебя, царя, подольше в неизвестности. У него уж давно решено нападать на Великие Луки. Под Великими Луками, батюшка, повторится то, что было под Полоцком. Отборному войску Батория, состоящему из тридцати пяти тысяч, в крепости может противостоять лишь шесть тысяч, самое большее, семь тысяч гарнизона. Надобно, батюшка, послать от Пскова войска на освобождение города от осады.

Иван *(нервно ходит)*. Войска нет, Иван-сын. Летняя мобилизация в России прошла с трудом. Невзирая на грозные приказы, дворяне не являются в полки. Так ли, князь Мстиславский?

Мстиславский. Так, государь. Власти разыскивают нетчиков и доставляют их на службу.

Иван. Сам же говоришь, Иван-сын, что с таким войском не многого добьешься. Однак и таких мало. *(Ходит.)* Мстиславский, каков план разрядного приказа для обороны?

Мстиславский. Государь милостивый, разрядный приказ разработал три варианта оборонного действия. На западе *(берет бумаги)*, возле Пскова, собрано две тысячи пятьсот дворян, две тысячи стрельцов, пятьсот конных казаков. Вне стен-полевые армии: 1394 дворян и 3 тысячи татар. Вместе с татарами и боевыми холопами 12 тысяч.

Иван. Как же с такими силами идти на помощь Великим Лукам?

Царевич Иван. Какой план на случай нападения Батория на Великие Луки?

Мстиславский. Государь царевич, такого плана нет. Полтора десятилетия Великие Луки считали тыловой крепостью.

Царевич Иван. Батюшка, я бывал не так давно в Великих Луках. Деревянные стены крепости обветшали, гарнизон не велик и подкрепления не имеет. Поляки легко возьмут крепость, а оттуда дорога на Псков, и Новгород, и Москву.

Иван. Мстиславский, ближние к Великим Лукам крепости озерного края Невель, Озериче, Заволочье пусть пришлют войска к Великим Лукам.

Мстиславский. Милостивый государь, ближние крепости не могут выделить помощь из своих гарнизонов.

Царевич Иван. Батюшка, все укрепления защищаются врозь и перейдут одно за другим в руки неприятеля.

Иван *(сердито ходит)*. Мстиславский, сколько собрано войска в Пскове?

Мстиславский. Милостивый государь, по росписи разрядного приказа, после многих усилий удалось собрать *(заглядывает)* 10532 дворян и 3119 стрельцов и казаков. Общая численность армии, включая городских ополченцев и татар, 23641 человек, а вместе с боевыми холопами - 35 тысяч. На южных границах татары, потому часть сил там. Кроме того, большие гарнизоны должны держать на завоеванных территориях в Ливонии, Нижнем Поволжье, на Кавказе.

Иван *(нервно ходит)*. У меня главная надежда на дворянское ополчение.

Мстиславский. Государь милостивый, двадцать лет войны и разорения ослабили боеспособность дворянского ополчения. Армия Батория, по сведениям, 41830 человек. Но и со шведами воевать надо. Шведов 17 тысяч, 8-10 тысяч против русских крепостей наступают и первоклассный морской флот.

Царевич Иван. Без морского флота войны на Балтике выиграть нельзя, мы же строим речные суда.

Иван (*нервно ходит*). Воеводе Хворостинину идти с передовым полком в Невель, следом Ивану Шуйскому с полком правой руки, в тыл шведов.

Мстиславский. Государь, шведский флот уже обстрелял и сжег предместья Нарвы и Иван-города. Ежели шведский корпус высадится и начнет осаду Нарвы и Ревеля, мы, русские, окажемся меж двух огней.

Иван (*нервно ходит*). Главная тревога моя, царя - первая русская гавань Нарва. Нарва больше ценна, чем Полоцк. По возвращении из курляндского похода воеводе Хилкову двинуться к Нарве. (*Нервно ходит.*) Я скорее готов пожертвовать интересами русских помещиков и отказаться от всех завоеванных земель, чтоб сохранить нарвское мореплавание. (*Ходит.*) Бельский, отправлено мирное обращение к Баторию?

Бельский. Великий государь, мирные обращения к Баторию остались без ответа. Король не хочет слышать о мире.

Мстиславский. Король Баторий движется вперед, ибо в послании к нему ни слова не сказано о наших возможных уступках.

Иван. Послать еще. Дьяк посольский Щелканов где?

Мстиславский. Дьяк Щелканов в воеводской избе. Ты, государь, запретил ему показываться перед твои очи.

Иван. Хай идет! (*Нервно ходит.*) Я, милые мои, под влиянием дурных советников сделал большую ошибку. Я думал после взятия многих крепостей Ливонии, что уж окончательно разделался с поляками, и теперь нужно только справиться со шведами. А нужно было поступить наоборот. У меня был первоначальный план, поступить наоборот. Тот план был вернее. Мыслью, Баторий бы согласился на мир. При его вступлении на трон образовался заговор, имевший целью вручить ему и венгерскую корону. Для него, трансильванского воеводы, Венгрия дороже Ливонии. Но своим нападением мы заставили его воевать. В противном случае его положение в Варшаве пошатнулось бы, потому он принял мой вызов после покорения Данцига. (*Входит Щелканов с послами Пушкиным, Плещеевым и гонцом Андреем Михалковым.*)

Щелканов (*кланяется*). Государь великий, составляя новые грамоты взамен отвергнутых королем Баторием, не знаем, на которые уступки соглашаться, ибо Баторий требует великих уступок.

Иван. Щелканов, прежде прочих дипломатических сношений с Баторием я, царь, решился сразу переменить тон. В грамоте надобно написать: «Смирясь перед Богом и перед ним, королем, я, царь, велел снова послать к нему своих посланников. Король Баторий, ежели разумен, оценит в достаточной мере мою уступку, как вспомнит, что до сих пор никогда московские послы не ездили в Литву, и переговоры с польско-литовским государством велись без исключения в Москве».

Щелканов. Государь, вперед пошлем легкого гонца, молодого парубка, Андрея Михалкова. Ежели король его и оскорбит или побьет, то не так накладно будет.

Иван. Истинно, шлите вперед легкого гонца. Иным же послам, Пушкину и Плещееву, следом. Буде у короля с панами тон, подлежит поднять тон. Ежели паны станут говорить высоко, и вы отвечайте им высоко же. (*Ходит.*) Настроение в сейме польско-литовского государства не соответствует стремлению Батория и его штаба. Щелканов, надобно учитывать те внутренние затруднения, с которыми приходится бороться нашим противникам.

Щелканов. Государь, через своих агентов я имею сношения с враждебной Баторию партией: с паном Уханским, Милецким, Гарабурдою и прочими. В то же время ведем переговоры, шлем своим людям деньги и указания. Однако влияние противной Баторию партии ослабло, и многие из панов ныне за короля, особо после его побед в Ливонии.

Иван. Ежели же почуете - у короля с панами розни нет, то по конечной неволе надо идти на уступки, чтобы хоть на малое время заключить перемирие.

Щелканов. Государь, Баторий требует уступки Смоленска, Северской земли, Новгорода, Пскова, но пока при подобных уступках все-таки согласен на мир.

Иван. То, милые мои, игра - дипломатия. Он требует от нас, а вы требуйте уступки Киева, Торопца, Полоцка, Витебска, ливонских городов.

Щелканов. Ныне, при поражениях, можно ли, государь, такое требовать?

Иван. Погорячась, многие укоризны и непристойные выговоры речи сказав, Баторий, в конце концов согласится. Его положение в сейме не шибко хорошо, и со шведами противоречия. (*Ходит.*)

Щелканов. Государь, ежели король и паны оскорблять будут, что делать?

Иван. Прежде прочего, отправляя ныне к Баторию посольство, не приказываю вам самим, послам, какие-либо оскорбительные выходки к королю и панам учинять, напротив, велю вам не обращать внимания, ежели король не спросит о царском моем здоровье и не встанет с места, когда вы, послы, будете отдавать ему поклон от меня, московского царя.

Щелканов. Государь, а как воспринять в польской грамоте царское имя, ежели не укажет «царь», а только «князь московский»?

Иван. Хорошо, пускай московские послы не придерживаются, чтоб целиком писалось мое царское имя. Но вы должны говорить: «Государю нашему царское имя Бог дал. И кто у него отнимет? Государи наши не со вчерашнего дня извечные государи». Так должны говорить!

Щелканов. То, государь, будет прямой намек на недавнее избрание Батория сеймом.

Иван. Истинно, Щелканов, я сказал, нет надобности говорить лишнего, поспешил обеспечить послам нашим приличное отступление. Ежели станут спрашивать: «Кто же со вчерашнего дня государь?», отвечать: «Мы говорили про то, что наш государь не со вчерашнего дня государь, а кто со вчерашнего дня государь, тот сам про себя знает». (*Ходит.*)

Щелканов. Государь, а ежели послов наших король и паны станут бесчестить и бранить?

Иван. В другое время по общепринятым обычаям то было бы сочтено большим оскорблением. Ныне, ежели послов почнут бранить и даже бить, то им следует на то жаловаться приставу слегка, а не говорить шибко.

Щелканов. Государь, терпеть унижения?

Иван. Терпите, ради меня, царя, отечества и дипломатической игры. (*Стрельцы вводят в цепях пленных из Полоцка и с ними епископа Киприана.*) Что ж, воины русские, отдали супостату вотчину мою, царя, город Полоцк? И ты, владыко Киприан, тому мужеством и верой не противостоял?

Киприан. Помилосердуйся, государь православный, покажи свою милость! Три недели приступ отражали, а Полоцк весь избрызгали своей кровью православной!

Бельский. Государь милостивый, измен было немало. Воевода Петр Волынский со своими стрельцами изменил.

Иван. Владыко Киприан, много ли было измен?

Киприан. Государь милостивый, православный царь, за грехи наши немало было измен. Многие перешли на службу к Баторию, однако другие, кто не пожелал, были отпущены в отечество. Король предоставил нам, москвитам, на выбор: идти ли к нему на службу или возвратиться на родину.

Иван. Что же вы возвратились? Знаете ведь, что измены я, государь, не милую?

Воевода Иван Выродков. Мы отпущены королем польским в отечество, а ворочались в полной уверенности, что ты, царь, казнишь нас.

Бельский. Разве ж вы, холопы, иное заслужили, иное мыслите, что царь вас за отдачу Полоцка примолвит, сиречь приголубит и приласкает? (*Смех.*)

Иван. Бельский, вели снять с них оковы. Вижу, что большая часть, побуждаемая любовью к своему дому и преданностью к царю, предпочла службу своему государю, хотя каждый из них мог подумать, что идет на верную смерть и страшится мучений. Однако я, царь, пощажу вас, потому что, по мнению моему, вы были вынуждены сдаться по последней крайности. (*Ходит.*)

Щелканов. (*шепотом Мстиславскому.*) Царь пощадил их оттого, что сам вследствие неудач пал духом, расслабил свою жестокость.

Мстиславский (*шепотом.*) Царь глубоко подавлен и смирил свою прежнюю беспощадную требовательность.

Иван. Владыко Киприан, много ли добычи взяли поляки?

Киприан. Пороховые склады взяли из-за измены воеводы Петра Волынского, а пушки не взяли, их пушкарки испортили. Однако худшая потеря, государь, то книги святые.

Иван. Много книг во время нашествия Довлат-Гирея на Москву сгорело. Ныне Баторий взял Полоцк, так он книги пожег. Как же его, христианина, от варвара отличить?

Киприан. Пожар драгоценную библиотеку уничтожил, много летописей и отцов церкви, и славянских переводов. В церкви книг же множество снесено со всего города. В соборных церквях до стропил наметано, сохранения ради спроважили. То все без вести сгорело.

Царевич Иван. Все то, батюшка, печально. Когда враг бил и жег, мы, батюшка, находились недалеко, тут, в Пскове, но не тронулись с места, чтоб помочь стесненному гарнизону. Прости меня, Господи, и ты, отец, а по-иному не могу мыслить.

Иван. Отрок младой, скорби и рыдания - удел слабоумных людей. Я, царь, удаляюсь в глубину государства для укрепления сил. *(Ходит.)* За грехи наши буря обрушилась на отечество наше. Для оправдания своего могу сказать: ни в прошлом Польши, ни в походе нового короля ничего не предвещало того внезапного перехода к наступлению, которое ныне обрушилось на наше московское государство. Наступление сие обрушилось в момент, когда Польша лишь начала оправляться от внутренней смуты. У нас же в России, чую, вновь грядет смута. Так ли, Бельский?

Бельский. Истинно, государь. Сведения есть, измена усиливается в думе и среди вельмож.

Иван. Внутренняя смута оказывает влияние на ход моей борьбы с Баторием. Не одолев смуты, не одолеем и врага, потому из Полоцка ухожу в Москву.

Гонец *(входит и кланяется)*. Государь милостивый, грамота от воеводы Хилкова.

Иван *(берет грамоту)*. Враг подступает к крепости Суши. Хилков просит подкрепления. Князь Мстиславский, надобно отряду Суши, крепости, затерянной среди натиска врагов, грамоту: «Подкрепления не имеем. Крепость покиньте. Гарнизону покинутой крепости я, царь, позволяю, испортив пушки и в особенности порох и остальные военные орудия, которые нельзя увезти с собой, закопав в землю образа и священные вещи, чтоб они не послужили предметом насмешек для неверных, спастись каким бы то ни было способом. Не потому так велю, что я сомневаюсь в верности воинов, а потому, что я не желаю подвергать вашу доблесть, которую я желал бы сохранить для более важных подвигов, ненадежному испытанию и жестокости неприятеля». *(Уходит в сопровождении царевича Ивана.)*

Занавес

Сцена 71

Москва. Трапезная царя.

Годунов. Государь милостивый, подавать ли жареных лебедей?

Иван *(с кубком в руке)*. Вели подавать. Да разлей вина! *(Стольники наливают вина в кубок)*. Тут, в царствующем граде Москве, надобно иметь особо попечение о корени великих князей московских, чтоб не было пресечения корня царского от Августа-царя. Хранить тот корень ныне допустил в первый черед Бориса Годунова, Афанасия Нагого да Богдана Бельского, ибо к многим вельможам за измены доверия не имею. Храните вы корень царский добро. Ты, Борис Годунов, с чином кравчего моего, а ты, Богдан Бельский, с чином оружничего моего, а ты, Афанасий Нагой, посол мой особый.

Годунов. Уж исхитримся, государь милостивый!

Бельский. Свергнем всякого, кого укажешь, государь милостивый!

Афанасий Нагой. Созирати будем твое спокойствие, государь милостивый!

Иван. За добрую службу повелел я наградить Бориса Годунова. Он получил ныне боярский чин, хоть не положенный ему по худородству, да вошел с тем чином в думу.

Годунов. Служить буду без порухи тебе, царю великому московскому.

Иван. Богдану Бельскому приказал расследовать заговор против меня, царя. Заслуги Бельского я оценил, и он получил боярский чин.

Бельский. Государь милостивый, всякой измене спону, сиречь препятствие, ставить буду. *(Кланяется)*.

Иван. Афанасий Нагой оказал мне, царю, важные услуги, будучи послом в Крыму, разоблачив измену бояр в пользу крымского хана. Ныне, когда я обратился к Вене, к Габсбургам, для посредничества между мной и Баторием, то хочу туда Афанасия отправить для переговоров с еще более настоящим призывом о мире.

Царевич Иван. Не будет ли то, батюшка, со стороны тебя, царя Всея Руси, самоунижением?

Иван. Иван-сын, то не самоунижение, поскольку посол Афанасий Нагой имеет приказ от меня, царя, ежели его пригласят к столу императора, согласиться занять только первое место, хотя бы ему пришлось столкнуться с послами французского короля или султана. На вопрос, как случилось, что король взял Полоцк, ты, Афанасий, должен ответить, что произошло то благодаря неожиданному

нападению, нарушению королем перемирия, заключенного на три года.

Царевич Иван. Батюшка, Афанасий Нагой будет выпровожден из Вены так же, как его предшественник, посол Резанов. В Вене, батюшка, не намерены ссориться с Баторием, у которого много средств взбунтовать Венгрию. С иной стороны, Баторий держит в своих руках Вену при помощи Рима, а Рим - посредством иезуитов, которых множество при посольстве в польском дворе. Но по следам короля идет другая армия, еще более опасная. Иезуиты, батюшка, ведут свои проповеди в завоеванных областях, а Баторий покровительствует, надеясь с их помощью разорвать узы, связывающие население тех областей с православной Москвой.

Иван. Против иезуитства ныне православный крест. Я пошел в Ливонию, вотчину свою, держа в одной руке меч, а в другой - святые писания. Если б не боярские измены, вся Ливония была б уж наша. Оттого пришел я ныне в Москву, чтоб те измены известить. В Ливонии же к каждому полку придают людей моих, из двора моего или близких мне татарских царевичей.

Бельский. То делаем, государь.

Иван. Как при рейдах по тылам отряды верных мне татар наводят ужас на врага, так и нам надобно наводить ужас на врага внутреннего, на тех, кто государство тощали, землю государскую себе изымали и не желали оборонять страну от крымского хана, Литвы и немца. Ныне же разгневался Пан Бог, попустил на российское государство короля польского, Стефана. Имя ему признано Оботур²³. Уклонил он мысль свою на христианское убийство и ненасытное грабление. Мы ж, по христианскому писанию, мыслим о мире. Я, царь, по-христиански все еще надеюсь помешать возникновению враждебных действий. Потому я, царь, велел, сиречь приказал, послам нашим, Евстафию Михайловичу Пушкину да прочим, чтоб предлагали Баторию Курляндию. Послал послов, чтоб они прибыли в Вильно на встречу с Баторием раньше назначенного срока.

Царевич Иван. Государь-батюшка, нельзя исправлять беду какой-либо новой уступкой своего достоинства.

Иван. Иван-сын, ты не совершенен разумом и не сумеешь, что на дипломатическом поле лучше защищаться, чем войной. Я предлагаю Баторию Курляндию, которая никогда не принадлежала Москве, и больше шестидесяти пяти ливонских городов, искусно выбранных, а тридцать пять других чтоб оставались за мной. Кроме того, Пушкин должен просить немедленно снять осаду Великих Лук и назначить встречу на польской территории, поскольку я, царь, никогда не договаривался на своей земле.

Нагой. Государь милостивый, есть известия, что польская королева Анна болеет и детей от нее Баторий не имеет. Меж тем при дворе нашем подросла девица, шибко красна, Ирина Годунова, сестра Бориса. Баторий может жениться на Ирине - тем войну окончим с достоинством.

Иван. План хорош. Помню Ирину, как ребенком с Борисом со стола царского питались. А уж гляди, подросла. Борис, хай зайдет сестра твоя.

Борис. Слушаюсь, государь! *(Посылает слугу).*

Царевич Федор. Нет, батюшка, не отдам Ирину, мне она сладка да мила!

Иван. Сын мой Федор, браки в царской семье - дело не частное, а государскому делу подчиненное, али династическим целям.

Федор. Нет, батюшка, не отдам Ирину. Она - прекрасна девица, я ж, батюшка, младой отрок.

Годунов. Государь милостивый, Баторий женат и Ирине не подходит. *(Входит Ирина).* Поклонись, сестра, царю Ивану Васильевичу и сынам его, царевичам Ивану и Федору. *(Ирина кланяется).*

Иван. Истинно, девица - сущая отроковица чудного домыслия. Зело красотою лепа, бела вельми, аки ягода румяна, червлена губа, а очи у ней черны, светлостью блистает. Подойди-ка, прекрасна девица!

Годунов. Подойди, сестра, к царю! *(Ирина подходит).*

Иван. Душечка ты, прекрасна девица! Ить, у тебя в тайном девичьем месте дорогое нечто, красное золото аравийское! Люба ты мне!

Царевич Федор. Нет, батюшка, мне Ирина любя! *(Крестится, плачет).*

Иван. Ирина, люб ли тебе сын мой, царевич Федор?

Ирина. Не смею ответить государю. *(Плачет и крестится).*

Иван. Оба плачут, и крестятся. Вишь, подходят в супруги. И мой сын Федор то ли монах, то ли юрод. *(Целует сына).* Сам на колокольне трезвонить любит, да большую часть времени проводит в

23 *Оботур* - костр. влад. твер. абатур, упрямец, грубый, упорный и скрытный человек.

церкви.

Годунов. Сестра моя, во всех женах благочестивейша и писанию книжному обучена, и во всех своих делах с молитвою. Гласы распевать любит и песни духовные, любезные желанию.

Федор. Мы с ней, батюшка, вместе петь будем да в церкви ходить!

Иван. Красна девица бровями черна, челом изобильна, милостью обильна, возрастом не высока, не низка, волосы имеет черны, велики, аки трубы по плечам лежат. Хорошу ты жену себе подобрал, сын мой Федор!

Федор (*радостно*). Батюшка, мы с Ириной вместе на колокольню ходить будем. Иринушка, знаешь, каждый колокол свой голос имеет, название свое.

Иван. У Федора от меня любовь к церковным колоколам.

Федор. Батюшка, какой наибольший колокол слит по твоему разрешению?

Иван. По велениям моим слит колокол большой, имя ему Лебедь, а меди в нем - 220 пудов. Также повелел отлить колокол весом в 200 пудов для псковской Успенской Пароменской церкви. Надпись: «А приказал царь-государь тот колокол слити, как пришел царь и сын его царевич Иван Иванович из немецкой земли в Псков». Такову надпись велел вылить.

Царевич Иван. То, батюшка, памятник в честь победы нашей последней в Ливонии. Ныне же время иное. Повоевали польско-литовские люди наши волости.

Иван. Ныне, Иван-сын, время иное, время переговоров и молитв. Послы шибче должны ехать вперед. Прежде воеводы шли неспешно, доспехи в санях везли, да Полоцк потеряли и иные города. Ныне же едут послы по дорогам лениво, из-за того льется невинная христианская кровь. Нагой, переймешь то дело на себя!

Нагой. Исполню, государь!

Иван. Милые мои, ныне - время выведения измен, укрепления династии. Женю Федора на Ирине, и сам жениться решил. Афанасий Нагой, любимец мой, сосватал за меня свою племянницу Марию, дочь брата своего Федца. Нагой, тут ли Мария?

Нагой. Тут она, в сенях тебя дожидается, как покличешь. А по тебе так тоскует, так тоскует!

Иван. Хай идет! Милые мои, знаю что, на сей седьмой али восьмой брак, уж со счету сбился (*смех*), благословения церковного не будет, заключен он будет в нарушение церковных правил и многие будут считать его незаконным.

Нагой. Государь милостивый, что запрещено и делает соблазн для других, тебе, царю Ивану Васильевичу, позволено.

Иван. Я еще не решил, спрашивать ли мне для этого брака особого разрешения церкви. Оно было мне даваемо прежде. Знаю, не дозволит церковь в четвертый, и в шестой и в восьмой раз вступать в супружество. Однако, ежели Собор дозволил мне в четвертый раз, то я сам могу успокоить свою совесть, разрешив себе и восьмой. Свадебное празднество должно совершиться со всеми принадлежащими обрядами нашего времени. Про тех же, кто осуждает меня, называя сей брак блудом и почитая незаконным, скажу: такое осуждение есть человеконенавистничество. Они не наказывают лихоимство, которое цветет по монастырям, и то идолопоклонство, не осуждают измены отчизне, блуд же так жестоко осудили, как будто про бестелесных и бесплотных речь. Прелюбодей изменный хуже прелюбодея плотью! (*Входит Мария Нагая и кланяется царю*). Что ж мне, с сей красной девицей не утешить себя браком? Так я, царь, женюсь, и успокою тем двор и думаю, полную ложными слухами о приготовляемом моем бегстве в Англию.

Нагой. Государь милостивый, племянница моя тебе ларец принесла с ширинками.

Мария Нагая. Всеблагой царь, видя тебя, возрадовалась радостью великой. Все сижу в светлице своей и по тебе тоскую. Вот, возьми, заготовила я тебе ларец золотой, а в нем ширинки золототканны с камнем драгоценным и жемчугом великим. (*Подает ларец*).

Иван (*берет ларец*). Не красивой ларец лепоты твоей и доброты пресветлой. Сделаю тебя, Мария Нагая, царицей, а отца твоего, Федора Нагого, брата Афанасия, сокольничим. (*Слышен звон*).

Федор. То, батюшка, в каменной часовне под святыми воротами часы бьют боевые, с указом звонят. Ай, хорошо, батюшка, звонят, ай, хорош звон! (*Крестится*). Ай, хорош, до слез прошибает! (*Плачет*). Хоть музыка радостны, они душу трепетну волнуют. Я, батюшка, шибко колоколы люблю! (*Плачет*). Да про колоколы петь люблю. Споем, Иринушка, красна девица, про колоколы!

Ирина. То вечерний часослов.

Федор. Споем, а батюшка послушает.

Иван. И я с вами петь буду, люблю церковное пение. Я путь веду, а вы - верх и низ. *(Поют)*. И изошед благовестить в колоколы, в колоколы. Тоже звонит, во все колоколы. Три звона...

Федор. Хорошо как, батюшка! *(Плачет и крестится)*. Женишь меня, батюшка, так каждый день с Иринушкой будем долго молиться, простаивая обедню, а раз в неделю ездить на богомолье в ближние монастыри.

Иван. Сначала женю сына своего Федора на Ирине Годуновой, а в последствие брака приближу тебя ко мне, Борис Годунов, и утвердишь свое полученное боярство.

Годунов. Верой истинной тебе и роду твоему мы с сестрой служить будем!

Иван. Потом женюсь на выбранной из толпы девиц себе в жены Марии Федоровне Нагой. Так отпразднуем разом два брака.

Нагой. Долгих тебе лет, государь великий, и рождения младенца-сына, то укрепит династию!

Иван. Сына я Дмитрием назову, в память первенца, который вскоре по рождению утонул. Страшно то было дело, как потонул мой первенец. Няньку наследника, согласно церемонии, вели под руки двое знатных бояр, Шуйский да Салтыков. При путешествии сием из Кириллова монастыря царский мой струг пристал к берегу, и торжественная процессия ступила на сходни. Отчего-то сходни перевернулись, и все оказались в реке. Ребенка, выпавшего из рук няньки, тотчас достали из воды, но он был мертв, погиб старший из моих сыновей, Дмитрий, который ныне безгрешным ангелочком в небе. На земле же от Марии Нагой во плоти другого Дмитрия рожу. Но, чую, бес и от него недалеко будет, ибо, чую, извели умыслом первенца. И этого захотят извести.

Нагой. Уж побережем, государь, наследника - царевича Дмитрия.

Годунов. Как о наследнике - младенце от своего брака ты, Нагой, говоришь, ежели есть сыны - наследники от брака царя первого, от благоверной царицы Анастасии, Иван да Федор.

Нагой. Не про то ныне говорю, Годунов. Все то мне ведомо. Лишь Богу единому что сотворится ведомо. Про радость цареву говорю о предстоящем рождении сына - царевича Дмитрия.

Мария Нагая. Государь мой любимый, как шла я к заутрене, то слыхала птиц, зовом голубей. Два глаголили меж собой: буде у господина нашего радость. Жена его ему родит сына, и нарекут ему имя Дмитрий.

Иван. Радость велика - рождение царских детей. Ты, Иван-сын, родился после усопшего первенца Дмитрия, а через два года родилась дочь Евдокия. Ты, Иван-сын, выжил, а дочь моя Евдокия за грехи мои умерла на третьем году жизни. Также Федор-сын родился слабеньким, хилым, его болезнь и злобны недруги истощили благоверную царицу Анастасьюшку. Не дожив до 30 лет, умерла она, мыслю, опоена ядом от изменников, таких как Курбский. На похоронах благоверной царицы, голубки моей, а матери вашей, собралось множество народу православного. Был же о ней плач немалый, ибо милостива и беззлобна во всем была. И я, царь, на похоронах ея рыдал, и от великого стеснения и от жалости сердца едва держался на ногах. Однак неделю спустя после смерти Анастасьюшки отец мой святой митрополит Макарий и епископы обратились ко мне, царю, с ходатайством. Просили, чтоб я, царь, отложил скорбь и для христианских надежд женился ранее, а себе нужду не наводил.

Царевич Иван. Батюшка, при дворе царском и митрополичьем нас, Романовых, не хотели, надеясь, что родня новой царицы вытеснит из дворца нас, Романовых. Тот твой брак, батюшка, был скоропалителен. Не добившись успеха в Польше и Швеции, твои царские советники привели тебе невесту из Кабарды. Не то ли делается: не хотят ли нас, Романовых, вытеснить Нагие?

Иван *(сердито)*. Ты, Иван-сын, подобно грешникам библейским, взялся рассуждать про наготу отца своего. Ты, сын мой - семя мое, семени ли про плод говорить? Изменники, такие как Курбский, упрекают меня в блуде. Я отвечу им откровенно и просто: «Буде молвите, что я о том натерпелся и чистоты не сохранил, то скажу, ибо все есть человецы». То ответ, что умершей благоверной моей царице Анастасии, я, царь, начал яр быть и прелюбодей. Так же ответ и ныне дам: «ибо все есть человецы». Я объявляю о праздновании двух браков: сына Федора с Ириной Годуновой и меня с Марией Нагой.

Царевич Иван. Батюшка, не про людское известье, про отечество мыслю. Пока ты, батюшка, празднуешь разом два брака, Баторий берет у тебя город за городом. Как бы, батюшка, торжества по поводу свадеб не заменились скорбью и унижением, когда ты, царь, узнаешь, что делается с твоим войском!

Иван *(сердито)*. О, Иван-сын, то недоброжелатели мои мысли тебе вложили. А им - тезка их, дьявол!

(Сердито кричит) Ненавистник рода христианского дьявол мысль злую вложил!

Царевич Иван *(тоже сердито)*. Батюшка, военные поражения подорвали престиж династии. Перед лицом вражеского нашествия ты, царь, медлишь и колеблешься, не решаясь бросить на чашу весов все силы и средства России, чтоб добиться изгнания врага из пределов страны. Наоборот, завел переговоры с безбожниками, с английскими еретиками, с австрийскими католиками, готовясь бежать из страны в случае опасности!

Иван *(сердито)*. То дьявольская клевета изменников!

Царевич Иван. Нет, батюшка, в думе о том к прискорбью стало известно. Ливонская война показала, что Россия не может выиграть войну за Балтику без морского флота. Меж тем ты велел строить вместо морского флота речной. В окрестностях Вологды большие верфи, на которых строят английские корабельные мастера. Спущенные на воду большие плоскодоны предназначены для перевозки царской казны к северным морским портам, где казна будет перегружена на английские суда. Такое, батюшка, скрыть невозможно! То стало известно при моем, наследника, дворе и в боярской думе. Малодушие твое, царя, производит самое дурное впечатление в государстве.

Иван. То от братьев твоих идет двоюродных и троюродных Романовых. Романовы хотят свою династию сделать вместо династии Калиты. Уж после прежней ссоры с тобой, Иваном, я, царь, заявил в присутствии бояр, духовенства и иноземцев, что намерен лишить тебя, нерадивого сына, права на трон да сделать наследником принца датского Магнуса.

Царевич Иван. Принц Магнус ныне изменил да перебежал к Баторию.

Иван *(сердито)*. Иного найду! Охотников сесть на царское место много, а тебя, нерадивого, и братьев твоих Романовых не допущу! Казню твоих братьев и приближенных, а трон отдам не тебе, а инородцу! Так сделаю! Тебя ж, наследника, учить палкой буду! *(Сильно бьет царевича Ивана палкой)*.

Царевич Федор *(кричит)*. Пресвятая Троица, помилуй нас!

Иван. Ежели учу брата твоего, Федор-сын, чего креститься и плакать?

Федор. Батюшка, в нужник хочу, живот ухватило.

Иван. Годунов, отведи царевича в нужник, да постой в сенях со свечой.

Годунов. Исполню, государь! И Ирина со мной будет.

Иван. Ты, Годунов, блюди сестру свою любезнейшую, девицу Ирину, невесту сына моего Федора!

Годунов. Уж будем блюсти, государь милостивый!

Иван. И ты, Нагой, блюди Марию Нагую, любезнейшую царицу мою, чтоб ей порухи никакой не было.

А кто невежда не искусство какое почнет ей показывать, смерти предать!

Нагой. Потщимся, государь! *(Мария Нагая кланяется царю и уходит)*.

Иван. Ты, Иван-сын, помысли про отцовское ученье.

Царевич Иван. Помыслю, государь-батюшка. Если судить меня хочешь, то суди. Чем надо мной куражиться, то лучше суди.

Иван. Глуп ты, Иван-сын! Сколько б тебя, дурного, ни учил палкой, я никогда не помышлял и не помышляю о суде над тобой.

Царевич Федор *(царевичу Ивану)*. О чем с батюшкой дрались? Не сведаю о чем?

Царевич Иван. Хил ты, Федор, и слабоумен!

Царевич Федор. Пресвятая Троица, помилуй нас! *(Крестится и уходит с Годуновым и Ириной)*.

Бельский. Государь милостивый, послы твои, коих к Баторию послал, приехали. С ними приехал посол Батория Венцлав Лопатинский.

Иван. Быстрей хай идут! *(Входят русские послы, с ними посол Батория Венцлав Лопатинский. Послы кланяются)*. Что привезли мне? Скажи ты, Евграф Пушкин!

Пушкин. Государь милостивый, ждали мы долго короля в Вильне, но когда король прибыл в Вильно, то с нами не захотел говорить, а велел возить нас за собой и общался с нами через панов, возил за войском под город Вильно, который взял Замойский. Потом на другие покоренные города. Сам Баторий осадил Великие Луки, и город был взят.

Иван *(встревоженно)*. Великие Луки взяты?! Не измена ли? Сей город служил для нас, русских, складом военных припасов. Великие Луки уж не Ливония, а Россия, центр богатой и населенной русской области!

Бельский. Не иначе, изменой взял, государь, Великие Луки!

Царевич Иван. Стены Великих Лук ветхи и деревянные. Я о том говаривал.

Иван. И я там бывал. Стены там добры. Как большинство русских дубовых городов, Великие Луки окружены стеной, состоящей из дубовых бревен, меж которыми насыпана земля. Стены эти крепче полоцких и непроницаемы для раскаленных ядер, а польская артиллерия слабо может поддерживать канонаду. Не иначе, изменой взяли!

Пушкин. Гарнизон запросил капитуляции, когда один мазовецкий крестьянин поджег крепостную башню. Пока спорили об условиях сдачи, венгры ворвались в город, боясь, как бы добыча не досталась полякам, и устроили резню. Не было пощады никому. Перебили даже монахов, вышедших с крестным ходом.

Иван. Вот что сулит России Европа! А нас именуют варварами! Говорили ли вы, как велел, просили приостановить военные действия для заключения мира?

Пушкин. Говорили, государь милостивый, однако нас не слушали, над нами ругались.

Иван. Ради дипломатического искусства я ведь велел все сносить, всякую брань, бесчестье и даже побои! Я, помазник Божий, Стефана Батория, избранного короля, братом назвал! Что ж ему еще нужно?!

Пушкин. Государь милостивый, нам не давали ответа и возили за собой. Были взяты Озерице, Заволочь, Торопец, Невель. Шведский полководец Делагарди отнял у нас, русских, Везенберг. В лагере под Невелем мы, московские послы, предложили Баторию, как ты государь велел, разделить Ливонию и обоим государям именоваться ливонскими. Но Баторий, однако, был неумолим. Он требует всей Ливонии. Кроме того, уступки Себежа и уплаты 400 тысяч золотых за военные издержки.

Иван (гневно). Вся Ливония означает потерю Нарвы, то есть выхода к морю, окна в Европу. Поляки хотят перед нами окно в Европу затворить! *(Нервно ходит)*. Также требуют с меня контрибуции 400 тысяч червонцев! Я знаю, Баторию вести войну нелегко, поляки и литовцы не дают денег, то он требует тех денег с меня на ведение против меня же войны! Вижу, заносчивость его не знает меры.

Пушкин. Кроме того, милостивый государь, Баторий требует Новгорода, Пскова и Великих Лук со всеми их землями.

Царевич Иван. Батюшка, то уж Россия! Поляки желают Россию разрушить! Следом за Баторием идет черная армия иезуитов, они хотят православие разрушить!

Иван (гневно). Так то ты, Лопатинский, послан, чтоб требовать от нас согласия на нашу погибель?

Лопатинский. Государь московский, я, посол великого короля Речи Посполитой Батория, привез тебе грамоту-ультиматум. В сем ультиматуме король Стефан Баторий согласен ограничить свои требования всей Ливонией, военным вознаграждением и разрушением некоторых пограничных крепостей.

Иван (гневно). Требовать от меня 400 тысяч червонцев!

Лопатинский. Не золотых червонцев, а золотых дукатов! Ответ король согласен ждать недолго. Он дает тебе, московскому царю, пять недель для присылки послов. В противном случае король грозит сесть на коня.

Иван. Я немало отправил королю мирных послов, и ныне отправлю послов в путь, принимая во внимание желание своего соседа утолить его требования.

Царевич Иван. Батюшка, те требования унизительны для тебя, царя, и для России.

Иван. Иван-сын, я отвечу ему достойно.

Лопатинский. Государь московский, по просьбе бывшего твоего вельможи князя Курбского, привез я также тебе от него письмо. *(Подает письмо)*.

Иван (берет письмо и читает). Вижу, изъязвительное письмо послал, назло мне и к моей большой досаде. Курбский, находясь на службе у своего нового государя, решил поднять оружие против своей родины. Что ж, прочту с вниманием и отвечу, но на сей раз не ему, холопу польского короля, а самому королю, чья заносчивость подстать холопской. *(Уходит в сопровождении царевича Ивана)*.

Занавес

Сцена 72

Москва. Теремная палата. Вечер. Горят свечи. Чтец Сафоний и подъячий.

Сафоний (*читает сидящему в кресле царю Ивану*). Ответ царю великому московскому от убогого Андрея Курбского, князя ковенского.

Иван. Юродствует сей опальный вельможа, изображает убогого, будучи корыстолюбив. Я слышал, что король дал ему богатые имения.

Сафоний. Истинно так, милостивый государь! Король предоставил Курбскому Кревскую старость, десять сел, четыре тысячи десятин земли в Литве, город Ковель с замком и двадцать восемь селений на Вольни.

Иван. Много продаж он, Курбский, сделал. В Ливонии граф Арц, будучи противник нового шведского короля, обратился к нам тайно, предложив сдать крепость Гельмет. Курбский, который тогда служил нам и которому я по-христиански верил, вел переговоры с графом. Договор был подписан и скреплен, но кто-то выдал заговорщиков литовским властям. Арца увезли в Ригу и там колесовали. Ныне же ясно, что Арца выдал сам Курбский. Он еще до бегства своего изменял отечеству и бежал, боясь разоблачения. Читай далее ядовитое послание изменника!

Сафоний (*читает*). А что ты, московский царь, исповедуешься мне в своих посланиях столь подробно, словно пред каким-либо священником, так этого я недостойн, будучи простым человеком и чина воинского, даже краем уха услышать.

Иван (*сердито*). Фарисей, не перед ним, перед собой исповедуюсь и перед Богом, подобно всякому истинному христианину.

Сафоний (*читает*). Недостойн я такой царской твоей исповеди, а все более потому, что и сам обременен многими и бесчисленными грехами.

Иван. То единственное, что правду пишет, про свои бесчисленные грехи. Грехи те бесовские, отечеству во вред великий. Еще командуящим он, Курбский, в Ливонии был, а уже ясно было, что продает некий высоко сидящий. За сношения с Литвой наказаны были бояре Кашин да Репнин, на боярина Федорова-Челядина наложили большую денежную контрибуцию и отправили в ссылку в Коломенское; однако продажи продолжались. Радзивилл располагал точными известиями о движении полоцкой армии и потому удачно устроил засаду. Все указывало на собаку Курбского, однако я по-христиански щадил его, лишь велел поубавить почестей и отобрать места, сиречь семейные владения.

Сафоний (*читает*). Московский царь, дьявол подстрекает нас, грешных, на словах только каяться, а в сердцах себя превозносить и равнять со святыми православными мужами. Господь повелевает никого не осуждать до страшного суда и сначала вынуть бревно из своего ока, а потом уж вытаскивать сучок из ока брата своего. Дьявол подстрекает только какие-то слова произносить, будто каешься, а на деле не только возносишься, но и гордишься бесчисленными беззакониями и кровопролитиями. Христа в древности евреи называли обманщиком и бесноватым, который с помощью Вельзевула изгоняет бесов. А все это видно из послания твоего величества, где ты противоречишь и святых мужей называешь бесами. Оттого твоими язвительными словами осыпан и осмеян, словно брат выразил, и выражаю твои дурные обычаи. А мог бы ты вспомнить, как во времена благочестивой жизни твоей все дела у тебя шли хорошо, по молитвам и по наставлениям избранной рады, достойных советников, сенаторов по-европейски.

Иван. То он, собака, вспомнил, как собачки их рады с Алешкой и попом поработали меня, царя!

Сафоний (*читает*). Как потом, когда прельстили тебя жестокие и лукавые льстецы, губители твои и отечества, случилось, и какие язвы были Богом посланы. Ибо льстецы те, человекоугодники или, на языке их, маньяки, тем боле, что и все мудрые считают, что в царстве ни в каких целях сравниться не может с ними никакой опасный для жизни нарыв или смертный прыщ.

Иван (*встав с кресла, нервно ходит*). Не сам ли ты, Курбский, с радой собачкой был тем прыщом?

Сафоний (*читает*). Два твои срамотнищие поражения, московский царь, сожжение крымскими татарами Москвы и только что случившееся падение Полоцка, также потерпел ты еще одно великое поражение под Соколом, и иные потерпишь. Все то вдохновило меня на написание тебе, московскому царю, послания, ибо меч варварский есть отомститель за поругание закона Божьего, и высказано сражением Москвы и опустошением всей земли русской и, что сего больше и не здоровей царской твоей души, падение и позорное бегство царских войск, прежде бывших

храбрыми. Прежде тот измаильский пес, в диком поле бегая, места не находил, и вместо нынешних тяжелых даней, которые ты ему позорно платишь, выплачивал дань ему саблями нашими воинов твоих. Та дань была басурманским завоевателям заплачена. А что ты пишешь, именуя нас изменниками, так мы принуждены были тобой против воли крест целовать, ибо есть у нас обычай - кто не присягает, тот умрет страшной смертью. Мы же, по твоим словам, изменники, когда главный враг твой, царь перекопский, прислал королю, упрасывая меня, чтоб пошел к ним на ту часть земли русской, что под властью твоей, я, несмотря на повеление короля, отказался, не захотел и подумать о таком безумии, чтоб пойти под басурманскими знаменами на землю христианскую вместе с чужим царем, безмозглым безверником. Потому и сам король тому подивился и похвалил меня, что я не сподобился безумным, до того решившимся на подобное.

Иван (*гневно*). О, чудо! Лжец и клеветник! Разве не ходил он, Курбский, с лютерами и латынями на христианскую Русь, не ходили на Русь Литвой? Ежели ты возразишь, что и мы тоже воюем с христианами германскими и литовскими, то сие совсем не то, ежели и были в тех странах христиане, то ведь мы воюем по обычаю своих прародителей, как и прежде многократно бывало. Также нам ведомо, в тех странах нет христиан, разве что мелкие церковные служители и тайные рабы Господни. К сему и война с Ливонией, вся ливонская брань учинилась вашей изменою, неведением бессовестным вашим, вашим недоброжелательством и легкомысленным небрежением. Вспомни, как при твоём воеводстве Тарвас отдал Литве, как приходил под Тарвас витебский воевода, как литовские люди повоевали псковские волости, как Литва через наш рубеж издавна ходила, как пригород Пскова Изборск литовцы взяли изменным обычаем. Гетман Андрей Полуберский с восьмьюстами поляками, переодевшись опричниками, при помощи изменников Марка и Анисима, Сырохозяев и Тимофея Тетерина, вошли в крепость. А все те изменники с тобой были и тобой, собакой, управлялись. А еще врешь, что творил ты то ради благочестия. То творил ты, бежал не от смерти, а ради славы в той кратковременной и скоротекущей жизни, бегства ради. Ты, по твоим словам, праведен, благочестив, то почему испугался безвинно погибнуть, ибо это не смерть, а дар благий. В конце концов все равно умрешь! Читай далее, Сафоний!

Сафоний (*читает*). А что пишешь, будто бы царицу твою очаровали и ядом опоили и тебя с ней разлучили мужи-советники и я с ними, то я тебе вместо тех святых говорить не стану, ибо дела их вопият, словно трубы, возглашая о святости их и добродетели. О себе же вкратце отвечу тебе, то есть по нынешней необходимости принужден к этому тобой. Если б не поведал в ответ истину, то предстал бы бессловесным и неведом в том, в чем ты меня напрасно обвиняешь и клеветал на меня. Я хоть и весьма многогрешен и недостойн, однако рожден от благородных родителей, из рода я великого князя смоленского Федора Ростиславича, как ты, царь, прекрасно знаешь из летописей русских. Князя того рода не привыкли тело собственных терзать и кровь пить братьев своих, как у некоторых вошло в обычай, что первый дерзнул сделать Юрий московский Долгорукий. Будучи в Орде, Юрий Долгорукий выступил против святого великого князя Михаила Тверского, и прочие дела еще свежи. Что с Углицкими сделано, и с Ярославскими, и с другими той же крови? Род Калиты издавна кровопойный, ты ж - его законный наследник.

Иван (*гневно*). Паче кала смердяй! Род наш Калиты - объединитель Руси и отечества спаситель. Неужели не следует казнить разорителей отечества? Тогда все царства распадутся от междоусобных браней. А что ж должен делать правитель, как не разбирать брани своих подданных? Немало и в прошлом было царей, которые спасали свое царство от всяческой смуты и отводили злодеяния и умыслы злобесных людей. Те цари мне пример, ибо всегда царям следует быть осмотрительными: иногда кроткими, иногда жестокими, добрым же милосердие и кротость, злым же - жестокость и муки. Ежели нет того, то он не царь.

Сафоний (*читает*). Ты, московский царь, будучи законный наследник предков твоих, лютою своею властью погубил многих воевод и полководцев, благородных командиров, славных и знатных, со младых ногтей искушенных в военном деле и руководстве войсками, и все, что есть лучшего и надежнейшего в битвах для победы над врагами, ты предал различным казням и целыми семьями погубил, государь, и без повода, внимая коварным своим льстецам, губителям отечества, и погрязнув в подобных злодеяниях и в кровопролитии, посылаешь на чужие земли, под стены чужих крепостей армию христианскую безыскусных и вам всем ведомых стратилатов-полководцев, не имеющих к тому ж мудрого и храброго предводителя. Без людей идешь, с овцами, не имеющими доброго пастыря и страшась даже носимого ветром листика. Калик своих пытаешься

бесстыдством превратить в воеводищ, взамен тех храбрых и достойных мужей, которые истреблены или изгнаны тобой. Те окаянные воеводишки, а правильное сказать - калики, все больше и больше выволакиваются, связаны в узах, а здесь, на великом сейме, где бывает множество народа, подвергаются всеобщим насмешкам и надругательствам, окаянные, к вечному и немалому позору твоему и всей святорусской земли и на оплошение народа сынам русским. И мне, сидящему на сейме, бывает тяжко видеть...

Иван (*гневно*). Нечестивец лукавый! Тебе за бесчестье страдать ли? Ибо разве ты, Курбский, не сходен с Иудой-предателем?! Так же, как и он, ради денег разорился на владыку всех и отдал Его на убиение, находясь среди Его учеников и веселясь с иудеями! Так же и ты, Курбский, живя с нами, ел наш хлеб и нам служил, общался, а в душе копил злобу на нас! Ты - смердящий хуже кала! Не ради свободы, ради блеска золота, ради богатства бежал, ты предаешь отечество, Русь святую!

Сафоний (*читает*). А надобно б, ко всему этому ты, московский царь, добавил еще один позор для предков твоих, посрамление в тысячу раз более горькое: город великий Полоцк в своем еще присутствии сдал ты со всей церковью, то есть с епископами и клириками, с воинами; со всем народом. А город тот я прежде добыл своей грудью, чтоб потешить твое самолюбие. Не скажу уж, что нашей верною службой, а многими трудами. Ныне же вместе со всем своим воинством ты в лесах прячешься, как хороняка и бегун трепещешь, и исчезнешь, хоть никто не преследует тебя, только совесть твоя в душе твоей вопит, облегчая прескверные дела твои, бесчисленные кровопролития. Тебе ныне только остается браниться, как пьяной рабыне.

Иван (*гневно кричит*). Надобно указать послам, ежели выдадут мне Курбского, то отпущу всех польских и литовских пленных!

Сафоний (*читает*). Чую, при чтении сего места особо будешь гневаться и жаждать моей крови. Или не читал ты написанного Исаей-пророком? Лучше розга или палка в руках друга, чем нежные поцелуи врага! Позорно затворил ты царство русское, свободное, естественное, человеческое, словно в адовой твердыне. Позорно поражение твое! Прежде перед христианскими полками шел ангел-хранитель, ныне вместо доблестных воевод и полководцев посылаешь племянника кровавого Малюты Бельского со товарищи, и вместо божественных книг и священных молитв - скоморохи с различными дудками и ненавистными Богу бесовскими песнями, шуты, отвратительные палачи: вот кто с тобой! Вспомни, царь, прошедшие дни и возвратись к ним! Зачем ты, безумный, все еще бесчинствуешь против Господа своего? Разве не настала пора, разве еще не время образумиться и покаяться и возвратиться к Христу, пока еще не отторгнута душа от тела? Ибо после смерти не опомнишься в аду, не исповедуешься и не покаешься. Ты ж был мудрым и, думаю, знаешь о трех частях души и о том, как подчиняются смертные части бессмертным. Ежели не ведаешь, то поучись у мудрых, и подчини, и покори в себе звериную часть Божественного образа, и подробно смотри об этом в книге блаженного Исаака Сирина и в книге премудрого Иоанна Дамаскина. Думаю, что в твоей земле не переведена полностью с греческого языка, а у нас здесь, по благодати Христовой, вся целиком переведена, и великим чтением исправлена. При случае пошлю тебе с новыми главами из книги премудрого Цицерона, мной переведенными. А если же от непомерной гордости и зазнайства думаешь о себе, что мудр, что всю вселенную можешь подчинить, пишешь в чужие земли чужим слугам, как бы воспитывая их и наставляя, то здесь над этим смеются и поносят тебя за это. Написано в преславном городе Полоцке, владении государя нашего пресветлого Стефана, особо прославленного богатырскими делами, на третий день по взятии города, после победы над Соколом на четвертый день. Андрей Курбский, князь Ковельский.

Иван. Андрей Курбский, князь Ковельский! (*Ходит.*) Ты, Андрей Курбский, князь Ковельский, кичишься своей ученостью, посылаешь переводы Цицерона тобой ли сделанные? Не секретарем ли твоим, шляхтичем Федором Достоевским? А читал ли Лукиана? С некоторых пор полюбил я Лукиана. Есть у него трактат о том, как не следует относиться с излишней доверчивостью к клевете, и иной трактат, неучу, который покупал много книг, то прямо про тебя, князь Курбский Ковельский, особо же ценен третий: «Похвала родине». (*Берет книгу, читает.*) И иной трактат: «Неучу, который покупал много книг». То про тебя, князь Курбский-Ковельский. Особо же ценен третий: «Похвала Родине». (*Берет книгу, читает ее.*) Старая это истина, что нет ничего сладостней отчизны. Пусть многих восхищает могущество и великолепие чужих городов, пышность строений, зато истинные люди любят отечество, а изменники подобны незаконорожденным детям: с легкостью переселяются, то ли не ведая слова «отечество», то ли не дорожа им, считая, что

повсюду они сыщут себе пропитание. Они измеряют благополучие радостями желудка. Однако ведь недаром в древности законодатели повсюду высшей мерой наказания за величайшие преступления положили не смерть, а изгнание. И не только законодатели, но и полководцы, ободряющие войско, держатся того же мнения. Ведь в сражениях самый великий призыв для стоящих в строю - призыв идти в бой за отчизну! И никто из истинных людей, услыша его, не захочет оказаться недостойным. И в робкого вселяет мужество слово «родина». *(Ходит в задумчивости с книгою в руках.)*

Сафоний. Государь милостивый, сие из Лукиана взять в ответ Курбскому?

Иван. Курбскому отвечать больше не буду. Не до холопов, когда речь идет об их господине. Королю Баторию, новому господину Курбского, я отвечу. Долго сдерживал я свой гнев, наблюдая наглые дела и слыша наглые слова Батория. В ответном послании прежде прочего писать излюбленную мной тему: происхождение московской династии от кесаря Августа, Божественная природа самодержавной власти наследственных, а не выбранных московских государей. *(Ходит.)* Евгения Пушкина да прочих послов к нему не пошлю. Пошлю легких гонцов: Андрея Михалкова да Леву Стремноухого, слуг боярских, чтобы излишней чести ему, Баторию, не было. Не от себя отправлю, от боярской думы, ибо от меня, государя, много чести будет. *(Ходит.)* Как прислал ты, Баторий, свою охранную грамоту для наших государевых послов, а паны твоей, Баторий, рады написали нашим боярам, чтоб мы по той грамоте послали своих послов, то та грамота оказалась писана не тем обычаем, как пишут охранные грамоты для послов. Та твоя, Баторий, грамота писана как бы молодым купецким людям. Для мелких купцов написана, через твое, Баторий, государство проезжающих. Чему уподобляется твое такое высокомерие? Своему воеводе Виленскому ты не написал бы так оскорбительно, как писана та грамота.

Сафоний. Все то записывать, милостивый государь?

Иван. Все записывай, а я погляжу писаное и сам приложу руку к грамоте, указав, где чему быть. *(Ходит.)* Таких оскорблений и укоризн мы, Божьей милостью царь русский, не слышали ни от турецкого, ни от иных басурманских государей. Прикажи поискать во всех своих книгах: ни при Ольгерде, ни при Ягайле, ни при Витовте, ни при Казимире, ни при Альбрехте, ни при Александре, ни при Жигмонде Старшем, ни в наше время при Жигмонде Младшем, никогда не было, что ты совершил по своему новому обычаю. А коли ты тех прежних государей называешь своими предками, чего ж ты по их уставлениям не действуешь, а заводишь свои новые обычаи, которые ведут к пролитию невинной христианской крови? Ты предложил заключить нам вечный мир, а ведь прежде, при твоих предках, перемирие было крепче мира! Перемирие никто не нарушал, а вечный мир всегда нарушался. А ныне и подавно верить нечего, потому что присяга твоя нипочем. А крепость Себеж, поставленную нашей властью по Божьей воле в годы нашего детства при короле Жигмонде Старшем-с тех пор она там так и стоит: он, Жигмонд, по своему благочестию, не желал кровопролития, как государь христианский, и, стремясь к миру в христианстве, нам уступил, и благодаря тому избежал пролития христианской крови между нами. А ты, Баторий, требуешь теперь от нас самих или сжечь или разобрать ту крепость, а землю уступить тебе вместе с Полоцком. Сам пришелец, а просишь невозможное. Ежели ты хотел мира среди христиан, то ты бы к Полоцку не ходил и его не забирал. А ты наипаче ищешь, чтоб только ссору затеять. Известно, что ты всегда жаждешь пролития христианской крови.

Сафоний. Государь милостивый, в грамоте Баторий указывает, что он и разные паны порешили в обмен за Себеж сжечь польскую крепость Дриссу.

Иван. Таким способом только младенцев омыливают, надувают. А нам от того что за прибыль? Мы Себеж велим сжечь, Баторий велит сжечь Дриссу, а обе земли его будут. То ведь ухищрение панов, не дело. Они сожгут, а потом снова поставят. *(Ходит.)* Ни единым словом не сможешь ты доказать, что ливонская земля подчинялась Королевству Польскому и Великому княжеству Литовскому. Как ни проверяй, всегда обнаружишь, что литовская земля в большей степени подчинялась нашему государству, чем вашему. А что твои паны говорят, что если то была наша земля, то зачем нам было заключать с ней перемирие, так ведь та земля была особая наша дополнительная вотчина. Жили в ней немецкие люди, а заключали соглашение о перемирии с нашими вотчинниками, Великим Новгородом и Псковом, с нашего разрешения и по нашему приказу, подобно тому, как мужики в волости заключают между собой соглашение, как им торговать, а не так, как заключают перемирие между государями. Ты вот называешься прусским, а в Пруссии - свой князь. Стало быть, Пруссия

не твоя. Ливония так же дополнительная наша вотчина, как Пруссия у тебя. Ливония так же русская, как Пруссия - польская. А то, что ходил я войной на ливонских мятежников, то ты сам зачем в Гданьск ходил войной? Вот ты пишешь, что предки наши несправедливыми поступками свое государство расширили, а ты очень справедливо добиваешься потерянного, проливая кровь вопреки присяге? Говорили еще твои паны нашим послам, что они за ливонцев вступились всей землей, потому что ливонская земля - римской веры, одной веры с поляками, да потому этой земле следует быть в твоей власти. Христианское ли то дело? Называясь христианами, эти паны и все римляне и латыняне твердят, что вера греческая и латинская едины, а когда во Флоренции в 6947 году от Сотворения мира, в 1439 году от Рождества Христова, при Папе Римском Евгении, был собор, и присутствовал на нем греческий царь Иван Мануйлович, а с ним - патриарх царьградский Иосиф, на том соборе скончавшийся, а на Руси был митрополит Исидор, на том соборе постановили, что греческая вера и римская должны быть едины. А что ты присягаешь на сейме, что будешь добиваться отошедших к России областей и очищать ливонские земли, и паны твои присягали, так ведь то сделано ради пролития невинной христианской крови по басурманскому обычаю. Вот каков твой мир! Ничего ты не хочешь, кроме истребления христиан. Тебе и твоим панам нужно удовлетворить лишь свои желания - губить христиан. *(Ходит.)* Сам ты пошел со многими людьми из разных земель и с нашими изменниками - с Курбским, Заболоцким, Тетериным и другими нашими изменниками-войной. А нашу вотчину, Полоцк, взял изменой. Наши воеводы и люди плохо дрались против тебя, и изменники сдали тебе город Полоцк. Ты же, идя на Полоцк, сам написал нашим людям, чтобы они нам изменяли и переходили к тебе с крепостями и городами. Похваляешься, что покоряешь нас за наших изменников, не на войско надеешься, на измену. Придя со многими людьми к Соколу, небывалым способом сжег город и перебил наших людей, верных мне, а над мертвыми надругались беззаконным образом, как не слыхано и не ведомо. Убить кого-либо в бою и оставить - то военный обычай. А твои люди поступали по собачьим обычаям: выбирали трупы воевод и лучших детей боярских, разрезали у них животы, вынимали у них сало и желчь как бы для лечения ран, в действительности же - для колдовства. *(Ходит.)* Пишешь, что понес большие расходы на востоке и утраты. А если тебе в убыток, то ты бы вотчину нашу не занимал, кто тебе в том бил челом? А к тому же мы еще должны заплатить тебе за твои сборы, когда ты снаряжался на нашу землю, всего 400 тысяч золотых. Что ж то будет за мир? Взяв теперь у нас казну, разбогател, ты на наши же деньги нанял людей на нас напасть и остальное отнять? Скоро начнешь взыскивать и то, что при Адаме потеряно? Ежели старые споры почнут разбираться, то тут кроме кровопролития ждать нечего. Оно и видно, что ты действуешь, предавая христианство басурманам. А когда обессилишь обе земли - русскую и литовскую - все басурманам достанется. Присылаешь грамоту сурову, по латыни ультиматум, чтоб решил в пять недель, иначе сядешь на коня. Сам ты все время сидишь на коне наготове, а сроки указываешь по басурманскому обычаю такие, что поспеть было б нельзя. Говоришь, что ты с нами помиришься, только ежели мы уступим тебе всю ливонскую землю до последнего волока. Ты лжешь, ибо желаешь погибели Руси, и после Ливонии хочешь Русь забрать под польскую власть, ибо про то сведения имеем. Мы тебе столько городов уступили, и все не смогли привести тебя к согласию. А что просишь оплатить военные сборы, то ты взял из басурманского обычая. Такие требования выставляют татары и турки, ты ж у турок в вассалах был. *(Ходит.)* Да что много писать, ежели ты стремишься к кровопролитию, отвергая христианское благочестие, поскольку охвачен безудержной гордыней, что словно все хочешь вокруг поглотить, и хвалишься, как Амалек, библейский царь амалекитян, или Синахорет, ассирийский царь, или воевода Савар при Хосрове, шахе персидском, который похвалялся царствующий город взять, говорил: «Не надейтесь на Бога, в которого верите. Завтра город возьму, как птицу, возьму моей рукой». Мы ж ищем себе помощи у Всевышнего, и также и все гордящиеся и возвышающиеся не избегнут гибели. А за пролитие православной крови нас с тобой Бог рассудит. *(Ходит.)* Все то записанное на бело переписать, я погляжу! А начать надобно: «Мы, смиренные Иван Васильевич, удостоились быть носителем крестоносной хоругви и креста христового российского царства и иных многих государств и царств, скипетродержатель великих государств, царь и великий князь Всея Руси по Божьему повелению, а не по многомятежному человеческому желанию.

Сафоний. Государь милостивый, титулы короля какие указать?

Иван. Укажи Стефану, Божьей милостью королю польскому, чтоб не избранничество, изволение Божье, а милость Божья. Как курфюрстрам и князьям и графам, и голландским статам пишется: Божьей милостью курфюрстру али графу от нашего царского величества.

Сафоний. Бумага какова?

Иван. Грамоту писать на меньшей александрийской бумаге. Трава золотом наверху, над письмом. По сторонам чтоб золота не было.

Сафоний. Писать ли титлы короля золотом?

Иван. Титлы золотом лишь меня, царя, а короля Батория, аки графа или князя, пишется чернилами. *(Уходит.)*

Занавес

Сцена 73

Варшава. Сейм.

Королевский секретарь. Ясновельможное панство, депутаты вольного сейма Речи Посполитой! Я, королевский секретарь Станислав Фольговедер, объявляю на сейме речь князя и гетмана Яна Замойского.

Ян Замойский. Ясновельможное панство, этот сейм можно назвать сеймом победителей. *(Крики: Слава доблестному королю! Слава гетману Яну Замойскому! Слава Речи Посполитой!)* Ясновельможное панство, вспомним, как труден был путь и как много было сомнений! На прошлом сейме мне, Замойскому, с трудом удалось уговорить ясновельможное разное панство не заключать мира недостойного. Московит, почуяв свою слабость, предлагал мир. Поляки, ясновельможное панство, не давали своему королю денег, даже упрекали его и не хотели вовсе войны. Наш благородный король Стефан Баторий жертвовал и теперь жертвует в пользу Польши свои собственные деньги, и я, Замойский, дал ему на войну свои средства, и пан Жолкевский, и еще некоторые паны. Была набрана в Германии артиллерия, из Венгрии выписали еще пехоты, и Пан Бог, также Матка Польская, помогли. Поход короля Батория был успешен как нельзя боле. После Полоцка и Сокола взяты Великие Луки. Поход на Великие Луки, панове, был тяжелым. Чтобы не переходить Двину под пушками крепости Вележ, наши войска пошли дремучими лесами и разделили свои силы на две части. Ведомо, что гетман Микола Малецкий, гетман Никола Радзивилл Черный, гетман Никола Радзивилл Красный, также многие иные паны полковники были против, называя то риском. То был истинный риск, панове, однако Пан Бог помог нам. При такой удаленности московских сил, находившихся в Новгороде, Пскове и Смоленске, оправдался риск. В то время, как наш ясновельможный король Стефан Баторий занял на своем пути Свит, я со своим отрядом обошел Велень, взял его и соединился с главной армией под Великими Луками. В бешеной схватке Великие Луки были взяты. *(Крики: Слава королю! Слава храброму гетману Замойскому, покорителю городов!)* После того, панове, крепость Озерище отдалась почти без всякого сопротивления, подоженный Невель сдался, Заволочье занято со второго приступа, рыцарской храбростью поляков и венгров взят Торопец. Поляки приобрели большую русскую область и вернулись на зимние квартиры. С наступлением осени и наш славный король Стефан Баторий приехал в Польшу. Но партизанская война против русских, панове, продолжается и зимой. Литовцы и чухонцы захватили Холм, взяли и сожгли Старую Руссу, вместе с Магнусом завладели замком Селитом и разоряют Дерптскую область до самых московских границ. Запорожские казаки со своим гетманом Ольшевским врываются в южные пределы московского государства и опустошают их. Не остаются спокойными зрители и шведы. Понтус де ля Гарди ворвался в Карелию и взял Кексгольм. Убито 2 тысячи русских. Другой шведский отряд осадил Лазас в шести милях от Ревеля. Шведы перешли по льду Финского залива и взяли Визенбад.

Шведский посол. Позвольте мне, послу шведского короля Иоганна, сказать ясновельможному панству: от гонцов получено сообщение, шведскими войсками взята Нарва! *(Крики: Слава! Слава!)* Ясновельможное панство, теперь видно, какие великие возможности для единого фронта при сборе

Польшы, Литвы, Швеции в деле наступления на Россию и Османскую империю. (*Крики: Слава королю Речи Посполитой Стефану Баторию и шведскому королю Иоганну III!*)

Замойский. Взятие Нарвы - великий успех против московского медведя! Если еще наш король Зигмунд Август писал английской королеве, убеждая перестать торговать с Россией, благодаря нарвскому плаванью москаль этот-не только временный король короны нашей, но и враг наследственный всех свободных народов-чрезвычайно преуспел в образовании вооружения.

Шведский посол. В Германии и Швеции о том писано множество трактатов: торговля постоянно увеличивает мощь московита, и можно было опасаться, что он станет господином Балтийского моря. Мы, державы, располагающие морским флотом на Балтике, должны домогаться господства над торговыми путями, также и ведущими к русскому рынку, особенно Швеция.

Жолкевский. И у Польши свои потребности. Растущая торговля зерном дает польскому дворянству деньги и требует новых портов на Балтике. Нарва - ливонский порт, а Ливония - польская область. То наш, не шведский город.

Замойский. Пан Жолкевский, в борьбе с московитом нам надобно прежде всего единство. Москаль пробует сделать разлад между европейцами.

Жолкевский. Пан Замойский, лютерская уния поддержала претензии Польши на Ливонию, создание польской империи от Балтийского до Черного моря. (*Крики: Хай живет Польша! Хай живет Речь Посполитая!*)

Уханский. Ясновельможный король, ясновельможное панство, все ж надобно разуметь: Россия не сломлена поражением. Наоборот, она ведет очень серьезную подготовку и остается могучей военной державой, с которой надо искать мира. Между тем уж который день ясновельможный король и ясновельможный канцлер русских послов, присланных царем, не принимают.

Замойский. Пан Уханский, однако на сей раз не следует надеяться на мирные действия со стороны гордого врага-московита. Вместо послов он прислал легких гонцов - Андрея Михалкова и Леона Стремоухова, а привезли они от царя послание неприличное, такое, что я, ясновельможный король, не решился сразу представить вашему панству.

Баторий. То не удивляет. Вражда между тираном и свободно избранным королем к тому ведет, и в предшествующие годы мы оба старались обидеть друг друга, не спрашивая о здоровье государя, не вставая на аудиенциях при поклоне, передавая послания. Из-за таких нарушений этикета обрывались переговоры. Однако ныне московит не тот. Видно, понял, что со времени первого послания соотношение сил изменилось в пользу меня, польского короля. (*Берет послание, листает.*) Однако, толстое, видно, с Адама начинается. (*Смех.*) Пан Замойский, пусть идут русские послы. Панове, победу над Россией нельзя считать окончательной, пока не будет достигнут прочный мир. (*Листает послание.*) Вижу, послание латынью писано, да не ясно. А латынь варварская. Где то переводилось, пан Курбский?

Курбский. Мыслью, в польском дворе московского посольского приказа, ясновельможный король. Они в латыни мало смыслят. Латынь у них в посольстве вульгарная, словно аптекарская. То латынь средневековая, а не латынь классическая.

Баторий (читает). Пишет: «Бог пожелает, так и поступит со мной, недостойным врагом своим, ославит имя свое святое и рабов своих, которые на том российском острове угодили ему молением». Про который российский остров речь?

Курбский. Ясновельможный король, слова «острова» в Библии имеют и иное значение. Острова языков, сиречь народов. Тут царь Иван цитирует псалтырь. А пишет путано, ибо эпистолярному жанру учился не в Краковском либо Падуанском университете, а у риториков, которые так мало смыслят в истинной премудрости. С православными старцами, подобно Вассиану Муромцеву из Псково-Печерского монастыря, с коим состою давно в переписке, совет не держит. Совет держит с такими, как Вассиан Топорков из среды лукавейших иосифлян, нащептавших ему недоброе и учащих юродству. Потому эпистолярный стиль его - то стиль неграмотного юрода. В прошлом послании он обвинил меня не только в измене, а и в убийстве его царицы Настасии.

Баторий (листает послание). Много про арианство у нас в Польше пишет, про арианские ереси.

Замойский. То, ясновельможный король, связано с попытками утвердить посредничество Папы Римского, для того чтобы остановить твое, ясновельможный король, стремление к наступлению. Такие сведения мы имеем.

Николай Красный Радзивилл. Ясновельможный канцлер Замоиский, австрийские Габсбурги стремятся к тому ж, ведя переговоры с Римским Папой. Один агент австрийского двора, описывая Римскому Папе церковно-политическую ситуацию, сообщает: «К сожалению, они цвиглианцы и кальвинисты, распространившиеся далеко в Польше и Литве». О том же сообщает Папе и знатный чешский дворянин Розенберг.

Замоиский. Пан Никола Красный Радзивилл, все это интриги врагов нашего ясновельможного короля. Чешский дворянин Розенберг сам был среди иных претендентов на польскую корону. На те интриги и рассчитывает московский царь.

Баторий (*листает послание*). Московская вульгарная латынь раздражает меня, панове. Будучи убежденным католиком, я веротерпим, тому учили меня в Падуе. Но постоянная ученическая вульгарная заносчивость московского царя лишает меня той терпимости.

Курбский. Ясновельможный король, та ученость царя Ивана во многом вымышлена. В приведенных царем Иваном высказываниях царя Езекиля к ассирийскому царю Синахорету слов «Се раб твой, Езекиль, учинил он тебе такую покорность», тех слов в Библии нет, они царем Иваном вымышлены, я посмотрел текст.

Баторий (*листает послание*). И притом, панове, постоянно выставленное московским царем обвинение в связи меня с басурманством! Московский царь постоянно называет меня вассалом турецкого султана. Турецкий султан издавна претендовал на часть Венгрии, и я, будучи трансильванским семиградским воеводой, вынужден был жить с тем злом, чтоб не погибнуть на мунтянской и семиградской земле. Но как смеет упрекать меня московский властелин, что я, Стефан Баторий, был вассалом турецкого султана! (*Яростно.*) Ты, который кровью своей породнился с басурманами!

Курбский. Ясновельможный король, в ответном письме надо бы указать московскому мучителю, зверю-кровопоице, на все его жертвы. На страдания священномученика Филиппа, митрополита московского, на убийство брата царева князя Владимира Старицкого с женой, матерью и дочерью-младенцем, и прочие.

Баторий. Все те имена жертв ты мне напишешь, князь. Разумеется, панове, можно было бы оставить без ответа последнее письмо московского тирана, а ответить ему достойно мечом.

Замоиский. Ясновельможный король, мы, окружающие тебя преданные люди, опасаемся, как бы польские и немецкие газеты не остались под впечатлением заключенных в письме оскорблений, ибо московский тиран, несомненно б велел распространить письмо своим дипломатам. Несомненно, его уж читали при дворе Габсбургов.

Баторий. Что ж, проливая кровь, не пожалеем и чернил. Можно продолжить в том же духе. Королевский секретарь пан Станислав Фольговедер, укажи, чтоб моя королевская канцелярия принялась бы за дело и изготовила б послание страниц на сорок.

Королевский секретарь. Как велишь, ясновельможный король! Ясновельможный король, московские гонцы Андрей Михалков и Леонард Стремоухов уже приехали в сейм. С ними приведены и взятые в последних боях в плен русские воеводы. Вместе ли им идти?

Баторий. Пусть идут москвиты вместе. Уж потешимся, ясновельможное панство, унижением и малодушием врага. (*Входят гонцы Андрей Михалков и Лев Стремоухов. Одновременно вводят в сейм и пленных русских воевод в оковах. Крики: Русских козлов привели! Эй ты, пан козел! Смех. Смотри, панове, гонец Михалков усатый, он принадлежит усам, не усы ему! Ему, как козлу, не мешало б отправиться ночевать в стойло! Смех.*)

Андрей Михалков. Великий польский король, боярская дума государства нашего прислала к тебе и к радным панам нас гонцами с верительной грамотой, в которой просит поверить нашим словам, сказанным от имени думы бояр.

Баторий. Не от себя царь московский прислал, от бояр своих. Такова-то спесь по времени. Начинает послание «Мы, смиренный Иван Васильевич». Хочет быть смиренным, но страсть его берет верх над разумом. Отчего от себя не прислал, а от боярской думы?

Лев Стремоухов. Великий король, при польском наступлении предложение мира со стороны нашего царя имело бы унижительный характер.

Баторий. Ваш царь должен привыкнуть к унижениям. Кончилось русское могущество. Что привезли с собой?

Андрей Михалков. Великий польский король, мы, русские послы, по указу думы соглашаемся отказаться от всей Ливонии, за исключением Рогадива, сиречь Нарвы, и городов, расположенных по течению реки Нарвы у самой русской границы.

Баторий. Нет, вся Ливония наша и уж завоевана она польско-литовско-шведской коалицией.

Лев Стремоухов. Великий король Стефан Баторий! Мы согласны отказаться и от завоеванных тобой западнорусских городов Полоцка, Вележа, Усвита и прочих. Возражаем только против уничтожения еще не занятой крепости Себеж. Такой договор хотим подписать. Также просим во время переговоров соблюдать перемирие.

Замойский. Такие условия договора отвергнуты нашим королем.

Баторий. Я согласился на короткое перемирие сроком в пять недель. Если не подпишете моих требований, то следующих русских гонцов приму уже в лагере под Псковом. Меня ваш царь все время называет вассалом турецким. Самодовольный азиат! Я научу его почитать Европу!

Жолкевский. Ясновельможный король, мы, польское рыцарство, устроим на него хорошую охоту! (Смех.)

Николай Красный Радзивилл. Ясновельможный король, пошли меня с летучим отрядом конных гусар да польских казаков по русским тылам. Я приведу русского царя в сейм, как тех его воевод, и поставлю перед тобой на колени. (Крики: Русские холопы! На колени перед польским королем! На колени перед панством!)

Замойский. Москали, поклонение на оба колена до самой земли! (Пленные становятся на колени. Крики: Холопы! Нехристи! Неотесанные волы! Смех.)

Польский дворянин. Панство, послать их, воевод царских, пахать, боронить, сеять, убирать да молотить! (Смех.)

2-й польский дворянин. Пилить дрова на панской лесопильне али молотить зерно на панской мельнице!

3-й польский дворянин. Нет, царских воевод сделать тягловой силой вместо вола и лошади! (Смех.)

Замойский. И вы, гонцы царские, целуйте руку короля, иначе оденем на вас оковы. (Послы целуют руку короля.)

Баторий. Война вашим царем и Россией проиграна. Осталась у царя Ивана только дипломатия. Отошлю вас назад к вашему государю с моим ответным посланием. Царь Иван называет меня «создание султана». Чтоб дать надлежащую оценку оскорбителю, надо напомнить ему, что мать его была дочерью простого литовского дезертира, поставить ему на вид его оргии и кровавые излишества. Русский царь упрекает меня, короля, в искании союза с турками. Ему противопоставить брак с басурманкою и напомнить ему обычай его предков слизывать кобылье молоко с грив татарских лошадей, не забыть его нелюбовь показываться на полях сражений. И курица прикрывает птенцов, а ты, орел двуглавый, прячешься. Написал ему, что вызываю его на единоборство.

Жолкевский. Ясновельможный король, русский царь - не рыцарь, он не примет вызова. Король Эрик IV вызвал на бой герцога Дедлея, в котором видел соперника. И царь Иван претендовал на жену шведского короля Иоанна Екатерину, сестру нашего короля Зигмунда Ягеллона, однако вызов Иоанна III на рыцарское единоборство не принял.

Замойский. Панове, то смешно - вызывать на рыцарский турнир монгольского азиата. К тому ж, ясновельможное панство, до вызова ли ему? Его казна пуста, страна истощена, бояре оставили его без поддержки. Недавно бежал знатный московский вельможа с двумя татарами, рассказал, государь находится в большом смятении. В Литву также бежал боярин Давид Бельский, просил рассказать тебе, королю Баторию: царь не любит старшего сына, нередко бьет его палкой.

Курбский. Погибель ему и дому его царскому! О чем и блаженный иудейский царь Давид говорил: недолго проживут перед Богом те, кто созидаст престол беззакония, сиречь жестокие повеления, суровые законы, неудоботерпимые. Таков последний из кровопойного рода Калиты, который, сам погибая, губит отечество. Война проиграна, воеводы храбрые истреблены им же, а калеки-воеводишки на сейм приведены, и над ними смеются. Он же тем временем, я слышал, занят развратом. Девушек собирает невинных, за собой их возит, безжалостно чистоту их растлеывает, жен у мужей отнимает, не довольствуясь своими пятью или шестью женами. А ныне, слышал, новую свадьбу затеял с Марией Нагой, родичкой ласкателя своего, и мыслит, что после всего того

воинству его помогать будет сила животворящего креста. Кровопойный род Калиты погибнет. Губитель отечества! И при том просит еще мира!

Замойский. Послы царя, получите такой ответ: или вся Ливония, или война.

Баторий. Нет, пан Замойский, теперь уже веду войну не за Ливонию. *(Послам.)* Веду войну не за Ливонию, а за все достояние вашего государя. Россия должна отказаться от выхода к Балтийскому морю. Полоцк в руках Польши есть исходный рубеж дальнейшего нападения на Россию. Также требую контрибуции.

Андрей Михалков. Великий король, если будет подписан мир, то боярская дума согласна уплатить контрибуцию, однако просим уменьшить цену.

Баторий. Три тысячи золотых - про это получите бумагу от королевского казначейства. Пока же отправить царских гонцов вместе с пленными в темницу возле ратуши. *(Послов и пленных воевод уводят под насмешливые крики: Скоты! Варвары! Пся крев! В стойло их! Поместить их в сених рядом с домашней скотиной и птицей!)*

Курбский. Кончились для царя Ивана счастливые дни, и не к Богу он обращается с покаянием, а к колдунам. За то еще царя Ивана осуждаю, что тот приблизил астролога-иноземца Бромлеуса. Тако ж я панам здесь поведаю: чаровников и волхвов от далечайших стран собирает, пытая их о счастливых днях, а добрые люди от него бегут. Убег вот от него в Литву первопечатник Федоров со товарищи, убег молодой князь Одоевский. Тако ж иные.

Королевский секретарь. Ясновельможный король, купцы от Новгорода и Пскова с дарами пришли, примешь ли?

Баторий. Приму новгородских и псковских купцов с радостью. Ныне пояс крепостей, за которым московский царь чувствовал себя в безопасности, разорван. Победителю откроют свои ворота Новгород и Псков. *(Входят псковские и новгородские купцы с дарами.)*

1-й купец (кланяется). Великий польский король, приехавши в то царство твое, мы, гости из иных земель, новгородской и псковской, пришли к тебе с дарами.

2-й купец (кланяется). Пресветлейший царь, ездил я для торговых дел по разным государствам. Ныне приехал к тебе, спасаясь от разбойников царя московского и готов тебе служить.

Баторий. Купцы новгородские и псковские, принимаю от вас дары и принимаю вас у себя обедать. Новгород и Псков от России независимы.

1-й купец. Великий польский государь! Вот среди даров в бумажный картуз упакована мера табака. А не табак в нем, старые деньги новгородские, монета независимого Новгорода. Для сравнения - пестрота всякая, деньга московская и прочая русская. *(Выбрасывает монеты на стол перед королем.)* Мы, купцы, по обычаю своему, применяемся ко всяким товарам, а по монетам видно, что есть Новгород, а что - Москва.

Баторий. Которая монета новгородская, а которая московская?

2-й купец. Пресветлый царь, московская монета легче, и то серебро дешевле.

Баторий (берет монету). Эта монета тяжела, а та легка.

1-й купец. Новгородская деньга тяжелая. Прежние новгородские монеты независимого Новгорода подобны венецианским, заморской республики Венеции.

Венецианский купец (берет монету). Я, Проскино, посол республики Венеция, подтверждаю. Это истинно похоже на нашу монету, а венецианская монета - лучшая высокопробная монета Европы.

2-й купец. Ежели б не московский погром, быть бы Новгороду северной Венецией. То, светлый польский король, по монете видно. На нашей монете нет имени князя. То монета республиканская, монета истинно народная. Русская богатая монета, а московская монета нищая. Легкая московская монета - полтина, гривна, алтын; серебро нечисто. Проходит угольную или костную плавь.

Баторий (берет монеты). Деньги и войско - вот что нам нужно для победы. Пан королевский секретарь, новгородских и псковских купцов надобно привлечь к казначейскому двору для составления договора при взятии с московского царя контрибуции. Лишь в варварской стране купцы подчиняются власти. В свободных странах купцы, да и все люди, подчиняются закону. На Балканах, в Прибалтике, в Германии, Венгрии или в Речи Посполитой, вообще в Европе. Лишь в России и Турции правит варварство. Неужели русский народ не поймет, что мы из Европы несем им свободу? В страхе русский тиран сумасбродствует. Вначале он назначил принца Магнуса наследником вместо сына, царевича Ивана, потом велел Магнуса казнить, потом, чувствуя себя полным победителем в Ливонии, смягчился, помиловал принца Магнуса и даже предоставил ему

несколько городов, назвав его ливонским королем. Однако ныне последний оплот эфемерного королевства, город Оберпален, уже в руках шведов. Это конец нелепой авантюры. Бедный датский принц!

Замойский. Он здесь, ясновельможный король, и просит приема.

Магнус (*входит и кланяется*). Ваше величество польский король Баторий! Жестокосердечие московского царя так ужасает Ливонию, что все королевство хочет лучше остаться за королем польским. Я сам, ливонский король Магнус, опасаясь погибнуть в России, предался Речи Посполитой, бежал в Пильтен и предаюсь Речи Посполитой со своими задвинскими владениями. Хотел бы заключить с Польшей какой-нибудь договор.

Баторий. Сочувствую тебе, принц, однако заключить с тобой какой-либо окончательный договор отказываюсь. Владение принадлежит тебе лишь номинально.

Магнус. Ваше величество, если вы отказываетесь подписать со мной какой-либо договор как с ливонским королем, то я просил бы хотя бы о каком-нибудь пособии. Мы с женой бежали без единого флорина. Жена живет в бедности при дворе прусского короля Фридриха II. Порой нам помогает мой брат, курфюрст Саксонский. Перед нашим побегом московский государь требовал, чтобы я заплатил ему 40 тысяч золотых флоринов, но у меня нет ничего. Ливония разорена, налоги не собирают.

Баторий. Я помогу тебе, принц. Пан королевский секретарь, укажи от меня казначейству о выплате денег принцу Магнусу и его жене.

Магнус (*кланяется*). Пусть хранят ангелы мягкое сердце короля! (*Уходит.*)

Замойский. Он истинно живет в бедности. Прусский король Фридрих II пишет, что жену принца княгиню Старицкую можно сделать счастливою несколькими кусками сахара и яблоком.

Баторий. Если так бедствуют король с королевой, то как же бедствуют подданные? Но шутки в сторону, панове. Ливония разорена двадцатилетним нашествием московского медведя. Однако разорена также и вся Европа, особенно восточная. Спасти Европу можно, ежели мечу будет помогать церковь. Я, панове, пригласил на сейм святых отцов церкви, ныне заседающих в Синоде.

Королевский секретарь. Ясновельможный король, посол Римского Папы Григория III святой отец папский нунций Поссевино и посланец святой испанской инквизиции Суниер просили сказать, что скоро придут на сейм. Интерес к Польше и у Австрии. Ясновельможный король, ясновельможное панство, австрийские Габсбурги, по венскому договору с династией наших королей Ягеллонов об объединении наследства после битвы при Мохоче в 1526 году от Рождества Христова, получили в свое правление Чехию и Венгрию. Эти страны рассматриваются Габсбургами как опора для дальнейшего завоевания новых земель на востоке. Конечно, против того выступает Османская империя, которая, как вы знаете, панове, угрожала даже Вене. Речь Посполитая должна решить, на чью сторону ей встать. В 1529 году от Рождества Христова Польша поддержала Габсбургов против Османий.

Жолковский. Ясновельможный король, ясновельможное панство! Австрийская династия правит огромным государством. Однако, панове, после победы в Ливонии не Австрия, а Польша должна господствовать в восточной Европе. Великая Польша, панове, от Балтики до Черного моря!

Лопатинский. Ясновельможный король, в Австрии придадут большое значение владениям Польши. При дворе делается много для примирения Польши и России.

Замойский. Те интриги нам известны. Австрия пытается помочь России при посредстве Папы Римского. На то надеется и царь Иван.

Николай Красный Радзивилл. Ясновельможный король, вступив на польский трон, ты заявил здесь, в сейме, о своей решимости всеми силами вести борьбу против России до победного мира. Габсбурги и Рим в своих интересах хотят лишиться Польши этого победного мира.

Замойский. Ясновельможное панство, идея Ягеллонов - борьба Польши как поборника христианства против России за господство в восточной Европе. Такого господства можно достичь только в союзе с католической церковью.

Николай Черный Радзивилл. Ясновельможный король, ясновельможное панство! Польский католицизм должен быть национален и управляться не из Рима или Вены, из Варшавы! (*Крики: Хай живе незалежна Польша, хай живе польска церковь!*)

Николай Красный Радзивилл. Ясновельможный польский сейм, Австрия хочет видеть в Польше опору в борьбе против Турции и для закрепления в Венгрии. Однако, панове, именно борьбы

против Турции, Польше надо избежать. Нет, панове, ничего более ужасного для Польши, чем набег татарских орд, грозящий Польше в случае войны с Османской империей.

Жолкевский. Ясновельможное панство, Османская империя уже простирает свое влияние на Венгрию. Венгрия поделена на три части меж османами, Габсбургами и самими мадьярами, однако и эта небольшая самостоятельная область, вряд ли может надеяться на суверенитет, в то время как наша Польша после Унии превратилась в державу, крупнейшую в восточной Европе. Нашим стремлением должно быть расширение этой державы до глубин Азии.

Уханский. Но то, ясновельможное панство, означает вечную войну с великой Россией!

Венецианский посол Проскино. Ваше величество король Стефан Баторий, уважаемые депутаты сейма! Позвольте сказать мне от имени Венецианской республики и его светлости венецианского дожа: христианский мир должен быть готов к совместному крестовому походу против осман для распространения истинной веры Господа нашего и для развития торговли. Для этой цели, уважаемые депутаты, необходима коалиция с Россией и Австрией, так как одна Польша не может и не хочет вести такую войну. Наши венецианские послы при германском императоре и при Габсбургах очень хорошо осведомлены о событиях в Польше. Мы знаем, уважаемые депутаты, про успехи Польши и вашего короля. Однако, уважаемые депутаты, после первых значительных успехов короля Стефана Батория, прежде всего, взятия Полоцка и иных городов, трудности ведения войны будут расти. Подумайте, ваше величество, и вы, уважаемые депутаты сейма, о трудностях дальнейшего ведения войны, требующей огромного напряжения сил Польши и Литвы! В этом трудном деле не могут помочь даже самые близкие друзья Польши и короля Стефана Батория: святые отцы иезуиты с кардиналом Боремусом, не может помочь даже святой Папа Римский Григорий XIII!

Николай Красный Радзивилл. Ясновельможное панство, такие речи нам не новы! Рим всегда привлекала война в Османской империи, а Венеция заинтересована в захвате всей торговли на Ближнем Востоке. Поддерживая и разжигая такие интересы Рима, Венеция связана с торговлей в районе Средиземного моря, однако заинтересована в быстром разгроме Османской империи так же, как австрийский император - в завоевании Венгрии. Оттого стремятся они вскоре вовлечь Россию в антитурецкую лигу вопреки интересам Речи Посполитой.

Венецианский посол. Для наших общих интересов надо вовлечь Россию. Без того нельзя добиться решающих успехов против Османской империи.

Николай Черный Радзивилл. Такой союз, панове, отдаст Восточную Европу Габсбургам. Господство Австрии даже опаснее, чем постоянно угрожающая нам Османская империя. Венгрия от союза с Габсбургами уж потеряла свою самостоятельность. Как бы такое не случилось и с Польшей!

Жолкевский. Ясновельможное панство, при выборе короля мы едва избежали такой опасности. Если бы выбрали австрийских Габсбургов на польский престол, то Польша утратила бы самостоятельность, как Венгрия.

Замойский. Ясновельможное панство, я согласен с теми, кто видит главную задачу Польши в войне с Россией, а не с султаном. Султан поддерживал избрание на польский трон ясновельможного Стефана Батория, но он не возражал и против шведского короля. Султан поддерживал любого претендента на польский трон, который обещал продолжить войну с Россией.

Баторий. Ясновельможные депутаты сейма! В этом великом предприятии Польша может рассчитывать только на собственные силы. Швеция заключила с нами союз только для Ливонии. В военном плане Швеция видит лишь средство развязать себе руки и сделать свое дело, держась буквы договора. Дания тоже уклоняется и в отношении к царю Ивану становится миролюбивой. Англия вовсе помогает оружием и материалами Москве, врагу Европы. Хан Крымский предложил свою помощь, обещал двинуть своих татар, но и пальцем не пошевелил. Я говорил с великим визирем султана Магомедом, посвятил его в свои планы, но турецкий полководец ответил, что московский царь страшен и с ним меряться силой может один лишь султан. Это, панове, правда, было еще до взятия нами Полоцка, однако и после взятия султан остается нейтральным. Нам, ясновельможное панство, надобно под эти неудачи делать свои расчеты.

Николай Красный Радзивилл. Ясновельможный король, ко всему сказанному надо прибавить и Папу Римского. Папа дал соблазнить себя приманкою посредничества меж Польшей и Россией. Потому в своей борьбе Польша должна рассчитывать на свою национальную церковь, независимую от Рима.

Замойский. Таковую позицию, ясновельможный пан Николай Красный Радзивилл, нельзя назвать католической. Такова уж позиция лютеранская, распространяемая из Крулевств Альбрехта Бранденбургского.

Николай Красный Радзивилл. Ясновельможный пан Замойский, князь Альбрехт, невзирая на лютеранство, ленник польского короля и верен прусской присяге, тогда как Тевтонский орден римской веры враждебен Польше. Исходить, панове, надо прежде всего из национального, из интересов великой Польши.

Николай Черный Радзивилл. Ясновельможный король, вот петиция о независимой польской церкви. Мы, польские вельможи, лишаемся многих своих доходов, платя дань Риму, платя Риму десятину, динарий святого Петра, платя за индульгенцию и оставляя огромные земельные латифундии, подчиненные Риму и монастырям. Петицию ту подписал я, Николай Черный Радзивилл, Николай Красный Радзивилл, люблинский воевода великий королевский маршал Ян Ферлей, воевода гетман Микола Мелецкий, бельский воевода Ян Топчинский, епископ Адам Коперский, коронной Масолай Вольский, каминский кастелян Вацлав Островский, дипломат Станислав Венявский, юрист Войцех Красный, полонянский кастелян Станислав Заклика из Чижова.

Замойский. Пан Николай Черный Радзивилл, в том списке нехватает еще одного имени: Томас Мюнцер.

Николай Черный Радзивилл. То ганьба, пан Замойский! Равняют нас, людей, которые бескорыстно служат отчизне, с бунтовщиком! То не по-рыцарски, пан Замойский.

Баторий. Ясновельможное панство, религиозные споры на сейме не должны нести междоусобицы, подобной восстанию ариан в гданьском поморье. Томас Мюнцер в Польше невозможен, но невозможна и варфоломеевская ночь.

Королевский секретарь. Ясновельможный король, ясновельможное панство, на сейм приехали папский нунций святой отец Поссевино и посол испанской Инквизиции святой отец Суниер. *(Входят Поссевино и Суниер в сопровождении секретарей-монахов.)*

Поссевино. Великий христианский король Польши Стефан Баторий! От святого отца Папы Григория III передаю тебе благословение. Святой Папа ждет подарков от Польши: возвращения в лоно истинной веры Восточной Европы, прежде всего Московии, тебе же, христианскому королю, шлет свой подарок-освященный на рождественской мессе меч. *(Передает Баторию оружие.)*

Баторий *(целует оружие)*. Я всегда был воином Христа, таковым и остаюсь.

Суниер. Король Польши Стефан Баторий, твое величество вместе с величеством короля Испании и всей австрийской династии рассматривается нашим орденом иезуитов, воинов Божьих Игнатия Лойолы как опора мирового господства католицизма. Тридентский собор объединил всех борцов за веру против сатанинских ересей. Хоть до нас, король, дошли недобрые слухи от осведомителей, что на Варшавском соборе иные вельможи высказались с еретическим требованием свободы религии и ты сам впал в сей соблазн, был с теми, мы все ж верим в твое Божье предназначение, в твою победу. Прими послание от святых отцов кардинала Годиуса, епископа Бранденбургского, кардинала Каммерона и кардинала Карла Боремуса из Милана.

Поссевино. Святой Папа придает Польше настолько важное значение, что в Польше будет создана постоянная папская нунциатура, которая должна сообщать святому престолу о развитии истинной веры на востоке Европы и препятствиях, стоящих на ее пути. Скоро, ваше величество, сюда в качестве посла Папы приедет кардинал Каммерона, я же отправлюсь со своим мессианским поручением далее на восток, в Московию.

Баторий. Святые отцы, святая римская церковь нашла во мне послушного Господу человека. Вступая на польский престол, я подтвердил в тронной речи свою верность римской церкви и одновременно высказался за решительную войну с Россией. Кроме того, я давно известен как друг святого ордена иезуитов. Господства в Восточной Европе Польша и Литва могут добиться только в тесном союзе с католической церковью. Я пришел в Польшу с небольшой, хоть и хорошо обученной, армией венгерских и немецких наемников, веря, что эта католическая страна даст мне силы для осуществления моих замыслов, а римская церковь обеспечит тыл наступающей на московскую деспотию дворянской республике. Я как король готов поддержать образование в Польше и во всей Восточной Европе иезуитской коллегии. Линии иезуитской коллегии должны протянуться от Клуца в моей родной Трансильвании через Львов и Вильно, где образован папский университет, к Полоцку, Риге и Дерпту.

Суниер. Ваше величество, в представлении римской церкви Испания и Польша есть два краеугольных камня огромной римско-католической империи, которая должна проложить через Россию путь к Китаю и Индии.

Замойский. Святые отцы, и у нас в Польше считают, что могучее государство, управляемое польским дворянством и римской церковью, должно сыграть решающую роль не только в Восточной Европе, но и вообще в Европе.

Поссевино. Святой Папа Григорий III возлагает большие надежды на вновь избранного польского короля Стефана Батория, но при этом не упускается из виду и Швеция. Папа в равной мере поддерживал избрание на польский престол Стефана Батория и короля Швеции, при одном, правда, условии, что шведский король примет католическую веру, хотя бы вначале тайно. В том его пытались убедить наши посланцы, а также жена его, католичка Катерина Ягеллонка.

Жолкевский. Святой отец, у нашего короля Стефана Батория то преимущество, что его не надо убеждать стать католиком. Он истинный католик, и кроме того, шведский король не обладает теми военными способностями, решительностью и твердостью, которыми отличается наш ясновельможный король Стефан Баторий.

Поссевино. Однако, лишь созданием польско-шведской коалиции можно достичь военного окружения России и возвращения русских в лоно истинной церкви.

Уханский. Монсеньер, сопротивление русского народа любой попытке в этом направлении будет слишком сильным.

Поссевино. В Риме это понимают, потому я более надеюсь на силу креста, чем меча. Отец Римский Папа Григорий III мне полностью доверяет, признавая, что в подчинении России святому престолу немислимо обойтись без насилия. Я по-христиански все же надеюсь на помощь Божью и крест. Для того, во-первых, необходимо полностью втянуть в наше мессианство такую важную для наступления на Россию страну как Ливония, а во-вторых, добиться союза с римской церковью и присоединения к тому союзу Белой и Малой России. После тщательного изучения ситуации нашим орденом иезуитов, эти два тезиса есть основа для дальнейшего успешного продвижения к сердцу России - Москве. По следам армии короля пойдет другая армия. Мы, иезуиты-миссионеры, поэтому ответом нашим будет завоевание не земли, а сердец в литовско-русских областях до самой Ливонии.

Баторий. У меня, короля, эта армия будет иметь всякое покровительство. С помощью этой армии надеюсь я разорвать узы, связывающие население Ливонии с православной Москвой и лютеранской Германией.

Поссевино. Король, первые победы уже можно отпраздновать. Отцы-иезуиты в Вильно уже отпраздновали обращение восьмидесяти лютеран и пятидесяти православных.

Суниер. Ваше величество, мы в Испании, однако, знаем, как коварен враг, предводительствуемый сатаной. Недаром гимн наш «Знамена ада приближаются к нам». Во Франции бунт гугенотов, подавленный королем в ночь святого Варфоломея, в Германии - сатанинство Лютера, соблазненного не только немецкий плебс, но и князей, в самой Польше среди шляхетских магнатов-кальвинизм, среди мещанства - лютеранство, среди плебейства - арианство. О том мы хорошо осведомлены, ваше величество. Особенно же опасна Англия.

Поссевино. Поручение наше от святого отца трудно, так как лютеране из Германии и кальвинисты с прочими подонками из Англии постоянно ведут торговые дела в Московии, пытаясь возложить на католиков относящиеся к ним самим обвинения в бесчеловечности и раздорах, чтоб, следовательно, затруднить нам доступ к открытию дверей веры.

Суниер. Известно, что один еретик из Англии подал русскому царю записку, где доказывает, что Папа - антихрист. Я думаю, не организовать ли убийство того англичанина испанскими наемниками?

Баторий. Святые отцы, мы должны придерживаться главного тезиса - разрушение русской империи.

Венецианский посол. Не следует забывать и о другом враге - Османской империи. От разрушения России усилится Османская империя, а это нежелательно. Поэтому в Венеции считают, что России надо вовлечь в общеевропейскую антитурецкую лигу. Венеция и австрийский император знают, что лишь таким путем можно быстро выполнить наши европейские планы, и тем самым ослабить не только Османскую империю, но и Россию. Последующий удар по России со стороны западных соседей превратит ее в добычу нападающих. Это, господа, цель обеих групп, как Рима и Польши,

так и Венеции и австрийского императора. Так мы достигнем разгрома двух самых опасных врагов Европы.

Баторий. Мой тезис, панове: Москва станет либо тюркско-татарской, либо польской. Если она станет тюркско-татарской, то будет предрешен конец Европы. Если Москва подпадет под власть Польши, то конец Османской империи станет лишь вопросом времени.

Поссевино. Это для римской курии очень заманчиво. Мы полностью поддерживаем тезис его величества короля Стефана Батория.

Замойский. Святые отцы римской церкви, ясновельможное панство, депутаты вольного сейма Речи Посполитой! Воздадим славу нашему королю при нашем королевском дворе, утонченном и итализированном благородными Ягеллонами, последними нашими королями, в нашей стране, охваченной умственными течениями века, среди читателей Цицерона, Ливия, он производит впечатление простого крестьянина. Ест простую пищу, спит в походе на сухих листьях. Однако, панове, то впечатление обманчиво. Отказавшись от утонченности, чуждой его темпераменту, наш король стал впереди просвещенных государей Европы. Он основал Вильненскую Академию, провел календарную реформу, организовал почту и финансы, создал справедливый суд с войтами в лавах и умелыми бургомистрами в городах. Панове, ныне король Стефан Баторий действительно управляет страной, внося в испорченный механизм порядок.

Жолкевский. Уважаемые гордые панове, наш польский король Стефан Баторий не слишком говорит по-польски, он говорит более по латыни или молчит. Это, панове, тоже так ценно в стране, где все говорят слишком много. *(Крики: Пусть живет славный король Стефан Баторий!)*

Замойский. Панове, сравните нашу страну с Россией, варварской, отсталой, беззаконной, возглавляемой кровожадным тираном. *(Крики: Погибель туркам! Погибель варварской России!)*

Польский дворянин. Ясновельможный король, веди нас! Мы, шляхта, соберемся под родовую хоругвь и бросимся на врага с общим кличем.

Замойский. Заслуга нашего короля в том, что он действительно владеет гением руководителя. Такого короля нам, полякам, послал сам Пан Бог. Будучи чужим нашей стране по своему происхождению, языку, нравам, наш король Стефан Баторий представляет собой Польшу в ее живых силах, Польшу нашего XVI века, и я надеюсь, никого не оскорблю этим утверждением-высшим историческим выражением славянской расы, какое только известно до сего времени миру. *(Крики: Слава Польше! Слава королю!)*

Уханский. Ясновельможный король, не беря под сомнение патриотизм ясновельможного канцлера Замойского, хочу лишь ради правды сказать, что русское государство более известно, чем Польша. Оно больше по площади и древнее, чем Польша. *(Крики: Ганьба! Зрадник Польши!)*

Баторий. Ясновельможный сейм, мне лестны слова, обо мне сказанные, особо о цивилизации и порядке. У нас не московский вертеп, а европейский парламент. Дайте сказать свое мнение пану Уханскому.

Уханский. Благодарю, ваше величество. Говоря о России, панове, я не ставлю под сомнение величие Польши. Существование двух великих славянских государств, независимых друг от друга, не представляет ничего невозможного.

Николай Радзивилл Красный. Нет, пан Уханский! Дело идет о том, Польша или Россия, или мы, или они!

Замойский. Ясновельможный пан Уханский! Для существования двух славянских государств надо было, чтоб Польша развивалась согласно своему происхождению, то есть, панове, осталась в стороне от Запада, притягивая к себе западных и южных славян, тогда как Россия притягивала бы Восток. Однако, панове, вытесненная германским движением, Польша сама направила свою деятельность на восток, основала большое государство - полупольское, полурусское, полукатолическое, полуправославное. Наша Польша - Польша Пястов и Ягеллонов - соединяла в себе монархию и республику, цивилизацию и варварство. В ней была одна орбита и два центра притяжения - два государя Всея Руси для одной державы. Панове, меж нами и Россией шла борьба внутри одной славянской расы, и дело шло о том, кто скорей будет разрушен изнутри своими национальными не порядками. Временами страх за судьбу Польши охватывал нас, однако чувствовалось, что наша страна, надорванная болезненностями и бессмысленностями монархов и самовольством шляхты, еще не истощила себя и собирается в скором времени проявить сильный и

грозный подъем духа. Чувствовалось, что морально она еще способна к благородным завоеваниям человеческого духа. (*Крики: Хай живе Польша! Слава! Слава!*)

Замойский. Ясновельможное панство, после избрания на престол короля Стефана Батория все чувства и надежды начали осуществляться. Наша Польская страна воинов вдохновила поэтов, пылких поэтических писателей и ораторов, поднимавшихся до вершин светского и духовного красноречия, получила истинного короля. Грубый с виду, наш ясновельможный король Стефан Баторий есть истинный представитель этой страны благодаря своему гению. Как истинный представитель интересов страны, он подготовил борьбу с Москвой прежде всего из-за Ливонии, а потом из-за самого существования государства. Он понял, что Польша - цивилизованная, гражданственная, либеральная, буйная, католическая, должна поглотить своего великого соседа и навязать ему свою культуру, свой политический строй и свою религию. В противном случае ей угрожала опасность самой быть поглощенной и подчиниться чужим порядкам. (*Бурные аплодисменты, крики: Хай живе Польша, хай живе король!*)

Жолкевский. Ясновельможное панство, отдавая себя в руки героического вождя, наиболее развитые славянские племена решают войною проблему политическую и религиозную. Это было бы создание истинного Третьего Рима - Польши, в противовес Третьему Риму фальшивому - Московии. От разрешения этих проблем зависит будущее северо-востока Европы и осуществление наших надежд.

Поссевино. Святая римская церковь с надеждой смотрит на Польшу и ее короля. Наша миссионерская работа охватывает широкие многонациональные массы. Движение католицизма через Ливонию должно достигнуть Швеции. Рим имеет точку опоры благодаря Екатерине в доме Ягеллонов. Возвращением потерянной земли мы, католики, думаем замкнуть реформацию в тесный круг, где она задохнется, и побежденная Москва в свою очередь не устоит перед натиском латинства.

Николай Красный Радзивилл. Тем не менее, вы, святой отец, едете в Москву для переговоров с московским царем. В том мы, поляки, видим двойственность папской курии и хитрость московитов. Папа дал соблазнить себя посредничеством.

Поссевино. Сын мой, святая римская церковь всегда отдает предпочтение кресту перед мечом, когда дело идет о стремлении вернуть отпавших в лоно истинной веры. Поэтому я по поручению святого папского престола еду для посреднической миссии.

Николай Красный Радзивилл. Смотрите, святой отец, не попадите случайно под мой меч, ибо я с летучим отрядом отправляюсь по русским тылам в надежде захватить русского царя и привезти его в Варшаву, как пойманного медведя.

Поссевино. Сын мой, я буду просить Бога, чтоб он сохранил меня, когда поеду в Москву уговаривать московского царя. Притом, однако, пожелаю польской армии счастливого пути.

Баторий. Святой отец Поссевино, сообщите Его Преосвященству Папе Григорию XIII, что польская армия торопится в путь. Пока составляются планы перемирия, я, король, и канцлер мой, ясновельможный пан Замойский, всеми силами добивались и добиваемся на самом деле продолжения войны. Мне, ясновельможное панство, лестно ваше расхваливание меня, короля, за военные доблести, но, панове, я знаю, что многие из шляхты по-прежнему не расположены вести долгую войну. Поэтому необходимо воспользоваться счастливым временем, чтоб быстрым ударом надолго сломить силу московского государства и остановить завоевательные стремления царя.

Польский дворянин. Ясновельможный король, Польша не может вести долгой азиатской войны в снегах России.

Баторий. Ясновельможное панство, тут, на созванном сейме, я, король, хочу огласить, что нельзя класть оружие, пока окончательно не обеспечено обладание всей Ливонией, пока русский царь все еще надеется получать из балтийских гаваней все нужное для усиления своего могущества. Надо нанести врагу такой удар, чтоб у него не только не выросли больше крылья, но и плеч больше не было.

2-й дворянин. Ясновельможный король, мы, польская шляхта, воеводы, кастеляны, старосты и прочие, есть плечи короля. Однако, ясновельможный король, хотим указать тебе на изнурение шляхты и крестьян поборами, на наше крайне бедное положение.

Замойский (сердито). Король дал из своего кармана все, что мог, чего вы еще от него хотите? Хотите, чтоб от снял с себя кожу? Если б какой-нибудь алхимик открыл секрет, как добывать золото из человеческой кожи, король сделал бы и это.

Баторий. Положение Польши и Литвы поправится победой над Московией, новыми землями и репарациями. Панове, надо отодвинуть русского медведя подальше от моря. Однако, панове, ставлю на вид невыгодность существующего порядка, в силу которого приходится каждый раз отрывать от поля военных действий, чтоб добиваться от сейма соизволения на сбор налогов, выслушивать по тому поводу долгие нарекания депутатов. Для похода нужны нам деньги за два года.

1-й дворянин. Ясновельможный король, мы, депутаты, согласимся дать вперед налог за два года при условии, что этот поход будет последним.

2-й дворянин. Мы, шляхта, даем позволение своему королю еще на один поход, но не иначе, как с условием, что этот поход против Москвы был бы последним и после него непременно было заключено бы перемирие.

Баторий. Нет, панове, не перемирие, а мир с поверженным врагом! Нам, панове, нехватает денег, потому я занял под будущее московское золото, под московские репарации, у прусского герцога и других владетелей немецких, вызвал из Европы свежее наемное войско числом до 170 тысяч и летом намерен двинуться на Псков. Смоленск открывает мне дорогу на Москву, но я пойду на Псков. Этот город, как и Новгород, страдал от кровавого погрома московского тирана, и надеюсь, что жители сами откроют мне городские ворота. Из Пскова мы пойдём на Москву.

Поссевино. Великий польский король! Бог подарил тебе избыток молодых сил. Пусть помогут они и тебе, и Польше, и всему римско-католическому миру. Аминь. *(Крестится. Все крестятся. Звучит хорал, исполняемый монахами.)*

Занавес

Конец седьмого действия

ДЕЙСТВИЕ ВОСЬМОЕ

Сцена 74

Москва. Золотая палата Кремля. Царь Иван IV сидит на троне. Рядом с ним царевич Иван. По обе стороны от царя и наследника - Борис Годунов, Афанасий Нагой и Богдан Бельский. Перед царем стоит польский посол Венцлав Лопатинский. Чтец Сафоний читает грамоту - послание Батория.

Сафоний (читает). Я, король Речи Посполитой Стефан Баторий, требую всю Ливонию и четыреста тысяч золотых дукатов контрибуции. А что упрекаешь меня тем, что я был вассалом турецкого султана, то как смеешь попрекать меня ты, мать которого была дочерью латинского дезертира, ты, который кровью своей породнился с басурманами?! Твои предки, как конюхи, служили подножками царям татарским, когда те садились на коней, лизали кобылье молоко, капавшее на гривы татарских кляч.

Нагой. Государь милостивый, надобно ли читать такое непотребство?

Иван. Истинно, милые мои, я люблю полемику, остаток старых счастливых времен, когда государи были учены и задорны. Однако сия полемика производит грустное и досадное впечатление. Я бросил Баторию перчатку, мысля, что он поднимет ее и ответит в задорном стиле века, он же, плебей, ругается, как пьяница и разбойник.

Бельский. Государь милостивый, имя ему - Баторий, сиречь Оботур. А Оботур в псковском говоре - гордец, нахал.

Иван. Истинно так, гордец и нахал! Я отправил ему посольство, по-христиански прося мира, его, выборного, назвал братом, он же ругается дурными словами и требует выкупа. Нарушение всех преданий международного права есть притязание короля на выкуп. Ведь в Ливонии я - царь, наследственный государь, он же, Баторий - пришелец, который осмеливается требовать выхода, сиречь выкупа по басурманскому, татарскому обычаю. Однако, читай далее, Сафоний, чтоб знать,

до какой низости пал польский король.

Сафоний. Ты себя ложно выводил не только от Пруса, брата цезаря Августа, но еще производишь от племени греческого. Если ты действительно из греков, то разве от Тиеста, тирана, который кормил своего гостя телом его ребенка. Ты не одно какое-нибудь дитя, а народ целого города, начиная от старших до наименьших, губил, разорял, подобно тому, как и предок твой, князь Иван III, предательски жителей этого же города перемучил, изгнал или взял в полон. Потому назову тебя, царя, Каином, фараоном московским, Фаларисом, волком, вторгнувшимся к овцам, ядовитым клеветником чужой совести и плохим стражем своей собственной. Не забуду тебя, царя Ивана, кольнуть и в самое уязвимое место. Почему ты не пришел к нам со своим войском, почему своих подданных не оборонял? И бедная курица перед ястребом и орлом птенцов своих крыльями покрывает, а ты, орел двуглавый, ибо такова твоя печать, прячешься!

Царевич Иван. Батюшка, прошу дать мне войско, чтоб не было нам таких попреков, чтоб не писал тот Оботур, наглец, нам, потомкам Калиты: курица защищает от орла и ястреба своих птенцов, а ты, орел двуглавый, от нас прячешься! Оботур предлагает тебе, батюшка, во избежание пролития крови сразиться с ним на поединке. Я вместо тебя, батюшка, готов с тем Баторием сразиться!

Иван. Молод ты, Иван-сын, мальчик, да горяч. Что есть тот поединок, как не бесовское позорище? Нам ли, царям, подобно ловчим с псами и кречетами, биться против бешеного волка? Мы его по-иному одолеем, Божьим именем и во имя Пречистой Богородицы.

Борис Годунов. Государь милостивый, то изменник Курбский сию грамоту во многом против тебя королю писать помогал.

Иван. Истинно. А что тот Баторий упрекает меня и деда моего, великого князя Ивана III, во взятии Новгорода, который изменники Литве отдать желали, то тот город наш, наша природная отчина, как Ливония. Нас за Новгород упрекает, а Варшава - польский ли город? Предки польских королей с Кондратом князем Мазовецким воевали, желая захватить герцогство Мазовецкое с главным городом - Варшавой. Герцогство Мазовецкое с Варшавой было независимо от Польши, главный город которой - Краков, а герцог Мазовецкий Кондратий вел переговоры с дедом моим, князем Иваном III, про союз против Ягеллонов. Также Альбрехт, магистр прусский, вел переговоры с отцом моим, князем Василием III, про союз против польских королей. А Гданьск, сиречь Данциг, не желал признать власть Польши. Не захватил ли его Баторий? Нас же, русских, он упрекает во многих захватах. Сами первые захватчики!

Сафоний. Читать ли далее, государь?

Иван. Читай, Сафоний. Поглядим, как они в своем глазу бревна не видят, а в чужом сучок замечают.

Сафоний (читает). Где твой брат Владимир? Где множество бояр и людей? Побил! Ты не государь своему народу, а палач. Ты привык повелевать над подданными, как над скотами, а не так, как над людьми. Самая величайшая мудрость - познай самого себя, и чтоб ты лучше узнал самого себя, посылаю тебе книги, которые во всем свете о тебе написаны. Если хочешь, еще и другие пришлю, чтоб ты в них, как в зеркале, увидел и себя, и свой род. Ты довольно почувствовал нашу силу - даст Бог, почувствуешь еще. Ты думаешь, везде так управляют, как в Москве? Каждый король христианский при помазании на царство должен присягать в том, что будет управлять не без разума, как ты. Правосудные и богобоязненные государи привыкли сноситься во всем со своими подданными и с их согласия ведут войны, заключают договоры. Вот и мы велели созвать со своей земли всех наших послов, чтобы охраняли совесть нашу и учинили бы с тобой прочное установление. Но ты этих вещей не понимаешь.

Иван (в ярости вскакивает с трона). Хватит читать сии поносные слова Оботура, гордеца и нахала! *(Нервно ходит)*. Меня ложно упрекает в убийстве двоюродного брата Владимира, которого я не погубил, погубили вельможи-интриганы Басманов, Висковатый да прочие. А когда Витовт воевал с двоюродным братом Ягайлом за отцово убийство, ибо Ягайла убил отца Витовта Кейстута, занимавшего польский и литовский престол?! Про все те польские межусобицы сами же пишут! Латинский католик епископ Марчин Кромер в книге своей об истории польского народа и его делах про какие только убийства и какую только кровь не писал! Нас же поляки лживо упрекают в пролитии крови! *(Нервно ходит)*. Ты, Венцлав Лопатинский, как смел приехать ко мне с такой грамотой?!

Лопатинский. Приехал от короля своего, привез лист, разметную грамоту, объявление войны.

Иван. Которые люди с такими грамотами ездят, таких везде казнят. Да мы, как есть государь

христианский, твоей, убогий, крови не хотим. Нагой, отпущены ли русские гонцы Левонтий Стремоухов и Андрей Михалков!

Нагой. Король велел выбить их из земли своей, как злодеев.

Иван. И сего Лопатинского как злодея из земли нашей выбить! (*Лопатинского хватают и уволакивают*). Бельский, какие вести с войны?

Бельский. Вести нехороши, государь. Поход Батория с войском направлен на Псков.

Иван. Псков - сильнейшая крепость, окраина московского государства, давнишний оплот против западных врагов. Славно воевал он с ливонским и немецким орденом. Псков отдавать нельзя. Направлено туда подкрепление?

Бельский. Государь, из Нарвы мы, русские, увели часть гарнизона, отправили на подкрепление Пскову. Шведский герцог Делагарди поспешил тем воспользоваться, перешел со смешанным наемным войском, в котором также немцы и итальянцы, по льду Финского залива, взял Тольсбург, Гапсаль, Вейсенштадт и, се всего хуже, Нарву.

Иван (*ходит*). У меня не осталось больше владений у моря. Россия потеряла морские балтийские порты.

Годунов. Ко всем бедам, государь, присоединилась еще опасность восстания казанских и астраханских татар. С юга нападают 35 тысяч ногаев и марийцев.

Иван. Однако Псков отдавать нельзя. Передайте то воеводе Ивану Петровичу Шуйскому. От сражения за Псков зависит судьба отечества.

Царевич Иван. Батюшка, прошу послать меня под Псков и дать армию!

Иван. Иван-сын, се надобно хорошо обмыслить. Нагой, послано ли к императору Рудольфу и Папе для посредничества в Вену и Рим просить ходатайства императора и Папы о заключении мира?

Нагой. Государь великий, Рудольф отклонил посредничество, но Папа ухватился за это дело, видя возможность попытаться, нельзя ли склонить тебя, московского царя, к соединению церквей и к признанию папской власти. Папа выбрал для того ученого богослова Антония Поссевино.

Иван. Надобно указать Папе, что вмешательство Батория в Ливонию связано с лютерством.

Бельский. Есть сведения, что двое воевод - Николай Янович Радзивилл Черный и Николай Юрьевич Радзивилл Красный, воевода виленский, склоняются к лютеранству.

Иван. О том всем указать Папе. Баторий, будучи трансильванским государем, находится в вассальной зависимости от турецкого султана. Германский, римский император, Габсбурги австрийские и другие католические державы, а также Папа Римский, давно обращаются ко мне, царю русскому, христианскому, выступить против турок. Нагой, пусть посол Истома Шеврогин, посланный к императору Рудольфу, отправится дальше, к Римскому Папе. Надо добиться посредничества Папы и показать Папе Оботура как союзника султана. Папа подарил ему освященное оружие, пусть же теперь остановит своего крестоносца, ибо тот крестоносец есть пособие басурман, а также лютерской ереси.

Царевич Иван. Батюшка, однако, то будет означать признание флорентийской унии, готовность признать тобой, царем русских, латын едиными с нашей греческой православной верой! То, батюшка, противоречит отрицанию унии всеми русскими государями и тобой самим. Ты же, батюшка, с иезуитством мир завести хочешь.

Иван. То, Иван-сын, означает лишь дипломатический прием, рассчитанный не столько на польского короля, сколько на Папу. (*Ходит*). Чтоб Папа остановил своих крестоносцев, которым он освятил оружие. Для того буду обещать осуществления мечты католиков, чтоб выступить против басурман.

Царевич Иван. Батюшка, у Папы то вызовет надежды обратить тебя, схизматического православного царя, в лоно римской веры, а с тобой и все православие. Для того едет сюда иезуит Поссевино.

Иван. Иван-сын, перемирие даст русскому государству передышку, необходимую после ливонской войны. (*Ходит*). Ты молод, Иван-сын, я же - удрученный телесными и душевными болезнями старик 50-ти лет. Однако, и среди весьма тяжелых военных обстоятельств я, царь, придумал весьма умелый дипломатический ход, чтобы спасти нашу державу. Вспомнив про заветную мечту пап о сближении православной Москвы с католической церковью, решил я использовать римского первосвященника защитником против страшного завоевателя и быть посредником в великой международной распре. Нагой, скорее надобно отправить Истома Шеврогина в Италию.

Нагой. Исполним, милостивый государь! Истома Шеврогин будет отправлен в Италию через Любек и Прагу.

Царевич Иван. Батюшка, как наследник русского престола и как человек православной веры, я такое снести не могу. Можно ли искать спасения от католической Европы у врага России Папы! Уж уступили католической Польше Ливонию! Батюшка, уступка Ливонии означает для многих русских, в ней проживающих, выселение! И уже выселяют! Рассказывают, что в Дерпте и Нарве женщины сбегаются на могилы мужей и детей, отцов и родственников, испускают страшные рыдания, покидая родные пепелища. Меж тем в ливонской уkraine мы сделали замечательную военную организацию, множество крепостей с пушками, изобилие пороха и ядер. Как же, батюшка, стряслась сия беда, что ты, батюшка русский царь, разбит сим Баторием, самым обычным воителем, беспощадным к русским запада?! Я как наследник русского престола не могу снести сие без потери стыда.

Иван (гневно). Не называй себя наследником престола! Я сам выберу того наследника, а ты еще не выбран. Ты еще царевич, пока под моей опекой.

Царевич Иван (гневно). Батюшка, я, царевич, давно уж преступил порог совершеннолетия. Твоя, батюшка, властная деспотичная опека меня тяготит.

Иван (гневно). Я - царь, и измен не допущу, даже если заподозрю в измене собственного сына. (*Бьет царевича по спине палкой*). Я, царь, боюсь, что недруги используют тебя, Ивана-сына, для козней и интриг. Бельский, есть ли такие сведения?

Бельский. Благоверный царь Иван Васильевич! Подозрительны Захарьины-Романовы, родня царевича и его придворные. С Новгородом великим также у царевича Ивана Ивановича особые отношения. Юрьев-Романов из Новгорода в Литву сбежал, в пограничную крепость Оршу, к воеводе Кмиту. А служил тот Юрьев-Романов долго при наследнике главным оруженосцем. Также дядья Иван Иваныча - три Романова-Захарьины - на подозрении.

Иван (гневно). Проклятые изменники! Ты, Иван-сын, на дядей своих надеешься, на Романовых! Приведу тебе в пример Ахитофела, который, подобно твоим дядьям Романовым, подговаривал Авессалома на коварный заговор, против отца, и как сокрушительно рассыпался в прах их заговор благодаря одному старцу Хусее. Так было ране, так будет и теперь. (*Кричит*). Их злобесные восстания рассеет сам Христос!

Бельский. Государь, розыск Бромлея положил начало второму новгородскому делу. Бромлей под пыткой на многих Романовых показал, а царевич хотел то скрыть.

Иван. Царевича от розыска устранить. Иван-сын, братьев твоих и приближенных отдам на казнь, а трон отдам не тебе, а инородцу! Родного дядю наследника Никиту Романовича не казнить, но ограбить.

Бельский. Государь, показал Бромлей также на боярина Федорова-Челяднина. Иные его на трон хотят. Также от него перехвачено письмо в Польшу, хочет мириться с Баторием.

Иван (гневно). Ах, коварный старец! И предки его таковы были. Предок сего Ивана Петровича спрятался после измены своей в челядне, да с тех пор именуется Федоровы-Челяднины. Издавна числятся они конюшими. Звание конюшого хочу ликвидировать. Годунов, подготовишь указ. Ясельничему чтоб подчинялась конюшня.

Годунов. Исполним, государь.

Иван. Чтоб не появлялся новый конюший, как Федоров-Челяднин, который вместо меня, царя, на трон хочет. Превжний конюший был хранителем трона и первым думным боярином. Ныне хай наименьший ясельничий конюшней ведает. Да и кравчий, и сокольничий, чтоб все подчинялись моему двору, поскольку опричнины ныне нет. Стольники, спальники, стряпчие, чтобы они мне подчинились, а то окружают меня бояре своими людьми для заговоров.

Годунов. Как велишь, то сделаем, государь.

Иван. Бывший мой любимец Бромлей перед смертью назвал заговорщиков из ближнего окружения моего, царя, а надежной военной опоры нет больше. И Малюта убит. (*Ходит*). То помысли добре, как спастись державу от внешней опасности и внутренних заговоров. Ныне держава еще в более трудном положении, нежели накануне опричнины. (*Ходит*). А ежели решу отречься от престола, то передам трон, кому пожелаю. (*Кричит*). Иноземцу передам! Ежели мнити почну по-истинному на сына своего, царевича Ивана Ивановича, о пожелании царствовать, и восхочу поставить ему препону, то нареку на великое княжество, кого пожелаю. (*Кричит*). Татарина нареку! Помысли про то, Иван-сын! (*Ходит*). Зверствую ли я?! Как же вы не можете понять, что властитель не должен ни зверствовать, ни бессловесно смириться. Апостол сказал: «К одним будьте милостивы, отличайте их, других же страхом спасайте, исторгая из огня». Так то святой апостол повелевает спастись

страхом. Даже во времена благочестивых царей можно встретить много случаев жесточайших наказаний, ибо государь за государство в ответе. *(Ходит)*. Нагой, Истома Шевригину переслать от меня письмо Папе Римскому. Написать, что я, московский царь, выражаю желание, чтоб Папа приказал Баторию бросить союз с неверными и прекратить войну против христиан.

Нагой. Исполним, государь.

Иван. Ныне надобно создать сближение между Москвой и Римом, которому так старательно, упорно, уж не менее века сопротивляется Польша. Ведя переговоры с Римом, будем готовиться к войне с Польшей. Годунов, надо созвать в Москве духовный собор, чтоб изыскать средства для продолжения войны.

Годунов. Обратимся к митрополиту, чтоб разослал иерархам известие о Соборе.

Иван. Военных на собор не приглашать. В тех военных кругах господствует большое уныние. Также и заговору опасаться надобно.

Годунов. Сделаем, как велишь, государь.

Иван. Баторий да прочие в Европе называют меня кровавым тираном. То со слов Курбского и ему подобных изменников. Не желают понять, что я защищаю основные начала русской жизни: православие, самодержавие, народность. Во всяком случае, я борюсь за единство русской земли, за ее могущество. Оттого так горька мне потеря вотчины моей Ливонии. Главной целью моей великой войны было открыть доступ к морю, вступить во всеевропейский обмен, занять положение в европейском мире. Но, замечу, страна прибалтийская Ливония и сама по себе представляет ценные владения. За 20 лет мы, москвитяне, сумели там прочно утвердиться и обжиться, проявив искусство в деле обрусения, и православных церквей было немало построено в крае. Оттого так тяжко для нас, русских, за грехи наши исход из ливонской Прибалтики. *(Уходит в сопровождении царевича Ивана)*.

Занавес

Сцена 75

Ивангород, близ Нарвы. Крики и плач толпы русских.

1-я женщина *(ползает на коленях)*. Изгоняют нас, православных, от могил родных, от домов наших! *(Плачет.)*

2-я женщина *(лежа на земле)*. Как забудем тебя, Нарва, отсюда изведенные? *(Плачет.)*

1-й мужчина. О, преславная Нарва, почитаемая всем населением русской братии нашей! Тяжко нам, православным, уходить от тебя. *(Плачет.)*

2-й мужчина. Возвеличим господа с нами, чтоб помог нам, православным. *(Крестится, плачет.)*

Священник. Братья православные, о любезные мои, не скорбите! Вас молю, к святой церкви притекайте и отчину свою поминайте в святых молитвах. По злобе людской теряя отечество, лишь бы царство небесное не потерять.

1-й мужчина. Еще побеседуй с нами, святой отец, батюшка. Тяжка скорбь наша.

1-я женщина. Батюшка, бесчестьем разлучают нас с балтийским краем отцов и детей наших. Оттого плач наш подобен акафисту. Прочти, батюшка, акафист о реке Нарве, о городах наших Рогодиве и Ивангороде.

Священник. Послушайте, любезные мои! *(Говорит нараспев под общий плач.)* О, православная Нарва! От твоего недр изъяты мы, православные! О, православная Нарва, слава твоя промолчала. О, православная Нарва, струя твоя яснейшая, но нет больше жен, сетующих о погибели великой, назирающих могилы мужа и отца. С ними же разлучаются с бесчестьем. *(Появляется толпа поляков и чухонцев. Крики.)*

1-й чухонец. Проклятые московиты, вон из Прибалтики!

Поляк. Пся крев, русские, ленивые холопы!

2-й шляхтич. Русские, убирайтесь вон из Прибалтики в свою Московию!

Поляк. Бей москаля, пся крев!

Священник. Братья, сноситесь с кротостью по-христиански поношения! О преславная Нарва, возвеличим Господа с нами, ибо тот содетель наша крепость и силы, и слава наша, и величество, и избавление!

1-й чухонец. Беспутный русский поп! Они разрушали наши кирпичи и строили свои православные капища!

2-й чухонец. Они и земли наши отбирали!

Поляк. Москали, вон из Прибалтики! Бей москалей! *(Шум, плач, крики.)*

Поляк. Вон с чужой земли!

Священник *(подняв крест).* О, человеке неразумный! Где твое спесивство! Перед страшным же и нелицемерным судьей во второе его пришествие все вкупе предстанем, и лютерской веры, и православной, и русские, и чухонцы, и поляки, все мы тут на чужой земле Божьей! Вы ж, православные, молю, утолите плач и утешьтесь от Священного Писания, коль кому Бог подаровал!

Поляк. Бей русского попа! Повесить его на чернолясской липе! *(Смех, крики. Входит король Стефан Баторий в сопровождении свиты. Воины разгоняют толпу.)*

Баторий *(сердито).* Что за беспорядок? Где генерал-губернатор края Бандгорн?

Бандгорн. Я тут, ясновельможный король!

Баторий *(сердито).* Господин Бандгорн, где мы, в цивилизованной Европе или в азиатской Московии?

Бандгорн. Ясновельможный король, стража все делает для порядка, однако тут в Ивангороде, в русской части Нарвы, неизбежны столкновения меж местным населением и русскими.

1-й мужчина *(кланяется).* Великий король, нас, русских, велено выселить из Нарвы и Ивангорода на пристань, за деревню Юлду. Хотим подать челобитную от ивангородских русских жителей о том, чтоб нас не выселяли.

Бандгорн. Ясновельможный король, принудительно выселяют за деревню Юлду лишь тех русских, которые заняли дома прежних местных жителей. Русским купцам предписано переселиться из Ивангорода в Нарву, чтоб построить себе там каменные дома.

2-й мужчина. Великий король, я - русский купец Федор Ярыгин. Предложение для разоренных русских купцов построить новые каменные дома в Нарве явно невозможное.

Бандгорн. Ясновельможный король, тех, кто это сделать не может, предписано выселять в Копорье, простой же народ-за деревню Юлду, где грузят суда.

1-я женщина *(плачет).* Король польский, будь сердоболен, не вели выселять! *(Плачет.)* Место пусто возле воды!

2-я женщина. Отнюдь никоим обычаем нельзя уселиться! *(Плачет.)*

Поляк. Кралю польскому молиттельно ласкою прохаю, выселить русских из Нарвы, также из всей Прибалтики! Русские - то хитрые враги.

1-й чухонец. Ясновельможный король, 20 лет русские разоряли наши дома и наши земли.

1-й мужчина. Великий король, положение русских особенно тяжело из-за враждебного отношения к русским нарвских бюргеров. Притеснению подвергаются русские в Нарве и Ивангороде, в Дерпте и по всей Прибалтике.

Баторий. Я никого не позволю притеснять! Я воюю с русским тираном, а не с русским народом!

1-й мужчина. Великий польский король, у нас - русских купцов, рогодивских торговых людей, отняты торговые привилегии.

Священник. Король, повсюду православные храмы закрываются, да отдают их в лютерскую общину.

Баторий. Генерал-губернатор края Бандгорн, извольте отменить несправедливые указы, выдать от моего королевского имени особую грамоту торговым людям православной веры, подтверждающую их привилегии. В грамоте чтоб также дозволялось им выписывать из Киева дяконов для освящения церковей греческой веры. Также разрешить православным русским какое-то судебное дело, не затрагивающее особо важные дела государства.

Бандгорн. Ясновельможный король, королевский указ будет исполнен нарвским генерал-губернаторством. Как быть с выселенными из Нарвы за деревню Юлду?

Баторий. Если избежать выселения полностью нельзя, то избрать для населения русских иное место, более им приемлемое. Никому не будет позволено в Речи Посполитой и на землях ее завоеванных нарушать закон. *(Уходит в сопровождении свиты.)*

Поляк. Пан генерал-губернатор, что, захваченные русскими прибалтийские земли так и останутся у них?

1-й чухонец. 20 лет московиты поработали нас на нашей земле!

Поляк. Даже монарх не может раздавать коренных земель! Мы, шляхта, объявим самопроизвольную, без разрешения сейма, раздачу монархом коренных земель частным лицам чужого государства разбазариванием государственной казны и потребуем их возвращения.

Бандгорн. Все коренные земли будут возвращены шляхте и местному коренному населению для хозяйственных, военных и культурных нужд польского общества и прибалтийских жителей.

2-й чухонец. Русские пусть живут в глиняных халупах, а не хотят - пусть убираются в свою Московию.

Священник. Братья, наше житье подобно травленому цветку: сегодня цветет, а наутро иссыхаемо и ногами попираемо. Да не постесняемся особ, ежели кости отцов и дедов на чужой стране лежать будут. *(Крики поляков и прибалтов: Русские свиньи, убирайтесь в Московию! Вон из Прибалтики на свою вшивую Московию!)*

1-я женщина. О, православная наша Нарова, нищенствуем мы в недрах твоих, нищенствуем нищетою и погибелью, разлучают нас от тебя с бесчестьем! *(Плачет.)*

2-я женщина. О, Боже, зри на нас, изведены мы с плачем и воплем многим со срамотою! *(Плачет.)*

Священник. Братья, народ православный, плачьте не суетным плачем, ибо изгнание не требует суетного плача, чтоб не срамиться соседей наших недружественных, яко же кто делал доброе или злое и мзду примет от Христа нашего, доброе или злое. Не перед недругом мы плачемся, но плачемся грехов своих. То плач вельми полезен и угоден Богу. Добро и зло кто посеял, то и пожнет. Аминь. *(Русские с плачем молятся под насмешки и крики поляков и прибалтов.)*

Занавес

Сцена 76

Москва. Духовный Собор в кремлевской церкви Святого Успения.

Годунов. Царь наш и великий князь Иван Васильевич Всея Руси созвал духовный Собор из всех главных церковных сановников прежде прочего, чтоб изыскать средства на продолжение войны.

Иван. Святые отцы, в присутствии преподобного митрополита Дионисия Всея Руси я, царь, созвал духовных людей разного звания по причине польско-литовско-шведского наступления. Нужны деньги для защиты отечества. Военные люди заняты делом, на собор не приглашены. От царского двора присутствуют лишь мой оружничий Богдан Яковлевич Бельский, казначей и ключник Борис Годунов и боярин Афанасий Нагой. Также дьяк посольского приказа Щелканов. Зачти, Щелканов.

Щелканов *(читает).* Царь и великий князь Иван Васильевич собрал духовный собор ради приговора митрополита, архиепископа и всего собора о ливонской земле, также и о защите Руси. Всего 374 человека духовных: три архиепископа, шесть епископов, 14 игуменов, остальные - священники и монахи. Из церковников после смерти отца Антония избран митрополитом игумен Соловецкого монастыря отец Дионисий. Вместо него на соборе избран Иона Протопопов, старец Богоявленского монастыря. От Полоцка, временно захваченного врагом, избран архиепископ Савва. Архиепископ полоцкий Касьян умер незадолго.

Ростовский архиепископ Давид. Я, ростовский архиепископ Давид, знать хочу, тверской архиепископ Акакий отчего не присутствует.

Щелканов. Тверской архиепископ Акакий - старец глубокий, не будет его.

Новгородский архиепископ Леонид. Настоятели крупнейших монастырей не присутствуют. Я, новгородский архиепископ Леонид, спытать хочу, отчего так?

Чудовский архимандрит Ефим. И я, чудовский архимандрит Ефим, хочу, чтоб о том новый митрополит Дионисий сказал.

Дионисий. Отцы святые, по повелению царя присутствуют, главным образом, старцы московских монастырей и монастырей запада и северо-запада из-за особой заинтересованности в делах ливонских.

Архиепископ Пафнутий. На собор старцы съезжаются из самых отдаленных монастырей, а монастыри оскудели. В монастырских книгах запись доходов скудна. Я, игумен Сергеева монастыря Пафнутий, приехал в Москву, к государю в собор, взяв с собой 5 рублей на расходы.

Иван (сердито). Святые отцы, таковые речи мне не по душе. Обители скудеют от отсутствия благочестия в них. Ныне даже у Троицы у Сергеевой благочестие иссякло и монастырь оскудел. На пострижение никто богатства не дает ничего, то скорбят. Также подвергается царским моим нападкам и бывший мой опричный Симонов монастырь, кремлевский Чудов монастырь, лучшие прежде монастыри - Кирилло-Белозерский и Троице-Сергеевский - оскудели благочестием, ищут покровительства у крамольных бояр, одеваются, точно иноцы, а мирское все совершают из корысти. Гонятся за ними, боярами, и лукавство оправдывают, что без боярских деяний их обители оскудеют. Все то нашему православному государству во вред. Однако перейдем к делу. Читай приговор о царственных землях и о налогах.

Щелканов. Созванный с благоповеления царя князя Ивана Васильевича Всея Руси собор запрещает земельные вклады в монастыри. В случае, ежели вотчины нарушают закон и завещают вотчину монастырю, ее в поместной избе не записывать, а отдавать вотчину роду и племени служивым людям, чтоб в службе убытка не было и земля бы из службы не выходила. Запрещается также выкупать у монастырей ранее отданные земли, земельные угодья, села и деревни, и пожни, и сеножати, а впредь митрополиту и владыкам и монастырям земель не прибавляти. Жити им на тех землях, что ныне за ними.

Иван. Тут впиши, Щелканов, исключение лишь для мелких монастырей.

Щелканов. Слушаюсь, государь милостивый. *(Вписывает.)*

Иван. Боярская знать поддерживает дружбу с крупными монастырями и редко жертвует мелким. А вот Александровский, Свирский и Глушицкий Вологодский хороши. Они относятся к разряду мелких монастырей. Им по закону разрешено будет принимать пожертвования. Я, царь, одобрительно отзываюсь о сих глухих северных обителях. Там только и не стригутся крамольные, и они Божьей благодатью процветают. А что делается в Чудовом монастыре, стоящем среди столицы перед нашими глазами, у нас на виду? Были там архимандриты Иона, Исак-собака, Михайло Вассиан Глазастый, Авраамий. При всех был монастырь одним из самых убогих. При Левкии сравнялся всяким благочестием с великими обителями, мало в чем уступая им в чистоте монастырской жизни. Ныне, при архимандрите Ефиме, снова упал.

Архимандрит Ефим. Государь, крепкие поборы разоряют монастырь!

Иван (сердито). Сетуєте на поборы! Знаете ведь, что поборы те для защиты отечества! Бесчисленные враги восстали на мою державу! Я с сыном своим царевичем Иваном, с вельможами и воеводами бодрствую день и ночь для спасения государства. Духовенство обязано мне помочь в этом великом подвиге. Войско скудеет и нуждается, а монастыри богатеют.

Новгородский архиепископ Леонид. Государь милостивый, во владение черного духовенства при опричнине перешли многие вотчины от изменных бояр, таких как Курбский али Воротынский. Мы тебя, государя, в том поддерживали.

Иван. Ой ли меня поддерживали? Корысть свою поддерживали, и от меня брали, и от них, изменников-вельмож. Вот по-над гробом Воротынского поставили церковь. Над Воротынским церковь, а над чудотворцем Кириллом - нет. Воротынский в церкви, а чудотворец Кирилл - за церковью. Так и над Курбским, когда умрет, церковь поставите, лишь бы платил? И над Шереметьевым? Видно, и на страшном суде Воротынский да Курбский, да Шереметьев станут выше чудотворца, потому что Воротынский со своей церковью, а Шереметьев со своим уставом, который крепче, чем Кириллов?

Леонид. Государь, за ту церковь княгиня Воротынская много заплатила.

Иван. Вот я и говорю, заплатила. Я слышал, как один брат из ваших говорил, что хорошо сделала княгиня Воротынская. А я скажу - нехорошо. Во-первых, потому что это-то образец гордыни и высокомерия, ибо лишь царской власти следует воздавать честь церковной гробницей и поклоном, а во-вторых, деньги те лучше б дала на оборону отечества! Такие крупные деньги да земли вотчины потребны для войны!

Годунов. Государь, земельное законодательство, нами составленное, сознательно препятствует возрождению крупного боярского землевладения. Приговор ограждает церковные владения от частных землевладельцев, но не от казны.

Иван. Истинно так должно быть. А которые покупают княжеские вотчины, те вотчины взять на государя. А в деньгах ведаёт Бог да государь, как своих богомольцев пожалует. Бывшие боярские вотчины в любой момент могут быть отняты у монастыря.

Бельский. Государь милостивый, иные уже отняты. Села со многими деревнями отобраны. Села Гарнирское и Петровское в Пошехонском уезде.

Нагой. Государь, при разорении военном монастыри охотно ссужали деньги оскудевшим дворянам под заклад их земель, которые те не могут выкупить. Земель много так перешло под закладные. Те земли по уложению должны переходить казне.

Годунов. Для развития поместного землевладения, государь, требуются все новые земли. Пустим также в продажу и порожние поместья дворянам, приказным и даже торговым гостям, служилой мелкоте. Монастырям однако ж запретить покупки, иначе все скупят. Так вновь заселим Подмоскowie.

Иван. То давнее мое желание - взять у монастыря, отдать дворянам. То идеи еще моей молодой жизни, стоглавые идеи о полной ликвидации церковной недвижимости.

Годунов. Монастырское землевладение - вот что важно. Богатством отсюда можно удовлетворить дворянские требования. Ликвидация в городах монастырских слобод и беломестных дворов - то требование посадских. Надобно принять решение о запрещении основания новых слобод монастырям и владыкам.

Иван. Милые мои, хороший пример доблестного английского короля Генриха VIII, взявшего церковное имущество на военные нужды. Он оставил добрую память.

Дионисий. Государь, я, как православный митрополит Всея Руси, не могу такое одобрить. Также все московское и прочее духовенство не одобряет. Можно ли говорить о доброй памяти английского короля, еретика, упразднившего английские монастыри? Сказано: кто посягает на богатство церкви - хищник и разбойник.

Чудовский архимандрит Ефим. Женился ты, государь, осьмым браком на Марии Нагой, то есть в нарушение православного устава. Мы, духовенство, долго смотрели сквозь пальцы на твои, царя, многократные браки, запрещенные православной религией под страхом проклятья. Но мы, церковники, не можем простить покушения на наше церковное богатство, ибо то богатство - Божье.

Леонид. Мы, православные иерархи, всегда были тебе, государю, поддержкой. Однако отнятие церковных земель не одобрим.

Дионисий. Не будет на то моего митрополичьего благословения, государь. То угроза монастырям Божьим. Все от того, государь, что окружил ты себя людьми недостойными, и прискорбно видеть тебя в таком окружении. Возлюби, царь Иван, достоинство, и возненавидь беззаконие.

Иван (сердито). То для меня неожиданно. Я тебе верил, да ты сразу после занятия митрополичьего престола выступаешь с поучениями!

Нагой. Этот Дионисий, государь, похож на Сильвестра. Говорит он с тобой, как Сильвестр. Да и опеку над тобой, как Сильвестр, опять делать хочет.

Иван (гневно). Опеку хотя сделать и над царем, и над отечеством, в тяжелое время военного положения! Неверные соседние государи - литовский, турецкий, крымский, шведский, ногаи, поляки, угры, лифляндские немцы, как дикие звери, распалившись гордостью, хотят истребить православие. А меж тем множество сел, земельных угодий находится у епископии и монастырей, служба только для пьянства и непотребного житья монахов. Иные остаются в крайнем запустении, и через то служилое военное звание терпит недостаток.

Годунов. Государь, они духовные церковные деньги в рост отдают.

Дионисий. Духовные церковные деньги в рост отдают, чтоб священников кормить. Доходы имеем малые, лишь от церковной службы. Сборы в дорогу, рождения, крестины, свадьбы, похороны, болезни.

Иван. Ой ли, милые? Преподобный отец митрополит Дионисий, немало я, царь, речей держал о неподобающем поведении духовенства. Попы и церковные причетники всегда пьяные, и без страху стоят и бранятся, и всякие речи неподобающие всегда исходят из уст их. Надобно, отец Дионисий, для наблюдения за священниками строгих протопопов поставить!

Бельский. Государь, многие духовные лица в непотребстве обвинены. В числе обвиненных лиц - новгородский архиепископ Леонид. О том сказать хочет старец Масаил Сукин.

Сукин. Государь милостивый, Леонид обирает новгородских игуменов и попов и ругает их последними словами: собаки, вору, изменники, да всех новгородцев с ними.

Леонид. Не поверь той лжи, государь. Знаешь ведь, занял архиепископскую кафедру после разгрома измены Новгорода и подчинил церковь опричнине.

Нагой. Почто упоминаешь опричнину? Знаешь ли, ныне то слово запрещенное? А не хочешь ли царя, Ивана Васильевича, обвинить в опричном непотребстве?

Леонид. Государь милостивый, два года владычествовал так тебе в улажение, ныне приехал к тебе в Москву на собор.

Иван *(гневно)*. Два года владычествовал, приехал в Москву на собор и по велению благочестивого царя удушен был у Пречистой на площади. *(Смех.)*

Бельский. Так и записать, государь милостивый?

Иван. Так и запиши. А там поглядим уж.

Леонид *(кланяется, плачет)*. Великий государь, помилуй меня, верой и правдой служил...

Иван. После двух лет тебя, Леонид, повелел убить. А до того миловал. Впервые приговорил за корыстолюбие, но оставил на владычестве, надеясь, что исправишься. Ныне казнь после второго суда. Взять его! *(Леонида уволакивают.)* Место то новгородское проклятое. Поставил на новгородскую кафедру Пимена, то и изменил с Литвой. Поставил Леонида - то стал корыстолюб и сребролюб, деньги берет. Милые мои, корень всех зол - сребролюбие. Истинный монах должен носить ангельский образ смирения. Разве могут быть названы ангелами те, которые владеют многими земельными богатствами, слугами, конями и мест высоких ищут!

Игумен Савва. Но виновны не монастыри, государь, а вотчинники, дающие села и имущество. Вельможи виновны!

Иван *(сердито)*. Они дают, а вы берете! Они дают, чтоб в казну не отдать! Отечество в борьбе с врагами изнемогает, а они богатство свое в монастыри прячут!

Масаил Сукин. Государь, донос имею также на старца Пиасия. Про тебя говорит, что ты с еретиками, католиками и лютерами дело имеешь.

Чудовский архимандрит Ефим. Однако есть слух, государь, что хочешь иметь ты переговоры с папским нунцием, латыном. Также разрешил латынам строить в Москве свою кирху.

Иван *(сердито)*. Ваши послы в своих донесениях приписывают мне слова, не сказанные о папском нунции. К примеру, в переговорах уступил. Также вымыслы о неприличном развлечении царя. Потому решил проучить духовенство и приказал затравить медведями семерых тучных монахов, что и было сделано в слободе. Семерых других приговорил к сожжению.

Бельский. Государь милостивый, которые потолще, те медведям, а которые потоньше да посуше, тех сжечь. *(Смех.)*

Иван. Прежде святые монастыри были крепости оборонные и имели слуг военных. Ныне о сокровищах мыслите. Деньги государству отдать не хотите для обороны! Сколь крайне необходимо и полезно употреблять большие количества сокровищ на защиту нашего государства ныне, когда король польский и князь литовский Баторий, король шведский и король датский заключили союз, а наши мятежники вступили в сношения с сильным войском, которое готовят крымцы...

Бельский. Государь, от боярина Никиты Романыча Романова с засечной полосы донесение. Нападение до 35-ти тысяч всадников из большой ногайской орды: крымские татары и азовцы. Также малороссийские запорожские казаки нападают на московские украины. Запорожские казаки особенно свирепствуют. Польские казаки добираются до ржевской украины и грабят местное население.

Иван. Окаянные варвары хотят полонить православную землю, чтоб покорить христианство. Варварское прельщение от турецкого, от крымского, от ногайского, от польско-литовского короля. Угры, немцы лифляндские и другие шведские. И в такое для отечества трудное время процветают монастыри! Поэтому нужно обличить монахов за их порочную жизнь и разорение воинского чина.

Дионисий. Государь, и духовенство в разорении, лишь отдельные монастыри процветают, как Соловецкий монастырь, а такие, к примеру, как Савино-Сторожский под Звенигородом, в запустении. Все травой поросло!

Иван. Истину ли ты говоришь, митрополит Дионисий? Одних доходов ваших более чем достаточно, которые идут на ваш расточительный и роскошный образ жизни. Оттого беднеют мои сановники, моя знать и мои слуги, оттого истощается наша казна. По монастырям изощраются на пьянственное и иное притворство. Такое не только инокам, но и мирянам свыше непотребы не подобает творить.

По монастырям изощряются паче потребы, а воинскому чину от сего оскудение происходит великое, а про отечество не мыслите.

Годунов. Государь, на собор явилась делегация третьего сословия - купцы, объявить о своей денежной помощи отечеству.

Иван. То отраднo. Хай идут. *(Купцы входят и кланяются.)*

1-й купец. Великий государь царь Иван Васильевич! Мы, русские купцы, готовы честью и верой служить тебе и отчизне нашей Руси. Я, купец Владимир Иванович Подушко, да псковские гости Хазины, купец Филарет Тараканов, торговый гость Иван Афанасьев, братья Гридя и Истома Афанасьев из Торжка, вносим общую плату в казну свыше 15-ти тысяч рублей.

2-й купец. Великий государь, мы, свединцы, смоляне, Тиша Смывалов и московский купец Федько Кадигроб, вносим 5 тысяч рублей.

3-й купец. Я, Песпей Угличанин, от суконной сотни вношу тысячу рублей. Суконная сотня просит у тебя, государя, привилегии для русской торговли западу. Ныне же лондонские сукна преобладают над иными сукнами. Английские сукна через Литву идут. Мы-то, русские купцы, не хуже торговлю имеем в Литве, в Смоленске и в Москве. У смолян в Москве суконный ряд.

4-й купец. Государь милостивый, я, купец Степа Твердиев, вношу две тысячи рублей. Торговые люди от гостиной суконной сотни и черные сотни вносят всего 20 тысяч рублей.

Годунов. Государь, имеем еще целый список жертвователей.

Иван. Купцы русские - православный народ, щедро жертвуя, исполняете свое святое дело. *(Встает с трона, обнимает купцов. Купцы кланяются и уходят.)* Ежели народ щедр, то как же духовные пасторы? Что скажешь, митрополит Дионисий?

Дионисий. Я, митрополит Всея Руси, разошлю по всем монастырям послание, молиться за царя, который отправляется в поход воевать за святые церкви.

Иван. А помимо молитв собор чтоб приговорил помощь оказать отечеству в борьбе с врагом. Зачитай, Щелканов!

Щелканов *(читает).* Собор приговорил отдать в государеву казну земли и села княжеские, пожалованные духовенству или духовенством купленные, равно как имения, заложенные духовенству.

Иван. Согласен ли ты, митрополит?

Дионисий. Государь милостивый, собор не смеет противоречить.

Щелканов *(читает).* Установлено, чтоб впредь епископы и монастыри не принимали вотчин по душам, не брали залог, а равным образом не продавали вотчины и не давали в откуп тех из них, которые уже за ними утверждены.

Ростовский архимандрит Давид. Государь, то уже не первое распоряжение такого рода. Замечательно, что ты царь, делая постановление об ограничении прав епископий и монастырей приобретать вотчины, сам же нарушаешь свои постановления и даешь то тому, то другому монастырю грамоты на отчины.

Иван. То истинно, святой отец Давид. Люблю монастыри, ибо сказано: «Свет иноков - ангелы, а свет мирян - иноки». И если свет станет тьмой, то в какой мрак впадем мы, темные и окаянные! Помните, господа мои и святые отцы, что маккавеи только из-за того, что не едят свиного мяса, почитаются наравне с мучениками за Христа. И божественный Златоуст пострадал от обидчиков, предостерегая царицу от лихоимства и излишнего сребролюбия. Это невежды рассказывают, что он пострадал за виноградник, а тот, кто прочтет его житие, узнает, что он пострадал за многое, не только за виноградник. Вспомните, святые отцы, что писал к некому монаху великий святитель и епископ Василий Амасский, и уразумейте, какого плача и отчаяния достойны поступки ваших иноков и послабление им, какую радость и веселье они доставляют врагам и какие плач и скорбь - верным. Знаю, что иные скажут: «Главное, чего добивается царь Иван, есть намерение пользоваться на нашей церковью». Ежели пользуюсь, господа мои святые отцы, то разве токмо, что в тяжкую для отчизны годину. Потому сии чрезвычайные поборы.

Годунов. Отцы святые, не одни монастырские земли страдают - и государевы, а также помещичьи, и боярские крестьяне бегут от государевых податей тяжких.

Иван. Бельский, против тех побегов кнутобитье и колодки.

Бельский. Уж стараемся, государь.

Годунов. Государь, чрезвычайными поборами менее разорены черносошные земли севера и Поморья Сольвычегодского.

Иван. Их дополнительно обложить.

Годунов. По твоему, государь, расположению и по решению четвертного приказа соберем с двинской земли подати без побора и велим доставить их в Москву не позднее 26 октября.

Иван. Двину обложить дополнительным побором. По разрубному списку указать: государь велел добавить по всей двинской земле две тысячи рублей государских денег да 400 рублей за полавских казаков. Подать ежегодная с двинского уезда-дополнительно 4800 рублей.

Годунов. То, государь, дополнительно, помимо сельского черносошного населения также и население, городов.

Иван. Дополнительно обложить и тяглое население городов.

Годунов. Государь, четверть направила уж сына боярского к вычегодской соли на посад с наказанием, подъемных денег править 800 рублей.

Иван. При таких тяготах всего народа как же святым отцам не нести бремя? Читай дале, Щелканов, постановление собора.

Щелканов (читает). Духовным советом собора царю представляется забрать на себя все княжеские вотчины, какие прежде были отданы и проданы церковному ведомству, также и все заложенные земли и денежное вознаграждение за них предоставить милости государя. Также приговорено в виде прожекта составить подробный инвентарь дохода епископов и монастырей и оставить им по равные части сообразно их сану, сиречь одинаковую часть всем архиепископам и одинаковую часть всем епископам, а также всем монахам и монахиням оставить поровну столько, чтоб они имели достаточно одеяния и пропитания и ни в чем не имели скудности, а все излишки убрать на устройство войска.

Старец Масаил Сукин. Государь милостивый, истинный монах - кто идет в обитель для молитв, не для роскоши, располагает немногими вещами для обихода.

Иван. Так бы повсюду в святых обителях, как святой старец Масаил Сукин говорит! Ради Бога, святые отцы, ведь если вы в чем-либо малом допустите послабление, оно обратится в великое!

Масаил Сукин. Государь, по Иосифову уставу живем, как потребно!

Дионисий. Сядь на место, старец Масаил Сукин, уж говоришь излишнее!

Иван. Митрополит, почто святому старцу говорить мешаешь? Не по душе тебе, что ли, постижения его?

Дионисий. Государь, немощен он, уже не помнит, что говорит.

Иван. Зато от Бога помнит, уйдя от великой высоты мирских страстей и богатства в иноческую жизнь.

И то относится к вам ко всем, которые воспитывались в иночестве.

Масаил Сукин. Кто порушит Иосифов устав, тому отлучение! *(Начинает кашлять. Два монаха берут старца под руки и уводят.)*

Иван. Так-то, милые мои, в святом месте терпеть и скорби и великие напасти со всей братией, и быть в повиновении у игумена и в любви и послушании у всей братии, как сказано в иноческом обете. И великие святители Сергей и Кирилл, и Варлаам, и Дмитрий, и Пафнутий, и многие преподобные русской земли установили крепкие уставы иноческой жизни, потребные для спасения души. А низменные бояре, придя к вам хорониться от моего царского гнева, ввели свои распутные уставы да земли, вотчины свои все отдали, чтоб не давать в казну. Выходит, что не они у вас постриглись, а вы у них постриглись, не вы им учителя и законодатели, а они вам учителя и законодатели. Ведь во всех монастырях основатели сперва установили крепкие обычаи, уж затем их уничтожили распутники. Милые мои, духовенство должно быть тем, что святители ему завещали: опорой отечества. При пришествии опасного врага надо нам время для устройства войска, также надобны и деньги. Потому после сего собора, кроме многих недвижимых имений, которые по соборному постановлению переходят на мне, государю, я, царь, возьму с духовенства на военные издержки 300 тысяч фунтов английских стерлингов.

Дионисий. Огромная сумма, государь!

Чудовский архимандрит Ефимий. То, государь, нам, духовным, разоренье. Такое вызовет недовольство.

Бельский. Кто проявит недовольство против царских дел, может поплатиться головой.

Иван (*сердито*). Недовольство, говоришь? Иноки, послушники Сергиева Посада со святым Дмитрием Донским, предком моим, на Куликово Поле шли, голов своих не жалея, вы ж бранные деньги для отечества жалеете!

Годунов. Государь, после нападения на Псков монах послал к Москве 100 рублей денег по государеву наказу в подмогу. Причем, основная налоговая дань по 25 рублей с сохи им уплачена.

Иван. Так-то, значит, не все духовные, не все монахи недовольны царскими поборами! Разумеют, что такими мерами я, царь Иван Васильич Всея Руси, доискиваюсь средств для ведения войны. Эта мера - тяжелые условия войны с литовско-польским королем и с крымским царем и с иными пограничными соседями.

Дионисий. Государь, для войны и иноземцев обложить, кирхи латын! Иначе православные не поймут, отчего их берегут!

Щелканов. Истинно, государь! Прежде прочего - англичан, торгующих без монополий, то есть без пошлины.

Иван. Да, сделаем такое по нужде. Пиши, Щелканов: «Царь для той войны для своего подъема с английских гостей и с их торговли, и с их промыслов да с их дворов оброку велел тысячу рублей и 500 рублей набавки с английской торговой компании». (*Ходит.*) Милые мои, мыслите, легко то мне? Даже Кирилло-Белозерский монастырь, где мыслил постричься монахом, а, может, постригусь когда-либо в счастливый час, даже сия обитель, освобожденная мной от царских пошлин, должна заплатить в большой приход в государев подъем 100 рублей земельной дани - с сохи по пять рублей. Иосифо-Волоколамский монастырь, пользующийся милостию государя, должен заплатить дань на государев приход против Батория. С митрополитов, епископов, с прочего белого и черного духовенства, дань или помощь, подмога аки экстренный сбор.

Годунов. Государь милостивый, после священного собора боярская дума должна утвердить приговор о монастырских землях. Пошлю приговор конюшему думы Челяднину-Федорову, а выписку из приговора - в помещичий приказ.

Иван. На том и порешим. Господа мои, отцы преподобные, вспомните, как великий князь Святоша, владевши великим княжением киевским, постригся в Печерском монастыре и 15 лет был привратником, и работал на всех. Ибо бесы желали войти в святой монастырь, и он видел в том унижение для своей державы, и даже после его кончины к его державному стулу, на котором он сидел у ворот, бесы не могли подойти. Наш общий святой монастырь - Русь, вы ж, господа мои отцы преподобные - привратники, не пропускающие в него бесов. Вот то небольшое, что я, по своему безумию, могу вам в конце сказать своими суетными словами. Ваш подвиг во имя креста - блюсти Русь от бесов, заграничных и здешних, таких, как Курбский, бесовский сын, упырь, дурак, и прочие изменники. Ибо, не будь изменников - не мог бы одолеть нас Баторий. Блюдайте Русь от бесов! (*Крестится и уходит.*)

Занавес

Сцена 77

Царская сокровищница в Кремле. Царь в сопровождении царевичей Ивана и Федора, Годунова и Нагого.

Иван (*радостно*). Милые мои, люблю посещать царскую сокровищницу, казну свою, глядеть на золото, серебро, драгоценные камни да показывать казну. Годунов, вели стряпчему с ключом открывать скрыню.

Годунов. Стряпчий с ключом, открыть скрыню! (*Стряпчий открывает.*)

Иван. Тут - золотые слитки, а тут, - стряпчий, отпирай! - тут слитки серебряные. Ту отопр! (*Стряпчий открывает.*) Тут монета звонкая. (*Набирает монеты в руку.*) Новгородки: эта монета тяжелая, новгородка тяжелая. А вот золотой московский ездец - князь-всадник с обнаженной саблей. То деда

моего, великого князя Ивана III, сабляница. Глядите: князь великий Иван Васильевич, - начало титула, имя и отчество князя; а окончание титула - на оборотной стороне: Государь Всея России. А сия монета серебряна во Пскове сделана. То же по надписи: деньга-псковка. Сия в Твери, надпись - Тверь. Серебро добро. Однако, Россия своего серебра не имеет. При отце моем, великом князе Василии Иваныче, пулы чеканили, легкие монеты ничтожной ценности. Я их и не храню. При отце моем лишь в Тверском городе Старице, у брата отца князя Старицкого, серебряную монету чеканили, чтоб Москве противостоять. Годунов, для московских монет надобно нам искать свое серебро через рудознатцев.

Годунов. Государь милостивый, пробовали искать, призывая рудознатцев, как ты велел, из-за рубежа, ныне же, из-за военных действий, не везем.

Иван. А где серебро берете?

Годунов. Препрежнее серебро, которое осталось, и которое через купцов идет в Россию. В серебряном ряду продают лишь для ювелирных изделий, для иных целей запрещено, как ты велел.

Иван. Да, делаем такое по нужде. Медные копейки нужны, чтоб серебро не тратить. Вот образцы. *(Достает из сундука.)* Медная монета для народа. *(Берет монету, смотрит.)* От народной монеты не столько ценность материальная, сколько ценность духовная требуется. Царепочитание. Отчего тут всадник изображен простоволос? Венценосный всадник должен быть!

Годунов. То, государь милостивый, на ранних первых монетах так делали. Ныне чеканить будем обязательно венценосным. А не знаем, на скачущем или спокойно шагающем коне чеканить. На старой монете всадник едет шагом, держа над головой саблю, а не копье.

Иван. При матери моей, великой княгине Елене-миротворнице, конь спокойно шагал, а всадник держал конец копья у земли, никого не поражая. Ныне же чекань коня скачущего, а копьем чтобы поражаля змея, ибо ныне кругом враги внешние и внутренние, и то надобно на монете изобразить.

Годунов. Так и велено чеканить, государь, с поражением змия.

Царевич Федор. Батюшка, конный копейщик, поражающий змея - то святой Георгий!

Иван. То, Федор-сын, мальчик, не святой Георгий, а московский царь и великий князь, ибо через монеты надобно учить простолюдина царепочитанию и гордости за отечество. Еще при твоём прадеде, а моем деде, великом князе Иване III, новгородка была с арабской надписью: Иибан, сиречь Иван, сверху русской обычной надписью. В Москве чеканились монеты с татарской надписью. Это деньга московская. Однако при отце моем, великом князе Василии Ивановиче, на некоторых московских и псковских монетах отец мой уже именуется царем. А ныне казанское царство пользуется русской монетой. Тем ли не гордиться нам, что одолели басурманство? Богатство же царской казны есть отечества гордость. Годунов, сколько по переписи золота и серебра?

Годунов. Государь милостивый, в казне несколько тысяч пудов золота и серебра в слитках и звонкой монете. Когда накануне последнего татарского вторжения Довлет-Гирея ты, государь, приказал перевести сокровища из Москвы в Новгород, то для того потребно было 450 возов.

Иван *(радостно)*. Так-то милые мои, золота и серебра вдоволь имею. Особо же люблю камни драгоценные. Я владею сбором драгоценных камней лучшим в Европе. Я, милые мои, умею ценить камни и скупаю их по всему свету. Открой сундуки с камнями, Годунов! *(Стряпчий открывает сундуки. Иван набирает камни в руки.)* Блеск камней, сокровищница моя! Голубые и белые сапфиры, красные рубины, оливковые и зеленые хризолиты в изящных золотых оправках...

Нагой. Государь милостивый, иноземцы, которым ты показывал сокровища, поражены!

Иван. Милые мои, как давний собиратель, я люблю показывать свое собрание камней. Изумруды, рубины, сапфиры! Вот распятие на агате, а сей изумруд я присмотрел для нового перстня. Изумрудам и сапфирам я отдаю предпочтение для своих перстней. Также топаз шестигранный. А вот большие гумьжские жемчужины, камни сии или неправильной, натуральной формы, или древней восточной огранки. Люблю их в золоте, люблю и чернь по серебру. А вот крест, украшенный чеканным растительным орнаментом, драгоценными камнями, посаженными на концы креста. В верхней части креста - жемчужная облизь.

Нагой. Государь милостивый, не только необычная величина и блеск камней, но и мистические магические рассуждения твои поражают воображение тех, кто попадает в твою царскую сокровищницу.

Иван. Истинно, милые мои! Камни - дары Божьи. Рубин, по мнению моему, очищает мою испорченную кровь. Нарицаемый Сардион вавилонский красен есть тем же образом, что и кровь. Обретают в Вавилоне, на земле, путешествующие к Ассирии. Прозрачен же есть. Сила целебная в нем суть и лекует он оттоки, сиречь опухоли. Сей же топаз, именуемый Панзион. Обретают его в Панзе, граде индийском. Сила целебная в нем есть, сок же его целит огненные болезни. Сок исцеляет водные болезни, водянки и прочие.

Царевич Федор. А вот, батюшка, камень зелен, шибко красив!

Иван. То, Федор-сын, мальчик, измарад. Его еще именуют смарагд. Также именуют изумруд зелен, в горах индийских копают, и свет уже есть, так что лицо человеچه увидеть в нем можно, аки в зерцале. Сей камень - святитель иерейский.

Царевич Федор. А сей камень, батюшка, как именуют?

Иван. Апракс, или карбункул. Когда возьмешь его в руку, он словно обернут тканью. Аки свеща светятся, яки угли искрами мигаются, мудрым царям совет дает, наставление успокоить, помиловать али казнить злодея-преступника. Вот бирюза блестяща в руке предсказывает смерть, однако сапфир обладает таинственной силой охранять меня. Он особо мной любимый, ибо на этом камне Моисей выслушал закон Бога. Бывает же в Индии эфиопской и иписис, сиречь алмаз. Обретается же он на индийской реке, на Тигре. Алмаз - наиболее драгоценный из восточных камней, удерживает человека от ярости и сластолюбия. Этот камень я никогда не любил. Он ядовит. В камнях я вижу дар Божий и тайну природы, открытую людям на пользу и созерцание.

Царевич Иван. Батюшка, на церковном соборе ты говорил, сколь крайне необходимо и полезно употреблять большие количества сокровищ на защиту нашего государства. Ныне, когда король польский, князь литовский, король шведский и король датский заключили союз против Руси, отчего же для того не желаешь тратить свою царскую сокровищницу?

Иван. Иван-сын, царскую сокровищницу тратить жалко, ибо я, царь, унаследовал сию богатую казну от предков да передам ее потомкам.

Царевич Иван. Батюшка, знаю, снова осерчаешь на меня, однак скажу: царская сокровищница увеличилась за счет опричных грабежей, и я с тобой, батюшка, грешен. Нельзя ли замолить грехи, отдав взятое грабежом на защиту отечества? Ныне доходы сокращаются, а расходы растут. Единственный выход - увеличение подати и повинностей, но и здесь, батюшка, трудности, ибо Русь разорена.

Иван. Иван-сын, я знаю, что грешен. Среди пороков, которые я, царь, признаю за собой, - корыстолюбие, ненасытное грабление чужих имений. Оттого для замаливания грехов давал прежде и даю ныне на церковь православную. А помысли, что и на защиту отечества отдать. Ныне, готовясь к свадьбе с Марией Нагой, внес я вклад в Благовещенский собор: украшенный эмалью золотой оклад Евангелия. Годунов, сделали ли уж вклад?

Годунов. Сделан, как ты велел, государь милостивый!

Иван. Вот запрестольный крест, украшенный костяными вставками, для чудотворного монастыря. А вот, взгляните в сей длинный прямоугольный ящик. То серебряная рака для Сергия Радонежского, орнамент, чеканка по серебру. Крышка для гроба, икона с изображением святого Сергия Радонежского. Рост с золотым чеканным окладом, украшен драгоценными камнями, византийскими камнями и крупным тефинским жемчугом. Как пойду пеший с новой царицей Марией и с сынами молиться в Троицу, то сей вклад внесу. Также в моей царской мастерской изготовляю золотой оклад на икону рублевской Троицы, самую чтимую икону Сергиевской обители нашей. Также в Троице-Сергиевской обители чаша для просфор из серебра, на ней золотой орнамент. Также шандал и подсвечники серебряные.

Царевич Федор. А вот, батюшка, лампы широки круглодонны, чаши кованые серебра. Для чего то?

Иван. Федор-сын, мальчик, для поставления перед иконами и иконостасом. А в лампу наливают воск для закрепления в ней свечей. Сие паникадило - большая церковная люстра, и сей подвесной подсвечник - кадило-сосуд для благовония, сделан он из красного дерева, стекла, серебра и золота. То мое царское паникадило, вклад в Троице-Сергиевский монастырь. Золото и стекло в нем, кисти из кованого серебра, к тару - цветы, полевые птицы, золотые змейки. В пасти змеев - пластинки, на них, пластинках, эмблемы мои, царя - двуглавый орел и единорог. Паникадило не только для церкви, но и для освящения хором царских.

Царевич Федор. Единорог, батюшка, еще именуется инорог или ноздрерог. Тот зверь в азбуковите указан, начало буквице «а»: аорий, зверь есть ноздрерог эфиопский. На нем орать можно плугом.

Иван. Так, Федор-сын, мальчик.

Царевич Иван. Много собрано в казне богатства.

Иван. Иван-сын, кто имеет добродетель от Бога, богатств очень много собирает. Так и чудотворец Лука Кольчский ходил из города в город с иконой Божьей матери и везде бесчислены непостижимы чудеса были от той иконы Божьей матери, и богатства очень много собрал, и устроил себе усадьбу, как некий князь, со светлыми большими хоромами, слуг много набрал и юношей завел, украшенных богатыми одеждами, прислуживающих и шествующих перед ним. Все православные христиане давали Луке большие богатства и чествовали Луку, как апостола. То недоумки говорят, что богатство - грех. Как Бог пожалует, кому богатство благодать, кому бедность, и кому богатство во зло, а кому - бедность.

Царевич Иван. Ты ж сам, батюшка, на соборе говорил, что благодать от бедных северных обителей.

Иван. Благодать - повсюду, где Бог пожелает, но в бедных сельских церквах и в отдаленных северных монастырях пользуются деревянной, медной и оловянной утварью. Люблю я там бывать, молиться. Троице же Сергиевская обитель - место особое, оно иноземцами весьма посещается и должно возвеличивать православие перед иноземцами.

Нагой. Истинно так, государь милостивый! Троице-Сергиевский монастырь многие послы посещают. Кроме икон и соборей разнообразные блюда и кубки дарят из чудесного дерева, резного и позолоченного, с именем монастыря, на них написанным, как национальные образцы, принятые дарить иноземным послам.

Иван. Моя царская казна державе служит. Кроме камней, в царской казне посуда. *(Подходит к сундукам.)* Тут отопри, Годунов. *(Стряпчий отпирает.)* Вот посуда, которой пользуюсь для иноземных приемов, также в особых случаях выставляю на показ иноземным послам.

Нагой. Государь милостивый, иноземцы восхищаются. Большой поставец в обеденных палатах заполнен золотыми и серебряными сосудами, украшенными жемчугом и камнями, и такие же поставцы у митрополита и в трапезных крупных монастырей, ибо орел двуглав - державное и духовное едино. Блюда разных размеров и форм, украшенные жемчугом и драгоценными камнями, братины круглые, горшки, украшенные надписями, для питья меда.

Годунов. Государь милостивый, такие братины передаем по кругу как застольные чаши, да поднимаем за столом для празднования, провозглашения заздравной чаши государевой.

Иван. Из такой братины попомнят меня, как преставлюсь, ибо те же братины используются как поминальные.

Годунов. Живи долго на благо отчизне, государь!

Иван. Знаю, многие ждут моей смерти, особо вельможи, может, и некто ближний. Ты, Иван-сын, с дядюшками своими Романовыми, не ждете ли? Давно ведь стремишься трон занять!

Царевич Иван. То поклеп, батюшка.

Иван. Кому ж верить при нынешних изменах? Вот кувшин боярина Никиты Романова, мне подаренный. Получил я, царь, в дар от Романовых сей сосуд в виде двуглавого орла, держащего в лапе скипетр, и льва, держащего в правой лапе меч, а в левой - державу. Все - из вызолоченного серебра. Мне ли подарено, не себе ли? Есть донесение: Романовы мечтают свою династию сделать, династию Калиты заменив.

Царевич Иван. То интриги, батюшка, недругов России для сеяния смуты.

Нагой. Ныне, государь милостивый, боле про боярина Федорова-Челяднина, чем о Романовых, говорят.

Иван. Знаю, что боярин Федоров-Челяднин мне, царю, недоброхотен, да имею сведения, что получил он письма от поляков, чтоб перейти к ним на службу. Если сей хитрый старик получил бы трон, то подчинил бы Россию Польше. Потому о нем разговор особый. Слухи о моем пострижении поставили в центре борьбы конюшего Челядина-Федорова, и обо всем том Бельский на пыточном дворе дознался от Бромлея и иных изменников-холопов. Однак, и родичам моим, Мстиславским и Романовым, верить нельзя.

Нагой. Государь милостивый, мы, Нагие, из семьи, издавна близкой твоей царской фамилии. Отец наш служил постельничим у отца твоего, великого князя Василия III. На нашу верность надейся!

Иван. Ты, Афанасий Нагой, отныне будешь мне еще ближе. Породнось с семьей своего советника, женившись на твоей племяннице Марии Нагой. На свадьбе чтоб были дворовые чины, Шуйские

чтоб были, Иван Петрович и Василий Петрович. Вызвать из-под Пскова на свадьбу! Ивана Петровича Татищева вызвать на свадьбу из-под Великих Лук. Как отпраздную свадьбу, тотчас женю некоторых своих верных бояр и советников.

Царевич Федор. Батюшка, меня жени на Ирине Годуновой, она мне шибко люба. Не могу я без нее, видючи такую ее красоту и доброту.

Иван. Женю тебя, Федора-сына, на Ирине Годуновой, ты ж, Борис Годунов, будешь дружкой на моей свадьбе с Марией Нагой вместе с боярином Василием Шуйским.

Годунов. Весьма тебе благодарен за доверие, государь!

Иван. Свадьбу отпразднуем в узком кругу дворовых. Земщина чтоб не допускалась! Романовы и Мстиславские, родня моя, царя, из земщины, приглашения на свадьбу чтоб не получила!

Нагой. Исполним, государь!

Иван. Ты, Афанасий Нагой, с Богданом Яковлевичем Бельским-ныне самые выдающиеся деятели дворянской думы. Хочу, чтоб ваше высокое положение подтверждено было особым местом, которое вы займете на приемах во дворце. На аудиенциях у государского места в обе стороны чтоб стояли оружничий Богдан Яковлевич Бельский да думный дворянин Афанасий Федорович Нагой.

Нагой. Оправдаем доверие твое, государь милостивый!

Иван. Не обманите доверия моего, как иные. Вот, глядите, золотая братина дочери двоюродного брата моего Владимира Старицкого, племянницы моей Марфы Владимировны Старицкой. Отца ее, двоюродного брата моего, бояре хотели вместо меня на престол, чтоб, используя никчемность его, самим править. Я после казни отца дочь простил, женил на Магнусе-принце, сделав его королем Ливонии. Однако оба изменили мне, перебежали к Баторию. А нашли при конфискации имущества в столице сию братину, на ней надпись: «Королева Старицы Марфа». Как отец стремился к уделу, развалу России, так и они стремились, да еще хотели сию братину как вклад внести в Троице-Сергиев монастырь, по блудности не разумея, что Троице-Сергиев монастырь Русь объединяет!

Нагой. Государь милостивый, известие, что живут при дворе прусского короля Фридриха в бедности великой.

Иван. Так будет всем изменным вельможам, кто оставит отечество и народ свой. Курбский не лучше кончит. *(Берет серебряный ковш.)* В прежние времена наградил я Курбского таким ладьевидным серебряным ковшом за взятие Казани. Всех полководцев наградил я серебряными ковшами за взятие Казани да за взятие Полоцка и иных городов Ливонии, ратников же - деревянными ковшами. Братиночки из дерева карельской березы, ясеневые, кленовые. Ныне, в тяжкий для России час, боле надеюсь я на народный деревянный ковш, чем на вельможный серебряный и золотой.

Царевич Федор. Батюшка, те деревянные ковшецы расписаны красками, истинно красивы.

Иван. И я их люблю, Федор-сын, мальчик. У меня в царской казне много деревянных кувшинов, расписанных красками и золотом, резных братин да блюд. Вот, милые мои, тверские деревянные кувшины, сдавленные с боков. Из них пить удобно, держа двумя руками. Пусть стольники принесут меда и вина!

Годунов. Слушаюсь, государь! *(Посылает слугу.)*

Иван. Чашки и чарки, из них вино пить в дороге, в походе. Круглые и низкие чашки дорожными называются. Ими жалуют за службу и подносят как подарки. А вот ковш деревянный, вечор пить, старый, украшенный с боков конскими головами. Годунов, вели стольникам наполнить сей старый ковш вином.

Годунов. Слушаюсь, Государь! *(Стольники вносят вино и наливают.)*

Нагой *(поднимает чашу).* За казну государеву, за славу и богатство государеву! *(Все выпивают.)*

Иван. Золотое блюдо велю сделать для свадебного моего обряда, на нем - двуглавый орел, гравированный чернью, да надпись: «Божьей милостью благочестивого царя, князя Ивана Васильевича Всея Руси, сделано блюдо благоверной царице, великой княгине Марье». Также подарки царице - драгоценную чашу, наполненную жемчугом и агатами, на голове царицы чтоб была корона с двадцатью зубцами, красные рубины, алмазы и топазы.

Годунов. Слушаюсь, государь, как велишь, исполню!

Иван. К свадьбе сшить длинную одежду из дорогого бархата, украшенную перлами, сиречь жемчугом, и камнями мне и царице, также и царевичам сшить.

Нагой. Государь, дары от турецкого султана пришли детям твоим царским, царевичу Ивану и царевичу Федору, бархаты и атласы, дороги, с золотом, царице - ковры шелковы с золотом.

Иван. Которой царице?

Нагой. Которой царице - не сказано.

Иван. Ныне на Руси царицей будет Мария Нагая, твоя, Нагой, племянница, и родит мне сына. Нареку его в память первенцу Дмитрий, да, может, его объявлю наследником, а не иного кого вовсе. На все моя царская воля! А с турецким султаном надо обходительно поступать. Католическая Европа хочет давно нас с востоком стравить, чтоб над обоими властвовать. Однако нам потребна торговля с Ираном, с Кавказом, с азиатскими эмиратами по Волге. Из Молдавии коней вези, то кони добрые.

Царевич Иван. Батюшка, ты ж намерен в переговоры вступить с иезуитами о посредничестве Папы в Ливонии. Они требуют крестового похода против турок.

Иван. Иван-сын, посредничество Папы нам потребно, поскольку положение наше плохо. Польско-литовское войско стоит у московской территории. Им удалось взять Холм и сжечь Старую Руссу. Другие отряды, среди них - изменник Курбский и изменник Магнус, поступившие на польскую службу, опустошили Дерпт, где всего прочнее утвердилась русская община. Также успехи шведов на побережье Финского залива под начальством французского выходца Понтю, Дельгарди. Тот Дельгарди подучает недовольством воспользоваться. Хочет воспользоваться недовольством, чтоб занять Новгород, а затем Псков.

Царевич Иван. Тяжко то слушать, батюшка! В короткий срок мы, русские, потеряли Кексгольм, отошли из-под Ревеля, почти вся Эстляндия перешла в руки шведов.

Иван. Нагой, во время перемирных переговоров чтоб московские наши послы отдали больше внимания делу возвращения церковного имущества, помещенного в Ливонии. Православных церквей немало построено в восточной части края.

Нагой. Государь, Баторий хлопочет в сейме о третьем походе, которому он намерен придать решающий смысл.

Иван. Тот его поход Папа должен остановить, а с требованием Папы принять участие нам в войне против Турции уже решим. На то, милые мои, дипломатия. Надобно известить турецкого султана, что мои, царя Ивана, войска, покинут Терек и снесут выстроенные там русские укрепления. Силы крымского хана поглощены войной с Ираном, лишь отдельные отряды нападают. Милые мои, нам надобно идти на уступки для мира на юге.

Царевич Иван. Батюшка, мы повсюду идем на уступки, и на юге, и в Ливонии. Будучи русским царевичем и наследником русского престола, я требую в сей осложнившейся военной обстановке срочных военных мер и снова прошу тебя, отца и государя, послать меня к армии под Псков, чтоб дать отпор полякам. Под Гдовом пятидесятитысячная армия сосредоточилась, ждет меня с другим отрядом для нападения на королевский лагерь против Батория.

Иван. Хвостов и Мясоедов со стрельцами прибывают в осажденную крепость, не тебе идти туда.

Царевич Иван. Отчего ж, батюшка? Я молод, мне 27 лет, зрелый возраст, многие давно считают меня соправителем отца.

Иван (сердито). Знаю, Иван-сын, что ты пользуешься большой популярностью у земщины. Все недовольные связывают надежды на перемены в государстве с именем твоим, наследника.

Царевич Иван (раздраженно). Ты, батюшка, мнителен. То беда, что имею такого мнительного отца!

Иван. Мнительный?! Разве в критические минуты такая популярность сына среди недовольных и изменников не может внушить тревоги мне, государю и отцу? Разве не имею я причин негодовать?

Царевич Иван. Ты, государь, отец, имеешь причины негодовать на меня, царевича, за мое влияние и за слишком хорошее обо мне мнение народа!

Иван (все более сердясь). Я негодую на тебя как на ослушника!

Царевич Иван. Все мое послушание в том, что я прошу дать мне возможность остановить приближение к своей земле варваров и притупить остроту их вторжения. Дай мне войско, чтоб разгромить поляков под Псковом!

Иван. Ты, царевич, слишком настойчиво требуешь от меня, государя и отца, войско. Против поляков ли то войско, не против меня ли?

Царевич Иван. Мне войско потребно лишь для защиты отчины. Я как православный и как наследник упрекаю тебя, государя, за бездеятельность. Сам я предпочитаю доблесть любым сокровищам. Велики твои сокровища, многие за счет опричных грабежей, и на войско сих дать не хочешь, требуешь денег с духовных. Ныне же, при осмотре сокровищ твоей царской казны, заявляю тебе: хоть ты имеешь немалые сокровища, а у короля польского их нет, однако он тебя воюет.

Иван (*гневно*). Как смеешь такое говорить мне, отцу! Видно, отнялся у тебя ум и не можешь смыслить дела своего! Как же быть тебе наследником русского престола при нынешнем тяжком времени войны за Балтику?!

Царевич Иван. Ливонская война показала, нельзя выиграть войну за Балтику без морского флота. То уж много раз говорил. Меж тем ты, царь Иван, строишь вместо морского флота речной для перевоза своих сокровищ. То всем ведомо! Хочешь грузить их на английские морские суда.

Иван (*гневно*). Сия ложь изменниками распространяется, да ты, сын мой, наследник, такое же говоришь!

Царевич Иван. Нет, батюшка, то правда. То меры для подготовки отъезда царской семьи за границу. В Вологду перевезли большую часть твоих царских сокровищ, для хранения которых выстроили каменные палаты. На Северной Двине 20 судов и барок уже готовы, выстроены с помощью английских мастеров. Те суда должны перевезти царскую семью на Белое море, а оттуда - прямой путь в Англию. Все то окружено тайной, однак слухи о том пошли в земщине, стало известно в боярской думе, при моем, наследника, дворе. Мысль о бегстве внушена тебе злодеями, волхвом Елисеем Бромлеем да прочими, чтоб строил суда для отъезда тебя, царя, в поморские страны. Только я объявляю, что не поеду с Руси никуда, хочу на Руси умереть.

Царевич Федор. И я с Руси не поеду, и батюшка не поедет, то все поклеп. Ведь правда, батюшка, кто с отчизны бежит, тот скоро умирает без суда Божья, и тело его у церкви не положат, и душе мука зла?! (*Плачет.*)

Иван (*гневно*). Замолчи, Федор-сын! Видно, за грехи я, царь, не могу полностью положиться на тех, кто меня окружает! Даже сыновья с отцом не в согласии!

Нагой. На нас, верных твоих слуг, можешь ты, благоверный царь, положиться.

Царевич Иван. Лишь на ласкателей своих можешь положиться, ибо ты, царь, не терпишь никакого послушания и самостоятельности, также и со стороны меня, взрослого сына, а возникшие разногласия пытаешься решить обычными домашними средствами, сиречь палкой.

Иван. Хорошо, что напомнил! (*Сильно бьет палкой царевича Ивана.*) Понял ли новый урок?!

Царевич Иван (*сердито кричит*). Вновь бьешь меня палкой, что учал тебе в который раз говорить о выручении города Пскова из окружения наседающих со всех сторон врагов! Ты, царь, приказываешь воеводам отсиживаться в крепостях, а сам между тем подумываешь о бегстве за море и оставлении разоренной страны на произвол врагов! Такое малодушие тебя, царя, производит самое неблагоприятное впечатление в земщине!

Иван (*гневно*). Вижу, учение не помогло тебе впрок! (*Опять бьет царевича, попав по голове.*)

Царевич Иван (пошатнулся и ухватился за ушибленное место. С плачем.). Деспот! Отец-деспот! Ты и в семейную жизнь мою вмешиваешься, как деспот. Впервые женил меня, через три года сосватал новую жену, а как обе невестки не угодили тебе, так заточил их в монастырь, родичей же разорил. Однако ж третью жену я выбрал себе сам.

Иван (*гневно*). Выбрал, чтоб мне досадить! Знал ведь, что я, царь, не люблю семью Шереметьевых, не допускаю ее на дворовую службу, подозреваю в крамоле! Из четырех братьев Шереметьевых, все они имеют боярский титул, старший, Иван Васильевич-Большой, побывал в тюрьме за измены, а потом сбежал в монастырь.

Царевич Иван. Он несправедливо подвергся пытке и ушел в монастырь, спасаясь от твоего царского гнева.

Иван. Нет, справедливо наказан! И второй брат, Никита, казнен мной, царем, за измену, а и ныне не могу без ярости вспомнить имени сих бесовских сыновей, Никиты да Ивана, в иночестве Ионы.

Нагой. Государь милостивый, утверждают, что младшие братья Иван-Меньший и Федор изменнически сносились с Крымом.

Иван. Так-то, изменнически сносились с Крымом и наводили мусульман на христианский народ.

Царевич Иван. Иван-Меньший погиб под Ревелем, сражаясь за отечество.

Иван. Истинно, та смерть Ивана-Меньшего под Ревелем несколько было уж примирила меня с Шереметьевыми, но недоверие мое к ненавистному роду возродилось после пленения окольничьего Федора Шереметьева.

Нагой. Государь милостивый, от посольского гонца известия. Федор Шереметьев присягнул на верность Батерию и подает изменнические советы для дальнейшей войны с Россией.

Иван. Слышал ли то, Иван-сын? Меня-то, Иван-сын, во всяком упрекаешь, а жена твоя, царевича, доводится родной племянницей Федору Шереметьеву, изменнику и врагу.

Бельский (*входит*). Государь милостивый, важные известия. Пущен слух о твоём намерении отречься от престола, и уже ведутся споры, кто займет трон если ты, царь, оденешься в монастырскую рясу.

Царевич Федор. Батюшка, хорошо-то как - в монастырь уйти! И меня возьми.

Иван. Помолчи, Федор-сын! Кто ж тот новый государь-богоотступник?

Бельский. Одни, главным образом, Романовы да Шереметьевы, сына твоего хотят, царевича Ивана, другие же, которые за примирение с Польшей, хотят боярина Федорова-Челяднина. Один центр заговора - двор - твоего сына, наследника Ивана, другой - конюшего Челядина-Федора.

Царевич Иван. То все, батюшка, клевета!

Иван (*гневно*). Помолчи! Иди с глаз долой! Ежели отрекусь, то не тебе трон отдам, чтоб изменники Шереметьевы возобладали! И ты, Федор, с ним иди! (*Царевичи уходят.*) Боярская измена в который раз вползает в мой царский дом! (*Нервно ходит.*) Могу заточить невестку Елену Шереметьеву в монастырь, да руки мои связаны: царевна ждет ребенка, должна рожать. Неужто будут Шереметьевы на престоле?! Проклятый род! Все они получили боярство при собацкой избранной раде, при Адашеве и Сильвестре. (*Ходит.*) Пса смердящего, конюшего Челядина-Федорова я признавал самым благообразным среди бояр, в свое отсутствие оставлял управлять Москвой. В начале ливонской войны за заслуги был он в Ливонии наместником. (*Ходит.*) Во всем сказанном вижу угрозу начала новой боярской крамолы, которой давно ждал.

Бельский. Государь, на боярской думе иные хотят против тебя стать, а иные за рубеж побежали.

Иван. Бегут, аки псы бешены. Кто побежал?

Бельский. Всякие. И родич мой, Давид Бельский, в Литву побежал к дяде. И дядя твой, князь Василий Глинский, побежал с князем Пронским. Да этих схватили. Также князь Горенский схвачен.

Иван. Вижу широкий заговор, а военной опоры - опричны - нет. Уж который раз на то сетую.

Годунов. Нам, государь, доверься!

Нагой. На нас, верных твоих слуг, надежду имей против изменников!

Бельский. Государь милостивый, иных мелких отловим аки кошевых раков кошем, сиречь корзинкой, покрупней будем бить в язах. (*Смех.*)

Иван. Им не нравится мое правление, то покажу, что хуже может быть. Есть у меня план, как, оставив трон, сохранить власть. О том еще помыслить хочу. Отдав трон, по-новому возрожу опричнину, однак так, чтоб избежать в том прямых упреков и чтоб тому имя было иное. А не все ли равно, каким именем зашибать изменников?

Бельский. Государь, розыск Бромлея положил начало второму новгородскому делу. Проходят сам Бромлей, новгородский архиепископ Леонид, чудовский архиепископ Ефим, Романов-Юрьев, троюродный брат царевича, и некоторые другие лица. Материалы обвинения - показания слуг, некоторых монахов и прочих. Можно, государь, и до митрополита добратся.

Иван. Митрополита Дионисия пока не трожь, хватит с нас Филиппова дела. Что Леонид?

Бельский. Епископ признал все под пыткой. В деле шифрования письма, сиречь копии, на греческом и латынском языках, посланные разными путями в Польшу и Швецию. Бромлеус оговаривает иных, все отрицает, надеясь, что переменится к лучшему с помощью доброжелателей, некоторых твоих фаворитов. Также на твою милость надеется.

Иван. Передай Бромлеусу, что я, царь, поражен изменой любимца и велел зажарить его на огромном вертеле.

Бельский. Ты, царь, поручил допрос Бромлеуса своему сыну царевичу и приближенным, заподозренным в связях с медиком. С помощью тех придворных Бромлеус надеется выпутаться из беды. Когда же колдун увидел, что друзья предали его, он показал много сверх того, что ты, царь, желал узнать. Прежде прочего, против Романова-Юрьева и иных Романовых.

Иван. Романова-Юрьева еще до заседания думы обезглавить, а про иных Романовых помыслим. Сейчас главное дело - Челядина-Федорова. (*Уходит в сопровождении Годунова, Нагого и Бельского.*)

Занавес

Сцена 78

Успенский собор Кремля. На царском месте - большом прямоугольном мономаховом троне - сидит царь. По обе стороны от него - Нагой и Бельский. Вблизи расположились царевицы Иван и Федор и Борис Годунов. За столом с бумагами - дьяк посольского приказа Щелканов с подьячими. Вдоль стен на лавках - бояре.

Митрополит Дионисий. Сей собор, совместный с боярской думой, почнем по обыкновению с царской речи.

Иван. Святой отец митрополит Дионисий, скажу кратко: пущен слух о моем уходе в монастырь, да уж ведутся споры, кто сядет на трон, кто его займет. Я сей слух опровергать не буду. Знаете ли, издавна у меня тяга к монастырям и мысль о пострижении, уходе от мирского, мятежного и смятения. Среди темных и мрачных мыслей моих мысль о монастыре - то наибольший проблеск света Божьего. Потому не так давно повелел я некоторым из вас, братья, тайно собраться в одной из келий Кириллова, куда я сам явился. Был тогда с игуменом Никандром троицкий епископ Иона, ты, Феодосий, ты, Савва, а иных не помню. И в долгой беседе открыл я свое желание постричься в монахи, вы же мне описали суровую монашескую жизнь. И когда я услышал о той Божественной жизни, сразу же возрадовалось мое скверное сердце с окаянной душой, ибо я хоть и царь, но ведь человек, и как человек я, подобно иным, грешен. И мысля о том, спросил я сам себя: что есть монастырь? И спрашиваю вас ныне о том, други: что есть монастырь? Скажи ты, митрополит Дионисий!

Дионисий. Монастырь, государь, есть удобное место для подвига личного душевного.

Иван. То правда. Однак время ныне на Руси, когда враги ополчились на нас. До личного ли духовного подвига? Вспомните иноков Пересвета и Ослябу, которых послал из Троицы на Куликово поле святой Сергей Радонежский. Не такое ли ныне время, когда не в монастырь идти надо - из монастыря на поле брани?

Архиепископ Иона. Государь милостивый, по Иосифу Волоцкому, монастырь есть проводник православия державного, сеятель в душах сомневающихся.

Иван. Я - почитатель пресвятого Иосифа. Тогда правил мой дед, благоверный князь Иван III, и было хорошее время. Укоризны никакой не бывало, и никто не сказывал на бояр бесчестного слова, ибо непререкаема была власть государя. Ныне же, когда бояре многие лаяния и лукавства сотворяют впридачу к козням внешних врагов, подумалось: могу ли взять на себя желание иноческих подвигов? Зло распространилось и захватило даже преподобных Божьих святителей и священников и архимандритов, чему пример - бывший троицкий игумен Артемий, также новгородские епископы Пимен и нынешний, Леонид. К Артемию я проявил милость, хоть он достоин был сожжения, велел сослать в Соловецкий монастырь. Он же намеревался бежать оттуда в Литву, и многие иные побегии участились, весьма меня, царя православного, заботящие. Бельский, есть ли новый список побегов?

Бельский. Государь милостивый, бежали в Литву братья Алексей и Гаврила Черкасские, также первопечатник Федоров со товарищи бежал.

Иван. Эти отчего бежали? Надо бы стороной разведать, не захотят ли они опять воротиться. Ежели захотят, то обещать им многие милости. Еще многие ли бежали?

Бельский. Помимо князей Глинского и Пронского, также родича моего Давида Бельского, бежали многие дворяне и дети боярские, между прочим, направленный в Литву дворянин Тетерин и Сарыхозин. Так и молодой князь Одоевский. Боярин Горенский из Пушечного дворца получил твое, царя, веление покинуть дворец и прибыть в псковскую армию вместо изменника Репнина, пушечного воеводы. Прибыв в место назначения, пытался бежать за рубеж. Погоня настигла в литовских пределах. Границу перешли, взяли уже в Литве. Привезен в цепях в столицу.

Иван (гневно). Где все те изменники?

Бельский. Которые схвачены - тут, государь.

Иван. Привести, хай бояре и духовные на них поглядят, может, иные и себя в изменниках узнают.

Бельский. Которого, государь, первого волочь?

Иван. Дядю моего первого веди, Михаила Васильича Глинского, с князем Турунтай-Пронским. *(Встает с трона, ходит).* Не первый раз Глинские, родичи матери моей, недовольные московскими порядками, угождают в тюрьму. И при отце моем опальный дядя обязался прекратить тайные сношения с королем Жигмонтом и поклялся, что не отъедет в Литву. *(Входят в сопровождении дворецкого связанные Михаил Глинский и князь Турунтай-Пронский).* Что ж ты,

дядя, подался к врагу России королю Баторию в компании с изменником Турунтай-Пронским?

Глинский (*кланяется*). Бью челом царю и великому князю, что не бегали, а поехали было молиться Пречистой в Оковец.

Турунтай-Пронский. Поехали было в Оковец молиться, уехали в сторону, не зная дороги.

Михаил Глинский. Во ржевских местах, великих тесных лесах, в непроходимых теснотах ржевской украины, заблудились.

Бельский. Нашли у них при аресте королевские грамоты, гарантирующие убежище в Литве, а также подробную роспись дороги до литовской границы.

Иван (*гневно*). Клятвопреступники! И ты, дядя, брат матери моей, клятвопреступник! В темницу их, пытать огнем да казнить!

Михаил Глинский (*плачет*). Бьем челом, бегали от страха. Узнали, что поклеп на нас подан.

Турунтай-Пронский (*плачет*). Мы слышали погоню и узнали, что нам уйти невозможно, возвратились сами.

Михаил Глинский. От недоразумения тот бег учинили, обличась страхом князя Юрьева убийства.

Царевич Иван. Батюшка, отдай мне их на поруки, братьев бабушки моей. Отдай князя Михайла Васильича.

Иван. Сын мой, царевич Иван, сказано: не по лицам судить сынов человеческих, но праведным судом судите. Каким судом судите, таким и судитесь вам, и какой мерой мерить, такой и воздастся. Для сына моего, Ивана Иоанновича, я тебя, дядя, пожаловал, а уж заодно и тебя, князь Пронский, а были бы вы при власти, какие бы казни творили! Бельский, вины их сыскать, отдать их под опеку. (*Глинский и Пронский кланяются. Их уводят*). Никому нельзя верить, даже и тем, кто выдвинулся после собак Адашева и Сильвестра, и родичам верить нельзя. Сдается мне, что за невозможностью овладеть снова мной, царем, как было в молодости при Адашеве и Сильвестре, сделать вновь надо мной опеку, они перейдут к Баторию али к крымскому хану, али же будут в соумышлении с врагами действовать во вред мне, царю. Бельский, надобно со всех взять поручные записи в том, что служить верно мне, государю, и моим детям, царевичам Ивану и Федору, не отъезжать в Литву и иные государства. Щелканов, пригодишь поручные.

Щелканов. С кого, государь милостивый?

Иван. Прежде прочего, с родича моего, троюродного брата, князя Мстиславского. В 1571 году от рождения Христова князь Мстиславский возглавлял земскую армию и не отразил врага и, более того, изменил отчизне. Тогда он публично покаялся, что сам навел хана на святые места и своей изменой погубил стольный город. Так ли, князь Мстиславский?

Мстиславский (*кланяется*). Так оно, государь.

Иван. При первой кампании Батория князь Иван Федорович Мстиславский со своим зятем, тверским князем Симеоном Бекбулатовичем, возглавлял большой полк, сиречь был главным воеводой русской армии. Он виновен в падении Полоцка.

Мстиславский (*кланяется*). Истинно так, государь милостивый.

Бекбулатович (*кланяется*). Грозный и сильный царь Иван Васильевич, признается холоп твой, тверской князь Симеон Бекбулатович, в неисполнении твоих повелений. Царствуй вовеки и наказывай нас, холопов, как пожелаешь.

Иван. Ныне, когда вторая кампания кончилась поражением, и поляки захватили Великие Луки, Нарву да прочие города, я, царь, решил указать народу на виновников беды и назвать имя главного руководителя земской армии Мстиславского. Годунов, о том чтоб на всех крестцах бирючи кричали.

Годунов. Исполним, государь.

Иван. Нагой, чтоб иноземцам про то сказано было.

Нагой. Сделаем, государь!

Иван. Признаешься ли в том, Иван Федорович Мстиславский, с сыновьями своими, боярами Федором и Василием?

Мстиславский (*кланяется*). Признаемся, государь милостивый, клянемся тебе в верности!

Иван. Не мне клянись! Клянись у митрополита Дионисия Всея Руси на святом Евангелии. Митрополит Дионисий, прими у них клятву.

Дионисий (*берет Евангелии*). Клянись на священном писании, князь Иван Федоров Мстиславский, с сынами, Федором и Василием!

Мстиславский. Я, князь Иван Федоров Мстиславский, и мои сыновья, бояре Федор и Василий, публично признаемся в том, что перед царем во многих винах преступили.

Иван. Перед царем и отечеством!

Мстиславский. Перед царем и отечеством.

Иван. И за свои вины бьем челом перед преосвященным Дионисием-митрополитом.

Мстиславский. И за свои вины челом бьем перед митрополитом.

Иван. Пиши, Щелканов: Князь Мстиславский под присягою обязался не отъезжать к Баторию, и также города никакого не сдавать.

Нагой. Государь милостивый, ежели грамоту составить по трафарету, то тяжко будет иноземцам объяснить, в чем именно обвинен первый боярин думы.

Иван. Сами помыслите, как составить, чтоб одно было ясно: от главного воеводы требуется беспрекословное подчинение царю. Клянись, Мстиславский!

Мстиславский. Я, князь Мстиславский, клянусь быть верным царю и его детям, обещаю служить их землям прямою во всем, во всем в правде, без всяких хитростей и лиха и измены никоторой не учиняти.

Бельский. Государь, кого вместо Мстиславского назначить главным воеводой?

Иван. Хай Мстиславский сохранит свои посты. Однако, чтоб за него поручилось множество знатных людей на случай его измены уплатить 10 тысяч рублей. *(Вводят князя Горенского в цепях).* Да взять 15 тысяч рублей с поручителей за поручителей. В 1561 году от Рождества Христова, когда я, царь, доверил управление земщиной Мстиславскому, то признался он в изменнических связях с татарами, да был прощен благодаря ходатайству тогдашнего митрополита. За него поручились три знатных боярина, предоставившие со своей стороны 285 поручителей. Порученных денег внесли 20 тысяч рублей. И вот, милые мои, через несколько времени Мстиславский снова попался вместе с двумя сыновьями в подобном же преступлении. И на сей раз избежал смерти. Однако гляди, старый пес, в третий раз уж лишишься головы, да и сыны твои также.

Мстиславский. Верой и правдой служить будем, грехи замаливать. *(Целует Ивану руку).*

Симеон Бекбулатович. Превысочайший мой и любезнейший и величайший царь и государь Всея великой Руси! И я Евангелие целовать тебе на верность хочу, поскольку крестился в православную веру в часовне святителя Казанского Гурия и христианство свое объявил людям на Пожаре публично.

Иван. Ты, князь тверской Симеон Бекбулатович, сиди на лавке тихо, о тебе потом речь!

Бекбулатович. Кланяюсь тебе трижды, великий царь! *(Кланяется и отходит, садится на лавку).*

Иван (Горенскому). Что, собака князь Горенский, изменник отечеству, говори, собака бешеная, как бежать замыслил!

Горенский. Говорить мне, царь, не про что. Гляжу я на бояр знатных, на Мстиславских, на Шуйских, на Романовых да прочих, а про то мыслю: их положение не лучше моего ныне.

Бельский. Что ты, собака, брешешь! Кто верно государю служит, тех государь жалует.

Горенский. Их государь жалует, как турецкий султан молдавского. Великий, слышал я, заклад платите. А захочет, жен в заклад возьмет. Невежливо сказать, что не очень вам, князьям и боярам, верит. Есть у царя новые верники: дворяне из худых родов да дьяки. Они его половиной кормят, а больше половины себе берут.

Бельский. Эй, стража, заткнуть собаке рот!

Иван. Не надобно, пусть поговорит перед концом.

Горенский. Кланяюсь тебе, царь, что позволил. *(Кланяется).* Скажу перед концом вам, бояре: их, худых дворян и дьяков, отцы вашим отцам и в холопы не годились, а ныне не только вотчинами, а и головами вашими торгуют. Бог, видно, у вас ум отнял, что вы за жен и детей и вотчины головы свои кладете, а их губите. И себе все-таки не пособите. Смею, государь, спросить, каково тем, у кого мужей и отцов различные смерти побили несправедно?

Иван (гневно). Кто ты, чтоб меня спрашивать, меня, царя! Русь есть Третий Рим, а я - царь Руси. Богом мне власть дана, Божьим повелением. От Бога дана мне держава, от прародителей наших, они же получили порфиру от римских кесарей.

Горенский. Мы, русские бояре древних русских родов, Рюриковичи и Гедиминовичи, ты ж чванишься мнимым происхождением от Пруса, небывалого брата римского цезаря Августа.

Иван (гневно). Смерд, холоп! У московских государей таких князей Горенских было не одно сто!

Нагой. Государь милостивый, иноземцы дивятся, как много измельчавших князей в московском государстве. Так много, что их считают за ничто, и нередко встретить князей, готовых служить простолыдину за пять, за шесть рублей в год. *(Смех).*

Бельский. И притом глядите, они горячо принимают к сердцу всякое бесчестье али оскорбление равных своих, даже если то бесчестие - наказание за измену.

Иван. Вы, князья упалые, измельчавшие, истинно московскому боярству в тягость, и государям московским - неприятные и неверные слуги. Правду ли говорю, бояре? Так ли, Василий Шуйский?

Василий Шуйский. То правда, государь. Многие прежде знатные князья захудали. Упалых ветвей много, особо среди ярославских и ростовских князей.

Иван. Отчего ж так, скажи ты, боярин Белеутов!

Белеутов. А беды, государь, предопределены тем вельможам, и милости безродным выскочкам писарям от поповичей и простого всенародства.

Иван *(гневно).* Так-то, не первый раз против меня кричите, да все те же упреки царю делаете! Кому же мне, царю, верить - честному всенародству али вам, изменникам?! Кому - собаке, псу-князю Петру Горенскому, который в военное время к врагу с отечества бежит?! Той лихой образине верить, смердящему огрызку, постыдному неподобному человеку? Тот ли Горенский воин за отечество?

Горенский. Ежели ты, царь, воин, то не подобает воинам аки слугам браниться. Однако воин ли ты? Помнишь, под Казанью при штурме струсил, а затем в Москве кичился перед холопами своей мнимой победой, подлинного воеводу-победителя князя Горбатова-Шуйского подале отстранил, а затем казнил?! И как крымский хан Девлет на Москву набег сделал, то бросил и бежал, а подлинного спасителя отечества князя Воротынского велел казнить! И из Ливонии сбежал, а на князя Мстиславского и иных воевод вины переложил! Кичишься своей династией, а ведь и мы, ярославские, суздальские, ростовские, себя помним!

Иван *(яростно кричит).* Повесить пса, немедленно! *(Стражники хватают и волокут Горенского).*

Горенский *(кричит).* Проклят будь твой московский издавна кровопивственный род! Прокляты будут дети твои царевичи! *(Его увлакивают).*

Царевич Федор. Страшный се человек, страшное сей человек кричал!

Царевич Иван. Батюшка, он нас проклял!

Иван *(обнимает детей).* Не бойтесь, дети мои царевичи, черных волхвовских слуг сатанинских. Они у нас под пятой, под нашей московской династией. Они - измельчавшие. *(Кричит).* Я же, царь московский, великий государь всей земли, всем государям государь! Я и в малолетстве сидел здесь государем. Однако знаю, вы, бояре, иного царя хотите! Сколько я из-за вас слез пролил! В годы моего младенчества Дума была всеильна. Однак я противостоял той Думе, обет дал Господу укрепить Русь, ежели не помру. Бессмертным себя не считаю, ибо смерть - общий удел всех людей за адамов грех. Хоть я и ношу порфиру, однако знаю, что по природе также подвержен немощи, как и все люди. Оттого особая забота - кто после меня на трон сядет.

Никита Романов. Государь, у России законный наследник - царевич Иван Иванович!

Иван. То ты, боярин Никита Романов, голос подал! Давно тебя не видел.

Никита Романов. На засечной полосе с казаками сижу, государь, от татар Русь берегу.

Иван. А вот дам вам в цари Всея Руси татарина, то уберетесь ли от сего? *(Смеется).*

Никита Романов. Такое невозможно, государь!

Иван. Отчего ж невозможно? Вам же, князьям-боярам, мое правление не по душе, то покажу, что может быть еще хуже правление! *(Смеется).* А может, и добро будет! Чем при мне, при татарине вам служить! Годунов, подготовил ли ты список, какие роды татарские нам служат?

Годунов. Как велел ты, государь, сделали все.

Иван. Зачти!

Годунов *(берет список, читает).* Служат нам: казанский царевич Симеон Бекбулатович, находится в Касимове государем касимовским, другой казанский царевич Кайбул - царем в Юрьеве, прежний астраханский царь Дербиш-Али - в Звенигороде.

Иван. В московской политике вошло в привычку устраивать прежних татарских царей на новые места и давать им землю, и они управляют и продолжают называться царями. Тем Москва привязывает их к себе и показывает перед крымскими ханами свое доброе отношение к магометанству. Годунов, читай далее, какие роды царские нам служат.

Годунов *(читает).* Приехал из Орды царевич Берка ко государю великому и князю Ивану Данилычу

Калите, и крестил его митрополит от басурманства в православную веру, нарек ему во святом крещении имя Аникий, а у Аникия того - сын Юрий, а у Юрия - сын Иван, а у Ивана - два сына, Михайло да Григорий Красная Коса. Михайло умер бездетным, а у Красной Косы два сына, Иван да Василий, у Григория - пять сыновей: Иван Блоха, Василий Борода, третий - Андрей от Ивана Блохина, Иван Хрипун, Василий Пустоха убит под Оршею, пятый - Третяк, седьмой - Невер, да Матвей, да Некрас, да Иван Талыга. У Ивана Васильевича у Хрипуна один сын - Иван Сундук, а от тех пошли ...

Иван. Будет тебе, Годунов, уж довольно прочел нам. Все татары! Чем не цари русские? (*Смеется*). А ведь ты и сам, Борис Федорыч Годунов, татарин по происхождению, женатый на дочери моего царского любимца Малюты Скуратова да брат невесты царевича Федора! Чем не русский царь? Желаешь, Годунов, быть царем русским?

Годунов. Единственно, что желаю, то исполнять твои царские повеления и служить России - отечеству моему. А род наш, Годуновых, и служба давняя. Мы, Годуновы, из исконных московских служилых вольных слуг. Мы, Годуновы, гордимся, что искони вечные государские. Ни у кого не служили, окромя своих государей. Предком нашим, Годуновых, истинно был ордынский мурза Чет, приехавший из орды в 1330 году от Рождества Христова служить великому князю Ивану Калите и крещенный именем Захария. Опречь нас, Годуновых, от Чета пошли такие честные фамилии, как бояре Сабуровы и Вельяминовы, все из татар.

Белеутов. Как же, государь, татарский род на престол царский?

Годунов. Мы, Годуновы, уж два с половиной века род православный, и в думе сидим более десяти лет.

Белеутов. Все одно, нельзя басурман на русский трон!

Иван. А вы, бояре, кого желаете? Шуйских, может? Хотите ли вы, Шуйские? Ты, Иван Петрович Шуйский, да ты, Василий Петрович?

Иван Шуйский. Мы, Шуйские, коренной великий русский род, мы еще прежде прочих Рюриковичей и Гедиминовичей.

Иван. То-то, вижу, царь Василий Шуйский Всея Руси вам, Шуйским, по душе! (*Ходит*). Знаю, издавна меня, законного царя, поработить хотели, а затем трон забрать. То в Польше или иных безбожных языцех короли царствами своими не владеют. А российское самодержавство изначала само владеет своим государством, а не бояре и не вельможи. Сам Бог поручил московским государям в работу прародителей бояр! (*Кричит*). И высшая знать у царя не братья, а холопы! (*Нервно ходит*). Знаю, от вас, вельмож, мне, царю, славы не дожждаться.

Никита Романов. Государь, прискорбное скажу. Принимаешь ты славу лишь от потаковников и ласкателей, не от боярства русского, от русского вельможества. Меж тем погляди, царь, новые твои приближенные из дворца весьма среднего разбору, не лучше, чем при опричнине. Там, среди опричников, хоть одно лицо с княжеским титулом было, князь Афанасий Вяземский, и одна семья достаточно высокородная - Басмановы-Плещеевы. Тут и того нету. Годунов, Нагой да Бельский, да дяк Щелканов и прочие - по другую же сторону вся высокородная русская знать.

Иван. А дам вам, знати, татарина в цари. Щелканов, пиши: казанский царевич Симеон Бекбулатович чтоб был провозглашен царем Всея Руси и был поселен в Кремле. Я же, царь, отказываюсь от всех титулов и почестей, приказываю называть себя просто Иваном Московским, и буду ездить на поклон к новому государю в маленькой карете, в оглоблях, как последний боярин.

Иван Шуйский. Государь, что означает сия скоморошья комедия с татарским царем?

Василий Шуйский. То глумление над русской землей, в цари ей дать крещеного татарина, касимовского царя Симеона Бекбулатовича!

Никита Романов. Государь, мы, бояре, выступаем с открытым протестом против передачи власти Симеону.

Иван. А что ты скажешь, митрополит?

Дионисий. И мы, духовные, против. Не подобает тебе, государь, мимо своих чад иноплеменника на государство поставить.

Никита Романов. Бояре и духовные протестуют против передачи власти Симеону. Мы выступаем в защиту законного наследника Ивана Ивановича. Согласен ли ты с тем, Иван Иванович, или не согласен?

Царевич Иван. Передачей Симеону титула царя Всея Руси батюшка мой царь Иван лишает меня как сына своего права наследовать титул.

Иван (*помолчал*). Я передам Симеону Бекбулатовичу не титул царя Всея Руси, а титул великого князя Всея Руси. Сам же я отрекаюсь от престола, и царский титул исчезнет, навсегда или на время, то еще поглядим, то не знаю. Себе сохраняю титул московского князя. Бекбулатовичу передаю титул Всея Руси, но не царя, а князя! Ты ж, Иван-сын, становишься соправителем московского князя. Все бумаги и грамоты теперь будут исходить от нас двоих. Щелканов, запиши целовальную запись, грамоту на нас двоих.

Щелканов. Слушаюсь, государь. С одной или с двумя привешенными печатями?

Иван. С одной заготовь, того довольно. Как целовали царю и великому князю Ивану Васильевичу и сыну его князю Ивану Ивановичу всяких сословий люди. Об отречении царя и передачи власти Симеону.

Белеутов. Мы такую грамоту целовать не будем. Раньше мы, древние рода русские, свои земли при желании жаловали монастырям, поземельные не платили, свой двор удельный имели, свое войско. Ныне же вольного слугу в царского холопа обратили.

Иван. Я, царь, издавна стремился ограничить княжеское землевладение по примеру своего деда и отца. Сильвестр с Адашевым порушили старые земельные законы. Не отбирали у бояр великие вотчины, но, напротив, ветру подобно, раздавали их, и то деда нашего уложение разрушили и тех многих людей к себе примерили для изменных дел.

Иван Шуйский. Мы, государь, родовая знать, теми землями владеем от наших дедов-прадедов.

Иван. Новый великий князь Симеон Всея Руси новый закон сделает. Подам ему целовальную от меня, московского царя: запрещается княжатам продавать и менять старые родовые земли.

Белеутов. Боярская дума такой закон не утвердит. Такого порядка на Руси не было прежде.

Иван. Я, московский князь Иван Московский, подам челобитную, чтоб новый великий князь Симеон единодержавным правлением отстранил вельможную думу и через приказных дьяков такой порядок сделал.

Дионисий. Государь милостивый, можно ли переставлять древние порядки? Которая земля переставляет порядки, та долго не стоит. Церковь такое не поддержит, государь.

Иван. Не из-за древних порядков ты, митрополит, против. Оттого против, что по новому уложению вымороченные княжеские владения раньше доставались монастырям, теперь они будут собственностью казны. Дети и племянники умершего князя, вотчинники, смогут наследовать землю только с разрешения государя.

Белеутов. То значит, государь, с разрешения приказных писарей, дьяков, холопов прежних! Мы, знатные древние русские рода, своей землей владеть можем!

Иван Шуйский. Государь, боярская дума России и православная церковь такое не допустят.

Дионисий. Истинно, православная церковь не может одобрить такой порядок.

Иван. Не можете? И я нынешний порядок терпеть не могу, который вредит красоте самодержавия. (*Нервно ходит*). Будет вам другой государь, посажу Симеона!

Дионисий. Однако, вчерашний басурманин не пользуется авторитетом в боярской и церковной среде.

Никита Романов. Наследовать может лишь царевич Иван Иванович.

Иван (*гневно*). Уж я то сам сделаю. Али снова тщитесь меня унять, думаете, я убогий, недостойный, нищий умом? Адашев с Сильвестром также на меня плели, чтоб опекать. Кончилась опека! Дам вам в государи, кого пожелаю. Мне по душе царское происхождение Симеона.

Иван Шуйский. А еще более - его полная покорность тебе.

Белеутов. Мы, русские вельможи, не допустим татарского хана на русский престол.

Бельский. Ты, Белеутов, нагрубил царю. Не пожалеть бы тебе! Государь, можно ли терпеть на Руси власть земщины над государем? Всюду двоевластие и двоесудие! Земщина должна быть в подчинении государя и государства. А ежели церковь на сей раз с земщиной заодно, то есть еще и дворянство! Надобны крутые меры!

Василий Шуйский. Ни один влиятельный член боярской думы те крутые меры не поддержит. Мы, Шуйские, все будем против.

Иван (*гневно*). Знаю я вас, Шуйских! Вы, Шуйские, еще в молодости за бунт 1567 года от Рождества Христова, за пожар Москвы в ответе! Сколько тогда крови пролилось! А крови моей, смерти моей разве не хотите? (*Нервно ходит*). Знаю, вельможи, гнев на меня давно имеете. Не страшусь я вашего гнева! Солнце не зайдет в гневном вашем!

Бельский. Государь, надо идти напролом. Сейчас, государь, сказали мне, что боярин Челяднин-

Федоров привезен из Коломны.

Иван. Скорее пусть идет! Вот подходящий царь вам! Ежели отрекусь в пользу боярина Челяднина-Федорова, то довольны ли будете?

Белеутов. Боярин Челяднин-Федоров древнего русского рода, не то что татарин. *(Входит Челяднин-Федоров).*

Иван. Хорошо ли доехал из Коломны, боярин Челяднин-Федоров?

Челяднин-Федоров. Хорошо, государь милостивый!

Иван. Боярин Челяднин-Федоров, знаешь ли, давно я мечтаю удалиться от мирской суеты в монастырскую келью. Бояре меня не почитают, и нынешние церковные иерархи не почитают, оттого решил отречься от престола в твою пользу.

Челяднин-Федоров. Есть ведь законный наследник, Иван Иванович. Или нет у него желания царствовать?

Иван. Есть у него давнее желание царствовать, однак боюсь, что недруги используют Ивана-сына для козней и интриг. Родные царевича, Захарьины-Романовы, да Шереметьевы и его придворные. Оттого восхотел поставить ему препону и нарек на великое княжение царя Симеона Бекбулатовича. Однак бояре его, касимовского, не хотят. Иное дело - ты. Ты умен, богат, бояре тебя любят. Ты, Иван Петрович Челяднин, один из первых бояр земщины. На Москве в отсутствие меня, царя, ты был первым боярином и судьей. Тебе ли не под стать мономахов трон, царское место?

Челяднин-Федоров. Государь милостивый, такое принять не могу. Не могу воспользоваться ссорой в царской семье. Ту ссору митрополит и святые отцы должны разрешить для блага России.

Дионисий. Я, митрополит и епископы, приложим все усилия, чтоб прекратить раздор в царской семье. Спор должен быть улажен семейными средствами.

Царевич Иван. Семейное средство у нас - то палка, которой меня батюшка часто колотит.

Иван. Вишь, старик, как меня за грехи мои сын мой Иван почитает? Колочу, что заподозрил тебя, родного сына, в измене. Оттого ставлю тебе препону. Боярин Челяднин-Федоров - Руси потребный, добрый государь. Пусть наконец на троне сидит разумный царь, не такой окаянный, как я. Гляди, как красив мономахов трон, царское место! *(Подходит, обнимает Челяднина-Федорова и подводит его к трону).* Милые мои, красив наш царский трон. На нем рельефные картины вырезаны о шапке и бармах Владимира Мономаха. Тут вся преемственность русских царей от Византийской империи. Писано на троне о том и картины величественны. Изображены конные воины со стягами и хоругвами, виды городов и крепостей с башнями и въездными воротами, многокупольные храмы с колоколами и шатровыми верхами, все рельефы позолочены, и фон расцвечен синими и красными красками. Ножья трона вырезаны в виде фигур фантастичных зверей, и также расписаны красками. Кокосник шатра над тронном украшен сочной виноградной лозой с плодами и листьями. И плетенка, целый букет цветов, и чаши в форме древних, и орнамент. Красиво как! Садись на сей трон Мономахов, старик. Давно ведь хочешь свергнуть меня с престола, так одевайся в царское одеяние! *(Снимает с себя корону и одевает ее на Челяднина).* Бармы бери!

Челяднин-Федоров. Всемогущий, пресветлый, милосердный государь!

Иван. Все то теперь твои титулы. Бери бармы!

Челяднин-Федоров. Государь милостивый, оклеветан!

Иван. Бери бармы, старик! Бармы есть необходимая принадлежность парадного одеяния царского. Вот - ныне ты царь, государь Всея Руси! Помилуй нас, батюшка, не прогневишь!

(Достаёт нож и вонзает в Челяднина-Федорова. Тот падает. Корона скатывается с головы к ногам царя. Всеобщее смятение).

Белеутов *(испуганно).* Уязвлен, уязвлен прямо в сердце!

Иван. Нет более на Руси царской власти! Вы, бояре, того хотели! *(Нервно ходит).* Вы считали меня за червя! За червя! За червя считали!

Бельский. Государь, за сопротивление рубить головы, за крамольные речи резать языки! Всякого казнить, кто против единства России!

Чудовский архиепископ Евфимий. Нельзя скреплять единство отечества безвинной кровью! Тому возрадуются лишь похлебники-маньяки, губители святорусской земли. Может ли допустить православная церковь пролитие крови! Так ли, митрополит Дионисий?

Дионисий. Ответ на царский гнев и даже несправедливость - кротость и смирение. Ибо ропот против царя есть ропот против Бога, а царская жестокость есть Божья кара нашим погрешениям. Государь,

я, иерарх православной русской церкви, скромно и смиренно дерзаю тебя просить о христианской милости к опальным.

Иван. Кого просишь? Нет более на Руси царя! *(Гневно)*. Как иудеям вместо креста нужно обрезание, так вам вместо царского владения нужно самовольство!

Дионисий. Государь, смени гнев на милость!

Иван. Его проси, он государь ваш! *(Указывает на Бекбулатовича)*. Саид Булат Бекбулатович, в крещении Симеон, садись на Мономахов трон, царское место!

Бекбулатович. Грозный, страшный, сильный и великий государь! Наш всесильный Иван Васильевич! Холоп твой Симеон, царь касимовский, пав на землю, премного челом бьет твоему пресветлому царскому пресветлому величеству. По твоему великому страшному приказу сяду, куда велишь! *(Садится на трон)*.

Иван. Возвожу на великое княжение Всея Руси служившего мне верой и правдой казанского царевича Симеона Бекбулатовича, внука последнего ордынского хана Ахмата Касимовского, царевича, женатого на дочери князя Мстиславского. Себе оставляю титулы князя московского, псковского, ростовского. Ты, Симеон, поселишься в Кремле!

Белеутов. Татарин въедет в царские хоромы! Спаси нас, Господи, и помилуй! *(Крестится)*.

Иван. Истинно так, в царские хоромы. Я же, прежний великий государь, переселяюсь на Арбат. Теперь буду ездить по Москве просто, как боярин. В кремлевском дворце устроюсь подале от великого князя, восседающего на великолепном троне, и смиренно буду выслушивать его укоры, и отказываюсь от своих титулов и почестей, и приказываю называть себя просто Иваном Московским. Иванец Московский с сынами Иванцем и Федцом. Пойдемте, сыны, на последнее место среди бояр. *(Садится с сыновьями позади всех)*. А по нужде подавать буду челобитную великому князю Всея Руси.

Царевич Федор. Батюшка, за что нас гонят?

Иван. За правду. Как сказал Христос, словно на разбойника, вышли на меня. Я верю Христу. Греха ни одним уголком сердца не совершил. Бог есть сердца моего зритель. Лишь когда начали выступать против меня, то и я начал жестче выступать против вас. Я на царском престоле вырос, вы же хотели власти - то берите ее, ежели сможете теперь у татарского хана взять. Хвастались, как дьявол: обошел землю и вся земля под ногами. Тогда Господь спросил дьявола: «А знаешь ли раба моего Иова?» Я есть Иов, Божий страдалец, ухожу прочь от вас, изменников проклятых! Отныне Русь - вдовствующее государство! *(Идет к выходу с сыновьями)*.

Бельский. Государь Иван Васильевич, спросить хочу.

Иван. Не государь, а князь московский Иванец.

Бельский. Прощения прошу, князь московский Иван Васильевич! Боярина Челяднина-Федорова куда девать? *(Указывает на труп)*.

Иван. Брось его, Бельский, у речки Неглинной в навозную яму. Да подай великому князю Всея Руси челобитную, чтоб умертвить его, Челяднина-Федорова, изменника, престарелую жену. *(Уходит в сопровождении сыновей)*.

Занавес

Сцена 79

Царские теремные палаты на Арбате.

Иван. По нижайшей челобитной моей и сопровителя моего, царевича Ивана Иваныча, к великому князю Всея Руси Симеону Бекбулатовичу, перебраны ли людишки да сделаны ли казни изменникам? Получены ли Думой списки последних казней?

Нагой. Получены, государь милостивый.

Иван. Говори мне: удельный князь Иванец Московский. Приказываю в который раз называть меня просто Иваном Московским. Я езжу на поклон к государю Всея Руси Симеону как простой боярин, в маленьком экипаже, в оглоблях, зимой в санях, как последний боярин в кремлевский дворец. Тут устраиваюсь подале от великого князя Всея Руси и переселился сюда, на Арбат, за Неглинную. Подаю челобитные великому князю да смиренно слушаю его указы. *(Ходит.)* Иванец Московский,

удельный князь, а с переходом в удел мне, князю Ивану Московскому, надобно боле обращаться к думе, чтоб наказать изменников. Свои указы я ныне пишу как челобитные на имя великого князя Всея Руси.

Бельский. Умно придумано, государь милостивый! Вот списки, которые ты просил, про казенных изменников. *(Подает списки.)*

Иван *(берет листки бумаги, читает)*. Слухи идут, что ныне не по закону делают. Все, что по закону было, по судебнику 1550-го года от Рождества Христова, боярской Думой принятому, да по летописям и архивам стародавние вины писать. *(Листает бумаги.)* Что за нестроение, Годунов, что за нестроение с бумагой? Многие бумаги погнили!

Годунов. Государь милостивый, ехали из Кремля на Арбат, то оттепель была, лубяные коробки измокли, а тут, на Арбате, приказная изба, где лежит архив, ветха, и углы обвалились, и кровля огнила и свалилась от оттепели и дождевой мокроты, и всякие твои, великого государя, дела помокли, и во время дождевания в избу войти нельзя. Также и печь развалилась, и ныне, во время зимнее, топить невозможно. А в сенях, государь, кровля погнила.

Нагой. И у нас, государь, в удельной посольской избе, и сени, и чулан, все ветхо, и ныне, зимнею порою, стряпчим сидеть невозможно от холоду. И по чуланам, и на короба течь великая. А опричь коробки с делами и грамоты поставить некуда.

Бельский. Часть архива и грамот, государь, можно в оружейный пороховой погреб, там сухо.

Иван. Вот, милые мои, что изменники сотворили! Изгнан от бояр из Кремля! Царские архивы, грамоты хранить негде! *(Ходит.)* В Старицу ехать надобно. Там, в Старице, главное свое дело сделаю.

Бельский. Государь милостивый, может, опять в Слободу поехать или в Вологду?

Иван. Нет, милые мои, излишне опричнину будет напоминать, а такое-то нам не надобно.

Бельский. Умно, государь милостивый. Чтob ту первую опричнину не напоминать, а вторая чтob выглядела уделом. Однако чтob вновь организованная армия как две капли воды походила на опричную, то поняли и уж постараямся, государь.

Иван. Взятые в удел дворяне чтob теряли свои поместья в земщине, а получали землю в моем удельном княжестве. Как новый удельный князь я, однако, желаю промолчать о размежевании великокняжеских и удельных земель. Нагой, чтob в грамотах того не было.

Нагой. Исполним, государь.

Иван. Я, князь Иван Московский, нарочно составлю свою челобитную так, чтob убедить подданных, будто речь идет не о новом разделе государства на земщину и опричнину, а о переделе моего двора и переборе людишек. Годунов, надобно составить новую челобитную к великому князю Всея Руси Симеону с просьбой, чтob тот милость показал, освободил людишек, перебрав бояр и дворян и детей дворянских и дворовых людишек, иных если бы освободил - отослать, а иных если освободил - принять.

Годунов. Исполним, государь.

Иван. Чтob я, Иванец Московский, мог принять в удел любого из подданных великого князя Симеона. Симеону же чтob запрещалось служилых людей из удела. *(Ходит.)* Накануне первой опричнины я, царь, покинул столицу, прежде чем отречься от престола. Ныне же я не захотел тотчас же покинуть Москву и заберу в удельную казну царскую корону и другие регалии. Нагой, указы на удел, чтob составлялись от имени меня, государя, князя Ивана Васильевича московского, псковского и ростовского, также соправителя моего Иван Иваныча.

Нагой. Так и составляем, государь.

Иван. К тем трем древним княжеским коронам я, Иван Иванец, присоединяю венцы двух удельных княжеств: Дмитриевского и Старицкого. Также и венцы Ржева и Зубцова. А сделать то надобно поскорей.

Нагой. Государь, месяц нам понадобится, чтob выстроить удельные владения и сделать в них новую удельную армию.

Иван. В удел чтob попала псковская земля, Ростов с уездом. Составь также указную грамоту на Двину, и взять в удел, весь Двинский уезд.

Годунов. Так составим, государь милостивый, удельный князь московский Иван Васильевич. Поборы с обширного Двинского уезда составляем по требованию тебя, государя.

Иван. Я ныне - князь Иван Васильевич московский, псковский и ростовский и иных княжеств. Всего я сохранил за собой семь титулов и венцов. Кроме перечисленных - князь Старицкий, князь

Дмитревский, Псков, Ростов - то новая опричнина. А старую опричнину, что Басманов придумал, позже сам изменивший, ныне пускать не хочу. Стольный град мой ныне - Старица, не Александровская слобода. Стану, милые мои, как бы старицким князем вместо брата моего Владимира Старицкого, желавшего вместо меня на трон, за то казненного. *(Ходит.)* Там, в Старице, близ Новгорода, безопаснее будет ныне, чем в Москве. Зубцов и Ржев также чтоб скорей в уделе были.

Годунов. Сделаем, государь.

Бельский. Государь милостивый, сделаем поскорей армию удела.

Иван. Та армия должна стать надежной опорой моей, Иванца Московского, али Старицкого. Также содержим ее на поборы.

Годунов. Государь милостивый, на один лишь удел содержать сможем ли? В уделе разорение от прошлых погромов, также и военное разорение. Три четверти пашни лежат в пусте, не обрабатываются. Как ездил я по тем местам, то видел: то там, то там двор помещиков пуст, развалился. Был двор помещика, а ныне нет. От двора не осталось и следа.

Иван. Перебором людишек прежде прочего очистим наш двор и удел от людишек, связанных с ненадежными лицами. Пишите челобитную, которую подам великому князю. *(Ходит, диктует.)* Чтоб милость показал, пишите: Освободи людишек. Иных освободить отослати, а иных освободить принять. *(Ходит, диктует.)* Да прикажи, государь милостивый, укажи свой, государя, указ, как нам своих мелких людишек держать. Написать, что я, Иванец Московский, предписываю великому князю не принимать служилых, которые отойдут от удела. Сам же чтоб я сохранил право принять любого из подданных великого князя. *(Ходит.)* А которых людишек примешь ты милость показать, вотчинщику от меня велел, как прежде велось, то удельных князей, а из поместичек их и хлебушка, и денежки всякой, и рухлядишку пожаловал бы, велел бы подати. *(Ходит. Подъячий пишет.)* Людишек их велел бы выпустити.

Годунов. Государь, то писать про прежнюю опричную служилую мелкоту?

Иван. Нет, старой опричины пускать не хочу, наберем новой. Я, князь московский, не хочу пускать в удел служилую мелкоту, сидящую в бывших опричных уездах и некогда составлявших опричное войско. Более им, прежним опричникам, я не верю. Управление уделом чтобы составляла удельная дума во главе с Нагим, Годуновым и Бельским. Ты, Афанасий Нагой, оказал мне, царю, важные услуги, будучи послом в Крыму, разоблачил измену бояр в пользу крымского хана, будь и далее мне верен.

Нагой. Потщимся, государь милостивый! Государь милостивый, введи также в удельную думу и брата моего Федца.

Иван. И его введу, пожалуй ему чин окольного как отцу невесты моей, а твоей, Афанасий, племянницы Марии Нагой. Ты, Нагой, главная фигура в моей удельной думе.

Нагой. Мы, Нагие, уж постоим за тебя, государь!

Иван. Также и ты, Борис Годунов, зять Малюты да племянник постельничего царского Дмитрия Годунова! За преданность ты получил боярский чин, не полагающийся тебе по худому родству.

Годунов *(берет себя руками за ворот.)*. Как ключник, кравчий и казначей твой, государь, блюсти тебя буду пуще жизни своей.

Иван. Особо, Годунов блюди как кравчий. Кравчий - должность важная. Кравчий за государевым столом ставит кушанья перед государем, приняв их от стольников, и сам отведав с каждого блюда. Также и питье из кувшина. А ведь две жены мои, царицы Анастасия Романова и Мария Темрюковна, опоены были изменниками ядом. Также и меня хотели. Вначале кравчий был опричник Федор Басманов, прежний мой любимец, который за измену наказан вместе с отцом его Алексеем. Ты ж, Годунов, блюди!

Годунов. Блюду и блюсти буду, государь милостивый!

Иван. Ты, Годунов, худороден и потому успехами своими обязан не столько породе, сколько любви моей, государя, к твоей, Годунова, семье. Оттого и женитьба сына моего, царевича Федора, на сестре твоей Ирине Федоровне Годуновой состоится. Выбрав для сына жену в вашей, Годунов, семье, я, государь, ввел ту вашу семью во дворец.

Годунов. Государь милостивый, Бог добр, помог нам, Годуновым. Стремиться будем быть благодарными и Богу, и тебе, государю, и верными, и благочестивыми, и нищелюбивыми. Аки золотой сосуд наполнен доброго и чистого бисера, так и я буду к тебе, государь мой. *(Кланяется.)*

Иван. И ты, Богдан Яковлевич Бельский, племянник Малюты Скуратова и свояк Бориса Годунова, стал моим оружничим, также показал свою преданность на поприще сыска.

Бельский. Милостивый государь, изменников казнить будем без пощады. Позволь же зачитать список казненных изменников.

Иван. Читай.

Бельский (*берет бумаги*). Князя Тулуповы, князь Борис, князь Андрей, князь Владимир, князь Никита Тулупов, князь Михайло Плещеев, Василий Умной, Алексей Умной, Федор Старый, Арина Мансурова, Яков Мансуров...

Иван. Все они служили в опричнине, а затем перешли во двор мой царский. Брал я на дворовую службу лишь особо доверенных людей, однако, вишь, дьявол сильней святых. Князь Борис Тулупов до тебя, Бельский, моим оружничим был и возил мой царский самопал, также вошел в ближний царский мой совет. Василий Умной первоначально Малюту заменил, продолжал розыск боярских измен и пожалован был в дворовые бояре. Однако ж вижу, милые мои, сперва почались распри, раскололся и двор, а затем и измены.

Годунов. Мы, государь, твоя удельная дума, более измен не допустим.

Иван. После казни Бориса Тулупова его старицкая вотчина досталась тебе, Борис Годунов.

Годунов. Как был князь Борис у тебя, государя, фаворитом, то множество оскорблений перенес я от него. Затеял он со мной тяжбу, желая разорить, да прочее.

Иван. Что ж ты, Годунов, не донес? Знаешь ведь, имущество опальника делит казна и доносчик!

Годунов. Не желал, государь, чтоб про то оскорбление знал кто-либо опричь Бога. Ныне же обидчик Божьим велением угодил на кол, полностью оплатив счет за обиду. Имущество, вотчину, отдал бы в монастырь, да ты, государь, не велишь.

Иван. Монастыри и так уж от богатства отяжелели, ибо изменники им имущество отдают, от казны пряча. Читай дале, Бельский.

Бельский. Из вельможных изменников казнены: князь Петр Куракин, Иона Батурлин с сыном и дочерью, Дмитрий Борисов, Никита Борисов, Василий Борисов, Дружина Владимиров, князь Данила Друцкий. Также казнены Иосиф Ильин и подьячих три человека, простых пять человек крестьян, которые господам в сношениях с изменникам пособляли.

Иван. Боярин князь Петр Куракин - давний изменник. Он случаем уцелел при первой опричнине. Брата его Ивана заточили тогда в монастырь, а сам был в ссылке в Казани десять лет, а вернули в Москву, чтоб поставить на эшафот. Бояре Иван Батурлин, окольниковый Борисов - то иные люди. В опричную думу сели в конце опричнины, после опричнины сбросили черные опричные одеяния и пошли в земскую думу. Однако, вишь, вредили тайно. Также и князь Данила Друцкий, дьяк Дружина Владимиров, Иосиф Ильин из опричнины перешли в земство и возглавили там приказы. Ныне же все казнены через месяц после моего отречения. Разом казнены прежние изменники и новые из бывших опричников.

Бельский. Государь, тут список казненных изменников из духовных. (*Берет список*.) Протопоп архангельского собора Иван. Его посадили в воду, сиречь утопили. Вместе с ним казнены архимандрит Ефимий, архимандрит Иосиф Симоновский.

Иван. В Чудовском монастыре сидел Левский, тогда святое соблюдалось. Однако дряхлый Левский передал тиру Леониду, тот - Ефимию, отъехал в Новгород.

Бельский. Государь милостивый, архимандрит Леонид тут дожидается.

Иван (*недовольно*). Чего он дожидается?

Бельский. Просил привести его к тебе просить о помиловании.

Иван (*сердито*). Ныне не я государь! Много государя хотели, то имеют татарина. Не хотели меня, то воистину для них призрак ненавистной татарщины ныне на Руси.

Бельский. Пускать Леонида, государь?

Иван. Хай идет, пес изменный. Суд приговорил изменника к смертной казни, я, царь, его помиловал, заменил смертную казнь вечным заточением, да и то он недоволен. (*Вводят Леонида*.) Что, владыка, недоволен, что заменил тебе казнь заточением, посадив тебя, владыка, в погреб?

Леонид (*падает на колени*). Помилуй, государь, служил верой и правдой, ныне посажен в погреб, на хлеб и воду, отчего помру. (*Плачет*.)

Иван. А ты чего хотел за измену? Икры луконной али жареных журавлей? (*Смех*.)

Бельский. Государь, на суде обвинен, что занимался колдовством и содержал в Новгороде ведьм. После суда ведьм сожгли - пятнадцать жен ведунь, волхвиц.

Иван (*гневно*). Колдовал против меня, владыко? Так я, царь, оборву на тебе сам одежду твою. (*Рвет на Леониде рясу.*) Бельский, изменника, колдуна, медведно обшив, сиречь зашить в медвежью шкуру, собаками затравить. Не хотел в погребке сидеть, так медведем пошлю.

Бельский. Исполним, государь, поскольку Леонида суд осудил как государственного преступника и еретика. (*Леонида уволакивают.*)

Иван. Разве то духовные? То враги Божьи. (*Ходит.*) Уж давно опасуюсь враждебности влиятельных церковных кругов ко мне, государю. Они измены покрывают.

Бельский. Надобно завести дело, государь, также и на крутицкого владыку Тирасия. Да и сам митрополит Дионисий не чист, о том доносят.

Иван. Повсюду измены. Страх всеобщей измены преследует меня как кошмар. Леонида травить собаками, потом удавить у Успенского собора. Он главный заговорщик. Али кто главный заговорщик?

Бельский. Государь, главный заговорщик - Иван Батурлин. Вместе с опальным палач обезглавил его сына и дочь. Сынов других опальных тобой, государем, велено было пощадить. О том ходатайствовали митрополит и боярин князь Мстиславский.

Иван. Руби и иных! Те ходатаи сами казни достойны! Мстиславский на сей раз избежал смерти, однак его измена навлекла многие казни. Потому велю бросить головы казненных под окна Мстиславского. Я, московский князь Иван, велю головы казненных бояр, дьяков и духовных лиц по дворам бросать. Мстиславскому, митрополиту Дионисию, боярину меньшему Шереметьеву, думному дьяку Щелканову и прочим правителям-земцам.

Бельский. Умно придумано, государь. Исполним, государь.

Иван. Дядю наследника, Никиту Романова, велел я ограбить.

Бельский. Исполнено, государь. При расследовании дела о заговоре в пользу наследника, как ты, государь, велел, ограблен боярин Никита Романов. На подворье посланы двести стрельцов и ограбили, забрав все оружие, лошадей, утварь, товары на 40 тысяч фунтов. Отняты, как ты, государь, велел, и все земли.

Иван. Так-то, любимый дядюшка наследника, так-то твое заступничество! (*Смех.*) Так-то, изменники, покатались по дворам боярским их отрубленные боярские головы! (*Смех.*)

Нагой. Государь милостивый, приехал английский посланник Антоний Дженкинсон с иными англичанами.

Иван. Да, я велел вызвать английского посла, чтоб сообщить ему о княжении Симеона. Хай идут англичане. (*Входят англичане.*)

Дженкинсон. Ради милосердия, Бога нашего, поклон царю и великому князю Ивану Васильевичу от королев английской, французской, ирландской, шотландской и иных.

Иван (*приветливо*). Рад видеть тебя, Антоний! (*Обнимает Дженкинсона.*) Однак пригласил тебя, английского посла, не в Кремль, а в свою новую резиденцию за Неглинной для разъяснений. Хочу напомнить тебе о переговорах по поводу политического убежища для меня. Ныне же, видишь, отрекся. Причиной сих переговоров было верное предвидение нами изменчивого и опасного положения государей и того, что оные наравне с низжайшими людьми подвержены переворотам.

Дженкинсон. Слухи о твоём, государь, отречении правдивы?

Иван. Правдивы. Сан передал Симеону. Повод к тому были преступления и злокозненные поступки подданных, которые ропщут и противятся нам за требование верноподданнического повиновения и устроят измены против особы нашей.

Дженкинсон. О противоречии между вельможами и царем нам в Англии известно. В Англии, также во всей Европе, весьма обеспокоены многочисленными казнями.

Иван. Не я, а новый государь Симеон лишил жизни многих бояр и дворян. Который уж раз составили заговор на мою жизнь. Я, московский князь, лишь о том ходатайствовал, и на тех новый государь великий князь Симеон взъярился, казнил на площади под колоколы.

Дженкинсон. Сие означает, что отныне я, посол английской королевы, по всякому поводу должен обращаться не к тебе, а к государю Симеону, и грамоты королева должна писать на него?

Иван. Нет, Антоний. Пошутили, и будет. То я, князь Иван Московский, казнил бояр за отказ верноподданнического повиновения мне. Симеон лишь подписал приговоры. Потому опасуюсь, как

бы ты, посол, не принял всерьез мое отречение. Я заявить хочу: передал сам в руки чужестранца, несколько не родственного ни мне, ни моей земле, ни моему престолу. Служилый татарин призван потому сыграть главную роль в затеянном мной, что не имеет решительно никаких прав на русский престол.

Дженкинсон. Ты хочешь сказать, что князь Симеон на твоём троне просто кукла? Я же слышал, что Симеон чуть ли не будет коронован?

Иван. То истинно говорил, однако ныне в разговоре с тобой хочу опровергнуть свои слова. Это дело нерешенное, хочу указать на семь венцов и другие знаки царского достоинства, оставшиеся у меня. Посмотри же! Семь венцов еще в нашем ведении, со скипетром и остальными царскими украшениями.

Нагой. Видишь ведь, в каких регалиях предстал пред тобой, английским послом, развенчанный великий государь!

Годунов. Он в царской короне и других регалиях!

Бельский. Он для нас великий государь был и есть!

Иван. Мое новое удельное правительство - Нагой, Годунов и Бельский. С сим триумvirатом в случае чего и снось. И Симеон Бекбулатович именуется государем Всея Руси, и я, князь московский, расточаю своему двойнику знаки глубокого почтения, обращаюсь к нему с просьбами, как всякий из подданных, выхожу из саней, не доезжая до кремлевского дворца, где главой - новый государь. Однако, нечего и говорить о том, что я вовсе не думаю передавать своему заместителю что-нибудь, кроме внешних знаков власти.

Дженкинсон. Государь, каким бы тайным побуждением ни диктовалась эта комедия, она была бы рискованна в Англии и всяком другом государстве, где есть закон.

Нагой. У нас на Руси истинному православному государю, Божьему помазаннику, суждено изведать всю меру безграничной власти над православным народом, воспитанным в духе терпения и беспредельной покорности. Бунтуют же с изменой вельможи.

Годунов. Татарского князя короновали великокняжеской короной не по чину царского венчания.

Иван. Я его посадил своим изволением, короновал без согласия боярской думы.

Бельский. Отмена церемонии присяги новому государю боярской думой делает акт коронации незаконным. Симеон занял царский трон без царского титула. Он лишь великий князь Всея Руси.

Иван. Хоть и возвели Симеона в царское достоинство, и тем обязали и себя и других, однако то дело еще не окончательно, и мы не настолько отказались от царства, чтоб нам нельзя было, когда будет угодно, вновь принять сан. И еще поступим как Бог нас наставит, потому что он, Симеон, еще не утвержден образом венчания и назначен не по народному избранию, а лишь по нашему соизволению. Законных прав не имеет он, чуждый нашему престолу. После отречения моего царство останется без царя.

Годунов. Он, князь Симеон, назначен правителем земщины без права распоряжаться государственной казной.

Бельский. Казанское царство также ему неподвластно.

Иван. Князь Симеон Бекбулатович принял православие и женился на дочери моего боярина Мстиславского. Из-за того он не может быть царем в Касимове, где преобладают магометане. И требуют себе царя одной с ними веры. В Москве же нет более места из-за вельможных измен для меня, царя, хотя бы и лишённого трона. Потому решил уступить зятю боярина Мстиславского, крещеному татарину, свой престол и титул и привел к кресту. Пусть вельможи теперь целуют крест татарину! Тем хочу воскресить призрак ненавистной татарщины, при которой великой княжеской властью распоряжался хан, и подручный московский князь приносил ему челобитные. Сделаю татарина началом для бунтующих подданных, чтоб не дать ему возможность утвердиться на троне. Обо всем том отпиши королеве Елизавете.

Дженкинсон. Так и сделаю, государь.

Иван. Отпиши, что церемония передачи власти носила двусмысленный характер. Царь посадил его на престол своим изволением.

Дженкинсон. Так и напишу в грамоте: царь передал венец Симеону и короновал его без согласия боярской думы.

Нагой. Отмена церемонии присяги новому государю в боярской думе лишает так коронацию законной силы.

Дженкинсон. Так и напишу. Все же дела государственные и торговые по-прежнему иметь с тобой, так я понял?

Иван. Ты верно понял, Антоний. О том отпиши сестре моей Елизавете. Как здоровье сестры моей Елизаветы?

Дженкинсон. Королева здорова. Здоров ли государь с государыней? И мать государя здорова ли?

Иван. Я здоров, и невеста моя, будущая государыня Марья Нагая здорова. А мать моя, благородная великая княгиня Елена, преставилась уж лет сорок тому.

Дженкинсон. Прошу прощения, запамятовал. Хочу указать тебе: Джером Боус - новый посол королевы, и Ральф Иванов, он же Рольф Рюттер, купец и переводчик. Также вместо Бромлеуса королева Елизавета прислала тебе, царю, лекаря, которого она сама очень ценит.

Иван. Лекарь мне весьма нужен, ибо Бромлей, который был моим любимцем, медиком и астрологом, изменил мне, за что наказан. Служи мне верно, лекарь, будешь доволен. У нас в России любят добрых лекарей.

Лекарь. Государь, уж постараюсь. Зовут меня Джек Робертс, но по-русски зовите меня Роман Елизаров. Со мной приехало немало цирюльников и аптекарей.

Боус. Государь, Бромлеус известен нашим купеческим компаниям. Мы видели, как полуживого доктора везли с пыточного двора в тюрьму.

Дженкинсон. Бромлеус - не английский подданный. Он родом из Везеля в Вестфалии, хоть и изучал медицину в Кембридже. Но его жена, Анна Ричардс, англичанка, подала о нем ходатайство. *(Передает ходатайство.)*

Иван *(смотрит ходатайство)*. Он много доброго сделал и во многом помог, открыв мои взоры на Англию, также и на сестру мою, королеву Елизавету. Однако затем он начал интриги, хоть самому ему не пришлось присутствовать при развитии тех интриг. Он был вовлечен в заговор. Зависть и злоба, возбужденные во многих, помогли установить его вину, причем он оговорил многих. Он погиб в ужаснейших пытках. Точнее, пораженный изменой любимца, я, царь, велел зажарить его на огромном вертеле.

Боус. Государь русский царь, в английском парламенте, также при дворе Ее величества королевы Елизаветы, весьма обеспокоены казнями и репрессиями, даже против близких тебе, царю, людей. Дом родственников наследнику вельмож Романовых на Варварке, возле дома нашей английской компании, разорен. Мы видели его ограбление государственными людьми. На следующий день Романовы послали к нам слугу с просьбой о помощи. Они попросили дать им ложки к обеду, ибо у них отняли все столовое серебро.

Иван *(недовольно)*. Многие вельможи изменили мне. То стало поводом для моего отречения. Однак к иным, как к Романовым, относились мы мягко. *(Нервно ходит.)* А разве английские сестры и братья мои по коленству не казнили и не казнят изменников? Я весьма ценю английского короля Генриха VIII за его конфискацию монастырских и церковных земель в казну. То же и мы будем делать при новом правителе, великом князе Симеоне. Однако вспомните Генриха VIII, его казни, его виселицы! Странно слышать о нашем наказании виновных от Елизаветы, дочери короля Генриха VIII! *(Ходит.)* Мы делаем все по нашим законам. Что сказано в законах, Бельский?

Бельский. Изменникам и иным людям - четвертование, колесование, обезглавливание, повешение, утопление в воде, сожжение, пытки - дыба и кнут, прожигание раскаленным железом или углями, тиски да иное.

Боус. Мы в Англии считаем такое законодательство в наш просвещенный XVI век варварством.

Иван *(сердито)*. Варварством? Я изучал английское законодательство. В английском законодательстве смертной казнью карается более двухсот различных проступков - от государственного преступления до кражи кролика, похищения чего-либо на сумму, превышающую 40 шиллингов и шесть пенсов. У нас, в отличие от английских законов, за первое преступление человека нельзя повесить!

Дженкинсон. Но можно держать, государь, в тюрьме, часто бить, пока друзья за большие взятки не возьмут на поруки. Ежели не дашь взятку, то даже за мелкое преступление нещадно бьют на торгу. Я слышал, государь, многие жалобы от твоих служилых людей.

Иван. То мне, Антоний, ведомо. Надобно о взяточничестве и волокитстве, кто бы то ни делал, писать челобитную государю великому, князю Всея Руси Симеону. Напиши о том, Годунов!

Годунов. Исполним, государь.

Иван. Также в той челобитной укажи мою просьбу к великому князю дополнить судебный закон о смертной казни: еретиков, чародеев сжигать в клетке сруба, также по этому наличению лихих дел добавить смертную казнь за изменническую сдачу города, городской сдавец и подпаску, порчу межевых знаков, чтоб не отнимали земли. Мошеничество к татьбе приравнять.

Годунов. Исполним, государь.

Иван. По судебнику отца моего, великого князя Василия III, лихие дела: крамола, государственная измена, бунт, государственное убийство господина, сжигательство, поджог с целью татьбы или вызова беспорядка, разбой, открытое одиночное или групповое нападение для грабежа, душегубство, ябедничество, кража церковного имущества, головная татьба, воровство, сопровождающееся убийством - все то карается смертью по закону. Оттого упреки из Европы о нашем беззаконии лживы. Знаю о иных дурных делах моих приказных. Но и в английском суде специально законники заинтересованы в запутывании и затягивании судебного процесса ради личной выгоды. А наказание изменников в Англии да прочей Европе весьма жестоко. Ежели у нас приговаривают к смерти знатных, то потому, что они замешаны в заговорах или иных преступлениях. Бельский, надобно обнародовать по каждому приговору причины казни, чтоб иноземцы о том знали.

Бельский. Исполним, государь.

Иван. К примеру, князь Куракин был найден пьяным, будучи воеводой в Ведене, далеком городе в Ливонии, когда король Стефан осадил его.

Боус. Государь, хоть иные английские купцы извлекли выгоды из нарвского плаванья, все ж многие в Англии считают русские захваты в Ливонии, чужой стране, несправедливыми.

Иван. Несправедливыми? А разве Англия не воевала во Франции? И по сей день у английской королевы при перечислении титулов указывается чужая держава - Франция.

Дженкинсон. Упоминание Франции в титуле английской королевы делается более для формы со времен Столетней войны.

Иван (сердито). Ливония - наша вотчина. То, что делали мы, начиная с деда нашего, государя Ивана III, делалось и в Европе.

Ральф Иванов (примирительно). Государь, поговорим о делах более веселых. Слышали мы, что наши конкуренты - голландцы и Ганза - щедрыми подарками пытаются приобрести сторонников среди твоих приближенных. Мы привезли подарки тебе, государь. Государь, ваше величество, прими в знак уважения и благодарности наши английские подарки. На таможне для тебя 120 галлонов английского пива, царице твоей - шелковы ткани, кружева, ленты, для детей твоих - пряности, сушеные и вяленые фрукты.

Иван. Годунов, пусть дяки все записывают, чтоб при отпуске послов одарить их равноценными подарками.

Годунов. Все пишем, государь.

Иван. Сестре моей, королеве, пришло на подворье много мехов. Королеве - пять дюжин кунных шкурок.

Дженкинсон. Государь, от меня прими также в подарок новый английский мушкет. *(Берет мушкет и передает царю.)*

Иван (берет мушкет). Добрый мушкет. Нагой, надобно в Англии нам домогаться доставки образцов ружей и пистолетов для их рассмотрения. Передай послу Писемскому в Лондон, пусть образцы добудут.

Нагой. Исполним, государь.

Дженкинсон. Хороший мушкет, государь, имеет в Англии не одно лишь военное, но и политическое значение. С тех пор, как арбалет заменен мушкетом, английское дворянство уже не первенствует в военном деле. Легкая английская пехота имеет успех в сражении против тяжелой конницы с тех пор, как появилось в войсках огнестрельное оружие. Хороший английский мушкет укрепил монархию. Мушкет ослабил в Англии влияние военных рыцарей и соперничество английским монархам со стороны вельмож.

Иван. То для нас важный пример. Англия издавна для нас пример. У нас на Руси самодержавие и народ всегда жили в мире и согласии, но вельможное боярство мешало и мешает такому согласию. Так же, мыслю, и в Англии. *(Ходит.)* Самодержавие и народ - вот чем жива нация. Вельможи делают свое, не национальное. Ведь и в Англии так!

Дженкинсон. После войны Алой и Белой Розы число больших родов сократилось. У уцелевших родовых династий король Генрих VIII по закону отнял право держать свое войско. Со времени короля Генриха VIII монархи наши все более склонны мировую политику свою вверять наемным войскам для решения на поле брани своих несогласий с соперником.

Иван. Так и у нас было опричное войско из верных слуг царевых неподобранных. Ибо главную недружбу монарху богатые рода создают. Ныне вновь подбираем удельное войско верных слуг. Знаю, что среди иностранцев имеются такие, что смотрят на меня как на преступное чудовище. В Европе говорят про наши казни, а не хотят понять, что все то, что именуется жестокостью, есть жест ужаса и отчаяния царя! Меня, царя, изменники хотели, связавши, выдать на поле брани польскому королю! С тех пор начал задумываться о спасении династии. В Англии при обвинении того или иного вельможи в дурном управлении, а тем паче в измене, каково наказание?

Дженкинсон. Суд верхней палаты парламента ходатайствует о наказании перед королевской властью. Так, при короле Генрихе VIII был казнен канцлер Томас Мор, прежде королем любимый, за сочинение утопии, угодной католической церкви в противовес нашей английской национальной церкви. Во времена господства в Англии католичества, при королеве Марии Испанской и ее муже короле Филиппе, власть была не так сильна. Многие управлялось из Рима. Но после Реформации английская национальная церковь - опора престола. Король Яков I так сказал: «No bishop - no King» - без английского епископа не было бы короля.

Иван. Вот где образец для нас: истинная национальная православная церковь!

Боус. Государь, но ведь ты казнишь также и духовных! По сведениям, ты казнил митрополита Филиппа!

Иван. То стало неизбежным из-за вмешательства его в политику на стороне изменников. Прежде, при отце моем, митрополите Макарии, церковь стояла со мной заодно против вельмож. Со смертью отца моего, митрополита Макария, церковь наша восшаталась. Также боярская дума - издавна враг царской власти. По выведении измен, мыслю переделать боярскую думу в земский собор на манер английского парламента. Чтоб в нижней палате сидели от всех сословий - дворяне, купцы, посадские и даже крестьяне. Годунов, надо бы заготовить такой прожект! Иные именуют меня англоманом. Да, милые мои, я люблю Англию и во многом желал бы ей подражать для блага России. Издавна я был сильно поражен величием и гением английской нации. Судить о том могу, благодаря связям с английскими гостями и чтению книг. Много читал об Англии и читаю ныне. Велел перевести все хроники царствования английских королей: короля Иоанна, короля Ричарда II, Генриха IV, V - и до Генриха VIII, отца нынешней королевы Елизаветы. Из хроник тех вижу, как множество бед случалось прежде и может случиться с нашими монархами. Потому хотел бы заключения тайного договора о праве временного убежища тому из договаривающихся монархов, с кем случится беда, ибо меня удручает сознание своего одиночества при постоянной борьбе с внешними и внутренними врагами. И вот в уме моем родилась идея, которая не покинет меня до самой смерти. Я мечтаю о приобретении для борьбы с внешним врагом, с их армиями и флотом и богатством, сильной союзницы, торговля, морские силы и кредит которой начали уж покорять мир. *(Ходит.)* Недурно было бы против своих внутренних врагов иметь сильную поддержку, а для себя - приют.

Дженкинсон. О том, государь, я уж подробно извещал королеву, извещу еще.

Иван. Иной раз в своем воображении я уж вижу себя в изгнании, но, благодаря поддержке сильной союзницы, я сам назначу час своего победоносного возвращения. *(Ходит.)* Милые мои, может быть, вся комедия с татарским царем затеяна мной из-за моих отношений с Англией! Я ищу союза с королевой Елизаветой, чтоб обеспечить себе тайное посещение. Я даже готов отправиться за море, посетить Англию и заручиться согласием королевы на случай убежища. Для роли временного правителя, который мог бы заменить меня, царя, в моем отсутствии, Симеон наиболее подходит. Оставив его в Москве, я не рискую найти свой трон действительно занятым новым государем, ибо Симеон - совершенно ничтожная личность, человек слабый и заурядный, и я делаю с назначенным ханом все, что хочу. Сначала посадил его на царство в Касимове, потом свел его с мусульманского удельного княжества, женил на овдовевшей дочери князя Мстиславского... Оттого я смело могу отправиться в Англию для личного укрепления нашего союза. Нам нужна английская помощь военным снаряжением, также английский флот для борьбы за балтийское побережье.

Боус. Государь, Англия готовится к борьбе с католической Европой, и оттого нас тревожит слух об обращении твоём, государь, к Папе и католическим Габсбургам для посредничества в Ливонской войне.

Иван. То не более чем дипломатия. Нагой, надобно направить Писемскому грамоту о заключении оборонительно-наступательного союза с Англией, оказании взаимной помощи войсками или казной против всех недругов, просить правительство способствовать набору в Англии ратных людей, английских стрелков, матросов для царской службы и для организации поставок в Россию вооружений, пороха и военных материалов. Мы хотим пригласить из Англии поболее мастеров, которые умели бы строить корабли и управлять ими. Антон, с пристрастием хочу тебя спросить о впечатлении, которое произвели на тебя русские суда и барки на верфях в Вологде! Они строятся под моим, царя, личным контролем.

Дженкинсон. Государь, я вместе с другими любовался на удивительную красоту, величие и отделку барок, украшенных изображением львов, драконов, орлов, единорогов, слонов, богато расписанных золотом и серебром и яркой живописью.

Иван. Я, царь, весьма доволен. Хорошо, кажется, ты их высмотрел. Сколько их?

Дженкинсон. Я видел не более двадцати.

Иван. Вскорости увидишь сорок, и не хуже этих. Велю тебе сделать письменное описание кораблей английского флота и представить модели кораблей. Для стройки у нас все есть. В Устье железодетельная руда, чтоб строить устужные струги, в Казани, Нижнем Новгороде, Астрахани, Калуге делаем железные скобы, большие судовые гвозди, да многое иное прочее. Верфей у нас вдоволь. И монастыри имеют свои небольшие верфи. Кирилло-Белозерский заказывает у кузнецов судовые буровы, тысячу штук судовых скоб для себя и иных. Также и Соловецкий монастырь. Думаю, мы быстро сможем сделать хороший флот.

Дженкинсон. Достигнуть быстрого роста русского флота тебе будет нетрудно при нашей английской помощи. Во-первых, изобилие корабельного леса в России, железа для якорей и различных материалов для снастей и парусов, сала, дегтя и иного. Во-вторых, твоя страна изобилует населением, и ты легко наберешь людей для экипажа. Русские - крепкие, сильные, отважные, наверно, будут отличными мореходами.

Иван. Давно думаю завести я флот. Надо, чтоб английская королева позволила приезжать в Россию людям, знающим кораблестроение и мореплавание. Я велел послу своему взять письменно на бумаге описание королевского флота, образец английского корабля со всеми снастями, распущенными парусами, флагом, раззолоченными орудиями. Модель из Лондона. Сам же я намерен читать корабельникам лекцию о магните, поскольку изучал магнитные свойства, говорить о свойствах магнита, без которого нельзя было бы плавать по морям, окружающим мир, и знать положение вокруг земли. В сием научном деле нам особо потребна английская помощь.

Боус. Однако, государь, в нашем парламенте есть немало таких, которые говорят, что опаснее всего доставить москвитам опытных кораблестроителей, знающих морское дело и искусных в сооружении гаваней и портов, бастионов и крепостей, а также оружейных мастеров. Имея обилие денег, ты легко найдешь людей, которым хорошо знакомо Балтийское море, его течения, гавани и прочее. Видно, как ты стремишься стать господином Балтики, а сношения с Англией придадут тебе еще больше мужества. Вместе с тем, в Англии, как и во всей Европе, опасаются решительной и настойчивой захватнической русской политики.

Иван (недовольно). Слухи о русских захватах распространяются Польшей, которая вторглась в Ливонию, нашу вотчину. Польша сама стремится к захватам. А не дадите нам помощь - то и сами управимся. Хорош английский мушкет, а наш русский - хуже ли? С тех пор, как в Европе стали заменять арбалет мушкетом, фитильным замком, и у нас есть казенные пищальники, умелые и набираемые по городам. Так ли, Бельский?

Бельский. Истинно так, государь. Вот тульский мушкет, самопал с фитильным замком. *(Подает мушкет.)* Тлеющий фитиль скрыт от противника в ночное время и от сырости в фитильной трубке, порох в костяной али деревянной пороховицах. Лучше, государь, европейского. Ежели в Европе ружейный курок с фитилем при выстреле движется от дула к казне, то у нас, русских, от казны к дулу, что более удобно для стрелка.

Иван. Так-то, господа, делают наши тульские самопальные мастера. Я домогался и домогаюсь доставки из Англии новых образцов ружей и пистолетов, да все привезенные внимательно рассматриваю. Однако, ежели не привезете, то сами сделаем. Пистолет уж не редкость в России. Покажь-ка.

Бельский (*подает пистолет*). Государь, пистолет то немецкий, пистолеты в Туле не делаем, все они немецкие.

Иван. Что ж не делаете? Надобно начать.

Бельский. Государь, пистолет имеет кольцовый замок, ненадежный, часто дает осечку. Убойная сила мала.

Нагой. Государь, пистолет - то немецкое, не русское оружие. Уж кистенек лучше!

Годунов. Али дубина! Русский человек и кулаком сильнее сделает. (*Смех.*)

Иван. У нас есть своя артиллерия, однак мы хотели получить и английскую артиллерию, огненные и стенобитные снаряды. А описания в Англии ложны. Наше появление в восточной Прибалтике не означает с Англией близкого соседства, а одну лишь выгоду и дружбу. За английское обещание возить через Архангельск мануфактуру и военное снаряжение мы дали вам право пользоваться северным морским путем, право беспошлинной торговли по всему Московскому государству, право свободного выезда и въезда, право свободного провоза по волжскому пути в Индию и Персию.

Дженкинсон. Я воспользовался этим правом, и казанские татары меня едва не потопили. Как ехали мы с товаром водой, на нас татары напали для грабежу. Пришлось нашим людям так поиграть мушкетами, что татары разбежались. Битва длилась два часа.

Иван. Отчего ж, Антоний, ты рискуешь жизнью, ведь ты - посол королевы?

Дженкинсон. Заработок потребен, государь. За службу послом и в московской компании получаю 40 фунтов стерлингов жалованья.

Иван. Ты заслуживаешь большего. Поступай ко мне на службу - будешь богат.

Дженкинсон. Нет, государь, слишком долго не могу сидеть на одном месте. Я объездил почти всю Европу, а также берега Африки и Азии. Высадившись в России, долго присматривался к вашей русской жизни в Холмогорах, Вологде и в Москве, ездил в Астрахань, впервые поднял наш английский флаг на волнах Каспийского моря. Теперь хочу через Туркестанские степи в Бухару, а если будет возможность - дальше, в самый Китай.

Иван. Мне будет жаль расстаться с тобой. Узнав тебя ближе, я не хотел бы иметь ни с кем другим дела, кроме тебя. Вот, милые мои, у кого нам, русским, надобно учиться. Антоний Дженкинсон - то образец расы, о которой пишут и которую называют businessman, сей расе Англия обязана нынешним своим положением в свете. Хорошее знание, умение и железная воля - то для нас, русских, образец.

Дженкинсон. Рад, государь, такому твоему ко мне и к моей стране доброму отношению. Перед моим отъездом хотел бы добыть новую грамоту, чтобы она подтвердила прежнюю монополию и распространила ее на устье Северной Двины до берегов Оби, включая сюда Холмогоры, Колу, Мезень, Печеру и Соловки. Сия грамота должна предоставить право держать денежный двор в Москве и устраивать склады на Двине, в Вологде, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Казани, Астрахани, Новгороде, Пскове, Нарве, ежели она вновь будет отвоевана у поляков, кроме того, право свободного провоза товаров, отправляемых в Бухару и Самарканд.

Иван. Что скажешь, Годунов?

Годунов. Государь милостивый, подобные уступки все ж слишком большие и неожиданные.

Нагой. Всю торговлю в Московском государстве давать кому-либо не следует.

Иван. Всю торговлю не дадим. Однак дадим английским купцам привилегии. Написать надобно также грамоту, чтоб разрешить английской компании искать на реке Вычегде железную руду и домницы там ставить, и тот участок леса, который изменник Челяднин-Федоров да прочие изменники отдали немцам, отдать англичанам. Также на русских монетных дворах чеканить английскую монету. Дать им право пользоваться ямскими лошадьми и нанимать русских рабочих. Все то, однако, при условии союза против поляков, польского короля, которому помогают Папа, император и другие государи. Нагой, послу нашему Писемскому на то указать, предлагая Англии также пропускать все русские товары, всевозможные вывозимые ею, без пошлины, требовать вечного союза.

Брус. Государь русский царь, Англия согласна на союз с Россией, но видит союз в ином: вместо оказания военной помощи взять на себя роль мирового посредника, в качестве же обязательного условия предоставить английским купцам права на морскую торговлю. Все северные пространства

должны быть закрыты для любых купеческих судов, кроме английских. Королеву Елизавету более всего интересует защита своей торговли на Белом море от Дании.

Нагой. Государь, война привела к упадку сухопутную торговлю с западными странами. Исполнить сие требование означает захват Англией всей русской торговли. Добиваясь торговых привилегий, англичане не желают брать на себя никаких военных обязательств. О том мной и посольским дьяком Щелкановым составлена записка.

Дженкинсон. Государь, дьяк Щелканов постоянно ставит препятствия в переговорах.

Иван (сердито). Я отстраняю канцлера Щелканова от переговоров. Поручаю тебе, Богдан Бельский, посольские переговоры и дьяку Ивану Фролову.

Бельский. Слушаюсь, государь.

Иван. Нам, милые мои, любой ценой потребен союз с Англией. Нагой, подготовишь договор.

Дженкинсон. Государь, ежели купеческим компаниям будут привилегии, королева согласится на договор об общем союзе.

Нагой. Государь, как бы Бельский и иные дипломаты не проглядели тут дипломатической уловки!

Иван. Которой уловки? Я объявлю яро: хочу того у сестры моей, чтоб она и я на литовского и на польского государя, и на тех, кто с ним сложился, мою, государеву, ливонскую землю воевали и города поимали, чтоб стали за один, чтоб та государева вотчина была опять за нами, за государем. Хочу взять реванш за проигранную войну с помощью Англии.

Боус. Такие твои надежды, государь русский царь, не оправдаются. Англия не собирается ввязываться в прибалтийские дела из-за чуждых ей интересов, хватает своих дел с Испанией.

Иван (гневно). Ежели не получу от Елизаветы полного удовлетворения, вся торговля будет предоставлена немцам и венецианцам! (*Нервно ходит.*) Нагой, отпиши королеве, хай получит весть, что я, царь, отобрал у московской компании все льготы и привилегии, отобрал у нее все товары и наложил запрет на ее торговлю, то останется в силе, ежели не будет союза. Погибая надежда отнять у немцев северные рынки, а у венецианцев и португальцев - восточные рынки, так отпиши.

Боус. Государь, королева согласна поддержать тебя против твоих врагов только с тем условием, что прежде употребишь все усилия для достижения мира.

Иван (сердито). О котором мире идет речь? Польский король нарушил договор, захватил у меня Полоцк, Нарву и всю Ливонию. Королева должна помочь мне армией восстановить свое всемирно порушенное право. Взамен она получит торговую монополию в некоторых гаванях, однако, права брабантских и французских купцов останутся все-таки за ними. Французский король послал несколько судов в Кольскую землю. Он ищет государевой дружбы и предлагает мне скорую помощь. Просит прислать посольство во Францию. Так ли, милые мои? У меня нет недостатка в выгодных связях.

Годунов. Государь, право мореплавания должно быть дано всем нациям.

Нагой. Государь, англичане, лишены конкуренции, не проникают в горловину Белого моря, а простаивают на Мурманском берегу. Должен быть, государь, Кола вольным, Кольское пристанище, тогда туда приставать почнут французские, датские, подольские земли, сиречь Нидерланды, на Коле торг соперничать с англичанами.

Бельский. Государь, как ни есть, англичане нужные товары нам везут, а французы не везут. Датчане же вовсе насильничают: у Колы и Холмогор разбили немцев, которые к нам в наше государство ехали, разбойничая, мешают кольскому торгу.

Иван. Против разбоя суда военные посылать. На Коле торг-конкурент двинским, на Двине безопасней. Хочу давно уж строить у Архангельского монастыря город на Двине для корабельного пристанища. Здесь общий для всех заморских немцев ярмарочный центр. Мечтаю, милые мои, когда-нибудь сказать: мы ныне торг из всего Поморья, из Колы и из иных мест учинили в одном месте, на устье Двины-реки, у нового города, у двинского. Тут беломорское пристанище меж купцами разных стран.

Нагой. Государь, англичане нехорошо обслуживают русские рынки. Купцы жалуются, что англичане поставляют плохие товары. (*Слуге.*) Принеси-ка образчики сукон. (*Слуги приносят сукна.*)

Боус. Я в сукнах ничего не понимаю, в моей компании торгуют воском. В договоре указано, чтоб при покупке на воске накладывались печати, что воск хорош. Однако по таможенным книгам (*заглядывает*), из двадцати одного шифферфунда в ста сорока пяти кусках - добавление в воск

чечевицы, гороха, даже целых кирпичей. В пяти бочках - не воск вовсе, подделка с добавлением сала и смолы. Так какая ж то русская торговля?

Иван (*гневно*). Как смеешь нас попрекать, что мы, русские, воры? То вы, английские торговые мужики, к обману склонны, да королева ваша - пошлая девица! Вы, англичане, нехорошо обслуживаете русские рынки. Через Писемского я, царь, приказал привезти сукон, шелковых тканей доброго качества и кружев. Кружев я вовсе не получил, а сукна и шелк никуда не годятся, польские лучше. (*Слугам.*) Принеси-ка ткани! (*Нервно ходит.*) Вы, английские торгаши, лишь упрекаете нас, а торгуете дурно! Вот перстень. (*Снимает с руки перстень.*) Француз де Валле взял с меня только 60 рублей, а за сей большой изумруд на шапке - 1000 рублей, меж тем как перстень стоит не меньше 300 рублей, а изумруд - тысяч сорок. Так ли?

Боус. Да, перстень и изумруд дороги, я принужден с тем согласиться, однако не столь дорого, как ты считаешь. (*Приносят ткани.*)

Иван (*щупает ткани*). Гляди, какие ткани! Меж тем прибыли английских компаний огромны.

Годунов. Истинно так, государь. По донесениям агентов, в Новгороде английские компании продают штуку сукна за 17 рублей, в то время как она стоит с перевозкой шесть рублей.

Боус. В тканях я ничего не смыслю, но русской торговлей воском недоволен. Недовольны не одни лишь мы, англичане, также и немцы, немецкая Ганза. Про то говорится в записях Любекской таможни. Купцы Любека указали на дурное взвешивание в Новгороде. Весы, на которых в Новгороде взвешивают воск, неисправны. Они, немцы, согласны платить весовщику по 3 пфеннига с каждого товара, лишь бы весы направили.

Нагой. Государь, в Новгороде при церкви святого Иоанна издавна вешают по крестному целованию и воск, и мед, и свинец, и квасцы, и ладан, и тунян. Все вешают по старинке, на крюк. Немцу-лютеру да английским еретикам наше крестное целование не по душе.

Иван. Я, царь, выражаю свое недоумение. Какую то дружбу предлагает мне королева, желая, чтоб торговали только с ней и соглашаясь заключить союз только на словах? В середине ливонской войны мы предпринимали попытки заключить военный союз, но те попытки не удались.

Боус. Государь, Москва пыталась использовать наш английский морской флот на Балтике, но королевский совет отказался утвердить договор.

Иван. Кто ж владеет Англией - королева али королевский совет? Нагой, по сему поводу надобно сделать от имени моего королеве Елизавете суровый выговор. Мы в своем государстве государим и сами владеем, а у тебя мимо тебя владеют люди, и не токмо люди, а и мужики торговые, ибо пребываешь в своем девичьем чину как ни есть пошлая девица. Так писать в грамоте.

Нагой. Так, государь, напишем. Государь милостивый, англичане желают лишь пользоваться русской кровью для своих дел и относятся к нам пренебрежительно. Послу Писемскому королева согласилась для переговоров дать тайную аудиенцию. Он был очень удивлен, когда прибыл в Ричмонд на тайную встречу, застал во дворце празднество. Гремела музыка, шли танцы, и королева пожелала оставаться там. Предложила Писемскому также плясать! Какая же это тайная встреча?!

Иван (*гневно*). Вы обращались с моими полномоченными свысока! С вами должно было бы быть так, как между равными мне государями! Знаем таких, которые не чета вашей королеве!

Боус. Моя повелительница - такая же великая государыня, как каждый из христианских государей. Она равными считает себе наиболее сильных и может преодолеть всех.

Иван. Ты говоришь о королях французском и испанском?

Боус. Я думаю, что королева может считать себя равной с ними.

Иван. А с императором?

Боус. Король Генрих VIII, отец моей повелительницы, некогда держал императора на жаловании, во время войны с Францией.

Иван (*яростно*). Ты желаешь сказать, что она и меня будет держать на жаловании?! А ежели за такую дерзость я прикажу выбросить тебя в окно?

Боус. Ты, русский царь, можешь сделать это, но моя повелительница умеет мстить за обиды, наносимые ей и ее уполномоченным.

Иван (*гневно кричит*). Вон, посол, с очей моих, негодяй! Наглец! (*Нервно ходит.*) Равным себе я признаю только германского императора да турецкого султана, лишь они мне братья по коленству.

Нагой. Надобно строго различать, кому царь наш Иван Васильевич может позволить считаться братом, а кому должен в том почете отказать.

Иван. Нагой, кто указан по посольскому табелю государями-братьями?

Нагой. Государь, по посольскому табелю государями-братьями указаны турецкий султан, цесарь германский, король польский и крымский хан, однако ни швед, ни Ливония, ни Дания да прочие.

Иван. Надобно строго блюсти табель распределения держав на равные московскому царству и ниже его стоящие. *(Ходит.)* Вот посол Боус крепко блюдет ранг своей королевы. О том хочу отозваться с похвалой. Желал бы я иметь у себя таких слуг! Хорошо он мне, царю, встречные слова сказал! Обо мне многие брешут, что я не терплю встречных слов, однако я, царь, люблю смелых собеседников. *(Ходит.)* Давно уж не ездил по монастырям. Все мирские дела одолевают! Как сыграю свадьбу с Марией Нагой, да как родится наследник, то поеду в Троицу и иные монастыри. А вспомнил я про Троицу вот к чему: ныне в какое мирское житье впала та святая обитель, видно всем, имеющим разум, а до того в Троице было крепкое житье.

Бельский. Государь, доносят, что очагом враждебных настроений стала келья старца Максима Грека в Троице.

Иван. Духовным наставником моим был, и есть, и буде Иосиф Волоцкий да ныне живущий старец Вассиан Топорков. К нему поеду! Однак, и со старцем Максимом Греком беседовать хочу. И он, тот старец, из смелых собеседников, мной любимых. Ибо единственной задачей моей есть просветить своих подданных светом Божественной истины. Против моей власти восстают по злоумышлению, против меня есть слепые безумцы, ибо сила, руководящая мной, есть милосердие, Божья милость и святой Богородицы, молитвы всех святых и благословение прежних государей. *(Ходит.)* Так, о чем я сказать хотел? Уже запомятовал.

Годунов. Государь милостивый, про смелых собеседников сказать хотел.

Иван. Да, именно про то. О таких, как Боус. Запомнилось мне, когда мы с братом моим князем Юрием, ныне покойным, впервые в юности были в Кирилловом монастыре, да как-то опоздали ужинать, оттого что в Кирилловом монастыре в летнюю пору не отличить дня от ночи, а также по юношеской привычке. А в то время помощником кельника был Исаяя Немой. И вот велел я, царь, как-то из тех, кто был приставлен к нашему столу, попросить стерлядей, а Исаяи в то время не было, был он у себя в келье, и они его с трудом привели. И тот, кто был приставлен к нашему столу, спросил его стерляди б или иной рыбы, а он так ответил: «Об этом, судари, мне не было приказа. Что мне приказали, то все я приготовил. А сейчас ночь, взять негде». Тут, милые мои, меня ярость одолела. «Как же, - говорю, - не было приказа?! Я, государь, тебе приказываю!» Исаяя же Немой мне отвечает: «Государя боюсь, а Бога надо больше бояться!» Вот какие крепкие порядки мне по душе! Правду говорить и перед царем не стыдиться! Как сказал пророк, ради истины праведно и царям возражать, но не ради чего-либо иного!

Дженкинсон. Государь, если ты согласен забыть свое законное недовольство против английских купцов и вернуть им льготы, королева будет готова дать тебе самые очевидные доказательства своей дружбы. Укажи, государь, имена английских подданных, давших повод к недовольству!

Иван. Я их прощаю. А если я их простил, то не для того, чтоб их наказала королева. Я наложу на английских купцов некоторые пошлины, поскольку они завязали отношения и с Польшей, тем нарушив договор о даровых льготах. Однако, ты ведь знаешь, Антоний, какую важность придаю я торговле с Англией. Помню, что когда я, царь, старался вступить в связь с Западной Европой через Ливонию и Балтийское море, прежде всего в Англии нашлись люди, которые пошли мне навстречу. Однак, Англия или иные западные державы не должны вмешиваться, когда речь идет о наказании наших изменников! Вспомните, судари, Генриха VIII, почитаемого мной английского короля! Голова епископа Ричестерского Фишера гнила на решетке лондонского моста, в то время как король в белом шелковом одеянии вел к алтарю Анну Саймер- на другой день после того, как он приказал обезглавить Анну Бойлер! Так писано в английской хронике.

Дженкинсон. Государь, я согласен с твоими доводами. Если принять в расчет различия в культуре, то ты, государь, не кажешься мне слишком далеким от цивилизованного христианского мира Европы. Хочу лишь уточнить, кого ты ныне держишь в своей особой милости, чтоб с ними иметь связь.

Иван. Вот - три московских столпа: Нагой, Годунов, Бельский. На мне и на сей троице стоит вся держава. Хоть ныне я - князь московский, приглашаю вас всех на свою свадьбу царскую. И Боусу скажи чтоб пришел, я его приглашаю и простил. А про воск скажи, смотри при взвешивании хорошенько, все русские - воры. *(Смех. Царь уходит в сопровождении Нагого, Годунова и Бельского.)*

Занавес

Сцена 80

*Свадьба в Кремлевском дворце. За длинными столами гости. Чашники и стольники носят питье и еду.
Поет хор.*

Хор. Ты, святой Козьма Демьян,
Скуй нам свадьбу крепку, лепку.
И люди судят и не рассудят,
И солнце сушит и не рассушит,
И дождь мочит и не размочит...

Старый боярин. То покровители свадьбы, святые Козьма и Демиан, на каждой царской или иной вельможной свадьбе так поют.

Молодой боярин. А у меня уж кишки, вишь, поют. Иноземцам, вишь, за их столом явства сахарны несут да прочие, а нам, русским сидячим боярам, положили на скатерть хлеб с солью да на тарелке сыр. *(К подходящему с блюдом стольнику.)* Эй, жареных журавлев неси да штей с соком! *(Стольник проходит мимо.)* Ишь, ведь как на царской свадьбе оголодал! Уж и смолчи заячьей поел бы, заячье вымя! Иноземцам-то, гляди, что только ни несут: лебеди, журавли и утки, баранина, рассольник...

Старый боярин. От неведения так мыслишь. Иноземцы не по русскому закону тут сидят, а мы, русские сидячие бояре, по чину русскому. Как устраивает свадебный чин ныне царь с царицей да прочей свитой, пошли к венчанию в той церкви, где служит духовник, в Успенский собор. А как царь с царицей идут из церкви в царские палаты, и тысяцкий дружку посылает наперед к их приходу, к нам, сидячим боярам, сказати, что царь с царицей венчались в добром здравии, то почнут стольники и чашники носить есть и пить.

Молодой боярин. Мы лишь, русские сидячие бояры, по свадебному чину постимся, а иноземцы, вишь, пьют-едят, латыны да лютеры. Ишь, нехристи! Бороды бриты, а платья саксонские, сапоги с раструбом.

Старый боярин. Как государь повенчается, то к государю входят вверх, через сени. После того бывает царским обычаем веселье. Я на многих свадьбах государя нашего Ивана Васильича побывал и иных вельмож, у меня тетрадь тех свадеб писана. *(Достаёт тетрадь.)* Вот и первая свадьба государя нашего с Анастасией Романовой, матушкой нынешних царевичей Ивана да Федора, а по свадебным разрядам несли скамьи князь Иван Мстиславский да Шемяка-Пронский.

Блеутов. Князь Пронский ныне казнен.

Старый боярин. Несли камки князь Юрий Шемякин да Горбатый-Шуйский, главный воевода при взятии Казани.

Блеутов. Оба ныне казнены. Горбатый Шуйский казнен с сыном-подростком.

Старый боярин. За столом сидели боярыня княгиня Анна Глинская и прочие Глинские. Камки слали Федоровы дети, Нагой среди них батюшка, нынешней невестки царской, Федор Иванович. Ходивший у саней князь Репнин.

Блеутов. Ныне казнен Репнин.

Старый боярин. Сидевший на месте великого князя Дмитрий Бельский.

Блеутов. То из родовитых Бельских, не родич нынешнего Богдана Бельского, худородного племянника Малюты. Воевода Иван Дмитриевич сгорел при татарском сожжении Москвы.

Старый боярин. Державший у места великого князя чарку с вином, из которого голову государя с государыней чесали, боярин Челяднин-Федоров.

Блеутов. Ныне зарезан.

Михалка. Ты, Блеутов, гляди, и на свадьбе не унимаешься! Гляди, как бы язык тебе твой не урезали! На свадьбу царскую приглашен, а без благодарности!

Блеутов. Я за свой старомосковский боярский род приглашен, ибо мало осталось из старомосковских, кого приглашать. А ты, Михалка-ябеда, с сынами отчего приглашен? Рода ты худого, хоть и хвастаешься родством с боярами Романовыми, родичами царской семьи; однако ныне в царской семье раздор, Романовых на царскую свадьбу не пригласили, боярина Никиту Романова, дядю царевича, велено ограбить, а Романов-Юрьев вовсе обезглавлен. Как бы и тебе, Михалке, аки родичу не досталось.

Михалка. Мы, Михалки, Романовым не родичи, родство весьма дальнее, а близок нам иной род-род Годуновых и Сабуровых, фамилии честные, от одного корня! Также и Вельяниновы от того корня, и с ними мы, Михалки, давно уж во всем течении дворцовой придворной жизни, также в течении военной жизни.

Блеутов. Не за военную жизнь, а за песни твои славословящие дадена тебе, Михалке, деревня Дорогая Гора.

Михалка. Деревня моя Дорогая Гора государем Иваном Васильичем Всея Руси дадена мне за песню мою о царе-соколе, и тем я горд. (*Головщику хора.*) Головщик, исполни-ка мою песню о царе-соколе, чтоб торжество общее поднять. Вот, возьми четвертицу серебряну. (*Подает деньги.*)

Головщик. Слушаюсь, сударь Михаил Ершович! (*Запевает.*)

По утру то было, по зореньке,
На восходе красного солнышка,
Не ясен сокол по горам летал,
Не белый кречет перепархивал.

Хор. Здравствуй, батюшка, православный царь,
Со своим славным городом со Серпуховым!

Михалка. Отец мой - дворовой дьяк Ерш Михалков. Близкий наш родич - боярин Сом Владимирович Сабуров-Ухо.

Боус. Впервые присутствую на свадьбе русского государя. Подано все богато и торжественно. Вся знать наряжена. Все обито дорогим бархатом, постланы дорогие турецкие и персидские ковры. А то возвышение - для царя и царицы?

Дженкинсон. Да, там будут сидеть царь с царицей после возвращения из собора, где их обвенчают.

Боус. Я слышал, что это не первый брак царя-то ли четвертый, то ли пятый?

Дженкинсон. Нет, седьмой или, пожалуй, восьмой. Царь Иван Васильевич женится на дочери вельможи своего Федора Федоровича Нагого.

Боус. Разве такое допускается русской церковью? Вот уж интересно, какое варварство! Что говорить о стране, в которой отсутствует свободный парламент и съезд духовный, где разрешается развод и женитьба государя!

Дженкинсон. Духовный собор разрешил ему четвертый и пятый браки, мотивируя это государственной необходимостью. Неизвестно, спрашивал ли русский царь разрешения на сей восьмой брак у церкви, но оно действительно было даваемо ему прежде. Однако свадебное празднество совершается по всем надлежащим обрядам времени.

Старый боярин (*листает тетрадь*). В 1547 году от Рождества Христова первая свадьба государя нашего Ивана Васильевича Всея Руси. В сентябре 1547 - Юрия Васильевича, родного брата государя. Юрия, ныне почившего в бозе.

Блеутов. Был тот брат царя, князь Угличский, глухой, и говорить не мог - рычал лишь, аки зверь.

Старый боярин (*листает тетрадь*). Сентябрь 1549 года от Рождества Христова - первая свадьба двоюродного брата царя Владимира Андреича Старицкого, а в апреле 1555 года - вторая свадьба Владимира Андреича. Описаны все дела регулярно. Брат Юрий, боярин, окольничий, дьяки, у саней - княгиня Одоевская...

Блеутов. Одоевская отравлена вместе с мужем князем Владимиром и дочерью-младенцем Малютою.

Михалка. Уйми язык! Иным за меньшее государь голову сечет и язык режет, а тебе, Блеутов, вишь, сходит!

Блеутов. Меня государь за шута почитает, али Бог в том пособляет. (*Крестится.*)

Старый боярин (*листает тетрадь, бормочет*). Бояринам у постели, и детям боярским - у постели быти. А вино нести в церковь в склянице - князю Андрею Курбскому, а свечу великому князю нести Воротынскому, а каравай нести боярину Никите Романову, а другой каравай нести боярину

Кашину, а посадной отец, тысяцкий да дружки - так то все по разряду. Апрель 53-го года - свадьба царя Симеона, свадьба нынешнего государя Всея Руси Симеона.

Боус. Я да многие в Англии считаем: основная цель мнимой передачи власти над Россией татарскому князю Симеону - ограбление церкви. Царь Иван обирает своих купцов, получает огромные суммы от городов и монастырей, а затем передал трон Симеону, чтоб уничтожить обязательства, принятые на казну и корону. Также опроверг все долги, сделанные за царствование, объявил об отмене всех данных городам и монастырям привилегий, а затем, мыслю, по просьбе подданных, он вернется на трон. Такое возможно лишь в рабской стране, где нет закона. Власть царя здесь безгранична. Всех одинаково гнетет он своим рабством.

Дженкинсон. Это правда. Самодержавная полнота личной власти московских государей над своими подданными отмечена многими в Европе, и то давно ставится в упрек России.

Боус. Полновластие московских царей близко к турецкой деспотии.

Дженкинсон. Я начал свою службу в Нидерландах и Франции, затем в России. Контраст был силен. Я прожил долго в России, приглядываясь и размышляя. Это было нелегко, но главное, что я понял - эта страна нуждается и долго будет нуждаться в сильной власти. Всякий раз, когда полноты самодержавной власти не было, когда возвышались вельможи, наступал опасный разлад и распад этой огромной страны. Не следует забывать, что на месте еще недавно разрозненных, раздробленных земель и княжеств создано огромное, самое крупное в Европе государство миллионов в девять-десять, которое продолжает расширять свои границы.

Боус. Но такое расширение границ для Европы опасно, особенно в Прибалтике и на Кавказе.

Дженкинсон. В Прибалтике 20 лет продолжалось русское нарвское плавание, способствуя сближению и связям России с Западной Европой.

Боус. Однако, оно усилило русских, которых многие считают, наряду с Турцией, главным врагом свободных народов.

Дженкинсон. Я знаю, противников России тревожит торговля с Россией и помощь ей, особенно в Польше. Прежний польский король Сигизмунд и нынешний, Баторий, убеждают королеву прекратить торговлю с Россией. Но нам в Англии надобно исходить из своих интересов. Англия стоит на пороге решительного столкновения с католической Европой, Испания готовит флот для завоевания Британских островов. Оттого нам надобно искать сближения с Россией. Я принадлежу к парламентской партии лорда Уолсингема, сторонника решительной борьбы с Испанией и сближения с Россией.

Боус. Однако можно ли сближаться с государем, который публично без суда рубит головы своих подданных, бросая их ради развлечения на подворья других подданных?!

Дженкинсон. Да, это нелегко. За время моей жизни в России и общения с государем мне пришлось много пережить и испытать. Теперь я намерен окончательно вернуться на родину и вести жизнь более спокойную, чем я вел среди опасностей и ужасов. Я намерен окончательно покинуть дипломатическое поприще, удалиться на покой, привести в порядок свои дела и состояние. Вам, сэр Боус, своему преемнику, я все ж хочу настойчиво посоветовать, ради интересов английской короны, продолжать искать сближения с Россией.

Боус. С какой Россией, сэр Дженкинсон? Россией, где правит тиран-монарх, не подающий подданным личного примера в соблюдении законов? От тирании царя Россию может спасти только дума, русский парламент, совет думцев при государе спасет, думцы, обсуждающие и решающие хозяйственные, судебные и военные дела.

Дженкинсон. Сэр Боус, Россия не Англия. Хотя всемогущий Бог и наказал русскую землю так тяжело и жестоко, что никто и описать не сумеет, все ж нынешний царь и великий князь достиг того, что по всей русской земле, по всей его державе одна вера, один вес, одна мера. Он, только он один и правит. Все, что ни прикажет он, все исполняется, и все, что запретит, действительно остается под запретом, никто ему не перечит - ни духовные, ни миряне. *(Стольники приносят мясо.)* Я заказал телятину. Русские не едят телятины, но я заказал, и мне приготовили специально. *(Пробует.)* Не хуже, чем в таверне. Попробуйте русское пиво, не хуже манчестерского. *(Пьет.)*

Боус *(пьет).* Пиво, верно, хоршее.

Дженкинсон. Пиво здесь варят недавно, однако, варят многие, и крестьяне, и бояре. Государева казна ввела специальный пивной набор, именуемый «явка с пива». На пиво идет рожь и ячмень. *(Пьет.)* Прежде тут пили лишь мед и вино, также квас, русский освежающий напиток. Я заказал рецепт

русского кваса для королевской кухни. Еще одна новинка - русская перегонная водка. *(Стольнику.)*
Принеси нам перегонной водки!

Стольник. Слушаюсь, сударь! *(Уходит.)*

Дженкинсон. Казна специально выделяет зерно для винокурения, для водки. Прежде русские перегонной водки не знали, научились тому от монголов при монгольской власти. У монголов водка называется «черное молоко». По-монгольски «черное» значит «прозрачное». *(Стольники приносят водку.)*

Дженкинсон *(пробует)*. Это иосифоволоцкая водка?

Стольник. Истинно так, сударь!

Дженкинсон. Лучшую водку курят в селах Иосифо-Волоцкого монастыря. Там же и уксус делают отменный.

Боус *(Пробует водку)*. Однако, крепка! Хорошо бы к ней рыбы. Я слышал, русские очень любят рыбу, и рыбная пища здесь особенно вкусна и изобильна.

Дженкинсон *(стольнику)*. Принеси-ка нам икры черной луконой осетровой, но только осенней.

Стольник. Слушаюсь, сударь!

Дженкинсон. Белорыбицы. *(К Боусу.)* Русская белая семга - вкуснее красной. *(К стольнику.)* Также икры стерляжьей и севрюжьей, также каравай с рыбой, пирог с вязигой, с перцем и маслом, рыба живопросольная. *(Боусу.)* В России особый деликатес - рыба, посоленная живьем. *(Стольнику.)* К рыбе принеси хрен поставцом.

Стольник. Слушаюсь, сударь!

Дженкинсон. Невзирая на все ужасы, нам, иноземцам, жить в России можно весьма приятно. Русский царь Иван Васильевич, вопреки сопротивлению его подданных, как низов, так и вельмож, любит иноземное, особенно английское, и балует нас, иноземцев, своим вниманием и привилегиями.

Боус. Да, обеды здесь роскошны. Эта посуда на нашем столе-из золота и серебра, кубки для питья - из золота, украшенные камнями не менее четырехсот фунтов стерлингов каждый, не считая серебра, наставленного на столах. *(Стольники приносят блюда с рыбой и икрой.)* Однако, рыба хороша, пахнет ароматно. *(Пробует.)* И весьма вкусна. *(Ест.)*

Дженкинсон *(ест)*. Нам, иноземцам, жить в России можно весьма успешно, главное - помнить: русский государь - не английская королева, свой народ он держит в большом подчинении. Все дела, как бы незначительны они ни были, поступают к нему. Законы тут жестоки для обидчиков. *(Ест.)*

Молодой боярин *(сердито)*. Мы, русские сидячие бояре, оголодавши, а они, иноземцы, нашу пищу жрут.

Старый боярин. Они не по закону русскому живут-по своим обычаям.

Молодой боярин. Уж и у нас их обычаи поганские делают. *(Стольнику.)* Принеси еще хоть хлеба с солью и сыра.

Стольник. Слушаюсь, сударь! *(Уходит.)*

Старый боярин. Слышь, колокола! Царь с царицей идут из церкви в хоромы, и в то время бывает звон во все колоколы. Теперь тысяцкий дружку пошлет наперед их приходу, царского с царицыным, к нам, сидячим боярам, так на всех свадьбах царских и вельможных бывало. У меня в тетради расписано. *(Листает тетрадь.)* Вот, после сожжения Москвы татаровьем - свадьба короля Арцимагнуса, датчанина, герцога, короля литовского. Ныне Магнус изменил. Также свадьба самого государя нашего, подробная роспись присутствующих. Свадьба с Собакиной. Следующая - с Анной Васильчиковой, затем с Анной Колтовской. *(Входят Борис Годунов и Василий Шуйский.)*

Борис Годунов *(торжественно)*. Бояре сидячие, также гости иноземные и иные! Посланы от тысяцкого государя нашего Ивана Васильевича, царевича Ивана Иваныча, к вам, сидячим боярам и к гостям иным, сказать, что царь с царицей венчались в добром здравии и идут к вам, а поведал вам то я, боярин Борис Годунов. *(Крики: Слава государю Ивану Васильевичу и государыне Марии!)*

Годунов. Я, боярин Борис Годунов, дружка со стороны царицы.

Шуйский. Я, князь Василий Шуйский, дружка со стороны царя, хочу поведать, что идет сюда весь свадебный чин, и царь, и царица, чтоб их ожидали.

Михалка. От имени всех гостей я, боярский сын, дворянин Михалка Борисов, сказать хочу, что мы верноподданнычески их, государя с государыней, пришествия ожидаем. *(Борис Годунов и Василий Шуйский уходят.)*

Дженкинсон (Боусу). Первый из объявивших о царском приходе Борис Годунов - татарин по происхождению, женатый на дочери царского любимца, ныне покойного, убитого в Ливонии Малюты Скуратова. Он - из незнатных низов, но один из первых людей около царя. Второй - Василий Шуйский из знатного рода Рюриковичей. Говорят, Шуйские более родовитые Рюриковичи, чем династия Калиты. Я не удивился бы, если бы один из них, а может, и оба, стали бы когда-нибудь московскими царями.

Боус. Такое возможно лишь в стране, где нет истинного парламента и законов престолонаследия. Тут и самодержавность царя лишь видимая, правят временщики. Подданные не успевают разглядеть лиц цариц, которые приходят во дворец следом за временщиками. Кто ж ныне главный временщик?

Дженкинсон. Пожалуй, Афанасий Нагой, человек, известный своим долговременным пребыванием в Крыму в качестве посла. Бракосочетание царя с девицей из дома Нагих должно возвысить эту фамилию. Эта возвышающаяся фамилия встречает соперничество в Годунове, брате жены царевича Федора.

Богдан Бельский (входит, объявляет торжественно). Царь Иван Васильевич с царицей Марией Федоровной со свадебным чином входят в палату для благословения крестом протопопа Благовещенской церкви Феодосия.

Дженкинсон. Этот Богдан Бельский - третий соперник и приближенный царя.

Хор. Хлебу да соли долгий век! Слава!
Государю нашему более того! Слава!
Государь наш не старится! Слава!
Его добры кони не ездятся! Слава!
Его цветно платье не носится! Слава!
Его верны слуги не стареются! Слава!

(Входит свадебная процессия с царем и царицей.)

Протопоп Феодосий (подняв крест). Государь наш Иван Васильевич с государыней Марией Федоровной! Пейте из единого сосуда красного французского вина во здравие! (Царь и царица пьют вино из одного сосуда.) Я, протопоп Благовещенского собора Феодосий, снимаю с государя и государыни венцы церковные и возлагаю на царя корону цареву, а на царицу - корону царицыну. (Снимает венцы и надевает короны царские.)

Дженкинсон (шепотом). Брак сей, восьмой, недозволен церковью, оттого венчал и благословлял не митрополит, глава русской церкви, а протопоп Благовещенского собора, царской семейной церкви.

Феодосий. Аки протопоп от Бога обязан научать вас, государь с государыней, как вам жити. Обязан жене у мужа быти в послушании и друг на друга не гневаться. Разве некие ради вины мужу научать ее слегка жезлом, занеже муж жене яко глава на церкви. И жили бы в чистоте и в богобоязни неделю, и среду, и пятоки, и все посты постили и господские праздники, и которые дни прилучится праздновати апостолов и евангелистов и иных, нареченных святыми. Греха не сотворили, и в церковь Божью приходили, и покаяние давали, и чтоб отцам духовным спрашивались почасту, то бы на все благопоучит, а, совершая сие поучение, я, протопоп, беру царицу за руку и выдаю ее мужу, и велю вам меж собой учинити целование. Первый поцелуй - через платок. (Царь и царица целуются через платок.)

Хор. Михаила Архангелова два голубя венчались,
серенький да беленький,
серенький - Иванушка,
беленький да Марфушка.

Царевич Федор. И я мою лебедку Иринушку поцелую! (Хочет поцеловать Ирину.)

Ирина. Не по обряду то, Федя, бо ныне батюшка наш венчается и целуется. (Отталкивает Федора.)

Царевич Федор. На белой березе сидит тетеря, роняет перья, а Иринушка-лебедка собирает для подушки, Иринушка-душка! (Смеется.)

Царевич Иван. Помолчи, Федор, батюшку ведь венчаем, не тебя! Возьми-ка, Ирина, Федора! (Ирина берет Федора, отводит его.)

Боус. Царевич Федор - хилый и слабоумный, а царевич Иван лишен наследственного трона. Власть в России будут решать временщики.

Дженкинсон (тихо). Роли свадебных чинов распределены так, что вышло знаменательно и странно: посажной отец царя - его сын Федор, а посажная мать царя - его невестка Ирина Федоровна. Другой

сын царя, Иван Иванович, у него тысяцкий. Друга со стороны невесты - Борис Годунов, со стороны жениха - Василий Шуйский. Думается мне, среди сих имен будет определяться будущее России.

Хор. Ягодка с ягодкой сокатилась,
Ягодка ягодине поклонилась,
Ягодина ягоде в глаза зазрилась,
Ягодина с ягодой в уста целовались.

Михалка. Государь благоверный, изволь мне, ничтожному твоему холопу, прочитат тебе стихарь свадебный.

Иван. Читай, Михалка!

Михалка (*торжественно*).

Царь Иван сударь Васильич,
Содержатель Всея Руси, сберегатель каменной Москвы,
Берет ныне невесту себе красную в жены благоверную,
А в царском том поезде полторы было тысячи князей, бояр,
И я среди них сидел, холоп царский, боярин Михалка с сынами,
Царем, аки солнцем, обласкан, славой царской пригрет.

Симеон Бекбулатович (*кланяется*). Я, великий князь Симеон, князь Всея Руси, бью челом и кланяюсь, что ты, государь...

Иван (*перебивает*). Князь московский!

Симеон. Что ты, князь московский, пригласил меня, государя Всея Руси, есть хлеб у тебя.

Иван. Жалую тебя, великого князя Симеона, своей чашею. Чашники, беспрестанно носить и поить! Стольники, носить есть! Я, царь с царицею, свадебный чин и бояре сидячие за столами чтоб ели да пили до тех мест, пока не принесут яство третье - лебедя. (*Стольники и чашники носят еду и питье.*)

Боус (*тихо*). В свои 50 лет царь Иван полон сил, но на лице - большие бегающие глаза. Кажется, от нас заметил.

Иван. Рад видеть вас, господа, в добром здравии на моем пиру. Ты, Боус, садись прямо против моего царского стола, за маленький столик, без других иностранцев. Мне нравится твоя смелость, надеюсь, мы подружимся так же, как подружился я с Антоном. В знак особого почета - несколько блюд с мясом и кубков с вином и медом тебе принесут от меня, а принесет тебе князь Василий Шуйский. (*Боус садится за отдельный стол. Шуйский берет у столника еду и питье, ставит перед Боусом.*) Я теперь тут в Кремле праздную свадьбу, предоставив трон Симеону. Ты видишь, Боус, что недаром я обращался к королеве, чувствуя превратности судьбы. Вот - лишен трона. (*Смеется.*) Будем пировать!

Хор. У голубя голубушка под крылом,
У Свет-Иванушки Марьюшка под бочком,
У Васильича Марьюшка под правом!

Иван (*выпив вино*). Пляшите, гости мои! (*Михалка выбегает первым, пляшет. Следом за ним иные.*) Годунов, три дня в Кремле чтоб был брачный пир!

Годунов. Так сделаем, государь!

Иван. Как пойду почивать, чтоб гости разъехались, и наутро все были к обеду, и съезжались бы все прежде обеда, и так три дни.

Годунов. Все объявлю.

Иван. А как пойду в мыльню, то ты, Нагой, будешь со мной мыться, а с тобой - дружка Василий Шуйский да постельничий, а как выйду из мыльни - чтоб возлагал на меня срачицу и порты Михалка.

Михалка. Божья то милость, такой царской чести удостоиться, и плачу с сынами от умиления! (*Михалки плачут.*)

Иван. И после того слушать буду заутреню, пока царица в мыльне. Потом велю себе и царице принести есть легкое, ибо все утро буду поститься.

Годунов. Исполним, государь.

Иван. Бельский, все ли тихо в Москве?

Бельский. Не изволь, государь, беспокойство иметь. Жителям столицы и иностранцам, oprичь особых повелений, под страхом наказания запрещено покидать свои дворы. Власти боятся, как бы чернь не омрачила твоего царского свадебного веселья.

Иван. Так блюди! Все ведь помнят, что произошло в столице после первой моей царской свадьбы: бунт народа!

Бельский. Ныне блюдем, государь. Полк стрелянных стрельцов кругом Кремля. Веселись, государь милостивый, в покое!

Иван. Тогда плясать будем, веселиться со своей царицей Марией. А наутро в церкви Бога молить, чтоб родила мне сына Дмитрия вместо первенца, утонувшего за грехи мои. А с сыном сиим поедем по монастырям.

Мария. Государь и господин мой, учинил Бог заповедь законную, велел Он бракам и женитьбам быть для рождения человеческого и для любимых детей, то Божьими молитвами рожу тебе сына, царевича Дмитрия.

(Царица и царь пляшут с остальными гостями, играют музыканты, хор поет.)

Рожица-матушка колосилась,
Во ржи свинушка поросилась,
Семьдесят поросят, да все пестренькие,
Хвостики у них всех востренькие.

Занавес

Конец восьмого действия

ДЕЙСТВИЕ ДЕВЯТОЕ

Сцена 81

Большая игуменская келья Троице-Сергиевского монастыря. Раннее утро. Игумен Артемий со служителями монастырскими.

Артемий. Братья, ноне день особый, день приезда к нам в Троицу государя Ивана Васильевича с государыней Марией Федоровной и сыном Дмитрием. Отец Пиасий, все ли чернецы пробудились?

Пиасий. Отец святой игумен Артемий, будильники с рассвета по кельям ходили, пробудились все, oprичь четверых чернецов, кои пребывали в пьяном непотребстве. Чернецы те отведены в черное хранило.

Артемий. Срамота какая! Как был по повелению митрополита Дионисия поставлен сюда игуменом Троице-Сергиевского монастыря, то знал наперед, что меня ждет. Чернецы многие меня не любят и пишут тайные наветы на меня, что вожусь с еретиками. Ты, отец Пиасий, надзиратель, ныне, к приезду в монастырь государя, особо блюди.

Пиасий. Особо блюду, отец Артемий. Недовольные да непотребные в хранило помещены. Особо же те, что жаловаться намерены о твоем покровительстве еретика, старцу Максиму Греку.

Артемий. То недоумы, ибо и государь старцу покровительствует. Имею известие, что ныне государь в Троицу едет впервоочеред для беседы с старцем святым. Пробудился ли святой старец?

Пиасий. Святой старец, перед рассветом пробудившись, после молитвы в либрарню пошел, с ним писцы. Святой старец извещен о приезде государя и готовится к беседе.

Артемий. Когда ставили меня в Троицу игуменом, то знал наперед, что меня ждет в великом царском богомолье. Невозможно соблюдать правил монастырского житья, занеже то место чудотворное, и гости непрерывно, день и ночь. Много ли на сей раз с государем едут?

Пиасий. Государь едет с государыней и младенцем новорожденным, князем Угличским Дмитрием, да будто с ним царевич Иван Иванович.

Артемий. Из сановных кто?

Пиасий. Из сановных будто Годунов едет да Афанасий Нагой. Также с ним врач иноземный Джек Робертс, по-русски Роман Елизаров, известный также под именем Николай. При государе он вместо казненного еретика Бромлея.

Артемий. Слышал я, что сей также еретик и звездочет, писавший трактат против старца Максима. Некто к государю его приставил намеренно.

Пиасий. Однако, при царе и добрые люди. Будто едет боярин Никита Романов, дядя наследника царевича Ивана Иваныча, да сам наследник святого старца весьма почитает и подвигает сердце батюшки своего, царя Ивана Васильевича, на добро к старцу.

Артемий. О том и у меня надежда. Я не прежде поехал на свое игуменство, как получил дозволение покоить у себя знаменитого тверского заточника, да будучи почитателем и подражателем Максима Грека, надеясь на его помощь в игуменстве у Троицы. *(Звон колоколов.)* Государь приехал. А из духовных кто с ним едет?

Пиасий. Архиепископ Коломенский Федосий, крестивший младенца.

Артемий. А был прежде Федосий чистого, сурового жития в пустынях заволжских с нестяжателями. Однак, говорят, стал ныне дивного нрава и обычаев, прислужитель царю, иной раз в дурном ему потакатель.

Надзиратель *(входит)*. Поезд государев!

Артемий. Всем быть по своим местам! Когда сюда государь вклады будет делать, чтоб пустить народных вкладчиков. Государю то по душе - вклады делать совместно с народом.

Надзиратель. Игумен отец Артемий, уж тут, в ближних кельях народные вкладчики.

Артемий. Головщик, готов ли твой хор?

Головщик. Певцы ко встрече государевой готовы. *(Входит царь с царицей Марией, нянька Аграфена несет следом младенца Дмитрия. В свите - царевич Иван, Годунов, Нагой, Никита Романов, архиепископ Федосий, врач Роман Елизаров.)*

Хор. Аллилуйя, хвалите Господа с небес,

Хвалите Его в вершинах,

Хвалите Его все ангелы,

Все воинство его хвалите.

Артемий *(кланяется)*. Милости просим, благоверный государь с благоверной государыней, с младенцем, с наследником царевичем Иваном Ивановичем и всей свитой, сюда, в святую Троицу.

Хор. Аллилуйя, Бог - царь над всей землей,

Зашел Господь при восклицаниях,

Господь при звуке трубном.

Пойте Богу нашему, пойте, пойте,

Царю нашему пойте.

Царь Иван *(растроганно)*. Вот, матушка, мы и вновь в Троице. *(Целует царицу.)* Как задумано было ехать в монастырь, называемый Кириллов, за много миль от Москвы, как давши обет по рождению сына Дмитрия и по выздоровлению моему от некоторой болезни моей, то едва потеплело, на четвертую неделю после Великого поста, дня Воскресения Христова, первым делом решили мы ехать в Троицу.

Царевич Иван. Запоздали несколько, батюшка, по обряду ранее бы надо.

Иван. Запоздали несколько, Иван-сын, ибо ехали дальней, двадцатимильной большой дорогой, чтоб не растрясти на переездах новорожденного младенца Дмитрия. Болел он животиком на неделе. Игумен отец Артемий, отправился я на богомолье не один, с семьей своей - царицей и новорожденным дитяткою.

Хор. Жена твоя, как плодovitая лоза в доме твоём,

Сыновья твои, как масличные ветви вокруг трапезы твоей...

Иван *(растроганно)*. Хорошо хор поет! Кто головщик теперь?

Артемий. Государь, Лонгин головщик. *(Лонгин кланяется.)* Ныне, государь, троицкий хор твое сочинение учит «Казанское знамение».

Иван. Знамение написал в память взятия Казани. Головщик, как разучишь «Казанское знамение», я приеду руководить станицей, сиречь частью хора, поющего красным пением.

Головщик *(кланяется)*. Великая для нас честь!

Федосий. Государь благоверный, как ты руководил при освящении Никитского Переяславль-Залесского монастыря хором, там в стену собора была вставлена доска, повествующая об этом. Надо бы и тут, в Троице, доску вставить об исполнении «Казанского знамения».

Иван. Истинно, хорошо бы вставить, ибо хор хорош. Годунов, вели вставить памятную доску.

Годунов. Исполним, государь.

Иван. Головщику от меня корм. *(Головщик кланяется.)*

Артемий. Государь милостивый, хочу помимо головщика иных служебников монастыря представить: часовщик, ризничий, три пономаря, надзиратель большой, ходящий по кельям будильник, придверники большие, придверники меньшие, чтец, коронир, книгохранитель.

Иван. Всем служникам от меня корм. Годунов, выдать из казны 1000 рублей.

Годунов. Исполним, государь.

Иван. Заплачено ли уж за золочение купола Троицы?

Годунов. Заплачено, государь. И за восстановление сгоревших монастырских строений заплачено.

Иван. Все за мой счет! Люблю я, милые мои, с богатыми дарами по монастырям ездить! Намерен быть в Иосифо-Волоколамском, Николы в Можайске, в Твери, Ржеве, Новгороде, Пскове, Печорах, Тихвине и прочих. Однако, Троица и Кирилло-Белозерский особенно посещаемы мной и любимы. Ныне ж, давши обет, принесли мы с царицей и сыном царевичем Иваном вклады, дары Божьему дому. *(Кланяется.)*

Артемий. Государь милостивый, особо благодарение за позлащение верха церкви тут Сергиевой живоначальной Троицы-главной обители России, также за иные вклады.

Иван. Радостно мне то слышать, игумен Артемий, однако, с печалью говорю: не государь я ныне России, а князь московский, ибо от престола отрекся за грехи свои и за вражду вельможную в пользу князя тверского Симеона Бекбулатовича.

Нагой. Нет, ты - государь для Всея Руси и для народа русского, он же, Бекбулатович, во главе земства, служилый хан.

Царевич Иван. То тяжко, батюшка, для отечества, когда царь отрекается и отдает власть чужому, не наследнику.

Иван. Так и прежде бывало, Иван-сын. Законный царь от престола отрекался во времена тяжкие и греховные. Мысль о вокняжении Симеона я, царь, почерпнул из восточной легенды «Житие Варлаама и Иосифа».

Федосий. Ни православная церковь, ни народ русский не признают крещеного татарина на престоле. Лишь ты, Иван Васильевич, Всея Руси государь.

Артемий. Государь благоверный с благоверной государыней, зная, что любишь щедрые свои вклады вносить совместно с простонародьем, то пригласил для подобного дела простых вкладчиков. Можно ли им идти?

Иван. Пусть идут. Не с боярами спесивыми, не с вельможами изменными, с простонародьем люблю я Божий дом одаривать. *(Входят вкладчики, низко кланяются царю.)*

1-й (кланяется). Плотник нагорный Влас Новосильев, проживаю в высокой стороне селения.

2-й (кланяется). Портной мастер Филька Николаев.

3-й (кланяется). Каменных дел подмастерье Терешка Алексеев.

4-й (кланяется). Сапожный мастер Матвейка Тимофеев.

5-й (кланяется). Иконник Родион Сергеев.

6-й (кланяется). Купецкий человек шапочного мужского ряда Кузьма Григорьев.

7-й (кланяется). Торговый человек московский.

8-й (кланяется). Крестьянин Плотников.

9-я (кланяется). Жилица с Никитской улицы Федосица Григорьева.

10-я (кланяется). Вольная женка, посадская дочь Анютка.

Иван (растроганно). Сие есть русский народ-в Божьем доме вкладчик, да царь ваш русский - вкладчик с вами заодно. *(Ходит.)* Они, вельможи изменные да прочие враги, не хотят допустить мысль, что народ на моей стороне! *(Ходит.)* Игумен Артемий, какие вклады простых людей?

Артемий. Кто что имеет, государь! Холстом, рыбой, зерном, иные же-по бедности-денежкой, свечкой али личным трудом монастырю.

Архиепископ Федосий. Что от чистого сердца - для Бога дорого, свеча простолюдина или щедрый царский дар.

Хор (речитативом). Щедр благотворительна душа будет насыщена, и кто напоет других, тот сам напоен будет. *(Слуги вносят дары.)*

Иван. Самая чтимая икона - Троица Рублева. Для нее от меня украшение - золотой оклад.

Царица Мария. От сына, младенца князя Угличского Дмитрия - жемчужна пелена к иконе Рублева. Жемчуг обнизан золотыми дробницами, узором ветвей и дерев.

Иван. Для других святынь, для гроба Сергия Радонежского, от меня и от сынов моих, царевичей Ивана и Федора, серебряная рака, крыша для гроба с изображением Сергия Радонежского в рост, с золотым чеканным окладом, украшенным драгоценными камнями. Камни - византийские камеи и крупный серафимский жемчуг. *(Слуги приносят золотой оклад и серебряный гроб.)*

Мария Нагая. От меня - покров Голгофы для вклада в Троице-Сергиевский монастырь, вышитый разноцветными шелками. *(Слуги приносят покров.)*

Федосий (восторженно). Царица благоверная, камни Голгофы словно драгоценные камни освещены светом, словно живы смотрятся, чудно на фоне темно-багрового атласа смотрятся. Кто шил?

Иван. Сие вышито новой вышивальщицей из моей мастерской, Аницей Новгородской.

Артемий. Славна вышивальщица. Покров истинно хорош. От ангелов будто дух святой исходит в сиянии.

Мария. Ангелы те есть хранители нашего сына, младенца Дмитрия Угличского.

Нагой. От меня, Афанасия Нагого, ради младенца Дмитрия в Троице-Сергиевский монастырь блюдо для просфор и кутьи.

Годунов. И от меня, Годунова, серебряно блюдо с золочеными подписями на четырех клеймах в виде развернутых свитков. *(Слуги приносят блюдо.)*

Никита Романов. От нас, Романовых, даю в Троицу золото блюдо, на нем - двуглавый орел и гравированная чернью надпись: «Божьей милости благоверному царю и царице от боярина Никиты Романова».

Роман Елисеев. Позволь и мне, государь, врачу твоему, передать в монастырь золото блюдо, на блюде - голгофский крест на фоне Иерусалима.

Артемий. Принимаю с благодарностью те все дары. Государь, не пора ли позвать святого старца Максима Грека?

Иван. Истинно, пора. Приехал я особо к преподобному старцу Максиму, и за речами нашими и дарами преклонный старец может утомиться, утомившись - обратно в келью уйти. Где старец?

Артемий. Государь, старец святой в либрарне, сиречь в библиотеке, трудится с рассвета, как ежедневно.

Иван. Кликни его, игумен.

Артемий. Тотчас покличу, государь. Радуюсь, что приехал ты ныне с Дмитрием-младенцем, ибо третьего дня свершилось у нас в Троице чудесное исцеление у чудотворца Сергия. То означает, чудотворец ныне особо милостив, и милость сия на младенца перейти может, ибо исцеление перед твоим приездом с царевичем Дмитрием - то было знамением. Так мне внушено свыше.

Мария. Которое исцеление, отец святой?

Артемий. Простил у нас в Троице чудотворец Сергей жену Домну слепу Васильевну в память свою. Два года не видела и веки не подымались, а как Бог с угодником своим сотворил чудо, простил-и очи ей простилися в единый час, яко не была больной, и узнал я, что в тот час младенцу Дмитрию полегчало.

Мария. То истинно, свыше помощь была, ибо младенец наш Дмитрий животом мучился. Однако, поднеси-ка его, мамка Аграфена, не горит ли он?

Мария (щупает лоб). Ой, горит еще лоб младенца нашего, государь! *(Младенец начинает плакать.)* Ой, здоров ли он?

Аграфена. Государь, государыня матушка, у государя батюшки Дмитрия Иваныча пеленцы мокрые, а государь Дмитрий Иваныч Божьей помощью здоров. Помимо молока от груди, молочной каши с медом кушал. Ныне ночью покряхтел, да переменяла пеленки - снова уснул.

Иван. Неси его, мамка Аграфена, да переменяй пеленки мокрые, да береги его! *(Целует сына. Аграфена уносит младенца.)*

Мария. Государь мой, накануне перед сном долго молила я Бога о сыне нашем Дмитрие, а как заснула, то и во сне молила, и в том молении снится: стою я с сыном, царевичем Дмитрием, на берегу и вижу плывущий один корабль по морю. На нем же - муж благообразен и сединами украшен, и лицом вельми светел, то бо есть святитель Христов Николай Чудотворец, я же, жена, не ведаю, кто он есть. И пристал к берегу, и рече: «О, жена, чего ради плачешь и почто на помощь призываешь Николая Чудотворца!» Я же поведала ему про все приключившееся, когда бояре тебя не признали

государем и сына нашего болевшего Дмитрия не признали. Который же помощник и теплый заступный Николай Чудотворец, рече: «Одажь мне сына твоего, и возьму его», и взял у меня сына. Я ж, проснувшись, встревожилась, и спросить хочу тебя, государя, хорошо ли то?

Иван. Хорошо, Марьюшка. Божий угодник, святитель Христа, берет сына нашего, царевича Дмитрия, под свой угодничий покров. *(Входит Максим Грек в сопровождении писцов, несущих книги. Все, в том числе царь с царицей, кланяются старцу. Старец садится в кресло, вокруг него располагаются писцы.)*

Царь Иван. Старец Святой горы, ехал к тебе с царицей своей и с царевичами Иваном и Дмитрием-младенцем, испытывая трепет душевный, аки послушник. Да дары привез, Троицкий монастырь посетив. Кроме икон и соборей, разнообразны блюда и кубки из чудесного дерева, резные и позолоченные, с именем монастыря, на них написанным.

Грек. Царь, всякое даяние - благо, и всяк дар совершенен свыше есть, сходя свыше светом. Богодуховное писание этому учит ясно.

Иван. С великой верою и с многими желаниями и любовью сердечною, нещадною десницею, украшение церкви любя, дом Божий любя, с жертвой и долготерпеливо люблю, по духовному же писанию много спросить хочу. Как многие разумные мужи почитают себя учениками твоими, прими и меня, царя, в смиренные почитатели и ученики свои. Буде мне учителем, и у меня к тебе, святому старцу, вопросы ученические, а ответы же - учительские.

Максим Грек. Знаешь ли, царь, что есть учитель? Учитель есть отец, а отец требует полного послушания. Помысли: толкую царями учителю, авва толкуется отец, по-еврейски бо авва, по-гречески патре, по-русски отец. Есть же сие в буквицах искание речи не объявлено, коего суд схожий.

1-й вкладчик *(кланяется)*. Государь-батюшка, я, плотник нагорной стороны Влас-то Васильев, любопытствовать святого старца хочу про книжно письмо. Позволишь ли?

Иван. Любопытствуй. Я - царь, ты - холоп, а все мы перед учением равны.

Васильев. Святой старец, и я любитель азбукование читать. Позволь любопытствовать: князи-лютеры «авва» толкуют быти «великий отец».

Максим Грек. И то они ложно толкуют, «авва» во толку «отец» толкуется, а «великий» не прикладывается. Великий отец есть Бог, в своеумии криво толкуют. Неразумные толкования не познают истины. Однако, что спрашиваешь ты, то хорошо.

Иван. И у меня, царя, как и у сего холопа, есть вопросы к тебе, святой старец.

Грек. Спрашивай, царь. И я прежде спрашивал. Как жил в Падуе, то слышал - в Венеции есть некий философ-доброхитр, имя ему - Алдус, а прозвище - Марицус, родом фрязин, отечеством римлянин, ветхого Рима отрасель. Грамотей: и по-римски, и по-гречески добре горазд. Я его знал в Венеции и к нему часто хаживал с книжным делом. Я тогда еще молод был и в мирском платье.

Иван. Святой отец, тут, в Троице, вопросы имею о Святой Троице аки едином существе. В иконе отечества сделана надпись *(берет бумаги, читает)*: «Преклонимся Отцу, и Того Сыну, и Святому Духу, Святой Троице во едином существе, Серафимами зовущих, свят, свят, свят, еси Господи славию Отца, Сына, и Святаго Духа». А складки на белых одеждах Бога-отца прорисованы на гаматии красными и розовыми линиями, на хитоне-зелеными и голубыми. На Христе красный хитон и синий гаматий. Нет ли в сей расцветке одежды Христа символики цвета, отвлекающей и Его, подобно Богу-отцу, в цвете Вселенной как ее создателя, сиречь, Христос, как и Отец, создатель Вселенной?

Грек. Бог-отец назван Саваофом, сиречь Господом сил. Его премудростью сотворена Вселенная - земля красная и небо синее. Се власти вещество, полное могучей силы, проносится над миром, однако, через сферу с Голубем-Духом объединяется с сыном.

Иван. Канонический смысл мной так понят: творение мира было совершено не одним из лиц Троицы, а всей Троицей в ее нераздельности. Так ли, святой старец?

Грек. Так, царь.

Иван. Тут, милые мои, тема создания и триумфа власти. Царь - помазанник Божий, но божество - не Отец лишь, а вся Троица нераздельно. Вся Троица созвучна нашему единодержавию, нашему самодержавному русскому государству, сказано: «Сотворил Бог свои духи, и слуги, и престол, и все силы небесные».

Царевич Иван. Святой старец Максим Грек, спытать хочу, отчего в отечестве сферу с голубем перемещает с колен и груди Сына к голове Отца?

Иван. Иван-сын, надо ли затруднять святого старца мелочами второстепенными?

Царевич Иван. На первый взгляд, батюшка, сия мелочь второстепенна, на первый взгляд, ибо нет ли тут идеи католицизма, идеи латынства, прокравшейся с некоторых пор в нашу русскую православную церковь? Тут, батюшка, поминается тобой восточная легенда о Варлаамии и Иосифе, откуда взята тобой идея о вокняжении Симеона. И я, батюшка, читал ту легенду, однак, ради иного, интересуюсь происхождением третьего лица Троицы. Читал я также, батюшка, самый древний список легенды Троице-Сергиевского монастыря и установил важные вероисповеднические расхождения: в Троице списке, в соответствии с православными символами веры, сказано - Духа Святаго, от Отца исходящего, а в новом переводе весь смысл тезиса меняется путем вставки союза «и»; получается, что Дух Святой и от Отца-Бога исходит. Такое, батюшка, есть чисто католическое изложение канона.

Иван. Вижу в прискорбии, нам с тобой, Иван-сын, постоянно надобно судиться. Рассуди нас с сыном, святой старец.

Грек. В сием мире есть видимое и невидимое.

Никита Романов. А можно ли допускать изображение невидимого видимым, как в иконах Благовещенского Кремлевского собора? В обсуждении сюжетов ты, ученый монах Максим Грек, принимал участие.

Грек. Знаю те попреки, что допустил латинские мудрствования. Однако мир - един, и сотворен единым творцом. Вот, государь, католическая по духу голландская Библия Пискатора. (*Берет книгу, листает ее.*) Тут гравюры голландских и фламандских художников на текст молитвы «Отче наш». (*Листает.*) На листе, изображающем видимые слова «Яко Твое есть царство», изображена Троица в мистической трактовке. Троичный, но невидимый Бог является людям в виде ослепительного сияющего круга.

Иван (*смотрит в книгу*). Что то за круг, святой старец, не солнце ли?

Грек. То, царь, круг жизни. В центре круга древнееврейскими буквами начертано «Бог», в лучах его космического сияния - три меньших сияющих круга, в них - латинские буквы «F.P.S.», сиречь «Филиус Патер Спиритус» - «Сын Отец Дух». Буква «F» расположена справа от «P», что означает: Бог Бога-Сына, сидящего одесную Отца.

Иван. Красота сей Библии искушает некоторые латинские шатания веры. Милые мои, велико почитание Богоматери, но еще более велико почитание Креста, особо во времена шатаний, еретичества и измены. На дареной пелене «Явление Богоматери Сергию Радонежскому» - не Богоматерь, а крест в центре. Не Богоматери, а Кресту святой старец поклоняется, ибо при ереси и изменах особенно возвышать надо Христа, спасительное страдание которого отрицается еретиками. Я то чую, милые мои, ибо и я немало страдал от боярских измен.

Федосий. И твое, государь, милостивое страдание спасительно для отечества.

Мария Нагая. Я, государь-батюшка, особенно за сына нашего, младенца Дмитрия, страдаю. Как в иконе «Богоматерь умиление» мать Божия в тревоге за судьбу сына, прильнувшего к ее щеке щекой. Не могу о том мыслить без слез. (*Вытирает слезы.*)

Артемий. Царица благоверная, святая Троица и святой Николай Чудотворец, также Сергей Радонежский, возьмут младенца под свой покров. Так ли, святой старец Максим?

Грек. Возьмут под свой покров, ежели будет соблюдено Божье, и соблазнов не будет. Ибо и цари подвержены соблазну, а Троица и создана против соблазна. Сергей же Радонежский-против соблазнов главный воитель. До Сергия Радонежского на Руси Троицких монастырей на Московской земле не существовало. Бойся соблазнов, царь, то и младенец будет здоров. Грех от соблазнов велик, царь. Живи не во грехах, царь, ибо сказано: «Яко от Бога извещение приемши и свыше дар входящ». То литургическая цитата.

Елизаров. Государь, кажись, сей инок тебя в соблазнах попрекает! Ты, инок Максим, все знаешь и умеешь, и царя благоверного учишь, ответь на вопрос мой: если случайно будет брошена на землю и разорвана бумага, которая содержит что-нибудь из священного писания, то можно ли ходить по тому месту?

Грек. То ты и есть Николай Ключев, али Блюев, также Роман Елизаров, немчин английский?

Юрьев. То я, инок Максим, врач царя и советник его духовный, для защиты от напастей поставлен его телесных и духовных. Ответь на вопрос, инок Максим!

Грек (*сердито*). Я на чародейские вопросы отвечать не желаю. Государь, отчего ты рядом с собой такого чародея и звездочета держишь? Не соблазн ли то?

Иван. Английский немец Николай - человек очень ученый, оттого и держу. Магистр медицины и астрономии, всех наук. Он и переводы делает. «Зрячая пасхалия» перевел, альманах «Звездочет», «Беги небесные», «Громник», «Лацариус», сиречь «Просветитель», да прочие. Все те книги имею в своей постельной казне. Также Аристотелевы «Врата», «Космографию» Аристотелеву, снова перевел мне, заново.

Грек (*сердито*). Все то соблазны. Кто знает и держится шестикрыла астрономии да астрологии, Аристотелевых «Врат», все то кобы бесовские, все то соблазны.

Федосий. Как смеешь, инок, помазанника Божья в соблазнах попрекать?

Грек. Всяк на соблазн горазд, и я соблазнялся. Еще будучи в Италии, сам едва не погиб, увлеченный астрологией, да Бог спас. В монастыре святого Марка во Флоренции повстречал я святого мужа Иеронима Савонаролу, он меня от соблазнов спас.

Федосий. Как же, инок, ты называешь латына святым?

Грек. Хоть пребывал Иероним в латинском заблуждении, однако был исполнен всяких премудростей и богодуховных писаний, а не так, как иные хульники латыни-мудрецы пишут развращения на православну веру нашу.

Елизаров. Обо мне, видать, говоришь? Писал я не против православия, то всем читавшим ведомо. Писал лишь, что скорбные расхождения мешают единению христианских церквей, ведь крещение у православных и латинян одно. То признаешь ли?

Грек. То признаю. Крещение одно, однак, по отступлению латинян от истинной веры, того одного крещения недостаточно.

Царевич Иван. Такие твои слова, святой отец, приемлю с восторгом! Отступление от веры делает для православных невозможным общение с ними, с латынцами, потому латыняне должны отречься все от своих заблуждений, ежели желают соединиться с православием. Так ли, батюшка?

Иван. В исповедании христианской веры непозволительно ничего ни прибавлять, ни убавлять. Иное дело - дипломатия, наука хитрая. Тут нам потребно посредничество Папы Римского. Так ли, Нагой?

Нагой. Истинно так, государь.

Грек. Гляди, государь, не было бы и тут прелестей, как теория звездозрительной прелести соблазняет, не было бы и в дипломатии соблазна.

Федосий. Что ты все упрекаешь в соблазнах? Тебя самого заточили за порчу святых книг! Бога благодари, что не сожгли, как флорентийского учителя твоего, еретика Савонаролу.

Грек. Видел я мученическую смерть Иеронима за то, что обличал языческие увеселения народа и иерархов, подобных нашему скоророшью. И я с радостью сравнил бы его, если б не был он латынской веры, с древними защитниками благочестия, ибо то же я видел и в преподобном Иерониме: горячую верность к слову Христа-спасителя. Не от другого слышал, сам видел.

Федосий. Государь, надо, чтоб малые сии, богомольцы-вкладчики, ушли, дабы не слышали в Святой Троице речей богохульных, пославляющих сожженного за ересь латына.

Иван. Пусть богомольцы идут, чтоб по недомыслию дурного себе не вообразили.

Мария. Раздать им, богомольцам, деревянные кувшинцы, расписанные красками, братины киноварные под суриком. (*Слуги раздают братины.*) Молитесь за здоровье сына нашего, младенца Дмитрия, князя Угличского.

1-й. Уж помолимся, государыня благоверна. (*Богомольцы кланяются и уходят.*)

Грек. И я, царь, рад, что сии малые ушли. Хочу сказать откровенно кое о чем, однако прежде скажу: жаль видеть при тебе духовным советником Федосия. Из тех он людей, что возлюбили сей мир и богатство. Дурные подает он да ему подобные тебе советы, потому и умоляю тебя, царь: оставь свои заблуждения, не едь по монастырям, как намеревался, возвратись в Москву.

Федосий. Как ты, инок Максим, такое говоришь против богоугодного царского обета ехать в знамение рождения сына своего Дмитрия по монастырям с царицей и царевичем?

Иван (*недовольно*). Говорю я, царь-самодержец, с тобой, старец, кротко, а ты говоришь со мной не без укоризны. Как же не исполнять обет? Нет, я поеду.

Артемий. Государь, знаешь ли, старец Максим Грек - человек весьма мудрый, умаченный летами, почитаемый старостью и украшенный в Боге терпеливостью исповедника. Слушай, что советует он тебе, чтоб не ехать в столь дальний путь после недавних бед, да еще с женой и новорожденным дитятей.

Иван. Я обет дал просить святого Кирилла о заступничестве перед Богом.

Грек. Хоть ты дал обет ехать туда просить святого Кирилла, да такие обеты несогласны с рассудком, и вот почему: когда добывал ты надменное и могучее басурманское царство, немало храбрых христианских воинов пало там от язычников, с которыми твердо боролись они за православие. Ныне же еще более пало в Ливонии от врагов латинских. Жены и дети погибших осиротели, матери нищенствуют и пребывают во многих скорбях и слезах. Будет гораздо лучше, чтоб ты их пожаловал и, устроив, собрал в свой царственный город и утешал их в скорбях и бедах, чем исполнять неразумные обеты.

Иван. Вдов и сирот мы утешаем и жалуем, так ли, Годунов?

Годунов. Истинно так, государь. Из казны выделено на устройство вдовьих боярынь, также и иных павших воинов.

Нагой. Государыня царица Мария Федоровна над ними попечительствует.

Иван. Ежели исполняю свой обет перед людьми, как же не исполнить обет перед Богом?

Грек. Бог везде. Угождай лучше Ему на престоле, угождай праведной царской властью - тем ты угодишь Богу.

Федосий. Те слова, государь, он, мыслю, говорит с согласия с вельможами, против тебя возмущавшимися, такими, как Мстиславский или Романовы. Так ли, боярин Никита Романов?

Никита Романов. Истинно, мы, родичи законного наследника, царевича Ивана Ивановича, любим и уважаем старца.

Царевич Иван. Батюшка, ведь и ты старца любишь, и в учителя его просил. Что поучает он тебя, царя, так ведь добрые поучения из добродетельных уст поистине более сладки, чем каплющий мед.

Артемий. Правду скажу, все мы, твои истинные друзья, боимся, чтобы ты, царь, скитаясь по монастырям, не наткнулся бы на тех иосифлян, которые умеют льстить и угождать властолюбию и щекотать дурные склонности сильных мира сего.

Федосий. Такие слова государю есть непотребство.

Романов. Не прервать ли тебе, государь, сей разговор, дурно действующий на здоровье твое?

Артемий. Прискорбно, что ученый разговор, ради которого ты, государь, приехал в Троицу, сделался внезапно таким неустроенным.

Иван. Истинно, в святую Троицу о Троице ехал говорить, ибо в тяжкие времена Троица особенно потребна. Ныне, как ополчились враги на Русь с разных сторон, особо же польский король Стефан Баторий по кличке Оботур, намеревающийся пойти на Псков.

Федосий. Известно, государь, что Троица - защитница псковичей. Псковская Троица - особая святыня, и подвергается особым нападкам от еретиков.

Артемий. Святой старец Максим Грек еретик ли? Не он ли писал книгу о Троице?

Федосий. Крещение, считают еретики, может быть лишь в случае обрезания, а если обрезания нет, то и нечего креститься. За такие идеи духовный суд на соборе судить надобно.

Елизаров. В тех идеях - мнение святого, а более аллегорий греческих пифагорейских.

Грек. Послушай, царь, мое аллегорическое слово, пространно излагающее жалость настроения да бесчестия царей и властей последнего житья, да реши, можно ли за то судить меня.

Иван. Говори, старец.

Грек. Было мне, царь, видение: шел я по трудному и скорбному пути и видел жену, сидящую при пути на крестце, которая, склонив голову на руки и колени, горько и неутешно плакала. Она была одета в черную одежду, обычную для вдов, и окружена зверьми. То были львы, медведи, волки и лисицы.

Царевич Иван. Батюшка, сия аллегория - страждущая Россия. Удрученная женщина, сидящая на крестце распутья, облеченная в черные одежды, наклонив свою голову на руки и плачущая безутешно. Со всех сторон ее окружают звери - львы и медведи, и волки, и лисицы. То Россия, окруженная на всех границах врагами.

Иван. Помолчи, Иван-сын, дай святому старцу сказать! Говори, святой старец, что затем видел!

Грек. Затем видел вступление в разговор путника и жены. Тяжко вздохнувши, она сначала отказывалась от беседы, затем, убежденная, восклоняет мало голову свою и говорит: «Я, о

странник, одна из благородных и славных дочерей царя, содетеля и владыки всех. Имя у меня не одно, а различные. Называюсь и начальством, и властью, и владычеством, и господством. Настоящее же мое имя, в котором заключается все сказанное, есть Василия, сиречь царство».

Царевич Иван. Так и я мыслю, батюшка, что имя сей женщины - Василия, сиречь царство.

Иван. У тебя, святой старец, трактат есть, посвященный иконописанию. А и словесны образы твои пластичные, как передаешь ты беседу с женщиной во вдовьем наряде, которую застал сидящей при дороге на крестце, а имя ей - Василия, сиречь государство. То описание - готовая икона, и такову икону велю повесить в Кремлевском соборе. Названа может быть «Вдовствующим». Однако, говори, старец, что значит сей тернистый путь и сии осаждающие ее звери.

Грек. Сей пустынный путь есть образ окаянного сего последнего века, как уж лишенного благоверно мудрых царей, ревнителей Отца их небесного. «Василия, - речет вдовица, - восходное имя, я получила от высшего, так как владеющий мной должен быть крепостью и утверждением для подвластных им людей и не пагубою и смятением непрестанным. Таково, царь, значение на греческом языке имени Василия. Но многие не понимают его и недостойно царского моего наименования правят делами своих подвластных, вместо царей делаются мучителями, чем и меня бесчестят, и себя ввергают в великие скорби и болезни, получая от Наивысшего возмездие достояния своего безумия и лютоости.

Федосий. Государь, недаром говорят, келья Максима Грека - центр ереси.

Иван (сердито). Старец Максим Грек, я ехал к тебе с чистым сердцем, ты ж говоришь как еретик и бунтовщик!

Грек. Не против тебя говорю, против всех царей нынешних. Нынешние цари имеют не того, чтоб прославить Высшего праведными деяниями и благотворениями, но яко да себе расширить пределы держав своих, друг на друга враждебно ополчаясь и друг друга обличая, в кровавом пролитии раздувающие всякие лаяния и лукавства сотворяющие, и обиды наносящие.

Иван. Обиды? Кому обиды? Ежели мы увидим на торжище, что раб оскорбил господина, юноша - старца, сын - отца, разве не придем на помощь старшим, даже если они первыми и нанесли обиды? Так христиане поступают. Вы христиане ли? *(Нервно ходит.)* Не стыдитесь ли человеколюбия Иисуса, который пришел к грешникам, не к праведникам?!

Федосий. Не слушай советов сих побайщиков, поговорщиков, благоверный государь, едь, как замыслил по обету!

Иван. Хотел три дни в Троице остаться, однак, поеду сегодня. Поеду в Кирилловый езд с тобой, благоверной царицей, и с сынами царевичами, младенцем Дмитрием и Иваном, помолимся по монастырям. Годунов, от живоначальной Троицы поедем в Димитров, на суды сесть в Яхроме-реке, да Яхромою-в Дубну.

Годунов. Так сделаем, государь.

Мария. В Дубне бы езд сделать в Медведеву пустыню к старцам-отшельникам.

Иван. Так сделаем, Марьюшка, да Дубною в Волгу, да в Калязин к Макарию Чудотворцу, а оттоле в Углич в Покрова монастырь, а оттоле на устье Шексны, на Рыбную, да Шексною вверх к Кириллову Чудотворцу. А в Кириллове, молебны совершив, в Ферапонтов монастырь и по пустыням. Тебя, Марьюшка, с сыном-младенцем в Кириллове оставлю, сам же опять Шексною вниз, на Романов и Ярославль к чудотворцам, да в Переяславль, к Переяславской живоначальной Троице. В месяц управлюсь. Однак, перво-наперво поеду до города по званию Димитров, а оттуда до одного монастыря, прозванного на Песчане. Монастырь тот стоит на реке, там приготовлены к плаванью суда.

Артемий. Государь, на Песчане ведь епископом Вассиан Топорков, племянник Иосифа Волоцкого.

Иван. К нему и поеду, он человек разумный.

Артемий. Старец Вассиан Топорков, племянник Иосифа Волоцкого - известнейший из иосифлян, старец же Максим Грек близок к нестяжателям Нила Сорского. Как же желаешь посетить обоих, ведь старцы сии во вражде?

Иван. На то и царь, чтоб не только лишь карать, а и примирять достойных людей, кто же ошибся да покался-поправить того и простить. Милые мои, нелегко мне, царю, между враждующими. Ране я старался вражду не замечать, теперь же стремлюсь примирять.

Грек. Не примирить тебе, царь, меня с Вассианом. Молю тебя, царь, послушай, что замышляет дьявол, непримиримый наш враг. Как в цель стреляет, хочет выстрелить дьявол тобой в тот монастырь!

Ведь этот Вассиан Топорков при отце твоём вместе с надменным и окаянным митрополитом Данилой оклеветал многих достойных мужей и подверг их большим гонениям, он же предал злой смерти праведного ученика моего Селивана, мужа искусного в обеих философиях, светской и духовной. Одумайся, государь, послушай совета тех, кто тебя любит, возвращайся в Москву!

Иван. Я, царь, не допускаю никакого посягательства на волю, даже в виде непрошеного совета. Поеду, как замыслил, в набожное странствование и в Песношском монастыре увижусь с самым сильным первостатейным иосифлянином, а царица с сыном-младенцем тем временем прямо в Кириллов поедут.

Грек. Где сын твой?

Иван. В келье он, утомился с дороги, спит.

Грек. Пусть принесут.

Артемий. Слушай, царь, что говорит святой старец.

Иван. Пусть принесут. *(Слуга выходит.)*

Грек. Ныне более, нежели когда-нибудь, прилично нам повторить за блаженным пророком и царем Давидом: «Ты, государь, да соблюди нас от рода, века сего и вовеки». Почему? Потому что, как Дамеон говорит, окрест нечестивые ходят. Где теплота Божественной ревности богоносных и равноапостольных отцов наших? Где ни с чем не сравнимая высота слова и дела в правлении и мудрости, во всех добродетельных благих учреждениях и в православной вере державы?

Иван. Ищешь ты царей добрых, а где они, добрые? Бог возложил на нас бремя Третьего Рима, потому Русь должна быть единойдержавна. Бояре же во вражду Божьему замыслу междоусобствуют или, что еще хуже, против законного государя мятеж творят. Так дал им в великие князья татарина, пусть с татариним поживут! *(Ходит.)* Кругом изменники, еретики, потому от церкви, от старцев святых жду помощи. Переводишь ты святого Иоанна Дамаскина, то и возьми его как богословское оружие. Нет лучшего оружия против ереси и измен! И у светских языческих писателей, Гомера, Пифагора, Сократа, Плутарха, Платона, Аристотеля, Эпикура, Диогена, Фукидида да иных, кого не возьми, сказано о сердце нечестивых, о породе человеческой дьявольской. Мало кому можно верить! Я с сиротского своего детства то усвоил, а ныне и в разумных книгах подтверждение нашел. У философа языческого Платона найти можно многое, что обличает разумение святого апостола. *(Мамка Аграфена вносит младенца Дмитрия.)*

Мария. Душечка ты моя прекрасна! *(Целует сына.)*

Иван. Дмитрий, князь Угличский, благочестивый и славный! *(Целует сына.)*

Максим Грек. Пусть поднесут младенца. *(Аграфена подносит.)* Дай мне, канонарх, псалтырь! *(Канонарх подает псалтырь.)* Читай тут, канонарх!

Канонарх *(читает).* И птичка находит себе гнездо, и ласточка гнездо себе, где положить птенцов своих, у алтарей твоих, Господа сил!

Грек. По чтению псалтыря прикоснись ко членам младенца и к псалтырю троекратно и глаголи: «Во имя Отца, Сына и Святаго Духа, аминь!»

Канонарх. Во имя Отца, Сына и Святаго Духа, аминь! *(Прикасается к псалтырю и пеленам. Вдруг младенец начинает страшно вопить. Мария подбегает, выхватывает младенца у мамы из рук и убегает с ним.)*

Грек. Бог вездесущ! Исполняя же, и зрит везде недремлющим своим оком, понеже Бог и святые Его внимают молитвам нашим не по месту их творения, а по доброй воле нашей и по самовластному нашему усмотрению. И ежели послушаешь меня, не поедешь по монастырям, многие лета будешь благополучно с женой и младенцем.

Иван. Я самодержец. Кто мне советовать может? Ехать решил к святому Кириллу, то ехать!

Федосий. Истина у тебя, государь! Кто может препятствовать государю ехать?!

Мария *(возвращается).* Божьей помощью успокоилось и заснуло дитя мое.

Федосий. Истина у тебя, государь, кто может препятствовать!

Елизаров. Звезды с Луною тому не препятствуют.

Грек. Интерес православных к устройению мироздания порочен. Православным не подобает о том знать, о затмении Солнца и Луны, ибо звездочетие есть фатализм и атеизм. За такой грех Бог сурово карает.

Иван. Как карает?

Грек. Спыть про то богатого в аду.

Мария. Сей Максим вообразил, что исполнился пророческого духа, да начал недобро про то говорить тебе, царю.

Грек. Что вижу, что чую при тебе, царе, не скажу. Скажу тебе. *(Указывает на Никиту Романова.)*
И тебе, игумен Артемий. Идемте со мной. Тебе же, царю, скажу: зри кругом, куда не простишь мысленный взор, везде видишь ты, как тьма христиано-богоборческого несчастья увеличивается и все собой покрывает. Приближается царство Антихристово, зри кругом!
(Уходит с Никитой Романовым и Артемием.)

Федосий. Как стал игуменом Артемий, да принял он Максима Грека, то сделали святую Сергиеву обитель домом ереси!

Иван. Всякий раз с радостью бывал в Троице. Ныне впервой мыслю: скорей бы отсюда! *(Входит боярин Никита Романов и Артемий.)*

Никита Романов. Государь, святой старец сказал и велел передать: «Ежели не послушаешь меня, Богом советующего тебе, предашь забвению кровь мучеников, убитых за православие, пренебрежешь слезами сирот и вдов и поедешь из упрямства, знай тогда, что сын твой, царевич Дмитрий, умрет до отрочества и живым из Углича не вернется».

Мария Нагая *(кричит)*. Чернокнижник, чаровник сына моего клянёт, малютку, чадо мое!

Артемий. Не клянёт, государыня, а предрекает, что государь потеряет сына, ежели не послушает его, старца, совета и поедет по монастырям.

Иван. Годунов, что скажешь, умрет ли царевич Дмитрий, ежели старца не послушаю?

Годунов. То предречения темные, чародейские. Не слушай их, государь!

Нагой. Истинно так, государь.

Иван. Не послушаюсь темных предречений. Сын мой под защитой Божьего угодника Христова Николая Чудотворца, я же ныне возмужал от юности моей да верю лишь в истинные Божьи чудеса.

Мария Нагая. Старца того, поймав, сослать опять надобно в дальний монастырь, чтоб не смущал ересями и не проклинал!

Иван. Так и сделаем. *(Уходит в сопровождении свиты.)*

Артемий. Ежели святого старца опять сошлют, то и я уйду. Скоро почувствовал себя тут, в Троице, не на месте. Сперва хочу удалиться в свою пустыню, чтобы от Бога не погибнуть душой, и Христовы заповеди, и Евангельские, и Апостольские блюсти, и от своих рук питаться пищею и одеждою довольиться. *(Крестится и уходит.)*

Занавес

Сцена 82

Келья Пешношского монастыря. Вечер. Игумен Вассиан Топорков читает при горящей свече. Входит царь Иван со свитой.

Топорков. Рад сердечно видеть тебя, государь. *(Кланяется)*.

Иван. И я рад видеть тебя, почтенный старец. Когда после рождения царевича Дмитрия, князя Угличского, также оправившись от недомогания, собрался я ехать в Кириллов монастырь, то твердо решил заехать к тебе, старцу Вассиану Топоркову, бывшему советнику отца моего, великого князя Василия III. Знаю, что был ты в большой милости у Василия Ивановича, однако при боярском правлении тебя удалили.

Топорков. Удалили меня, государь, в Коломенское игуменство, ибо сыскал известность как сторонник сильной монархической власти.

Иван. И ныне бояре против меня восстали, то дал им в великие князья татарина, сам же удалился.

Топорков. То скорбно для Руси, государь. Слыхал обо всем том со скорбью.

Иван. Вот пришел я, царь, в твою келью и, зная, что ты единомышленник отца моего и во всем угоден и согласен, спросить хочу: како бы могло быть мне, чтоб добре царствовать и великих и сильных держати в послушании?

Топорков. Подойди, царь, я тебе на ухо шепну, ибо есть с тобой лишние.

Никита Романов. Кто ж те лишние? Не мы ль, шурья царские, с наследником законным царевичем Иваном?

Царевич Иван. Скажи, старец, громко, и мы послушаем.

Иван. Скажи громко, старец, пусть знают и иные.

Топорков. Слышать громко желаешь, то такую речь скажу: государь, ежели хочешь быть настоящим самодержцем, не держи около себя никого мудрей себя самого, ни одного советника умнее себя, поскольку сам ты - лучше всех. Ежели так будешь поступать, то будешь тверд на своем царствии, и все у тебя в руках будет. А ежели станешь держать около себя мудрейших, поневоле будешь их слушать, тех, кто умней тебя.

Иван. Замечание твое попало мне в самое сердце. (*Целует старцу руку*). Ежели б отец родной был жив, то и тот не сказал бы мне ничего лучшего.

Царевич Иван. Батюшка, молю тебя, не слушай такое! Вот как ты, Топорков, сплел сатанинский силлогизм! Батюшка, не слушай его! То есть сатанинское сложение или стих.

Иван. Отчего же сатанинское, Иван-сын? Ну, хоть бы и отец мой был жив, не сказал бы мне столь полезного слова, а я, в отличие от тебя, Иван-сын, отца своего слушал. (*Ходит*). Нет, недаром по дороге в Кирилло-Белозерский монастырь заехал я в Пешношскую обитель к старцу Вассиану Топоркову.

Царевич Иван. По наваждению дьявольскому ты, батюшка, с восторгом выслушал коварный совет.

Иван. Нет, то ты, Иван-сын, не разумеешь! Старец Вассиан Топорков, скажи еще раз!

Топорков. Чтоб сохранить свое самодержавие и не подчиниться другим, не следует держать советников, которые мудрей тебя самого. Ты, государь, лучше всех, и не нужно тебе никого умного.

Иван (*восхищенно*). Сам отец, будь он жив, не мог бы мне дать лучшего совета!

Топорков. Вся беда от вельмож, государь, из-за их лихоимства и несправедливого суда. Избавить нас, русских, от этого зла может лишь неограниченная власть, грозно охраняющая правду и справедливость. Царю надлежит быть грозным и мудрым, иначе правду не ввести в государство.

Никита Романов. Сатана то сказал, государь! Конечно, он сам и сказал, только использовал уста престарелого старца. «Ты лучше всех» словно сказано «Ты равен Богу». Поистине, дьявольский голос, преисполненный всякой злобы, презрения и беспамятства.

Нагой. Так говоришь, боярин Никита Романов, ибо сам на трон хочешь, а ежели вы, Романовы, усядетесь, то вознесетесь!

Никита Романов. Царю хоть и служит к его чести царство, а не получил он какого-либо от Бога добра особого. Потому должен искать доброго совета не только у советников, но и у простых людей на соборных сходах. Потому что духовные дарования даются не по внешнему богатству и не по силе царства, а по душевной праведности.

Феодосий. По твоим словесам, боярин Никита Романов, получается, что государь, помазник Божий, не праведен?

Иван (*гневно*). Видно, мало вас, Романовых, наказывал! И ты так мыслишь, Иван-сын?

Царевич Иван. Батюшка, когда слушает царь добрых советников, то праведен, когда дурных, то неправеден. Смотри, батюшка, также о добром совете у Златоуста в толковании Павловых словес о нравоучении из Второго послания к коринфянам, беседа восьмидесятая.

Иван. Молод ты еще, Иван-сын, многого не ведаешь. Кто те добрые советники? Не те ли, которые меня, самодержца, столько лет в пеленах держали? Я в порфире родился, они ж, низкие, надо мной власть взяли. Вот где поистине сатанинское наваждение было. В молодые лета мои поп-невежда священник Сильвестр восхитил у меня, государя, власть. В великом жаловании и в совете духовном и думном. Всемогущ. Все его слушали, никто не смел противиться ради моего царского жалования. Я же как бы сам у себя в плену был.

Феодосий. Помню я особо те скверные времена, государь. Указывал и митрополитам, и архимандритам, и приказным людям. Никто не смел творить не по его велению. Обладал обеими властями: святительской и царской, яко царь и святитель. Кто противился, тех побивали, и я, по повелению Адашева и Сильвестра, был избит камнями едва не до смерти, за иосифлянство мое.

Иван. Страшны те времена, подобно временам иудейского закону. В летах совершенных не хотел быть младенцем. Вот в чем моя вина: я не смел слова сказать ни одному из самых последних советников, а те могли говорить мне, что угодно, обращались со мной не как с государем, даже не как с братом, а прямо как с нищим. Достаточно, чтоб кто исполнил мое распоряжение, сделал по-моему, и на него уже гонение и мука, а кто раздражает меня, пойдет против меня - тому богатство, слава идет. Попробуй прекословь - мне уже кричат, и душа-то моя повинна, и царство-то разорится.

Никита Романов. Государь, мы, Захарьины-Романовы, проявляли недовольство, что правит поп Сильвестр земель русской, однако ныне лучше ли будет, государь, если возьмет над тобой верх сей иосифлянин Топорков? По чистоте душевной ты ведь доверчив, государь.

Иван. То правду говоришь, боярин Никита Романов, излишне я доверчив. Я любил и уважал их, видел в них не слуг, а друзей. Сильвестра почитал за отца. А эти люди, из вражды к царице Анастасии, матери твоей, Иван-сын, и царевича Федора, и к братьям ее Романовым, соединились с врагами.

Нагой. Государь милостивый, ныне сами Романовы так делают из вражды к новой царице Марии Нагой и младенцу-наследнику.

Годунов. Какой из царевичей наследником будет, то сам государь решит, а не Романовы и не вы, Нагие.

Топорков. Государь, на Руси, окруженной врагами, чую, смута приближается, борьба за трон. Избавить нас, россиян, от этого зла может лишь твоя неограниченная власть. Иных же к власти не допускай!

Царевич Иван. Батюшка, такими речами сей Вассиан бесный сам над тобой власть получить желает, и будет та власть хуже сильвестровой.

Никита Романов. Сказав то, ты, епископ, словно отрыгнул смрад вместо благоухания. О, сын дьявола, зачем рассек ты жилы человеческой природы и восхотел разрушить и отнять всю крепость, вселяя в сердце христианского нашего царя безбожную искру, от которой по всей Руси снова загореться может столь жестокий пожар, что и говорить о нем словами невозможно! Прозвание тебе - Топорков, но ты не топорком, сиречь небольшим бердышем, а поистине большой и широкой настоящей секирой благородных и славных мужей на Руси великой хочешь уничтожить!

Топорков. В ответ на такие речи, государь, еще крепче ограничь влияние боярства. И в третий раз повторяю: не держи советников умней себя!

Царевич Иван. Батюшка, обрати внимание на сей совет враждебный, вдохновенный сатаной заразной, в тысячу раз хуже, чем совет Ахитофела, от которого вострепетал Богоотец Давид, храбрый и непобедимый покоритель страшных и ужасных гигантов! Не боясь юного царя и всего воинства Израиля, ужаснулся он совета коварного мужа. Так писано во Второй книге Царств. Сей старец тебе злое советует.

Царь Иван. Иван-сын, не только плотские люди, сами бесплотные ангелы управляются помыслами и рассудком высшим, как пишет о том Дионисий Ареопагит. В сем старце Божье говорит, ты ж то не смыслишь.

Топорков. Государь, свое понимание самодержавия хочу изложить кратко. Главное - богоустановленность царской власти. Царь Богом поставлен и верою утвержден и огражден святостью, глава всем людям своим, и государь своего царства и наставник крепок людям своим, и учитель, и ходатай к Богу. Государь избран Божьей благодатью.

Годунов. Государь милостивый, к тебе приехала депутация, среди них - митрополит Дионисий, князь Мстиславский, от боярской думы приказной дьяк Щелканов, также ходатаи от дворян.

Иван. Чего хочет такая высокая депутация от меня, князя московского? Как думаешь, святой старец, принять ли?

Топорков. Прими, государь.

Иван. Хай идут. *(Годунов посылает слугу).*

Топорков. Много тебе дано, помазнику Божьему, но кому дано, с того и возьмется. На тебе, царе, обетованность за дела подданных. Сейчас на Русь, грехов ради наших, обрушились различные беды, ненависть и гордость, и вражда и маловерие к Богу, лихоимство и грабление, и насилие, и порча нравов. Бог повелел навести на нас пленение поганых и латын, беспрестанные сечи и кровопролитие, и царства Божьего разорение. Послал Бог также глад на землю, и мор, и пожары велики, и межусобны брани. В твоей области столь много заблудших, утерявших православную веру. Все те преступления тебе, государь, следует исправить. *(Входит депутация во главе с митрополитом Дионисием и князем Мстиславским).*

Дионисий *(кланяется).* Государь, царь и великий князь, бью тебе челом я, митрополит Всея Руси. А депутация земли Русской - духовенство, дворянство, земство - просит вернуться тебя на царство.

Мстиславский *(кланяется).* Истинно так, царь-государь, смилуйся, пожалуй, говорю то от думы боярской.

Михалка *(кланяется).* От союза дворянства русского послан просить тебя вернуться на царство. Плачутся по тебе твои государевы холопы. Сей благочестивый государь, князь великий, добрый

правитель хоругви земли русской, скипетродержавного кореня, людей упасает и великим смыслом единовластие русское утверждает, мечом храбрым все супротивное ему побеждая, покоряя и силу своей земли утверждая.

Щелканов (*кланяется*). И мы, дьяки приказные, просим тебя, государь, вернуться на царство.

Иван. Что ж так, милые мои? Я вам не по душе был, то оставил трон, ушел в богомолье, по монастырям поехал, то давняя ж моя мечта! А разрешил сей вопрос, уступив Симеону, твоему зятю, Мстиславский, свой престол и титул.

Щелканов. Государь, той меры никто всерьез не принимает.

Иван. Что у тебя, Щелканов, в посольской избе ведомо, что говорят иноземцы?

Щелканов. Иноземцы говорят, что ты, государь, вовсе не думал передавать своему заместителю что-либо, кроме внешних знаков власти, и именуют Симеона Бекбулатовича «подставной царь». Сейчас, государь, ведем переговоры с поляками, то ни разу имя Симеона Бекбулатовича не упоминаем.

Иван. А хорошо ли то, милые мои? Не от непочтения ли к царскому месту? Я, князь московский Иван, расточал Симеону Бекбулатовичу знаки глубокого почтения, обращаясь к нему с просьбами, как всякий подданный, выходил из саней, не доезжая до дворца, где живет новый государь. Я его почитал!

Михалка. Нет, ты наш государь, тебе кланяемся с почтением!

Дионисий. Вернись на трон, государь православный, бью челом тебе о том, бьют челом тебе о том твои государевы богомольцы.

Иван. Как мыслишь, святой старец, уважить ли мне просьбу подданных?

Топорков. Уважь, государь. Царь - защитник и опора, православной веры истинный наставник, на врага крепкий оборонитель. Ты, великий государь - боголюбимый царь. Всяко ненавидящий татей и всяких лихих людей обличаешь и всякую неправду изводишь.

Иван. Хорошо. Надо бы записать, Годунов, и про то оповестить всех, что по просьбе подданных возвращаюсь на трон.

Дионисий (*кланяется*). Православный царь, престол твой правдою и крепостью, и судом истинным утвержден есть, жезл правды, жезл царствия твоего. Возлюби ты правду и возненавидь беззаконие. Назначение твое царское - знати Господа и творити суд и правду посреди земли.

Иван. Живучи как простой боярин, предоставив трон Симеону, знаю, что при нем, Симеоне, была конфискация церковных земель. Потому запиши, Годунов, чтоб те земли вернуть.

Дионисий (*кланяется*). Богомольцы твои, государь, и я, митрополит Всея Руси Дионисий, с трепетом приемлют милость твою.

Иван. Все жалованные грамоты, что заготовил Симеон, отобрать, а затем от моего имени их возобновить - привилегии церквам.

Дионисий. Праведен ты, великий государь! (*Кланяется*).

Иван. Однако, по просьбе подданных возвращаюсь я на трон при условии, что буду я освобожден от прежних долгов и обязательств.

Мстиславский. Государь милостивый, Дума с тем согласна.

Иван. Чтоб уничтожить обязательства, принятые на казну и корону. Отвергнуть долги, сделанные на царствовании по жалованию монастырям, городам, дворянству и купцам. Чтобы мне, царю, дали большие суммы и выходы.

Мстиславский. Дума с тем согласна, милостивый государь!

Иван. Духовенство обязано выплатить триста тысяч, епископы и монастыри должны заплатить от сорока до ста тысяч рублей каждый.

Дионисий. Мы согласны ради обретения вновь царя православного на трон вместо татарина касимовского. Кротость православия твоего дорога нам. Царствуй во славу нам!

Иван. Правда царя должна соединиться с кротостью. Уразумел ли то, Иван-сын?

Царевич Иван. Уразумел, батюшка.

Михалка. Ты - праведный государь истинный ради красоты и правды посреди земли.

Иван. А ты, боярин Никита Романов, да прочие Романовы, рады ли, что вновь обрел я царство?

Романов. Великий государь, если царь праведен, кроток и неумолим к врагам православия, тогда подчиняются ему и цари, и князья, рассыпаются страны поганские, покоряется все супротивное.

Иван. Старец святой Вассиан, советом твоим и далее на троне жить буду. Принял сей совет со смирением. Царь должен быть смиренным, смирением сердца укреплять. Милые мои, вот старец святой Вассиан Топорков. Я власть имею над Русью, а он - над моим сердцем. *(Целует старцу руку)*.

Топорков. Сердце царево - в руке Божьей. Помни, царь, христианскую заповедь: любя другого, закон исполняешь.

Иван. Бунтовщики, изменники или недоумки тут, а с их слов и иные в Европе называют меня низменным деспотом али обыкновенным маньяком. Однак, забывают, что получил я в наследство государство с архаическим устройством. Мне приходится затрачивать больше сил, чем прежним государям, так как сопротивление, осуществляемое мне, более упорно. Духовные наставники мои, преподобный Иосиф Волоцкий и ты, святой старец Вассиан Топорков, внушили мне идею божественности моей власти, которая не может быть ни разделена, ни ограничена, ни подчинена кому-либо. Я правлю, как и другие московские государи, самовластно, однако последовательно. Я подчиняю своих подданных суровым законам, от которых многие стараются уклониться. Однако единственная задача моя есть просветить моих подданных светом Божественной истины. Против моей власти часто восставали и восстают, но злоумышлявшие против меня есть слепые безумцы. Да, мое правление деспотично, но оно не есть дело лишь моей личной воли. Сила, руководившая моей политикой, есть милосердие Божье, милость пресвятой Богородицы, молитва всех святых и благословение прежних государей. Я, царь, являюсь лишь живым орудием всех этих внешних сил.

Нагой. Государь, поедешь ли далее молиться в Кириллов?

Иван. Нет. Я принял царскую власть и возвращаюсь в Москву. Молитву о даровании младенцу здоровья воздам в Успенском соборе.

Годунов. Государь, как поступить с Симеоном Бекбулатовичем? Сослать его в монастырь?

Иван. Нет, услуги покорного Симеона могут понадобиться еще в будущем. Вместо уничтожения соперника оставляю его с почетом. Пусть Симеон поедет на великое княжение в Тверь.

Годунов. Записать: низложить великого князя и сослать в Тверь!

Иван. Запиши: отпустить великого князя Симеона Бекбулатовича, отдавши ему Тверское княжество. Оно недавно было разорено татарами и состоит всего из двух городов: Твери и Торжка с пригородами. Жителя сей области будут рады, что таким образом им возвращены хоть остатки прежнего самоуправления. *(Ходит)*. Мне ж по возвращении на престол прежде прочего надо остановить войну и добиться мира с Польшей. Щелканов, каково ныне настроение в Польше?

Щелканов. Всякое, государь. Под воздействием польских побед в Ливонии многие стремятся к войне, но есть и влиятельные круги, стремящиеся к миру. Главное же, что Папа Римский и дож Венеции Николо де Понте выразили желание быть посредниками меж Россией и Польшей. Посланец Папы иезуит Поссевино ныне направился в Вильно, чтоб оттуда ехать к тебе, государю.

Иван. Тем займусь прежде прочего. Приму папского посланца в Старице. Папа должен повелеть Баторию отказаться от мусульманского союза и войны против христиан. *(Уходит в сопровождении свиты)*.

Занавес

Сцена 83

Старица. Окна дворца освещены отблесками огня.

Иван. Годунов, какие вести о Батории?

Годунов. Великий государь, Баторий ведет наступление через Полоцк и Опочку на Псков. Ядро Батория - наемные отряды, 15 тысяч всадников, 42 тысячи пехоты, всего 57 тысяч. Однако, подойти также должен Замойский со своим войском и иные гетманы.

Иван. Воевода Хворостинин, как я велел, напал ли на тылы Батория?

Годунов. По твоему приказу, великий государь, воевода Хворостинин переправился через Днепр и совершил нападение на Оршу и Могилев. Наступление Батория задержано.

Иван. То-то, милые мои. Цель Батория - Псков. Хотел он овладеть той крепостью одним ударом, тем решив судьбу Ливонии. Надо направить к Пскову подкрепление из ближних ливонских замков русских. *(Ходит)*. Добро ли укреплен Псков?

Царевич Иван. Батюшка, Псков - одна из лучших русских крепостей. Его окружает тройной каменный пояс. Я, батюшка, добро знаю Псков. Дай мне войско, батюшка, я побью Батория.

Иван. Молод ты и горяч, Иван-сын. Будешь при мне как наследник. Руководство псковской обороной поручу дворовому боярину князю Ивану Петровичу Шуйскому. Дать под его команду многочисленную артиллерию, запасы военного снаряжения. *(Ходит)*.

Нагой. Государь, невзирая на набег Хворостинина, поляки все ж достигли окрестностей Пскова, а лучшая наша артиллерия захвачена шведами под Нарвой. В Европе немецкие и прочие газеты пишут, что русское могущество уж подорвано, уж торжествуют.

Иван. Посланец Европы Баторий да все иные в Европе поймут под Псковом, что есть русское могущество. Я, подобно древнеазиатскому Ксерксу, не допускаю и мысли о непоправимых ущербах своего могущества. У нас, московитов, пушки все с особыми именами: “Волк”, “Ястреб”, “Дедушка” и прочие. Ежели за грехи наши сии пушки-личности ныне отняты шведами, я, московский царь, тотчас наказываю вылить другие, с теми же названиями и знаками.

Годунов. Исполним, государь.

Иван. И при том еще большим против прежнего количеством. *(Ходит)*. Для поддержания должного представления о своей мощи я считаю нужным показать, что судьба не может у меня взять ничего такого, что б я при своих средствах не мог в короткое время восполнить, еще со знатным прибавлением.

Годунов. Любо то слышать, государь, любо глядеть на тебя, государь! Повелитель России обрел прежнюю энергию и уверенность.

Иван. Нам потребно доброе литейное дело. Ныне всю колокольную медь на пушки пустить. То добрая медь для пушек. А заказы правительства и церковью принимать лишь с разрешения царя. Особые же пушки впервоочеред. Отлить заново гаубицу Игнатия, которая еще при казанском походе была. Пищаль Левик, Степана Петрова медная на колесах. Та Степанова пушка со мной при осаде Полоцка была. Да добре отлить, чтоб на большей части орнамент. Я для казанского похода 150 пушек имел больших, много мортир и полковых пушек. Во время полоцкого похода 200 орудий имел!

Царевич Иван. Ныне, батюшка, истощала Русь от долгой войны и разорения. Тяжко снова под Псков столько артиллерии поставить.

Иван. Иван-сын, под Псковом - сражение, от которого зависит судьба страны. Под Псковом все возможное собрать надо, прежде прочего - боеприпасы, порох и ядра. Что ныне с порохом да ядрами, Годунов?

Годунов. Имеем ядер и пороху немало, государь. Дьяк Басенок Верещагин да ты, подъячий Свягин, зачитай-ко.

Верещагин *(берет бумагу)*. Государь милостивый, в Коломне на складе 5500 ядер хранится для сороковых пушек, 12400 для затынных пищалей, 3030 свинчатых, всего 20930 ядер, 62 пуда зелья - пороху - в восьми бочках, 5 пудов селитры и серы.

Подъячий Свягин. В Торжке в каменном погребе 37 пудов пороха, 25 пудов свинца на пули для самопалов, 3440 железных ядер.

Иван. Перед ливонской войной пушечный двор послал мастеров в иные города, где издревле развито кузнечное мастерство и есть железная руда, чтобы там делали. В Новгороде день и ночь делать, сделать 600 ядер.

Годунов. Исполним, государь. В Новгороде недалеко от пушечного порохового двора, в Москве на реке Неглинной, около Успенского оврага зелейный двор, зелейные варницы в самом Пскове, в Воронеже, Острове, Коломне, Серпухове, Муроме, Боровске. В Туле зелейный двор на Пятницкой улице.

Иван. В Серпухове целые зелейные слободы, а в Москве есть зелейные мастера. То сделаем!

Годунов. Сырья мало. Ныне в сырье идет и пережной с животными остатками.

Иван. Добыча селитры чтоб была общая повинность всех тяглых людей. Монастырям можно откупиться деньгами. Пороху надобно много. *(Подходит к окну. Из окон дворца видно зарево пожара)*. Где-то горит?

Нагой. Государь милостивый, разьезды неприятеля литовского сожгли несколько деревень близко от твоей резиденции. Литовцы идут на Ржев. То особо заботит и тревожит, государь, что в дни литовского нападения ты, государь, с семьей тут, в Старице, вблизи Ржева.

Щелканов. Государь, у нас в посольском приказе от шпигов получено известие, что у поляков обсуждается план твоего, государя, пленения. Для того будто послан Николай Красный Радзивилл с летучим отрядом польских казаков.

Иван. Отошлю жену с младенцем-сыном прочь, а сам начну готовить Старицкую крепость к обороне. Нагой, скажи, чтоб шла царица Мария для прощания.

Нагой. Слушаюсь. *(Посылает слугу).* Государь, в Старице с тобой, царем, не более семисот дворян и стрельцов. То тревожит.

Иван. Есть еще триста детей боярских в окрестных селах, да стоят под Ржевом русские полки. *(Входят царица Мария Нагая и нянька Аграфена с младенцем Дмитрием).* Марьюшка, скучал по тебе и грустил. Дай-ка, я тебя облобызаю. *(Целует царицу).* Да сына нашего, царевича и князя Угличского, облобызаю. *(Целует младенца).* Хорошо ли сын спал?

Мария. Хорошо, государь мой. А я все молюсь, государь, все молюсь, с той поры, как еретик в Троице сына проклинать почал. Наказан ли еретик греческий?

Иван. Уж наказан, Марьюшка. В дальний монастырь послан в узах, сиречь в оковах.

Аграфена. Государь благоверный с государыней благоверною, надобно пойти в церковь к налою да взять узел святого песка речного, какой старцы-паломники принесли из Палестинских стран. Тем песком вокруг посыпать и почать читать псалтырь ради защиты младенца царевича, князя Угличского Димитрия.

Иван. Делай так, Аграфена. Однако, ныне, Марьюшка, отсылаю тебя в Москву, поскольку поляки и литовцы недалеко рыщут. Нагой, гляди, чтоб царица благополучно поехала.

Нагой. Уж погляжу, государь. Дорога неблизкая, да не шибко хороша, то отправлю не в карете, а в колымаге, сделанной на рыдванную статью, покрытую сукном же.

Иван. Честь ли царице в колымаге ехать, на колесах просто, как простая телега!

Нагой. Так надежней, государь. Не так, как бывают кареты висячие на ремнях. А по такой дороге скоро не поедешь, а поедем, как в каптане о двух оглоблях, с лошадью без дышл, а иных лошадей прибавим в припряжь.

Иван. Делай как знаешь, Афанасий Федорович. Чтоб царицу с младенцем беречь! А колымага чтоб была по обе стороны с затворами слюдяными и завесами тафтяными. Чтоб колымага была закрыта теми тафтяными же. И как случится царице идти с младенцем в церковь, чтоб от сглаза около во все стороны несли суконные полы, что люди видети не могут, чтоб не зрели. Также в церкви стоять, и чтоб люди их видети не могли, кроме церковников. И чтоб бывали в церкви завешаны тафты, и в то время в церкви кроме всяких бояр и ближних людей чтоб иных людей не бывало.

Нагой. Все то исполним, государь.

Иван. Годунов, тебе также особо следить за здоровьем и бережением Угличского царевича Димитрия.

Годунов. Ухитрится, государь.

Нагой. Государь милостивый, мы, Нагие, родичи царицы и царевича, то лучше умеем сделать, чем иные. Мало кому ныне можно верить, государь.

Иван. Правда твоя, Афанасий Федорович. Моя правота с изменными боярами ныне особо видна. Боярское иудино противостояние видно. Сравнить их, изменных бояр, с Иудою, так как наслаждений ради мира сего православное христианство и православных государей предали. Потому беречься надобно! *(Ходит).* Даром ли сделал резиденцию тут, в Старице, стал словно бы старицким князем. Здесь чувствую себя безопаснее, чем в Москве, среди бояр изменных. Тут удел мой. Ржев и Зубцов тоже в уделе.

Нагой. Государь, ныне литовцы неподалеку. Хорошо б уехать в Зубцов али во Ржев.

Иван. Однако тут, в Старицком дворце, уж уговорился встретиться с папским посланцем Поссевино. Пушкин, скоро ли иезуит приедет?

Пушкин. Скоро, государь. Едет с секретарем.

Иван. Тут, в Старице, ждать буду важного разговора. Ты ж, Мария, с сыном езжай. Бог тебе в помощь. *(Обнимает и целует Марию и сына. Мария Нагая, Нагой с нянькой и младенцем уходят).* Присутствие Поссевино оказывает нам большую помощь.

Царевич Иван. Батюшка, не поступиться бы нам слишком многим за ту помощь. Прежде прочего православием.

Иван. Я принимаю папского посла не как апостола, а как дипломата. Я велел, чтоб приехал не в сутане, а в одежде дворянина - в шляпе и при шпаге. (*Ходит*). Так ли, Пушкин?

Пушкин. Истинно так, государь. Прежде прочего надобно сближение между Москвой и Римом, которому так старательно и упорно в течение века сопротивляется Польша. Польша издавна стремится поссорить нас с Европой, чтоб извлечь из того свою выгоду.

Щелканов. Государь, твой царский гонец от посольского нашего приказа Истома Шевригин много тому способствует. Больше того, он добился прямого давления со стороны Рима на Польшу, на врага Москвы. Приезд папского нунция Поссевино тому пример.

Иван. Истому Шевригина от меня, царя, наградить собольей шубой. Также пошли подарки папским посланцам. Тут, в Старице, Поссевино должен быть встречен с восторгом как устроитель желанного мира, но в то же время я, православный царь, проявлю необычную сдержанность. В Москве не допускается ни католической церкви, ни какого-либо подворья иезуитского. Московский двор лишь выражает свое согласие на дипломатический обмен с Римом и на свободный проезд папских посланцев в Персию. Все то записать в посольских верящих грамотах.

Щелканов. Государь, договор через крестное целование, али как с басурманскими странами?

Иван. Через крестное, поскольку вера - крест - у нас едина. Однако, милые мои, скидок папский престол не получит, никаких привилегий.

Царевич Иван. Батюшка, в грамоте так и записать? Возможность привлечь Москву в лоно католической церкви отвергается.

Иван. Нет, Иван-сын, так не запишем, ибо то противоречит дипломатии, а запишем туманно и неясно, как и раньше. А между тем посол Папы должен приступить к своему посредническому делу.

Щелканов. То ухитримся, государь. С титулом, государь, в грамоте будет тяжко. Мы в Москве следим, как ты велел, за тем, чтобы полностью титуловали тебя, царя, иностранными послами. Однако, соседи и иные страны тот титул твой царский не признают.

Иван. Знаю, что принятие мной царского титула усложнило работу дипломатов. В Европе особое старшинство папской курии и германского императора.

Щелканов. Государь, для некоторых государств признание титула стало козырем при переговорах по другим вопросам. Боюсь, что и с папскими посланцами то будет. Много изворотливости придется проявить, чтоб добиться вставки титула хотя бы в русские копии договоров.

Иван. То поглядим. Главное ныне - добиться мира, да чтоб складную грамоту о разрыве не получить. Годунов, содержание папского посла - полностью за счет нашей стороны, также щедрые подарки.

Годунов. Все сделаем, как велишь, государь.

Пушкин. Государь милостивый, папский посол уж здесь.

Иван. Пусть идет. Приму его ласково. (*Входит Поссевино с секретарем. Оба одеты как дворяне, в шляпах и со шпагами*).

Поссевино (*кланяется*). Московскому царю Ивану IV от светлейшего Папы Григория XIII, восседающего на престоле апостола Петра, я, нижайший раб во Христе, Антоний Поссевино, передаю поклон.

Иван. Рад видеть тебя. Здоров ли Папа Римский?

Поссевино. Святой отец был болен от простуды, однако, ныне полегчало.

Иван. Болезни наши посылаются нам за грехи наши. И у меня предчреслие, сиречь поясицу, ломило, да полегчало с Божьей помощью. А хорошо ли ты доехал до Москвы?

Поссевино. Ехал с молитвами через Полоцк и великое княжество Смоленское.

Иван (*недовольно*). Такого княжества нет! Смоленск - русский православный город, а не литовский.

Поссевино. Царь, не надобно нам с первых слов браниться. Польский король Стефан Баторий просил дать ему как католику благословение на бранный подвиг, но я сказал: «Еду в Москву с миром, а не с бранью».

Иван. С такими твоими речами я согласен. Христианам потребен мир, чтоб не радовалось брани басурманство.

Поссевино. Царь Иван, многие мыслят подобно и у нас, в католической Европе. Король Стефан Баторий настроен по-боевому, но вокруг себя король постоянно слышит, что пора уже заключить

какой бы то ни было мир. Ныне, когда король двинулся к Пскову, а я, папский легат, отправился к тебе, царю Ивану, многие поляки желают успеха мне, иезуиту.

Иван. Я рад, что ты предстал ныне в Старице пред мои ясные царские очи и что ты добрался благополучно, без неприятных приключений.

Поссевино. Несколько неприятных приключений все ж было. В Смоленске, например, думая отправиться на обед, я попал к обедне. *(Смеется)*. Однако, обедню отстоял с благословением и молился от чистого сердца. Если, государь, христианские церкви будут объединены, то Смоленск и без брани объединится вновь с Литвой, а Киев - с Москвой. Весь христианский мир будет объединен. Рим делает все, чтоб такому христианскому единению был здесь хороший прием. Прими, государь, папскую грамоту, адресованную тебе, царю. *(Подает грамоту)*. К грамоте присоединено также письмо царице Анастасии, в котором Папа называет ее возлюбленной дочерью. *(Передает письмо)*.

Иван. Папа Григорий XIII выражает привет моей благоверной царице Анастасии, умершей за 20 лет до того!

Царевич Иван. Батюшка, вишь, Папа Римский не знает, что маменька моя Анастасия давно уж умерла, и после нее уж было несколько цариц. Судя по такой мелочи, батюшка, осведомленность и тактичность папской канцелярии стоит невысоко.

Поссевино. А кто ныне царица русская?

Иван. Ответь ему, Нагой!

Нагой. Ныне царица благоверная Мария Федоровна Нагая с младенцем царевичем Димитрием.

Поссевино. Я немедля сообщу о том в папскую канцелярию. У нас в Европе многие того не знают. Царь московский, кроме грамоты и письма, светлейший Папа отправил и подарки: греческий экземпляр постановления Флорентийского собора. *(Подает)*.

Иван *(берет книгу)*. Роскошный переплет. *(Листает книгу)*.

Поссевино. Я привез тебе, царю, эту греческую книгу, постановление Флорентийского собора 1439 года, в котором византийская церковь признает главенство пап.

Царевич Иван. Батюшка, он, Папа, прислал книгу собора Флорентийского, и та книга послана для нашего уязвления. В последнее время, при царствовании твоём, батюшка, распространилось получение книг с Запада, а шлют книги непотребные. Датский король Христиан направил тебе, царю, печатника Ганса Мессингейма с двумя лютерскими книгами. Несколько тысяч экземпляров Мессингейм должен был напечатать по-русски, да, слава Богу, митрополит запретил.

Иван. Иван-сын, те книги были посланы мне, и о печатании их во множестве не было речи. Меня они интересуют научно.

Царевич Иван. Нет, батюшка, слова датского короля: multa exemplarium millia - много тысяч экземпляров. То меня, православного, уязвляет. Святой же отец, митрополит Дионисий, сказал мне: «Слыхал я, что к нам едет папский легат, предшествуемый латинским крестом. Ежели папский посланец приедет в Москву, то я другими воротами из Москвы уеду».

Иван. Иван-сын, будучи православным, почитаю и разделяю наставления святого отца нашего, митрополита Дионисия. Однако говорил уж, что принимаю папского посла не как апостола, а как дипломата, с дипломатическим почетом.

Щелканов. Истинно так, государь. Нельзя лишь на Англию надеяться. Римский Папа - глава католической Европы, а католическая Европа - это Польша, Литва, Венгрия, Испания, австрийская династия Карла V - государства, где никогда не заходит солнце.

Поссевино. Приятно слушать такие благоразумные речи. Флорентийскому собору западная церковь придает смысл великого вселенского собора, воссоединившего восточную церковь с западной.

Иван *(листает книгу)*. Папа хочет, чтоб мы подменили обычаи наши православные, как переменяли их греки Византии?

Поссевино. Присоединение восточной церкви к римской не умалило ее и не переменяло обычаи. Если и вы присоединитесь, то митрополит московский получит от Папы патриарха. Достойные веры лица известили нас, что ты благоразумно, по Божескому внушению свыше, возжелал соединиться со святой Римской церковью, и хочешь быть ей покорен со всеми твоими землями, областями и подданными.

Иван. Кто тебе такое сказал? Истинно, я желаю воссоединиться, однак, не лучше ли будет, после многих лет разделения, западной церкви оставить тьму, возвратиться к свету истинного учения православной церкви?

Поссевино. Нет, такое мы сделать не хотим.

Иван. Что ж, тогда оставим ненужный спор, вернемся к делу, ради которого ты приехал.

Поссевино. Прежде прочего, государь, вручу тебе и иные подарки, которые, надеюсь, не вызовут споров: распятие из горного хрусталя и золота, четки, отделанные золотом с драгоценными камнями, хрустальная с золотом чаша, и самый драгоценный дар - частица животворящего креста Господнего, заключенная в распятие.

Иван (*целует распятие*). Истинно драгоценный дар, ибо животворящий крест для всех церквей един.

Поссевино. Также от его святейшества тебе, царю московскому, изображение Святого Семейства. (*Слуги подносят картину*).

Иван (*смотрит картину*). Картина хороша.

Щелканов. Государь, хороша, да писана не по-русски. Не говорю сие, как дьяк посольского приказа, а как русский православный человек. Совершенно нагой Иоанн Креститель оскорбляет православные глаза, привыкшие к более скромной иконописи.

Иван. Истинно, грех. Однако, милые мои, по слабости нашей людской грех нам бывает сладок. Я родился в ночь на 24-е июня, в Купальскую ночь. То самое древнее любимое языческое празднество, совпадающее в канун церковного празднества Рождества Иоанна Предтечи, именем которого названо. Темный народ переименовал сей рождественский праздник Предтечи в день Иоанна Купалы.

Царевич Иван. Батюшка, празднование сие есть грех!

Царь Иван. Знаю, что превращение церковного праздника в идольское кумирное празднование есть грех, радость и веселье сатанинское. Однако, прежде, особо в молодые твои годы, Иван-сын, любил я тот праздник, ибо иной раз дьявол бывает сильнее святых!

Поссевино. Если эта картина Святого Семейства вызывает споры, то я готов исключить ее из числа подарков. (*Слуги уносят картину*). Государь, велико значение общности веры, хоть я не ставлю это на первый план. Главное сейчас - добиться христианского мира. Я надеюсь за раз уладить два дела - примирить Москву и с моими прежними клиентами шведами.

Иван. Из уважения к Папе я решил нарушить обычай вести переговоры со шведами в Новгороде. Я, царь, согласен принять послов короля Юхана в Кремле. Но шведский король Юхан и не думает о послахе, а продолжает свои захваты на Балтийском побережье. Я надеюсь заставить Юхана дорого заплатить за эти захваты, лишь только я справлюсь али договорюсь с Баторием. Полякам тоже невыгодны те шведские захваты на Балтийском побережье.

Поссевино. Баторий склонен, благодаря вмешательству Папы, к большим уступкам. И потому прошу тебя, царь, сделать со своей стороны шаг в том же направлении.

Иван. Я уж сделал такой шаг, и не один, выставив очень определенный прожект, выработанный вместе с наследником престола. Я предлагаю Баторию удерживать за собой завоеванные литовцами ливонские города, но уступить Москве назад Великие Луки, Невель, Заволочь, Холм и псковские пригороды, забранные королем. На сей основе я готов отправить послов при непременно условии, что посредником будешь ты, папский посол Антоний, ибо ты мне по душе. Ты гибок и вкрадчив, красноречив и лукав.

Поссевино. Благодарю тебя, государь, но задача моя довольно сложна, и положение необычайно трудно: обе стороны не доверяют мне, не соглашаются открывать мне свои условия, и каждый рассчитывает на стесненные обстоятельства противника, готовый затягивать переговоры.

Иван. Ответ, данный тебе, римскому легату, на мирное предложение, весьма определенный. Шесть придворных назначены ответить тебе, и каждому из них дан особый наказ. Каждый из них касается только одного пункта вопроса. Починайте говорить.

Нагой. Как ты повелел, государь, я, Афанасий Нагой, коснусь лишь лиги против турок, на которой настаивает Папа. Тут для нас печальный пример Византии: разве не тотчас по Флорентийской унии неверные басурмане погубили Византию, потерявшую свою веру и свой дух?

Поссевино. Такое случилось потому, что слишком поздно соединилась отпавшая ветвь от христианства и уж к тому времени засохла. Христианские государы должны воевать вместе против неверных, быть во всеобщем ополчении против турок.

Нагой. Запад, особо католический, давно Россию против турка правит. Сам же с туркой ведет тайные переговоры.

Иван. Папа твой уложил, что одна вера - греческая и латинская, а паны церкви в Ливонии разрушают и отводят людей от греческой веры к латинской.

Поссевино. Мой секретарь говорит, что и русские в чужой земле ливонской разрушали латинские церкви.

Иван (сердито). Литва и вся Лифляндская земля ваша ли? Наша прикладная отчина, как у поляков Пруссия. И опричь немцев, которые ратью издавна то под Вильно, то под Гданьск ходили, Ливония мне, государю своему, была верна.

Годунов. В грамоте будем цепко отстаивать обозначение Ливонии отчиной нашего царя. Таков пункт, мне назначенный. Надобно записать во имя мира: сию отчину царь московский добровольно уступает чужому властителю. Прежде прочего уступит Ригу и Курляндию.

Поссевино. Уж такой пункт Баторий не согласится принять, чтоб так ввести в договор уступку Риги и Курляндии, которые никогда не находились в обладании Москвы. Мне известно, что искусство московских дипломатов во многом направлено на формальности, которым дипломатия восточно-русского двора всегда придавала большое значение, но на Западе такое не принято. И Баторий не согласится, как бы цепко вы ни отстаивали обозначение Ливонии отчиной царя.

Иван. Папы должны тому способствовать, и о том особый договор с Папой. Говори ты, Щелканов.

Щелканов. Посол наш Истома Шевригин доносит из Рима о расточаемых ему почестях, о соглашении папской курии поддержать Россию в ее споре с Польшей.

Поссевино. Государь, многое из того, что доносит Шевригин, неверно. При дворе Ватикана он произвел дурное впечатление как варвар и невежда, и даже прозван был Иванушка-дурачок. Этот невежественный москвит не знает, что Венеция - самостоятельное государство, а вовсе не часть папских владений. Он не интересуется чудесами искусства, которыми папский двор дружественно готов одарить тебя, царя, и твое посольство; венецианскому послу говорил о возможных торговых связях, которые довольно неопределенны, о пути водой через Каспийское море и Волгу. Более того, излишней болтовней он дает понять об отчаянном положении своего государя.

Иван. Щелканов, отчего посольский приказ послал сего неуча царским гонцом?

Щелканов. Государь, сему варвару и неучу, твоему русскому гонцу, удалось создать сближение между Москвой и Римом, невзирая на сложную дипломатическую игру и интриги Польши. Пример сему - отправка в Москву самого иезуита Поссевино и заключение почетного для тебя, государь, мира. А уместно ли вообще смеяться над незнакомством Шевригина с политической картой Италии? Ну, а при папском дворе многие ли ясно представляют себе, где находится Псков, на какой реке стоит Москва да в какое море впадает Волга? Да в послании Папа Григорий XIII передает привет царице Анастасии, умершей 20 лет назад до того. Про тяжкое положение в Ливонии известно и без Шевригина. Он же, говоря правдиво, укрепляет доверие к себе.

Поссевино. С тем можно согласиться. Государь, в персоне короля Батория мне приходится склонять к миру счастливого победителя. Положение Пскова отчаянное, и то известно всем. Подход подкрепления к осаждающим приведет к предстоящему неминуемому падению крепости.

Иван. Я, царь, осведомлен и помимо тебя, иезуита, о состоянии Пскова и польской армии. Потому я, царь Иван, законный владетель отчины моей, отказываюсь от Ливонии. Цель, к которой стремился в этом походе Баторий, достигнута им. Поэтому пора уж между христианскими государствами прекратить кровопролитие.

Царевич Иван. Батюшка, не возлагаешь ли ты слишком большие надежды на иезуита, склоняя голову перед победителем, признавая силу Батория и его шведского союзника?

Иван. Иван-сын, дело идет о мире, который ныне крайне потребен России, оттого я намерен отправить послов.

Поссевино. Государь, однако, требования твои на этот раз должны быть скромнее, если ты желаешь моего посредничества. Сущность всякого посредничества - уговорить сильнейшего, сила же несомненно на стороне поляков. Потому прежде прочего надобно окончить споры из-за Двинских крепостей. О Полоцке же речи не поднимай, поскольку Полоцк ты уступаешь молчаливо.

Пушкин. Пункт о крепостях поручен государем мне, послу цареву Пушкину. Будем упорно спорить о Двинских крепостях, особенно добиваться отдачи назад взятого Баторием Себежа - крепости, господствовавшей над входом в долину реки Великой.

Поссевино. Баторий на то не согласится, ибо та крепость в свое время выстроена в качестве передового моста для наступления на Вильно. Однако, как посредник я мог бы поднять этот вопрос, если за Себеж предложить отдать Баторию Вележ. А если вы, послы, боитесь гнева царя, то я готов отдать за вас свою голову.

Пушкин. Нет, если б каждый из нас имел десять голов, то царь с нас приказал бы снять все те головы за такое попустительство. Так ли, государь милостивый? Государь, надобно цепко отстаивать наши интересы и зорко следить, чтоб Польша не заявила потом своих претензий на территории и города, завоеванные ныне шведами.

Иван. Хорошо говоришь, Пушкин. Я, царь, отвергаю ультиматум Батория, возвращаюсь к прежним условиям: не хочу довольствоваться четырьмя ливонскими городами, требую еще 36, включая Себеж.

Поссевино. Я, посланник Папы, пытаюсь выступить посредником, но не могу разрешить конфликт более выгодно для слабейшего, положение которого ныне безнадежно.

Пушкин. Самый приезд папского посла к московскому двору перед началом осады Пскова показывает государю нашему, Ивану IV, что положение его далеко не безнадежно.

Поссевино. Государь, твои послы теперь стали внезапно настолько неуступчивы, насколько были сговорчивы недавно. Почему ты, царь, изменил свое предложение?

Иван. Ответь, Пушкин!

Пушкин. Новый завет уничтожил Ветхий. Польский король отверг первые предложения. Теперь царь сделал другие, и к ним ничего не прибавил. Видишь сию соломинку, которую я небрежно меж пальцев держу? Надежда Батория не прочнее ее.

Поссевино. При таком высокомерном ответе мне нечего делать как посреднику. Баторий к таким переговорам расположен не будет и продолжит осаду.

Иван. Чем недоволен Баторий? Я уступаю всю Ливонию, кроме городов в долине реки Вележ да Малых Лук, при этом ставлю лишь условие: в мирных грамотах не писать имени короля шведского.

Поссевино. Желая мира, я сообщу о том королю Баторию.

Иван. Сообщи также о немедленном прекращении осады Пскова. В войне, исход которой зависит от осады, переговоры, ведущиеся под огнем орудий осаждающих, есть один из видов капитуляции. Мы на капитуляцию не согласны, готовы лишь с честью выйти из борьбы.

Верещагин. Государь милостивый, я, дьяк Басенок Верещагин, про честь государеву твою сказать хочу. В договорной грамоте, переданной нам от польско-литовского двора, ты прописан не царем, а лишь великим князем.

Иван. То есть поруха мне, какую не след допускать. Послы должны не допустить порухи государевой чести. Равными себе я по-прежнему признаю в мире только германского императора и турецкого султана.

Поссевино. Государь, разве уж о всем ином договорено, что остается лишь вопрос о титулах?

Иван. Нет, я хочу, чтоб прежде прочего в договоре меня именовали не только царем, но и государем Ливонии.

Поссевино. Государь, поляки будут возражать. В Польше говорят: «Что значит этот новый титул - царь?» Царями назывались прежде татарские ханы в Казани и Астрахани. Этого мало для московского государя. Если же царь означает кесарь, это много для него. Европа знала кесаря одного лишь - государя императора германского, и он может возразить против нового титула государя московского Ивана.

Щелканов. Государь, надобно скорей договориться о главном.

Иван (недовольно). Что есть главное, Щелканов? Честь государева - вот главное!

Верещагин. Истинно так! В споре можно сослаться на передачу царского титула князю Владимиру императорами Гонорием и Аркадием.

Поссевино. Государь, ошибка в пятьсот лет. Императоры Аркадий и Гонорий, умершие пять веков тому назад, не могли передать великому государю Владимиру титул кесаря.

Подьячий Связев. То были другие Гонорий и Аркадий, жившие позже.

Поссевино. Государь, может быть, послы смешали их с другой парой братьев, императорами Василием и Константином византийскими, современниками князя Владимира? Вижу, ученость посольского приказа теперь в упадке в связи с глубоким унижением, которое вообще вынужден потерпеть московский двор.

Царевич Иван. Батюшка, иезуит ведет себя нагло. Надо бы прервать переговоры.

Иван (сердито). Ежели Европа будет вести себя нагло, я откажусь от того, что обещал раньше. Я требую немедленного снятия осады Пскова и присылки польского посольства. Я за этим и обращался к Папе. В ответ на мое миролюбие Баторий прислал мне письмо с вызовом на поединок. То не может внушить мне миролюбивых настроений. Сначала я старался говорить о том скорее с грустью, чем с гневом, но ныне уж не могу сдерживать гнев.

Поссевино. Государь, сообщи мне содержание документа.

Иван (сердито). Польский король назвал мою мать, великую княгиню Елену Глинскую, дочерью литовского дезертира. Баторий упрекает меня, что я не спешу на помощь осажденным городам, но ведь я считаю себя связанным перемирием с врагом. Также, как может король отрицать римское происхождение царствующего в Москве дома? Если б не было Пруссии, брата кесаря Августа, откуда бы Пруссия получила свое название?

Поссевино. Источником всякой власти является Рим, хочу напомнить о том. Карл Великий был коронован одним из предшественников нынешнего Папы Григория XIII.

Щелканов. Государь, мы теряем много времени. Папский легат раздул мелочь в целую гору. Остается, государь, один исход, к которому раньше уж прибегали: писать грамоты разное для каждого государства.

Иван. Истинно так. Главное - скорее окончить войну. На крайний случай пусть в своей грамоте пишут меня великим князем. Ради мира я согласен на такое умаление своего достоинства.

Поссевино. Государь, Бог смиряет гордость нашу. Уже в Полоцке я считал требования Батория чрезмерными и находил, что пора бы окончить войну без дальнейших осложнений. Всем она надоела. С тем и отправлюсь в польский лагерь под Псков.

Иван. То мне, царю, особо приятно. Прощаясь, скажу тебе, что отпускаю тебя к королю Стефану с добрым чувством, шлю с тобой поклон и прошу тебя после переговоров о мире в том смысле, как велел Папа, вернуться в Москву. Присутствие посла мне приятно ради посланного тобой и благодаря твоей верности моим царским делам. Тебя, Поссевино, хотел бы позвать к себе на службу и охотно платил бы тебе хорошие деньги. Так как Папа приказал, чтоб мир был заключен согласно желанию моему, царя, сей мир должен быть в моих интересах, и то вытекает из смысла дипломатии.

Поссевино. Однако, по религиозным вопросам мы не продвинулись вперед: ни на постройку католических церквей, ни на водворение иезуитства в Москве разрешения не последовало. Папа же мне сказал: сперва религиозный союз, потом уж политические соглашения. *(Слышен шум и выстрелы).*

Иван (тревожно). Что стряслось? *(Вбегает дворянин).*

Дворянин. Государь, летучий отряд Радзивилла прорвался к Старице.

Годунов. Надобно немедленно уходить, государь!

Поссевино. Еще одно доказательство, государь, как потребен тебе мир. Уже в твою резиденцию явилась другая договаривающаяся сторона. Храни тебя Бог, государь! *(Царь Иван со свитой убегают. Выстрелы и шум сражения усиливаются).* Хитрый москвит с большой ловкостью добивался моего расположения отдаленной надеждой на религиозный союз, но я понял, что теряю даром время.

Секретарь. Можно надеяться на большее после заключения мира, судя по осторожной форме отказа и по недомолвкам в уступках.

Поссевино. Нет, монсеньер Болоньетти. После этих переговоров с москвитами мыслю, что хлыст польского короля может быть, является лучшим средством для введения католицизма в Московии. О том отпишу кардиналу Комо.

Секретарь. Это означает, что, отказавшись от посредничества, Рим поддерживает Польшу?

Поссевино. Напротив, монсеньер Болоньетти. Это означает, что хлыст польского короля должен быть всего лишь орудием Святой церкви. *Roma locuta est*²⁴. Польше не будет позволено вести войну до победы. Святой престол выскажется против продолжения такой войны. Польша будет остановлена в своем порыве, а если она будет упорствовать, над ней разразятся громы Ватикана.

Секретарь. Но согласится ли польский король отдать близкую победу? И в Риме не все с тем согласны, считая союз католической Европы с Московией против турок химерой!

²⁴ *Roma locuta est* (лат.) – Рим сказал свое слово. Часть известного изречения «*Roma locuta est, causa finita est*» - Рим сказал свое слово, вопрос исчерпан.

Поссевино. Да, монсеньер Болоньетти. Мысль о союзе против ислама есть химера. Филиппу Испанскому много забот с новым покорением Португалии. Венеция очень заинтересована гаванями Леванта, но для Рима такая религиозная лига есть ширма, скрывающая интересы практического свойства. Если Папе даже и не удастся поднять европейские державы для нового крестового похода, все ж в их единомыслии святой отец видит возможность вернуть свое прежнее значение. Протестантство отступает во многих пунктах. В Нидерландах вытесняет его Филипп Фарнезе, во Франции подняли голову Гизы, в Швеции под покровительством втайне сочувствующего короля Юхана, женатого на сестре прежнего польского короля Катерине Ягеллонке, королева воспитывает наследника престола в пламенной католической вере. В Польше диссиденты больше не являются политической партией. Потерянная для Германии Ливония тоже ускользает от лютеранской Реформации. В Риме полагают, что во власти протестантов остается только Англия, часть Империи и Дания. Если примирить Москву с Польшей и под предлогом общей обороны против турок удастся заставить Габсбургов заключить коалицию с Венецией, к святому Риму может, пожалуй, вернуться господство над миром. Вот отчего я согласился быть посредником между московским царем и польским королем, но буду настаивать, что мир может быть заключен на основании такого союза, который соединит всех в лоне истинной церкви. *(Крики и шум сражения совсем рядом. От сильного удара распахиваются двери и поляки врываются в комнату).*

1-й поляк (кричит). Хапай московитов! *(Хватает Поссевино и секретаря).*

2-й поляк. Изготовься, московит, к вечным мучениям! *(Замахивается саблей).*

Поссевино. Оставь меня, холоп, ежели не хочешь умереть в королевской темнице! Я - посол римский Поссевино с секретарем своим. *(Вбегает Радзивилл, окруженный воинами).*

Радзивилл. Пся крев, упустили злодея! Ушел злодей, русский царь!

1-й поляк. Ясновельможный гетман пан Радзивилл! Схватили тут обоих, да говорят, что они послы латинские.

Поссевино. Мир тебе, пан Радзивилл, с воинством твоим. *(Крестит его латинским крестом).*

Радзивилл. Ах, то вы, пан нунций, да в таком мирском одяге? Благодарите Бога, что мои жовнеры сгоряча мечом не посекали, учинивши непочтенну холопску смерть!

Поссевино. Чего ради такое зло учинять, пан Радзивилл? Мы лишь слуги Божьи, посланные ради мира святым Папой. *Verba magni clusis Moscovia ad me*²⁵.

Радзивилл. В Польше много говорят о том, что Папа дал сблизить себя приманкой посредничества. То посредничество, пан иезуит Поссевино, не возымеет успеха. Однако, если б даже посредничество имело полный успех, то и тогда оно в интересах католицизма не могло бы компенсировать те выгоды, которые обещает ему победа Польши над безбожной азиатской Московией с ее кровавым царем-тираном, угрожающим Польше и всей Европе. Жаль, не захватили тирана. Отвезли б его в Варшаву, как грязного медведя в клетке, чтоб над москалем не одно лишь панство, а и мужики наши посмеялись, а потом, пся крев, среди Ратушной площади ему добрый кол, да кол на весь разбойничий его дом.

Поссевино. Умерьте свой пыл, пан Радзивилл. Что русский царь? Всего лишь физически и нравственно разбитый старик 50-ти лет! Надо нам, слугам Божьим, мыслить, как вернуть великую, глубоко потрясенную империю, в лоно истинной церкви.

Радзивилл. Нет, пан иезуит Поссевино, в Польше мыслят иначе. Сама империя должна исчезнуть, и русские должны быть загнаны далеко в Азию. То совершится. Империя бессильна, и русский царь дошел до полной беспомощности. Особенно сказалось то бессилие ныне, когда я с моим летучим отрядом беспрепятственно дошел до Ржева и едва не взял в плен самого русского тирана в его старицком лагере. Надобно лишь, чтоб святой папский престол не мешал нам одержать победу над Московией во славу его же святого величия.

Поссевино. Пан Радзивилл, перед лицом Божьим мы должны быть верны нашей мечте, и может, благословением Божьим, распространение католической религии вплоть до Азии станет не таким уж трудным делом. *(Крестится. Радзивилл и иные поляки тоже крестятся).*

1-й поляк. Ясновельможный пан гетман Радзивилл, пойдём ли на соединение с литовцами для боя под Ржевом?

Радзивилл. Нет, боя с русскими полками под Ржевом не примем, пойдём под Псков, на соединение с главными силами. *(Поссевино).* Пойдете ли с нами, святой отец?

²⁵ *Verba magni clusis Moscovia ad me* (лат.) – я передал Москве слова великого.

Поссевино. Я не стану подвергать свою дипломатическую миссию опасности, присоединившись к одной из сторон. С монсеньером Болонетти мы доберемся до Пскова своим путем. Наша цель - *caritatio benevolentiae* - снискание расположения обеих сторон ради мира и мирового величия римской церкви. Пример нам - не воинственность государей, а деяния апостолов - *de actibus apostolorum*. (*Крестится и уходит с секретарем. Поляки тоже уходят*).

Занавес

Сцена 84

Москва. Царская вышивальная мастерская.

Анница (*держит на руках младенца и поет*)..

Баю, баю, баю-бай, да поди Бука под сарай,
Коньям сена подавай, у нас Тиму не пугай.

(*Целует младенца, смеется*). Чадо мое любимое, Тимушка! Фаина, то радость великая, что имею сына единокровна, суца младенца. Однако тоскую сердечно, что нужда его в селе хоронить и не со мной он постоянно.

Фаина. Анница, ко времени ли велела ребенка из села привезти? Государь во всякое время сюда, в царевы вышивальные мастерские, приехать может. А застанет младенца - так быть беде.

Анница. Фаина, шибко скучала, не могла уж без него долго терпеть. Хоть ненадолго погляжу, хоть ненадолго покормлю молоком своим. Молока, вишь, много, грудь велика, а перегорает молоко материнское. Ешь, Тимка! (*Дает младенцу грудь. Тот жадно сосет*). Вишь, как присосался, баловень! (*Целует младенца*). Чадо мое возлюбленное, утроба моя, Христос помилуй тебя от всякой беды. Ради великой своей милости и для всякой службы Божественная покроет тя милость Его.

Фаина. Анница, государь Иван Васильевич благоволит к тебе, велел дать тебе в мастерской отдельную хоромину как лучшей вышивальной мастерице и уж прислал спрашивать, вышито ли тобой надгробное покрывало Кирилла Белозерского и Никиты Переяславского для вклада в монастыри.

Анница. Кончаю шить, на неделе кончу. Ныне ж желаю с Тимушкой моим позабавиться. (*Поет*).

Баю, баю, баю-бай, приходил к нам Тарабай,
Приходил тот Тарабай, просил: Тимушку отдай!

А мы сказали: не дадим, Тима надо нам самим! (*Целует младенца*).

Фаина. Анница, а как же, что не крещен младенец? Знаешь ведь, некрещенные младенцы все равно что обменьши, дети, подмененные нечистой силой. Обменьш, он же прокленьш, полуверец, скитающийся по свету, отвергнут от людей.

Анница (*испуганно*). Сохрани и спаси Господи! (*Крестится*). Страшно мне его в церковь нести для крещения. А дознаются, что без отца законного? Страшно, Фаина! Как исхитриться, не ведаю.

Фаина. Одно остается: подкинуть младенца. В селе мужа мого знаю я мужа добродетельна и богата, именем Георгий Осорин, уж достигшего шестого на десять лет, да бездетного с женой своей. Он возьмет и окрестит. Крещение от сущего там попа, Потапия именем, в церкви праведного Лазаря.

Анница. Нет, Фаина, как же Тимушку, утробу мою, чужим подкину?

Фаина. То грех, Анница, ради радости своей душу младенца губить. Без крещения кто же научит его правилам Святых Отцов, закону Божию?

Анница. Я сама учить буду.

Фаина. То в исступи ты ума говоришь. Не хочешь в село - подале отдадим. На остров рыбачий отдадим. Знаю я рыбаля Давида и его жену Улиту, бездетны. Покладем младенца в коробя, или лучше в крошню, плетену корзину заплечну, и крошню ту в лодицу малую, и положим в ту лодицу под голову младенца золото, а под ноги - фунт серебра, и лист написанный: «Кто обрящет сего отрока, да окрестит его, а за то возьмет себе злато да серебро, хранить ему в научении грамоте и закону Божию». Рыболову же лодицу ту к хижине его причалим, к берегу. Рыболов в виде человек благодный, не старый еще.

Анница. Нет, Фаина, как утробу свою отдам? (*Плачет, целует младенца*). Сыне мой милый, горе мое окаянное! Соблуди, Бог, младенца моего праведно заповеди ради Матери Его и моего ради смирения и правды! (*Крестится и плачет. Младенец тоже начинает плакать*).

Фаина. Вишь, сама растревожилась и младенца растревожила. Как бы не услышал кто. Ишь, кричит! И ты с ним! (*Сердито*). Да и мне достанется – кнутом, али в темницу, что потакала. (*Слышен шум*). Чую, приехал кто-то. Не дай Бог, государь! (*Выбегает*).

Анница. Затихни, Тимушка, чадо мое любимое! (*Укачивает, поет*).

Баю, баю, баю-бай, приходил к нам Тарабай,
Приходил к нам Тарабай, просил: Тимушку отдай,
А мы сказали: не дадим, Тима надо нам самим!
Баю, баю, баю-бай...

Фаина (*вбегает*). Государь со свитой уже в сенях! (*Хватает плачущего младенца, сердито*). Обменяш проклятый, не ори! Стянула б тебе пасть!

Анница (*испуганно*). Фаина, милая, заради Бога, сховай Тиму подальше!

Фаина (*испуганно*). Подальше уж не выйдет! (*Сердито*). Бери, дура, надгробный покров вышивай и проси ты прощения у Господа Бога о своем согрешении! (*Убегает с младенцем*).

Анница (*берет покров, шьет*). Гость нежданный. Сказано в заповеди христианской, чем меньше нравится гость, тем больше дай ему. (*Шьет. Входят царь Иван Васильевич, царевичи Иван, Федор, Богдан Бельский, художник Аламий. Анница встает и кланяется*).

Иван. Здравствуй, заря-зарница, красна девица! (*Целует Анницу*). Приехал с сынами поглядеть твою работу и художника привез для его поучения. Художник, сделаешь ли краской, как она нитью делает?

Аламий. Исхитримся, государь. А пелена истинно хороша.

Иван. Замышлением и потружением сшита пелена. Как сшила святу пелену?

Анница. Государь милостивый, пелена шита шелками и золотой нитью.

Аламий (*смотрит покров*). Как к основе крепишь?

Анница. Золотые нити прикрепляю к основе разного цвета. То шитье вприкреп. А есть и шитье в раскол, плотно, как сшит убрус, полотенце на икону Грузинской Божьей Матери, в Покровский Суздальский монастырь.

Иван. Покажи тот убрус, Анница!

Анница (*показывает убрус*). Шито в раскол. Новый стежок. Орнамент - свободно раскинутые ветви дерева, обнизаны жемчугом.

Царевич Федор. Основа красива, батюшка.

Аламий. То, государь царевич Федор, шито по итальяйской камке с крупными цветами именем куфтерь. Так ли, мастерица?

Анница. Истинно так.

Аламий. Краски Девы Марии и младенца хороши.

Иван. Про краски скажи, Анница.

Анница. Государь милостивый, на Деве Марии - коричнево-малиновый мафорий²⁶, лицо обрамляет голубой чепец, нимб золотой нитью, швом в клопец сделан. Одежда на младенце шита золотой нитью, узорным швом вприкреп.

Иван. Красива пелена! Фон - желто-лимонной расцветки. (*Смотрит*).

Аламий (*тоже смотрит*). Красива. Лишь с чепцом, государь, не согласен, что на Деве Марии.

Иван. Так на образце и на иконописи повсюду. Рублев и Дионисий так писали!

Аламий. На иконописи так, государь милостивый, но противоречит постулатам христианства. Убрус - оброс - имеет общий глагольный корень «обросити» - остричь, когда жены во время свадебного обряда обрезают волосы. По древнему византийскому обычаю замужние закрывают волосы. Однако ведь Дева Мария оставалась и после рождения Христа девой! Не может она изображаться в женском головном чепце. Вот таковое меня одолевает.

Иван. Ты, Аламий, новгородец, а новгородцы все разумом живут, а не каноном и послушанием. Так ли, художник?

Аламий. Так, государь. В церкви Спаса на Нередице, как расписывал с дружиною алтарную икону под именем «Деисус», сиречь «Моление», так замыслился и впал в сомнение. Ежели смотреть на

²⁶ **Мафорий** (*греч.*) — верхняя одежда; длинное женское покрывало, спускающееся с головы до пят.

образец, канон, по сторонам Христа должны находиться Иоанн Предтеча и Богоматерь. Я же, не желая Деву Марию в убрусе, или чепце писать, вместо Богоматери в той нередицкой росписи Святую Марфу изобразил. Страдал да мучился, не искажаю ли, однак ктиторах, сиречь заказчикам церковной росписи, то по душе пришлось. А подновляю уж немалое я время, ныне на Варваринском Крестце, икону Варваринской Святой Матери по митрополичьему заказу, да замыслился - не знаю, как писать на той почитаемой чудотворной иконе Богоматерь: в чепце али без чепца.

Иван. Милые мои, всеми делами своими должны служить мы отечеству, а служа отечеству, служим и православной церкви. Перед православной церковью и я, царь, лишь послушник. Хорошо быть послушником православия! Тому учат издавна покровители Руси и царствующего града Москвы - святые Николай Мир Ликийских, московские митрополиты Петр и Алексей, также Сергей Радонежский и другие игумены главных русских монастырей: Кирилл Белозерский, Варлаам Хутынский, Никита Переяславский, Димитрий Прилуцкий, святой Александр Невский - то Божье. А непослушание и своеумие - от дьявола. Божью Матерь по канону в чепце изображали всегда, так и изображать надобно.

Царевич Иван. Батюшка, всегда ли в чепце? На пелене «Надгробный плач», где святые скорбят и плачут, то Божья Матерь и Мария Магдалина простоволосы.

Иван (недовольно). Знаю я, Иван-сын, ту пелену. Та пелена сделана в вышивальной мастерской князей Старицких, соперничавшей с нашей царской, у княгини Евфросиньи, матери князя Владимира Андреевича Старицкого, которого изменные бояре хотели вместо меня на престол. А в той пелене - портретны черты. А скорбят по своей печальной судьбе последнего рода удельных князей, мечтавших о дроблении отечества нашего, о том скорбят! На такое их изменные бояре подвигали. И тезка их - дьявол. Милые мои, все непослушание и своеумие - от него. Он ли тебя, художник, к своеумию зовет?

Алампей. Истинно он, государь, черт! Когда в храме Спаса на Нередице расписывал западную часть храмовой стены картиной Страшного Суда, то впервые приходил стал ради соблазна.

Иван. Знаю, милые мои, он, бес, лучше всего к красоте липнет. Красив храм Спаса на Нередице. Люблю я его! Крестокупольная постройка. В куполе Спаса - Вознесение, ниже в барабане - пророки, в подпружных арках - медальоны: 40 мучеников на стенах, и на сводах евангельские картины. А на западной же стене - бесы. В семейной церкви нашей Благовещенского собора также много писано Апокалипсиса и Страшного Суда. Велю тебе, Алампей, кое-что подновить.

Царевич Иван. Батюшка, не было бы от него, сего художника, нашей семейной церкви порчи. Он с сатаной знается!

Алампей. Государь-царевич, кто Святые иконы пишет, того сатана постоянно под руку толкает. Он и с Рублевым знался, и с Дионисием знался, он и к Святым ходил, к Святому Варлааму приходил и к Святому Сергию Радонежскому в лесную келью.

Царевич Федор. Какой он с лица? Сквернообразный?

Алампей. Государь царевич, с лица он всякий: иной раз синий, иной раз багряный, иной раз яко смола черный, иной раз и белый, сверкающий, аки ангельский. Пестролиц он.

Царевич Федор. Батюшка, истинно и мне иной раз видится пестролице и крылатое сатанинское войско. Опрочь престола сатаны, зрю множество багряных юнош крылатых, лица же иных - синие, иных - яко смола черны. Как быть, батюшка, против подобной прелести?

Иван. Бельский, ответь, как быть против прелести?

Бельский. Против прелести, великий государь, хороши кнутобойные советы. Кнут не Бог, а правду сыщет.

Иван. Иконописец, что от тебя сатана хотел?

Алампей. Государь милостивый, он от меня обязательства хотел.

Иван. То-то, милые мои, с древних времен, как взял сатана запись с Адама, он, ежели может, обязательства требует.

Царевич Иван. Батюшка, одним лишь кнутом с бесом не сладишь.

Иван. Истинно так, мальчик, царевич Иван. Для того и даны нам святые места и Святые Каноны. Кто же своеумием живет, того бес одолеет.

Алампей. Государь милостивый, я черту не дамся. Ежели одолевать будет, горько заплачу о погибели души своей и удавлюсь.

Иван. Пойдешь давиться, не забудь сказать: душу отдаю Богу, а тело черту. *(Смех)*. Однако, милые мои, черт умен. Ишь, великое дело, скажет, твое мясо! На что оно нам, бесам? Ты нам душу подай, а не тело вонючее! И вытянет тебя из петли. *(Смех)*. Бес, милые мои, говорит: «Вы, христиане, много лжете, когда вам туго приходится, меня ищите. А только вам легче станет, вы и перебегаете к Христу, благо, что Христос милостив и принимает вас обратно. Нет уж, вы напишите такое обязательство, чтоб моим быть навеки». А льщение, которым дьявол улавливает людей на удилице - то гордыня. Вот ты, Алампий, и бесов зришь. Гляди подолгу на святые иконы, то, может, и спасешься.

Алампий. Гляжу, государь, подолгу, особенно на рублевские. Каждую щербинку на них знаю, однако Варваринску Божью Матерь по-иному хочу переписать, не по рублевскому иконописанию. Лицо живое хочу найти. *(Вглядывается в Анницу)*. Вот такое! *(Анница стоит потупившись)*. Подними голову, жена!

Иван. А ну, покажи, жена, красоту лица своего. *(Анница поднимает голову)*. Она и швея хороша, и плясовница. Как пляшет, то лицо особо красиво. Спляши, Анница! *(Анница стоит неподвижно)*.

Бельский. Делай, девка, что царь велит! *(Анница пляшет)*.

Алампий *(торопливо рисует)*. В праздниках иконостаса Благовещенского Собора такова пляшущая хороша, и на иконе Варваринской Божьей Матери таково лицо вижу: лицо Богоматери округло, с небольшими ясными глазами и тонким носом. Охряное на лице, нежно-розовое, светло-зеленое, оливковые оттенки. Вдоль левой щеки положено легкое потенение. Таковы же потенения вдоль носа, потенения на шее для усиления округлости лица и подбородка. Лицо Богоматери ясно смотрит из обрамления зеленого покоя и коричневого мафория. Округленные щеки, которых у иных Богоматерей нет: ни в иконах Донской Богоматери, ни у Богоматери Деисуса из Благовещенского собора, ни у иных. Белилами хочу сделать высветление лица. *(Дрожит)*. Белилами хочу сделать...

Бельский. Государь, художник в исступил ума. Увести его?

Иван. Хай говорит. Говори далее, богомаз!

Алампий *(лихорадочно)*. Под веком левого глаза - длинные белильные линии повторяют очертания теней под нижним веком, на щеках - розовый тон, охрение переходит в легкий румянец. Левая бровь Божьей Матери высоко поднята, устремленный вдаль задумчивый и живой взгляд... *(Замолкает, прислушивается)*. Слышишь, государь, лишь про святое от сердца заговорил, как пекельник рядом. Бес, слышь, государь? Нечистый завизжал, как поросенок. *(Дрожит)*. Слышь, а теперь младенцем плачет. *(Дрожит, утирает слезы)*. Одежда младенца на груди и правый рукав рубашечки - охряным цветом. Гиматий²⁷ сливается с тоном цвета охры. Лицо младенца и лицо Богоматери нежной плавью²⁸, плотным охрением розового цвета. *(Плачет)*. Черные зрачки младенца глубоки, взгляд пристальный, в сердце мое смотрит. Пухлая верхняя губа младенца слегка тронута красной краской. *(Плачет)*. Высокий лоб младенца, завитки волос - все слегка прорисовано коричневой краской, шея и ворот одежды - красно-коричневой и коричневой описью. Богоматерь и младенец щека к щеке - вот так хочу писать. Не по-рублевски хочу писать, по-своему! *(Замолкает, прислушивается)*.

Царевич Федор. Батюшка, то его бес мучает!

Иван. Федор-сын, то бес пришел к нему за гордыней его и своеумием. Глядите, мальчики, что от гордыни делается!

Алампий. Государь милостивый, бес давно меня мучает, черт, пекельник, велит делать свое, бесовское. А я не дамся! Я знаю, где у меня бес сидит!

Иван. Где же у тебя, богомаз, бес сидит?

Алампий. Тут, государь, где глубокая щербинка под левым глазом на рублевской иконе. Под левым глазом у меня сидит, под веком левого глаза.

Иван. Молитесь, милые мои, чтоб и нас бесы не одолели. *(Крестится. Все крестятся)*.

Алампий. Слышь, слышь, вопит в отдалении, обменьш вопит! *(Падает, начинает биться)*.

Царевич Федор. Страшно-то как одержим он злой силой!

Иван. Бельский, кликни лекаря моего Николу!

²⁷ Гиматий *(др.-греч.)* — верхняя одежда в виде прямоугольного куска ткани.

²⁸ *Плавь* — термин русских иконописцев: жидкий слой краски, накладываемый на все элементы композиции.

Бельский. Слушаюсь, государь. Художника прочего сыскать вместо него, бесного? У художника корчи, трясовица.

Иван. Нет, этот хай пишет. Он мне по душе. То мне знакомо - с бесом сражение вести. И святые с бесами сражались, и ангелы. На иконе Богоматери с Сергием преподобный Сергей Радонежский держит хартию со словами: «Не скорбите, убо братие понеже» - далее оборвано, ибо далее в прощальном предсмертном обращении к братии сказано, что и он, Сергей Радонежский, был одолеваем бесами. Он же на Божью Матерь и младенца уповая, жил.

Аламгий (*трясется, кричит*). Обменяш, пекельник недалеко! Мучит меня обменаш!

Анница (*с тревогой*). Позволь, государь, я художника успокою. Я заговор от порчи знаю.

Иван. Покажи, Анница, тот заговор.

Анница (*подходит, накрывает Алампия покрывалом, говорит нараспев*). От чермного, от русого, от черноглаза, от сероглаза, от белоглаза, от черноплота, от сероплота, от белоплота, от одножена, от двоежена, от однозуба, от двоезуба, от троезуба, от колдуна и колдуньи, от бедуна и бедуньи, отстранись, всякое злище лихое. (*Аламгий затихает*).

Иван (*крестится*). Унесите его. (*Алампия уносят*). Ты, Анница, с покровом сшитым Богоматери ко мне в опочивальню ежевечерне приходи заговор говорить. Как старцы моей семейной церкви на ночь углы от бесов крестить будут, и к сим моим царевичам ходить будешь, чтоб не допустить проказ над спящими. Также посуду крестить будешь приходиться с покровом, чтоб сделать недоступной для шалости бесов.

Бельский. Государь, бесы ли шалят али иной кто, однак, мне почудился некий плач в отдалении, точно младенец пискнул.

Иван. И ты, Бельский, сбесился?

Бельский. Государь, у меня слух тонкий. Помнишь, в Белой Казне, в Хамовниках, когда кадашевка, которая на дворец полотно делает, ребенка побочного хоронила тайно?

Иван. Анница, я тебя за умение и прилежание да за красоту почитаю. Однако знаешь ведь, как бываю суров к тем, кто нарушит правила Святых Отцов и Божьего Закона! Скажи, хоронишь ли какого младенца, прижитого, будучи невенчаной?

Анница (*млея от страха*). Не хороню, государь, то птицы пищат. Гнезда у них на крыше.

Иван (*начинает сердиться*). Чего же страшишься? Бес ли страх и ужас великий напускает? Ответь! (*Анница молчит*).

Слуга (*входит*). Государь милостивый, в вышивальную мастерскую приехал венецианский посол с дьяком посольского приказа Щелкановым. Примешь ли тут, в мастерской?

Иван. Приму, хай идет, говорить с ним хочу.

Бельский (*посылает слугу*). Государь, золотшвея от слов твоих про младенца выглядит уязвлено. Не было б конфуза, как с кадашевкой из Белой Казны. Я пойду, погляжу, государь. (*Выходит*).

Иван (*ласково*). Анница, ежели имеешь грех, то покайся. Сокрытые, некрещеные дети Адама и Евы именуются обменаши - наполовину люди, наполовину - нечистая сила, и всякий скрытый такой же делается, помысли о сим. (*Входит Щелканов и посол Фоскарино*).

Щелканов. Государь милостивый, светлейший Венецианской республики посол Марко Фоскарино попросил привести его в вышивальную мастерскую.

Фоскарино (*кланяется*). От светлого венецианского дожа Никколо поклон русскому царю.

Иван. Здоров ли венецианский дож?

Фоскарино. Здоров ли государь с государыней с детьми?

Иван. Мы здоровы. Вот царевичи мои - Иван да Федор. (*Посол кланяется*). Старший царевич Иван - мой соправитель.

Царевич Иван. Хорошо ли доехал до Москвы?

Фоскарино. Светлейший принц, я запоздал, и ехал уж по тающему на солнце снегу с большим трудом и чрезвычайными усилиями.

Царевич Иван. Разве так дурны у нас дороги?

Фоскарино. Дурны, светлейший принц. Особенно плохи в России переправы через многие реки, речки, озера, болота. Хоть на реках по большей части и сделаны мосты, однак сделаны они из грубого неотесанного материала, и о них часто ломаются повозки, и путешествие это невероятно утомляет и обессиливает.

Царевич Иван. Так, батюшка, давно надобно нам ямской приказ по устройству дорог и ямской гоньбы для наблюдения за краями не вполне замиренными и для быстрой переброски войск.

Иван. Истину говоришь, Иван-сын. Тебе и поручу, чтоб добро делал. А то в распутицу многие мосты уносит, а как снег тает, образуются болота и грязные непроходимые топи, что мешает торговле с Европой и продвижению войск. В Венеции хороши ли дороги и мосты?

Фоскарино. Венеция, государь, расположена на островах, разбросанных среди Венецианских лагун. Дороги у нас большей частью водные.

Щелканов. Государь, мешают торговле с Европой не так дурные наши дороги, как Польша, которая стоит поперек дороги нашего мира с Европой. О том и Истома Шевригин доносит.

Иван. Я вел переговоры с папским легатом Поссевино, теперь хотел бы и с тобой, венецианским послом, о том говорить. Согласна ли Венеция быть посредником мирных переговоров с Польшей?

Фоскарино. Папский легат Поссевино был и у нас в Венеции, говорил о задуманном плане примирения перед дожем и перед Советом Десяти. Сеньория без дальнейших слов извлекла, что мир возможен. Начать торговые отношения с Россией - ее давнее стремление. Примирить короля с царем мы согласны. Торговля нуждается в мире. Остальное - дело Рима.

Щелканов. Государь, однако притом, принимая роль посредника, они имеют в виду заключить мир против турок.

Фоскарино. Посол Шевригин старается представить тебя, государя, очень расположенным к султану, и к тому ж, скажу тебе конфиденциально, что со времени Лепанто и переговоров дожа с императором, дож наш не верит лигам. Вопрос о лигах окончательно устранен. Речь идет об окончании польской войны и торговле с Россией.

Иван. То нам по душе. О том будем говорить подробно.

Фоскарино. Интерес к России у нас чрезвычайно велик. Про московские богатства и сердечность мы слыхали много, и в том и убедились, едва доехав до границы. Как только мы доехали до границы Московской земли, все наше содержание стало даровым, так что мы совсем не тратились ни на кушанья, ни на подводку.

Иван. Так у нас водится. Мы - народ щедрый.

Фоскарино. Немало наслышались мы и про ваши товары, про искусство ваших мастеров и мастериц. Англичанин Дженкинсон, с которым мне довелось встречаться в Венеции, посоветовал: «Обратите внимание на прекрасное состояние красильного производства, замечайте их одежду и расписные вышитые украшения, осмотрите их красильни, также ткацкое производство, вышивальные мастерские». Потому, государь, едва приехав и узнав от сеньора посольского советника Щелканова, что светлейший государь посещает ныне царскую мастерскую, поспешил этим воспользоваться.

Иван. Ты хорошо сделал. Тут увидишь доброту нашего ткацкого искусства, наших вышивальных мастериц. Принесите ткани! *(Слуги вносят ткани).*

Фоскарино *(рассматривает ткани).* Хороши ткани. Красены отлично. Что за краски?

Иван. Тут краски растительные, без химоса. Изготавливаем краски марену, вайду, шафран для набивки ткани. Дрок, али желтое дерево для осветления используем. Для шелковых тканей предпочитаем алый и желтый, для суконных - красный. Из твердого дерева, груши, ореха, клена, березы красители, сажа, дубовая кора. Синий цвет - краска из марены. Земляная охра, реже оранжевый - из сурика али киноvari. Орнамент - круги, клетки, звезды, растительный орнамент - цветы и листья. А поедешь в Николу Чудотворца Шартомского монастыря красильни - там больше расскажут. Я говорю как любитель, а там - мастера. Также на Никитскую улицу в красильню, также в Московского дворца кадашевскую хамовную слободу к ткачам - про ткани кадаши расскажут.

Фоскарино. Что есть кадаши?

Щелканов. Кадаши, сеньор Фоскарино - ткачи полотна на дворец, из которого делается бельё для государева семейства. Белая Казна, Хамовники - ткачи столового бельё на дворец. *(Слуги приносят образцы).* Также то делается в ткацких слободах и селах.

Фоскарино *(щупает ткани).* Хотел бы поехать ознакомиться с материалами и снадобьем, привезти в Венецию образцы красок и материалов для торговли.

Иван. С Венецией не менее Англии торговля нам потребна. Купцам хай посольский приказ выдаст грамоты также на Венецию с привилегиями без пошлины, кто повезет ткани и краски. Кто из купцов в Англию возил, кто будет туда везти?

Щелканов. Костромскому купцу Кириллу Григорьичу Исакову грамота дадена, государь, на торговлю красками с Англией.

Иван. Ему же, как умельцу, и на Венецию грамоты дать. А вот, погляди, посол венецианский, какова наша вышивка. Анница, принеси покрыва да прочее. *(Анница приносит и кланяется)*.

Фоскарино *(смотрит на Анницу)*. Простая русская женщина весьма красива и носит весьма красивые украшения.

Иван. Истинно красива наша простонародная христианская женщина. Без серег серебряных или другого металла и без креста на шее нельзя увидеть ни одной русской женщины, ни замужней, ни девицы. Сия же Анница - моя лучшая мастерица-золотошвея. Я умелых мастеров и мастериц всюду в мои царские мастерские собираю. Забираю и насильно у иных бояр, которые искусства не понимают, неумело тех мастериц держат, также у изменных бояр. У боярина Афанасия Вяземского забрал все сорок девушек, которые были на женской половине князя и умели вышивать, изготовляя золотые одежды. Покажи-ка вышивку, Анница, да расскажи.

Анница *(робко, тихим голосом)*. Вышивка разноцветна, шелками, золотом и серебряными нитями, ромбом, кругом, узорны парча, шелк, бархат, многоцветны ширинки, пуговицы - все то вышиваем.

Фоскарино. Государь, восхищаюсь красотой мастерства, а еще больше - мастерицы. *(Смеется)*. Однако, русские женщины весьма робки. Видно, русские женщины сидят взаперти в своих комнатах и шьют или вышивают золотом, серебром или шелками. Это у нас в Италии непонятно. Наши женщины любят повеселиться. Государь, в России неужели нельзя повеселиться, не бывает любви и страсти?

Иван. Такие страсти, про которые говоришь - то от дьявола. И в России, как всюду, враг старается, и у нас есть заблудшие богоблудники. Ведь и сия Анница вела беспутную жизнь в Новгороде, да покаялась в грехах. Так ли, Анница?

Анница *(тихо)*. Так.

Иван. Есть и у нас блудницы гуляющие женские и связанные с ними сводники и сводницы. Однак те, кто Бога почитает, те живут чисто. И так, пожив с мужем лета довольно, во многих добродетелях и чистоте, по Закону Божию родит сынов-дщерей. Ненавидящий же добро враг против того тщится, вводит в грех.

Фоскарино. Знатные сеньоры, я слышал, прячут знатных сеньор по домам, именуемым по-русски терема. Но даже иностранцу можно склонить к любовным утехам за небольшую плату всякую женщину из простонародья. Так у нас говорят.

Анница *(робко, тихим голосом)*. Знаешь ведь, государь, молила тебя отпустить меня в монастырь, а не отпустил.

Иван. Отчего ж, такая красивая, не хочешь ни с кем жить? Найду тебе хорошего мужа ремесленника али подъячего.

Анница. Государь, ежели велишь, то вкупе жить буду, но прошу, чтоб плотского совокупления не имети за грехи мои.

Фоскарино. Я слышал, русские женщины покорно сносят побои и даже попрекают, если не бьют. Коли муж бьет, значит, любит. Так ли, так ли?

Иван. Ответь, Анница.

Анница. Коли бьет, то за грехи. Ежели велишь, государь, замуж идти, устрой мужу обычную постель, сама же с вечера во многих молитвах лягу на печи, без постели, дрова острые под себя постеливши и ключи железные под ребра. *(Плачет)*. Отпусти меня, государь, лихорадит шибко.

Иван. Болезнь по-церковному - наказание за грехи. Иди да молись! *(Анница кланяется и уходит)*. Венецианский посол, а понравилась ли тебе Москва?

Фоскарино. Город преобширный, но застроен более чем на семь восьмых деревянными строениями. Крепость с прочными, но не укрепленными каменными стенами. Крепости эти, как я слышал, построены некогда итальянцами?

Иван. Истинно так. Кремль построен итальянцами.

Фоскарино. Есть также несколько больших церквей красивой архитектуры с золотыми крышами и куполами, также, говорят, построенных итальянцами.

Иван. Не все построены итальянцами, есть и построены русскими мастерами. Московский собор в Китай-городе на пожаре строили Барма и Постник, премудры и удобны такому чудному делу. Надобно лишь распорядиться, чтоб вокруг Покровского собора поставить виселицы, как вокруг

главного храма в Лондоне. Хватит нам топором рубить, пора учиться у просвещенных держав. Напиши указ, Щелканов.

Щелканов. Слушаюсь, государь.

Царевич Иван. А Венеция красива ли?

Фоскарино. Венеция красива, государь царевич. Москва расположена на холмах, а Венеция - на островах и среди каналов.

Иван. Много ли островов и каналов?

Фоскарино. 117 островов, 60 каналов. Через каналы переброшены 400 каменных мостов. Лучший мост - Понто де Риалто, построенный через Большой канал.

Иван. Как войну окончим, хотел бы поглядеть на все те европейские чудеса и использовать иное для моих владений. Иное читал я уж в ваших хрониках, которые я собираю, велю переводить на наш язык и храню.

Фоскарино. Я слышал, государь, что ты большой любитель чтения, потому позволь преподнести тебе книгу «Град Божий Венеция». *(Подает книгу).*

Иван *(берет книгу, листает).* Щелканов, вели толмачам посольского приказа тотчас перевести на наш язык.

Щелканов. Слушаюсь, государь.

Иван. Такие книги приятней получать с Запада, чем те, что посылает польский король. Баторий послал мне с целью уязвить меня два западных издания, лживо названных «О жестокостях московского тирана». Также Поссевино привез греческую книгу - постановления Флорентийского Собора 1439 года, в которой византийская церковь признает власть пап. Он, папа, послал ту книгу Собора Флорентийского. Нет, не надобны нечистые книги. Жду я с Запада, люблю я благоглагольные книги великих риторов - Варрона, Лукреция, Сенеки. Про гимнософистов также читать люблю, индийских мудрецов, которые целый день недвижимым взором смотрят на солнце. Писали о них Цицерон, Лукиан, Страбон, Тертуллиан, Блаженный Августин... Особо же люблю читать тихо и сладко Святое Писание, про пророков и святых. Великий пророк Моисей сказал: «Всевышний поставил пределы народу по числу Ангелов Божьих и стал яко уделом Господним Израиль достоянием его». От того достояния сотворил Бог из милосердия к роду человеческому родоначальника правды, спасителя Иисуса Христа, про которого поведали нам святые евангелисты. Правда ли, что останки евангелиста Марка похоронены в венецианской церкви?

Фоскарино. Правда, государь, в Храме Святого Марка.

Иван. Много ли в Венеции церквей?

Фоскарино. Много, государь. Сан-Франческо делла Винья, Сан-Гальяно, Сан-Поло с гробницами дожей и Сан-Мария Глориоза с гробницей нашего славного художника Тициана...

Царевич Иван. Где ж строят те церкви, ежели кругом вода?

Фоскарино. Светлый принц, все церкви стоят на сваях, как и дворец дожа и дзекка - монетный двор.

Иван. Об италийских чудесах много слышал я от старца Максима Грека, также читал в его переводах легенду о Варлааме и Иосифе, книгу Марко Поло о чудесах мира, также книгу «Луг духовный» писаную палестинским монахом.

Фоскарино. Грек Михаил Треволис много лет жил в Италии, некоторое время был монахом флорентийской обители доминиканцев Сан-Марко. Он давно уж уехал в Россию. Где он, что теперь с ним?

Иван. К печали нашей, по наущению дьявола святой старец впал в ересь. Прежде в предисловии к житию соловецких чудотворцев писал старец Максим Грек, что похвалы подвижникам должны состоять из простых, бесхитростных слов, которые каждому понятны и открыто служат на пользу всем слышащим. Однако, по дьявольскому наущению, сам начал соблазняться хитрословием и красноречием, а также витиеватостью, и от таких нечистых слов впал в дьявольщину. То означает, что и святому от дьявола хорониться тяжело, ежели овладевает им гордыня, ибо дьявол повсюду постоянно стережет нас.

Бельский *(входит).* Государь, девка-вышивальщица в покоях хоронила незаконного своего младенца. *(Слуги вводят Анницу и Фаину).* А та *(указывает на Фаину)* - потаковница.

Иван *(гневно).* Вот - подтверждение слов моих о кознях дьявола! Где тот младенец? *(Слуги вносят плачущего младенца и кладут его на стол перед царем Иваном).* Чей младенец, девка?

Анна *(тихо, почти шепотом).* Государев.

Иван. Мой грех? Мой соблазн змиев? Сказано: «Царь познал жену свою яко Адам Еву вне породы». Порода - рай. Мы же и поныне изгоняемы бываем из рая всюду следующим за нами сатаной.

Анница *(тихо)*. Милосердный, праведный, милостивый, отдай мне Тимку!

Иван *(гневно)*. А грех? Хочешь, чтоб черт-пекельник радовался моему греху? Ведомо ведь о сокрытии некрещеных детей Адама и Евы, наполовину людям, наполовину нечистой силы! Переходников, обменяшей... *(Душит плачущего младенца)*.

Фоскарино *(крестится католическим крестом)*. A Christi nomine alienus.

Иван. Что вымолвил?

Фоскарино. Государь, я сказал, это чуждо имени Христа. Государь, я читал нечто в исторических хрониках про языческие обряды в Московии, но нам, европейцам, трудно поверить, что это происходит наяву и совершается просвещенным государем.

Иван. От грехов своих надобно избавляться самому, потому всякий раз собственноручно душу своих незаконнорожденных детей, неугодных Богу. Господи помилуй!

Анница *(срывает с себя платок и повязывает вокруг бедер, разрывает платье, обнажает груди)*. Царь, отдай мне Тимку! *(Идет к мертвому младенцу)*.

Царевич Иван. Батюшка, вели ее в убогий дом отвести! Грех ведь!

Бельский. Девка порченная, государь! *(Становится между Анницей и царем, вытаскивает нож)*.

Анница. Отдай мне Тимку, моего мала человека! Он молока хочет. *(Улыбается и идет к царю)*.

Иван. Отойди, Бельский, от убогой. Господи, прости мне грех! А не умею по-иному против дьявола устоять! *(Крестится)*.

Анница. *(Подходит, берет младенца и прижимает его голову к груди. Укачивает, поет)*.
 Баю-баю, баю-бай, поди, Бука, под сарай,
 Коню сена надавай, нашу Тиму не пугай!

Бельский. Притемнить девку?

Иван. Пусть идет! *(Крестится)*.

Бельский. А что с потаковницей делать?

Иван. Потаковницу на торгу бить кнутьем, чтоб кожа лопнула, ибо потаковники - вот главные грешники. *(Фаину уводят)*.

Фоскарино. Позволь, государь, и мне удалиться. Ибо, признаюсь, я несколько встревожен и хотел бы успокоить себя чтением эпиграмм или идиллий Вергилия или Авсония.

Иван. И мне сии названия ведомы. Щелканов, вели, чтоб перевели.

Щелканов. Исполним, государь. *(Кланяется и уходит с послем)*.

Иван. А, детища асмодеевы, они же Адама и Евы, рожденные после грехопадения и утаенные от Бога! Та сила дьявола держит нас. *(Крестится)*. Господи, изведи из темницы душу мою и от ада преисподнего. Удиви на мне грешном, милость свою своими молитвами, ты, Матерь Пресвятая Богородица приснодева Мария и все святые твои, сии все помыслы в уме моем. *(Уходит в сопровождении Бельского)*.

Занавес

Сцена 85

Варваринский крестец Китай-города у Варваринских ворот. Холодная летняя ночь. Возле высокой жаровни, в которой горят дрова, греется народ. Иные расположились вокруг костров. У Варваринских ворот на лесах - художник Аламбий при свете факелов подновляет икону Варваринской Божьей Матери. У ограды Варваринской церкви сидят несколько мужиков и баб, иные закусывают, иные дремлют.

1-й мужик *(раскачиваясь, заунывно поет)*.

Я пойду, ой и не послушаю,
 Ночь темна, ой, и не месячна.
 Реки быстры, ой, перевозов нет,
 Леса темны, ой, караулов нет.

2-й мужик (дремавший, накрывшись армяком. Приподнимается, сердито). Почто скулишь, аки выморочный?

1-й мужик.

Я пойду и не послушаю,
Ночь темна, ой, и не месячна...

Скоморох (к поющему мужику). А что скулишь? Ежели каши желаешь с маслом, али киселя горохового с хлебом, то ты у нищих калик проси. Ишь, кашу варит ватага каличья! (Кивает в сторону костра, на котором кипит котел и вокруг которого сидят нищие).

Главарь ватаги (мешает кашу большой деревянной ложкой, поет вместе с горбатым мальчиком-нищим).

Слезы лил Адам, возле рая сидя:
Рай, ты мой рай, о прекрасный мой рай!
Меня ради, рай, сотворен ты был,
А из-за Евы, рай, затворен ты был!
Увы мне, грешнику, увы ослушнику!

Горбатый мальчик Никулка. Дядя Матвей, отчего милостивый Бог по сю пору гнев на Адама держит?

Главарь ватаги. Из-за дьявола господь гневается, из-за дьявола, Никулка! Коли Адама господь Бог выгнал из рая, тогда дьявол и запись на него сделал. Господь велел: после изгнания кормись в поте лица! Отец наш Адам начал заниматься хлебопашеством, однако дьявол сказал: запиши мне рукописание, тогда и землю дам тебе делать. Господни небеса, а земля моя. Аще хошь земли пахать, то дай мне рукописание на себя и на весь род твой.

Никулка. И дал Адам, отец наш, рукописание дьяволу?

Главарь ватаги. Дал Адам рукописание, по тому рукописанию от Адамовой смерти до Христова распятия проводил дьявол праведных и грешных одинаково в ад. (Мешает кашу).

1-й мужик. Слыхивал я про чудеса Троице-Сергиевского монастыря. Стоит там медный горшок, в котором всегда варятся овощи, и горшок тот всегда полон, всем паломникам хватает, сколько б ни ели, и овощи не кончаются. Так ли, монах?

Монах. Я такой горшок не видывал и про такой горшок не слыхивал. Может, стоит для нищих, а нам, христианам, Господь от Отца нашего велел кормить самим себя в поте лица.

2-й мужик. У нас в Москве и Замоскворечье бедное крестьянство. Не то что дыни, овоща заморского - иной раз не станет до весны корма животного, али соломы, али мякины. У нас то недостаток луговых угодий. Траву косим на полянах после рубки леса. То в Нижнем Новгороде, в Вятской земле, Закамье луга велики. Мы ж держим лошадей перед сохой в страдную пору овсом, остальное мякиной идет заместо овса, а овец с октября по май в хлеву держим, не в поле, на подножном корме. Истинно так. Заговорил я сеструшку свою родную девку замуж, а выдать мне не с чем, лоскутишки нет никакой.

Никулка. Дядя Матвей, когда конец мира будет?

Матвей. Как Бог велит, Никулка.

Старица Филя. От кого ты, Никулка, про конец мира слыхивал, не от новгородских ли, жидовствующих?

Никулка. Нет, тетушка Филя, мне про конец света белый дедушка рассказывал.

Старица Филя. Который еще белый дедушка?

Никулка. Как я был в подпасах у говядаря, меня раз под вечер белый дедушка позвал. Пойдем, малец, по лесу, бурячка дам. (Улыбается).

Старица Филя. То, Никулка, леший был, который на деревьях гайдается и детей заманивает.

Никулка. Нет, тетушка Филя, дедушка добрый. Мы с ним гуляли, а потом он вдруг маленький сделался, в четверть аршина, и во мху спрятался. Он мохом питался, яко брашном. (Ест кашу).

Филя. Нечистый с тобой, отрок, говорил, нечистый любит в лесу али поле к пастухам приставать, особо молодым.

Матвей. Никулка - отрок добрый, да болезнен, горбатенький. Я таких люблю в ватагу каличью брать да прочить, сиречь ласкать и баловать. Я таких, порченных, да чистых душой, люблю в ватагу подбирать. Вот и Кириллку подобрал. (Указывает на иного нищего мальчика).

Кирилл. Истинно так, дядя Матвей, дай тебе Бог здоровья.

Филя. Ты откуда, Кирилл? Сирота-то?

Кирилл. Нет, я - Кирилл, сын гончара. Послал меня батюшка в Москву учиться портняжному делу, да не вынес того учения, хотел бежать обратно, однако боялся - батюшка засечет. Ныне же по гроб дяде Матвею благодарен, что в ватагу взял. Весело тут, сытно. *(Садится на бревно, ест кашу, качая ногами).*

Матвей. Ты, Кирилл, ногой не качай, грешно. В русском народе то неприлично, сидя ногой качать. Это ты нечистого радуешь, черту трясешь.

Кирилл. Прощения прошу, дядя Матвей.

Люба, беременная девушка-нищенка. И сестрицы на деревьях качаться любят! *(Смеется).*

Кирилл. Которые сестрицы?

Люба. Русалки. У нас на Мурманском берегу их сестрицами кличут. Я их видала. Русалка - нагая женщина, груди большие, живет в лесах, бежит - так на лошади не догонишь, едешь, особенно зимой - вдруг сзади нагой человек бежит. Но сделать он ничего не может.

Матвей. Против всякой нечисти хорош крест святой, крестное знамение.

Люба. К пьяному мужику на телегу сели лесные девки со светящимися телами, и почали с ним дело иметь.

Филя. С тобой-то кто дело поимел? Ты отчего, девка, чревата осталась, до сих пор не на сносях? Не от блуду ли?

Люба. Разбойники меня в лесу повстречали, добрые люди.

Филя. Разбойники-то добрые люди?

Люба. Истинно. Они меня живу оставили, а могли бы притемнить. *(Смеется).*

Матвей. То Бог помог. Разбойники-сходцы добру божливы, сиречь оскудевши к добру. Девиц встречных замучивали насильством до смерти.

Никулка. Дядя Матвей, а чего ж стрельцы их, сходцев, не истязают?

Матвей. Стрельцы-то? Стрелец берет с разбойника хороший скуп и пускает. *(Накладывает еще каши из котла).* Бывал я в разбойничьих сторонках на диком поле. Господи, спаси и помилуй! *(Крестится).* Здесь лихачи без роду-племени, здесь какая орда да какая литва дотоле скиталась. Станичники!

Филя. А где разбойники, там и колдовство! *(Крестится).*

Матвей. Истинно так, Филя. Колдун-чернец в каждом подполе зелье вручал, а в сумерки черти гуляли по улицам на погибель крещеным душам, прикрыв рога шапкой да спрятав хвост под портки. *(Крестится).*

Филя *(крестится).* Срамота. И в иных местах за грехи все боле являются. Наваливаются на спящего, гнетут ночью, оставляют на теле синяки. Зализывают волосы, являются мышью, собакой, тенью на стене.

Люба. А я чула наперекор, они тени не имеют, рост меняют. То они всех деревьев выше, то ниже мелкой травки.

Филя. Ныне за грехи они всюду ходят. И тут, на Крестце, чую, нечисто.

Никулка. Как же, тетя Филя, Варваринский Крестец - место святое. Видишь, хитрец, сиречь художник, с подмастерьями лик Варваринской Божьей Матери подновляет, а Чудотворна -от бесов заступница.

Филя. Возле святости - самое место для нечисти. Она к святости липнет особо. Вася Блаженный - юрод, возле кабаков Богу молится, а возле церковей камни швыряет.

Анница *(входит, убаюкивая мертвого младенца).*

Баю-баю, баю-бай, приходил вчера Бабай,

Просил: «Тимку мне отдай!»

Нет, мы Тимку не дадим,

Тимка нужен нам самим!

Филя. Говорила же, Крестец нечистый! А сия порченная кашашевка явилась с младенцем-мертвяком. Ходит по Крестцам да мертвяка баюкает.

Анница. Баю-баю, баю-бай... Замолкни, неслух! Вот отдам тебя зыбочнику²⁹! *(Укачивает мертвого младенца).*

Никулка. Гляди, какова! Груды голы, сосцы голы, гузно обвязано ширинкою, носит на гузне плат.

Анница *(укачивает).*

²⁹ **Зыбочник** - леший, качающийся на ветвях, деревьях; дух, проникающий в зыбку (колыбель).

Баю-баю, баю-бай, поди, Бука, под сарай,
 Коням сена надавай, у нас Тиму не пугай!
 Чадо мое возлюбленное, утроба моя! *(Целует мертвого младенца)*. Христос помилует тя во всякой беде ради великой милости своей, сыне мой милый!

Люба. Отчего не отнимут у нее мертвяка-то?

Филя. Не отдает. Кричит да кусается, вишь, в исступи ума она. Прежде, сказывают, поблядухой была, кадашевской слободы в швальном дворце.

Купец. То непорядок, что заразу носит по Крестцам. Тут люди пищу едят, а она заразу носит. Уже смердит! *(Плюет)*. Терешка, отжени ее подальше.

Терешка *(подходит к Аннице)*. Поди прочь, порченная! *(Толкает Анницу)*.

Анница *(укачивает мертвого младенца)*. Гляди, Тимка, буки пришли. Не страшись, Тимка.

Терешка. Поди прочь! *(Толкает Анницу)*.

Анница *(кричит)*. Пришли! Не страшись!

Молодец. Не трожь убогую! Поди сам прочь, ты, свиное узорочье! *(Толкает Терешку)*.

Терешка. Ах ты, рогозиная свита, холщовы порты, мочальна покромница! *(Дерутся)*.

Купец. Кликнуть надобно татарина служивого, решеточного сторожа.

Матвей. Я за ним мальчика отряжу. Поди, Никулка, кликни.

Никулка. Мигом, дядя Матвей! *(Убегает)*.

Филя. Унять их надобно. *(Подходит)*. Угмонитесь, кваску попейте. *(Подает квас. Молодец и Терешка выпивают квас и дерутся дальше)*. Угмонитесь!

Терешка. Поди прочь, поберещеное лицо! *(Толкает Филю, та падает)*.

Филя *(поднимается с трудом)*. Иродовичи, вот уж возьмут в съезжую! Охальники и образины. У Фили пили да Филю били! *(Убегает решеточный сторож с бердышом)*.

Решеточный сторож *(с татарским акцентом)*. Пачему? *(Расstalkивает дерущихся)*. Я - решеточный сторож, служилый татарин Инсаналейко Облет. Почему деретесь?

Скоморох. Они за девку подрались. Девица-красавица из лохани брана, аки соловей щебечет в зеленом бору. *(Смех)*.

Решеточный сторож. Ты кто такой, дурак, откуда?

Скоморох. Я-то? Я с двора бобыльского. Восемь дворов бобыльских, а в них полтора человека с четвертью, четыре человека в бегах, да два в бедах. От Язуы до Москвы шесть верст, а от места до места один перст. *(Народ смеется)*.

Решеточный сторож. Вижу, все вы тут разбойники!

1-й крестьянин. Все мы тут - люди Божьи.

Решеточный сторож. Люди? Сыматрю, люди! *(Угрожающе)*. Люди, говоришь? *(Входит объезжий голова со стрельцами)*.

Объезжий голова. Что за языцы тут вопят?

Сторож. Я - служилый татарин Инсаналейко Облет. Спрашиваю - кыто такие? Говорят - люди!

Объезжий голова. Вчера в селе Внуково пограблено 29 лошадей, 54 овцы, 48 коров да множество кур. Не вы ли, люди, грабили?

2-й крестьянин. Тут ночует народ православный, не тати.

Объезжий голова. А ты кто?

Матвей. Мы - не тати, мы - молельщики небесного царя. Дано нам право у Господа просить о грехах и о жизни вечной.

Скоморох. А ты кто, господин-сударь праведный?

Объезжий голова. Я - объезжий голова Китайгородского объезда Окунь Кондаков.

Купец. Господин объезжий голова, непорядок здесь. Ходит убогая по Крестцам, мертвого ребенка носит, заразу разносит.

Объезжий голова. Чую, мертвечиной смердит.

1-й мужик. Почернел уж.

Филя. Смердит оттого, что некрещеный, перевертень, опрокидень.

3-й мужик. Давно носит, раз смердит.

Люба. Ежели черен, значит, ублюдок от связи женщины с дьяволом. Потому и темен лицом. Кровь у них не красная, а синяя. То нечиста сила.

Анница *(убаюкивая)*.

Баю-баю, баю-бай, поди, Бука, под сарай,
 Коням сена надавай, у нас Тиму не пугай!

Объезжий голова. Отнять у нее мертвяка!

Решеточный сторож (*подходит*). Глупый девка, дай мне твой ребенок, чтоб кормить им шелковичных червей! (*Смеется. Анница кричит и кусает сторожа за руку*). Ах, собака! Керовь течет! Ах ты, кебек, грязная псина! Фи аййи суратим ма шаа раккабак³⁰! (*Сильно бьет Анницу плетью*).

Молодец (*подбегает и бьет сторожа*). Ты, бухарин, блядь, татарские твои семена, не трожь убогую!

Объезжий голова (*указывает на молодца*). Ухапить его!

Терешка. И я уж с ним дрался! Разбойник он! Таких рубить надобно беспощадно!

Объезжий голова. За татьбу, да за разбой, да за воровство, да за поджоги караем беспощадно. (*Стрельцы бросаются на молодца. Тот отбивается*).

Анница (*убаюкивает мертвого ребенка, поет*).
 Тихо, тихо, тихо, тихо,
 По деревне бродит лихо,
 Одноглазенькое.
 Тише, Тимушка, спокойно спи. (*Поет, укачивая*).
 У нас сегодня купало, купали две сестрицы,
 Говорили: Ой, Бог нам дай, ой, Бог нам дай!

Аламгий. Парубки мои, подмастерья, надобно мне сливки, густые краски смешать. Пречистая Богородица и ты, Господи, Архангел Михаил, прости мой грех! (*Садится и начинает плакать, прикрыв лицо ладонями*).

Объезжий голова. Что здесь за бунт? Стрельцы, ружья наизготовь!

Купец. Не стреляйте, сударь милостивый, ведь и нас, честных людей, побьете. (*Василий Блаженный входит, наклонившись, что-то ищет на земле*).

Филя. Праведный нагоходец Василий Блаженный! (*Целует Блаженному руку*).

Народ. Божий человек Василий Блаженный! (*Народ целует Блаженному руки*).

Филя. Чего ищешь, божий человек?

Василий Блаженный. Ищу где упалого зернышка, чем бы голого попитать. (*Идет, бросает палку, подбирает ее, стряхивает, снова бросает*).

Филя. То он с бесами воюет.

Объезжий голова (*кричит*). Стрельцы! Бунт здешний подавить!

1-й стрелец. У меня порох в пороховнице отсырел. (*Опускает ружье*).

2-й стрелец. У меня фитильный замок захудал. (*Опускает ружье*).

3-й стрелец. Если тебе нужна его кровь, то пей сам, мы не будем. (*Стрельцы опускают ружья*).

Купец. Бунт оттого, что порченная пришла, заразу носит.

Филя. Порченная Анница иной раз бывает аки мертва, едва в ум приходящи, минутами же в исступе ума, голосит и плачет. Обезумев, ходит по Крестцам то по церквам Божьим с мертвым младенцем.

Василий Блаженный. Замолкните вы, блядоносцы! (*Подходит, садится рядом с Анницей, укачивающей мертвого младенца*). Звать-то твого младенца как?

Анница (*ласково*). Тимушка.

Василий Блаженный. Чай, будет младой отрок, удалой молодец! Дай мне, я его поласкаю да покачаю.

Анница. Нет, не дам! Как ясен сокол, как бел кречет от матери не может быть отнят, так и мой Тимка без меня, своей матери, не может. (*Поет*).
 Баю-баю, баю-бай, приходил к нам Тарабай,
 Просил: Тимушку отдай!
 А мы Тиму не дадим, Тимка нужен нам самим.

Матвей. Раньше, было, многим чудилось. Кому чудится нечистая доля, тот порчен умом, а ныне люди стали хуже дьявола, то им и не чудится. (*Крестится*).

Василий Блаженный (*к Аннице*). Вишь, милая, пеленцы помокли у ребеночка, то он и плачет. Дай, поменяю, не хочет лежать! Слышь, плачет! (*Слышен детский плач*).

Люба. Господи Иисусе! Юрод мертвеца оживил! (*Крестится*). Мертвяк плачет! (*Все крестятся*).

30 *Фи аййи суратин ма шаа раккабак* - слова из Корана (LXXXII, 8): «В таком виде, как пожелал, (Аллах) тебя устроил».

Объезжий голова. Дураки вы, то божедомы на Крестец мертвые тела несут, да подобранных за ночь голодных подкидышей! *(Все приближается, все нарастает плач младенцев. Входят божедомы, весело перекликаясь меж собой и неся мертвецов и корзины с плачущими подкидышами).*

1-й крестьянин. Вот оно, дно адово! *(Крестится).*

Люба. Сильно подкидыши кричат, в таких младенцах столько крику.

1-й божедом. От голоду закричишь. Иные полузадохшиеся, а иные жить хотят, молока материнского.

2-й крестьянин. Хоть бы сосок из хлебного мякиша понаделали, не по-христиански так!

3-й божедом. Младенцы все нехристи, грешный приплод, от блудниц большей частью, гулящих жен. Как котят слепых их бросают: то на лестницу, то под церковную ограду. Иной раз в одном месте три-четыре пицат.

1-й мужик. Много ли приплоду от блудниц подбираете?

3-й божедом. Бывает, за ночь не управишься, пока по разным крестцам разносим трупы незнакомых людей, кожную ночь на улицах подбираемых, убитых, умерших и запивших, для опознания их родственниками и знакомыми. Также и подкидышей.

1-й божедом. Летом еще поменьше. Зимой замерзших много подбираем. Всяких подбираем - иные с голоду умерли, иные от болезней, иные ограбленные и убитые, иные в пьяных драках убитые...

Никулка. Где хороните-то?

1-й божедом. На кладбищах при загородных убогих домах. Там и скоморохов хороним, и бродяг, и в застенках от пыток умерших, и казненных. Иной раз и бояр казненных привозят, на которых особо немилостив государь. По рубашам их узнаешь. Бояр казнят в длинных рубашках, а простой народ - в коротких.

Люба. Подкидышей-то куда деваете?

1-й божедом. Подкидышей? Ежели никто не берет, то прежде давили, али топили, как котят.

Люба. Отчего ж живу душу топить?

1-й божедом. А жалко, как мучается, плачет. А то аптекарям продавали. Английский немец принимает по алтыну за подкидыша.

1-й мужик. Ему зачем?

1-й божедом. Одни ему нужны для колдовства, а другие для изучения внутреннего состава, из каких частей человек составлен.

Василий Блаженный *(берет у Анницы мертвого ребенка, укачивает его).* Святой упокой душе его. *(Кладет мертвого на крестец).*

Анница *(кричит).* Юрод, дай Тимку моего назад!

Василий Блаженный *(берет плачущего подкидыша).* Возьми Тимку, накорми материнским молоком. *(Прижимает подкидыша к груди Анницы, тот затихает и успокаивается).*

Люба. Гляди, юрод подстроил порченой хитрость - мертвого бляденьша живым подменил!

Анница *(убаюкивает подкидыша).*

Баю-баю, баю-бай, приходил к нам Тарабай,

Просил: Тимушку отдай!

Василий Блаженный *(подносит к Аннице другого подкидыша).* Этого покорми, мать московская, тот успокоился, сей обиден и плачет. *(Берет у Анницы уснувшего подкидыша, дает ей другого. Тот жадно сосет грудь).*

Анница *(ласкает подкидыша).* Чадо мое возлюбленное, утроба моя, сыне мой милый!

Филя. Глядите, православные, приняла сия жена, именем Анница, от скверного смешания подменьша будучи в исступе ума, а Христа ради юродивый Василий Блаженный приди на ум и исцели сию жену.

Василий Блаженный *(кладет руку на голову Аннице).* Мир тебе, мать московская Анница! И посему торжествуй светло и духовно. *(Анница плачет).* Повторяй, Анница: Славно Бог прославится!

Анница. Славно Бог прославится!

Василий Блаженный. Яко по исцелению сему будет тебе, Анница, много вражеских искушений и мечтаний. Ты ж не убойся их, стой за правду против окаянного лукавства темных духов. Не имей страха!

Анница. Хочу поцеловати икону Пресвятая Богородица Варваринская. *(Встает и идет к воротам).*

Василий Блаженный *(кричит).* Отойди, проклятый демон, от рабы Божьей Анницы! Молись ты из глубины сердца своего заступнице христианской Пресвятой Богородице. Анница, глаголи «Аминь».

Анница. Аминь.

Василий Блаженный. Еще дважды отвечай «Аминь» и крестись ты, Анница, крестным знаменем разумно и внятно.

Анница (*подходит к воротам и крестится*). Аминь, аминь.

Аламгий (*начал дрожать, кричит*). Оставьте меня, ангелы, дайте мне покаяться и восприми тебе ангельский чин, вознеси в высь воздушную! Вы, тихие ангелы рублевские, я, образописец Аламгий, восхотел хитрости иконные не богатства ради. Без глаз и ума молюсь, чтоб мне было так. (*Указывает на Анницу*). Вот они, глаза Божьей Матери! Божья Мать, спаси нас от насилия дьявольского! (*Падает, извиваясь*).

Матвей. Корчи у него, трясовица, падучая немощь!

1-й божедом. Бешенство, исступление ума! (*Крестится*).

Анница (*подходит к бьющемуся Алампию, крестит его*). За шесть дней уехали от меня бесы молитвами святыми славных мучеников. Благословен Бог веки. Аминь. Сам, Господи, блюди рабов твоих во веки веков, блюди на пути и на постели, у воды, на встрече, на всяком месте, владычествуя. Отступи, сатана! Здесь Святая Богородица Христа рождает, здесь четыре Евангелиста почивают, здесь Святые Апостолы Петр и Павел, здесь Святой Кирилл крест держит! Крест на мне, крест надо мной, крест се ограждающий крестом всегда, нынче и присно и во веки веков. Аминь. (*Аламгий затихает*).

Филя. Она святая! От Богоотметника силу свою поимела! (*Крестится*).

Люба. Анница Блаженная, помилуй нас! И ты, Богоотметник Василий Блаженный! (*Народ становится на колени, крестится*).

Занавес

Конец девятого действия

ДЕЙСТВИЕ ДЕСЯТОЕ

Сцена 86

Москва. Успенский собор Кремля переполнен знатными именитыми гостями. Царь Иван с царицей Марией Нагой, царевичи Иван Иванович и Федор Иванович с женами Еленой Шереметьевой и Ириной Годуновой. Рядом с царем и наследниками Годунов, Нагой, Бельский и воеводы Иван Петрович Шуйский, Василий Федорович Скопин-Шуйский и прочие. Службу ведет митрополит Дионисий.

Дионисий. Крестолюбивый православный государь наш царь и сыновья твои православные царевичи Иван Иванович и Федор Иванович с царевнами Еленой и Ириной! Ныне, когда Бог попустил крепкого врага на христиан грехов ради наших и на Псков приде польский и литовский король Баторий, то пошлет Матерь Божия, и Сын Божий, и сам Господь свыше помощь свою. Своего архистратига, ангела грозного Михаила, воеводу святых небесных сил, бывшего древнего помощника Авраама на царя Содомского, да равноапостольного князя Владимира и сынов его святых страстотерпцев Бориса и Глеба, и святого великого Александра Невского. Молим тебя, царя Ивана, и наследников твоих, царевичей Ивана Ивановича и Федора Ивановича, и всех твоих вельмож, князей, бояр да прочих ратников. Как храбрый Самсон сильный ослиной челюстью тысячи иноплеменников убил, так и вы, наши государи, царь Иван с царевичами Иваном и Федором, хорошо управляли христианским государством Российским, покоряя и защищая его от соседних языческих царей, не нашей веры королей и всяких полководцев, приходивших на русское

царство, чинивших насилие над православным их народом, а более всего стойко и мужественно обороняли монастыри и святые церкви, сражаясь за православную веру. В то время прибыли к царю вестники с северной стороны его государства, сказали о нападении самого злобного войска лифляндских рыцарей. Никакой враг не чинил столько зла и насилия нашим селам и городам. Да и не только простому люду. Они опустошили все окрестности чудотворного и святого монастыря Успения Пречистой Богородицы и много обид и вреда нанесли самому монастырю, осадив его. Когда услышал христолюбивый царь и великий князь Всея Руси Иван Васильевич, что не только его города и села грабят и насилуют немцы, но и на Печерский святой монастырь посягают, то послал он на лифляндских рыцарей свои войска и сам за дом Богородицы в поход поднялся. Вместе со своим царевичем, князем Иваном Ивановичем, принял благословение от отцов духовных. Придя в отчину свою, славный город Псков, почал государь приводить его в надежный для войны порядок: поставил военный совет из бояр, назначил воевод каждому полку, указал, кому каким делом ведать, если подступит враг, так как Псков стоял на рубеже, совсем близко от крепостей насильников-рыцарей. Из славного города Пскова пошел государь на врага, сокрушив его. Ныне же за грехи наши вновь вестники прибежавшие государю нашему возвестили, яко лютый король Степан разорил Полоцк-град. Королю же литовскому Степану многодельного нашего греха и многонеправедного ради ума беззаконного нашего, и за все неправды наши перед Богом и человеком, вследствие злых грехов наших, придал Бог ему, агарянину, Луки Велики и окрестны грады. По Великих Луках взятию со многим вознесением и возвышением готовится напасть на Русскую землю, на славный город Псков. Будем же просить Бога о помощи, и государя нашего, чтоб и на сей раз крепко стоял против супостата, защитил Русскую Землю. Господи, помилуй! Аминь. *(Хор поет)*.

Иван. Митрополит Дионисий Всея Руси, царевичи - наследники мои и вы, слуги царицы! По полоцкому взятию рассвирепел и разгордился лютый той варвар, король Степан, устремление идти показывает на Русскую Землю, поощрением же Божьим грехов ради наших. Под Великие же Луки желает прийти и на Псков. Слыша же сие, я, царь, государь и великий князь Иван Васильевич Всея Руси, от свирепого его нашествия великою кручиною объят был. В Великие же Луки послы свои послал, дабы со мной, с государем, мирен был. Он же, Баторий возгорделивый, ушесами своими о мире слышати не хочет, государевым же моим послам бесчестные и бездельные словеса сказал, взял их в заложение. К сему же всезакрытый и злоядовитый, яко от адовой утробы яд отрыгнул. Не токмо на Луки Великие свирепства свои, но и на окрестные грады показал по сатанинским своим превозглашениям, и превознесся на славный град Псков.

Нагой. Истинно так, государь благочестивый. «Яко не токмо – рече - Луки Великие восприму со окрестными его градами, но и славный ваш Великий Псков, яко камень жерновый поворочу, поимев, и государем его буду именоваться. Также и Великий Новгород, - многогорделивый изрек, - возьму. Яко не может, - рече, - ни один град укрепиться или отсидеться от меня, великого; да смотри, - речет, - как грады государя вашего восприму и поплению». То сказал послам нашим.

Бельский. Государь милостивый, царь Иван Васильевич, во многом повинны христиан ненавистники, изменники-перебежчики. Приходят же в Литовскую землю к польско-литовскому королю, молят вкупе, совоспринимают его на брани с российским царем. Богомерзкие хриstopродавцы и поругатели Христовой веры и сил Креста Христова, государя нашего изменники князь Андрей Курбский со товарищи.

Иван. Истинно, сии христианоненавистники на меня, христианского государя, ополчаются. Иудейским советом на меня, владыку своего, подымают врагов. К польско-литовскому приходят королю на российского государя воинство поднимати, яко забывши Бога и возвратившись на грехи, яко рече писание. Их изменой рассвирепел и разгордился люто тот варвар, польско-литовский король Степан, также поупущение Божьим грехам нашим. И то начало тяжким болезням Российской Земли. Оттого хочу поклониться чудотворному образу Пречистой Богородицы, нашей спасительницы. *(Кланяется иконе. Поет хор)*.

Царевич Федор. Батюшка-царь молится со слезами. *(Плачет. Иван тоже плачет)*.

Царь Иван. Знаю, госпожа Богородица, что не отвергает твоей молитвы сын твой, Господь наш. Помолимся же Ему. Пусть возвысит руку мою над злодействующим врагом за его насилие над христианами, а больше того над святыми монастырями своими, а больше того над нами, верными рабами Сына Твоего и Господа. Аминь. *(Поет хор)*.

Федор. За избавление от латын и от злой языческой веры молитва. А мне бы в пещеру, живущи, молиться, сухарями питаться и по утрам росу с камней слизывать. *(Громко плачет)*.

Годунов. Замолкни, царевич! Не делай шума да молись с батюшкой! Ты не монах, царевич!

Ирина. Молись так: «Господь, отца моего избавь, и меня, и отчину мою от латинского этого учения и от безвременной смерти». *(Крестится)*.

Федор. Господь, отца избавь! *(Крестится, плачет)*.

Елена Шереметьева *(царевичу Ивану)* Тяжко мне на сносях долго стоять!

Царевич Иван. Не плачься, стой, иначе батюшка осерчает.

Елена Шереметьева. Знаю, государь-батюшка меня не любит, особо же новая царица Мария Нагая не любит, боясь нашего наследника. Однако, кто зачнет в чреве - то слабость телесная ради нужды.

Царевич Иван. Отбрось от себя женскую немочь, Елена, молись! *(Крестится и молится. Елена тоже молится)*.

Дионисий. Скажите, матушка царица Мария, слово свое!

Мария Нагая. Молиться буду: со всемогущей десницей защити господина моего, царя Ивана Васильевича, от латинского врага да от внутренних врагов! Николай Чудотворец во сне сказал мне: «Дщерь моя, мужайся и крепись, и не бойся бесноватого прельщения! Христос был ныне, повелел соблюдать тебя от бесов и от злых человеков, также и царевича, младенца Дмитрия». Ты ж, Господь, блюди господина моего, царя Ивана Васильича! *(Крестится)*.

Нагой. Блюди, Господь, государя нашего и отчину нашу! Государь наш, христианский миролюбец, от Батория весть нечистую одержал. Приде же та весть государю нашему, яко не токмо мир от него не желают латыны прияти, но и послы его государевы бездельно с собой под Луки повезли, иные же под Псков. И велехвальный свой помысел не токмо на Луки изрыгнул, но вельми превознесся гордыню, и на Великий Новгород, паче же и более, на славный богоспасаемый Псков-город. «Той бо - рече послам - слышал Псков-град его, царя русского, превелик в земле вашей, каменнооградными крепостями преболе и паче иных утвержен. Сего мне, - рече, - подобает взяти. Великий же Новгород ни единого дни против меня постояти не может».

Царевич Иван. Батюшка, можно ли терпеть нам таковы речи от супостата?! Вспомним про наши победы, как ты, государь, пошел на врага, как достиг ты лифляндской земли. Немцы пришли в полное смятение, прослышав, что идет на них русский царь с могучим войском. Знали они, что не устоят против него. Одни бежали в иные края, другие заперлись в крепостях, надеясь на свои твердыни, третьи же в спорах и смятении не могли решить, оставаться ли за твердыми стенами или покорно выйти навстречу русскому царю с дарами. Также по Божьей милости и по молитве Богородице и великим чудотворцам ты, государь и великий князь Всея Руси, не только отомстил врагу за дерзкие покушения на святых, но и стал государем всей Лифляндии и прославился победами. Ныне же, батюшка государь, все то потеряно, и сами мы в спорах и смятении страшимся дерзкого Батория, запершись во Пскове.

Иван. Знаешь ли, царевич Иван-сын, что за грехи наши сила наша уменьшилась, а вся Европа против нас идет? Баторий вызвал из Европы свежее наемное войско числом великим. Которым, Бельский?

Бельский. Числом, говорят, до 170-ти тысяч, государь.

Иван. Такое великое войско Баторий двинул сим летом на Псков. Со своей стороны, Московское государство ополчилось до последних сил. Сколько всего, Годунов?

Годунов. У тебя, государь Иван Васильевич, может набраться ратных людей тысяч до трехсот, но это войско непривычное к бою и неопытное. Опытного же войска мало.

Иван. Слышишь ли, царевич Иван-сын, как ныне на Руси тяжко? При том же ныне боимся нового нашествия крымского хана. Невозможно сосредоточить все силы против Батория, а нужно ставить оборону против татар. Нагой, послать гонца к Никите Романову, написать: «Ты, Никита Романов с казаками, станешь на Донце против крымцев».

Нагой. Исполним, государь.

Иван. Сверх того, приходится защищаться против шведов.

Царевич Иван. Тем более, ежели воинов мало, сам царь должен идти для воодушевления войска под царской хоругвью!

Бельский. Царевич-батюшка Иван Иванович! Царь не может ныне оставить Москву, когда кругом измены.

Царевич Иван. Батюшка, тогда я пойду! Дерзаю, хочу идти против нечестивых варваров под Псков, и после Москвы, здесь, в Московском Успенском Соборе, хочу в Псковском Успенском Соборе молиться. Псковскую Успенскую Пароменскую церковь, где звонит победный колокол, посетить хочу.

Иван. Истинно, по моему велению мастер Логин Семенов отлил победный колокол с надписью: «Приказал государь царь тот колокол слити, как пришел государь царь и с ним его царевич Иван Иванович из немецкой земли в Псков».

Царевич Федор. Как велик тот колокол, батюшка?

Иван. 200 пудов, Федор-сын. Память в честь наших побед в Ливонии. За грехи наши последних побед.

Дионисий. Великий государь со своими верными слугами, на чудеса надейся! Без чудес страшного врага не одолеть.

Царевич Иван. Батюшка, дай мне войско, молю тебя слезами!

Иван. Нет, Иван-сын, во Пскове до 30-ти тысяч русских. Главное начальство над ними поручу князьям Василию Федоровичу Скопину-Шуйскому и Ивану Петровичу Шуйскому. После назначения на защиту Пскова оба Шуйских для того и отправились ныне со мной в Успенский собор, чтоб тут произнести присягу, что будут отстаивать город до последней возможности. Особо ты, Иван Петрович Шуйский! Ты - родовитый князь, ходил со мной в поход на Полоцк, также и в Ливонию, получил от меня не так давно сан боярина, был назначен вторым наместником псковским, производил во Пскове набор войска. Также возглавлял оборону. Ты ж, Василий Федорович Скопин-Шуйский, из рода князей суздальских, был воеводой сторожевого полка при походе в южную Ливонию, был ты главный воевода во Пскове. Ныне, милые мои, наблюдая дерзость и угрозы Батория, с которым против Руси ополчилась вся Европа, я царь, слыша се, вельми вздохнув, из глубины сердца реку: воля Господня да будет!

Иван Петрович Шуйский. Исполним, государь, волю твою!

Скопин-Шуйский. Не посрамим, государь, хоругви с ликом Спасителя!

Иван. Годунов, в Великий же Новгород доброго воеводу послать!

Годунов. Пошлем, как велишь, благоверный государь!

Иван. В славный же великий богоспасаемый град Псков посылаю я, государь и великий князь Иван Васильевич Всея Руси, боярина своего и воеводу князя Василия Федоровича Шуйского-Скопина, другого боярина своего и воеводу князя Ивана Петровича Шуйского, воеводу Никиту Ивановича Овчина-Плещеева, князя Андрея Ивановича Хворостинина, князя Владимира Ивановича Бахтеярова-Ростовского, князя Василия Михайловича Ростовского-Лобанова и с ними воинов многих.

Годунов. Все распишем, государь, в разрядном приказе.

Иван. Сих же предпояннутых бояр своих и воевод я, государь царь Иван и великий князь Иван Васильевич Всея Руси, отпускаючи во Псков, наказываю им своим царским наказанием: за православную веру христианскую и за святые церкви мои, государя, и за моих государевых детей, и за все православное христианство на враги стояти и битися с ними от всей души и сердца и от всей крепости и с подручными воинами, даже до смерти. И всякими крепостями утвердити града Пскова стены, и бой учинити по чину, яко подобает осаде крепче быть. Сим же наказанием царским наказываю я, ваш царь и государь, и обеты царские обещаю вам. Аще Господь Бог избавит нас и вашим боярским и воеводским домыслом Господь Бог град Псков утвердит, пожаловать обещаю вас я, государь, яко ни на сердце у вас кому чается. Такова от меня милость.

Воевода Хворостинин. Бояре и воеводы, яко истинные рабы твои, государя, обещаемся тебе, нашему владыке, творити по твоему наказанию.

Воевода Овчин-Плещеев. На том же и христианскую верою верны тебе, государь.

Иван. Итак, с надеждой отпускаю вас, воеводы вы мои, в богоспасаемый град Псков против Батория.

Скопин-Шуйский. Обложивши богоспасаемый наш град Псков, своими лукавыми словесами наказал Баторий и высших своих гетманов, и ротмистров, и всего войска своего, распустив каждого на свое панство в свои полки. Сии же начальные волки ко кровопролитию извычны, его гетманы с подручными им мертвотрупоядательные псы, немилостивые их воины, обещаются к своему королю яко неутолимому аспиду по его повелению совершити и, разъехавшись каждый восвосяи, осаду почали. Мы ж против них стоять будем.

Иван. Я, государь, царь и великий князь Иван Васильевич Всея Руси, сие слышу совершенное устремление на мою, государеву отчину, на славный град Псков уготовляющееся. А время сего свирепства нашим христианским законом святому великому посту приходится. Тот враг и в пост кровояждует. Я ж, государь, в преславный град Псков по боярина своего, по князя Ивана Петровича Шуйского, послал со товарищи, чтоб тут, в Москве, подробно расспросити о стоянии нашем. Тебя, Иван Петрович, приехавшему в Москву со товарищи, я, царь, государь, расспросить желаю о градоукреплении великого града Пскова. Как от них, панов, укрепиться великой крепости граду, и сколько наряду, и в коих местах угодно стоять им, и для которой обороны кому от которого места быти, и всяческими людскими укреплениями против осады крепче быти.

Иван Шуйский. Государь наш, царь и великий князь Иван Васильевич! В Пскове всего 20 тысяч гарнизону, а пришли в дополнение 2500 стрельцов, 500 донских казаков Мишки Черкашенина и 1000 конных детей боярских. А пушки, которые под Ревель были предназначены, задержали, слава Богу, в Пскове. Те пушки, что предназначены были для осады Ревеля в Ливонии, в Пскове поставили.

Иван. Годунов, нельзя ли еще подкрепление от иных крепостей?

Годунов. Все отдали, государь. Которые были в Юрьеве, у воеводы Пронского, немного людей из Нарвы и новгородских пригородов. В Нарве что сидел Елизаров, в Иван-городе - голова Тушин, в Копорье - Вельяминов, в Яме - опальный Василий Собакин. Всех послали в Псков. У Батория же, по известиям, 45 тысяч.

Скопин-Шуйский. Государь, в Пскове, ежели понадобится, то и земские возьмутся за оружие, включая женщин и детей.

Иван Шуйский. Об укреплении и прочем, все о том тебе, царю-государю, порознь и по чину и о богонадежного сотворения крепости расскажем в разряде. Ныне же тут, в Успенском соборе, к сему хочу присовокупить богонадежные слова: надейся, государь, совершенно надеждою крепкою на Бога и на неборимую крепкую стену и покров, христианскую нашу заступницу, истинную Богородицу, и на вся святые, и на твое, государево, высокое имя, яко Псков-град от польско-литовского короля всякими укреплениями может отстояться.

Дионисий. Еще и бысть Христоваю благодатью. Аминь.

Хор (поет). Еще и бысть Христовой благодатью, аминь. Сладко умерети за православное, страдати за Христа, се живой вечно.

Царевич Иван. Батюшка, и я хочу сразиться за православную веру и за святые церкви не только до крови, но и до последнего издыхания. Отпусти меня в войско!

Иван. Нет, Иван-сын, пошлю моих воевод умелых, боярина и воеводу князя Ивана Петровича Шуйского. С радостью слышу сии слова твои о многоукреплении во граде Пскове, боярское и воеводское и всех подручных им воинов крепкое и неослабное в осаде сиденье. И всех жителей богохранимого града Пскова непреклонную веру и всякими строениями тщание за Бога, и за меня, своего государя, и за мои государевы дети, и за православную Христову веру, и за свои дома, и жены и дети умерети, всем произволяющим за град Псков от литовского короля.

Иван Шуйский. Государь благоверный, умрем все, нежели польско-литовским королем при наших животах взяти быти граду Пскову.

Дионисий. Подобаает тебе, государю, за порученное стадо мужественно стояти. Да не нареченный наемник, а истинный пастырь, ибо душу свою предаешь за овцы.

Иван Шуйский. Овцы мы государевы, а против врага - волки. Не посрамям государя!

Иван. Слыша сие от рассматрительного боярина своего - богонадежное отстояние от польско-литовского короля града Пскова - я, государь, слезами свое лицо царское омакаю. *(Плачет. Все кругом плачут)*. Богу, Богородице и святым великим чудотворцам град сей Псков в руки предаю, наипаче внуку Владимира Мономаха Гавриле Всеволоду Мстиславичу, в Новгороде и Пскове князю. В том богоспасаемом граде Пскове соборной церкви Живоначальной Троицы честные его мощи положены. Своей же милостью избавити нас от находящихся врагов. Се ему в руки предаю, потому же и вам, боярам своим, и воеводам, всем воинам и псковичам, аще что по своему обещанию сотворите, аще к Богу и ко мне обещаетесь, яко истинным рабам Бога и государя на руки град Псков предаю, яко да Господь Бог наставляет во всякие домысли. Кого Бог вразумит от грехов своих, да утвердятся во граде Пскове.

Дионисий. Как благословенный наш царь пред святым делом Бога грехи свои напоминает, так вам, псковским воинам, напоминать надобно: ради страха смертельного и исхода души не забывайте небес вечных! А то иные на войне о Боге забывают. Аще кто из вас забыл страх Божий и заповедь, не учнет каяться в своих погрешениях, учнет на войне воровати али с пленными литовскими женами и девицами в прелюбодейство и блуд падати, паче с пленными отроками в содомские грехи падати, то сбудется против вас пророчество. Пророк глаголет: «Аще не обратитесь, очистит Господь оружие свое, очистит на вас Господь лук свой напряженный и уготовит сосуд смертельный». Так глаголют пророки про смерть военную. А вы, чада мои, честные вельможи и прочие ратники, аще послушаете меня. Попадут враги ваши под ноги ваши! Аминь.

Хор (поет). Аминь.

Иван Шуйский. Благоверный царь, государь и великий князь Иван Васильевич Всея Руси меня, боярина своего и воеводу князя Ивана Петровича Шуйского, отпускает в богоспасаемый град Псков. Сего же наказывает тщательно царским наказанием и учением. Сего же едино вручает от своих царских уст и письменный наказ, высокою его царскою десницею утвержден. И мы тот наказ, не жалея живота, исполним.

Иван. К сему же, Иван Петрович, приглашаю я, царь-государь, тебя впервоочеред. Яко на тебе на едином вся та служба, пытати буду более чем на иных товарищах твоих и воеводах. (Марии Нагой). Скажи и ты свой наказ, матушка царица!

Мария Нагая. Услыша сие от государя своего, благочестивого царя, об отпущении вашем против супостата, уязвилась нетерпимой скорбью, и не могу от великих печалей стоять. Я едва могу великие слезы удержати и проглотити, видя под Псковом разорение христианской земли. Благочестивый царь, свет очей моих, велит вам души свои положить за православную веру и Спаса нашего Иисуса Христа. Те, кто положит, вечно спасутся. О всемилостивый Боже, услыша слезы и рыдания мои, не помяни, Владыка, грехов наших, но сотвори нам милость Твою. И ты, премилостивая, премудрая и крепкая помощница рода христианского, мать небесного царя, да подаст над супостатом победу государю моему и его воинству. (Плачет).

Царевич Федор (умленно). Матушка-царица плачет! Батюшка-государь государыню утешает целованием! (Плачет).

Ирина. Замолкни, Федор!

Годунов (недовольно). Уведи его подальше, Ирина, да смотри за ним! (Ирина уводит Федора).

Иван Шуйский. Государь Иван Васильевич со государыней Марией и ты, митрополит Дионисий Всея Руси! Рабски же против своего государя со государыней никак вещати не смею. За наложение на меня, государя, такого бремени единого слова отрицания не скажу, да так государю-царю отвечу: аще Бог благословит и тебе, государю, изволится, всячески по повелению твоему, тебя, государя, раб я есть, и елико Господь и Богородица наставят вседушевно сию врученную службу исполнить, всесердечно истинно рад служить за град Псков.

Дионисий. Тебя, князь Иван Петрович Шуйский, как большого воеводу псковского, благословляю особо крестом животворящим! (Благословляет).

Иван Шуйский. Государь Иван Васильевич, государыня Мария Федоровна, святой митрополит Дионисий! Горжусь, что мне поручено большое воеводство псковской осады. Не постыдимся против врага! Как агаряне Бога не имеют, а идола Магомета, так не имеют Бога польско-литовские латыны и лютеры. Мы же имеем владыку своего, Бога Христа. За имя его пострадаем да мученическим венцом повяжемся. Приближается наше время мужественно утвердиться за имя Святой Троицы и за единокровную свою братию.

Дионисий. Благословляю царя и все его воинство крестом Христовым и чудотворными иконами благословляю. (Благословляет крестом и иконами).

Иван. Да помогут нам святые! Даю обет, что после войны принесу богатые вклады святым храмам и чудотворные иконы, а особенно Печерскому Монастырю, дому Пресвятой Богородицы. Ты ж, Иван Петрович Шуйский, приди в Псков, поклонись гробнице сродника моего, великого князя Гаврила Всеволода Псковского чудотворца, призывая его на помощь.

Иван Шуйский. Наипаче сих премногих словес и великих обетов в царствующем граде, в Москве, в Соборе пречистой Богородицы, в Успенском соборе в Кремле, перед чудотворным святым образом Пречистой Богородицы, государю обещаю на том творити по государеву наказу. А еще держати и

сидети на осаде крепко со всеми пребывающими во граде псковскими христианами, битися за град Псков безо всякого порока с Польшей и Литвой до смерти.

Иван. Князь Иван Петрович Шуйский, отпускаю тебя во Псков на войну с врагами креста Господня.

Ты, владычица, помощница нам будь, и всему воинству нашему. На тебя надеемся! (*Крестится*).

Дионисий. Аминь! И пришло время нам на святое Евангелие!

Дьякон (*поет*). И буде едино стадо и един пастырь, аминь! (*Все молятся*).

Занавес

Сцена 87

Польский лагерь под Псковом. Король Баторий со своими военачальниками осматривает укрепления Пскова.

Баторий (*смотрит в оптическую трубу*). Панове, признаюсь, я поражен размерами Пскова и его величественным видом. Можно подумать, что это - второй Париж.

Замойский. Мы все поражены, ясновельможный король! Когда на военном совете в Заволочье был мной поднят вопрос о нападении на Новгород прежде Пскова, то имелось в виду, что, по словам местных лазутчиков, Псков лучше укреплен.

Баторий. Пан Замойский, я решил идти на Псков, поскольку он ближе. К тому ж, панове, тут, на военном совещании под стенами крепости, хочу объяснить вам, моим военным начальникам, отчего особо стремлюсь завладеть Псковом. Псков, панове, ворота в Ливонскую землю. Если принудить его к сдаче, вся эта страна навсегда достанется в руки завоевателей без дальнейшего пролития крови, ибо Псков - сильнейшая крепость окраины Московского государства, давнишний оплот против Запада. Но он же - и ворота к Москве. Взяв Псков, мы откроем себе дорогу вглубь Московии.

Николай Радзивилл Черный. Ясновельможный король, я со своим летучим отрядом, захватив по пути Остров, уже 25-го августа появился у Пскова, но главные силы подошли с большим опозданием.

Замойский (*смотрит в трубу*). Ясновельможный король, можно предвидеть, что город не сдастся раньше зимних холодов. Русский царь давно опасался, что ты, ясновельможный король, направишь свои силы на Псков, и москвит сосредоточил в нем сильный гарнизон. Там - отборные части его полков, город обеспечен провиантом и снабжен сильной артиллерией. Руководят обороной князь Василий Федорович и Иван Петрович Шуйские. Эти храбрые военачальники имеют под своей командой тысяч 30, по другим источникам - 40. У нас же, ясновельможный король, 21102 человека, из них около половины - конница, непригодная для осады. Даже если к нашему войску присоединится еще 10 тысяч литовцев, сил явно недостаточно, чтоб взять осадой первоклассную крепость, решившую упорно защищаться.

Николай Радзивилл. Ясновельможный король, ясновельможный канцлер Замойский! Русские представляют нам население Пскова, полное энтузиазма, как и доблесть его защитников. Но есть и другие сведения. Только кровавые казни Шуйских мешают черни пойти на довольно скорую сдачу. И гарнизон не так отважен и обучен и даже боится огня орудий. Хорошо действуют лишь небольшие отряды московского войска, главным образом - казаков, которые тревожат осаждающих и мешают получать провиант. Однако, даже среди служивых есть недовольные московским царем-тираном. К нам в лагерь пробрались перебежчики с важными сведениями.

Баторий. Пусть идут немедля! Ясновельможное панство, мы должны постоянно объяснять русским, что воюем не с ними, а с их тираном. С нами к ним, москвитам, идет Европа. Славы ради собираются европейские языки многие.

Замойский. Царь Иван утверждает, что мы подняли на него всю Европу. Однако, участие Италии выразилось в присылке нескольких инженеров да венецианца, полковника польской армии пана Родольфино. А от Франции один лишь офицер, капитан Гарон.

Баторий. Зато это смелый гасконец. (*Гарону*.) Я слышал о ваших очень храбрых проделках, мсье Гарон.

Гарон. Ваше величество, хоть я и человек маленького роста, но люблю рискованную храбрость не менее музыки. Так принято среди нас, королевских мушкетеров. К тому ж я плаваю, как лягушка, и своей шпагой измерил уж рвы города.

Баторий. Европейское рыцарство покажет русскому медведю, что есть истинные, благородные храбрецы, и чем они отличаются от звериной ярости. Не так ли, Симеон Рудольфино?

Рудольфино. Ваше величество, *se defician nires andalia cetre*. Так сказано у Проперция: если сил не хватает, то, конечно, смелость похвальна.

Баторий. У Проперция также сказано: *Lanc erit in magnis et volniss sa est* - в великих делах достаточно уже желания. Панове, мы совершаем великое дело спасения Европы от русского медведя. По весне начав подготовку славнее и похвальнее прежних, нынешнее мое устремление на русскую землю быть подобает, особо на славимый русскими город Псков. Вы же, любимые мои и храбрые воины из всего высокого моего Польского королевства и великого княжества Литовского, со всеми своими подручными землями, вы храбростью утверждены, рыцарские отроки и непобедимые витязи! Каждый по своим отчинам и панствам разъехавшись, тела свои и крепкие мышцы укрепив и утвердив, великие свои кони, ратную свою броню укрепив и отделив, на славимый русскими город Псков ратью всячески со мною готовились. Имеющие жен и хотящие с ними во Пскове панствовать, те со своим паньем и с детьми во Пскове приготовьтесь. Прежде прочего ты, Гавриил Бекеш, гетман угорский. Брат твой, Каспар Бекеш, боролся со мной за княжеский престол в Семиградье, а потом помирился и со мной и возглавил венгерские войска при осаде Полоцка, однак, волю Божьею, умер. Ты вместо него возглавишь венгерские войска при осаде Пскова, а передовой отряд венгерских войск возглавит племянник мой Бальтазар.

Бекеш. Честнейшему, высокостольнейшему королю польскому и великому князю литовскому радоваться. Когда пришло от тебя, короля Батория, послание, многие земли и начало мудросложные и уповательные советы твои, идти на Псков, те послания любезно приняв, прочли и разумели писания твои. Сами же, со своими войсками и тобой идти на город Псков готовы.

Бальтазар. Великий король и славный мой дядя, ясновельможный Стефан Баторий! Советы твои идти на Псков не отрицаем, но паче с радостью любезно предпосылаем наши мечи тебе, великий король.

Баторий. О сем граде Пскове именно совещаю вам, рыцари мои, и поведаю, как о нем слышал и ныне как видим. Псков велик очень, сказывают, вчетверо огражден каменными стенами. По реке также в ограде, что течет сквозь каменную стену, многопотребные укрепления с пушками стоят.

Николай Красный Радзивилл. Ясновельможный король, что писал и говорил о четверокаменных оградных стенах города того крепости, то мы такое видели. Если и десять или дважды того каменные стены в ограде Пскова будут, то и таким крепостям против твоего высокого имени никакой твердости отстоять не может, и всякими хитростями и мудростями его можно взять.

Николай Черный Радзивилл. Богатством же паче меры, сказывают, сей город славен.

Баторий. Сего же ради великого и славного города Пскова всех вас, друзей своих, созываю. Этот город восприму с окрестными, славою облекусь, как король польско-литовский, а вас с собой возвеличу, советников моих и друзей. Богатством же многим во граде Пскове бесчисленно обогащусь, потребным нам для дальнейшей войны. И вы, друзья мои, и все ваше храброе войско бесчисленно обогатится. Многолюдный же и благородный, и плебейский всякий плен по чину независимо разделим. Покорных простим, непокорных же в городе мечу предадим. Великого же своего гетмана Замойского во граде Пскове устроим с помощью Пана Бога и Матки Бозкой, и здоровы, как высоки победители, в польско-литовскую землю возвратимся, каждый с великим богатством и пленным. По своим панствам, рыцари мои, разойдитесь, для передышки перед новым походом.

Замойский. Ясновельможный король Стефан Баторий! Мы, рыцари твои, русскому великому князю Ивану, лживо именующему себя царем, конечно, и бесчестье и срам нанесем, и великую кручину, и вред в сердце его, жалости о таком великом городе ему принесем. Мы же во всей вселенной прославимся, как русского великого князя славный город воспримем.

Баторий. Юрген Ференсбах, ты был прежде наемником русских, воевал в их войске против татар. Скажи, как лучше сокрушить нам окончательно русское войско?

Ференсбах. Ясновельможный король, ясновельможное панство! Будучи еще совсем молодым ливонским дворянином, я успел побывать на службе чуть ли не во всех европейских странах: в Швеции, во Франции, Нидерландах, Австрии. Попав в Ливонии в русский плен, я прямо из тюрьмы получил свое новое назначение. Сам царь Иван поручил мне стать первым в Москве предводителем наемников.

Замойский. Одно дело - служить Европе, другое - русскому медведю. Где же нашел ты наемников?

Ференсбах. Ясновельможный канцлер, материал для наемных отрядов доставляла сама Ливония. Благодаря непрерывному военному положению, разоренные люди и отвлеченная от работы молодежь охотно принимали солдатское ремесло. Я набрал себе тысячный отряд ливонских и чужеземных гофлейтов и впервые показал свое искусство против татар на Оке, где под началом князя Воротынского, славного гетмана, удалось отразить новое нападение крымского хана Довлет-Гирея.

Замойский. То не разумею. Замечу с огорчением об успехах подобных. Прежде не слышно было, чтоб ливонцы и чужеземцы так приставали к москвитам, как в эти годы. Добрые старые ливонцы отрешивались от москвиты, но много и молодых, а также и старых ливонцев перешли на его сторону, несмотря на то, что москвит без устали домогался отечества и публично говорил, что не оставит Ливонию в покое до тех пор, пока не вырвет с корнем всю сорную траву, то есть всех ливонских дворян и немцев. Несмотря на то, многие ливонцы по своей слепоте и неразумению всеми силами старались, чтоб москвит как можно скорее и легче уничтожил их.

Ференсбах. Я оставил русскую службу тотчас после несправедливой казни великого гетмана Воротынского, победителя татарского хана.

Замойский. Мы много раз тайными грамотами предлагали князю Воротынскому, как и иным родовитым русским вельможам, перейти на службу к европейскому королю от азиатского тирана, который подвергает их унижению и их жизнь опасности. Но до сих пор спасли свою жизнь и достоинство немногие, как князь Курбский, князь Оболенский и еще некоторые. Видно, раболепие развито в России не только у плебса, но и у вельмож. Оно у них в крови.

Баторий. Все ж не направить ли нам тайное послание воеводе Пскова князю Ивану Петровичу Шуйскому? Напомнить ему о судьбе князя Воротынского и посулить великие блага, если он сдаст крепость.

Ференсбах. Думаю, послание не возымеет действия. В трудное для отечества время русские остаются верными слугами своему государю, каким бы он ни был.

Николай Красный Радзивилл. Мы тоже служим своему королю, но как вольные слуги. Московский тиран превратил военных слуг в подневольных. Но не все русские хотят быть рабами и жертвовать свою жизнь кровавому угнетателю. Ясновельможный король, вот русские перебежчики, которые, подобно князю Курбскому, предпочли чужую свободу тиранию в отечестве. *(Входят перебежчики.)*

1-й перебежчик. Холоп подьячешко Мишка Патрикеев, польско-литовский переводчик, припадает к твоим ногам, ясновельможный король! *(Падает в ноги Баторию.)*

Баторий. Встань, тут не дикая русская Азия, тут Европа. Я не люблю такого азиатского рабства.

2-й перебежчик *(кланяется).* Великий король, я - Филька Нансинов, дьяк приказа каменных дел.

3-й перебежчик *(кланяется).* Нарядный голова, князь Михаил сын Барятинский.

Замойский *(расстилает чертеж).* Верен ли чертеж? Покажите на чертеже укрепления.

Нансинов. Великий гетман, Псков обнесен сплошной окольной стеной из плитняка. Длина стены около 10 километров по европейскому измерению, толщина 4-5 метров и высота 12 метров. Стена оканчивается зубцами, защищающими свободный обход по верху, и имеет 27 башен. Главные башни - Покровская и Свинская. Под Свинской башней - пороховой нарядный погреб.

Бекеш. Ясновельможный король, здесь, у башни с порохом, приступ начать, пробив стену.

Баторий. Где главная часть города?

Нансинов. Главная часть города располагается в углу между реками Великой и Псковкой, а составляет она первое - Кремль Псковский с церквями, Троицким собором, второе - Девмонтов город с княжеским двором, и третье - окольный город. Каждая из сих частей отделяется одна от другой каменными стенами.

Замойский. От пригородов город отделен ли стеной?

Нансинов. Истинно так, великий гетман. Река Псковка отделяет главный город от Запсковья. Проходящая через нее окольная стена поставлена на арки. Те арки ныне, при военных действиях, заперты водонепроницаемыми решетками.

Барятинский. Ясновельможный король, главному твоему воинскому стану хорошо бы быть у Николая Чудотворца на Любатове на Московской дороге, чтоб не дать подмоге от Москвы прийти.

Замойский. Где тот Любатов?

Патрикеев. Ясновельможный гетман, Люботовская Никольская церковь расположена на правом берегу реки Псковки, в пяти верстах от города. *(Показывает на чертеже.)*

Николай Красный Радзивилл. Прежде прочего, ясновельможный король, надобно взять пригороды, как взяли быстро Остров, пригород Пскова, важный пункт обороны, разрушив стены артиллерией.

Барятинский. Ясновельможное панство, тут у воеводы Ивана Шуйского много большого наряда. Я сам служил там нарядным головой.

Николай Черный Радзивилл. А чего же оставил отечество, перешел ты к нам в польский стан?

Барятинский. Брата моего, князя Алексея Барятинского, на кол посадил. Никакого зла брат не совершил и жить хотел в своем уделе. И многих велел разбить беспощадно, словно турок.

Баторий. Читал я в Роверсбургском листке, будто царь Иван имел с детства жестокие привычки: ловил мышей и птиц и мучил их; одних на кол сажал, другим отрезал головы, а птиц отпускал, выщипав перья. Так ли это?

Патрикеев. Истинно так, ясновельможный король. А терпим мы, русские, такого кровопойного разбойника по невежеству своему.

Баторий. Был у нас в Мунтянской земле жестокий воевода именем Дракула. За жестокость его пошел на него войной венгерский король Матеш. Дракула выступил ему навстречу, сошлись и бились, и выдали собственные вельможи Дракулу Матешу живым в руки. Надо бы и нам, пан Замойский, написать русским вельможам и воеводам и всему народу. Суть: помилуйте сами себя и покоритесь моему великому имени, отворите мне град безо всякой крови.

Замойский. Ясновельможный король, те послания напишем, однак мыслю: ныне помышлять надобно прежде прочего о насильном взятии.

Барятинский. Ясновельможный король, лучшее место для нападения - пойти с войском к Черехе-реке и там стать станом за высокие великие горы на Промежице.

Замойский. Покажи на чертеже.

Барятинский *(показывает)*. Погост Промежица находится на правом берегу реки Черехи, в пяти верстах от города.

Баторий. Что есть погост? Деревня русская зовется погост?

Патрикеев. Погост, ясновельможный король, то не деревня, а церковь с кладбищем, а при ней несколько домов священнослужителей: священника, дьячка, пономаря да прочих.

Барятинский. Ясновельможный король, тот погост Промежица находится у дороги на Смоленск, в пяти верстах от Пскова. Со стороны города он прикрыт высокими холмами, оттого пушечные наряды там меньше.

Баторий. Пошлю туда тебя, Бальтазар, племянника моего с передовым венгерским отрядом.

Бальтазар. Дядя мой, ясновельможный великий король христианский! Радостно твое повеление воспринимаю, и градовзятие и всякое тцание покажу.

Барятинский. Ясновельможный король, усюветовать хочу посмотреть место: угол города от Великой реки, ибо река Череха - приток реки Великой. От Черехи то место недалеко. Тот угол от Великой реки от Покровских ворот до Свинских ворот, именуемых также Польскими, ибо от них дорога починается в Польшу. Сие место из наряда разломав, так взять и город Псков.

Баторий. Добрый совет! Сему же совету твердо уложимся.

Замойский. Покажи на чертеже.

Барятинский *(показывает)*. От проездных ворот южных Покровских, ворот у Свинской башни, на берегу реки Великой, до Передних ворот в Свинской башне на юго-восточном участке около стены. Покровская башня - самая большая из тридцати восьми башен города.

Замойский. Сколько всего башен? То говорят, двадцать семь, то - тридцать восемь.

Нансинов. Великий гетман, с мелкими башнями - тридцать восемь. Под такими башнями мелкими - двое ворот вылазных, двое выходов: для пехоты и для конницы. Сторожевая башня с вестовыми колоколами, извещающими гарнизон об опасности. Две средние, остальные для наблюдения.

Баторий. А пушек сколько?

Барятинский. Тридцать пушек, семь фальконетов, две полуторные пушки, двадцать одна пицаль, пять сорок скорострельных многоствольных.

Баторий. Что есть сорока?

Патрикеев. Ясновельможный король, сорока - то птица такая. Сороки говорят быстро, оттого и пушки скорострельные названы сороками.

Баторий. Мне б такую артиллерию! Моя артиллерия состоит не более, чем из двадцати орудий, пороха едва хватает на первые недели. Русские пушки, взятые в Ливонии, либо порчены, либо непригодны для перевозки по грязи. Лошади их не тянут.

Николай Черный Радзивилл. Ясновельможный король, русские впрягают в такие пушки крестьян. Некоторые большие пушки тянут тысячи крестьян.

Баторий. Ясновельможный пан Николай Черный Радзивилл, мы не можем подражать нравственной испорченности московского тирана и его подручных.

Николай Черный Радзивилл. Ясновельможный король, чернь и плебс особо тут, в Московии, есть безголовые животные. Непотребно, ясновельможный король, устанавливать отношения рыцарства со скотами.

Баторий. Я знаю, пан Черный Радзивилл, такие высказывания Маккиавели, особенно же Аристотелево мнение, что для плебса ложь часто выглядит правдоподобнее истины, но, учась в Падуанском университете, я усвоил и другие истины. Наш спор прежде всего не с внешней враждебной идеей, а с посягательством на собственную рыцарскую честь. Таков мой спор с московским кровопийцей, вторым Калигулой и Нероном. Перейдем, однако, к делу. *(Смотрит чертежи.)* Панове, в Пскове четыре линии каменных укреплений. Делится на три части. Кром, по-русски Кремль, Окольный город да Запсковье. Так ли?

Нансинов. Сия часть именуется Завеличье. Соединена мостами. Река Псковка вдается в реку Великую. Здесь - устье. В Пскове множество церквей, 3500 строений, из них - только 15 каменных, годных к обороне, остальные - деревянные, которые можно быстро поджечь. Население - 15 тысяч, большой торг: около 2 тысяч лавок, клетей, амбаров, чуланов, навесов, скамей. Обильная торговля здесь съестным, даже два мясных ряда.

Замойский. Съестных припасов в городе вдоволь?

Нансинов. Да, припасы обильны.

Замойский. А где берут воду?

Нансинов. От колодца внутри крепости тайник, снабжающий водой во время осады.

Замойский. Ясновельможный король, при таких съестных и водных запасах, думаю, принудить к сдаче город - значит готовиться к зимней осаде.

Баторий. Нет, панове, я не склонен стоять под стенами города всю зиму. Я боюсь, что дух войска может пасть при самом виде необходимых приготовлений к зимней стоянке.

Секретарь (входит). Ясновельможный король, папский легат отец Антоний Поссевино приехал в стан и ждет приема.

Баторий. Скажи папскому посланцу, я жду его. *(Секретарь уходит.)* Перебежчиков из лагеря не отправлять, они еще понадобятся. *(Перебежчики кланяются и уходят.)* Надобно смотреть за ними, не подсланы ли с умыслом.

Николай Красный Радзивилл. То делаем, ясновельможный король.

Баторий. Панове, иезуит Антоний Поссевино ничего не должен знать о наших планах. Причина - мое королевское недоверие, ясно проглядывающее уже в моих письмах Поссевино. Не без горечи противопоставляю я в тех письмах преданность Польши Святому Престолу неожиданному усердию папского легата, с каким он относится к интересам третьего лица, ничем не заслуживающего подобного внимания, именно - кровавого русского тирана.

Замойский (сердито). Он плут и изменник! Я даже сомневаюсь в его религиозных устремлениях. Похоже, что он больше заботится о политических расчетах, чем о небесных силах.

Николай Красный Радзивилл. В то время, как ты, ясновельможный король, идешь от победы к победе, Рим и Москва, каждый со своей стороны, сговариваются вырвать из твоих рук плоды твоего торжества. Когда я со своим летучим отрядом, нагрыв в Старицу, застал их сговаривающимися против Польши, то жаль, не сказал ему о том. Жаль, не застал второго. Привез бы, как медведя в клетке, на сейм. *(Входит Поссевино.)*

Поссевино. Великий польский литовский король Стефан Баторий и вы, славные рыцари креста Господня! Хочу передать благословение от наместника Бога на земле Папы Григория XIII, которого агентом, по его святейшему желанию, я являюсь. С тем и прибыл ныне, пятого октября, в польский лагерь.

Замойский. Отец Антоний, от Папы ли Римского прибыл, не от царя ли московского?

Поссевино. Такие двусмысленные слова весьма печальны. Гетман Замоиский, двусмысленность, на которой основана моя миссия, неизбежно должна была привести к этой прискорбной немилости, ибо, по повелению Святого Отца Папы Григория XIII, я взялся быть посредником. Но сущность всякого посредничества в том, чтобы уговорить сильнейшего. Сила же, несомненно, на стороне поляков. Тем не менее, моя задача как миротворца - способствовать скорейшему решению конфликта.

Баторий. Если вы, отец Поссевино, хотите способствовать скорейшему решению конфликта, то делаете такое решение более выгодным для слабейшей стороны.

Поссевино. Великий король, взявшись быть посредником, я должен соблюдать интересы обеих сторон. Римский Папа попросил меня делать это в надежде вернуть Россию в лоно истинной католической веры в обмен на желание русского царя избежать капитуляции.

Николай Красный Радзивилл. Русский царь должен понизить тон, еще раз склонить голову перед победителем, признавая силу короля Батория и его шведского союзника.

Поссевино. Русский царь согласен на уступки. Но в войне, исход которой зависит от осады, переговоры, ведущиеся под огнем орудий осаждающих, являются одним из видов капитуляции. Поэтому русский царь просит остановить военные действия хотя бы на время переговоров.

Замоиский. Русский царь хитрый. Он хочет заставить нас простоять всю зиму без дела. За целый месяц переговоров в Москве вы, отец, как посредник ни на шаг не продвинулись вперед: ни на постройку католических церквей, ни на водворение иезуитов в Москве разрешения не последовало. Зато русский царь использовал вас для навязывания нам, победителям, выгодных для себя условий. У осажденных есть одно только средство с честью выйти из борьбы - сдаться на милость победителей.

Поссевино. Московский царь отказывается от Ливонии. Цель, к которой стремился в этом походе король Баторий, достигнута.

Баторий. Моя цель - не одна лишь Ливония. Мы, Польша и Литва, а вместе с нами вся цивилизованная Европа, должны раз и навсегда избавиться от грозящей московской азиатской опасности.

Поссевино. Король Баторий не может отказаться ни от переговоров, ни от посредничества. Такова воля Святого Папы Римского. Недоверие же ко мне прискорбно, но понятно. Если я обманул надежды одного из противников, то должен был внушить подозрения другому. Я честно исполняю роль посредника.

Николай Красный Радзивилл. В своем посредничестве отец Антоний поддерживает Москву.

Поссевино. Сообщая о своих впечатлениях от пребывания в Москве, я стараюсь лишь отвергнуть то ложное, что внушают своими памфлетами Чуаниньо и Краузе. Москва - вполне христианская страна.

Замоиский. И такое посланец святого Папы говорит о варварской стране, где кровавый варвар-тиран господствует над своими варварами-рабами!

Поссевино. Я сообщаю подробно, но без излишних выдумок. Будучи посредником, я должен соблюдать интересы обеих сторон, но сердце мое - на стороне католической Польши и Литвы, а моя мечта - подчинение Российского государства Ватикану. Когда я пишу в Москву, то изображаю положение выгодным для осаждающих. Я сообщаю, что поляки делают большие приготовления, ожидается подкрепление, дела Пскова очень плохи - осада, наверное, продлится всю зиму, а весной ничто не удержит короля Батория.

Баторий. Сим вы, отец Антоний, добиваетесь как раз обратного представления. Я не намерен стоять здесь всю зиму, а царь Иван на это надеется. Не думаю, что ваш приезд и переговоры своевременны.

Поссевино. По приезде моем, рыцарством и воинством мне был устроен в польском лагере восторженный прием.

Баторий. Если это и так, то этот прием нужно отнести на счет буйного и непокорного элемента. И я, король, и гетман Замоиский стараемся сдержать его и подчинить суровым требованиям военной дисциплины.

Замоиский. Вмешательство папского легата именно сейчас только способствует брожению, внушая мысль о возможности прекращения военных действий. Но вы, отец Поссевино, прибыли слишком поздно, чтобы удержать короля.

Поссевино. Если я прибыл слишком поздно, то и король не успел начать кампанию достаточно рано.

Баторий. Да, это правда. Кампания начата поздно. Надо было начинать ее весной, но я, король, употребил всю весну на переговоры с сеймом. Субсидия дана еще на один год только на условии, что война на этот раз будет закончена. Поступление налогов запоздало, мне пришлось заложить драгоценности короны. За них я получил 50 тысяч от герцога Ансбахского и столько же от курфюрста Бранденбургского. Армия двинулась в путь, но на Двине произошла новая задержка. Подобно тому, как запоздали деньги, и люди не явились на призыв короля. Недостаток в деньгах и позднее выступление в поход присоединились к невыгодным условиям московского климата, разбившим мои планы и нарушившим расчеты.

Поссевино. Тем более, великий король, мое посредство важно для нашего общего католического дела. Я же чуть ли не силой должен заставлять своих польских клиентов сообщать мне свои намерения относительно мира, где я фигурирую в качестве посредника.

Баторий. Наши намерения - капитуляция Пскова.

Поссевино. На такие условия царь Иван не согласится.

Замойский. Тогда москвитам придется пережить ужасы осады и штурма. На что может рассчитывать разбитый в Ливонии и поверженный враг?

Поссевино. Царь Иван рассчитывает, что Псков надолго задержит поляков, и король Баторий встретит страшного союзника Москвы во всех оборонительных войнах - зиму.

Замойский. Но гений нашего короля Батория решит исход войны!

Поссевино. Великий король, что ж сообщить Папе Григорию XIII?

Баторий. О том поговорим особо. Отец Поссевино, вас поселят не слишком удобно. Полуразрушенное местечко в опустошенном крае не может дать хорошего приюта. Я, король, сам живу в русской курной избе.

Поссевино. Я забочусь не о своем уюте, лишь о благочестивой католической вере, которую мы, католики, мечтаем сделать всеобщим достоянием. *Promit in publicum. (Уходит.)*

Замойский. Никогда не встречал более отвратительного человека. Я намереваюсь прогнать его палкой, если будет заключен мир.

Баторий. Великий полководец гетман Замойский прав. Однако нам нужен лишь тот мир, который позволит добиться капитуляции московского тирана. *(Слышны пушечные выстрелы.)* Дело началось, ясновельможное панство! Отдадим же его в крепкие руки Пана Бога и Матки Бозкой. *(Крестится католическим крестом. Все крестятся.)*

Занавес

Сцена 88

Псков. Троицкий собор переполнен молящимся народом. Поет хор. Службу исполняют протопоп Троицкого собора Лука и протодьякон Алексей.

Лука. Народ православный, псковичи и воины христианские! Тут, в соборной церкви Божественной Неразделенной Троицы, я, настоятель протопоп Лука, да протодьякон Алексей, будем беспрестанно молитвы петь во спасение от супостата. Наш православный царь, государь и великий князь Иван Васильевич Всея Руси, то слыша, яко совершается, что король Баторий разгорелся в своем высоком безбожном помысле, да литовский безбожный король, на его, государеву отчину, на Псков-город, со многогорделивою великою силою укрепился. Сие слыша, государь наш во Пскове к боярам своим и всем воинским людям псковичам умильные и благонамеренные свои царские грамоты пишет, неослабно и мужественно в осаде быти и до последней смерти невозвратно с Литвой за Псков-град битися велит. Да будет благословенно повеление государево. Аминь. *(Поет хор.)* Особое же благословение главному воеводе князю Ивану Петровичу Шуйскому. *(Крестит Шуйского.)*

Иван Шуйский. Я, государев боярин и воевода, князь Иван Петрович Шуйский, приехал в Псков с боярами и с воеводами, со князем Василием Федоровичем Шуйским-Скопиным со товарищи,

укреплению Пскова всякому тщению покажем. И уж непрестанно град Псков объезжая, велим утверждати всякими крепостями стену города. И чтоб всем воеводам и воинам в том тщение было.

Воевода Хворостинин. Государев большой воевода князь Иван Петрович Шуйский! Укреплять стали со времени, как слухи всяческие во Псков приходящи были. Яко уж литовский король на Псковскую землю, на Вороноч-город пришел за сто поприщ от Пскова-города.

Иван Шуйский. Добро, князь воевода Андрей Иванович! Ты, воевода Никита Иванович Овчина-Плещеев, с полком своим возле Свинской башни станешь.

Овчина-Плещеев. Стану во имя государево и отчины. Времени же того свирепству преуспевающему литовскому королю Степану, с новою своею силою на русские рубежи пришедшему, недолго быть.

Иван Петрович Шуйский. Вы, воеводы князь Владимир Иванович Бехтерев-Ростовский, князь Василий Михайлович Ростовский-Лобанов, с полками станете вдоль стен, особо же у Покровской башни. Ты, второй воевода Шуйский-Скопин, особо смотри за всеми полками.

Скопин-Шуйский. Главный воевода Иван Петрович Шуйский, мы, бояре же, и воевода ныне приехал в богоспасаемый город Псков по государеву приказу, все почали творити, указывая. Городовые стены утверждаем каменными, деревянными, земляными и всякими утверждениями. Елико нам Бог в сердце вложил осаду, крепче утвердит. Однако, еще с лета, как слышали мы во Пскове, яко же литовский король Степан под Остров приходит Псковский, пришел за 50 поприщ от Пскова и по Острову по городу из наряда уже бьет, то почали Псков укрепляти. Укрепляем ныне, как Псков обложил.

Иван Шуйский. Сие же слыша, вы, государевы бояре и воеводы, ни в чем не усомнитесь, или коего страх коснется сердца, не дайте тому страху, но только на Бога надейтесь. Так уж вы, государевы бояре и воеводы, против себя всю окольную стену на места разделивши, твердо знайте, в коем месте какому воеводе быть. Тако ж каждый у себя детей боярских и голов стрелецких потому и всяких посадских и псковских наровецких стрельцов и всех псковичей, по чину рассчитав, поставите. Всю же стену вооруживши вооруженными людьми и нарядами, пушками, пищальми и рушницами и всякими укреплениями против государева недруга уготовимся. Сим же все по писаниям сиим речем воеводским, так, чтоб было все по местам.

Скопин-Шуйский. Будет так, главный воевода князь Иван Петрович Шуйский! Против силы силу поставим.

Лука. На христианскую силу надежда наша. Вы, высокомыслящие государевы воеводы, да вы, высокомыслящие иже горделивые, народ простой, псковичи, в сердце своем вознеситесь! На что особо надеемся, вкупе хвалимся, вкупе и сердце и уста наши глаголят: надежда наша и упование - живоначная неразделенная Троица, давняя защитница псковичей, и стены наши, и заступление, и Покров, пренепорочная Богородица способница нам и молится о нас Богу. Молятся и Божьи святые. Первейшего себе имеем великого чиновачальника Архангела Михаила со всеми святыми бесплотными силами. Почнем же слушати Божественную литургию!

Протодьякон Алексей. О, владыка премилостивый Христос, и ты, Матерь Божья, помилуйте рабов своих, подайте нам крепость свою на сопротивление супостатам! Помилуйте, милостивые, помилуйте падших рабов, пошлите милосердие, милость свою древнюю свыше и разумнее. Пусть безбожные латыны и лютеры, что на вас идут, уповаючи победим. Аминь! *(Поет хор. Народ молится.)*

Протопоп Лука. Народ православный, псковичи и воины христианские! Преосвященный архиепископ Александр великого Новгорода и Пскова во свое святительство принимает град Псков, государевым боярам и воеводам и всем воинам и псковичам благословение предпосылает. Вкупе же и той всяческой благоумиленный яко благосудный врач и чадолюбивый отец мужественности на подвиг велит и благословляет и укрепляет, и святительскою своею молитвою и честным своим пресвитерством и во Христе дьяконством яко победителю руку предъявляет, тако же и к освященному всему священничеству и священническому дьяконскому чину сему причету церковному аминь. *(Поет хор.)*

Протодьякон Алексей. От священных начальников священнического чина слово глаголет начальник Успения Пречистой Богородицы Печерского монастыря игумен Тихон.

Игумен Тихон. Братья, яко же чудотворную свою икону Пречистой Богородицы из Владимира в царствующий град Москву перенесли нахождения ради Тимура Аксака-царя, здесь же в богоспасаемом граде Пскове находением ради польского короля икона перенесена. Там яко

именуется колтаря - от псковского нашего слова колтать (*хромать*), здесь же преминутся Оботура. По-псковски оботур - своевольник, нахал. Тако же и по владимирскую икону, здесь же по печерскую. Тамо яко перенесена пречистая икона из Владимира на Москву, в самый Богородицы праздник Успения. Тако же и Тимур-Аксак устремился от пречистого образа, невидимого убоявшись, со своим воинством от Москвы, и со всей Руси побежал. И от Владимирской иконы на Тимир-Аксака был послан страх и трепет до окаменения. Здесь же, в преименитом и славном граде Пскове, в самый ее же, Богородицы, праздник, чествую и славного его рождества, икона Успения Пречистой Богородицы за Псков поборется. Потому, братья, готовясь к обороне, псковичи перенесли из Печерского монастыря особо почитаемую икону Успения Богородицы. (*Берет из рук прислужника-монаха икону.*) Поставим ее в Троицком соборе! (*Ставит икону на алтарь.*) Вместе с иконой прибыл во Псков и я, игумен Печерского монастыря Тихон, для совершения богослужения в соборе и крестных ходов к городским стенам во время осады.

Протодиякон Алексей. Народ православный, преосвященный архиепископ Александр Великого Новгорода и Пскова свое священство повелел писати повесть о нашествии литовского короля Стефана Батория с великим победоносным войском на славный город Псков. Откуда и как попустил Бог за грехи наши прийти на русскую землю? Сие, как и по велению великой милости к нам, грешным, Святой Троицы помощью со стыдом, великим позором, от Пскова уйдет. Писаться же будет повесть сия в том же богоспасаемом граде Пскове, от жителя богоспасаемого града Пскова, художеством графа, сиречь иконописца, Василия, с подручным иноком Саввой.

Василий (*входит на алтарь и кланяется*). Начальники святые, воеводы и воины христианские и прочие псковичи! Как я прошел учебу в московской царской мастерской палате для подготовки иконописцев и опытных каллиграфов с писанием рукописей, то взял на себя сей труд святой, помолившись Богу, и меня же, грешного, и всякими недостатками исполненного, да не заподозрит ваше любомудрое исправление своим совершением, и наши недостатки исполните по писанию: друг друга тяготы носите, и так исполните закон Христа.

Иван Шуйский. Христианские воины и вы, псковские жители, вкупе многочисленные земли в Литву к королю Степану собрались, многие же орды и многие земли с литовским королем Степаном поднимаются на славный город Псков. Славы ради собираются языки многие. Им же имена сущие: литовские люди, польские люди, мазовшане, немцы, цесарские, шведские, датские, полоцкие, из Шлезвига, витские, из Брауншвейга, любские из Любека, и всяких наемных людей многие тысячи собрано. Своих у него людей тоже много тысяч, опричь торговых людей. Вся Европа идет Русь покорить. Вы же, люди православные, головы и дети боярские, и головы стрелецкие и стрельцы, и псковичи от мала до велика, и все избежавшие сюда люди, готовьтесь в осаде быти. И ты, протопоп Лука, настоятель пребожественной и неразделенной Троицы, тут, в соборе, церкви богохранимого города Пскова, приведи народ к вере, сиречь крестному целованию.

Лука (*подняв крест*). Привожу всех голов боярских и детей боярских, и голов стрелецких, и сотников, и стрельцов, и всех псковичей, к вере, сиречь к крестному целованию за Бога и за своего государя, царя и великого князя Иван Васильевич Всея Руси и за его государевых детей, и за святые церкви, и за православную христианскую веру. Из града Пскова клянемся биться с Польшей и Литвой до смерти без всякой хитрости. Аминь.

Иван Шуйский. Клянусь! (*Целует крест. Крест целуют воеводы, воины. Народ подходит и целует кресты у священников и монахов.*)

Шуйский. Василий Федорович Шуйский-Скопин, по окольным же селам и волостям послать надобно, дабы каждый во своем приближении к городу ехал, и с женами, и с детьми, и со всем животами в осаду, и таким образом, в богоспасаемом городе Пскове и его окольных пригородах всякое наше утверждение по Боге сотворилось.

Скопин-Шуйский. Сделаем так, воевода князь Иван Петрович. (*Слышна орудийная канонада.*)

Иван Шуйский. В богоспасаемом городе Пскове государевы бояре и воеводы и все воины и псковичи и весь во Христе церковный освященный Собор церковного кормила правителей сии слышат. Первое: уже приближаются к городу Пскову. Второе: яко Лев Ревльй наши жизни поглотить хотят. Вы же, благомудрые государевы бояре, воеводы и с печерским игуменом Тихоном и Протопопом Лукой и со всем освященным Собором обойдем около всего города Пскова с честными крестами и со святыми чудными иконами и святыми чудотворными мощами благоверного великого князя

Гаврилы Всеволода, псковского чудотворца, и со иными многими святынями, моля же к Богу умильно и чиновно совершая.

Игумен Тихон. Братя! Шествующие же в крестном ходе псковские люди, мужи и жены и с малыми младенцами, с плачем и рыданием о избавлении города Пскова молитесь. И вкупе все братолюбно священнический чин и воинский, и весь мужской пол и женский от мала до велика с молением мудрым и братолюбием непрестанно в сердцах своих Богу молитесь и смиренномудростью умудритесь.

Выстраивается крестный ход, слышны плач и молитвы, грохот орудийной канонады.

Василий. Пиши, Савва. Начало осады Пскова было на память святых мучеников Фрола и Лавра Сущее. Сие же начало, показавшее городу, на приступ подготовка. Сам король пришел подо Псков.

Монах Савва. Того как описать?

Василий. Сам король то, Стефан Баторий, король польский, великий князь литовский, дивый вепрь с пустыни. Сей неутоленный лютый зверь, несытый своей гладною утробой, пришел всяческим умом войско свое распалати. Бояре же и воеводы повелели по ним стреляти весь наряд подготовить. Сущее. И из снаряда первое стреляние. *(Канонада. Василий и монах Савва присоединяются к крестному ходу.)*

Занавес

Сцена 89

Польский стан на погосте Промежица. Обед и великий совет у короля Стефана Батория.

Баторий. Ясновельможное панство, сделав мой королевский стан тут, у Черехи реки на Промежице, решил я, король, всех гетманов и ротмистров, и всех воинских людей на обед у себя принять и великим учреждением учредить совет о взятии города. Ешьте, пейте, ясновельможное панство, да говорите.

Замойский *(подняв кубок).* Ясновельможный король, и тут, в русской избе, сидишь ты на своем горделивом королевском месте, словно на краковском троне. Мы же, гетманы твои, великие паны и все твои люди от первых советников до ротмистров и иных воинских людей, гайдуков твоих, градоимцами для тебя готовы быть. Выпьем за короля нашего польско-литовского всехвального!

Выпивают.

Бекеш. Ясновельможный! Вели по обеде же город Псков взяти. Ни высокие и великие горы, ни стены не остановят рыцарей твоих.

Николай Красный Радзивилл. Ясновельможный король, мы радостно и похвально шедшие к тебе, королю, совершенно и похвально говорим: теперь, государь король, милостивою ласкою твоей обедаем и пируем в обозе у тебя. Сего же дни, государь, в замке во Пскове вечерять у тебя хотим и здравствуем там тебя с великим и прекрасным городом Псковом.

Баторий. Ясновельможное Панство, я, король, слышал от своих гетманов и ротмистров сладки словеса, великие обеты воинских людей, милость свою и ласку показать обещаю. Все богатство псковское и весь плен и корысть беззавистно по чину с вами, рыцарями моими, разделять обещаю.

Николай Черный Радзивилл. Государю! Совершено сего дни, вели - на завтра замок Псков за щитом возьмем. Или, государю, они сами имени твоему покорятся. Не возмогут против твоей великой силы и мудрости градоимство отстоять.

Христофор Радзивилл. Ясновельможный король, как отец мой, Николай Радзивилл, виленский воевода, сказал, то от всего воинства польско-литовского также обещаю тебе, ясновельможный король, и всем почтенным матерям Польши, которые силу свою приобрели от Божьей Матери, покровительницы Польши, и добродетельным своим польским паннами, своим дамам сердца, наших отсюда, из замка Пскова, радостно и с корыстью себе стратити, ежели повелишь ради славы Польши.

Баторий. Юный рыцарь Христофор Радзивилл, радостно и мне слышать такую твою доблестную речь. Немало побед уж одержано вами, защитниками Европы, над русским медведем. Однако, в своей берлоге злобный зверь сражается отчаянно. Признаюсь, и мне первоначально казалось, что Псков будет взят штурмом или сдастся под давлением артиллерийского огня, как Полоцк или Великие Луки. Но я, король, и все воинство наше встретились со множеством трудностей. О том скажет канцлер и великий гетман Замойский.

Замойский. Ясновельможный король, ясновельможное панство, тут, в Пскове находится многочисленный гарнизон московитов. Главный воевода князь Иван Петрович Шуйский обнаружил себя человеком исключительной энергии. Снаряжение в крепости, по доносам перебежчиков, обильное, и могут огромными ядрами псковичи наносить немалый вред нам, осаждающим. Оттого, панове, решено перед приступом начать подкоп.

Бекеш. Ясновельможный канцлер, подкопы могут длиться до Рождества, осада Пскова затянется до середины января наступающего 1582 года, и с суровыми холодами наступят праздники Рождества и Нового года, а с ними - и соблазны провести время у домашнего очага. Не начались бы бунты в войске! Надо бы скорей идти на приступ, разбивши стены ядрами.

Баторий. Доблестный Гавриил Бекеш, твои доводы разумны, однако сильна и ярость русского медведя. Уж третий раз отправил отряд овладеть Псковско-Печерским монастырем. Монастырь тот расположен в пятидесяти шести верстах к западу от Пскова, сильно нам мешает при осаде, совершая набеги на наших польских фуражиров и их обозы. В первый раз послал польских и немецких всадников под командой Ференсбаха, а вслед за ними - отряд немецкой пехоты с тремя осадными орудиями. Знаете, ведь сделали, панове, пролом в стене, пытались взять монастырь штурмом, но потерпели неудачу - русские отбили штурм. Сейчас послал в помощь осаждающим большой отряд венгерской пехоты под командованием племянника курляндского герцога с четырьмя орудиями, чтоб начали приступ сразу с двух сторон, и теперь я жду вестей.

Николай Красный Радзивилл. Какой гарнизон монастыря?

Замойский. По сообщениям лазутчиков - в монастыре расположен гарнизон из двухсот стрельцов под командой осадного головы Юрия Нечаева, им помогают около ста монахов и триста послушников. Ежели там так тяжело без подкопа взять, то как же сам Псков без подкопа брать?

Николай Сапега. Нельзя ли хитростью и мудростью уловить? Ласкою и грозой город можно взять лишь глядя на него, но обложив крепко со всех сторон.

Бальтазар. Нет, пан Сапега, так невозможно. В городе Пскове, по известию, свирепые воеводы и непокорный нам народ.

Ян Глебов. Вести обстрел калеными ядрами, чтоб вызвать пожар, то покорятся.

Замойский. Именно так, пан Глебов, обстрелы и подкоп с зельем, то есть порохом. Каждому полку свой подкоп замыслим, за градовую стену подведем и, зелье подкатив, то есть порох, зажжем. Лишь так, лишней дорогой крови не пролив в наших войсках, скоро и спешно можно взять город Псков. Про те подкопные работы пусть скажут паны инженеры Гарон и Рудольфини.

Гарон. *(Расстилает чертеж).* Ваша светлость, великий польский король, мы уж подкопали борозды, подошли к крепостному рву тут, у южной части, около Покровской и Свинской башни *(показывает на чертеже).*

Рудольфини. Тут, где продолжили траншеи и подошли ко рву, установлены батареи, сделаем в стене большие проломы. Вести обстрел с утра до поздней ночи. Как сделаем проломы, королевская пехота пойдет на общий штурм.

Гарон. Ваша светлость король, тут от Покровской башни научальной и до Водяных Покровских ворот литовские гайдуки, закрывшись специально сотворенными щитами, должны каменную стену кирками подсекати и всякими каменодельными инструментами, дабы вся стена с той стороны из-за подсечения в реку великую повалилась *(показывает на чертеже).* Возле той же стены есть деревянная, вторая поделана. Ее огнем зажечь.

Баторий. Мне по душе такой план, ясновельможное панство, а поскольку воюем мы здесь с русским медведем от всей Европы, то надо бы написать воззвательные листы ко всем государям европейским и ко всем европейским культурным народам. А прежде всего, во времена своего похода на русскую землю на город Псков, объявить листы воззвательные во всю Польшу и во всю литовскую землю послать.

Замойский. Так сделаем, ясновельможный король. Секретари королевские готовы записать твои высокие писания.

Баторий. Я, король польский, князь великий литовский, русский, прусский, жмудетский, мозавецкий, король семиградский Стефан Баторий... Грамота державная, потому так титуловать.

Секретарь. Ясновельможный король, а титулы тех, кому посылаем, также полностью?

Баторий. Пиши. Ближним моим друзьям и соседям. А по имени и титулу каждого начальникам радоваться! Да известно, слышали сколько мимошедшие два лета русскому царю пакостей сотворил, и околицы его, города, приближенные к моей земле, от его власти отнял. И своему высокому присовокупил державству. И сколько во сразительном бою над его войском одоления показывал и русским богатством обогатился, и воинов своих обогатил, в землю мою вывез всякое преизобилие русской земли, множество сокровищ, и сколько страха и унижения русской земле нанес, и сколько славы высокому своему Королевству Польскому и Великому Княжеству Литовскому и всем моим подручным великим панам и гетманам, и всем бесчисленным воинам приобрел. Сим же неуходящим временем на прежнее простираться начинаю. На высокой же степени стою, на высочайшее же и превысокое простираюсь. Как хитрославцы научают и пишут, на высоком на холме стояти, высочайшую же того и преизобильнейшую гору ищу, и поискам тем ее владения начало полагаю. Также и лев, если держит зайца и видит верблюда, оставляет зайца уж ставшей добычею и гонит верблюда.

Секретарь. Ясновельможный король не разъяснит ли, про что речь.

Баторий. Ясновельможное панство, жаль, что во все иные страны и во многие языки молебносочещательные грамоты начальникам каждой земли и их воинам нельзя писать на высокой латыни. Латынь не требует разъяснений, латынь - это не язык, это идея. Высокая объединительная идея Европы во времени и пространстве. Мы, панове, здесь, в русской земле, сражаемся за объединение всей Европы, Западной и Восточной, которой грозят новые варвары из Московии. Мы сражаемся за власть латинской веры и латинского языка. *Viam ad omnem Sapientiam minivit.* Этот язык учит мудрости. Он прокладывает дорогу всякой мудрости. Он властвует не при помощи войны и оружия, а благодеянием, любовью, согласием. Но прежде чем мы добьемся такого мира для всей Европы, такого Божьего согласия, как было во времена расцвета Римской Империи, нам надобно властвовать войнами и оружием.

Секретарь. Ясновельможный король, но поскольку начальники многих земель не знают латыни, придется на вольгаре разъяснять, что есть холм, и что есть гора, что есть заяц, и что есть верблюд.

Баторий. Холм есть Псков, гора есть Новгород, еще выше гора - Москва. Растерзав псковского зайца, латинский лев бросится на азиатского верблюда. Москва - такова цель нашего похода. Замойский, сделаны ли чертежи Новгорода и Москвы?

Замойский. Ясновельможный король, первые чертежи сделаны.

Баторий. Сильно ли укреплен Новгород?

Замойский. В Новгороде, как во многих русских городах, каменный кремль. Пригороды именуется по-русски - посады, окружены стеной, по-русски - острогом. Разделен на пять районов, по-русски - концов. Население - двадцать пять тысяч.

Баторий. А Москва, я слышал, велика?

Замойский. Да, ясновельможный король, город велик и многолюден. Его почти нельзя сравнить ни с каким немецким городом. Он больше Флоренции, обширней Праги, больше, чем Лондон с окрестностями.

Баторий. Я слышал, красивый город. Кто из вас, панове, был в Москве?

Рудольфини. Я бывал там, великий король. Белокаменные кирпичные дома красиво смотрятся среди деревянных и среди зелени садов. Однако, после татарского нападения пожар истребил всю красоту Москвы, все, кроме Кремля, обратилось в пепел. Но за десять лет русские успели многое отстроить.

Баторий. Кремль - это главный замок Москвы, как королевский Вавель в Кракове?

Рудольфини. Да, великий король, он построен итальянцами для царя, митрополита, царевичей и родственников.

Баторий. Я покочу с царем Иваном в Кремле, в их главном замке.

Замойский. Ясновельможный король, но прежде надо покончить с царским воеводой Иваном Шуйским в Пскове.

Баторий. Согласен, ясновельможный пан, великий гетман Замойский. Потому в грамотах к европейским народам пока писать будем лишь про Псков. Пиши, пан секретарь: Таким образом, всеумудро и рассудительно усмотрел нынешнее третье лето в третьем походе, паче прежнего многосильным подъемом поднимаюсь на русскую землю. Сам же я, король Баторий, своим друзьям и соседям ближним мудролюбивым советом совещаюсь. Если хотите вместе совещаться, да подыматься со мною каждый со всеильным своим войском и вместе устремиться на русскую землю, прежде прочего на славимый москвитами великий город, именуемый Псковом.

Бекеш. Милостивый государь, король Стефан Баторий, только видя твое бесчисленное войско, все прибывающее, люди в городе Пскове, государь, все убоятся и устрашатся и не смогут против такой силы сами стояти.

Николай Красный Радзивилл. Какая гора от таковых вод многих отстояться может! Или, государь, какой город, градостенная крепость против твоих стенобитных сосудов укрепиться!

Гайдук (входит, кланяется, встав на колени). Ясновельможный король, герцог пан Ференсбах с жовнерами приехал от Печерского костела.

Баторий. Жду с волнением. (входит Ференсбах.) Взят ли Печерский монастырь?

Ференсбах. Там неудача, ясновельможный король, и второй приступ, предпринятый сразу с двух сторон, не увенчался успехом. Осажденные мужественно отбили его и пленили племянника курляндского герцога Каствлера.

Баторий. Проклятье дьявола! *Jadum serium* - игра становится серьезной. Как же европейского канцлера рыцарское войско не может одолеть монахов и две сотни русских мужиков, называемых стрельцами!

Ференсбах. Осень, государь, глубокая осень, дурная погода затрудняет передвижение войска и маневр. К тому же, монастырь обнесен крепкой каменной стеной с десятью крепостными башнями и тремя воротами. Нужны осадные туры и подкопы с порохом.

Замойский. Ясновельможный король, видимо, этого и хочет хитрый русский воевода Иван Шуйский - отвлечь часть наших сил от Пскова. Монастырь этот издавна служил русским как опора для проникновения православия в Ливонию. Он был разорен ливонскими рыцарями, но позднее заново отстроен. Царь Иван при военном походе на собственные города Новгород и Псков ограбил монастырь и конфисковал земельные угодья. Оттого не попытаться ли склонить защитников сдать монастырь без боя, обещая всяческие милости?

Баторий. Надо попытаться, надо разяснить русским, что они защищают кровавого тирана. Я хотел особую грамоту писать в Псков русским вельможным боярам и воеводам о сдаче города, обещая милости.

Ференсбах. Ясновельможный король, при штурме монастыря нами среди иных пленных взят какой-то шут или бродяга, в котором русский перебежчик князь Михаил Барятинский опознал почитаемого среди здешнего народа колдуна по кличке Николай Юродивый или Никола Свят. Когда тут собирався учинить кровавую расправу над псковичами, как сделал это в Новгороде, царь, вмешательство этого шута Николая отвратило гнев царя и спасло город.

Баторий. Не легенда ли это?

Ференсбах. Может, и легенда, но многие русские, даже из знатных, ей верят. Русские, от последнего смерда до царя, вообще суеверны, как язычники. Будучи на русской службе, я удивлялся многим их антихристианским обрядам. В крестное знамение верят, как в языческое действо, часто осеняют себя крестным знаменем, верят в дьявола, как в настоящего их спутника и недруга, чертят магические кресты на окнах и дверях, чтобы дьявол не пролез в дом после молитвы. Юродивые там повсюду. Их называют божьи люди, блаженные, неприкосновенные, они ходят многие совершенно нагие, даже зимой в сильные морозы, или в лохмотьях с длинными волосами, распущенными и висящими по плечи. Многие с веригами на ногах или посреди тела. В Москве главный юродивый называется Василий Блаженный. Его почитают за то, что решается упрекать царя во всех его жестокостях и во всех его угнетениях, каким он подвергал народ.

Баторий. Такой человек может быть нам полезен. Видал ли ты его?

Ференсбах. Нет, я его не видал. Я мало бывал в Москве, лишь мимоходом, во время серпуховского сражения с татарами, потому что царь тогда жил постоянно в небольшом городе, именуемом Александровская Слобода.

Замойский. Он и ныне, по сведениям лазутчиков, живет в том небольшом местечке.

Баторий. Такие люди, которые смеют обличать русского царя и которых почитает народ, нам полезны, даже если они обманщики. Потому хотел бы поговорить с псковским обличителем царя. Пошлите за ним.

Ференсбах. Сию минуту он будет доставлен, ежели тебе, ясновельможный король, не станет противно видеть этого колдуна или мошенника. Я сам видел этого мошенника или колдуна - жалкое существо, почти нагое зимой и летом, лишь в легких лохмотьях, которые он носит как в сильную стужу, так и в жару.

Баторий. Тем не менее, я хочу поговорить с ним. Если мы желаем покорить Россию, то должны уважать и использовать туземные обычаи и суеверия, и почитание местных колдунов, как Колумб в Новой Индии или Васко да Гама в Африке. Главное сейчас - использовать все против московского тирана, угнетающего собственный народ и угрожающего Европе. Я хотел поговорить с русскими, как с заблудшими злыми детьми, которые должны покориться воле старших и зрелых народов Европы во имя их, русских, собственного блага. Пишите грамоту, пан секретарь.

Секретарь. Ясновельможный король, кого назвать в титуле? Главного ли воеводу Ивана Шуйского?

Баторий. Пиши всем боярам и воеводам. Знайте, бояре и воеводы, что не на то я пришел под город ваш Псков, чтоб, не взявши его, отойти. Наипаче сами знаете, окольные города государя вашего в мимошедшие два лета взял и не от единого города не отошел, его не взявши. Не только от меня самого, но от посланных мной гетманов никто города не отстоял. Ныне же пишу вам, жалуя вас и соблюдая благородие ваше. Помилуйте себя сами и покоритесь моему великому имени, отворите мне город без всякой крови. Да если так учините, то ведомо будет вам, как ни один из великих у вашего государя пожалован, так, как у меня пожалованы будете. И как мне изволится милость свою и ласку показать вам, если за этой лаской увидите лицо мое истинное, королевским своим словом и со своими избранными панами заистинствую вам, что не только в городе Пскове наместники от меня будете, но и многие города и отчины дам вам, если миром отдадите мне город. Весь же народ в городе помилую, и по своим законам жить будете, и каждый свой чин исправлять будет и торги свои, как в старину торговать будете. Ежели не покоритесь, во всем вашем великом городе Пскове ни один милости от меня не узрит, но горькими различными смертями все да умрете.

Секретарь. Ясновельможный король, как отправить грамоту, лазутчиками или многожды стрелы с такими грамотами стрелять во Псков?

Баторий. Помыслим. И тем, и другим способом - чтоб понадежней.

Входит Михаил Бярятинский и юрод Николай Салос.

Баторий. Вот он какой, русский шут, обличающий царя. Головой плешив, лоб морщиноват, волосы русые свалялись.

Николай Красный Радзивилл. Ясновельможный король, русский шут - истинно знатный пан.

Николай Черный Радзивилл. Истинно, великий король, на голове колпак тяжел, подобно рыцарскому шлему на кольцах, кольца медные *(смех)*.

Ян Глебов. А шуба на нем с золотым газом да с красным лежачим воротником, пуговицы до долу *(смех)*.

Николай Сапега. Под ту шубу надо бы еще хитон голубой, да на босы ноги обувь щегольскую *(смех)*.

Баторий. Много ли в Москве таких шутов?

Бярятинский *(кланяясь)*. Много, король великий. Каждый город имеет и почитает своего юрода.

Баторий. Дикая страна, истинно, как в Африке или Вест-Индии, где в каждом племени свой колдун.

Рудольфини. Великий король, такие люди есть и у нас в Италии, их можно сравнить с нашими пасквилями. Пасквиль высмеивает знать и любим народом.

Баторий. Правда ли, что он спас Псков от царя-тирана?

Бярятинский. Истинная правда, великий король. Сей юродивый Николай

Салос не убоялся подать царю во время поста кусок окровавленного мяса, показывая тем ненасытную кровожадность царя Ивана. «Пост!», - закричал ему Иван. «Пост, - ответил юродивый, - а ты собираешься пожираться человеческое мясо».

Баторий. Так ли было? Пусть сам скажет *(к юродивому)*, правда ли, что ты обличал русского кровавого царя и тем спас Псков?

Юрод молчит.

Замойский. Русский шут, великий польский король говорит с тобой! Как ты, кто ты, человек или бес? *(смех)*.

Капитан Гарон. Он безумец.

Барятинский. Он не безумец, а молчалник. Говорит лишь по собственному желанию. На Руси чтут таких. Новгород чтит Николая Качанова, Федора Новгородского, Михаила Хлопского, Якова Боровицкого; Устюг Великий - Прокопия и Иоанна Устюжских; Москва - Максима, Иоанна и Василия Блаженного, юрода всей Руси. А у нас во Пскове чтут его - Николая Салоса.

Ян Глебов. Ясновельможный король, все это не более чем бесчинные кличи глупых мужиков.

Барятинский. Нет, достопочтенный пан, то правда. Из залитого кровью Новгорода кровожадный царь двинулся к нам во Псков. Всю ночь звонили колокола. Зловещее бодрствование. Однако на сей раз наказание ограничилось лишь грабежом, сей юрод Никола Салос встретил царя смелым проклятием, заклинанием, руганью и угрозами, назвал его кровопийственным пожирателем христианской плоти. Он клялся, что царь будет поражен громом, если он или кто-либо из его войска коснется с преступной целью хотя бы волоса на голове последнего из детей Пскова, предназначенного Богом и его добрым ангелом для лучшей участи, нежели разграбление и убийство, что царь должен выйти из города, прежде чем Божий гнев разразится в огненной туче, которая, как он сам может убедиться, уж висит над его головой и в любую минуту может обернуться сильной мрачной бурей. Царь содрогнулся от этих слов и просил его молиться об избавлении и прощении его жестоких замыслов.

Ференсбах. Ясновельможный король, скорей всего, это легенда. Может, юрод и встретил царя подобными словами, но, пожалуй, более вероятно, что пресыщенного казнями царя Ивана обезоружила покорность жителей Пскова.

Капитан Гарон. Король, мне такое тоже кажется более похожим на правду. Я вижу в царе Иване личность, в которой чудно сочетаются пороки века с бессилием и непостоянством воли. В этом русский царь подражает своим знаменитым предшественникам. Французский король Людовик XI поклялся, что не будет больше Араса, что все жители будут либо убиты, либо изгнаны, а из других провинций до самого Лангедока будут взяты семьи и разные ремесленники и ими будет заселена страна. Также сто лет тому был разгромлен Льеж королем Карлом Смелым.

Ференсбах. Ясновельможный король, справедливости ради, хотел бы прибавить: теперь, когда мы, поляки, и прочие европейцы осадили Псков, то встретили героическое сопротивление. Но поступил бы город иначе без этого урока верности, который преподнес русский царь Новгороду и Пскову? Сомнение вполне позволительное, ясновельможный король. Насильно присоединенные к Москве, нарушившей их обычаи и интересы, оба города только из страха исполняют свои новые обязанности общерусского патриотизма.

Барятинский. Ясновельможное панство, псковичи исполняют эти обязанности неохотно. Шуйский насильно заставил многих псковичей принять клятву. Псковичи не особенно расположены выдерживать длительную и тяжелую осаду.

Баторий. Да, панове, и у нас в Европе было и есть немало такого, чего мы, люди просвещенные, должны стыдиться, но мы пришли сюда от другой Европы, от новой Европы. Не от Европы государей-тиранов и королей-мужланов, таких, как прежний шведский король Безумный Эрик, и которых, слава Богу, становится все меньше. Мы несем в эту варварскую страну Московию латинское просвещение и цивилизацию. Но если для победы нашего латинского просвещения надо использовать здешних колдунов, которым тут верят, как оракулам, то мы должны их использовать. Даже если они совершают многие странные действия, благодаря дьявольскому колдовскому отводу глаз.

Замойский. Я согласен, ясновельможный король, - если этого колдуна-мошенника бояться и почитают все, как князя, так и простые люди, то надо нам воспользоваться.

Баторий. Князь Барятинский, объясни русскому оракулу, что мы пришли с большой силой, чтоб изгнать кровавого тирана царя Ивана, деяния которого он прежде обличал. Мы делаем всеобщее дело для освобождения русского народа. Потому между нами должен быть союз.

Барятинский. Ясновельможный польский король Стефан Баторий предлагает тебе общий союз от Ивана царя. Согласен ли ты, блаженный, заступиться за народ и обличить увенчанного злодея?

Николай Салос. Сии многопохвальные речи слыши, король, от своих польских первосоветников и от зрадников псковских - от меня не услышите (*садится на корточки*).

Замойский. Глупый русский шут, король польский оказал тебе великую милость, ты ж отвечаешь, как дурак или слуга дьявола!

Баторий. Такие нагие или полунагие фигуры на корточках немало встречаются и на итальянских фресках. Поглядите на него! Кого эта нагая фигура изображает? Нагая фигура на корточках - в иных случаях легко догадаться, хотя бы по хвосту (*смех*) - недвусмысленная поза дьявола, выражает идею не человеческой, а именно сатанинской гордыни, высокомерного презрения к миру. Но когда фигура только намечена, но дьявольских атрибутов нет, тогда трудно решить, дьявол это или шут? Дело в том, панове, что фрески и храмовая скульптура знают в этой позе и шута, и дурака (*смех*).

Капитан Гарон. Великий король, во Франции, в Бордо, в церкви святого Северина, есть скульптура шута. Шут в колпаке с ослиными ушами сидит на корточках и заголяется. Под ним шар, увенчанный крестом - это держава, символ павшего мира.

Баторий. Тут, монсеньер, имеется в виду та же дьявольская идея, только переведенная на другой план, план комической деградации. Русский шут гороховый - такой же персонаж.

Николай Сапега. Иван Дурак (*смех*).

Баторий. Я слышал, панове, что и русский царь Иван любит шутовство, любит переодеваться - то одевается в монашеские одежды, устраивает оргии, то одевается во все красное, что означает кровь, то во все черное, что означает бедствие, то во все белое, что означает веселье, но не христианское. Так ли это, князь Барятинский?

Барятинский. Истинно так, ясновельможный король. Царь Иван - кровавый шут, любит внезапный гнев, внезапные убийства, любит при убийствах скоморошничать.

Баторий. Я ощутил это в его посланиях - многословен, послания начинает чуть ли не с Ноя, в посланиях, как и в жизни, действует, как актер, лицедей. Шутовство - в посланиях исполняет какую-нибудь роль, он болтлив и, я слышал, любит вступать в устные диспуты по вопросам веры и дипломатическим вопросам, причем, часто обнаруживает свое невежество. Курбский говорит, что русский царь много читал и читает, много помнит из прочитанного, но, судя по всему, его штудии беспорядочны и не дают точных и полезных знаний. Если и есть в царе Иване какая-то талантливость, то это талантливость неудавшаяся, неприложимая, ибо натура его болезненная, нервная - весь в порывах и многих страстях, не взвешивает хладнокровно поступки свои и чужие. Все это свидетельствует о характере злобного вырожденца. Бежавшие в Литву русские вельможи рассказали мне, что он не любит своего сына, принца-наследника, и часто бьет его палкой. Так ли, князь Барятинский?

Барятинский. Истинно так, ясновельможный король, он опасается, что сын-наследник свергнет его с трона.

Баторий. А кого желали бы на троне русские вельможи?

Барятинский. Русскому высшему сословию не хотелось бы иметь на троне никого из кровавой династии Калиты. Наслаждение в мучительных казнях, жажда крови, бессердечность - такое не только в отце, но и во всей царской семье. Разве что младший сын Федор не таков по малодушию. Однако можно ли допустить на трон юродствующего дурака!

Баторий. Но что же удерживает ныне московскую военную монархию от развала? Прежде Москва имела громадные военные средства, талантливых дипломатов и воевод. Все это истреблено ей самой или к концу войны растрчено, пришло в упадок. Царь Иван окружен деятелями посредственными и второстепенными, из умелых воевод остались лишь немногие, такие как Шуйский, который у царя более не в чести, и которых ждет такая же печальная участь, как и Воротынского, едва только царь перестанет в них нуждаться. Отчего же военный разгром не переходит в быструю катастрофу и народную революцию? Чем живет московское государство при таком военном разгроме?

Фернсбах. Ясновельможный король, московское государство при нынешнем военном разгроме живет еще старыми запасами сил, накопившимися за целое столетие прошлых успехов. Не успел еще и разрушиться тот человеческий материал, который зовется русским народом.

Замойский. Этот народ груб, лишен культуры.

Фернсбах. Ясновельможный король, этот народ-раб имеет свои пассивные добродетели. Эта крепкая, бедная потребностями, долготерпеливая, привязанная к родному краю раса составляет основу и оборону империи. Даже одержав военную победу, мы не сможем удержать власть над этой страной без поддержки народа.

Замойский. Все это пустые разговоры. Татары имели здесь власть чуть ли не триста лет и потеряли ее из-за своих внутренних распрей. Сей народ любит подчиняться сильной власти. Надобно просто найти своего человека и посадить его на русский трон.

Николай Сапега. Тогда это должен быть какой-нибудь шарлатан или мошенник, наподобие этого шута (*указывает на юрода*). Колдун, хочешь ли ты быть русским царем? (*смех*).

Бекеш. Милостивый государь, король Стефан Баторий, я согласен с ясновельможным канцлером Замойским, что все то не более чем пустые речи. Какой домысел будет у русских воевод во Пскове или у всех их колдунов и хитрецов против твоего великого ума и твоих великих гетманов, против мудрого ума Европы! Или, государь, какой город или какая осада прежде и ныне от наших крепких, храбрых и мудрых городов отстоится? Ныне же, государь, поспешим на город Псков, и здрав будь - и в славном московском городе Пскове владычествовать будешь. Также и к нам будь милостив, которые сердечно с тобой на взятие города трудимся.

Николай Салос. Не слушай сии многопохвальные речи от своих первосоветников, король Степан.

Баторий. Молчальник уж вовсе разговорился. Что ж, скажи, русский шут городовою, как ты мыслишь (*смех*).

Николай Салос. Когда проходил московский русский царь на Псков, я, Николай псковский, предсказал: падет царский аргамак, и он пал. Жестокими словами описал я кровопийцу, пожирателя христианского мяса. В ту минуту сильная и мрачная буря была, и гром едва не поразил царя. Он испугался и ушел. И ты, король Степан, уйди от Пскова.

Баторий. Ваш царь - суеверный дикарь, таков, как и его подданные православные, и также испорчен. Неужели ты думаешь, обманщик и колдун, что я, просвещенный европеец, испугаюсь тебя, негодного обманщика и колдуна? Посредством волшебных очарований дьявола, может, ты делал много чудесных вещей, и твой царь и твой народ, может, за тобой следовали и тебя страшатся, но меня и моих рыцарей тебе не остановить.

Николай Салос. Такой же гордыней превозносишься ты, король Степан, на град Псков, как древний горделивый Синахорен, царь ассирийский. Многие грады окрестные иерусалимские за себя взял, тогда высоко помыслил и на Иерусалим устремился, также на свою силу надеясь и также рече: не токмо град Иерусалим царю Езикею от меня не отстоять, но и Богу невозможно пособить против меня, против моей бесчисленной силы. Сии же горделивого произношения и многобогохульные глаголы услыша, Бог пришел под Иерусалим град, и град осадил ассирийский царь, а обрел убитых своих воинов сто восемьдесят пять тысяч и, сие увидав, с малой дружиною в Ниневию убежал и там от своих детей и приближенных убит был. Такое тебе, горделивому королю Степану, случится под Псковом неизреченным помыслом Божьим, как и Синахорену царю.

Замойский. Холера ясная, государь, не надобно слушать пустые речи дурака, посадить его в холодную камору, дав добрых плетей. Мы ж город Псков возьмем, как замыслили, штурмом.

Николай Салос. Поляк же, канцлер, тоже Псков взять похваляется. Что ж твоего ума, польский король, не слушай безбожного совета князя великого литовского и канцлера своего поляка. Уйди от Пскова, яко ветром гонимый. Или в морской пучине путь найти хочешь, или высокоперного орла шаги считаешь? Жестоко тебе против рожна стоять! Аще Бог за нас, ты ли на нас? От всего же твоего безумия всякими своими разными размышлениями великого града Пскова не взяти тебе. Унижению своему по срамоте отныне уйдешь ото Пскова города. Холопу своему поручи взять город Псков, но и он не возьмет.

Николай Красный Радзивилл. Как смеет русский шут своим дерзостным языком такие речи говорить! Пся крев, кол ему острый в дупу.

Баторий. Ясновельможное панство, этот русский шут гороховый достоин плетей и кола, однако уготовим ему более сильное наказание - отошлем его во Псков, и пусть видит своими глазами гибель Пскова. Дать ему грамоту к князю Ивану Шуйскому, последнюю надежду на нашу милость. Скажи всем в Пскове: оставьте гордыню и смиритесь, и ты, гордый шут, смиришь перед нашей силой!

Николай Салос. Польский король, но что же се хвалишься во злобе силы и беззакония? Ежели Богу будет угодно, чтоб одолел нас, то не своей силой одолеешь, но за наши грехи смиримся. Глаголет бо Писание о пленении Иерусалима Титом, царем римским. Не Тита деяния Бог любит, но Иерусалим казнит. Тоже похваляешься до конца разорити царство христианское, мы же занеже за

Христову веру изволим помирати, на него же надеемся, яко избавит нас от находящихся бед (крестится).

Баторий. Уберите шута. Болтлив, как и царь. Где царь, где шут - не разберешь (смех, юрода уводят). Мы ж, ясновельможное панство, окончим разговоры, которые потешили нас, и изготовимся к делу. Великий гетман Замоиский, почни полки разряжати. Коим из моих великих панов и гетманов в коем полку воеводами будучи, где и как стояти.

Замоиский. Ясновельможный король, разряжение полков такое: первое же поставляется передовой полк, в передовом полку поставляет пана Миколу Радзивилла.

Баторий. Которого пана Радзивилла?

Замоиский. Николу Красного Радзивилла, воеводу виленского.

Баторий. Тот знатный рыцарь и большой земельный магнат есть гордость Польши и Литвы. Далее говори, пан канцлер.

Замоиский. Далее ставим полк пана Остафия Воловича, кастеляна виленского, да пана Яна Дорогостайского, воеводу полоцкого.

Ян Дорогостайский. Прошу пана, воевода полоцкий - пан Николай Дорогостайский, я ж - Ян Дорогостайский, воевода гомельский.

Замоиский. Прошу пробащения, писарь описался. Далее, ясновельможный король, правая рука. В правой руке поставляем пана Яна Тишку Жемотского, по-белорусски - Ян Кишка Жмутский, староста, да пана Мерихода Шамета, кухвиста литовского. Левая рука. В левой руке поставляем пана Яна Глебова, али пана Яна Глебовича, кастеляна пана Менского, подскарбея земской и литовской, да пана Николу Сапегу, воеводу Менского, да пана Христофора, воеводу поугородского. То, ясновельможный король, Христофор Радзивилл, сын виленского воеводы.

Баторий. Добрый витязь. После взятия Полоцка, при котором отличился, назначен кастеляном Трокским, а после взятия Пскова назначу его гетманом литовским.

Христофор Радзивилл. Ай, милый Боже! В единстве и постоянстве сердца моего - лишь ты, король, с маткой боской, наш Стефан и великая Польша.

Замоиский. Сторожевой полк. В сторожевом полку поставим пана Трокского Николая Радзевила, второго сына виленского воеводы, да пана Филона Хмиту, воеводу оршанского.

Баторий. Добрый рыцарь пан Филон Хмита! Старую Руссу взял и разграбил, подходил к Смоленску с семитысячным отрядом уж.

Филон Хмита. Ясновельможный король, по сей день печалюсь, что не преподнес твоей короне Смоленск, старый литовский город, захваченный отцом нынешнего русского князя. Воевода Батурлин тогда перехитрил меня, завлек в болото и разбил.

Баторий. На войне, пан Филон Хмита, нельзя сохранить целомудрие. О том поется в песне римских легионеров: *Esse Caesar nunc triumphat qui subegit Gallias* - Вот Цезарь, преследуемый победой, покаряет земли Галлии; даже великий Цезарь терпел поражения, но не позволял торжествовать над собой: *Nicomedes non triumphat qui gulegit Caesarem*. Никому не торжествовать свою победу, пока нет Цезаря, ибо конечное торжество - у Цезаря. Говори дальше, пан канцлер!

Замоиский. Большой полк. В большом полку поставляю пана канцлера, гетмана великого польского.

Баторий. То есть, ты сам, ясновельможный Замоиский, коренной гетманн, ныне назначенный мной, королем, быть великим гетманом. Ты был первым инициатором похода на русскую землю, тебе и возглавлять сей священный поход новых европейских крестоносцев.

Замоиский. Весьма дякую за такую королевскую честь, а со мной пойдут многие ротмистры, и то да слывет большой полк Польский.

Баторий. Я сам, король, пойду за канцлеровым полком, а у меня, короля, приближенные люди со мной пойдут - пан Тишко, воевода польский, пан Бекеш, гетман угорский, пан Ференсбах, пан инженер Рудольфини, пан инженер капитан Горун. Жаль, нет с нами славного рыцаря, пана Жолкевского, который сторожит Польшу от возможных татарских набегов. Но зато идет со мной пан Никола Христофор Черный Радзивилл, великий маршал Литовского княжества, возведенный мной в это звание за рыцарскую храбрость при взятии Полоцка. Также пан Ольбрехт Радзивилл, надворный маршал литовский, староста ковенский. А наряду велю быти воеводе Угорецкому, пану Юрию Зиновьеву, старосте чечерскому. Сих же великих панов и гетманов разрядив, наказываю я, польский король и великий князь литовский, горделивому своему настоящему пути начаться на

славим москвитами великий город Псков, и быть посему (*крестится, все крестятся*). Да поможет нам Пан Бог и Матка Бозка!

Занавес

Сцена 90

Псков, совет у воеводы Ивана Петровича Шуйского в Покровской башне. Слышна пушечная канонада и ружейная стрельба.

Иван Шуйский. Воеводы государевы, я, государев боярин и воевода Иван Петрович Шуйский, повелел вам изрядно и прилежно тут, в том же Покровском углу, в Покровской башне у Свиных ворот, у того же Прясла на совет съезжаться. Советуюсь же с вами, государи воеводы, князь Андрей Иванович Хоростинин, князь Василий Федорович Скопин-Шуйский, да с воеводой Никитой Ивановичем Овчиной-Плещеевым, да с князем Владимиром Ивановичем Бехтеревым-Ростовским, да с князем Василием Михайловичем Ростовским-Лобановым. Советуюсь с вами, дьяки богохранимого сего города Пскова, Сульмень Тимофеевич Булгаков, да Афанасий Викулин, сын Малыгин. С ними же и пушечного приказу государев дьяк Тимофей Лихачев. Все те дьяки на совет к воеводам съехались и богомудренно о градоукреплении смьшлять будем. Коего образа совет Бог вразумит. Понеже же множество умов исправляет за начинания не единым добрым советом, многих, паче же Богу помогающему. И благим вашим советом крепче на добрые подвиги утверждаются. Городскому укреплению, всячески Богом крепящемуся, в помощь.

Скопин-Шуйский. Государев боярин и воевода князь Иван Петрович Шуйский, тут, в преименитом и богоспасаемом городе Пскове, мы, государевы бояре воеводы, слыша, яко уж польско-литовский король готовит приступ, придя на Псков, город, всячески неослабно по-прежнему богомудренно во городе Пскове осаду укрепляем. В волостях же и в селах и в засады непрестанно посылая всякие запасы, повелев в город вести. Дворы же и достойные кормовые запасы сжечь все повелел, да никаким врагам те дома и запасы не будут в корысть. Живущих же в селах тех во Пскове в осаду бежати велел со многим запрещением против тех, кто у врага остаться захочет.

Иван Шуйский. Надобно указать: перебежавших к врагу и желающих того, тем более врага злую веру взяти желающих, ждет отсечение головы.

Хворостинин. Государь и воевода боярин князь Иван Петрович Шуйский, всякий истинно православный, oprичь выродков, готов за Псков голову покласть в бою. Полуденного солнца в богохранимом городе Пскове не видать от дыма. Таков дым темен. Польско-литовская сила черноту на Псковские белые камни и стены предпосылает, однако их же ни вся польская, ни вся литовская земля очернить не может. Сему же дыму польско-литовского воинства, пришедшего уж за пять поприщ до Пскова, города, и иным стоящим под стенами, противостоят будем. Мы, государевы воеводы и дети боярские, на том месте, на Черехе-реке на заставе бьемся. Увидевши же переход полков с литовцами на Черехе-реке, казаки первые побежали возвестить нам, государевым боярам и воеводам, что уж польско-литовские люди реку перешли.

Иван Петрович Шуйский. Государевы бояре и воеводы, повелеваю в осадный колокол звонить, также, помимо сего, повелеваю за великою же рекой посады сжечи, да никогда врагу жилища не будет. Государям же боярам и воеводам против поляков велю новую вылазку сотворити.

Овчина-Плещеев. Государь и воевода боярин князь Иван Петрович Шуйский, паки же в один прежний день была вылазка за Варламовы ворота и таки ухватили литовские языки. От них же весть поимели, что польско-литовские гетманы королю своему именитому похвалялись подкопами взяти город Псков, и каждый начальник разных земель свой подкоп ведет - подкоп королевский, польский подкоп, литовский, вскрытый похвальный подкоп, угорский подкоп, немецкий. И всех подкопов в разных местах девять подкопов.

Иван Шуйский. Видимы ли где те подкопы?

Овчина. Невидимы, государь и воевода боярин князь Иван Петрович Шуйский. Сии же польско-литовские языки государям боярам и воеводам сказали, что те подкопы повели уже с сентября семнадцатый день, а наперед всех угорский подкоп поспеваает. А ни один из тех польско-литовских языков не ведает, к какому месту те подкопы повели.

Иван Шуйский. Так уже вы, государевы бояре и воеводы, частые и повседневные вылазки сотворяющие за город, Божью милостью и царским счастьем и своим боярским воеводским домыслом многие языки польско-литовские в город хватаете, чтоб королевских его первосоветников умышления надо Псковом поведати. А не говорят, так великим истязанием и пытками доводить, а также умышления их готовиться.

Овчина-Плещеев. Воевода Иван Петрович Шуйский, делали мы истязания и пытки языкам. Все одно твердят: у нашей - де польско-литовской силы доброе ведомство тем подкопам блюдетя, и лишь те ведают, кто копают, помимо короля и его первосоветников.

Дьяк Булгаков. Государь и воевода боярин князь Иван Петрович Шуйский, я, дьяк Сулеш Тимофеев с Булгаковым, хочу поведать: человек, литовского войска выходец, бывший русский и польский стрелец именем Игнаш, говорит, что на подкопах тех работал и их ведает.

Иван Шуйский. Где тот Игнаш?

Булгаков. Тут он. В башне содержится, что б уяснить, не подослан ли, однако под пыткой сказал то же.

Иван Шуйский. Спешно привести.

Дьяк Малыгин. Тут под стенами слухи. Тайные ходы, чтоб слушать, подкоп построили добрые мастера из Пскова. Уж не первый день я, дьяк Афанасий Николин сын Малыгин, в псковском каменном приказе, еще и в Казань-город ездили, где строят мастера из Пскова каменные стены и церкви православные. А камень брали из басурманских мечетей. В Новгороде строили церковь Бориса и Глеба, стены которой не берут ядра, целых пять с половиной сажень, по-немецки, пятнадцать метров. Так и в Пскове строили, и с Божьей помощью выдержим осаду. Федор Конь строил сотоварищи.

Иван Шуйский. Каменному приказу потщиться, чтоб подбавилось каменщиков, для укрепления города всех привлечь, кто каменные работы умеет вести и кирпичные может.

Дьяк Малыгин. Уже привлекли, государь и воевода князь Иван Петрович Шуйский. Мастера, которые делали жернова мельничные, гончары, горшечники - и тех уж привлекли. (*Стрельцы вводят Игнаша.*) Вот тот Игнаш.

Иван Шуйский. Скажи, Игнаш, под клятвой православной, знаешь ли ты, где польско-литовские подкопы ведутся?

Игнаш (*кланяется*). Государь и воевода, бежал я от латын на Русь ради покаяния моего и великий стих в душе по-русски поюща, стих Богоматери. Ею же и кланюсь.

Иван Шуйский. Говори, Игнаш, и помни, что тебя ждет, ежели солжешь.

Игнаш. Я, Игнаш, государевым боярам и воеводам всеслышно против коего места подкопы ведут укажу. И со стен, и на месте укажу. А приготовил я предварительно чертеж (*подает чертеж*). Итак, повелел лукавый польско-литовский король Степан огромное дело починати. Свирепые же его градоумцы радостно сие повеление восприняли о градовзятии. И всякое рвение показали. Первое дело - начали в сентябре начало девятнадцатого лета под седьмую тысячу.

Овчина-Плещеев. Князь Иван Петрович Шуйский, что перебежчик показывает, во всем совпадает с показаниями польско-литовских языков. Исчисление лишь не совпадает, поскольку наш год начинается с первого сентября, а их, латынский, - с первого января.

Иван Шуйский. Откуда копати почали?

Игнаш. Почали к городу копати великие борозды от своих станов по большой по смоленской дороге к Великим воротам, к человеку божьему Алексею (*показывает на чертеже*).

Иван Шуйский (*смотрит в чертеж*). То здесь. Алексеевская церковь в полверсте от города за великими воротами, от которых идет дорога на Смоленск.

Игнаш. Истинно так. Также от Алексея к городу, к Великим и к Свиным и Покровским воротам. И выкопали в три дни пять борозд великих, больших да поперечных - семь борозд, а в тех бороздах яко же после ходившие и счет обретшие великий. Дворов больших в земле выкопано, сиречь яко избушек с печками, сто тридцать две избы.

Скопьев. Великая работа подкоп. Правду ли говоришь?

Игнаш. Святой истинный крест. Да девятьсот четыре меньших. В большие же те двory ротмистры и советники сходятся. В меньших - гайдуки жилью себе устроили.

Хворостинин. Великие работы, а тайно идут.

Игнаш. У них инженеры - градоёмцы иноземные, италийские и французские. И так землю окопаются лукавому своему мышлению. Зело близко подкопались к единому городовому рву, что меж их и городовые стены быти.

Овчина-Плещеев. При рытье куда землю девают?

Игнаш. В злоумышлении же и люто лукавство ко городу приближаются, накопляющеся роющи земли, яко кроты. Из рвов тех выкопанные великие горы земли же иные закапывают, дабы не видать ходу их с городской стены. В насыпанные те земли многие и бесчисленные окна провертели. Из них же стреляти уготовились для градоёмства и против вылазок на них из города. Для того же еще с сентября четвертый день в ночи прикатили и поставили туры - большие корзины плетеные, засыпанные землей для защиты от ядер и пуль.

Иван Шуйский. Где те туры поставили?

Игнаш. Первые - у Алексея человека Божья, от города Пскова яко полпоприща. Тут повелели съезжому двору быти. Также другой двор поставили в турах против того же к великой реке, да двое туры бойчие. Одни - против Свиных ворот, вторые туры - против Покровских у Угольной башни, третьи туры бойчие - против того же угла за Великой рекой. Все те туры пятеры той же ночью землей и засыпали. В пятый день сентября в бойчие те туры и наряд привлекли и поставили. И так всякими градоёмными образами лютые литовские градоёмцы утверждаются, на богоспасаемый город Псков вооружившись. А что правду сказал - клянусь головой и животом своим (*крестится*).

Иван Шуйский. Увести его (*Игнаша уводят*). Мы, государевы бояре воеводы, се слыша, радостью исполняемся. Богу же и святому мученику Дмитрию Салунскому возблагодарение воздадим. Против тех подкопов скоро и спешно слухи копать устремимся, чтоб Божьей милостью наши русские слухи с польско-литовскими подкопами сошлись и зло умышлением Христовым пособили разрушить промеж Покровских и Свиных ворот. Также и иной подкоп под сией Покровскою башнею перенять. Также и иные польско-литовские подкопы за городом обрушить. С зельем, сиречь порохом, и так милостью Божьей сии умышления всячески разрушатся.

Дьяк Лихачев. Воевода князь Иван Петрович Шуйский, я, государев дьяк пушечного приказа, ведаю зельем, сиречь порохом. А порох наш был еще при подкопах к Казани и Астрахани. Ныне же приготовили во множестве сосудов, по-немецки - гранаты, что б защитники Пскова кидали кувшины с зельем. Так мы, псковичи, Литву от стен отобьем - бросая в них зелье-порох в кувшинах. Также смолье зажигать, в них метать готовимся. Также кипяток с калом в котлах разогреваем, аки зелье в кувшинах, в них метати и лити, чтоб смердело (*смех*). Также сухую сеянную известь приготавливаем польско-литовскому воинству в - бесстыдные очи их засыпати и всяким образом против приступов их готовимся.

Иван Шуйский. И такую благостью Христовой против приступов их крепко и благонадежно изготовимся.

Воевода Бехтерев-Ростовский. Воевода князь Иван Петрович Шуйский, видит градоупорная Литва, что ничем нас особым не берет, то хотярия свое улучшить желая, на зело напорном совете совещаюсь, решили каменную стену подсекасти. От сией Покровской башни на Угольную до Водоносных Покровских ворот от Великой реки октября двадцать восьмого день, прискача литовские гайдуки и градоёмцы и каменосечцы под градовую стену и, необычными сотворенными щитами закрываясь, почали каменную стену подсекасти кирками и всяким металлом и делательным запасом, абы вся стена с той стороны подсеченная их ради, на Великую реку повалилась. Подле той же стены деревянные стены укрепления ради у каменных стен поделаны - те огнем сжечи хотят. В те поры из-за Великой реки из наряда по всему народу в городе, в тех местах стоящему, стреляти умыслили и сим город совершенно взяти чают. Потому я, воевода князь Бехтерев-Ростовский, велел дьяку пушечного приказа Лихачеву, ведающему также и кузнечным делом, изготовить нечто против градоёмного подсечения. Хай о том дьяк Лихачев скажет.

Лихачев. Истинно, государевы бояре воеводы, по повелению вашему против их подсечения надобно зело частые окна провертели сквозь деревянную и каменную стену. Из тех окон умысливши из ручниц по них стрелять. И копи колоты, так уж и смолу горячую, и деготь, и вряток, сиречь

кипящую воду с калом, на них лить. Тако же лен просмолив зажигательный в них метати, тако же кувшины с зельем.

Иван Шуйский. Быть посему. Литовские же гайдуки, видя, что сию же стену подсекати невозможно, от огня и дыма потерпевши, скоро зельным бегством от стены побегут. На тех же скорых литовских гайдуков скорогораздые московские стрельцы с долгими самопалами изготовлены, яко ни единому не дадут утечти.

Скопин-Шуйский. Государевы бояре и воеводы, а что поделати с теми польско-литовскими гайдуками, которые глубоко под стены подсеклись, так что и без щитов возможно подсекати, и водолитием же и огнем запалены, выжигати не вмещается?

Лихачев. На таковых бестужих благомудренны государевы бояре и воеводы с вашими мудрыми христианскими того советники по градоукреплению, умысли наши умельцы, пушкари, кузнецы Тренька Бешерев и Шаранька Семенов. Пусть идут пушкари. *(Входят пушкари и кланяются, держа в руках железные кнуты.)*

Иван Шуйский. Кто таковые, молодцы?

Тренька Бешерев. Государев воевода князь Иван Петрович Шуйский! Бьют тебе челом пушечного двора кузнецы, холопы твои Тренька Бешерев да Шаранька Семенов. Ныне мы, пушкари, обязались быти на городе и нарядились у пушек-пищалей неотступно день и ночь. А велел дьяк пушечного приказа Лихачев ухитриться против Литвы, то в кузнице сии кнуты изготовили, поскольку многие пушкари тако ж и кузнецы. Поддай-ка, Шаранька, государеву воеводе кнут железной!

Шаранька Семенов. Государев боярин и воевода, кланяется тебе холоп твой Шаранька Семенов. Поскольку повеление против градоемного подсекания ухитриться, то изготовили великие кнуты. А те кнуты подобно надобно на шести навязывать, и по концам же привязывати железные пуги с острыми крюками, и сими же кнутами из-под города за стену против литовских подсекателей ударять пугами же теми и острыми крюками, яко ястребиными носами из-под кустов на заводах утят извлекают. Кнутьями же железными, крюками литовских хвастливых градоемцев за ризы их с телом захвативши, теми их из-под стены вытягивать. *(Смех.)*

Иван Шуйский. Добрая придумка! Стрельцам же нашим яко белым кречетам сладкий лов! Ну, из рушниц телеса их клевать и никоим образом Литве утекати не дать! Добрая придумка! Откуда родом, молодцы?

Тренька Бешерев. Государев воевода князь Иван Петрович Шуйский, сельцо Заозерье мое кузнечное. Из восьми дворов платим помещику Воронину оброк натурой сорок прутов железа. Кричное железо изготовляем и куем пруты.

Шаранька Семенов. Государев воевода, у нас в селе Пилола пятнадцать дворов, девятнадцать кузнецов работали, также имели одиннадцать домниц, да платили брязгу за аренду рудных залежей дворцову приказчику. Ныне же бездомны беженцы. Сей край ныне потерян, ушел к Швеции.

Иван Шуйский. Тяжкие беды переживает Русь! Однако, ежели постоим, отстоим Псков, то и иные потери по Божьему благоволению возместим. Отстоим ли Псков, молодцы?

Тренька Бешерев. Отстоим, государев воевода князь Иван Петрович Шуйский, и прославим всех жителей Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Пречистую Его Матерь! Сии же бедные литовские градоемцы, гайдуки и каменщики, и их гордые воеводы, потерпев, к королю своему побегут от нужды, сердце с плачем глаголя: «Да повелит твое величество, государь и король Степан, яко бы нам всем от меча твоего умереть, а не вели под замком Псковом побиваемым быти, зело крепко гораздо из замка Пскова биться русские люди и изрядно гораздо мудры начальники их гетманы против всех наших замыслений, и никоим образом воспрепяти им не можем!»

Иван Шуйский. Так и случится. И воздадим хвалу Богу и Троице славимой. Идите, молодцы, и тщитесь по обороне государя и отечества! *(Обнимает пушкарей.)* Выдать каждому пушкарю по рублю наградному да по два пуда соли, хлеба двадцать коробей ржи, двадцать коробей овса.

Шаранька Семенов. Покорно благодарим за милость. Уж мы за то потщимся! *(Кланяются и уходят.)*

Иван Шуйский. Дьяк Саввей Тимофеевич Булгаков, отписано ли польскому королю на его детское посмеяние?

Булгаков. Отписано, государев воевода Иван Петрович Шуйский, таким образом. *(Достает бумагу, читает.)* «До вести твоей покориться тебе и всему твоему державству, гордый польско-литовский начальник король Степан, яко и пяти лет во Пскове христианский отрок посмеется твоему безумию и твоим глупым правосоветникам! Какая польза человеку возлюбити тьму паче

света, или паче чести бесчестие, или паче свободы горькую работу? Коли нам оставите свою христианскую веру, то покориться нам вашей презябной или кое приобретение и почести оставити нам своего государя, православного великого христианского царя, и покориться иноверному, чужеземному и быти яко жидом. Наипаче и хуже, ибо они бо не зная или по зависти Господа Славы распяли! Нам же, зная своего православного государя-царя, под их же царскою властью и прародители наши родились, его, царя, оставити? Или ложною лаской и лестью или суетным богатством прельстить нас хотите? Сего мира не хотим богатства против крестного целованием, коль государю своему доверились. Или, король, сими поносными и горькими смертями претишь нам? Ежели Бог по нас, никто же на нас, все готовы умерети за свою веру и за своего государя. Не предадим города Пскова! Не покоримся прелестным твоим глаголам! Ни один малоумный в городе такого совета не возьмет! А от чиновных же мужественных во Пскове мужей ни один слух о том твоём безумном мышлении, чтоб покорились, не примут. Мы готовы с тобой на брань, кому над кем Бог одоление покажет!»

Иван Шуйский. Потрудимся же, братья, ратным трудом Бога ради и государя нашего всем сердцем без лениности ратной! *(Крестится. Все крестятся.)*

Занавес

Сцена 91

Псковская улица на углу между Покровской и Свинской башней. Густой темный дым, освещенный отблесками пламени, застилает всю округу. В дыму мелькают силуэты людей. Слышны крики, плач.

1-й *(кричит)*. Бьют по городу из наряда!

2-й *(кричит)*. Весь Большой Посад горит! *(Новый сильный взрыв. Со свистом летят кирпичи. Люди падают на землю.)*

3-й *(падает, кричит)*. Стены рушатся, то от Господа наказание! Пропали мы! *(Новый взрыв, летят кирпичи и горящие куски дерева.)*

1-й *(приподняв голову)*. Далеко кирпич разносит и дранку горящую срывает со стен! То стены рушатся, где хранится зелье пушечное.

2-й. В церкви бы надо укрываться, церковь - единый оплот спасения. *(Крестится.)*

1-й. И церкви не спасут. У их стены трескаются от жара. Огонь проникает внутрь, святые иконы горят. Где уж нам, грешным, укрыться! Пропали мы! *(Плачет. Проходит женщина в обгорелой рубашке.)*

Женщина *(зовет)*. Ивашка! Сынчишка! Не видали ли Ивашку-сынчишку? Бунком зовут, ростопчею звали, полтиною зовут!

3-й. Умом тронулась.

Женщина. Ивашка! Сынчишка! Полтина! *(Скрывается в дыму.)*

4-й. Много народу побито али сгорело, а Литва не унимается. Бьют по городу беспрестанно из нарядов.

2-й. Теперь, вроде бы, притихла Литва, можно взятися. *(Поднимается.)*

1-й *(поднимается)*. Как того же месяца сентября в седьмой день почавши бить из наряда по городу, чул я, из трех туров и из двадцати пищалей, и бьют по городу беспрестанно весь день до ночи с малым перерывом уж которое время, тако же и ныне. На утренней пять часов беспрестанно из наряда бил и выбил у города, чул я, городские стены 24 сажени до земли.

3-й. Господи Иисусе! *(Крестится.)* 24 сажени уже выбито!

1-й. Истинно так! До Покровской башни всю до земли, до Свиной наугольной башни захаб - пристройку, которая прикрывала вход в крепость и защищала крепостные ворота.

3-й. Так и ворота сами выбьют! Как же нам в осаде сидети? Не можем мы, черный народ, в осаде сидеть! Хай бояре сами сидят, ежели желают!

1-й. Захаб весь до земли, до Свиной башни. Половину до земли уже сбивши, да местами стены крепостные сбивши. Чул я, 69 сажений с нее же сбивши!

3-й. 69 сажений! Не можем мы в осаде сидеть себе на погибель!

- 1-й. Сии же избившие городскую стену во многих местах изломавши, и сим же королю своему известивши. Он же, король, вельми о сем радостен был и повелел своим гетманам и ротмистрам, и своим гайдукам и всем воинским людям и себе на раде Пскову покориться, а кто не покорится - побить.
- 4-й. Народ православный, истину тут говорят! Польский король под нас могучую свою собранную силу посылает, совокупе на нас подручных своих, царей, и королев, и князей, и владетелей 12 земель!
- 3-й. 12 земель идет против нас!
- 4-й. А воинских людей в переписанной своей рати - 200 тысяч, окромя поморских и кофанских черных мужиков. А люди с иных христианских земель - с ними заодно. Многие немецкие люди, градоемцы преступные, подкопные мудрые вымышленники, славных многих христианских государств умышленники - гишпаны, французы, из Венеции великая, из Стекольна, из Фригии...
- 3-й. К воеводе князю Ивану Шуйскому послать надобно сказать, что хотим мы довольно скорую сдачу, а не согласен - сами ворота откроем.
- 4-й. У них, поляков, с артиллерийским нарядом, иноземные панерцики, которые умеют делать всякие преступные мудрости, и ядра чиненные огненные, и иные мудрости умеют. А пушек стоит против множество на земле и на баштах. Башти - шесть саженей вверх и высоты с нарядом.
- 1-й. У Литвы с Польшей пушек тьма, а ядра у них велики, в пуд, в полтора, в два пуда, да мелкого наряда много - всяких пушек и тюфяков картечных.
- 3-й. Не можем мы стояти против такой силы, разве что себе на погибель!
- 5-й. Народ православный, псковичи, за что погибать-то? За что терпим? Разве мало нас царские бояре, правители царские мучили? Помните ли, как, не получив управы в городе, мы, псковичи, за царем Иваном послали в Москву 70 ходоков жаловаться на наместника его, князя Турунтая-Пронского? И я, Иван Матвеев сын, псковитянин, среди тех ходоков был. Мы, жалобщики, нашли царя в коломенском селе Островки, куда он по обычаю выехал на прохладу показати себя, потешиться.
- 3-й. Мы тут страдаем, а он ныне, видать, тоже тешится!
- 4-й. Государь остался недоволен, что мы своей бедой его обеспокоили. Опалился на нас, псковичей, нас бесчестовал, обливаючи вином горячим, палил бороды и волосы свечою зажигал, и повелел покласти нас, нагих, на землю.
- 3-й. Чем за таким царем, лучше за литовским нам, псковичам, быть, лучше за польским королем быть.
- 5-й. Мы не холопы, мы - посадские городские люди черносошного севера, лично свободны. За что мы должны нести государево тягло?
- 1-й. Как Микола-Свята, юрод псковский, его обличил, когда после Новгорода Псков пришел громить, так и нам надобно. Царь не пожелал пощадить Псков. Прежнему Печерскому игумену, вышедшему навстречу царю с крестами и иконами, отрубил голову, ограбил церкви, снял колоколы и увез в Слободу, забрал прочую церковную утварь. Перед отъездом отдал Псков опричникам на пограбление, да Николу-Свята не допустил. *(Крики.)* Народ правду говорит. Во дворец послать надо к воеводе, чтоб с поляками докончание делал, сиречь мирно. Не хотим быть затычками царя! Требуем, чтоб было соглашение.
- 2-й. Уж сами воеводы к нам идут! Смотрите, Иван Петрович Шуйский со Скопиным-Шуйским! *(Входят Иван Шуйский со стрельцами.)*
- Иван Шуйский** *(кричит)*. Что за воровство?! Враг обложил Псков, желая православию погибель, вы же тут воруете!
- 4-й. Не ворует мы, князь Иван Петрович, тяжко стояти нам против великой вражьей силы.
- 1-й. Почали они уже, поляки с Литвой, к нам метати ядра огненные чиненные и всякие немецкие нарядные мудрости применяемые. Тем они нам чинят тесноту великую, ни на един час не дают покоя нам, окромя малого времени, а после тех ядер огненных вымыслили они над нами умом своим осиловать нас приступами да ступать прямым боем, и не можем мы далее стояти.
- 2-й. Такое наше бессилие, не можем в руках своих никакого оружия держати!
- 3-й. Примирения с королем польским хотим!
- Иван Шуйский**. Народ! Кто в безумии своем царскому титулу изменит, царь и князь великий повелит тех людей поймать и казнить.
- 5-й. Мы не царские холопы, мы - черносошные северные люди! Хватит уж нас тиранить и казнить!
- Иван Шуйский**. Ухапите их! *(Указывает на кричавших. Стрельцы хватают их.)*

1-й. Хватают виновных и невинных, мучают их, бросают в ров, а кто молвит просто, что невинно мучим, и того прихватят глаголяще: и ты такой же, за изменника стоишь.

Крики. Правду говорят, невинно нас мучают! Не хотим более мучений сих!

Скопин-Шуйский. Не разойдется добром - залпами разгоним! *(Командует.)* Стрельцы, фитиль зажигать, первый ширень готовь! Вторая, заряжай!

Женщина *(вопит).* Смотрите, нас, православных, бояре побить хотят!

Скопин-Шуйский. Залп! *(Стрельцы стреляют. Несколько человек из толпы падают. Крики, плач.)*

Иван Шуйский. Православные ли вы? Не изменники ли православные? Вас, видать, Литва да жидовствующие подстрекают! Да вы, изменники, с ними заодно! Вот они, православные! *(Слышно пение. Появляется крестный ход во главе с протопопом Лукой и игуменом Тихоном.)*

2-й *(кланяется).* Не изменники мы, государь, бояре и князь Иван Петрович Шуйский! Сила против нас великая идет! А страшимся мы за жен своих, за детей своих. Они же, поляки с Литвой, напорно и дерзко и надежно к городу идут, яко многая вода к городу льется. Страшилищами же своими яко волнами морскими устрашаются, саблями же своими яко волнами бесчисленно на город сверкают!

Иван Шуйский. Вы бодритесь! Против их силы свою поставим! Мы ж, государевы бояре и воеводы, со всеми воинскими людьми и со стрельцами, коим приказано в тех местах быти, все наготове стоим, из наряда же из много по вражьи полкам стреляти. Так мы сделаем, воины православные?

Стрелецкий голова. Истинно так, воевода государев и князь Иван Петрович Шуйский! Из наряда по полкам польским беспрестанно стреляючи, бесчисленно же многие люди польские и литовские из наряда побиваючи, и нами поля устилаючи.

Иван Шуйский. Также и о Божьей помощи помыслим! В живоначальной Троицкой соборной церкви, освящают собор с плачем и со слезами, с воплями многие молебны постоянно совершают. Об избавлении города Пскова Бога молим. Ныне же слово богомудренно, мы, государевы бояре и воеводы, и воины, и народ псковский с печерским игуменом Тихоном и с протопопом Лукою крестным ходом обходим около всего города Пскова с уестны кресты и своими чудотворными иконами. Кто истинный православный и верен царю и Отечеству, пристаньте к крестному ходу!

2-й *(тихо).* Все одно погибель, от ядра ли польского, от пули ли стрелецкой. И я пристану. *(Крестится и присоединяется к крестному ходу. Многие из толпы тоже пристраиваются.)*

Протопоп Лука. Народ православный! Польша и Литва, приближение свое до Пскова увидевши, яко несъятый ад, пропастаны свои челюсти раскидала и оттоле град Псков поглотити хочет. Спешно и радостно ко Пскову, яко из великих пещер, лютый великий змей летит, страшилищами же своими яко искрами огненными дым, темень на Псков пускаючи. Не долетел, но в утробе у себя того Пскова хочет иметь, обложил осадой. Аспиды же свои и приближенные змии и скарабеи велики той польско-литовский король насытити хвалится. А блеванием утробы своей лишь насытит. И такой, яко змий на крыльях на Псков-град летящий, сего горделинства своим, яко крылами повелевати хочешь здесь змеиными, языками своими всех, живущих во граде Пскове, яко жалами, умирати заставить мнит. Все же в нем благое во своих адовых утробах, во свои польские и литовские земли отнести хвалится. Оставшиеся же живые люди, яко сокровища на хоботях по себе в дома свои принести глаголит. И таков победитель-змий мнит надо Псковом быти. Молитесь же, шествующий псковский народ, мужи, и жены, и с малыми младенцами, с плачем и рыданием о избавлении города Пскова. *(Народ молится и плачет. Слышен свист ядра и грохот.)*

2-й *(испуганно).* Снова из наряда бить почали! *(Крестится.)*

Игумен Тихон. Братья, то высокогорделивый король Степан распяемым сердцем разгордения своего неутолимой утробе вред свой лютость горлом и языком наружу изрыгает. *(Свист ядра и взрыв. Ползет дым.)*

Иван Шуйский. Други! Пришло время нашему подвигу! За Русь Святую! За Отечество наше! За государя и великого князя Ивана Васильевича и за его государевых детей и за все православное христианство, дабы Господь Бог отвратил праведный свой надлежащий гнев грехов ради наших на все православное христианство и призрел бы Господь неизреченным своим милосердием на то честное место, на город Псков, и не предал бы Господь Бог его в руки врага, насилующего во Христа верящий народ. Аминь. *(Народ молится.)*

Тихон. Тако же и на пост, и на коленное преклонение, и беспрестанное к Богу моление, и чистоту, и целомудрие, и братолюбие, и на все благие деяния детей своих духовных призываю и научаю и

повелеваю. Тако мир и благословение нам дается и торжество над насилующим врагом настоящее да благое. Аминь. *(Молится.)*

Казак. Православные казаки с Дона, Васька Пронец, а пришли мы для сидения осадного во Пскове, а в сидение свое осадное имеем мы крестный пост в сии поры, и моления великие, и чистоту телесную и душевную. Многие из нас, искусные в осаде, видели во сне и вне сна Жену прекрасну и светлу локоном в багрянице светлой на водности стоящей посередине Пскова. То Мать Божья Новгородская. Нас Мать Божья Богородица не продаст в руки поляка и литвы, латынам да лютерам. *(Новый взрыв. Все застигается дымом. Крики. Народ разбегается. Несколько мертвых лежат неподвижно. Стонут раненые.)*

2-й *(держась за окровавленный живот)*. Прихватило в стегно. *(Хрипит.)* Бедю обстеган. А земля красивая, добрая у нас. Зеленый парк, выгон хорош. Место же мое на Уняжском погосте. *(Хрипит.)*

Скопин-Шуйский. Государев воевода Иван Шуйский, сейчас ударят поляки боевым порядком со всех сторон из лесов, через все ворота по полкам христианским. *(Пушечные выстрелы.)*

Иван Шуйский. Против проломного места, где стену деревянну сотворили со многими бойницами, наряду изготовится против приступа литовской силы.

Скопин-Шуйский. Через ров им не пройти. Промеж обеих стен, каменной и деревянной, где ров выкопан, поставлен дубовый острый чеснок. Также по всему пролomu в башнях многочисленный острый чеснок.

Иван Шуйский. Повсюду надобно чеснок разбросати, железных рогулк для засыпки бродов, перелазов и прибрежных спусков, чтоб мешать движению королевской конницы.

Скопин-Шуйский. Сей приступ, чую, пробный. Его выстоим, а для большого приступа подкрепление бы надобно. *(Взрыв.)* То из прежних наших шанцев стреляют, из стана нашего прежнего.

Иван Шуйский. Оттуда в первоочеред избить надобно. *(Новый взрыв.)* Отпишу государю в Александровскую слободу, суждено потерять нам под Псковом русских голов своих многие тысячи, а не видать полякам с Литвою Пскова вовеки. *(Крестится. Все крестятся.)* По отписанию же к государю от его государевых воевод из осады подкрепления просить буду для отстояния города Пскова от короля Батория, ибо тяжко без подкрепления сидеть в осаде. *(Свист ядра, взрыв. Все застигается дымом.)*

Занавес

Конец десятого действия

ДЕЙСТВИЕ ОДИНАДЦАТОЕ

Сцена 92

Александровская слобода. Теремная палата царя. Царь Иван, наследник Иван Иванович и Годунов принимают бояр - Никиту Романова, Ивана Мстиславского, дьяка Щелканова. За столом с делами толмач итальянский Тетальди и приказной дьяк Оладья.

Иван Мстиславский. Государь милостивый, октября 22-го сего 1581 года от Рождества Христова Дума вынесла решение об уступке Ливонии и скорейшем заключении с Речью Посполитой перемирия.

Царь Иван. Я с Думой согласен. Давно уж говорю, помириться бы со Стефаном, польско-литовским королем, и стати на шведского Юхана III и со шведами не замиряться. Щелканов, ежели будет спор о титулах, то, чувствуя свое превосходство над выборным королем, я соглашусь, чтоб в перемирной грамоте меня именовали без царского титула. И без высокомерного рассуждения ясно: истинного государя как ни пиши, он истинным государем останется. Так ли?

Годунов. Так, государь милостивый. Которого извечного государя как ни пиши, его, государя, во всех землях ведают, какой он государь.

Иван. Однако, в то же время не хочу уступать Баторию титул государя лифляндского, поскольку собираюсь бороться за Нарву.

Щелканов. Государь, но поляки требуют не наступать на Нарву. В сем Баторий со шведским королем заодно.

Никита Романов. Государь, Дума приняла решение о перемирии с королем польским, исходя из тяжелого положения нашего Отечества. Баторий вернул полякам литовскую территорию. Он отрезал тебя, государя, от Лифляндии и подчинил ее Польше. Он лишил Москву всех плодов ее побед. А на юге, государь, татары делают набеги.

Мстиславский. Государь, мы в Москве, в Думе, поняли: дело проиграно. Шведы взяли Нарву, Гапсаль и весь берег моря до реки Нарвы и города Карелы. Теперь свой следующий удар Баторий направил на Псков. Польские казаки из-под Пскова уже добираются до окрестностей Ивангорода и грабят местное население.

Иван. Но на московской земле Баторию будет мало удачи. *(Нервно ходит)*. Псков отразил все приступы, и король подо Псковом остался на зиму. Годунов, есть ли ныне известия от воеводы Ивана Петровича Шуйского?

Годунов. Государь милостивый, он снова просит подкрепления. Поляки готовят большой приступ, а многих множество людей убито и ранено в прошлые приступы.

Мстиславский. Государь, внутренние силы для борьбы Москва быстро теряет. Сил нет. Мы в Думе много раз говорили, что в последние годы были явно заметны признаки истощения средств для борьбы. То видно хотя бы в том, что год назад по твоему велению пришлось ограничить вотчинные права и льготы духовенства.

Иван *(сердито)*. То ли дурно? От роста церковного землевладения воинскому чину оскудение приходит велико. *(Нервно ходит)*. Не только лишь у нас от долгой борьбы оскудение. И в Швеции оскудение. Так ли, Годунов?

Годунов. Истинно так, государь. В Швеции, по доносам, положение все безотраднее год от года. Неурожаи, народ голодает. Вымирают целые деревни, начались заразные болезни. Смертность достигла небывалой суммы.

Иван. То-то! Наши города им держати мало удобства. Неродивая земля требует подвоза хлеба и фуража. Нарва потеряна, да торг с Балтийского переведен на Белое, в Архангельском городе. *(Нервно ходит)*. И Нарву заберем, ежели закрепим с Баторием перемирие. Щелканов, как идут переговоры с поляками в Запольском Яму?

Щелканов. Туго, государь. В Запольский Ям близ города Порхова ныне поляки приезжают редко, а в приезды свои те же условия ставят: условие передачи Баторию всей Лифляндии и городов, завоеванных Москвой у Литвы.

Иван. На те условия надо бы соглашаться. Все одно, те города уже потеряны. Для тех переговоров специально выписал сюда, в Александровскую слободу, итальянского толмача Тетальди. Скоро ли, Тетальди, папский посланник иезуит Антонио Поссевино явится?

Тетальди. Он уже в пути, ваша светлость, государь. А под Псковом в королевском лагере вел переговоры с королем. Баторий у побежденной Москвы требует вынудить обязательство не посылать войска в Эстляндию и не добиваться тех городов московских и ливонских, которые захвачены шведами.

Царевич Иван Иванович. То означает прекращение войны со шведами.

Тетальди. Истинно так. Договор о перемирии на три года на основании *uti possidetis*³¹.

Иван Иванович. Батюшка, но то означает сдачу, по-немецки капитуляцию. А не позорно ли, батюшка, обирая свое православное духовенство, не доверяя ему, вести переговоры с латынами через посредника, папского посланника, римской веры попа, иезуита?

Иван *(недовольно)*. Опять ты, Иван-сын, неразумно говоришь, опять кем-либо подучен!

Иван Иванович. Батюшка, никем я не подучен, от сердечной тоски говорю, а ночами Пресвятую Богородицу, милостивицу и заступницу, в чьих руках судьба отечества нашего, молю, и тебя, батюшка, в который раз молю: дай мне войско! Ввиду осложнения военной обстановки я, царевич, наследник русского престола, настаиваю на необходимости сильных военных мер. Прошу тебя, отца, послать меня с армией под Псков, чтоб дать отпор полякам. Под Гдовом пятитысячная армия сосредоточилась и ждет меня, сына, наследника царя и великого князя, с другим отрядом для нападения на королевский лагерь против Батория.

Иван *(сердито)*. Нет, Хвостов с Мясоедовым со стрельцами пробьются в осажденную крепость. Не тебе идти туда!

31 *uti possidetis* (лат.) - «*поскольку владеете*» или «*чем владеете, тем и владейте*»; принцип сохранения существующего положения вещей.

Иван Иванович. Батюшка, я не мальчик. Мне, царевичу, 27 лет, уж который раз говорю. Зрелый возраст, давно многие считают меня соправителем твоим, отца.

Иван (*сердито*). То мне ведомо. Когда весной 1579 года от Рождества Христова тяжело заболел, то, надеясь на выздоровление, вызвал сюда, в Слободу, бояр и высшее духовенство, объявил своим преемником тебя, старшего сына Ивана Иваныча. Близкая кончина меня, царя, предвещала большие перемены да у многих вызвала радость. То мне ведомо. Все взоры были тогда в сторону наследника. Двор стал центром сложной придворной игры. Кто только ни приезжал к тебе клясться в верности! И ты, Годунов, приезжал!

Годунов. И я, государь, приезжал. Государство не должно быть без царя, а мужественная крепость царевича нас, верных слуг, покоряет.

Никита Романов. Все люди, государь, перед Богом смертны, и ежели б случилась твоя преждевременная смерть, то царевич заменил бы тебя, государя.

Иван Иванович. Батюшка, чую, что могу постоять за Русь подо Псковом!

Иван. Ты, царевич, требуешь от меня войска против поляков ли, не против меня ли? (*Нервно ходит*).

Споры в нашей царской семье давние, со многими твоими упреками давними. Ты, наследник, упрекал меня, царя, за бездеятельность, говорил, что сам предпочитаешь доблесть любым сокровищам. При осмотре царской казны заявил мне, отцу: хоть ты имеешь немалые сокровища, а у короля польского их нет, однако он тебя воюет. Так же ведь говорил, я помню!

Царевич Иван. Истинно так сказал, батюшка, не отпираюсь. Действуя против Батория, Москва давно уж не насылает полевых армий, а встречает его гарнизоны. Сам же ты, государь-батюшка, со своим двором лишь издали наблюдаешь за действиями врага.

Царь Иван. Так-то вновь мятежно говоришь! Недаром женился на сей Шереметьевой из мятежного ненавистного рода! (*Нервно ходит*). Как же править, если я, царь, не могу положиться на тех, кто меня окружает! Даже сын с отцом в несогласии! (*Нервно ходит*). Знаю, что ты пользуешься большой любовью у земщины. Все недовольные связывают надежды на перемены в государстве с твоим, наследника, именем. Я, царь, имею основания негодовать на тебя, царевича, за твое влияние, за слишком хорошее о тебе мнение черни. Но я, царь-самодержец, не потерплю никакого ослушания и самостоятельности со стороны тебя, хотя бы и взрослого сына, и возникшие разногласия, как и прежде, буду решать старыми обычными домашними средствами. (*Кричит*). Палкой решать буду!

Царевич Иван. Батюшка, я забочусь не о власти, а о спасении отечества.

Мстиславский. Государь царевич, из долгой борьбы за Балтийское море Москва, отечество наше, вышла побежденной и ослабленной. Оттого, умоливши Бога, Дума наша, совет учредивши, решила сделать перемирие.

Царь Иван. Иван-сын, мыслишь, мне, царю, сие не скорбно? Сколько скорби я, царь, принял за свою страну! Ныне ж она, страна, Московское государство, уже не то, что в начале Ливонской войны. При первом походе на Ливонию, походе на Полоцк, было у меня великое количество ратных сил. Идя к Полоцку, московские войска потерялись по дорогам от своего многолюдства, и мне, царю, потребовались усилия, чтобы восстановить порядок в воинских массах. Когда же ныне Баторий наносил свои удары Полоцку, Великим Лукам, Озерищу, Пскову, у меня, царя, нет чем выручить крепости! За грехи истощились средства для борьбы. Дьявольскими ухищрениями, изменами, мором да прочей бедой подточены силы и боевая способность страны. Оттого нуждаемся мы в передышке, сиречь перемирии.

Царевич Иван. Батюшка, тяготы Великороссии велики.

Царь Иван. То разумею, Иван-сын. Разброд населения, запустение государственное. Замыслы мои были великие: татарский замысел, балтийский замысел, борьба за Ливонию и Финское побережье... Однако, замыслы мои извращались неразумными и нечестными людьми, к которым имел я по слабости своей излишнее доверие. Недруги здешние и зарубежные говорят: опричнина - безумная затея тирана. Я ж замысливал вывод удельных землевладельцев с их вотчин и передачу земли в пользование мелких служилых людей, новой силы, помещиков, дворян, детей боярских, опоры самодержавности и единства отечества. (*Ходит*). Милые мои, знаю: я - человек весьма грешный. Той же человек грешный примет помыслы от лукавого беса. Однако, и в самую мрачную пору неудач, и грехов, и безумств, то не было лишь время унылого бездействия. Делалось местное

управление, поместные подати, обеспечение служилых людей, заселение дикого поля и укрепление южных границ, книжное дело, обучение народа грамоте. Так ли, Мстиславский?

Мстиславский. Истинно так, милостивый государь. И мы в Думе тщились, великие замыслы твои чтоб удавались.

Иван. Я затеял Ливонскую войну за право морских путей в Балтику. Недруги здешние и зарубежные говорят, будто по трусости и ничтожеству я дал торжествовать умелому врагу Стефану Баторию. Но не он торжествует надо мной, но грехи мои и беды, лишившие меня, царя, средств продолжения войны. Баторий же бьет ныне лежачего врага, не им поверженного, но для борьбы с ним утратившего силы.

Щелканов. Государь, наши в посольском приказе добыли выдвинутый шведским королем Юханом III план разгрома и расчленения России. Понтус Делагарди получил указание воспользоваться недовольством новгородского населения, занять Новгород, затем Псков. В Финляндии многочисленная армия, включая наемные отряды из Германии, Франции и Италии. Ближняя цель вторжения - крепости Орешек и Ладога, захват Карел и Копорья. Она уже исполнена, кроме Орешка. То обеспечивает шведам удобные коммуникации для похода в глубину России. Расчет - захватить все течение Невы и отрезать Россию от Прибалтики.

Годунов. Государь, однако штурм Орешка неудачен для шведов. Из Новгорода ко времени подкрепление пришло на судах во главе с воеводой Андреем Ивановичем Шуйским.

Царь Иван. Бог нам поможет, простит грехи мои ради моего смиренного самодержавства. *(Крестится)*. Ибо принял нетленные венцы от общего всех владыки Христа. Годунов, надобно и в Псков послать подкрепление.

Годунов. Исполним, государь. Уж указано стрелецким головам Хвостову и Мясоедову.

Романов. Государь милостивый, шведы отступили, но ногайцы на юге и на востоке набеги делают. На Каме появляются и под Новосильем. Их нападения возбуждают и марийцев. Боюсь, что к лету будущего, 1582 года бунт не охватил бы весь Казанский край.

Мстиславский. Государь, при осаде Орешка шведами боярская Дума уж утвердила приговор о зимнем походе на марийцев и луговую черемису. Но небольшие отряды не дали результатов.

Иван. Надобно двинуть сей зимой в Казань большие силы с воеводами Хворостининым и Бутурлиным.

Годунов. Государь милостивый, воевода Хворостинин занят делом с поляками подо Псковом.

Иван. То запоматывал. Любой ценой надобно отстоять Псков. *(Нервно ходит)*. Чего шведы добиваются?

Щелканов. Государь, шведы добиваются уступки побережья Финского залива с устьем Невы. Мирные переговоры на реке Плюссе результата пока не дали.

Иван *(нервно ходит)*.. Надобно отстоять Псков, тогда чаемое дело совершится и со шведами, и с казанским краем. Где ныне Баторий?

Годунов. По известию от воеводы Ивана Петровича Шуйского, им заняты псковские пригороды Красный, Себеж, Опочка.

Иван. То уж почти что Псков. Пригороды тянутся к Пскову. *(Нервно ходит)*. Кто для написания грамот?

Дьяк Оладья *(кланяется)*. Я, великий государь, для написания, дьяк Оладья.

Иван. Пиши. *(Ходит, диктует)*. По отписании же государю, и от государевых бояр, и от воевод, из осаду Пскова, вместо убитых и раненых в первый приступ людей в прибавку прошено осадных людей на отстояние по бозе града Пскова от множества польско-литовского короля. Благоверный царь, государь и великий князь Иван Васильевич Всея Руси, все слыша во своем царском величестве, во своих стрелецких приказах повелевает на осаду в прибавку сквозь польско-литовскую силу пройти в Псков-город голове стрелецкому Федору Мясоедову со своим приказом, со стрельцы.

Годунов. Государь милостивый, что стрелецкий голова Хвостов?

Иван. Хвостова пошлем на черемису луговую и ногайцев. *(Ходит)*. Сил мало, милые мои, однако с нами Бог. Сказано: если Бог с нами, кто против нас? Сотворена ли грамота ко всему народу православному, как нам, православным, против латинской и лютерской веры и против польско-литовского короля стоять?

Оладья. Сотворена по повелению и за руками Дионисия митрополита и боярской Думы, всех чинов за руками. *(Подает грамоту)*.

Иван (*берет грамоту*). Сию грамоту чтоб на всех крестцах бирючи кричали для народа. (*Читает*). Грамота за митрополичьей, и за архиепископа, и всего освященного собора, и за боярскими, и всех чинов людей руками, и за властительскими печатями при царе и великом князе Иване Васильевиче Всея Руси, как ему, государю, против польско-литовского короля Степана Оботура стояти. А писана об одном деле, одна на латыни, а другая по-шпански. А привез те грамоты посланник от английской королевы Антон Дженкинсон. А послан он был к персидскому шаху. (*Берет грамоты*). Что то писано? Что за нестроение?

Оладья (*испуганно*). Государь милостивый, ласковый, листы в тексте перепутаны. Брал в посольском приказе посольские дела всякие... А что разобрали, тому роспись... В большом окованном коробе первый ящик деревянный - грамота, записи целовальные, грамоты посольские, грамоты докончальные.

Иван (*в яростном гневе*). Выжлец! Собака! Зашибу! (*Бьет несколько раз дьяка по спине и голове посохом*).

Оладья (*утирает кровь с лица*). Пощади, государь! Не я один писал! Дьяк Гаврила Буда писал, можайский дьяк Колударов писал. Грамота не докончателная, черная, в тетратках.

Щелканов. Государь милостивый, все перепишем добро. Дьяку Болдырю Паюсову поручу, он напишет.

Иван (*Оладье*). Вон пошел! (*Еще раз бьет дьяка посохом по спине. Дьяк кланяется, торопливо уходит*). Грамотных людей нельзя найти в приказах, так оскудели! Во дворце, в казне, в посольском, каменных дел, разрядном, конюшенном, разбойном дураки сидят, всюду дураки сидят! (*Нервно ходит*). Дураки, дураки кругом! Что ни велишь, не так сделают! Все бумаги пишутся от имени государя, а дела делают на местах в московских да прочих приказах все дурно! Всюду взяточники, скуп берут, волочат дело для личного обогащения, написать грамоту нормально не могут!

Щелканов. Государь, много вздорного пишут люди беспокойные.

Иван. То-то беспокойства, то-то дела государства так дурно идут мирские и военные! Меня винят, именуют тираном, неистовым кровопийцей! Я, государь-самодержец, с теми ворами, татями, что повсюду в чинах, ничего не могу поделать! Одного казню, десять подобных являются! (*Нервно ходит*). Всюду бессудное раболепие, гнуснейшая похоть! Я - царь, а все мои царевы деяния отходят вспять. Живут в суете, а прямое смирение отринули. За что на нас Господь разгневался, положил на нас напасти великие, напустил на нас скорби великие? Я - царь-отщепенец, царь - жертва того воровства и татбы российской! В Англии я бы был просвещенный государь!

Мстиславский. Государь милостивый, позволь нам уж отъехать в Москву, да ждем тебя на заседание Думы.

Иван. Едьте, бояре, да помните, что сказал: делайте честно дело государства. Я же в среду приеду.

Романов. Потщимся, государь, тебя ожидаючи. (*Бояре и дьяки кланяются и уходят*).

Иван. Тетальди, у вас в Европе тоже столько дураков да воров?

Тетальди. Кесарь московский, и у нас немало дурных людей. Даже и среди духовных, среди монахов невежество. Иные ревут по-ослиному в церкви псалмы, не понимая их содержания. Также и интриг немало. Однако в Москве, и верно, все посуровее. Здесь даже и климат мало располагает людей к мягкости. Особенно то падение нравов видно на русской женщине. Ни малейшего воздержания, отсутствие стыда. В Москве выходят совершенно голыми из бани, женщины на улицах задевают прохожих. В Новгороде я был свидетелем такой сцены: среди большого стечения народа, скопившегося по случаю какого-то религиозного торжества, появилась из кабака пьяная баба. Она свалилась на площади в непристойной позе. Какой-то пьяный крестьянин бросился на голое тело как похотливое животное. Толпа мужчин, женщин, детей теснилась со смехом вокруг этой отвратительной пары.

Иван. Годунов, я уже указывал о публичном наказании за разврат, почему не делаете?

Годунов. Делаем, государь милостивый, сечем, да всех сечь не поспеваем.

Иван. Особое наказание для женского бесстыдства, противоречащего законам Евангелия. Так и в Европе уж давно, в Германии да прочих местах. Так ли, Иван-сын?

Царевич Иван. Государь-батюшка, знаешь ведь, у меня тут с тобой противоречие. Наши славянские законы не согласуются с римскими, германскими или скандинавскими. По славянским законам,

прежде женщины и мужчины были равны на Руси. По закону Ярослава головничество, штраф за убийство женщины, выше, чем за убийство мужчины.

Иван. Я посягнул на те пункты. В моем судебнике объявлено недействительным, что женщина может завещать мужу свое состояние. Что муж прикажет, то женщина и напишет. Таков новый закон, ибо сказано у Фалеса Милетского, сего мудреца: «Мудрец ежедневно благодарит Бога за то, что он сделал его греком, а не варваром, человеком, а не животным, мужчиной, а не женщиной». У Аристотеля мысль, что гражданам предоставляется полная власть над детьми, рабами и женщинами.

Царевич Иван. То, батюшка, идеи языческие. Они на латинском и лютерском западе весьма сильны. Как писал житие святого Антония, то дивился, поскольку язычество сильно даже у столь честного мудреца. Когда же писал житие святого князя Дмитрия Прилуцкого, то видел превосходство православных идей над латынью.

Иван (недовольно). А помнишь ли ты, в православии, Иван-сын, что сказано о повиновении родителям? Помнишь ли семейный закон православный: почитай батюшку, как Бога, а матушку, как самого себя?

Царевич Иван. Помню, батюшка, что отца надобно любить, а не почитать как грозного носителя палки и плетки.

Иван (сердито). Вижу, мысли сии тебе про меня, отца твоего, жена твоя внушает, Елена Шереметьева. Гляди, Иван-сын, сказано в давнем византийском трактате: что ни женщина, то сеть для мужей. Своим светлым лицом и глазами она производит чары. Что есть женщина? Гнездо ехидны, существо, двенадцать раз нечистое.

Царевич Иван. Батюшка, моя жена Елена Шереметьева не такова. Она, ладушка, мне любя, и меня она любит. Позволь мне, батюшка, удалиться на свою половину, ибо жена моя, княгиня Елена, на сносях, и я оттого в тревоге, хочу подле нее быть.

Иван. Иди, Иван-сын, однак, помни, что естество женское одинаково. Дело ее - молиться, есть и спать, а не советы мужу давать. Гляди, чтоб те советы дурно тебе не обернулись. (*Царевич Иван Иванович уходит*).

Царь Иван (ходит задумчиво). Не люблю семью Шереметьевых. Не допускаю ее членов на дворовую службу и подозреваю их в крамоле. Мне весь род Шереметьевых противен. Сын ведь женился самовольством, сам Елену Шереметьеву выбрал. Из четырех братьев Шереметьевых, а все они имеют боярский титул, старший, Иван Васильевич Большой, побывал в тюрьме за измену, подвергся пытке и ушел в монастырь, стремясь там от моего царского гнева скрыться. Бесовский сын! Не могу без ярости вспомнить имя бесовского сына Ивана большого Шереметьева, в иночестве Ионы! Он изменнически сносился с крымским ханом, так ли, Годунов?

Годунов. Государь милостивый, те обвинения исходят от Нагого, а так ли, сказать не могу. Может так, а может, и не так.

Иван (сердито). Так оно, так! Иван Меньшой и Федор, отец Елены Шереметьевой, изменнически сносятся с Крымом и наводят басурман на христианский народ. Я отца Елены Шереметьевой всенародно обвинил в изменнических сношениях с крымским ханом. Один из дядей царевны Елены, изменник, казнен по моему царскому указу. Все они кончают как изменники.

Годунов. Государь, однако ведь Иван Меньшой Шереметьев погиб под Ревелем на поле брани!

Иван. То правда. Та смерть Ивана Меньшого меня несколько примирила с Шереметьевыми. Оттого я и не слишком противился выбору Ивана-сына княгини Елены. Вместе с Иваном Шереметьевым вся плеяда сошла бояр Шереметьевых. А боярство свое они получили при Избранной раде, при попе Сильвестре и собаке Алешке Адашеве. Тем не менее, после женитьбы сына на Елене Шереметьевой и гибели Ивана Шереметьева примириться хотел, чтоб не усиливать ссору в семье. Но недоверие к ненавистному роду возродилось после пленения окольного Федора Шереметьева. Тот, единственный уцелевший дядя царевны, попал в плен к полякам и, как доносят русские гонцы, не только присягнул на верность королю, но и подал ему изменнический совет нанести удар по Великим Лукам.

Годунов. Да, государь милостивый, от посольского гонца известие: окольный Федор Шереметьев присягнул на верность Баторию и подает ему изменнические советы по поводу дальнейшей войны с Россией.

Иван. Так-то. А жена царевича доводится родной племянницей Федору Шереметьеву. Боярские измены в который раз вползают в мой царский дом! *(Нервно ходит)*. Я могу заточить невестку в монастырь, но мои руки связаны: царевна ждет ребенка и вот-вот должна родить. *(Слышен звон колокола)*. Однако, пора уж к вечерней молитве. После вечерни пойду на царевича половину. Беспокоен я: много болею, уж дряхл становлюсь. Сын же мой достиг мужественной крепости. Так не взяли бы Шереметьевы над ним власть после моей смерти во вред отечеству? Так ли, Годунов?

Годунов. Ты, государь, еще весьма силен. А сиди в царствующем граде Москве нам, православным, во благо, сиди сияющим благочестием долгие годы.

Царь Иван. Ради сего молиться хочу, дабы очистить душу, отогнать страсть и подать исцеление телу от многих болезней. *(Крестится и уходит)*.

Занавес

Сцена 93

Александровская слобода. Покои царевича. Царевич Иван Иванович и Годунов.

Годунов. Государь царевич Иван Иванович, батюшка твой, царь Иван Васильевич, послал меня и велел сказать, что весьма тревожен, что ты, царевич, чужд ему, батюшке, и придет на твою половину говорить о том.

Царевич Иван. Немало говорил прежде, а больше палкою поучал. Уже за рубежом знают про наши семейные ссоры. И Бельский, родич любимого батюшкиного приближенного, бежал в Литву да рассказал обо всем Баторию.

Годунов. Батюшка просил сказать, что весьма удручен теми ссорами. Он грешные дела свои знает. Однако, ведь он - царь великодержавный. Сказано: воля Господня будет и твоя. Яко же хочешь творить? Мы должны лишь Бога просить, да подаст нам милость царскую.

Царевич Иван. Ах, Борис, знаю я ту милость батюшкину! Аки деспот вмешивается он издавна в семейную жизнь мою! Впервые женил меня в восемнадцать лет, через три года сосватал вторую жену, во второй раз женил на дочери заурядного дворянина Петрова-Солового.

Годунов. Государь царевич, такой порядок издавна, что невест для царской семьи выбирали из дворянских семей, не принадлежащих к высшей боярской знати. И матушка твоя почившая, Анастасия Романова, была не из высшей знати. Особо же со времен опричнины из-за опасения боярских измен.

Царевич Иван. Измен ли? Не из-за того ли, что незнатную проще в монастырь отправить, а родичей в тюрьму али на плаху, не считаясь с боярской Думой? Оттого Собакины, Колтовские, Васильчиковы, Нагие, Годуновы. Быть тестем или шурином или иным родичем московского государя - невеликое счастье. Родственники одной из батюшкиных жен - Собакины - все поплатились жизнью за такую честь. Тесть мой, отец моей второй жены окольный Соловой получил крупное поместье в Шелони да возглавил дворовый разрядный приказ. После развода моего с дочерью Феодосией по батюшкиному желанию лишился поместья и думного чина. Так ему еще и повезло, что не жизни!

Годунов. Для тебя, царевич, батюшка сделал исключение. Первая твоя жена Евдокия Сабурова и третья, нынешняя, Елена Шереметьева, знатного рода.

Царевич Иван. Он и Евдокию Сабурову в монастырь заточил, и Елену Шереметьеву заточить хочет! Невестка ему не угождает - он их одну за другой заточает в монастыри, не спрашивая меня. Однако, Елену я выбрал сам, она мне весьма по сердцу, и так покорно я ее не отдам на отцовский произвол. *(Нервно ходит)*. Я знаю, что грешен. С юных лет батюшка, готовя себе замену, втянул меня в кровавые свои грехи. И я в опричнину громил Новгород, также и иные русские города, мучил на пыточном дворе. Тогда я был люб ему. Когда в прежние годы мы, отец и сын, менялись любовницами на погибель души, я был люб ему. Когда же, одумавшись, опомнившись, перестал со смирением и терпением молчать, то начались ссоры в царской семье, беспрестанно, по разным поводам, большим и малым. Когда я, царевич, наследник престола, видя успехи Батория, упрекаю отца в малодушии и хочу встать во главе армии, чтобы отбить опасного противника, он бьет меня палкой. Также когда заступился за ливонских пленников, с которыми дурно обращались. Ведь после моей грешной молодости меня надоумил Бог не оставить безнаказанно ту жестокость и

варварство. Оттого царь разозлился на меня, своего старшего сына, царевича, за мое сострадание к бедным забытым христианам, и теперь уж по всякому поводу он меня ругает и бьет палкой. Недавно побил, что я приказному дьяку дал разрешение одному дворянину на пять или шесть ямских лошадей, послал его по своим делам без ведома царя-батюшки. (*Нервно ходит*). А все оттого, что он все более испытывает ревность. Я, сын, возвеличиваюсь, так как его, царя, подданные больше его любят меня, царевича. (*Нервно ходит*). Милая родина в разорении, он же не мыслит о том, более печется о своей неразумной гордости.

Годунов. Государь царевич, царь весьма страдает о судьбе отечества и много делает для отражения супостата.

Царевич Иван. Он ли делает? Вместо отражения насевших со всех сторон врагов царь приказывает воеводам отсиживаться в крепостях, а сам, между тем, в который раз подумывает о бегстве за море и оставлении разоренной страны на произвол врагов.

Годунов (*оглядываясь*). Потихе, царевич! Не дай Бог, батюшка услышит да осерчает шибко, ибо слухи те лживы.

Царевич Иван. Нет, не лживы! Ты сам знаешь, Борис, что не лживы! Подобное безумие вызывает осуждение в Думе и при моем, наследника, дворе. Царь не оставляет свои намерения относительно Англии. Он несчастный и лукавый губитель отечества! А все оттого, что нашла на него порча, когда сбросил с себя духовные узы и ударился в разврат, приблизил развратных любимцев, поящих его ядом, смешанным со сладкой лестью: Богдан Бельский, а особо Нагой. Нагие меня не любят, делая расчет на младенца Дмитрия.

Годунов. Нагие и меня не любят, государь царевич. Эта возвысившаяся фамилия имеет во мне соперника.

Царевич Иван. Батюшка дряхлеет и болеет. Как бы Нагие над ним власть не взяли.

Годунов. Род Нагих не княжеский, и именитая знать не склонна уступать правление страной случайным временщикам. Я то понимаю и к власти не стремлюсь, Нагие же не понимают.

Царевич Иван. Царские шурины по родству занимают высокие должности, однако третий сын Дмитрий - сын от седьмого брака. Православная церковь признает лишь первые три брака законными. Потому младенец Дмитрий - не царевич, а царенок. Умри батюшка - Мария с братьями возьмет бразды правления в свои руки, и то великая беда для отечества.

Годунов. Такое не допустим, государь царевич. Ты прямой наследник!

Царевич Иван. Я, а следом за мной - сын, дитя мое от Елены. Знаю, батюшка не хочет наследника престола из Шереметьевых. Однако, сын мой - законный наследник. Елена уж на сносях и родит в ближайшие дни. А особое знамение, что родит, мыслю, на день святого Дмитрия Прилуцкого, житие которого я описал, то назову сына Дмитрием. Мой сын - истинный царевич Дмитрий. А от Нагих - то царенок Лжедмитрий. Так ли, Борис?

Годунов. Так оно по закону. У меня ангел - святой князь Борис, зарезанный вместе со святым Глебом Святополком окаянными. Оттого вижу на судьбе своей основной знак - жить по закону, не переполняя меру кровопролитства.

Царевич Иван. Да сохранил тебя, Борис, Бог от этого, ибо не попустит этому Господь, царь веков. Не кошунство ли, что свою кровавую яму, опричную столицу, батюшка сделал неподалеку от монастыря у Вологды, который основал святой Дмитрий Прилуцкий? Тот святой Дмитрий освободил князя Константина от его многолетних уз. Ими же тот был связан и скован по рукам и ногам, а исцелил своим прикосновением иссохшие его руки, так что, приехав в свое отечество, князь очень прославлял за то святого, питая к нему великое почтение и любовь, до самой своей кончины. И тут, в святом месте милосердия, в ста верстах от Москвы, на святом месте, батюшка сделал свою кровавую яму. Забыть не могу, как пытал он не так давно с особой жестокостью любимого дядю жены моей Елены Ивана Большого Шереметьева, и при мне сам велел бить, и ты бил, Борис.

Годунов. Не смел государя послушаться. Я на пыточный двор иду, лишь ежели государь велит.

Царевич Иван. Мудрого Ивана Шереметьева подверг батюшка такой злой пытке в узкой темнице с полом в остриях, что и поверить трудно. Оковал он ему тяжкими веригами-цепями шею, руки и ноги, а к тому ж еще толстым железным обручем чресла - поясницу, и к обручу велел привязать десять пудов железа, и в таковой беде и день и ночь мучил. Потом еще пришел глаголити с ним, и нас насильно привел, а тот едва дышит и полумертв оттого, что в тяжких оковах лежит, повержен

на таком помосте с острями. И то отец ли мне, то государь ли отечества? Помнишь ли, Борис, слово Златоуста, об Ироде написанное? Также убийца близких, наполняя землю кровью, испытывал он жажду крови.

Годунов (*оглядываясь*). Поберегись, царевич, не было б от батюшки ярости, несчастья для тебя и для всех нас, и для него самого. Он, государь, ныне весьма удручен и яростен от тяжелых вестей из-под Пскова.

Царевич Иван. Разве мало ему говорилось, как надо стоять под Псковом? Разве не он первый виновник торжества врагов наших, ибо он, подобно Ироду, осквернил порядок, сокрушил царство, тиран гражданам, насильник над воинами, губитель друзей! О, батюшка мой! О, царь, прежде любимый нами! Изобилие злости твоего величества таково, что уничтожает не только близких и друзей, но всю святую землю русскую! Разграбитель домов и убийца сыновей!

Годунов. Не удручай себя, царевич! Христос даст нам благодать. (*Входит Елена Шереметьева в нижних рубахах с большим животом*).

Царевич Иван. Христос уж дал мне благодать - супругу мою дивную Елену. (*Целует жену*). Добро ли тебе, приближенная супруга моя?

Елена. Тяжко мне от чреватости, жар в теле. Не топлено ли излишне?

Годунов. То, царевна, изнутри жар. Так на сносях при самом конце бывает. И моя жена Мария так носила сына Федора.

Царевич Иван. Радуйся, Елена, яко в женстве своем в единую ночь малое дерево в великое возрастешь, и износишь ты ветви и листья, сиречь жизнь, сына да наследника престола. (*Целует жену*).

Елена. Глядела на себя в зеркальце да сокрушалась. Супруг мой, царевич Иван, нехороша я стала от чреватости. Румян да белил поклала на лице, а все нехороша. Видно, сии румяна да белила польские не добры. Вели привезти мне румян да белил босфорских из Константинополя.

Царевич Иван. Скажу Щелканову в посольском приказе, чтоб толмачи али гонцы привезли тебе босфорских румян и белил, душа еси моя милая, супруга Елена.

Елена. Чула я от жены посольского дьяка Щелканова, что в Константинополе женщины покрывают зубы черным лаком.

Царевич Иван. Велю и тот зубной лак привезти, супруга моя, как лак той черный весьма подходит к твоим черного соболя бровям.

Елена. Хочу тако ж опашню³² пурпурового цвета с длинными до земли рукавами, да боюсь, как бы твой батюшка-государь меня не изругал. Он уже ругал меня, что я, сноха царева, излишне нескромна.

Царевич Иван. Роди наследника, и куплю тебе невероятное множество одежд: и широких, и узких, и из парчи, и из шелка, усеянных камнями, подбитых мехом! (*Целует Елену*).

Елена. И башмаков новых хотела бы из белой, желтой и голубой кожи, также вышитых жемчугом.

Царевич Иван. Башмаков куплю, и еще целый ларец браслетов, ожерелий, разного рода украшений.

Елена. Сие запястье-браслет, мой любимый супруг, я для тебя надела, из жемчуга и дорогих камней, и сию красную шелковую сетку на волоса. Не правда ли, красива сетка?

Царевич Иван. Ах ты, щеголиха моя милая! (*Целует Елену*).

Елена. Седьмая жена государя Мария Нагая, верно, красивая, а одевается, как купчиха. На волосах темный плат суконный, тело закутано множеством пышных и широких платьев, одно на другое надетых.

Годунов. Так ей государь велит: по канону православному тело и волосы покрывать.

Царевич Иван. В том ли канон, не в благочестии ли и правильной жизни канон?

Елена. И я по православному канону делаю. Летом покрываю волосы тонким батистовым вышитым жемчугом платком, завязывающимся под подбородком, а зимой - шапкой из золотой парчи, усеянной жемчугами и дорогими камнями, да с опушкой из красивого меха.

Царевич Иван. Красива ты, Елена, супруга моя. Когда стану я царем, то ты, красавица, будешь и отечеству, и животу моему государыня. (*Целует Елену*). Годунов, хочу тебе роспись похода войска от Гдова к Пскову показать. Как воеводы конные и судовые сойдутся подо Псковом, авось батюшка одумается и пошлет меня. Ты ему подсажи, он тебя слушает.

Годунов. Скажу, что смогу. Ему, государю, с разных сторон шепчут, особо Нагие.

³² *Опашень, опашня* - мужская, иногда и женская летняя верхняя одежда: долгополый кафтан с короткими широкими рукавами.

Елена. Я перед ужином тут полежу, подремаю. Тут будто бы прохладнее, чем во внутренних покоях. *(Царевич Иван и Годунов уходят. Царевна Елена Шереметьева ложится на лавку. Входит царь Иван и итальянский толмач Тетальди).*

Иван. Сын мой царевич Иван почитается как соправитель, потому хочу, чтоб грамоту Баторию и он скрепил, а пошлешь ее, Тетальди, с гонцом к папскому посреднику нунцию Поссевино. В Ям-Запольский послами же поедут князь Елецкий и дьяк Связев.

Тетальди. Мы их не знаем, фигуры незаметные. Баторий чувствует себя победителем, а посылает блестящих дипломатов - князя Альберта Радзивилла, маршала двора, князя Збаражского, воеводу Брацлавского...

Иван *(недовольно).* Еще ему, Баторию, рано почитать себя победителем. Уж много месяцев осаждает он Псков безуспешно. Мы ж верою стоим, яко не презрит Господь Бог милосердием своим рода нашего. И присной девою Марией, общою заступницей рода христианского, особо же города Пскова. И со великими стражами города нашего Пскова благоверными князя Гаврилы Всеволода, псковского чудотворца. Всем тем мы крепки. *(Замечает Елену Шереметьеву, уснувшую на лавке).* Ты чего тут, сноха, лежишь?

Елена *(испуганно вскакивает).* Государь-батюшка, вздремнула от расслабления. Тебе, государь-батюшка, царевич потребен? Сейчас был тут с Годуновым, пошлю за ним.

Иван. Погоди, с тобой сперва говорить хочу. Как так, что я, царь, зайдя в покои сына, наткнулся на сноху, которая лежит на скамье, одетая в нижнее платье, в одной рубашке на лавке?

Елена. Государь-батюшка, на мне две рубашки.

Иван. А знаешь ли, по православным понятиям женщина считается вполне одетой, если на ней не менее трех рубах? Ты ж при мне и иноземце-толмаче будто голая, бесстыжее твое обличье!

Елена. Государь-батюшка, на сносях я, а в комнате жарко натоплено.

Иван *(сердито).* Молчи, лужная жаба, черт ли тебя и знает! Все вы, Шереметьевы, издавна бесстыжие! Темная невежественная крестьянская женщина иной раз ходит в одной рубахе, однако в миниатюрах я, царь, дал приказание не рисовать их в одних рубахах. И крестьянок рисуют в полном выходном костюме. В одной рубахе неприлично. А ты, царская сноха, так одета неприлично!

Елена. Государь-батюшка, прости, запаматовала.

Иван. Молчи, бесстыжая! На шею ожерелье надела, не запаматовала-то! Драгоценные камни, жемчуг в три-четыре пальца толщиной! *(Хватает ожерелье, рвет его. Камни рассыпаются по полу).* Да перстни дорогие надела, не забыла, запястье дорогое на руку, аки блудница! Вижу, балует тебя, блудницу, сын! Как бы ты, змея, его сердца не выела! Ежевая твоя кожа, слоновая рожа! Хоть бы из стеснения летник на рубаху надела!

Елена. Государь-батюшка!

Иван. Молчи! Перед иноземцем не стесняешься почти что голой ходить! Вот толмач рассказал мне ужасную сцену про пьяную развратную новгородскую бабу; ты, царская сноха, лучше ли? Хоть бы летник надела поверх рубахи, платье летнее!

Тетальди. Что есть летник, госудать?

Иван. Летник - сарафан. Не от слова «лето», а от слова «летчина» - вид тонкого сукна. *(Тетальди записывает).* А гляжу, сноха, ты и без пояса! При своем положении ты не надела пояса на сорочку!

Тетальди. Я так понимаю, что, встретив свою невестку во внутренних покоях дворца, ты, государь, заметил: ее костюм не совсем соответствует приличиям нынешнего времени?

Иван. Он не соответствует приличиям православного канона, и то для меня, царя и игумена, оскорбительно. *(Все более сердясь).* По православному канону выйти на улицу царевне без пояса было нельзя! У мужчин без пояса ходили либо нищие, либо казнимые. В прежние времена, когда нравы были прочнее, пояса передавались по наследству. Вот я, царь, ношу пояс великого предка моего, святого князя Дмитрия Донского. И женщины издавна подпоясывались. Ты ж, бесстыжая, без пояса. Ныне охабень, шуба, щегольский сарафан скрывает пояс, а выставляет же напоказ золоту парчу, соболя, камни, перстни, браслеты, серьги, бусы. То все бесстыдство!

Елена. Государь-батюшка, от чреватости сняла я пояс. Тяжко мне! *(Вытаскивает пояс из кармана, подпоясывается).*

Иван. Разве то пояс? Безделушка!

Елена. То пояс, государь-батюшка, узорный шерстяной ткани пояс.

Иван. Ах ты, щеголиха, гулящая женка! Пояс скромнее да честнее должен быть, а такой пояс блудницам служит для завлечения! Знаешь ли, что красота замужней только мужу принадлежит? Женщина вовсе не должна показываться перед гостем мужа без особой нужды. Однако ж вижу, такие женщины забывают стыд, вырвавшись из родительских теремов. А родители-то твои, Шереметьевы, кто? Род воровской Шереметьевы!

Елена. Мои родители Шереметьевы, государь-батюшка, древнего княжеского рода Гедиминовичей.

Иван (*гневно*). Род ваш, Шереметьевых, мне, царю, издавна противен! Что вас, безумных, не сеют, не орут, от дураков сами рожаются, от глупых отцов, безумных матерей и от московских баб-сводниц! На русский московский престол православный Шереметьева родить хочешь! На моем, потомка Калиты, престоле чтоб Шереметьевы отечеством правили! (*Сильно бьет посохом Елену по животу*).

Елена (*схватившись за живот, плача*). Почто бьешь меня, беременну, посохом по животу? Я беременна, но ты, царь, не ведаешь жалости. (*Плачет и кричит*).

Иван. Я тебя прибью, Шереметьева! Мышь ты! (*В ярости бьет посохом по голове и телу. Елена плачет, вопит*).

Тетальди (*крестится*). *Passiones.* (*На шум и крик вбегают царевич Иван Иванович и Годунов*).

Царевич Иван Иванович (*хватает царя за руки*). Не смей жену мою бить! Ты без всякой причины отправил в монастырь моих первых жен, а теперь ты и третью бьешь, чтоб погиб сын, которого она носит в чреве!

Царь Иван (*в ярости*). Бесстыдство! На царя-родителя несешь! Я, царь, не желаю рождения наследника от Шереметьевой и добьюсь своего! (*Опять бьет Елену посохом по животу*).

Царевич Иван (*яростно кричит*). Кровавая собака! (*Пытается вырвать посох. Елена с плачем убегает*).

Царь Иван (*яростно*). Прибью и тебя! (*Сильно бьет сына по телу и голове посохом. Тот падает*).

Годунов. Государь, оставь его!

Царь Иван (*яростно*). Ты еще, холоп, как смеешь быть предстатель, сиречь защитник!

Годунов. Государь, по праву царского родича желаю благовидно вмешаться в семейную ссору твою, грозного царя, чтоб защитить царевича.

Царь Иван. Так и ты получишь тяжкие побои от царя за то, что дерзнул войти во внутренние крови царевы! (*Сильно бьет посохом Годунова*).

Годунов (*утирает кровь*). Государь, царевич уязвлен, сиречь ранен в голову.

Иван (*оборачивается и видит царевича, лежащего в луже крови*). Иван-сын! (*Отбрасывает посох, падает на колени перед лежащим сыном, обхватив руками окровавленную голову*). Иван-сын! Медиков с лекарствами сюда!

Годунов. Немедля сам исполню! (*Убегает*).

Царь Иван (*кричит и плачет*). Иван-сын, Иван! Ярый я, скверный! Язвити сына почтился! Не царь я и не отец, пес смердящий, нечисть и скверный душегуб! (*Бьет себя по голове, рвет на себе волосы*).

Тетальди (*крестится*). *Deus creator omnium!* Творец, создатель сущего! (*Вбегает Годунов с лекарствами*).

Царь Иван (*кричит*). Лекаря, сына мне исцелите! (*Вопит*). Иван-сын, грешный я, несчастный! Согрешил я, Господи, согрешил, Божьей милостью помилуй меня, падшего! Ты кто, лекарь? Не вижу тебя от тьмы.

Лекарь. Я - Роман Елизарьев, он же Роберт Якоби, а второй лекарь - Строганов.

Иван. Лекаря! Лечцы! Аки отца духовного прошу о помощи и плачу зело, видя свое погубление. (*Плачет*).

Елизарьев. Государь, раненного принца надобно во внутренние покои перенести. (*Царевича Ивана поднимают и уносят*).

Царь Иван (*идет следом, вопит и рвет на себе волосы*). Погубитель, погубитель! Не вижу ничего, перед очами туча темная! Люди, не царь я, не отец! Плюйте и сморкайте на лицо мое темное! (*Уходит*).

Тетальди. *Deus creator omnium polique rector vestiens*³³! (*Крестится*). Елизарьев, будет ли жив царевич?

Елизарьев. Не знаю. Он тяжело ранен железным посохом в голову, почти в висок. К тому ж от нервного потрясения у него лихорадка, напоминающая падучую болезнь. (*Годунову*). Надобно послать к

33 *Deus creator omnium polique rector vestiens* (лат.) – Бог, творец всего, управляющий небесами.

аптекарю Френчаму за камфорой. Однак, и вам требуются заволоки³⁴ на места ударов, иначе будет нагноение.

Годунов. Я уж потерплю. (*Уходит*).

Тетальди. Царь совершенно обезумел.

Елизарьев. Такое тут, в Москве, происходит вместо рыцарского ратоборства. Царь бросил на арене свой окровавленный посох. (*Указывает на брошенный посох*). Thou art a great fool³⁵.

Тетальди. Царя великим глупцом назвать нельзя.

Елизарьев. Слово fool по-английски кроме «глупец» означает еще «шут» и «сумасшедший».

Тетальди. Passiones. (*Крестится*). О, ужас и мучение! Но вынужден все оставить для составления подробного отчета о случившемся монсеньеру Поссевино. (*Елизарьев уходит. Тетальди, взяв бумагу, записывает*).

Занавес

Сцена 94

Александровская слобода, покои царя. Царь Иван, Богдан Бельский и приказной дьяк Путила Михайлов.

Иван (*нервно ходит, заламывая руки*). Возгордился я, возгордился! Возгордился и потерял стыд! Зачем ты, Ивашка, бесовские игрища и пляски полюбил, пьянству предался?! Ведь Бог прославил тебя, помазника своего, чудотворным образом матери своей, Пречистой Богородицы. Ты ж не оценил то, от грешной жизни отошел, потому и случилось с тобой такое. (*Плачет*).

Бельский. Государь милостивый, принимаю тебя в великой чести и славе, как и прежде. Несчастье случившееся - то козни сатаны и изменников, подстрекавших сына твоего к дерзости против тебя.

Иван. Нет, Бельский, то мое преступление. Преступление совершено мной, царем, без умысла, но оно все ж перешло ту меру, к которой привыкли все знающие меня, душегуба, кровавую собаку! Кровавая собака, кровавая собака! (*Плачет, бьет себя по голове, рвет волосы на голове и бороде*). Царевна Елена в ночь после ссоры разрешилась от бремени мертвым младенчиком. То я убил своего внука, кровавая собака! Ныне провожу все ночи в слезах и воплю от горя! (*Плачет*). Колеблюсь между страхом и надеждою и гоню от себя мысль, что немочь наследника смертельна. Внук умер. (*Плачет*). Хочу собрать бояр и сообщить им, что отныне я считаю себя недостойным занимать престол. Ежели Бог окажет милость, простит грехи мои, спасет сына, то отрекусь в пользу наследника, государя Ивана Ивановича.

Бельский. Ты, государь, для нас, холопов твоих, единый царь на долгие годы! Что совершилось, государь, то и совершилось. А далее, яко угодно Господу, то и совершится.

Царь Иван. Хочу отписать в посольский приказ в дни болезни наследника, также и боярам. Как поехали бояре из слободы ноября девятого, в тот же день ссора. Напишу письмо царя к земским боярам, покинувшим слободу после совещания со мной, царем, ноября девятого 1581 года от Рождества Христова. (*Ходит, заламывая руки*).

Путила Михайлов. Государь милостивый, грамоту писать от тебя, царя, да со мной, дьяком Путилой Михайловым, с печатями и дьячими руками?

Иван. Не грамоту пиши, письмо личное от меня, царя и великого князя Ивана Васильевича Всея Руси, боярину Никите Романовичу Романову-Юрьеву, да посольскому дьяку нашему Андрею Щелканову. Которого дня вы от нас поехали и того дня, которого Иван-сын разнемогся и нынче, конечно, болен. И что с вами говорил, что было нам ехать в Москву в среду заговевши, однако нынче нам нельзя. А нам, докудова Бог помилует Иван-сына, ехать отсюда невозможно. (*Плачет*). В Слободу спешно вызваны медики с лекарями.

Путила Михайлов. То тоже писать, государь милостивый?

Иван. То не пиши. Пиши: которого дня вы от нас поехали, и того дни Иван-сын разнемогся и нынче, конечно, болен. А нам докедова Бог помилует Иван-сына, ехать отсюда невозможно.

Путила Михайлов. Прощения прошу, государь, то уж написано.

34 *Заволока* - продергивание в лечебных целях под кожу с предварительным ее разрезом или проколом полотняной тесемки, шелковой ленты и т.п. для вызывания нагноения и оттока гноя.

35 *Thou art a great fool* (староангл.) – ты большой глупец.

Иван. Рокова ссора в день отъезда бояр! Минуло четыре дни прежде чем я, царь, написал письмо. Исполнен тревоги по причине того, что Иван-сын совсем болен.

Путила Михайлов. Прошу прощения, милостивый государь, уж одиннадцатый день идет от болезни царевича!

Иван. Одиннадцатый день! Я, отец, уж одиннадцатый день от горя едва не лишаюсь рассудка, уж время забыл!

Бельский (дьяку). Поди, перепиши царево письмо да отправь скорей боярам.

Путила Михайлов. Слушаюсь. (Кланяется и уходит).

Иван. Бельский, не решусь сам идти в покои царевича. Поди да разузнай у лекарей!

Бельский. Государь, вот сам идет лекарь Строганов.

Строганов (входит и кланяется). Государь милостивый, пришел с трепетом сказать тебе, что царевич нынешней ночью снова впал в сильную горячку и сейчас, проболев одиннадцать дней, умер.

Иван (кричит). Умер?! (Пошатнулся. Бельский подбегает, подхватывает царя). Не помиловал меня Бог, умер Иван-сын! От отца ярости принял болезнь, от болезни и смерть! (Громко плачет, рвет бороду и волосы на голове).

Строганов. Государь, ложись в постель да прими камфоры с уксусом. (Бельский и Строганов уводят царя, плачущего и воющего).

Занавес

Сцена 95

На Крестцах Китай-города толпа народа.

Бирюч (кричит с возвышения). Народ православный, по случаю смерти наследника, благоверного царевича Ивана Ивановича, в стране объявлен траур государем нашим благоверным, царем Иваном Васильевичем Всея Руси. Всякие игрища, веселья, свадьбы отменены по повелению цареву, по наблюдению дьячеху. Музыканты, фигляры, органники, смехотворцы, заезжие глумцы, скоморошьи песни под страхом наказания взяты под запрет. Благоверный царь наш Иван Васильевич Всея Руси поехал на покаяние в Троицу. Также и всему нашему народу велено каяться в церквах о грехах своих и поминать царевича Ивана Ивановича. Богу нашему слава присно и во веки веков. Аминь.

1-й. Царевич, как говорят некоторые, погиб от рукобиения, отчего впал в падучую и потом в лихорадку.

2-й. И я чул, что отец ткнул его посохом и попал в уязвимое место.

3-й. Повествуют о мужественной крепости царевича, который восстал на неприятеля, как молодой инорог, и люто на тех варваров дышал огнем своей ярости.

1-й. Истинно, если б не ранняя смерть, он мог бы при его молодой отваге остановить приближение к своей земле варваров и притупить остроту их вторжения. Царевич слишком настойчиво требовал от отца войско, чтобы разгромить поляков под Псковом, оттого отец осерчал.

4-й. Напротив, я чул, царь измену заметил в сыне, да потребовал, чтоб сыну отрубили голову и выставили перед дворцом.

5-й. Не голову чтоб отрубили, а велел вырвать у него сердце с печенью и принести ему. Однако, боярин Никита Романов обманул царя-батюшку. Убил он простого холопа вместо царевича.

6-й. Не так было! На пиру государь Иван Васильевич хвастался, что вывел измену на Руси, сын же его говорит: «Где тебе вывести измену из каменной Москвы!» Тут государь Иван Васильевич осерчал. «Выньте, - говорит, - из груди сердце с печенью, принесите мне на показание». От такого приказа все палачи испужались, лишь один палач не пужается, един злодей выступается.

5-й. Кто ж то?

6-й. Малютка, сын Скураты, ведь он казнил царевича. Царевича Федора. Малютка, Скуратов сын, казнил. Взял Федора за желтые кудри, поклонил на плашку на липову да срубил буйну голову.

Женщина. Так про которого брата публичный чтец распоряжение власти кричал: брат ли младший, брат ли старейший, про которого печалиться и плакаться?

6-й. Про царевича Федора Ивановича. А завязка - на пиру. «Не согласен, - говорит Федор, царское чадушко, - что ты, отец, вывел измену казнями и привезешь правдушку с чиста поля». Так-то сказал младший сын на хвостовство цареву: «Я выгнал измену с Новгородчины, я повыведу измену с

каменной Москвы, всю неправду со своей Руси. Содержал же землю всю Русскую». Сын же ему говорит: «Не удалось тебе. Измена с тобой за одним столом сидит, кушает».

Женщина. Который сын, мужики? Брат ли младший, брат ли старший?

6-й. Старший-то сын, Иван Иванович, на младшего, Федора Ивановича, донес. «Он-то уважает бояр московских, творит он великие милости». Потому государь осерчал.

7-й. Истинно так, мужики. Как вспылал-то грозный царь Иван Васильевич, что надоть казнить Новгород да Псков, не оставить на улице ни курицы. По какой улице ехал царь, все были биты, казнены, повешены, на колы да по тюрьмы посажены. А где ехал Федор Иванович, там указы были разсланы, чтоб молодые все разбежались, растулялись. Писал Федор Иванович ярлыки милостивые, чтоб мужики новгородские прятались по погребам от государя-батюшки. Оттого государь повелел палачам вести царевича на место казни - Житное болотце за Москвой-рекой, к болоту стоячему, кровавой луже. А творил казнь маленький малютка, вор, Скурлатов сын.

5-й. Он и в Новгороде творил. А видел я его раз в той же лавке наугольной. Стоял маленький, Стенька-вор, Скурлатов сын. То он зверствует. Благочестивый царь Иван Васильевич не знает ничего.

1-й. Чего несете, мужики?! Малюта Скурлатов давно уж в Литве убит!

6-й. Не в Литве убит! Ныне поехал Никита Романов и взмахнул саблей вострой, снес Малютке буйну голову за его поступки неумеренные.

2-й. Собаке - собачья смерть!

7-й. С боярином Никитой Романовичем иное случилось. Он царевича-сына спас по-иному: повелел палачам идти в кабаки и выбрать молодца с лицом царевича, отрубить ему голову. Да пошли они по улицам Арбатской, Никитской, Мясницкой по всем тем кабакам.

Женщина. Нашли ли похожего?

3-й. Помолчи, сорока, дай человеку сказать!

7-й. На подносе Скурлатов принес сердце с печенью. Тогда царь начал рваться и метаться, и от тоски набросился на слуг: «Вы зачем меня не уняли, вы зачем пустили на дело окаянное?!» - «Не посмели мы перечить тебе, государь-батюшка, убоились твоего гнева скорого». Глядит - Никита Романович веселится. Царь осерчал: «Али ты рад несчастью, Никита Романович, али ты веселишься!» Да тут же повелел Малюте Никиту Романовича казнить. Однако успел Малюта Никите Романовичу лишь ногу поранить, ибо воскричал царь: «Вижу за столом сына, который сидит, веселится и здоров».

Женщина. Что ж, то чудо Божье. *(Крестится)*. Бог нам, православным, в помощь! Кем же подменено то цареву чадушко?

7-й. Подменили царское чадушко татаринком.

5-й. Нет, когда царевича повели на казнь, то Никита Романович вырвал царевича из рук Малюты и подменил своим любимым ключником.

2-й. Так-то царь осерчал, что сын ему сказал: «Не выведешь измены из Москвы!»

1-й. А кто ж в Москве изменник? В Москве три Годунова, да все изменники!

Дворянин *(сердито)*. Как смеешь, холоп, такие слова говорить?! Вот крикну обергальщиков, да забьют тебя в колодки!

1-й *(испуганно, кланяется)*. Не с мудростью я слово вымолвил, прости, государь-сударь!

Дворянин *(сердито)*. Ты кто?

1-й. Я - Тишка, сапожный мастер, человек неученый.

5-й. Мы - люди неученые, слышали, что повествуют, а сами того не ведаем. Повествуют, что царь велел Малюте за измену голову на серебряном подносе принести, а сердце и печень псам бросить. А как дознался правды, то он, царь, рану на ноге боярина Никиты Романовича завертывает, а Скурлатова к хвосту конному велел привязать и разметать по чисту полю, народу же объявить: казнь его ждет - котел с варом, али кол.

Купец. Темный народ, дураки! Вы внимайте тому, что государев бирюч говорит, а от скудости своего ума не повествуйте, за то кнутобитие на торге.

2-й. Истинно так! *(Крестится, уходит)*.

Дворянин. То-то дураки! *(Отходит с купцом)*.

Купец. Был я на похоронах царевича. Его по достоянию погребли, по-царски. Погребли в церкви Михаила Архангела, украсив его тело драгоценностями, камнями, жемчугом ценой, говорят, в 50 тысяч английских фунтов. Двенадцать важных особ назначают каждую ночь стеречь его тело и сокровища, предназначенные в дар святым Ивану и Михаилу Архангелу. Однако, верно, слух идет

о мятеже, что скончался сын царский Иван Иванович в Александровской Слободе после четырех дней агонии, скончался, раненный отцом, государем-батюшкой в припадке гнева. Ударил он его жезлом, рассердившись на что-то, а о причинах гибели - разноречие.

Дворянин. Государь поколол острием, что говорить сын начал о выручении Пскова. «Надо бы послать войско для выручения Пскова», - говорит. Государь назвал сына мятежником, ударил по голове жезлом. Годунов хотел удержать удар, но сам был изранен царем.

Купец. Царь-самодержец в том мятеж усмотрел.

Дворянин. Истинно так. Гнев из-за настойчивых требований царевича дать войско, чтоб сразиться с королевскими войсками.

Купец. Вот знакомый дьяк приказной, Меньшик Путятин идет. Они-то, приказные, все дела знают. Здравствуй, Меньшик!

Меньшик. И ты, Пирог Силыч, здравствуй!

Купец Пирог. Скажи, Меньшик, как было?

Дьяк Меньшик Путятин. Было так. Когда отец-государь хвастал огромным количеством богатств и сокровищ, царевич Иван Иванович сказал: «Предпочитаю сокровищам царские доблести: мужество, с которым хоть бы имел ты того богатства более, которое ты, царь, имеешь в изобилии, я б тем не менее мог бы опустошить огнем и мечом твои владения и отнял бы большую часть царства».

Купец. То истинно мятеж. Сам ли царевич тот мятеж сделал али с боярами иными?

Дьяк Меньшик Путятин. С боярами. Бояре и именитые дворяне, собравшись во Владимире, обратились к царю с речью, прося отпустить на войну царского сына. Царь рассердился, облачился в порфиру и, надев корону, стал отказываться от власти. Они все были смущены, выдали заговорщиков.

Купец. Осерчал царь шибко.

Дьяк Меньшик Путятин. Чрезмерно осерчал. «Как смеешь ты, болван, показываться на глаза отца, задумав такую измену против меня, и ты отважился с радостью и удовольствием подстрекать народ к возмущению против меня! Не мог ты выбрать другого способа идти на войну, как только сделаться гонителем своего отца! За то, что ты не хочешь признавать своего отца царем и великим князем Всея Руси, а я являюсь для тебя отцом, и царем, и великим князем, то покажу тебе пример, чтоб другие взяли твой урок себе и не осмеливались больше делать заговоры против меня, презирать родителей и надругаться над ними в беде и невзгоде».

Купец. Грозен царь! А сын тот что?

Дьяк Меньшик Путятин. Сын испуган. Пробует оправдываться, но царь подал знак молчания палкой.

Дворянин. Истинно так. Желание сына получить войско для освобождения Пскова и приглашение сына боярами стать во главе войска государь расценил как заговор, ибо государь царь Иван Васильевич оскорблен как царь и как отец.

Купец. О царской соре вся земля русская скорбит.

Посадский. Мы не скорбим.

Дворянин. Ты-то кто?

Посадский. Мы - новгородцы, народ свободный чернослободного севера Новгородского, не тяглецы. Меж разгромом царем Новгорода и убийством своего сына - десять лет, а главная причина убийства - боязнь измены. То Божье наказание! Знаем мы, новгородцы, жестокости царя, знаем и жестокости царевича, видевшего, как и отец, во всем измены. Во время новгородского погрома он вместе с отцом сажал народ на колья.

Дворянин. Справедливо сажал! Все вы, новгородцы, изменники, жидовствующие, да к Литве пристать хотите. *(Кричит).* Эй, оберегальщики, ухватите его! *(Посадский скрывается в толпе).*

Купец. Тяжкое время переживает Русь. Враг наступает, а внутри - смута да измены.

Поп. Я, черный поп Варламище, так скажу: иноземцев во множестве на Руси английских да прочих немцев. Они и смуту с умыслом разжигают. Вон, глядите! *(Проходят иностранцы).* Латыны да лютеры ходят.

Купец. Как же нам, православным, против них стоять?

Поп. В исступлении ума узрел я в Путивле видение православное: священный дьяконский чин, идущий, поющий и несущий кресты животворящие, святое Евангелие с кадилом. На другой стороне видел множество темной силы: демоны в видении черны и сильно изуверски страшны. Все то - латыны проклятые да лютеры. *(Указывает на иностранцев).*

Купец. Спаси нас, Господи, и помилуй! (*Крестится*). На Руси - туча темная, и правду не найти. Вижу, идут английской земли торговые люди, а с ними знакомый, посольского приказу переводчик, иноземец Фетька Лазарев сын Короман. Взят у меня им для посольского приказу за заемные деньги, меду 10 пуд, 27 гривенок без четверти получено. (*Кланяется*). Здоров будь, Федя Лазаревич!

Федя (*кланяется в ответ*). И тебе здравствуй быть, Пирог Силыч!

Купец. Скорблю о смерти благоверного царевича, а о причинах гибели - разноречия. Как было?

Федя. Подойди ближе - скажу. (*Понижает голос*). Было так. В Александровской Слободе, зайдя в комнату беременной жены царевича, царь Иван Васильевич за то, что она была простоволосой и не в покрыте, ударил ее в щеку. Сын пробовал заступиться. Царь бросился на него и ударил в висок. В гневе кричал царевич о трусости царя.

Купец (*испуганно*). Господи, спаси и помилуй! (*Крестится*). Смута на Руси! (*Подходят иностранцы. Среди них - папский нунций Поссевино, посол Венецианской республики Фоскарино, австрийский посол фон Бухау*).

Поссевино. Смерть наследника надломил физические силы русского царя. Я наблюдал его близко, также слышал подробности от переводчика моего Тетальди, присутствовавшего при случившемся несчастье. Существует предположение, что и государь проживет очень недолго.

Фоскарино. Что ж, мы в Европе наконец вздохнем спокойно после смерти этого умалишенного.

Фон Бухау. Русский царь - не умалишенный, а лишен душевного спокойствия, угнетаем страхом.

Поссевино. Страх - одна сторона ненормальности, иная - садизм, соединение жестокости с развратом. Говорят, эта черта воспитана его несчастным детством, но к старости она усилилась до чрезвычайных проявлений.

Фон Бухау. Я слышал, царь сейчас поехал каяться в монастырь.

Поссевино. Он и прежде каялся, когда жертвы его погибали в утонченных истязаниях, и погибали сразу сотнями, доставляя тирану удовольствие видом крови и мучений. Иногда каялся, признавая, что он разумом растлен и скотен умом, что он осквернил себя убийством, блудом и всякими злыми деяниями, что он паче мертвеца, смраднейший и гнуснейший. Но это был лишь обряд, истинно глубоко скорбит он лишь теперь, кается лишь теперь, когда в припадке гнева своей палкой убил собственного сына. Того царевича Ивана, который единственный давал ему надежду на продолжение рода и был убежденным продолжателем его политики и нравов, лишь не согласным, как эту политику проводит он, одряхлевший и трусливый отец.

Фоскарино. Да, я слышал, что принц Иоанн был так же кровожаден и жесток, как отец. В старшем любимом сыне своем Иоанне царь готовил России и Европе второго себя.

Фон Бухау. Любимом ли? Он часто бил сына палкой, - может, видя в нем, как в зеркале, свой жестокий облик и ужасаясь. Впрочем, говорят, что в последнее время принц подпал под влияние своего любимого дяди, боярина Никиты Романова, и начал меняться к лучшему, что особенно раздражало царя. Желание сына получить войско для освобождения Пскова и приглашение сына боярами стать во главе войска царь расценил как заговор.

Поссевино. Сокрушив свое будущее, царь только в эту минуту испытал настоящее горе и понял, что значит страдать. Однако, главное, сеньоры, не в этом. Кто займет трон: вот главный вопрос. Ожидая смерти тирана, все задают один и тот же вопрос и в Европе, и в России.

Фон Бухау. Династические проблемы приобрели сразу остроту. Царь разом погубил сына и долгожданного наследника, поскольку принцесса, жена наследника, избитая царем, родила мертвого внука. Жестокость царя обрекла династию на исчезновение.

Поссевино. Кончина царевича Ивана отняла будущее у династии Калиты, правившей 300 лет. Царевич Федор отличается болезненностью, слабым телосложением и не имеет детей. По слабому явню не способен к самостоятельному правлению. Отец никогда не готовил его к этой роли. К тому ж, назначение наследником престола сопряжено с трудностями.

Фоскарино. Царевич Федор противоречив. Иные указывают на его кротость и доброту.

Фон Бухау. В сыне Федоре противоречия от безумия. То он наслаждается кровавыми боями с медведями, то не терпит зрелища мучений, устраиваемых отцом, этим русским Нероном. Когда недавно состоялась расправа над 378 пленными ливонцами в Москве, на мосту через Неглинную, при большом стечении москвитов, царь с сыновьями стоял и смотрел весь день в окно, как мучили

пленников. Но младший сын с несколькими боярами не мог дальше смотреть на такие несправедливые и страшные дела. Им стало жалко несчастных плачущих и стонущих, и они вернулись в город.

Поссевино. Среди тех знатных был и Никита Романович Юрьев, брат покойной царицы Настасьи. Якобы царь ныне поручил ему попечение Федора. Но другие говорят, что такое попечение поручено Годунову. Во всяком случае, такой разброд обрадует короля Батория, готовящегося к решающему штурму Пскова.

Фоскарино. Я, как и многие иные в Европе, удивлен, отчего народ русский защищает власть такого кровавого тирана.

Поссевино. Потому что это Азия, сеньор Фоскарино. Русский царь подозрителен, раздражителен, жесток. Но черты кровавого тирана не видны в нем, особенно когда он появляется публично. Он религиозен и учен, чаще печален, чем рассержен.

Фоскарино. Но малейшего подозрения достаточно, чтоб царь потемнел, как ночь, заревел, как зверь.

Фон Бухау. Что ж, в России любят кровавую виртуозность. Послушайте толки народные о смерти Ивана. Послушайте, что они говорят: велено вырезать сердце с печенью и подать на показание, повесить на петле шелковой, принесенную на блюде голову воткнуть на копье и поставить у окошка перед царскими палатами.

Поссевино. Однако, плебс волнуется.

Фоскарино. Лучше нам уйти от гнева плебса. Толпа всегда прежде всего невежественна. Ее низменная привычка упирается в глупость. *Multitudinis indicat indicio*³⁶.

Поп Варламище. Проклятые латыны и лютеры пришли, чтоб глумиться над горем православным. Царь соблазненный да обманутый позволил им под Москвой расселиться и дал свободу их латинские еретичные вероисповедания проводить, но гнев Божий да дубина народная постигнут их. Православные, горе наше велико, государь наш благоверный, соблазненный и обманутый, в порыве гнева дал царевичу пощечину, метнул в него острым концом копья. Царевич не выдержал удара, заболел горячкой и умер через три дня. Упокой, Господь, его душу. *(Крестится. Все крестятся)*. Горе наше православное велико. Царь в исступлении рвет на себе волосы и бороду, скорбя о потере своего сына. Однако, отечество православное и народ православный понесли еще большую потерю: надежду на благополучие, на мудрого, мягкого и доброго царевича-наследника, соединяющего воинскую доблесть с привлекательностью внешнею, красивого, аки ангел, и ангельски доброго. Все то потеряно для нас.

5-й. Нет, жив царевич! Подменен царевич, а кем - говорят по-разному. Говорят, слугой, али конюхом, али ключником, али ларечником, али постельничим...

Фоскарино. Что они говорят?

Поссевино. Для народа и толпы ложь выглядит правдоподобней истины. Так говорит Аристотель.

Фон Бухау. Однако, уйдем, господа, пока не поздно. Московиты излишне возбуждены. *(Иностранцы уходят)*.

Поп Варламище. Погодите, латыны и лютеры, скоро кровавая тризна!

7-й. Также изменникам казни, боярам перебор будет. С них живых будут шкуры драть, рубить головы, сажать на колья и копья, варить в котлах, топить в Москве-реке, зашивать в медвежью шкуру и травить собаками. А царю нашему батюшке с сынами своими вечная неизменная слава! *(Крики: Слава государю и сынам его единокровным!)*

Занавес

Сцена 96

Троицкий монастырь под Москвой. Царь Иван, Бельский и Нагой.

Иван. Бельский, знает ли архимандрит о моем приезде сюда, в Троицу?

Бельский. Как ты велел, государь милостивый, приехали втайне от архимандрита. Ни он, ни иные отцы ничего не знают. Извещен лишь келарь Исидор, как ты, государь милостивый, велел.

Иван. Не хочь царской встречи, ибо ныне приехал сюда как простой грешник. Нагой, скоро ли придет келарь?

³⁶ *Multitudinis indicat indicio* (лат) – расскажу о многом.

Нагой. Он уж недалеко, в келье дожидается.

Иван. Тогда подите и пришлите его, а сами будьте неподалеку. *(Бельский и Нагой уходят. Царь Иван стоит молча, перебирает четки).*

Келарь *(входит).* Государю великому поклон низкий. *(Кланяется).*

Иван. Преподобный старец Исидор, не царь перед тобой, простой грешник, и не ты мне, я тебе кланяться буду и с святостью твоей говорить своими слабыми словами *(становится на колени)*, встав перед тобой с рыданиями. *(Кланяется и плачет).* Год сей 1581 от Рождества Христова - год сыноубийства. Стою перед твоей святостью, нечистый, скверный душегубец, да еще в столь мятежное и жестокое время. Примет ли Господь Бог ради твоей, старец Иосиф, молитвы мое покаяние? Как мне каяться? Слышит ли меня Бог, меня, фараона и ирода?

Келарь Исидор. Бог, потопивший фараона и избавивший Израиль - все тот же Бог во веки.

Иван. Смертоносный ангел, святой ангел, ответствуй, помилуй душу мою, наполненную смрадом. *(Плачет).* Лютые ангелы ведают мучениями грешников загробными, не примут моей души лютой ангелы. *(Плачет).* Простит ли Бог?

Келарь Исидор. Если ты, государь, покаешься от всего сердца и прибегнешь под Его крепкую руку, и дашь обет всем умом и всей душою своею, перестав делать то, что прежде делал, будешь творить суд и правду посреди земли, любить ближних своих, никого не будешь насиловать и станешь оказывать милости согрешившим, то и Бог будет милостив к тебе в злое время. Только кайся не одними только словами, совсем иное помышляя в сердце. Такого покаяния Бог не примет. Истинное покаяние состоит в том, чтоб перестать делать дурное.

Иван. Тут, в святой Троице, тебе первому, святому отцу, старцу келарю Исидору, поведаю желание в раскаянии своем, что я, царь Иван Васильевич, хочу объявить о прощении всех опальных людей, некогда казненных по моему велению или с моего ведома.

Келарь Исидор. Такая твоя милость угодна Богу. Ведь и он милостив и прощает согрешившим.

Иван. Расправляясь со всеми, кто противостоял мне, я, царь, отказывал своим жертвам в причастии, запрещал хоронить их тела по христианскому обычаю, делать вклады в их поминовения. Подвергая опальных земным мукам, я старался уготовить им также и муки небесные. Теперь я, царь, хочу сменить лик мучителя на лик благодетеля. Богатыми вкладами я решил обеспечить душам загубленных мной людей вечное блаженство.

Келарь Исидор. То богоугодное дело, государь.

Иван. Совершив такое, желаю уйти в монастырь. Кажется мне, окаянному, что я наполовину уже чернец. Тут, в Троице, в тихой келье, писать бы задуманный мной канон и молитву ангелу грозному.

Келарь Исидор. Кто тот ангел грозный?

Иван. Самый сущий вопрос - кто тот ангел грозный. Тот ангел грозный - Михаил, победитель Сатаны, тот ангел грозный - смертный ангел, к нему молитвы за усопших, Архангел Михаил, предводитель небесных сил. Ему кладбищенские церкви посвящены. Он проводит человеческую душу через загробные мытарства. Он водитель душ, борец за души, ангел смерти. А признаюсь, страшусь я смерти.

Келарь Исидор. Телесной смерти не страшись, государь, душу береги. Четки перебирая, ходя и сидя, шепчи сряду шестьсот раз: «Господи Иисусе Христе, помилуй меня, грешного», а потом сряду сто раз: «Владычица моя, Богородица, помилуй меня, грешного». Кто так делает три года в среду, то в первый год веселится Христос, во второй год - Святой Дух, а в третий год - сам Бог-Отец.

Царь Иван. Чую я, три года не проживу. *(Плачет).* Год, два, не более. Оттого в страхе обращаюсь в каноне к ангелу Михаилу. Михаил - не только ангел смерти, приходящий за душой умершего и уводящий ее в горний Иерусалим, но также и тот ангел, во имя которого построена царская усыпальница в Московском Кремле, где положен Иван-сын, где предстоит лечь и мне самому. Царская усыпальница - Архангельский собор. И оттого хочу внести в монастыри богатые вклады.

Келарь Исидор. Государь, дар только тогда принимается Богом, когда было приношение от праведного, не грабленого имени, и когда богомолец не таит в душе ни злобы, ни гнева. Сказано: «Аще кто идет ко церкви со страхом Божиим, со всем сердцем, гнева не имеет, но сияет его душа, яко солнце, и восходит молитва его яко тимьян³⁷. Тогда ангел мой исходит из алтаря, нося кисть в руку свою, и знаменает его на челе, и тако почивает на нем Дух Святой».

37 **Тимьян** — от греч. thymiata, фимиам.

Царь Иван. Я прошу, чтоб сыну моему Ивану была оказана особая привилегия - поминовение по неделям. По монастырям и церквам будут распределены богатые вклады на помин души царевича Ивана. После смерти благоверной царицы Анастасии Романовой я, царь Иван, отправил сюда, в Троицкий монастырь, тысячу рублей на помин души. Сумма та вдвое превышает ранее отправленное на помин души моего отца, великого князя Василия, также матери моей, великой княгини Елены. На смерть царицы Марфы отправил семьсот рублей. Ныне, на упокой души царевича Ивана - пять тысяч рублей. Такую же сумму отдаю для своего собственного поминовения, ибо готовлюсь уже к смерти. Дни мои сочтены.

Келарь Исидор. Все, государь, в помыслах Божьих. Давать в монастыри - дело спасительное. Сказано: «Что имаете потребно несите к нам, то бо все в руце Божьи влагаете».

Иван. Молись за меня, святой старец, а пока ты будешь молиться, я, окаянный, склоню свою скверную голову к твоим честным стопам. *(Припадает головой к ногам молящегося келаря).* О, люди благочестивые и все племена земные! Видите - мое смертное тело на земле повержено, и вопию, греховною тоскою объят: помолитесь ангелу смертоносному обо мне! *(Плачет).*

Келарь Исидор. Бог милостивый, государь! *(Крестит царя).*

Иван. Иди, келарь, да не говори архимандриту, что я тут, ибо не царь я ныне, а простой кающийся грешник. *(Келарь уходит. Иван молится. Входят Бельский и Нагой).*

Бельский. Вижу, государь милостивый, лицо твое просветлено.

Нагой. Душа облегчена, государь.

Иван. Други мои, будучи в состоянии глубокой душевной муки, я, царь, хочу совершить один из самых необычных в своей жизни поступков. Решил посмертно простить всех опальных бояр, изменников, казненных по моему повелению.

Нагой. Государь, не поощрит ли такое иных изменников на новые измены?

Иван. То Бог один лишь ведает. Однако, решил. Не знаю, тревожит ли меня предчувствие близкой смерти, забочусь ли о спасении души своей, обремененной тяжкими грехами.

Бельский. Государь, то трезвый расчет: пытаться разом примириться с духовенством и боярством, чтоб облегчить дела нового наследника - царевича Федора. Ты, государь, как был прежде, так и ныне крепок и разумен.

Царь Иван. Так или иначе, однако я, царь, повелеваю дьякам составить подробнейшие списки всех избитых опричниками, да чтоб те списки были посланы в крупнейшие монастыри отечества вместе с большими денежными бумагами.

Бельский. То означает, государь, что на головы духовенства прольется серебряный дождь. За год-два монахи получают десятки тысяч рублей.

Иван. Да, Бельский, то оно означает.

Бельский. Государь, сия работа велика. А делались-то не при мне казни все эти, а при дяде моем Григории Лукьяныче, сиречь Малюте.

Иван. Ничего, у меня дьяки хороши, вышколенные. Мои приказные дьяки чтоб перерыли все опричные архивы для прощения. Прежде прочего - суздальские князья. Самый известный из них - покоритель Казани, князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский.

Бельский. Он обезглавлен в первые дни опричнины. Но Шуйские существуют. Самый старший в местничестве - князь Василий Иванович Шуйский.

Царь Иван. Он честолюбив, умен, ловок, молод - немногим старше сына моего Федора.

Бельский. Государь, шпиги доносят, что высказывался о царском троне и имеет намерение добиваться царской короны.

Иван. Я уж подверг его краткой опале, затем выдал на поруки четверем младшим Шуйским.

Нагой. То слишком мягкие наказания, государь. Сыск мог бы использовать против него показания шпигов.

Бельский. Более суровому наказанию подвергнуть не посмели - земщина располагает превосходными военными силами, а опричнины не существует.

Иван. Надо примирить двор и земщину. Только тогда Федор удержит на голове корону. Подозрение продолжает мучить меня, и я с беспокойством слежу за своими знатными вассалами, которые в будущем могут претендовать на трон. Князья Репнин и Серебряный, Горбатый-Шуйский, наконец, именитый конюший Федоров мертвы, и всем им - мое прощение. Однако, есть и иные, еще живущие.

Бельский. Курбскому, государь, будет ли прощение?

Иван (*сердито*). Нет, сей беглой ярославской собаке прощения не будет, ибо сей подпольный зверь - истинный изменник. Вы, верные мои слуги, прежние советники мои, Бельский, Нагой да Годунов, должны потщиться, чтоб скрытые мятежники в Думе и прочие лихие образины, а также латинская вера, не воспользовались моей добротой и мягкостью по отношению к прежним опальным для своих поспехов.

Бельский. Государь, мы уж потщимся в твою защиту.

Иван. Тяжко мне. Сам я сокрушил свое будущее. Люблю я ездить по земле в объезды. В нынешний объезд увидел на дереве птичье гнездо. (*Плачет*). Прослезился. Тяжко мне: кому уподоблюсь я? Не птицам небесным - они плодовиты, не зверям лесным - и они плодовиты, и даже не водам - и они плодовиты. Они играют волнами, в них плещется рыба. Взглянул на землю - Господи, и земле я не уподоблюсь. Вернувшись в Москву, почну советоваться с боярами, кому царствовать после меня на русской земле, на всех городах и пределах, ибо сын мой Федор не имеет детей.

Нагой. Государь, неплодную смоковницу отсекают и выбрасывают из виноградника.

Иван. Истинно, в браке с Ириной Годуновой царевич Федор не имеет детей. Я, царь, помышлял спасти будущее династии и помышлял развести сына. Но после гибели царевича Ивана остерегаюсь на крутые меры к младшему.

Нагой. Государь милостивый, как родич царицы, готовый флевы, сиречь жилы свои, на растерзание за твою царскую особу отдать, хочу воспользоваться случаем и заметить тебе, царю, что Борис притворяется больным и удалился от царских очей.

Бельский. Видно, он, Годунов, выжидает, как повернется, и не возьмет ли над тобой, грозным государем, Дума верх.

Иван. Ах, ежели он безгосударной еси человек, я, царь, сам отправлюсь в дом Бориса, чтобы убедиться, болен ли он. Ты, Нагой, пойдешь со мной. Про Думу же я помыслю. С Думой согласия нет. Мстиславские не любят Шереметьевых, и все вместе не любят Шуйских и прочее тому подобное. Для успокоения общего надобно им подкинуть пряник медовый. Опричина зиждилась на доносах и сыске. Я, царь, пообещаю оградить знать от доносов. Надобно, чтоб по моей хартице, сиречь грамотке, Дума приняла закон о строжайшем наказании лиц, подающих ложные доносы.

Бельский. Как же, государь, без ябед сыск вести?

Иван. Сей указ ныне снарядить. А ты уж, Бельский, веди сыск по умению своему. Во всем, милые мои, потребно умение. Поскольку я сызмальства царь, то не только лишь помазан, но и знаю ремесло царское: как, когда что надо. Блюдите заветы Божии, и Бог, смиряючи нас, наказуя, приводит нас на спасенный путь. (*Крестится и уходит в сопровождении Бельского и Нагого*).

Занавес

Сцена 97

Москва. Покои в доме Бориса Годунова. Годунов лежит на постели, и лекарь Строганов делает ему заволоки. В покоях Ирина Годунова и царевич Федор.

Годунов (*стонет*). Лекарь Строганов, болезненно делаешь!

Строганов. Уязвлен ты, сиречь ранен, шибко. Целебно зелье, сиречь исцеляющие заволоки, на месте ударов потребны. Терпи уж. (*Делает заволоки*).

Годунов (*стонет*). Богу помолюсь ради чаемого исцеления. Который уж день в нужде лежу, то попрошу Иисуса, чтобы меня, как Иоанна Святого, Иисус обрел в церкви здрава. (*Стонет*).

Федор. Жалко мне тебя, Борис! (*Плачет*). То тебя батюшка истязал?

Годунов. То мои грехи меня истязали. (*Стонет*).

Ирина. Не говори, Федор, неразумные речи, молись со мной за Бориса исцеление. К тому молись так: «Се исцели еси, ино грешный, славя и хваля человеколюбца Бога и его угодника великого пророка Илью».

Федор. Се исцели еси... Лекарь, отчего брат Иван преставился?

Строганов. От болезни, от лихорадки.

Федор. А я чул, его батюшка палкой побил. Ты, Годунов, был при том, скажи, как было.

Годунов. Было от Божьего недуга. Государь же батюшка лишь учил, указывая на грехи с любовью.

Федор. Жалко мне брата Ивана, что от сего света переселился в оный покой. А при погребении в един колокол звонили изредка, чтоб все люди видели, что то погребение. При веселье же во множество колоколов звонят. И гроб был красив, в среди обито бархатом вишневым, а сверху - червчатым. Батюшка сам отпел по мертвому великий канон. И множество народу мужского и женского полу все вместе без чина рыдали и плакали. *(Плачет)*. Тело брата Ивана поставили близ алтаря, а на алтарь не внесли, и учили отпевати погребальным пением, а, отпев, погребли в той церкви Михаила Архангела в землю и прикрыли каменною плитою. Не видать уж более брата Ивана николи. *(Плачет)*.

Ирина. Уймись, Федор. Бог так пожелал. Утрись ширинкой. *(Подает платок)*. Говори в послушестве Господне слово для облегчения души, а в горней выси брата увидишь.

Федор. Иринушка, ладушка моя! *(Целует Ирину)*. Знаю я, что увижу брата. Ведь когда-либо и мне надо преставиться. Сказано от Божественного Луки: «Се мертв бе, и оживе». То на небе уж обретем, и ради небесной сладости кутью едим с сахаром. Как почал митрополит над кутьей говорить молитву и кидать ладаном, а потом кутью есть, ложкою поднося батюшке государю и царице Марии, и мне, царевичу, и большим властям, боярам, и всякого чина людям, то полегчало. И сотворя погребение, все пошли восвосяи. Красиво было. Свечи для провожания. Восковые свечи витые и простые. *(Плачет)*.

Строганов *(Годунову)*. Болят ли заволоки?

Годунов. Сейчас менее.

Строганов. Я их камфорой смазал.

Федор. Борис, сколько тех свечей пойдет при погребении?

Годунов. Больше десяти берковеск, государь царевич.

Федор. Уймища! То ж до шти недель помышления и поставления. Кутьи, и свечи, и прочее. Кто ж даст те деньги?

Годунов. В монастыри и по церквам на помин денег дают из городских доходов, да дается из царской казны митрополиту сто рублей. Архиепископам и епископам - по семьдесят, архимандритам и игуменам и самым большим попам - по пятьдесят, а иным попам и дьяконам - рублей по двадцать, и по десять, и по пять, смотря по человеку. Когда преставится царь, то более дают, когда преставятся царевич али царица, то дают с убавкою.

Федор. Брата Иоанна, измыв теплой водою и возложив на него срачицу³⁸ и порты и все царское одеяние, в гроб положили. А корону на гробе не положили. То душе брата досада.

Годунов. Корону лишь царям кладут.

Федор. Брат Иван шибко хотел быть царем вместо батюшки, оттого батюшка осерчал. А я монархом быть не хочу, я монахом быть хочу. И слышать про трон не желаю! Тягостно быть царем.

Годунов. Грех так говорить, государь царевич. Монарха почет подобен Богу. Перед ним в земном поклоне падают ниц, обнажив голову, на пирах пьют перву государеву чашу, вставая из-за стола. Выход царя - под колоколы. Стража следит, чтоб внутри дворца и вокруг была благоговейнейшая тишина, а кто в опале, то ему запрет посещать дворец и видать очи государевы. Такой-то почет.

Федор. Нет, в монастыре лучше. Ежели ты, Борис, любишь царство, то будь сам после батюшки царем, а я с Иринушкой в монастырь пойду.

Борис. То ты, государь царевич, из рода Калиты, тебе Бог велел царствовать. Я же - из татар.

Федор. Все одно, будь после батюшки ты царь, Борис, я ж в монастырь. Хочешь ли в монастырь, Иринушка?

Ирина. Хотела бы, да государь-батюшка не позволит.

Федор. Господи, как люблю мне ездить по монастырям, особо глухим, лесным. Господи, красота какая! Высокие затейливые башни, а кругом - лес, реки, озера синие, зеленые дали летом, бело-голубые, искрящиеся под лучами солнца зимой... Господи, там бы мне и помереть тихо, не так, как брат Иван. Помирясь в споре, целуя всех, и всем мир и прощение дам, и перекрестившись трижды, обвинив четки около руки своей и сказав последнее слово: «Слава Богу всех ради. В руки твои передаю дух мой. Аминь». *(Крестится)*.

Годунов. Молод ты еще, государь царевич, про смерть мыслить. То грешно. Про жизнь мысли.

Федор. И жизнь в монастыре, Господи, как хороша! В монастыре терпение и смирение.

38 Срачица - нижняя рубаха (сорочка), одеваемая на голое тело.

Годунов. Государь царевич, терпение и смирение необходимо человекам, отказавшимся от мирской жизни, но в миру люди живут не по монастырскому уставу. В миру не терпение, а закон потребен, сиречь правда. Долготерпение в людях без правды добро разрушает и дело народное ни во что изводит, злые нравы в царство вводит.

Федор. Кто блюдет ту правду? Человек может ли? Лишь Бог может.

Годунов. Бог на небе, на земле ж - его помазник, царь.

Федор. Разве царь естеством не человеку подобен?

Годунов. Царь естеством есть всем человекам подобен, а властью же подобен есть высшему Богу.

Федор. Нет, я хочу батюшку упросить, чтоб меня в монастырь отпустил Соловецкий, где игумен был отец Филипп, али иной, какой батюшка пожелает. Жил бы с Иринушкой вместе, как брат и сестра.

Годунов. Такое монастырский устав запрещает. Вы ж с Иринушкой в супружестве наследника должны родить государю и отечеству.

Федор. Нет нам на то, Борис, благословения Божьего. Уж иной раз ропщу за такую опалу.

Ирина. Не роптать надо, а с кротостью и смирением переносить опалу и другие беды. Все напасти от Бога. Поминай грехи свои, трепещи, молись и благодари Владыку Христа.

Слуга (входит). Государь Иван Васильевич!

Годунов (испуганно). Неожиданно приехал! Не быть бы беде! *(Крестится)*. Господи, сохрани и спаси! *(Входят царь Иван и Нагой)*.

Иван. Что ж ты, Борис, скрываешься от царских очей?! Ныне сам пришел тебя посетить. И ты, Федор, давно уж на очи мне не являлся.

Федор. Батюшка, Борис расхворался и долго лечится, а я ему соболезную.

Иван. Строганов, истинно Годунов расхворался?

Строганов. Истинно, государь милостивый. Делаю ему заволоки от нагноения.

Годунов. Государь, все время после несчастья сижу тут, в своем доме за Неглинной.

Иван (Нагому). Что ж ты, Нагой, наговорил на Бориса?

Нагой (испуганно). От неведения, государь великий! То меня самого обманули!

Иван (гневно). Ты лжешь, а не христианствуешь!

Нагой (испуганно). Прости и пощади, государь!

Иван (гневно). Молчи, черти ли тебя знают, ежова кожа, сомова рожа, глуп человек! Вот я, царь, сам отправился в дом Бориса и убедился, что тот действительно не выходит по болезни, сам видел его заволоки. Строганов, в наказание за оговор повелю наложить заволоки своему родичу Нагому.

Нагой. Государь милостивый, я совершенно здоров и не нуждаюсь в заволоках!

Иван (гневно кричит). Наложить ему заволоки на голое тело! *(Строганов накладывает заволоки Нагому)*.

Нагой (вопит). Пощади, государь!

Иван (кричит). Вон пошел с очей! *(Нагой со стонами уходит)*. Проклятый! *(Садится на кресло)*. Кругом обманщики, глупцы, изменники. *(Кричит)*. Верить никому нельзя! *(Хватается рукой за горло. Шепотом)*. Верить нельзя. Строганов, неможется мне, горло перехватило.

Строганов. Я сейчас, государь, мускусной воды с ревенем принесу. *(Уходит)*.

Ирина. Государь батюшка, попей горячего кваску. *(Подает квас)*.

Иван (пьет, шепотом). Горяч квасок.

Федор. Батюшка, то монастырский квас с Соловков. А варят его так: в чаны затирают солод с мукой овсяной. То сусло. Из квасных чанов-котлов - в иные, где охлаждается, потом - руслами в большие корыта, также имеющие отводы. Русла заливают кипятком, а в полученный раствор кладут дрожжи и закваску. Хорош квасок!

Иван (пьет квас). Ах, ты, мой умник! *(Целует Федора)*. Трое вас *(поднимает три пальца)*, трое у меня, греха ради. Ты, Борис, да Ирина, да Федор. Ты, Борис, и Ирина питаемы с детства были от царского стола. *(Хрипит)*. Вот на пальцах показал, что Федор, Ирина да ты, Борис, родны для меня, как три перста.

Строганов (входит с чашей). Испей, государь.

Иван. Уж не надо. Квасу испил. Езжай, Строганов, к Нагому, да сделай ему еще поболее заволок на голое тело. Режь и шей, без камфоры. Заволоки на руках и груди. Я приеду, посмотрю.

Строганов. Исполню, как велишь, государь. *(Уходит)*.

Иван. Поскольку я, царь, сам внезапно прибыл к тебе, Борису, да ты показал мне свои раны и заволоки, сделанные лекарем, то я, царь, повелел сделать заволоки на руках и груди лукавого Нагого, совершенно здорового.

Годунов. Поделом ему. Он давно уж хочет встать мне на дороге.

Иван. Семь цариц у меня было. Женившись на восьмой, на Марии Нагой, особо ее невзлюбил, когда она была еще беременна. Родила она сына, нарекли его Дмитрием, а прямое имя ему Уар. Уар - потому что он родился в день, когда празднуют день мученика Уара, зарезанного в отрочестве, и то - дурной признак для наследника престола.

Годунов. Государь, есть у нас истинный наследник - царевич Федор.

Иван. Знаешь ведь, Борис, он слаб умом для царства.

Годунов. А мы с Иринушкой потщимся, укрепим его.

Федор. Батюшка, родимый, пусть Борис будет царем, а я в монастырь пойду, квас варить, хлеб печь, в колоколы звонить для молящихся! Хорошо в Соловецком монастыре! В Соловецком монастыре решето само сеет, и насыпает, и отруби, и муку разводит разное, да и крупу само засеивает, и насыпает, и разводит крупу и высейки. То, батюшка, придумка игумена Филиппа, ныне преставившегося. Также нарядил веять мехами в мельнице рожь. Также приспособление для варки квасов. Раньше на варке квасов была занята вся братия и слуги многие из швальни, а теперь с той работой справляется один старец и пять слуг. Квас выпаривают, и он сам сольется из всех чанов, да вверх подымут. Ино трубою пойдет в монастырь, да в погреб сам сольется, да по бочкам разойдется сам по всем. Славно, батюшка! *(Смеется)*.

Годунов. Истинно, государь, от игумена Филиппа Колычева много новшеств в хозяйстве Соловецкого монастыря. При посеве употребляют особую сеялку, с десятью решетками, причем работает на ней один старец. Много сделал для мельничного дела. Мельницы делал, да ручьи копать велел к мельнице, воду приводил к монастырю. И силу скота используют. Раньше копали глину на кирпич вручную, а теперь волом орут одним, что многие люди копали. И глину мяли на кирпич людьми, а ныне мнут глину на кирпич конями. Соляной промысел, железодельное производство. Завел игумен Филипп, варницы в Солокурье и Колежме, водное объединение сделал, объединяющее многие озера для развития мельничного дела. Все то надобно в другие хозяйства перенять, для всей Руси.

Иван. Издавна любил я игумена Филиппа, сам его всячески в митрополиты уговаривал да утверждал, да, вишь, за грехи и он соблазнился, а, соблазнившись, смерть принял.

Федор. Батюшка, отчего игумен Филипп умер?

Иван. От угару.

Федор. Батюшка, а что есть угар?

Иван. То, Федор-сын, когда пары восходят на воздух. Любил я Филиппа и его Соловецкую обитель. Лучшие псковские колокольные литцы изготовили для Соловецкого монастыря медные колоколы на денежное жалование мое, царя. Один колокол весил 180 пудов, стоил 870 рублей, второй - 95 пудов, стоил 300 рублей, да и малые колоколы стоили 50 рублей.

Федор. Я, батюшка, шибко колоколы люблю. Особо люблю звонить на колокольне. Каждый колокол свой голос и свое название имеет. Тот - Корноухий, тот - Ефимонов, тот - Сполошной, тот - Застольный, тот - Слободской, Часовой... Батюшка, какой наибольший колокол слит по твоему велению?

Иван. По велению моему слит колокол большой, имя ему - Лебедь, и меди в нем 220 пудов. То праздничный колокол. Тебе, Федор-сын, его не одолеть. Тебе звонить в перечастные невеликие звоны.

Федор. Батюшка, а отчего с колокольні люди маленькие?

Иван *(растроганно)*. Отчего маленькие? Ах ты, убогонький мой! *(Целует Федора)*. То, Федор-сын, есть меньший предмет по удалению. Кончается зрак наш на ауре, сиречь воздухе. Взойди на гору высоко, возри на равенство поле, и ты узрешь: пасомые стада не аки муравьи и мыши суцци ли?

Федор. Батюшка, и звезды от этого малы?

Иван. Истинные размеры звезд узнать невозможно, поскольку они в далекой выси.

Федор. Батюшка, а ежели звезды на землю упадут, то узнать можно?

Иван. Звезды прикреплены навечно к тверди небесной, а упадут только во время второго пришествия. Иной раз камень падает - метеорит, то - облако, загоревшееся от звездных лучей.

Федор. Батюшка, но иной раз и звезда падает!

Иван. То, знай, знамение. Звезда-камень именуется комета. Комета - от всевышнего для знаменья. Бог возжигает звезду-кому на воздухе, предупреждая тем о карах земных.

Федор. Батюшка, а как образуется дождь?

Иван. Мох в себя воду берет. Губовидные облака к себе возносят от мха воду на воздухе. А нагреется вода, испаряется. Особо потом солнце мокроту с собой на высоту внемлет, на воздух. Пары восходят на воздух, так же и от морей.

Федор. Однако, морская вода солонна. Как соленая вода, попав на небо, проливается пресным дождем?

Иван. Выпари солону воду в чане, она станет пригодной для питья. Так делают мореплаватели.

Федор. Ты, батюшка, шибко учен умом, а игумен Филипп Колычев учен был на придумки, приспособления. Изобрел приспособления, сам сливает квас в чане. А квас тот сольет со всех чанов. *(Смеется)*. Нарядил телегу, та телега сама насыпает да привозит, да и сама высыпает рожь на сушило. Нарядил ветер мехами из мельницы веять рожь. *(Смеется)*.

Иван *(недовольно)*. То у митрополита Филиппа Колычева не истинная ученость, а мужичья придумка. Филипп Колычев, когда потребно было, говорил: «ручаюсь», а руки не приложит. Грамоте не шибко умел был. Духовное лицо, а по-мужичьи лишь был умел. Иное дело - митрополит Макарий, духовный отец мой. Книжник, грамотей. Духовное лицо прежде прочего должно не зерно сеять, то мужичье дело, а зерно грамоты и разума. Учить народ об уважении к властям светским и церковным, и внутреннему деловому строению, воспитанию детей. А с иными священниками так делается, что сами неучены. Ежели и дале так пойдет, то все на земле станут таковы. Ино ведь всю землю излять, что нет на земле человека, кого избрати в поповство. Ежели пастыри таковы, то каково же стадо? Русский народ - богоносец, а Евангелие читать не умеют. Да что мужики, дворяне невежды! Приведут дворянина, велью ему Апостол читати, он не умеет ни ступити, велью псалтырь дати, он по тому едва бредет! *(Сердито)*. Такие слуги мне не потребны, от таких слуг государю и отечеству польза невелика!

Годунов. Я, государь, верный твой слуга.

Иван. Верный-то, поглядим, а уж невежда точно. Не умеешь ни читать, ни писать.

Годунов. Истинно, не книгочей, но имею отличную память. Вот Ирина грамоту знает.

Иван. Знаешь грамоту, Ирина?

Ирина. Знаю, государь, да и брат мой Борис грамоту подписать все ж может.

Иван. Где ж ты обучилась?

Ирина. Сама, государь, обучилась по алфавиту правописанию букв младенческого наказания с тонкословием словес. *(Подает книгу)*.

Иван *(берет книгу)*. Что то за буква?

Ирина. «Аз».

Иван. Читай!

Ирина. Аз есмь Израилу изведенный из египетского дома работного.

Иван. Славно читаешь! *(Целует Ирину)*. Тут читай!

Ирина. Ял бы я, молодец, рыбу осетрину свежую.

Федор. Батюшка, славно Иринушка читает. Она и меня чтению учит.

Иван. Ты читай, Федор.

Федор *(читает)*. Алфавит, азбуковик, предисловие к буквице. Сила существа книжного - письма святых аггел и святых апостолов и священных архиепископов.

Иван. Как то пишут: открыто или покрыто?

Федор. Такое, батюшка, не ведаю.

Иван. Скажи ты, Ирина.

Ирина. Покрыто пишут, понеже то, что покрыто, то свято.

Иван. Славная у тебя жена, Федор! *(Целует Ирину)*.

Федор. Ладушка, краса ненаглядная! *(Целует Ирину)*.

Иван. Бабка моя, Софья Палеолог, была мудра да помогала мужу. Также и мать моя, великая княгиня Елена Глинская, помогала мужу. Также и тетка моя, Евфросинья Старицкая, хоть и злобна была, да умна. Нынешняя царица Мария Нагая, хоть и не по душе мне, а из семи цариц других разумней. Да ты, Ирина. Сын мой старший Иван, упокой Господи его душу, женился на змее, Елене Шереметьевой, она же, проклятая, гибели его способствовала. Ты ж Федор, с Божьего помысла,

жену имеешь добру. То Божий подарок. Аще Бог дарует жену добру, дороже сие камней многоцветных. Люби ее, Федор!

Федор. Люблю ее шибко, батюшка! Нам бы еще с Иринушкой младенчика нажать ради друг друга!

Иван. Ради блага династии Калиты и пользы отечества нажать наследника! Рождение наследника - награда за благодеяния. Мой отец, великий князь Василий III, основывал монастыри и церкви, по богомольям постоянно ездил. Вот за то в 50 лет Бог и даровал ему, наконец, наследника.

Годунов. Тебя, благоверного нашего царя и великого князя Ивана Васильевича Всея Руси.

Иван. Истинно, вижу, не зря все ж ты носишь, Годунов, звание слуги, которое почитается честней боярского.

Годунов. Государь милостивый, хорошо, однак, и звание боярское. Род наш, Годуновых, издавна на государственном поприще. Спесивые вельможи Шуйские, Мстиславские, Шереметьевы да прочие называют нас татарами, однако, мы, Годуновы, из исконных московских служивых вольных слуг. Гордимся, что исконно вечно государские. Ни у кого не служили, кроме своих государей. Верно, что предком моим был ордынский мурза Чет, приехавший из Орды в 1330 году от Рождества Христова служить великому князю Ивану Калите и крещенный с именем Захария, но два с половиной века мой род - православный, и в Думе уж больше десяти лет.

Иван. Знаю тебя, Борис Федорович Годунов, давно. Хоть и татарин ты по происхождению, но женат на дочери моего царского любимца Малюты Скуратова.

Годунов. Государь милостивый, двадцати лет от роду женился я на дочери твоего, государева, любимца Григория Лукьяныча Бельского, да с тех пор верно служу. Стал придворным человеком, исполнял поручения, занимал должности близко от тебя, самого государя, бывал у тебя рындюю в ближней свите и дружкою на твоих свадьбах царских, кравчим был...

Иван. Кравчий - должность важная. Кравчий за государевым столом стоит, ставит кушанья перед государем, приняв их от стольников, и сам отвеживает каждого блюда. Был у меня в кравчих Федор Басманов, любимец мой прежний, да изменил с отцом своим Алешкой Басмановым, за что казнены. Был и Алешка Адашев, книжник. У Алешки Адашева в библиотеке было множество книг немецких и латинских, книжностью своей хвастал. И он изменил. Изменник ярославский, владыка Курбский книжник был, однако, как бешеная собака побежал в Литву.

Годунов. Я, государь, от тебя не побегу. Знаю, что своим ранним успехом обязан не столько породе, сколько твоей царской любви к моей семье и ко мне самому. Приклад тому - женитьба благоверного царевича Федора на моей, Бориса, сестре Ирине Федоровне Годуновой.

Иван. Выбрав для сына своего жену в семье Годуновых я, царь, тем ввел твою семью во дворец, в свою родню. Так ныне, в 30 лет получишь, ты, Годунов, боярский чин. Сказан в бояре будешь в сием, 1581 году от Рождества Христова.

Годунов (горячо). Милостивый государь, служить буду, аки пес верный! *(Целует царю руку)*. Тебе всем обязан. Дал ты мне большое богатство и в чести, и в дар.

Иван. Богатство у тебя, верно, велико. Говорят, ты уж меня богаче.

Годунов. Кто ж тебя, государь, превзойдет?

Иван. Да уж, не чета я тебе. Знаю, что и ты не чета мне, нечистому, скверному душегубцу. Приветливый и мягкий в обращении с людьми ты.

Борис Годунов. Государь, уж куда мне до мудрой щедрости твоей, подобной благородству святых мужей?

Иван. Помолчи, не лъсти мне, подобно лщению змеи. Знаю, что в грабежах, хищениях, во всяком злодействе я замешан. То подумываю, не отречься ли мне на ближней Думе от власти.

Годунов. То, государь, будет великая беда для России.

Иван. Помолчи! Что есть истинный царь? Царь есть наставник и путеводитель народу. Как глаголет великий апостол Павел: «Ты уверен, что ты путеводитель слепым, свет для находящихся во тьме, наставник невеждам, учитель младенцам, имеющий в законе образец знания истины? Как же, уча другого, не учишь самого себя, проповедуя не красть, крадешь, говоря «не прелюбодействуй», прелюбодействуешь, гнушаясь идолов, святотатствуешь, хвалишься законом, а нарушаешь его, досаждаешь Богу». И опять тот же великий апостол глаголет: «Как, проповедуя другим, сам остаешься недостойным?» Потому я, грешный, давно уж мыслю о пострижении.

Федор (*радостно*). Батюшка, как славно то было бы, и с тобой, и Иринушкой! А царем пусть Борис будет, ему то дело любо. Я же о троне слышать не хочу! Как был я в Соловецком монастыре - то глядел. Каменны дома да церкви там не хуже московских. Заложены от игумена Филиппа.

Иван. То, Федор-сын, мальчик, на деньги из моей казны заложена та Успенская церковь с трапезной для монахов, келарей и с приделом Усекновения головы Иоанна Предтечи, моего патрона. Также на мои деньги заложены главный соловецкий храм - Преображенский собор, оконченный уже в бытность игумена Филиппа митрополитом. На деньги казны в Соловецком монастыре сооружены не столь пышные, но важные избы и чуланы для монахов и служебников, да монастырский двор в Новгороде. Палаты отделаны, поремонтированы, своды сведены, иные палаты заново построены, и далее там казна строит много. Так ли, Годунов?

Годунов. Истинно так, государь. Для строительства по известью на Двину 15 людей отправлены. На Орлецах, 30 верст выше Холмогор, по твоему, государя, велению, монастырю разрешено камень белый ломать, и лес на дрова сечи, и известь жечи. Также на Соловках много конюшен, суконных дворов, житниц. В монастыре еще во времена игумена Филиппа увеличилось поголовье скота: коней, волов, оленей. Сена там на 1500 копен идет. В монастырских житницах - 5500 четвертей ржи.

Федор. Батюшка, туда, в монастырь, привозят огурцы и рыжики, готовят щи с маслом, да и масляные приспехи разные: блины, пироги и оладьи, кружки рыбные, да кисели, да яишницы. (*Смеется*). Также в кельях появилось заморское новшество: узорные стекла, с круги и каймами. (*Смеется*).

Иван (*недовольно*). То-то, что дела там мужичьи остались после Филиппа Кольчева, а дух - еретичный. Немало дано мной Соловкам. Для Храма Преображения изготовлен на мои деньги большой колокол во Пскове, также и иные колокола. Один колокол весил 180 пудов, стоил 870 рублей, о том я уж сказал, второй - 95 пудов, стоил 300 рублей, да и малые колокола стоили 50 рублей. Все то говорил. А на строительство собора дал я, царь, 1000 рублей. Вместе с богатыми новгородскими купцами и дьяком Федором Сырковым пожертвовали монастырю золотой крест с мощами, он же, Сырков, пожертвовал монастырю 210 рублей. Однако, сей Сырков позднее, как изменник, из списка жертвователей выброшен.

Федор. Батюшка, я Соловки шибко люблю. Все там в обилии. Над келарней располагается хлебопекарня и мукошейная, а под трапезной - хлебный и квасный погреб. Хорошо как там! (*Смеется*).

Иван. И я, Федор-сын, Соловки любил, после прежних колоколов пожертвовал еще два по 25 рублей, снова пожаловал золотой крест по душу матери твоей и почившего брата твоего, царевича Ивана. На поминовение Анастасии Романовой пожертвовал сто рублей по душе, по душе брата моего Юрия, убогого умом, сто рублей, на царицу Марфу Собакину 70 рублей. Однако, огорчает меня, что имею там в монастыре еретичные шатания. Годунов, тебе с Богданом Бельским за теми ересями особо смотреть надобно. От тех внутренних ересей и измен ослаблены мы перед врагом внешним.

Годунов. Смотрим, государь, особо за радикальной ересью нового учения Феодосия Косого.

Иван. Та ересь исходит из новгородской земли, да на Соловки перекинулась особо, как в Соловецкий монастырь был послан обвиненный в еретичном вольномыслии старец Артемий. Он на Соловках святых новых делал против святых Москвы. Открытие мощей новых русских святых и чудеса ложные, исходившие от новых чудотворцев, признанных лишь Новгородом, а Москвой не признанных. Пример - нетленные мощи архиепископа Новгородского Никиты, еретика, при отце моем, великом князе Василии, с престола согнанного. При игумене Филиппе чудеса жития Зосимы и Савватия. Игумен Филипп разыскал реликвии, от основателей монастыря оставшиеся, и сделал предметами почитания иконы Богоматери и каменный крест Савватия, псалтырь и ризы Зосимы. На каменном кресте сделали надпись: «Взысканием и потружением игумена Филиппа». А игумен-то Филипп изменник!

Федор. Батюшка, ведь хорошо сделал игумен Филипп, что разыскал древние реликвии старца Зосимы и Савватия.

Иван. А я скажу - нехорошо, во-первых, потому что то - образец гордыни и высокомерия. Делать такие надписи, то значит: «И мне, игумену Филиппу Кольчеву, поклонитесь как святому», а, во-вторых, такое чрезмерное возвышение соловецких основателей идет в убыток вообще русским. Вот и тут видны измены игумена Кольчева. Идет в убыток святому Сергию Радонежскому. Велико влияние преподобного Сергия на Русь. Он был поставлен Господом для своего отечества. Подобно сказано у

пророка Иеремии: «Укрепленным городом, и железным столбом, и медною стеною». Вот кому поклоняться надобно. Они ж, на Соловках, начиная от игумена Филиппа, сделали предметом поклонения кого пожелали. Во время бури в Белом море разбилось 15 людей, плывших с Двины. Трупы монахов сделали предметом поклонения. Видно, на Страшном суде те утопшие монахи станут выше чудотворца святого преподобного Сергия Радонежского, так, что ли? То, Федор-сын, не спасение души, а пагубство. Спасение души бывает от честного смирения. Скажи, Ирина, что надобно для спасения души?

Ирина. Государь-батюшка, надобно любить молитвы, до поздней ночи читать священные книги, произносить псалмы, часто поститься, никогда не клясться и не лгать...

Иван. Хороша у тебя сестра, Борис. Смотри за Федором, то доброе дело, а добрыми делами заслуживают вечное спасение.

Годунов. Государь, знают меня многие, как скор я на обещания содействовать в помощи. *(Берется за ворот своей рубашки)*. И этой последней рубашкой готов я поделиться с теми, кто в нужде и в беде.

Иван. Я, государь твой, теперь в нужде и беде, так что, взявшись за шитой жемчугом ворот своей рубахи, мне клянись, и сыну моему, наследнику.

Годунов. Ради тебя, благодетеля моего, и сына-наследника живота не пожалею, ради продолжения династии Калиты.

Иван. Жаль, тяжко, что Федор не имеет детей. Прежде прочего надобно по монастырям ездить с вкладами и молитвами, но иной раз и наговор помогает, знахарство. Годунов, отыскать бы таких женок и мужиков!

Годунов. И то сделаем, государь.

Ирина. Государь, одна такая женка из Рязани, Стефанида, осмотрела меня и решила: детей не будет. Но дала мне наговорную воду и велела мне умываться и дотрагиваться мокрою рукою до белья царевича. Другая, безноса черница, дала наговорного масла и меда, велела натираться им.

Иван. То - лживые чародейки, надобно их кнутами сечь, искать же истинных. Богдан Бельский говорит, что есть такие где-то в Пермской или Кольской земле. Также и иконы ангелов-хранителей в помощь Иоанна Крестителя, ангела моего, в помощь. Иоанн Креститель - ангел мой, царя. Иоанн Лествичник - ангел сына моего покойного Ивана, Феодор Студит - ангел сына Федора. Сыну моему старшему за грехи мои ангел-хранитель не помог, то в покаянии просить буду, чтоб младшему помог, Федору. *(Утирает слезы)*.

Федор. Батюшка, отпусти меня в монастырь. В монастыре мне ангел поможет. Мне и пища монастырская по душе. Там, батюшка, и сытники, и блинники, и квасники, и пирожники, и пряничники, и толоконники, и каравайчики, и сушенники, каждый свое дело добро делает, особо же хлеб добро пекут. Хлеб ржаной, простой и сытный. На Соловках большая печь, а в Кирилло-Белозерском монастыре - две большие печи, а пекут в них из трех квашен. В каждой квашне - пять четвертей муки, в четвертой квашне - закваска, кусок мягкого теста от предыдущего замесу. Растворены те три квашни. Замешано тесто руками, из мешанной ржаной и овсяной, а из пшеничной пекут пшеничный хлеб, калачи и просфоры. А просфоры особо в Чудовом монастыре вкусны. Просфоры на дрожжах из пшеничной, с примесью ржаной и гороховой муки. Также лапша, оладьи ржаные. Добро как в монастырях, батюшка! *(Смеется)*.

Иван. Убогенький ты мой младенец! *(Целует Федора)*. Как царствовать будешь? Сказал ангел твой, святой Феодор Студит: «Горе граду, царем которого поставлен младенец».

Федор. Батюшка, удел мой - монастырь. В Чудовом был юрод, ныне преставившийся, так же, как и я Федор. Днем юродствовал, а ночью со слезами. Он же, покойник-свет в хлебне той после хлебов в жаркую печь влезал голым гузном, садился на пол и крошки в печи подбирал, так чернецы ужасались: как же на углях сидел?

Иван. Смотри за ним, Борис! Царевич Федор бездетен, слаб здоровьем почти так же, как и умом. Ты ж, Борис, в цвете лет. *(Федору)*. Иди, Федор-сын, мне с Борисом говорить надо. Уведи его, Ирина! Да смотри за ним добро!

Ирина. Посмотрим, государь. Сказал ведь святой ангел, Федин хранитель Феодор Студит: «Хотя бы и кровь нашу пришлось нам пролить, прольем ее с радостью». *(Уходит с Федором)*.

Иван. Борис, когда я, царь Иван Васильевич, убил железным жезлом старшего своего сына Ивана Иваныча, ты хотел защитить царевича и получил несколько ударов от меня, царя, тем же железным жезлом. То прости меня.

Борис. Не твоя то вина, государь. То козни сатаны. Я ж дерзнул заступиться по родству.

Иван. Нет, моя то вина, мой тяжкий грех, что до смерти избил сына, и тебе истязания многие натворил, и лютыми ранами тебя уязвил. Истинно так. Я, царь, избил тебя своим жезлом, когда ты вступился за Иван-сына. Но я, царь, сам оплакиваю своего сына, и теперь более, чем прежде, буду оказывать тебе благосклонность за смелость, стоившую тебе нескольких недель болезни.

Годунов. Истинно, государь, расхворался я и долго лечусь.

Иван. Посетив тебя на дому, я, царь, возвращаю тебе свое расположение, которое отнять хотел Нагой, и до самой кончины меня, государя, будешь в близости пребывать.

Годунов. Государь, вернее меня нет у тебя слуги. Хоть род мой - от татарского мурзы Чета, но давно уж крещен. Истинно православный внук Захария Иван Годун прямой предок мне.

Иван. Я, царь, сразу полюбил тебя, Бориса, женатого на дочери любимца моего, Малюты. Особо же возвысился ты, Борис, как тесть царевича Федора.

Годунов. Государь милостивый, возвышение через родство с царями - обычное дело, но такое возвышение часто непрочно. Оттого потщусь, чтоб быть тебе, милостивому государю, присно люб не по одному лишь родству, а и по подвизанию, сиречь усердию, рвению, побуждению.

Иван. Потщись, Борис, то богоугодная деятельность ради помазанника Божия. Чтоб был ты постоянно при сыне моем, Федоре Ивановиче, не способном вообще ни к каким делам. По слабоумию он явно не способен к самостоятельному правлению. Я, отец, никогда не готовил его к этой роли, потому назначение Федора наследником сопряжено с трудностями в Думе и среди вельмож.

Годунов. Особо Нагие будут лукавить, надеясь на младенца Дмитрия.

Иван. Нет, Федор будет царем, ибо Дмитрий - то незаконный по православному обряду. И Нагих к власти пускать не хочу.

Годунов. Государь милостивый, Нагим власть отдавать нельзя, то распри почнут на Руси.

Иван. Ты, да Бельский, да боярин Никита Романов - вот на кого надежду имею.

Годунов. Я с Богданом Бельским приятель между собой, и с боярином Никитой Романовым дружен. Уж все вместе потщимся в пользу Федора.

Иван. Знаю, что бояре и прочие Федора не хотят. Мне, царю, надо преодолеть недоверие и связать боярскую Думу обязательствами, которые продолжали бы действовать и после меня. Ради достижения подобной цели я прибегну к такой игре: объявлю Думе, что намерен сложить сан и уйти в монастырь.

Годунов. А не опасно ли, государь? Как бы Шуйские тем втайне не воспользовались, они давно уж Василия Шуйского видят царем.

Иван. Не впервой так делаю, Годунов, то для меня игра обычная. А для окончательного примирения земщины решил объявить прощение опальным. Также сделал указ о запрете доносов. Разумеется, то иные воспримут как мое юродство. А то, может, истинно юродство, однако, иной раз склонность к юродству показывает, как избежать беды тяжелой. Ибо что есть юрод? Не умный ли дурак, ибо он видит о мире больше, чем иные. Он ведает, что мир сей грешен, нечестен и несправедлив, потому, как всякий дурак, он действует и говорит невпопад, но как христианин ведет себя по-христиански. Ныне сочиняю я канон грозному ангелу, и подпишу тот канон именем Парфения Уродивого, сиречь Юродивого. Удачен ли псевдоним?

Годунов. Славно придумано, государь.

Иван. То-то. Парфений по-гречески значит «девственник». Я объявлю опальным прощение, и сделаюсь из мучителя благодетелем. Богатыми вкладами обеспечу душам загубленных изменников блаженство, но свою душу обеспечу ли? Канон мой из девяти песнопений и тропарей. Закончу славословием Богородице, однак, все посвящено одной теме - смерти, ибо ангел тот грозный, смертоносный ангел - страшный посланник, великий хитрец, страшный воин. Помысли и ты о том ангеле, Годунов. *(Уходит. Годунов лежит в задумчивости).*

Занавес

Сцена 98

Теремная палата царя в Кремле. Царь Иван и Богдан Бельский.

Иван. Придя к мысли о прощении опальных, я, царь, не желаю, чтоб кто-нибудь из них был забыт. Тебе, Бельскому, ведающему государевым сыском, поручил составить списки прощения.

Бельский. Государь милостивый, приказные дьяки по твоему велению перерыли опричные архивы и по сыскным палаческим судебным отчетам и прочим составили подробный список избивенных. В них много десятков бояр и людей из высшей знати, где-то около семисот земских дворян и около двух тысяч простолюдинов. Но список не окончательный. Простолюдинов может быть и много более, ибо цифры не указывались. Простолюдины записывались скопом. Опричники, избивая простой народ, не интересовались именами.

Иван. Имена знатных мне, однак, потребны в подробностях. В день, когда боярская дума будет утверждать закон против доносов, я, царь, хочу послать в монастырь новый приказ о поминании опальных для внесения их во вкладные списки.

Бельский. Государь, по иным монастырям списки уже готовы. *(Смотрит в бумаги.)* В Симонов монастырь список поминальный - 76 опальных, Соловецкий монастырь уж получил большие денежные пожертвования и указ поминать за государево жалование 75 имен. В Псковско-Печерский монастырь отписано, что печерские монахи учредили память государственным боярам и воеводам - 75 душ. Однак, поскольку Псковский монастырь ныне в польской осаде, то список тот передан в Московский Чудовский монастырь.

Иван. Кто в том списке?

Бельский. Государь милостивый, список включает самых известных государственных преступников, само имя которых прежде находилось под запретом: князя Михаила Репнина и Петра Серебряного, князь Александр Горбатый-Шуйский и, наконец, известный конюший Федоров-Челяднин.

Иван. Все списки надобно скорее готовить к заседанию Думы.

Бельский. Государь, дьяки и подьячие пишут сии списки верстальные, а имея работу срочную, чтоб прибрать все, для поспеха взял умелых дьяков в разных приказах: из посольского приказа - Семейко Иванов, сын Архангельский, Мясоед Константин Семенович, Вислово из разбойного приказа, друг Мясоеда дьяк Рахман Порфирий Иванов, сын Житков из белозерских вотчинников, в приказе ведаёт поземельными сделками. Ямскими делами ведаёт большой дьяк Иван Мануйлов, в поместном приказе взят дьяк Постник Сидоров, большой дьяк Непея Григорьев. То все умелые дьяки.

Иван. Его знаю. Той Непея возил от меня грамоту английскому королю в 1568 году от Рождества Христова.

Бельский. По тверскому дворцу служит Андрей Никитич Батанов, из новгородских помещиков. Человек он умелый и проверенный. Также дьяк Анфим из Смоленска.

Иван. То - сын попа Сильвестра?

Бельский. Истинно так, государь милостивый, сын бывшего благовещенского протопопа, служит в Смоленске. Мы, государь, его давно созираем. Ни в озорстве, ни в татьбе, ни в пустошности не замечен. Служит верно да умело.

Иван. Ежели так, Бельский, так почитаю, что быть по сему. Отец его соблазнился и с Алешкой Адашевым изменил, а ныне прощен будет по-христиански. Сын же вовсе за отца не в ответе, ежели сам добр.

Бельский. Служит он в Смоленске верно. Вместе с ним смоленскими делами ведаёт дьяк Истома Кузьмин, также взят мною на сие государево дело.

Иван *(заглядывает в бумаги).* Синодики поминовения убитых - троицкий список. Два кирилло-белозерских синодика, синодик Нижегородско-Печерского, Спасско-Прилуцкого и Никитско-Переяславского монастырей Троицкого, Костромского Богоявленского, Чудова монастыря, Московского Богоявленского монастыря, синодики Благовещенского Кирилло-Киржецкого монастыря, монастыря Свяжского, Богородского монастыря... *(Смотрит в бумаги.)* Тут имена без фамилий указаны.

Бельский. Истинно, государь. Синодики - перечень собственных имен для поминовения. Лишь в особых случаях над тем или иным именем фамильное киноварью, когда особо вельможный.

Иван. В книгах монастырей чтоб были записи, суммы на поминовение души, поминальный вклад, монахам раздать корм.

Бельский. Так делаем, государь. Вкладные списки Троице-Сергиевского монастыря, Волоколамского монастыря. Вассиан, архимандрит Тверского Вотницкого монастыря, сам те списки составлял.

Кормовые книги же Нижегородского, Печерского, Синайского, Ростовского, Борисоглебского, Брянского, Овенского, Симонова монастыря.

Иван (*смотрит списки*). После отстранения от власти Алексея Адашева казенное летописание приходит в упадок. Истинно, книжен был, собака. (*Листает.*) Последняя запись еще при Алешке Адашеве. Тут вставки, связанные с опалой на Владимира Андреевича Старицкого и с побегом князя Лобанова-Ростовского. (*Листает.*) Тут летописи 1564 года от Рождества Христова. Тяжкий был год. Начался с военных неудач под Ригой и Лукомелем, да на реке Уле близ Полоцка. За то казнен воевода Юрий Иванович Кашин, князь Михаил Петрович Репнин. Казнен и стародумский воевода князь Хилко, и Никита Васильевич Шереметьев, смоленский наместник. Всех ради христианской милости внести в синодики для поминовения души.

Бельский. Исполним, милостивый государь.

Иван. И Старицким прощение и поминовение. Княгиня померла от угара, как ехала на судне по реке Шексне, а князь Владимир отравился с женой и малолетней дочерью. (*Листает летопись.*) С Владимиром все недовольные связывали надежды на изменения в делах отечества, говорили, Старицкие князья - единственная сила против московского самодержавия. Главный же противник Москвы - Новгород. Я не забыл, как новгородцы поддержали князя Андрея, потомка Шуйских. Старицкие - главные мои соперники, Новгород - соперник Москвы. После отмены самостоятельности прибитков у них поубавилось. Новгородцы свой монетный двор имели, новгородку чеканили против московской. Кругом были измены, бездна измен! Поп Сильвестр обнаружил простарицкие симпатии при моей болезни. Также прекословие Адашева о разумности лифляндской войны. Дорого обошлось России его прекословие! Всю Ливонию можно было скоро занять благодаря ливонским раздорам, однак, по его, собаки, настоянию заключали передышки, и ливонские рыцари втянули в дело Польшу, затем и Швецию. По-христиански их прощаю, а простит ли Бог - то не ведаю. Они России много плохого сделали. От Бога им воздастся. Я же на Евангелие уповаю. Но Курбскому не будет прощения. Дед Курбского, Тучков, имел заслуги, и внук был в чести до побега. А определили, что прелестные речи говорил, сам же мечтал стать ярославским владыкой и от Руси отделиться. Также игумен Псковско-Печерского монастыря Корнелий, в духе обличения писал против меня, а присоединение Пскова к Москве почитал насилием. А ныне, как псковичи сражаются с Баторием за общерусское дело, то выставилась его ложь! Был он монах нестяжательного толка, близок к Курбскому. В 70-м году казнен. Однако, помилую его великодушно. Надеюсь, что на том свете осознал он свою неправду.

Бельский. Государь милостивый, тут сыскной список и расспросные речи воеводы боярина князя Михаила Ивановича Воротынского. За изменные дела пострижен в монастырь и отправлен в Белозерье. Дорогой умер.

Иван. Этого простим, да в поминальный список.

Бельский. Также Курлятьев.

Иван. Курлятьев был за Старицкого, однако, сказался больным, когда надо было открыто заявить свое мнение. С пострижением Курлятьева началась волна опал на сторонников Адашева за их изменность.

Бельский. Они все в особом деле, государь. (*Берет бумаги.*) По пути к Полоцку, в Невеле казнен князь Шаховской-Ярославский, также стародубский наместник, князь Василий Фуников.

Иван. Помню, при пребывании моем в Великих Луках пришла весть ко мне, царю, стародубские наместники и воеводы хотят город сдать.

Бельский. В деле твоя, государя, приписка: «Наместника, князя Василия Фуникова и Ивана Шашкина с женами поймав, отослать в Москву. Также костромского вотчинника Ольгова, дальнего родича Адашева. Казнен вместе с женой и двумя дочерьми. Фуников и Шашкин также казнены семьями, казнен брат Адашева Данила с сыном Тарахом.

Иван. Всех простить посмертно и помянуть душу.

Бельский. Казнен тесть Данилы, костромич Петр Иванович Туров, Федор, Алексей, Андрей Сатины, братья жены Адашева.

Иван. Все мы грешны, а Бог нам всем судья. (*Крестится.*)

Бельский. Казнь главного воеводы под Казанью, князя воеводы Александра Борисовича Горбатого с сыном Петром, окольничего Петра Петровича Головина, князей Ивана Ивановича Сухого-Кашина и

Дмитрия Федоровича Ширияева, в монахи князей Ивана Андреевича Куркина и Дмитрия Ивановича Немого.

Иван. Горбатый-Шуйский похоронен в Свято-Троицкой лавре, я уж велел его помянуть. Поминают ли?

Бельский. Поминают. По Троицким вкладным книгам запись 12 февраля.

Иван. Нет, то во вкладных книгах помылка. Он казнен 7-го февраля. Помню, я вернулся в Москву из Слободы в день сретенья, 2-го февраля, а на пятый день после возвращения казнил Горбатого-Шуйского. Про него говорят - герой Казани, а тот герой в 53 году держал сторону Старицкого, хотел меня свергнуть. Спесив был, из суздальских княжат. Однако, простить и душу помянуть.

Бельский. Горбатый-Шуйский с 44-го года имел звание боярина, дочь замужем за Никитой Романовичем Романовым-Юрьевым, другая - за Мстиславским.

Иван. С обеих сторон мне дальний родич был, однак, связан был с попом Сильвестром да со Старицким. Женат был на дочери князя Головина. После падения Адашева Головин держал при уособицах сторону Шуйских.

Бельский. Головин казнен с семьей. Среди казненных - Иван Ширияев, Андрей Розенцев - посажен на кол, Петр, сын Горбатого, подросток, обезглавлен. Погублены Петр и Иван Куракины.

Иван. Знаю тех Куракиных. Вместе с Оболенскими к шведам стремился. Ярославские княжата. Курбский мечтал стать ярославским владыкою, а они были за него. То весь род такой!

Бельский. Государь, весь род Ростовских князей умерщвлен, 60 человек.

Иван. Прости Господи! В смиренных одеждах приму ли я от Бога прощение грехов своих! Всех записать в синодики для поминовения. Далее читай!

Бельский. Далее, государь, казнь протоирея Карамашева и крестьянина Будова.

Иван. Почто в едином деле протоирей и крестьянин?

Бельский. Сказано: они мыслили над государем и над государскими землями лихо. Казнь, государь, связана с публичным обличением тебя, государя, митрополитом Филиппом.

Иван. Против знати моя опора - служилое дворянство и крестьяне. Знать деньгами издавна переманивала крестьян мелких поместий. Я крестьянам издавна монарх-отец был, ибо крестьяне ненавидят знать, Филипп же митрополит, желая всех объединить против монарха, переманивал крестьян к себе.

Бельский. Государь, в деле в поддержку бунтующей знати имена указаны: Иван Желяба, Иван Шемяка Нижегородский, братья Андрей Минич Сухорук и Кузьма Минич Сухорук, оба - богатые посадские люди, впавшие в разорение. Про Андрея Минича Сухорука сказано: *(Читаем.)* «Материальные дела не блестящи. Служил при государевом дворе в Костроме. Заложил свое дело в Пошехони за 300 рублей Кириллову монастырю. С иными сторонниками Филиппа нижегородский Кузьма Минич Сухорук бит кнутом. Среди казненных - государев конюх Буда Бекасов.

Иван. Про крестьянина ли Будова речь?

Бельский. Крестьянин Будов - соборный представитель от крестьян. Дети - Яков Степанович и Крестьянин Степанович Будов - расстреляны. Степанов Будов с детьми казнены в ярославском поместье, деревне Бусалая Чудина и Михаила Буслаевы братья, Степана Буды, казнены.

Иван. Служилое дворянство и крестьянство - опора против изменной знати. Митрополит Филипп ту опору рушил. Сам Филипп - из старомосковского боярского рода Колычевых. Колычевы и Романовы в родстве, ведут свое происхождение от некоего Андрея Кобылы. Внук Кобылы, Андрей Колыч, лет 200 тому уж был землевладелец, и многие Колычи держали сторону Андрея Иванныча Старицкого против отца моего, князя Василия. Поимание Андрея привело их, Колычей, к опале.

Бельский. Казни подвергнуты, иные в ссылку посланы. Новгородский помещик Гаврила Ружков-Колычев хотел на сторону Старицких, как и родичи их Хлизневы. Богдан Хлизнев-Колычев бежал с поля боя в Литву. Таков род Колычевых. За измены 11 Колычевых казнены. Три брата Немытые-Колычевы - Юрий, Афанасий, Иван - и внуки Григория Алексеевича Носа-Колычева - Алексей и Григорий. В казну забрано село Неверово Колычева-Умного.

Иван. В казну забрано село, а родичи что ж?

Бельский. Селом владела жена Умного-Колычева, не он, потому по ходатайству митрополита село ей вернули для пропитания детей. Я тому не противился.

Иван. И я тому не противился. Специальных гонений на Колычевых я не веду, и на Колычева, будущего митрополита, я гонений не вел, его я любил. По моему настоянию он и соловецким митрополитом возведен. Отец его, Степан Иванович, имел поместье в Деревской Пятине,

прозвищем Степатур. Он в Швеции гонимом был. В Швеции два Степана Степатура. Одного я перевел затем в Венецию. Дьяк Михаил Григорьевич Менуха во времена правления моей матери, великой княгини Елены, побывал в Египте, кличка Мисюрин. Мисюр - по тем временам Египет звался. О, митрополитие! Я ему доверял, он же против меня речи публичные начал говорить! Недовольные и бунтовщики все чаще к нему обращались. Три речи против меня сказал публично. Первую речь в Успенском соборе, вторую - снова во время службы, и третью речь - в Новодевичьем в день Прохора и Никандра. Увидал одного из моих приближенных в турье - шапке восточного покроя. «Се не подобает благочестивому царю - агарянский закон держати». Я, царь, усмотрел в том недостойный выпад. Я был женат на кабардинской княжне, в моем окружении было много татар и черкесов, мое терпение переполнилось. Я сделал его митрополитом Всея Руси, он же оставался в душе Соловецким игуменом, с мужичьей хваткой. Я его долго, Филиппа, не трогал и много прощал, как почал он со мной, царем, на Москве враждовати. Лишь велел схватити тех, кто побудили его, митрополита, увещевания против меня.

Бельский. Среди казненных - Рыбин-Пронский, связанный, как и Кольчев, со Старицкими князьями. Сам же Филипп вышел из митропольчих палат и жил в монастыре у Николы Старого.

Иван. Ни один митрополит, ни прежний, ни нынешний, не делал такого! Я же все терпел. А свел его с митрополичьей кафедры не я, а освященный собор.

Бельский. Про то, государь, записано. Новгородский архиепископ Пимен, суздальский епископ Пафнутий, рязанский епископ Филофей и благовещенский протопоп Евстафий, духовник государев, поддержали во всем царя. Сказано: из святительского сана сведен.

Иван. Обо мне ли речь, не об отечестве ли нашем православном и соблазнах сатанинских? Каждому те соблазны грозят. И Пимен, архиепископ новгородский славлюбивый, который на Соборе председательствовал, говорил против Филиппа, потом соблазнился. Однако, всем прощение и помилование. Прости и меня, Господи! *(Крестится.)*

Бельский. Записано: «Бывший митрополит Филипп не покался, все отрицал, называл соборный суд ложным и показывающих против него - лжесвидетелями. Решению высшего соборного суда подчиняться отказался, и в Михайлов день в церкви стал проповедовать, подбивая чернь на бунт. Сослан в Тверской монастырь, там удушен угаром 23-го декабря 1569 года от Рождества Христова.

Иван. То уж стряслось при походе моем на Новгород и Псков. Все то - в делах новгородских.

Бельский. Государь, дела новгородские в сем ящике, а работали с ним дьяки Антип Семейка Иванов и Мясоед Анфим Вислово.

Иван. Польский король выступил тогда со ста тысячами, подошел к Лебедеву, потом стоял в Адашкевичих. Там его с войском можно было окружить, однако, изменники не дали мне, царю, добиться победы, потому, вернувшись с театра военных действий, повелел искать виновных в неудаче.

Бельский. В деле указано: «Увезен в Москву воевода Козлов».

Иван. Козлов в той части, которая из литовских русских родов.

Бельский. Схвачен и казнен. Также посошные люди не обеспечили доставки артиллерии. Потому, как вернулся ты, государь, в Великие Луки, то приказал казнить дьяка Казарина-Дубровского.

Иван. Большой был взяточник! Бельский, так ли в деле указано?

Бельский. Государь милостивый, в деле сказано: «Получал посулы с князей и детей боярских, оттого перевозка пушек выпала на долю возчиков самого царя и великого князя, а не воинам княжеских возчиков».

Иван. Был он у меня в чести, сей Казарин-Юрьев, сын Дубровский, из новгородских боярских детей. Вместе с сыном Романом служил дворцовым дьяком в Новгороде, принимал участие в посольских делах. Помню, в 1564 году назначен мной астраханским воеводой, а в Кремле, на казенном дворе, принимал от меня, государя, крымских и ногайских послов. Однако, забыл страх Божий, возжелал серебра.

Бельский. Милостивый государь, записано: истреблена вся семья Казариных, вплоть до малолетних детей.

Иван. Был на царских службах три лета в Астрахани воеводой, а не соблюл себя от бесовского прельщения. Силен был бес! Запиши Казарина с детьми да прочими в список для поминовения души. Однако, Казариным дело тогда не кончилось. На память мне пришло письмо короля к изменникам, с посулами изменническими.

Бельский. То письмо указано в деле, государь. Писано к Ивану Бельскому, да Мстиславскому. Однак, более иных соблазнился боярин Федоров.

Иван. Того Федорова тоже любил. Был он из старинных боярских фамилий, а против меня, государя, встречи не говорил. Был в опале на Белоозере, но недолго, за заговор против Глинских в мое малолетство. Однако, в заговоре 53-го года по моей болезни, когда многие, также и поп Сильвестр, стояли за Старицких на троне, он стоял за меня и моего сына Димитрия, ныне покойного. Был наместником в Пскове, потом - воеводой в Черемницах, был наместником сваяжским, воеводой смоленским, в Юрьеве ливонском до прибытия туда собаки Андрея Курбского был воеводой. Жаловал его милостями, как и ту собаку, Курбского. Однако, в чем же разгадка из измен? Разгадка в их спесивости. Как сделался он главой боярской Думы, конюшен да иных канцелярий на казенном дворе, возглавлял казну, сделался первый боярин и судья, то впал в спесь великую, желая поставить себя выше государя.

Богдан Бельский. Государь милостивый, спесивое боярство мешает монаршему правлению, которое государству нашему прочим полезней, через которое богатство, сила и слава государства умножается, а через прочие - уменьшается и гибнет.

Иван. Впал в спесь также от богатства своего. Вотчинник, землевладелец был великий. Родовую Белозерскую вотчину имел, в Коломенском и Бежецком уезде зело много отчины имел.

Бельский. Государь, в деле указаны села Стуя и Новая Ярга, также 120 деревень. Однако, родовую вотчину, село Воскресенское Белозерского уезда, передал в Кириллов монастырь с оговоркой: «До своего живота сохраняю право владеть селом». Вклад подписали два дьяка: Дубинский и Житков.

Иван. Внес вклад, как почувствовал мое, царя, охлаждение, чувствуя приближение своей кончины за измену в пользу польского короля. Оно и лучше, что не надобно делать поминки. Пусть его поминают на его же кошты. Бельский, и далее надобно так делать. Монахи чтоб получали денежные суммы и множество опальной рухляди, конфискованной по случаю. Избегать лишних затрат. Чтоб я, царь, благодворил опальным за их собственный счет, лишь даря им свое царское прощение.

Бельский. Твое царское прощение дороже любых денег да рухляди.

Иван. Так и по Новгородскому делу пожаловать опальных милостями Ростовских князей да прочих.

Бельский (*смотрит в бумагу*). Государь милостивый, в Новгородском деле указаны и попутные города: Клин - среди жертв 470 торговых людей, которые прибыли туда, направляясь по распоряжению твоему, царя, из Переяславля. В Торжке, Твери и Вышнем Волочке перебито также, однако, сколько - не указано. В Торжке были убиты содержащиеся в темнице пленные немцы, поляки и татары.

Иван. Тем латынам, лютерам и басурманам прощения не будет. Иное дело - мое незаконное дело да грехи мои, пролитие крови невинных русских людей. Бог же, не хотя смерти моей, великого грешника, обратиться ко мне живому захотел. Восхотел же и меня, сего преступника, в новое благочестие привести. Сколько всего убито в Новгороде?

Бельский. По росписям - 60 тысяч, государь, истреблено.

Иван. Ежели считать, что в день убивали и в Волхове топили 1000 - 1800, а население - всего 30 тысяч, то цифры ложные. Да и из-за голода много покинуло посад али умерло голодной смертью от мора. То - Божье дело, не мое. Лишнего мне приписывать непотребно. Я и без того немало крови, грешник, пролил. Хватит, утомился я, не читай более. Всех вписать в синодики для поминовения души. Сын мой умер за грехи мои, его особо впиши. В Кирилло-Белозерский монастырь во вкладную книгу 2000 рублей на поминовение сына Ивана. Затем - первая дача на опальных, 870 рублей, и вторая дача на опальных - 900 рублей. Сколько всего?

Бельский (*заглядывает в книгу*). Государь милостивый, казначеи посчитали, по твоему указу при выдачах обитель получит 4750 рублей 8 алтын 2 деньги, да после того - 4700 рублей, а всего - 10 тысяч с алтынами.

Иван. Сколько на помин души в Соловецкий монастырь?

Бельский. В Соловецкий монастырь - 1600 рублей, не считая вещей.

Иван. Сколько в иные?

Бельский. В Иосифо-Волоколамский - 1243 рубля деньгами и вещами, Спасско-Прилуцкий монастырь в Вологде, Ростовский Борисоглебский монастырь, Антониев Краснохолмский монастырь, Антониев Синайский - от 1000 до 1300 рублей.

Иван. Новодевичьему монастырю в Москве на опальных - 2000 рублей, также в Троицу. Посмертное прощение опальных - мера не столько духовная, сколько государственная. Земщина должна получить подтверждение, что пора казней миновала. Я вспоминать казненных буду и плакать, и все это будет длиться до тех пор, пока слезы исчезнут от очей моих, и гортань моя высохнет. *(Крестится и уходит.)*

Занавес

Сцена 99

Покои царя в Кремле. Ночь. В окно светит луна. Царь Иван и государев дьяк, чтец Сафоний.

Иван *(ходит, диктует)*. Канон святому ангелу Михаилу, грозному воеводе, хранителю души и тела, всем человекам посылаемому вседержателя Бога по все души человеческие. Душу вынести Господу, а тело земле предати. Ты ж, человек, не забывай смертного часа, но все дни пой канон сей. *(Ходит.)* Как время придет, то положу канон на крюковые ноты для пения.

Сафоний. Сие писать, государь?

Иван. Сие не пиши. Се про обеты свои будущие мыслю, как в своем послании-молитве к мощам Михаила Черниговского и его боярина Федора, замученных врагами, как в стихарях Владимирской Божьей Матери, святому Петру, митрополиту и Даниле Переяславскому смирял я гордыню свою, воспевая приятное Богу, так и в каноне воспою. А что писал о русской вере, истинно как бы просветил прародителя нашего, великого князя Владимира, нареченного в святом крещении Василием. Я, царь, считаю также нужным распространить мое сочинение во все мое русское царство, не в одной лишь Москве. Бежий Верх, Медынь, Руза, Таруса... Сафоний, сколько всего городов в России?

Сафоний. Государь милостивый, где-то около 160-ти городов.

Иван. Ино по всем русским городам распространить, как распространил ответ мой, царя, лютеру Яну Раките, также послание к неизвестному против лютеров Порфирия Уродьева. Ибо что еси писал о Лютере, как будто он в учении ихнем сие справедливо рассказывает о том много обличал выше всего - все то развращение. А что писал Лютер о посте - то он лжет, не истинствует, ибо так Лютера описания много отстоят от истины. По истине же Лютер уже Лют глаголется. Он разрушает веру, а разрушивши - не токмо козлице, но и хищник, волк и тать, разбойник. Оттого краткий ответ подписал своим именем. Сей же - вымышленный, чтоб от брани истинной дипломатия ущерб не понесла. А что писал о латинской церкви и аз о том глаголити не хочу, понеже яко латынь - прелесть, и они, латыны - тьма, также укрылся под придуманным именем Порфирия Уродливого, ибо сам грешен, многих жен имел. Последователи же Лютера попускают многоженство. Ко времени ответа лютеру Яну Раките имел я, грешник, уже трех жен, а выступил с крайним раздражением против тех, кто женится после смерти жены. При четвертой жене на Соборе извещался и прощения просил, и бил челом, и молился о прощении и о разрешении публично четвертым браком сочетаться. Собор же, наложив на меня, царя, епитимью, четвертый брак разрешил, но указал, чтоб никто в прочих человеках, от мирских царских вельмож до простых, никак не дерзал на четвертый брак под угрозой пригрозного проклятья. Ныне же имею я осьмой брак с Марией Нагой, церковью не освященный. Живу, вопию, вонью греховую объят аки блудник, оттого сам себя насмешливо назвал Порфений, сиречь девственник. Также и канон подпишу, ибо превзошел грех блуда грехом кровопролитства.

Сафоний. Государь, в древней Руси сочинители иной раз подписывали свои сочинения именем знаменитого писателя, чтоб те сочинения имели повитарие, сиречь успех, удачу. Приклад - именем Иоанна Златоуста.

Иван. И я не домьшлял, не ведал, как поступить. Однако, все ж не решился подписать канон святым именем. Под таким же именем, Порфения Уродливого, я, царь, решил написать канон ангелу грозному и воеводе, чтоб под тем именем разошелся он на Руси в списках, ибо смертоносен ангел, я

же - злосмердьяй окаянный, и мне помиловать грешную и окаянную душу мою, наполненную смрадом, помилуй.

Сафоний. Сие писать, государь?

Иван. Сие пиши. *(Ходит.)* Ты ж, человек, не забывай часа смертного. Пой во все дни канон сей, творение Уродивого Порфения. По утреннему пению глаголя: «Молитвами святых отцов наших, Господи Иисусе Христе, сын Божий, помилуй нас. Аминь! *(Ходит.)* Ныне охватило меня особое ожидание и страх смерти, потому распространять сие с именем царя нелепо. Ныне раскаяние в совершенных убийствах и страх смерти особо велики. Вспоминаю ночами новгородский разгром, вспоминаю, как умертвил Филиппа, князя Репнина велел убить, что не захотел скоморошью мошкору надеть, в которой я кощунствовал, да брата Владимира Старицкого велел отравить с женою и малюткою. Плясал в Новгороде с пьяными гостями под напев символа веры православного, псалом святого Афанасия, плясал я, царь, и отбивал такт по головам пляшущих молодых иноков тем самым жезлом, которым потом убил Ивана-сына. *(Плачет, говорит сквозь слезы.)* Господи, будет ли мне прощение? Молю тебя, страшный и грозный посланец высшего царя, воевода, весело воззри на меня, окаянного, да не ужаснулся я твоего зрака, и весело с тобой путешествую по указанному тобой пути.

Сафоний. Государь милостивый, верно ли послышалось мне слово «весело»?

Иван. Да, весело, ибо уповаю на милость. Плачусь и воплю: Воевода, небесный царь, грозно восхождение твое, да не вскоре растлишь меня, обратив в тлен, но весело и тихо напой меня смертною чашею. От сердца молю: нет сильнее тебя. Умиленна смерть и пряма во исправлении дорога. Исправи душу мою на пути вечном, да покаюсь от дел своих злых, да отрину от себя бремя грехов. Дай мне, ангел, смирение, свое пришествие и крестное хождение, напой меня, ангел, чашею спасения.

Сафоний. Все подряд писать, государь милостивый?

Иван. Все пиши. Я потом погляжу, что вперед поставить, что назад, что оставить, что отбросить. Тут песня свята: «Господи, Боже, святой ангел Христов», также «Господи, Богородица, дева, рожавшая царя небесного, смертоносного царя не минуем, избави душу раба своего от сетей ловящих». Песней Ирмос-Божьим да ведет мою душу вместо постоянно. Немало пел я церковных служб. *(Поет.)*

Светлый ангел, посланничий Божий, дай мне час, покаяться в согрешении и отринуть от себя бремя тяжкое. Далече я тщусь вослед тебе. Аминь.

Все ли сие вписал?

Сафоний. Все вписано, государь.

Иван *(смотрит)*. Добавь сюда «греховное», сюда - «господень», сюда - «отпускает».

Сафоний. На полях добавлю киноварью.

Иван. Песня Ирмос Божьим. *(Поет.)*

Сродники мои, ежели видите меня, от вас разлученного, и зрите лица моего изменившегося, и гробу предаюсь, и ко суде великому буду молиться о мне святому ангелу, да ведет мою душу в место покойное.

Сафоний. Поешь ты славно, государь милостивый!

Иван. Издавна пел. И заутрени, и литургии пел. То пение мне душу берегло, аки покаяние, ибо был я в от святости далек, и трапезы мои были богаты кушаньями и дорогими благовониями, винами, и много ел со своими приспешниками, и на охоту ездил: и с ястребами, и с коршунами, и псов много имел, и медведей, и с нами тешился. От тех потех с молодости, чуть ли не с детства привык я к кровопролитству. Прости меня, Господи! *(Крестится.)* Мудрый ангел и святой, просвети меня, мрачную мою душу, своим светлым пришествием, да во свет тебе, святой ангел. Радуюсь душой и трепещу рукою, и показываю людям час разлучения души моей грешной от убогого тела. Избави душу мою от сетей ловящих! *(Смотрит в запись.)* Тут указать: всем людям, сиречь всякому дыханию. Дописать: ангел посланный, избави и меня от суетного жилища. Тут допиши!

Сафоний. В котором месте «избави нас» приписать, государь?

Иван. Тут, где писано должно быть «Смерть, принося нам, изменяет нас. Доброго здания твоего дай нам жилище и приведи нас к свету светлейшего судьи, Господу, прости и превознеси вовеки. Видите, неудобвидите».

Сафоний. То не уразумел, государь. Кого неудобвидите?

Иван. То означает: человек не может быть Богом, даже и царь, и Бога видеть не может. Я же тщился о том, каюсь, молюсь, обращаясь.

Сафоний. Кто же сии покровители, указать ли?

Иван. Укажи. Прежде прочего то Иоанн Креститель, ангел мой, Иоанн Листвичник, ангел сына моего, Ивана Ивановича. Пусть хранит он его душу уже на небе. Федор Стратилат, также Пророк Илья, Николай Чудотворец. Изображены сии святые на венцах моих и семьи моей. Также изображены и иные святые: святая Анастасия, царь Константин и царица Елена, патроны сыновы Иоанн Листвичник и Федор Стратилат. Сделали, как велел, перепись семьи моей с патрональными святыми?

Сафоний. Сделали, государь милостивый. *(Берет бумагу.)* Икона Спаса Вседержателя в серебряном чеканном окладе с гравированными дробницами: изображение Иоанна Предтечи, Борис и Глеб, также иные святые. Ныне хранится в Покровском монастыре в Суздале.

Иван. Взять оттуда для моих молитв.

Сафоний. Также отпишу игумену в Покровский суздальский. В Троице-Сергиевской лавре икона Кирилло-Белозерских скитов: на чеканном серебряном окладе помещены изображения святых: Иоанн Листвичник, Ульяна, святой Василий.

Иван. То святой Василий Нарийский, а Ульяница же - лекарица святая, а жена моего покойного брата Юрия - святая старица. То - наша семейная икона. Отпиши, чтоб прислали.

Сафоний. Икона «Никола Бородинский» также в Троице-Сергиевской лавре. На особо богатом серебряном с золотыми дробницами окладе - изображение Богоматери, знаменья, Иоанн Предтеча и Никола. На полях оклада, на киоических дробницах - архангел, гравированный чернью по золоту, изображение архангела Михаила, архангела Гавриила, Василия великого, святой Анастасии, преподобного Иоанна, святого Мина, святого Ульяния.

Иван. Сию икону особо чту и желаю. Отпиши, чтоб прислали. Перед сими святыми образами замаливать буду грехи свои, осквернившие душу мою, осквернившие душу злыми похотями и теплыми слезами не омывшие, и милостыню не очистивших, от Бога посланному ангелу пристрастному, не устраши мою душу убогу, наполненную злосмердием, очисти и поставь ее на престол Божий непорочную. О, Богоматерь пречистая, помилуй меня, грешного, злосмердного, в час разлучения и в муку последнюю от огня Спаса, от муки избавь. Также, Сафоний, впиши: «честнейшему херувиму» и «Господь, помилуй» и «Господи, благослови». Также особую молитву к Господу нашему Иисусу Христу и ко святому архангелу Михаилу: «Господи Исусе Христе, сыне Божий, седший на престоле со отцами и со святым духом, пошли архангела своего Михаила на помощь рабу твоему. О, великий Михаил-архангел, демонов прогонитель, излей мирра, яко человеколюбец, на раба своего, и запрети всем врагам бортися со мной, и сотвори их, яко овец, и сокруши их, яко прах перед ветром. О, великий Михаил-архангел шестикрылатый, первый князь и воевода небесных сил, херувим и серафим, и всех ангелов хранитель, неизреченных тайн услыши и ускори помощь мне, и поражены от меня все противящие нечистые духи пусть будут, соблюди раба Божия в бедах и скорбях, и в печалях, на распутьях, на реках, и в пустынях, и в ратях, и в царях, и в князьях, и в вельможах, и в людях, и во всей власти, над всякой притчей, и от дьявола, соблюди раба Божья от злых человеков, и от напрасной смерти, и от всякого зла твоими молитвами ныне, и присно, и во веки веков, аминь! *(Молится со слезами.)* Слава сокрушителю Богу! Аминь! *(Молится.)*

Занавес

Сцена 100

Москва. Заседание боярской Думы в Золотой палате Кремля.

Иван Мстиславский. Аки первый боярин думы, объявляю, что государь наш намерен прибыть, чтоб сказать в Думе перед боярами и прочими думными и перед митрополитом Дионисием.

Василий Шуйский. Про что речь?

Мстиславский. Прежде прочего о царевиче преставившемся Иване Ивановиче.

Трубецкой. Каждый из нас, думных бояр, уловил настроение, воцарившееся в Москве после смерти царевича.

Долгорукий. Лишившись его, земля впала в скорбь и дошла совсем до безнадежности, размышляя о старости отца.

Прозоровский. Истинно говоришь, Долгорукий. Государю уже 52 года.

Долгорукий. Вся земля впала в скорбь, размышляя о старости отца и о малой способности к царствованию его сына.

Блеутов. Уж немало о том было стонов.

Василий Шуйский. Уж немало. Когда же после многих стонов источники слез у всех в сердце пересохли, все, хромя на ту или иную ногу, заболели недоверием к брату царевича Ивана Федору, который не хочет слышать о царстве.

Годунов. Ой ли, все ли, не те спесивые из знатных, которые сами желают на трон? Прежде прочего вы, Шуйские, особо ты, Василий Шуйский. Так ли? Ведь метишь сам на трон вместо династии Калиты.

Василий Шуйский. Что есть династия Калиты? Отец нынешнего государя - князь Василий, а его племя - Бельские, жена - Глинские, то племя жены. От Рюриковичей и те и другие далеки. Родовитейшие Рюриковичи - мы, Шуйские.

Глинский. Помним мы время господства Шуйских при малолетстве царя. Согласия ни в чем не было на Руси. Были постоянные свары меж властью и думою, и в самом регентском совете свары. Дворцовые вельможи ежели б сохранили согласие, то было б то в интересах опекаемого монарха. Но те люди перессорились и превратили время своего господства в смуту. От нее терпели и государь, и подданные.

Бельский. Ныне, при военном нашествии короля Батория такое допустить невозможно.

Василий Шуйский. Против Батория прежде всего мы, Шуйские, стоим. Главный псковский воевода - Иван Петрович Шуйский, да Скопин-Шуйский стоит за отечество.

Глинский. Скипетродержатель - вот кто прежде всего стоит за отечество, все же иные - лишь слуги. Мы, Бельские-Глинские - великокняжеская родня, дворцовые фавориты в согласии с главой племени скипетродержателя Всея Руси. Действия же Шуйских издавна есть дикий произвол.

Шуйский. Шуйские - коренной великий русский род, выше всех прочих Рюриковичей и Гидеминовичей.

Митрополит Дионисий. Государи, время ли для распрей? В тяжкое время о Руси печься надобно, у вас же все личная али семейная вражда.

Василий Шуйский. Мы, Шуйские, в князьях больших братья, и обвыкли на больших местах сидеть.

Никита Романов. Для сидения на больших местах есть у нас на Руси скипетродержатель государь Иван Васильевич да род его царский, сыны его.

Василий Шуйский. То-то братья царя ввели родичей худородных. В особенности хорошо тем пользуетесь вы, царевы шурья Захарины-Романовы, и Годуновы. Среди Захариных - семья царского шурина Никиты Романовича. Также Годунов, через опричнину да Малюту хочешь выйти на широкую дорогу. Но одна лишь самозванщина тебя на ту дорогу вывести может.

Годунов. И вы, Шуйские, пошли в опричнину, смиренно послушались при грозе государевой. Ныне же, при ослаблении, вновь возмущились против государя.

Романов. Много промеж вас вражды и корысти, и племенных свар. Всяк своим печется, а не государским, не земским. Около кожного друга, клиенты и своя корысть на должности, и свирепы аки львовы, а люди ваши аки звери дивы до крестьян. Ни о крестьянстве, ни о казачестве, ни о холопстве, ни о прочем русском народе и не печетесь.

Блеутов. Сии государи - дума боярская, ей и бояре прежде всего потребны. О них печься, а не о холопстве, ибо знатные издавна опора царева. При Мономахе палаты на князя, сиречь тогдашняя дума, была похожа на польско-литовскую раду, али на совет молдавский, и бояре могли сказать князю: «Тебе нельзя было того без нас ни замыслить, ни сделать».

Прозоровский. Неспроста в Думу худородных ввели, которые на трон претендовать не могут, однако, которые могут оградить трон от высокородных, истинно древних корней Рюриковичей.

Романов. Мы - для ограждения от межусобиц и для единства отечества.

Василий Шуйский. Мы, Шуйские, издавна самостоятельные владельцы отдельных частей Руси. Собравшись в Думе, тому и землю нашу собираем, и управлять должны совместно с государем, который должен быть один из нас, а вас, Романовых, предок был Захарий Конь, говядарь был, заемный хлеб ел. А не беда ли для Руси, ежели на русский престол Романовы такие сядут али Годуновы, ибо в Думе боярской уже сидят совместно с худородными дьяками.

Блеутов. Скоро уж не одни худородные дьяки, а и бобыли крестьянские неоседлые в Думе будут, которые пойдут следом за думным дворянством.

Глинский. В дни царского малолетства Дума была всеильна и брала верх над государем, оттого для равновесия на пользу отечеству сделан был государь думные чины из дворянства, чтоб излишнюю спесь думных бояр ослабить. Думный дворянин, думный дьяк - те в Думе живут и царя берегут. Своим возвышением своей выслугой и верностью государю и отечеству повинны, а не родословностью своей.

Прозоровский. На Руси давно уж идет отогнание от власти знатных и именитых особ русских.

Мстиславский. Блаженной памяти Дмитрий Донской в своем завещании указал, как надо поступать, когда Бог переменит Орду, сиречь когда Орда уйдет с Руси. Ибо государь государства оборона, как то случилось на Поле Куликовом.

Шуйский. Московский князь из рода Калиты Дмитрий Донской после Мамая при Тахтомьше уехал, а брата своего и крепких воевод не оставил, и под Москвой кого стало? А при нынешнем государе басурманские цари под городом Москвой стаивали, а великий князь, как и прежде, в городе не сиживал. Ехал прочь царь с сыновьями, бросив Москву, и Москву попалили. Спаситель же, князь Воротынский, казнен, не отблагодарен. И ныне, во Пскове, не мы ли, Шуйские, крепко стоим? А вот таким государем не будет ли награды - вновь казнены будем?

Прозоровский. На трон же худородные взирают, Романовы али Годуновы, не знатные князья. Они уж Думу заняли!

Годунов. От таких знатный как ты, Прозоровский, в Думе много шума и движения, но мало порядку. Мы - государевы слуги. Наши предки слагали государев порядок против вас, удельных князей, а стояли мы за народное единство.

Прозоровский (сердито). Мы, Прозоровские - старое русское гнездо, вы ж, Годуновы, из татарской орды пришли.

Годунов (сердито). Старые, да захудавшие, многие князья захудали! Из вас, Прозоровских, иные в шутах служат! Нынешний шут государев из князей Прозоровских!

Прозоровский. Обнищали, ибо много княжеских родов было сокрушено, сведено со старых мест и развезено по всему государству. Виднейшие из нас истреблены. Нынешние правители худородных выше нас, русских, истинно знатных, ставят. И в боярской Думе, и во дворце первые места стали принадлежать знати новой, государевым любимцам и родне царских жен. Нас, князей Рюриковичей, Гидеминовичей, держали и держат в сей среде лишь постольку, поскольку умеем привлечь милость государеву, готовы служить новому порядку и новым переменам.

Бельский. Государь сделал те перемены для блага отечества.

Василий Шуйский. Государь не просто произвел перемены, но и свирепствовал над теми, кого подозревал в измене. Ныне же то свирепство коснулось и собственной царской семьи. Государь, в сей тяжкий для отечества момент мы должны сказать о том открыто государю. По удалению Адашева и Сильвестра царь вспомнил обычаи юности, распустился, впал в пьянство и разврат. Это не против одних лишь знатных, но всех, кто дорожит добрыми нравами и истовым чином дворовой жизни. Старые честные вельможи и прежде обличали такого государя. Князь Михаил Репнин, боевой воевода, по царскому приказу убит за то, что сурово осудил шутовской маскарад во время дворцовой оргии. По Москве о всем том ходят любопытные рассказы. Ежели Бельский али Годунов нечистое в царе, худое оберегают, то оно им во благо. Однако ты, Никита Романов, как такое можешь, ежели любишь отечество?

Романов. Со скорбью принимаю иное. Сие стряслось по смерти сестры моей, царицы первой, жены благоверной Анастасии Романовны Романовой. Однако, более подробно о том скажет дальний мой родич, думный дворянин Михалка, писатель стихарей.

Михалка (встает и кланяется). Государь думные, дядюшка мой дальний, боярин Никита Романович Романов меня, Михалку, пригласил сказать про язву нашу российскую по смерти царицы благоверной Анастасии Романовой и про царя нашего благоверного, соблазненного сатаной, ибо

сатана не дремлет. Во всех земных, также и в царях, ум человеческий прегрешен. Есть и от доброго нрава, однак, злым совратен. Государь наш - пример совращения доброго нрава на злой, ибо первопричина государева есть образец доброго, мудрого, мужественного царя, разумом благообразного и зело благоумен был. В бранях на супротивника искусен, велик в мужестве и умел на ратях копьем потрясати, аки Георгий Победоносец, змия поражая. Ратник непобедим, храбросерд и хитр, варварские страны аки молния борзо обтечи и все окрестности устраша, прегордого врага покорял, и в словесной премудрости ритор- естеслов измышлением благоразумен, доброзначен же и благосерд. Иже и жития благочестивые имел и ревностью к Богу подпоясан.

Романов. Истинно таков был наш царь. Но стоило умереть Анастасии Романовной, сестре моей, поддерживающей в царе его добрый от природы нрав, как характер государев шибко меняется. Перед нами - другой человек. Говори далее, Михалка.

Михалка. Блаженная же и предобрая супруга его, государыня, не в многие лета к Господу отошла, и аки чужая буря припаде к тишине, к благосердию его, государя, и во всем превратила многомудрый ум его на нрав яр. И почел сокрушати от юродства своих многих вельмож. Воистину сбилось в притчах реченое: аки парение пахоты переменяется ум незлобив. Ежели и крамолу межуособну возлюбил и в едином граде едины люди не едины: другие от опричнины нарече, другие от земщины. И ради крамолы сына свово большого, царевича Ивана Ивановича, мудрым смыслом и благодатью сияющего, аки незрелый гроздь дебелим воздухом отряся и от ветви жития отторгнув, от отца прияти ему болезнь, а от болезни и смерть. *(Кланяется и садится.)*

Митрополит Дионисий. Добрую повесть сказал ты, Михалка, о язвах наших слезных. Аще пророки плакали и рыдали о граде Ерусалиме и о церкви, приукрашенной из камня, и о всех житиях, в нем погибающих, также не возрыдать нам о разорении града нашего и церкви телесной, которую создал Господь, а не человек. В ней некогда Святой Дух пребывал, она была похвальным покаянием вычищена и чистыми слезами измыта. От нее чистая молитва яко благоуханная мирра или фимиам восходили к престолу Господню, в ней же, на твердом основании православной веры, благочестивые дела создавались, и царская душа в той церкви яко голубица крылами серебристыми сверкала, блистала в груди царевой, чище и светлей самого золота благостью духа. Святости и украшения во имя крепости и святости тела Христова и драгоценнейшей его крови, которой он нас откупил от работы у дьявола. Вот какова была прежде наша крепость телесная. И за царем, и ради царя, все благочестивые следовали с хоругвями и крестами христианскими на ризы. Народы разные варварские, латыны и лютеры, не только с городами своими, но и делами царскими покорялись царю нашему и отечеству, и перед полками христианскими шел ангел-хранитель с воинством своим, Михаил Архангел, осеняя и защищая вокруг себя всех благообразных для установления пределов земли нашей, как сказал святой пророк Моисей, врагов же устрашая и противников низлагая. Тогда то и было. Ныне же за грехи оставил нас ангел-хранитель грозный Михаил, и враги отовсюду обложили нас извне. Также язвы постигли нас изнутри.

Мстиславский. Государи, царь в унынии. Говорит, что не хочет больше царствовать и пойдет в монастырь.

Прозоровский. Пусть бы пошел, то не лучше ли будет!

Романов. Нет, Русь не может ныне остаться без царя, по крайней мере, до окончания войны.

Годунов. Надобно охранять государя от неблагонадежных людей!

Бельский. Особо от боярского самовластия Шуйских!

Василий Шуйский. От нынешних ласкателей охранять, которые церковь телесную осквернили разными нечистотами! *(Шум.)*

Митрополит Дионисий. Не обращайтесь Думу в иудейское сонмище! Люди думные, всегласно зову вас: ежели вы...

(Входит царь Иван. Все встают и кланяются.)

Иван. Когда три года тому вступил в Лифляндию, то не предвидел, что столкнусь с войсками Стефана Батория, поддержавшего шведов. Ныне же стремлюсь к перемирию на основании *itī possidetis* - кто чем владеет в данное время. Посредник, папский посланник римской веры - поп, иезуит Антоний Поссевино. В сей тяжкой войне надеюсь на поддержку вас, думных бояр, и всего земства. Перед вражьей опасностью надобно перестать мыслить супротивно. Прощение опальных должно стать в очах Думы моим царским публичным объявлением, что опала и гонения более не возобновятся. *(Идет к выходу.)*

Василий Шуйский (*тихо, Прозоровскому*). Теми словами царь признал напрасность да опрометчивость своей долгой борьбы с нами, кого он называл «боярской крамолой».

Царь Иван (*тихо, Щелканову*). Я, царь, не слишком надеюсь на бояр и готовлюсь вывезти семью в Англию в случае новых поражений и мятежа. Делается ли, как велел, Щелканов?

Щелканов. Делается, государь. Однако, боясь огласки, я поручил переговоры в Лондоне безвестному английскому толмачу.

Иван. То добро сделал. Ежели падет Псков, поляки пойдут к Москве, то намереваюсь с семьей ехать в Англию. Планы свои хочу скрыть даже от самых близких людей. (*Уходит.*)

Занавес

Конец одиннадцатого действия

ДЕЙСТВИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Сцена 101

Пригород Пскова у Никитской церкви на берегу реки Великой. Слышен шум битвы. Король Стефан Баторий в окружении своих военачальников.

Баторий (*смотрит в брахиоскопус - подзорную трубу*). Ах, милый Боже, знамена наши уж на Покровской и Свиной башне!

Замойский. Велихвальный ясновельможный король Стефан, польские и литовские многие люди на стены города скопом вскочили, и многие ротмистры с гайдуками и со своими знаменами в Покровскую и Свиную башню влезли, из-за щитов своих и из окон по русскому войску стреляя. Первым же вскочили закованные в латы венгерцы полковника Бекеша.

Баторий (*радостно*). Видя своих надежных рыцарей, надежных градооццев и гайдуки славные, влезшие на стену и башни, уж стоящие со знаменами и по городу стреляющие, ко взятию города путь отчиняющие, несказанной радостью исполнился, с надеждою на взятие сбывающееся смотрю. Сам же к городу приблизился так, что в брахиоскопус ясно вижу. Бярятинский, далеко ли мы от города?

Бярятинский. В одной версте, ясновельможный король, но, говорят также русские, от города поприще одно. Никитская церковь, возле которой мы стоим, в версте от города на берегу реки Великой.

Баторий. Никитская церковь - это в память какого-то русского святого?

Бярятинский. Истинно так, ясновельможный король. Никитская церковь сооружена сто лет тому, в 1470 году от Рождества Христова. Сей храм - в память великого мученика Христова Никиты.

Баторий. Кто тот Никита?

Бярятинский. Никита-мученик замучен ливонскими немцами при разорении Печерского монастыря.

Николай Сапега. Ясновельможный король, то, видать, какой-либо русский беспутный холоп, наподобие шута Николая. (*Смех.*)

Баторий. Русские имеют большие надежды на своих шутов, кумиров и амулеты. Я слышал легенду про русскую икону, которая спасла будто Москву от великого монгольского завоевателя Тимура. Так ли?

Бярятинский. Ясновельможный король, то икона Владимирской Божьей Матери.

Николай Сапега. То, ясновельможный король, лживая легенда.

Ференсбах. Русские весьма суеверны в своих верованиях, но это укрепляет их фанатизм. Они сражаются с иконами в руках под звон церковных колоколов.

Баторий. Истинно, звонят! Где то звонят?

Бярятинский. Ясновельможный король, в Среднем городе на стене городской у Великого Василия на горке осадный колокол весть дает о приступе псковскому множеству народа.

Баторий. Тот Василий - тоже русский шут? В честь его каменная церковь построена. Также русский шут?

Барятинский. Василий - святой старец, зарезанный татарами. Та церковь истинно в его честь построена в Среднем городе у городской стены, отделяющей его от Окольного города.

Баторий. Пан нарядный воевода Юрий Зиновьев, отчего не сбить ядрами осадный колокол?

Зиновий. Ясновельможный король, прежде прочего ведем артиллерийский обстрел южной стены окольного города. Башни уже пробиты. Удалось сделать пролом стены около 50 метров длиной, чтоб польско-литовские гайдуки и венгерские рыцари вошли в пролом.

Николай Красный Радзивилл. Ясновельможный король, те проломные места надо бы расширить. От литовского наряда велика пробить удобно восходящую дыру, чтоб на конях на городовую стену возможно ездить. Так войдем конницей в город, а не помогут им, москвитам-варварам, ни святые их, ни колокольный звон.

Барятинский. Также из наряда ворота Великие разбить надобно. Отсюда, где стоим, от Никитской церкви верста до Великих ворот.

Замойский. Ясновельможный король, мы, твои приближенные, первосоветники и любимые избранные тобой дворяне, радостно приступаем к тебе, королю, надежно и похвально изрекая: свершен ты, государь наш милостивый, король Стефан, владелец и победительный восприемник славному городу Пскову! Тут прославишься!»

Николай Черный Радзивилл. Молим же твою преумноженную ласку, да отпустишь и пошлешь нас наперед в замок Псков, и да не похвалятся перед тобой ротмистры венгерские Бекеша и Бальтазара, что они едины с гайдуками Псков-город восприняли.

Баторий. Ясновельможное панство, славные рыцари! Я, король, сие слыша от своих дворян и первосоветников, как вы радостно и своим помыслом сами мои желания исполнять хотите, радостью переполнился. Я, король, с веселым же лицом и радостным сердцем к вам, как к своим братьям отвечаю: вы, мои друзья, друголюбивые советы возмещаете на Псков идти, то и я с вами иду и от друзей своих, от вас, не отстану. Не прячусь я от боя, как русский кровавый тиран, а пойду, как простой рыцарь.

Николай Красный Радзивилл. На мужество твое рыцарское мы, первосоветники твои, тебе отвечаем: ты, государь, король Стефан, своим великим и славным королевским входом в таковой великий город Псков да войдешь не простым рыцарем, а как великий царь Александр Македонский, всей Вселенной владелец, в Рим великий и славное свое восшествие показал. Мы ж, государственные твои рабы, как Александра-царя из Рима, из твоего великого города Пскова тем же победоносным многопохвальной песней пронесем и преумноженное псковское богатство к твоему приходу все уготовим. Мы ж к твоему приходу русских государевых бояр-воевод приведем к тебе, государю, пленными, и прежде прочего как первоначального во граде Пскове великого гетмана князя Василия Федоровича, другого же, славного и крепкого, великого и храброго гетмана князя Ивана Петровича. Обоих же, в Руси и у нас славных Шуйских, связанных перед тобой поставим. Ты же, государь, за их непокорство к тебе, что захочешь над ними, то надо всеми начальниками сотворишь.

Баторий. Я, король, сие слыша, с радостью отсылаю вас, рыцарей Литвы и Польши, на стены города Пскова. При сием пререкаю вам: друзья, по вашему доброму вещанию доселе сбывающихся и ныне все сбудется. Ежели хотите сотворить, то сотворите, ничто же и никогда против вас и вашего умышления не укрепитя.

Николай Сапега. Ясновельможный король, с той поры, как на польский престол вступил ты, Стефан Баторий, муж ума необыкновенного, искусный полководец, москвит-захватчик скоро сам должен был думать о защите своих владений. Ты овладел Полоцком, Великими Луками, вытеснил русские войска из Ливонии и направил путь прямо к Москве. Царские воеводы не смеют вступить с тобой в битву и бежат. Царь Иван трепещет за столицу. Взяв Псков, мы, ясновельможный король, откроем тебе дорогу в Москву.

Баторий. Пан Бог и Матка Бозка с нами, мужественные рыцари, защитники Европы от московского кровавого варвара! Тут, у Никитской церкви буду ждать вестей что вы, мои дворяне, уж в замке. (Воеводы уходят.) Пан Замойский, сторожевой полк пана Трокского двинуть по льду реки Великой на штурм города.

Замойский. То исполним, ясновельможный король! Как расширим пролом для возможности конной атаки, да пошлем 600 запорожских казаков для рубки бегущих москвитов.

Баторий. Приходится брать наемников-запорожцев, думающих более о грабеже. 10 тысяч конного войска, выставленного литовскими панами, не хватает для быстрого продвижения после взятия Пскова по смоленской дороге на Москву. Сейм отказал дать средства на создание постоянной армии из польско-литовских крестьян и для отливки новых пушек. Лишь в Вильно созданы большие пушечные мастерские. Сюда же свозятся амуниция и продовольствие. Уповаю на удачу штурма, в противном случае Псков удержит мои, короля, стремления.

Замойский. Государь, пан Бог нам в помощь. Получена весть от папского нунция Поссевино, такая же весть получена из Польши, говорят, что верная: русский тиран Иван стал виновником большого для себя несчастья. От удара посохом в висок, нанесенного им в припадке слепой ярости, скончался сын его и наследник престола принц Иван Иванович.

Баторий. Истинно добрая для нас весть, ибо ослабляет московскую власть. Однако, само по себе то лишнее доказательство варварства русского тирана. Как такое варварство случилось?

Замойский. Русские неохотно о том говорят, однако, толмач италийский то ли сам видел, то ли слышал дворцовые пересуды. Отец Поссевино пишет: царь Иван в ярости ударил сына жезлом в ухо, да так нежно, что тот заболел горячкой и на третий день умер.

Баторий. Отчего ж впал в ярость русский варвар?

Замойский. В Польше слухи, причина гибели царевича - домашняя ссора. Царь Иван застал невестку в рубашке. Она была беременна и лежала на скамье в исподней одежде. Он, царь, побил ее: ударил по щеке и начал колотить жезлом. Сим принц Иван весьма рассердился, назвал во время ссоры отца кровавой собакой, и отец ударил его за это. Наследник от удара посохом или от сильной душевной боли впал в падучую болезнь - лихорадку, от которой умер. Царь в отчаянии, хочет оставить трон.

Баторий. Что ж, пан Замойский, как цивилизованный человек я осуждаю такое варварство, однако, для дел государства оно нам полезно. В Москве теперь трон свободен. Второй сын царя, Федор, по известиям, слабоумен и неспособен к правлению, третий, Дмитрий, вообще незаконен, он - вне церковного брака.

Замойский. Так, так, ясновельможный король, по слухам, царю Ивану осталось жить слишком недолго.

Баторий. Римский папа должен понять: для осуществления антитурецких планов потребна Польша. Европа оскудела рыцарями, более тянется к деньгам. Только в Польше еще есть крестоносцы. Раньше я хотел доказать, что путь из Москвы в Константинополь лежит через Варшаву, теперь же я желаю попасть в Константинополь через Москву. Для решительного действия против турецкого владычества надо иметь за собой Москву завоеванной, Рим же хочет иметь ее в союзе.

Замойский. То иллюзия Рима. Москва доказала, что она этого не хочет.

Баторий. Остается покорить ее. Я, король Баторий, взялся за это. Однако, прежде того надо покорить Псков. *(Смотрит в подозрную трубу.)* Пожар разгорается.

Замойский. То горит внутренняя деревянная стена и псковские постройки.

Баторий. Стрельба стала тише. Не надобно давать русским передышку!

Замойский. Ясновельможный король, как подойдут ближе полк правой руки пана Яна Тишки и полк левой руки пана Яна Глебова, ударим с занятых башен и со стен по внутреннему городу, тем довершим штурм.

Баторий. Пан Замойский, надо бы отобрать из подобранных градоемцев, приближенных королевских дворян, 2 тысячи добрых стрелков под командой Юргена Ференсбаха, послать в разбитую от нас Свиную башню для стрельбы из окон по псковскому ополчению и прочему городу.

Замойский. То сделаем, ясновельможный король! *(Слышны сильная канонада и оружейная стрельба.)* Ясновельможный король, передышка завершилась. Починаем крепкий приступ.

Баторий. Объявить по войску: король, осердившись на непокорность Пскова, посылает к Покровской и Свиной башне и по всему пролому рыцарям своим, ротмистрам и всем градоимцам повеление: крепко и безустанно Псков взяти. *(Сильная ружейная и орудийная стрельба. Крики. Отблески огня.)*

Занавес

Сцена 102

Псков. Похвальский раскат. Насыть для постановки пушек. У пушек - пушкари. Слышен шум битвы. Все застлано дымом.

Летописец Василий (*диктует подьячему*). Гром велик, и шуму много, и крик несказан от множества обоего войска и от пушечного звука, и от рушничного обоего войска стрельяния и от воинского крика. (*Подьячий пишет. Свист ядра, крики. Взрыв, вспышка пламени. Крики и стоны.*)

Нарядный голова Морозов. Зашибло сколько?

Тренька Бешелев. Трех, кажись, да покалечило неизвестно сколько. (*Стоны.*)

Пушечник Дорога Болотов. Огненными ядрами Литва бьет, раскаленными или обмазанными горячим составом.

Пушечник Шаранька Семенов. Литва уж в городе, вишь, стрельцы уходят! (*Проходят стрельцы - иные, обмазанные кровью, иные ведут товарищей.*)

1-й стрелец. Литовска бесчисленна сила! На градovou стену яко вода льется!

2-й стрелец. Пролом же и восход в град от литовского наряда великий пробит.

3-й стрелец. Защищения и затулы никакой в тех проломных местах от литовского наряда. У Покровских и Свиных ворот за чем стояти нет ничего.

Летописец Василий (*диктует*). Приступ того же дни в шестой час. Яко много вода восшумела и много гром возгремел, и все бесчисленное войско, возвидевшее на проломном месте на градovou стену, скоро и спешно устремилось. Литовская же бесчисленная сила на градovou стену яко вода льется. (*Входят воеводы Иван Петрович Шуйский и Василий Федорович Скопин-Шуйский с воинами.*)

Иван Шуйский. Братья, как дела с войском Баториевым делаете?

1-й стрелец. Дело худо, государев боярин, воевода Иван Петрович Шуйский! Против проломных тех мест защищения ради с литовцами стена с многочисленными пробоинами и не ограждена бесчисленно. От беспрестанного бою из наряда литовских людей повалена. Того ради литовские люди многие на стены вскочивши города Пскова, и многие ротмистры и гайдуки со своими знаменами в Покровскую и Свиною башню влезли, из окон по христианскому войску стреляют беспрестанно.

Иван Шуйский. Видел я с кровли много баториевых полков со знаменами. Повелеваю, чтоб и мы знамена бы развертали, ибо развернутое знамя призывает воинов православных продолжать бой, особо знамя русского войска со Спасом. (*Свист ядра, взрыв, крики, дым.*)

2-й стрелец. В огне и дыму неможно у нас друг друга видети, на обе стороны лишь дым да огонь стоит от стрельбы их огненной, дым до неба. (*Новый взрыв.*) Как есть - страшная гроза небесная, когда бывает гром с молниею. (*Крестится.*)

3-й стрелец. По улицам всем богоспасаемого города Пскова крик великий и стенания многие, и вопли несказанные. (*Слышны крики и вопли.*)

1-й стрелец. Погибель наша близка за грехи наши.

Иван Шуйский. Таки слова для православных позорны! Вы - стрельцы, пехота русская, православная. В русской кавалерии большая часть нерусских есть, казанские князья и мурзы, служивые касимовские татары, горные луговые люди, чуваша и марийцы, наездники - мордва и черкесские, государю же верно служат. Вы ж, русские, православные, ежели служить не хотите, то казнь вас ждет!

4-й стрелец. Государь царский воевода Иван Петрович, мы государю верно служим, однак уж мочи нет от литовского насилия! Уста наши кровью запеклись, и не пивши мы, не едавши уж долго.

Иван Шуйский. Собьем со стены войско Баториево, с Покровской и Свиной башни, то попируем!

1-й стрелец. Государь великий воевода Иван Петрович, как стояли мы на Свиной башне, то польско-литовские градоемцы почали стрельяти из окон, да кричали нам худые вести. Кричали, будто царевича более нету: отец, государь наш, его остенем поколол! Такое нам кричали. Оттого истинно нам не естся. Некоторые, обедавшие над трупьем мертвым челоуеков, среди смрада оногo, не могут тепереча куска в рот взять. Что ж, Русь теперь без царевича, без наследника?

Иван Шуйский. То все ложь вражья! Не слушайте той лжи, стойте против их ополчения!

1-й стрелец. Стоим, государь, однак, яко от великого дождевого облака ручничными пулками яко бесчисленными каплями народ поливающий, яко змеиными жалами христиан умертвляючи через пролом.

Иван Шуйский. Воевода Скопин-Шуйский, велик ли пролом?

Скопин-Шуйский. В южной стене большие проломы. Ныне же, на другой день, королевская пехота почала общий штурм. Колонна обрушилась на стены и захватила две башни, однако, внутрь города еще не прорвались.

Иван Шуйский. Нарядный голова Морозов, отсюда, с Похвальского раската, по башням ударишь?

Морозов. Потщимся, государь царский воевода Иван Петрович!

Шуйский. В нашем богоспасаемом Пскове в соборной церкви Живоначальной Троицы беспрестанно к Богу со слезами и со вздыханиями многие о спасении Бога молитвы. Видя безотступное стреляние, крепкое грабоемство, многие живое непобитые и раненые, изнемогая, надежду на Божье неослабно имеем. Я, государев воевода Иван Петрович Шуйский посылаю в соборную церковь Живоначальной Троицы большие и надежные избавления по святыя чудотворные иконы и чудотворные мощи благоверного великого князя Гавриила Всеволодовича Чудотворца и избавителя Пскова от врага и повелеваю принести близ проломные места от Литвы. Сюда же, на Похвальский раскат, игумену Тихону и протопопу Луке прийти с молитвою и молящимися.

Скопин-Шуйский. Исполним, главный государев воевода! *(Посылает гонца.)*

Иван Шуйский. Прежде прочего Троицу принести. Троица - защитница Псковичей, псковская особая святая. Также святая чудотворная икона Успения Пречистой Богородицы Печерского монастыря.

Летописец Василий *(диктует)*. Пиши: «Христианам надежное. Посылаю в соборную церковь Животворящей Троицы по большие и надежные избавления, по святыя чудотворные иконы и чудотворные мощи верного князя Всеволода Чудотворца, избавителя от врагов псковских. Сущее. Видя крепкое вражье грабоемство и свои воины побиты и ранены изнемогавши, то только надеждою Божьей неослабно живем».

Иван Шуйский. Чудотворную икону, из Владимира в царствующий град Москву приходящую ради Темир-Аксака, также здесь, в богоспасаемом городе Пскове прихощения ради польского короля оставить.

Летописец Василий *(диктует)*. Из московской истории. Яко же чудотворную святую икону Пречистой Богородицы, из Владимира приходящую ради Темир-Аксака, здесь же приходящую ради польского короля. Сущее. Там же имеется Колтарь, здесь же приименуется Обатурой. «Аксак» по-татарски «хромец», «колтарь» же - от псковского простонародного слова «колтать», сиречь «хромать». Фамилия же польского короля от простонародного слова «оботур», сиречь «своевольник, нахал», яко принесена икона из Владимира в Москву в самый праздник Успения. Того ж дни и Темир-Аксак царь устремился от пречистого образа невидимого, убоился и с воинством от Москвы и всей Руси бежал. Здесь же, в превеликом славном городе Пскове, в самый ее, Богородицы, праздник, честного и славного ее рождества, Оботур польский от Пскова побежит! *(Свист ядер, взрывы, крики.)*

Скопин-Шуйский. Пошли поляки и литва на решающий приступ. *(Слышен топот коней.)* Уже на конях пошли!

1-й стрелец. Много коней пошло! От силы их и от урастания, сиречь рыскания их конского, словно земля потряслась и погнулась. Спаси нас, Господи! *(Крестится.)* И пешая литва пешим строем идет. Подобен их строй строю немецкому солдатскому, а в полку у них солдат 6 тысяч.

Летописец Василий *(диктует)*. Зело крепкий приступ, крепко бы реку Покровской и Свиной башне и со всего пролома польско-литовское воинство с русским воинством бьется. *(Шум битвы.)*

Иван Шуйский. Пушечный голова Морозов, который из твоих пушкарей особо пригоден для дела святого: отсюда, с Похвальского раската, ударить по башне Свиной и не погрешить?

Морозов. Государев воевода Иван Петрович Шуйский, у меня в наряде боле всего пушек скорострельных. Скорострельная стрельба требует навыка, потому составлена отдельная артиллерийская команда из лучших пушкарей: Яков с учениками Ваней и Васюком, Петр-пушечник, Булгак новгородский, пушечник Дорога Болотов, Сура Кафтаник, Пospel Нехлюдов, Клим - пушечного приказа кузнецы, они и пушкарки. Потому Истомка Чижельник, Тренька Бешелев, Шаранька Семенов, Пospel Нехлюдов, Клинт Фаустов, Недрогин, Андрей Чохов да ученик его

Богдан Пятой лучшие, я ж, нарядный голова Морозов, сим добрым нарядом ведаю. Каждый из сего наряда достоин.

Скопин-Шуйский. Истинно добрый наряд. Тут, подо Псковом, пушкарки не дали Баторию лагерь вблизи сделать, сделал вдали его, за Никитской церковью, не ближе версты, что помогает нам при обороне.

Иван Шуйский. Пушкарки, кто из вас на святое дело готов ради государя и отечества: с первого выстрела в пороховой погреб попасть, где зелье хранится под Свиной башней, чтоб поляков и литву взорвать, и никто из них убежать не успел?

Тренька Бешелев. Государь и воевода Иван Петрович Шуйский, все мы умелы, а завербованы мы, пушкарки, крестному целованию, сиречь присяге.

Шаранька Семенов. Мы, пушкарки, той присягой обязались быти при надобности у больших пушек, у затинных пищалей малого калибра до конца живота нашего.

Дорога Болотов. А отечеству верны. Мы, пушкарки, предпочитаем смерть позорной сдаче в плен с орудиями. Под Веденом да под Полоцком пушкарки не сдались в плен. Видя, что неприятель уже в стане, они повесились на своих орудиях. И мы тут, в Пскове, при надобности повесимся.

Иван Шуйский. Тут, подо Псковом, не можем мы вешаться, чтобы отечество врагу отдать. Воеводы да Скопин-Шуйский, надобно для воодушевления войска обратиться к нему с грамотой об укреплении брани с противником. В той грамоте призвать воевод, детей боярских и всех ратных людей добро стояти против супостата, помнить подвиги великого Владимира Киевского, и всей Руси царя Владимира Мономаха, и храброго великого князя Александра Невского.

Скопин-Шуйский. Исполним, главный царский воевода Иван Петрович! (*Шум битвы. Появляется раненый гонец.*)

Гонец (*говорит с трудом*). Воевода князь Иван Петрович Шуйский, послан от воеводы Хворостинина от Свиной башни. Велел передать: литву держим с трудом, шибко крепкий приступ. Такого смелого и жестокого приступа не бывало к нам. Уж ножами мы с ними режемся в сей приступ.

Иван Шуйский. Держитесь ли в башнях?

Гонец. С башен отошли в ямы, и там держаться не можем. Почали уж они к нам метать в ямы наши ядра огненные и всякие немецкие преступные мудрости. Ни один час не дают покоя нам! Они, поляки да литва, да венгерцы, в латах бьются с переменою, чтоб той истомою одолеть нас, и от того злого ухищрения их помыслу, от бессония и от тяжелых ран своих, и от всяких осадных лютых нужд, и от духу смрадного, от человеческого трупия, отягчали все и изнемогли многие изнеможением осадным. Уже наши ноги под нами подогнулись, и руки наши оборонные уже не служат нам. От истомы уста наши не глаголют, от беспрестанной стрельбы глаза наши выжгло, в них стреляючи порохом. Язык уж наш в устах наших на латынь да на лютеров закричать не воротится. А мало нас в дружине своей, в полку осталось. Уже стало переменяться некем. Ни един час передохнуть нам не дают. Потому воевода князь Хворостинин просит подкрепления.

Иван Шуйский. Много ли поляков, литвы и венгерцев в Свиною башню залезло?

Гонец. Три тысячи, не менее! Все лезут и лезут! Как станет их поболее, то почнут в город спускаться с башни Свиной и Покровской.

Иван Шуйский. Подождем, пока станет их, супостат, поболее, да с первого раза, умело, без погрешения всех разом прихватим.

Морозов. Моя артиллерийская команда умела, и стреляти добро учебными регулярными стрельбами научена, артиллерийскими экзерциями. Каждый год в Москве пробы огненного стреляния. Тяжелое орудие привозим в назначенное место и стреляем. Деревянные дома, нарочно для того построенные и наполненные землей. Палим из мортир, затем из тяжелых орудий, разваливаем дома ядрами. Иной раз начинаем с орудий малого калибра, а оканчиваем самыми большими. То и здесь потщимся!

Иван Шуйский. Потщитесь, потщитесь ныне то учение на пользу государю и отечеству поставить. С какой пушки ударим? Сей ли великою?

Чохов. Сия велика пушка, государев воевода - железное орудие, то дробовая пушка. Я ж замыслил сделать для того пушки, заряжающиеся множеством пуль. Пули - ядра с гусяное яйцо. Пулевые пушки. С такой пушки ударить ли?

Морозов. Он - Андрей Чохов - и пушкарь, и кузнец, и литейщик.

Чохов. Уж истинно, тут при Похвальской церкви служил, мастерские, колокола лил и пушки. Да в Запсковье, у церкви Варлама льют. Пушки теперь без швов. Вот Степанова пушка. *(Показывает.)* С нее бы ударить!

Скопин-Шуйский. Отчего с нее?

Чохов. Красивая! На стволе - чешуйчатый орнамент. Раз красиво - так и надежно, с любовью сделана. Мы, государевы колокольны литцы пушечного двора, красоту любим.

Тренька Бешелев. Государь и воевода Иван Петрович Шуйский, не со Степановой пушки надо бы, а с Барса. Он, Барс, хоть и неказистый, да надежный при стрельбании раскаленными ядрами. Степанова пушка - стенобитная, нам же потребно точно в то место попасть, где пороховое зелье хранится.

Иван Шуйский. Нарядный воевода Морозов, кто из сих пушкарей надежней?

Морозов. Чохов - литейщик хорош, мастер пушечный, а Тренька Бешелев - наперщик лучший, он хай и стрельнет с Барса.

Иван Шуйский. Так и порешим, чтоб супостата поболее в башню набралось, тогда и стрельнем. *(Слышно церковное пение. Входят игумен Тихон и протопоп Лука с процессией молящихся.)*

Игумен Тихон. Государев воевода Иван Петрович Шуйский, по зову твоему пришли с молящимися сюда, на Похвальский раскат, для молитв я, игумен Тихон, и протопоп Лука. В богоспасаемом же граде Пскове также вы, государевы воеводы и бояре, своему христианскому войску с любовью и со слезами на бой понуждаете, и безотступны к ним воины, бьющиеся в врагом. И се видим, христианские головы яко пшеничные колосы от земли востерзаючи и тихо, и тако за христианскую веру скончающиеся. Таков почет воинам умершим. Многочисленным же раненым от литовского оружия, изнемогшим и от многого труда уставшим, Божьим покровом быть прикрытым, и на него вооружением надежным быть прикрытым. Стойте и крепитесь, воины христианские! *(Благословляет всех крестом.)*

Лука. Во граде богоспасаемом Пскове я в соборной церкви Живоначальной Троицы беспрестанно к Богу, со слезами и со вздыханиями многими о спасении Бога молил. Яко же придя весть в охрану Живоначальной Троицы всему освященну Собору уж литовская сила на стенах и башнях со знаменами ходит и по граду стреляет, вход в свои пути очищаючи, тогда же печерский игумен Тихон и я, протопоп Лука богоспасаемого града Пскова, христиане все священнические и во Христе дьяконски освященный собор, вскричал гласы премногие и, руки простираючи, к Пречистому образу на колени припал, слезами на мрамор помоста церковного, яки струями многие реки возмочившими, Богородице о спасении града Пскова и живущих в нем умильно прося. Так же омочим мы слезами и сей Похвальский раскат. *(Плач и молитвы.)* Тако же вы, жены благородные, и к молебну стоящие, в Соборную церковь сошедшие и кричащие, и гласы ревущие, и в перси свои бьющие, Богу и Пречистой Богородице молящиеся и о помост убивающиеся, молебн воспоем тут, на Похвальском раскате. *(Плач, молитва, вопли.)*

Женщина. Многими молитвами Богу тут на Похвальском раскате тако же все в богоспасаемом Пскове по домам оставшиися жены, со всеми чадами, с малыми младенцами, перед святыми образами умильно плачут, и гласы вопиют, и в перси свои бьют. Богородица ж со святыми, призываючи о грехах и об избавлении от грозы Богу молиться. *(Слышен сильный шум, крики, стрельба, свист ядер, взрывы.)*

Скопин-Шуйский. Польско-литовское воинство, крепко и надежно насилующее, спускается с башен на последний штурм.

Иван Шуйский. Воины христианские и вы, псковичи, также и жены псковские! Не одними лишь молитвами, а силой отразим силу. Они, супостаты, желают полону, да не полонится имя христианское во Пскове. Хотят покрыть нас силой смертной из рук своих. Настал решающий час! Несите иконы к проломным местам! Крепко литва со стен града с Покровской и Свиной башни и со всего пролома насилует. Польско-литовское воинство с русским воинством бьется. Государевы же бояре и воеводы и со всем христианским воинством против их стоят и не дают схода литвы в город Псков. *(Идут монахи с иконами.)*

Игумен Тихон. Идут к проломным местам святые иконы. Не воинские люди, но воины Христовы черных образов. Первым чудотворную икону Пречистой Богородицы Печерского монастыря несет келарь Арсений, именуемый Хвостов. С ним же второй - Рождества Пречистой Богородицы Святогорского монастыря - казначей Иона Наумов. Третий же с ними - игумен Маркерий, игумен, знаемый во Пскове всеми.

Маркерий. Мы, препомянутые чернецы, плотским рождением - дети боярские, в миру также искусны воины. Сего ради и богомолено, и веры ради честных своих молитв побегим в препомянутое место, где кровопролития торжество обеих сторон совершается.

Арсений. Велики гласы государевым боярам и воеводам и всему христианскому воинству от лица святых икон. Не бойтесь, встанем крепко и устремимся вкупе на литовскую силу, Богородица бо к нам идет с молитвою и заступлением, и со всеми святыми в помощь вместе пойдем.

1-й стрелец. И мы, ратники, с иконами.

Летописец Василий. Сущее. Такие же гласы услыша, яко Богородица идет со всеми святыми на помощь, и немощные сердца утвердились, и все вкупе на подвиг вооружились. *(Входит толпа народа, среди них - много женщин.)*

Женщина. Государь воевода Иван Петрович Шуйский! Мы, женщины, по домам оставшиеся, оставив немощи наши и в мужскую облекшись крепость, и все к пролomu бежать вознамерились, и всякие жены тщение показывают.

Летописец Василий. Жен храбрые, и от жен пособие. Сбежавшись многие множества жен к проломному месту, и тем великое пособие и угодие воинским христианским людям показывают. Иные крепкие, в мужскую храбрость облекшиеся, с литвой бьются, иные камнями и горячую смолу и кипяток воинам приносят, иные утрудившимся воинам, от жажды изнемогшим, воду приносят, и ретивые их сердца жаждою водною утоляют.

Протопоп Лука. Народ православный, чудотворный образ принесен от живоначальной Троицы великого страстотерпца Христова и великого мученика Дмитрия Салунского, а несет тот образ Никола Салос, Христа ради уродивый псковский. Святой юрод, скажи слово свое!

Никола Салос. И где принесена была святая чудотворная икона Успения Пречистой Печерского монастыря и чудотворными мощами великого заступника псковского князя Всеволода, с ним же и князя Домида победившим литовцев, ливонских рыцарей с образами Дмитрия Салунского и с прочими святыми. К проломным местам тотчас от града Пскова невидимым явится на проломе, и все воинство христианское устремится на литовскую силу, на стены града, на проломные места. *(Слышен свист ядра, взрыв. Юрод с иконой в руках падает.)*

Игумен Тихон. Убили юрода! Литовские гайдуки, видно, услышали на проломе от нас, христианских священников, молебное пение и, разумея, что тут много народу, камнем многим почали метати по взбешенному своему обычаю, и ударили великим камнем в чудотворный образ великого мученика Дмитрия Салунского, корсунского, греческого письма. Облаченный в нем золоченый доспех, и вырвали из доспеха великое место во чреве, повыше пояса, против рама и левкаса да доски. По святому образу живая кровь течет, благочестивого урода кровь!

Никола Салос *(с трудом поднимается)*. То святая икона кровотоцит, образ святой! Великомученик и победоносец Христов Дмитрий Салунский, видишь врагов наших дерзость?! Не токмо над нами, над святым твоим чудотворным образом поругается! Помолись, святой Дмитрий, ко Господу, и избавь нас, святой, своей милостью и помощью от врага нашего, яко избавил святой Дмитрий Салунский молитвою, яко пособил великому князю Александру Невскому на Чудском озере над погаными немцами, так из великого града Пскова оборони обороною. *(Падает.)*

Протопоп Лука *(склоняется над упавшим)*. Почил в бозе святой Микола, Христа ради уродивый.

Иван Шуйский. Отнесите его, хай псковичи погребут святого юрода в Троицком соборе, где до сего погребались лишь псковские князья. Я ж на свое великое пособие из отломленного куска оклада серебряного для уха своего серьгу сделаю в память о великом побоище, как и при князе Александре Невском, во имя спасения отечества и государя.

Пушкарь Тренька Бешелев. За смерть святого да за прочие христианские смерти пришла пора расплаты! Повелевай нами, государев воевода Иван Петрович!

Иван Шуйский. Сей же, братцы, ныне настал день плача и веселья, храбрости и мужества! Плача, ибо за грехи напустил на нас Бог такое искушение, веселья же - яко же за христианскую веру и за отеческие законы способляемся умирати, храбрости же и мужества ныне наступает время. Сильные враги наши идут, а мы немощные, а мы - под их силою. А мы - алчущие, милосердия Божьего исполненные. Святой отец протопоп Лука, благослови пушки и пушечников христианских!

Протопоп Лука. Благословляю бранные сосуды, военные орудия на брань! *(Крестит.)*

Тренька Бешелев. Особо, святой отец, благослови Барса, сию пушку, на которой барс изображен.

Лука. Благословляю сию пушку Барса. *(Крестит.)*

Иван Шуйский. Вдосталь уж супостатов башню. Сейчас, псковские пушкари, ударите из Похвальского раската из великой пещеры Барса по Свинской башне, и не погрешите!

Тренька Бешелев. Исполним твой, государев воевода, Божьей милостью наказ. Заряжай, сыпь порох в фитильную трубку! Зажигай фитиль! *(Крестится. Наводит пушку.)* Подноси фитиль! *(Выстрел. Грохот орудия, свист ядра. Сильный взрыв.)*

Нарядный голова Морозов *(крестится)*. Не погрешил пушкарь! В зеленый погреб угодил под башню! Множество польско-литовских людей в башне побито.

1-й пскович. Яко же сильный гром грянул, земля дрогнула и потряслась.

2-й пскович. Горением земля с камнем на великие высоты восходит, и многие бревна и людей взлетающих, литву поганую видно! *(Радостные крики.)*

Иван Шуйский. Тысяч пять литвы, не менее, побито! Подведен у нас был весь наряд. Помимо зелья дробными железными усечками усеян.

Летописец Василий *(радостно диктует)*. И множество граждан польско-литовских на высоты являются. Иные на полы перервано, иные же нозы и руци оторваны, и с великой высоты бревна падающие и многих нечестивых побивающие. *(Крестится.)*

Тренька Бешелев *(крестится)*. Аще кто ж ездил да на Святую Русь, ай, с Руси да не выезживал! *(Шум битвы, стрельба, крики.)*

Занавес

Сцена 103

Стан Батория у Никитской церкви. Слышен шум битвы, пушечная и ружейная стрельба.

Баторий *(смотрит в подзорную трубу - брахиоскопус)*. Худо видно отсюда, с километрового расстояния, что там стряслось. Гром велик. Ежели мои дворяне за стеной в городе ходят и русскую силу побивают, то видеть хочу.

Замойский. Ясновельможный король, сейчас вестник на коне прибежал.

Баторий. Что возвещает?

Замойский. Ясновельможный король, хай сам возвестит. *(Входит окровавленный дворянин-вестник.)*

Баторий. Ужели мои дворяне в замце?

Дворянин *(говорит с трудом)*. Ясновельможный король, первое извещение ясновельможному королю скажу, яко прощаясь. *(Дышит тяжело.)*

Баторий *(нетерпеливо)*. Говори скорей, холера ясная, в замце?!

Дворянин. Ясновельможный король, тебе ж скажу: под замком. *(Падает.)*

Замойский. Ясновельможный король, Вашей же светлости сообщу, государю: все твои дворяне в Свиной башне убиты и сожжены во рву лежат.

Баторий. Как так? Что ж латники венгерские, что ж храбрый мой рыцарь Бекеш?

Замойский. Ясновельможный король, Бекеш убит, и Балтазар убит. По первым известиям, из высшей знати военной погибло 40 человек, да гайдуков-градоемцев во множестве.

Баторий. Срам! Шибко великий срам! Тогда и мне, королю, от срама на свой меч напасть и умереть! От такой вести мало сердце мое не треснулось! *(Отбрасывает подзорную трубу.)* Таков обычай бывает усердием, но неверным. Отчего не исполнилось, как задумано? Отчего не прорвались внутрь города?

Замойский. Ясновельможный король, русские взорвали Свинскую башню вместе с засевшими там нашими градоемцами. То принудило оставшихся к отступлению.

Баторий. А подкопы вели под крепостную стену?

Замойский. Псковичи переняли их и разрушили.

Баторий. Батареем неустанно бомбардировать город калеными ядрами, чтоб вызвать пожары. Послать в Покровскую башню и по всему пролому ротмистра и всех градоемцев с повелением: «Король ваш усердился и всем градоемцам крепко и без стана город Псков взять велел».

Замойский. Ясновельможный король, верхний ярус Покровской башни снесен русской артиллерией. На льду реки Великой, откуда двинулся сторожевой полк пана Трокского, осталась гора трупов наших гайдуков. Для сохранения надобно отступить из траншеи в лагерь, туда же увезти и осадную артиллерию, дабы она не досталась русским казакам.

Баторий. Срам, панове, срам! Я, польско-литовский многогорделивый король Стефан, такое вижу со стыдом и со срамом польско-литовское свое войско, от города бегущее! Сам же я, король, великого срама не исполнен. *(Слышен конский топот, выстрелы.)*

Николай Сапега *(вбегают)*. Ясновельможный король, казаки близко, надобно уходить. *(Выстрелы. Несколько поляков падают. Король Баторий, Замойский, Сапега в окружении воинов убегают. Бешеный конский топот. Выстрелы стихают. Слышно воронье карканье. Вбегают казаки.)*

Васька Ус. Сбежал, скаредная собака! Была бы ему смерть от меча Васьки Уса, казачьей руки!

Васька Рожа. И моя, Васьки Рожы, рука, поиграла бы!

Васька Пронец. А сии латыны остались воронам на закуску. *(Пинает один из трупов.)* Слышите, братья, як грают вороны черные? *(Слышно воронье карканье.)*

Васька Рожа. То, Васька Пронец, они радуются, латынского да лютерского трупа ожидаючи.

Васька Ус. Уж накормили мы воронов головами, и еще накормим. Да и короля их, охальника, поймать потщимся. И от нашей малой казачьей руки срам ему будет, и от великой руки Бога. Пойдем, их пошукаем. *(Убегают.)*

Занавес

Сцена 104

Польский лагерь. Шум и плач. Большая толпа воинов Батория.

Ротмистр. Панове, ясновельможный король Стефан Баторий и коронный гетман пан Замойский повелел сообщить ясновельможному воинскому сбору, что отныне приступов, стоящих великих жертв польско-литовскому войску, не будет. Войско переходит к правильной осаде Пскова.

1-й солдат *(кричит)*. Хватит, не желаем на сборах слушать ротмистров! Мы мерзнем тут в лагере. Хотим хороших зимних квартир!

2-й солдат *(кричит)*. Мы, из Посполитого Рушанья мелкая шляхта, собрались под родовую хоругвь, а ныне многих панов побилло, и мало нас осталось под той хоругвью. Мацко из Богданца убили, Яцека Топорека убили, да иных многих, то грозим вовсе уехать домой.

3-й солдат *(кричит)*. И мы, литовцы, грозим уйти! У нас не приходится и 40 лошадей на эскадрон!

4-й солдат *(кричит)*. Мы не хотим более сражаться! Не двинемся с места, пока нам не будет уплачено жалование!

Венгр. Где король? Пусть придет к нам король и скажет речь! Мы, венгерцы, и прочие наемники, шумим боле иных, ведь мы сражались с опасностью для жизни ради чужих выгод, и за провинцию, от которой не достанется ни нам самим, ни государству никакой пользы! *(Входит король в сопровождении гетмана Замойского и прочих начальников, с ним - римский посланник.)*

Баторий. Что за крик тут, в стане, точно то не лагерь королевских войск, а вертеп разбойников?

1-й солдат. Крики и плач и великие кручины, ясновельможный король! Паны панов своих плачут. Мужичад своих лишились, брат с братом разлучен.

2-й солдат. Повелел ты нам, ясновельможный король, общим кличем идти на врага под родовую хоругвь, а за сию похвалу твою, ясновельможный, сами и до Псковского поля, и до рва многие не дошли, но тела многие псам на съедение отдали!

Венгр. Гетмана нашего венгерского Бекеша подо Псковом убито, и иные познали подо Псковом животам своим зло.

Баторий. Такое слушая, и я, король, в великую кручину и в отчаяние впал, многие укоризны нанося. К сему же слышу у себя в стане плач велик и рыдания, вопли многие, яко всему стану нашему возмутиться и всколебаться. Однако мы, панове, на Пана Бога надеясь и Матку Бозку, то отчаяние

превзойдем и задумаем, как врага одолеть без крови своего польско-литовского войска великого проливания. Попытка штурма показала, что такую крепость как Псков лобовым ударом не взять. То мы, польско-литовское войско, перейдем к осаде города.

3-й солдат. Ясновельможный король, не можем мы сидеть в осаде. Русские дерутся аки дьяволы, мы мерзнем и голодаем. Ясновельможный король, мы, литовцы, определенно заявляем, что на зиму не останемся.

4-й солдат. Мы не можем тут сидеть. Своими громадными ядрами псковичи наносят нам немалый вред! Все тут погибнем! Домой пойдем!

Баторий (*стараясь перекричать шум*). Успокойтесь, панове! Вот в стан приехал от святого Папы Римского посредник отец Антонио Поссевино. Я, король, обещаю, что скоро будут початы переговоры, а то значит, что близится окончание военных действий.

Поссевино. Солдаты, рыцари Святого Римского Креста! Вы славно сражались за дело церкви, теперь же наступает время мира, о чем вам поведал Его Величество король Польши.

Баторий. Солдаты, я, король, обещаю вам скорый и выгодный мир.

Второй солдат. Король великий. Мы хотим мира, пора кончать войну, всем она надоела.

Баторий. Однако, панове, отойти от Пскова, не взявши его - не добьешься мира. То было бы срамом не только для меня, короля Батория, но и для всей Речи Посполитой. Потому, панове, я, король, отправляюсь в Варшаву, чтоб склонить сейм к новому последнему усилию, которое принесет нам почетный победный мир. Вместо меня войском под Псковом остается командовать великий короной гетман Замоиский.

Замоиский. Панове, разоидитесь каждый по своему полку и поддерживайте дисциплину, яка потребна в королевском войске. (*Солдаты расходятся.*)

Баторий. Все подо Псковом идет не так, и продолжительность осады только увеличивает бедствия сражающихся. Если я уйду без почетного победного мира, ропоту в Польше не будет предела; я, король Баторий, потеряю свою воинскую честь и свое влияние. Никто не думал, что у Пскова такие крепкие стены.

Поссевино. Ваше величество, не так крепки стены, как твердость и способность русских обороняться.

Баторий. Надо признать, русские в этот раз защищаются упорно. Мы сделали пролом в стене, взяли две большие башни. Войско мое уже ворвалось в город, но русские, ободряемые князем Шуйским, выгнали моих солдат. Я потерял разом пять тысяч человек. После этой неудачи мне, королю, и коронному гетману Замоискому с большим трудом удадется поддерживать дисциплину. В моем войске - чуть ли не все нации Европы. Помимо поляков и литвы - шотландцы, французы, итальянцы. Очень трудно держать дисциплину среди этих искателей счастья и добычи. Я слышал о грабежах.

Замоиский. Многие солдаты разошлись по деревням в поисках продовольствия.

Николай Сапега. Ясновельможный король, в стане ощущается недостаток съестных припасов. Сделалась дороговизна, падают лошади, убегают люди.

Николай Черный Радзивилл. Ясновельможный король, большие потери, холод, мало провианта.

Баторий. Все идет не так. Чувствуется недостаток не только провианта, но и боевых припасов. А тут еще русские казаки взорвали пороховой погреб в Сурше. Пришлось отправиться за порохом в Ригу. Обоз шел так долго, что я мог на досуге изучать военное искусство по книге графа Райпарта Соломесского, присланную мне сыном знаменитого маршала Карла V.

Замоиский. Ясновельможный король, однако, по прибытии обоза мы провели интенсивный обстрел и разбили стену.

Николай Сапега. Слишком поздно, ясновельможный коронный гетман, наступила глубокая осень. Теперь наступает зима. Ясновельможный король Баторий, мы встретили страшного союзника Москвы во всех оборонительных войнах - зиму.

Николай Красный Радзивилл. Во что бы то ни было, надо сделать новый приступ. Русские тоже страдают от зимы, у них тоже не хватает продовольствия и боеприпасов. Надо идти на более сильный штурм после прибытия нового обоза из Риги.

Сапега. Пан Радзивилл, новый приступ кончится также печально, как и первый. Ясновельможный король, лучше теперь, чем тогда, снять орудия с батарей и более, чем когда либо, начать ждать мира.

Поссевино. Русский народ тоже устал от кровопролития. На соборе и в боярской думе раздаются голоса о необходимости скорейшего заключения мира.

Баторий. Но отчего при таком голоде и потерях русские так упорны, отчего не начали они бунт против тех, кто посылает их лить кровь за тирана?

Поссевино. Ваше величество, я побывал в окрестностях Пскова и иных русских городов. Русские решительно защищают свои города. Женщины сражаются вместе с солдатами, никто не щадит ни сил, ни жизни, осажденные терпеливо переносят голод.

Баторий. Да, панове, в Ливонии было не так. Стойкость русских защищать свою землю особенно велика, и во время войны они проявляют невероятную твердость. При защите и охране крепостей сопротивление усиливается по мере вторжения. В первую мою кампанию сорокатысячная армия успешно захватила Полоцк. Во вторую кампанию пятидесятитысячная армия затратила много сил на малую крепость Великие Луки, а в последнюю кампанию семьдесят тысяч лучших рыцарей не могут овладеть Псковом.

Поссевино. Ясновельможный король, Речь Посполита истощила свои силы, и после трех лет войны нуждается в мире не менее русских.

Замойский. Но и положение московского государя от неудач короля Батория не улучшилось. Шведы одерживают над русскими победу за победой. Ливонские города отняты у русских почти все. Пан Радзивилл с запорожскими казаками и литовскими татарами, вступив в неприятельские территории, доходил почти до Старицы, едва не захватив русского царя.

Баторий. Такое, панове, едва не случилось и со мной накануне от русских казаков.

Поссевино. То означает, ясновельможный король, что война России и Речи Посполитой зашла в тупик.

Замойский. Я мыслю иначе. Долгие мучительства и развращение, посеянное в русском народе, приносят свои плоды. Русские легко сдаются неприятелю, переходят на службу к ясновельможному королю Стефану Баторию. Однако, Псков представляет счастливое для русского царя Ивана исключение благодаря тому, что там находится умный и деятельный воевода Иван Петрович Шуйский. Однако, у меня есть особый план, поскольку по повелению короля главное командование войском теперь принадлежит мне, гетману Замойскому.

Николай Сапега. Ясновельможный гетман, новый приступ невозможен. Войска страдают от холода, терпят нужду от недостатка продовольствия. Не хватает фуража, пороха и ядер, острая нужда в деньгах для выплаты солдатам жалования. Ослабла дисциплина, день ото дня становится бесперспективность самой осады для всех очевидной. Вы ж хотите поднять войска на новый штурм!

Замойский. Штурм не будет, по крайней мере ныне. Я имею тайный план, который надобно добро обмерковать. Скажу лишь, что царь Иван трепещет измены, боится отсылать от себя войско. Ему представляется, что его схватят и отвезут королю Баторию. Он не доверял даже своему сыну, отчего и убил его, заподозрив в измене. Надобно сим делом воспользоваться.

Поссевино. Я согласен, что тем надобно воспользоваться. Момент мог бы быть решающим в пользу Москвы, если бы у русского царя оставались какие-либо силы для наступления. Сил у него нет. В Прибалтике перешли в наступление шведы, возобновились набеги крымцев на южные окраины, и потому ему нужен мир как можно скорее. Упорство Пскова и нежелание поляков давать своему королю денег на продолжение войны неволью приводит и ваше величество, король Стефан Баторий, к тому же. Посредником заключения мира выступает святой папа Георгий XIII, который считает этот момент весьма подходящим для привлечения России к церковной унии.

Замойский. Ясновельможный король, ясновельможное панство, для Европы безопаснее не союзная, а разгромленная Россия. Надо постараться сломить упорство русских тут, подо Псковом.

Баторий. Однако, возможно ли такое, ясновельможный гетман? Псков удержал мои стремления. Упорная оборона псковитян ослабила меня, короля. В приступах потеряна лучшая часть моего войска. Ропот шляхты принуждает меня отступить. Я, король Баторий, уезжаю в Польшу. Тут, подо Псковом, панове, стряслась великая неудача, которой я и польско-литовская армия в своем победоносном движении не предвидела. Мы попытались окончательно поставить точку, рассчитавшись окончательно с Москвой, спасти Европу от ярости русского медведя. Ференсбах ты долго служил России. Скажи, что избавляет московскую военную монархию кровавого тирана от развала?

Ференсбах. Ясновельможный король, московское государство при военном разгроме живет запасами старых сил и тем материалом, который зовется русским народом. Я о том уж говорил, ясновельможный король.

Николай Красный Радзивил. Ясновельможный король, пан Юрген Ференсбах слишком долго жил в России и служил России. Перейдя к тебе, ясновельможный король, на службу, он остался другом России, потому суждения его не лишены привязанности к России. Многие знатоки, также и англичане, на которых русский тиран испытывает любовь и почтение, тем не менее изображают Москву как страну варварскую, управляемую жестокими азиатскими приемами, невежественную, погибающую от застоя и незнакомства с высоко просвещенной Европой. В России пороки народа и правителей взаимно обусловлены. Русские лживы, недобросовестны, склонны к насилию, исполнены недоверия друг к другу. Русский народ расколот надвое: высшие и низшие классы ненавидят друг друга, а происходит это от жестокости и злонамеренного управления, от сознательной политики правительства, поддержанной хитростью духовенства, которое старается держать народ в невежестве. Избавить Европу от опасности, исходящей от варварской Москвы - наш долг перед своими культурными соотечественниками.

Ференсбах. Ясновельможный король, это верно, я долго жил в России, оттого более них я мог бы подтвердить многое из сказанного паном Радзивиллом. Я воевал в русской армии как наемник против татар, угрожающих всему христианскому миру, но другом России оттого не стал. Я - ярый ненавистник вторжения московитов в Ливонию, мою отчизну. После тех бед, которые причинили московиты Ливонии и всей Прибалтике, я - ярый враг России. Однако, давно сказано, что лучшую похвалу услышишь от врага. Ради истины, ясновельможный король, надобно признать великие пассивные добродетели России. Здесь, подо Псковом, мы, панове, в том убедились - русские в крепостях являются сильными боевыми людьми. Происходит это от следующих причин: во-первых, русские ленивы часто по принуждению, от злоупотребления властей, при надобности же - работающий народ. Русские в случае надобности неутомимы во всякой опасности и тяжелой работе. Днем и ночью молят Бога, чтобы умереть праведно за своего государя. Русский с юности привык поститься и обходится скудной пищей. Если только у него есть вода, мука, соль и водка, то он долго может прожить ими, а немец, поляк или литовец не может. В-третьих, если русские добровольно сдадут крепость, как бы ничтожна она ни была, то не смеют показываться в своей земле, так как их умерщвляют с позором, в чужих же землях они не могут, да и не хотят оставаться, поэтому они держатся в крепостях до последнего человека, скорей согласятся погибнуть до единого, чем идти под конвоем в чужую землю. Немцу же решительно все равно, где бы ни жить, была бы только возможность вдоволь наедаться и напиваться. В-четвертых, у русских считается не только позором, но и смертельным грехом сдать крепость, за это их сильно наказывают.

Баторий. И этому кровавому тирану достался по наследству этот клад, не видный по внешности!

Поссевино. Ваше величество, вы сделали много для покорения России и присоединения ее к Польше, а значит, к христианской Европе. Все то, что свершилось на благо же России, которая в противном случае станет жертвой татар и турок. Теперь настал черед Святого креста. Для спасения России я, посредник, папский нунций, считаю возможным отчуждение Смоленска и Пскова, Псковского края мирным путем, без кровопролития, и включения их в Польское государство, под твою, ясновельможного короля Стефана Батория, власть. После того будет осуществлен союз русской и католической церкви. Конечно, подчинение России святому престолу не может обойтись без насилия.

Замойский. Истинно так! Необходим союз креста и меча.

Поссевино. В Риме понимают, что сопротивление русских присоединению к святому престолу будет слишком сильным, поэтому считают возможным освобождение от власти московитов Ливонию вашим величеством. При вашем величестве короле Стефане Батория, начавшаяся экспансия на восток способствует также контрреформации и возвращению Литвы и даже Польши полностью в лоно католической церкви. Во-вторых, надобно принудить к союзу с римской церковью Киевскую, Литовскую и Белую Русь, уже входящих в состав польско-литовского государства, чтоб облегчить присоединение к союзу также московитам.

Баторий. То означает, панове, усилия не одни лишь мирные, но военные. Для этого я еду в Варшаву.

Николай Сапега. Ясновельможный король, ваше величество, вы не должны сейчас оставлять армию. Дела пойдут еще хуже, когда вы, король, отправитесь в Варшаву, чтоб склонить сейм к новым усилиям.

Баторий. Нет, пан Сапега, то решено. Польская армия уменьшилась на десятую часть благодаря потерям, голоду, стуже. К тому ж, часть шляхты грозит уйти. Во время самих походов мне, королю, приходилось и приходится сталкиваться с бесконечными взаимными перекурами панов, у которых свои понятия относительно распределения казны и должностей. Мой королевский указ о коронной армии сейм не утвердил, шляхту пришлось привлекать к записи в отряды добровольцев займом на частные средства мои, короля, и магнатов. То не солдаты, а ливрейные люди, как во время Алой и Белой Розы в Англии. Таким войском воевать трудно при подобном решительном сопротивлении русских и русской зиме.

Николай Радзивилл. Ясновельможный король, все-таки ваше величество сумело искусно использовать таланты нашей шляхты, увлечь большую часть к войне, начертившей великие перспективы польского империализма.

Баторий. Эту похвалу, пан Радзивилл, с радостью принимаю. У меня верный глаз на способных людей.

Радзивилл. И обаяние привлекать их, ваше величество. Из военной школы вашего величества вышли люди, которых судьба призвала завоевать Смоленск, северный край со Псковом и Новгород, а также занятие столицы России - варварской Москвы.

Баторий. Подобное, панове, осуществится, если продолжится, не оборвется слишком рано, империалистический период Польши. Такой Польше потребны восходящие рыцарские звезды. В другой Польше они не найдут настоящего применения своих разнообразных дарований. Панове, я горжусь, что из моей военной школы вышел мой неизменный спутник, сначала канцлер, потом гетман Замойский, завоеватель городов, дипломный и политичный оратор. Я его оставляю тут, подо Псковом, командуящим вместо себя.

Замойский. Ваше величество, нет большей чести, чем быть учеником короля Стефана Батория. Вы, ваше величество - воитель по призванию и командир, популярный среди солдат. Такого типа государя давно жадно вызывала в своем воображении Польша. По повелению вашего величества я как командующий отзываюсь готовностью с энергией продолжить военные действия.

Баторий. Я рад, пан Замойский, что у польской армии теперь такой чудный командующий, тем более, дошли до меня слухи, что в Польше есть люди, которые особо восхваляют ваши достоинства.

Сапега. Да, восхваляют достоинства пана Замойского в ущерб, как они выражаются, мадьярскому королю.

Баторий. Панове, не будем заниматься подобными счетами, будем помнить о великой цели.

Замойский. Ясновельможный король, в силах ли я удержать армию и заставлять ее переносить жестокие испытания осады, если за мной не будет стоять государь, характер и сила которого всем известны? Только хочу следовать плану, который, в конце концов, должен оказаться самым выгодным при данных обстоятельствах. Но никто не станет отрицать, что план этот принадлежит вашему величеству, королю Баторию.

Радзивилл. То новый план, пан Замойский?

Замойский. То план, который мы обсудили с государем. Псковитяне убедятся, что их город можно взять только смотря на него, как уже высказывалось. Нашему войску не стрелять, но и не допускать никакого общения между городом и окрестностями. Запасы же, собранные в нем царем, истощаются. Нами перехвачен гонец от Шуйского с письмом к царю, в котором он извещает, что начался голод, и, если не будет дана помощь, город вынужден будет сдаться. Эти известия возвращают нам мужество.

Радзивилл. Такие известия, может быть, ложны. Ко мне в плен попали два боярина из защитников, они дали иные показания. По из словам, у осажденных есть хлеб и все прочее, недостает только мяса. К тому ж, к Пскову идет русское подкрепление. Надо сделать попытку штурма до подхода русских подкреплений.

Сапега. Пан Радзивилл, неудача нового штурма ухудшит наше положение при мирных переговорах, которое сейчас не так плохо. В Эстляндии шведы победоносно идут вперед. Эти шведские победы отзовутся под стенами Пскова. Вся береговая линия Финского залива в руках шведов, которые могут теперь брать в плен английские суда, снабжающие Ивана военными припасами.

Баторий. По-моему, Польша скорее должна опасаться, чем желать таких независимых союзников. Но, тем не менее, они наносят чувствительные удары общему врагу.

Замойский. Русских надо запереть в Пскове и не допускать туда ни продовольствия, ни пороха, ни подкреплений. Надо использовать все средства сломить сопротивление Пскова. Нужны новые выдумки.

Баторий. Недавняя ваша выдумка, пан Замойский, была недурна - притворившись невнимательным вызвать московскую вылазку осажденных и встретить их убийственным огнем.

Замойский. Предпринятая русскими вылазка на наш лагерь стоила жизни трехсот защитников Пскова, но не привела их ни к какому успеху.

Поссевино. Тем не менее, дальнейшая война бесперспективна. Обе стороны нуждаются в мире. Уполномоченных вашего величества надобно направить в Ям Запольский, чтоб встретиться там с доверенными царя Ивана и заключить выгодный Польше и всему католичеству мир при посредничестве моем, посланца святого папы Григория XIII. Вам же, ваше величество, суждено сыграть роль второго Карла Великого при расширении католического государства, влияния папской курии на Восточную Европу. Ваше величество, многие из угодных Богу деяний уже совершены вами победоносной войной, теперь позвольте завершить вам военный подвиг победоносным для католичества миром.

Замойский. Отец Поссевино, участие римского папы в этом деле учитывается различно. Однако, не использованы еще все военные выдумки. В Пскове слишком умелый воевода Иван Шуйский. Поскольку подкупить или привлечь его на свою сторону не удалось, надобно от него избавиться способом, наверное, заслуживающим порицания, но Бог простит нам такое нарушение международного права. Ведь и Шуйский пытался завлечь меня в ловушку, вызывая на поединок.

Поссевино. Война - дело греховное, и крестоносцы Божьи совершают грехи. Но Бог милостив. Надо стремиться иными праведными деяниями, *captatio benevolentiae* снискать расположение Божье. Время, однако, к святой молитве. Буду просить об удаче рыцарского католического войска и о прощении великих грехов. *(Крестится и уходит.)*

Замойский. Хитрый иезуит! Хорошо, что ушел, при нем нельзя говорить ничего тайного. Выдумка же моя связана с тайной.

Сапега. Какова же та выдумка, пан Замойский?

Замойский. Адская машина, панове, которая повинна разорвать на части воеводу Шуйского. Я велю наполнить коробку порохом и разрывными снарядами и поручу московскому пленнику передать ее воеводе Ивану Шуйскому от имени Юргена Ференсбаха, служившего России. Делается такое для ослабления псковской обороны.

Ференсбах. Это оправдание неудачно, пан Замойский, к тому же не думаю, что выдумка пана Замойского окажется удачной.

Баторий. Я, король Речи Посполитой, и все рыцарство готовы разделить с вами, рыцарь Юрген Ференсбах, этот душевный грех. Ради великой цели надо быть готовым жертвовать не только телом, но и душой. Сделаем и такую попытку ослабить псковскую оборону. Мы, панове, на краю Европы. Государи и императоры, короли и герцоги, и маркизы, графы, рыцари и граждане, вся Европа за нашей спиной. Перед нами - варварское пространство. Будем вести борьбу с этим пространством всякими способами, также и варварскими, простит нам Пан Бог и Матка Бозка такое отступление от права. *(Крестится и уходит в сопровождении военачальников.)*

Занавес

Сцена 105

Псков. Воеводская изба. Воеводы Иван Петрович Шуйский, Скопин-Шуйский, Хворостинин, Овчина-Плещеев, Бехтерев-Ростовский, Ростовский-Лобанов.

Скопин-Шуйский. Иван Петрович Шуйский, стрелецкий голова Федор Мясоедов с подкреплением в город пришел.

Воевода Шуйский. То славно, други, от царя и от Бога помощь Пскову. (*Входит стрелецкий голова Федор Мясоедов.*)

Федор Мясоедов. Главный воевода Иван Петрович Шуйский, как царь, государь и великий князь Иван Васильевич Всея Руси повелел на осаду в прибавку сквозь литовские силы пройти во Псков-город мне, голове стрелецкому Федору Мясоедову со своим приказом и стрельцами, то я же, голова стрелецкий, царскому его повелению совершенно исправити хотя, со стрельцами своего мужеством же своими дерзостью весь страх литовской силы отложивши и Божьей милостью вооружившись, и царским нарочком укрепившись, животами же своими насмерть принял готовым быть Христовой ради веры и царской желательной милости и боязни ради царской грозы скрозь литовские силы добр и здрав во Псков пришел со своим побором.

Иван Шуйский (*обнимает Мясоедова*). Слава тебе, стрелецкий голова Федор Мясоедов, ко времени поспел. Но еще король подо городом Псковом стоит и всячески о своем бездельном приходе размышляет: как и каким образом прикрыти стыд и срамоту лица своего, как тщение и гордую похвалу исправити.

Мясоедов. Главный воевода Иван Петрович Шуйский, как шли мы сквозь Литву, то языки взяли, и сказали те языки, видевшие сей приход русской силы, сей гордый король повелел ротмистрам и гайдукам от города в стан отойти и наряд отволоčiti. И тако в четвертый час ночи ноября в день все литовские гайдуки и ротмистры из ям вышли и наряд изо всех туров отволокли.

Иван Шуйский. Слава тебе, Боже! (*Крестится. Все крестятся.*) Братья, и тут, в Пскове, приход подкрепления слыша и уход поляков, мы, государевы бояре и воеводы и все во Христе крепкое русское воинство, также во Пскове собор, великое благодарение о сем Богу и государю воздаем! Польско-литовской же силе великое унижение и страх от сего есть, за неумение приходу русской силы во Псков воспрепятствовать.

Игумен Тихон. Божье за сим попечение и всех святых, особо же святого отца нашего Варлаама Хутынского, ибо исход поляков из Литвы случился в день шестого ноября, на память преподобного отца нашего Варлаама Хутынского, основателя и игумена Хутынского монастыря, в десяти верстах от Новгорода, на берегу Волхова. Он, чудотворец, и Новгороду покровитель, также и Пскову. Он, святой, нам помог.

Воевода Хворостинин. Святая помощь да мужество воинское, что приступы отбивали.

Овчина-Плещеев. Истинно так, мой, воеводы Овчиныны-Плещеева, полк помимо великого приступа множество иных отбили.

Бехтерев-Ростовский. И мой Бехтерева-Ростовский полк счет приступам потерял.

Ростовский-Лобанов. Мой полк, Ростовского-Лобанова, их с десяток отбил, а сколько всего приступов было, и не ведаю.

Скопин-Шуйский. Помимо великого приступа, приступов польско-литовских крепких по граду Пскову было тридцать один, мы же, государевы же бояре и воеводы, при польско-литовском стоянии также помышляли, великую вылазку конным и пешим из великих ворот сделали, и в той вылазке добрых и славных именитых яко более восьмьсот панов убили, также языков нарочиты в город ухватили. Сия конечная вылазка была сиречь последней. Всех же вылазок из города - сорок шесть.

Василий (*диктует монаху*). Христианам надежное. Христиане великую вылазку конную и пешую совершают и поляков с Литвой побивают. Сущее. Король гетманов же своих и ротмистров не может видети, также и гетманы не могут своему королю явиться за настоящую им срамоту и за многие их королю похваления.

Скопин-Шуйский. Всего из важных панов побито пана Степана, пана Мартына, великого угорского пана Перта, пана Яна Салого, пана Дерта Томаса, пана генеяса Павлова, пана Бередника и иных великих и славных польско-литовских панов, тако ж и всяких градоемцев у Пскова побито, яко они сами сказывают, более пяти тысяч лиц при взрыве башен, раненых же яко сугубо только.

Иван Шуйский. Все те высокогорделивые приближенные дворяне яко же у короля выпрашивали наперед во Псков-город войти и короля встретить, и нас, государевых бояр и воевод, связанных

перед королем, привести. Что же видим? Про них, про сих связанных речем первой похвалой. От сих связанных русских бояр и воевод Божьим помыслом первые польско-литовские люди со псковскою каменною стеною и со Свиной башней вкупе смешались, и своими телесами другую башню подо Псковом оградили, и первые королевские дворяне от нас, русских государевых бояр и воевод, при них же глаголили, яко связанных королю привести, подо Свиной башнею до последнего Божьего суда связаны смерти и телесами своими, псковский великий ров наполнили.

Хворостинин. То крепкий был приступ. Из наряда по городу сряду пять дней били, стену же городовую от той стороны, от Великой реки, сбили и пошли на мой полк великим приступом от Великой реки по льду, а гетманы и ротмистры на конях гайдуков своих саблями секли, к приступу принуждая. Они же, нашим огнем принуждаемые гайдуки и понуждаемые их ротмистрами, яко мост по льду проложили, и тако ж Божьей милостью и того для спасен был великий город Псков.

Скопин-Шуйский. И король их принуждал, слыша от своих надежных градоумцев и гайдуков про побиение, в сердце своем кручина, им отвечал: «Пане гайдуки, два или три приступа городу соберите еще мне! Яко не возьмете, по вашей воле сотворю вам, и из шанцев от замка отведу».

Иван Шуйский. Божьей помощью то сталося. Отошли из шанцев при виде подкрепления русского, государем посланного.

Мясоедов. Не впервой нам сквозь Литву ходить! Когда литовский король подо Псковом стоял, в те времена благоверный царь, государь и великий князь Иван Васильевич посылал войско на Литовскую землю, и там, в Литовской земле, государевы воеводы многие литовские роды попленили и здраво на русскую землю возвратились с великими богатствами и пленом. Ныне же сюда пришли, Псков выручать. Пять дней был бой, а в последний день боя у нас с ними не было. Подбирали они свой убитый труп целый день до вечера. Выкопали они яму и побитому своему трупу глубокий ров от города за три версты, и засыпали его горой высокою, и поставили над ним признаки многие высокие латынские и лютерские и надписали на них языки многие разные.

Мишка Черкашин. Государевы воеводы и Иван Петрович Шуйский, и мои, атамана Мишки Черкашина, казаки, выйдя из города, покладали труп мертвый латинский вокруг города выше пояса. Теми своими ночными вылазками на их пехоту латинскую положили мы великий страх и урон большой учинили в людях.

Скопин-Шуйский. А почали все с подкопу и взрыву, как с похвальского раската из пушки. Пол взорвали под башней и побили их многие тысячи. Тем же нашим подкопным порохом живых их кинуло в город тысячу четыреста человек. То их мудрость осадная с тех пор миновала, почали они от нас в страхе быть.

Иван Шуйский. Государь христианский царь благочестивый не хотел крови, то они, латыны и лютеры, избрали кровь, а ноне, после божественной молитвы, развернув хоругви, пойдём от города на прямой бой, запрем их в обозах. Братия, литовску силу сбиша, очистились псковские стены от скверных польско-литовских ног, и такова литва от города побежала. Которых же во рву застали, и тех побили, ныне же сам к ним наведемся.

Василий (диктует). Благодарное, оборонительное и такое Божьей милостью и Пречистой Богородицы молением и заступлением и великих святых чудотворцев с проломных мест польско-литовску силу сбиша.

Дворянин (входит). Государев воевода Иван Петрович Шуйский, пришел из литовского воинства русский полоненник во Псков и принес с собой великий ларец, также и грамота при нем. Сего же полоненника в город приняли и к вам, государевым боярам, привели. *(Стрельцы вводят пленного.)*

Семен Шуйский. Ты кто?

Пленник. Я именем Дмитрий, исхожу от Литвы, где сидел в темнице и терпел всякую муку, затем толмачем был при короле, ныне же послан с ларцом и грамотой. Велено, чтоб я тот ларец отдал и грамоту у себя имея отдал.

Иван Шуйский. От кого прислано?

Пленник Дмитрий. Прислано от королевского дворянина Гансумюлера. *(Передает грамоту и ларец.)*

Иван Шуйский. Чтец летописец Василий, читай, что в грамоте подписано!

Василий (берет грамоту). В грамоте же подписано по-русски: «Единому государеву боярину и воеводе князю Ивану Петровичу Шуйскому Гансумюлер челом бьет. Бывал еси у великого государя с немчином, с Юрием Фрянбрянником».

Скопин-Шуйский. То, видать, от наемника Ганса Мюллера. Юрий же Фрягбряхи имеется в виду Юрий Фейербах, маршалок датского короля, который в начале ливонской войны находился на службе у государя, а затем с некоторыми другими иноземцами изменил ему да во главе отряда немецких всадников и пехотинцев примкнул к Баторию. Можно ли такой грамоте доверять?

Иван Шуйский. Хай далее читает, то поглядим.

Василий (*читает*). И ныне воспамятствовал естми вашего государя хлеб и соль и не хочу я на него стояти, и хочу я на его государево имя выехать, а наперед себя послав с вашим полонельником свою казну в том ларце, который он тебе ларец принесет. И тебе, князь Иван Петрович, тот мой ларец с того полонельника взять и казны моей в том ларце един да смотреть, а иным бы еси не давал смотреть, а я буду во Пскове тотчас по времени.

Иван Шуйский. Грамоту сию прочтя, со всеми своими товарищами посоветуюсь. Правда ли грамота с ларцом?

Дворянин. Государев боярин и воевода князь Иван Петрович Шуйский, мыслю - ларец с обманом.

Иван Шуйский. И я мыслю - с обманом ему быти, и повелеваю добыти таковых мастеров, которые ларцы отпирают.

Дворянин. Государев воевода, уж заране добыл. Тут мастер псковский - Чурило. (*Входит мастер Чурило.*)

Иван Шуйский. Ты ларцы отпирать горазд?

Чурило (*кланяется*). Мастерить горазд, отпирать же - тем более.

Иван Шуйский. Вынести от воеводской избы да далече от воеводской избы моей, от съезжей избы вынеся, отомкни, всячески бережась.

Чурило. То исполним, государев воевода князь Иван Петрович! (*Берет ларец и выходит.*)

Иван Шуйский (*пленному*). Кто тебя послал, не сам ли король?

Пленный. Король в Литву поехал, нет его в стане.

Скопин-Шуйский. Верно ли? Гляди, как бы тебя на дыбу не подняли за обманы твои! Да ежели выяснится - ларец обманный и грамота обманная...

Пленный Дмитрий. Что в ларце - не ведаю, а ведаю, что поехал король, перед тем его приехал лютерский же его веры римского латинского папы протопоп Антоний.

Скопин-Шуйский. Про то сведения имеем, что приезжал Антоний Поссевино, иезуит, нунций папы Григория XIII. Он к государю ездил, чтоб Руси католичество навязать, да вызвался быть посредником в мирных переговорах меж государем и Баторием.

Иван Шуйский. Прежде о мире Баторий слышать не желал, ныне же, вишь, о мире мыслит! Как приял иезуита король?

Пленный. Король же, сего видя, вельми о нем радостен был, первого же его к себе в совет приемлет и неисправленные свои желания протопопу Антонию открывает.

Иван Шуйский. Желания своего не улучшил польско-литовский многогорделивый король Степан, со стыдом со многим и со срамом польско-литовское свое воинство от города бежавшим видя, посрамился. Сам же король великого срама исполнен.

Пленный Дмитрий. Покровы своего срама Антонию открывает и помощи от сего просит. Вкупе же советуют, якобы хотят с государем нашим мир восприяти.

Иван Шуйский. Оле премудрости и милости Божьей, яко гордыню Господь смиряет, а смирение возносит. Прежде король Речи Посполитой глаголил: «Яко с русским царем о мире никак не помыслию», ныне же сам советует, дабы с нашим государем мир восприять.

Пленный. О сем же совет короля с радостью составляет, также государю, царю и великому князю гонцов своих посылает, абы послов у них съезд учинить. Я, будучи толмачом, те бумаги писал, чтоб посредником был о том.

Игумен Тихон. Протопоп же римский Антоний Пилатова лукавства, и весь яко злобливая лисица лезть в себе воспринимает, и наперед съезд послов государевых являет, будто бы обе стороны хотению примирити учинится. Мы ж, православные добрые, знаем, что есть папа римский, содействующий Польше в отторжении ливонских земель, да об подчинении Русского государства Ватикану планы имеющий, уподобляется сей Поссевино Ихнейлату, честолюбивому, льстивому и лукавому царедворцу из повести «Стефания и Ифелат». Однако, государь наш учен да повесть ту читал, да и повадки римские ведает.

Иван Шуйский. Видать, иезуит Антоний совет лукавый королю давал, король же сего совета начало составляет. Когда король от Пскова отошел?

Пленный. Сам же король ото Пскова отошел декабря в первый день.

Тихон. Сего же пятидесятого лета под седьмую тысячу на память святого пророка Наума.

Иван Шуйский. Кого под Псковом оставил?

Пленный. Под Псковом оставил пана канцлера польского гетмана и с ним многие люди еще на осаду велики города Пскова.

Скопин-Шуйский. Замойский мыслит сотворить, что король не смог: стояние выстояти, голодом выморити. Так ли?

Пленный. Таков же совет свой король поляки канцлеру оставляет, сам же король в Литву отъезжает, оттуда в Польшу.

Иван Шуйский. Поляк же канцлер так Псков-город выстоять и взяти похваляется, а не обошлось бы ему дорого похваление! *(Чурило входит с открытым ларцом.)* Мастер, что видел в ларце?

Чурило *(кланяется).* Государев воевода Иван Петрович Шуйский, ларец отперши, в нем видел полное яда исполнены двадцать четыре самопала заряжены на все четыре стороны, наверх же иссыпано пуд зелья, заводных же замков ремнем приведены к личинке ларца прикреплено. За него же такмо приняться, заведенным же замком у мины всем защелка подходит - огнем запалится все.

Тихон. Таково, братья, канцлерово мышление и сподручных его лукавый совет над государевым боярином и воеводой, над князем Иваном Петровичем Шуйским за его правую государеву службу, за его непобедимое воеводство, за его благородный разум в государевых делах против государевых недругов и всех королевских умышлений и канцлеровых похвал и всего литовского воинства гордости.

Скопин-Шуйский. И от сего смертоносного лукавого мышления в Троице славил и Бог и Богородица соблюли тебя, государева боярина и воеводу князя Ивана Петровича Шуйского со товарищи. Не вредит ничем нам лукавство, но и тому не вредит, кто ларец тот отпираемым делал.

Иван Шуйский. Мастер Чурило, будет тебе награда. Сам ли ларец отпирал?

Чурило. С товарищи отпирал.

Иван Шуйский. Пишите: «Дано мастеру Чуриле с товарищи один рубль, а делали они отпирание обманного ларца.» Тебе же, полонельник, на дыбы идти, там скажешь, ведал ли про обман. *(Пленного уводят.)* Так что лукавство обнаружилось. Мы ж от нерукотворного образа хранимы, како хранимы города Пскова вражье лукавство не прояло.

Воин *(входит).* Государевы бояре, воеводы, с поля, от тех панов литовских многие люди, конные и пешие показались, к городу идущи.

Иван Шуйский. Какое это лукавство - меня, главного воеводу, ларцом убить, да хотели почать приступ. Государевы бояре и воеводы, сие видя, от литовского войска приступ городу, со всем христианским войском на бой уготовиться, воеводам по полкам разойтись, тюфяки, картечные пушки, вперед поставить, казакам да стрельцам для ответной вылазки на стан вражий изготовиться. Замойский ли лукавый от воевод польско-литовский гетман пан канцлер в станах стоит. Благословите на бой с лукавым поляком, святой отец!

Игумен Тихон. На что реку, твоя безумная гордость, глупый воевода канцлер и сподручными твоими с товарищи, затеяли сии выше думы дело, выше Бога совет. Но аз тебе реку вскоре, как кого же Бог хранит, того не может и вся вселенная убить, а кого же Бог продает, и всякая вселенная укрыть. Праведный то есть жив будет, в его же смертные места предастся нечестивый, рече бо Господь во святом Евангелии своим ученикам, не токмо сам единым, но и верующим всем истинной веры во имя Его: «Се даю во власть наступати на змия и на скорпию, и на всю силу вражью, и ничто же вас не вредит.» Мы же христианскую благодати царскую, христовую печать на лицах своих крест воображающую. Все ваши бесовские умышления Христовым пособием можно низложить. Благославляю воинство на бой с супостатом. Аминь! *(Благословляет крестом.)*

Иван Шуйский. Идут поляки с литвой на приступ, а, однако, не слышно ни орудий, ни ружей. Не придумал ли лукавый Замойский новую хитрость?

Воин *(входит).* Государев воевода Иван Петрович Шуйский, послан я от сторожевого полка с вестью.

Иван Шуйский. Говори, близко уже подошли поляки с литвой, и отчего не начинают пальбу, да отчего они не стреляют?

Воин. Государев воевода, мы ж уже к стрельбе изготовились, однак, помалу видим, от них же единый конный к городу устремился, кричит, что он - русский, государя нашего гонец, а везет извещение о мире. Скоро тут будет.

Иван Шуйский. Ежели правда, то радость великая для Руси святой. Долго же ты, королю подо городом Псковом стоящи и всячески о своем бездельном приходе размышляючи, како и коим образом покрыти стыд и срамоту лица своего и как гордую похвалу исправить. Занеже за высоту гордыни зело не спал, многие свои имения истощал, а желаемого не получил, бесчисленное свое войско поморил, а хотеемого себе взяти города Пскова не одолел, но зело несказанно срама исполнен, сам мира попросил.

Василий (диктует). Сущее. По всему городу того же часу христианское одоление над поляками да Литвой показал Бог, и промчится то слово на весь Псков и во всю Русь, яко всех польских и литовских людей Бог пособил с города сбити.

Гонец (входит). Государев воевода Иван Петрович Шуйский, я, государя и великого князя Ивана Васильевича сын боярский Александр, именуемый Хрущев, в сей городу въехавши вам, государевым боярам, воеводам грамоту отдаю от государевых послов. *(Подает Ивану Петровичу грамоту.)*

Иван Шуйский (берет грамоту). То - перемирная грамота, и сего дня первое извещение в Псков пришло нам, государевым боярам и воеводам, что государевы послы по государеву приказу с королевскими послами мир учинили, и известить о том всех псковитян. Звонить в колоколы ради благодарственного молебна.

Хрущев. Государев воевода Иван Петрович Шуйский, также извещение, что польский гетман, пан канцлер Замойский от Пскова-города со своей силой польско-литовской отходит в литовскую землю.

Иван Шуйский. Слава Всевышнему, и такой Божьей благодатью неизреченным милосердием преображенной Троицы и молитвами и молениями пречистой Богородицы честного славного ее рождения и всех святых великих чудотворцев сего же дня спасен великий город Псков и великое одоление Бог христианскому воинству оказал над горделивою беззаконною Польшей и Литвой. Ныне же во граде Пскове все заключенные, сиречь запертые ворота чтоб отверзлись да по случаю осадного сидения особый режим отменить и от великого своего труда мало отдохнем и храбропобедного своего пота отерши мы, государевы же бояре и воеводы и все православное христианское воинство и все православные жители богоспасаемого Пскова пойдем в церкви псковские воздать молитву Господу. *(Крестится. Все крестятся и уходят.)*

Василий. Сим совершителем повести конец сей пришел, писана же была повесть сия в том же богохранимом граде Пскове от жителя того богоспасаемого града Пскова, художеством зграфа, сиречь иконописца, имя же ему сие, единица дважды соединением пятидесятица за усугуби дважды и четверицу согуби, десятица же трижды, и четверицы согуби, завершится же сие десятицею. Из всех письмен сем. Прости меня, грешника, Господи! *(Крестится и уходит.)*

Занавес

Сцена 106

Москва. Площадь Пожар. За цепью стрельцов у Лобного места толпа народу.

Мальчик. Тятя, скоро ли на царя со вельможами поглядим? Где царь-то?

Отец. Царь-государь наш Иван Васильевич с митрополитом святым отцом Дионисием да прочим духовенством, воеводами и воинами в Кремле в соборе Успения молится по случаю мира. Как окончится молитва, то приде к жителям московским сюда, на Лобное место.

Подьячий. Не тут, на Лобном, царь говорить будет, на Ивановской, в Кремле, против Ивана Великого. Туды же не каждого караульные оберегальщики пустят.

Мальчик. Тятя, спытай, пустят ли нас государя узреть!

Отец. Тут, на Лобном, государь говорить будет! Ты места царского не ведаешь!

Подьячий. Я-то не ведаю? Я, ябеда площадный, подьячий Ивановской площади Оська Яковлев. Так иных из всех свобод и сословий соберут.

Слободской. Нет, бирюч кричал, что на Лобном царь говорить будет!

Женщина. Про что царь скажет?

Слободской. По случаю мира с поляками и Литвой царь с Лобного места во всеуслышание всей земле говорить будет. Власть князей и бояр, лихоимцев и сребролюбцев, судей неправедных кончилась. Он, царь, теперь сам будет народу судья и оборона. Разбор просьб поручается человеку, взятому из бедных, незначительных.

Женщина. Добро то, ежели так.

Посадский. Кто ж тот человек на месте Шуйских, Бельских да Глинских? Не Годунов ли? Он ли лучше?

Поп. Братья, не высокоумничайте! Народ православный страдает от иноземцев. Страдаем же от латинства, лютерства, от Польши да Литвы. Однако, пособлением Господа и его чудотворцев одержана православными под Псковом победа над лютерством и латинством, так что ныне - самое время очистить землю Русскую от иноземцев да еретиков жидовствующих.

Слободской. А ты кто?

Поп. Я - черный поп Варламище, стою же против папы римского да и наймита его Оботура, сиречь Стефана Батория.

1-й из толпы. Бирюч кричал, ныне у нашего государя с польским королем мир, да с папой римским дружба.

2-й из толпы. Истинно, слышал я также о послах мирских от свитского избранного короля. С миром тем приехали князь Штен Ирикович да Кнут Кнутович.

3-й из толпы. Так ли? Вот старица Филя скажет. Скажи-ка, старица Филя!

Старица Филя. За грехи разгневился пан Бог, попустил на Российское государство короля польского Стефана, имя ему прозвано Оботур. И пришел со множеством воин, и пленил окрестности града Московского государства и подо Псковом многое время продлил свое стояние. И уклонил свою мысль на христианское убиение, и простер десницу свою на ненасытное грабление. И сего же царь Иван устранился зело и послал польскому королю и под царствующий град Псков послов своих с умилением, дабы ярость гнева своего прекратил и дал бы христианскому народу покой и тишину. И король польский послов царя и великого князя принял честно и время подал благоутешно: от царствующего града отступил и мирное постановление на двадцать лет утвердил.

3-й из толпы. Добро сказала старица Филя! То нам, православным, потребно - мир да послабление.

Поп Варламище. Нет, братья, нельзя нам мириться или вериться, христианам с латынами. Христианин побожится душой христианской, и на той правде вовеки стоит. А их брат-латын побожится верой латынской, а их вера латинская, польская да литовская, равна бешеной собаке, и потому ихнему брату-латыну, собаке, и верить нельзя.

1-й из толпы. А чего ж государь наш повелел мир устроить с латынами?

Варламище. За грехи наши возлюбил царь иноземцев, они же принесли душе царя вред и внушили ему ненавидение на люди его. Братья, иноверный немец нечистый, осквернен латинскою схизмою! В латинскую церковь не подобает входить, не подобает ни пити с немцем из единой чаши ни ясти! Едят немцы со псы и кошки и пьют свой сец³⁹ яко дикие кони и ослы, и едят удувленину и мертвечину, и бобровину, и хвост бобров. Икон не целуют, ни мощей святых, а крест целуют, написавши на земле, и, вставши, попирают ногами.

Мальчик. Тятя, что поп говорит?

Отец мальчика. Немец есть дьявол, говорит, безбожная Литва поклонение святым иконам отвергла, святые иконы пощепала, лютерство восприняла.

Женщина (крестится). Господи, охрани! Ни в сарацинской вере, ни в турках, ни в басурманских языках такое святым иконам не обратное поругание.

Мальчик. Тятя, немцы - дьяволы?

Отец. Всякие люди из неверной земли - дьяволы. Литва таких тебе подобных маленьких ребятишек жарила на сковородах, а больших секла. Храмы Божии обращала в конские стойла, из образов делала ящики для корма лошадей.

39 Сец – моча (от ссаки).

4-й. Истинно так, православные, с ними - дьявол, с нами - Бог! Со святыми своими как шли на нас литовские лютеры, то Литву поразил слепотой святой Варлаам, а когда прострелили они образ Спасителя, на панов нашла полная тьма, и они почали резати и колоть друг друга.

5-й. И у нас тоже паны хотели изрубить образ святого Николая, но ослепли, и мы, жителя, их загнали в болото.

6-й. А нас Бог от татар спас. Как татарин шел мимо села, Бог послал туман и закрыл церкви и село, татарин так и прошел стороной, не тронул нас никого.

Подьячий. Ныне на Руси главная беда не от татар, от Стефана Батория главная беда.

6-й. Нет, главный враг - казанские и крымские татары. Стефан Баторий - собака царя крымского.

Слободской. Вельможи всему виной! Их непрестанное и ненасытное любление злата и серебра.

Варламище. Братья, со слезами горькими молю, да устранил Господь оную жидовскую зиму и согреет сердце единосущного Троицей, и воссияет солнце благочестия на Русской земле! Прежде прочего, осудим греховность восприятия иноземных обычаев. Священно правило возбраняет и не повелевает панские обычаи водити. Мы ж, православные, закон истины от Бога приемши, разных стран беззаконием оскверняемся. Обычаи зная, от иных приемши живьем. Вот, поглядите, православные, идут брадобрейцы! В уличном многолюдстве нередко таких встретишь ныне молодых щеголей из богатых и знатных фамилий. *(Проходят молодые дворяне).*

Слободской. Я их знаю, то сыновья дворянина Михалкова.

Варламище. О них то, таких, митрополит сокрушается о порче нравов. Они, как и родители, в суетне своей изживают, избегают книжного и рукодельного научения. В них всегда наслаждение и упитание, всегда пиры и позорища, всегда бани и лежание, всегда празднества и безумные таскания. *(Кричит).* Вон сатана красуется!

1-й Михалка. Ах ты, поп-бездельник, не расстрига ли?

Варламище. Я-то? Я - черный поп Варламище!

1-й Михалка. Поди прочь, холоп-дурносоп⁴⁰! Они тут все, холопы, пьяные! Крикнуть караульщиков-оберегальщиков али самого объезжего голову!

Варламище. Верно, я из холопов крепостных, а рукоположил меня в священники сам митрополит. Братья, на соборах митрополиты и иные отцы церкви многожды говорили про порчу нравов, про опасные перемены, про интерес у иных сынков дворянских и прочей молодежи к иностранным модам. В красоте телесной многие бояре и дворяне при государевом дворе соперничают с женщинами, в благовониях, умываниях, натирании лица белилами и румянами, в украшении своих одежд до исподних рубах драгоценностями. Наиболее же обличают тех, кто бреет усы и бороду. Еще стоглав осудил их как вероотступников. Следуя за погаными, почали брить усы, бороду коротко постригать.

1-й из народа. Белилами мажут лица! *(Смех).*

2-й из народа. А сапоги узкие, с шибко высокими каблуками. В таких сапогах и ходить-то тяжело! *(Смех).*

1-й Михалка *(замахивается саблей).* Подите прочь, лаптежники да поп-невежда!

Пьяный крестьянин. Государь крестьянский - Хлеб Иванович, иногo государя не ведаем! *(Смеется, вытаскивает бутылку из котомки, пьет).*

2-й Михалка. Они тут все бунтари да пьяницы. Площадный подьячий, сбегай-ко за Подушкой Степанычем, объезжим головой Кремлевского объезду!

Подьячий. Истинно так, исполню! *(Убегает).*

2-й Михалка. Посадят в заруб, в место застеночное, то покаетесь! *(Входит объезжий голова с караульщиками-оберегальщиками).*

Объезжий голова. Кто тут дурачество творит?

2-й Михалка. Он, пьяница, буянил *(указывает на крестьянина),* грозил убийством и пожаром.

Объезжий голова. В колодки смерда! *(На крестьянина надевают колодки).*

Площадный подьячий. Уж посидишь в колодках. С иными колодниками на пропитание попросишь!

1-й из народа. Мы - царевы холопы, а пришли сюда по случаю окончания войны просить милостивого государя из-за разорения нашего от сильных людей.

2-й из народа. Разорены мы, бедные, последние, оскудали от голода, нагие, босы и пеши.

⁴⁰ Дурносоп - ярсл. дурак, бестолковый, глупый человек, упрямец, делающий все самодуром.

Площадный подьячий. От пьянства своего разорены. Ведай, человече, на ком худое платье - то пьяница, или наг ходит - то пьяница. Кричит кто или вопит - то пьяница, кто убился или сам ноги-руки переломал, или голову сломил - то пьяница, кто душегубство сотворил - то пьяница. Кто в грязи уваялся или убился до смерти, кто сам зарезался - то пьяница. Неугоден Богу и человекам пьяница, только единому дьяволу.

Варламище. А поганские обычаи угодны ли Богу? Брадобрения распространены среди знатных молодых людей!

2-й Михалка. Сей поп тоже, видать, раскольник!

Варламище. Я-то? Я митрополитом рукоположен! Брадобрейство осуждено святым отцом как вероотступничество. Святой отец в Успенском соборе на проповеди осудил греховное восприятие иноземных обычаев. Священные правила возбраняют и не повелевают православным поганские обычаи вводить!

1-й Михалка. Он, поп, народ бунтовал, на нас, дворян, дурно говорил!

Объезжий голова. Ты кто, поп, откуда?

Варламище. Я - черный поп Варламище, пришел из Углича для сбора храмовых денег.

Подьячий. То-то и государь на соборе говорил. Среди духовных вопиющие неисправления. Попы да монахи бродяжничают по городам и селам для сбора храмовых денег, а пропивают пожертвования мирян в кабаках!

1-й Михалка (объезжему голове). Его взять надобно в съезжую избу за лихое дело.

Объезжий голова. Оберегальщики, взять попа в съезжую!

Варламище. Глядите, народ православный, священника православного за брадобрейца взять хотят! *(Вытаскивает из котомки икону).* Сия икона страшного пришествия Христова, все праведники одесную Христа стоят с брадами, а ошуюю - латыны, басурманы и еретики обратно с одними только усами, как у котов и псов. Один козел лишил себя жизни, когда ему в поругание обрезали бороду. Вот, неразумно животное умеет свои волосы беречь лучше безумных брадобрейцев! *(Народ окружает попа).*

1-й из народа. Не троньте святого старца!

2-й из народа. Мы против знатных, не против царя!

Подьячий. Тихо! Не видите - бирюч на Лобном месте кричит!

Бирюч (на Лобном месте). Народ православный! Укротив супостата и очистив совесть смирением и покаянием перед собором святителей, царь и великий князь Всея Руси собрал в Москве выборных чинов всех сословий и, сопровождаемый духовенством, двором, воеводами и воинниками, выйдет к нам говорить про милости свои по случаю победы и мира с Польшей.

Слободской. Слава Всевышнему, царь гнев отложил! *(Крестится).*

Мальчик. Тятя, про что бирюч кричал?

Отец. Государь наш Иван Васильевич идет к нам сюда, на Лобное место, про мир говорить! *(Крестится. Все крестятся).*

Объезжий голова. По случаю милостей государевых и я милость окажу, а то б не спустил! Караульщики, оберегальщики, попа не трожьте, и того холопа. Снимите с него колодки. А, однако, глядите, чтоб нестроения не было.

Подьячий. Про то глядим, чтоб не шалили светские и духовные.

1-й Михалка. Эх, вы, смердовичи! Пойдем, брат, от овечьего духа прочь!

Варламище. Иноземцы - псы ядовитые, и такие щеголи с ними заодно, да прочие еретики и жидовствующие. Они латинству путь на Русь прокладывают.

2-й из толпы. Однако, бирюч кричал про мир в Польше. Отчего ж государь мир сделал с королем польским?

3-й из толпы. Хай старица Филя скажет!

Филя. Мир государь заключил заклинанием Божьим, Исусом Христом, пришедшего в мир спасти грешников. Легату же Папы римского сказал король: «Попроси за меня царя и великого князя московского, чтоб он простил меня за мое зло, ведь много лет воевал я земли его и христиан губил».

3-й из толпы. А государь что?

Филя. А государь ответил: «Пусть бы он про прощение свое мне в грамоте написал, двумя бы печатями запечатал: печатью своей королевскою да другой печатью папскою, тогда я поверю!»

Варламище. Православные, нельзя такому покаянию королевскому, особо же папскому, верить. О том надобно нам государя нашего молить.

Филя. Как же покаянию не верить? Бог милостив, и тех, кто кается, от грехов очищает. Ведь и государь наш за умножение грехов всего православного христианства супротивен обрелся и наполнился гнева и ярости, начал подвластных своих сущих рабов зло и немилостиво гонити и кровь их проливати. Бог же милостив, государево раскаяние не отверг. Ныне же приди, государь наш, перед народом каяться, а мы, покаясь, за свои грехи примиримся.

Варламище. То раскаяние - чистое, христианское, раскаяние же папское смердит. Как прежний папа смрадно подох, так и нынешний подохнет. Поганый тот папа русской земли не любил из-за ее веры православной и слышать о ней не мог. И рассыпалась вся его плоть, и сели на грудь его две болячки с обеих сторон, и от них разошлись другие болячки по всему телу, с ног до головы, и смрад великий исходил от него, и черви многие зарождались в его теле, и спина его вдвое согнулась.

3-й из толпы. Такое истинно означает, что Бог его раскаяния не принял, и ждет его, грешника, нераскаянная кончина.

Варламище. Многие врачи приходили, но не могли его исцелить. С вытаращенными глазами беспрестанно он кричал громким голосом и нелепицы говорил, и выл, будто по-волчьи пес, и исходящие из тела его нечистоты руками своими хватал и в рот свой впихивал, поедал.

Женщина. Тьфу, проклятый! *(Плюет).*

Варламище. Такие-то Русь святую поработить захотели, а польский король - папский слуга дьявола. Однако, за нас под Псковом чудотворцы святые стояли вместе с воинством православным.

5-й из толпы. Чул я чудо под Псковом: ядро, посланное по псковским церквам, обернулось ядрышком свинцовым, и Степану-королю в груди черные!

Мальчик. Так-то ему, латыну! *(Смех).*

5-й. Чудо видевший пленник поведал то самому благоверному князю Ивану Петровичу Шуйскому, воеводе. Тот же изрек: «Сила Российской земли - Псков, в нем самом державствуются воеводы князя Ивана Петровича Шуйского, а царство се благоверного и христоролюбивого государя нашего, великого князя Ивана Васильевича, и благоверных его царевичей. Вам же, латынам, в том городе и царстве не бывать, а кресту вашему неправедному не красоваться».

Варламище. То же и злой папа на смертном одре своем хотел перекреститься, ибо жестоко страдал. Однако, лишь бешеная пена выступила у него на губах от того креста неправедного. Некто из бывших у его одра, взяв полотенце, хотел отереть ему рот, так тот словно пес ухватил зубами своими полотенце и воткнул себе в горло. И тотчас распухло тело его и весь он лопнул, потому что был телесами толст, поганый. Так он и окончил, окаянный, свою жизнь.

5-й. И нынешний так кончит, да все немцы и литва с ними заодно. От литвы и от немцев пошло всякое разорение грехов ради наших. *(Крестится).*

Старик. В прежние времена, как шел литовский немец Витовт на Опочку, гонимый Божиим гневом, то начали мы с ним дело, и со срамом литвин отступил от Опочки, и по дороге застигнут был грозой. Перепуганный Витовт, отчаявшись жизни, схватился за шатерный столб и вопил: «Господи, помилуй!» Стонал: «Трясется мне, уж землю пожран, и в ад мне выйти!» Тогда, видя сие, пушечник немчин Николай, пылая злобой к православным, подвел пороховку, пушку-галку, чтоб нас, православных, побить.

Мальчик. Дедушка, велика ли пушка?

Старик. Пушка-галка литовка так велика, что ее с трудом везли тридцать коней до полдня и сорок после полдня.

Женщина. Проклятый-то ведь литвин похвальщик, видать!

Старик. Пушкарь, мастер Николай, похвалялся: «Не токмо сию пушкою пиргос, сиречь башню стрельну - разобью, но и церковь иже Николу во граде раздражу». Меж тем, церковь, и стрельница - каменные.

3-й из толпы. Ух ты, пес поганый!

Старик. Николай-мастер снес переднюю стрельницу, разбил переднюю стену церкви Николы и заднюю в алтаре, но не убил и не устранил даже священника, служившего литургию.

2-й из толпы. Бог спас! *(Крестится. Народ крестится).*

Старик. Ядро вернулось назад, схватило по пути зубцы со стены, и убило проклятого литовского воеводу Витовта, убило многих людей и коней. Самого же пушечника немчина Николая разорвало и разметало невидимо где. Ни тела его, ни костей нельзя было найти.

3-й из толпы. То-то мы, православные, их, латын, присвоили, примолвили, приголубили да приласкали! (Смех).

Бирюч (с Лобного места). Народ православный! Государь наш, царь и великий князь Иван Васильевич с митрополитом Дионисием Всея Руси и с людьми светскими и духовными идут к вам на Лобное место. (Звон колоколов. Стрельцы цепью окружают Лобное место. Медленно появляется царь Иван Васильевич в сопровождении митрополита Дионисия, Годунова, Нагого, Бельского, думных бояр, воеводы Ивана Петровича Шуйского и прочих духовных, светских, воевод и воинов. Процессия останавливается у Лобного места).

Митрополит Дионисий. Паства православная, великое свершилось. И тако великим и неизреченным Божьим милосердием преизначальной Троицы и помощницы нашей и молебницы о всем роде христианском истинной Богородицы и Приснодевы Марии; и заступлением пребожественных сил небесных; и представительством и молением великих святых чудотворцев и великого преименитого в чудесах чудотворца Николы; и пребожественной Троицы, три солнечные зари Боговидением зрети сподобившейся; и начальницы основания и повелевания и совершения богохранимого того града Пскова; и начальницы во Христе истинной веры всея Русская земля, благоверным царям и великим князем благого кореня благословенной и христоролюбивой княгини Ольги, нареченной во святом крещении Еленой; и святого правнука ее благоверного князя Гаврилы Всеволодовича и преподобного отца нашего Евфросина, псковских чудотворцев; и всех святых молитвами благоверный и христоролюбивый царь, государь и великий князь Иван Васильевич Всея Руси свою государеву вотчину град Псков и все пребывающе в нем от польско-литовского короля, ото всего его войска, ими же Бог весть судьбами, избавил.

3-й. Слава государю, слава святому отцу митрополиту Дионисию! Многие лета! (Звон колоколов).

Царь Иван. Люди Божие русские, дарованные нам Богом! Умоляю вас ради веры в Бога и любви к нам, царю вашему, восприняти происшедшее подо Псковом как Божье подтверждение Руси. После падения святого Рима и нового Рима - Константинополя, третий Рим - на Русской земле. Великая княгиня Ольга, жена князя царя Рюриковича, предка моего, княжила после смерти его в Киеве, а родом была из Пскова, где поставила в окрестностях города дубовый крест, утверждая сим, что сей город станет спасителем Москвы. Также святой Евфросин, основатель Спасско-Елеазаровского монастыря в тридцати верстах к северу от Пскова, пророчествовал о спасении подо Псковом нашей отчизны. Исполнили то пророчество и воеводы наши, и воинники, также все жители псковские с главным воеводой моим князем боярином Иваном Петровичем Шуйским. Честь им и слава! (Звон колоколов. Царь Иван Васильевич обнимает и целует воеводу Ивана Петровича Шуйского).

Иван Шуйский. Царь Иван сударь Васильевич, содержатель ты всей Руси нашей, сберегатель, прими с рук наших в свою государеву вотчину Псков-город! (Звон колоколов. Крики: Слава!) Царь без воинства не может быти, то хай тебе воины твои поведают про дела псковские.

Воин. Государь наш батюшка Иван Васильевич, Божьей милостью и твоим государевым счастьем воров, польско-литовских людей побили мы, ратники твои. Да нам сказывали языки те из людей своих, что их побито от рук наших подо Псковом многие тысячи. А мы, холопы твои, государь, от осады той и те все переранены. Нет у нас человека целого ни единого, кто бы не пролил крови своей в Пскове сидючи за имя Божье, за веру христианскую, за тебя, государя нашего. А мы, холопы твои, которые остались от осады псковской, все уж старцы увечные, и боя уж не будет у нас за негодностью нашей. А обещали мы перед образом Предтечи в монастырь его постричься, принять образ монашеский. А за твою государскую тую в Бога веру и твоей государской высокой рукою оборонил нас Бог от тех великих латинских сил, а не нашим молодецким мужеством и помыслом. То - твое счастье, то - твоя сила, государь.

Царь Иван. Воинники христианские, спасители отечества! Слава вам от царя вашего! (Обнимает воина). Потому же повелеваю сохранить добробедных храборников, иже за Христову веру пострадавших, яко же правых мучеников, скончавшихся от мучительских польско-литовских рук. Воевода Иван Петрович Шуйский, сколько скончалось, а сколько ранено?

Иван Шуйский. Государь Иван Васильевич, все еще не подсчитано. Сих же обрели, которых в первый большой приступ людей побитых восемьсот пятьдесят три человека. Сии же люди и сих же людей в большой первый приступ ранено тысяча шестьсот двадцать шесть человек.

Иван. Раненых повелеваю из государевой казны лечить. Казне, Годунов, то записать.

Годунов. Исполним, государь.

Иван. Также из казны плиты на могилы воинов, павших в ливонской войне.

Годунов. Государь милостивый, заказаны уж надгробья Псковско-Печерского монастыря.

Иван. Знаю те надгробья, то - майоликовая керамика. Майолика - глина из свежежженных глин, с глазурью - покровом зеленовато-желто-коричневым. Добрый цвет, летний цвет живой природы, цвет травушки-муравушки, отличный от мертвенно-бледных белых каменных надгробий. Славно костям воинским под такими надгробьями, и души воинские на небесах возрадуются. А мне, царю, без воинства невозможно быти. Также Александр Великий, король Македонии, увидел одного молодого озябшего воина, посадил его на теплое место, где сам сидел, и возбудил к себе любовь со стороны воинов. А к Августу, кесарю римскому, основателю рода нашего, царей русских, была любовь за такие дела, потому как и король был самым победоносным счастливым правителем. Стрельцам и казакам надобно жалование дать большое из казны. *(Крики стрельцов и казаков: Слава государю! Любо! Любо!)*

Казак. Государь наш батюшка, когда пошла литва на приступ, знамена у них зацвели, и прапоры как есть стали цветы многие. От труб великих и набатов неизреченный визг, от гармат шум. Дивен и страшен был приход их подо Псков, никак нельзя того пострашнее быти. Почали стены и башни топорами рубить и ломачами великими ломать, а на стены многие на лестницах взошли, хотели нас взять того часу своими силами. В те поры уж у нас стали стреляти по их осаде из города, а до сих мест мы им молчали. В тот же день мы, казаки, на вылазке большое знамя царя их польского с клеймом взяли, да хотели тебе его под ноги положить. *(Берет знамя, бросает его под ноги царю Ивану).* Побили мы их, в тот час вышед, многие тысячи, взяли мы у них той поры на вылазке, в том бою шестнадцать знамен да двадцать восемь бочек пороху, взяли языков. Те ж поведали королевское слово к своим гайдукам: «Еже ведомы казачьи нравы и обычаи, приступами нам их николи не имать, в осадах казаки - люди жестокосердные. Под светом таких людей не видано и не слыхано. Разве нам за единую их казачью голову давати своих голов по тысяче. А они на вылазке всю нашу кавалерию с лошадех сбили!»

Царь Иван *(обнимает казака).* Славно говорил, казак, хоть и не вполне складно!

Иван Шуйский. Государь Иван Васильевич, по моему, воеводы, повелению, вся псковская оборона в повесть летописную складена, а делал то изограф, летописец Василий.

Василий *(кланяется царю).* Государь великий, тут списана повесть о приходе Батория в город Псков. *(Подает рукопись).* Писано о короле Батории: «Баторий яко ад несытый, лютый зверь пропастный, свои челюсти раскинув, город Псков поглотить хотел. Лютый и великий змей, которого сопровождали аспиды и приближенные-змеи. Город же Псков - богоспасаем. Пушечные пальбы потери змеям учинили, русские пушечники столь далекие ядра клали, у поляков же тех пушечников нет. По взорвании Свиной башни король спросил: «Ужель мои дворяне в Свиной башне замка?» «Под замком твои дворяне, убитые и сожженные во рву лежат». Так случилось. Особо же храбры жители псковские, простой народ. Жителя шли в бой с любовью и слезами за Христову веру.

Царь Иван. Хочу провозгласить здравицу за народ наш простой русский православный, прежде прочего - за христианство. Они государю и отечеству главная оборона. То при защите Пскова еще раз выставилось. *(Смотрит рукопись).* Летописец, отчего имя свое не поставил?

Василий. Государь милостивый, сделал тайнописью, чтоб имя мое грешное не стояло во главе великих деяний, мной описанных. Скрывая свое имя, применил я цифровую тайнопись: единица дважды, то заведением «вэ», со едином – «а», пятидесятница же усугубити дважды – двести, «эс», со четверицей сугубо – восемь, «и», десятирица же трижды – тридцать, «эл», четверица сугубо - «и», завершается же се десятирицею – десять, «и». Все семь письмен - Василий, поскольку буквы русского алфавита имеют цифровое значение.

Иван. Братья, помyslил - может, и нам так делать, правителям-царям: имя свое цифирью ставить, народу имя уступая? Люди Божьи русские знают, что грешен, каюсь, что до сего времени правление мое было дурно. Виною тому иные бояре и вельможи, пользующиеся моими грехами. Знаю, что нельзя уж исправить тех обид и разорений, которые вы понесли во время моей пустоты.

Обиды от неправедных властей, от неправосудия, лихоимства, сребролюбия. Но умоляю вас оставить друг к другу вражду и взаимное неудовлетворение, кроме самых больших дел. А в сием, как и во всем прочем, я вам буду, как и есть моя обязанность, судьей и обороною. *(Крики: Государь Иван Васильевич, защити от неправды народ твой!)* Народ православный, я над вами царствую, надо мной царствует церковь наша православная, святой отец митрополит Дионисий и прочие святые отцы. Ныне, по спасении отечества нашего от супостата собрали мы собор примирения, и я отныне - прекроткий царь Иван, овеваемый благодатью Божьего духа с теплым желанием подвизаться не только в устройении земном, но и возвещаю сие отцу православному Дионисию Всея Руси и собору всех Божьих слуг. Поклонитесь же, народ мой русский, отцам нашим православным! *(Народ кланяется и крестится).*

Дионисий. Паства православная, Бог вместо себя избрал на земле Русской самодержца, долгие ему года! *(Крики: Долгие года государю! Звон колоколов).*

Иван. Я, царь, должен искать совета не только у своих добрых советников, но и у всенародных человек. С такими размышлениями ныне провели мы земский собор - примирение всей земли Русской. В старину в Новгороде и Пскове было вече поодиночке. Надобно образовать одно вече всех русских земель, вече веч, наподобие английского парламента.

Поп Варламище. Государь наш Иван Васильевич, низко кланяюсь тебе, государю русскому и молим тебя, чтоб все то совершилось не по заморскому немецкому обычаю, а по нашему православному.

Дионисий. Паства православная, ранние раздоры между землями и князьями не допускали того. Теперь, когда столько земель собрано воедино, по естеству явится и истинно русское вече. Паства, оглянитесь кругом: перед нами славная картина народа, собранного на площади, и облик царя православного посреди всего народа. *(Крики: Слава великому царю нашему Ивану Васильевичу Всея Руси! Долгие годы митрополиту Дионисию Всея Руси!)* Навсегда запомнится, как было то в один из воскресных дней. После обедни царь с митрополитом и всем духовенством вышел на площадь кланяться народу да каяться, ибо душа всякого человека умудряется правдою. А правда же есть - соблюсти заповеди Господни.

Иван. Отец мой митрополит Дионисий, перед тобой да перед народом своим признаю, что сошел было с пути заповедей и преступил закон Божий. Неможно написанием исписати и человеческим языком изглаголити содеянные нами все злые согрешения и законопреступления. Ныне же сих всех злых дел возненавидившись, добрые богоугодные дела возлюбил. Я не пострадаю, подобно прогневившим и не покаившимся!

Дионисий. Паства, путь к Богу - через умное деяние. Оно достигается в непрерывном размышлении о Боге.

Народ. Слава государю! Слава святому отцу митрополиту Дионисию!

Дионисий. Паства православная, вас молю, стадо Христово, с любовью преклоняйте ушеса ваши к словам царя вашего. Как он покаялся, так и вы кайтесь и молитесь скорбям своим.

Иван. Народ православный, много злодеяний боярских мог бы перечислить, да они и без того ведомы. Обещаю положить им конец, дабы восторжествовала справедливость и любовь. Тебя же, святой владыка, молю: будь моим помощником и опорой в сем деле любви. Ты сам знаешь - я остался после смерти моего отца трех лет, родственники не заботились обо мне. Сильные бояре только и знали злоупотреблять властью, расхищали мое богатство. Они правили самовластно моим именем. Лихоимцы, хищники и судьи неправедные, какой дадите вы теперь ответ за те слезы и кровь, которые пролились благодаря вашим деяниям? Я чист от крови, но вы ждите заслуженного вами воздаяния. *(Крики: Слава государю! Государь - наш покровитель!)*

Иван. Отец мой, митрополит Всея Руси Дионисий! Ты - виновник всех моих благих предначертаний, страж моих добродетелей, и я, царь, сообщаю народу своему, что, устрашен Божьим гневом, обратился с покаянием и получил от митрополита Дионисия и прочих владык прощение. С тех пор я чист от крови. С этих пор по благому святому совету владыки и мудрых мужей буду управлять Богом врученным мне царством, обороненным ныне от супостата под Псковом. *(Крики: Слава! Слава государю!)* Притеснений телесных и душевных более не будет никогда. Отец мой митрополит Дионисий, ныне я как бы очнулся, постиг всю бездну зла, в которую ввергли меня мои грехи и недобрые советники, и решил быть иным человеком, отцом своих подданных, истинно православным государем. Народ православный, весь слезами разливаясь в молитвословии и

покаянии, прошу у вас, у народа, за мое нерадение прощения. *(Кланяется народу на все четыре стороны. Крики: Всеблагий милостивый государь, ангел-хранитель наш!)*

Дионисий *(подняв крест)*. Благославляю государя со народом его! А наши недостатки исполните по писанию: «Друг другу тяготы несите, и тако исполните закон Христов». Слава исконному и вышеименному и все сотворившему вседержителю, в Троице поклоняемому, со Сыном славимому, со Святым Духом воспеваемому, в высших от ангелов славимому, в нижних же от человека воспеваемому, от всякой твари поклоняемому, изначальному Отцу со едиnorodным Сыном и со Святым благим и животворящим его духом, и ныне, и присно, и во веки веков - аминь! *(Звон колоколов)*.

Слепой *(пробирается в толпе)*. Мужи, подайте Христа ради убогому!

1-й из толпы. А ты кто?

Слепой. Я - слепец Борис. Подайте мне Христа ради!

2-й из толпы. Замолкни, слепец, тут не торжище, чтоб в суму пропитание собирать.

Слепой. А что тут делается?

1-й из толпы. Тут святое дело делается, царь с народом мирится!

Митрополичий хор *(поет торжественный псалом)*. Царь - мессия во славе твоей. Боже, даруй царю твой суд и сыну царя твою правду. Да будет судить праведно людей твоих и нищих твоих на суде. *(Звон колоколов)*.

Занавес

Сцена 107

DSC01201

Москва. Золотая палата. Заседание Думы. Царь Иван на троне. Рядом - Борис Годунов, Афанасий Нагой и Богдан Бельский. Думные бояре, дворяне и дьяки сидят на лавках. Митрополит Дионисий сидит за отдельным столом.

Щелканов. Государь Иван Васильевич и вы, думные чины! Я, главный дьяк посольского приказа, хочу тут, на Думе, сказать про последние требования поляков. Переговоры с Баториевыми послами в конце года велись каждодневно в Запольском Яму близ города Порохова и повинны привести к десятилетнему перемирию. Условия: передача Баторию всей Лифляндии и всех городов, завоеванных Москвой у Литвы. Посредник - папский посланник римской веры, поп-иезуит Антоний Поссевино, ныне приехавший в Москву, должен явиться в Думу с нашими послами.

Иван. Такое требование чрезмерно. Псков удержал стремления Батория. Упорная оборона псковитян под началом Ивана Петровича Шуйского ослабила короля. В неоднократных приступах он потерял лучшую часть войска. Ропот шляхты принудил его отступить.

Щелканов. Государь, то склонило Батория к переговорам о мире, про который он прежде не желал слышать. Однак, государь, надобно истину признать: ливонская война проиграна.

Мстиславский. Да, государь, мы тут, в Думе, давно уж поняли - дело проиграно. Шведы взяли Нарву, Гопсаль и весь берег моря до реки Нарвы и города Карелы.

Иван. Так то, князь боярин Мстиславский, и мне, государю, понятно. И я, государь, желаю мира по конечной неволе, смотря по нынешнему времени, что польско-литовский король со многими землями и шведский король стоят заодно. Внутренние же силы для борьбы за грехи наши и мои особо Москва быстро теряет, потому я, царь, уж не надеясь на собственные силы, успел найти деятельного посредника в папе Григории XIII, явившемся, к величайшей радости, узнав про мое притворное намерение воевать с турками немедленно по заключении мира с Баторием.

Дионисий. Государь милостивый, я, как митрополит Всея Руси и православный иерарх, наблюдаю за тем иезуитским посредничеством со скорбью. Не было бы оно нам, православным, на беду. По тому миру, что обещает папский легат Антонио Поссевино, ты, государь, готов отказаться от всех притязаний на Ливонию, признав ее польской областью. Эстония осталась в руках шведского короля, которому ты, царь, сверх того уступаешь русские города Ям, Иван-город и Копорье. Однак, еще хуже, что дано обещание иезуиту строить католические храмы в Москве да прочих городах православных, да растущее влияние иноземцев на Руси.

Иван. Отец святой митрополит Дионисий, нам потребна передышка. К бедствиям войны польской присоединились опустошения отечества басурманами крымскими на юге и шатания казацкие. Однако, запольский мир - всего лишь перемирие. Вечного мира не может быть достигнуто. Надобно стремиться к миру с Баторием на десять лет, со шведами - на три года.

Нагой. Государь, папа и шляхта утомлены войнами, не желают новой войны. Паны понимают, что мечты о великой Польше привели к осложнению с папой. Папа римский сочувствует нашим планам.

Иван. Про войну с турками надобно его убеждать, а про католические храмы на Руси надобно всячески говорить уклончиво, пока не решены дела военные, не касаться дел религиозных. Польским толмачам должно запрещать переводить все, что имеет отношение к религии, так, Щелканов, укажи.

Щелканов. Так исполним, государь.

Иван. Королю должны быть сделаны уступки. Отпустить польских пленных без откупа, а за своих заплатить откуп. Сделаешь так, Бельский.

Бельский. Исполним, государь.

Иван. Папский легат Антоний Поссевино обещал мне примирить Россию с Польшей договором запольским, однако, переговоры далеко велись, что мешало мне, царю, самому вступаться.

Никита Романов. Отчего такое далекое место для договоров избрали?

Щелканов. Избрали в деревне Кеверовой Горе, между Опоками и Пороховым, в пятнадцати верстах от Запольской Ямы, по взаимному договору, то было ровно от Москвы и литовского вида, где ныне сидит гетман Замоиский, на которого Баторий переложил все дела.

Иван. Я, однако, дал своим полномочным, князьям Елецкому, Козельскому, наместнику Алферьеву, дьяку Басемке Верещагину и подьячему Связеву, очень подробные наставления, предусматривая ряд частных и случайных возможностей.

Щелканов. Государь, они усердно выправляли свою службу, отстаивая до последней крайности остатки ливонских владений, так что был момент, когда Замоиский, под влиянием их упрямства, готов был отказаться от нескольких крепостей в Ливонии. В тот момент, однако, прибыла от тебя, государя, литовскому гетману грамота, что ты согласен на крайний случай уступить всю Ливонию в обмен на быстрый мир.

Иван. Милые мои, государь и отчина наша в весьма великой мере стеснены войной. Я знаю, что поляки настаивают на признании всей Ливонии польской землей. Мы, однако, должны пользоваться дипломатическими хитростями нашего восточного русского двора. Надобно цепко отстаивать обозначение Ливонии отчиной моей, царя, которую я добровольно уступаю чужому властителю ради прекращения кровопролития и ради мира.

Щелканов. Так они и делали, государь. Они пытались ввести в договор уступки во имя мира Риги и Курляндии, которые никогда не находились в обладании Москвы. Они зорко следили, чтоб Польша не заявила свои претензии на земли и города, захваченные шведами, упорно спорили также и из-за двинских крепостей, захваченных неприятелем. О Полоцке, однако, речи не поднималось, согласно твоему, государя, указанию. Полоцк уступили молчаливо.

Иван. Истинно так, милые мои. Полоцк я, государь Иван IV, уступаю молчаливо. Разговор о Полоцке слишком тяжок. Полоцк напоминает о счастливых временах нашего торжества, о прошлых наших славных победах. После двадцатилетних усилий, готовых, по-видимому, увенчаться успехом, за грехи наши, а мои особо, Московское государство снова отрезано от Балтийского моря и Европы, снова только узкая полоска устья Невы связывает Россию с Балтийским морем. Вновь встает тяжкий вопрос о путях торговли с Северной и Западной Европой.

Щелканов. Государь, на переговорах ведется спор о титулах. Послы долго препирались о титулах, ни к чему не придя.

Бельский. В таком деле, государь, уступать нельзя. Чувство превосходства над выборным королем надобно сохранить.

Щелканов. Государь, в польской перемирной грамоте ты был назван великим князем, а не царем. В титулах твоих отсутствуют и слова «царь казанский, царь астраханский». Особо указано на посредничество папского посла Поссевино, а тем самым ты, русский государь, как бы признаешь авторитет главы католичества.

Дионисий. То еще хуже, чем потеря всей Прибалтики. Ямпольский мир при посредничестве иезуита наносит ущерб престижу русского государя и всего православия.

Щелканов. Наши послы проявили много изворотливости, ссылаясь на летописи, доказывая необходимость присудить их государю титулы царя. Иезуит, однако, имея указания от поляков, не соглашался.

Иван. То поглядим, придет он для личной встречи сюда, в Думу. Однако, на крайний случай я, государь, чувствуя превосходство над выборным королем, соглашусь, может быть, в перемирной грамоте чтоб меня именовали без царского титула, поставив там в высоком рассуждении: государя, как его ни пиши, он - государь, и его, государя, во всех землях, ведают, какой он государь. В то же время не хочу уступить Баторию титул государя лифляндского, ибо собираюсь в будущем бороться снова за Нарву. Ныне не могу, ибо поляки требуют не наступать на Нарву, а на юге - татары. Однако, ни за что не уступлю Баторию титул государя лифляндского.

Дионисий. Посягательства иноземного выборного короля на наши православные звания государевы есть кощунство. Русское государство - единственное независимое православное царство, должно заменить погибшую Византию. Новый Израиль, в среде которого - православие, истинное благочестие. Турецкие же да татарские - то агарянские люди. Латыны и лютеры - почти все блудники, ничто им доброе на ум не идет. Ты, государь наш, за все Московское царство, весь народ Нового Израиля.

Иван. Истинно, отец мой митрополит Дионисий Всея Руси, кощунство, что не желает Европа меня государем признать. *(Встает с трона, ходит.)* Себя я иначе не помню, как государем. Мне еще и пяти лет не было, когда вместе с матерью в Успенском соборе на торжестве переложения мощей святого Алексея-чудотворца из старой раки в новую сидел на самом видном месте, впервоначале не без удивления подмечая особое к себе внимание. Помню, как царь казанский падал передо мной на колени, прося прощения, а я, ребенок, конечно же, предварительно наставленный матерью, благословенной княгиней Еленой, повелел ему встать и в знак милости позвал корешоваться, сиречь здороваться, и посадил его справа от себя. Когда жена Шихалея царица Фатима тоже приехала к моей матери, то я, маленький Иван, присутствуя, сказал ей: «Табуг-салам», корешовался, а потом сел я, князь великий пяти лет, на свое место у матери и у царицы с правой руки. В шесть лет, помню, аудиенцию литовско-польскую спросил: «Брат наш Жигмонт-король здоров ли?», потом позвал их к руке. Ныне же не хотят меня признать государем. Я с малых лет государь!

Дионисий. Ты - великий государь народа русского, русский же народ - первый народ вселенной, избранник Божий, получивший от Провидения преимущество на истинную божественную благодать. Константинополь подчинен безбожным агарянам, теперь к нам пришло на сохранение православие.

Иван. Отец мой митрополит Дионисий Всея Руси, при мне, государе, давно уж мысль: раз московский государь заступил для всего православия место греческого царя, он должен иметь при себе патриарха, как имел его византийский император.

Дионисий. Государь великий Иван Васильевич, цветущее состояние и высокое положение нашей церкви, ее отношение к константинопольскому патриарху делают московскую патриархию неизбежной. У нас греки ищут милости и заступления, не в Константинополе, а в московской патриархии, у нас истинная вера.

Годунов. Был спор латын с греками, греки верно сказали - одной истинной веры мало, потребна еще и правда. На Руси следует ввести турецкую правду да немецкое понимание колеса житейского.

Дионисий. Храбродушие заключено в православном сердце, тогда как в головах у немцев - колесо злотекущего естества. Греки - те сами свою правду потеряли, иные надеются только на царя нашего православного и на нас, русских, где сохранилось истинное православие.

Иван Шуйский. От русского царского меча праведного и богатырства его и мудрости его вся Подсолнечная не может сохраниться, ибо за неправду Господь Бог гневается. Однако, мы, русские, за отечество голову свою положим. Как стояли подо Псковом против Батория, так и стоять будем. Ни убийством, ни пленением нас не одолеть!

Иван. Славно стоял ты, боярин князь Иван Петрович Шуйский! Жаль, за грехи наши должны отказаться мы от Ливонии, отчины нашей!

Нагой. Государь, в той самой Ливонии, от которой отказывается Москва, создались два выгодных для нас условия: тевтонский орден уничтожен, и Германия потеряла гарнизон, при помощи которого поддерживала власть в этой стране. Кроме того, там назревает вражда между Польшей и Швецией.

Иван. Истинно так, Афанасий Федорович, назревает борьба между ними, и после той отчаянной борьбы обе стороны дадут возможность своему общему врагу, сиречь нам, отплатить и той, и другой. К тому ж, милые мои, даже столь непрочное и кратковременное обладание Ливонией, нарвское плавание, связывающее нас с Европой, оставило прочный след в судьбе нашей отчины - России. Масса европейского народа пришла из Ливонии и слилась с нами. В Москве зародилась торговая немецкая слобода, да через Ливонию взято нами также немало культурного, ученого, прежде прочего - служилого народу для государя и отечества.

Бельский. Государь, служилый народ - опора царя. Надо ввести денежную оплату за службу, как в Польше, Венгрии да прочей Европе.

Годунов. Я, государь, мыслю - проще обеспечить земельным жалованием, чем серебром. Земли у нас много, серебра не хватает.

Нагой. Для военного могущества против соседей надобно отменить холопство. Я долго, государь, служил в Крыму. Там у татар холопства нет, в котором царстве люди порабощены, говорит Мухамед-салтан, в том царстве люди не храбрые в бою, несмелы против недруга. Порабощенный человек срама не боится, а чести себе не добывает.

Иван. Истинно так, милые мои, неограниченное самодержавие, опирающееся на служилых людей, царь и народ, дворянство и крестьянство. В Европе, милые мои, воин именуется «витязь». Витязь же должен любить кормильца своего, землепашца. Войска в Европе не смеют идти по засеянному полю.

Мстиславский. У нас тут, однако, государь, не Европа, у нас холоп иной, русское мужичье. В Крыму же, что Нагой говорил про холопство среди татар, то там рабство. В Константинополе русскими рабами торгуют у церкви святой Мамы. У нас русский мужик не раб, а работник дурной. А вольный холоп - то казак, вор и разбойник.

Никита Романов. Знаю я, иные вельможи относятся к казаку, к вольному человеку, немилостиво, считают вором и злодействующим гадом. А царю без воинства невозможно быть, чтобы против татар на засечной полосе: людей там мало, государь. Так что, царь-государь, Дума повинна указ принять про украинные города против супостата, и гад кто злодействующий - осужден будет к смерти, да убежит в те города, то там избежит смерти.

Бельский. Государь, что говорит боярин Никита Романов, то делать не след. Знаю, он - любимец казацкий, однако, помнить надо о страхе как основе нормального порядка, злодействующих гадов держать в страхе разумом и жестокостью. Эти змеи задвигались против государства и скопились на украинских более двадцати тысяч ситцевых воров. Также в иных городах крестьяне и посадские волнуются, государь.

Годунов. Истинно так, государь, в городах и деревнях волнения. Военные разорения и недород, и в хлебородных местах нехватка хлеба. В двинской же земле подъем цен на рожь, смутились люди города Устюга. Во Пскове и Опочке тоже волнения, неспокойно в Новгороде.

Иван. И во Пскове, что так добро стоял против супостата, ныне против государя и отечества бунтуют? Так ли, воевода псковский Иван Петрович Шуйский?

Иван Шуйский. Государь милостивый, во Пскове военное разорение, во Пскове также большие пожары. Бунтуют против вельмож, а не против царя. Оттого бунт учинился, и во Пскове волнения, рогоза и нелюбовь от того разорения.

Бельский. Государь, в долях, и на путях, и на торжищах - убийства и грабления, по погостам великие учинились волнения, проходу и проезду нет. Так всегда после тяжелой войны.

Иван. Милые мои, все от дурных правителей. Надо хищности чтоб дурных правителей противопоставить мудрую царскую власть правителями новыми, ибо те были не пастыри, а гонители и разорители, вызывали протесты и бунт мужичья. Вот Борис Годунов имеет челобитную избу и казну. По форме он не казначей, по уставу по сей день Думой не утвержден, но все ведает, и доклады за Борисовой подписью Годунова, и жалованные грамоты подписаны Годуновым. Знаю, он необразован, в библиотеке множества книг латинских и немецких не имеет, как собака Адашев, да, может, не каждому те книги на пользу. Подписаться может - и то добро.

Дионисий. Истинно, государь, мало кому те иноземные латинские и лютерские книги на пользу. Многие грады пусты учинились, взбунтовались, презрев страх Божий и государевы уставы, а от еретичества и измены к соблазну. Начало, государь, не премудрость, а страх Господень.

Иван. Отец мой митрополит Дионисий Всея Руси, таких честных правителей со страхом Божиим желаю видеть при себе. Вот Афанасий Нагой, родич мой по царице Марии. Еще отец Нагого возглавляет посольство в Турции, а в составе посольства был и молодой сын, много затем участвовал в делах крымских и казанских. Три поездки сделал к шаху Али, чтоб присоединить Казань к Руси мирным путем. Однако, упорство казанцев заставило то сделать мечом.

Дионисий. Велик тот подвиг твой государев. Яко древний создатель израильского рода Моисей из Египта извел, так и тобой, нашим царем православным, изведены из работы казанской многие души христианские. Братья, в той золотой палате множество фресок, посвященных освобождению Израиля от египетского рабства. То иносказательная передача казанского взятия. Также сцена победы Гидеона над мадеомлянами. Такие же фрески против латинства и лютерства потребны.

Щелканов. Митрополит Дионисий Всея Руси, иные фрески тут, в золотой палате, писанные также и в Благовещенском соборе при подновлении после пожара, не имеют русского исполнения. То сами же фрески латинству и лютерству способствуют.

Дионисий. Ты, дьяк посольского приказа Щелканов, не в свое не встревай, знаю те твои поползновения.

Щелканов. Я такое говорю не как дьяк посольского приказа, а как русский православный человек, кожный от государя до последнего холопа должен православие блюсти. То истинно так. Еще при коронации царя нашего была высказана надежда, что государь православный, особо обретя мирской царский титул, покорит все варварские языки, прежде прочего - Казань, введет праведный суд да судит людей своих правдою и будет стоять на страже православной церкви.

Иван. Для суда и сыска имею ныне доброго правителя - Богдана Яковлевича Бельского. Он участвовал в коломенском походе, во время которого был смотр военный, а в серпуховском походе, когда был произведен пересмотр дворянской конницы, много работал для укрепления конного и пешего государева войска. Оттого хочу сделать его думным дворянином. Знаю, иные того не желают, ибо Бельский - племянник Малюты, а Малюту не любят.

Годунов. Государь, и меня, как Бельского, иные не любят, говорят - «И он родич Малюты». Главное же - служба честная царю.

Иван. Ты, Борис, с Бельским да Нагой истинно мне служите. Также и особую надежду ныне имею на боярина Никиту Романовича Романова и героя псковского, воеводу князя Ивана Петровича Шуйского. Вот опора трона! Хоть ныне речь идет о мире, а укрепление военное надобно особо.

Бельский. Укрепление военное надобно против внешнего врага, также против бунтов. Ранее для тех целей брали в Вятке, Балахне, Костроме, Галиче и других городах пеших людей, которые были бы собой добры и молоды, резвы, из луков и пищалей стрелять горазды, также пеших городских казаков, да все конные и пешие пищальники должны быть со своим оружием, порохом и свинцом, со своими пищальями, изготовленными местными кузнецами. Однак, такое ополчение ненадежно, государь, для тех целей лучше отряды дворян с самопалами английскими от казны.

Годунов. Для уменьшения бунтов надо, чтоб ты, государь, и Дума издали указ об уменьшении бремени крестьянству. Поскольку ты, государь, велел для доброго нашего намерения польских пленных выпустить, мы отпускаем без выкупа, а наших пленных, которых во множестве в Польше и Литве, выкупаем, то надобно, чтоб полоняничные деньги поступали из митрополичьей казны и из монастырей, а не поступали от сох, ибо крестьяне и без того обременены многими повинностями.

Дионисий (сердито). Искупление пленных, попавших в руки поганых - долг всех православных. Деньги должны собираться по всей земле, и по монастырям также. Государь, хочу сказать тебе, что иные из твоих помощников давно уж стремятся ущемить права церкви. Церковные законы не повелевают мирским судьям судить священников, дьяков, игуменов и других церковных людей, однако ж, судят.

Бельский. Государь милостивый, лишь дела о душегубстве и разбое передаются городским царским судьям, а таковых немало среди церковных.

Годунов. Сребролюбие и пьянство повсюду в монастырях, а казна пустая. Отчина разорена, деньги потребны для восстановления.

Иван Шуйский. Истинно так. Особо Псков разорен после польско-литовской осады. Псков, государь, - пограничная крепость, закрывшая Баторию путь к Москве, ее впервоочеред восстанавливать надо. Псков, государь, - то каменные стены, окованные железом, ворота, контрольные галереи, слухи. Доступ в город через устье реки Псков при впадении в реку Великую прегражден, нижние решетки с двумя каменными башнями. С верхнего течения каменный верх, решетки. На Гремячей горе башня с тайником, прикрывавшая врагу доступ к самим решеткам. В Запсковье деревянные стены от горы Гремячей до реки Великой, пять линий защиты, четыре каменных для обороны Пскова важны, и шесть мостов через Псков. Ближние подступы к Пскову прикрывают крепости окрестных монастырей. Все то, государь, разрушено, повинно строить скорей заново.

Иван. Надобно составить сметы строительства. Дьяку каменного приказа указать: сметить, сколько понадобится кирпича, извести, бутового камня, дров для изготовления извести. Годунов, тем чтоб занялась казна.

Годунов. Тем уже заняты, государь. Сметили все, добыча и доставка к месту гужевым и речным транспортом камня, извести, леса, песка, глины, строительного кирпича. Сарай с обжигательными печами, мастера и подмастерья потребны во множестве, люди рабочие.

Иван. Прежде в самом Пскове рабочих людей в избытке было. Постник Яковлев набирал во Пскове работников для строительства Казанского кремля, также московского Покровского собора. Нам вновь надобно начать великие строения, кинуть клич вольным каменщикам. Им, вольным каменщикам, будет плачено по семь, плотникам по пять, черным работникам по четыре, другим по три деньги.

Годунов. Однако, много уж явилось, государь. Казна пуста, такие деньги платить не можем.

Иван. Ну, кроме каменщиков, иным по полденьги убавьте. *(Встает с трона, ходит.)* Милые мои, хоть нарвское плавание потеряно, для пополнения казны необходима нам торговля с иноземцами, прежде прочего - с Европой через купцов английских, фряжских, немецких и иных.

Дионисий. Государь, расширение торговли с Западной Европой привело к наплыву иноземцев в Москву. В окрестностях Москвы образовалась обширная немецкая слобода. К возмущению церкви православной ты, наш царь православный, позволил ливонским лютерам-переселенцам выстроить под Москвой кирху. Торговым немцам английским да прочим

Иван. Отец святой, митрополит Дионисий Всея Руси! Без привилегий для иноземцев мы не получим порох, свинец, орудия. Для нас важен подвоз соли. Привозят в Москву много шелка, бархата, полотна.

Годунов. Хоть немцы и иной веры, а без них нам нельзя. Надобен нам порох и пушки, да мастерство немецкое, чтоб врагов одолевать.

Иван. Истинно так, милые мои, возлюбить надобно жестокое дело, возлюбить оружие, да и наемников-иноземцев, знатоков порохового зеленого дела возлюбить. Нынешнее огненное стрельяние на немецкий манер надобно, и дело пороховое и зеленое, чтоб стены подрывать. Я потому велел Устав ратных и пушечных дел с немецкого перевести. Делается ли то толмачами в Посольском приказе, Щелканов?

Щелканов. Делается, как велел, государь.

Иван. У иноземцев мы учимся, а придет время - сами, научившись, разбогатеет, ибо лишь с богатой казной можем мы отбить угрозу басурманскую и снова стать господами Балтийского моря.

Щелканов. Государь милостивый, дозволю сказать не как дьяку Посольского приказа, а как русскому православному человеку. Государь милостивый, ежели и станем мы вновь господами Балтики, то при подобном раскладе иноземные купцы да торгоши станут нашими господами. Ежели и дале продолжаться так будет, то вся русская торговля будет находиться в иноземных руках. Однако, более скажу, государь: православные люди боязливо взирают на отношения твои, православного царя, с еретиками и осуждают тебя за благоговение к ним.

Иван. То - размышления темных людей. Влияние католичества на Руси ничтожно, и мной, государем, не допускается.

Дионисий. А лютеры, государь, те еще еретичней, ибо варвары. Пишут мне, митрополиту, священники: «Со слезами горькими замечаем, государь наш православный склоняется к инородцам. Вся внутренность его в руках варваров есть, а варвары - то лютеры-протестанты.»

Щелканов. То истинно, государь. Скажу, как православный человек: особо во второй половине твоего царствования современники заметили, а иные осуждают твою, государя, склонность к иноземцам, излишний твой интерес к Западной Европе.

Иван. Милые мои, общение с Европой для меня семейная традиция. И дед мой, и отец мой поддерживали сношения с государствами Средней и Южной Европы. Подчинение Новгорода и Пскова сделало соседями с немецкими, ливонскими и шведскими, и через Нейнгауза родство с Палеологами привлекло в Москву фрягов романской нации - итальянцев. Меня интересуют не одни лишь политические комбинации и торговля, но культура Европы, техника, наука, также религия, в чем она разницу от нашей имеет. Интересуюсь я и медиками ихними, врачами.

Дионисий. Государь, при тебе, царе, десять лет медиком был гадатель, астролог, волшебник, составитель ядов для опальных людей немец из Кембриджа Елисей Бромлей или Бромель. Православные немало сокрушались да думали даже, что он подослан твоими врагами - литвой и ливонцами.

Иван. Тот Бромлей истинно был волшебник, за что мной и казнен. Однако, пригласил я в Москву из Германии 20 или более лиц медицинского умения. Не всем приглашенным удалось пробраться сквозь ганзейские и ливонские заставы. Все ж другие медики приезжали через устье Северной Двины и Холмогоры. То - английские сведущие люди: Роберт Якоби, Арнольд Линзей да прочие.

Иван Шуйский. Государь милостивый, те немецкие лютеры - не все ль волшебники, чародеи? Немецкие ландскнехты, наймиты шведского короля, под Орешком убили русских пленных и, как обычно, над трупами опять надругались. Поскольку многие из убитых отличались тучностью, немецкие маркитантки вырезали-таки тела, вынимая жир для лекарств от ран.

Иван. Про то слышал. То, Иван Петрович, бывает во всем христианстве. Те тела мертвые в мелкие куски разрубают, просматривают у человека все внутренности, абы у хворых и раненых живым помогло. Ежели мы желаем отечество укрепить, по повинно жить по науке нынешней, не забывая, однако, и каноны. Ратных дел уставы да каноны, чудотворцы, жития их да чудеса - вот чем совместно недругов посрамим.

Дионисий. Государь, иноземцы повсюду ныне на Руси. Торговые англичане и голландцы на Севере, пленные немцы и литва поселены в разных городах, всевозможные иноземцы да латинцы включительно. Иностранные послы с большими свитами селятся в Москве. Скажу тебе от сердца православного: дал ты силу иноземному народу. Я, митрополит, хочу указать тебе, царю, на то, что иноземцы, получившие привилегии торговли вином, спаивают государевых служилых людей в своих кабаках, оттого особое недовольство по поводу поведения православного государя, которое называют предосудительным.

Иван. В условиях ливонского поражения и шатости в людях я, царь, не могу ставить скоп, сиречь препятствия, требованиям церкви.

Дионисий. Государь милостивый, ныне, когда замутилась Московская земля, умножилось во всей земле злосчастье, и требуется особо соблюдать священные правила, религиозное воспитание народа. Ежедневное чтение какого-либо святого должно воспитывать народ в духе христианской морали и нравственности, вызывать желание подражать в своей повседневной жизни благочестивой жизни православных аскетов. Однако, государь, пишут мне, что иные молодые люди знатных семей, переняв иноземные обычаи, возбуждают негодование в народе своими нарядами и своим поведением. Уже церковное обличение не сдерживает щеголей. Пишет мне, митрополиту, простой православный священник, черный поп Варлаам из Углича, про двух Михалок, сынов дворянина Михалки Борисовича.

Щелканов. То, государь, известные в Москве щеголи, родичи боярина Романова.

Дионисий. Они, как иные щеголи, носят красные сапоги, расшитые шелком, до того узкие, что ноги болят в них. Навешают на себя пуговицы, ожерелья, на руках носят множество перстней, мажутся благовониями, протирают себе щеки и губы, щеголяют вычурными манерами, состоящими в известного рода кивании головы, расставлении пальцев, подмигивании глаз, выставлении вперед ног, особого рода походки. К тому ж, ведут непотребные разговоры про то, что отец нашего государя, благоверный великий князь Василий, женившись на литовской княгине Елене Глинской, начал тоже щеголять, склоняться к Западу.

Иван (сердито). Выжлецы! Ведомо ведь православное благочестие моих родителей! Они постоянно в сопровождении новгородского владыки отца Макария ездили по монастырям - в Переяславль,

Ростов, Ярославль, в Спасский Каменный монастырь на Кубенском озере, в Кирилло-Белозерский и прочие, утешения ради давали милостыню нищим. Признаю: многие обычаи прежних времен после отца моего Василия Иваныча Всея Руси поисшатались. Еще Стоглав осудил греховность восприятия иноземных обычаев, среди которых и щегольство. И я, государь, буду всячески против того щегольства дела делать.

Дионисий. Таким щеголям дворянским потребно суровое государево наказание.

Иван. Истинно, отдать обоих Михалок псарям в погребнице для бичевания.

Никита Романов. Государь милостивый, не одобряя подобные щегольские дела, бью челом за них, ибо то - дальние наши, Романовых, родичи. Отец их, дворянин Михалка Борисович - человек степенный, сочинитель стихарей государевых.

Иван. То верно. Добрый тот Михалка стихарей сочинитель. Для первого раза велеть отцу своей рукой непотребных сынов наказать, ибо отец за детей перед Богом в ответе; ежели не слушаются, крушение ребер помогает.

Годунов. Государь, митрополит Дионисий тщится о дворянском благочестии про щеголей дворянских, однако, духовные пастыри игумены и архимандриты должны заботиться о строении монастырской жизни по уставу святых отцов, а монахи во всем кажут нестояние. В монастырях запрещено пьянство и присутствие голоусых отроков, а так ли то? Многие постригаются не спасения ради души своей, а покоя ради телесного, чтоб всегда бражничать. Да и сами архимандриты и игумены не занимаются отправлением церковной службы, со своими родичами-племянниками живут как трутни, разъезжают по селам, содействуя разорению монастырей. Рядовые монахи часто живут в миру, а не по монастырям, скитаясь по свету, просят милостыню.

Бельский. А и татьбой занимается, грабительством, оттого неподсудность правительству церковных неверна.

Дионисий. То, государь, речи прелестные, сиречь обманные. Нарушения же духовными церковных правил по моему, митрополита, указу рассматривается святителями в церковном суде, да не так, как в мирском - со скупом, сиречь взяткою.

Годунов. Святители в церковном суде, как и мирские судьи, не брезгуют взыванием посулов и судят волокитством, волочат дело. Ко мне в челобитную избу немало жалоб приходит, также большие поборы при совершении бракосочетания.

Иван. Милые мои, честь царская и честь церкви стоят воедино. То издавна известно, что ереси и бунты она, церковь, осудила и в этом государя поддержала. То добро. Однак, отец святой митрополит Дионисий Всея Руси, церковь и свое благочестие должна блюсти, а то во множестве церковные службы не сполна совершаются. Во время богослужения люди находятся в туфлях и шапках, разговаривают, не слушают службу. Также и пьянство не среди одних только монахов и священников, а и среди иерархов. Ростовский владыка Никандр, любимец мой, царя, он крестил сына Дмитрия. Однак, со скорбью узнал, что и он ныне в пьянство погружен.

Дионисий. Государь мой, митрополитом принят особый указ о соблюдении священных правил. Непослушание протопопам, пьянство, невежество - в церковном богослужении отлучение от церкви.

Иван. Потребны училища в Москве и других городах для грамотного научения священников, также для чистоты православия. Опасны ошибки в переводах богослужебных.

Дионисий. Указано поддерживать в сохранности иконы, проверять исправность церковных книг, сравнивая с добрыми переводами. Иконы должны писаться, смотря на образ древних иконников. Принято решение о порядке церковного пения и колокольного звона. Запрещено служить в церкви вдовым попам. Наказание за самаритство, сиречь поставление на церковные должности по мзде. Церковные служители должны свой чин непорочно хранить и блюсти.

Иван. Впиши: непослушание родителям и содомский грех - сурово наказывается. От этого укоризна нашей православной вере. Также ложная дача присяги - тяжкое преступление.

Дионисий. Запрещено носить магометанские туфи, сиречь тубетейки, запрещено брить бороду, приглашать на свадьбу скоморохов и глумцов. Церковное проклятие всем волхвам и чародеям, гадающим по звездам или астрологическим книгам. Запрещено под страхом церковного наказания чтение всяких еретичных и отречных книг, ибо оттого - порча нравов, дворянской и прочей молодежи перемена обычая. То все жидовствующие изучают, новгородские еретики, то все от латинства и лютерства.

Иван. Те книги мне ведомы. «Космография», перевод трактата о сферах Иоанна де Сакрабского, XIII век от Рождества Христова, русский перевод с еврейского. Строение же яко речей и Птоломей точно солнечные и лунные затмения, теория звездозрительной прелести, «Шестикрыл» Иммануила бен Якоби, XIV век от Рождества Христова. Определяет лунные затмения. Против него святой старец Максим Грек писал.

Дионисий. Истинно, государь, против снотворения и звездозакония.

Иван. Немец Иоганн Штоффлер, астролог, о всемирном потопе ложно и хульно изрыгал. Также английский еретик Бромлей, который 10 лет за грехи мои в соблазн мне был, говорил про лунные течения и лунные года. Солнечное затмение, когда Луна будет промеж Солнца и Земли, а лунное - Земля будет промеж Солнца и закроет от Луны Солнце. Все то мне ведомо как еретичество, однак, я все то читал.

Дионисий. О злых ересеях особо мой, митрополита, указ: кто знает и держится «Шестикрыла», «Астрономий» Аристотелевых - враг, исповедует кобы бесовские.

Годунов. Государь, говоря о делах небесных, надобно б не забывать и дел земных. Бездомные старики и прокаженные должны помещаться в специальные богадельни, вопрос о нищих и престарелых, а то в недозоре умирают. Не прямо ли то дело духовных - удовлетати, сиречь обеспечивать их храминой, жилищем да покоем на особой земле монастырской, про что уж говорилось немало? Достойно ли монастырям приобретать земли, получать льготы, жалованные грамоты? То есть не духовное, а земное, мирское, алчное. Они толкуют про небесные ереси, а сами впадают в земные ереси.

Дионисий (сердито). Кто посягает на богатство церкви - хищник и разбойник.

Годунов. Государь, ежели мы хотим иметь сильное дворянское войско, то должны наделять дворянство землей. Уж немало говорилось об ограничении или полностью отмене прав церкви на недвижимость. Монастырские земли - важный источник, откуда можно удовлетворять дворянство: взять у монастыря, отдать дворянам. Ликвидация монастырских слобод и беломестных дворов, которой давно требуют посадские.

Дионисий (сердито). Кто посягает на богатство церкви - хищник и разбойник, снова говорю то! То - прелестные речи Годунова, государь. Еще на соборе у деда твоего, великого князя Ивана III, говорилось про монастырские земли и церковное имущество, а дед твой разграбления церкви не позволял. При начале твоего царствования, государь, бояре и вельможи, видя наследника царствия юна, благополучие самовластной веры для себя видели, собрали себе множество имений, и ныне, вместо того, чтоб любить правду и любовь, в ненависть уклоняются, друг друга, лукавствуя, не только в заточение посылают и в темницах затворяют и узами облагают, но и смерти предадут, привыкли к гомодоубойному совету. Так же и сами, на свои други восстающие, яростными смертями истончающие, и дома, и села их наследующие. От их похищения чужого имения дома их наполнились, и сокровища от неправедных богатств умножились.

Мстиславский. Государь, от таких речей у боярской Думы много шума и движения, но мало порядка. Что есть боярская Дума с древних времен? Святой Владимир любил дружину свою и все решал со своей дружиной. Думал с ней о строе земли, о ратных уставах и казнях за разбой, о взимании денег. А думцы при Владимире лишь передние были мужи, старейшие из дружины, бояре истинные и природные.

Дионисий. Однак, и простое всенародство должно принять участие в управлении отечеством.

Иван. Истинно, святой отец митрополит Всея Руси. Я уж давно про то желание имею: единомысленный вселенский совет от всех городов своих и от уездов городов тех, безо величества и безо высокомерной гордости, наподобие английского парламента.

Дионисий. Английский парламента - еретичное собрание лютеров, нам же потребно православное собрание: единодержавие, православие, народность.

Иван. Отец мой митрополит Дионисий Всея Руси, я, государь, стою с православной церковью заодно. Собор тот - вся земля, от всяких мер всяких людей, вся система московского порядка. Нынешнее земское собрание - то не доверие народа, а доверие правительства: начальники да власть, не ходатаи народа. Призывают на Собор не чтоб выслушать заявления, требования и нужды, и желания доверителей, а чтоб от него выслушать показания, и возвращаются не чтоб очиститься перед православными, а чтоб проводить указы Собора. Соборы наши - случайные собрания, в

особых случаях они постоянные. Но хотел, чтоб Дума и Собор слились воедино в собрания постоянные. Надобно царю на всякий день всяких людей добрые дела расспросить.

Щелканов. Государь, мы в Думе ради обсуждения Запольского мира с Баторием, а занимаемся делами и ныне.

Мстиславский. Всякого дела достойно воистину прекрасное наше собрание, Дума наша. Однако, воистину, уж полдень. Повсюду - в городских приказах, на торгу, в ремесленных мастерских - перерыв для обеда. И черный народ уж пошел, и приезжие - те, кто не имеет собственного домашнего очага - в общественные харчевни. Пора и нам, думным, после утренних забот разъехаться для обеда и послеобеденного сна.

Дионисий. Всякая пища от Бога: и скудная, однообразная, и обильная, разнообразная. *(Крестится, зевает.)*

Годунов *(зевает)*. И меня уж разморило.

Царь Иван. Милые мои, обед да послеобеденный сон - людей лучший примиритель. *(Зевает.)*

Никита Романов. Истинно, после обеда жизнь замирает в городах и деревне. *(Зевает.)* На диком поле, на усечной полосе, чтоб казачья стража не дремала, на засеках велю в набаты бити.

Иван. Гляди, Бельский, чтоб и у тебя в дремотное состояние городская стража не погружалась, тем тати да разбойники рады.

Бельский. Уж блюду, государь милостивый! *(Зевает.)*

Иван. То-то! В 1410-м году от Рождества Христова ордынский царевич Телей захватил Владимир, подойдя к городу неизвестно, когда люди в полдень спали. *(Зевает, крестится.)* Прежде послеобеденный сон был на Руси привычкой, и стал со временем канонем. Еще прежде предок мой Владимир Мономах поучал детей своих, что послеобеденный сон предназначен самим Богом.

Дионисий. Так оно, государь, спанье есть от Бога присуждено. В полдень почивает и зверь, и птица, и человек. Отступление от того - отход от православия. *(Зевает.)*

Щелканов. Государь, как в 3-ем часу придет в Кремль папский посредник Антоний Поссевино с послами, то чтоб все думные собрались.

Иван. Чуете? Чтоб все были! *(Зевает, крестится и уходит. Думные расходятся.)*

Занавес **Сцена 108**

Золотая палата. Заседание Думы. Царь Иван с приближенными, митрополит Дионисий и думные.

Щелканов. Государь и вы, думные чины, папский нунций Антоний Поссевино приехал в Кремль да ждет приема. С ним послы наши для переговоров в Запольском Яме. Польские же послы в Варшаву поехали для доклада королю и сейму.

Дионисий. Латинского духа не терплю! Говорил, что, как приедет папский легат, предшествуемый латинским крестом, то желание имею другими воротами из Москвы уехать.

Щелканов. Будучи православным, почитаю и разделяю существенное строение отца нашего митрополита Дионисия. Однако, нельзя, государь, лишь на Англию надеяться. Помимо того, что иезуит - посредник потребного нам мира, Папа - глава католической Европы.

Иван. Переговоры с Папой нам потребны, однако, Папа хочет, чтоб мы его ересям подчинились. Сколько у латын ересей, помнишь, Щелканов?

Щелканов. Помню три-четыре ереси латинские.

Иван. Тридцать и две ереси у латын, вот сколько! По необходимости скоблят и разрезают железом гниющую гангрену вплоть до здорового тела, срезая гниющее мясо. Так и мне, царю, с ересями надобно. Греческого царя Константина вельможи его вражескими ересями покорили, отсюда и взятие басурманами Царьграда. Греки потеряли правду и надеются только на Русь. Чистоту православия надобно беречь против басурманского идола Магомета, против лютеров, а особенно - против Папы. Однако, для переговоров с Баторием нам Папа потребен, то постараюсь принять иезуита. *(Ласково.)* Хай идет. Пошли за ним в притвор.

Щелканов *(посылает слугу)*. Государь, перед приходом легата папского хочу сказать про шведские переговоры. Переговоры со шведами на Нарве-реке, на мосту без успеха минули, и никакого докончания, сиречь соглашения, не достигнуто.

Иван Шуйский. Ежели так, то надобно послать войска в Эстляндию.

Щелканов. Боярин князь Иван Петрович Шуйский, невзирая на оборону Пскова, мы в Ливонской войне побеждены. Баторий у побежденной Москвы вынудил обязательство, не посылать войска в Эстляндию и не добывать тех городов московских и ливонских, которые захвачены шведами.

Бельский. То означает прекращение войны со шведами, иначе - сдачу.

Иван Шуйский. Государь, брань славная лучше мира стыдного.

Романов. Молю, чтоб сумели мы преуспеть против наших врагов в том бранном подвиге.

Нагой. Государь и вы, думные чины, не следует забывать и о дипломатической брани, ибо она ныне в первой черед. Шведские победы насторожили поляков. Есть слух, что Баторий хочет воевать со Швецией.

Щелканов. На то не должно быть особой надежды. Надобно скорей оформить договор со шведами.

Иван. Что за договор?

Щелканов. Тот договор - перемирие на три года на основании *iti poss idetis*. Встреча намечена на реке Плюссе. Переговоры в Яме Запольском затянулись, и чем далее тянутся, тем для нас хуже.

Иван. Однако, я не могу принять польские условия. Надобно требовать возвращения Великих Лук, Заволочья, Невеля, Холма и псковских пригородов. Я не могу постоянно уступать, тогда как Баторий ни в чем не уступил.

Щелканов. Польские послы первоначально требовали включения в перемирную грамоту Швеции, выставляя Польшу и шведского короля сообщниками. Ныне от тех требований Польша отошла. С Польшей и Швецией мы заключим ныне разные договоры, а то есть польская уступка.

Иван. Все одно: поветерье, сиречь удача, успех мой, государя русского, подорван. Лужные, сиречь мучительные мысли в том испытываю постоянно. Моя вина али несчастье состоит в том, что, поставивши громадную цель превращения полуазиатской Москвы в европейскую державу, я не мог вовремя остановиться перед возрастающим врагом. Я бросил в бездну истребления отечество свое; простит ли мне за то Господь?

Дионисий. Господь милостив, государь, ежели сохранишь веру православную.

Иван. Истинно так, отец митрополит Дионисий. Нудимы, сиречь - принуждаемы на поле боя, не уступим на поле духа. Грехами своими телесными побежден, духу же прошу укрепления.

Дионисий. Государь, ересям противясь, укрепишь сим и державу. Ежели снова придут воевать, не пускать их пакостить. Разлившись по всей земле, вера благодатная дошла и до русского народа. Ею мы сильны. И уж не идолослужителями зовемся, но христианами; уж не капища служим, но Христовой церкви жизнью, насыщаемся сладостью книжной православной. Латыны же, будучи христианами, подобны обрезанным новообращенным: чинят насилие другим христианам, навязывая свое еретичество. Греки приобрели православную благодать, однако они, греки, не делятся приобретенной благодатью с другими, а с иудейской завистью хотят удержать ее только для себя. Подобно зависимости древней Руси от Болгарского царства, через ереси близится тяжелое время иудейского закона. Время окончательного учреждения в Киеве метрополии более славно, чем Игоревы и Святославовы победы. Старый мир, погрязший в рабстве агаритянства, али латинского соблазна. Православная Русь строит новый мир.

Иван. Истинно так, отец митрополит Дионисий. Подобно старому Игорю и славному Святославу, громившим Византию, сокрушим духом тот нечестивый Иерусалим с его продажными злоупотреблениями. От деда моего, великого князя Ивана III, начала строиться новая православная Русь. Господь, дай мне силы, подобно Соломону, достроить начатый Давидом храм!

Щелканов. Государь, папский легат Антоний Поссевино совместно с русскими послами ждут думного приема.

Иван. Хай идут. Опустимся, милые мои, от высокого к низкому, ибо Господь украсил небо звездами, а землю, за грехи людские, отдал дьяволу в соблазн. Будем же стоять против сего соблазна, да потщимся искать мира, тем более что в Европе - старшинство латинской курии и германского императора. *(Входит Антонио Поссевино и русские послы. Поссевино и послы кланяются царю.)*

Поссевино. Московскому государю от светлейшего Папы, восседающего на престоле Апостола Петра, я, низжайший раб во Христе, передаю поклон.

Иван. Здоров ли Папа Римский?

Поссевино. Святой отец был болен от простуды, однако ныне полегчало.

Иван. Болезни наши посылаются нам за грехи наши. Грех же дьявольских соблазнов велик. Видишь, ты застал меня и весь двор в черных одеждах, с отращенными волосами по придворному обычаю, три

месяца уж спустя после смерти сына моего царевича. В печальном платье ходят шесть недель, а больше того не бывает. Однак, так велик грех, что хожу больше.

Поссевино. Приехав, я нашел двор в трауре, а тебя, государя, в великой скорби. В Европе знают про тот мрачный эпизод: в порыве гнева ты убил своего старшего сына.

Нагой. Такие слухи есть ложь! Благоверный царевич умер от горячки!

Поссевино. Не будем о том продолжать. Во всяком случае, я выражаю истинное сочувствие от святого Папы и от себя. Соблазны мира сего велики. Святые пророки и апостолы, а также мученики и все святые, ради Христа страдавшие, переносили скорби и беды, и притеснения, и раны, находясь в темницах, неустроенными в жизни, в трудах, в бдениях, в постах, в покаянии, в размышлениях, в долготерпении. Такое нам, грешным, в пример. Так и великие тяготы, Ям-Запольские наши переговоры переношу.

Иван. В чем же тяготы?

Поссевино. Прежде прочего, государь, Ям-Запольский - полуразрушенное местечко в опустошенном крае, едва могло вместить поляков с их многочисленной свитой. Польский король послал для переговоров блестящих дипломатов: князя Збражского, воеводу Брацлавского, князя Альберта Радзивилла, маршала двора и секретаря Гарабурду. Те аристократы, государь, не могут жить в курных избах.

Щелканов. Ям-Запольский - город, лежащий на полпути к Новгороду, между Волочем и Пороховым, был избран по взаимному согласию местом встречи. Так ли, князь?

Елецкий. Истинно так, государь. По доброй воле мы уступили его полякам. Нам, москвичам, пришлось искать приюта по соседству, в деревне Киверова Гора. А ведь и я князь!

Поссевино. И ты князь. Тебе, Елецкий, по словам гетмана Замойского, не достает только княжества, чтоб быть князем истинным. Гетман Замойский весьма недоволен, что представителями твоими, государя, выбраны незаметные фигуры.

Иван. Отчего ж незаметные? Князь Елецкий, Роман Алферьев, Верещагин и дьяк Связьев - то все мои доверенные люди.

Поссевино. Я, скромный раб Божий, посредник святого Папы, поселился там же, в деревне Киверова Гора. Мне пришлось жить в крестьянской курной избе, терпеть зимний холод, недостаток, даже пить снежную воду. Кругом все опустошено. Я переносил все с христианским терпением, также и польские дипломаты. Поскольку посредник должен жить в курной избе, то заседание всего европейского собрания проходило под скромной кровлей между импровизированным алтарем и печью, из которой дым, за неимением другого выхода, валил через окно, так что к концу заседания делал послов похожими на трубочистов. Все то я и поляки терпели, ибо понимали, что тут решается судьба двух государств, двух народов и, может быть, будущее всей Восточной Европы. Однако, московские те послы не торопились, всячески затягивали те переговоры. С изобретательностью, свойственной вашей расе, они обратили переговоры в ярмарку.

Елецкий. Государь, Антоний Поссевино мироволил польской стороне. Однак, мы, московские послы, упрямылись, желая, как ты, государь, велел, выговорить себе более выгодные условия. Оттого послы сходятся и расходятся долгое время. Проявляя миролюбие, мы, по указу государя, уступили многое в Ливонии. Но мы не можем уступить в сей стране то, что уж нам больше не принадлежит, особо то, что взято шведами.

Поссевино. Шведские победы в Ливонии порождают трудности для короля. Поляки оставляют за собой право действовать против шведов. Москва же против шведов действовать не должна, а в перемирной грамоте надобно перечислить одно за другим все владения, уступленные Москвой.

Алферьев. Государь, в число городов и краев, уступленных тобой, мы включили Курляндию и Ригу, так надобно. То прибавило бы новый титул тебе, государю.

Поссевино (*сердито*). Это отступление от принятых условий!

Елецкий (*берет грамоту*). Мы требуем возвращения хотя бы нескольких крепостей для оправдания титула ливонского государя нашего.

Поссевино. На тот титул претендует и Баторий, и такое создает большие трудности.

Елецкий. В перемирной грамоте указано о передаче подвластных России городов Ливонии, а также подвластных России Вележа и Полоцка. Речь Посполитая поступается Великими Луками, Себежем и другими русскими землями, занятыми польско-литовскими войсками. Так должно быть. В

перемирной грамоте государь должен быть назван не великим князем, а царем. На то особенно укажу.

Поссевино (*гневно*). Ступай вон, невежда! Вы пришли воровать, а не вести переговоры!

Елецкий. Как указал государь, мы желаем выговорить себе большие выгоды, более выгодные условия. Оттого - споры о титулах и словах.

Поссевино (*гневно*). Ступай вон! (*Вырывает бумагу.*) Мне надоели все те разговоры! Я с вами ничего не буду говорить!

Алферьев. Государь, так и в Киверовой Горе иезуит, разгорячившись, уж вырвал у нас твою государеву грамоту и выбросил ее за дверь, да князя Елецкого за воротник шубы встряхивал так, что пуговицы отлетали, вытолкнул из избы, а за ним и товарищей его.

Поссевино. Так и сделаю! (*Хватает Елецкого за воротник шубы.*) Государь, пусть они уйдут! Я хочу вести переговоры с тобой, иначе брошу все дело! Мне они надоели!

Иван. Ты, иезуит, излишне разгорячился. (*Смеется.*)

Щелканов. Можно ли позволить иезуиту так себя вести?

Иван. Оставь его, Щелканов. Иезуит излишне разгорячился.

Поссевино. Государь, я стараюсь делать все возможное. Несмотря на свои ссоры в Киверовой Горе с московскими послами, невеждами, я поспешил к тебе, государь, в Кремль, продолжить начатое там дело. Нельзя выбрать более великого посредника, к которому прибегают обе стороны, чем Папа Римский, а твои послы ведут себя негоже.

Иван. Мы разочарованы в могуществе Папы. Он так и не приказал Баторию кончить войну против христиан.

Поссевино. Хотя ты и разочарован, все ж вмешательство Папы поможет тебе отчасти замаскировать унижительное поражение.

Иван. Мне ли о поражении говорить? Баторий потерпел поражение подо Псковом да бежал, оставив армию. Вот тут воевода, победитель Батория, Иван Петрович Шуйский.

Иван Шуйский. Истинно, государь, Баторий бежал. И ныне ливонская и польская армия без провианта. Запасы пороха опаздывают в пути. Ежели велишь, то мы опять начнем с ними дело и кончим их!

Поссевино (*примирительно*). Государь! Обе стороны нуждаются в мире, да обе стороны предъявляют чрезмерные требования. Однако, государь, нельзя вести переговоры с невеждами, такими, как твои послы. Я хочу вести переговоры с тобой, человеком ученым.

Иван. Иезуит, ты все стремишься показать, что твоя ученость выше нашей. Ты называешь меня ученым, а сам стремишься быть выше меня.

Поссевино. Государь, для заключения потребного мира те послы негодны, только о том я говорю. Я желаю вести переговоры с тобой, чтоб сделать не так болезненной для тебя победу Батория в Ливонии.

Дионисий. Государь, поляки видят в победах Батория победу католического иезуитства. Тому и способствует папский легат.

Поссевино. Я, посланец папский, способствую лишь примирению в христианском мире, чтоб нанести совместный удар по Оттоманской империи со стороны Польши, Литвы и России.

Иван. Добро. Ныне я сам буду вести переговоры. Пусть мои послы уйдут. (*Послы кланяются и уходят.*) Уступка поляками нам, русским, нескольких городов и сохранение моего ливонского титула есть условие для заключения мира.

Поссевино. Государь, я уж давно обратил усилия на этот пункт, однако, обе стороны отрекаются сказать мне свое последнее слово.

Щелканов. Государь, папский нунций упрекает нас, посольский приказ, в дурном знании и умении, однак, и у поляков нет согласия при ведении переговоров. И, похоже, противоречия между королем, его канцлером и польской шляхтой таковы, что переговоры не могут идти нормально.

Иван. То неудивительно в выборной шляхетской республике с выборным королем. Государство наше русское от начала содержится нами, извечными государями русскими, почин имеющими извечными государями русскими, почин, в свою очередь, имеющими от Августа, кесаря Римского, и от Рюрика, и от Рюрика к Владимиру Святославовичу, и от великого Владимира, внука его, Владимира Мономаха Всеволодовича. Тот, царским именем храним, вечен был с прощением мира от греческого царя Константина Мономаха.

Дионисий. Государь наш венчан на царство, избран государем всех христиан от востока до запада и до океана. Константинополь в подчинении безбожных агарян. Теперь православие пришло на хранение к нам. Москва - столица православия. Московский князь - тот же византийский царь. То латинский Запад да лютерский должен понимать.

Поссевино. Соседи России и иные страны не признают царского титула, который московский князь себе присвоил с помощью русской церкви, и не подписывают таких грамот. Однако, проявляя много изворотливости, канцлер Щелканов добивается вставки титула хотя бы в русские копии договора и делает царский титул козырем по другим вопросам. Я убедился, что москвичи - большие мастера в дипломатической казуистике, напоминающей византийскую казуистику. Любят долго говорить о мелочах, чтоб утомить на мелочах, прежде чем перейти к главному. Ежели мы и далее так будем вести переговоры, то никогда не обменяемся подписями.

Иван. Добро, перейдем к главному. Ежели потребно для мира, то я подпишусь в договорной грамоте великим князем. Однако, мы не можем постоянно уступать!

Щелканов. Государь, посредник Антоний Поссевино передал нам полученное от Замойского письмо, в котором сказано, что никакие уступки по Ливонии сделаны не будут.

Иван. Для сохранения титула ливонского короля мы добиваемся сохранения хотя бы Новгорода Московского.

Поссевино. Ныне гонец привез от канцлера другие извещения, где говорится о возможной уступке трех городов, на чем вы, русские, настаивали.

Иван. То добро. То, видно, вмешательство самого короля, которому написал письмо. Жаль, что не могу прямо вести переговоры с королем, а то с канцлером не выходит.

Поссевино. Меж королем и канцлером нет противоречий. Замойский предан королю. Города, о которых идет речь, незначительны, ими можно пожертвовать, и Баторий выразил на то согласие. У канцлера давно уж намечены три пути для достижения соглашений. Одним из путей было оказание указанной уступки. Ныне то уж не дипломатическая тайна. Три ливонских города было решено уступить только при последней крайности, если не удадутся два других приема.

Иван. Которые приемы?

Поссевино. Государь, теперь уж неважно, ибо принято такое решение. Поляки также не посвящают меня во все, они держат меня на некотором расстоянии от себя. Меня терпят из уважения к Папе, но охотно обошлись бы без меня. Кроме того, Збражский и Радзивилл временами стараются идти дальше, чем предлагает канцлер. Они обвинили меня, что я считаю чрезмерными те уступки, на которые идет канцлер Замойский, и не станут принимать их в расчет до новых распоряжений. Я испытываю тут, в Москве, недоверие, также и недружбу, особенно со стороны русского митрополита, также православных священников. А меж тем поляки также отзываются обо мне нелестно, называя меня добрым пастырем москвичей, старающимся превратить волков в овец. Я же все терплю по-христиански, во имя главной цели.

Иван. Какова же главная цель?

Поссевино. Главное по-прежнему для меня - соединение церквей. Главное - единый христианский мир.

Дионисий. Папского нунция во всем произошедшем, во всей многолетней войне, интересует не мир, лишь форма разговора. В нем должна признаваться власть Папы, все должно совершаться его именем. Он поднимает вопрос об антиоттоманской лиге, ибо то дает повод к вмешательству Папы.

Иван. Антиоттоманскую лигу забудь. Для борьбы с Баторием я должен был заключить договор с крымским ханом. Я соглашусь нарушить сей договор и выступить против турок лишь после того, как Папа вступит в переговоры с Францией, Испанией, Венецией, Англией, Данией и Швецией и заставит сии государства отправить в Москву послов для окончательных переговоров. Я ж ради того обещал отправить в Рим не простого гонца, а знатного посла.

Поссевино. Государь, видно, издевается. В таком случае переговоры затянутся до бесконечности. Я могу согласиться дополнительно лишь на посредничество в переговорах со Швецией.

Иван. Нет, мы не нуждаемся в услугах латын для переговоров с лютеранами. Хочу воспользоваться услугами твоими лишь для решения тех дел, которые касались Польши: установление границ, обмен пленными.

Поссевино. Государь, я же хочу особого разговора, чтоб приступить к великому делу. История той религиозной проблемы, разрешение которой - главная цель моего путешествия в Москву, известна. Изложу ее кратко. Разделение церквей то подготавливалось еще с VIII-го века константинопольским

патриархом Иоанном Постником, назвавшим себя «всемирный епископ» и на соборе в 690 году установившим брак для священников. Особо же полное разделение случилось в IX веке. В то время греческая церковь достигла вершины своей славы и расцвета. Она дала множество ученых, святых, поэтов. Судьба призвала ее к насаждению христианства среди славянских народов. Фотий довел до крайности претензии своих предшественников, утверждавших, что падение Римской империи повлекло за собой и уничтожение духовной власти на Западе. При нем произошел раскол. После него единство церкви было восстановлено на короткий срок, но оно было непрочное, окончательно нарушено в 1054 году Михаилом Коруларием. Восстановить единство стремились с XIII-го века, Флорентский же собор 1439-го года только подытожил попытку Лионского 1274-го года. Ныне сама Польша не прочь способствовать новой попытке. Мир между Польшей и Россией может означать мир между церквями и первый шаг к объединению всего христианства. То есть заветная наша мечта. Однако, в Москве выросла и укрепилась мысль о Третьем Риме, и она является препятствием к осуществлению этой попытки.

Иван. Они, греки, пали, потому что отступили от истинного. Мы - Третий Рим. Два Рима пали, третий - Москва, а четвертому не бывать.

Дионисий. Ныне прославил Бог в православии просиявшего благоверного и христоролюбивого царя и великого князя Ивана Васильевича, государя, самодержца Всея Руси.

Романов. Ты, иезуит, хочешь, чтоб мы переставили свои обычаи. Ведаешь сам, и мы слышали у разумных людей: которая земля переставляет свои обычаи, та земля долго не стоит.

Поссевино. Православные христианские братья мои, дело идет вовсе не о потере обычаев своих, не о разрыве с вашей достойной стариной. Дело идет вовсе не о разрыве с Греческой церковью, древней и достойной уважения церковью Афанасия Златоуста, Василия Великого. Рим чувствует себя связанным с ней неразрывными узами. Надо только восстановить единство, нарушенное как раз благодаря забвению старых традиций. Это дело восстановления было бы верным путем к созданию новой Восточной Империи, во главе которой мог бы стоять царь, новый Карл Великий, венчанный Папой.

Нагой. Государь, есть слух, что иезуит обещал уж место короля великого Баторию. (Смех.)

Бельский. Иезуит, видно, мало знает нашего государя, опасного противника в спорах, к которому он, иезуит, обращается. Государь наш знает больше ваших бранденбургских и краковских магистров. Ты, иезуит, - бродячий школяр в сравнении с государем нашим.

Иван. Милые мои, истинно люблю я ученые споры. Однако, при всей любви к спорам хочу избежать религиозных вопросов. Прения могут принять обидный для Папы тон. К тому ж, нынешняя аудиенция, сего февраля 2-го, посвящена светским делам. К тому ж, признаюсь, я не обладаю достаточным сведением, чтоб начать подобный спор.

Поссевино. Однако, подобный диспут необходим. Я давно уж прошу тебя, государя, обсудить со мной наедине вопрос об унии. Если не согласен на диспут или личное обсуждение, то прошу разрешения предоставить свои соображения в письменной форме.

Иван. Добро. Я решил с этим покончить. Раз ты так все настаиваешь, по твоему, легат, настоянию я согласен провести с тобой прения о вере ныне, в присутствии Думы и двorca. Годунов, сколько всего присутствуют?

Годунов. Государь, примерно сто человек присутствует - бояре, дворяне, служилые князья.

Иван. Заседание Думы посвящено вопросам другого рода. На нем кроме митрополита Дионисия Всея Руси нет других духовных лиц, присутствие которых придало бы диспуту серьезный характер. Однако, я, царь, решил покончить с этим вопросом. Не забуду, милые мои, указать, насколько бесполезно слово «прения» при подобных условиях, но ежели иезуит того желает, я с ним готов спорить хоть сейчас.

Бельский. Государь наш быстро разрушит очарование, которым хочет пленить его римский оратор.

Иван. Я, царь, сразу предупреждаю легата, что не буду говорить о великих делах веры, чтоб не было раздора и брани.

Поссевино. Нет, надо говорить обо всем. Нужен спор о вере.

Иван. Что спорить о вере? Каждый свою веру хвалит. Мне уже 52-й год, воспитывался я в истинно христианской вере, и переменять мне ее не годится. Придет Страшный суд, и тогда Господь рассудит, какая вера правая - наша али латинская.

Поссевино. Святой отец вовсе не хочет, чтоб ты менял древнюю греческую веру, основанную на учениях святых отцов и постановлениях святых соборов. От только хочет, чтоб ты исследовал, что есть истинно, и то утвердил в своем царстве. Он хочет, чтобы во всем мире была одна церковь, и мы бы ходили в греческую к вашим священникам, ваши ходили бы к нашим, для того и был созван Флорентийский собор. Если ты, великий государь, вступишь с Папой в соединение, то не только будешь государем на прародительской отчине в Киеве, но и в царствующем граде Константинополе. И Папа, и Цезарь, и все государи будут об этом стараться.

Иван. Не сойтись нам с тобой. Что говорить о Византии и греках? Наша вера христианская, греческая, была издавна сама по себе. А греческой нашу веру называют оттого, что пророк Давид, за много лет до Рождества Христова, пророчествовал: «От Эфиопии предварит рука ее к Богу». А Эфиопия - то место, что Византия, а Византия - первое государство греческое, что просияло во христианстве.

Бельский. Так-то государь показал иезуиту свою ученость!

Иван. Мне, государю, ныне нет дела до Византии. Не хочу спорить о вере, дабы через то не сделать рознь с Папой и не подорвалась бы взаимная любовь между Папой Григорием и мной, московским государем.

Поссевино. Уверяю, что розни не будет, и прошу тебя, государя, вести со мной прения о вере.

Иван. Тогда обращусь к малым делам веры. О больших делах мы с тобой говорить не хотим, чтоб тебе досады не было. Да и что говорить о союзе с людьми, которые, вопреки преданию, бреют себе бороды?

Поссевино. У святого Папы Григория XIII - великолепная борода!

Иван. А у тебя самого бритое лицо! Почему ты сечешь бороду? Вот милое дело - у тебя борода подсечена, а бороду подсекать и подбривать не велено ни попу, ни мирским людям. Ты в Римской вере поп, а бороду сечешь. Откуда это взял, и по какому учению?

Поссевино. Я бороду не секу и не брею. То естественная причина делает мою бороду словно сеченой.

Иван. Ты говоришь о первенстве Пап. Православная русская церковь признает авторитет первых пап, по-прежнему почитает святыми пап первых веков: Клементя, Сильвестра, Агафона. Но их преемники, последующие папы, утратили право на уважение. Они отвергли бедность первых христиан, живут в роскоши. Сказывал нам наш парубок Шеврогин, что Папа сидит на престоле, и носят его, и целуют ногу, а на сапоге - крест, а на кресте - распятие. Прилично ли то, пристойно ли также Папе носить крест ниже пояса?

Поссевино. Государь, помыслы о достоинстве и величии Папы, об особой благодати над Римом, о которой свидетельствует множество мощей в этом городе - тому доказательство. Папа сидит на престоле не для гордости, а для благословения многочисленного народа. Поклонение ему делается в воспоминание того, как древний народ падал к ногам апостолов, проповедавших его веру, и государя следует величать-славить, припадая к его ногам. С теми словами хочу поклониться тебе в ноги. *(Кланяется.)*

Иван. Нас, великих государей, следует почитать по их царскому величеству, а святителям надо смирение показывать, и не возноситься выше царей. Папа Григорий называется сопредстольником Петру, апостолу, а по земле не ходит и велит себя на престоле носить. Значит, не хочет Христу подобиться?! Папа не Христос, а престол, на чем Папу носят - не облако, и те, что носят его - не ангелы. Который Папа поступает по Христову учению и по апостольскому преданию - тот сопредстольник великим папам и апостолам, а который Папа начинает жить не по Христову учению и не по апостольскому преданию, - тот Папа - волк, а не пастырь.

Поссевино. Если Папа - волк, а не пастырь, то мне и говорить нечего. Зачем же ты посылаешь к нему о своих делах? И ты, и твои предшественники всегда называли его пастырем церкви.

Иван *(кричит)*. Твой Римский Папа - не пастырь, а волк!

Поссевино. Если Папа - волк, то мне нечего больше и говорить!

Иван. Папа заставляет носить себя на престоле и ставит на своем сапоге знак святого креста! Они забывают всякий стыд и всенародно предаются разврату! Сии новые преосвященники лишились первоначального достоинства, из-за дурного житья утратили право на уважение!

Поссевино. А твое, государь, поведение безупречно ли? Не по убиенном ли сыне носишь ты траур?

Иван *(вскакивает с трона)*. То какие-то деревенские люди на рынке научили тебя разговаривать со мной как с равным и с деревенщиной!

Годунов. Государь, прибить иезуита?

Бельский. Тебя, иезуит, немедленно утопят!

Нагой. Истинно, государь, не бросить ли его в воду?

Поссевино (*испуганно*). Государь, в Риме и во всей Европе знают тебя как великого монарха, а что сказал, то погорячился.

Иван (*спокойно*). Вот и я погорячился. Предупреждал же я тебя, что нам нельзя говорить о вере, без раздорных слов не обойдется. Оставим это!

Поссевино. Государь, зная твой норов, я уж мыслил, что ты меняхватишь своим знаменитым жезлом.

Иван. Оба мы погорячились. Поди сюда, Антоний. В знак примирения поглажу тебя рукой. (*Гладит Поссевино по голове.*) Ради общего дела расстанемся приветливо, да велю послать тебе кушаний со своего стола. Все мы грешны, каждому иной раз дьявол советчик. Я, царь, приношу публичные извинения, что в диспуте назвал Папу волком и хищником, однако, от веры своей, православной, не отрекаюсь. Тебя ж, Антоний, хочу пригласить 5-го марта, в воскресенье Великого Поста, идти в церковь смотреть богослужение.

Поссевино. Государь, догадываюсь, что ты, царь, делаешь для того, чтоб присутствие папского посла в церкви служило для народа доказательством уважения иноверцев к русской вере. То уважение имеем. Мне известны обряды греческой церкви, а участвовать в них наравне с митрополитом я не могу до тех пор, пока митрополит не будет укреплен в вере тем, кто сидит на престоле Петра, которому Господь сказал: «Утверждаю братию свою».

Иван. Латинскому Риму незачем гордиться своими апостолами Петром и Павлом, считая их главными и старейшими. У нас есть свой зиждитель православия - апостол Андрей, к тому ж Первозванный. Он водрузил крест на горах Киевских и предсказал, что там воссияет благодать Божья. Принятие христианства от апостола Андрея делает Русь независимой не только от Папы, но и от греков. Прежде чем Владимир Святой принял от них христианскую веру, она уже была провозглашена нам. Белый клобук недаром перешел к новгородскому владыке, а от него - к московскому митрополиту.

Поссевино. Государь, хочу смиренно тебе заметить: ваш митрополит не возносится ли излишне? Вы упрекаете нас в том, что Святой Отец сидит на престоле, а у вас митрополит моет себе руки, и этой водой люди окропляют себе глаза и другие части тела, и перед вашими епископами кланяются в землю.

Иван. Та вода знаменует Воскресение Христово. Приди в церковь, то поймешь.

Поссевино. Из уважения к тебе приду. Что ж до Третьего Рима, исходящего от православной церкви, то принять не могу. Она, та идея, Москву от Европы отделила. Долгие годы существовали дружественно. Римская империя покрывала своей властью весь тогдашний мир. Orbis terrarum. Враг был покорен не только оружием, но и духом убеждения. Вне пределов его не может быть настоящей жизни. Империя на этом свете может быть только одна, а мировой центр Рим - вечный город, urbis aeterna. Он вечен не потому, что начало его скрывается в тумане седой старины, а потому что он несет в себе и хранит идею вечности. Существовали три всемирные монархии: вавилонская, персидская и македонская. Они пали, ни одна не удержалась. На смену пришла Римская. Она последняя, и лучше ее быть не может. Вот почему Рим вечен - единая и вечная, неумирающая империя, империя духа. Еще в языческую пору началась там проповедь христианства; в христианскую пору - утверждение христианства, единой религии, что исключало остальные. Лишь единая, вечная Римская империя - оттого нет ни второго Рима, ни третьего Рима.

Иван. Однако, перенесение столицы на Босфор Константином - то удар по единой. Право стать новым Римом означало падение старого Рима. Старый Рим - обломки разбитого сосуда на берегах Тибра. Греческий Восток ухватился за свой, Второй Рим, Запад же ухватился за старые корни - Карлова монархия, Священная Римская империя. Раздвоение и в церкви: две церкви - греческий Восток, православный, и латинский Запад, католический. На Руси признавали Второй Рим, однако, в XV веке дошла весть: благочестивая Империя и вселенский патриарх, как раз те, кому бы и хранить больше всего истинную веру, впали в тяжкую гнусную ересь - на Флорентийском соборе признали над собой первенство Папы, приняли ненавистное filioque. (*Встает с трона, ходит.*) Известие, как гроза, поразило умы. Те, на кого полагались как на незыблемую твердыню и оплот православия, столпы веры, учителя и наставники, слово которых ценилось на вес золота - они вероотступники! Однако, вероотступничество, прежде прочего, губит самих вероотступников. 14 лет спустя после Флорентийской унии турецкий султан Магомет II торжественно въехал во главе победоносного войска в ворота Константинополя. С сей минуты Царьград становится Стамбулом, а Святая София -

нечестивой мечетью. Вместо христианского креста над поруганным храмом благочестия заблестал мусульманский полумесяц. Второй Рим был низвергнут, и на престол византийский вместо защитника православия воссел враг Христов.

Бельский. Красно говоришь, государь, до слез прошибает! *(Вытирает слезы.)*

Годунов. Удивляемся, государь, такому твоему разуму и многомысленному твоему мудрому пониманию византийского падения.

Иван. Милые мои, здесь Божья кара. Мог ли Бог попустить нечистых агарян овладеть Константинополем, священным сосудом вековечной истины! Город и вся страна погибли за свои грехи.

Дионисий. Государь, сомнения о благочестии византийском были на Руси еще до Флорентийской унии, ибо тогда уже среди греков возобладала ересь: двугубить али трегубить «аллилуйю», складывать ли для крестного знамения два али три перста, как ходить вокруг храма: по солнцу али против солнца. Все те еретичные споры, что ныне ведутся у нас, уж были у греков. Но в одном нет никаких сомнений: погиб Второй Рим, но не погибло с ним православное царство; сосуд разбит, но не иссякло содержание: истина, хранимая в сем сосуде - бессмертна. Не восторжествовать над ней латинянам али злым агарянам. Какой же православный народ понесет истину? Не сербы же, не болгары, согнувшиеся под ярмом мусульманства! Нет, только один русский народ и русский царь!

Иван. На то у нас и кровное право. Русские государи происходят от царской крови. Потомок римского императора Августа по брату его Прусу, поселившись в нынешней Пруссии, пращур Рюрика, первого русского князя. Высокое положение признано, греческий император Константин Мономах прислал в дар Владимиру Мономаху царский венец и ожерелье со своих плеч. Владимир короновался тем венцом и тем ожерельем, бармами Мономаха. Темные намеки на грядущую роль России были и в греческих книгах: наступит время, когда род русских придет из полуночных стран, покорит холмный Царьград. Из сказанного верный вывод: венчание мое в Успенском соборе и принятие титула царя.

Дионисий. Ветхий Рим погиб от ереси, Второй - в руках безбожных агарян. Твое же, великий государь, Русское царство, Третий Рим, все другие царства превзошел своим благочестием, и ты единый во Вселенной есть истинный христианский царь!

Иван. Москве отныне именоваться богохранимым преименимым царствующим градом, Третьим Римом, благочестием цветущим! Щелканов, так в грамотах посольских писать!

Щелканов. Государь, из-за титула твоего имеем трудности, теперь еще из-за титула московского иметь будем!

Иван. Ну, в сей перемирной грамоте с Баторием те титулы не пиши, тот мир нам весьма необходим. А после заключения мира я, царь, пошлю в подарок Баторию красных кречетов.

Поссевино. Король Баторий пожелал узнать, чем одарить тебя. Что ты больше всего любишь?

Иван. Я - охотник до армакавов, до жеребцов добрых, до шапок хороших железных с наводом, пищалей ручных, чтоб были добры, цельные, сиречь, имею военные желания. Тебе ж, легат, бояре передадут письменную просьбу: изложить в письменном виде расхождение между православием и католичеством. Да приходи в церковь!

Поссевино. Приду, государь.

Иван. Смотри, чтоб за тобой лютеры не вошли!

Поссевино. Мы с лютеранами общения не имеем. Позволь откланяться, государь.

Иван. Иди, да помни наш диспут сего числа февраля 21-го в Кремле.

Поссевино. Помнить буду, в церковь приду. *(Кланяется и уходит.)*

Иван. Хитрый иезуит, приблизившись к церкви, постарается тотчас улизнуть. Думаете, я рассержусь? *(Трет лоб.)* Ну, пусть делает, как знает. Антоний никак не сможет добиться не только обещания подчиниться Папе, но даже и строить для католиков костелы, хоть позволено приезжать священникам римско-католической веры. Говоря же о подарках, я ему намекнул про военные желания, про пищали, сиречь, что мы еще отомстим, настроение приподнятое.

Иван Шуйский. Наше, государь, оружие иноземному не уступает. Как псковичи литву от стен отбивали, то бросали в них зелье, порох в кувшинах. *(Слышен грохот.)*

Иван. Вот не ко времени про зелье сказал, Иван Петрович! Иной раз дьявол пользуется нашим словом для своих козней. Не взорвался ли, не загорелся ли вновь пороховой двор на реке Неглинной около Успенского оврага? Поди, Бельский, узнай!

Бельский. Слушаюсь, государь! *(Уходит.)*

Иван. Мысля про будущие военные дела, надобно, однако, ныне стремиться к миру с Баторием. Запольский мир, заключенный с Баторием, оставит мою, царя, войну со Швецией нерешенной. Мало того, Баторий готов сам воевать со шведами, так как считает всю Ливонию достоянием Польши и Литвы, а Швеция удерживает в своей власти Эстонию.

Щелканов. Государь, сейм не допустит Батория до войны, потому что поляки не хотят больше воевать ни с кем. Неприязненные отношения нашего Московского государства нам лишь во вред. Переговоры идут без всяких важных успехов с той и с другой стороны. Надо бы их прекратить перемирием на три года на реке Плюссе.

Иван. От того перемирия Швеция останется в выигрыше и удержит за собой не только Эстонию, но и русские города Ям и Копорье с их землями, захваченные во время войны. Таким образом, западные пределы государства суживаются, теряются плоды долговременных усилий.

Годунов. Государь милостивый, надобно на то идти, ибо за Волгой беспокойно. Черемис с начала покорения Казани не хочет повиноваться русской власти, беспрестанно восстает, а в последнее время горячо и единодушно поднялся за свою свободу и ведет войну с упорством.

Иван. Послать воевод с ратями!

Годунов. Государь, воеводы с ратями посылаются одни за другими, но не могут укротить черемис, которые защищаются от их покушения в своих дремучих лесах, не хотят слушать о платеже, наложениях на них ясака, а при случае делают набеги и разорения.

Романов. Государь милостивый, покорить их можно только построением русских городов, как на диком поле против Крыма.

Иван. С сей целью уже строим Козьмодемьянск.

Бельский *(входит)*. Государь милостивый, грохот случился, но то не зелье взорвалось на пороховом дворе около Успенского врага, то в подмосковной слободе Наливках камень упал с неба.

Иван. Господи, спаси и помилуй! *(Крестится.)* Чудеса предшествовали и войне с Баторием. Недобрые чудеса стряслись незадолго до войны в той же подмосковной слободе Наливках.

Дионисий. За ереси нас господь карает, за латинство и лютерство, допущенное на землю православную, за новгородских да прочих жидовствующих! Государь, надобен суд над еретиками, ибо то знамение от очищения от латинства и лютерства земли православной. Я уж давно и Синод просим суда над еретиками!

Иван. Отец мой митрополит Дионисий Всея Руси, о том я, царь, потщусь. Ныне же в смущении отправлюсь домой, чтоб, оставаясь дома, молиться.

Бельский. Государь милостивый, обращаюсь к тебе с просьбой посетить место, где упал камень. Народ в страхе и смущении просит государя приехать.

Иван. Уступлю просьбам. После молитвы отправлюсь с царицей Марией в сопровождении митрополита и двух своих сыновей - Федора и младенца Дмитрия. *(Уходит. Сановники и думные расходятся.)*

Занавес

Конец двенадцатого действия

ДЕЙСТВИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Сцена 109

Подмосковная слобода Наливки. Большой камень дымится на снегу. Лежат тела трех мужиков. Вокруг народ в смятении.

1-й. Сие знамение явилось не на доброе, а на злое: али на мор, али на развращение, али на глад, али на нову войну.

2-й. Зловещие предзнаменования повсюду на Руси. Звезды, словно дождь, то там, то здесь падают на землю, рассыпая искрами.

1-й. Как в первое лето малолетнего государя многие звезды с неба падали, то и теперь. Видали то юродивые, Божьи люди.

3-й. Когда был мор во Пскове, то годом ране явилась на небеса звезда хвостатая, скоро распространился мор, поразивший особо купеческую часть города.

4-й. Чудное явление в народе предзнаменования некоего рокового: Ростовское озеро две недели выло ночью, не давая снов людям, а потом слышен был в нем странный стук.

2-й. Грехи наши велики. В Москве ночью колокола звонят сами собой, в церкви Рождества Христова упал верх и сокрушил много икон.

3-й. Так было, когда железо чума пришла. Множество умерло.

Варламище. Народ православный, Бог милостив, однако, грехи наши велики, долги. Сей камень в подмосковных Наливках - за грехи, оттого, что тут католики и лютеры. Прежде медом спаивали, теперь водкой.

Нищий мальчик. Прокопий святой предсказал каменный град за грехи, и гибель в Великом Устюге за грехи, рыдал на паперти: «Бдите и молитесь!» Народ смеялся, срамил его, взошла туча в полдень, аки в полночь гроза. Прокопий сказал: «Внемлите, молитесь у иконы Богоматери!» Народ с плачем молился, потеклц по иконе мирро, благовоние. Гроза начала стихать, град раскаленных камней обрушился на лес, но не тронул людей и скота.

Баба. Где ж ныне та икона-заступница?

Нищий мальчик Понтюшка. Царь потребовал чудотворную икону в Москву. Икона Новгородская. На теле Богоматери обозначен ясно зачатый в утробе младенец.

1-й. Отчего ж не идет царь народ свой оборонить с митрополитом и иконами святыми?

2-й. Мы, православные, аки вымороченные, остались без владельца и без наследников! Сын царев, наследник, славу ему выпили, сиречь убили!

Варламище. Народ православный, все от иноземцев! При царе десять лет медиком-гадателем был астролог, волшебник Елисей Бромлей, проходимец и интриган, а подослан был ворогами - литвой и ливонцами. Они к нему прислали немчина лютого, положили на царя страхование и, конечно, отвадили царя от веры. На русских людей царь возложил свирепство, а к немцам на любовь приложился, разрешил им построить кирпичи свои поганые, сделал слободу немецкую в Москве.

Баба. От их колдовства вся беда на землю православную, камни падают. Они, немцы, все - колдуны нечистые, телятину едят. То надо бы всех пострелять их, аки колдунов и разбойников.

Старик. Ежели разбойники али колдуны, то не пуля берет, а серебряной али медной пуговицей убивают, пулей-пуговицей. То я с давна знаю, от деда еще своего.

2-й Старик. На христиан порчу наводят! Когда подступали мы к Казани, то почался сильный дождь. Глядим - взошли на стены старики и старухи басурманские, машут одеждами и неблагочинно вертятся. Вот такое сатанинство и ныне!

Баба. Видно, произнесли сатанинские слова.

Старик. Прежде воеводы были крепки, где они теперь, воеводы наши - князь-боярин Горбать-Шуйский да князь-боярин Курбский? Меж собой говорят, ежели и дале прольется тот дождь, то самые сухие места обратятся в болота непроходимые для пехоты и коней. К тому времени прибежал гонец, говорит, от сильного дождя передовые полки пометали наряд, пищали и поразбегались. Казанцы вылезли из города через царские ворота, обоз и наряд взяли. Князя в смятении. «Государя надобно для укрепления», - говорят.

1-й. Истинно, государя надо для укрепления народа православного. И ныне того просим. Где ж тот государь?

Старик. По тому времени прибыл государь Иван Васильевич со святым отцом Сильвестром и городским архиепископом Пименом. Доложили государю. Государь говорит: «Против бесов, князь, надобно употребить духовное оружие».

1-й. Истинно, и ныне то потребно! *(Крестится.)*

Старик. Государь говорит: «Отцы святые, басурмане чары наводят на христианское войско и посылают потоп». Отец Сильвестр отвечает: «Государь, послать надобно в Москву за крестом, на котором

вделана частичка животворящего дерева». Государь спрашивает: «Скоро ль привезут?» Отец Сильвестр повествует: «Через 12 дней Волгой привезут». Истинно, дух войска укрепился, когда через 12 дней привезли сие сокровенное. *(Кашляет.)*

Баба. Так и ныне надобно просить государя оборонить народ христианский!

Варламище. Народ православный, иноземцы царя нашего ныне изменили, кротят. Бромлей желал лишить царя ума, а иные иноземцы того же желают. Царь в ратях и войнах ходит, свою землю запустоша. А после от их, иноверца Бромлея, в исступи ума, и землю свою хочет оставить. Хотят царя с Руси увести. *(Всеобщее волнение.)*

3-й. Бить челом надобно и просить, чтоб царь-государь не оставлял нас, народ православный, на расхищение волкам не давал, наипаче от рук сильных избавлял - от латын да лютер, да прочих иноверцев. Вот знамение - камень упал.

Варламище. Бромлей погиб, как многие любимцы, подозреваемый в измене, однак, к иностранцам по-прежнему тяга. От стран приезжающих иных сделал интимными советниками, в тайномыслии сииприятелями, веря в свое здоровье ради их врачевания хитрости. Они же принесли душе его вред, телесно паче не здоровье, и внушали ему ненавидение на людей. Падение сего камня в Наливках - предупреждение Божье за грехи наши. Также и государю, что дался в руки нечистых.

Баба. Все то - за грехи наши! *(Голосит.)*

2-й. Крест целуют, а изменяют! Беда на Руси, беда! *(Народ волнуется. Входит объезжий голова со стрельцами.)*

Объезжий голова. Народ, не толпиться да не яриться, ино же по шеям бить велью!

1-й. Мы, государь объезжий голова, в отчаянии и страхе от падения чудного камня. Трех мужиков побило, все лежат на кровавом месте, то мыслим - не на беду ли сие знамение?

2-й. На камне же надпись, то ждем государя нашего для растолкования и обороны.

Объезжий голова. Государь наш Иван Васильевич с царицей Марией и с сынами в сопровождении митрополита, отца своего Дионисия и прочих сейчас будут, внявши вашим просьбам. *(Стрельцы теснят народ. Входят царь Иван, царевич Федор, царица Мария Нагая, митрополит Дионисий, Годунов, Нагой, Бельский и прочие. Среди пришедших - два ливонских мага. Народ кланяется.)*

1-й (шепчет). Гляди, и тут иноземцы с царем!

Бельский. Государь милостивый, вот тот камень чудесный, что с неба упал.

Иван (удивленно). Громадный камень. Мраморный, что ли?

Бельский. Истинно, государь, громадный. Похоже, мраморный. Упал с неба на снежную землю совершенно целый тут, в Наливках.

Толмач (переводит ливонским магам). Hand prokul ab opido Nalio.

Иван. На нем, камне, надпись неизвестными буквами! *(Крестится.)*

Царевич Федор. Не свято написано, батюшка! *(Крестится.)* Ни гласных, ни согласных в надписи не разумею!

Иван. Гласные и согласные - столпы плоти, сия же надпись бесплотна.

Бельский. Что велишь делать, государь?

Царь Иван. Как то стряслось?

Бельский. Государь, объезжий голова Замоскворецкого объезда все скажет.

Объезжий голова (кланяется). Государь милостивый, стряслось так, случай сей таков. Трое мужиков и трое баб отправились в ближний лес за дровами, чтоб везти их в город. Возвращаясь под вечер домой, они услышали неведомый голос: «Мужики, бегите!»

Толмач (переводит магам). Moschi figite.

Объезжий голова. Когда они, перепуганные, бросились бежать, громадный мраморный камень с громом упал с неба на снег, совершенно целый. Трое мужиков были убиты, женщины же обо всем происшедшем рассказали в городе, ныне сидят в съезжей избе для дальнейших дознаний. Вот, государь, тела убитых, лежат на снегу, обгагреном кровью. Тут же и таинственный камень. Иные говорят, метеорит. Народ сбежался. Народ поражен, государь.

1-й (стоя на коленях). Великий государь, всемогущий, милосердный, пресвятой, праведный, оборони народ твой!

2-й (стоя на коленях). Тебе, государю, подобает христианство от насилия оборонить, а нам, государь, за тебя и царицу твою, и сынов твоих, и твое войско Богу молиться, а в правде Бог помощник.

Иван. Народ православный, и я, царь, человек лишь. Я в смущении оставался дома, да уступил просьбам, посетил место, где упал камень. И что говорить, ежели не может человеческий разум постичь тьмы непостижимых чудес! Пораженный чудом, спрошу митрополита о надписи. Знаешь ли, святой отец?

Дионисий. Неизрекомо, государь. Подобно писанному в книге «Приклады и души», где о ересях латинских говорится.

Царица Мария (*укачивает заплакавшего младенца*). Государю царю батюшка мои принесли младенца нашего, царевича Дмитрия, а видишь, страшно ему, не унести ли? (*Плачет.*)

Иван. Унеси подальше. Да ты, Нагой, родич царицы, при ней будь.

Нагой. Исполним, государь. (*Крестится.*) Помоги тебе Господь да пособи тебе Господь. Помоги, чудотворцы московские! (*Крестится и уходит.*)

Баба. Нова царица заробела. Пошла нова, заплакала. Пошла по задам, по выходам, а мы здесь стоим.

Хомушка Горбатенький. От нечистого чуда чистое спасается. В Устюге чудо Святой Богородицы спасло, от нечистого-то камня - камень Сионский. (*Народ молится.*)

Федор. Батюшка, истинно говорят! (*Становится на колени, плачет.*) Владычица, дева госпожа Богородица!

Ирина Годунова. Встань с колен, Федор, да утрись, не ребенок ведь ты, не младенец Дмитрий, чего плачешь?

Борис Годунов. Не становись перед чернью на колени! (*Поднимает Федора.*)

Иван. О чем написано на сем упавшем камне?

Дионисий. Не ведаю, государь. То надпись не святая. То, может, иные ведают.

Иван. Маги ливонские Коконгиссио и Оверполо, обещаю вам свободу и дары, ежели вы расскажете загадку камня. (*Коконгиссио и Оверполо подходят к камню, говорят между собой на латыни.*)

Толмач. Говорят, прочесть не можем, но кое-что прочли.

Иван. Пусть скажут, что прочли.

Толмач. Писано - возмездие за послушание.

Иван. Я, царь, смущен сиим печальным ответом.

Бельский. Мыслю, государь, те ливонские маги не смогли прочесть, но в надежде на награду сказали.

Дионисий. Государь, послание апостола Петра напоминает: сказано в писании, вот я полагаю, на Сионе камень краугольный избран драгоценный, и верующие его не постыдятся. А для неверующих камень, который сделан со главой угла, - камень преткновения и камень соблазна.

Варламище. Преткнувшись о камень соблазна, и разобьется об него. Сжалуйся, государь, над нами, холопами твоими. Соблазны ныне на Руси от иноземцев. Народ православный шибко страдает. Английские немцы виноваты, которые торгами завладели, вводят веры в Москве протестантско-лютерску, кальвинистскую и помежную с ересями. (*Крики: Истинно бьем челом, оборони! Плачутся сироты твои, от иноземцев разор! Бесчестят нас, работу отнимают!*)

1-й. Иноземцев великое множество! Повсюду они! Пойдешь туды - сидит иноземец, мастер кружевного дела Артюшка Томпсон, работы не дает. Другой иноземец - Ивашка Михайлов. Иноземцы - плотники, иноземцы - серебряной палаты мастера. Всюду иноземцы!

2-й. Милости у тебя просим, государь! Помилуй милостью своей, изгони иноземцев! Иноземец Митька Черкасов, сын Михайловский, у меня, твоего государева бобыля, в прошлом году против третьего числа, украл двух лошадей.

3-й. Истинно, в нынешнем году взяли Черкасы Константина Михалкова и хотели его убить. И меня, Неронко, били. (*Крики: Управы нет на иноземцев, особо же на лютеров от Немецкой Слободы! Народ напирает, стрельцы сдерживают толпу.*)

Иван. Бельский, чтоб за порядком следил!

Бельский. Потщимся, государь! (*Стрельцы оттесняют народ.*)

Иван. Писано на камне: «Возмездие за послушание». Не ведаю, от кого тот камень, однако чую: тем чудесным камнем волю мою, цареву, крутить желают. Разбить сей камень на куски!

Бельский. Обьезжий голова, разбить на куски камень, как велел государь!

Объезжий голова. Слушаюсь! Несите пшени, сиречь, железны ломы! (*Царь и сопровождающие уходят.*)

Старик. Грозен царь, государь наш Иван Васильевич. Как шли мы на Казань, то наказал Волгу, которая мешала переправе войска, бросая струи.

Баба. Ишь ты, как же государь Волгу наказал?

Старик. Государь прикрикнул на Волгу, чтоб она унялась, а когда она не послушалась, позвал палача, и велел реку наказать, высечь кнутом. Как палач засучил рукава красной рубахи, ударил с размаху по реке, вдруг кровь из воды на аршин брызнула, а на воде - кровяной рубец в палец толщиной! Волна по реке пошла, а царь кричит: «Не жалея, валяй крепче!» Так три раза, и кожный раз все выше брызгала кровь, толще становился новый рубец, а Волга делалась все смиреннее. И теперь на том месте, где была переправа, выдают на Волге три багряны рубца, особенно летним вечером, если глянешь против солнца, когда оно закатывается за горы.

2-й. Грозен наш царь, грозен. Грозен да велик наш царь!

Варламище. Народ православный, царь православный с нами! Звонить надо во всполошные колокола! Хай идет народ от всех слобод и сотен, особо от черной сотни, в немецкую слободу бить всех иноземцев! *(Крики: Бей тучных! Бей пришлых! Бей иноземцев! Бедствия от чужих лихих людей, от их колдовства! Входят служки с ломами, разбивают камень. Народ помогает, бьет и ломает камень.)*

Варламище. Теперь в слободу Немецкую, также бить и ломать! *(Народ с криками идет вслед за Варламищем.)*

Занавес

Сцена 110

Немецкая слобода в Москве. Один из домов - большая деревянная изба, питейный дом. Оттуда слышны крики и песни по-русски. Проходят иностранцы.

1-й иностранец. Наконец после долгой дороги я опять в христианском цивилизованном мире.

2-й иностранец. Вы приехали ради дел торговых?

1-й иностранец. Мое пребывание в Москве связано с переговорами между Римом и Москвой, но хотел заняться и торговлей. Кое-что привез для продажи и хотел бы узнать, как продать его повыгодней.

2-й иностранец. Тут, в Москве, особые порядки, и нам, иностранцам, надо их соблюдать, чтоб не было беды. Товар иностранных купцов должен быть предъявлен таможене. Продавать его нельзя, пока государю не показали. Вдруг государь пожелает что-либо купить? Только после этого можно продавать иным. В этом вам более всего поможет тут славнейший господин - Андреас Михалка, или Михалков. *(Указывает на проходящего с несколькими иностранцами Михалку.)* Он толмач, переводчик посольского приказа, и весьма к нам, иностранцам, благоволит. Я познакомился с ним в Нюрнберге, и мне он весьма помог в некоторых делах, разумеется, небескорыстно. *(Зовет.)* Славнейший господин Андреас Михалка!

Михалка (подходит). Рад видеть вас, славнейший господин Готтлиб!

2-й иностранец. Хотел бы познакомить вас с новоприбывшим. Это - господин Бохус из Любека.

1-й иностранец. Бохус, родом из Любека, дипломат и купец ганзейской гильдии. Хотел бы узнать, к кому нужно обратиться с целью получения грамоты на торговлю - привилегии.

Михалка. О, славнейший господин Бохус! У нас в Москве это непросто. Прежде всего надо сдать товар на таможеню. Потом надобно обратиться к царю, не согласится ли он с вами торговать.

Бохус. Разве русский царь торгует?

Михалка. У нас на Руси все торгуют, особенно жители городов. Половина городского населения торгует на рынке: священники, дьяконы, пономари, звонари, монахи, стрельцы, воротники, пушкари, плотники... Государев палач имеет пол-лавки. Крестьяне тоже владеют лавками, даже иным и скоморохи торгуют.

Бохус. Oh, das ist komisch. Царь тоже имеет лавку на рынке?

Михалка. Нет, славнейший господин Бохус. Царь торгует по-иному: например, в виде обмена подарками с правителями других стран. Подарки дорогие передаются с посольствами. Я сам, будучи легким гонцом посольского приказа, возил такие подарки в Польшу, к императору. В

специальных росписях указывается точная стоимость подарка, и от нас, гонцов, требуется, чтоб мы добились с обратным посольством присылки подарка примерно той же стоимости.

Бохус. Mein Gott! Тут все торгуют! А купцы торгуют?

Михалка. Истинно, и купцы торгуют: и гостиная сотня, и суконная сотня ...

Бохус. Что есть сотни? Это гильдия такая - сотня?

Михалка. Нет, славный господин. Sotnja - das ist hundert. В старых городах улицы объединяются в сотни, сотни - в слободы. Улица черных людей объединена в черные сотни. Черная сотня - то собрание улиц, на которых живет черный, простой народ. Там особо много драк, пьянства и разбоев. Туда иноземцам не следует ходить.

Готтлиб. Эти черные сотни от нас далеко, в Замоскворецкой слободе, слава Богу. Но многие русские пьяницы приходят оттуда к нам в питейный дом, по-русски - кабак. *(Указывает на питейный дом. Оттуда слышны выкрики и пение.)*

Бохус. Зачем же вы пускаете их сюда, не опасно ли?

Готтлиб. Опасно, да доход велик. Многие вкладывают деньги в кабак, и у меня доля в этом кабаке. Не только иноземцы, но и русские. Вот у этого парня спросите, выгодно ли самому курить вино.

Парень *(подходит и кланяется)*. Выгодно, да накладно.

Готтлиб. А ты куришь ли?

Торговец. Курить выгодно, награждается и за кнут. Славнейшие господа, нет ли талеров для продажи?

Бохус. Зачем тебе талеры?

Торговец. Хочу золотом запастись.

Бохус. Купи слитки.

Торговец. Прощения прошу, обмана боимся со слитком. У талера мундир государственной качество и пробу гарантирует, вес в штуке. Облик монеты хорошо знаком русскому покупателю. Например, приходит новый вид талеров - ему подбирается и имя. *(Достает деньги из кошелька.)* Сей любский, сей - рояльский, сей - плешивец. *(Смеется.)* Одноногий, крыжевой... *(Смеется.)*

Михалка. Государство в России устанавливает талеру цену не выше 36-ти копеек, а иногда и ниже.

Торговец. В переделке из семи Ефимков - 300 копеек. Из одного - 42 копейки. Выгодней переплавлять, чем в русские обращать. Лишь в Серебряном ряду разрешено покупать-продавать талеры для украшения. Однако, то излишне строго.

Михалка. У нас и золото-серебро не имеет обращения на рынке.

Готтлиб. И не наказывают вас за все то?

Торговец. Наказывают. А что делать, государь? Хитрим. *(Кланяется и уходит.)*

Готтлиб. Большой мошенник этот Федька, однако, дело с ним вести выгодно. Я слышал, царь опять начинает проявлять признаки обычного свирепства. Царь мало-помалу освобождается от тоски по убитому сыну, а с ней вместе начинают проходить угрызения совести.

Михалка. То истинно так. Повсюду доносы. Митрополит и духовенство требуют запретить немецкие кабаки да разгромить Немецкую слободу. Даже на нас какой-то грязный поп написал челобитный донос, обозвав щеголями, склоняющимися к Западу. Хорошо, боярин Романов вступился, наш дальний родич, дядя царевича-наследника.

Готтлиб. Но отчего, славный господин Михалка, отчего вы, знатные, образованные русские люди, не боретесь против таких порядков, когда по доносу какого-то попа дворян могут сечь кнутом?

Михалка. Славнейший господин Готтлиб, борьба ведется кровавая и ожесточенная. Однако, ожесточенная борьба не исключает примирения с совершившимся. Покорность перед силой составляет черту русского национального духа, да и царь уж стар и болен. Мы надеемся на спокойное царство при его наследнике, царевиче Федоре.

Бохус. В Европе пишут, что наследный принц слаб умом.

Михалка. Мы надеемся на добрых опекунов, - к примеру, на дядю царевича, боярина Никиту Романова. *(Из питейного дома слышен грохот, крики. Оттуда выбрасывают пьяного мужика в рубашке и подштанниках.)* Вот, славнейшие господа, еще одна причина, по которой мы терпим и служим такому царю. Многие боятся, что насильственный переворот вызовет бурю черных низов, такого мужичья. *(Указывает на пьяного мужика.)* Остается, славнейшие господа, либо терпеть и надеяться, либо бежать с отчины, как князь Курбский или молодой князь Одоевский.

Пьяный мужик *(встает и оглядывается, кричит)*. Эй, вы, немцы! *(Запевает.)* Эй, топ через порог, едва ноги приволок! Шибко топнул, пояс лопнул! *(Смеется.)*

Готтлиб. Они, русские, величайшие пьяницы, и весьма этим похваляются, презирая непьющих.

Бохус. Много здесь пьют. Откуда здесь виноград для вина?

Готтлиб. Здесь нет никаких вин, но они употребляют напиток из меда, который готовится с листьями хмеля. Кроме того, они используют зерно для винокурения. Тому их научили монголы, которые называют водку «черное молоко». У монгол прозрачное именуется черным. Мы в питейном доме торгуем и тем и другим ради дохода, но сам я предпочитаю рейнское вино. Я рейнским вином здесь не торгую, они его покупать не будут, слишком дорого.

Пьяный мужик. Эй, торговый, купил бы я зельсу немецкого на 500 рублей!

Бохус. Однако, славнейшие господа, он ведет себя опасно, нет ли поблизости стражи?

Готтлиб. Русская стража ненадежна, славнейшие господа, часто сама напивается в кабаках. Лучше отойдем подальше, славнейшие господа! *(Уходят.)*

Пьяный мужик (поет). Зелена роща, алый свет, что моей Любы долго в гости нет.

2-й мужик (входит). Иван!

Пьяный мужик. Сафонька, приятель! *(Обнимаются.)*

Сафонька. Вижу, пропил ты кафтан, вышел в рубашке.

Иван. Пропил, да вышел. *(Смеется.)* А Сенька-чернец в кабаке остался, в ногах у немца валяется, плачет. Пропил крест святой серебряный, просит, немец не отдает.

Сафонька. Пропил монах крест святой?

Иван. Истинно, в кружале за вино крестом расплатился. Такой расплате удивимся даже мы, голи кабацкие, завсегдатаи кабаков.

Сафоний. Сложимся по денежке, али кто что может, чтоб спасти крест от поругания!

Иван. Сложимся, отдадим немцу, на остаток поднесем ему, Сеньке, вина. Скупим еще в кабаке вина три сороковки, спустим чарочку. *(Поет.)* Мы вчера в пиру пировали, торгу торговали, свинец-порох закупали, медны пушки заряжали. *(Обнимает Сафоньку и вместе с ним уходит в кабак. Бохус, Готтлиб и Михалка возвращаются.)*

Готтлиб. Надобно знать, что русские весьма наклонны к пьянству, и даже до такой степени, что от этого у них происходит много соблазнов - зажигательство домов и тому подобное.

Михалка. В Москве, в городах и в деревнях всюду можно видеть людей, лежащих без чувства в грязи или снегу. В Москве на Масленицу и на Святки в Земский приказ каждое утро приносят десятки замерзших пьяниц.

Бохус. Отчего ж не велит стража следить за соблюдением закона?

Михалка. Она следит, чтоб прежде всего казне было прибыльной. Повсюду торговля запретным вином - в Кремле возле царского двора, в Земском приказе торгуют вином и табаком.

Готтлиб. А нас обвиняют, будто мы русских спаиваем тут, в Немецкой Слободе.

Бохус. В Европе, особенно в Польше, пишут, что русские подобны туркам: как и турки, они ездят на коротких стременах, на поле битвы они с криком бегают кругом и почти никогда не дают сражения своим врагам, но действуют украдкой. Пишут, однако, также, особенно немецкие летучие листки в Нюрнберге, Бранденбурге и Праге, что нет под солнцем людей столь привычных к суровой жизни, как русские: никакой холод не смущает их, хоть бы им приходилось проводить в поле по два месяца в такое время, когда стоят морозы. Простой солдат не имеет ни палатки, ни чего-либо иного, чтоб защитить свою голову. Сам он живет овсяной мукой, смешанной с холодной водой, и пьет воду. Конь его ест ветки. Что бы могло выйти из этих людей, если бы они упражнялись и были обучены строю и искусству цивилизованных войн? Я убежден, что двум самым лучшим и храбрым христианским государям, таким как польский король Баторий и немецкий император, было б не под силу бороться с русским царем, принимая во внимание степень его власти, выносливость его народа, скромный образ жизни как людей, так и коней, и малые расходы, которые причиняет ему война, ибо он, царь, не платит жалованья никому, кроме иностранцев, тратит лишь деньги на порох и снаряды. Европа была бы в большой опасности, если бы они научились нормально себя вести. Может, и добро, что пьют. *(Из кабака, обнявшись, выходят Иван, Сенька-чернец и Сафонька, совершенно голые, но в шляпах и с крестами на груди, смеются и поют: Мы вчера в пиру пировали, торгу торговали, свинец-порох закупали, медны пушки заряжали.)*

Бохус. Mein Gott, они уже и белье пропили, и вышли из кабака совершенно голые!

Готтлиб. Ах, дураки, свиньи, тут женщины и девицы молодые!

Иван. Немец, мне, православному, поперек словечка не говаривай!

Сафонька. Как подойдет немец, убьем его и за ворота бросим! *(Смех.)*

Иван. Сенька-чернец, ты монах, грамоту учил, чего молчишь, скажи словечко! Али рюмка тебе не рядом пришла? *(Смех.)*

Сенька-чернец. Выпили славно. Еще святой Владимир-Креститель многозначительно выразился: «Руси веселье и питье не может без того быти». *(Смех.)*

Бохус. Mein Gott! Славнейшие господа, не лучше ли нам уйти? Я слышал, что пьяные русские - отчаянные драчуны. Не было бы беды!

Готтлиб *(сердито)*. Пусть дерутся у себя в черной сотне, свиньи! Здесь - немецкая слобода. Нам государь их позволил жить на наших законах и иметь свои кирпичи! *(Слышен шум. Вбегают огромный детина с подтележной осью.)*

Бохус. О, mein Gott, скорее идем, славнейшие господа!

Готтлиб *(сердито)*. Тут Немецкая Слобода, Donnerwetter! Государь их обязался нас, иностранцев, защищать от русских дураков!

Детина *(оглядываясь)*. Немец богатый, ожгу тебя дубиной, впредь зла не мысли!

Иван *(радостно)*. Никитушка Широкий, ты откедова?

Никитушка Широкий. Иван Хвост! *(Обнимаются.)* До нитки в кабаке пропился!

Иван Хвост. Пропился! *(Смеется.)* Немец обидел меня со товарищи. То - Сенька Чернец, а то - Сафонька Распопин. Всех нас, православных, немец обидел, обобрал.

Никитушка Широкий. Как - обидел? Я тридцать татарин убил, а с немцем не совладаю?

Михалка. Вот кликну объезжего, так вас, голых, тотчас в бражную тюрьму, а сего сбойца - в объезжую избу, а оттуда - в застенок палачу.

Иван Хвост. Они на нас вину переложить хотят, богатые на голеньких!

Чернец. Мы - голяшкины! *(Смеется. Входит объезжий голова.)*

Готтлиб. О, славнейший господин объезжий голова! Ваш царь обещал нам защиту. Эти дураки обижают нас, честнейших граждан, и, раздевшись голыми, пугают и оскорбляют нас, наших женщин и девиц!

Объезжий голова. Что за непотребство?! Перед иноземцами стыд потеряли! Живете, что грязь месите!

Иван Хвост. Истинно, государь объезжий голова, где станем - тут воняем! *(Смех.)*

Объезжий голова. Ухапить тех запойцев!

Никитушка Широкий *(поднимает оглоблю)*. Смотрите, как бы драка велика не вспыхнула!

Приказчик *(вбегают и испуганно кричит)*. Народ черный всколебался! Многие черные люди идут скопом от Наливок на Немецкую Слободу!

Бохус. Oh, mein Gott!

Михалка. Объезжий голова, вызовите немедля кремлевских стреленных стрельцов!

Объезжий голова. У меня такого указа не было.

Михалка. Я - гонец государев, от государева посольского приказа сюда, в Немецкую Слободу, толмачом приставлен, да указываю тебе! Делай, как тебе говорят!

Объезжий голова. Я - государев объезжий голова, не посольского приказа. Мне либо государь, либо Бельский приказать могут.

Иван Хвост. Эй ты, гонец-молодчик, с немцами заодно православных обираешь!

Сафонька. Слышишь ли шум? Черный народ всколебался от обид! *(Входит толпа с дубинами, топорами, с сулицами и иконами. Впереди - черный поп Варламище с крестом.)*

Сенька *(радостно)*. Смотрите - народ увалами-перевалами валит на широкий двор! Будет немцу карачу! Уж будет то погром, веселье!

Поп Варламище. Народ православный, вновь покликал с небес Господень глас, и вышла Мать Святая Богородица со того монастыря Смоленска для защиты православных от латын да лютер. Он злобно распался на Христову веру, сей предтеча Антихриста злобствует.

Сенька *(кричит)*. Будь он проклят, латын да лютер, именем Господа нашего Иисуса Христа и святых апостолов и святых отцов!

Михалка. Объезжий голова, именем государя укажи стрельцам взять ружья на изготовку!

1-й из толпы. Врешь, щеголь! Наш государь - справедливый царь. Народ его любит. Он, государь, народу кроток.

Михалка. Вы - смерды, бунтовщики!

2-й. Не кричи, боярин. Народ взбунтовался в пользу государя!

3-й. Были мы послушны во всем, стали непослушны во всем!

Поп Варламище. Сердце злого человека - звериное логово, а зло все - от латын, лютеров да еретиков, потаковников немецких. Церковь латинска да лютерска нечистоту в сердца сеет, а кабак немецкий тело обирает. Вижу вот, голые стоят с крестами православными, то не из кабака ли немецкого?

Иван Хвост. Из кабака ихнего, батюшка! Обобрали нас немцы да раздели, вином опойвши!

Поп Варламище. Немецкий кабак - домовая пустота, маломожное житье, православным ограбление.

Иван Хвост. Истинно! Они нас догола раздевают, а сами кутаются в роскошные соболя! Обирай их, вылупляй из одежды! *(Набрасывается на Михалку.)*

Сафонька. И немцев обирай! *(Набрасывается на немцев.)*

Михалка. Стрельцы, бунт подавить!

Стрельцы. Мы - стрельцы православны, да нам приказу не было в православных стрелять!

Михалка. Опомнитесь! Многие потом по иным городам разбегутся, видя свою вину!

Никитушка Широкий. Чего кричишь, боярин?! Вот я тебя дубцом! *(Замахивается. Михалка, извернувшись, бежит. За ним гонятся.)*

1-й (кричит). Бей всех ненаших!

2-й. Истинно, бить надобно всех ненаших! Кто с северным говором - то все люди немецкие.

3-й. Также жидовствующих бить по говору северных городов, что с Литвой в дружбе, да щеголей, потаковников немецких.

4-й. Пойдем по домам животы немецки грабить!

5-й. У них - бисерны одежды, а у меня столько времени худа тюремна постель была!

6-й. Где бы нам народу, самопала взять да сулиц поболее!

Поп Варламище. Народ православный, кто всему злему начальник? Латынский антихрист да еретик!

Иван Хвост (кричит). Жителя! Кончилось наше терпеньюшко!

Сафонька (кричит). Бей, кроши!

Сенька. Бей от души!

Никитушка Широкий. Я прутец прихватил для расчета! *(Поднимает оглоблю. Крики, плач, вспыхивает пламя.)*

Занавес

Сцена 111

Немецкая слобода. Шум погрома. Крики: Хватай их! Волоки!

1-й. Баба немца бежит! Обдирай ее догола! Сымай платье! *(Женский плач.)*

2-й. И того немца обдирай догола!

3-й. Забираются кто под крыльчишко под красное, кто под амбары!

4-й. Немца волокут плешивого, гляди, плешивого волокут!

5-й. Едва жива волокут! *(Смех.)*

Женщина. Грязный весь!

Посадский. Того плешивого из Ярикова болотца, видать, вытащили! *(Смех.)*

Женщина. И им, немца, пришла бесчестьюшка!

Сафонька. Сей плешивец да иные немцы аки голодны псы прельщались кровью и слезами христианского народа!

Никитушка Широкий. Сейчас потеряешь свою плешь! *(Бьет оглоблей по голове немца. Немец падает.)*

4-й. Еще волокут!

Посадский (весело). Мы их, собак, перехватили!

Иван Хвост (немцу). Как звать-то?

Немец. Юрген. Пощадите меня, люди русские! *(Плачет.)*

Иван Хвост. Что, Юрка, невесело тебе?

Немец (*плачет*). Пощадите, русский народ добрый, Бога ради!

Поп Варламище. Бога вспомнил? У тебя Бог с рогами! Есть Бог над землей, а есть Бог под землю!
(*Смех.*) Антихриста я видел в общем, черта. На него лицом схож. (*Смех.*)

Сенька. Что, немец, думал, укрылся? А народ вот вломился и связал, побивши, тебя, лешего! (*Смех.*)

Женщина. Лешего-антихриста Аполлон звать! Ах ты, Аполлон! Тьфу! (*Плюет на немца. Крики: «Бей немца!» Немца убивают.*)

Сафонька. Положим их, яко осуженников, на торгу! (*Волокут трупы.*)

Молодой парень. Раздайся, народ, немец в кирху идет! (*Хохот.*)

2-й. Тот не мал человек, марак-велика! (*Смех.*) Брюхо наел на наших русских харчах! (*Бьет.*)

3-й. Гляди, сей с ноготок, борода с локоток. (*Хохот. Немца убивают.*)

Варламище. Народ православный, будем сегодня сажать их, аки Юду грешного, в ад кромешный!

Иван Хвост (*в собольей шубе и в лаптях*). Истинно! Мало что немец крови нашей, русской, попил, так еще и народ русский обносит, обирает в кабаках!

Сенька. Немцы от слез и крови рода христианского богатеют нечистым собранием!

2-й. Гляди, щеголя волокут, боярина - немецкого потаковника! (*Волокут Михалку.*)

Иван Хвост (*Михалке*). Что вы, боярин, не бел пришли, черны, аки вороны? Где ж ваши бороды?
(*Смех.*)

Сафонька (*в атласном кафтане и треухе*). Сварите щелоку, умойте голову! Купите борону, расчешите голову! (*Хохот.*)

1-й. То свирепы, аки львовы, ныне аки агнецы!

Женщина. Кутаются в роскошные соболя, пресладко едят кожный день, окруженные множеством рабов и слуг, мы ж, черный народ, пропадаем!

Михалка. Смилуйся, народ православный! Я - сынчишка боярских, Андрей сын Михалка Борисов, принес к вам свою голову и прошу о пощаде!

Иван Хвост. Я его знаю, потаковника немецкого, щеголя! Где ж твои соболя шуба да перстни?
(*Смех.*)

Никитушка Широкий. Вот я его прутиком! (*Замахивается оглоблей.*)

Михалка (*лежит, хватает Никитушку Широкого за ноги, плачет, целует лапти*). Смилуйся, молодец!

Никитушка Широкий. Да что за тряпича такая!

Женщина. Гляди, лапти целует, отечество свое забыв!

2-й. Еще немца волокут! Также и баб ихних, да все голые! (*Смех.*)

1-й. Что с тем потаковником делать!

Сенька. Крест целуй, что православному веру вспомнил! (*Михалка целует крест.*) На вот кожух мужичий, прикройся, князек! (*Бросает старый армяк. Михалка надевает армяк и кланяется.*)

Посадский. Эх, всех бы их в глушницы загнать и порохом поглушить аки рыбу!

Молодой парень (*в атласном немецком кафтане*). Не будет народу покою, пока всех не убьем, а прежде их баб попортим! (*Хватает лежащую голую немку.*)

2-й. Мы уж одну улицу очистили, побили много, поковеркали.

3-й. Перебили всех до единого. Больше бить-то стало некого.

4-й. А ты в те ворота еще не стучал. (*Подходит к воротам.*) Отворяйте-ко ворота и задавайте-ко мне соли-хлеба кушати! (*Смех.*) Старушка Мамфела Тимофеевна, не хочешь ли ты к немцу в гости на пир, да ты, старик?

Старик. Я, православный, на немецком пиру, не учаственен.

Иван Хвост. Чего не хочешь? У немца добрый варень, пиво ячменное варит. Тебя, старик-то, как звать?

Старик. Вакула Акулов.

Иван Хвост (*стучит в ворота*). Пусти на пир, немец, Вакулу Акулова! (*Смех. Крики: Ломай ворота! Ломают ворота.*)

Старуха. Ах, гады вы окаянные, антихристы немецкие, долго издеваться еще над нами будете?

Старик. Антихристов переловить бы всех аки мух!

Иван Хвост. Двинулись к их домовищу! (*Врывается в дверь. Крики: «Хватай! Бей! Жги!» Вспыхивает пламя.*)

Никитушка Широкий. Крест на лицо, да с терема долой! (*Бьет.*)

Иван Хвост. Немца побивши, пировы законы справим! (*Пьет из глиняной бутылки.*)

Пьяный мужик (*вбегая, кричит*). Народ, пожар дошел уж до главного кабака! Кабак горит!
Иван Хвост. В кабаке пожар сделался? (*Бежит к кабаку.*)
Сафонька. Вино пропадает! (*Бежит к кабаку.*)
Сенька. Кто шапкой, кто сапогами, а вино исчерпаем! (*Бежит к кабаку. Народ бежит толпой.*)
Поп Варламище. Куда вы, грешники?! Эх, все хотят напиться дарового вина, а дело забыли! Спаси и помилуй! (*Крестится и бежит к кабаку.*)

Занавес

Сцена 112

Немецкая слобода. Чернеют обгорелые развалины. Слышны пьяные песни и веселый смех. Многие из пьяного народа похаживаются, причудливо одетые, в сорванных с немцев одеждах.

Иван Хвост. На Руси новая жизнь должна початься! Мы, черный народ, своего хотим, жилецкий люд! (*Пьет вино из сапога.*)

Сенька. Служим кабаку! В малой чарке полведришка пивиска. (*Смеется, пьет из шапки.*)

Сафонька. Чернец, меня благослови на веселое житье! (*Пьет.*)

Сенька. Ныне отпускаю тебе, раба Божья! (*Смеется, пьет.*) Благословляю вместо кваса пиво пити!

Сенька. Гляди, а чернецов-то сколько явилось! Винный запах, видать, да запах кровюшки привлек! Эй, чернец, отче, отчего ныне не сидишь дома?

Чернец. И мы повеселиться хотим! (*Пьет.*) А вон еще чернецы идут!

Объезжий голова (*испуганно*). Молчи, поп! Не видишь, кто явился! Сам государь, а с нам - наследник царевич Федор и прочие сановники в черной чернецкой одежде. (*Входит царь Иван в черной одежде монаха. С ним - Федор, также в одежде монаха. Крики: «Государь! Государь с нами!» Народ кланяется.*)

Бохус. Государь русский, нас, иноземцев, били и убивали. Женщин и девиц насиловали. Я сам был избит кулаками по лицу и плетью по спине. Раздетый, как и другие, я был выгашен из найденного мной убежища. Меня мучили целую ночь, несколько раз били кнутом. Такое отношение к иноземцам весьма нехорошо воспримут в Европе. Такие убийства и разграбления кладут конец благополучной Немецкой Слободы.

Народ (*крики*). Смилуйся, государь! Немцы сами всему виной!

Иван. Народ православный, я и не думаю оправдывать пострадавших. Они не могут никого обвинять, кроме самих себя. Их поведение было так гордо, а манеры так надменны, одежда так нарядна, что их вообще можно было принять за принцев и принцесс. (*Смех.*)

Бельский. Государь, немцы - обитатели Слободы, накапливали себе богатства, продавая крепкие напитки. Они злоупотребляли предоставляемым им отказным монополием и накапливали громадные барыши; также, нарушая твой царский запрет, сами гнали вино. Объезжий голова, привести Федьку!

Объезжий голова. Слушаюсь! (*Стрельцы приводят Федора.*) Скажи, кто таков!

Федька (*падает ниц*). Бьет челом Федька Лазарев!

Объезжий голова. Самовольно курит вино и продает в кабаке немцам для спаивания православных, да торгует золотыми талерами у приезжих иноземцев.

Федька. Бьет челом и плачется бедный, разоренный, грабленный холоп твой, государев, Федька Лазарев. Объезжие в полдень приезжали ко дворишку моему, и в избенке, и в банюшке не токмо курица никакого, и дыма не сыскать. А про богатство неправда, беден я! Заговорил я сестришку свою родную замуж, а выдать мне не в чем - лоскутишка никакого нет.

Объезжий голова. Найдено у него много талеров немецких и дукатов.

Иван. Постылая собака! (*Бьет Федьку ногой в живот.*)

1-й. Государь, дайте нам его! Мы его на куски разорвем!

Иван. Чул, что народ православный про тебя да иных подобных говорит?! Бельский. за самоварение вина сечь руки и гнать в тюрьму!

Бельский. Так сделаем, государь милостивый! *(Федьку уволакивают.)*

Иван Хвост *(кланяется)*. Государь милостивый, праведно творишь в угоду нам, народу православному! Как придем в кабацкий ад - то рухлядь, какую имеем дома, и сукно с хребта пропиваем.

Иван *(Бохусу)*. Слышал ли, Бох, что говорит народ наш?

Бохус. Тому простонародье учит православная церковь. Этот погром вызвал митрополит, указав тебе, царю, на то, что иностранцы развращают твоих воинов и прочих в своих кабаках. Такие клеветы недобро отзвучат в Европе.

Иван *(сердито)*. Европе ли упрекать меня, царя православного, за царство мое православное? 20 европейских государств творили насилие на нашей земле, и у себя такое творят, что и слов не найдешь. Мы, православные, проявляем гораздо больше снисхождения, особо к тем, кто кается. Каешься ли ты, Бох?

Бохус. Государь, не знаю, в чем мне каяться, однако если ты велишь, то я каюсь.

Иван. Есть ли у тебя человек, который бы за тебя вступился?

Бохус. Один ливонский дворянин может вступить за меня и избавить меня от мучений, и вызвать ко мне врача. Имя его - Оберполо.

Иван *(к Оберполо)*. Признаешь ли его?

Оберполо. Признаю, государь.

Иван. Отпустите Боха, да велите ему за ущерб дать денег и одежды. **Бельский.** Исполним, государь.

Бохус. Благодарю, славный государь! *(Кланяется и уходит.)*

Бельский. Еще один раскаявшийся просит бить тебе челом, государь - толмач посольскою приказа Андрей Михалков, отец за него хлопочет да боярин Никита Романов.

Иван. Уж не в первой тот щеголь неправды творит! *(Вводят Михалку, избитого, в рваном мужицком армяке.)* Что ты, щеголь, где же твои перстни? *(Смех.)*

Иван Хвост. И сей голяшкин стал! *(Смех.)* Очистился донага, а перстни на руках мешают! Пуговицы тяжелые носит! Портки, видать, и те на пиво сменял! *(Смех.)*

Объезжий голова. Государь, толмач Михалка к немцам в Слободе от посольского приказа приставлен, а не православных от немца боронит - немцев от православных боронит, неправды немецкие укрывает. Я ему про то сказал, а после того учал толмач меня, объезжего голову, и отца моего, и мать мою бранить, а у меня мать - человек древна, и брат без ноги. Надобно, государь, наказать.

Иван. Надо бы тебя, Михалка, на торгу бить, однако уж последний раз смилуюсь ради отца твоего и хлопот боярина Никиты Романова. Бельский, сказать дьяку Щелканову, чтоб из посольского приказа Михалку вышиб.

Бельский. Так и сделаем, государь! Благодарю милость государеву, Михалка! *(Михалка подползает на коленях, целует сапог царя и, пятась, кланяясь, уходит.)*

Объезжий голова. Государь милостивый, немецкий купец Готтлиб с дочерьми хочет тебе челом бить. *(Стрельцы вводят полураздетых израненных Готтлиба и его двух дочерей.)*

Иван. Ты кто?

Готтлиб. Славнейший русский государь, я - купец Готтлиб, а это - мои дочери Эльза и Эмилия. Жил я в Нюрнберге, имел там торговое дело. Однако, как услышал о том, что в четверти перехода от города Москвы к юго-восточной стороне лежит город-слобода, именуемый Немецкая Слобода, в котором жители все - немцы, то приехал сюда, ибо тобой, государем, тут обещана была свобода торговли и защита. Твое царское величество позволил нам, немцам, выстроить здесь церковь и жить в немецкой вере. Так и заняли мы то место и построили сосновую церковь, а спустя какое-то время и другую.

Царевич Федор. Батюшка, я с Борисом Годуновым приезжал на санях ту немецку церковь глядеть. В сей церкви по немецкому образцу-обряду алтарь, возле него - малое Распятие. Изображение на нем Христа и вера проповедуется по учению и уставлению Лютера. Перед входом и алтарем сложен из камня свод для погребения.

Годунов. Помолчи, царевич, не о том ныне речь. Видишь, батюшка твой, государь, удручен и опечален.

Царевич Федор. И я удручен и озабочен, как в той лютерской церкви в колокола звонил со всего размаху.

Готтлиб. Славнейший принц, так всюду звонят в Германии.

Царевич Федор. У нас, православных, в колокола звонят по-иному: иные трогают слегка. Так что язык тихо ударяет в оба края - дзиль-дзиль, иные молчат, и языки у них привязаны к краям веревками; а в большой колокол звонят, когда у батюшки-государя торжество или когда он празднует особенно святых и ходит в церковь. В иных случаях - на праздниках, при царских выездах и въездах из города или когда принимают в Кремле иноземцев-послов. Как же веселиться - сей колокол звонит особенным веселым звуком. *(Смеется.)*

Готтлиб. У нас в Германии, принц, для веселья труба и литавры. Однако, принц, ныне нам не до веселья.

Царевич Федор. То вижу, и тем удручен. Батюшка, вели Годунову заплатить из казны сим людям за несчастья и за убытки при пожаре.

Поп Варламище *(кланяется)*. Государь-царевич, Божьим гневом было огненное пламя, а ныне гнев Божий в ярости черного народа. Царь-государь Иван Васильевич, бьют тебе челом люди православные! Лютерские купцы в Москве строятся, а православные храмы горят!

1-й. Государь-батюшка, по дьяволову действию и лихих людей немецких возмущением московские православные храмы горят!

2-й. Государь-батюшка, не иначе они, немцы, зажгли наши церкви, дворы и товары.

Поп Варламище. Государь, гнев Божий - падение камня в Наливках. То - знамение нам, православным, чтоб боронили мы веру свою от лютеров и еретиков. Также гнев Божии грядет через сильный град с яблоко лесное круглое али гранатное, и тебе, царю, на них за народ свой разгневаться бы пошибче, о том челом бьем.

Готтлиб. За что тебе, царю, разгневаться на привезенных из Нарвы и Дерпта али приехавших из Нюрнберга и иных городов немецких али ливонских купцов и дворян высокого происхождения? Ты сам же расселил нас с нашими семьями под Москвой, дал нам свободу вероисповедания, позволил открыть свои церкви?! И я оттого приехал сюда со своими дочерьми!

Бельский. Государь, дочи у него - истинно, юны и красивы девы.

Иван. И я уж то усмотрел. Купец, не изволишь ли быть у меня царским приказчиком, поставщиком царским? А дочерей отдай мне в услужение, чтоб при царице были - одну в мамки к царевичу младенцу Дмитрию, а другую - чтоб как идет царица в нужник, то стояла бы в сенях со свечой, также для иных услуг многих, подобно дворянским дочерям. И стали бы твои девицы на пирах веселиться разными играми, и веселиться долгое время.

Бельский. Купец, великую милость оказывает тебе и дочерям твоим государь!

Готтлиб. Ваше величество государь, не по заслугам моим ко мне и дочерям моим милость казать изволишь. Дочери же мои Эльза и Эмилия воспитаны в строгости евангельской Нашей веры, и желаю отправить их назад, в Нюрнберг, жене моей, матери их. Тут, в Москве, все мое богатство разгромлено и уничтожено, однако, в Нюрнберге имею множество торговых дворов и предлагаю богатый выкуп за дочерей своих.

Иван. Я, царь, отказываю тебе. Знаю, вы, иноземцы, пренебрегаете нами, русскими, даже и мной, царем, особо же нашим царским намерениям возыметь любовь с той или иною иноземною девицею, то возьму их силой! *(Кричит)* Сорвать с них одежды!

Готтлиб. Дочери мои, молитесь, призывая имя Иисуса Христа! *(Становится на колени и молится.)*

Иван *(гневно кричит)*. Подвергнуть немок ужасной пытке! Бить их кнутами! Вырвать им ногти!

Готтлиб, Эльза и Эмилия *(становятся на колени)*. Deas creator omnium poliguerector. vistines diem decoro lamine postem sororis gratia.

Иван. Оверполо, переведи сию латынскую молитву!

Оверполо. Творец, создатель сущего и небесным сводом своим правящий, день светом облакающий, ночь - сновидением благодным...

Иван. Молят нечистой своей языческой молитвой! Эй, псари, эй, Клим да ты, Саватий, вырвать у немок языки!

Клим. Любо, любо!

Саватий. Сделаем, государь! *(Псари хватают немок, валят их. Слышен крик, потом - стон и мычание.)*

Иван. Так-то лучше, так-то разумнее! Помнишь ли, купец, у апостола Павла писано: лучше пять слов сказать умом, нежели тьму слов - языком?

Готтлиб (*кричит*). Ты, русский царь - варвар, русская свинья! Да Бог не оставит безнаказанной эту жестокость и варварство!

Иван. Подай-ка мне копьё, сулицу! (*Бельский подает копьё. Царь копьём пронзает Готтлиба.*)

Царевич Федор. Батюшка, отпусти меня, холод меня до костей пробирает! Я через лисий душегрей дрожу!

Иван. Эх. Федор-сын, простец, еще не был в гроб положен Господь, а уж грехи еретичные и учинания иудейские к отмщению зывали.

Поп Варламище. Государь православный, угнетение немецкое иноземное подобно иудейскому.

Иван Хвост (*кланяется*). Государь православный, вот Сенька-чернец написал, как Руси от иноземцев избавиться!

Сенька-чернец (*кланяется*). Истинно так, государь, написал лечебник, как лечить иноземцев и их земли людей. Дозволь сказать!

Иван. Говори свою мудрость, авось и мне, царю, по душе будет.

Сенька-Чернец. Лечебник для лечения иноземцев. Лекарство для немцев крепительное. Лечение немцев от русских людей. От животной болезни лекарство - наутро в землю. (*Смех.*) Для иноземца, заскорбевшего рукой - он будет легок и здоров без обеих рук. (*Смех.*) Больные немецкие ноги лечить надобно, чтоб таскались, как санные полозья. (*Смех.*) Нам же, русским, одно лечение - напиться. чтоб на землю повалиться. (*Смех.*)

Царь Иван. А от излишней многоречивости и еретичных молитв хорошо языки отрезать. Клим, где языки-то?

Клим. Языки немок я, государь, в охотничий ягдташ положил. (*Достаёт из ягдташа окровавленный сверток.*)

Иван. Брось языки девиц немецких с потрохами звериными и птичьими в какое-либо рыбное дворище - Синежское али Клещино, я оттуда рыбку люблю отведать. лещика али головля. Сладка рыбка! (*Смех.*) Однако, конец сим жартам забавным! Латынам да лютерам вместе с нами не плыть, кормчий у нас - Христос, гребцы -ангелы!

Поп Варламище. Государь православный, надо б разрушить две протестантские церкви!

Объезжий голова. В тех церквах немецких протестантские пасторы укрылись, запершись с некоторыми немцами, другие же из этих людей побежали на Английское подворье, где им дали укрытие, одежду и помощь.

Иван. Храмы лютерские сжечь, лютеров зажарить живьем. Они - люди порочные, виновники многих несчастий. (*Крики: Любо! Любо!*)

Царевич Федор. Батюшка, не могу видеть происходящее и убегу, рискуя подвергнуться гневу твоему, батюшки-царя.

Иван. Годунов, иди следом за ним, да добро присматривай!

Годунов. Уж присмотрим, государь! (*Уходит.*)

Объезжий голова. Государь милостивый, с немцами, укывшимися на Английском подворье, что делать?

Иван. Объяснить англичанам, что они рискуют брать на себя царский гнев, ежели будут укывать немцев. Однако я, царь, более чем когда-либо озабочен отправкой в Англию посольства для переговоров, оттого ничего особого против Английского подворья не творить. Тут же, в Немецкой слободе, довершить начатое. Что немцы не додали в казну - взять за неоплаченные пошлины, а что народ пограбил - то у него тоже взять для казны. Мне ж пора к обедне в Успенский собор. (*Уходит в сопровождении свиты.*)

Объезжий голова. Чули, мужики? Все немецкие богатства, что взяли, сдавать в казну!

Иван Хвост. Эх, хочь погуляли! Побойще кроваво! (*Поет.*) Промеж гор по камням винный ручей течет! Пойду с народом церкви лютерские палить. (*Снимает шубу и уходит.*)

Старуха. Гады вы окаянные, анчихристы, уж пограбили, а я, слепая, горькая вдова, ничего не могу имати. Пойду, тихим обычаем пошукаю хоть лоскутков, обрезков, обрывков мехов собольих, куньих, бобровых и беличьих, что от грабежу лишнего осталось. (*Крестится и уходит. Слышен шум погрома. Вспыхивает сильное пламя.*)

Сцена 113

Москва, Золотая палата. Заседание церковного собора.

Митрополит Дионисий. Братья, в нынешнем заседании церковного собора царь приказал рассмотреть сочинение легата, нунция Папы Римского. Оглашено ли письмо папского нунция Поссевино?

Игумен Артемий. Я мыслю, святой отец Дионисий, то не потребно. Письмо было разослано иерархам и читано.

Дионисий. Что по сему письму мыслите?

Ростовский архиепископ Давид. В сочинениях и догмах все одобрил. *(Шум)*.

Дионисий. Слышат ли верно ушеса мои?! Один из московских иерархов православных одобрил латынские догмы?

Давид. Братья, крест у нас един. Прошла повсюду слава о кресте, ибо скорее птиц крылатых она проносится и доходит повсюду. От Рима до Москвы возгорелась вера в тот честный крест, и, целуя его, с радостью у себя принимаю.

Царь Иван. Митрополит Дионисий всея Руси, собор наш начинается с великого скандала! В церковной иерархии ростовский архимандрит Давид стоит на четвертом месте после тебя, митрополита!

Троицкий архиепископ Артемий. Государь Иван Васильевич, ты велел, чтоб мы, иерархи, пригласили легата и вступили с ним в богословский спор. Но на деле ты, царь, поручил духовенству рассмотреть возражения Поссевино, а те обошли все дело молчанием. Ежели бы был диспут, то отдельные высказывания таких иерархов, как отец Давид, не столь бы удручали.

Митрополит Дионисий. Как московскому духовенству осмелиться на публичный диспут с иезуитом, ежели и среди высших иерархов шатания, особо же ныне, после случая с отцом Давидом?! Архиепископ ростовский Давид, упорствуешь ли в своем одобрении латынства?

Давид. Изложенные в письмах христианские догмы одобряю. Особо же одобряю сказанное о царе. *(Читает)*. «Царь считает себя избранником Божьим, почти светочем, которому предстоит озарить весь мир. Он считает, что нет ничего более ученого и ничего более исполненного истинной религии, чем он сам. Высокое мнение о себе царь поддерживает среди своих удивительной строгостью. Он решительно хочет казаться чуть ли не первым священником и одновременно императором. Самой своей одеждой, окружением и всем прочим царь старается выказать величие даже не королевское, но почти папское».

Царь Иван *(гневно)*. Бельский! Собрать на Давида доносы да сделать сыск!

Бельский. Сделаем, государь!

Царь Иван *(гневно)*. Сыск о кресте и прочих богохульных словах, за что должен быть сослан в изгнание, лишен сана и умереть всеми забытый, подобно Филиппу Колычеву.

Давид. Да будет, государь, благодать Божья на устах твоих! Что сеет человек, то и пожнет. То не мое слово. Господне.

Иван. Он - волшебник наподобие Филиппа Колычева. Приговорить к вечному заключению, да не будет ему оправдания и защиты!

Давид. Государь, я не оправдываюсь и не защищаюсь, а только скажу тебе, царю: государь, перестань творить богопротивное дело! Вспомни прежде бывших царей - те, кто творили добро, и по смерти славятся, а тех, кто дурно правили царством и теперь поминают недобрый словом. Смерть не боится твоего высокого сана. Опомнись, и прежде ее немилостивого пришествия принеси плоды добродетели и собери сокровища на небесах, потому что все, собранное тобой в сем мире, здесь и останется.

Иван *(гневно)*. Сорвать с него облачение, одеть в разорванную монашескую рясу, отвезти на телеге низложенного.

Бельский. Исполним, государь. *(Давида уволакивают)*.

Митрополит Дионисий. Государи, примем постановление: На собрании иерархов Давид ересь свою объявил. Собор ту ересь его изобличил, послал в монастырь, под начало, дондеже в чувство придет.

Коломенский архиепископ Феодосий. Царь собрал собор, чтоб говорить против папского посланника, однако из-за выступления Давида собору придется собраться еще дважды али трижды, чтобы все досконально решить.

Архиепископ Иов. Осудив латынскую ересь, священный собор подтверждает свою верность православию - православной вере греческого Запада.

Митрополит Дионисий. Кремлевский диспут упрочил положение государя как поборника православия. Он вышел победителем из словесного поединка с легатом. Государь, истинные духовные православные иерархи постоянно остерегают православных от кумовства и братства с латынами, лютеранами, армянами, евреями, басурманами да прочими, побуждают правительство к мерам, преграждающим сближение с инородцами. Прискорбное происшествие в Немецкой Слободе подтверждает наши побуждения. Духовенство давно просит не допускать немцев покупать дворы и держать у себя русских людей, потому что от этих немцев большое православию осквернение. Оттого, чтоб впредь не случилось беды, прошу тебя, государь, изгнать из Белого города в Москве купцов иностранной веры, также и евреев. Духовные и благочестивые люди давно остерегают народ не принимать от евреев, занимающихся медициной, лекарства.

Годунов. Государь, от таких мер торговля занепадет, и многие аптеки закроются.

Дионисий. То менее дьявольщины будет на Руси! Простой народ верит, что все, что нерусское, пропитано дьявольской силою. Он знает: поболее бы той чистой родниковой веры.

Старец Топорков. Государь, что для тело дурно, для души осквернение. По понятию старого благочестия не только дружба с немцами, но само прикосновение к ним оскверняет православного. А в православии наиболее святое – иконы, святые образа. Страшно, государь, когда святые иконы осквернены и стенопись нечиста!

Иван. О которых иконах и стенописи речь, старец Топорков?

Старец Топорков. Государь, при переписи и подновлении многих икон и стенописи Золотой палаты и Благовещенского собора, также и иных, произошло осквернение. Пишут не по канону, восходящему к Византии. Реалии грешного мира вытеснили с переднего плана облик святой. Особо то, государь, заметно в клеймах - небольших изображениях из Священного Писания, али Жития Святых, помещенных на полях икон житийных, таких как Тихвинской Божьей Матери. Али Антоний Римлянин - образ святого теряет возвышенные черты. Сама Богородица словно писана с мирянки. Невесть кто такой, изнемогающий под бременем грешных житейских несчастий, а не святой, с радостью принимающий тяготы, посланные Богом. Пишут: Христос, а рядом с ним - женщину в такой позе, точно она пляшет.

Царь Иван. Митрополиту и всему духовному собору был поручен надзор за работой художников. Сюжеты взяты из Библии и Священных преданий. О том, однако, подробно говорить будем при осмотре икон и иконописи, который намечен на ближайшее время.

Артемий. Ты, старец Топорков, излишне говоришь на манер придворного льстеца, желая себя возвысить, а не святость икон соблюсти.

Дионисий. Истинно, излишествуешь уж, старец!

Старец Топорков. Митрополит Дионисий вся Русь, картина Христа с пляшущей женщиной повинна вызвать скандал и церковное следствие, наподобие еретичных высказываний Давида. На том стою, а подробно скажу при осмотре государевом. Писана картина по-новгородски али псковски, с латынской примесью, по ветхому возбужденно, а не по-суздальски умиротворенно, наподобие тихих ангелов Рублева.

Щелканов. Государь, и я от себя подтверждаю, что иные иконы чужды православию. Для Благовещенской церкви писаны псковскими художниками две иконы, так вижу в них подражание фряжским хитрецам Чимабуе и Перуджино, которые видел при поездке в Италию. Говорю же не как дьяк посольского приказа, а как русский православный человек.

Топорков. Государь, соблазн велик на Руси от иноземцев и еретиков. Уж иные иерархи церкви соблазняются, как архиепископ Давид. Случайно ли то, ежели и в каноне, в святая святых, в образе злое нестроение? Русский человек издавна славен был святостью, любовью к образу и к Писанию. Ныне же явился на Руси новый человек - торговый мужик. Целая прослойка торговых мужиков, которая рожьё торгует и деньги в рост дает.

Годунов. Государь, без тех новых торговых мужиков Руси не выстоять!

Царь Иван. Старец Топорков, убиение плоти, аскетизм - вершина христианского отречения от грешного и земного. Однако, живя на грешной земле, не забывать надобно и воспевание жизни, а также мирское строение.

Топорков. Сказал иерарх святой: «Все хотят на земле жить, а забыли о загробной жизни». Не упрек ли то нынешним, тем, у кого настольная книга - не Евангелие и Апостол, а торговая книга, перечисляющая все виды товаров, которые можно купить и продать, с указанием сортов и цен. Уже в монастырях то видно! Иной раз думаешь: молитвенный ли дом, не торговый ли, все тесней связанный с рынком? Настоятель, келарь и казначей более приходно-расходными записями заняты, чем чтением богослужебных книг.

Годунов. Лишь строгий учет может обеспечить монастырям процветание в трудные годы!

Топорков. Государь, таковые мысли и дела идут от Филиппа Колычева. Знаешь ли, чем окончил Филипп Колычев? Бунтом и ересью. Государь, ежели хочешь в трудное время Русь соблюсти, то соблюдай святость православную. В иконном деле - канон, а против ереси - суд церковный.

Царь Иван. Так и решим. С икон начнем. Помню я, что в Царьграде все зло началось от царей-иконоборцев - Льва Исавра и сына его Константина Гноетеза. Ибо Лев только посеял семена злосчастья, Константин же обратил царствующий град от благочестия к мраку. Больше и говорить не буду, устал ныне душой и телом от произошедшего, неподобающих слов ростовского архиепископа, ныне сверженного. Плюнуть на него, выругать и забыть! Нового кого назначить, митрополит?

Дионисий. Мыслью - Никандра, государь, старца из Кириллова. Он не из бояр постригся, из приказных дьяков.

Царь Иван. То может, и лучше. Пойду я, не желаю более себя кручинить, а вас волновать. *(Крестится и уходит).*

Занавес

Сцена 114

Золотая палата Кремля блещет свежей краской стенописи. В праздничных одеждах царь, царица Мария, царевич Федор и сопровождающая свита, духовная и мирская. Множество сановных гостей и иностранцев. Поет митрополичий хор.

Английский посол Боус. Живопись на стенах - красоты необыкновенной. Горы и здания - светло-зеленые, розово-салатовые, лиловые, дымчатые, серые.

Венецианский посол Фоскарино. Но тяжелые русские лица причиняют боль глазам. Видно, что писали не мастера из Болоньи, а псковские мужики. В красках - азиатская пестрота и беспокойство. Много огненного золота жжет глаза.

Немецкий посол. Много оттого, что палата зовется Золотой. Эта большая зала сильно пострадала от пожара, и лишь в одной ее части проводились заседания. Теперь она полностью открыта для приема иностранных послов и торжественных обедов, именуемых по-русски «пиры». Однако смотрите: сам царь с царицей и принцем приехали созерцать живопись.

Польский посол Лев Сапега. У москвитов и живопись подчинена нуждам державным. Перед нами, панове, целая теория власти в картинах. Все трепещут царя-государя, единого под солнцем.

Английский посол. Русский не смеет жаловаться на власть закона. Он ничего не имеет, а что у него есть, то в руке Бога и государя. Он не может сказать, как обычно говорят англичане, когда имеют что-либо: «Это во власти Бога и моей». Однако, тут мало законных судов, но много незаконных бунтов.

Польский посол. Русский царь и одеждой своей хочет указать на свое могущество, особенно теперь, после унижительного поражения от нашего короля в ливонской войне. На голове - корона из чистого золота, в правой руке - золотой скипетр, на шее - ожерелье, именуемое по-русски «бармы», из драгоценных камней и жемчуга. Верхняя одежда - из малинового бархата, вышитая золотом, украшенная драгоценными камнями.

Немецкий посол. По сравнению с ним даже наш германский император одет скромно.

Английский посол. Русский наследник, принц царевич Федор одет одинаково с отцом, но менее пышно, хоть тоже дорого. И высокая шапка из черно-бурых лисиц стоит даже в этой стране мехов целых 500 фунтов, не менее.

Польский посол. Я слышал, он слаб умом, не хочет царствовать и желает быть монахом. Даже жезл его как-то похож на монаший и оканчивается наверху подобием креста.

Венецианский посол. Тем не менее, приближается конец нынешнего царствования, ибо царь стар, болен, и толпа придворных ведет меж собой борьбу за власть, которую не всегда можно скрыть от постороннего глаза. Эта борьба и несогласие чувствуется во всем. Я слышал, даже о живописи разные мнения. Иные считают ее чересчур западной, а не русской.

Немецкий посол. Однако подойдем ближе. Сейчас митрополит скажет речь и начнется осмотр.

Митрополит Дионисий. Государь наш благоверный с государыней и с наследником! Разум твой благочинен и благоразумен, в бранях на супротивников искусен и велик. Еще и житие благочестивое имеешь, и ревностью к Богу препоясан.

Хор (поет). Благочестие просиявшего скипетродержателя! Благочестивый царь в Русской земле, богоугодно благоденствуй, аллилуйя!

Дионисий. Слава непостижным судьбам твоим! Слава твоей благочестивой ветви, наследнику царевичу Федору и младенцу царевичу Дмитрию с государыней Марией!

Царь Иван. Благочестивый отец мой митрополит Дионисий, апостольский ревнитель! Честь царская и церковная воедино!

Хор. Христе Боже наш, слава несказанной твоей благодати!

Дионисий. Божественное учение наше христианское сильно! Всякое учение сильно, если оно от самого Бога, и внесено в мир через праведного и благочестивого мужа, и если согласно с догмами и преданиями богоугодных пророков. Приложите те признаки к учению латинскому, лютерскому или агарянскому - видим, что они не могут быть признаны божественными учениями.

Царь Иван. Праведно говоришь, отец мой митрополит Дионисий. Латынство, лютерство и магометанство принесли бедствия православному Востоку. Лютер - то сам сатана, а Магомет - предтеча Антихриста. Послал на нас своих бесов за грехи наши. Нынешние торжества приема росписей, подновленных после пожара, сияние красок обновленных глаголет о прощении Господом наших грехов.

Федор. В сиянии красок - святость, батюшка. *(Крестится).*

Иван. Краски в росписи свято светятся. Нравится ли тебе, Марьюшка, государыня моя?

Царица Мария Нагая. Государь, свет очей моих, все расписано такою живописью, что, когда впервые вошла, показалось, будто я на небесах. Кто писал?

Годунов. Государыня, послал государь по иконописцам в Новгород, Псков и иные города, а писали то псковские иконники Останя, да Яков, да Михайло, да Якушко, да Семен Глагол с товарищи. Им из казны плачено. Атаман же у них - он *(указывает на Семена)*, Семен Глагол.

Царица Мария (Глаголу). Ты атаман?

Глагол (кланяется). Я, государыня, они мне в помощь.

Иван. Отчего тебя атаманом сделали?

Глагол. Государь, грамоту знаю, грамматически здоровое учение.

Иван. Каково ж то учение, художник-хитрец?

Глагол. Государь милостивый, не одними лишь красками писал, а и духом.

Царица Мария. Однако, и краски хороши. То все вместе писали?

Глагол (кланяется). Благоверная царица, дело се кропотливое. Как мы, иконники, съехались, то сам царь велел нам иконы писати, кому что приказано. А иным повелел палаты подписывать и у града над воротами святые образы писати.

Мария Нагая. И Варваринскую Божью Матерь, чудотворную икону на Варваринском Кресте Китай-города писали?

Глагол (кланяется). Нет, государыня-царица, Варваринскую Божью Матерь писал художник Алампей.

Мария Нагая. Я ту чудотворную икону шибко люблю и часто ездю туда молиться за младенца моего царевича Дмитрия, чтоб она его защитила. Тот художник Алампей тоже тут?

Нагой. Нет его тут, государыня-царица, сгинул он, сбесился. Все мечтал Андрея Рублева превзойти. Маялся, мучился и сбесился.

Мария Нагая. То жаль. Икона хороша. От нее особый дух и сила исходит. И народ ее любит, постоянно у нее молится. Святая она, яркая шибко, точно изнутри огнем светится.

Глагол. То, государыня милостивая, от краски ярь. Я те краски не употребляю.

Царица Мария. Отчего ж не употребляешь? Краска хороша.

Глагол. Царица добродетельна, краска ярь делается в сосуде из красной меди, куда уксус льют и томят в навозной куче. То золото аки медь блестит, у меня же твореное золото из ртути и олова.

Царевич Федор. Отчего ж ты так делаешь, художник?

Глагол. Государь царевич, мыслю: хоть хотел Алампий превзойти Рублева, а делал свое ремесло низко, потому и заказы имел более.

Дионисий. Не от гордости ли ты такое говоришь? Разве тебе не нужны заказы для пропитания?

Глагол (*кланяется*). Святой отец митрополит Дионисий, иные художники и для кожи краски делают. Чтоб черна кожа, добавляют ржавое железо. Чернила железные копченые делают для приказных. Я же себя берегу лишь для иконописания, дела богоугодного.

Царь Иван. Много ли переписано заново тут, в золотой палате?

Глагол. Государь милостивый, что нельзя было подновить - переписано. Переписана роспись «Распятия с разбойниками», «Сошествия в Ад», «Омовения ног» да прочие.

Старец Топорков. Государь милостивый с государем и наследником и ты, святой отец митрополит Дионисий! Много писано из Ветхого Завета. Раньше незначительно было, а более было из Евангелия. Тут много Моисеева, не Христова.

Годунов. Картины изображают славные деяния государя. То - Иисус Навин, славный воин, берущий города, мудрый благодетельный царь Соломон, то - Моисей, древний воитель израильского рода. Все то - иносказания мирского величия.

Дионисий. В стенной живописи - идея божественного происхождения царской власти. Уж в сенях Золотой палаты изображение с надписью: «Сердце царево в руке Божией».

Иван. То величественно сказано: «Сердце царево в руке Божией».

Топорков. Государь, а мне в росписи видится: помещены вельможи, советники, которые окружают и заслоняют тебя, царя.

Годунов. Государь, как дал ты мне, ничтожному, поручение восстанавливать живопись в Кремлевских соборах, пострадавших от огня, то вызвал я иконописцев из разных городов и велел им, взявшись за дело, покрыть стены Золотой палаты нравоучительными картинами. Царь то ли в образе справедливого судьи, то ли храбрый воин, то ли щедрый правитель, раздающий нищим золото. Ежели старец Топорков видит иное, пусть укажет, где он видит иное, в каких росписях и картинах.

Топорков. Государь, повсюду не самодержавность, а вельможество правление показывает. Спас благословляет царя, окруженного вельможами, советниками. Начало премудрости - страх Господень - и тут советники. Ангел возводит на престол царя и возлагает на его голову царский венец - а помещенные у престола вельможи-советники окружают и заслоняют государя. Фрески из истории преемственности государственной власти от кельтских князей и еще ранее от византийских императоров в крещении и в переходе регалий к Владимиру Мономаху - повсюду боярский совет да вельможи-советники. Не расхитили бы те советники власть государеву, как уж случилось прежде!

Царь Иван. Твое беспокойство, старец Топорков, не без причины. Особо люблю икону о слепце и хромце. Слепец и хромец - пастыри, поставленные стеречь сад Христов, а вместо того расхищают его.

Немецкий посол (тихо). О чем они спорят?

Польский посол Сапега. Спор идет будто о живописи, действительно же - о власти. Наблюдать за исполнением живописи поручено было Годунову. А, говорят, этот простой слуга хочет стать на место больного государя, думать и действовать за него, что вызывает недовольство иных претендентов на власть.

Бельский. Государь, не впервой уж иные нас, твоих верных близких слуг и советников, хотят обесить. И ныне те же, кто вопят против новых икон.

Нагой. Истинно так, государь. Наши же представления - Бога и царя почитание.

Топорков. Государь, российская государева власть издавна сильна была не только лишь мечом, но и духом, сиречь каноном. А ежели и в святых храмах своих Русь опору теряет, то куда уж далее?!

Митрополит Дионисий. Говори ясней, старец Топорков, свои сомнения!

Топорков. Сомнения имею по поводу нынешнего иконописания. Христа изображают с ангельскими крыльями и пишут образ Бога-отца, тогда как не следовало бы, по моему мнению, изображать невидимого Божества, как равно и бесплотных сил. Не одобряю также человеческих изображений добродетели и пороков. Все то - от жидовствующей ереси.

Дионисий (*сердито*). Видно, дурно ты, старец, учен! Вопишь против ересей, сам бы в ересь не впал! То иудейская религия против изображения невидимого, а в христианском каноне такое допустимо.

Царевич Федор. Государь батюшка, в сиих спорах меж святыми отцами и в сей храмовой живописи где добродетель, а где порок не всегда поймешь.

Царь Иван. Старец Топорков, скажи, как мыслишь.

Топорков. В сей живописи, благоверный государь с благоверной государыней, с благоверным наследником-царевичем, новые сложные изображения смущают народ. В древней росписи искали в изображении людей извечную сущность. Случайные повороты, случайные моменты исключены из изображения. Христос, Богоматерь, Святые обращены к зрителю. Только ангелы, как слуги, могут быть повернуты в профиль к народу. Нигде не смотрели на человека бесы. Изображение служит молитвенному обращению с прихожанами. Из этого изображения исключена нечистая сила. Лишь в Новгороде, в храмах жидовствующих, бесы повсюду. Ныне же и в Москве бесы на иконах да в Кремлевских святых храмах!

Царь Иван. Однако, как же без бесов, ежели грядет Страшный Суд? В семейной церкви нашей царской, Благовещенском соборе, куда ныне пойдём для осмотра, много писано из Апокалипсиса и Страшного Суда! На трех стенах расписан - на южной, северной и западной, лишь на восточной - праведники: великий князь Владимир Святославович, его сыновья, мученики Борис и Глеб. Кто ж повинен в грехах? Про то в усыпальнице, Архангельском соборе писаны картины о богатом и бедном Лазаре, смерть богатого, неправедный суд, смерть бедного Лазаря, богатые в преисподней... Знаю, иные и мне преисподнюю пророчат. Поглядим, кто первый в преисподнюю поспеет! (*Пошатнулся. Его подхватывают Бельский и Годунов*).

Бельский (*тревожно*). Государь, неможется тебе?

Годунов. Не прервать ли осмотр, государь?

Иван. Нет, далее буду смотреть. Говори, старец Топорков.

Топорков. Государь, не говорить буду, вопить! Вопию, государь, вопию, ибо смущен! На древних иконах лица были легко узнаваемы. Святой воин изображался с мечом, князь - на княжеском столе, святитель - в святительских одеждах, мученик - с крестом в руке. Каждый святой узнавался по форме бороды, лба, лысины. Ныне так ли? Ангелы с большими узкими крылами, фигура Христа прикрыта ангельскими крылами. Опять же, намек, что слуги-советники выше самодержца. А на людей поглядите! Людские фигуры большеголовы, укорочены, все не согласуется со старыми канонами. За такое, государь, художников надо ставить на церковный суд, ибо в бесстыдство впали. По человеческому своему смотрению образ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и пречистой его Матери и святых угодников сняли и в то место поставили свое мудрствование, толкование о притчах по своему разуму, а не по Божескому писанию. В православную религиозную живопись внесена латынская ересь!

Годунов. В чем же та латынская ересь?

Топорков. В чем ересь?! А херувимскими крылами прикрыто тело Господа нашего Иисуса Христа! Нам в сием видится латынское мудрствование. Недопустимо изображение невидимого божества и бесплотных, вот в чем другое мое сомнение! Невозможно писати Бога Саваофа и Христа в образе ангела великого света!

Щелканов. И я с тем согласен, потому вопить буду вместе со старцем. То изображение италийское, а не русское, потому вопить буду против изображения бесплотных духов, в их числе Бога Саваофа, в виде человека. То заимствовано у латынцев и влияние русских еретиков.

Дионисий. Ты-то, дьяк, чего вопишь? Не в свое дело не встревай! Мое дело, митрополита, оберегать православие от латынской ереси!

Щелканов. Государь, иное духовенство нам, мирянам православным русским, хочет запретить иметь свободное суждение о предметах религии. Я же говорю не как дьяк посольского приказа, а как русский православный: сия живопись - не русская!

Дионисий. Образы древнегреческие и русские допускают такое изображение Саваофа.

Топорков. И сие допускают? В росписи Золотой палаты особенно смущает, что рядом с изображением Христа изображена пляшущая женка. Написан образ Спаса, да тут же, близко от него написана женка, спусть рукава пляшет. А подписано под него блужение и иные ревности, и иные глумления. Не кощунство ли то?

Дионисий. Я, митрополит, хочу встать на защиту художников. Художником не допущено никакого кощунства. На картине изображен порок, посрамленный словами Божественного Учителя.

Топорков. Я, государь, на своем остаюсь. Речь, государь, о женке писаной, известной блуднице, гуляющей беспутной девке Аннице, на нее ликом похожей. И мне, государь, многое что, кроме Божественного писания, особенно такое, видится богохульством. Фигура пляшущей женки земна да нескромна, а писал ее тот художник Алампей, что сбесился.

Царица Мария. Государь, свет очей моих! Возможно ли на иконе изображение лиц, не причисленных к лику святых и которые живы сущи?

Иван. При аллегории - возможно.

Годунов. Истинно. Вход в Иерусалим - аллегория победоносного возвращения государя в Москву.

Топорков. Однако, как писана аллегория? Фигуры святых во многих иконах ныне не занимают главного места. Из могущественных и сильных небожителей, как в каноне, они стали хрупкие, земные носители заступничества Бога. Кирилл Белозерский, Основатель Кирилло-Белозерского монастыря стоит у горки, близ синих вод Сиверского озера, где плавают рыбы с позолоченными спинками и ползет рак. Так ли на иконах прежде писали? Рака едят! В иконах покровы изображены статуя византийского императора Юстиниана. Кумир!

Годунов. Псковичам, писавшим иконы Золотой палаты и Благовещенского собора, были указаны образцы в московских монастырях. Ты ж, старец, оставь свое безумие, и жив будешь!

Топорков. За истину православную, за истину стою. И не страшусь положить голову свою!

Годунов. Государь, как получен был заказ от митрополии для Московского Кремля - четыре иконы: «Страшный суд», «Обновление Храма», «Христа-Бога нашего Воскресение» да «Страсти Господни в Евангельских притчах», то прежде прочего поглядели каноны в московских монастырях.

Топорков. То-то, государь, распятие со страстями, страсти Господни в евангельских притчах, и целование Иуды поганого дано так, что при сем Бог-отец присутствует, видит. Допустим ли такой вымысел?

Дионисий. Такой вымысел допустим. Видит, ибо сие - торжество и утверждение Христа с Богом-отцом.

Царь Иван. Милые мои, Иисус Христос святостью своего тела и на дражайшей крови драгоценной откупил нас от рабства у дьявола и работы на нечистого. Так не будем же впадать в распри, а совместно встанем на дьявольских слуг.

Годунов. Государь милостивый, теперь пойдем глядеть Благовещенский собор. (Царь, царица, царевич и вся свита идет к выходу).

Занавес

Сцена 115

DSC01322

Кремлевский Благовещенский собор.

Годунов. Государь, сия четырехчастная икона сделана по твоему государеву заказу. Атаман художников Семен Глагол, дай пояснения государю с государыней и наследником.

Глагол (*кланяется*). В верхней части - Сотворение Мира, с изображением в центре Бога-Саваофа. Далее - Рождество Христово, Благовещение, Крещение. Ниже - толпа: цари, князья, священнослужители, народ и прочие.

Топорков. Поглядите, благоверный государь с благоверной государыней да наследником! Портреты русских князей, а тут же рядом - эллинские мудрецы. Не эллинизм ли таковое, эллинское блудодеяние? Аристотель, Гомер, Вергилий да прочие язычники. Язычники в семейном храме православного царя! Гомер в царской мантии! На нем - русская рубашка и штаны, на голове - венок. У римского язычника-стихотворца Вергилия поверх длинной одежды - короткая туника-плащ,

одежда мучеников, точно он страдал за христианскую веру, на голове - шляпа, которые носят русские крестьяне. Древние язычники держат свитки с евангельскими текстами!

Иван. Так ли то, художники?

Глагол. Истинно так, государь. На свитке Аристотеля надпись указывает на троичность Бога. На свитках Плутарха писано: «Бога бойся, родителям повинуйся, иерея хвали, старцев честных почитай».

Царевич Федор. Что ж в том дурного, старец Топорков? Разве не верны сии истины?

Топорков. Благоверный государь царевич, кто проповедует нам, православным, святые истины? Эллинские мудрецы-язычники! Таковое, государь с государыней и наследником, есть вымысел иконописцев. А иных, особенно злостных, как еретиков, в клетке деревянной сжечь надо!

Дионисий. Вымысел допустим в ограниченной форме аллегории. Тут язычники-философы, мудрецы, показаны аллегорично. Даже их языческая мудрость познала христианские истины.

Топорков. Такова ли нужна аллегория? Кроткого человеколюбивого Христа изобразили в воинских доспехах с мечом в руках, сидящим на перекладине креста! Рядом ангел борется с дьяволом, птицы и звери, поедающие грешников, смерть - скелет, сидящий на апокалиптическом звере - такие ли страсти надобны в царском Божьем храме при молитве? Не угроза ли то государю за будто им содеянное недоброе?

Годунов. Расчет твой, старец, неверен. Аллегии изображены по просьбе самого царя.

Иван. Старец Топорков, и в премудрости пишут, в Псалме Давида и в песнях: «Облечется в броню праведный, и возложит шлем и суд нелицемерный примет, и покорит гнев на противное». Противные же истины: дьявол и его бесовье, и человеки-еретики. Их убьет Господь духом уст своих.

Топорков. Государь милостивый, помнишь ли, как после посещения Максима Грека, старца, мудрствовавшего по-эллински, приехал ты ко мне, смущенный душой, в Пешношский монастырь?

Царь Иван. То помню, старец Топорков. За совет, тобой данный, по сей день благодарен. Почитаю тебя как племянника святого Иосифа Волоцкого.

Топорков. И ныне тебе говорю, Благовещенский собор расписан бесовски, и о том вопить буду. На святых иконах рыбы плавают и раки ползают. А с трудом узнаваемые пророки Давид и в особенности Соломон. Пророки ли в барабане, святители ли в дьяконнике? Повсюду эллинизм, эллинизм - блудодейание. Гляди, государь, как писано то: не из Евангелия, из легенд еретичных, из апокрифов про жизнь Богоматери. Христос в гробе, Успение Богоматери, положение в гроб, Вознесение, сошествие в ад, вход в Иерусалим, Рождество Христово, Рождество Богоматери... Все не по канону, не русские они, иконы, еретики их писали!

Дионисий. Стал ты, старец Топорков, на еретиков, а ныне говоришь и мудрствуешь не гораздо о святых иконах, не попадись и сам в еретики. Хочешь быть наподобие латыня Савонаролы? Тот про ереси вопил, а его самого за ереси сожгли.

Щелканов. Государь, я свои сомнения изложу письменно. Как был я в Италии по делам посольским, то видел подобное в латынских храмах. Гляди, государь, на сии фрески и иконы. Человеческие фигуры невесомы, аки цветные тени-призраки. Разметанные по стенам храма как бы силою ветра, люди летят по воздуху в развевающихся одеждах. Во всяких положениях их жесты широки, по-бесовски неумны.

Дионисий. И ты, дьяк, сюда же? Знал бы ты свои дела, которые тебе положены. Не разроняй свои списки, сиречь, бумаги не разроняй. На дьяка сего наложу епитимью: слишком ты ретивый ревнитель православия, а сомнения имеешь на святые честные иконы.

Щелканов. Сомнения имею насчет усилившейся ереси.

Иван. Про ереси много говорено. Знаешь ли ты, Щелканов, людей еретичных?

Щелканов. И таковых знаю, государь. У семьи моей, государь, имение в Боровске рядом с имением дворянина Матвея Башкина, а вокруг того дворянина, Матвея Башкина, кружок вольнодумцев, еретиков. Так полагаю, злое учение приняли от литвы, точнее, от латын. Советовался и со мною о зле.

Дионисий. Зная о еретичестве, отчего не сообщал долго?

Иван. Истинно, отчего ты, Щелканов, не сообщал?

Щелканов. Прости, государь благоверный, уж три года имею сомнения, однако не решился доложить, боялся знакомства, поскольку дворянин Матвей Башкин с игуменом троицко-сергиевским Артемием связан, а тот - с Годуновым.

Годунов. Не знаю я Башкина, слышал лишь о нем, однако не от игумена Артемия, а от духовника моего, который и его духовник. Сказал мне духовник: «Башкин от меня поучения требует, а сам же меня, духовника своего, учит».

Царь Иван. Бельский, разузнать надобно, о чем учит.

Бельский. У нас в сыске про Башкина ведомо, да мыслю - надобно ему суд сделать. Однако то - дело митрополита, поскольку кощунствует. Суд надобно не мирской, а церковный.

Щелканов. Истинно, я на Башкина давно брань возлагал, слыша от него хуление на непорочную нашу веру христианскую.

Топорков. Есть и пошибче Башкина еретики. Старец Максим Грек - первый. Эллинист.

Царь Иван. Все подобное суд решит. Разослать надобно старцам святым о подготовке суда над еретиками, а вы, слуги мои церковные и Божьи, будьте едины и меж собой распри не творите. За грехи наши у нас явились гордые слова и неблагодарные. В оное время греха ради почали горделиво мудры быти, забыв евангельские слова: «Кто хочет в мире сем мудрым быть, то будет». *(Уходит в сопровождении свиты).*

Занавес

Сцена 116

Успенский собор. Заседание духовного Соборного суда. Рядом с царем, восседающим на царском троне, - Дионисий. За столом в центре - члены Соборного суда. Приглашенные на суд вельможи, духовные лица и прочие сидят на лавках вдоль стен.

Дионисий. Почнем заседание Соборного суда, созванного по велению государя. А присутствуют Соборные судьи архиепископ ростовский Никандр, заменивший Давида, суздальский епископ Афанасий, тверской архиепископ Акакий, коломенский архиепископ Федосий, сурский и подольский архиепископ Савва, настоятель Пешнопесского монастыря Вассиан Топорков.

Царь Иван. А игумен Троицко-Сергиевского монастыря Артемий отчего не присутствует? Разве его сняли с игуменства?

Дионисий. Государь, игумен Артемий сам снял с себя игуменство и удалился в Нилову пустынь с другом Порфирием. Вместо него теперь до утверждения поставлен Иов.

Топорков. Говорил же я, государь, что Артемий покачулся! Он тебе, государь, не благоволит и с еретиками соединился.

Царь Иван *(гневно).* Сам ушел?! Бельский, вернуть в оковах!

Бельский. Уже вернули, государь милостивый! Помещен в Чудов монастырь до твоего повеления, а доложить тебе о сем не успел.

Иван. В Андронников поместить, там таковым вольнодумцам житье покруче! Избранный в игумены Троицкого монастыря, приобрел он всеобщую любовь. И я, царь, любил его и слушал его советов. Однако вижу: обманут. Митрополит Дионисий назначил Артемия в самый большой, Троицко-Сергиевский монастырь. Пусть скажет, еретик ли Артемий.

Дионисий. Артемий хоть и не еретик, но любит повольнодумствовать о священных предметах.

Старец Массаил Сукин. Уж давно пало на него подозрение о вольнодумстве. Артемий советовал отнимать села у монастырей, привлечь его надобно как еретика.

Дионисий. О том позже суд будет решать. Артемий вызван из пустыни для допроса и для очной ставки с еретиком Матвеем Башкиным. Первое же на суде дело троицкого старца Максима Грека. Пусть приведут старца! *(Вводят Максима Грека. Тот кланяется царю и судьям.)* Старец Максим Грек, еще в 1524 году от Рождества Христова, при отце нынешнего государя, великом князе Василии III был созван собор, на котором тебя осудили как еретика, растлевающего богодуховные книги. Ныне, через столько лет, уже не молодым чернецом, седым старцем вновь стоишь ты перед собором, да обвинен в том же, в порче книг.

Максим Грек. Царь Иван Васильевич, митрополит отец Дионисий, весь священный собор! Бог свидетель, осужден ради малых описей, обретенных в бывшем у меня переводе. Я, государь, жертва лукавых и злых. Оклеветали меня из зависти что ты, царь, меня любил и слушал моих советов.

Царь Иван. Я многим доверял, и многими был обманут.

Грек. Я, государь милостивый Иван Васильевич, твоим отцом, покойным князем Василием был помилован.

Топорков. Нет, осужден ты был аки хульник и священных писаний тлитель.

Дионисий. Старец Максим Грек, перво-наперво скажи сам кратко, прав ты али не прав.

Грек. Если я прав, то окажи мне милость, избавь от страданий, которые терплю столько. Ежели не прав, то отпусти меня на Святую гору. Об отпущении моем на Афон имеется ходатайство константинопольского и александрийского патриархов. О том митрополиту Дионисию ведомо.

Дионисий. Не об Афоне ныне речь. Собор созван для розыска еретиков.

Грек. Однако любостыжатели пользуются тем, чтоб привлечь на суд совместно с еретиками и неугодных им. Знаю, что и занимавший высокое игуменское место отец Артемий привлекаем, и меня привлекают за мою ученость, которая иным не по душе, упрекая в еретичестве.

Царь Иван. Старец Максим Грек, ни мной, ни митрополитом тебе такой упрек не ставится. Но требуется от тебя письменное обличение ереси Башкина.

Грек. Скажу, государь, от сердца. В таком требовании может быть и ловушка, вызов меня на неосторожное слово али принуждение согласиться заранее с решением собора о еретиках, каково бы оно ни было и кто бы теми еретиками ни был назван.

Иван. Старец Максим Грек, как слышал я, оскорбляешься нашим требованием и думаешь, что мы равняем тебя с Матвеем Башкиным, но не будет того, чтоб ставить верного наперед с неверным.

Топорков. Излишне ты доверчив, государь. Черным волшебством инока Грека отнят был первенец твой, наследник Дмитрий от царицы Настасьи. Черным же волшебством того же инока предрекается гибель нынешнего младенца, царевича Дмитрия от царицы Марии Нагой.

Массаил Сукин. За такое в срубе жечь!

Максим Грек. Кто то со скамьи вопит?

Массаил Сукин. Я, старец Массаил Сукин!

Грек. Какой то Массаил Сукин вопит? Однако слышал о тебе. Прелукавый Массаил, глаголемый Сукин, издавна прославившийся в злостях. И ты, Топорков, Василий Бесный, поистине реченный Неистовым?

Топорков. Так меня Курбский в своих писаниях обозвал, изменник. И ты с ним, Курбским, такое говоришь?

Сукин. Я. Массаил Сукин, из дьяческого рода, фамилии, близкой к царскому двору. Ты ж ради ересей к нам приехал!

Дионисий. Старец Максим Грек приглашен был отцом нынешнего государя, великим князем Василием III-м, с Афона к нам на Русь ради перевода и исправления богослужебных книг. Как он их переводил и исправлял - о том речь. Много лет посвятил ученый Грек тому труду. Исправляя книги, он прямо и резко обличал переводы прежних переводчиков, таких как Топорков и Сукин, указывая на их многочисленные ошибки, чем и нажил себе врагов.

Сукин. Надо бы приглядеться, каковы те ошибки, да и у кого ошибки. Он и по-русски как след не говорит и поныне, а тем более - прежде.

Архиепископ коломенский Федосий. Пусть сам скажет, каковы те ошибки, да были ли у него самого ошибки.

Архиепископ Акакий. С чего начал ты, старец?

Грек. Сначала взялся за исправление Триодий, а потом уж других книг.

Сукин. Не исправлял, а портил священные книги!

Архиепископ троицкий Иов. Признаешь ли то?

Грек. Признаю, что при недостаточном знании церковно-славянского языка я и сам допустил некоторые ошибки.

Топорков. Пусть скажет, как писал он о русском народе! *(Достает бумагу, читает.)* Русский народ живет не по христианским заповедям, а с гуслиями всегда и с песнями скверными, услаждая себя блудом.

Иван. Ты сие писал?

Грек. Государь, знаешь ли, что, занимаясь исправлением книг, в то же время переводил некоторые святоотческие творения и написал некоторые сочинения, осуждающие недостатки религиозной веры русского простонародья.

Сукин. То у него от латынина Савонаролы, перед которым инок Грек преклоняется. Однако нам латынин Савонарола не указ. За те обличения его, Савонаролу, сами латыны сожгли! Сей же Грек обличает нас, русских, то не сжечь ли его?

Архиепископ Савва. Ежели Русь ему не по душе, может, верно, пусть едет?

Грек. Давно уж прошу возвратиться на Афон, давно прошу избавить меня от печали долгой разлуки с родиной. Государь Иван Васильевич и ты, митрополит отец Дионисий, сделайте милость, позвольте мне, святогорскому иноку, уехать. Возвратите безбедно меня честному монастырю Ватонедскому, давно уж нас ждущему. Дай нам совершить обеты иноческие там, где мы их произносили. *(Опускается на колени.)* Государь Иван Васильевич, отпустите нас скорее в мир, чтоб нам возвестить там находящимся православным о твоих царских доблестях. Да ведают бедствующие христиане тех стран, что есть еще на свете царь, не только владеющий многими народами, но и цветущий правдой и православием, подобно Константину и Федосию великим.

Топорков. Государь, здесь так говорит - там будет говорить иное. Перехвачено письмо одного из учеников инока Максима Грека. Там пишет великую хулу.

Царь Иван (сурово). Инок Максим Грек, встань с колен и отвечай на вопросы духовного соборного суда.

Архиепископ ростовский Никандр. Инок Максим ссылается на худое знание русского языка, однако при нем был переводчик и переписчик Михайло Медоварцев, ныне вызванный на суд. Пусть скажет.

Дионисий. Тут Медоварцев?

Медоварцев. Тут я. *(Кланяется.)*

Никандр. Михайло Медоварцев, скажи, сколько времени покрывал ты Максима, инока Грека?

Медоварцев. Грешен, долго покрывал его, неведомого и незнамого человека, новопришедшего из турской земли и книги переводящего, писания составляющего хульные и еретичные, и во многих люди и народы сеющий и распространяющий эллинские учения и арианские и македонские и прочие пагубные ереси, а также про магометан восхваление.

Грек. Брешешь ты все на меня, Михайло, и Бога не боишься! Особо из греческого моего сердца про Магомета восхвалениям быть!

Медоварцев. Брешу?! А кто писал по апокрифу Афродитово сказание, да сказание о Иуде, жившем будто, по преданию Христа, лет довольно, да про писание, данное от Адама дьяволу, да о светлой неделе, называемой «великий день» будто потому, что Солнце тогда не заходило?!

Грек. Не про то я писал! Либо не понял ты, Михайло, либо умышленно брешешь! Я всегда стремился, чтоб писания мои были истинны!

Иван. Инок Максим, как отличить истинное Святое писание от ложного?

Грек. Государь, должно знать, что всякое писание по трем некоторым отличительным свойствам признается достоверным и неопровержимым: если оно составлено благоверным и соборной церкви знаменитым писателем, во-вторых, если оно всегда согласно с апостольскими догматами и преданиями, и, в-третьих, если оно само с собой во всем согласно и ни в чем себе не противоречит.

Суздальский архиепископ Афанасий. Что ж, правила твои правдивы, тебя ж ими и проверим. Великая книга - Священные правила апостольские и отеческие. Сей книги никто не смел поколебать от седьмого собора до русского крещения, а в нашей Русской земле сия книга более 500 лет содержит соборную церковь, а ты взял малую часть из сией книги, а все иное разметал!

Никандр. Ты правила наши называл кривилами, а чудотворцев - смутнотворцами, что они позволяли монастырям водиться с веселыми людьми.

Топорков. От семи соборов и доныне не бывало в священных правилах эллинских мудрецов, а ты написал Омара, Аристотеля, Филиппа, Александра, Платона.

Грек. Омар не эллин, а персиянин.

Никандр. Все одно - не православный. Ты оболгал тем Священное писание и Священные правила.

Грек. Я сего не помню. Что писал не горазд - исправлю. Я писал себе, на воспоминание своей души, но тех не похваляю, кто села держит.

Никандр. У тебя в правилах приведено правило Кирилла Александрийского - «Аще кто не нарицает Пречистую Деву, да будет проклят», вместо «не нарицает» сказано «не нарицал». То прежде будто бы было, а ныне - иное.

Грек. Я Госпожу Богородицу не хую, видно, писец описался.

Никандр. Писец, монах Вассиан Рушанин, показал, будто об ошибке сказал ты: «Так надобно.» Писец Рушанин тут?

Рушанин. Тут я.

Никандр. Сказал он так?

Рушанин. Сказал так.

Грек. Не говорил я того!

Архиепископ Иов. Ты в разговоре с одним старцем назвал Христа тварью, а когда тебе старец сказал: «Святые отцы на своих соборах святым духом писали», ты ответил: «Дьявольским духом они писали, не святым.»

Грек. Никогда такого не говорил, покажи мне того старца, который на меня наговаривает!

Иов. Ты говорил со старцем Троицкого монастыря Диосифеем.

Сукин. Диосифей - старец добрый, тут он.

Диосифей. Ты, инок Грек, назвал Христа тварью.

Грек. Я ничего этого не говорил, душа твоя пусть подымет это. Бог меня с тобой пусть рассудит!

Топорков. Ты и сам мудрствовал, и других мудрствовать научил несправедно. Плоть Господня до Воскресения была нетленною.

Грек. Да, так говорил.

Топорков. Твое мнение о Христовой плоти сходно с древней ересью, которая признает Христову плоть только кажущейся, а не действительной.

Никандр (*сердито*). Против таковой ереси - сожжение и пытки.

Иван. Такое делаем, отец Никандр, однако одними сожжениями и пытками не спасешься. Сожжения и пытки не искоренили ересь еретичного духа. Еретики делаются осторожнее и совращают русских людей втайне. Они - книжники и говоруны. Потому и нам, православным, нужны книжки, нужна наука, а на Руси - недостаток в ученых людях и в книгах. Глубокое невежество тяготит русский ум уж много веков.

Тверской архиепископ Акакий. Государь, такое же и старец инок Максим Грек говорит, я ему то в вину ставлю!

Иван. Нет, не то он говорит, а иное! Остатки нашей прежней литературы, которой пользуются наши книжники, и грамоты пострадали от невежественных переводчиков, от умышленных искажителей, а иногда переводы сами по себе неправильны.

Архиепископ коломенский Феодосий. Книжки благочестивых книжников - по-гречески, на недоступном языке, а не по-славянски. Надежда лишь на нашу православную обрядность.

Дионисий. Одной обрядности мало для благочестия и благоустройства церкви. Нужно учение, но где взять ученых? Не на Западе же их искать! Запад давно разошелся с христианским Востоком. Греция и есть христианский Восток. Русь может идти только по древней стезе, протоптанной святым Владимиром, обретенной от Греции. Греки тоже не любят Запад, но ездят туда учиться, и меж ними можно найти ученых людей, чтоб понимать нам западное учение через Грецию.

Суздальский архиепископ Афанасий. Может, ученый Грек и нужен для разбора греческих книг в библиотеке, однако речь о переводах! Переводчик толкового Псалтыря инок Максим что нам, православным, сделал? (*Листает Псалтырь.*) Тут сборник объяснений и толкований Псалмам Давида, однако в Максимовом переводе смысл во многих местах непонятен, и то дает повод для разгула фантазии, завлекая читателей в еретичные заблуждения. Надо, чтоб читатели понимали любую часть Святого писания согласно с древними учениями церкви.

Иван. Печатная книга нам нужна. Я уж велел посольскому приказу и дьяку его Андрею Щелканову связаться с типографом и издателем Аскольдом Мануччи.

Грек. Я его знавал, государь, увлекался тем, однако потом начал охладевать. Сама по себе печатная книга православию не поможет, с Запада придет увлечение древней классикой, которая весьма соблазнительна. И я любил и люблю светлые стороны античного мира, поэтов и философов, однако то не может наполнить всякой честной сердечной натуры, склонной к идеализму православия.

Дионисий. Сказанное иноком Максимом Греком знакомо и мне. Европа ищет просвещенного обновления в античном мире. Все устремилось к тому миру и проникло к нему душой, но увлечение античностью дошло до сумасбродства. В древнем мире видят идеал совершенства, христианская религия теряет свою цену, языческие философы стали выше отцов церкви, распространилось легкомысленное модное неверие и кощунство. Западная высшая знать считает религию пригодной лишь для черни, которую ради выгоды следует держать в заблуждении. Из подражания древним впали в грязный разврат, эгоизм, бессердечие к ближнему. Самые неудержимые пороки и злодеяния находят себе оправдание на примерах классических писателей.

Грек. Все же без классических писателей невозможны на Руси умственные успехи.

Дионисий. Умственные успехи не выкупают зловредного влияния древности на общественную праведность. Философия приводит к латынской диалектике - из черного белое, из белого черное. Наука не опирается на положительное знание природы, а, опять же, на философию.

Никандр. Выше всего - богословие, то есть внутренняя мудрость, а все прочие науки - внешние, западная церковь про то позабыла.

Грек. Нет, и на Западе иные то понимают. Доминиканский монах Иероним Савонарола во Флоренции проповедовал против гнуса, лицемерия, разврата и злодеяния западной церкви, управляемой Папою. Многие флорентийцы отреклись от прежнего образа жизни, снесли предметы роскоши в монастырь Святого Марка - картины, карты, шахматы да прочее - и сожгли на большом костре, иные жертвуют состояниями для облегчения неимущих братьев.

Иов. Такое действие есть само по себе ересь. То - от гордыни. Так и еретик Башкин проповедует, и еретик Федосий Косой. И Савонарола - еретик. Инок Максим, считаешь ли ты Савонаролу еретиком?

Грек. Нет, не считаю, он - святой муж. Один лишь пример пророка Ионы в Ниневии можно сравнить с тем, что делал во Флоренции Иероним.

Топорков. Можно ли сравнивать святого мужа с еретиком? Савонаролу обвинили в ереси и сожгли по повелению Папы, вот урок.

Грек. Надо говорить правду сильным - вот урок.

Сукин. Ехал бы вон с нашей Руси да делал у себя такие уроки!

Грек. Слышал ведь, не пускают меня! Нелегко иностранцу возвратиться из Москвы, если его считают полезным в Московской земле, как думали обо мне прежде, или опасным по возвращении, как мыслят ныне.

Дионисий. Возвратимся однако к судебному разбору. Суздальский архиепископ Афанасий спросить хочет.

Афанасий. Инок Максим Грек, у нас в Москве ты делал переводы на Деяния Апостолов и Евангелие. Объясни мне, неразумному, что значат слова в конце Иоаннова Евангелия: «Невместимость в целом мире книг Христовых».

Грек. Слова в конце Иоаннова Евангелия о невместимости в целом мире книг, в которых были бы подробно изложены деяния Иисуса Христа, следует понимать не буквально, а в смысле преувеличения. Такое допустимо в высшем мире.

Иван. А что ты понимаешь как высший мир? Мир ангелов?

Грек. Государь, высший мир следует понимать не как мир ангелов, а как мир спокойствия. Всякий, кто познал Истину и обрел чистоту совести, может обрести тот мир.

Сукин. Всякий - то значит, и государь, и последний холоп? Таковы твои исправления в богослужебных книгах?

Топорков. Ты своими исправлениями досаждаешь воссиявшим в нашей земле чудотворцам! Они в таком виде священными книгами богоугодили.

Сукин. Он себя с пророками равняет, а чудотворцам вредит.

Грек. Не я, а блаженный Павел научал нас: «Каждому дается явления духа в пользу: тому - пророчество, а тому - языки». Святым чудотворцам за их смиренное мудрие дан дар исцеления, творения чудес, но дар языков и сказаний они не принимали свыше. Иному же, такому как мне, хоть и грешен паче сих, дано разуметь языки и сказания. И потому не удивляйтесь, если я исправляю описки, которые утаились от них.

Никандр. Описки - одно, умышенное искажение - иное, то ересь. Допускаешь ли ты казнь еретиков?

Грек. Допускаю. Истинных еретиков, врагов православия, надобно предавать высшей мирской власти для казни, чтоб соблюсти Русскую землю от бешеных псов.

Иван. То ты, инок Максим, хорошо сказал!

Топорков. От души ли он говорит, государь, не для того ли, чтоб себя выгородить?

Грек. Не надобно мне себя выгораживать, что говорил - то и говорю, и пишу. Писал пропустив лютеров - иконопоклонения не признают, против латын, у которых Божьей Матери культ выше Христа, против язычества, против астрологии, совращающей умы грамотеев. Верить, что человеческая судьба зависит от звезд, противно религии: подрывается вера в промысел Божий и отнимается свобода воли у человека.

Дионисий. На основании астрологических вычислений в Европе образовалось предсказание, что будет новый всемирный потоп, и на Руси уже иные верят. Верить ли ты, инок Максим?

Грек. Не верю, ибо то противоречит обещанию Божию Ною, что иного потопа не будет.

Архиепископ тверской Акакий. Из ответов следует, что инок Максим виновен лишь в небольших описках, но не в ереси, которой его хотят присудить враги.

Топорков. В описках ли? Повтори, инок Максим, про апокрифы, что идолы разыгрались в персидском храме при рождении Спасителя, что по сказанию будто Юда жил много лет после Христа, что Адам дал рукописание дьяволу, вечное обязательство служить ему и работать ему...

Грек. Все то опровергаю, опровергаю также издавна распространенное мнение - во время воскресения Христа Солнце не заходило целых восемь суток. То несогласно со Священным писанием и заключает в себе противоречия.

Никандр. А кому прежде всего послана была с небес грамота?

Грек. Никому не было послано такой грамоты, об этом нигде не упоминается в Святом писании. Выдумка все то и суеверие, подобно иным суевериям на Руси, таким, как будто от погребения утопленников или убитых происходят неурожай: случается, выкапывают из земли тела и бросают в поле. То грех велик. Мертвых надобно скрывать в недрах Земли, общей матери. Гнев Божий за грехи, за непогребение мертвых да прочие суеверия. Вера в сновидения и существование злых и добрых человеков - грех. Из астрологии истекают суеверные приметы: наблюдение птичьего полета, явление облаков, гадание на бобах, на ячмене, ворожба...

Сукин. Ты - первый, кто живет черной ворожкой и грехом плотоядным.

Грек. Я ли, не ты ли, кто всегда исполнен иметь клетки всяческих бражек и сладких питий, забыв о неимущих, погибающих от холода и стужи? Такова особенность жизни многих монахов, достигших игуменского или епископского сана. Тот сан достигается честолюбивыми монахами неправдою, путем взяток, угодничества и заискивания перед светскими властями.

Иов. Для того ли тебя, инок Максим, на соборный суд позвали, чтоб ты здесь мудрствовал? Сам-то ты как живешь? Ведь и ты, знаю, поесть любишь, стерлядей любишь да мантии дорогие любишь.

Грек. Имел прежде грех. Однако молю еженощно: возлюби, душа моя, худые одежды, худую пищу, обуздай наглость языка своего, возлюби молчание и правды бессонные ночи над боговдохновенною книгою. Огорчай плоть свою суровым житьем, гнушайся всего, что услаждает ее. Не забывай, душа, что ты привязана к лютому зверю, который лает на тебя. Убегай вкусных напитков и сладких яств, мягкие постели, долговременные сны. Иноческое житье подобно полю пшеницы, требующему трудолюбия. Трезвись и трезвись. Ешь хлеб, приобретенный собственным трудом, и не питайся кровью убогих, среброзаимством.

Топорков. Кому ты то выговариваешь, себя али нас упрекаешь?

Сукин. Он нас у прекает, да государя упрекает.

Грек. То всех касается.

Иван. Святой старец, ты забыл еще одно важное правило.

Грек. Которое, государь?

Иван. Не пытайся высасывать мозги из сухих костей, подобно псам и воронам. (Смех.)

Грек. Я, государь, говорю лишь про те правила, которыми волжские да белозерские пустынножители живут и которых в иосифлянских монастырях не увидишь.

Сукин. Про иосифлян ложно говоришь! Когда был я молодым послушником в Волоколамском монастыре преподобного Иосифа Волоцкого, монахи там располагали немногими вещами для обихода. Велено было не иметь собственной одежды, обуви, книг, икон, чтоб в кельях не было тайноядия, вода для питья также не в кельях, а в общей трапезной. Соблюдать должны тишину на

молитве и в трапезе, не разговаривать меж собой по вечерам, никуда не отлучаться, не потреблять вино, женщинам и отрокам вход запрещен. Таковы суровые правила святой жизни преподобного Иосифа, так жили и родичи его. Старец Вассиан Топорков так жил. Иосифов племянник, так жил, когда был молодым послушником.

Топорков. По Иосифу Волоцкому жили мы на три устройства: одну мантию, одну шубу худу всю, истрепану. Второе устройство - два яства с хлебом. Третье устройство - кто отличился, тому иметь одну шубу не истрепанную, выбирать еду по вкусу, с хлебом али калачом. Лишь монастырская верхушка да сам Иосиф имели две мантии - новую и подержанную, два клобука, три свитки, двое пары сапог. Не оттого ли заволжские старцы говорят на них, что роскошествуют?

Грек. Иосиф Волоцкий и те, кто вокруг него, так жили. Однако нынешние иосифляне живут по-иному, во множестве пьянство и непотребное житье.

Дионисий. Грешен человек, потому и потребны наказания: отлучение от трапезы на сорок дней, заключение в позах железных в монастырской тюрьме.

Грек. И за иное свирепствуют. Монастырская верхушка свирепей зверей.

Топорков. Против еретиков надобна свирепость. Или ты безгрешен?

Грек. Грешен. Меня морили дымом, морозом и голодом за грехи мои прямые, а не за какую ересь.

Сурский и подольский архиепископ Савва. Он, вижу, не кается.

Иван. Речи наши излишне уклонились от потребного. В Соборном суде стоит вопрос о порче богослужебных книг. Кто по сему говорить будет?

Троицкий архиепископ Иов. Я спрошу, государь. *(Листает книги.)* У инока Максима вместо «Христос одесную Отца» писано: «сидел одесную Отца». Отсюда выходит такой смысл: Христово сидение одесную Отца мимо шедшее есть, сиречь прошедшее. Подтверждаешь то?

Грек. Подтверждаю. Исторический евангельский факт - Вознесение Христово, а не бесконечное пребывание с Отцом. Вина моя, что не умел так выразиться ясно.

Никандр *(сердито)*. Он не кается!

Топорков. Кроме прошлого вопроса о сидении одесную Отца, обвинить хочу инока Максима в подобном же. В переводе Жития Святой Богородицы употребил выражение, заключающее хулу на Святую Богородицу. Есть на него дополнительный донос бывшего писца Медоварцева. Скажи, Медоварцев.

Медоварцев. Когда писали перевод, приказал мне Максим Грек загладить, сиречь выбросить из деяния Апостолов разговор Филиппа Апостола с книжниками, «Деяния Апостолов», глава 8-я, лист 37.

Никандр *(сердито)*. Как же ты слушал его, ты, православный русский человек?

Медоварцев. На меня дрожь великая испала, когда велел то делать, однако боялся я волхования его. Говорил, что нет на нем ни единого греха, он все знает, хвалился еллинскими и жидовскими хитростями и чернокнижными толкованиями.

Сукин. Так и против государя волховал ли для изведения младенца царевича Дмитрия?

Медоварцев. Истинно так. Посредством волшебных эллинских хитростей писал водкою на своих ладоней, протягивал ладони, волхвуя против государя.

Сукин *(кричит)*. Сжечь его надобно в срубе после показания Медоварцева!

Архиепископ тверской Акакий. Можно ли верить Медоварцеву? Сей Медоварцев - вздорный, беспокойный человек, и прежде присылал разные доносы и улики якобы против еретиков. Их немало мы на соборном суде прежде смотрели и выкидали, ныне же имеется указ государя - за ложный донос битье кнутом.

Медоварцев. Писал от души, правду. Защищая православие, защищал и себя от подкопа врагов

Дионисий. Говори по делу, Медоварцев.

Медоварцев. Говорю по делу, святой отец митрополит Дионисий. Максим Грек говорил, что в символах веры, в Троице о Святом Духе не сказано истинного.

Грек. «Истинного» нет в греческом подлиннике.

Медоварцев. Требовал он, чтоб убрать «истинного» из русского текста.

Грек. Того не требовал.

Медоварцев. Нет, требовал! Вишь, из страха заперся! Да требовал, чтоб русские митрополиты назначались с греческого патриаршего благословения.

Дионисий. Иди, Медоварцев, ты более непотребен. *(Медоварцев кланяется и уходит.)*

Царь Иван.. Инок Максим Грек, признаешь ли себя виновным?

Грек. Государь, признаю себя виновным, но не более чем в малых описках. Готов трижды перед собором упасть. *(Трижды падает на землю.)*

Иван *(гневно)*. Отослать в оковах! *(На Максима Грека надевают оковы.)*

Грек. Делал ошибки невольно! Я не еретик, ошибался по забывчивости или по скорби, или от излишнего винопития! *(Плачет.)* Я десять раз в день молюсь за государя, я 22 года в оковах, сиречь, взаперти! Сделайте милость, государь-батюшка да ты, святой отец митрополит Дионисий! Отпустите меня домой, я много раз обращался, но не добился.

Дионисий. Мы помыслим. По приезде в Троицкую лавру оковы с тебя снимут. Иди. Молись Богу о милости государевой. *(Максима Грека уводят.)* Дело старца Максима Грека окончено, он осужден соборным судом к вечному заключению и надеяться может только на помилование государя. В следующем заседании починаем слушать дело еретика Матвея Башкина.

Царь Иван. К делу Башкина присоединить сопричастного к нему бывшего игумена Троицкого монастыря Артемия. *(Встает и уходит. Присутствующие на соборном суде расходятся.)*

Занавес

Сцена 117

Палата Чудова монастыря. Заседание Соборного суда.

Дионисий. Соборный суд починает слушать дело еретика Матвея Башкина и сопричастное к нему дело старца Артемия. Члены суда те же, опричь присоединившегося архиепископа рязанского Кассиана. *(Кассиан встает и кланяется.)* Матвей Семенович Башкин, мелкопоместных детей боярских, село Башкино. Пашня полтрети сохи, отец - однодворец, получил село 1519-го года от Рождения Христова. В 1547 году вместе с иными - поручитель за опального князя Турунтай-Пронского, который пытался бежать в Литву.

Никандр. Кто поручитель - Матвей Башкин или отец?

Дионисий. Само разумеется, отец.

Царь Иван. Митрополит Дионисий, не теряя времени, перейдем к делу самого подсудимого, чтоб знать, достоин ли он милостей моих царских.

Топорков. Милость - подданным истинного царя, не подданным Ирода, кем суть являются еретики.

Архиепископ рязанский Кассиан. В Ниловой пустыне и иных монастырях Белозерья гнездятся еретичные мнения меж старцами.

Никандр. Суд над сыном боярским Матвеем Башкиным и его соумышленниками показать должен соблазняющий способ нынешнего вольнодумства. *(Вводят Матвея Башкина в оковах. Он кланяется.)*

Дионисий. У кого какие вопросы, починайте.

Архиепископ суздальский Афанасий. Матвей Семенович Башкин, признаешь ли ты себя православным христианином?

Башкин. Признаю и объявляю себя православным христианином, верящим в Священную Троицу.

Никандр. Тут ли его духовник?

Дионисий. Тут духовник, священник Благовещенского собора Симеон. Говори, Симеон!

Симеон. В сем году явился Башкин ко мне на исповедь, объявил себя, тако ж как ныне, православным христианином, но вместе с тем начал задавать вопросы, вызвавшие у меня, священника, недоумение.

Архиепископ сурский и подольский Савва. Которые вопросы?

Симеон. Вопросы, которые я не могу разрешить. А в заключение Башкин напомнил мне обязанности духовника.

Кассиан. Хай скажет про те вопросы и те обязанности сам на суде.

Дионисий. Говори, Башкин!

Башкин. Великое дело ваше, священников, сказано в Писании: «Нечто же сия любовь больше бывает, ежели положить душу за други свои». Вы за нас души свои полагаете и печетесь о душах наших, и за нас будете отвечать в день Суда.

Коломенский епископ Феодосий. Где читал ты такое?

Башкин. Читал в Беседах Евангельских. «Ради Бога пользуй меня душевно», - писано в Евангельских Беседах. - «Но ни на одно слово не надейся, а совершай его делом.»

Топорков. Которым делом, как ты сие понимаешь?

Башкин. Все начало - от вас, священников, вам надобно показать собой пример.

Симеон. Пригласил меня домой и показал мне Апостол, измененный восковыми пятнами, по тем текстам, которые возбудили в нем размышления.

Никандр. Где сей Апостол?

Дионисий. Сей Апостол приобщен к делу.

Феодосий. Которые размышления возбудил в тебе, Башкин, сей Апостол?

Башкин. Написано: «Весь закон заключается в словах - возлюби искреннего своего как самого себя, чтоб не съели друг друга». Можно ли христианских рабов держать у себя рабами? А Христос всех называет братьями. А у нас на иных кабалы нарядные, сиречь фальшивые, на иных - полные, а другие беглых в кабале держат. Благодарение Бога моего, у меня были кабалы полные, да я их всех изодрал, держу людей у себя добровольно: кому хорошо у меня, пусть живет, а не нравится - пусть идет, куда хочет. А вам, отцам, надобно посещать нас, мирян, почаще, да научать нас, как самим жить и как людей у себя держать, чтоб их не томить.

Иов. Отец Симеон, впервые приходит к тебе такими вопросами да речами Матвей Башкин?

Симеон. Нет, впервые пришел он год тому, в Великий пост.

Иов. Что говорил он тогда?

Симеон. Призывал меня и других священников посещать его кружок и распространять проповедь любви к ближнему. Башкин от меня поучений требовал, а иному и сам меня учит, и то мне показалось добро. Христианин он истинный.

Дионисий. Ой ли? Я и прежде про Башкина слыхал. Слава про него недобра носится.

Иван. Отчего делу не дан был ход?

Дионисий. Не хотелось давать делу ход в тревожные дни прошлого года. Иные заботы поважнее были.

Никандр. Отец Симеон, делишь ли ты те взгляды, которые Башкин выказал?

Симеон. Не делю, и делить не могу.

Топорков. Как же не делишь, ежели назвал его добрым христианином?

Симеон. Назвал его за высказывание. Любовь у него к слабым, падшим ближним не лицемерная, а сердечная, истинно христианская.

Сукин. Похоже, он и государю станет указывать, как ему управлять! Как же без сильной царской власти? Ко всем милость, и к еретикам?

Никандр. То напоминает раннее учение холопа Федосия Косого, беглого еретика, ныне пойманного. Так ли, Башкин?

Башкин. К Федосию Косому и прочим бунтовщикам отношения не имею, говорю о честных слугах: как следует свою душу любить, так следует кормить слуг своих и всяких бедных, следует помышлять об их пище, сколько Бог поможет, от всей души, все равно как о своих родных.

Кассиан. Потому ты своих холопов освободил?

Башкин. Я не только всех своих рабов освободил, но и чужих выкупил и отправил на свободу.

Топорков. Что ж будет, ежели всех холопов на Руси освободить?! Почнется пьянство, бунт и разбои, погибельные для отечества!

Башкин. Мои рабы свободны и живут добрыми домами. Все со домочадцы свободны и живут у меня по своей воле.

Топорков. По твоим словам выходит, не государь определять будет, как кому жить, а ты да тебе подобные!

Дионисий. По сему делу приглашен дьяк посольского приказа Щелканов. У кого вопросы к дьяку?

Иов. Давно ли знаешь Башкина?

Щелканов. Говорил уж - знаю его давно. Имение имею в Боровске. Семья моя связана с Башкиным по соседству земли в Боровске.

Кассиан. Что скажешь про него?

Щелканов. Вольнодумствует, а с год кружок вольнодумцев вокруг него, Башкина.

Иона. Что говорил там?

Щелканов. Советовался с ними о зле.

Царь Иван. Отчего, зная о еретичестве, не сообщал долго?

Щелканов. Говорил уж - грешен. Не решался доложить, боялся злокозненства, поскольку Башкин с игуменом Артемием был связан, также и с Симеоном, духовником Годунова.

Симеон. К Петрову дню Башкин опять приглашал меня и показал размеченные воском места Апостола. Теперь мне, духовному, однако, то показалось развратно.

Афанасий. Отец Симеон, расскажи подробно, как все было.

Симеон. Когда почал меня Башкин спрашивать, то ответил: «Я того не знаю.»

Топорков. Матвей Башкин, было такое?

Башкин. Было. Я сказал: «Так спроси у митрополита Дионисия, он тебе скажет, а ты пользуй сим душу мою.»

Дионисий. Матвей Башкин, тебе нельзя о том думать! Ты в суете мирской и день и ночь покоя не знаешь!

Симеон. Истинно так! Я передал митрополиту Дионисию: «Пришел ко мне духовный сын необычный, спрашивает у меня, недоуменного, да сам меня учит, а мне показалось то развратно.»

Топорков. Ты его сперва назвал истинным христианином, а потом показалось развратно. Не путаешь ли, чтоб себя выгородить?

Симеон. Показалось развратно, как востребовал Апостол, измененный восковыми пятнами.

Башкин. Я сам Апостол дал без требования, уверенный в своей правоте. Не еретичным делом мы занимались, мы сходились с друзьями и толковали о религиозных предметах.

Дионисий. Что скажешь, Щелканов?

Щелканов. Давно уж слух пошел и меж духовными, и меж мирянами: около Башкина собирается кружок людей, которые неправильно умствуют о существовании Бога, о таинствах, о церкви, о всей православной вере.

Дионисий. Царя не было в Москве, как вернулся, так донесли. Проверили Башкина. как велено. Признает ересь, и явилось шатание в людях, да Апостол давали.

Иван. Я рассматривал книгу, но в тех пометах не было явных улик.

Топорков. Государь, тебе чаровники-колдуны иную книгу дали. Дайте государю Апостол с истинными пометами Башкина! *(Передает книгу. Царь листает.)* Иная, вижу, книга.

Башкин. Та, государь, ты смотрел ту же книгу и не нашел в пометах дурного.

Иван *(листая книгу).* Нет, иная книга. Бреешь, холоп! Бельский, кто еще арестован по делу Башкина?

Бельский. По делу арестованы два брата Борисовы - Григорий и Иван Тимофеевичи, и еще двух лиц захватили - Тимофея и Фому. На вопросы отвечают, что православные христиане.

Иван. Поглядим, какие православные. Бельский, повелеваю поместить их в подклеть моих палат.

Бельский. Исполним, государь.

Иов. В чем суть обвинения?

Дионисий *(заглядывает в бумаги).* Подсудимые признавали Иисуса Христа не равным своему отцу, называли тело и кровь Господню простым хлебом и простым вином, отрицали Святую соборную апостольскую церковь.

Иов. Так ли, Башкин, говорил о церкви?

Башкин. Церковь есть только собрание верных, а создание вещественное ничего не значит.

Дионисий. Отвергали преклонение иконам, называли их идолами, отрицали силу покаяния.

Царь Иван. Отрицал ли ты силу покаяния, Башкин?

Башкин. Отрицал, государь. Как кто перестанет грех творить, то не будет ему греха, хоть у священника и не покается.

Щелканов. Башкин с соумышленниками считают церковные предания Жития Святых баснословными, отзываются пренебрежительно о постановлениях церковных соборов, говорят, все они для своих выгод написали.

Никандр. Еретики и в самом Священном писании видят баснословие. Так ли, Матвей Башкин?

Башкин. Слышится мне голос Богородицы, говорит: «Истина мира сего в неправде».

Топорков. В самом Священном писании видит баснословие, излагает Евангелие и Апостол так, как будто эти книги содержат истину в неправде.

Дионисий. Все то выходит из белозерских монастырей, которые сделались гнездом всякого еретичества.

Иван. Бельский, надобно добиться от Башкина признания в ереси. Пусть даст показания под пытками.

Бельский. Сделаем, государь!

Башкин (*кричит*). Идолы окаянные, грех творите! (*Смеется.*)

Архиепископ рязанский Акакий. С Башкиным сделалось на соборе какое-то расстройство или припадок, говорит бессмыслицу.

Башкин (*кричит*). Человеколюбно плотское божество да честные иконы! Иное не приемлю. Благодати ради истинной нам законом является агнец, о пророке сказывается: «Агнец перстом предтечу указывает».

Рязанский епископ Кассиан. Пена на губах, в изумление впал.

Иван (*гневно*). Пыткой обучить, как следует вести себя на Соборном суде. (*Стражники поднимают Башкина.*)

Башкин. Тут не Соборный суд, тут столовая изба! Тут мясо человеческое едят! (*Башкина уволакивают.*)

Дионисий. Дьяк Щелканов, продолжь о Башкине.

Щелканов. О Башкине хочу сказать: хулил Иисуса Христа, причастие считал простым хлебом и вином, иконопочитание не признает, хочет говорить о неких честных иконах, а идолами окаянными иконы нарекает. Отрицает святоотеческу литературу и Святые писания.

Иов. Как же в беседе с духовником Симеоном он признает существование Троицы?

Щелканов. То все лживо говорил. Апостол же и Евангелие не истинно излагал. Сына едиnorodного от отца разделил, и неравным сына отцу именовал, и молился Матвей единому Богу-отцу, а Сына и Святого Духа оставил.

Кассиан. Ты, Щелканов, слишком ретивый ревнитель православия. На тебя ведь самого наложена епитимья, велено тебя самого отлучить от церкви. Так ли, отец Дионисий?

Дионисий. Щелканов отлучен от церкви за грехи, а с отлучением и место свое в посольском приказе должен был потерять. Он пребывал в том соборном отлучении две седмицы, а потом начал каяться и на соборе рукописание о своем покаянии дал.

Щелканов. Я в покаяние верю, то еретик не верит.

Дионисий. Вернемся к делу. Не о Щелканове ныне речь. Для очной ставки с Башкиным ныне призван из Белозерья Артемий с его учеником Порфирием. Об Артемии коротко скажу. Старец Артемий - продолжатель и ученик нестяжателей Нила Сорока и Вассиана Патрикеева. Он, Артемий - псковитянин, постригся в псковском Печерском монастыре, потом поселился в Белозерской пустыне, потом в Порфирьевой пустыне. Сподвижник Корнильева старца, казненного за измену.

Иван. Печерский монастырь и Корнилов - враги наши давние, однако Артемию я доверял да способствовал назначению в любимый мой Троицко-Сергиевский монастырь.

(*Входят старец Артемий и его ученик Порфирий, оба кланяются.*)

Артемий. Государь благочестивый, рад видеть тебя, давно мы с тобой не беседовали. Я тебе книгу послал из пустыни.

Иван. Которую книгу?

Артемий. Книгу комментариев Иоанна Златоуста на Евангелие.

Иван. Я той книги не получал.

Артемий. Так я и мыслил. Послал тебе, государю, книгу от Божественных писаний, да сказали мне, что де кирилловские старцы не довели до тебя книгу твою, сказывают, забыли и дали попу Симеону Благовещенскому. Так он и не передал?

Симеон. Никакой книги мне старцы для государя не передавали, передали эпистолию- письмо твое. Я его через Годунова государю отдал.

Артемий. Жаль, государь, что книгу не получил. И будет, государь, у тебя тая книга - прочти, и к нам в пустыню возврати.

Царь Иван. Инок Артемий, не по делу говоришь. Сбежал самовольно из архиепископов Троицкого в заточное, сиречь пустынное место, чем доверие мое сильно утерять.

Артемий. Государь, всякий человек запнуться может. Я ушел, многогрешный инок, от суеты в пустыню, чтоб свою книгу писати.

Сукин. Всякие книги пишут. Покровитель давний твой, игумен Печерского монастыря Корнилий, враг Москвы, так книгу написал против Москвы, за что и казнен. Сподвижник Корнилиев, Вассиан, также был казнен.

Артемий. Я книгу пишу о постничестве Василия Великого, а покровитель мой давний - сам государь Иван Васильевич.

Дионисий. Не из-за книги вызван старец Артемий, а за самовольную отлучку, за самовольное оставление игуменского сана.

Топорков. Только ли в отлучке дело? Всем ведомо, что старец Артемий издавна любит скит, критикует писание, он против монастырского землевладения. Бывшие в Белозерье еретики Федосий Косой, Игнатий, Вассиан, Фома да прочие - его, Артемия, ученики.

Никандр. Как же такого человека предложили назначить в самый большой, Троицко-Сергиевский монастырь? Предложили назначить противника землевладений! Села, говорит, надо отнимать у монастырей!

Артемий. Государь меня предложил.

Иван. То правда, грех мой. Старец Артемий всеми людьми видим был, и ближними, и дальними. Слух о его учености дошел до Москвы. Когда предложили ему место игумена Корнильева монастыря, он отказался.

Никандр. Выше метил, государь, в Троицу!

Сукин. Умолением Артемия в Троицкий монастырь из Твери перевели иноземца, хулителя России и растлителя богослужебных книг Максима Грека.

Топорков. Все они заодно: Башкин, Артемий да Максим Грек.

Артемий. Я заодно с государем. Первый разговор о монастырском землевладении государь вел со мной еще в молодости своей, до Казанского похода. Государь меня зело любил и многожды беседовал со мной.

Топорков. От государя много сокрыто было приближенными советниками, о вольнодумстве сокрыто было.

Годунов. О вольнодумстве ученика Артемия Порфирия я государю донес, как узнал от попа Симеона из Благовещенского собора.

Симеон. Поделился со мной Порфирий по богословским вопросам. О Писании говорил недобро да хвалил Артемия.

Иван. Поздно я о том узнал. Ныне понимаю: все Порфирьевы ученые слабости надо примечать за Артемием. Прежде я, Артемий, видел в тебе всякие духовные пользы, однако ныне вижу: не тот ты человек, хоть и ученый. Ушел ты назад, но сохранил бы еще мое расположение, ежели б не самовольно. Знаешь ведь, здесь назначено было заседание Церковного Собора, и тебя назначили одним из судей над еретиками.

Артемий. Государь, меня призвали судить еретиков, а еретиков нету.

Иван. Как же - еретиков нету?! А Башкин?

Артемий. Не еретик он, государь, дурно учен, да и только!

Дионисий. Старец Артемий, ты вольнодумно поступил, добровольно сняв с себя игуменство и удалившись в Нилову Пустынь с другом Порфирием. Вызван ныне на Собор, чтоб при допросе Башкина спорить с ним, с еретиком, а ты от тех побуждений уклоняешься.

Артемий. То не мое дело. Не потому я ушел, и не потому меня вернули.

Рязанский архиепископ Кассиян. Уклоняется! Предать его самого соборному суду за самовольную отлучку!

Сукин. Благовещенский протопоп Симеон близок к Артемию. Пусть скажет о его поступке!

Дионисий. Скажи, Симеон!

Симеон. Артемий покинул Москву самовольно, ничего не сообщив, и направился в Порфирьеву Пустынь.

Дионисий. В Нилову Пустынь!

Симеон. То есть, в Нилову Пустынь. То - козырь в руках врагов. Непотребно было так делать, Артемий, чтоб враги тебя обвинили в бегстве из-за страха перед расправой.

Артемий. Напрасно ты, отец Симеон, обороняясь, облил меня. Я убежал от наветствующих на меня.

Дионисий. Кто те наветствующие?

Артемий. Которые меня с государем поссорить желали.

Топорков. Государь обвинил Башкина в ереси и велел его пытать. Ты признаешь Башкина еретиком?

Артемий. Сказал уже: не еретик он, делает ребячество.

Щелканов. Как же Матвей не еретик, когда он написал молитву Единому Началу, Богу-отцу, а Сына и Святого Духа оставил?

Артемий. Нечего ему, Башкину, врать, такая молитва готова - молитва Манасия Вседержителю.

Дионисий. То было до Христова пришествия, а теперь кто напишет к Единому Началу - тот еретик!

Суздальский архиепископ Афанасий. Ты виноват, кайся!

Артемий. Мне нечего каяться! Я верю в единую сущую Троицу!

Афанасий. Сей ответ есть тебе обвинение!

Топорков. Явился доносчик на Артемия, игумен Феррапонтова монастыря Пекторий.

Пекторий (*кланяется*). Он, Артемий, ел рыбу в постные дни!

Артемий. Я ел рыбу, когда мне приходилось бывать у христороубцев.

Дионисий. То ты чинил не горазд, то тебе вина. Значит, ты сам, вопреки Божественному уставу и освященным правилам, разрешил себе порушить пост, и на тебя смотрят люди и соблазняются! Признавайся, что оскоромился!

Артемий. Что оскоромился - признаю. Оскоромился на Вседержителей день, когда ел рыбу у царя за столом.

Сукин. Про царя брешешь!

Артемий. Некоторые на меня клепают, а я правду говорю.

Пекторий. Артемий ездил из Псково-Печерского монастыря в Немецкий городок, говорил там с немецким князем и хвалил там немецкую веру.

Дионисий. Было то? Далеко ли ездил?

Артемий. Печерский монастырь - в 50-ти верстах от Ливонии. Ездил в ливонский город Нейгауз, где хотел вести диспут с каким-либо книжным человеком.

Сурский и Подольский архиепископ Савва. Про что диспут?

Артемий. Я спрашивал, не найдется ли у немца человека, который бы говорил со мной книгами. Хотелось бы узнать: у них христианский закон таков ли, как у нас. Но мне не указали тогда такого книжного человека.

Иван. А зачем тебе его? Сам ведаешь, что наша вера греческого закона - сущая православная вера, а латынская вера святыми отцами отречена и проклятию предана. То ты чинил не горазд, то тебе вина.

Пекторий. Обвиняя Артемия еще в разных богохульствах, ссылаюсь на старцев Ниловой пустыни.

Дионисий (*смотрит бумаги*). Старцы обвинений не подтвердили.

Сукин. Они там все заодно, то есть недостойные.

Пекторий. Говорил о Троице не гораздо. Дел новгородских еретиков не проклинает. Потаковник еретиков.

Никандр. Одно и ясно - латынь хвалит, в Нейгауз ездил и там веру их восхвалял.

Артемий. Говорил: ездил диспут вести про христианский закон и римский закон.

Топорков. Однажды не покаялся, когда полагалось - вот и лютерская ересь.

Пекторий. Осуждение за то!

Артемий. Пекторий на меня клепает!

Иов. Говорил хулу о крестном знамении! То троицкие старцы слыхали.

Артемий. Не признаю. Пусть скажут, что говорил.

Иов. Артемий произносил такие слова: «Нет в том ничего, чтоб положить на себя крестное знамение. Прежде клали на челе иное знамение, а ныне больше крест кладут. На Соборе о крестном знамении толковали, да ни о чем не порешили». Так говорил.

Артемий. Я только говорил о Соборе, что на нем ничего не порешили о крестном, а про самое крестное так не говорил.

Дионисий. Ты сам сознаешься, что говорил о Соборе, стало быть, и то говорил, что в крестном знамении нет ничего. Надобно поверить Иову. То тебе вина. Признаешь?

Артемий. Не признаю. В судоговорении не записано, что я говорил, а лишь, как меня враг понимает.

Иов. Троицкий келарь Андриан Ангелов!

Ангелов. Обвинение Артемию: говорил, что петь панихиды по умершим не надо.

Дионисий. Где говорил?

Ангелов. Артемий в Корниловом монастыре говорил, как туда ехал: «Нет помощи умершим, когда по ним поют панихиду и служат обедню. Бог не принимает за них прошение, нет пользы от того, тем и не избавишься от муки.»

Дионисий. Правда ли так говорил?

Артемий. Мое мнение лишь было о пении панихиды по грабителям и развратникам.

Иван (гневно). А у них что, не христианская душа?! Где ж прощенье христианское?

Дионисий. То ты говорил не гораздо. Значит, ты отсекал у грешников надежду спасения и уподобился Агию. Надобно верить во всем Андриану Ангелову. То тебе вина. Обвинение доказано.

Иов. Троицкий старец Игнатий Курчев хочет сказать.

Курчев. Не гораздо говорил про канон и акафист Иисусу.

Дионисий. Как говорил?

Курчев. Артемий говорил про Иисуса в каноне: «Такой Иисус не надобен», и про Акафист Богородицы говорил: «"Радуйся" да и "радуйся", а более ничего петь непотребно».

Артемий. Клепает. Не то я говорил, или не понял он.

Дионисий. А как ты говорил?

Артемий. Я говорил так: в каноне читают Иисуса сладчайшим, а как услышат Слово Иисусово и о его заповедях, как Иисус велел пребывать и какое житье вести. так горько им делается заповеди Иисусовы исполнить. А про Акафист я так говорил: читают: "Радуйся" да "Радуйся, чистая", а сами не радят о чистоте и пребывают в празднословии, стало быть, только наружный обычай исполняют, а не истинный.

Дионисий. То ты говорил не гораздо. Ты про Иисусов канон говорил развратную хулу. Всякому христианину подобает Иисусов канон и Акафист Пречистой Богородицы держать и честно молиться всякий день, сколько достанется. Обвинение доказано.

Топорков. Кириллов игумен Семен пришел с доносом.

Игумен Семен. Как поймали Матвея Башкина в ереси, сказал: «Не ведаю того, что ересь. Сожгли Курицына и Рукавого, а нынче того не ведаю, за что их сожгли.»

Дионисий. Говорил то?

Артемий. Того не говорил. О чем игумен Семен сообщает, не понял.

Архиепископ Тверской Акакий. И я не понял. Ясней скажи, игумен Симеон!

Игумен Симеон. Когда Матвея Башкина поймали, Артемий был в Кирилловом монастыре. Я ему сказал о том, он мне отвечает: «Не знаю, что за ереси. Вот сожгли Курицына и Рукавого, а до сих пор сами не знают, за что сожгли.»

Дионисий. Так говорил?

Артемий. Не могу вспомнить, был ли разговор о новгородских еретиках, не на моей памяти сожгли их, и точно я не знаю, за что их сожгли. Может быть, я так и сказал, но я не говорил, что другие того не знают, а говорил только про себя одного.

Дионисий. Кирилловский старец Никодим Брутов подтверждает показания игумена Симеона.

Брутов. Показания подтверждаю. *(Крестится.)*

Артемий. Брутову обещали место архиепископа Смоленского, вот он на меня и клепает.

Дионисий. Обвинение доказано.

Артемий. Говорил о том, наверно, что сам не знаю, за что казнили еретиков, а не о том, что казвившим то было неизвестно.

Массаил Сукин. Хорошо хоть, признал наличие еретиков, а то ведь говорил - нет их!

Игумен Семен. Говорил он, Артемий, духовному отцу и о блудных грехах своих перед назначением своим на игуменский пост, а от Собора то скрыл, когда назначали в Троицкий монастырь,

Троицкий игумен Иов. При нем, Артемии, ни одного земельного вклада, купли земли, мены не было сделано. Троицкие монахи выступают против такого игумена, как Артемий.

Артемий. Христово Имя честнее всякого богатства. Тлен и славы, и богатства проповедуют Святые в посланиях, проповедуют и милосердие к бедным.

Никандр. Так и еретик Башкин говорит!

Дионисий. Сделать ему очную ставку с Башкиным!

(Вводят Башкина, он весь в крови.)

Артемий (*Глядя со страхом на Башкина*). Матюшка Башкин, велят мне с тобой книгами говорить, да слышал я, что на меня от тебя, Матвея, будто слово есть, да и не ведают, как быть, Матвей; будто говорил о поддержке заволжских старцев.

Иван. Бельский, дал Матвей Башкин показания под пыткой? **Бельский**. Дал, государь! Еретик вначале чуть не лишился ума, язык извесил, непотребно и нестройно глаголил на многие гласы, а потом в разум пришел и сказал нужное, по мучениям злую свою ересь почал исповедовать.

Иван. Что сказал?

Бельский. В расспросе показал: злое учение принял от литвы, точнее, от литовцев аптекарей Матюшки и Андрюшки Фетяевых. Матюшку и Андрюшку повелел, чтоб были окованы, короля Батория слуги.

Архиепископ суздальский Афанасий. Пытается Башкин посторонним влиянием смягчить приговор. Что сам про себя скажет?

Бельский. Говори, Башкин! (*Дергает Башкина за волосы.*)

Башкин (*хрипло*). Заволжские старцы моей злобы не хулили и убеждали меня в том, и Артемий мне сочувствовал.

Пекторий. Башкин с Артемием советовался!

Акакий. Государь, есифляне по-всякому стараются обвинить старца Артемия!

Иван. Пусть защищает себя, ежели может! Он вообще считает, что ныне еретиков нет! А Башкин? Башкина признаешь ли теперь еретиком?

Артемий. Башкина слова - ребячество, а не еретизм. Книги он без ума читал.

Никандр. Он, Башкин, молитву к Единому Началу Бога-отца единого написал, а Сына и Святого Духа оставил. Пусть прочтет молитву!

Бельский (*дергает Башкина за бороду*). Читай молитву!

Башкин (*хрипло*). Верую во Отца, Сына и Святого Духа и преклоняюсь образу Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Пречистой Богородицы и великим Чудотворцам и всем святым, на иконе написанным. (*Плачет.*)

Иов (*сердито*). Не ту молитву вычитаешь! Читай, жидовствующий, молитву, тобой написанную!

Башкин. Ту запомятовал. (*Плачет.*)

Топорков. Что ж, старец Артемий, все не веришь, что Башкин - еретик? Молитву жидовствующих написал!

Артемий. Такая молитва Манасия уже имеется в Священном писании, и в ней ничего еретичного нет.

Иов. По твоим словам, выходит, жидовствующие - не еретики?!

Артемий. Я про Манасиеву молитву говорю.

Сукин. Виновен ты?

Артемий. Нет, на меня все лгали. Я в своем деле стоек, и других также призываю к стойкости.

Топорков. Кого других? Соумышленников?

Артемий. Других, дела которых разбирают. Тебе, Башкин, что сказал на меня, прощаю. Стойко переноси гонения. Гонители лицемерствуют ложными приметам. Ежели нас осудят и проклянут, то нам, как православным христианам, никакой беды не будет, ибо мы никогда не говорили и не сомневались в существовании Троицы, яко лгут на нас. Мужайтесь! Нас не отечески, братски, желая исправить, вопрошают, но яко волки, овчиною прикрывшись, ищут нечто и уповают от уст наших для утверждения своего за правое дело гонения. Яко древние мучители, неправду пишут, лжесвидетелей покупают. Правда не на стороне мучителей, а истязаемых за веру.

Дионисий. Речь тебя твоя же и выдает. Ученик тебе Порфирий?

Артемий. Не ученик. Жили мы с ним в одной пустыне.

Дионисий. Пишите: запирается в ересях.

Топорков. На соборный суд вызваны соловецкий старец Иосиф и старцы Ниловой пустыни Тихон, Дорофей и Христофор.

(*Входят старцы.*)

Дионисий. Старцы, известны ли вам хулы Артемия?

Иосиф. Никакой хулы Артемия нам не известно.

Христофор. То наветник Никодим-старец говорит.

Дионисий. Где старец Никодим?

Топорков. За глубокой престаростью приехать не мог.

Феодорит. Согласники то!

Христофор. Ты - согласник порочный! Поглядите на него: сам же, лет 30-ти от роду, человек крепкого и тучного сложения с красным лицом. Не желая казаться преданным чреву, окуривает свое обличие серным дымом для сообщения ему бледности. В таком виде является народу.

Феодорит. Врешь ты, старик жидовствующий!

Тихон. Артемия надобно опять в настоятели, он в истинного Христа верит! *(Кашляет.)*

Дионисий. Идите, старцы, вы боле не надобны.

Архиепископ тверской Акакий. О богословских ересьях, может, Артемий и лишнее сказал, а настоятель был добрый.

Сукин. Лишнее сказал?! Он всех чудотворцев, верующих в Христа, похулил! «Святой Николай - простой муж», - так Артемий говорил.

Дионисий. Говорил так?

Артемий. Говорил.

Дионисий. А как же чудо в соборе Николы Гастунского, не далее третьего дня происшедшее, чудесное исцеление тульского дворянина Григория Сухотина? Тем он самых богохульных еретиков зло посрамивши. Народ о сей день на коленях стоит перед собором!

Артемий. Я то не видел, говорить о том не буду. Знаю лишь - все нынешние чудотворения неправедны.

Иов. А что ж праведно? Имущество следует раздавать неимущим беднякам и пьяницам, рабам темным, а самим по миру идти?! Так ты, да еретик Башкин, да еретик Федосий Косой, да иные некоторые говорят. То ли праведно? Таким образом и к отрицанию монастыря, а затем и религии придти можно!

Артемий. Раб, аки и господин - Божьи рабы. Надобно строго исполнять заповеди, чтобы осознать Бога и, главное - любовь к Богу через любовь к близким. Соблюдение сей заповеди есть истинное церкви Христовой украшение. Без исполнения сей заповеди не может нам помочь ни вера правая, ни пост, ни молитвы, ни пение высокогласное, ни видимое, мнимое благочестие.

Архиепископ рязанский Кассиан. В пост, выходит, ты не веришь? Сам-то как к посту?

Артемий. Не питание - царство Божье, но правда, и мир, и радость о Духе Святом.

Дионисий. И в чудеса не веришь? Народ верит в писание, ты, пастырь - нет!

Артемий. Многие веруют не так, как требует того писание, они веруют из-за чудес. Вера же истинная от Святого писания, а не от чудес познается.

Архиепископ сурский и подольский Савва. А почитание мощей святых?

Артемий. Где писано - телеса нетленны? Сии мертвецы и чудеса - на соблазн. Только тот разум истинен, который от Священного писания, от веры рождает в нас страх Божий.

Топорков. Сказано о таких, как Артемий: не чти много книг, да не впадешь в ересь! *(Смех.)*

Артемий. Книги великую силу в себе имеют, а ересь - когда не понимают разумом Божественных писаний, и потому ложное писание признают.

Иван. А как понять разум?

Артемий. Никто не рождается с разумом. Разум приобретается учением.

Иван. Которым учением? Есть ведь и ложные учения! Как с ними быть?

Артемий. К ложным учениям надобно относиться с разумом, но кротостью.

Иван. Даже и еретиков не надо преследовать, и относиться к ним с кротостью?

Артемий. Даже и еретиков надо жалеть. Так по-христиански.

Иван. Ты - проповедник, старец Артемий, я же оскудел духовными наставниками. Хочу подпитать царствующую свою душу. Какова должна быть моя политика?

Артемий. Правда и кротость - вот политика царя. Царь должен исполнять заповеди Господни и смирить себя.

Иван. Иначе, отказаться от самодержавства, данного Богом, и подчиниться таким вот попам? В том правда Божия, чтоб верх взяли бунтари и погубили землю нашу Русскую? И ты, Башкин, так мыслишь?

Башкин. Государь, я напротив того, чтоб отцы церкви себе все дела написали, и царские, и святительские, я - за самодержавство царя.

Иван. То спасибо тебе, Башкин, от казны. Посадить еретика в подклеть под мои царские дворы, да смотреть его житье, сиречь сделать следствие Герасиму Лешкову и Филофею Полеву.

Артемий. Оба - иосифляне, враги вольномыслия. Как они досмотрят, ясно заранее.

Иван. Тебе, старец Артемий, за прошлые заслуги я сам следствие сделаю. Казнь старцу отменить!

Дионисий. Надо бы отлучить от церкви и доставить в Волоколамский монастырь на пожизненное заключение. Ересь доказана!

Иван. Отправить в Соловецкий монастырь на вечное заточение, однако дело потом досмотреть.

Артемий. Кланяюсь тебе, государь, за милость твою!

Иван. Брежут на меня, что я излишне крут. Я всегда считал наказание не как возмездие, а как исправление, такой закон всегда признавал. Ты какой закон признаешь?

Артемий. Сначала - закон естества, потом - закон Моисеев, потом - христианский. Так нас Учитель учил, сам Иисус Христос.

Топорков. То - еретиков размышления. Ты, государь, добр сердцем, однако еретики неисправимы. Кто впал в ересь, тот уж дьяволов.

Артемий. Моя идея - постигать Священное писание разумом. Разве она еретична?

Топорков. Которым разумом? Развращенным, тем, что подрывает государев и церковный порядок да готовит почву бунтарям, таким как Башкин, да еще хуже, как Федосий Косой?

Дионисий. Еретиков увести. *(Артемия и Башкина уводят.)* После Артемия и Башкина надобно искоренение ереси Федосия Косого учинить. Нынешний суд окончен.

(Царь Иван уходит. Все расходятся)

Занавес

Сцена 118

Успенский Собор. Заседание Соборного суда.

Дионисий. Начинаю дело еретика Федосия Косого. Федосий Косой, москвич, холоп одного из царских слуг.

Никандр. Которого? Не от хозяина ли ересь принял?

Дионисий. Раб единого из честных слуг царевых, имя того хозяина называть не буду. Федосий бежал из холопства в Белозерье, постригся в монахи, на Белозерье - ученик Артемия. Вместе с Артемием проповедовал монах Савва, человек ученый. Он уже сослан в Суздаль, в Спасско-Ефимовский монастырь. Привезенный также во время дела старца Артемия из белозерских монастырей, монах Феодосий Косой с несколькими товарищами обвинен в еретических мнениях.

Иов. Федосий Косой обвинен не впервой!

Дионисий. Не впервой. Когда в первый раз бежал, то доставили в Москву и поместили в монастырь, но ему удалось бежать. Сторожа ослабили надзор.

Топорков. Слышал я - сей дьявол Федосий Косой сторожей соблазнил неверием и огорчение на прочих рабов сотворял.

Дионисий. Истинно так. Их посадили под стражу в одном из московских монастырей, но Косой кознями склонил на свою сторону сторожей и бежал со товарищами. Нашел себе убежище в Литве. Женился там на еврейке и продолжал проповедовать ересь с большим успехом, тем более что в литовско-русских владениях распространяемо с Запада арианское мнение. Ныне же вновь пришел из Литвы для проповеди бунта.

Годунов. Ныне в селах и волостях, особенно в местах разоренных, страшнейший голод. Тысячи и тысячи умирают. Учение Косого со товарищи в сих условиях особенно опасно.

Иван. Как же пробрались, ежели кругом заставы?

Бельский. Государь, по пути через Псков, Торжок, Великие Луки скрывались под чужими именами, смущали народ. В Великих Луках поймали и привезли в Москву Федосия да его ученика Фому.

Архиепископ тверской Акакий. Кто обличает Косого?

Дионисий. Главный обличитель против Косого - монах Зиновий, чернец небольшого монастыря в 50-ти верстах от Новгорода.

Топорков. Знаю я тот монастырь. Монах Зиновий после заточения Максима Грека сослан туда, ибо был сам близок к еретикам.

Дионисий. Истинно, Зиновий Отинский был близок к еретикам, близко знал Федосия Косого, но ныне покался и речами, а также писаниями на еретиков, хочет поднять свою благонадежность. *(Вводят Косого и Фому в оковах. Одновременно входит Зиновий Отинский, кланяется.)*

Никандр. Еретики все из Белозерья?

Дионисий. Постриглись в одном из белозерских монастырей, потом переехали в более южный, Новоозерский монастырь. *(К Зиновию.)* Знаешь ли ты Федосия Косого? Скажи о том публично суду, готов ли дать показания?

Зиновий. Митрополит Дионисий Всея Руси, сочинение мое против ереси - истинное показание, а устно скажу - то Федосий Косой, раб, убежавший от своего господина на господском коне и захвативший с собой одежду и еще кое-какие вещи.

Архиепископ рязанский Кассиан. Сиречь украл у хозяина имущество?

Косой. Зиновий лжет! Сам хозяин меня почитал и в мое учение верил. То было не воровство, а вознаграждение, которое следовало мне за мое служение господину.

Дионисий. Ты, Федосий, лжешь и клеветешь на честного царского слугу.

Архиепископ Ростовский Никандр. Кто все ж тот царский слуга?

Дионисий. Речь о боярине, князе и воеводе Иване Петровиче Шуйском, оборонителе Пскова. Перед судом он быть не может, ибо ныне в Пскове с царскими поручениями. Клевете же еретика и бунтаря отвечать непотребно. Монах Зиновий, скажи, что знаешь про Косого.

Зиновий. Что Федосий Косой постригся после побега в одном из монастырей Белозерья - то правда, а что своим умом приобрел великое уважение, и даже прежний господин, узнав его, относился к нему с приятностью - то ложь.

Дионисий. Скажи про проповеди Косого.

Зиновий. Он отвергал Святую Троицу, божественность Иисуса Христа, считая его только богоугодным человеком, посланником свыше.

Дионисий. Так ли, Федосий Косой? Растолкуй свое понимание суду!

Федосий. Вы толкуете, что Бог создал Адама, а обновить и исправить сие создание пришел Сын Божий и воплотился. Зачем ему приходиться в плоть? Ежели всемогущий Бог все создал своим словом, то словом же мог обновить образ и подобие и без очеловечивания.

Архиепископ Тверской Акакий. Христос был послан, ибо произошло обветшание образа Божьего в человеке.

Косой. Никакого обветшания и падения в человеке не было.

Зиновий. Как же не было? На себя погляди да на прочих бунтарей! Дело человека - послушание, особенно церкви и царской власти! Против еретиков же казни надобны, бедных лишь возбудить хотят против власти, а помочь им - отвергают. Бедняки, по его - нищие псы, им не следует помогать.

Косой. Лжешь, не то я говорил! Я говорил - лучше не грабить, чем давать милостыню!

Зиновий. Косой не велит подчиняться родителям, называет их псами, не верит в Бога.

Дионисий. Так ли, Федосий Косой?

Косой. Про неподчинение родителям - лжет! Я сказал - подчиняться надо лишь праведным родителям. Един Бог сотворил Землю, нет в законе Троицы, кроме Единого Бога! В него, единого, я верю. Народу непонятна Троица!

Иван. Как же ты, еретик, не знаешь! Троица - защитница псковичей, да с Троицей был отброшен Батерий и город защищен от недруга!

Косой. Ежели Троица защитила от польского короля, то отчего не защитила от иных бед? Видишь, яко в городе, нарицаемом Псковом, и во всех российских городах корчевницы и блудницы? Защитила ли от них Троица?! А многие крестьяне бежали из деревень в города, но и там гибнут от голода, опухши, помирают! А оставшиеся в селах траву яко скоты едят и кору от деревьев! Защитила от того Троица?

Дионисий. Разве Святая Троица виновата в блуде и гладе, не грехи ли наши? Как же ты Троицу отрицаешь?

Косой. Отрицаю Троицу, чту одного Бога. Христа рассматриваю простым человеком, ибо он родился от девы, а дева та - человек.

Акакий. За что ж ты стоишь?

Косой. Я стою за естество природы.

Иван. Ежели ты - за естество природы, то знаешь ли ты слово о троичности и единстве?

Косой. Того слова не знаю, скажи, царь, то буду знать.

Иван. Уж говорил и повторю: все в человеке и звере троично. Все имеет первое - конец, второе - сердце, и третье - снова конец. В природе явление тройственное: первое - солнце, второе - луна, третье - звезды. Первое - ветры, второе - гром, третье - молния. В водном же естестве первое - жидкость, второе - студень, третье - мокроты. Из трех частей состоит дерево - корень, сердцевина и ветви. Сим естеством троичен и человек: в его уме, и слове, и душе.

Косой. Таковые идеи не христианские, а языческие, пифагорейские - повсюду математику искать. Троица - пифагорейское язычество.

Топорков. Истинных христиан ты, еретик, в язычестве упрекаешь?! Он, еретик, говорит, что и крещение может быть лишь в случае обрезания, а ежели обрезания нет, то нечего и креститься.

Дионисий. Так ли мыслишь?

Косой. Так Христос мыслил. С апостола же Павла мыслят по-иному.

Топорков. Ты, Федосий, в Литве арианином стал, развращен душой, лютерством развращен.

Сукин. Федосий - еретик-лютер, против иконопочитания. Учит образу Христа не поклоняться!

Дионисий. Фома, и ты мыслишь как Косой об иконах?

Фома. В евангельских богословских и пророческих писаниях ничего не написано об иконах.

Иов. А воскресение мертвых?

Фома. Нет воскресения мертвых!

Никандр. Даже и честного воскресения не веришь?

Фома. Не видав и не разумевав, как верить?

Топорков. Еретик отрицает чудо. То не неверие, то - иноверие, иудаизм, магометанство, лютерство!

Дионисий. Ересь - умственное смущение, от новгородских ересей идущее. Занесена с Запада от Литвы и Ливонии, возникла под влиянием западного вольномыслия и развилась под влиянием вольнодумства домашнего.

Архиепископ Суздальский Афанасий. У Федосия Косого полное сходство с социанами-унитариями. В Литве от стал протестантом.

Сукин. На жидовке женился!

Дионисий. Надо бы приступить к вопросам по заведенному порядку. У кого из судей вопросы?

Афанасий. Как мыслишь - человек Божье ли создание?

Косой. Человек, как и животные, птицы и рыбы, Божье создание. Человек создан смертным, как и другие животные - рыбы, гады, птицы, звери.

Архиепископ Сурский и Подольский Савва. Таковым был человек до пришествия Христа!

Косой. Как до пришествия Христа, так и после пришествия человек все был одним человеком - также рождался, пользовался здоровьем, подвергался неудачам, умирал и истлевал.

Дионисий. А разве, послав своего сына, Бог не помог тем грешному человеку?

Косой. Ежели б Бог захотел помочь человеку, зачем нужно было воплотиться Сыну Божьему, и почему Бог не ниспослал кого-либо другого в помощь человеку?

Иван. Бог поручал обновить свой образ Сыну, сиречь себе самому троичному. Ведь и царь поручает обновить свое изображение умелому художнику.

Косой. Бог и сам свой образ мог бы обновить, без воплощения. Все создано словом, он мог бы и человека обновить словом. Почему он захотел появиться во плоти? Разве мог Бог от женщины родиться, как обычный человек? Странно и тяжело слышать про Бога, пребывающего во чреве женском.

Афанасий. То - арианство или вовсе безбожие!

Дионисий. Чрево его, Божье! Кто ж работает для чрева своего - отвергает Бога! Кого гложет сей материальный недуг, так или иначе погибнет.

Савва. Еретики не верят в Бога, потому что отрицают создание Богом и Земли, и всего живущего на ней. Все, еретики считают, рождено самобытно, из воздуха.

Дионисий. Так ли, от воздуха все рождено?

Косой. Все, кроме души. Душа - Божья, иное - от воздуха. От воздуха родоначалие в быте, от воздушных туч, и жита, и попель. На безводной земле после многого дождя рыбы явились.

Топорков. Выходит, мир безначален?

Косой. Мир безначален и извечен. Родовое приходит и уходит, Земля же и Небеса стоят.

Иван. А душа бессмертна ли?

Косой. Как ей восстать без плоти? Как восстать плоти и костям? Иной умер на пути, и плоть и кости растерзали звери и птицы, разнесли сии телеса.

Дионисий. И Христос плотью восстать не может, и у Христа плоть тленна?

Косой. Апостол Петр говорил о сотворении Христа, а не о рождении его. Он сотворен был Христом после рождения. Апостол Павел говорит о Христе как о человеке. Он обладал духовным разумом, то делало его сыном Божиим, устами которого говорил сам Бог.

Архиепископ Тверской Акакий. В чем же истина?

Косой. В Писании истина.

Сукин. В котором писании? В еврейском Ветхом Завете?

Косой. Писание едино, однако, в монастырях не дают читать и таят от людей. Ветхим Заветом при церковной службе пользуются мало, в Соловецком монастыре и Псалтыря не дают. В Соловецком монастырском уставе из казны выдавати некому, никому не держати по кельям, кроме игуменов.

Архиепископ Коломенский Федосий. Признаешь ли ты святочную литературу?

Косой. Из святочной литературы признаю лишь постническую книгу Василия Великого да Иоанна Златоуста, а в суждениях о монастырях, монастырских землях ближе всего мне старец Максим Грек.

Сукин. Тот, что земли отнимал у монастырей?

Косой. Монастыри - человеческое изобретение. Ни в Евангелии, ни в Апостольских сочинениях нет о монастыре ни слова.

Топорков. То плотское мудрствование!

Косой. Плотское мудрствование господствует у наших игуменов да епископов. Они повелевают не есть мяса, вопреки словам Христа «не входящее в уста оскверняет человека», они запрещают жениться прямо против слов Апостола, который заранее называет «сожженной совестью» тех, кто будет возбранять жениться и требовать удаляться от разной пищи. Они знают только пение да каноны, чего в Евангелии не показано творить. Отвергают любовь христианскую. Нет в них духа кротости. Они не дают узнать нам истину, а гонят нас, запирают в тюрьмы.

Никандр. В тюрьме тебе и место. После сей еретичной речи вполне понятно, отчего Косой называл иконы идолами и давал о них разные изречения Ветхого Завета, направленные против богослужения, вооружался против поклонения мощам и по сему поводу лживо указывал на Антония Великого, который порицал не христианский, а египетский обычай сохранять тела мертвых.

Иван. Федосий Косой, вижу, читал ты множество книг. Почитаешь ли ты послание Апостола Павла к евреям, где многое, тобой сказанное, опровергается?

Косой. То послание не апостолом Павлом сочинено, а иным Павлом. Его я не приемлю и не почитаю.

Архиепископ Коломенский Федосий. Почитаешь ли церковные правила?

Косой. Церковных правил нет в Евангелии, а Апостолы - то человеческие предания.

Федосий. Церковные обряды, таинство крещения, посты и иное ты называешь человеческими преданиями?

Косой. Человеком кумирни созданы. Златоуст говорит - церковь не в степени верных сборы, а и вне стен собираться можно.

Дионисий. Повтори, что говорил об иконах.

Косой. Иконы - идолы, им не надо преклоняться. Очи их писаны, и уши, и ноздри, и уста, и руки, и ноги. Раскрашены и прикреплены к стене, аки идолы.

Архиепископ Тверской Акакий. Где сие читал?

Косой. Читал послание пророка Иеремии о серебряных богах в Вавилоне.

Никандр. Святой крест почитаешь ли?

Косой. Крест, как и всякое дерево, святости не имеет. Ежели кто убьет чьего-либо сына палицей, ведь не будет же отец убитого любить ту палицу! От даже возненавидит того, кто любит и целует ту палицу. Так и Бог ненавидит крест, ибо на нем убит сын его, и гневается на тех, кто крест почитает.

Иван. Сам Христос говорит своим ученикам: «взятый на плечи крест».

Косой. Когда Христос говорил своим ученикам «взятый на плечи крест», он имел в виду не тот крест, на котором был распят, он говорил о тяжести грехов, совершаемых людьми.

Сукин. Ты, жидовствующий, женатый на жидовке, требуешь от крещеных обрезания, да еще и упрекаешь грехами! Ты против крещения и причащения.

Косой. Как и ранние христиане, как сам Христос и его апостолы были обрезаны, так должны быть обрезаны и крещеные.

Топорков. Ты, еретик, требуешь от нас, православных, жидовского обрезания, в чудеса же наших православных икон не веришь!

Косой. Никаких чудес от икон не бывает. После апостолов не может быть чудес и пророчеств.

Топорков (кричит). Пытать его, еретика, надобно, а потом сжечь в деревянной клетке!

Косой. В Евангелии не велено мучить даже неправедных. Господь сам указывает о том в притче о плевелах. А вы нас гоните за истину.

Дионисий. Кто тебя гонит за истину?

Косой. Попы и лицемеры, и фарисеи, любящие праздную жизнь и богатство.

Архиепископ Суздальский Афанасий. Ты, Федосий Косой, да твои товарищи вообразили, что имеете у себя истину.

Фома. Ежели истина не у нас, отчего у нас покаяния не принимаете от тех, кто хотел бы покаяться?

Топорков. Вы - еретики, а не отступники и не грешники. Грехи ваши велики.

Косой. Нет грехов малых и больших, все едины.

Фома. Заповеди милования даны ко всем грешникам.

Никандр. Вы - бунтари, отказываетесь служить царю и отечеству.

Косой. Человеку служение не подобает, хотя бы и царю.

Архиепископ Коломенский Федосий. Он не только против христианских законов, но и государственный законнебрежник. Как разбойник и изменник судим и равно гоним должен быть.

Сукин. На жидовке литовской женился, отсюда и иное.

Косой. Все равны у Бога: и татары, и немцы, и евреи, и прочие языцы. Все верят во всех землях одинаково: ближнего люби - вот вера.

Иван. Православная церковь особая. Река Мста, как православная церковь, себе течет. А река Плотница, Мстица и Глиница особо текут.

Косой. Во всех тех реках вода одна и та же. Так и ранние христиане думали.

Иван. Более с ним говорить не о чем. Запереть крепко, чтоб на сей раз не сбежал. Ты, Федосий, упрекаешь нас, что мы ради чистоты отечества нашего и веры нашей ересь твою уничтожить хотим. То наше право - отечество и веру беречь.

Косой. Не упрекаю. Упрекать не следует даже и мучителей. *(Федосия Косого и Фому уводят.)*

Архиепископ Коломенский Федосий. Ересь лукавого Федосия Косого, обновляющая немецкое злословие мартыновской ереси - вот откуда она.

Архиепископ Ростовский Никандр. Не похоже на лютерство, хуже. От новгородской ереси идет, то истинное жидовство.

Архиепископ Тверской Акакий. Отец Дионисий, о конце мира надобно от Соборного суда разъяснить, чтоб священники знали, что прихожанам по церквам говорить, ибо новый век наступил - конца не видно.

Дионисий. Говорите - понятие «век» неопределенно. Календарные расчеты не могут раскрыть премудрости Бога.

Сурский и Подольский архиепископ Савва. Про Крестный ход разъясни. При Крестном ходе в иных местах ходят вокруг храма от запада на восток, а не по солнцу - от востока на запад по солнцу.

Архиепископ Рязанский Кассиан. В книжках на сей счет ответ уклончив и темен. С древних времен был тот спор, и по сей день не решен. А где что не решено - там еретики пользуются.

Дионисий. Солнце праведное Христос на ад наступил и смерть связал, и души освободил. Оттого и ходить по солнцу.

Архиепископ Тверской Акакий. Дело об усугублении надобно решить, спор об «Аллилуйе». Следует ли на Всенощной петь *(поет):* «Аллилуйя, аллилуйя, слава тебе Божья, аллилуйя, слава тебе, Господи»?

Иван. «Аллилуйя» - это не «Слава тебе, Боже», а «Хвалите Господа». Надо повсюду исправить сей неточный перевод.

Никандр. Иные и четвертят Троицу, то ересь и разброд. Надобно и на рынке запретить продавать съестные припасы нарушающим порядок, говоря четверящим али сугубящим. Сугубящие заимствовали от латын то сугубление.

Дионисий. Сей давний спор начался во Пскове, перешел в Новгород. Еще новгородский архиепископ Геннадий принимал участие. Ныне же поручено переводчикам посольского приказа узнать, действительно ли в западной церкви двоят «Аллилуйю».

Щелканов. Ответ переводчик привез уж некоторое время, да не говорил я, мыслил, дела есть поважнее.

Топорков. Нет важнее дел, чем соблюдение обряда!

Щелканов. По внушению западной церкви все равно, что двоить, что троить «Аллилуйю».

Топорков. То у них так, латын, у нас же, православных, образ един должен быть, иначе начнется ересь и шатание.

Дионисий. Я с тем согласен. Иной раз с мелких дел великие шатания начинаются. Государь, большие еретики минули. Мелких же еретиков дела слушать не закрыто, а при стечении народа, на площади Пожар в Китай-городе.

Иван. Слушать открыто, а иных тут же, при народе, и наказывать. На сем и решим. *(Встает и уходит. Все расходятся.)*

Занавес

Сцена 119

Москва. Площадь Пожар в Китай-городе переполнена народом.

1-й. Уж скоро еретиков приволочь должны.

2-й. Где ж их, еретиков, содержат?

3-й. Содержат в темнице Чудова монастыря.

4-й. Нет, царь велел в подклетье еретиков держать, пока сыщут с них.

1-й. Слышал, главный еретик мигом язык свой до долу свесил, как мучим был, и кричал на разные гласы, и по мучении злую свою ересь начал исповедовать, и велел митрополит писать его богохульные слова и ереси.

Женщина. Что сказал еретик?

1-й. Чудотворцев хотел посрамить. «Нет, - говорит, - на Руси чудотворцев». А Никола-чудотворец в храме своем, у своего образа, простил сына боярского, расслабленного руками и ногами, тулянина Григория Сухотина.

Женщина. Истинно так. На молебне в один час стал здоров, яко же ничем вредим, и протопоп никольский Амос того Григория прощенного привел к митрополиту и царю, и увидел от самого прощения чудо, сбывшееся от Бога и прославившее Бога, истинного Христа и угодника его Николу. *(Крестится).*

1-й. Против того еретики. Они чудо у народа отнять хотят, однако уж не оставит помазник Божий царя рабов своих, уповающих на Бога, богохульных еретиков зло посрамивший.

3-й. Ноне в домах, и на путях, и на торжищах иноки и миряне многие сумлеваются.

4-й. Еретики сумлеваются да путают. Их же множество, и соседи у меня еретики. Челобитную жалобу на них подать желаю. Тут ли писцы, что пишут на площадях за денежки грамоты и челобитные по заказу тех, кого не умудрствовал Господь замысловатой старописью, сподобил только читать по складам?

5-й. Я - писец Оська, площадный подъячий Ивановской площади да Пожара. Котору челобитну хочешь подать, жалобницу?

4-й. Пиши исковую в суд на соседей-еретиков.

3-й. Тихо, слышишь, бирюч с лобного места кричит!

Бирюч. Народ православный, решением Соборного суда при участии государя нашего царя Ивана Васильевича и митрополита Дионисия Всея Руси осуждены за великие вины инок Максим Грек, старец Артемий, боярский сын Матвей Башкин да холоп Феодосий Косой со товарищи. А кожному по их вине приговор - иным к вечному заключению в монастыре, иным - кнутобитие, иным - казнь. Вины же их таковы: не признают Новый Завет священной книгой, не верят в божественность

Христа, признают Пасху не по христианскому, а по иудейскому обряду, отвергают таинство причастия, отвергают священность икон, говорят: «То суть дело рук человеческих» и отвергают церковных иерархов и постановления священнослужителей, не признают Святую Троицу. Ныне же на площади Пожар судимы будут при стечении народа клеветы тех великих еретиков, которые по их, великих еретиков, бесовским воздействиям впали в беснование. Также всенародно судимы будут иные тати, ибо они с еретиками суть едина.

1-й. Смотрите, ведут еретиков!

2-й. И царь благоверный с митрополитом и с Собором идет! *(Окруженные стражей, входят царь, митрополит, духовенство и вельможи. Народ кланяется. Царь, духовенство и вельможи усаживаются за накрытые бархатом столы, сооруженные у Лобного места).*

Иван. Почнем с татей.

Дионисий. Соборный духовный суд рассматривает дела татей. *(Заглядывает в бумаги).* Первое дело: Палка Белозерец. Который Палка Белозерец?

Белозерец *(в оковах).* Я, отец милостивый! *(Кланяется).*

Топорков *(заглядывает в бумаги).* В тюрьму посажен по обвинению в церковной татьбе: украл из церкви Николы-Чудотворца в Белозерском уезде в Волхове «Прологи».

Дионисий. Палка Белозерец, отвечай: украл ты?

Белозерец *(кланяется).* Украл. Поп Иван той церкви на меня про татьбу доводил. «Прологи» у меня выняли да в том месте казнили кнутом и в тюрьму посадили. И тому 20 лет без году.

Архиепископ Тверской Акакий. Двадцать лет без году сидит в тюрьме за хищение церковных книг и лишь теперь вызван на митрополичий суд!

Годунов. Такое беззаконие быть не должно!

Иван. Бельский, много ли у тебя таких дел?

Бельский. Сыск переполнен, государь, а такие дела не наши - митрополичьи.

Иван. С тех пор и митрополитов уж несколько сменилось! Сидит уж достаточно, пусть идет.

Дионисий. Ты прощен, Палка Белозерец! Чтоб впредь не воровал!

Белозерец *(плачет, падает ниц).* Государь благородный, отец святой, двадцать лет сидел без единого года!

Иван. Встань да иди, да более не воруй, да помни, кто ты есть! Глаголят в Писании: «Аз есмь создание Божий человек».

Белозерец. Государь благородный, милостью твоей спасен, в вине моей ты, праведный государь, волен.

Архиепископ Ростовский Никандр. У меня вопрос: а чего ты, Палка Белозерец, книгу украл?

Белозерец *(кланяется).* Пропить хотел, отец святой!

Никандр. То-то! Воруют книги с целью пропить, уходят из монастыря, уносят в платье правильные книги! *(Белозерцу).* На сием свете тебе государь благоволит, да митрополит Всея Руси помиловали добром сердечным. Однако на оном свете тебе Страшный Суд те письмена, что украл, исчеркают бесы на лице каленым железным!

Иван. Помни, что сказано! Снимите с него оковы! *(С Белозерца снимают оковы. Он кланяется и уходит, плача и смеясь).*

1-й *(шепотом).* Похоже, от радости умом тронулся.

Дионисий. Второе дело *(заглядывает в бумаги):* пономаря Троицкого Ивана.

Топорков. На Масляной неделе поймали пономаря Троицкого Ивана. Он из ларя деньги имал, до той гибели доспел. 400 рублей имал.

Дионисий. Говорить с тем татем не про что. Его казнить кнутом.

Иван. По удару за рубль.

Пономарь. То не одолею, государь, вели лучше сразу казнить. *(Пономаря уводят на Лобное место, и палач начинает его бить кнутом).*

Бельский. Государь, третье дело приготовлено к нынешнему суду мирское, не церковное. Воевода пермский, князь Алексей Иванов, принял от немца взятку для пособления в меховом промысле - жареного гуся, начиненного червонцами. *(Приводят воеводу Иванова в оковах).*

Иванов *(падает на колени).* Великому царю бьет челом холоп твой государев, князь Иванов сын великопермского Семки. Милостивый и праведный, виноват перед Богом и тобой. Прогневал, сплутал и ныне пойман - от немца соблазн. Дед мой и отец служили тебе верно. Милости себе прошу.

Иван. Милости просишь ты, а надобно просить душе. Ежели ныне плачешь, то плакати бы тебе так. Плачь о погибели души своей, яко погубил душу свою и предался дьяволу.

Иванов. Плачу о погибели души. *(Плачет)*.

Иван. Ради червонцев с таковым злым душегубцем ты общался. Не человек, но дьявол ходил с тобой, доведя тебя до пропасти адской. Хочешь отлучиться мило от беса, то сделай это сам молитвой. Я ж тебя отлучить не смею. Взял ты жареного гуся с червонцами, то велю тебя разделать как гуся. Отрубить ему руки и ноги! *(Палач рубит правую руку)*. Каково тебе показалось гусиное мясо? *(Смех)*.

1-й. Государь строг, но справедлив. Он за народ, против притеснителей. *(Палач рубит левую руку)*.

Иван. Каково тебе показалось гусиное мясо? *(Смех. Палач рубит левую ногу)*. Каково тебе показалось гусиное мясо? *(Палач рубит правую ногу)*. Каково тебе показалось гусиное мясо? *(Дико смеется. Смех)*.

Бельский. Унесите обрубок. *(Разрубленное тело воеводы уносят)*.

Иван. И с дьявольским соблазном латынских еретиков указать надобно: таковы гуси с Руси! *(Дико смеется)*.

2-й. Государь наш все хочет делать по-христиански, а бояре ему перечат и лгут. Народа тяготы велики, и починает он клясть царя за неправды боярские, а царь совсем не знает про наши утеснения.

3-й. Надобно послать ходоков обо всем рассказать, то он велит тех всех бояр рубить али вешать.

4-й. Слышал я, государь и с архиереями расправился, обличавшими в церкви его, царя. Сам же тот архиерей с ворами знался.

Дионисий. После татей почнем еретиков дела. Привести стригольников! *(Приводят обвиняемых)*.

1-й. Отец святой митрополит Дионисий, что такое стригольники - не ведаем.

Дионисий. То ересь такая - стригольники. Есть они и в мирском, и в священном сане. Стригольников в священном сане отлучить надобно от службы. В сочинениях просветительских Иосифа Волинского названа ересь «стригольники», сиречь отлученные от строительства церкви. Они и народом нелюбимы. В Новгороде в давние времена стригольники возмутили против себя народ и были сброшены с моста в Волхов.

Топорков. Почнем стригольников дело.

Архиепископ Тверской Акакий. Хай сами про себя скажут, те стригольники!

Дионисий. Ты скажи! *(Указывает на обвиняемых)*. Кто ты?

Обвиняемый (басом). Серапионище имя мое. В прежние времена в Пскове чернец Чудова монастыря.

Акакий. Название ереси значит стригольник. Как ты сам сие понимаешь?

Серапионище. Стригольник на благочестивом языке значит «строить душу».

Архиепископ Ростовский Никандр. Как ты сие понимаешь - «строить душу»?

Серапионище. Для спасения души надобно, первое-наперво, молитвы беспрестанны.

Архиепископ Суздальский Афанасий. Для того и монастыри.

Серапионище. Монашеская набожность боится дьявола. Все в человеке - и злое, и доброе - от него самого.

Иван. Однако, кроме монастырей, есть еще скиты, где отшельники живут, святые люди, для спасения души читают молитву беспрестанно, удручают плоть постом, подвергают себя добровольной нищете и лишениям.

Серапионище. Знаю, так заволжские старцы живут, белозерские отшельники. Отшельники думают найти себе спасение в том, что не едят мяса, не моются и лежат на голой земле без постелей. Какой успех человеку морить себя голодом и не делать добрых дел? Что угоднее Богу? Угоднее кормить голодного, чем осушать свою собственную плоть, оказывать помощь вдовице, чем изнурять свои члены, избавлять от томления бедняков, чем томиться самому. За утеснение убогих обещаны огненные муки.

Никандр. Такие слова и еретик Башкин сказать мог, и Артемий.

Архиепископ Коломенский Федосий. Сей хуже. Он и отшельников не признает, и монастыри вовсе не признает, не одни лишь села монастырские.

Архиепископ Сурский. Ежели ты православный, как же не признаешь, что иноческое жителство угодно Богу?

Серапионище. Ежели бы иноческое житие было угодно Богу, то сам Христос и Божественные Апостолы носили бы иноческий образ, но мы видим Христа и апостолов в мирском.

Архиепископ Тверской Акакий. Всякие есть монахи и всякие есть священники. Знаешь пословицу: один строит, другой разоряет. Не каждый священник разоряет, иные и строят.

Серапионице. Есть и достойные. Недостойный не может стать священником. Недобрый покупает сан, платит пошрины.

Мисаил Сукин. Вы, стригольники, на православну веру нападаете, позоря священный сан.

Серапионице. Мы, стригольники, нападаем на пошрины, на жадность и корыстолюбие. Попы-пьяницы дерут с живого и мертвого.

Дионисий. Что среди священников и монахов есть пьянство и прочие грехи, нам и без тебя ведомо. Однако, как же без духовенства обрести дар Духа Святаго?

Серапионице. Духовенство не имеет дара Духа Святаго. Каждый может проповедовать вместо священника.

2-й. Шибко как говорит еретик-то!

Дионисий. Народ православный, они, стригольники, отвергают вселенские соборы, против монастырей, против вклада по душам. Потому людей, противу православия думающих, называют стригольники.

Серапионице. Нет, митрополит, людей, по-иному думающих, называют стригольниками, сиречь несогласными. Мы - несогласные.

Архиепископ Акакий. С чем и с кем несогласные? Ты отвергаешь монашество, а разве ж не знаешь, что первому монаху Пахомию иноческий образ дал ангел?

Серапионице. Так писано. Однак, был и я монахом и знаю, что, по монашескому преданию, тот, кто дал монаху Пахомию иноческий образ, был не ангел, а бес. И потому явился в черном, а не в светлом виде.

Сукин. Слышали ли, еретик всех монахов обесил! Так и церковных священников обесил.

Дионисий. Народ православный, вот оно, худшее еретичество. Иные не признают собора и церкви, а не Священное писание, - то лютеры. Иные отвергают Евангелие и Апостольские писания и поклоняются одному Отцу - Богу небесному, - то жидовствующие. Самые крайние отвергают воскресение мертвых и будущую жизнь. Однако, есть и хуже, которых преподобный Иосиф Волоцкий называл массалианская ересь. Она стригольникам подобна.

Царь Иван. Признаешь ли ты, стригольник, ту массалианскую ересь?

Серапионице. Про то Пафнутий лучше скажет.

Иван. Скажи, Пафнутий.

Пафнутий. Человека творил Бог и дьявол. Дьявол создал тело, а Бог вдул в него душу. Оттого человек плотью покушается угодить бесу, а делом стремится к Богу.

Иван. Сие - опасный соблазн, подобный жидовству. Сжечь надобно за такой соблазн.

Топорков. Ересь жидовство уж сто лет живет на русском Севере. Есть среди попов да прочих русских людей. Мудрствуют по-жидовски, отвергают Святую Троицу, божественного Иисуса Христа. Стригольники - худшие из них.

Мисаил Сукин. Стригольники привязывают к воронам деревянные и медные крестики. Вороны садятся на стерво и на кал, и крестом по ним волочат.

Иван. Надобно попытать их под следствием, чтоб дознаться, кого они прельстили, чтоб искоренить их совсем и отрасль их не оставить.

Дионисий. По делу еретическому есть таковые прельщенные. *(Заглядывает в бумаги)*. Смерд Самсонка да венгерец Мартынка, что из Угорской земли к нам приехал. *(Стражники вытаскивают из толпы обвиняемых Самсонку и Мартынку)*. Смерд Самсонка сознался, что расщеплял святые иконы, а венгерец Мартынка топил ими печь. Признаетесь?

Самсонка и Мартынка *(падают на колени)*. Признаемся!

Дионисий. А Наум, проходя мимо иконы Богородицы, показывал ей кукиш. Показывал?

Наум. Показывал. *(Плачет)*.

Дионисий. Другой еретик, Алешка Костев, вытащил из часовни икону Успения, бросил на землю и почал поливать скверной водой. Делал так?

Алешка Костев. Отец святой, поверь, пьян был, себя не помнил.

Дионисий. Юрка бросил икону в лохань, другие спали на иконах. Иные молятся на них. *(Обвиняемые падают на колени)*. Сей Макар, дяк, который ел в пост мясо, блевал на икону. Самсонка вырезал из порфиры церковного сухаря кресты и бросал кошкам и собакам. Дьяк Гридя и Симеон не

преклонялись иконам, ругались на них, называли, зауряд с идолами, делом рук человеческих. Признавали тело и кровь Христову простым хлебом и вином с водой.

Иван. Наказать тяжко.

Дионисий. Нынешних еретиков надобно наказывать строже, чем прежних. От явного еретика человек бережется, а от сих, неявных, как стригольников или жидовствующих, как уберечься, ежели они зовут себя христианами? Человеку разумному они не объявятся, а глупого как раз съедят. Многие ереси также и от недобрых книг. Сей чернец Илларион по книжному делу в тюрьме. Переписчик он, да в переписках требников ошибки нашли.

Иван. Которые ошибки?

Дионисий. В службе на праздник Богоявления в молитвах при преследовании освящения воды «Освятите воду духом твоим святым и огнем» - «огнем» не написал.

Иван. Отчего не написал?

Илларион *(кланяется)*. Государь, в древних рукописных требниках слова «огнем» не было.

Дионисий. За самовольство оштрафован на 500 рублей, за неуплату посажен в тюрьму.

Илларион. Я, государь милостивый, таких денег не имею.

Иван. Нет, за такое штрафовать мало, хотя бы и имел. Сие - не ошибки, а ересь с умыслом. Хотят истребить в мире огонь, имя Святой Троицы марают, пишут по своему изволу, предложили себя в ересь. Наказать его вместе с иными еретиками. Огнем их, огнем! *(Дико смеется)*.

Женщина. Что еретики говорят?

1-й. В молитве на всепрощение исключили слово «огнем», хотят вывести огонь из мира.

Женщина. Антихристы!

Топорков. Государь, ересь повсюду. Слышал я, игумен Рождественского монастыря острова Коневец на Ладожском озере в канун Богоявления позволял своей братии пить богоявленскую воду после трапезы.

Иван *(гневно)*. Заковать и посадить в ледник под палатую. Сих же огнем, огнем!

Дионисий. Говорите, еретики, свое последнее слово!

Серапионице *(кричит)*. Братья, не признавайте троичности Бога! То - язычество! *(Стражник бьет Серапионице)*.

Топорков. Государь да ты, святой митрополит Всея Руси, люди у нас простые, не умеют по обычным книгам говорить да понимать. Так лучше о вере никаких речей не плодить, только для того соборы учинять судебные, чтоб еретиков казнить, жечь, рубить и вешать.

Иван. Нет, пусть говорят еретики! Пусть народ православный убеждается, что их речь - дьявола.

Пафнутий. Братья, в наше время кончается седьмая тысяча лет от сотворения мира. Мир должен существовать только семь тысяч лет. Отец Сергий и Еремей писали: «Во сколько дней сотворен мир, через столько лет последует его конец.» Пасхалия, которой руководствуются для приходящих праздников, составлена на семь тысяч лет. Конец пасхалии согласуется с концом мира.

1-й. Так ли, святой отец митрополит Дионисий?

Дионисий. Для простых людей, думающих о скончании мира, пугаться его не должно. Следует ждать пришествия Христа во всякое время.

Серапионице. Незачем ждать пришествия Христа! Христос сам себя назвал Богом, все ж происходящее святое - от ангелов Бога единого. Иконы и кресты - все равно что болваны.

Женщина. Что сказал еретик?

1-й. Говорил - Божья на земле схождения не было, а что было, то все действие ангельское.

Женщина. Проклятый! Никто тебя не примет за твою великую глупость!

Дионисий. Надеть на еретиков вывороченные одежды, надеть на них берестяные шлемы с мочальными кистями, поверх надеть соломенные венцы с надписью: «Се есть сатанинское войско». Связать их, со связанными руками усадить их обращенными лицом к западу, чтоб на запад глядеть еретикам, в ту сторону, где их ждет вечный огонь. *(Стражники окружают, связывают и усаживают еретиков)*. Народ православный, плюйте на них, ругайтесь над ними и кричите: «Вот враги Божьи, хулители христианские!» *(Народ плюет и кричит)*. Зажечь на них берестяные шлемы! *(Стражники зажигают шлемы. Еретики вопят)*.

Серапионице *(с охваченной огнем головой)*. Проклят будь, окаянный! Слышь глас свыше, ужасайся сам своего смрада, царь, ужасайся! За все сотворенное да за огонь сей придет на тебя огонь великий, ужасайся! Все твои царские одежды и порфиры обратятся в прах!

Иван. Лжешь, дьявол! По Божьему изволению рождения был я предназначен к царству, смерть же всякого пожнет. У Экклезиаста речено: «Многие во благоденствии пребывающа и любящие житие века сего и надежду на долгие дни имущие, еще не доспевшие старости вскоре смертью пожаты бывают». *(Пошатнулся)*. Отойди, проклятый, от меня в ад, во тьму, в огонь, сатаной приготовленный и ангелом его черным!

Бельский. Государь, неможется тебе?

Иван. Огнем святить, огнем-жаром! Князьям же и боярам и прочим сановным людям велю служить сыну моему, наследнику престола царевичу Федору верно, неподвижно, как и мне служили. *(Опускает голову)*.

Годунов. Скорее несите занемогшего государя в палаты, дабы лег в постель. *(Царя несут. Всеобщий ропот)*.

1-й. Еретик проклял государя нашего!

2-й. Занемог государь!

Серапионище *(хрипло хохочет)*. Поражен гневом Божьим царь-законоотступник! *(Стражник бьет Серапионище по обгорелому шлему палкой)*.

Дионисий. Народ православный! За многие наши неблагодарения, и в то время греха ради, посетила немочь православного царя нашего. Ради возвращения от болезни праведного нашего рачителя Всея Руси, благочестивого государя, просить будем Господа. Крест святой сильнее бесовского слова. Благочестива душа государя приняла от Бога ослабу тленную своюю болезнью. Просим же душевного и телесного облегчения, помолимся! *(Народ молится)*.

Бельский. Отец святой митрополит Дионисий Всея Руси, еретиков в темницу Чудова монастыря отвезти?

Дионисий. После сего обряда посадить еретиков в обгорелых берестяных шлемах на вьючных лошадях лицом к хвосту да отвезти в заключение в Волоколамский монастырь. Встретить еретиков за 40 верст от монастыря и обряд повторить.

Бельский. Исполним, святой отец митрополит Дионисий Всея Руси. *(Стражники окружают и уводят осужденных)*.

Топорков. Сбылись во грехах евангельские слова: “Поразите пастыря и разбредутся овцы.” *(Крестится. Народ молится)*.

Занавес

Конец тринадцатого действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Сцена 120

Кремлевские теремные покои царя в Большой столовой палате. За полуоткрытым занавесом - постель царя. У постели стонущего в бреду царя Ивана - плачущая царица Мария Нагая и молящийся царевич Федор. Тут же лекаря и старцы. Один из старцев читает молитвы, другие окуривают палату дымными благовониями. Неподалеку - придворные, бояре и домочадцы.

Иван *(в горячечном бреду)*. Матушка, горячо, люто, люто! Бесы люты и лукавы!

Царица Мария *(плачет)*. Государь возлюбленный мой, худо тебе!

Мстиславский. Отчего государя в столовой палате положили, не в теремной спальне?

Годунов. Чтоб боярам было просторно при крестоцеловании и присяге царевичу Федору, ежели понадобится.

Иван *(бредит)*. Ступай, страшный и великий! Чистый крест в небе явился, горячо, горячо.

Никита Романов. Государь отемневшим языком говорит.

Василий Шуйский. По старому русскому обычаю больному царю надобно прямо сказать, что он труден.

Бельский. Однако, государь бредит и не узнает людей, как ему скажешь?

Василий Шуйский. Вспомянули ли царю о духовной?

Годунов. Царь еще прежде повелел духовную совершить. Царство завещает сыну Федору. Второй, Дмитрий, еще в пленцах.

Нагой. Так ли? Указано ли подлинное завещание?

Щелканов. Завещание подлинное. (*Достает бумагу*). Писано одинаково красивым, убористым почерком. Чернила черные, иногда коричневые, номера страниц обозначены. При коричневых чернилах почерк тот же.

Нагой. При коричневых чернилах буквы поставлены реже, не подогнано ли к делу? Подлинно ли государево желание писано?

Щелканов. Начало писалось еще до болезни государя, конец же - при болезни, скорописными буквами. Также обозначен опекунский совет - пять бояр, имена не указаны.

Василий Шуйский. Отчего пять? По старинному обычаю опека - семибоярщина, как было при деде государя великом князе Иване III и при отце, великом князе Василии III.

Щелканов. Государь семибоярщину не пожелал.

Мстиславский. Худо будет, ежели государь за болезнью скоропадучей опекунов не успеет обозначить. То опасно смутой.

Никита Романов. Бояре, не преждевременно ли торг затеяли? (*Докторам*). Лечцы, делаете что для спасения государева?

Лекарь Люев. Боярин князь Никита Романов, делаем все возможное. Пот государев велик да горяч. Приподнять надобно государя для протирания суровыми полотенцами.

Годунов. Постельничий Василий Федорович Наумов да ты, слуга государев Родион Биркин, приподнимите государя! (*Царя приподнимают*).

Иван (бредит). Матушка моя, воздуха хочу, горячо!

Царевич Федор (крестится и плачет). Батюшка отец мой, Бог тебе в помощь! Славно Бог прославится... Язык мой иное не речет. Славно Бог прославится, славно Бог прославится! (*Крестится и плачет*).

Мария Нагая (громко плачет, склонившись над царем). Государь мой, князь великий, хоть глянь на меня, жену свою!

Лекарь Иоганн Эйлоф. Болезнь – водянка. Недуг обострился. Больному все хуже. Болезнь водянка – hydropticus - водяная болезнь. Государь уже прежде волочил иной раз ногу. (*Осматривает царя*). На левой ноге - подкожный нарыв.

Люев. К нарыву надобны припарки. Рана воспалилась, от ней смрад. Тело государя распухло.

Иоганн Эйлоф. К тому ж мы, врачи, признали разложение крови.

Мстиславский (шепотом Василию Шуйскому). Вонь невыносимая!

Василий Шуйский. Истинно, нестерпимо зловоние. (*Прикладывает платок к носу*). Добро хоть, чернецы благовония курят. Откуда старцы?

Мстиславский. Пострижники Андриановой заволжской пустыни над государем читают, да старцы оттуда же. Митрополит недоволен - ведь то не иосифляне, а Нила Сорского старцы. На суде соборном иные из них еретиками названы. Однако, то - нежданная прихоть государева. Сам государь так пожелал, чтоб те чтения молитв об изгнании болезни заволжские старцы делали.

Старец. Во имя Отца, Сына и Святого Духа, аминь. При море черном столп, вышел из моря, святой мученик Сисимий и святой Архангел Михаил и видеша: на море восстали волны, и возмутишася море и земля до небеси, и изыдоша из моря двенадцать жен окаянных и простоволосых. И вопрошиша их святой мученик Сисимий: «Что есть злые жены зверообразны?» Они же рече ему: «Мы из моря вышли мучити род человеческий». И вопросы их святой мученик Сысорий: «Какие вы, девы окаянные, как вам имена?» Первая же рече: «Мне имя Гнетя.» Вторая рече: «Мне имя Трясея.» Третья рече: «Мне имя Желтея.» Четвертая рече: «Мне имя Пухлея.» Пятая рече: «Мне имя Огня.» Шестая рече: «Мне имя Ледея.» Седьмая рече: «Мне есть имя Холмея, сиречь Опухоль Бубонная.» Восьмая рече: «Мне есть имя Трясея.» Девятая рече: «Мне есть имя Скорчея.» Десятая рече: «Мне есть имя Знобея.» Одиннадцатая рече: «Мне есть имя Сухота.» Двенадцатая рече: «Мне

есть имя Невея, ибо навь - смертная болезнь.» Сестра же их - дева Болезнь, страшная, проклятая, которая человека поймает, и тот человек не может жить быти на свете сем.

Мария Нагая *(плачет)*. Государь мой, уж боле лица твоего не узрим и гласа твоего не услышим?

Царевич Федор. Славно Бог прославится, славно Бог прославится! *(Плачет)*.

Иван *(слабым голосом)*. Супруга моя и ты, сын мой Федор, вы, любезные мои, не скорбите... В оном веке не узримся. Вас же молю, придворные мои и бояре, ко святой церкви притекайте и меня поминайте во святых своих молитвах.

Никита Романов. Государь с Божьей помощью уж пришел в разум после бреда.

Мстиславский. Прежде прочего государю дьяк должен сказать о духовной да опекуном совете.

Никита Романов. Прежде прочего надо делать все для укрепления сил государя. Лечцы, делаете то?

Люев. То делаем, князь боярин Никита Романович. Прими, государь, листовие соборное, толченое с сахаром головным. *(Дает царю порошок)*. От духу соборного дерева полегчает главная болезнь, сиречь боль головы, вредительскую мокрость истребит, кипение кровное, кое бывает от тепления желчи, и тело холодит без вредности, и сон покойный наводит.

Царь *(слабым голосом)*. Ты меня лечишь, Микола Люев?

Люев. Я лечу, благоверный государь, да Иоганн Эйлоф, немецкий врач, да Феофил, аптекарь.

Иван. Чем лечите?

Люев. Лечим припарками да порошком, да молитвами.

Иван. Брати Микола, ты видел мое царское жалование к себе. Можно ли теперь сделать мазь али что иное, чтоб облегчить болезнь мою?

Люев. Видел я, государь, твое государево жалование. Если б можно было, тело свое разрубил бы тебя ради, государя. Мы мази делаем всякие, масла... Розмариновое масло. То масло помогает жилам, которые отекают в застое. И васильковое масло. То масло внутрь принять - немощь сердечную отгоняет. И бобковое масло, которое нечистоту тела выводит. И ржаное масло, которое все волдыри и угри исцеляет. И соборное масло. То масло имеет силу, смешанное с молоком козьим и, приемлемое внутрь, унимает болезнь пузырьную, и печенную болезнь выводит, и залегания водные отводит. Все то делаем, государь, то тебе даем. Но дума моя – не можно тем всем помочь без Божьей помощи.

Мария Нагая *(плачет)*. Государь мой милый, благодатный супруг, не покидай меня с сыном нашим, младенцем царевичем Дмитрием!

Царевич Федор *(плачет)*. Господи Боже вседержателю, что на меня так прогневался, что отнимаешь государя батюшку?

Иван. О, возлюбленный мой сын царевич Федор, супруга моя Марьюшка, други мои! Микола гораздо понял болезнь мою. Ей ничто не пособит. Нужно, други, думать, чтоб душа моя не погибла в веках. Когда святой князь Святослав почувствовал кончину, хотел он поклониться гробу отца своего в Кирилловом монастыре близ Киева, но не смог, поскольку поп, хранивший ключи от церкви, отлучился. Вы ж не отлучайтесь, да повезите меня в каптане, возке, для поклонения гробам предков и близких моих. Тут ли отец мой митрополит Дионисий?

Дионисий. Тут я, благоверный государь.

Иван. Отец Дионисий, когда будет день Святых Маккавеев?

Дионисий. Через двадцать семь ден, в понедельник.

Иван. Ох, не дождусь я того. Сам вижу, что животной смертью преклонился. Хотел бы совершить обряд пострижения. Смерть предстоит нещадная, яко тать с неба явилась по душу мою. Судья строгий и великий повелел ей: выходи из тела, хочу раскаяния и причащения лиха ради. Ради лиха, лихорадки злонамерной, холод меня пробирает. Ты, чернец, читай молитву. Ты не из заволжских ли старцев?

Старец. Из заволжских, из Андриановой пустыни.

Иван. Так я и знал. Ехать бы и мне туда от гордыни. Может, Бог помилует меня, грешного. *(Плачет)*. Вы, старцы, по скитам живете?

Старец. По скитам. Издавна, государь, живем в скитах, разбросанных в глухих лесистых местах вокруг Кириллова монастыря, а преоснователь тех скитов был Нестор.

Иван. Знаю я учение святого старца. Лучше, чтоб церковь в дела государевы не включалась и желала бы духовного лишь. То доброе учение.

Дионисий. Государь, церковь православная суть жизнь народная. Таково же учение есть гордыня и обособление, сиречь ересь. На то духовный суд указал осуждением еретиков.

Годунов. Не время сейчас, отец Дионисий, о суде да прочем таком вспоминать! Государь ослаб.

Романов. Государь благоверный, для укрепления сил твоих просим вкусить миндальной каши. Родион Биркин, принеси государю каши! *(Биркин приносит кашу).*

Иван *(оборачивается).* Не могу я есть, тоскливо душе моей и утробе моей.

Мария Нагая *(громко плачет).* Государь мой, на кого меня бросаешь?

Иван *(недовольно).* Чего вопишь, Мария? Видишь ведь, от богатства нашего, кроме единого савана, ничего не возьмем, но все останется богатство родным, друзьям и сердоболам. Таково учение святого Нила Сорского.

Старец. Учит заволжский старец жить нестяжательно, по пустыням, не владея имуществом, и кормиться своим рукоделием.

Иван. Так замолил бы грехи. Молиться буду, а более богатства не приемлю, лишь хлеб-соль. На рву же, близ Кремля, поставлю церковь малую, клетский храм с алтарем и притвором на невысоком подклете. Церквицу с незамысловатой головкой, как по небогатым селам. Святая Богородица, помилуй меня! *(Пытается перекреститься, рука его бессильно падает).*

Аптекарь Феофил. Обессилел государь. Аще утроба обессилела или чрево болит, надо масло белоянтарное да камфоры с мускусом в золотниковых дозах. *(Подносит порошок).* Государь, тут все смешано, глотай и впускай в себя. *(Дает царю порошок).*

Иван. И ты, старец, делай свое, Божье. Без Божьего не пособить мне.

Старец. От которых лихорадных болезней взять воды чистой и ненапитой и в ту воду пустить крест над головою болящего. *(Опускает крест в воду, ставит у изголовья больного царя).* Заклинаю вас, окаянных трясовиц, святым мучеником Сисимием и святым Предтечей Иоанном и четырьмя Евангелистами: Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном: то побежите от раба Божья Ивана за три поприщи. Аще же не побежите, то призову на вас святого Сисимия и святого архангела Михаила, хранителя и крестителя Господня Иоанна. И учнут вас мучить разными муками, и дадут вам по двенадцати ран, и будут говорить: «Крест - христианам хранитель, крест - ангелам слава, крест - царям держава, крест - недугам и бесам и трясовицам прогонитель и положитель и подает болящим исцеление». И дам болящему исцеление Креста Господня, да исцеляет его голову и живот. Ныне и присно и вовеки веков, аминь! И погружу крест в воду, и дам болящему пить. А вода сия чиста и ненапитая. *(Погружает крест в чашу и дает пить царю. Царь пьет, потом начинает сильно кашлять).*

Дионисий. Поперхнулся государь. Не пошла ему та небожительная молитва. То ложная молитва и заговор из гадательных книг.

Никита Романов. Скорей делайте легче, чтоб государю полегчало!

Люев. Испей, государь, воду из ворониковых трав! Приподнимите государя! *(Слуги поднимают царя, Люев поит).* То вода из трав припущенных легоство от кашля творит, облегчает. *(Царь перестает кашлять, его укладывают).* Жилы дыхательные государя вновь отворены, и немощь плюющую выведет. Тою же водою мочить надобно виски. *(Мочит виски царя).* Тем главе и мозгу укрепление, и языку возглашение дает.

Иван *(слабым голосом).* Отец святой Дионисий, уж отчаялся я выздороветь. Послать надобно в Кирилло-Белозерский монастырь наказ старцам молиться за меня, чтоб Бог моему окаянству отпущение грехов даровал и от настоящих смертных болезней освободил и здоровье дал. *(Лежит, тяжело дыша).* Бельский, послано ли к ворожеям узнать мою судьбу?

Бельский. Послано, государь великий, ждем ответа.

Иван. Иных вели скорей сюда привезти.

Бельский. Исполним, государь. Уж иных привезли.

Иван. Щелканов, сделать надобно опись посольского приказа, всех грамот европейских. Необходимо сблизиться с Европой. *(Тяжело дышит).*

Щелканов. То делаем уж, государь, опись, как велишь.

Иван. Постельничий Василий Федорович Наумов, приказываю тебе сделать опись казны царевичей, образы и кресты, да то с дворецким, с Никитой Романовичем Юрьевым-Романовым.

Наумов. Так сделаем, государь милостивый! *(Кланяется).*

Иван. Годунов, где Ирина?

Годунов. От робости в сенях сидит и за тебя, государя, молится.

Иван. Пусть придет, видеть ее хочу. Люблю я ее. *(Тяжело дышит)*. Жарко мне!

Аптекарь Феофил. От солнечного жаркого луча закрываться надобно. *(Задерживает занавеси)*. На холоде хорошо потеть - пот пройдет, пойдет по животу. Также принять крепительные порошки. То же лекарство живот и сердце крепит. *(Дает порошки)*.

Люев. Прими, государь, масло из купороса. Того масла капельки две-три укапать в сахаре своборинном⁴¹ и внутрь принять. Сердце укрепляет и жар и тоску отводит, и веселит человека.

Ирина Годунова *(входит и кланяется)*. По зову твоему пришла, государь.

Иван. Отчего в уединении, не вблизи меня, государя и свекора твоего?

Ирина. Государь, свекор мой, по обычаю молилась в уединении. Также и ночью встав, по обычаю молюсь без мужа.

Годунов. Она, сестра моя, государь, еще млада да неискусна.

Федор. Иди ближе, Иринушка, батюшка того хочет! *(Обнимает Ирину)*.

Иван. Ты, Ирина, молись, чтоб детям быть, и я, твой свекор, имел бы радость велику.

Ирина. Тому молюсь, государь, покровителю болящих от бесплодия молюсь, святому Ипатию, еженощно, и святому Николе Чудотворному, покорителю бесов. Явился во сне святой Никола, держа книгу велику, и разогнал бесов, як один исчезнувши. Также молюсь, молитвою твои болезни, государь, исчезнут.

Иван. Тяжко то, Иринушка. Бог прославил меня, царя, чудотворным образом матери своей Пречистой Богородицы. Я же не оценил того и к грешной мирской жизни отошел, потому и случилось со мной такое. Тяжко, смертельно занемог я, государь и великий князь.

Ирина. Молюсь за тебя, государь, и молиться буду, плачу, слезы проливая чудотворной иконе Божьей Матери.

Иван. Ирина, сын мой, твой муж Федор, слабоумный. Аки блаженный пророк он.

Ирина. Муж мой Федор - благородный, о душевном спасении помышляет. Меня ж терзает, что все время чревата - а живого родить не могу.

Годунов. Государь, Ирина часто бывает беременна, каждый раз неудачно разрешается от бремени. Надо бы посоветоваться, государь, с лучшими врачами Оксфорда, Кембриджа и Лондона да взять английскую повивальную бабку.

Нагой. Государь, против того многие бояре возражают, чтоб еретичная докторица помогала рожать царского ребенка. Обращение к иноверцам и еретикам вызывает раздражение истинно православных людей.

Годунов. Государь, рождение сына укрепит династию.

Иван. Знаю давно, что многие бояре хотят погубить династию Калиты. Борис, тебе передаю с Богом сына моего, а по моему представлению тебе приказываю и царство сие. Тебе приказываю душу свою и сына своего Федора Ивановича, и дочь свою Ирину, и все царство нашего великого Российского государства. Ты ж соблюди их от всяких зол. Ты, Борис, с детства был питаем от царского стола. Ты - человек мне близкий. *(Начинает кашлять)*.

Люев. Слуги, приподнять государя! *(Поит царя)*.

Нагой. Государь в горячке, не помнит, что говорит!

Мстиславский. Надо бы перво-наперво спросить об опекунском совете. *(Иван поднимает три перста)*.

Василий Шуйский. Что означают те три перста?

Годунов. Как посетил царь меня, больного, после кончины царевича Ивана Ивановича, то уж на пальцах показывал, что Федор, Ирина и я, Борис, равны для него, как три перста.

Никита Романов. Ты, Борис, о царстве мечтаешь!

Годунов. Боярин Никита Романов, со слезами говорю: никогда не мыслил посягать на превысочайший царский чин. Уйду в монахи.

Федор. И мне по душе иноческое житье. Как читал о житие древнего чудотворца Никона Черная Гора, то мысленно мечтал о том же.

Иван *(тяжело дыша)*. Ирина, Борис, не дайте боярам извести моего сына. Бегите с ним в чужую землю. А вы, Захарьины-Романовы, чего испугались? Думаете, что бояре вас пощадят? Нет, вы будете первыми у них мертвецы.

41 *Своборина* – шиповник.

Люев. Государь, прими сок от своборинного цвета. Варен с вином в фляжке, тело холодит без вредности и кровь обвеселит.

Иван. Брат Микола, испытываю мучения ужасные. Рана воспалилась, чую сам, какой идет от нее смрад. Боязнь за будущее сына увеличивает мучения да тоску. При боярах и сыне Федоре хотел бы говорить, как строить царство после меня, да не хватает ныне сил от постигшей меня болезни.

Нагая (*громко плачет*). Государь и великий князь, на кого меня оставляешь, и кому, государь, младенца нашего, дитя наше, царевича Дмитрия, приказываешь?

Иван. Не вопи так громко, Мария, жалостно видеть твои слезы и рыдания. Прими свой вдовый удел в Угличе. Я ж при своем животе приказываю сына своего царевича Федора опекать и беречь.

Мстиславский. Государь, Дума знать должна, каков опекунский совет.

Иван. Слабоумного сына своего, царевича Федора, вверяю главе Думы, князю Ивану Федоровичу Мстиславскому, славному защитнику Пскова боярину князю Ивану Петровичу Шуйскому, боярину Никите Романовичу Юрьеву-Захарьину-Романову, оружничему Борису Яковлевичу Бельскому. (*Тяжело дышит*).

Годунов. Всех ли перечислил, государь?

Иван. Всех. (*Тяжело дышит*). Ты, Борис, любимец мой, однако, тебя не захотел включить в опекунский совет. Хватит с тебя и любви моей. И тебя, Василий Шуйский, не включил. Ты также излишне уж честолюбив, умен и ловок. К тому ж, в отличие от Бориса, не худороден. Иноземцы именуют тебя принцем крови. Знаю, что ты добиваешься царской короны, да от всех Шуйских тебе поддержка. Родич твой, Иван Шуйский, где?

Василий Шуйский. Он еще в Пскове.

Иван. Надобно послать за ним, ежели то потребуется. Бельский, куда послано за вещими колдунами и старухами, умеющими предсказывать?

Бельский. Государь, послано гонцов в глухие поморские деревни.

Иван. Отец митрополит Дионисий, также ныне послать монахов в Кириллов об избавлении меня от настоящей смертельной болезни.

Дионисий. То сделаем, государь.

Иван. Хочу постричься в чернецы с именем Иона.

Дионисий. Старцы, расчешите государю бороду. (*Чернецы расчесывают бороду*). Поднимите государя да подстелите под него черную тафтяную постель. (*Царя поднимают и постилают черную тафту*).

Нагая. Государь, супруг мой, принести ли царевича Дмитрия для благословения?

Иван. Не надобно. Сын мой мал, а я лежу в великой немочи, и то испугается меня сын мой царевич Дмитрий. И ты иди, Мария, от постели, отсылаю тебя. Вопишь излишне громко. Уведи ее, Афанасий Нагой!

Нагой. То кручина, что отсылаешь нас, Нагих. Нет более тебе верных. (*Кланяется и уходит с плачущей Марией*).

Иван. В мире все обманчиво и не стоит того, чтоб дорожить им. Держался я прежде того учения, однако, из гордыни и властолюбия разошелся с ним. Хочу ныне дорожить им. (*Крестится слабой рукой*). Хочу поклониться гробам предков и родичей своих в усыпальнице царской в Архангельском соборе. Пеший не дойду, а в каптане-возке лежать жестко.

Люев. Государь, с тобой сядут двое людей, которые будут переворачивать тебя с боку на бок.

Иван. Потом литургию хочу слушать в Успенском соборе. В церковь не вносите, буду слушать литургию, лежа на одре на паперти церкви, ибо чую, как смердят грехи мои. Лишь святым посмертная слава, подобно старому Игорю или славному Святославу. Также бессмертная слава братьям-мученикам Борису и Глебу, на коих убийцы, как дикие звери, напали и прободали копьями. Братолюбие - Божье дело, в смерти желанное. Лучше смерть, чем жизнь в сием прелестном коварном свете с лютостью, сиречь вероломно. Бесславен конец Святополка окаянного. Гонимый Божьим гневом, он постыдно закончил свою жизнь в пустыне между Польшей и Чехией. Могила его существует по сей день и от нее исходит страшный смрад. Се Бог наказал на наказание нам, князьям русским. Я ж тем наказанием пренебрег, грешен, Господи! Несите меня молиться: может, помилует Бог и избавит от того бесчестья, как то, где лежит прах Святополка окаянного, и из могилы его выходит смердь злая. (*Царя поднимают и несут. Царевич Федор и Ирина Годунова и все иные бояре и прочие чины идут следом*).

Занавес

Сцена 121

Царская сокровищница. Царя Ивана вносят в кресле. Следом идут царевич Федор, Годунов, Ирина, Бельский, бояре, иноземцы.

Иван. Глядите на меня, люди Божьи. За грехи стал я, царь русский, расслабленный, больной, едва могу ходить, и носят меня в креслах. Ныне же приказал нести себя в палату, где лежит мое сокровище. Придворные и иноземцы, идите туда же. Драгоценные камни - не одно лишь богатство. Они влияют на жизнь и судьбу человека. И каждый день чтоб вносили меня в мою сокровищницу. Ныне я желаю поведать вам о некоторых драгоценных камнях, описать царевичу, боярам и иноземцам достоинства и свойства таких-то и таких-то камней.

Польский посол Сапега (*тихо*). Царю только 50 лет с небольшим, но он кажется дряхлым глубоким стариком.

Английский посол Боус (*тихо*). Развратная жизнь и свирепые страсти расстроили его.

Австрийский посол Бихау (*тихо*). В начале сего года открылась у царя страшная болезнь, какое-то гниение внутреннее.

Польский посол Сапега (*тихо*). От царя исходит отвратительный запах, однако, панове, я глазам своим не верю, увидав сокровища русского царя. Целые кучи жемчуга, изумрудов, рубинов, целые горы золотой посуды, золотых и драгоценных каменных чаш! Царь помирает, кому все это достанется?

Боус. Царь Иван - очень богатый государь очень бедной страны. Эти богатства, накопленное и возраставшее с каждым царствованием, хранятся взаперти. Их показывают иногда в хранилище, главным образом, чтоб поразить иностранцев.

Фон Бихау. Послушаем, господа, что говорит государь.

Иван. Прежде чем скажу про камни, поведаю про магнит. Магнит, как вы знаете, имеет великое скрытое свойство, без которого нельзя плавать по морям, окружающим землю, и без которого невозможно узнать ни стороны, ни предела земли. Так ли, Боус? Вам, англичанам, искусным мореплавателям, то особо ведомо.

Боус. Именно так, государь. Магнитный прибор, указывающий направление, называется компас.

Иван. Магнит имеет чудесные свойства. Гроб персидского пророка Магомета из стали чудесной висит над землей в их мавзолее в Дербенте. Бельский, принеси цепочку булатную.

Бельский. Слушаю, государь.

Иван. Смотрите: я притрагиваюсь к ним магнитом и подвешиваю одну за другой.

Царевич Федор. Батюшка, то Божье чудо али идольское?

Иван. То, Федор-сын, чудо земного естества. Земля подобна телу человеческому. Камни - кости, корни деревьев - жилы, а деревья и травы - волосы земли. Разумей от себя - магнит яко камень естеством студен, но имеет в себе силу всех четырех составов. Четыре состава, из которых образовалось все - огонь, вода, воздух, земля.

Царевич Федор. Батюшка, а из чего составлено тело человеческое?

Иван. Тело человеческое составлено из теплого и студеного, из сухого и мокрого, сиречь от огня и воды, воздуха и земли. Однако, в беседе трех святителей сказано, что человек составлен из восьми частей: земли, моря, облаков, ветра, камней, Святаго Духа и сего света.

Царевич Федор. Батюшка, а я в Азбуковике читал, что в Африке и в Индии живут люди одноглазые, питаются воздухом. Иные сини али косматы. У них тот ли состав?

Иван. Ежели сотворен Господом, то состав един, ежели дьяволом то иной.

Сапега (*тихо*). В Польше о старшем сыне царя идет молва, что в 27 лет своих он слаб умом.

Боус. Да, несколько помешан. Царь женил сына своего Федора на сестре Бориса Годунова Ирине и, я слышал, любит очень эту новую, созданную им семью.

Иван. Всякий человек сотворен Господом, существует с тем же самым составом. Смерть человека оттого, что отступает кровь - теплый живучий состав. Вот - прекрасный коралл и бирюза, которые вы видите. Ирина, ты еще совсем молода и красива. Возьми их в руки! (*Ирина берет камни.*) Их природный цвет ярок. А теперь положи их на мою ладонь. (*Ирина кладет камни на ладонь царя.*) Я

отравлен болезнью. Вы видите: они показывают свое свойство - изменение цвета из чистого в тусклый, они предсказывают мою смерть.

Фон Бихау (*тихо*). О этой необыкновенной сцене, свидетелем которой я тут оказался, поведаю нашему императору Максимилиану. Умиравший царь приказывает нести себя в помещение, где хранятся его драгоценности, и любуется несметными богатствами, с которыми он должен будет расстаться, также объясняет их достоинство и ценность. Необыкновенная сцена!

Иван. Годунов, принеси мой царский жезл, сделанный из рога единорога с алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами и другими драгоценными камнями, богатыми в цене.

Годунов. Возьми, милостивый государь! (*Подает жезл*.)

Иван (*берет жезл*). Сей жезл стоил мне семьдесят тысяч марок, когда я купил его у Давида Гауэра, доставшего его у богачей Аугсбурга. Найдите мне несколько пауков. Тебе, лекарю моему Иоганну Эйфлеру, приказываю обвести на столе круг жезлом. (*Эйфлер обводит круг, впускает в сей круг пауков*.) Видите, некоторые из них убегают, другие подымают. Сей скипетр - из кости единорога. Под сиим именем известен один из видов слоновой кости, слывшей за целебные свойства. Те пауки, что сидели внутри окружности, тотчас околели, оставшиеся за той пауки разбежались. Слишком поздно, он не убережет меня теперь. То значит, что меня отравили. То предвещает мне смерть.

Царевич Федор. Батюшка, ариси-зверь есть, ноздрерог эфиопский. Ноздрерогий зверь именем имеет рога на губе и во всем приличен слону. Имеет же иссохшую кожу толщиной с персты. Эфиопы влагают в плуги и орают землю, и того ради своим языком называют зверя оури ораси - расти зверь орян. Только же силен зверь - он и слону противится. А того зверя не целебны ли свойства рога?

Иван. Поздно, сын мой Федор, теперь меня не спасет и единорог.

Царевич Федор. Батюшка, а не лучше ли не богатством, а молитвой спастись? Мы с Иринушкой за тебя молиться будем. К чему богатство, ежели оно не спасает?

Иван. Сын мой царевич Федор, царю нельзя без богатства. Царь бы, не имея много богатства-сокровища, подобен есть орлу, не имеющему пер, да и когтей, и клюва. Болезни же наши - за грехи. О грехах истинных и молиться надо, прося прощения у Бога, Матери Божьей и чудотворцев.

Английский посол Боус (*тихо*). Царь - крепкий здоровьем, еще не старый - умирает от внутреннего недуга вследствие невоздержанной жизни. Оттого стал страшно пухнуть. Злоупотреблял собой в течение пятидесяти лет. Как-то на пиру, выпив, при всех хвастался, что осквернил тысячу девиц и погубил тысячу своих собственных детей.

Фон Бихау (*тихо*). Я также слышал, как он сам хвастался тем, что растлил тысячу дев, и тем, что тысяча его детей были лишены жизни.

Боус. Я слышал от медиков, что у царя начали страшно распухать половые органы - признак того, что он грешил непрерывно в течение пятидесяти лет. Ныне, впрочем, лекарем вызван из Венеции лейб-медик Джованни.

Фон Бихау. Царь не слишком верит медикам, больше полагается на колдунов. Грядущая смерть обставлена разного рода чудесными предзнаменованиями. Не впервой царь болеет, однако последняя его болезнь развивается как по предсказанию астрологов-волхвов, из Лапландии привезенных.

Сапега. Как многие его подданные, царь по-варварски суеверен, и верит в чудесные свойства драгоценных камней. Однак, подойдем ближе, послушаем.

Иван. Взгляните на сии драгоценные камни. То алмаз, самый дорогой из всех и редкостный по происхождению. О, милый мой алмаз! (*Берет алмаз*.) Алмаз-камень светом подобен нашатырю, а внутри темнее хрусталя, и блистание от себя издает. А крепок и тверд, что ни в огне не сгорит, и иными никакими вещами не может вредиться.

Царевич Федор. Батюшка, а можно ли алмаз смягчить?

Иван. Федор-сын, лишь можно его твердость смягчить тем обычаем: положить его в мясо и кровь козлячую, но прежде бы той козел напоим вином и петросильною травой накормлен.

Царевич Федор. Мал камень алмаз!

Иван. Величество же того камня не бывает больше ореха. У меня в казне три таких камня. А находят его во арабских, каирских и кипрских странах. Камень алмаз воин носит на голове али на левой стороне у оружия, и тот бывает опасен супостату и сохранен от супостата, тщетной свары и от нахождения нечистых духов. Той же алмаз кто при себе носит грешен, и сны ночные отгоняет. Той же алмаз укорм смертный обновит, сиречь смертельную отраву видит. Алмаз предстоит при себе

держат и людям, кои страдают лунным страданием - лунатизмом, и коих ночью степень находит, сиречь посещают призраки, алмазом-камнем беснующегося коснуться, и тоя болезнь престанет здоровым. Алмаз укрощает гнев и сластолюбие и сохраняет воздержание и целомудрие. Однако, маленькая его частица, сотертая в порошок, может отравить не только человека, но и лошадь. Я никогда не пленялся им. Я не ношу его в своих перстнях, я отдаю иным камням предпочтение. Также и Аарон, жрец, на ризе своей из золота и синей ткани среди двенадцати камней драгоценных - по числу племен израилевых - алмаза не имел. *(Отдает алмаз.)*

Царевич Федор. Которые камни тобою особо любимы, батюшка?

Иван. Федор-сын, указывай на рубин. О-о, то наиболее пригоден для сердца, мозга и памяти человека, очищает сгущенную испорченную кровь. Рубин нарицаем также сердием вавилонский, красен же есть образом яко кровь. Обретает же в Вавилоне на земле путешествующей, также в Ассирии. Прозрачен же есть. *(Берет рубин.)* Сила целебная в нем суть, и лечатся им оттоки, сиречь опухоли, язвы помазывать. Лекарь Эйфлер, отчего не лечите мои язвы рубином?

Эйфлер. Государь, секрет лечения рубином мне неизвестен, а в Германии его носят лишь как украшение.

Бельский. Государь, видать, тот секрет вавилонский Европе неведом.

Иван. Бельский, поспытай у лапландских знахарей.

Бельский. То сделаю, государь. Знахари камнями лечить горазды.

Иван. Люблю также изумруд, да ношу в перстнях. Сей произошел от радуги. Он - враг нечистоты. Знаете ли, милые мои, что есть радуга?

Царевич Федор. Скажи, батюшка, про радугу.

Иван. Радуга - дуга четверовидная, то облако, применяется по четырем составам. Зеленый вид - от воды, синий - от воздуха, червленьный - от огня, бледный - от земли. Изумруд - от зеленой, водяной части радуги. Камень цветом целен, а привозят его из Британии. Добывают его в тех местах, где руду медную копают. Так, обретают его на устьях Фермондоты-реки и на Умантийской реке. Изумруд толчен аще в питание положить - уймет светоносную ядость, укушений ядовитых заживает. Изумруд толчен и приять внутрь в питье весом против семи зерен ячменных, тогда от корма смертного избавляет человека. Аще кто на изумруде часто зрит, тогда зрак человеческий укрепляется, и очи от прилучающих недугов во здравии сохраняет, и носящему его веселье бывает. Федор-сын да ты, Ирина, подойдите ко мне! *(Федор и Ирина подходят.)* Во спасение ваше возьмите изумруд, испытайте его. Ежели мужчина и женщина соединены вожделением и имеют при себе изумруд, то от растрескается, ибо изумруд - враг нечистоты.

Царевич Федор. Видишь, батюшка, изумруд цел. Соединены мы с Иринушкой любовью, и слышал я глас Божий: «Сия девица будет тебе супругой.»

Годунов. Государь, ради любви их чистой подарю им от себя крест нательный с изумрудом великим.

Иван. Дети мои, сын царевич Федор да Ирина, учинил Бог заповедь законом. Велел он бракам и женьтам быть для рождения человеческого и для любимых детей, а тому помогают камни бечеть, аметист и малоруиз. Бечеть-камень сердце обвеселяет и кручиноподобные мысли отгоняет, разум и честь умножает, от грома и от неприятностей оберегает и от губительного морового поветрия сохраняет. Чреватым женам от скорого рождения детей приводит. Аметист цветом весь синев, а родится в Индии. Аще кто с того камня изопьет, неплодным же дает детей. Малоруиз-камень кто при себе носит, того чинит веселым. Той же камень в воду положь - и младенца в утробе матери содержит.

Годунов. Все те камни подарю царевичу Федору и Ирине.

Фон Бихау. Слышал я, у Бориса Годунова богатство не менее царского. Многие поражаются его богатству, ибо рода Годунова по обилию роскоши стол его на обедах и торжествах не уступает царскому.

Сапега. В этой бедной стране царицы сановники любят показывать свою роскошь. При отъезде посольства к нашему королю Баторию пятьсот всадников было одето в неслыханной роскоши, которую у нас король никогда себе не позволит. Одежда у них была из золотой и серебряной парчи, седла бархатные, расшитые жемчугом.

Фон Бихау. И перед нашими послами императора Максимилиана бояре раздеваются, чтоб блеснуть роскошью своего нижнего платья. А все это после парада должно быть возвращено на прежнее место без пятен и дыр под угрозой взыскания.

Боус. Русская роскошь помимо того сочетается с неудобствами. Сидя за царским столом, я ел с золотых блюд и оценил в четыреста фунтов стерлингов два кубка, ходивших по рукам пирующих. Я насчитал триста служащих за столом, одетых в серебро и парчу. Царь ел один за столом литого золота. Сразу было принесено много золотых блюд, но не было ни тарелок, ни приборов, а о салфетках уже и говорить нечего.

Фон Бихау. То же есть и в казначействе. Несмотря на богатства, которых нет, пожалуй, даже у нашего императора, все хранится в коробах, и воздух хранилища сырой, нечистый.

Сапега. Однако, царь весьма увлечен своими камнями. Он любит ими, как дитя. Подойдем ближе, послушаем.

Иван. Я особенно люблю сапфир. Он сохраняет и усиливает мудрство, веселит сердце, приятен для жизни всем жизненным чувствам. Полезен в высшей степени для глаз, очищает взгляд, удаляет приливы крови, укрепляет мускулы и нервы. В знак примирения меж двумя христианскими государствами я хотел бы послать королю Баторию большой сапфир. Сапега, любит ли польский король камень сапфир?

Сапега. Не думаю, государь, что наш король - большой знаток камней, но подарок твой он примет сердечно.

Иван. Да, я слышал, король Баторий мало проявляет забот о своей внешности. Никакого изящества.

Сапега. Наш король ведет простой образ жизни как по необходимости, так и благодаря своим вкусам. Он не представляет, что его короновали для того, чтоб он жил в свое удовольствие, и стремится служить лишь краю, ему доверившемуся.

Иван. Я слышал, что король Баторий давно страдает какой-то болезнью, и его здоровье неважное.

Бельский. Государь, гонцы доносят, что на левой ноге короля Батория - никогда не закрывающаяся рана. Король Баторий оттого, обуваясь, по-польски пренебрегает чулками, которые ныне модны.

Сапега. Это - от привычки. Он не носит и перчаток.

Бельский. Я слышал, болезнь его усиливается. Шпики доносят, и при императорском дворе он страдал припадками апоплексии, или эпилепсии.

Иван. Так ли, фон Бихау?

Фон Бихау. Да, он страдал припадками.

Сапега. Но по прибытии в Польшу король не обнаружил ничего подобного. Он испытывал некоторое недомогание после псковской осады, однако ныне целые дни проводит на коне, показывая себя неустрашимым охотником.

Иван. Здоровье всякого человека, также и государя, в руках Божьих. Отец мой, великий князь Василий, занемог на охоте. Так ли, старец Феофил?

Старец Феофил. Истинно так, государь милостивый. Был я тогда молодой послушник при аптекаре монастырском Авраамии. Дай Бог память, летом 1533 года от Рождества Христова, приехал благородный великий князь Василий, батюшка твой, государь, с матушкой твоей, женой своей великой княгиней Еленой и детьми, тобой, трехгодовым братом твоим, в бозе почившим ныне князем Юрием, в Троицкую обитель, а потом на охоту в Волоколамский. Тут постигла болезнь. Однако, послал за ловчими, и, переезжая от села к селу, охотился. Желая скрыть болезнь, выехал в поле с собаками, но, отъехав версты две, изнемог, вернулся в Колы и лег в постель. Почали мы его также припарками и маслом ромоновым лечить. Ромон-масло исцелит всякую истомленную немощь желудкову и всякие болячки огненные, и надутиям и опухолям противостоит. *(Кашляет.)* И тебя бы надобно, государь, ромон-маслом протереть всем составом и внутрь принять. Поток язвы в кишках делает, то совершенно исцеляются, и судороги послабляет. И ветры изнутри выженет. А еще им помазывают.

Иван. Старец Феофил, я - помазанник Божий, а мазал меня Господь эфиром небесным. Ежели Бог пожелает, то одолею болезнь, а не пожелает - то не одолею. Ежели внутреннее деяние не поможет человеку, напрасно он трудится на внешнем. Батюшке моему при смерти пятьдесят пять годов, мне же - около того. *(Тяжело дышит.)* Житье же наше подобно травяному цветку - сегодня цветет, а к утру иссыхает, и ногами попираем. Оттого особо люблю я сапфир и ношу его в перстне своем. На том камне Моисей выслушал закон Бога. Также бирюзу. Коли человек с коня спадет, то камень

сохраняет его от расхиления. Аристотель премудрый пишет про него, что умножают его цари в великих сокровищницах своих и чествуют носящего его, веселье наводит. Аще кто носит при себе - не может быть тот человек убит, понеже никогда не видели его на убитом человеке. Оттого, я знаю, изменники хотели похитить у меня мой перстерь с бирюзою. Ношу также перстень с тумпазом. Тумпаз-камень назван от места, откуда привезен сперва, а то место звано Персей, по-нашему - Персия. Тумпаз кто при себе носит - гнев людской, похоти людские смиряет, воительности мирской нашей. Воитель мудрый пишет: «Коли тумпаз в кипячену воду положить, и назад его можно голой рукою вынуть.» И то дело испытано неким мудрецом во Фряжской земле, во граде Париже. Тот же камень послабляет, кто кровию блюет, и от той болезни, кою называют волоком, али волчанкою.

Царевич Федор. Батюшка, жена моя Иринушка заготовила тебе крестик аспид-камня, а от робости поднести не решается.

Иван. Знаю я аспид-камень, именуемый также яшма. Аспид-камень многими цветами бывает, а из лучших и сильных светло-зеленый.

Ирина Государь-батюшка, сей крест с аспид-камнем зеленым берегла я для себя, желая уйти девою в девичий монастырь. Ныне же подношу тебе на исцеление. *(Робко подходит и надевает на царя крест.)* А будет крест того камня того, кто носит на себе, и того от потопа на воде спасет, и трясовицы биение умерит, и от соблазнов сохранит.

Иван. Свекровь моя любимая Иринушка, то от меня тебе гранатовый крестик. Подай-ка, Годунов, тот крест гранатовый. *(Годунов подает, царь надевает Ирине на шею.)* Гранат, или по-русски виписа, камень веселый, сердца человеческого и кручину отгоняет. Тот же камень, кто его носит при себе, и того человека к людям прилюбают. Тебе же, Федор-сын, крест агатос-камня. *(Берет у Годунова крест и надевает его на царевича Федора.)* Агатос-камень черен и светел, он все объемлет. Сей же крест с агатос-камнем положи в воду и дай умокнуть три дня, и ту воду дай пить жене, и тем легостней роды чинись, сиречь, роды легкими станут. Сию же воду дают пить и девицам для обличения нечистоты ее, сиречь распутства. И, как выпьет, то нечистота в ней не удержится, того же часа изойдет вода да на низ, а только порочно то не изыдет. Тот же камень духам нечистым сопротивляется. Сопротивляется и волшебствам, и ужи отгоняет. Того же ради орлы, птицы царевы, тот камень кладут в гнезда свои, то от гнезд их ужи бегают. Носи сей крест, чадо мое!

Царевич Федор. Возлюбленный государь мой батюшка, Богу нашему слава ныне, и присно, и вовеки веков, аминь! *(Становится на колени, крестится и плачет.)*

Иван. А вот еще опеказ. *(Дышит тяжело.)* Все эти камни - чудесные дары Божьи. Они таинственны по происхождению, но, однако, раскрываются для того, чтоб человек их использовал и созерцал. Они - друзья красоты и добродетели и враги порока. *(Тяжело дышит.)* Мне плохо. Унесите меня отсюда до другого раза. *(Царя уносят. Все идет следом.)*

Занавес

Сцена 122

Кремлевская книгохранилищница царя. Царя Ивана вносят в кресле. Следом идут царевич Федор, Годунов, дьяк Щелканов, дьяк Гаврила Пушкин, дьяк Оладья, лекарь Люев, слуги, иноземцы.

Иван. Сего дни пожелал поглядеть на свою царскую книгохранилищницу да распорядился показать некоторые книги из своей либерей ученым немцам.

Щелканов. Как ты велел, государь, в показе книг три дьяка участвуют. От посольского приказа - я, Андрей Щелканов, от казенного - дьяк Оладья, да от царской книгохранилищницы - дьяк Гаврила Григорьев сын Пушкин. От немцев же - датский пастор Иоганн Веттерманн из Дерпта.

Иван. Я, царь, уважаю пастора за ученость, и оттого распорядился показать некоторые книги.

Щелканов. Со стороны немцев тут еще Фома Серелмен, именуемый также Томас Шреффен, Йоахим Шредер и Даниэль Дрекель.

Иван. При владении нашем в Ливонии я выслал из Дерпта, именуемого по-чухонски Тарту, а по-русски Юрьев, всех немцев вглубь русского государства за сношения с ливонскими магистрами. Иные из тех немцев весьма нам полезны, особо в деле ученом и книжном. Господа ученые немцы, сия книжная казна подобна для меня, давнего книголюба, святой обители, и всегда прихожу сюда с молитвою, ныне же, при болезни моей, с особым трепетом, как на прощание с дорогими товарищами. Сын мой царевич Федор, тебе в наследие передаю богатство сие. Люби книгу - дар Божий. Она тебе поможет в тяжком кресте Божьего помазанника.

Царевич Федор. Батюшка, от кого пошло книжное учение на Руси?

Иван. Федор-сын, мальчик, то учение пошло от киевского князя Ярослава Мудрого, не слишком долго после святого крещения, в десятом веке от Рождества Христова. Киевский князь Ярослав Мудрый засеял книжными словами сердца верующих, а мы пожинаем учение, получая книжное. Так ли, книгохранитель Пиасий?

Пиасий (*кланяется*). Так, государь милостивый. Так, государь милостивый, летописец Нестор изрек.

Иван. Тебя, Пиасий, знаю, добрый ты муж, в уме и седилах книголюб. Как заказывал я книги для себя переписчикам и переводчикам, то и тебе заказывал.

Пиасий. Истинно так, государь. Писал для тебя Триод Постная, Триод Цветная, Служебник, писал и античные книги. Аки переводчик знаком с византийской и болгарской книжностью, а через нее - с античными книгами. «Историю Иудейской войны» писал, «Девчениевы деяния» писал, а при писании все иноязычные, чуждые русской лексике слова заменял родными. Приклад - яко дюжий сокол, яко добрый жнец траву сечет - не имеет параллелей в греческом тексте.

Иван. Добрый ты книголюб и писец, Пиасий, иным в пример. Ныне что пишешь?

Пиасий. Ныне уж не пишу, государь милостивый, глазами слаб, а работа сия трудна. Писец оканчивает книгу благодарностью Богу и просьбой о снисхождении к его грешному труду, также и радостно по окончании работы. Прежде много писал с радостью, много князю Курбскому писал.

Иван (*перебивает*). Того собаку Курбского в святом месте и поминать не след. Истины ради следует признать, что Курбский - человек начитанный, но не слишком ученый.

Годунов. Куда ему, государь, до тебя! Ты его превзошел в книжной мудрости.

Иван. Тебе, Годунов, откуда то ведомо? Ты сам едва читаешь и пишешь!

Годунов. Зато у меня память хороша, и верен я тебе истинно.

Иван. Да, милые мои, начитанности и учености мало, надобна еще и вера. А кто не верен царю, не верен и Богу. Беглый боярин вместе с поляками разрушал православные церкви, ногами своими попирали святые иконы, подобно Ироду, избивал невинных младенцев. Как христианин я лью слезы и над сими жертвами, и над самим палачом, продавшим душу бесу, но, будучи государем, простить его не могу. Со мной он, собака, сражался и мечом, и словом. Стройно излагал, но силой внутренней веры мне уступал. Да и хватит о том собаке говорить! Сбежал в Литву и, подобно Иуде нечестивому, сгинул там. Его мне не жаль. А что первопечатник Иван Федоров в Литву сбежал, поддавшись соблазну гетмана Ходкевича и брата его беса, то кручина.

Гаврила Пушкин. Государь, не оскудеет Русь книжниками и книголюбам. Иные, напротив, к нам из Литвы идут. Вот в нашей книгохранительной службе старец Илларион. Был он книгохранитель Киево-Печерского монастыря в Литовском государстве, а приехал к нам, в православную Москву. Получено также письмо от бывшего секретаря князя Курбского, Федора Даниловича Достоевского. Хочет перейти из униатства в православие да приехать из Литвы к нам, монастырским книгохранителям.

Иван. Знаю я того Федора Достоевского. Он, Достоевский, за Курбского большую часть посланий писал. В посланиях Курбского меньше убеждения, а больше риторики, которой обучают в Краковском университете. Жара души мало, а более риторического философского блеска. Все то - от схоластики Аристотеля, особо почитаемого среди латинских магистров. Я говорил уж о том, что более люблю возвышенного Платона. Философия Платона ближе к восточному византийскому богословию, без языческой италийской диалектики. Платон - внешний философ, от боговдохновенных писаний славно научен и от света словесного, исперва вложенного в человека Богом, посвящающим разум. (*Кашляет.*)

Лекарь Люев. Государь, не говори так шибко и горячо при болезни своей, потише будь. Прими анисового масла. (*Подает масло.*) Анисово масло внутрь принято помогает от кашля и харковину слабит, и пространство в грудях творит.

Иван (*принимает масло*). Пастор Иоанн Веттерманн, слышал я, что в университетах европейских, особо в училищах италийских, так усердно и неразумно изучают языческих философов, что подобное уж привело к антихристианству в науке и жизни, и никакие догмы Божественные и человеческие не считаются твердыми, ежели его не утвердят силлогизмами Аристотеля, и ежели тот догмат не согласуется с учением Аристотеля, так его отвергают как худший, ежели с Аристотелем не согласуется.

Веттерманн. Государь, в Европе сейчас - увлечение античностью, греческими рукописями, спасенными от истребления невежественными турками. Однако, это не во вред христианству. Государи, кардиналы, богатые граждане, сам Папа, Римский составляют большие библиотеки из манускриптов и редких книг.

Иван. Таких редких книг и манускриптов, как в моей царской книжной клети, в царской кремлевской казенке, нет нигде в Европе ни у одного государя, и сам Папа тому может подивиться, в чем вы, ученые немцы, убеждения поимеете. Моя книгохранительница от отца моего, великого князя Василия III. Отец мой, будучи еще царевичем, составил свою личную библиотеку почти из подарков. То благословит книгой митрополит, то челом ударит думный дьяк... Когда отец привел приезжего книжника Максима Грека в свою царскую книгохранительницу и посадил множество греческих книг смотреть, также поручил перевод греческого псалтыря, то и Максим клятвенно изрек при отце моем, благочестивом государе, что и в Греции не видел такого множества трудолюбивых собраний. Гавриила Пушкин, сколько всего хранится редких рукописей?

Гаврила Пушкин. До восьмисот царских рукописей с востока, государь, в золотых переплетах.

Иван. Вы, иноземцы, поглядев, засвидетельствуете, что в книгах великого князя хранится до восьмисот рукописей, главным образом, греческих, также и латинских, частью купленных, частью полученных в дар. Много книг прислано константинопольскими патриархами, которые более ста лет лежат без всякого потребления. Будучи как отец мой, великий князь Василий, любознателен, я и прежде уж желал узнать, что заключается в тех книгах. Никто из русских не мог уразуметь их содержания, то издавна хотел уразуметь через некоторое время после вступления своего на престол. И вот минуло уж почти что пять десятков лет, всякое стряслось со мной и с Русью, а все имею такое желание. Тем более множество новых книг явилось, подаренных и купленных. Гаврила Пушкин, кому ныне книги покупать поручено?

Гаврила Пушкин. Старцу Арсению Суханову то поручено, вот ему.

Старец Арсений Суханов (*кланяется*). Государь милостивый, а покупаю те книги на твои государевы деньги и на соболы я, старец Арсений Суханов. А ныне слагаю те книги по церкви Трех Святителей - Петра, Алексея и Иона, московских чудотворцев.

Гаврила Пушкин. Также у впавших в ересь али опалу отобранные книги туда складаем. Частью книги в большом погребе, холодный склад - то книги не разрушаются.

Иван. Хранить книги надобно с особым тщанием, аки в казне драгоценные камни.

Гаврила Пушкин. То делаем, милостивый государь. А хранителей имеем добрых: хранят да опись составляют старец Ефимий да книгохранитель Пафнутий Раков.

Старец Ефимий. Государь, от монастырского своего пребывания молодым иноком в Волоколамском помню, за нетрежное обращение с книгой - лишение пищи, сухоядие, публичное позорное стояние на общем обеде.

Иван. Не повсюду так. По иным церквам иначе. Указать митрополии надобно и со всем прилежанием книги блюсти книгохранителю и пономарю. Годунов, о том составишь бумагу.

Годунов. Исполним, государь.

Гаврила Пушкин. Тут, в царской казне, книгохранители особо добры. Вот - Пафнутий Раков.

Пафнутий Раков. Хранил с тщанием, государь.

Иван. Книги надо хранить с особым тщанием. Щелканов, тот, что за книгу в моем подклете сидит, как его?

Щелканов. Матюшка Башкин, Семенов сын.

Иван. Вывести еретика из подклети, посадить в деревянный сруб и сжечь за дурное обращение с книгой.

Щелканов. То Бельского дело, ему указать надобно.

Иван. Запиши, чтоб не забывать.

Щелканов. Исполню, государь.

Иван. Книгу беречь нужно, как и святыне образа, от порчи и от еретических толкований. Однако различать нужно, которая для чего. (*Берет книгу.*) Вот книга - сей древний псалтырь жил еще в келье Сергия Радонежского. (*Целует книгу и кладет ее назад.*) Милые мои, много сведений почерпнул я из книг, много сведений из моего разнообразного учения. Во первые годы царствования правление бояр оставляло мне много досуга и вынуждало замыкаться во внутренний мир свой. В ту пору я читал все, что возбуждало мое любопытство: Священное Писание и римскую историю, русские летописи и византийские хронографии, творения отцов церкви и Жития Святых, читал также и переводных язычников. Отсюда и почерпнул много мыслей, избирал те, которые относятся ко мне, предсказывая мне то назначение, про которое я мечтал. Однако, со временем почал я осознавать различие в книгах.

Царевич Федор. Батюшка, которое то различие?

Иван. То различие важное, Федор-сын, мальчик. Без понимания того различия нельзя быть истинно русским православным и цели зреть истинные против заблуждений. Прежде прочего три больших заблуждения, три больших ереси латынских: учение о Чистилище, об исхождении Святого Духа от сына и об употреблении опресноков в Таинствах Иохаристии. Про то велел я боярину Тучкову писать снова житие святого Михаила Клопского, для противопоставления святых православных мужей древним греческим и римским героям. Хоть и храбр был Геракл, но в глубину нечестья погружен, и тварь паче Творца почитал. Также и Ахилл, и троянский царь Приам были еллины, и от еллинских похвалений такой приметной славы сподобились. Мы ж должны похвалить и почитать святых и приближенных и великих наших чудодейтелей, которые такую победу над врагами показали и такую благодать от Бога приняли, что не только человеки, но и сами ангелы их почитают и славят. Мы ж оставляем чудеса их без проповедования. Для проповедования же чудес нужно прежде прочего чтением хранить книги и летописи о тех чудесах. А храним дурно! Так ли, Пушкин?

Гаврила Пушкин. В церквях, запертых снаружи, спят сторожи на коробах, отчего книгам и архивам порча. Видел, как в Новгороде спали два сторожа, охранявших купеческую кладь в новгородской церкви Ивана на Оболках. Успенская, Пятницкая, Дмитриевская - купцы под ними в подвалах держат свои запасы. Никольский собор двухэтажный, то в первом этаже магазин и жилище ростовщика.

Иван. Дом Божий, а снизу разные припасы да прочее - то воспретить. Все книги и архивы отдать из казенного приказа в книжную казну Гавриле Пушкину для доброго хранения.

Гаврила Пушкин. Храним добро, государь, все в подробностях размечено. Сей липовый ящик - книга лексикон большой, Евангелие греческое да прочие подобные. Ящик с внутренним замком, выкрашен красками, по углам на верхней доске надугольники обиты железом лудяным нарезным, в середине обито стамедом чреватым. Архивы - в лубяных коробах за печатями и замками.

Иван. Ныне, при распространении неверных ересей и разбоях, хранение книгам нужно особое, в крепких сундуках и ларях.

Пушкин. То делаем, государь, покупаем на торге, в коробейном ряду. Также лари, особо же с ценными книгами - держим в коробах новгородских. Из луба выделаны, деревянные, окованы железом с замками.

Царевич Федор. Батюшка, читал я в старинном обличении о мнимых книголюбях, которые запирают книги в коробах и ларях.

Иван. Знаю я, Федор-сын, мальчик, тех мнимых книголюбов, которые книги держат ради красоты сундуков. Казенный сундук - железный, немецкий, с замком, украшен росписью об Александре Македонском, Бове королевиче, Сирин-птице. Иные же книголюбы подобны щеголям, подражатели заморски. Курбский-собака книги держал в большой шкатулке. В комнатах в красном шкафе, в черном шкафе полки имел с дверцами в стенной нише, говорил - легче взять. Нет, книгам нужно ящичное хранение. А иные книги в посковницах держать, лишь ежели решетка на окнах. В древности книги хранились в дьяконнике, в шкафике в стенных нишах. Ныне при шатании нравов к двум прежним врагам книжным, к жаре и сырости, тати да разбойники прибавились. Так ли, Пушкин?

Гаврила Пушкин. Так, государь милостивый. Богатые книгами монастыри в глуши северной и северо-восточной многие деревянные, оттого горят часто. Монастыри каменные спасают книгу от пожара.

В Антониевском Сийском книгоположницы и архивные палатки по сторонам церкви Трех Святителей, Тихвинский Успенской Богородицы монастырь.

Иван. Бывал я там. Палатка из двух светлых комнат, разделенных между собой аркой. Также и в больших городских храмах, но есть и отдельно - Московский Даниловский монастырь. В сухой, просторной палате нижнего храма имеют книгохранилище на паперти. Тут, в Чудовом монастыре Московского Кремля, книгоположница под сводами южного входа, а в подвалы спускаются редко.

Царевич Федор. Батюшка, книги, которые замурованы, точно погребены. Какая от них польза?

Иван. Польза в их существовании, хотя и укрытом. Входя, Федор-сын, мальчик, в книгохранильницу со многим трудом, многие дни в рассмотрение положи. Троицкая церковь в Твери - семь глав, две сооружены на спуске крыши, над входом в алтарь под ними меж двумя сводами от иконостаса до алтарного места засекаются три комнаты без окон, вход в них опасный - надо с колокольницы перешагнуть решетку, пройти по гребню железной крыши зимней церкви и от средней ее главы спускаться в круглое отверстие в крыше. Бывал я там давно уж, ныне не смог бы при моей немочи. Множество там книг добрых. Брал я оттуда иные в свою богатую книжную казну, брал у монастыря и у других лиц. Курбский брал книги в Псковско-Печерском монастыре, я ж боле в Тверском, в Кирилловом али в Чудовом. Пушкин, составлена ль опись моей постельной казны?

Гаврила Пушкин. Составлена, государь, однакоиная книга помечена, а той книги нет.

Иван. Которая?

Пушкин. Стихаре помечен.

Иван. Вспомнил, брал я стихаре на чтение у Токмакова. Токмаков - летописец Троице-Сергиевской книгохранительной казны. Пометил: отдана книжка Юрьеву сыну Токмакову в Троицу. Также за «Посвятителем» обращался к епископу Крутицкому Нифонту. Помню ту книгу. Она, та книга, облачена бархатом красным, жуки-застежки медные, замок. *(Тяжело дышит.)*

Юрьев. Государь, утомился ты. Будешь ли далее смотреть? Не отложиться ли до другого раза?

Иван. Пришел, то буду смотреть. Может, другого раза и не будет. Сии книги - друзья мои и товарищи. Заведовал постельной казной сначала Алешка Адашев, от которой носил ключи. Алешка - из собацкого рода, изменник, с попом-невеждой Сильвестром. Пушкин, смотри добро за книжной казной.

Гаврила Пушкин. Смотрим добро, государь. *(Смотрит в бумаги.)* Тут, в Кремлевском Чудовом монастыре, взята «Псалтырь следования», надпись, кому дана, неясна.

Иван. То пиши государя-царевича. Из книгохранильницы брал Иван-сын, почивший в Бозе, упокой, Господи, душу его. *(Крестится нетвердой рукой.)* Гляди, Пушкин, книгохранильница не моя, а всей царской семьи, всей династии живот. А выдачи книг истинно надобны. Даже и простолюдинам из церковной и монастырской казны надобна выдача, чтобы изменники и еретики не учили нас. Также и монахи чтоб читали, а то много среди монахов невежества, в которые дни имеют свободу от телесных дел, ударял бы книгохранитель в било, подвешенную доску, и брал бы книгу книгохранитель, и все бы приходили и возвращали книги под вечер. Так распорядиться в митрополии повсеместно. Пущай будет чтение, а не пьянство по кельям. Запиши, Годунов.

Годунов. Напишем грамоту митрополиту, государь.

Иван. Скажи, так ли у вас, у латын, в монастырях книги выдают?

Шредер. В католических монастырях, государь, немое обращение к библиотекарису, чтоб не нарушал тишины.

Иван. Как так, разговор жестами?

Шредер. Разговор жестами, государь. Жест - обозначение книги, и чтение - положив палец на грудь или на руку и поцарапав.

Иван. Так ли? *(Кладет палец и царапает.)*

Шредер. Царапание может быть двоякое, государь, будто кто-то при помощи ногтей соскабливает со страницы воск, капнувший у читателя от качнувшейся свечи. То в Честерибском монастыре. Или будто кто-то листает книгу - то в Ключейском монастыре в верхней Бургундии. Так при определении духовных книг. Жест же при определении мирских, назидательных книг у честерибцев для обозначения прозы - поднять прямо руки и хлопнуть ими, а для бытовых книг - положить на плечо сжатый кулак, будто кто-то несет сии книги. В Ключейском монастыре для обозначения сочинений язычников полагается после обозначения знака чтения изобразить касание уха пальцем, подобно чешущейся собаке.

Иван. Подобным образом? *(Прикасается пальцем к уху.)*

Шредер. Подобным, государь, так как неверные не без оснований приравниваются к такому животному. Все эти жесты - отрешение братии от земных дел.

Иван. Ни слова нельзя сказать?

Шредер. Разрешается, государь, произнесение нескольких слов. Sambissa vose in aure - то есть шепотом на ухо название книги.

Иван. Так у нас лишь святые отшельники-аскеты живут. Большинство же - отчаянные головорезы, воры и тати. Немало таковых и среди монахов. По монастырям много дорогих книг и икон распродано. Гаврила Пушкин, на каждой книге чтоб писали: «Быти сей книге в книгохранительнице до окончания века», а кто украдет сию книгу, судиться с ним перед Богом на Страшном Суде. Мы в Москве слишком отстали от европейского мира. Нам бы внешних понятий и благ от Европы получить: пекарей и мастеров, печников, грамотеев. Оттого велел размуровать царскую мою либерию для показу вам, ученым немцам. Сделано ли, Пушкин?

Гаврила. Сделано, государь.

Иван. Книжные сокровища хранятся в двух подвалах, под кремлевской стеной тайник с ящиками. Два раздела - античный и мирской - у меня в либерии, сиречь книгохранительнице.

Иоахим Шредер. Я слышал о тайной античной библиотеке.

Иван. Она не открывалась сто лет. Дьяки, повелеваю вынести и дать в руки немцам несколько книг. *(Дьяки вносят рукописи.)*

Томас Шреффер. Этих рукописей и книг в Европе нет. Эти древние произведения исчезли в Европе из-за войны и пожара. *(Смотрит книги.)*

Даниэль Браккер. Несмотря на бедность, охотно отдал бы за такие книги все свое имущество, лишь бы передать их в протестантский университет.

Иоахим Шредер *(перебирает рукописи)*. Тут много книг на греческом и латинском. Произведения, по большей части, исчезнувшие, мирового значения: Плиний, Цицерон, Полибий, Аристофан, Пендариий, также книги - по истории учебники и по архитектуре.

Царевич Федор. Батюшка, как понять такие книги?

Иван. Федор-сын, мальчик, прими книгу, и почитай знаемое, а неведомое иди к мудрейшему вопрошать. То и царю не соромно. Неведомо - и ты вопросы у высшего себя разумом и учением, дабы мудрость и на старость дается. Мудрость - дело духовное. Милосердному и мудрому уготован рай. Вопрошение же у мудрого есть христианское смирение, душеполезный подвиг.

Царевич Федор. Батюшка, а кто тут мудрый?

Иван. Был при мне с половины века после до десятого года царев книгочей Кир Сафоний, постник, духовное лицо. Гораздо меня старше, ибо чтец меньше пятидесяти лет не бывает, вслух читал. Рукописное ведомство возглавлял, был и переводчик, чтец иноземных изданий. Шибко я его почитал, шибко скорблю по нем. Ныне умер Сафоний. Ученый был. По монастырям книгохранителей множество неученых - четырем Евангелиям имени не ведают. Он и по-татарски умел. Ныне и в посольском приказе мало по-татарски смыслят. Так ли, Щелканов?

Щелканов. Людей добрых не достати, государь.

Иван. Раньше лучше было, а ныне - бир эти уч тюбе эрту - вот и весь смысл. В книгохранительницы ученых велико потребно. Иные книгу записать не могут. Добрые книгочтеи в великой цене и почете у нас. Иоахим Шредер, у вас, латын, в великом ли почете книгочтеи и книгохранители?

Шредер. В весьма большом почете, государь, библиотекариусы. На фреске Молоццо де Фоли в старой библиотеке Ватикана изображен книгочтеи.

Иван. И у меня почет будет не меньший. Дьяк Щелканов, предложи немцам от имени моего, царя, перевести какую-либо из книг на русский. Заплачу хорошо. Особо же желал перевод книг старинных, полученных от патриархов при крещении Руси.

Щелканов. Господа, от имени государя предлагаю за хорошую плату перевести что-либо, особенно из константинопольских книг.

Томас Шреффер. Мы подумаем о том.

Иоахим Шредер *(тихо)*. Заставит все переводить до смерти.

Томас Шреффер. Государь, подумавши, мы решили отказаться. Плохо понимаем по-русски, а книги страшно запылены и иные ветхие.

Бреггелъ. Государь, мы купили бы некоторые книги для европейских университетов.

Иван. Нет, я скорее продам камень, чем книжную драгоценность. Ежели вы, немцы, испугались, то книги опять замурую лет на сто.

Люев. Государь, сия книга немецкая на бумаге - травник, не взять ли в аптекарский приказ?

Иван (*смотрит книгу*). Сию книгу - травник - возьми в постельную казну. А сии три травника и четыре лечбника возьми в аптекарский приказ. Книга ратного строя ветха и изодрана - поправь, да отдать в разрядный приказ. Также сию архитекунро-строительную немецкую в лицах отдать в каменный приказ. Пушкин, я велел найти мне тетрадь-летописец литовских князей.

Гаврила Пушкин. Найдена, государь, в архиве. Ящик сто четырнадцать.

Иван. Я возьму. Напишешь: летописец взят государю. Шибко Литва кичится, а прислали гонца своего, Петрушку-переводчика, не с теми титулами.

Щелканов. То, государь, шведский король Иоханн гонца Петра прислал.

Иван. Что Литва, что швед - они нас ниже. Спаси же со стороны нашего самодержавства к их королевству али гетманству никакой нет, одна лишь правда, подтверждаемая летописями и книгами. Книги мне много разъяснили. Я - первый русский царь не оттого, что принял царский титул, а потому что первый понял силу своего сана. Единодержавная власть явилась до меня, уже лет сто тому она развивалась ясно и полно в московской литературе. Однако, ни отец мой Василий III, ни дед мой Иван III не задумывались над ее смыслом.

Царевич Федор. В чем тот смысл, батюшка?

Иван. Тот смысл ты, наследник мой Федор-сын, мальчик, повинен добро усвоить. Государь - Бог вручил ему власть, и государь лишь перед Богом в ответе за пользование сверхчеловеческими правами. Никто не смеет ему указать о воплощении Божественного разума и воли. (*Начинает надсадно кашлять.*) Унесите меня. Темнеет в глазах, и я испытываю жар. (*Царя уносят.*)

Занавес

Сцена 123

Спальня царя в кремлевском тереме. Царь Иван полулежит в постели. Подле него - Бельский, Щелканов и дьяк Фролов.

Иван. Други мои, собрал вас, тебя, Бельский, тебя, Щелканов, и тебя, дьяк Фролов, для дела особого. Здоровье мое, царя, делается все хуже и хуже. Хоть иноземные врачи расточают надо мной свое искусство, по монастырям раздается обильная милостыня, по церквам велено молиться за меня, больного царя, однак, чую в себе немочь желудком. И как жар бывает, и всякие болячки огненные, надутые на меня, и трясовения. Также волхвы предрекают мне день смерти, отчего бываю я в ужасе, особенно ночами. Сии дни помышлял о судьбе царства. Находя, что Федор по маломуию неспособен царствовать, я, царь, придумывал разные способы устроить после себя наследство и составлял разные завещания. Из близко стоящих ко мне людей Борис Годунов, Иван Мстиславский, Иван Шуйский. Где он?

Бельский. Он еще в Пскове, государь.

Иван. Никита Романов?

Бельский. Он с казаками на засечной полосе.

Иван. Ты, Богдан Бельский, да дьяк Щелканов - вот и все, кому могу верить. Знаю, что двор клонится к закату, опереться боле не на кого. Наследник мой, царевич Федор, давно достиг совершеннолетия, а я, отец, не питаю надежды на его умственные способности и поступлю с ним так, как издавна поступали московские князья, оставляя трон малолетним детям. Вверяю сына и семью попечению думных людей, имена которых назову в своем завещании. Зная дворовые интриги, раздумываю, кого назначить - Ивана Федоровича Мстиславского, Ивана Петровича Шуйского, Никиту Романыча Романова-Юрьева да тебя, Богдана Яковлевича Бельского, или Бориса Годунова, Мстиславского, Романова, Бельского. Или Шуйского, Мстиславского и Романова. Надо исключить либо Годунова, либо тебя, Бельского. Вместе вам не быть. Я уж составил завещание, в котором наследником объявил Федора, а около него устроил совет. В том совете занял место и Борис Годунов.

Бельский. Государь, все не любят Бориса Годунова, опасаясь, что он, как брат жены царевича Федора, неизбежно завладеет правлением.

Иван. Истинно, Годунов - человек способный и хитрый, а Федор слаб умом и здоровьем. Кончина Федора может открыть Годунову дорогу к трону. Пока я жив, бездетность Федора мне на пользу и отвечает высшим интересам государства. Ныне же, когда чую страшную болезнь за грехи мои, все переменялось. Меня, царя, удручает возможность конца династии. Я уж требовал прежде от Федора развода с бесплодной Ириной Годуновой, однако после гибели царевича Ивана не решаюсь поступить с младшим сыном круто, как со старшим. Лишь уговорами стараюсь.

Бельский. Государь, интересы государства и династии требуют развода, ибо без наследника смута может быть, и даже самозванство. О том указать бы в завещании.

Иван. Я выражу свою волю по поводу брака Федора в завещании. Я желаю лишить Бориса Годунова возможности помешать разводу Федора с Ириной Годуновой, потому не включу Бориса в состав опекунов. Но знаю также, что Нагие тайно рассчитывают из-за бездетности Федора на трон и надеются, что рано или поздно трон перейдет к царевичу Дмитрию. А тот царевич незаконный, не в церковном браке рожден. Не люблю я его, и мать его, и прочих Нагих. Женившись на Марии Нагой, я невзлюбил их вскоре. Давно я задумал жениться на какой-либо иноземной принцессе царской крови. Среди моих предков есть немцы из Баварии, а многая наша знать не оттуда ли? Слово «боярин» - не от слова ли «баварец»? Во мне кровь римлян и варягов, и баварцев. Я из чужой на Руси расы завоевателей, и в сием своем происхождении вижу свое превосходство над здешними холопами, простыми смертными. Потому составлю иное завещание. Пиши, Фролов!

Фролов. Слушаюсь, государь.

Иван. Объявляю престол царевичу Федору, а около него устраиваю совет.

Бельский. Государь, Нагой, как и Годунов, не должен войти в тот совет.

Иван. Прежде доверие мое к Нагому было велико. Дипломат он добрый. Я посвятил любимца в планы сватовства при английском дворе и поручил ему просить англичан про девку, царскую мою невесту Мэри Гастингс. Англичанин-медик по имени Роберт сообщил мне, что у английской королевы есть родственница, Мария Гастингс, графиня Гантингтонская. Марию же Нагую и ее сына Дмитрия велю постричь.

Бельский. Государь, пострижение племянницы его царицы Марии и ее сына Дмитрия не совпадает с расчетами Нагого.

Иван. Сие я уразумел. Своим расчетам он, Нагой, верен более, чем мне, царю. Оттого, хоть дипломат он добрый, отстраню от переговоров и не включу в состав опекунского совета. Царевича Дмитрия хочу отдать в монастырь на воспитание, а потом на пострижение. Сделать монахом, а не царем. В Лондон же отправлю дворянина Федора Писемского узнать о невесте. Щелканов, отправлен ли уже Федор Писемский?

Щелканов. Уже отправлен, государь.

Иван. Пусть узнает о невесте, поговорит о ней с королевою, вместе с тем снова изъявит желание от имени меня, царя, заключить тесный союз с Англией.

Бельский. Государь, слухи о твоём английском прожекте невесть откуда проникли во двор и вызвали ропот, также и среди знати.

Иван. Что им не по душе? Не угодишь! Политика двора претерпела ныне перемены. Казни прекратились, смягчились гонения, но двор распускать не след. Казалось бы, двор и Дума должны обеспечить сыну моему, наследнику царевичу Федору, после его воцарения военную опору.

Бельский. Государь, как бы не вышло иначе. Английский прожект и династические распри раскололи двор и Думу на разных соперников. Хорошо бы, государь, для опоры царевичу Федору сделать вновь опричнину.

Иван. Нет, Бельский, то невозможно ныне - бить и грабить просто так.

Бельский. Государь, лишь таким ополчением вооружившись, можно удержать власть. Готов слезы проливать и умолять тебя, государя, с пользой распорядиться твоим достоинством.

Иван. Нет, опричнины новой не сделаю, двор устал. Самые влиятельные - Нагие и Годуновы - не допущены в опекунский совет. Двор и земство должны иметь равные представительства в регентском совете. От двора - ты, Богдан Бельский, и Иван Шуйский. От земщины - Иван Мстиславский и Никита Романов.

Бельский. Государь, назначив трех знатных бояр, дал ты перевес знати, враждебно относящейся ко двору. Надо бы в опекунский совет и митрополита включить.

Иван. Нет, иначе поступлю. Я, царь, завещаю трон в случае смерти бездетного Федора Габсбургам. *(Долгая пауза).*

Бельский *(растерянно).* Габсбургам? Государь, та династия латинская, да православный трон примут ли?

Иван. Условие моего брака с английской принцессой есть то, чтобы будущая супруга царя приняла греческую веру, и чтоб все приехавшие с ней бояре и боярыни также последовали его примеру. Также и для правителя государева от Габсбургов, чтоб принял греческую веру. России пора иметь наконец истинно европейскую знатную династию, иначе на трон усядутся мелкопоместные Романовы, худородные Годуновы, либо выродившаяся русская знать - Милославские ли, Шуйские ли. Потому, оставляя престол полоумному Федору, я назначаю правителем государства эрцгерцога Эрнста, того самого, которого прежде я так хотел посадить на польский престол. Я и прежде желал - если Федор умрет бездетным, то государем станет эрцгерцог Максимилиан Австрийский, брат императора Рудольфа. Однако, ныне Максимилиан стал императором вместо умершего Рудольфа, то приглашу Эрнста из того же Габсбургского дома.

Фролов. Так ли писать, государь: «Мы бы брали себе государем брата твоего, Максимилианова, Эрнста, арцкнязя аустрийского»...

Иван. Так пиши. А с невеликих бы станюв, шведского сына или какого иного поморского на великое государство не отбирали бы. Те государи непристойные, о христианстве не радуют, только всегда кроворазлития христианского желают, а басурманским государям в том радость чинят. Щелканов, распорядись послать в Вену сорок четыре тысячи собольих мехов.

Щелканов. Исполним как велишь, государь. Однак, государь, мыслю - неприятен тот союз с Австрийской империей. Империя погружена в исходящие от Германии религиозные споры, а император занят одними лишь науками философией и риторикой.

Иван. Будет как я велю. Эрнст должен получить в удел Тверь, Вологду и Углич, а если Федор умрет бездетным, то сделается наследником русского престола. К сему располагает меня уважение, какое я питаю к знатности габсбургского дома. Я мыслю членов его наследниками Священной Римской империи, в которой родился сам Иисус Христос. Завещание сие должно быть тайным. Тайну завещания никому не открывать под страхом тяжкого наказания. Также Борису не открывать, только лишь боярам опекунского совета. Ты, Бельский, за сию тайну в ответе.

Бельский. Потщусь, государь. Государь, время пользоваться тебя лекарям. В сенях ждут лекарь Люев, медик Джованни да английский медик Роберт.

Иван. Хай идут. Вы же помните про тайну, да чтоб бес не соблазнил, аки древний змей, сатана.

Щелканов. Не скажем никому, государь, особо же шурина цареву, Годунову. *(Крестится. Все крестятся и уходят. Входят лекаря).*

Занавес

Сцена 124

Теремная палата Кремля. Царь Иван полулежит в кресле.

Иван. Печалюсь, милые мои, что из-за немочи моей не будет ныне ночной царской раздачи милостыни нищим и богомольцам на Ивановской площади.

Царевич Федор. И я, батюшка, сие знамение шибко люблю. Нищие - то ходоки за нас перед Богом.

Иван. Истинно так, чадо мое. Нищенство - необходимость. Провидение нищих создало, чтоб дать возможность подающим благосклонно совершать богоугодные дела и облегчать путь спасения. Как станешь царем, то помни: царь есть посланник Божий, человеколюбец. А человеколюбие - прежде всего нищелюбие, нищелюбие - то подаяние. Нищелюбу подаяние еще более нужно, чем нищему, ибо нищий для благодетеля - лучший богомолец, молитвенный ходатай, душевный благодетель. Так святые отцы учат, так учил Иоанн Златоуст и прочие. Церковников и нищих, и маловажных, и бедных, и склонных, и странников-пришельцев призывай в дом свой и по силе накорми, и напои, и обогрей, и милостыню давай от своих праведных трудов и в дому, и на торгу, и на пути, то бо

очищаются грехи, то бо ходатаи к Богу о грехе нашем. Так и народ учить надобно, таково через нищих воспитание народа. А ходатаи за сих убогих - святые православная церковь и царская власть. Так же старались поступать и наши предки Рюриковичи, русские князья. Владимир Святой славился своей широтой и нищелюбием, Владимир Мономах говорил: «Будьте отцами сирот. Не оставляйте сильным губить слабых, не оставляйте больных без помощи.» Годунов, приготовлены ли деньги из казны для раздачи ныне богомольцам по церквам и иным тут, в царской палате?

Годунов. Как ты велел, государь, деньги приготовлены. Однако, позволь сказать, государь: становится сие все более обременительно для казны. От стихийных бедствий, иноплеменных нашествий и набегов, от лихоимцев-управителей нищих стало великое множество. Нищими наполнены княжеские и царские терема, торги, площади и крестцы, ими набиты все церкви, да множество среди них тунеядцев, а то и воров.

Бельский. С Годуновым я согласен, государь. После войны началось моровое поветрие, а вслед за моровым поветрием начался большой голод. Города, улицы и дороги забиты мошенниками, праздными нищими и притворными калеками. В такое, государь, трудное время надо было положить тому конец. Оттого, государь, всем им было объявлено бирючами на крестцах, что они могут получить на сей раз милостыню от царя в назначенный день в слободе.

Иван. Явились ли?

Бельский. Несколько тысяч, государь, и из сих нескольких тысяч пришедших семсот человек самых диких обманщиков и негодяев были убиты ударами в голову и сброшены в большое озеро на добычу рыбам, остальные, самые слабые, распределяются по монастырям и больницам, где получают помощь. Некоторые направлены сюда для раздачи царской милости в царском тереме.

Иван. То милосердное деяние. Помни, что нищенство есть необходимый Богом ниспосланный крест. Надо бы почтиться и впредь.

Щелканов. Государь, в Европе за нищенство - тюрьма, клеймение раскаленным железом, позорные столбы, битье кнутом, ссылка и казнь.

Царевич Федор. Батюшка, возможно ли такое у нас, православных, по отношению к тем, кто стремится к покаянному хождению в Иерусалим?

Годунов. Государь царевич, есть стремящиеся к покаянному хождению, а есть стремящиеся к беспечальному питанию.

Бельский. Государь царевич, не все ватаги доходят до Иерусалима, к каликам скоморохи примешиваются. Молодцы на все руки бесцельно шатаются по деревням и селам, куда ни придут, едят и пьют сильно. Воровской народ среди калик, просят милостыню настойчиво. Не дают - крадут.

Иван. Запретить подобное, чтоб к каликам-странникам примешивались злодеи.

Годунов. Истинно, государь! Каличье в массе разный народ, а бремя от них велико. Вот в книге «Кормление» писано. Читай, дьяк Оладья!

Оладья (*читает*). В царских хоробах за обедом кормлено 52 нищих, роздано по полтине, потом ввечеру 80 человек, дано столько же. В хоробах царицы кормлено 72 человека нищих, роздано одному по рублю - тому, кто побывал в Святой земле, остальным - по полтине. В праздник Рождества Христова, государь, кормили нищих 85 человек в Золотой палате, и роздал ты, государь, из своих рук по рублю каждому. На мясоедную родительскую субботу также кормлено в палате, также по рублю.

Годунов. То, государь, лишь в последнее время, не считая раздач по церквам да ночных раздач по праздникам на Ивановской площади. А нищие митрополичьи, соборные, церковные да прочие? Нам, государь, потребен закон, пока нищенство не перешло в бедствие.

Щелканов. По давнему английскому закону запрещается подавать милостыню, и все способные к труду должны искать работу. Праздных тунеядцев отправлять на работу, а больных - в богадельню.

Царевич Федор. Батюшка, ежели таковой обычай, таковой английский указ у нас будет, то не только в Москве, но и в городах всего Московского государства никакого нищего богомольца, по улицам бродящего, не найдешь. Кто ж поить и кормить будет во имя Божьего милосердия щедро и наделять деньгами во искупление грехов, слушать их рассказы о диковинных землях, а также слушать, как поют калики-слепцы духовные стихи? Как же так у нас, батюшка, может быть?

Иван. Чадо мое, Федор-сын, мальчик, ведомо ведь: постоянное гостбище калик начинается с моего царствования, однако, закон нам потребен, чтобы отделить истинных от злодеев. Я велел Андрею Писемскому среди прочих английских законов прислать и закон о нищих. Прислан ли?

Щелканов. Прислан, как велел, государь. По новым законам делаются добровольные подаяния, ставшие уж принудительным сбором. Сперва то делалось через особых сборщиков подаяния и епископом, ныне же - через мировых судей. Однако, королева Елизавета хочет установить обязательный налог в пользу бедных. Так же, государь, и во Франции.

Иван. В Англии и Франции у монастырей земли отняты, то там бремя забот о бедных переложено на государство. У нас же монастыри и церкви имеют богатые доходы, то должны взять на себя призрение. Также и богатые помещики-вельможи. А наблюдение за тем чтоб было в руках духовников и целовальников. Запиши, Годунов, для указа. *(Кашляет.)*

Годунов. Исполним, государь.

Царевич Федор. Батюшка, повсюду ты управляешься. Мне-то как управиться? Не оставляй меня одного, батюшка!

Иван. Чадо мое милое, чадо мое сердечное, кости мои, тело от тела моего, царевич Федор-сын, мальчик, обратится сердце твое на помощь мою. Ты теперь, чадо, больше отца своего. Быть царем тебе на Руси скоро, то учись делу царскому. Помнишь ли, чадо, как во святых книгах пишут: «Не долго спи и не долго лежи. Вставайте рано, молитесь Богу да дела делайте. Лежа добра не ведати, и горя не избыти, и спасения не получитьи, Бога не умолити и грехов не очистити, чести и славы не получитьи.» Помни тако же всегда слова киевского князя Глеба, брата Борисова, обращенные к его убийцам: «Не пролей крови невинной напрасно!» Я грешник великий, оттого потребны мне святые богомольцы для покаяния. Ты ж, Федор-сын, мальчик, живи чисто.

Царевич Федор. Помню я добрые твои поучения, батюшка.

Иван. Я, царь, не раз поучал тебя, сына-наследника, как тебе людей держать и от них беречься, и во всем их уметь к себе присвоить, однако, сам я, грешник, не умел присвоить, надолго подчинить себе даже ближних людей. После меня будет смута, берегись ее. Про меня говорят - недобр и жесток. Я ж излишне доверчив к людям, показывающим свою преданность. Доверял безгранично, до излишества. Не делай так. Не сули журавля в небе, дай синицу в руки. *(Кашляет.)* Людей можно только бояться или их презирать. *(Кашляет.)*

Лекарь Люев. Государь, ослаб ты. Не отменить ли раздачу денег нищим?

Иван. Нет, с нищими богомольцами хочу быть ради спасения души и грехов моих замаливания. *(Кашляет, вытирает слезы.)*

Люев. Вдохни, государь, ноздряным духом мокрицы огородной. Главную мокроту выгонит и заключит всякое течение слезное, также гнили и иные мокроты вредительные выводит. *(Дает царю вдыхать траву.)* Также внутрь прими воду из мокрицы огородной. Выгоняет лишнюю горячесть твою и густую мокроту. *(Дает пить.)*

Бельский. Государь, пускать ли богомольцев или погодить?

Иван. Хай идут.

(Слышно пение. Прими меня, пустыня, как матушка чадо свое. С пением входят богомольцы и становятся перед царем на колени, низко кланяются, поют: Не пугай, пустыня, страшилищами своими беглеца из нечестивого, заблудшего мира сего.)

Иван. С сией духовной песней и я в прежние годы не раз шел в Божий дом, любя, шел пеший и к Троице. *(Подхватывает песню.)* О, прекрасная пустыня, весела дубравушка, полюбила ты мне больше царских чертогов и золоченых палат.

Царевич Федор *(умиленно)*. Батюшка, добро то как, сладко идти к дому Божьему, облекшись в простой покрут, платье нищее, каличье, да с переметной сумой, да с клюкой горбатой, да пойти в Троицу к образам Пречистой Богородицы, поднести Пречистой вышитую крестами ризу во славу святой апостольской церкви! *(Плачет.)*

Годунов. Уймись, царевич, утрись ширинкою! *(Утирает царевича Федора платком.)*

Иван. Калики Божьи, откуда то путь держите?

1-й нищий. Государь-батюшка, мы - калики-странники, богомольцы нищие, питаемся подаянием.

2-й нищий. Каличьей ватагой по городам и селам бредем.

Нищий старик. Я, государь, монастыря Боголюбова.

Царевич Федор. А нет ли среди вас идущих в Иерусалим, Святую землю или иную далекую землю?

Старица Филя. Государь-царевич, я, старица Филя, ходила, да Хомушка Горбатенький да Потянюшка Хроменький, да Потянюшка - Вдовый сын, да дядя Петля-Карман Лобов с Никулкой, да вот Гагара тоже ходок.

Иван. Кто ты, Гагара?

Гагара. Я - Гагара Василий Яковлевич, ходок в Святую землю.

Иван. Многие ходили ли?

Бельский. Государь Иван Васильевич с царевичем Федором Ивановичем, среди калик для раздачи денег с умыслом подобраны ходоки в Святую землю.

Годунов. А не измышляют ли? Ходящим в Святую землю дается по рублю, иным по полтине. Истинно ли ходили?

Старица Филя. Истинно, боярин, ходили, да снова идем святой святыне помолиться, к Господню Гробу приложиться.

Петля-Карман Лобов. Во Иордане-реке искупаться, нетленной ризой утереться, на кипарисовом дереве сушиться.

Никулка. Чудным крестом помолиться, к святым мощам приложиться.

Царевич Федор. Батюшка, имеется у меня давняя страсть - святыне места посетить да помолиться у Гроба Господня. Пустил бы меня с каличьей ватагой, батюшка, в путь облечься! Как облакаетесь в путь, калики?

Хомушка Горбатенький. Царевич-батюшка, в путь облакаемся в покруте, платьеце нищем. Монашеский подрясник со скуфейкой.

Потянюшка Хроменький. Платьице старческое.

Потянюшка Вдовый сын. Обуваем лапти белолиповые, надеваем платьеце нецветное.

Петля-Карман Лобов. Поверх того платьица - переметная сума, постоянная и необходимая вместе с клюшкой воложкой горбатой. В суму собираем милостыню спасенную.

Никулка. На голову - суфейка или мягкий дорожный колпак.

Царевич Федор. И мне б такую одежду каличью. *(Подходит к сидящей поодаль Ирине.)* Иринушка, чего сидишь поодаль, молчишь? Проси батюшку, чтоб отпустил нас с тою каличьей ватагой идти в Святую землю.

Ирина. Молчу, сказать не смею. В Житиях читала, когда святая Евфросинья проявила желание отправиться в Иерусалим, то родители восплакали, всячески пытаюсь удержать ее, а отпустили лишь по обещанию помолиться за них и ближних.

Царевич Федор. Батюшка да ты, Борис, отпусти нас с Иринушкой в Святую землю! Мы за ваши грехи да за свои грехи помолимся в святых пустынях. Был я в пустыне Тихоновой, то помню свою мать-пустыню. Красива та пустыня! И святыне пустыни, видать, еще более красивы!

Старица Филя. Государь-царевич, не наши там пустыни. В их пустынях нет ни леса, ни травы, ни людей, ни воды, только песок да камень.

Царевич Федор. Батюшка да ты, Борис, отпусти нас с Иринушкой в те пустыни помолиться!

Иван. Чадо мое, Федор-сын, мальчик, и ты, Иринушка, дщерь моя! И я мечтал про то - посетить да помолиться у Гроба Господня. Православные тянулись с древности на поклонение святым чудесам в Визании и в Святой земле. Пешком шли, как ныне идут. Часто зывали их во двory княжеские и боярские, чтоб послушать рассказы о неизвестных чудных странах. Милостыня калик, нищей братии - верный путь к спасению. Помощь идущим в Святую землю помолиться за грехи ближних равнозначна собственной покаянной поездке.

Годунов. Щедря ныне помощь, государь. Нищее прибыльно дело. Иной помещик вместе с крестьянами своими нищую каличью ватагу образует. Поместные писцовые книги помещного приказа в пометках о разоренных помещиках о том пишут. Вот - среди нищих Иван Шадра. Дворянин, а подался в нищие. Так ли?

Иван Шадра. Истинно так. Дворянин, боярский сынчишка, Иван Шадра. Имел сельцо Мацурики и село Мурашкино с поселком. Был страдный помещик со страдной землею и страдным делом сельским. Ныне же, пострадавший от военного разорения, также пострадавший от пожара, пошел в нищие я, помещик Шадров.

Годунов. Государь, то дело важное. Большая часть земель перестала обрабатываться, и многие помещики в нищие подались. В Московском уезде не засеивается пять шестых пашни, а в опустошенной неприятелем Новгородской и Псковской земле обрабатывается одна десятая пашни.

Иван. Все за грехи наши. На то и помощь наша ходатаям за нас, нищим каликам. Так ли, калики?

Карман-Петля Лобов. Истинно так, государь милостивый, собрались в путь калики русские перехожие, подорожные, прохожие люди, проходящая старая нищая братия, образовали ватаги, поклали меж собою те села, и деревни, и города с пригородами, там где милость обеспечена.

Иван. А ежели кто по пути заворуется али в блуд ударится?

Петля-Карман Лобов. Того бить клюками каличьими.

Иван. Добро сказано. Прежде странники-калики повсюду были желанные гости. Добрыня и Алеша Поповичи, чтоб не быть узнаны и проникнуть туда, куда в их одежде и облике проникнуть нельзя, переодевались каликами. Соловей Будимирович, молодец добрый, переодевался каликой.

Царевич Федор. Батюшка, правда ли, что и Илья Муромец был каликою?

Иван. Чадо мое, Федор-сын, мальчик, в старину богатыри, чтобы не быть узнаными, брали у калик одежду, кафтан в сорок пудов, колпак на голову налагали в двадцать пудов, клюку в руки брали в десять пудов.

Царевич Федор. Батюшка, читал я, что у Ильи Муромца клюка была в девяносто пудов! В клюку у него пятьдесят пудов налито свинца чебуречного да сорок пудов бревна. А иной сорвет колокол в девяносто пудов да наденет себе на голову. *(Смеется.)* А иной клал на голову колокол монастырский, который колокол был весу ровно три тысячи. Идет, колокольным языком подпирается, кленов мост под ним подгибается. *(Смеется.)* А иной клал на голову с Софии большой колокол. Батюшка, твои опричные богатыри-дружинники кто были-то? Такие ли, как Муромец Илья да Алеша Попович?

Иван. Чадо мое, Федор-мальчик, все те опричники - то были отбросы низов, тати, воры-разбойники ко мне на двор, плуты-мошенники к моему двору, не работы работать деревенские - пить зелено вино безденежно. Они вне деревенской работы. За грехи мои да за измены царские надобно было отобрать с крепкими лбами и глотками дружину. Шайка служит господину. Говорю, что равны, но отнюдь не равны. Иных держал на жаловании да угощении, преодолел неудовольство. Был Басманов Алешка и сын его Федор, тех ублажал поместьями. Не ублажил, изменили. Среди дружины Малютка был надежен. Если ему клич кликнуть, сразу прилетит на выручку, все сметая на пути. Богдан Яковлевич - племянник того Малютки. Ты его, Федор-сын, люби, он надежен. А большая же шайка - все ненадежные воры были.

Бельский. Государь милостивый, голову и живот положу, душегубу не уступлю царского благополучия.

Иван. Чадо мое, Федор-сын, мальчик, царское дело мудреное. Когда умножились измены, то я, государь, отечество разделил на две части, Россию разделил. Одну отдал Симеону, другую себе, и заповедовал своей части, оную часть насиловать и смерти предавати. Тем спасая отечество, губил душу. Также дурные советники, пьяницы и бездумцы, и властолюбцы поощряли те буйства, утверждали меня, царя, в златоострастии, прелютых и крови уж напиваючись. Каяться надобно мне, каяться, чтоб не погубить душу. Чего более всего боюсь, так нераскаянной кончины. *(Кашляет.)* Богомольцы, нет ли среди вас прежних разбойников?

Гагара (кланяется). Я, государь, прежний разбойник был, блудник, подобный Варавве, распятому с Господом. От юности своей житье блудно проводил, аки свинья, в кале греховом пребывал, блуд творя беспрестанно. Не имел ни среды, ни пяток, ни торжества Божьего праздника.

Иван. Много ли впадал в блуд?

Гагара. Множество впадал в блуд, и бывши и с мужским полом и с женским, и с русскими же и с басурманским, и со скотами многими погрешивши был.

Иван. Долго ли так жил ты, Гагара?

Гагара. И того моего скверного блудного житья было сорок лет до древности лета живота моего, то измыслил - благотворным путешествием в Святую землю грехи искупить.

Иван. Благотворно то путешествие, кто от Бога отлучен, людям во смех. С сочувствием выслушал я рассказ разбойника Гагары, ныне юродивого странника. Сама мысль о том равнозначна очистительной молитве - патриархам греческим о делах своих блудных и скверных покаяться и от них принять благоволение. И мне бы, царю Ивану Васильевичу Всея Руси, молиться идти в Святую землю бы. Смолода бито много, граблено и блудом отмечено.

Гагара. Государь, мнимый брат, паче же рещи бес следом идет. Шел как по пути в Святую землю, шел я грехи замолить, а вместо того зарезал по пути богомольца-калику, и так со свежю кровью дальше пошел. *(Плачет.)* Однако, путь потерял. Ныне снова идти хочю.

Иван. Худшее - нераскаянная кончина, смерть грешника. Каков путь в Святую землю?

Гагара. Пойти бы водным путем, по Ильмень-озеру, да тут у корабельщиков путь спросить.

Хомушка Горбатенький. Государь милостивый, одна прямая дорога по Каспийскому морю, то на Кузьминский остров. Однако, стоит там застава крепкая, атаманы казацьи. Грабят, разбивают, не веруют ни в сон, ни в чох, а веруют в червлёный вяз. Там не пройти.

Потянюшка Хроменький. Тяжек путь в Святую землю, государь. Ежели побегли корабли по Каспийскому морю мимо разбойного острова, то на пути в Святую землю гора Сорочинская, на ней лежит пуста голова челоувечья, кости.

Иван. Что то за голова и кости?

Потянюшка Вдовий сын. Адамова голова, перевитая змеюю, государь, внизу текст: «Помяни последняя твоя да во веки не согрешишь, се образ твой изменяется и греховой змей в него вселяется.»

Иван. Каков то грех?

Потянюшка Вдовий сын. Ко всяким грехам грех - в Святой земле купаться нагим телом в Иордане. Нельзя купаться, там сам Христос купался, нагим телом сам Христос купался, а кто купается, тот жив не бывает. И в Пугай-реке нельзя купаться. Добрыне-богатырю мать запретила купаться в Пугай-реке. Пугай-река сотворена с огненными струями, с непроходимой средней струей. В реке змеи. Так ли, Пугай-река место крещения Руси?

Иван. Чадо мое, Федор-сын мальчик, святое место почитать надобно. Иди к нему, грехи оставив, а кто грехи не оставил, тому лучше и не идти.

Царевич Федор. Батюшка, однако, хочется пойти на тую на матушку Иордань-реку, к тому ко граду Иерусалиму, Господу Богу помолиться, к Господнему Гробу приложиться и в Иордани-реке окунуться, а на Фаворе-горе осушиться. Святая Святых помолиться, в Иерусалим-град к Христову гробу приложиться, по Иордани приходить в Иерусалим, служить обедни с молебнами, да то, что смолода иными бито-граблено, замаливать.

Гагара. И я, государь, так мечтал, однако, ночью по пути вот зарезал богомольца и отнял золото. *(Плачет.)* А зарезавши, реку бесу: «Что искушаешь меня, не даешь душу спасти?» Бес же рассмеялся речению. «Подпиши мне хартию, что будешь седемрицею богаче, чем ныне.» И достает из обчага чернила и хартию. «Пойди к крестам евангельским, вытрись там, плюнь да высморкайся», - вот сатана так со мной говорил, и воротился я, плачучи, в Полоцк по Ильмень-озеру. Так соблазнял меня бес, и от того беса и потерял путь к святым местам.

Иван. Тяжек путь в Святую землю. Знаю я три видения. Первое видение - гниющий труп. То напоминать должно непостоянство челоувечества. Второе - иссохшие кости праведников и грешников, третье - муки ада. Вот того страшусь особо. От немочи к святым местам не дойти ногами, от греховности - не дойти сердцем.

Петля-Карман Любов. Государь, вот она, Филя, всюду побывала и все видела.

Старица Филя. Государь, и ты, государь-царевич, в Сионской церкви камень лежит, на котором Пречистая Богородица поклоны клала, на котором Христос часто сиживал.

Царевич Федор. Знаю Сионскую церковь, мати всем церквам на Святой горе.

Старица Филя. Истинно так. Есть там и два камня, принесенные ангелами, камни, которые пожелала видеть Пречистая. На камнях тех беседовал Христос с Моисеем на горе Сионской. Называются те камни купиною неопалимой. Все-то я, грешница, видела, а были со мной Хомушка Горбатенький, Потянюшка Хроменький да Потянюшка Вдовий сын.

Царевич Федор. И они пусть скажут!

Хомушка Горбатенький. Кругл же есть камень. Тот яко горка малая. Посреди же камня того поверху скважина такой вот величины. *(Показывает величину.)* И в то был крест воложен, испод же под тем камнем лежит голова Адамова, первого челоука.

Царевич Федор. Для чего так?

Потянюшка Хроменький. Когда Христос был распят иудеями, то той камень просел над головой Адамовой, и в ту расселину пролилась кровь и вода из ребер Господних на голову Адамову, и смысла грехи рода челоувечества. Тем сионский камень заменил библейский камень преткновения.

Иван. Нет, милые мои, не заменил, а присовокупился, ибо кознями дьявола остался земной грех. Осталось много человек, дьяволом подстрекаемых, я же один из тех. А нет тут различия меж царем и холопом. И я, царь, плачу, рыдая, о тех грехах моих и иных человек. Когда я вспоминаю то, слезы у меня начинают литься, поверьте мне. То-то велик камень грехов наших, камень преткновения, ибо библейский камень преткновения - великий и загадочный камень Ветхого и Нового Завета. Исайя говорит: «Ежели будешь на него уповать, будет тебе восвящение, а преткнешься - будет тебе камень падения.» И в послании апостола Петра сказано в Писании: «Вот я полагаю на Сионе камень краеугольный, избранный, драгоценный, и верующий в Него не постыдится. А для неверующих камень, который сделался главой угла - камень преткновения и камень соблазна. Преткнувшись о камень, соблазнишься.» Более всего опасуюсь нераскаянной кончины, ибо поистине достойно плача и стеснения только лишь, что мы потерпели от своих и чужих грехов. Но более лютое зло - саму голову снять у нас захотели латыны, лютеры и басурмане. Я имею в виду жизнь вечную, веру в Христа. Вы, богомольцы, калики, нищие, за нас, грешных, молитесь, по городам и селам ходите, поесть и попить и хлеба искушайте, особо же в Святую землю с молитвою, то милости просим - мои царские хлеба, хлеб-соль есть да пиво с медом пить. Стольники да чашники, несите еду и питье! *(Стольники и чашники несут еду и питье.)* Ешьте досыта, пейте долуби, служите за мое здоровье обедни с молебнами. Годунов, досыта кормить их да допьяна поить!

Годунов. Исполним, как велишь, государь!

Иван. Деньги насыпать им по подсумкам! *(Кашляет.)*

Люев. Прими, государь, масла розмаринового. Масло розмариновое ко многим лекарствам угодно, помогает сердечным и с желудком болезням. *(Дает масло.)* Также тополиное масло, также масло, что пуп мажут, по телу наводят. *(Мажет царя маслом.)*

Иван *(кашляет)*. Странники-богомольцы, а есть ли лекарства от многих согрешений?

Старица Филя. Слыхала я, государь, в Синайской церкви священник говорил про то лекарство. Восприми корень духовной простоты, листья терпения и смирения, свет и семя - кротость, смесив, свари в котле послушание заветам и вложи в сито благих помыслов, и тако всыпи в горнец совести, и влей воду слезну, и покрой любовью, и возожги пламень божественной любви, а как вскипит, всыпи на блюдо рассуждения, разнеси с благодарением, и прими умиления ради, и очисти исповеданием, и так умолишь грехи свои множество.

Иван. Ох, тяжек сей труд! Господи, смилуйся, пожалуй! *(Крестится слабой рукой.)*

Люев. Государь утомлен. Надобно унести государя в спальню да смазать маслом тополиным виски и запястья, оттого сон наведется. *(Царя уносят.)*

Занавес

Сцена 125

Золотая палата Кремля. Заседание боярской Думы. Думные бояре и дворяне сидят на лавках вдоль стен. В кресле вносят царя и усаживают его на трон. Следом за ним идут лекаря. Лекаря усаживаются на лавку неподалеку.

Мстиславский. Заседание Думы починается.

Иван. Каковы вести новые?

Нагой. Государь милостивый, вести добрые. Смерть приятная случилась, басурманская. Сведения накануне получили от шпиков. Крымский царь Довлет-Гирей умер. Напился пьяный, зацепился за умывальник и расшиб себе голову насмерть.

Иван. То добрая смерть. *(Смеется.)* Он грозил нам, христианам, с поля, Москву жег. То добрая смерть. Кто вместо него в Крыму царем?

Нагой. Государь, вместо него - его малолетний сын Утеш под опекой матери. Однако, и его свергнуть хотят. Ныне, государь, в Крыму междоусобие и смута. Предводитель днепровских казаков Дмитрий Вышневецкий о том доносит.

Иван. Знаю его. Дмитрий Вышневецкий - потомок Гидеминов, человек храбрый, предприимчивый и любимый подчиненными.

Нагой. Государь милостивый, он просит прислать ему войско и предлагает свою службу со всеми казаками, с городом Черкасами, Каневом, с казацкой Украиной на правом побережье Днепра.

Щелканов. Государь, нельзя такое делать. То приведет к недружбе и возмущению и к новому столкновению с турками, и к нарушению трудно достигнутого договора.

Иван. Я щадить Крым не думаю, но в подданство его не приму.

Нагой. Можно бы пойти войском и без днепровского князя, тем не раздражать ни турков, ни Батория. В Крыму меж ногами свирепствуют разные бедствия: сначала холод, потом засуха, падеж скота, мор на людей и животных. По всей орде не осталось и десяти тысяч лошадей.

Иван. Надо бы двинуть все силы на Крым и самому идти во главе, как шел на Казань. А дозволит ли немощь моя, за грехи мои посланная, то Бог ведает. Вот сюда, на заседание боярской Думы, меня в кресле принесли, как же в Крым пойду?

Нагой. Государь, обстоятельства благоприятны. Черкасские князья, отдавшиеся Москве после Астрахани, собираются громить Крым с востока. В Крыму междоусобие, недовольные мурзы уже давно хотят вместо Довлет-Гирея Тохтамыш-Гирея. Жаль, покушение не удалось. Тохтамыш у нас в Москве. Надо покровительствовать ему, создать себе партию в Крыму.

Мстиславский. А удержим ли Крым под боком у Османской Турции?

Нагой. Для удержания Крыма русские власти имеют большие удобства. Большая часть населения состоит еще из христиан, которые будут довольны поступлением под власть христианского государя. Надо бы, чтоб самая удобная минута для покорения Крыма не была пропущена. Потомки христиан под насилием ислама могут перейти в мусульманство и переродиться в татар. Победа в Крыму заменит литовскую неудачу, государь.

Годунов. Поход на Крым, государь, означает войну с Турцией. Однако, вести ныне мы такой войны не можем. Казна пуста, да на всей Руси запустение, подати брать не с кого, повсюду лук обложил, крестьянский земельный участок пуст.

Иван. Были вести, что глумные старосты ложно доносят, чтоб подати не платить. Сделан ли обыск, как я велел?

Годунов. Государь, выборочные обыски сделали. По твоему, государеву, цареву и великого князя Ивана Васильевича Всея Руси слову и по наказу государеву, цареву и великого князя дьяк Иван Дорофеев сын Собакин приезжал в город Ладогу, на Посад. Также сын боярский Петр Данилов сын Сабуров, половинный Вотской пятины письмоводитель Семен Клушин со товарищи, да выбранные целовальники - Михайло Иванов сын Филиппов да Иван Терентьев да Яков Гаврилов да Федор Ермолин поезжали собирать ямских и приметных денег и всяких государевых податей по наказу и по книгам. Сделан обыск города Ладоги, также опустевших участков черных крестьян Кирыжского погоста в Вотской пятине. Читай-ка, дьяк Оладья!

Оладья (берет бумагу). Деревня Комола, лук пуст, Мажовейка Пунина дети безвестно сбежали от царских податей, двор стоит две хоромины. В той же деревне лук пуст Марка Михайлова. Марка убили, дети безвестно сбежали, двор сожгли. В той же деревне лук пуст Гредьки Никитина. Гредька умер, дети безвестно сбежали от царевых податей. В той же деревне лук пуст Якуша Максимова. Якуша издавна опричиною замучили, дети безвестно сбежали, двор стоит три хоромины. В той же деревне лук пуст Карелки Анисимова. Карелка умер, детей у него нет. Та же деревня...

Иван (перебивает). Читай по иной деревне!

Оладья (читает). В деревне Тиурове лук пуст Карелки Пахомова. Карелка умер, а дети безвестно сбежали от царевых податей, двор стоит. В той же деревне пол-лука пуст Терешки Фоменко, а жилец был Петерка Терентьев. Петр осиротел и безвестно сбежал от царевых податей, дворишко распался.

Иван. Читай по Ладоге!

Оладья (читает). И обыскивали в городе Ладоге на Посаде священники по священству и старосты, и целовальники, и сотские, и пятидесятские, и десятские всех посадских по государеву, цареву и великого князя крестному целованию. «Есть ли у вас в городе Ладоге на посаде пустых дворов, сколько, давноть и отчего те дворы запустели, и кто у вас в городе Ладоге на посаде на пустыре дворами владеет, и рек, и озер, и прудов, и мельниц, и перевесей, и рыбных, и бобровых, и лебяжих ловель, и иных каких угодий, есть ли?» И сказали по государеву, цареву и великого князя крестному целованию: «В нашем городе в Ладоге на посаде пустых дворов: двор Господине пуст, Тиши Калачника, вышел из Ладоги безвестно, да Мишки-Шишки дворец пуст, пошел в нищие, да

Оверия Рыбки дворец пуст, жилец тот умер с голоду, да Ивана Рушанина дворец пуст, вышел из Ладоги, да Пашука Машонкина дворец пуст, пошел в нищие, да Пятого Матвеева дворец пуст, забит на правеже, да Степана Дубенского двор пуст, жилец тот умер Божьим поветрием, да Исаака Гридина двор пуст, жилец тот умер Божьим поветрием, да Ямской двор пуст, да Ивана Гиблого двор пуст, умер с голоду, да Якова Белозера двор пуст, пошел в нищие, да Якова Игогина двор пуст, жилец тот забит на правеже, да Ивана Рослого дворец пуст, пошел в нищие, да Ивашки...»

Иван (*кричит*). Замолкни, собака! (*Замахивается посохом, начинает кашлять.*) Запустение Руси! (*Кашляет.*) Ежели и далее так, то не будет на Руси и три человека христианского рода, не сыскать на Руси русина! (*Кашляет.*)

Люев. Попей, государь, василькового цвету, вены закрыты охладит. (*Дает чашку.*)

Царевич Федор. Батюшка, по великому греху то запустение и на русский народ порча.

Иван (*пьет*). Федор-сын, мальчик, и вы, думные бояре и дворяне, мой это грех прежде всего, ибо что есть государь, как не отец и учитель народа! А как могу я, нечистый, скверный душегубец быть отцом, учителем да еще в столь многмятежное и жестокое время? Место ли мое на троне, не в келье ли, чтоб плакать о грехах среди лютых треволнений сего обманчивого и преходящего мира? Так ли, думные?

Василий Шуйский. Государь, скажу от сердца: в сие многмятежное и жестокое для Руси время потребен нам трон прочный. Как главный судья судебной избы особо осознаю бездействие законов при шатком троне.

Иван (*сердито*). Кто ж на тот прочный трон сядет? Не ты ли будешь царь, Василий Шуйский? Знаю я, на трон вы, Шуйские, давно метите. А, может, ты, рабоцарь Борис? То пиши грамоту царя Бориса!

Годунов (*взяв себя руками за ворот рубахи у горла*). Государь, скорее удавлюсь, чем позволю о том мыслить. Имею я у тебя, государь, звание твоего слуги, которое честнее боярского.

Иван. А вы, Романовы, шурья мои, не желаете ли на царский трон?

Романов. Государь милостивый, для нас, Романовых, требование христианского закона и религиозного долга есть повиновение законному государю для установления власти твоей, благочестивого московского монарха, и необходимость повиноваться и служить истинному царю, который есть слуга Бога, которого Бог в себе место посадил и которого суд никем не посуждается. Все то нами строго блюдетя.

Бельский. Истинный, правый благочестивый государь наш, люди обязаны служить тебе верно и безропотно.

Романов. Русь наша святая, государь, благочестие не запустеет. С одного конца пустеет, с другого наполняется.

Иван. Об чем говоришь, Никита Романович?

Романов. Про Сибирь говорю, государь. С Сибирью, государь, Русь воспрянет, да без большой войны, как с Ливонией али с Крымом, казну наполнит.

Иван. Сразу же по завоевании татарских приволжских царств я заставил сибирского царя Едигера признать себя данником. С тех пор, однако, много переменялось. Там, на берегах Тобола, Иртыша и Оби, из древних улусов татарских, из вогуличи и остяков составилось сильное царство со стольным городом Искер, али Сибирь. Дань же мне, русскому государю, платить перестали, и с тех пор, как ногайского князя Едигера, уstraшенного падением Казани, вытеснил киргизский хан Кучум, то мне дань не платят. Так ли, Щелканов? Что ведомо посольскому приказу?

Щелканов. Истинно так, государь. Кучум требует к себе почитания, как к крымскому хану, царю, и к его царевичам, а в титулах требует себе писать, как крымскому царю, братством же и соседством, иначе грамоты не берет. Владеет же он всем пространством от хребта Уральского до верхов Оби. Силою обратил туземцев в магометанскую веру, присоединил к ним киргизов, подружился с ногаями и не хочет уж признавать себя данником твоим, государь. Под смертной казнью запретил остякам, вогулам, погорцам посылать в Москву ясак, али дань мягкою рухлядью, сверх того - подстрекает черемис к мятежу, и тревожит Пермь набегами. Особо же неприязнь его обнаружилась при войне с Ливонией и при крымских нападениях.

Нагой. Государь, ныне сподручней сокрушить орду крымскую, чем орду сибирскую.

Иван. Милые мои, сил нет ни для того, ни для иного при пустой казне и всеобщем разорении, после долгой и неудачной войны в Ливонии, ибо вся Европа оказала нам недружбу. Однак, версту свою блюдя, писать крымскому хану титулы короткие, хоть и золотом, все татарским же письмом, оттого

что у крымского хана титулов мало. Большому же хану, что за Сибирью, и князьям писать также, короткими же титулами. Также их имена и титулы золотом все, однако на меньшей александрийской бумаге, татарским же письмом, без травы, а писали чтоб толково.

Щелканов. Напишем, как велишь.

Иван. Ежели мне крымский хан напишет титулу царскую коротко, таким обычаем: «брату нашему московскому царю», то не принимать. Титулы чтоб писал полно.

Щелканов. Исполним, государь. Калмыцкие князья пишут и того короче: «Белому царю Ивану Васильевичу Всея Руси здравствуй.» От Кучума же грамота получена «белому царю», а имени твоего и титула не пишет. А пишут крымский хан и калмыки еще короче крымского о всяких делах коротко, и не с прошением или упоминанием.

Иван (сердито). Такие грамоты отсылать назад с приложением на простой бумаге без трав золотых, ибо которому больше чести выходит, а иному меньше. А чтоб писали те сопроводительные грамоты подьячие, а для крепости вместо царской руки чтоб подписывали в Крым «думные дьяки», в Сибирь подпись - «думные дьяки» или «товарищи», простые дьяки. Ибо желают нам неуважение показать после ливонской войны. Я ж царь, я славы своей не допущу низить, а их высить. На западе есть иные государи, которые и честнее московского, то писать им полный титул, даже и тем, кто против нас войну держал, на востоке же, тем более сибирским варварам, писать коротко, на плохой бумаге.

Романов. Государь, ныне без нашего ведения, даже против нашей воли и иных тут в Москве, положено начало русскому владычеству над Сибирью, прежде прочего, умными и богатыми помещиками Сольвычегодскими, имеющими солонные варницы в Вычегде, братьями Яковом и Григорием Строгановым.

Годунов. В том, государь, и я с Никитой Романовичем согласен. Озабоченное делами важнейшими, правительство наше не может разделить сил для усмирения Кучума, однако Строгановы собственными средствами вызвались оберегать Пермь от сибирских и ногайских хищников.

Иван. Я, государь, дал им, Строгановым, землю на Каме и Чусовой, дозволил строить крепости, заводить селения, иметь снаряды огнестрельные, пушкарей и воинов, принимать к себе всяких людей, ведать и судить их независимо от пермских наместников, однако я запретил им принимать к себе беглых и разбойников, они ж принимают. Так ли, Бельский?

Бельский. Истинно так, государь. Строгановы учредили свое войско из бродяг бездомных, особо донских казаков.

Иван. Так ли, Никита Романов, казачий любимец да потаковник?

Романов. Государь, Строгановы решили воспользоваться удалством донских казаков с опасностью быть их жертвою али навлечь твой, государя, гнев. Завели пушки и с некоторых пор сделались стражами северо-востока России, уничтожая все замыслы Кучума взволновать подвластную нам Черемису, силой оружия обуздывая с тех пор и башкирцев. Пока, государь, шла тяжкая война в Ливонии, отвлекающая все внимание, они больше десяти лет уж вели жестокою войну с царем сибирским.

Иван. Знаю, донские казаки прежде усердно служили России, однако с некоторых пор славятся одной хищностью: разбивают караваны, ходящие в Москву от Каспийского моря, грабят мою царскую казну, не щадят послов азиатских и неоднократно вынуждали меня, государя, посылать против них войско. Особо же один из их атаманов, Ермолай Тимофеев, заслужил за разбой мою царскую опалу. Повешен ли он? Ибо, видя их варварство на Волге и по иным рекам, велел их ловить и вешать.

Бельский. Истинно, государь, умножились разбои. Бурлаки, сиречь казаки с пристаней, многие казнены, а иные, аки волки, разбежались по Волге вверх. С ними их старостин атаман Тимофеев Ермолай, Тимофеев сын.

Иван. Как же по сей день не повешен? Отыскать его!

Романов. Государь милостивый, не во гнев тебе сказано, сам он отыскался.

Иван. Где отыскался? Не у Строгановых ли дают приют всем вора и разбойникам?

Романов. Истинно, государь, у Строгановых давно под именем Ермак, да более всего отличился быстротою набегов, мужеством в боях. Строгановы вызвали его на подвиг чести и указали Сибирь. Он пришел к ним с дружиной охотников, отважных бойцов, числом не более пятисот сорока человек, присоединил к ним триста бойцов, служивших Строгановым, также отрядил казаков, прибывших с ливонской войны, для завоевания Сибири, устроил войско, назначил атаманов,

есаулов, пятидесятников и, дав обет доблести и целомудрия, повел свою рать на судах Чусовую, Тоболом, Турой на Сибирское царство.

Иван (*гневно*). Я, государь, изведав о походе казаков, изъявляю Строгановым гнев за дружбу с разбойниками. На построение крепостей по берегам Тобола, на выплавку руд за хребтом Уральским и на беспощинную торговлю с бухарцами и киргизами право отменяю. Требую Строгановых отозвать, а на случай послушания грозить буду большой опалой, без опоздания.

Романов. Государь, блестящий успех оправдал их. Еще прежде послал Ермак тебе, царю, с сеунчом весть о победе над Кучумом черкаса Александрова со товарищи, да власти задержали их в Москве.

Бельский. Государь милостивый, тот черкас Александров со товарищи, плывя в стругах, пограбил на Волге государеву казну, да ногайских татар погромил.

Романов. Ныне, государь, прислал атаман Ермак храбрейшего из сподвижников его, Ивана Кольцо.

Бельский. Тот Иван Кольцо - еще пуций разбойник, приговоренный за прежние разбои на Волге к лютой казни преступник.

Романов. Вели, государь, принять казаков. После же приема суди, как повелишь.

Иван. Зная тебя, Никита Романович, человека честного, приму, а уж как рассужу, то не пеняй.

Романов. Душой болея за тебя, государь, и отечество, не пострашусь. Привезли тебе казаки письмо Ермака.

Бельский. Как же - от разбойника письмо государю?

Щелканов. Государь, в посольском приказе немало про того Ермака писано. Еще в июле года 1561-го, сиречь, три года тому, Умочет-мурза писал нам в Москву: «Ермак отогнал с Волги шестьдесят лошадей моих, а летом - тысячу лошадей.» Требовал взять ярмаки, так писано им по-ногайски. Посольский приказ обещал учинить сыск насчет Ермака. Грабил он также послов казельбарских, сиречь персидских, да он бежал в Сибирь по реке Каме, по реке Чусовой к морю бежал. Искали его там, потом донесли: нет, тесним воеводами, пустился он в Каспийское море на персидские пределы, где живет под именем купца.

Романов. Государь, ложно то. В лето 1561-е, при псковском сидении, когда Россия с трудом отражала наседавших со всех сторон врагов, замаливая свои грехи, сидел Ермак не в Персии, а участвовал с вольными казаками в литовской войне, во вторжении в Литву, да после, истинно, ногайскую орду побил. Как князь Урус пошел в набег, то напомнили ему казаки о разгроме его столицы ими, казаками, в отместку за сожжение Москвы Довлетом. Казаки приходили в Сарайчик, и воевали, и сожгли, и им, казакам, то стало за великую досаду. Пленного ногайца в Москву привезли, улусского человека князя Уруса, его освободили, а казака, доставившего его, объявили вором и в присутствии татарина обезглавили. То можно ли так христианина казнить на радость басурману?

Иван. Никита Романович, ежели христианин вор, то надобно блюсти закон.

Романов. Государь, они, басурмане, села позорили, а у тебя, царя, требовали, чтоб ты казнил тех, кого они именовали ворами, сами же грабили русские села.

Иван. Так оно было, милье мои. Помню, отправил подарки в Сарайчик и сообщать велел о казни вора-казака, а все за грехи наши тяжкие, прежде всего мои. Шведы сломали оборону Нарвы, Ям, Копорье захватили, поляки штурмовали Псков. С ногайской ордой потребен быть мир. (*Входят казаки, низко кланяются и становятся перед царем на колени.*)

Иван Кольцо. Государю, царю Всея Руси бьет челом холопишко твой, Ивашка Кольцо со товарищи.

Иван. Что, казаки, много своровали?

Иван Кольцо. Великий государь всемогущий, милостивый, пресвятой и праведный, принесли тебе свои грешные винные головы, а с ними явились в Москву и бьем тебе, государю нашему Ивану Васильевичу, челом, царством Сибирским: прими то царство, государь!

Иван. Царство то приму под свою руку. А где ныне сибирский царь Кучум?

Иван Кольцо. Государь великий, загнан Кучум в степи ишимские. Послал Кучум храброго своего племянника Маметкула разорять крепости на Каме и Чусовой, да по велению Строгановых Якова да Григория пошли мы Маметкулу навстречу. Велел Строганов: быть с погаными брани великой!

Иван. Как же, крепко с погаными бранились?

Иван Кольцо. Крепко, государь.

Романов. Государь милостивый, Ермак после нескольких битв с Кучума войсками решил борьбу кровопролитной сечью на берегах Иртыша, взял его столицу Искер, пленил самого опасного

соперника, царевича Маметкула, и утвердил господство России от хребта Уральского до Иртыша. То подтверждает письмо от Ермака.

Иван. Можно ли верить письму разбойника, так ли?

Иван Кольцо. Истинно так, государь великий! *(Подает письмо.)*

Иван *(берет письмо).* Читай, Щелканов! *(Дает письмо Щелканову.)*

Щелканов *(читает).* «Государь великий, мы, казаки твои, государевы, сибирское царство взяли, а сибирский царь Кучум убежал в поле, и племянник Кучума Маметкул-царевич приходил в Сибирь на государевых людей, и государевы люди тех всех людей побили и шатры их рвали, собрали хлеб и ясак. А подписал Ермак, князь сибирский.»

Иван. Ответ в посольском приказе на письмо Ермака. «Писали Ермак со товарищи, что его государевы люди атамана Ермака Тимофеева со товарищи царство Сибирское взявши и много иноязычных под мою государеву высоко руку обратили, много татар и остяков, и вогуличей, покорили в мою, царского величества, державу. Потому я, царь и великий князь Иван Васильевич, Всея Руси государь, изъявляю милость Строгановым, Ермаку и всем их сподвижникам.»

Романов. Государь великий, твоя милость и разум для пользы отечеству. Надо бы послать подкрепление завоевателям Сибири, уже славных битвами.

Иван. Пошлю несколько сот стрельцов под начальством князя Болховского, а Ермака в Сибири не оставлять, в Москву забрать. Именуется себя сибирским князем!

Романов. Государь милостивый, то именуется для устрашения татар, истинно же есть он атаман сибирских казаков.

Иван Кольцо. Государь великий, атаман Ермак верен тебе, царю христианскому. В Сибирь же пошли с мечом, не с крестом разорять их капища языческие, а покоренных заставляли тебе, православному, клясться в верности.

Иван. Как же клялись без креста?

Иван Кольцо. Не крест целовали в занятых местах, а саблю в знак верности тебе, царю. Атаман Ермак положил на стол окровавленную саблю и велел целовать за государя-царя, чтоб им, татарам, служить и ясак платити во все года и не изменять.

Иван. Можно ли царю православному по-язычески клясться?

Иван Кольцо. То их давний магический обряд. Кладут под ель на медвежью шкуру две сабли острием вверх супротивно под жабой берестяной, привязывают к ели две других сабли острием вниз. Люди, приносящие шерг, обходят ель под саблей, приговаривая: «По их русскому праву Бог казнит.»

Иван. Велю епископу вологодскому отправить в новое царство священников для христианского богослужения, чтобы обратить язычников в истинную веру.

Царевич Федор. Казак, как живут люди в земле хантов, миром ли?

Иван Кольцо. Государь-царевич, мир в земле хантов неведомый. Люди не пашут, кормятся рыбой, оружие у них - лук да копье. Ростом невелики. Одежда - либо из шкур, либо из рыбьей кожи с чешуей.

Царевич Федор. А по селам ли живут?

Иван Кольцо. Сел там нет, государь-царевич, живут они в лесах темных над водами. Зимние избы их деревянные, именуются юрты, от великих сибирских морозов, а летние юрты, легкие, переносят с места на место, смотря по местам рыбы изобильной. Кормятся и охотой на лосей.

Иван. Вы-то, казаки, христианские обряды справляете? Есть среди вас православные священники? Блюдете ли заповеди?

Иван Кольцо. Государь милостивый, блюдут, и нечистоты у Ермачка в великом запрещении.

Бельский. Государь, участники ермаковского заваруя, сей Иван Кольцо да Иван Гроза, да Богдан Брязга, да прочие, немало крови православной пролили, боярской да приказных.

Иван Кольцо. Так я ж буду и Иван Гроза. Вина за лихо - на лихих боярах да приказных, не на тебе, батюшке-царе, стоящем высоко. Казня бояр всенародно, объявляли их вину и обращались к толпе за одобрением. По временам публично наказывали приказных, уличенных во взятках и мошенничестве, иных же бояр да приказных не мы, поганые убили. Пострадавшим избиенным от поганых вечная память! *(Крестится.)*

Иван. Укажу епископу вологодскому, чтоб послал казакам священников, а главного судью, тебя, Василий Шуйский, послать судьей для соблюдения в Сибири законов духовных и мирских.

Иван Кольцо. Государь великий, у нас, казаков, артельный строй, строгие донские законы - за преступление наказывать жгутами, за нечестье - смертной казнью. Насыпать песку за пазуху и, посадя в мешок в воду - казачья казнь. Более двадцати человек с песком и камнем в Сылве угружено. А из священников - три попа было да старец-бродяга. Старец тот ходил без черных риз, а правила правил, и кашу варил, и припасы знал, и круг церковный справно знал. То товарищи мои подтвердят. Вот сам Балакчей Черников, Федька Яма, Ивашка Пирог, подолянин, Ивашка Бровка да иные.

Балакчей Черников (кланяется). Истинно, государь великий, с Богом шли! Прошли Калымскую волость, река Паченка, озеро большое Поганое, городок Кашунский, вышли через Надырь и добрались до Пилима. Далее решили идти лишь по явлению святителя Николая-Чудотворца.

Царевич Федор. Казаки, явился ли святитель?

Черников. Явился, государь-царевич! В решающий момент казачье знамя с ликом Спасителя поднялось из струга и само пошло впереди по левому берегу Тобола-реки, увлекая за собой обряд. А то все казаки видели. Так ли, Федька Яма?

Федька Яма. Святой истинный крест! (Крестится.) Потом явился в облаках Бог с воинством и не дал басурманам стрелять в нас, ермаковцев. К святым Ермак быть причислен должен!

Иван. Как же вора в святые? Да все вы воры с Дона, Волги, Яика, из Астрахани, из Казани, разбивавшие прежде мои государевы казенные суда, послов и бухарцев в устье Волги.

Иван Кольцо. Еще прежде, государь великий, Рязань слободой слыла, а ныне Рязань-то слывет городом! (Смех.) Ныне, государь, казаков на поле много: и черкасов, и киян, и твоих, государевых, также казаки рязанские вышли, государь, на поле, из всех украин воевать в степях да лесах.

Романов. Государь милостивый, России без казаков врагов не одолеть, особо басурман. Казак, атаман, есаул, караул - то все слова татарские, а казаки - православные, слова себе на пользу оборотили, как коней ногайских и сабли татарские себе на пользу оборотили.

Щелканов. Истинно так, государь. Лишь англичане говорят - на острове независимом Царицыном в Поволжье русский царь держит отряд из пятидесяти стрельцов для охраны дороги. Отряд называется татарским словом «караул», а не стрельцы то, казаки государевы.

Иван Кольцо. Государь, повсюду мы, казаки, Россию караулим. Султан жаловался ногайцам, что у тебя, царя Ивана, терпит великую обиду. «Поле, да все реки у меня поотымал. Казаки его с Азова оброки емлют, да Дон у меня отнял, из Дона пить не дают. Казаки Перекоп взяли!»

Ивашка Бровка. Когда Астрахань брали, мы обороняли перевозы на Волге от ногайцев, чтоб астраханцам не помогали. Как знатоки речных да сухопутных дорог, вожакими были у русских полков. И я там был, Ивашка Бровка, молодым парубком. Помню, как Астрахань брали.

Иван. Под Астраханью русский атаман Ляпун Филимонов пленил астраханского мурзу Дервиш-Али, получил от меня, царя, щедрую награду, а затем вы, казаки, его, верного мне атамана, сами и убили. Не воровство ли то? Так ли то было?

Ивашка Пирог Подолянин. Истинно так, государь великий. Я, Ивашка Пирог Подолянин, при том был. Ляпуна сход старицы казнил за измену вольному казачеству в царскую пользу. Мы - казаки, государь, не мужики тягловые. Нам, казакам, без вольности невозможно. Мы, государь, вольно тебе да России хотим служить.

Иван. Как так - вольно? Я - помазанник Божий, поставлен для всех православных христиан, да не по своей воле он мне служил, по воле Божьей и по указу моему царскому. В которые времена я, царь Иван, стоял под Казанью, и по моему, цареву, указу, атаманы казачьи приходили с Дона, и с Волги, и с Яика, и с Терека.

Савва Балакчей Черников. Государь великий, попы, и князья, и бояре, и дворяне, и все люди, мужья и жены, служат тебе по крестному целованию, мы ж, казаки, без крестного целования, вольно, по найму. При отражении татар под Серпуховым воеводой Воротыньским тысячи нас, казаков, было, нанятых казной, и тысяча, нанятых Строгановым. Атаман Сусар Федоров и многие атаманы-казаки говорили: «Ему, государю служим не за крестное целование». Также с Мишкой Черкашиным, донцом, на реке Кольмус до Азовского моря, до Керчи шли крымские улусы громить, да казацкий атаман Водопьян с прибором шел, сто пятьдесят донских и волжских казаков с дикого поля.

Бельский. Вы, казаки, хотите особых вольностей, а есть и среди вас немало изменников, с крымцами на Москву шли, с поляками на Псков. Шестьсот за пороги шло. Князь Дмитрий Вышневецкий

построил укрепление на Хортицком острове у конских вод за порогами, засел в Черкасах и Каневе и прислал проситься под покровительство государя нашего. Так ли, Нагой?

Нагой. Так, такое имел известие.

Бельский. А у меня от шпииков известие, что Вышневецкий опять вернулся под королевскую службу и изменил.

Нагой. То, видно, от отчаяния, что не приняли в Москве.

Иван. Не принял Украину, чтоб не ссориться с поляками. Однак, Вышневецкого, собаку, ежели то верно, не прощу. Порушил, изменил Москве.

Романов. Государь милостивый, все наши неудачи и запустение Руси покромом Сибирью, краем великим и богатым. Тем и наполним казну. Восемь бочек золота с красными печатями прислал Ермак в дар.

Годунов. То спасение, государь, для разоренной, запустевшей Руси.

Царевич Федор. Казаки, далеко ли та Сибирь, и как туда добраться?

Иван Кольцо. Далек, государь-царевич, плыть по течению на поплаве, через переволоки перешли мы на Большой Чиргиз и вышли на Волгу у Жигулей, а на Яике поставили свои первые платбища. Грешным делом, потом вернулись на Каму для разбоя, а потом решили пробраться в восточную страну для своего убежища.

Федька Яма-Янец. Истинно так, кликнули: «Пойдем, заворуем! Долго ясыка не дожидаться, пойдем с Ермачком Повольским!»

Ивашка Бровка. Что мимоходом урвали, то наша добыча. Чистый ельник, темный ельник кругом, Ермачка по-вольски за Урал зовет с Волги Ивашка Пирог Подолянин. Припасы брали в займы и в честь, а ежели кто против, то лишь скажем: «О, мужик, не знаешь ли ты, и теперь мертв. Возьмем ты и расстреляем по клоку.» Они ружей наших огненного боя шибко пугались. От страха привел местный князь Елак прекрасну дочь свою в честь и в дар. Ермак не принял, и прочим запретил, отпустил, не обидев.

Царевич Федор. Казаки, отчего у Ермака такое прозвище?

Иван Кольцо. Государь-царевич, я много лет полевал с Ермаков в поле. Казаковал Ермак в диком поле много лет. А прозвище у него было у казаков Токмак. Ермак вовсе не спокойный камень. Плынешь мимо него и крикнешь: «Ермак! Ермак!» А камень и отгаркнется, дескать, верно: «Токмак! Токмак!» Ермака и так звали, и эдак. Токмак значить «толочь, бить, колотить». Силен он, как медведь, оттого и Токмак. А звали его Ермолаем от родителя, сокращенно - Ермак.

Царевич Федор. Казак, а какого он облику?

Иван Кольцо. Обликом он, государь-царевич, мужественен и разумен, и человекен. Плосколиц, черен бородою, и волос при кудрях. Возраст средний. И прост, и плечист. Добрый человек, а мы, казаки, его товарищи. Я - Иван Кольцо, он и есть Иван Гроза. Иные думают, двое мы, а то - я же. Иной раз Иван Кольцо, иной раз - Иван Гроза. Гроза Иванович - так кличут. А то - Иван Вешатый, который вернулся из похода больным.

Иван Вешатый. За шесть рублей меня постригли и устроили в келье больничной в Чудовом монастыре. А друг погиб, Григорий Мертемянов, сын Пережегин.

Иван Кольцо. Той казак - Иван Болдыря. Болдыря - так в степях называют людей, родившихся от смешений между русскими и татарами.

Иван Болдыря. Имею мать татарку, однако, сам православный.

Иван Кольцо. Той - Гришка Ясырь.

Гришка Ясырь. Был я в крымском плену. Ясырем в Крыму называют пленных невольников. Немало русских прошло через татарский плен, прежде чем стать вольными казаками.

Иван Кольцо. Тот казак - Брызга, а молчит он оттого, что так велено, чтоб не ругался при тебе, государе. Брызга - ворчливые люди, брянчуки, мастера выругаться. Так ли, Брызга?

Брызга. Так оно, лужья жаба, мышь тараканья, овечий дух, латинская вера, огнем тебя палить, сучье вымя, отсечь тебя, говно ты коровье!

Иван. Гляди, велю тебе голову отсечь за такое неподобство!

Иван Кольцо. То, государь, он не от себя, то в нем черт кричит, а казак он добрый.

Иван. Эх, вы, воры, разбойники! (Смеется.) Снова, как в давние времена Соловья Будимировича, Русь спасают разбойники! Однако ведь, и святой пророк царь Давид прежде разбойником был! Ты, Брызга, откуда?

Брязга. С низового Поволжья, государь. В низовом Поволжье «брязга» означает «бить, хлестать». Немало бились мы да хлестались с татарами и башкирцами. Товарищи же мои, новгородцы - ушкуйники, Иван Корчага и Акул. В новгородском говоре «корчага» - хрипун. Так ли, Корчага?

Корчага (*хрипло*). Так, Брязга, истинно.

Брязга. А Акул - «продувной» среди казаков слово.

Иван. Продувной ты казак?

Акул. Истинно продувной, государь. Собрались мы на Яик, хотели двинуть на Каспий, к персидским берегам либо по Дону на Азовское море, и напасть на крымские и турецкие берега. Но сказал нам Ермак: «После ливонской войны царь прогневан за свару с татарцами-крымцами али персами.» Потому решили идти на Сибирь служилые казаки большинством по кругу, и Ермак решил с совета товариства.

Иван Кольцо. Служилые казаки ссориться с царскими властями не хотят, воровские же казаки хотели подалее уйти, в Сибирь все согласны.

Царевич Федор. Казаки, труден ли путь в Сибирь?

Ивашка Бровка. Государь-царевич, путь за Камень, сиречь Урал, непроходим пропастями, снегом и лесом.

Царевич Федор. Как же шли?

Иван Корчага (*хрипло*). Государь-царевич, ходили за Югру и Самоед, из Новгорода Печерский путь за Камень щелью, сиречь ущельем.

Царевич Федор. Высок тот камень, казаки?

Федька Яма Янец. А Камень в облаках не видать, только ветрено, горы облака раздирают.

Иван. Чьим именем брал Ермак Сибирь?

Иван Кольцо. Государь милостивый, Ермак всю землю сибирскую взял во свое имя. То для устрашения татар.

Иван. Истинно, без устрашения татар невозможно. Как платил Едигер мне дань тридцать одна тысяча соболем ежегодно, то вместо того привезли семьсот, зато в тюрьму посадил посла татарского. Новый султан платить стал после того. А ныне ногайский князь Урус велел взять под стражу моего московского посла, а затем продал его в рабство, то затем потребно устрашение.

Иван Кольцо. Ныне уж не посмеют! Строгановы крепко в Сибири стоят.

Иван. При мне, государе, разбогател торговый дом Аники Строганова. Тысячи на его промыслах и перевозах товаров, флотилии судов по рекам и морям, но главный доход - соль. Так ли?

Иван Кольцо. Истинно так, государь. Соль, где ее бьют в рогожи казаки.

Иван. Сначала соль вычегодская, потом присмотрел к Пермскому краю, просил меня, государя, искать рассол. Солью да прочим они, Строгановы, скоро меня, государя, богаче станут!

Романов. Государь милостивый, то богатство всей Руси. Варницы ставить и соль варить, ставить дворы, расчищать пашни. Сибирской Украиной Русь укрепитя против Европы и иных врагов.

Иван Кольцо. Ермак надеется, если пошел он на поможание Строгановым, они об нас станут писати милостивые и благоприятные словеса царю и великому князю Всея Руси Ивану Васильевичу, то государь-царь до нас умилится и отдаст нам пеню, велику вину.

Иван. Я, государь, изъявляю милость Строгановым, Ермаку же поручу главное начальство над покоренными оружием его землями.

Романов. Государь, русское господство еще не прочно. Кучум имеет много приверженцев. Надобно подкрепление.

Иван. Указать в разрядный приказ: «Я, государь, узнав о взятии Сибири, велел послать на Урал судовую рать с подкреплением.»

Иван Кольцо. Государь великий, сибирские реки особые, и речной струг сибирский особый. У Ермака легкий струг, на двадцать человек с вооружением и запасом.

Иван. Речной струг как делают?

Иван Кольцо. Государь великий, так делают. Присмотреть надо неподалеку от воды большое дерево, лучше всего липу, валить да обтесать. Ствол долбить, изготовить колоду, именуемую струговой трубой. К ней с боков длинные доски прибить, по нескольку с каждой стороны. Длина - десять-двадцать метров, ширина - два-три метра, осадка не более метра. Судно в двадцать загребных весел, и кормовое весло-руль.

Иван. Годунов, укажешь, чтоб все то сделали на верфях.

Годунов. Потщимся, государь.

Иван. Мстиславский, Дума должна решение принять, чтоб объявить Сибирь русским краем.

Мстиславский. Примем грамоту как можно скорее.

Иван. Скорее надобно в Сибири церкви святые ставить, чтоб православием край обжить. Есть ли ныне в Сибири какие-либо священные места?

Иван Кольцо. Государь великий, Ташаткан-городище есть, по-татарски «камень, который бросили». В том месте с неба камень спал величайший, превосходящий воз с санями.

Царевич Федор. Батюшка, тот камень, видать, еще более, чем у нас в Наливках упавший. Каков он, тот камень сибирский?

Иван Кольцо. Государь-царевич, на вид багровый небесный камень священный. От него по временам выходит стужа, дождь и снег.

Иван. А вера какая в Сибири?

Иван Кольцо. Вера в хозяев, сиречь духов. Молятся березе и сосне, да чудесным камням.

Царевич Федор. А священники у них кто?

Иван Кольцо. Государь-царевич, священники у них шаманы. Шаманы ищут чудеса во внутренностях лося и карася, или в деревьях, куда те караси падают прямо с неба. Один шаман велел подручным связать ему руки и воткнуть длинный нож в брюхо сквозь, потом велел развязать руки, выдернул нож, и, набрав полную пригоршню крови, стал пить ее, мазать себе лицо, потом показал нам, казакам, живот. Никаких следов кровавой раны не было, а видели то многие казаки.

Царевич Федор. Казаки, кто еще то видел?

Федор Яма Янец. Государь-царевич, я видел, Федька Яма Янец, и иные не однажды. Шаман их делал - проклятого связавши крепко и уткнул саблей или ножом в брюхо сквозь и держат связанного, он по вопросу всем скажет. И когда выдернут из него нож или саблю, шайтанник же, став, наточит пригоршню крови своей, выпьет, вымажет, будет весь цел, что и язва не знать.

Иван Кольцо. Оттого, государь великий, Ермак, зная навыки их, положил на стол кровавую саблю и велел целовать за тебя, царя.

Иван. Мне, царю, надобно служить истинной верой, не волшебством. Что у них в Сибири за бог?

Иван Кольцо. Государь великий, вместо бога у них главный идол.

Царевич Федор. Какой он видом?

Иван Кольцо. Государь-царевич, золотая баба тот идол. За Уралом при устье Оби идол - золотая баба в виде старухи держит в утробе сына. Бог лит золотом, а кругом горит жир и курится сера.

Иван. Вера, вижу, у них поганая. Не подобна ли латинской? Надобно туда истинную веру нести, чтобы там был Боже милостивый, прещедрый владыка.

Федор Яма Янец. Государь великий, богов у них много. Хранится в устье Иртыша бог-старик, бог рыб. Имеет вид доски с носом-трубой, малыми рогами на голове и золотой грудью. На промысел идя, едят татары, остяки и вогулы священную уху, помазав ею бога рыб. Ежели возвращаются без рыбы, колотят идола и плюют на него. Когда промысел налаживается, вновь оказывают почести.

Иван. Тот дикий край отныне чтоб знал истинного Бога, человеколюбивого, всемогущего, неизреченного и непостижимого, и сына его Христа. И велю научать людей вере христианской, и жить по-прежнему, уже с Христом. А Ермаку подарю панцирь и шубу со своего плеча. На панцире - печати мои царские, золотые орлы, по подолу и рукавам - опушка и пуговицы медные, а иным казакам - деньги и сукно. Годунов, все то чтоб казенный приказ сделал.

Годунов. Сделаем, государь.

Иван. Щелканов, в посольском приказе написать письмо Ермаку на средней бумаге с золотом и травами.

Щелканов. Государь, твоя титла полная?

Иван. Титла полная, с прибавлением: «От повелителя».

Щелканов. Исполним, государь.

Иван. По сибирскому взятию сделаем для народа потеху с медведями, а вы, казаки, чтоб глядели и веселились.

Иван Кольцо. За щедрость твою царскую и милость твою низкий поклон. *(Казаки кланяются.)*

Иван. Ливония, которой я так добивался, ускользнула из рук, а вот вознагражден Сибирью в руки. Бельский, ратные люди, так трусливо сдавшиеся Баторию, оставались на первых порах без

наказаний. Но ныне, по заключении мира, я, государь, вспомнил о них. Собрать за измену, казнить мучительным образом.

Бельский. Исполним, государь.

Иван. Также и ливонских пленников, которых у меня очень много. Приказываю привести толпу тех латын и лютеров и пустить на них медведей для увеселения народа.

Бельский. Исполним, государь.

Иван. Мне казалось, что меня околдовали, но ныне я чувствую, что колдовство уже уничтожено другими средствами. Уж собирался умирать, но теперь с уверенностью говорю, что буду жить. Так ли, Люев?

Люев. Для закрепления здоровья, государь, воду соледониевую надобно пить почаще, а утром и вечером в глаза пустить, то темнота с очей изгонит, поистине без болести, без вредности. Ныне же, государь, пора тебе в опочивальню уксус горячий пить и опочивать.

Иван. Ныне я уж сам пойду, чую в себе силы. *(Встает с трона и, поддерживаемый слугами, медленно идет к выходу в сопровождении царевича Федора и лекарей. Думные встают с мест, провожая царя.)*

Василий Шуйский *(тихо)*. Видно, царь истинно облегчение чувствует, а вместе с ним опять начал проявлять признаки обычного свирепства. Господи, спаси русскую землю!

Щелканов *(тихо)*. Колдуны, которых привез Бельский, предсказали царю смерть марта 17-го или 18-го.

Занавес

Конец четырнадцатого действия

ДЕЙСТВИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Сцена 126

Опочивальня царя. Возле пустой постели - Борис Годунов.

Щелканов *(входит)*. Где государь?

Годунов. Государя в нужник понесли.

Щелканов. Кто же со свечой при государе?

Годунов. Бельский в нужнике со свечой стоит.

Щелканов. Как же не ты стоишь, Борис?

Годунов. Прежде всюду стоял. И в мыльне с царем мылся, и на свадьбе государя с Марией Нагой сидел с Нагими подле молодых, а Бельский поодаль. Ныне же переменялось.

Щелканов. Ныне понять, кто первый любимец царя, тяжело. А иноземцы про то дознаться желают у нас в посольском приказе, тем донимают: то ли племянник Малюты Бельский, то ли ты, зять Годунов, то ли дядя царицы Нагой. Пришел я с важной вестью для государя, не знаю, кому сообщить для доклада. Посмотрел в список двенадцати лиц, постоянно докладывающих царю важные дела, а решить не могу. То сам доложу, вопреки регламенту.

Годунов. Мне скажи. Знаешь ведь, как государь меня жалует. Я с детства был питаем от царского стола. После гибели же царевича Ивана он, государь, посетил меня, больного, и на пальцах показал, что Федор, Ирина и я, Борис, равны для него, как три перста.

Щелканов. Однако, сам же говоришь - ныне переменялось. Не ты со свечой при государе стоишь, Бельский стоит. И по обе стороны царского места стояли оружничий Богдан Яковлевич Бельский да думный дворянин Афанасий Федорович Нагой. То и иноземцы отметили.

Годунов. Доверие к Нагому у государя истинно было велико. Он, государь, даже посвятил его в планы сватовства при английском дворе и поручил первоначально ему расспросить англичан про девушку, его, государеву, новую невесту Мэри Гастингс. Марию же – прочь. Однако, поняв интригу Нагих и

клевету против меня, также поняв, что пострижение племянницы не соответствует расчетам Нагого, его, Нагого, от переговоров ныне отстранил и не включил в число душеприказчиков. То не действует его, Нагого, клевета против меня. Мария Нагая ныне трепещет за себя и за сына своего Дмитрия.

Щелканов. Всего-то ты, Борис, не ведаешь. Предчувствуя близкий конец, государь составил два завещания: одно с тобой, Годуновым (*понижает голос*), другое - тайное.

Годунов. Про что второе?

Щелканов. Про то не могу знать. Знают лишь князь Иван Федорович Мстиславский, князь Иван Петрович Шуйский, Никита Романов, Богдан Бельский... (*Помолчал*). Да и я знаю, дьяк Щелканов. А велено никому не говорить, особо тебе, ибо государь сомневается, не можешь ли ты помешать разводу бездетной Ирины с Федором. Оттого тайное завещание тебе открыть запрещено.

Годунов. Скажи, Щелканов, на меня надейся и ничего не бойся!

Щелканов. Страшусь, Борис, особо же если попаду в сыск к Бельскому.

Годунов. Не страшись, и против Бельского управу найдем.

Щелканов. Уж ладно, изменю своим товарищам и тайно сообщу тебе, Борису. Ибо по завещанию хотят отдать власть в отечестве католику. Правителем государства при Федоре назначается эрцгерцог Эрнст Габсбург, а ежели Федор умрет бездетным, Эрнст сделается наследником русского престола.

Годунов. То не против меня лишь, против святых православных икон заговор. И почнется от того католичества на Руси смута. Где завещание?

Щелканов. Хранится в посольском приказе.

Годунов. Мы вдвоем с тобой, Щелканов, составим план уничтожить завещание, когда не станет царя Ивана. Бельский колдунов привез из Сибири, они же указали наступление смерти, так ли?

Щелканов. Истинно так.

Годунов. Сказал ли о том Бельский царю?

Щелканов. То не ведаю. Знаю лишь, Бельский предупредил колдунов: если их предсказание не сбудется, сожгут живьем.

Годунов. Такое означает назначение премии за убийство царя.

Щелканов. Все желают его смерти, однак, каждый для своей пользы.

Годунов. Назад вертаются. Поскольку мы с тобой теперь вместе делом повязаны, скажи скорей мне, какую весть принес.

Щелканов. От шпигунов весть. Князь Андрей Курбский умер.

Годунов. То добрая весть. Такой вестью потщусь расположить к себе государя. (*Входят Бельский, лекарь Люев, за ним слуги несут в кресле царя Ивана*).

Иван (недовольно). Ты, Щелканов, с чем пришел?

Щелканов (кланяется). Государь милостивый, с чем пришел, сообщил для доклада боярину Годунову.

Годунов. Государь, Курбский умер.

Иван. Добрую весть сообщил ты мне, Годунов! (*Смеется*). Умер бедный вельможа на чужбине! Он предсказывал мне смерть, а я проживу, вопреки бесовским надеждам, еще немало лет в молитвах, умилении и слезах, пока не преставлюсь в монашеском пострижении и положен буду в Архангеле. Где Курбский умер?

Годунов. Государь, про то в подробностях дьяк Щелканов ведает.

Щелканов. Государь, князь Курбский умер в Ковеле. По слухам, незадолго до смерти он и его семья приняли католичество.

Иван. Проклятый, он и вере отцов изменил. Он, который хотел быть мне, государю православному, судьей! (*Кашляет*).

Люев. Государь милостивый, ложись в постель, да натрем тебя бобковым маслом мягчительным, исцеляет от студености. (*Царя укладывают в постель и натирают маслом*).

Иван. Надобно признать, милые мои, Курбский, верно, был человек начитанный, по нашим временам - ученый.

Бельский. Государь милостивый, куда ему, ты превзошел его своей книжной мудростью.

Иван. Про то, милые мои, хай иные судят. Курбский был не только учен, но и тцился показать себя весьма религиозным. Я таких знал. Упрекал его, собаку, что сей беглый боярин вместе с поляками рушит святые церкви, ногами своими попирает святые иконы и, как Ирод, избивает невинных младенцев. Оттого я, царь, лил слезы над сими жертвами и над самим палачом, аки христианин. У

него и предки были неверные слуги государевы, однако, все ж лучше его, собаки беглой. Когда отец мой, благоверный великий князь Василий, желал развестись с бесплодной Соломонией и жениться на благоверной матушке моей, великой княгине Елене Глинской, ради продолжения рода и династии, то среди тех, кто против кричали, как схимник-еретик Вассиан Косой, бывший князь Патрикеев, да Максим Грек был и боярин Семен Федорович Курбский. Тот Курбский, некогда славный воин, покоритель Перми и Угоры, позднее не евший мяса и три раза в неделю евший рыбу. То ведь большая добродетель. Однако и он кричал. Ты, Годунов, добродетелен ли так?

Годунов. Нет, государь милостивый, грешен, таковы добродетели мне недоступны.

Иван. Однако ведь, сестра твоя Ирина Годунова бесплодна. Меня, государя, удручает возможность конца династии Калиты. Хотел потребовать от Федора развода с бесплодной Ириной Годуновой, но после гибели царевича Ивана так и не решаюсь. Все размышляю, как лучше, однак, сомнения имею в тебе, Борис. И желаю лишить тебя, Бориса Годунова, возможности помешать разводу Ирины и Федора в случае таковой надобности. Признаешь ли ты, что желаешь помешать?

Годунов. Клевета, государь милостивый, о том не помышляю, склоняясь перед волей твоей монаршей. А клеветец не впервой уж на меня Афанасий Нагой.

Иван. О том ведаю. Нагие тайно рассчитывают, что из-за недееспособности и бездетности Федора трон рано или поздно перейдет к царевичу Дмитрию. Того ли опасешься, Годунов?

Годунов. Скажу от сердца, государь, опасуюсь.

Иван. Того не опасайся, Борис. Какой он, Дмитрий, царевич? Он незаконный. А по-мужски хвастая, скажу, милые мои, что осквернил тыщу девиц и погубил тыщу своих детей незаконных. (Смех). Как женился на Марии Нагой, невзлюбил ее, когда еще была беременна. Знаете ведь, задумал я ныне жениться на какой-либо иностранной принцессе царской крови. Когда англичанин-медик по имени Роберт, как его дале, Щелканов?

Щелканов. Роберт Якоби, государь.

Иван. Как Роберт Якоби сообщил мне, что у английской королевы есть родственница Мария Гастингс, графиня гантингтонская, то я, государь, отправил в Лондон боярина Федора Писемского узнать о невесте, поговорить о ней с королевой и вместе с тем изъявить желание от моего, царя, имени заключить тесный союз с Англией.

Годунов. Однак, государь милостивый, она ж не нашей веры, и на Руси такое может вызывать смуту.

Иван. Условием брака есть, что будущая моя супруга примет греческую веру, и чтоб все приехавшие с ней бояре и боярыни последовали ее примеру. Щелканов, есть ли вести от Писемского?

Щелканов. Государь, Писемский сообщает, что до Лондона дошли слухи о твоей нынешней жене и сыне. «Смотрите, - сказал Томас Рандольф из иноземной коллегии нашему толмачу Елизару, - когда вы поехали, у государя был только один сын, а теперь уж у него и другой родился?»

Иван (недовольно). При отправлении в Англию Федора Писемского в наказе ему было написано, ежели спросят, как же тот царь сватается, когда у него есть жена, Писемский должен отвечать: «Она не царевна, не государского рода, негодна ему. Он ее бросит для королевской племянницы». Ответил ли так?

Щелканов. Ответил, государь, ответил: «Пусть королева не верит сорным речам. Лихие люди наговаривают, не хотят промеж государя и королевы доброго дела видети.»

Иван. Добро ответил! Достойное замечание. Чтоб на случай, если королева заметит, что у меня, царя, есть жена, то должен именно так сказать. Она не какая-нибудь царевна, а простая подданная, и ради королевской племянницы можно ее и прогнать, а ребенка ее отбросить или удавить, ежели шибко против будут Нагие. Пусть благодарят Бога, что оставлю в живых. Не впервые распоряжаться мне с негодными женами и с их изменными родичами. Три из предыдущих моих жен - Анна Колтовская, Анна Васильчикова и Василиса - заточены в монастырь. Всю жизнь я, милые мои, ищу женщину себе по душе. Как умерла благоверная царица моя, жена Анастасия Романова, то уж вынужден был подбирать себе подруг, лишь чтоб избежать греха. Истинно по душе была польская принцесса Катерина Ягеллонка, да отдали ее за тронного принца Юхана, пренебрегши мной и Россией. Признаюсь, шибко я желал сестру польского короля Жигмонта, обещал шведскому королю Эрику уступить навеки Эстонию с Ревелем и доставить выгодный мир с Данией и Ганзой, лишь бы только Эрик выдал мне Катерину, мою невесту. И дело уже сделано почти что было, из Стокгольма приехал боярин Воронцов, а другие бояре готовились уж принимать Катерину на границе, да тут

государственный совет шведский сверг Эрика и посадил на трон Юхана, мужа Катерины, врага России.

Щелканов. Государь, Европа издавна пренебрегает Россией, особо ныне, после неудачной ливонской войны. Англия хочет забрать себе всю торговлю России с Западом, добивается торговых привилегий и не хочет брать никаких военных обязательств.

Иван. В английском прожекте я твердо надеюсь, что мне удастся породниться с английским королевским домом. Тогда английская королева Елизавета поможет мне снова завоевать Ливонию.

Щелканов. Государь, королева добивается исключительно беспошлинной торговли для англичан. Английский же прожект вызывает недовольство всеобщее, даже в дворовой Думе недовольны. Не только лишь Афанасий Нагой и его родня осуждают прожект, ибо в случае его успеха царица Мария Нагая уходит в монастырь. Ты, государь, устранил Нагого от секретных переговоров с Англией, однако и в земщине те переговоры вызывают негодование, и в народе растет смута. Говорят: «Царь готов жениться на англичанке, лишит престола сына Федора и сделать наследником сына от нового брака, иноземца». Оттого не только как дьяк посольского приказа, но и как православный человек молю тебя: оставь тот гибельный для России прожект!

Иван. Так-то говоришь! *(Гневно кричит)*. Постылая собака! Мне на тебя жалуется английский посол Боус, от тебя распространились слухи про переговоры!

Щелканов. Не только я, многие оскорблены намерениями твоими, царя, и изыскивают средства помешать им.

Иван *(гневно)*. Я, царь, устранию тебя, главного посольского дьяка Андрея Щелканова, от переговоров и подвергаю наказанию из-за жалобы английского посла Боуса. Бельский, я, царь, приказываю наказать Щелканова плетьюми.

Бельский. Исполним, государь.

Щелканов. Государь, я ради истин, мною сказанных, потерплю, ибо истину и царям говорить надо. Недовольство среди населения Москвы переговорами с английскими еретиками может привести к бунту.

Иван *(гневно)*. Гляди, Щелканов, не одумаешься - то не оставлю в живых никого из твоего рода! Бельский, и брата его, Василия Щелканова, из разрядного приказа вышибить!

Бельский. Будет исполнено, государь! *(Щелканова уводят)*.

Иван. Бельский, переймешь переговоры дел с Англией.

Бельский. Слушаюсь, государь. Государь, без опричного войска шатко на Руси стало. Бояре и думные дьяки не отличаются прежним согласиём, но укорять их в измене по нынешним порядкам нельзя.

Иван. В Англии наказывают изменников по закону, через палача, а не опричным избиением. То нам пример - английские порядки. Они больше нашего избивают, а упрека в Европе не имеют, поскольку казнят судом. И в Англии государыне от мятежников угроза. Оттого я и предлагал, чтобы королева при опасности могла считать своим прибежищем Кремль. Да сделал такую помощь между государями взаимной, воспользоваться приютом английским в случае надобности и мне. Годунов, все ли готово на случай подобного отъезда царской семьи за границу?

Годунов. Все остается готовым, государь милостивый. Часть твоих царских сокровищ, как и прежде, в Вологде, в построенных для того каменных палатах, да на Северной Двине, как и прежде, стоят двадцать судов и барок. Те суда должны перевезти твою царскую семью на Белое море, откуда прямой путь и в Англию.

Иван. А свои сокровища не погрузил ли, Борис? Не подумываешь ли и ты про прибежище в Англии для себя и своей семьи? А другую часть сокровищницы тайно перевел в Соловецкий монастырь, так ли, Бельский?

Бельский. О том имеем в сыске донесение, государь.

Иван. Тебе, Борис Годунов, да тебе, Богдан Бельский, верным моим слугам, опасаться не царского моего гнева, а, как и мне, боярской измены. Тебе, Бельский, при переговорах с Англией, о том говорить. Ежели скажут, что при живой жене стал я искать руки принцессы Марии Гастингс, сказать, что прежде всего - измены кругом, и опасаясь за судьбу династии.

Бельский. Так укажу послу, государь.

Иван. Также укажи, чтоб посол сказал про племянницу английской королевы: «Государь взял за себя в своем государстве боярскую дочь, а не по себе. А будет королевская племянница дородна и того великого дела достойна, государь, ныне свою отставляя, заговорит за королевину племянницу».

Бельский. Так исполним, государь.

Иван. «Сын, - скажут, - родился Дмитрий». - «Родился, - скажи, - но переговоры идут - царицу в монастырь. Младенец-сын судьбу имеет незавидную, ибо незаконен. Младенца Дмитрия в монастырь на воспитание, а после - на пострижение, сделать не царем, а монахом.»

Бельский. Исполним, государь.

Иван. Родство с английским домом должно поднять престиж царской династии после неудачной ливонской войны. Собака Щелканов, как ныне разумею, хлопотам о сватовстве моем тайно мешал. Ты ж, Бельский, потщись!

Бельский. Потщусь, государь!

Иван. Сватовство приобретает особое значение, поскольку я, царь, одновременно вновь обращусь и об убежище в Англии при необходимости. Потому приказать послу Писемскому навести справки о приданом английской невесты, а равно узнать, чья она дочь и какого князя удельного, и брат родной или сестры есть ли.

Бельский. Сделаем, как велишь, государь!

Иван. Я, царь, желаю знать, чем владеет семья Гастингс, и будет ли моя жена наследницей удельного княжества в Англии, ибо надеюсь, что вместе с рукой получу удельное княжество, которое станет прибежищем мне и моему слабоумному сыну Федору. Про то расспросить также английского посла Боуса.

Бельский. Исполним, государь!

Иван. Как и прежде, при болезни моей, говорил я: не дайте боярам извести моего сына, бегите с ним в чужую землю в случае смерти моей. В Англии многие желают дружбы с Россией. Там, в Англии, есть особое общество ради дружбы с Россией. *(Кашляет)*.

Люев. Прими, государь, воды земляничной. *(Поит из чашки)*. Да не пора ли тебе опочивать?

Иван. Милые мои, мечтал издавна завести на Руси английские порядки... Парламент и convocation - съезд духовенства. Однако, боярские измены тому мешали.

Годунов. Государь, служилой мелкоты надобно бы заселить в Подмоскovie, то у воевод сил поубавится. Служилая мелкота - опора царя, для того и пустить в продажу и порожние поместья для дворян. Так же приказным, даже гостям купеческим.

Иван. Ты, Борис, умен, тебя люблю да Ирину. Я знаю, Федор - полудиот, бедный иноче Федор Иванович. Обо мне говорят как о человеке, не знающем жалости, я же испытываю потребность в нежном участии. И к твоей семье, Годунов, шибко привязался, особо к Ирине, к которой испытываю отеческие чувства. Отчего не посещает меня Ирина?

Годунов. Государь, приходила не однажды, да не решилась тебе обременять. И ныне в сенях ждет.

Иван *(обрадованно)*. Пришла навестить, невестушка! Как же не говоришь? Быстрее пусть идет! Пошли за ней слугу! *(Слуге Родиону Биркину:)* Пойди да зови! *(Биркин кланяется и уходит)*. Ты, Годунов, да сестра твоя - два пальца моей руки, а третий - Федор. *(Входит Ирина Годунова и кланяется)*. Невестушка моя, пришла, наконец, навестить болящего!

Ирина. Государь-батюшка, здрав будь! У малой церковки праведного Лазаря в селе молилась за тебя.

Иван. И я, милая моя, те церковки предпочитаю, там Бог ближе. Иринушка, чего вижу тебя нечасто, ведь люблю же по-отечески, как дочь свою?!

Ирина. Государь-батюшка, любовь твою отеческую, царскую с благоговением принимаю и с молчанием отхожу, послушание к тебе имея.

Иван. Отчего ты уходишь, такая дородная да красная, красотой сияющая, не повеселишь меня?

Ирина. Государь-батюшка, бо измолodu кротка и молчалива, не величава.

Годунов. Она, сестра моя, с детства ведь от смеха да от песен пустошных уходила, более к молитве и кротости пристава.

Иван. Доброе то дело. Однак, в молитве сына не сотворишь ради продолжения династии. Вы идите-ка все, оставьте меня с невестушкой, я ей нечто скажу. Ты, Родион Биркин, верный слуга, останься да разлей нам меда! *(Все, кроме Биркина, уходят)*. Выпей-ка со мной, Иринушка!

Ирина. Государь-батюшка, не обвыкла я пить, однако, со смиренным послушанием выпью. *(Царь и Ирина выпивают)*.

Иван. Блистаешь ты, Иринушка, красотой своей, да не втуне ли? Жемчуг есть морской дорогой за рубежом, ты ж наподобие нашего северного речного жемчуга: скромнен, да дорог. Знаешь ли ты про себя?

Ирина (*потупя глаза*). Государь-батюшка, чего знать мне? Я и в иные ночи без сна пребываю в молитвах и в рукоделии, в прядике, в пляичном деле.

Иван. Однако, ты не баба сельская - царевна и будущая царица. Видишь, разумею, каков человеческий разум. Разумный человек не одну душу свою спасает, но и людей многие. Видим в России великое нестроение и необозримые пакости от нечестивых, а наследника не имеем, да надо тебе сына родить. Поди ко мне, Иринушка, сядь поближе сюда, не робей! (*Ирина подходит*). Сядь на постель ко мне, ведь добр я к тебе?

Ирина. Добр, государь. То скажи-ка, за твою царскую милость готова чинить все по твоей воле.

Иван. Хоть и долго я хвораю, плоть моя не обленилась, уды не ослабли. Сделаю утеху молодости твоей, потому твоему естеству утеха будет. (*Берет ее за руку*).

Ирина. Государь-батюшка, позволь мне уйти! (*Пытается забрать руку*).

Иван. Нет уж, хочу иметь с тобой обязательно любовь, и почнем, моя милая, тут, на лебединой перине, да в изголовье соболиное одеяло. (*Смеется*). А скажешь потом: меня милый любит и жалует и дробит почаству. (*Валит Ирину на постель*).

Ирина. Пусти меня, государь-батюшка! (*Плачет*).

Иван (*тяжело дыша*). Нет уж, что ж ты, в распалении в преступление впадаешь лишь с молодым отроком? Я - старый муж, не с тобой, мыслишь, со старым мужем с вонючею душою не хочешь. Так мыслишь? (*Разрывает на Ирине платье*).

Ирина (*плачет*). Пусти, государь, пусти, государь, пришла я к тебе, государю болящему, с утешением. Ты ж, государь, иного желаешь!

Иван (*тяжело дыша*). Того и желаю, утешь меня! (*Наваливается на Ирину, она плачет и кричит*). Родион, пой громогласные песни, чтобы им крику от нее не слышно было.

Родион (*громко поет*). Ах, ты моя боярыня, ах, ты моя государыня, ты моя красавица, пьяна напиваешься. Ты пила квас да пила чай, пришел милый невзначай.

Иван (*тяжело дыша*). Я тебе безделицу учиню. Ах, ты хороша! Жалею, что прежде не растлил твоё девство.

Ирина. Пусти меня, государь, жена я царевича Федора! То грех велик, государь! Молю тебя, государь, куда ж мне скрыться после сего греха будет? Пострижкой в Девичий Монастырь али в смертное место? Пусти, государь! Господи, помоги! (*Хватает царя Ивана за бороду, вырывается и убегает*).

Иван (*тяжело дыша*). Ах, злое жидовское твоё сердце женское!

Родион (*поет*). Ах, ты моя боярыня, ах, ты моя сударыня...

Иван. Замолкни, лихая понурая свинья! (*Бросает чашку в голову Родиону*). Бельский!

Бельский (*торопливо входит*). Что стряслось, государь милостивый?

Иван (*сердито*). В нужник меня несите! (*Кашляет, тяжело дыша*).

Люев (*входит*). Надобно пол-ложки травы девясила с чесноком и горчицей, то удушья и кашля не будет. А на тощее сердце, на пустой желудок давать, то всякую нечистоту изнутри изгонит.

Годунов (*входит*). Государь милостивый, сестра прощения просит, что расстроила тебя. Она скорбит месячно, а которая жена скорбит в месяце, то в великом страхе и сама не знает иной раз, что с ней делается.

Иван (*сердито*). В браке с сестрой твоей Ириной Годуновой царевич Федор не имеет детей, то я, царь, помышлять буду, как спасти династию! (*Слуги уносят царя. Следом идут Бельский и лекарь Люев*).

Годунов (*тихо*). Сестра моя пришла к болящему с утешением, а должна была убежать от его любосердия. Так ли, Родион Биркин?

Биркин (*тихо*). Так, государь. Покушение естества на невестку.

Годунов. Возьми денег пять рублей да молчи про то, иначе хуже тебе будет, уничтожу!

Биркин. Слушаюсь! (*Берет деньги*).

Годунов (*тихо*). Ты, Биркин, мне первым делом неси, если что будет.

Биркин. Слушаюсь.

Годунов (*тихо*). По временам силы оставляют царя, но царь Иван еще не думает умирать. Не верит он ни в сон, ни в чох, да сластолюбив. Однако роковой день, про который колдуны поведали, близится. Стрясется ли? Страшно про то мыслить. Помогите Бог! (*Крестится и уходит*).

Занавес

Сцена 127

Теремная палата. Царь Иван полулежит в кресле. Лекарь Люев, лекарь Эйлоф и прочие хлопочут возле него, натирают ему лицо и руки гвоздичным маслом. Тут же Годунов, Бельский, Никита Романов и слуги.

Иван. Гниение у меня внутри, оттого исходит запах, потому я женщинам не люб. Так ли, Годунов?

Годунов. Не чую я того запаха, государь!

Иван. Ты, Бельский, чуешь? Подойди к заглавию моему.

Бельский (*подходит*). И я не чую, государь милостивый, чую благоухание.

Иван. Льстивые вы царедворцы, лихоимцы! Ты, Никита Романов, тебя называют неподкупным, чуешь ли?

Романов. Государь, всякая болезнь имеет запах. Однак, мы молим, да верим, что Господь те болезни отменит. Ты, государь наш, еще не стар и крепок.

Люев. Государь, аще сие гвоздичное масло укажешь, сиречь капнешь в воду капли две-три. Придает благоухание и благолепие лицу. (*Натирает руки и лицо царя*).

Иван. Лекаря-иноземцы, ты, Эйлоф, да ты, Джованни, может ли быть мне исцеление?

Эйлоф. Государь, надобно пустить нервныя соки и развить взаимодействие разных органов.

Иван. Как зовется моя болезнь? Скажи ты, Джованни!

Джованни. Государь, по учению Асклепия, чтобы устранить, надобно понять, отчего та болезнь произошла.

Иван. Грехи мои - вот отчего болезнь! Пустит ли меня ангел Божий или укажет ангел на огонь палящий, пламень огненну?!

Годунов. Такого Господь не допустит, государь, жить будешь долго!

Иван. Истинно, чую в себе самом жизненные силы, потому мысль жениться на иностранке не оставляет меня. Уж издавна, еще до проклятого колдуна Бомелеуса, обратил я свои взоры на Англию и поначалу даже на саму королеву Елизавету. Однако поняв, что она строптивая и наглая девица, также не шибко молода и не шибко красива, думаю про родственницу ее, племянницу Марию Гастингс. Потому согласился на особую аудиенцию с Боусом для такого разговора.

Бельский. Государь милостивый, он скоро будет. Ему указано, что разговор частный, не в Золотой палате, а в Теремной палате, и он, Боус, должен отправиться один, без оружия и свиты.

Иван. Какие вести от Писемского? Дана ли ему аудиенция?

Бельский. Дана лишь не так давно в Виндзоре. Посол Батория был в Лондоне, и его принимали впервоочеред. Писемский старался ускорить начало переговоров, однак, они откладывались со дня на день под разными предложениями: то придворные празднества, то чума...

Иван (*сердито*). Проклятые английские торговые мужики! Не мешает же им чума вести переговоры с поляками!

Бельский. Государь, Писемский терпеливо дождался отъезда поляков и после того был принят королевой.

Иван. Приняли ли его вежливо?

Бельский. Государь, Писемский был торжественно введен к королеве графом Лестером, лордом Горманом, сэром Кристофом Геттом и самим Геттингтоном, отцом Мэри Гастингс, графини Геттингтонской. Он вручил королеве подарки от твоего царского имени и от себя - дюжину кунных шкурок.

Иван. Приняла ли его королева с честью? А то ведь не так давно послала своих людей по какой-то надобности по всем странам мира и писала ко всем королям и князьям, и властителям, и управителям, а на наше имя ни одного слова послано не было. В том вижу интригу поляков да прочих врагов, также и наших проклятых перебежчиков.

Бельский. Государь, по донесениям посла, на сей раз королева была очень милостива, стала веселой и спрашивала о твоем, царя, здоровье. Сказала, что она тебя любит, как брата, рада будет тебя видеть и заключить с тобой союз.

Иван. А о деле говорили ли, о невесте моей?

Бельский. Государь, о том речь не шла, ибо с самого начала возникло несогласие о предмете переговоров, даже и о грамотах. Там наши предложения были названы просьбами, а ты, государь, именовался племянником королевы.

Романов. Государь милостивый, не смеются ли те англичане над нашим послом да над тобой, его повелителем?

Иван. Никита Романович, ты привык иметь дело с казаками, тут же потребна тонкая дипломатия, хоть и меня удручает такой творящийся негласно обман. Однако, уязвить их можно иным путем: предлагая Англии пропускать все русские товары, вывозимые ей без пошлины, требовать союза против польского короля, которому помогают папа, император и другие государы. То я Писемскому указал.

Бельский. На том, государь, наш московский посол Писемский упрямо стоит. И чтоб стиль грамот был изменен.

Годунов. Государь, не один лишь стиль, но и условия грамот потребно изменить. Елизавету более всего интересуется защита своей торговли на Белом море от Дании, а не союз против поляков.

Иван. Велись ли про то переговоры?

Бельский. Посол доносит: вместо аудиенции его пригласили на охоту, бить оленей.

Романов. Государь, не хотят ли нашего посла тем вежливо спровадить?

Иван. Что ответил Писемский?

Бельский. Писемский сказал, что ему теперь некогда забавляться, и по случаю поста мясо русские не едят. Однако, все ж принял приглашение и на той охоте договорился с королевой о тайной аудиенции. Королева хочет добиться от тебя, царя, содействия торговле на Белом море. Писемский же на той тайной аудиенции надеялся заговорить о сватовстве, хотя вместо тайной аудиенции Писемский застал во дворце празднество, гремела музыка да шли танцы. Королева оставила бал, чтобы поговорить с ним наедине в саду.

Иван. Про что был разговор?

Бельский. Разговор был про Марию Гастингс. Писемский выразил желание повидать ее и, как ты велел, написать с нее портрет.

Иван. Видел ли он Марию?

Бельский. Государь, после бала, на котором королева пила за твое, государя, здоровье, посла повели в летнюю резиденцию канцлера, в сад, где тоже было приготовлено угощение. Тут, на аллее сада, Писемский видел Марию, которая шла в сопровождении леди Геттингтон.

Иван. Хорошо ли он разглядел мою невесту?

Бельский. Он сделал, как приказано. В своем донесении Писемский пишет (*берет бумагу*): «Княжна Гастингса Мария Гастингс роста высокого, тонка, бела лицом. Глаза у нее серые, волосы русые, нос прямой, пальцы на руках тонкие и длинные».

Иван. Скорее надо заказать портрет сего ангела. Долго ли он ее разглядывал?

Бельский. Совсем не долго, государь. Ему сказали, что лишь раз может взглянуть на ту, которой суждено стать невестой государя.

Иван. Был ли после того разговор с королевой о моем сватовстве?

Бельский. Королева вызвала Писемского и высказала ему, что ее: «...племянница недостаточно красива, да и вам, я думаю, она не понравилась». Однако, Писемский ответил: «Мне она показалась красивой, остальное - дело Божье».

Иван (сердито). То придумывает новое средство, чтоб затянуть дело. Европа уж в прежние времена отказывала отдать за меня свою принцессу крови, сестру польского короля Катерину Ягеллонку. Однако, на сей раз я буду упрямей и настойчивей. Такого непотребства к себе не потерплю, а ежели не захочет, то все торговые дела отставим в сторону.

Бельский. Государь, Писемский выслушал много лестных речей и уверений дружбы. Королева обещала пропустить через свою землю всех русских послов ко всем государям, кроме папы. «Только бы ваш государь не выдал меня папе», - сказала она.

Иван (сердито). А она, Елизавета, ведь выдает меня полякам, нам издавна недружественным! Хотел с такой недружбой кончить через женитьбу. Незадолго перед тем лишился я дорогой моей супруги Анастасии, сестры твоей, Никита Романович. Молва верно называла ее ангелом-хранителем моим. Я горячо любил ее. Тихие семейные радости, коими наслаждался только с ней, сдерживали мои грехи иной раз от дьявольского наваждения, жесткого и грубого. Велико

было горе утраты подруги моей, матери сынов моих. Однако, для нас, особ коронованных, женитьба есть державное дело. Благодарение Господу, ежели она вознаграждена любовью. Польский король принял предложение мое не совсем любезно, и дело не склеилось, а чем кончилось, милые мои, всем ведомо. Та Екатерина уподобилась Елене Троянской, еще более посеяла вражду меж мной и Польшей, также Швецией и позднее всей Европой, на нас ополчившейся в Ливонии. Ныне иной женщиной хочу наши неудачи обратить в победы с помощью английского флота.

Бельский. Государь, Писемский присутствовал на смотре английского флота, состоявшего из двадцати четырех судов с семьдесят восемью пушками и тысячей матросов на каждом.

Иван. То - доброе приданное за английской невестой. Бельский, скоро ли будет Боус?

Бельский. Государь, сказали мне, что английский посол Боус приехал и ждет.

Иван. Пусть идет скорей! Были бы лишь англичане честны с нами, как мы честны с ними, как подобает христианским государям!

Боус (*входит и кланяется по-английски, кивком головы*). Великому государю Всея Руси от королевы Елизаветы английской, французской, ирландской и иных земель, поклон.

Иван. Мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич Всея Руси, ради милосердия Божьего кланяемся королеве Елизавете английской, французской, ирландской и иных земель.

Боус. Государь, королева с беспокойством вопрошает о твоём здоровье, поскольку дошли слухи о твоих недугах.

Иван. С Божьей помощью и усердием лекарей недуги уж почти что минули. (*Кашляет*).

Люев. Выпей-ка, государь, гвоздичного масла с горелым вином! (*Подает питье*). То гвоздичное масло аще вольешь немного в горелое вино, и тем гортань вычищает.

Годунов. Доброе питье, государь! И я то пью, ибо нестравленную еству в желудке стравляет.

Бельский. Истинно, государь, желудковым болезням помогает при перееданиях. А с иного боку, хотение к естеству подает, и весельство человеку наводит.

Иван. Доброе питье! Не хочешь ли, Боус, отведать?

Боус (*недовольно*). Я здоров, государь, и в том нужды не имею. Мне поведали что ты, царь, хотел говорить со мной с глазу на глаз о тайном деле. Однако, вижу, беседа наша происходит в присутствии целой дюжины людей!

Иван. Сии люди - мои, от них нет секретов. Годунов - любимец мой, да Бельский, ближний мой человек, да Никита Романович Романов, мой дворецкий, лекаря мои да слуги.

Боус. Я, однако, имею желание говорить с тобой, царем, совершенно наедине. Будучи послом при других государях, например, при французском короле, я говорил с ними о важных делах без свидетелей.

Иван (*сердито*). Французский двор нам не указ, лучше скажи нам, что можешь, про мой брак с Марией Гастингс. Я хочу знать намерения королевы относительно Марии Гастингс.

Боус. Я приехал, чтоб слушать, что ты, государь, об этом сам говорить будешь.

Иван. Я остановил свой выбор на племяннице королевы, дочери князя Гинтунского.

Боус. Такого княжества у нас нет, государь.

Иван (*сердито*). Ты отлично знаешь, в чем дело, и не играй скоморошью комедь, начатую твоей королевой. Дело идет о Марии Гастингс, дочери лорда Геттингтона. Ее бабка приходится двоюродной сестрой Елизавете. Так ли, Бельский?

Бельский. Истинно так, государь.

Боус. Однако нам известно, что ты, государь, только что вступил в шестой, а, может быть, и восьмой брак с дочерью одного из своих думных дворян, Афанасия Нагого, Марией Нагой.

Иван. Такое ничего не значит. Самому Афанасию Нагому, который не отец, а дядя царицы, было поручено расспросить с другими боярами о новой невесте. Мария Нагая простого боярского рода, то не помешает английской Марии стать царицей. Дети, которые могут родиться от сего брака, получают уделы, престол же перейдет царевичу Федору. Будущая царица должна принять православие. Королева уж доставила моему послу Писемскому возможность видеть невесту в саду, и надобно списать с нее портрет.

Боус. Ее величество королева Елизавета, выслушав о портрете, очень смутилась, сказав: «Я была бы очень рада быть в родстве с царем, но слыхала, что царь любит красивых женщин, а племянница некрасива».

Иван. Ложь! Мой посол Писемский нашел ее красивой.

Боус. Так ли, государь? При встрече в саду твоего посла с Марией Гастингс он стал пятиться назад.

Иван. Бельский, пусть посол увидит еще мою невесту и снимет портрет!

Боус. Государь, твой посол Писемский был принят с почетом, но на вопрос о невесте королева сказала, что она была недавно в оспе. Видеть ее снова и списывать портрет скоро нельзя, не раньше, чем в мае сего, 1584-го, года.

Иван (*сердито*). Я так долго ждать не могу!

Бельский. Гляди, государь: припертый к стенке, посол английский запутывается в увертках!

Боус. Нет, ваше величество, Мария Гастингс больна, и очень больна. Кроме того, вряд ли она согласится переменить религию. Твои ж вельможи относятся ко мне враждебно.

Иван. Кто, например?

Боус. Например, канцлер твой Щелканов. Щелканов и другие враги мои замыслили покушение на мою жизнь, и только вмешательство моих соотечественников, английских купцов, предотвратило катастрофу, также и для тебя, государь. Ибо после того моя королева порвала бы всякие дела и связи.

Иван. Я всегда строго наказывал тех из своих бояр, которые враждебно относятся к тебе, Боус. Щелканов отстранен от английских дел, и я велел наказывать его плетьюми.

Боус. Государь, Щелканов и его брат Владимир - пленники в своих домах, однак, наказание плетьюми отменено.

Иван (*сердито*). Кем отменено?

Бельский. Тобой, государь милостивый.

Иван. Да, истинно. О том Борис Годунов ходатайствовал.

Годунов. Государь, Щелканов - дипломат добрый и православию рьяный защитник от иноземного засилия.

Боус. Государь, наш английский двор в Москве с некоторых пор испытывает недружбу посольского твоего приказа. Припасы нам отпускают дурно и мало. Мы требуем до десяти пудов масла в день. Оттого прошу тебя, царь, наказывать Щелканова собственной рукой.

Иван (*сердито*). Тебе не следует мне указывать, ты не имеешь представления о том, как должен вести свое дело посол. Мне же ты всячески мешаешь вести дело моего сватовства и дружбы с королевой.

Боус. Государь, я знаю, что моя повелительница твою дружбу предпочитает дружбе всех государей. И я лично не имею другого желанья, кроме желанья нравиться тебе и служить. Однако, из племянниц королевы Мария Гастингс - самая отдаленная. У королевы есть еще целый десяток родственников, более близких и более красивых.

Иван. А кто они?

Боус. Я не уполномочен о том говорить.

Иван (*сердито*). Я уж и прежде говорил, что вы, англичане, нехорошо обслуживаете русские рынки, и потому придется отнять у вас часть льгот, мной данных. Те льготы дадим голландцам. Так ли, Годунов?

Годунов. Так, государь. Невзирая на самохвальство Боуса и иных англичан, на правом берегу Двины, по соседству со старым монастырем, растет новый город и укрепляется гавань. Голландцы сами указали место и обещали нам, русским, создать новую Нарву.

Иван. Скоро то будет морская русская торговля. Так окончательно освободимся от вашей, английской, монополии. А назовем тот город Архангельск, в честь Архангела Михаила, покровителя небесного воинства, также нашей царской усыпальницы, ибо нет лучшей для нас мечты, чем быть принятыми в небесное воинство.

Боус. Государь, мы, англичане, всегда стремились честно торговать с Россией.

Иван. Смотрите, не опоздайте! Победа останется за Голландией. Королева же ваша желает, чтоб торговали только с нею, и соглашается заключить союз только на словах.

Боус. Государь, я всегда старался оказывать всяческие услуги.

Иван. Так назови нам по имени и скажи, каковы собой те племянницы королевы, и я пошлю с тобой в Англию нового посла посмотреть их и испросить их ответы.

Боус. Я могу в этом оказать свою службу, однако должен получить полномочия от королевы.

Иван. Ты все увертываешься! Ты нам говорил о десяти или двадцати девушках твоей страны, из которых мы могли б выбрать себе жену, и ты отказываешься называть их имена? Как же сватать-то

девиц, не зная их имена?! В Англии тысячи невест, среди которых немало простых кухарок, не свататься же ко всем!

Боус. Государь, а не поехать ли тебе самому в Англию? Английская земля - особая, она бы тебе помогла на многое по-иному взглянуть. Я постоянно ношу с собой золотую шкатулку с английской землей. *(Вынимает из кармана шкатулку).*

Иван. Дай-ка мне сию шкатулку! *(Берет шкатулку).* Поскольку я окончательно решил себе искать жену в Англии и в случае отказа Марии Гастингс согласен остановить свой выбор на какой-нибудь иной родственнице, то готов даже ехать в Лондон с целью ознакомиться с английской церковью и протестантизмом. Также поглядеть на парламент, на Оксфорд и на прочее. При честных делах готов вернуть англичанам все льготы и даже увеличить их. Для того я, однако, должен быть приглашен королевой, и королева должна прислать за мной английский военный корабль.

Боус. Я хотел взять с собой твоего посла, которого ты, царь, назначаешь французскому королю. Можешь ехать вместе, инкогнито, под чужим именем. Но королева приказала ехать сухим путем.

Иван *(гневно).* Чтоб продать меня моим врагам? Не потерплю того! Гоните его вон! В окно его выбросить, отдать медведям! Как смел он мне такое сказать! *(Боуса хватают).*

Боус. Государь, я знаю, что ты вспыльчив, знаю те вспышки твоего царского гнева. Но говорил уж, что моя повелительница умеет мстить за обиды.

Иван *(смягчаясь).* Пустите его. Истинно, иной раз погорячусь излишне. Я королеву своим врагом не считаю. Я считаю своими врагами королей польского, датского и шведского. После потери Ливонии ехать сухим путем - значит ехать через Польшу. Ежели сие предлагаешь, то пришел без важных намерений. С чем пришел, с тем и возвратишься домой. Тебя больше не удерживаю. Можешь ехать сейчас же.

Боус. Государь, моя повелительница королева также тебя своим врагом не считает. Королева считает императора своим врагом, а короля испанского - другом, которого можно купить за деньги. Королей же датского и шведского она считает лучшими своими друзьями и намерена помирить тебя с ними.

Иван. Ты, Боус, постоянно отвечаешь увертками. Я хочу заключить с Англией наступательный союз, чтоб вернуть Ливонию, то будет общая победа.

Боус. Государь, повелительница моя набожна и не гонится за победами. Она не взяла Нидерландов, которые ей отдавались, и Францию, которая охотно признала бы ее власть.

Иван. Дело идет не о победах. Ливония - наша старинная вотчина.

Боус. Верно ли?

Иван *(сердито).* Мы просим вашу государыню не в судьи между нами и польским королем. Но я по-прежнему желал бы весьма заключения с Англией союза, исходя из опыта своей жизни и из внешних отношений. *(Нюхает землю).* Однако, английская земля кисло пахнет и тверда.

Боус. В английской земле много железа, государь. Это железо у нас в крови.

Иван. Оставь мне сию шкатулку.

Боус. Возьми в подарок, государь.

Иван. Давно имею наваждение - ступить на английскую землю. Радует меня сей подарок, однако недружба королевы огорчает.

Романов. Государь, скажу Строганову, чтоб прислали тебе с казаком сибирской земли, в сибирской земле железа еще более.

Иван. Сделай так, Романов. Мы сибирским богатством недружество Европы преодолеем.

Романов. Истинно, государь милостивый! Она вся увертывается в свою пользу, а помощи нам дать не желает, наоборот - заводит дружбу с врагами нашими.

Иван. Как шведский король Эрик обманом хотел нас с престола согнать и иного посадить. Всю же свою внутреннюю интригу желали на нас переложить. Не желают ли то англичане с новой моей невестой Марией? Богатые английские торгаши надеются на деньги, не на Бога, а мы много говорить не хотим, возложили упования на Бога. А как крымскому хану от наших воевод учинилось и досталось, о том спроси - узнаешь. Придет время - и Ливонию опять заберем, сами, без английской помощи, и ливонцев с герцогом Магнусом, что оборачивается, как гад, покараем.

Бельский. Государь милостивый, как велел, приведена толпа ливонских пленных. Пускать ли на них медведей?

Иван. Пускай! Много невинной православной крови пролилось из-за нашей вотчины - Ливонской земли, и в запорах наших пленных держат. А иных, опоив отравой, отпускают, и они, приехав сюда, померли. Я же хочу отплатить тем ливонским холопам. Боус, стань со мной у окна, да поглядишь.

Боус. Государь, я не люблю русские затейливые мучительства. Позволь мне уйти.

Иван. И у вас, я слыхал, весь Тауэр усеян гниющими головами на шпичах, и мертвецы висят на мостах.

Боус. Мы казним только по суду.

Иван. Вздор говоришь! Судьи ваши приговоры пишут, а что писано, то прошло, суд же Божий вечен. А ежели тебе неугодно по нашему указанию поступить, то иди вон, я тебя не держу.

Боус. Государь, указания царские исполню. Однако, стоя у окна, не могу любоваться, как приведенная толпа несчастных понапрасну будет отбиваться от зверей и как медведи будут рвать их на куски. Я знаю, то зрелище любят в России, однак такие зрелища у нас не приняты даже среди матросов.

Иван. Ну иди, да напиши своей королеве, что ты неразумный человек и ничего не уразумел. Насколько невозможно мне взять у вас, англичан, себе жену, настолько же невозможно иметь вам у нас торговые льготы, а жена ваша английская, может, нам и не надобна будет. Возьми свою английскую землю! *(Кидает на пол шкатулку)*. Была уже одна польская королева замужем за конюхом, а если скажешь, что ложь, то спроси тех, кто знает, кто такой был Войтыла при Ягайле. Пусть и англичане отдадут своих принцесс не за государей, а за конюхов! *(Смех)*. Теперь же пойдешь вон! А захотите нам вредить - увидите, какая вам и вашей королеве будет прибыль! *(Боус подбирает шкатулку, кланяется и уходит)*.

Бельский. Государь, слыхал я, у Габсбургов есть хорошая невеста, принцесса императорской крови.

Иван. От кого слыхал?

Бельский. Есть тут тайный посол Габсбургов, антверпенский купец Ян ван де Валле.

Иван. Надобно его расспросить да послать ту австрийскую невесту поглядеть. *(Слышен медвежий рев и крики)*. Скорее неси меня к окну! *(Царя Ивана несут к окну)*. Добро грызут! *(Дико смеется)*.

Бельский. Как ты велел, государь милостивый, самых злых и лютых медведей подобрали вместе с их клетками, да из клеток пустили.

Иван. Добро тех ливонцев хватают медведи! *(Дико смеется)*. Грызут, рвут! Трупья чтоб не убирали, хай медведи тешатся на пиру! *(Дико хохочет и начинает сильно кашлять)*.

Лекарь Джованни. У государя болезнь гидропикус – водянка, от сердечной болезни. Такие зрелища ему вредны, ибо высокие животные духи излишне способствуют сжатию пор.

Романов. Скорей делайте что-либо, лекаря!

Джованни. Надобно расслабление пор больного. Несите государя в спальню! *(Кашляющего уж до хрипоты царя Ивана уносят, за ним идет Бельский)*.

Годунов. Велите ловчим медведей загнать в клетки.

Романов. Истинно, не ко времени измыслил Бельский сие вредное для здоровья государя зрелище. Устроить всеобщий народный молебен на Крестцах у Варваринской Божьей Матери пречистой Богородицы чудотворной иконы за здоровье государя.

Годунов. Распоряжусь сказать о том митрополиту. *(Уходит)*.

Занавес

Сцена 128

Опочивальня царя. Царь сидит на постели, обложенный подушками. У постели - Годунов, Бельский и лекарь Люев.

Иван. Который сегодня день?

Годунов. Марта семнадцатого, государь.

Иван. Наступило семнадцатое марта 1584 года от Рождества Христова, то есть день, в который, по предсказанию волхвов, меня должна постигнуть смерть, а чувствую себя лучше. Бельский, пошлю тебя объявить колдунам, предсказавшим мне смерть, что я зарю их живьем или сожгу за ложь.

Бельский. Слушаюсь, государь, пошлю за ними слугу. *(Посылает слугу)*.

Иван. Чувствую себя лучше. Однак ночью, как и прежде, видел в окно большую блестящую звезду.

Люев. Государь, большая блестящая звезда и другие удивительные явления видны каждую ночь в течение семи недель над Москвой сего, 1584-го года. Вновь на небесах на полуночной стороне многие лучи аки огненные, а перед заутренею потухают.

Иван. На небесах буря. В год 1553-й от Рождества Христова, как я тяжело болел, и бояре, думая, что помру, не хотели присягать моему первенцу, истинному царевичу Дмитрию от Анастасьюшки - не сему Лжедмитрию от Нагой, а тому, истинному, - также на небесах была буря. Той же весны, помню, апреля в пяток, часа четырнадцати дни, взошла туча с зимнего запада, и молнии великие, и гром страшен, и загорелись от молнии терем и все хоромы на моем, царе, великого князя, дворе в Воробьеве. Того же лета не стало царевича Дмитрия в объезде Кирилловом, назад едучи в Москве. А положили его в Архангеле, в ногах у деда, отца моего великого князя Василия Ивановича. *(Кашляет)*.

Люев. Прими, государь, масла фиалкового, кое смягчит и разволакает, грудное расседание исцеляет.

Иван *(пьет)*. В груди легкость чувствую ныне, и кашель мой легок. А обрыдло мне все то масло, пить меду хочу, и пива, да щей горячих, да прочего!

Люев. Побережься надобно, государь. Год сей тяжек, государь, планеты недобро стоят.

Иван. Истинно, увидав в дворцовое окно комету, принял то за предзнаменование смерти. Потому велел вызвать колдунов для сношений с ними. Мне казалось, что меня околдовали, но ныне то колдовство уже уничтожено другим средством. Прежде собирался умирать, ныне говорю, что буду жить, а помрут другие. Бельский, нет ли известий о смертях?

Бельский. Так, государь, умерла королева Швеции Катерина, жена короля Швеции Юхана, сразу же после рождения сына Сигизмунда, так донесли.

Иван. Господи, Боже вседержателю! Прими сию изошедшую женскую душу с милостью! Желал я ее в жены и повстречаю уж по исходу души своей.

Бельский. Не скоро то будет, государь! Многие иные умрут, не ты в сей тяжкий год.

Иван. Кто ж еще умер?

Бельский. В сей год, государь, уже умерли король Португалии Себастьян, два короля - Феца и Марокко, также в Берберии султан.

Иван. Каждый во всякий час должен быть готов к смерти. Когда придут страшные вестники, судьи Твои, да скажут душе: «Время твое окончилось, выходи из плоти!». Годунов, готов ли ты к смерти?

Годунов. Истинно, государь! Готовлю вклады в монастыри на случай смерти, прежде прочего - в Иосифо-Волоцкий монастырь.

Иван. Прежде прочего готовы вклады? Бога моли о продлении лет своих, ибо тебе да Ирине за Федором глядеть. Ты еще молодой человек, тридцати двух годов.

Годунов. То тщимся, государь.

Иван. Пойди, Годунов, и возвращайся с Федором, говорить с ним хочу.

Годунов. Слушаюсь, государь. *(Уходит)*.

Иван. Услал его, ибо хочу еще раз пересмотреть завещание. Не думаю, впрочем, о смерти, ибо меня много раз заколдовывали, но каждый раз чары спадали. Бельский, возьми-ка завещание из сего стольца.

Бельский. Слушаюсь, государь. *(Отпирает стол и подает завещание)*.

Иван *(берет завещание, смотрит)*. Будущее династии предстает мне весьма печально. Федор благочестив, да слаб умом, Дмитрий - еще дитя, да и незаконен.

Бельский. Государь, ежели просто передать венец Федору - то значит, отдать власть Годунову. А многие того не пожелают, и почнется смута.

Иван. С Федором поступлю, как с малолетним, а двора при нем - ты, Бельский, да Иван Петрович Шуйский, от земли Иван Мстиславский и Никита Романов. А в случае смерти бездетного Федора власть отдать над русским государством Габсбургам. При таком завещании никто в одиночку власть у Федора не возьмет, также и любимый шурин его Годунов. Однако я еще не думаю умирать, хоть по временам силы и оставляют меня. *(Входят колдуны и кланяются царю)*. Ну, что, колдуны-предсказатели, ворожеи, жив ли буду, али помру ныне? Что скажете?

1-й волхв. Не мы говорим, государь милостивый, сила иная то говорит.

Иван. Какие силы? Бесовские! Знаете ли, что вера наша христианская запрещает и осуждает волхования и заклинания бесов, толкования чародеев и знахарей гадание?

2-й волхв. Для чего ж призвал ты нас, государь милостивый?

Иван. Призвал, чтоб посрамить вас, а через вас - беса. Кто из вас с бесом znalся, признавайтесь! Ты znalся? *(Указывает на 1-го волхва).*

1-й волхв *(кланяется).* Знался, государь. Многие знаются. Волхованием занимаются даже некоторые попы: в великий четверток соль на престол кладут и до седьмой четверти там держат. Ту соль дают на врачевание людям и скотам.

Иван. На соборе постановим: извержение таким попам из сана и отлучение от церкви!

2-й волхв. Однако, государь, ведь и от бесовской силы можно спасение иметь и судьбу узнать!

Иван. Вы, волхвы и гадатели земные - посланцы нечистой силы. Вам противостоят святые с их чудесами и иконы чудотворные. Победы в бою и исцеление - от чудотворных икон.

Бельский. Государь милостивый, лапландские да новгородские знахари говорят от нечистой силы, а карельские прорицатели - самые искусные от чудес святых. Сия гадалка - из карельских. *(Указывает на гадалку).*

Иван. Можешь лечить? Лечи-ка меня силой своих заговоров.

Гадалка. Потщусь, государь, праведными своими заговорами и оберегами. В заговорах я искусна да всех святых знаю.

Иван. Ежели так, скажи-ка, убогая, какой святой отчего пособляет.

Гадалка. Государь праведный, Моисей Муринский лечит от запоя, Онуфрий - помощь при родах, Вакул - покровитель телят, Василий - свиней, Сидор - огуречник, Петр - капустник, Параскева Пятница - помощь в ткачестве, в домашней работе.

Иван. Что ты мне перечисляешь про скотов, а главных святых ты, убогая, забыла - Сергей Радонежский да Николай Угодник!

Гадалка. Государь, правда, Николай Угодник помогает пахарям, скотоводам, торговцам, а Сергей Радонежский лечит любые болезни.

Иван. Однако, бесы бывают сильнее святых. Даже и иноки-аскеты изнемогают от борения с кознями бесов. Я родился в купальскую ночь, совпадающую с праздником рождества Ивана. Не оттого ли бесы всю мою жизнь и все мое царствование рядом со мной?

Бельский. Государь, не все ли равно, от какой силы! Лишь бы был ты нам, государь, на радость здоров, да так оно и будет! Идите, колдуны, да потщитесь помощь государю оказать! *(Колдуны кланяются и уходят).*

Иван. Истинно, чую себя сегодня легче. *(Поднимается).* Ходить могу и ногам легко. Дайте-ка мой посох! *(Бельский подает посох. Ходит).* Веселье сатанинское, скорей бы уж Пасха! Всегда любил я Святую Пасху, милые мои, также и летние святки, русальную неделю. Да Масленицу, поминальные пироги в Прощенное воскресенье. В тот день мы, русские, приходим друг к другу, один другого прощает, и миримся. То - святой день. *(Крестится. Все крестятся).* Люблю и масленичные потехи - катание с горок на снях и кулачные бои. А в Великий четверток солону настилают, кличут мертвых. Как меня покличут дальние потомки, то спросят: «Что ты, пес смердящий, делал, грешил ли всю жизнь свою царскую?» Так ли скажут?

Бельский. Нет, государь, скажут: «Сей благочестивый государь и князь великий, добрый правитель хоругвей земли Русской, сын державного корня, людей русских упасал и великим смыслом единогласие русское утверждал мечом храбрым. Супротивно ему наваждения покорялись, и силой своей земли умножал. Благочестивое любил.»

Иван. Однако, любил, милые мои, и веселое, скоморошья позоры. Да пускал их во дворец, и даже плясал с ними в машкарах. *(Смеется).* После новгородского покорения велел набирать в Новгороде веселых людей для моих царских потех. Любил и люблю шутов! Бельский, где мой шут Осип Гвоздев? Давно его не видал за делами и болезнью.

Бельский. Пошлю за ним, государь. *(Входят Федор и Годунов).*

Федор *(радостно).* Батюшка родимый, ты, я вижу, уж на ногах!

Иван. Да, Федор-сын, мальчик, легче мне. *(Обнимает и целует Федора).* А ты, мальчик, что подельвал?

Федор. Молился, батюшка, да книги святые читал.

Иван. Которые книги?

Федор. Читал житие Михайла Клопского. Люблю сию книгу и с собой ношу. *(Подает книгу).*

Иван *(берет книгу).* С разумом ли читал, Федор, сию книгу? Читай тут.

Федор (*читает*). Старец сидит на стуле, а перед ним свеча горит, а пишет сидя деяния святого апостола Павла плаванье.

Иван. Тут читай.

Федор (*читает*). Михаил пишет на песку: «Чашу спасения приму, имя Господне призову, то будет клад неисчерпаемый».

Иван. Сие, Федор-сын, означает наподобие евангельских слов: «Если выведешь честное из нечистоты, то будешь будто бы уста мои». Так ведь божественный Варфоломей говорит, что и великое богословие мало. И Евангелие и пространно и велико, но при том и кратко.

Федор. Разъясни, батюшка, ибо тут противоречие.

Иван. Нет тут противоречия, Федор-мальчик. В применении к Богу отрицание не противоречит утверждению, ибо Бог выше всего отрицания и утверждения. Так мы, цари, помазники Божьи, выше всякого отрицания и утверждения. Прочти то в книге о небесной иерархии. Святой Варфоломей понимал совершенным образом, что многословесна благая причина всего, и также малоречива, и также бессловесна настолько, что не имеет ни слова. Кто нечистое все и чистое превзойдя, и на всяческие святые вершины восхождение одолев, и все божественные свету и звуки оставив, тот вступает в сумрак, где воистину пребывает, как говорит писание.

Федор. Батюшка родной, кто ж так совершает?

Иван. Федор-сын, мальчик, только Бог и царь, помазанник Божий.

Федор. Батюшка, про какие свету и звуки, и речи небесные сказано?

Иван. Федор-сын, я говорю о звуках и речах небесных, упомянутых в Писании в связи с Богом, как не по земному человеческому мышлению, а по божественному вдохновению. Мы, цари русские, православные, не избраны, как польские короли или шведские мужики, на сейме, мы избраны свыше Богом, и пример нам - божественный избранник Моисей. И ведь не просто божественный Моисей: сначала ему было повелено очиститься самому, от нечестивых отделиться. Лишь после всяческих очищений услышал многогласные трубы, увидел свету многие, чисто сияющие, и разнообразные лучи. После того он покинул толпу и с избранными священниками достиг вершин божественного восхождения. Обрати внимание, Федор-сын, как все происходило с Моисеем, когда, взойдя на гору и войдя в сумрак, увидел, насколько уж возможно для человека много. (*Встает с кресла, ходит, опираясь на посох*). Обрати внимание, Федор-сын, и на порядок происходящего с Моисеем - прежде всего сподобился он войти в божественный сумрак.

Федор. Батюшка, святой пророк Моисей видел на горе Бога?

Иван. Нет, Федор-сын, мальчик, и там он беседовал не с самим Богом и видел не его самого, ибо тот незрим, но место, где тот стоял. То указывает, как мне сдается, на то, что божественные и высочайшие из предметов созерцания и разумения есть лишь некоторые предположительные выражения подножий всего происходящего, с помощью которых обнаруживается превышающее всякое мышление присутствие того, кто опирается на умственное... Многожды перечитывал я то место Писания, где Моисей беседовал с Богом, и толкования святых старцев. Смысл там, надо понимать, что Моисей, когда видел то место, где стоял Бог, был отстранен от видимого и от всего словесного, я имею в виду умопостигаемые разумные существа, в том числе и наши души, и лишь тогда в сумрак вошел, сиречь в окружающее Бога неразумие. Оттого в некоторых наших клеймах допущено изображение слова «Бог» в виде сияния с начертанием слова «Бог».

Федор. Батюшка, тяжело мне твои слова разуметь. Прежде прочего - что есть сумрак?

Иван. Читай, Федор-сын, поболее святые книги и толкования святых старцев. В книге о божественных именах, глава вторая, следует знать, что в Исходе, где написано, что Моисей вошел во мрак, в котором Бог был, использовано еврейское слово «арафел». Семьдесят толковников, Ахила и Феодотион перевели «арафел» как «сумрак», Симмах же перевел «арафел» словом «мгла». Еврей же говорит, что «арафел» - имя тверди, которой достиг Моисей.

Федор. Который еврей, батюшка?

Иван. Иосиф Флавий. Читай Флавия, Федор-сын, про небесные тверди. Семь же твердей, говорят, есть, которые называются небесами.

Федор. Батюшка, как постичь то божественное?

Иван. Федор-сын, мальчик, постичь можно через знание и через незнание. С совершенно не ведающею всякое знание бездейтельностью в наилучшем смысле соединяясь и ничего-не-знанием

сверхразумное уразумляя. Заметь, что путем отказа от всякого знания мы соединяемся с неведомым. Однако такое доступно лишь безгрешным аскетам.

Федор. Хотел бы я быть аскетом, батюшка, не царем.

Иван. Федор-сын, твой удел иной. Твои думы должно поглощать угождение Богу и исполнение Божьего. Ты прост умом, но грехов на тебе нет, как на безгрешном. Оттого опять говорю тебе, сын: царствуй благочестиво, с любовью и милостью, избегай войн с христианскими государствами. Завещаю тебе уменьшать подати, освободить пленных и заключенных. Чую я, народ тебя полюбит.

Бельский. И тебя, государь милостивый Иван Васильевич, народ любит и слагает о тебе песни.

Иван. Люблю, милые мои, слушать песни о моем царствовании. Как пойду в мыльню, то хай теми песнями меня там услаждают.

Бельский. Так сделаем, государь милостивый. Государь, как ты велел, принесли для твоего обозрения сюда, в твои покои, картины и икону «Церковь воинствующая», да находится в сенях.

Иван. Скорее хай несут. Заимел сегодня желание глянуть на ту любимую икону вместе с сыном моим, наследником. Завтра же хочу посетить Архангельский собор, усыпальницу нашу, где предки наши лежат - Иван Калита, Семен Гордый, Дмитрий Донской, Иван III, дед мой, Василий III, отец мой... Все они с непокрытыми головами, окружены, как святые, нимбами. А на столбах - мученики, воины и другие князья, Александр Ярославович Невский и прочие, да опись подвигов Михаила Архангела, предводителя небесных сил, помощника русских князей в ратных делах. Изображены там сила Царя Небесного и Страшный Суд. У своей же усыпальницы велел изобразить мученика Уара. Подвиг царев - мученик и воин. Таким и я себя считаю - мучеником и воином. Меня, умирающего, принимают в небесное войско. Причисление к небесному войску после смерти - на то я надеялся давно. Люблю ту картину в Архангеле, в соборе чуда Архангела Михаила Чудова монастыря. «Явление Архангела Михаила Иисусу Навину», «Исцеление расслабленного» да прочие картины - мне и они по душе. Росписи широки, фигуры с одутловатыми лицами, рисунок сух. *(Служители вносят иконы и картину «Церковь воинствующая»)*. Вот, Федор-сын, любимая моя икона. Могу подолгу, часами стоять перед ней да знаю ее в подробных мелочах.

Федор. Картина огромная, батюшка!

Иван. Две сажени в длину картина. Федор-сын, мальчик, в ней - хвала победителям, которые не пожалели живота своего избавления ради христианского от неверных. Многолюдные торжества, небесные конные и пешие воины,двигающиеся по отрогам гор, переходящие в пласты земли. *(Подходит к картине)*. В средней части - пешие воины, среди них сия огромная фигура конного. То - великий князь Владимир Мономах, облаченный в венец и бармы, в руках держит скипетр и крест. За ним - воины, возглавляемые Владимиром Святославичем и его сыновьями Борисом и Глебом, тут, сверху - конница во главе с Александром Невским и Дмитрием Донским. Среди воинов - русские князья Ярослав Тверской, Владимир Новгородский. Благословенное воинство Царя Небесного содействует победе московского царя. А сей молодой воин на коне - узнаешь ты, кто то, Федор-сын? То я сам! Впереди меня, царя, в радужном круге, на крылатом огненном красном коне скачет воевода небесных сил архистратиг Архангел Михаил, ангел грозный. Войска движутся к горному Сиону, славной нашей Москве. Перед Сионом сидит с младенцем на коленях Богоматерь, покровительница Московского царства. Навстречу победоносному воинству летят ангелы, протягивающие золотые венцы. Движение руки Богоматери направляет ангелов. Избавление Руси от неверных да от измен - главное мое, тяжкого грешника, оправдание перед Богом. Как меня не станет - храни Русь нашу, Федор-сын, по Божьему жребию и по моему завету. Вы, верные слуги, Годунов да Бельский, да прочие, будьте ему в помощь, смуты не делайте, ибо с небес казню.

Годунов. Потщусь, государь. Государь, Строгановы прислали тебе в подарок золотую, украшенную алмазами шкатулку с сибирской землей. Казак привез да дожидается.

Иван. Хай несет казак! Сибирью мы укрепимся против ненавидящей нас Европы. И дед мой, и отец мой, и я любил Европу. Однак, против нас, русских, только злое обличение да кровь, ибо христианский губитель Баторий есть воитель, беспощадный к русским с запада.

Казак *(входит и кланяется)*. Государь великий, прими от купцов Строгановых да от нас, казаков Ермачка, сибирскую землю себе под сильную руку! *(Подает шкатулку)*.

Иван *(берет шкатулку)*. Откуда, казак? С Дона ли?

Казак. Нет, государь, казак с Волжских пристаней. А пошли по зову сердца к тебе, родимому!

Годунов. Государь милостивый, земля сибирская еще более английской от железа крепка и кисла. Прежде лишь в Серпухове и Кашире крестьянские домницы имели на реке Оке стальные рудокопы, да в Туле. Но в Туле меньше, чем в Серпухове, и у Финского залива немного - к восьми деревьям восемь домниц. Ныне же в Сибири той руды повсюду в избытке. Так ли, казак?

Казак. Истинно. По велению Строгановых делаем поиски руды той болотно-дерновой.

Иван. Как делаете, казак?

Казак. Государь великий, делаем так: имеем деревянный кол с очищенной корой и заостренным концом. Прощупываем колом местность. Наличие руды - по особому звуку при втыкании кола в рудный слой, по шероховатости и по приставшей к колу породе. Пробуем землю на вкус. Ежели земля кислая, то, сдирая мох, находим руду.

Иван (*пробует землю*). Истинно, кислее английской. Куда везете руду?

Казак. Добытую руду кладем в кучи для просушки, потом здесь же прожигаем, а затем уж - к домницам.

Годунов. Государь великий, владельцы домниц Строгановы нанимают возчиков возить руду, также нанимают молотильников, казаков наемных.

Казак. Мы, казаки, всякую работу делаем. Был я и молотильником. Кузнец с молотобойцем в день четыре-шесть ядер делают. А охлаждали булатную сталь зимой в Сибири снегом, не водой. Останавливаем дух, очищаем уголь. Особенно крепка сибирская булатная сталь, государь. Косы, серпы, сошники делаем. Строгановы нам платят. Когда ж лишь государевы ядра, пищали да прочее делаем, то нам казна платит.

Иван. Милые мои, главное для Москвы теперь - оружие, пушки, пушечные ядра, кольца брони, самопалы, бердыши да прочее. Когда шел на Казань, то имел 1500 пушек больших, много мортир, сорок и единорогов. Во время полоцкого похода имел 1200 пушек. Ныне, после ливонской войны, потеряли артиллерию.

Годунов. Государь милостивый, сибирской рудой сделаем артиллерию вдвое более потерянной в ливонской войне.

Иван. Милые мои, Бог наш и наша заступница даруют нам победу. Ко времени Бог даровал нам Сибирь, вотчину богату и сильну. Ежели долина наполняется водой во время дождей и имеет излишнюю влагу, а потом вдруг через некоторое время от сильного солнечного зноя влага высыхает, то долгое время земля будет не только сухой, но и бесплодной, и трудно будет получать плоды с нее. Так и в державе нашей народ умножился и расселился всюду. Бельский, вели нести вина, выпьем за Сибирь!

Люев. Государь милостивый, можно ли тебе ныне, при твоей немощи? Не выпить ли тебе свобориного цветку?

Иван. Обрыдло мне, лекарь, сие питье. Отброшу же всякую немощь и позабочусь о своем сокровище. (*Слуги приносят вино*). Друзья и братья, выпьем за наше благочестие и за православие наше, нашего государства. (*Выпивает*). Казак, иди да скажи от меня Строганову и Ермаку с казаками, что я, царь, принял от них Сибирскую землю.

Казак. Силою государя нашего, Иисуса Христа, покорили для тебя, государя, и для отечества. И возвращусь в страну мою Сибирь для новых покорений. (*Казак кланяется и уходит*).

Иван. Федор-сын, мальчик, наследник мой, забудь о гордыне смирения, неподобающей царю, и отбрось страх, и укрепись мужеством, чтоб не пленили нас враги, и не рассеяли нас, и не расхитили наше богатство. И будем повержены как последняя ветошь, брошенная на землю, которую топчут ногами и которая никому не нужна. Возлюби же, государь-сын, жестокое дело. Возлюби оружие, щиты, шлемы, самопалы и пушки. Возлюби также царское веселие капель меда и вина. (*Выпивает. Все выпивают*).

Федор. Государь-батюшка, как же мне, слабому ребенку, получить власть над своим достоянием - править государством?

Иван. Таково твое наследие, Федор-сын, колесо житейское. Придет время твоего царствования после меня.

Бельский. Не скоро еще, государь. Ты - наш царь надолго.

Иван. Человека, соблюдаемого крепкими Божьими руками, никто не может убить раньше нареченного времени. Бельский, хочу видеть тех волхвов, что предсказали мне ныне смерть. Они - слуги сатаны, я же - слуга Божий.

Бельский. Пришло их к тебе, государь, на посрамление.

Иван. Ныне, марта 18-е - день не скорби, а веселья. Веселиться хочу! Где Осип Гвоздев, шут мой, бахарь⁴²?

Шут (*вбегают задом наперед в вывернутом наизнанку кафтане и в шапке, надетой передом назад. Громко кричит*). Тут я, царь! (*Смех*).

Иван. Ты чего кричишь, Осип?

Шут. Мыслию: как-де я к царю войду в палату, да закричу, он-де у меня от страха и места не найдет! (*Смех*).

Царевич Федор (смеется). Батюшка, и я люблю шутов. Откуда идешь, Осип?

Шут. Государь-царевич, из поля вышел, из леса выполз, из болота выбрел, а неведомо кто! (*Смех*).

Бельский (смеется). Где ж, шут, ты живешь?

Шут. Живу где придется. Восемь дворов бобыльных, а в них полтора человека с четвертью. (*Смех*).

Годунов. Как же с четвертью, шут?

Шут. Четыре человека в бегах, да два в бедах. (*Смех*).

Иван. Такие-то у меня люди, шут. Знаешь ли, что такое человек? Человек есть храм Божий, а храм Божий есть человек.

Царевич Федор. Скажи про то, батюшка родимый!

Иван. Федор-сын, мальчик, и вы, иные, знаете ли, как просто выразить величие Божье, мудрость, милосердие? Недаром же торжественные здания храмов не штукатурятся, обнаруживая мощь кладки. Величественная простота храмов напоминает об устройстве вселенной и малого мира вселенной - человека. Шея - барабан храмов, плечи - подошвы, очи - окна, бровки над очами, голова есть купол. Росписи храмов напоминают о вселенной, ее совершении и истории, Ветхом и Новом завете и о будущем человечества, конце мира и Страшном Суде.

Шут (*плачет*). О, горе! О, всевидящее солнце! О, зависти зверолюты! О, солнце и земля! Увы, увy! Разум зверовидный! Оле, оле, доброненавистная душа! Тяжкошумная и скверногласящая! (*Смех*).

Иван. Чего плачешь, шут?

Шут. Жалко мне тебя, что не спасешься и утерян для рая.

Иван. А ты, шут, спасешься?

Шут. Видел себя во сне в раю царем. Царские бисерные одежды на мне были.

Иван. Шут, какого ж ты царства царь? (*Смех*).

Шут. Многих царств: царства тридцать пятого Кутилова, царства тридцать шестого Аврилианова, царства тридцать седьмого Такитова, царства тридцать восьмого Провова, царства тридцать девятого Кира и Кирина. (*Смех*).

Иван. Замечаю, ты, шут, хроники Манассии читал.

Шут. Читал я, государь, хроники Манассии. (*Плачет*).

Иван. Чего ж плачешь?

Шут. Про Фоку читал. Поставивши Фоку царем. О, горе! Пса бесного, мужа-разбойника, люта и гневлива, и убийством дышаща. Фока - мучитель. (*Плачет*).

Бельский. Государь, не лишнее ли дурак говорит?

Иван. Истинно, так было в древности - император либо зверь, либо герой. Люблю я читать про царствование императора Траяна.

Царевич Федор. Расскажи, батюшка!

Иван. Траян царствовал в Риме девять лет, был муж воинствующий, победоносен, терпелив и храбр, в судьях праведен и неуклонен, мерило правде. Епарху своему дал меч со словами: «Ежели без закона царством владею, то ударь меня сим мечом и не пощади моей жизни, ежели законно и хорошо правлю суд, то имей сей меч, чтоб мстить за меня врагам».

Федор. Что стало с тем Траяном, батюшка?

Иван. Смерть беспощадна, Федор-сын, мальчик. И се изучил от жития, во многих плаках победах.

Шут. И Фока исчез. «Самодержавством перепоясавшись, яростью разжегся зело. И сего ради в недуг злой впаде и умре. Бо нрава убийца, властолюбив, свирепообразен, скорогневлив, кровопийца. Яко тяжкоумный лев плоти снадати погубляемых человек и кровь пити сладчайши». (*Плачет*). И мучителя Диоклетиана постигла страшная кара - его язык сгнил, тело его кипело червями. От изрыгнул злую свою душу, рыкнул, яко лев.

42 *Бахарь* – краснослов, краснобай, говорун рассказчик.

Бельский. Молчи, дурак, не то говоришь!

Иван. Пусть шут говорит, Бельский. Говори далее, шут!

Шут. Земля не выносит злодействий императора Фоки, мучителя, и испускает безгласные вопли. *(Плачет и вопит)*. Ветром проходит повсюду Фока, повсюду пожирает сад и поалает холм.

Федор. Батюшка, как мне царствовать, чтоб не быть подобным Фоке?

Иван. С храбродушием царствуй, Федор-сын, мальчик. Храбродушие заключено в чистом сердце, как голова в шлеме. Сердце же есть владыка всего тела, про то лекаря знают. Так ли, Люев?

Люев. Истинно, государь. Епифаний Кипрский в сочинении «Аптека» дает аптечку с полезными лекарствами от болезней сердца и от угрызания ядовитых животных и пресмыкающихся.

Шут. Сердце злого человека - звериное логово, гнездо злобы. Лютый зверь - вражда, сердцеестественный медведь.

Иван. То истинно шут говорит, без благочестия сердце свирепо.

Федор. Батюшка, как обучиться благочестию для спасения сердца?

Иван. Федор-сын, мальчик, вся вселенная - училище благочестия, вся Божья вселенная. В той вселенной, однако, не одно лишь Божье, но и грешное. Посредством волшебных очарований дьявола не одно лишь людское, но и зверское. Животные есть символы людских страстей. По сказаниям физиологий, свойства человеческого характера таковы: ярость - лев, хитрость - лисица, да прочие. Они - преграда нам по дороге в рай.

Царевич Федор. Каков он, святой рай, батюшка?

Иван. Шут высокоумный, скажи-ка царевичу, что есть рай, ведь ты уж в раю был? *(Смех)*.

Шут. Был, государь.

Иван. Как рай Божий устроен?

Шут. У рая Божьего крыша плоская, односкатная, крытая берестой да дерном. Внутри - кругом печи, каменны палаты, да в углу бочка для воды, которую нагревают, бросая туда раскаленные камни, чтоб пар шел.

Иван. Ты, шут, про баню говоришь! Баня - место нечистое, у холопов для женских родов предназначена, а ты ее с Божьим раем равняешь! Велю тебя за то высечь, что кощунствуешь!

Шут. Скорее, государь! *(Опускает штаны)*. У меня гузно в саже вымазано, голым гузном сажу с палатей мел! *(Смех)*. Кровью и умоюсь. А ежели гузно в саже да кале, а елдак в сале, то тут уж быть ветошке и мочале. *(Смех)*. Государь, Бог сотворил человека, когда мылся в бане из ветошки да мочалки.

Иван. Снова ты, шут, кощунствуешь! Так белозерские волхвы говорят. Говорят: Бог бросил на землю мочалы, ветошки, бересты, лыка и сотворил Адама. В Святом же писании Адам сотворен из глины, из праха земного.

Шут. Государь, сотворено было двое Адамов.

Иван. От которого же род людской?

Шут. От обоих, государь. А раз два Адама, то два и рая, ибо рай есть блаженство.

Иван. Истинно так, шут. Царь Соломон, сошедший в ад, и блаженный Иона, сошедший во чрево китово, испытали блаженство, блаженство бездны.

Шут. Как лежишь на полатях, государь, а свет из окошка слабо течет в черные закопченные стены да в пару, то блаженство райское, вода ж смывает грехи.

Иван. Уговорил, шут, пойду, испытаю блаженство да грехи смою. Бельский, подай нам водки!

Шут. Оле! И я бы ради постных дней пироги поел, да белой рыбицы, и тельное, да две паровые тешки, да ухи стерляжьей. Пожалуй, государь, накорми меня, чем Бог поможет.

Иван. Ты, дурак, требуешь себе изысканных блюд под видом милостыни.

Шут. Нет, государь, меня хоть крупенью накорми, дай мне репу парену да редьку зелену, да посконну кашу на вязовой ложке.

Иван. А еще чего желаешь?

Шут. А желаю, чтоб брата моего Никитку рыбкой по-черкесски накормил. Христа ради накорми и не отказывай.

Иван. Где ж брат твой Никитка?

Шут. Он уж скачет да скоро будет, а руки держит за пазухой, а ногами правит, а головой в седле сидит. *(Смех)*. На свадьбу к тебе, царю, спешит.

Иван. Откуда про мою женитьбу слышал?

Шут. Повсюду о том слышно. От тележного скрипа слышно, от колокольного звона слышно, от густого медвежьего рыку, от крупного кошачьего ворчания, от курячьего высокого голоса. *(Смех).*

Иван. Одобряешь ли, шут, женитьбу мою?

Шут. Одобряю. Подобен ты, государь, златоперой кикнос⁴³. Император Никифор Ватаниот, женившись на старости, был подобен златоперой кикнос, которая, прежде чем сойти в старости в гроб, начинает веселиться. И ты таков. К тебе на свадьбу приду с Никиткой пива попить.

Иван. Попей-ка водки! *(Слуги подносят водку и шут выпивает).* Щей не хочешь ли горячих, шут? Бельский, неси горячи щи!

Бельский. Мигом, государь!

Шут. Щец похлебаю али борщу. Царь, подай мне борщу, да луку зеленого, да деньгу! *(Смех. Слуги вносят горячие дымящиеся щи).*

Иван. Ладно уж, шут, буду тебе слугой, смирю себя. Я, царь, подам тебе щей. Поди сюда, дурак царский. *(Шут подходит. Царь берет у слуги дымящиеся горячие щи и выливает шуту на голову. Шут громко кричит).* Осклабься, шут, сиречь улыбнись! *(Шут кричит).* Царя не слушаешь, дурак! *(Ударяет шута кинжалом, тот падает).*

Бельский. Так-то ему, дураку, что перечил, распрю с царем устроил!

Федор. Жалко шута, батюшка! *(Плачет).*

Иван. Я с ним для забавы поиграл. Люев, вылечи мне моего верного слугу, я с ним неловко поиграл!

Люев *(подходит и наклоняется над шутком, ощупывает его, слушает сердце).* Государь, так неловко, что теперь уж ни Бог, ни ваше величество не заставят его играть. Шут умер.

Иван. Умер? О, то дурное предзнаменование - убить шута, все равно что задавить черну собаку или черну кошку.

Бельский. Государь милостивый, дурак нелепости говорил, сиречь непристойности.

Иван. Молчи, ты пес-выжлец! *(Ударяет Бельского посохом по спине).*

Бельский *(почесывает спину).* Да, государь, я - твоя собака.

Иван. Не думал я так поступить. У меня таких шутов десятки, однако сей Осип Гвоздев был княжеского рода, а поплатился за честь быть со мной, царем, запанибрата. Упокой, Господи, его душу. *(Крестится. Все крестятся).* Годунов, внесешь за мой счет вклад в Иосифо-Волоцкий монастырь по душу князя-шута Осипа Гвоздева.

Годунов. Исполню, государь.

Иван. Также сороковину за мой счет справить по Осипу, ибо чую себя неисправно, сиречь виновато. Был он среди дурацких персон мой наперсник-любимец. Да оба мы, я, царь и шут мой, не святы отменны, да оба книжники, да слышали такое, чего непосвященные не слышали. Годунов, вели отвезти его по месту рождения и похоронить не в убогом доме, как шутов хоронят, а по-княжески, в семье.

Годунов. Исполним, государь. *(Мертвого шута уносят).*

Иван. Также, поскольку, подражания ради Христу, раз в год омываю ноги несколькими нищим, то привести нищих на сей раз в мыльню для омовения.

Бельский. Слушаюсь, государь.

Иван. Милые мои, высшая благодать - нищелюбие, и то царям помнить надо постоянно, что жизнь есть тлен, а царь близок к изгою. Я, милые мои, особо то чую, ибо всю жизнь боялся потерять престол и стать нищим.

Люев. Государь, не рано ли в баню? Надобно бы подождать три-четыре часа после стола и питья, покуда износится. Тогда луна будет в ущербе, и добро будет пойти в баню.

Иван. Нет, сейчас хочу. Пота много на теле, да париться в мыле с водой хочу и пот смывать.

Бельский. Государь милостивый, для освобождения от волглости промеж кожи и тела предстоит париться в сухом пару.

Иван. Будешь со мной париться, Бельский?

Бельский. С радостным почтением приемлю.

Иван. Федор-сын, после бани придешь ко мне Евангелие читать вместе и говорить. Ибо скорблю и стремлюсь Божьим быть.

Федор. Батюшка родимый, давно спытать хотел, что есть Божьим быть?

⁴³ Кикнос – лебедь *(греч.)*.

Иван. Федор-сын, мальчик, Божьим быть - то есть вне всех, вот что значит Божьим быть, вне всех - то есть Божьим быть. *(Обнимает и целует Федора)*. Иди, мальчик, да жди меня. *(Федор уходит)*. Повелеваю баню про себя истопить и воду принести, и нову постель под меня стлати.

Люев. Ежели, государь, решил о банном хождении, то в предбаннике посиди для постепенного вхождения. Предбанник утомление холодит и потницы отворяет. И собирательная вредительская мокрота исходит, и ветры вредительские отворяются.

Иван. Добро. Бельский, а пришли мне в баню того волхва, что мне смерть напророчил, для посрамления.

Бельский. Исполним, государь.

Иван. Сегодня легко ногам моим, так хай же несут меня. Сам пойду на посрамление колдунам и иным, ждущим моей смерти, и так ходить буду им на посрамление. Ибо жду праздника Казанской Богородицы июля осьмого, когда будет крестное хождение по церкви той Казанской Богородицы со святыми иконами и честные кресты из соборной апостольской церкви честного Успения Пресвятой Богородицы.

Бельский. Счастлив будет весь народ русский, избавленный тобой, великим государем, от басурман, как ты, великий государь, царь, великий князь, пойдешь Крестным Ходом, и святейший митрополит со всем освященным собором и вельможами и народом вместе с тобой Крестным Ходом пойдут. *(Царь в сопровождении Бельского, Люева и слуг уходит)*.

Занавес

Сцена 129

Царская мыльня. В банном пару мелькают голые тела. Царь лежит на банной полке, вокруг него лекаря и служители.

Иван *(недовольно)*. Лежать мене жестко. Бельский, видать, мало сена велел положить на полок.

Бельский. Государь милостивый, на скамьях и полках постлано вдоволь сена да покрыто полотном. Однако, на сей полок лекарь Люев вместо сена велел немецкий тюфячок положить. Я тебе, Люев, говорил, что немецкий тюфяк удручать будет государя!

Люев. Государь, сено нечисто, а при твоём нездоровье особо во вред. Тюфяк же, наоборот, пахучими травами набит.

Медик Джованни. Баня, государь, есть лечение больного.

Лекарь Робертс. Надобно ставить банки и парить ноги ромашкой, тогда полезно ходить в баню. Париться каждые пятнадцать дней, но не более, чем через двадцать. Вредно париться дома в жару.

Люев. Медики иноземные истинно говорят. Нездорово париться знойно, долго, особливо при твоей, государь, болезни, а в мыльню не ходить борзо после стола.

Бельский. Государь имеет ныне вхождение в баню не по-немецки, а по-русски, ради веселья. Так ли, государь?

Иван. Истинно, ради веселья банного. Тут ли шутовские персоны?

Бельский. Тут, государь, шуты и скоморохи Еремка, Алешка да Овсейка. *(Голые шуты подбегают и кланяются.)*

Шут Еремка. Мы все один за одного к тебе, государю!

Шут Алешка. Иона за бабу, а Лука за быка!

Шут Овсейка. Спешили, видишь, на свадьбу, а успели в баню!

Шут Алешка. А и в бане ведь едят да пьют! То теперь царю, грешного, желая напиток, чтоб напоил нас да накормил. *(Смех.)*

Иван. Ты, шут, разве писать можешь?

Шут Алешка. Иные слова, государь, могу писать.

Иван. Которые же?

Шут Алешка. Писать могу «Христос», «Христово», «христианин».

Иван. Добрые слова знаешь, шут. Вы, шуты мои, грамотнее иных вельмож.

Шут Еремка. Я, государь, азбуку учил.

Шут Алешка. И у отца и матери моей бывали всегда оладьи, да масляные блины горячи, да пироги хорошие. Велел бы, царь, все то для веселья банного принести, да вина дорогого, водки.

Иван. Бельский, повелеваю принести блинов, пирогов да вина. Веселиться нынче хочу.

Бельский. Все заранее исполнено и ждет твоего повеления. *(Голые слуги несут еду и питье.)*

Шуты (поют). Уж вы, рюмочки реберчатые, все подносики серебряны, со подносов вино плещется, вино белое, душистое.

Люев. Государь, ныне потребно тебе трезвое парение. Нетрезвое парение болезнь наводит. Лечебные заповеди, государь, таковы: кого утроба держит, или голова болит, или очи, или отток, тот особо блюсти должен, и, объевшись и опившись, не входить в баню. А ежели поел и кто объелся, то прежде вхождения в баню да идет на стульчак, а ежели заповедь запереть преступит, то в великий недуг впадет.

Иван. Что ты, Люев, говоришь?! Я все правила исполняю. Меня прежде вхождения банного в нужник отнесли, а иные брати в полной уже поизносились, и чую себя легко. *(Выпивает вино и закусывает блинами, пирогами и луком.)* Закуска хороша! Ну-ка, и ты, Люев, с лекарями пейте и ешьте! Добро вино после пара, пирогом закуска, чесноком и перцем.

Люев. Государь, никто да не пьет вина или пива или иного студеного питья в мыльне, да не ест никакого же перца, и лука, и чесноку, и иные травы да растения, коим естество суть горячи.

Бельский. Государь, не то немец плетет. У нас, русских, баня есть самое главное лекарство от всяких болезней. Коль скоро почувствует себя нездоровым русский, тотчас выпьет водки с чесноком или перцем, закусит луком и начинает в бане париться. Так и болезнь уходит.

Люев. В бане, государь, при болезнях предстоит лишь ноги парить водою теплой, в которой есть в парении ромашковая трава, да на тело рожки ставить, банки. Ложись, государь, для парения ног ромашкой, для рожек. *(Лекаря обступают царя, ставят на спину банки, обмывают ноги. Шуты плачут.)*

Иван. Чего плачете, шуты?

Шут Еремка. Изводят иноземцы государя нашего православного!

Шут Овсейка (плачет). Волшебством да колдовством изводят! У государя нашего к иноземцам тяга.

Шут Еремка. Государь, гони прочь иноземных лекарей да прочих иноземцев! Они тебя, государя, травят да народ наш травят! Занесли в Россию сифилитическую болезнь, а она наносит опустошение в черном народе.

Люев. Государь, шуты не от себя говорят, шуты подучены! Не Бельский ли?

Бельский. Государь, народ не верит иноземным врачам, да случались уж волнения против них. Православное духовенство признает грехом у человека неправославной веры, в особенности у медиков-жидов, лечиться. У меня в сыске на Люева писано, будто он не немчик, а жид. Таково известие от шпигунов в Литве. Да и иные кремлевские лекаря нечисты.

Иван. Так ли, Люев? Знаешь, я ведь набожный христианин, а ты не скрыл ли, что враг Христов, не жид ли ты?

Люев. Едино, государь, о чем печемся, то о здоровье твоём, а при тебе и отце твоём великом князе Василии лекарь-иноземец был необходимым лицом для тебя, царя, то не слушай клевету сих подученных шутов да их покровителя!

Шут Овсейка (плачет). И средоумные люди могли б разуметь, не сдался бы царь врагам своим вовеки. Грозный наш царь такой мудрости никем не побежден может, разве слабостью своей совести. Сам вдался в руки иноземцев.

Шут Еремка. Увы, вся внутренность его в руках варваров есть, и что восхотят, да сотворяют. И в бане уж русское веселье воспретить хотят. *(Плачет.)*

Люев. Государь, иногда баня болезнь наводит, понеже сила телесная оттого никнет. Иной раз и смерть наводит, ежели в небрежении в баню пойдешь.

Иван (гневно). Что ты мне говоришь, Люев! Мне волхвы смертью угрожают, да ты также? Гоните прочь лекарей, да сделайте против них сыск, не изменник ли он, не жид ли!

Бельский. Сделаем дело наподобие Бромлеева. Дело лекарей кремлевских - не шарлатаны ли да не изменники ли!

Джиованни. Я приехал по твоему зову, государь, но тут, в России, не уважают науку и ставят наше искусство не выше знахарства. Ты сам, царь, обращаешься к травникам и знахарям в укор нам, ученым медикам при твоём дворе, то уйдём.

Эйфлер. Мы, государь, отважно спешили в дикую Россию, тут же при дворе стеснены отсталыми обычаями и предрассудками.

Иван *(гневно)*. Шарлатаны да волшебники! Под пыткой скажете про свои козни! Прогнать их из бани да схватить их! *(Лекарей прогоняют.)* Шарлатаны! Бельский, отныне всякий приезжающий иноземный лекарь чтоб прежде в приграничном городе показал свое искусство, вылечил кого-нибудь, лишь после того пускать его в Москву, а то приезжают и до смерти залечивают.

Бельский. Исполним, государь. Государь, хор с головщиком тут, как ты велел.

Иван. Хай идут, веселиться хочу! *(Входит хор голых певцов с голым головщиком, кланяется царю.)*

Головщик. Дай тебе Бог из полного зерна пирог, государь!

Хор. Хлеба да соли, долог век, слава! Государю нашему долее того слава! Государь наш не старится, слава! Его добрые кони не ездятся, слава! Его цветное платье не носится, слава! Его верные слуги не стареются, слава!

Иван *(весело)*. Любо, любо! Пару прибавь, да веники менять, чтоб хлестали до усталы. *(Слуги выливают ведра воды на раскаленные камни. Бельский хлещет царя по голой спине веником.)*

Хор. Растопилась банюшка, разгорелась каменка, чую, чую, чую печь разгорелась каменна.

Иван. Люблю! Веселей, веселую давай!

Шуты *(кланяются и танцуют)*. Они полы-то затыкивали, да сапожечки подтягивали, они шапочки заламывали, уши за уши закладывали!

Иван *(вскакивает с полки, танцует с шутами-скоморохами и поет)*. Они шуточки пошучивали, да чулочечки подтягивали!

Шуты. Яны сами-то малешеньки, на коленочках низешеньки, на язык причмокивают, один на одного поглядывают!

Бельский. Докладываю, государь, Михалка явился!

Михалка *(вбегает голый и кланяется)*. Государь веселый, особенно счастлив, что покликнул ты, грозный, меня в баню царскую, то наша семейная честь на века. *(Целует царскую руку.)*

Иван. Потешь меня, Михалка, стихарями. Люблю слушать песни да стихари я о событиях своего царства.

Михалка. Государь милостивый, стихари свои нараспев читаю. Писаны, как поются, стишашими строками. Писан стихарь про потомство царя нашего великого. *(Читает нараспев.)* Годы прежние, времена первоначальные, при бывшем вольном царе, при Иване Васильиче, царь Иван сударь Васильевич, содержатель он Всея Руси, сберегатель каменной Москвы, преблаженной его памяти...

Иван *(сердито)*. И ты, Михалка, меня заживо хоронишь! Видно, и ты ждешь не дожدهшься моей смерти! Бельский, подай-ка розги!

Шут Алешка. Меня вместо Михалки, государь, высеки! Я твоей смерти жду, чтоб на поминках щей двое поесть, похлебки да щами кислыми заесть с овсяной крупой. *(Смех.)*

Иван. Ты, дурак, умен, раз говоришь и делаешь невпопад. Мало радости - умного учить. Заголяйте Михалке гузно! *(Михалку заголяют. Царь сечет его.)*

Михалка *(вопит)*. Ой, пощадай, государь, ой, не могу, государь!

Иван. Сказано еще: без розги измладу возрастишься, старости не достигнешь. *(Сечет.)* Сечение есть врачба. *(Сечет.)* Целуй руку секущу! *(Михалка целует.)* Читай заново да по-иному той стихарь про потомство!

Михалка *(держась за посеченный зад)*. В годы-то были прежние, времена-то были достойные, при нашем при своем царе при Иване Васильиче, как у нас было на Руси, на Руси было в каменной Москве...

Иван. Так-то лучше. Царь - помазанник Божий. Придворные песни да стихари должны быть хвалебны и торжественны.

Михалка. Ты, царь, вынул порфиру из Царьграда, храбро предводительствовал ратью под Казанью, ты, государь, грозный, но справедливый владыка, за правду милуешь, за неправду вешаешь. Народ с благоговением любит тебя, с которого и почалось Московское царство. Господь, храни Московское царство!

Иван. Добро говоришь, Михалка! Награждаю тебя из моей царской руки сей лоханью и моим царским рукомошником. Бельский, принеси-ка тот рукомошник серебряный позлащенный. Добрый рукомошник с изображением образы разные. Даже при рукомошнике лохань серебряная с изображениями. *(Отдает рукомошник Михалке.)*

Михалка. Государь милостивый, для меня и потомства иметь тот рукомоиник царский - великая честь.
(*Целует рукомоиник и низко кланяется.*)

Бельский. Головщик, серпуховскую давай!

Головщик. Песня о славном царе-соколе! Поутру то было, по зореньке, на восходе красного солнышка, не ясен сокол по горам летал, не белый кречет перепархивал.

Хор. Здравствуй, батюшка, православный царь, со своим славным городом со Серпуховым!

Иван. Славно! Бельский, хай еще несут еду и питье, для того волхва-колдуна посрамление, который мне в сей день смерть предсказал. Пусть поглядит, как я в сей день веселюсь да пирую.

Бельский. Исполню, государь.

Михалка. Государь милостивый, сочиняю я придворную пировую книгу, как лучше и веселей пировать и как кушанья потреблять.

Иван. Про что та книга?

Михалка. Про разное. Щи с курицей то именуются богаты щи, а репу едят к зайцу, чеснок - к говядине и баранине, лук - к свинине.

Иван. Потщись, Михалка, потщись! Еще много у меня пиров будет, врагам и колдунам на посрамление.
(*Входят волхвы.*) Ты - тот волхв, что предсказал мне сегодня смерть?

Волхв (*кланяется*). Я, государь-батюшка.

Иван. Колдун, мошенник! Видишь ведь, я жив да крепок, веселюсь и пирую! Я тебя закопаю в землю живьем!

Волхв. Не гневайся, боярин, день еще нынешний, окончится он солнечным закатом!

Иван. Пойди прочь, да солнечным закатом твоя, колдуна, проклятая жизнь кончится. Ты, колдун, умрешь! (*Уводят.*)

Шут Алешка. Государь, колдун знается с нечистой силой, то не страшно ли будет, ежели дохнуть почнет. Как бы порчи не было по всей Руси!

Иван. Которая порча, шут?

Шут Алешка. Государь, умирает колдун страшно и мучительно. Один колдундох десяти сутки, так его маяла нечистая сила, подбрасывала чуть ли не до потолка и била об пол, ха-ха. Просил колдун сыновей, чтоб они сыпали в навоз льняное семя. Пока чертям всыпают меру, они по семечку выбирают его и не мучают колдуна. Когда вышло все семя, колдун стал просить старшего сына, чтоб он взял от него пару чертей, тот не берет. И умер колдун, замучили черти. Положили его в гроб, внесли в сарай, в полночь колдун стал шевелиться в гробу. Зарыли его, чтоб не вылез, забили осиновый кол, а и теперь нет-нет да и закричит кто-то возле его могилы то птицей, то зверем.

Иван. Страшна смерть у колдуна, не дай Бог такую смерть!

Шут Овсейка. Истинно так, государь. Другой колдун умер, то приходят мужики, а он, умерший колдун, на лавке сидит, ноги поджал и руки сложил. Но один мужик не растерялся и говорит: «Ложись, Васька, а то топором башку отрублю!» (*Смех.*) Государь, отгадай загадку: Стоит корыто, другим накрыто, ладомя что-то видится, правда сбудется.

Иван. Не про гроб ли загадка, шут?

Шут Овсейка. Истинно, угадал, государь. (*Поет.*) Смерть идет по улице, несет блин на блюдеце.
(*Шуты смеются.*)

Иван. Громко смеетесь, шуты! Что-то в виску от вашего смеха ломить стало. (*Кашляет.*) Может, истинно ты, Бельский, подучил шутов, смерти моей возжелал, власти после меня возжелал? Таковы твои игры? Царски бисерны одежды хочешь, а займешь худую тюремную постель! Знаю от бояр: ты ненавидишь Годуновых, Романовых да Шуйских, поставлю вместо тебя на пыточный двор Василия Шуйского, уж он-то тебя попытает! (*Кашляет.*)

Бельский. Государь милостивый, верой и правдой служу! Нет вернее пса у тебя!

Иван. Врешь! Знаю я тебя! (*Бьет Бельского по лицу, кашляет.*)

Хор (*поет*). А кто у нас умен, а кто у нас разумен? Иван-государь умен, Васильевич разумен.

Иван (*гневно*). Замолкните! (*Хор затихает.*) Знаю, многие желают моей смерти! Изменный ярославский владыка про то мне писал. (*Кашляет.*) Жар геенны душу опалает, душу мою сжирает стенами. (*Кашляет.*) Бельский, с умыслом ты велел столько пара пустить жаркого?

Бельский. Государь милостивый, ты сам велел добро пар пустить!

Шут Овсейка. Государь, брешут про ад и рай! В раю, государь, скука среди ангелов, а в аду веселье. В аду пляшут грешники с чертями в обнимку в преисподней.

Иван. Замолчи, шут! *(Бьет шута. Тот отбегает, почесываясь.)* Преисподней не страшусь, смертный герой остается в преисподней, а победитель смерти выходит снова на свет и живет. Таков Геракл и его смертный брат Ификл, Ахилл и умирающий Патрокл, Тезей и остающийся в преисподней Перифой. Глупость понималась древними как переживание смерти. Смерть есть шут. Шутов гонят с побоями, их именуют «избавители смерти». Бейте шутов, бейте да гоните шутов! *(Слуги бьют и изгоняют шутов.)*

Бельский. Государь милостивый, в предбаннике нищие дожидаются для омовения ног, как ты велел.

Иван. Хай идут. Нищие - ходатаи за нас, грешных, перед Богом. Перед Богом каюсь, не перед людьми. Знаю свои грехи. Как свинья, что нечистоте радуется и скверне, каждый день валялся в них, нечистотах, наслаждаясь презренной плотью, вечно этими своими плотскими страстями и уладами постыдными, и скверными деяниями осквернялся, кожный день валялся в них беспрерывно. Все то влекло меня вниз и не позволяло мне взглянуть ввысь, о горнем помышлять и к горнему стремиться. А ведь и прежде при разгуле и среди крови, мной проливаемой, иной раз хотелось крикнуть себе самому: «Душа моя окаянная и низменная, встань и пободруй, пока у тебя есть время! Встань, окаянная, скорей, прежде чем придет смерть, малодушие отложи и слабость отгони!» *(Замолкает, кашляет.)* Я слышал, что ад никогда не освещается. Как же грешники смогут увидеть друг друга? Там, во тьме, и плач, и рыдания... *(Замолкает.)* Ничего больше не скажу. *(Крестится. Входят нищие Петля-Карман Лобов и Никулка, голые, с крестами на грудях, с посохами.)*

Иван. Нищие, Божьи странники, помолитесь за мое здоровье и за мою благочестивую державу русскую.

Петля-Карман Лобов. Государь великий, в помощь тебе Тихон, утешит болезнь. *(Крестится. Слуги приносят серебряную лохань воды.)*

Иван. Омую ноги убогим каликам-странникам, да помолятся за мои грехи. *(Опускается на колени и моет ноги нищим.)*

Занавес

Сцена 130

Царская опочивальня. Слуги готовят царскую постель. На лавке сидят бояре Никита Романов, Иван Мстиславский, Борис Годунов.

Мстиславский. Постельничий Наумов, долго ли государь в мыльной?

Наумов. Боярин князь Иван Федорович Мстиславский, около третьего часу дня вошел.

Мстиславский. А ныне уже около семи. То и здоровью во вред.

Никита Романов. Кто в мыльне с государем?

Наумов. Боярин Никита Романович Романов, думный дворянин Богдан Яковлевич Бельский с царем.

Никита Романов. Опередил он тебя, Борис. Ты ж прежде царскую спину мылил и государя венником хлестал. Отчего же не тебе ныне почет?

Борис Годунов. Бог, не имеющий начала, создал человека, создал почет ему. Над всем, что существует на земле, поставил царем. А помазника поставил над человеком. Воле царской и воле Господа подчинен. *(Крестится.)*

Никита Романов. Кто во имя Христа крестились, повинны Христу служить, да не отступать от заповедей, подобно иным лжецам и обманщикам, по крещении оставившим заповеди Божьи и прельстившимся соблазнами мира сего. *(Крестится. Годунов и Мстиславский тоже крестятся.)* Так и иные царю-помазнику Божью служат. Таков племянник Малютин, Богдан Бельский.

Мстиславский *(тихо)*. В Думе у нас немало говорят, хорошо бы с племянником Малютиным поступить как со змеем, который нашего государя соблазнил, подучил бесовскому.

Романов. Как бы он, змей, с нами худо не поступил. Сыск у него, да кремлевские стрельцы у него, он - начальник. Ты, Борис, любимец царский, потщился бы!

Годунов. Не во всем государь ему потакает, иной раз чует лукавство.

Никита Романов. Прийти к государю, пасть на колени, да передать просьбу всего боярства об избавлении от племянника Малютина. Той исповедью злосмердного Малютинога племянника удавить, государя, судью нашего, умиловать. Ты, Борис, любимый Федора шурина, отчего ж не сделаешь?

Годунов. Добро бы, так бы и сделал, да помнить надо про Нагих. Сия фамилия не оставила замысла возвыситься, и царевичем младенцем Дмитрием вытеснить царевича Федора. То не лучше ли вместе с Бельским ныне против Нагих быть, выказывая ему, Бельскому, дружбу? Он же, злой обманщик, обманут будет тем простительным нашим обманом. Ныне надобно единство, без распрей, и покориться судьбе. Каждый про смерть свою не знает, какая она будет, от чего - на то воля Божья и государева. Бо пожелает - казнит, пожелает - помилует, все мы у него в руках.

Мстиславский. И государь человек, и от государя тайна смерти скрыта: когда явится ангел смерти и повелит: «Иди вслед меня!» *(Крестится. Годунов и Романов тоже крестятся).*

Годунов *(прислушивается).* Идет государь! *(Бояре встают с лавки и снимают шапки. Слуги вносят завернутого в полотно царя Ивана, следом идет Бельский).*

Мстиславский *(кланяется).* Благодетель наш и кормилец, великий государь Иван Васильевич Всея Руси, мы, холопы твои рабски, челом бьем, кланяемся к стопам твоим, государя нашего.

Иван. Рад видеть вас, Божьих людей своих, тебя, Борис, тебя, Иван Федорович, да тебя, Никита Романович. *(Слуги усаживают царя на постель).* Садитесь и вы на сию лавку справа под образами. *(Бояре крестятся на образа и усаживаются).*

Никита Романов. Государь великий, спытать желаем о твоём здоровье, с некоторых пор нас за грехи наши удручающем.

Иван. Божьей помощью легче мне, а после бани чувствую себя свежее.

Бельский. Баня для русского издавна целительней лечений заморских.

Иван. Истинно. Давно пытался я во владениях своих найти исцеление от иноземных лекарей, а ни один не вылечил меня. Лишь молитва лечит да русский дух. То хотел в ближайшее время по монастырям поехать.

Постельничий Наумов. Государь милостивый, которую рубаху подавать, красну шелковую али просту полотняну?

Иван. Подай полотняну, также халат да чулки. *(Царя одевают).* В мыльной тешили меня любимыми песнями. Бельский, хай и в опочивальне тешат.

Бельский. Слушаюсь, государь! *(Посылает слугу).*

Иван. Годунов, хай принесут мне да гостям моим чего-либо съестного, особенно водки да лакомства.

Годунов. Горячего чего желает государь, али сладости, орехи?

Иван. Принеси роспись, чтоб можно было выбрать.

Годунов. Слушаюсь. *(Подает роспись).*

Иван *(смотрит роспись).* Ухи чтоб принесли!

Годунов. Которой, государь, черной ухи с гвоздикой али белой с перцем?

Иван. Черной ухи чтоб принесли, также и кишок свиных с гречкой, мясом, луком и рублеными яйцами, да всего иного прочего по твоему усмотрению.

Годунов. Слушаюсь, государь великий. *(Отдает распоряжения слугам).*

Иван. Родион Биркин, любимый слуга мой, принеси шахматы.

Биркин. Которы, государь, серебряны али золоты?

Иван. Из пиленой да точеной кости принеси, из рыбьего зуба, моржового клыка. *(Биркин подает шахматы).* Добры шахматы, на станке точены. Артемка да Родованка Петровы дети точили. *(Входит хор).* Головщик, потешь и далее песнями.

Головщик *(кланяется).* Уж потешим, государь великий!

Хор *(поет).* Ай когда ж воссияло солнце красное, а на том было на небушке на ясном, как в те поры теперечко воцарил наш природный царь, сударь Иван Васильевич.

Иван. Бельский, главный любимец мой, садись со мной в шахматы играть, а вы, слуги мои верные, размещайтесь около меня. После бани, хорошо освеженный, желаю еще долго бодрствовать.

Хор *(поет).* Он повывел изменушку из Казань-города, он повывел ту измену из Рязань-города.

Иван. Ставь шахматы, Бельский!

Бельский *(садится).* Государь милостивый, куда мне до тебя, я не игрок.

Иван. Играешь ты, Бельский! Однако, не на Куликовом поле, а на Куликовом болотце за Москвой-рекой, где казнят. *(Смех).*

Романов. Истинно так, государь.

Бельский. Как ты велишь, государь, я тебе верный палач, хоть на Куликовом болотце, хоть на житном болотце. Сам я не казню. Лишь когда ты повелишь.

Иван. Слышали, милые мои? Он не казнит! *(Смех).* Знаешь ли, как древолазы по деревьям мед собирают? Когда идут бортничать, то смотрят через ноги на землю, чтоб не сорваться. Так надо на дерево лезть, на высоту. Кто сорвется - с жизнью расстанется. И ты, Бельский, так гляди, через ноги в глаза смерти.

Бельский. Так гляжу, государь.

Иван. И все, кто на высоте, чтоб так глядели через ноги в глаза смерти.

Мстиславский. Так глядим, государь милостивый.

Хор *(поет).* Ай, когда зачиналась каменна Москва, тогда зачинался грозный царь Иван, грозный царь Иван сын да Васильевич. Как ходил он под Казань-город, под Рязань-город и под Астрахань. Он Казань-город мимоходом взял, повалил царя и с царицею.

Иван. Садись ты, Годунов, со мной играть! Ты ж, Бельский, истинно дурной игрок.

Бельский. В том согласен, государь милостивый, дурно играю, молчу в покорности.

Иван. Тебя, Борис Годунов, приглашаю играть со мной в шахматы не случайно, чую в тебе хитрого игрока. Хитер ли ты?

Годунов. Как прикажешь, государь. Прикажешь хитрым быть - буду хитрым.

Иван. Что ж, я сам расставлю фигуры на доске. Играй белыми, тебе потачка. Возьму себе черное войско.

Хор *(поет).* Не сине то море колеблется, не сырой то бор разгорается, воспылал то грозный царь Иван Васильевич, что надо казнить Новгород и Псков.

Иван *(подпевает хору, расставляет шахматы).* Я вывел измену с Новгородчины, вывел измену из каменной Москвы, всю неправду со Святой Руси. Содержал же я землю Святорусскую, сохранил же я мать каменну Москву. *(Расставляет фигуры).* Почнем с тобой, Годунов, войну. Немало, милые мои, повоевал я за Русь, а более не с врагами, а с теми, которые изнутри. Одни измены - главная беда Руси. Ныне же от великой тяжкой болезни сам я сидеть на коне не могу. Не могу выезжать в поле в седле, то играю в постели в войну шахматную. Два стана - черный и белый - ждут начала войны. Борис, начинай войну!

Годунов. Государь милостивый, у тебя не все фигуры на месте.

Иван. Как так? Солдаты стоят, ладьи стоят, слоны готовы к удару, кони готовы помчаться, королева на месте.

Годунов. У тебя, государь милостивый, король не стоит.

Иван. Истинно, короля запамятовал! *(Берет короля, ставит его неловко, рассыпая иные фигуры).* То бес под руку играет. Изыди, проклятый! Изыди, последний черт, изыди от плоти! *(Нетвердой рукой пытается поставить короля и падает навзничь. Крики, смятение).*

Бельский *(кричит).* Государь почувствовал себя дурно!

Годунов *(кричит).* Государь ослабел и повалился навзничь! Где лекаря кремлевские? Послать за лекарями!

Биркин. Лекаря кремлевские в сыск отправлены.

Романов *(кричит).* То ты, Бельский, потщился лекарей отправить!

Бельский. То государь велел.

Романов *(кричит).* Скорей за лекарями!

Мстиславский. За духовником надо бы! *(Суета, крики).*

Романов. К аптекарям послать за розовой водой!

Годунов *(кричит).* За водкой бежать!

Мстиславский. За митрополитом надобно, чтоб наскоро совершил обряд пострижения.

Наумов. За лекарями, чтоб растерли своими снадобьями! *(Громко плачет, падает на Ивана).* Государь, очнись! *(Замешательство и крики. Все столпились вокруг царя).*

Царевич Федор *(вбегает).* Батюшка родимый, слышал, тяжко тебе! *(Плачет).*

Мстиславский. Цесаревич Федор, государь уж в агонии.

Царевич Федор. Батюшка, как же мне, слабому ребенку, без тебя? *(Плачет).*

Годунов. Мужественным будь, Федор, власть ты принимаешь свыше, от Бога.

Митрополит Дионисий (*быстро входит*). Сказали, стряслось недоброе с государем!

Мстиславский. Святой отец, скорее читай отходную да скорей постригай государя.

Дионисий. Таинство посвящения. (*Читает молитву*). Повторяй, государь: «Верую, Господи, исповедую...» (*Царь молчит*).

Царевич Федор. Святой отец, человеколюбивый Бог, может быть, батюшку помилует? Ангелы святые, помилуйте батюшку, оставьте его еще хоть один год пожить и избежать страха смерти, оплакав свои согрешения. (*Плачет, молится*).

Митрополит Дионисий (*совершает обряд пострижения*). Нарекается раб Божий Иоанн Ионою. (*Все крестятся*). Нарекается Ионою. (*Быстро входят лекаря Люев и Робертс*).

Царевич Федор. Скорей, скорей, лекаря, спасите батюшку!

Люев. Надо растереть снадобьями. (*Начинает растирать, потом отходит*).

Царевич Федор. Отчего не делаешь, Люев?

Люев. Милостивый царевич, царь уже бездыханен.

Робертс. После долгой ванны сердце у государя разгорелось, да головной пострел сделался. Ежели бы ко времени поспели, то могли б спасти государя. Однако, тем временем, по выходе из ванны, царь был удушен и окоченел.

Годунов. Как так: удушен?

Бельский. Кем удушен?

Романов. Удушен? Цареубийство?

Робертс. Удушен и окоченел. (*Общее смятение*).

Годунов. Что б ни случилось, факты чтобы не распространялись во избежание смуты. Народ заволнуется, да толпа бросится в Кремль.

Дионисий. Велю ударить в колокол на исход души. Господи, прости согрешившему и прогневавшему Тебя и оставь, сколько ни согрешил, и помилуй искренне. Душа, не страшись прихода смерти. Она приносит праведный покой. Был раб Божий Иоанн, ныне как инок Иона пострижен. Вы же, братья во Христе, плачьте, плачьте и рыдайте, то ведь знак совершенной любви Господа - радоваться с рыдающим и рыдать с радующимся. (*Крестится. Все крестятся*). Молю, молю вас, молитесь обо мне, смертном, говоря: «Прости. Прости, Христос, душу мужа-грешника, чтобы не попалил меня никогда огонь геенны.»

Годунов. Приказываю затворить ворота Кремля.

Бельский. Хорошо бы объявить повсюду, что есть еще надежда на выздоровление государя, да скрыть еще властям от народа, и сказать постепенно. Как бы внезапная смерть царя не вызвала переполох. Я опасаюсь волнений. (*Слышен звон колокола*). Преждевременно в колокол звонят, быть смуте.

Занавес

Конец пятнадцатого действия

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ (ЭПИЛОГ)

Сцена 131

Опочивальня государя. Тело царя Ивана IV лежит на выдвинутом посреди комнаты столе. Горят свечи. Монахи негромко читают псалтырь. У изголовья мертвого царя сидит царевич Федор.

Монах (*читает псалтырь*). Господи, ты нам прибежище из рода в род. Прежде, нежели родились горы и ты образовал Землю и Вселенную, и от века и до века ты был. Ты возвращаешь человека в тление и говоришь: «Возвратись, сын человеческий», ибо перед очами твоими тысяча лет - как день вчерашний, когда он прошел и как стража в ночи.

Федор. Черноризцы, который то псалом?

2-й монах. То, государь, молитва Моисея, человека Божия. Предвечность Божия и временность человека.

Федор (*раскрывает псалтырь и читает с монахами*). Ты как наводнение уносишь их, они как сон, как трава, которая утром вырастает, утром цветет и зеленеет, вечером подсекается и засыхает. (*Шумной веселой толпой входят бояре*).

Боярин князь Шереметьев (*весело*). Бояре, что зрим! Царь истинно мертв! Страшное время Иоанна-Мучителя кончилось!

Боярин Белеутов (*весело*). И я, как весть разнеслась, долго не мог поверить в кончину царя, а когда услышал поминальный колокол, наконец удостоверился, что то не сон, одел свою праздничную одежду и помазал елеем седые кудри. (*Смеется*).

Князь Пронский. Все мы разделись в роскошные одежды, ибо долгое царство царя Ивана кончилось.

Князь Голицын. Слава Всевышнему, кончилось долгое царство сего Ивана!

Боярин Василий Шуйский. Царя множество раз околдовывали, но всякий раз чары спадали. Однако, на сей раз дьявол не помог. (*Входит митрополит Дионисий с духовниками*).

Дионисий. Нам, духовным, потребна в первую очередь забота о душе усопшего, ибо тяжело душе отделение и вызываемое сим смятение. (*Крестится. Все крестятся*).

Василий Шуйский. Святой митрополит отец Дионисий Всея Руси, такова ли смерть православного царя? Его несколько раз околдовывали и расколдовывали. Лишь в роковой день дьявол стал бессилен и не поддержал царя.

Михалка (*вбегает*). Умер деспот! Я от него более многих угнетен был! Ныне в бане меня высек понапрасну!

Шереметьев. Всю жизнь он, царь, игрался головами, да сама смерть застала царя за игрой в шахматы.

Белеутов. Ходят слухи о насильственной кончине, будто удушен. Так я слышал мимоходом. Так ли умирает христианский царь? Нарушил церковные правила и под конец играл в шахматы с любимцами своими Бельским да Годуновым. Шахматы - не христианская ведь игра! Так ли, святой отец?

Дионисий. Истинно. Игрища еллинского беснования, игры в шахматы и зернь - не по-христиански. Однако, после пострижения душа царя Иоанна переселилась в инока Иону. Се его покаяние да чтение над усопшим псалтыря - для спасения души.

Монах (*читает*). Разве над мертвыми ты совершишь чудо, разве мертвые встанут и будут славить тебя?

Князь Репнин. Не дай-то Бог, чтоб воскрес! Батюшку моего князя Репнина, воеводу славного, убил! Победителя Казани воеводу Горбатого-Шуйского казнил, спасителя отечества воеводу Воротынского убил. А и его постигла страшная кара! Его язык сгнил, тело его кишело червями! То нераскаянная кончина.

Шереметьев. Бояре, прежде прочего знать надо, у кого власть.

Дионисий. Царь царство свое оставил царевичу Федору. Второй еще в пленцах, да по церковным правилам незаконный.

Царевич Федор. Отец святой Дионисий да вы, бояре, батюшка мне власть отдал. А вы, бояре, придя ныне, мне выказываете пренебрежение, будто меня вовсе и нет тут!

Белеутов. Дерзай, царевич, дерзай, защищай свое благочестие! (*Смех*).

Дионисий. Помолись, государь Федор Иванович, о даровании помощи.

Федор. Молюсь Богородице, чтоб Богоматерь закончила сии починания. После батюшкина погребения пойду босыми ногами по острым камням и твердой дороге, приду в храм Пречистой Богородицы, упаду перед образами и скажу: «Владычица дева, надеюсь на тебя и уповаю на милосердие твое». (*Плачет. Входят Нагие: Мария с младенцем Дмитрием, Афанасий Нагой, Федор Нагой и их слуги*).

Афанасий Нагой. По бесовскому наущению Годунова да Никиты Романова кремлевские стрельцы не хотели допустить законную царицу Марию с царевичем Дмитрием к телу цареву.

Мария Нагая (*громко плачет*). Уязвлена нетерпимой скорбью, не могу удержаться на ногах! (*Пошатнулась. Афанасий и Федор Нагие подхватывают ее*). Как стерплю отшествие своего государя, кто утолит мою боль и сию печаль? (*Вопит*).

Афанасий Нагой. Бояре и ты, митрополит Всея Руси Дионисий! Двадцать пять лет ливонской войны разорили отечество, и народ беспокоен. Ввиду неспособности царевича Федора надежды крепкие имеем на передачу трона младенцу Дмитрию, чтоб успокоить народ.

Белеутов. Ублажить Нагих бы надо!

Щереметьев. Дмитрий - еще дитя, а Федор - полудиот. Без царя пожить бы. При опеке Афанасия Федоровича да Федор Федоровича Нагих.

Бельский (*входит*). Говорил я: не бить преждевременно в колокола! В минуты кончины уж вся Москва бурлит!

Белеутов. Успокоить надо бы новым царем, младенцем Дмитрием!

Афанасий Нагой. Бельский, тебя усопший государь объявил опекуном царевича Дмитрия. Так для успокоения народа вышел бы со стрельцами да провозгласил бы царевича Дмитрия!

Федор Нагой. Когда породнился царь с нашей семьей Нагих да взял дочь мою, то Романов да Мстиславский, родня царя и земщины, приглашения не получили. То и теперь им нет места!

Афанасий Нагой. А в дворянской Думе выше всех был ты, Бельский, да я, Афанасий Нагой, и у государева места стояли по обе стороны ты, Богдан Бельский, да я, Афанасий Нагой. Ныне же хотят нас устранить.

Федор Нагой. Бельский, устранят нас, так и тебя устранят. (*Слышны шаги многих людей*).

Афанасий Нагой. Бельский, Годунов и Никита Романов спешат нас устранить, ибо я стал на дороге Годунова к трону. (*Быстро входят Борис Годунов и Никита Романов в окружении слуг*).

Годунов. Не поспеешь, Нагой! Ухапите! (*Нагих и их слуг хватают*).

Никита Романов. Бельский, помнишь ли клятву, сотворенную меж нами при государе?

Бельский. Существует клятвенное заверение. Исполню его.

Афанасий Нагой. Мы - родня царицы. То одобрит ли такое народ, признают ли такое иноземцы?

Годунов. Удаления вас, Нагих, никто и не заметит.

Бельский. Арестовать Нагих и отдать за приставы.

Мария Нагая. Иуда грешный, сам против государя говорил!

Бельский. Говорил из хитрости, чтоб проверить иных. Взять также несколько их слуг, также этих (*указывает на Белеутова и Репнина*), кричали за Нагих. (*Белеутова и Репнина хватают*).

Белеутов. Помилуй, Борис Федорович, стар я, ума лишен! Как со мной поступишь?

Годунов. Как Богу будет угодно, так и поступлю. Никто несправедно осужден не будет.

Князь Репнин. Проклят будь, прелестник скоропадучий! Не удержаться тебе, Борис, рабоцарь!

Афанасий Нагой. С нами что совершите, казнить велите?

Годунов. Чин будет соблюден, порядок государский будет соблюден. Больше никогда порядок государский нарушен не будет.

Бельский. Взять под стражу Нагих как изменников!

Годунов. Афанасия Федоровича и Федора Федоровича Нагих подвергнуть аресту и выселить из Москвы. (*Афанасия Нагого и Федора Нагого и слуг их уводят*). Царицу-вдову Марию Нагую постричь в монахини тут же, не теряя времени, как постригли в опочивальне усопшего государя. Вы, слуги Родион Биркин да Иван Шигон, возьмите у нее младенца Дмитрия и отдайте мамке.

Мария Нагая (*не отдавая младенца, вопит*). Не дам! Зарезать хотите сына моего царевича Дмитрия! Ты, Борис, зарезать хочешь! Не дам моего младенчика! (*Вопит безумно. Биркин и Шогол вырывают плачущего младенца и отдают мамке, которая его уносит*).

Годунов. Святой отец Дионисий, скорей постригите ее по повелению нового государя Федора Ивановича.

Федор. Так истинно. Не вопи, царица, и мне самому по душе иноческая жизнь. Инокней будешь, святая будешь!

Мария Нагая (*вопит*). Постригают меня насильно! Выбегу к народу на крыльце, вопить буду - постригают меня насильно!

Дионисий. Постригай, никольский игумен Давид, в моем, митрополита, присутствии. (*Игумен Давид стрижет волосы Марии Нагой, которую держат Биркин и Шигон*).

Мария Нагая (*плачет*). Голосить буду беспреестанно, постригают меня насильно!

Дионисий. Инокня Марфа, подношу тебе монашеский куколь. (*Подносит куколь*).

Мария Нагая (*вырывает куколь из его рук, бросает на землю и начинает топтать, вопит*). Постригают меня насильно!

Иван Шигон (*ударяет Марию Нагую плетью*). Ты еще смеешь противиться воле государя и не слушать его повелений?!

Мария Нагая. А ты по какому праву смеешь бить меня, царицу, холоп?!

Иван Шигон. По приказанию государя.

Мария Нагая (*вырывается, подбегает к окну, распахивает, вопит*). Свидетельствую перед всеми, что не желаю пострижения, и на меня насильно надевают куколь! Пусть Бог отомстит за такое оскорбление! (*Ее хватают и оттаскивают от окна*).

Дионисий. Под именем инокини Марфы пострижена в Рождественский девичий монастырь в Москве.

Никита Романов. Надо бы удалить Нагих в Углич, подале от Москвы.

Годунов. Согласен с тобой, Никита Романович. Маленького Дмитрия с матерью удалить в Углич, в данный ему от отца-государя удел. А с ним отправить туда всех Нагих. Царице дать почетную прислугу - стольника, стряпчих. У Дмитрия чтоб был свой двор да свои стрельцы. Чин должен быть соблюден, правильный порядок службы и действий.

Мария Нагая. Так-то нас не будет при московском дворе... И от нас ты прежде всего избавился, Годунов!

Бельский. Благодарить ты должна Бога, что так дешево расплатилась за измену! (*Марию Нагую уводят*). Не так дешево должны расплатиться их сообщники.

Годунов. Сообщников сослать, а имения их и вотчины побрать в казну.

Бельский. Весть о кончине государя уже распространилась и вызвала волнение в народе, потому я приказал запереть на засов все ворота Кремля, расставить стрельцов на стенах и приготовить пушки к стрельбе.

Никита Романов. Страх перед бунтом должен нас заставить поспешить с преемником.

Годунов. Святой отец Дионисий, надобно короновать Федора Ивановича немедля.

Дионисий. Ныне, глубокой ночью?

Годунов. Так, глубокой ночью. Вначале бояре и следом вся знать должна принести присягу государю Федору. Вся церемония - за шесть-семь часов, чтоб поспеть к утру. Утром, как откроется боярская Дума, чтоб царь уж был коронован, объявить о том народу.

Дионисий. После коронации и присяги в Успенском соборе утром отпою по усопшему царю великий канон.

Федор. Святой отец, чтоб был по батюшке звон в церквах. Велю, и сам звонить буду.

Годунов. Исполним, как велишь, государь! (*Кланяется Федору*). Объявить, чтоб все собирались в Кремль, в Успенский собор, для принятия присяги.

Шереметьев. То, Борис Федорович, исполним. (*Уходит*).

Годунов. Да чтоб от всех сословий были. Также иные иноземные послы.

Никита Романов. Чтоб короновался публично!

Бельский. Для бережения от бунта поставлю кругом Кремля двенадцать тысяч стрельцов. (*Федор в сопровождении митрополита Дионисия, Годунова, Бельского, Романова и прочих уходит*).

Занавес

Сцена 132

Успенский собор Кремля заполнен боярами, дворянами, думными дьяками, духовенством.

1-й дворянин. Что будет? Среди ночи подняли. (*Зевает*.)

2-й дворянин. По измене Нагих собрать велено от всех высших сословий.

3-й дворянин. В чем измена?

2-й дворянин. Годунов обвинил Нагих в измене, а в чем именно, остается неизвестным. Однако, как вслед за тем малолетнего царевича посылают в Углич, то, сдается более чем вероятно, что вина Нагих состоит в намерении овладеть правлением во имя маленького царевича. (*Входят польско-литовские послы Николай Сапега и Ольбрех Заблоцкий, римский посол Поссевино*.)

Николай Сапега. Епископы и другая знать ныне ночью стекаются в Кремль, отмечая как бы дату своего освобождения от царя.

Поссевино. Это те, кто на Святом писании и на кресте хотят приносить присягу и поклясться в верности новому государю Федору Ивановичу.

Ольбрех Заблоцкий. В Москве открылся холопский мятеж, гарнизон поднят на ноги.

Поссевино. Я был огорчен, услышав о заговоре царицы. То может означать смуту в правлении. Так нам ныне в Европе невыгодно иметь смуту.

Сапега. Напротив, ясновельможные паны. То может означать, что предстоит довести до конца незаконченное под Псковом дело. После смерти царя Ивана Васильевича осталось два сына, и единого хотят сделать царем Федора, а другой с матерью и родичами отдален был. Русское вельможное панство расколото, холопы бунтуют, и повсюду разорение, разбой и голод.

Поссевино. Однако, церемония коронации уж начинается.

1-й дворянин. Смотрите, митрополит с духовенством взошел на высокое место.

Митрополит Дионисий. Божьим изволением паче же его человеколюбивым хотением быть сия лета семь тысяч девяносто второго года от сотворения Земли и 1584 от Рождества Христова преставился благоверный и христоролюбивый и во благодати пресветло сияющий государь, царь и великий князь Иван Васильевич Всея Руси самодержец месяца марта 18-ый день. Светлая память!

Хор (поет). Светлая память, светлая память!

Николай Сапега. С первых же часов смерти тирана видны перемены. Канцлер Щелканов, уволенный тираном и будто ожидавший казни, здесь. *(Показывает на Щелканова. Подходит.)* Господин канцлер, от польского краля выражаю сочувствие преждевременной кончине русского государя.

Щелканов. Истинно, сочувствие. Умер порочный царь.

Поссевино. Беспорочных нет. Старые, прошлых веков добродетели уж во многом лишены своего значения, а новые добродетели имелись и у умершего царя.

Щелканов. Что говорить, минувшее царствование, столь долгое царствование, для нас, русских, удручающе.

Николай Сапега. С первых же часов - смута не только среди холопов, но и среди высших панов.

Поссевино. Такая смута невыгодна Европе.

Щелканов. Умерший государь лишен был всяких добродетелей.

Поссевино. С тем согласиться не могу. Однак, говорят, добродетели, заложенные в правителе, сыгравшем дурную роль в истории, только вредны. Но нельзя умершему царю приписывать все пороки русской жизни, как иные пытаются делать.

Ольбрех Заболоцкий. Подождем, что скажут о новом царе.

Сапега. Все говорят, что слабоумный Федор по слабости подчинен боярской опеке, как при малолетнем.

Митрополит Дионисий (на возвышении). Марта 18-го дня благоверный и великий князь Всея Руси Федор Иванович мною, митрополитом Дионисием Всея Руси, и дьяконами, и архиепископами, и архимандритами и всеми освященными соборами митрополии венчается на царство. Поставивши на аналое животворящий крест на блюде златом, и венец, и бармы царя Константина Мономаха, им же венчанию быть на царство русское государя Федора Ивановича с государыней Ириной Федоровной всю соборную церковь Успения Богородицы призываю. *(Царевич Федор и Ирина Годунова идут к аналою, следом - Борис Годунов, Никита Романов и Богдан Бельский.)*

Сапега (тихо). Власть ныне у тех, идущих сзади, у троих.

Поссевино (тихо). Также в опекунах - воевода князь Иван Петрович Шуйский, не давший королю Баторию победоносно завершить войну в Пскове. Он - любимец народа, особенно любим войском и должен скоро приехать в Москву из Пскова. Пятый - Иван Мстиславский, двоюродный брат государя, правнук Ивана III, на коронацию не приглашен, видно, от него хотят избавиться. *(Хор поет трисвятого.)*

Митрополит Дионисий. Как впервые венчался на Новгородское и Московское княжение февраля 3-го 1493-го года от Рождества Христова внук великого князя Всея Руси Ивана III Васильевича Дмитрий Иванович, так венчается на царство и коронуется наследник царя Ивана IV Васильевича Всея Руси Федор Иванович животворящим крестом, в котором частица креста Спасителя. *(Хор поет псалом.)* Вошел князь великий Федор Иванович Всея Руси, и начался молебен делу святому. Ныне же после достояния и трисвятого и при тропарях повелеваю я, митрополит, принести животворящий крест двум архимандритам, Спасскому и Сымовскому. *(Архимандриты приносят крест.)* И я, митрополит Дионисий Всея Руси, снимаю сей крест с блюда златого да, положив на великого князя Федора Ивановича, реку молитву: «Господи, Боже наш, царствующий государь и Господь господствующий уже Самуилом-пророком избрал раба своего Давида и, помазав того в цари над людьми израильскими, и ныне услышь молитву нашу, недостойных, и благослови раба твоего,

великого князя Федора Ивановича, воздвигнутый царем нашим, огради его силой животворящего Твоего креста, положи на голову его венец из камней честные, даруй, Господи, долготу дней, дай же деснице его скипетр царствующий, посади еще на престол правды, огради его всеоружеством Святого Духа, утверди его мышцу, покори ему все варварские языки и всади в сердце его страх твой, соблюди его в непорочной вере, да судит людей твоих правдою. Аминь.

Дьякон на амвоне. Яко твое есть царство и сила и слава Отца и Сына и Святого Духа, ныне, присно и во веки веков, аминь.

Поп Варламище (*умиленно*). Митрополит берет драгоценный ковчег сердоликовый с елеем святым и сучен златом украшенный, камнями драгоценными. Сейчас приступит. (*Крестится.*)

Митрополит Дионисий. Государь, царь и великий князь, яко древле Господь послал Самуила-пророка помазати на царство раба своего Давида, так отныне поставлен от Бога помазати тебя, верного раба Его, да будет то печать дара Духа Святого. (*Федор становится на колени.*) И помажу на челе крестообразно. (*Мажет.*) Печать Духа Святого да пребудет на тебе в знамении вечном, сердце чисто сожажды в тебе, тоже и дух прав обнови в утробе твоей. Аминь. (*Пусть все трижды скажут «Аминь.»*) Аминь. Аминь. Аминь. (*Поет хор.*) Государь наш помазан и причащен.

Поссевино (*тихо*). Впервые в православной церкви обряд миропомазания при торжествах коронации. То подает надежду на унию церквей.

Сапега. У нас в католичестве все ж иная обрядность. При молитвах и миропомазании король лежит распростертый крестом на разостланном на полу ковре, а священнодействующий клир стоит рядом на коленях.

Поссевино. Однако, есть и обряд коронования государя на коленях. Этот русский государь, подобно римско-немецким императорам, французским и венгерским королям, читает молитву, стоя на коленях. При этом государе возобновляется надежда на унию. (*К Щелканову.*) Сеньор канцлер, могу ли я сказать приветствие от римской католической церкви?

Щелканов. То будет иным не по душе. Спрошу о том Годунова.

Архиепископ на амвоне. Ты бо еси царь мира и спас душам нашим и тебе слава воссияет Отцу, Сыну и Святому Духу, аминь.

1-й дворянин (*умиленно*). То он ныне шапку, сиречь венец, велит с наоя принесть. (*Приносят венец.*)

2-й дворянин. Несут уж шапку.

1-й дворянин. Царь сел на своем стуле, митрополит - на своем.

3-й дворянин. Вновь вышел на амвон архидьякон.

Архидьякон. Многие лета царю Федору Ивановичу русскому.

Все. Многие лета!

Годунов. Коронация нового государя русского - есть значение мировое, и о том желает сказать посол Папы римского отец Поссевино.

Поссевино (*выходит на амвон*). Братья во Христе, с сердечной радостью видим мы, западные христиане, сей обряд торжества помазания. Так в русской церкви впервые восходящее по учению церкви ко временам израильских царей, отныне миропомазание совершается христианскими священнослужителями восточной, западной и англиканской церковью по одному чину, и читаются при этом одного содержания молитвы. При миропомазании русского государя употребляется сосуд византийских царей для вливания мирра, при коронации королей французских служит отделанный золотом и украшенный драгоценными камнями черепок, который был принесен голубями, влетевшими в церковь при крещении короля франков Хлодвига, при коронации римско-немецких императоров есть ковчег с землей, обогрелой кровью первого христианского мученика Святого Стефана, хранящийся в Вене. Однако, все то - един христианский обряд. Братья во Христе, единый обряд означает единую христианскую вселенскую церковь, а русская церковь есть часть вселенской. (*Шум.*)

1-й дворянин (*кричит*). Не смейся, поганый латын, над нами, православными христианами! (*Шум, крики: «Хай латын уйдет с амвона!» Поссевино торопливо сходит.*)

Николай Сапега (*тихо*). В Риме верят в обращение с москвитями крестом, мы ж в Польше верим в обращение мечом, как прежде, так и при новом царе.

Щелканов (*подходит*). Панове, от посольского приказа приносим нашу вину, однако при нынешнем настроении не лучше ли вам уйти?

Ольбрех Заболоцкий. Панове, так будет лучше. (*Поляки и Поссевино уходят.*)

1-й дворянин (*кричит*). Государь Федор Иванович, потребно сделать, чтоб язычники не смеялись над нами, православными христианами. (*Возгласы: «Скажи, царь-государь!»*)

Федор. Ослаб я, говорить не могу. Скажи ты, Борис!

Годунов. Ты, Федор, царь, да скажи, повели крикунам замолчать.

Федор. Мир вам, православные христиане! (*Шум смолкает.*) Изберите себе царя православной веры.

Никита Романов. Ты - наш избавитель от языческой веры и от злых мучителей, ты нам и будь царем!

Федор. Коли есть на то воля Божия, быть мне у вас царем. Царем же зовется слуга по Божьей милости, и царство ему дается по Божьей воле. Мы ж возвеличим Господа и прославим Мать его за то, что избавил Господи отца моего, и меня, и все православное христианство, от латынского мучения, и вас милостью своей посетил Бог, не отринул вас от православной веры. (*Крестится и плачет.*)

Митрополит Дионисий. Православные христиане, миропомазание - наше русское, и скарбница сия - святой яшмовый сосуд от кесаря Августа, обладавшего всей Вселенною. Божьей милостью радуйся и здравствуй, православный царь Федор, Всея Руси самодержец, на многие лета. (*Кланяется Федору. Все в соборе кланяются.*) И прими символ веры - большую корону царскую. (*Надевает корону.*) Прими малую корону для государыни Ирины Федоровны. (*Надевает корону на Ирину Годунову.*) Прими древний символ власти - небесный скипетр - в правую свою руку. (*Дает скипетр.*) Прими символ власти на земле - державу, шар с крестом, - в левую руку. (*Дает шар и становится перед царем на колени. Все в соборе опускаются на колени. Поет хор.*)

Архидьякон на амвоне (*торжественно*). По высочайшей царской степени великий государь и великий князь Федор Иванович, Всея Руси самодержец, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверской и Угорский, Пермский, Вятский, низовые земли - Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Лифляндский, Угорский, Абдорский, Кандинский и всея северная земля, повелитель и государь Иверской земли, Карталинских и Грузинских царей, и Кабардинской земли Черкасских и горских князей.

Годунов. Сей титул царя уравнивает Россию с Германской империей.

Федор. От сего титула войдет страх в душу мою и трепет. Упадаю перед образом Пречистой Богородицы. (*Становится на колени перед образом.*) Владычица дева госпожа Богородица, в твоём жребии управляю я государством по твоему завету в той стране, что ты передала мне своим милосердием после того, как призвала к себе отца моего, мне, слабому, вручила власть над своим достоянием править государством.

Митрополит Дионисий. Встань и иди, государь православный! (*Федор идет следом за архидьяконом.*)

Архидьякон. Отверзай ворота правды, и праведный войдет в них. (*Слуги стелят перед царем бархат.*)

1-й дворянин (*умиленно*). Митрополит из мисы золотой со золатыми деньгами государя и государыню осыпает.

2-й дворянин (*умиленно*). А носит за ним, царем, мису дядя царев и шурин Борис Годунов. (*Поет хор.*)

Годунов (*сходит с амвона, подходит к Щелканову и Бельскому*). В сию же ночь, за шесть-семь часов до предстоящего утра, многое надобно сделать.

Щелканов. Уж много сделали, Борис Федорович. Казна вся опечатана, и новые люди прибавились к тем, кто уже служит царской семье.

Бельский. Двенадцать тысяч стрельцов и воевод образовали отряд для охраны великой стены города Москвы.

Василий Шуйский (*тихо*). Триста лет правит Русью худой род Калиты, а от Рюрика они самые дальние. Мы ближе к Рюрику, нас же, Шуйских, истинных Рюриковичей, желают устранить да заменить своими холопами Бельский-кат, племянник ката Малюты, Годунов - от крещенного татарина, да Романовы-Захарьины мелкопоместные, а предок их Конь был конский мастер, коней лечил.

Петр Шуйский. Воевода князь Иван Петрович Шуйский скорее бы из Пскова явился, а он любим среди войска, также среди конного дворянства.

Василий Шуйский. Царский венец слабоумного Федора означает власть холопских опекунов да смуту. После царя-мучителя - царь-полуидиот.

Царь Федор (*на амвоне*). Православные христиане, править хочу силою Господа нашего Иисуса Христа и с помощью пречистой Его матери. Тут, на иконостасе Успенского собора - чудотворная икона устюжская, которую покойный мой батюшка государь Иван Васильевич потребовал в

Москву. А икона сия - Святого Прокопия. Прокопий Святой брал милостыню только от благочестивых, а не от лиходеев, ничего причудливого не делал, никаких выходок - только молился, любил природу, на берегу Сухони возлюбил один камень. Сидит на нем часами и любуется далью и движением судов. И молился за людей, и просил плователем счастья и хорошего торго. *(Молится и плачет.)* Вот бы и мне править как Святой Прокопий!

Бельский *(Годунову)*. С назревшей в земстве смутой надо бы покончить еще до тех пор, как в Москву приедет регент-воевода Иван Петрович Шуйский, которого смерть государя застала в Пскове. У него - поддержка войск, и Шуйские могут тем воспользоваться.

Годунов. Делай, как знаешь, Богдан Яковлевич. В Пскове, также иных крепостях, особо значительных, должны быть посажены верные люди от царской семьи, чтоб таким образом было сменено окружение. Также воеводы, начальники гарнизонов в местах особо опасных, чтоб были от нас. Надобно повсюду освободиться от слуг царицы и Нагих. Этими средствами упрочу свою безопасность. Щелканов, потребуешь отовсюду описи всех богатств: золота и серебра, драгоценностей. Произвести осмотр всех приказов и книг годовых доходов. Во всех судах сменить казначеев и служителей.

Щелканов. Исполним, Борис Федорович.

Федор *(на амвоне)*. Жити тихо, смирно, а молиться, чтоб никто из окрестных стран не смел напасть, и навсегда чтоб страна находилась под покровительством Пречистой Богоматери, ибо не враги нам главная угроза, а грехи наши. Прокопий святой предсказал каменный град и гибель Великому Устюгу за грехи, рыдал на паперти. *(Плачет.)* Бди и молись! *(Плачет.)*

Бельский *(тихо, человеку в монашеской рясе)*. Митька, поедешь с людьми на Новгородскую дорогу подстеречь и убить воеводу Ивана Петровича Шуйского, а все то в тайне держи.

Митька *(тихо)*. Сделаем как велишь, Богдан Яковлевич. *(Уходит.)*

Федор *(на амвоне)*. Зашла туча в полдень, как в полночь гроза. Видите, что в напасти промолвил, молился у иконы Богоматери. Протекла по иконе мирра благовонная, гроза почала стихать, град раскаленных камней обрушился на лес, но не тронул людей и скота. Вот она, икона святая на иконостасе, икона новгородская. На фигуре Богоматери обозначен ясно зачатый в утробе младенец. *(Плачет, молится.)* Поддай мне царство тихое, Богоматерь и сын ее Святой Христос. *(Падает на колени, венец с головы его сваливается. Годунов и Ирина Годунова подбегают и надевают венец на голову, поднимают с колен.)*

Английский посол Боус *(входит)*. Я едва пробрался в Кремль благодаря грамоте, данной мне государем Иваном Васильевичем. В Москве - открытое восстание, и ходят всевозможные слухи о судьбе государя.

Щелканов *(сердито)*. Английский царь Иван помер, о чем тебе, английскому послу, объявляю.

Годунов. Весть о кончине распространилась и вызвала волнение в народе. Страх перед восстанием заставил нас поспешить с преемником.

Боус. Мы на Английском подворье дрожим и ежечасно ожидаем смерти и конфискации имущества. Ворота и окна заперты. Некоторые слуги прежде заключены в тюрьму. Я лишен всего того изобилия, которое мне доставляли раньше.

Годунов. Будь верен мне и ничего не бойся. С Англией нам, как и прежде, желательна дружба и любовь. Бельский, дашь стражу английскому послу для охраны Английского подворья.

Боус. Я сегодня же отправлю послание моей королеве Елизавете о смерти государя Ивана Васильевича и о коронации Федора I. Это важное для Европы событие. *(Годунов раскланивается и идет к амвону, на котором молится Федор.)*

Федор *(на амвоне)*. Поеду в Устюг, в пятиглавую церковь Святого Прокопия молиться. Пришли мне доброе царство! В ней, пятиглавой, против Спаса - гробница Прокопия, лампада с неугасимой свечой. Гробница - камка, бархат шит серебром, золото, атлас шит, да образ Прокопия, одного или в пеленцах перед Спасом и Богородицей. Так скорбь сменяется радостью. *(Улыбается.)*

Митрополит Дионисий. Выйди, царь православный, во всем величии своего сана среди горячо молящегося за тебя народа. *(Слышен отдаленный шум и крики.)*

Федор. Я слышу шум. Пусть народ веселится три дня.

Стрелецкий голова *(вбегает)*. Чернь всколебалась!

Бельский. Все кремлевские ворота закрыты на засов, кремлевским стрельцам зажечь фитили, приготовить пушки к стрельбе! *(Общее смятение.)*

Сцена 133

Площадь Пожар. Торговые ряды вблизи Фроловских ворот. Слышен колокольный звон. От торговых ворот доносятся крики и брань. В стороне сидит и закусьивает нищий Петля-Карман Лобов и Никулка.

Никулка. Дядя Петля Лобов, вишь, торговые мужики заволновались?

Петля Лобов. Их, Никулка, торговых, сиречь площадных, мужиков площадь питает, улица кормит, всякая брань, разбой и бунт. А мы, калики-странники, богомольцы нищие, питаемся подаянием Божиим. Когда случится царю от сего света переселиться на волю и покой, то бывает от нового царя и царицы нам, богомольцам, милостыня деньгами и подарками, и подарки платяные, и подачи - яства и питья. А мужика-вора смертью карают, главы им отсекают. *(Ест хлеб и пьет из бутылки).*

1-й мужик *(возле торгового ряда).* Народ православный, в Москве слухи - царя отравили али удушили.

2-й мужик. Истинно, звонят в один колокол изредка, чтоб все ведали, что царь мертвый. Нет на Руси царя!

Посадский. Как нет, ночью сын короновался, Федор Иванович!

2-й посадский. Я чул, короновали младенца царевича Дмитрия, а Нагие в покровителях.

Купец. Не то несешь! Когда по столице разнеслась весть - царь Иван скончался, и сделалось волнение, в ту полночь после смерти бояре велели отправить малолетнего Дмитрия с матерью и их родичами и всех Нагих в Углич. Схвачено также несколько лиц, которым царь Иван перед смертью оказал милость.

2-й мужик. Кто так велел?

Купец. Борис Годунов так велел да Богдан Бельский. У них власть. Прежде всего Бельский Нагих удалил. В ночь, когда еще труп царя Ивана не был положен в гроб, арестовали Нагих и отдали их за приставы.

Посадский. Свое государь старшему сыну оставил. Второй еще в пеленках, то его услали. Так ли то?

1-й мужик. Сапожник Тит, добрый человек, скажи, как знаешь!

Сапожник Тит. Как мыслю, перед смертью царь постригся в иноческий чин, завещал большому сыну. Однако, царевич не доехал до Углича, младший сын Дмитрий. Предвидя, что Борис с Бельским могут со временем погубить царственна ребенка, подменили другим ребенком. Увезли, чтоб воспитать в глубокой тайне, тогда как все будут думать, что в Угличе растет настоящий сын царя Ивана Васильича. А велел то тайно боярин Никита Романов.

2-й посадский. Я чул, что Нагие покушались на нового царя и Бориса Годунова. И сжечь Москву.

Тит. Брешут, Бельский желал воцариться. Он извел царя, и Годунов с ним. Ирину в монахини постригли.

Василий Блаженный *(появляется, крестясь).* Некрещеная изба, некрещеная изба, некрещеная изба!

Хозяин в доме, что дьявол в аду! (Плюет во все стороны, проходит).

1-й мужик. Юрод кричит на улице, не к добру то! *(Крики: «Про то вопим! Не к добру! Не к добру!» Через площадь в сопровождении слуг проходят боярин Иван Мстиславский, Никита Романов, Шереметьев, Голицын и прочие).*

Иван Мстиславский *(стучит в ворота).* Повелеваю отворить!

Стрелецкий голова. Не велено из-за бунта.

Иван Мстиславский. Как не велено?! Я, первый боярин Думы Иван Мстиславский, иду в Кремль!

Стрелецкий голова. Не велено никого пускать начальником кремлевской стражи Богданом Бельским.

Посадский *(кричит).* Богдан Бельский - всему злему начальник!

Никита Романов. Я - боярин Никита Романов. Али Бельский затворил Кремль, чтоб знаменитых бояр устранить? *(Стучит в ворота. Стрельцы у ворот оттесняют бояр. Схватка, крики).*

1-й мужик *(кричит).* Бельский погубит наших господ!

2-й мужик *(кричит).* Бельский хочет погубить или уж побил наших бояр.

3-й мужик. Слышь, кричат: Бельский побил Мстиславского и иных бояр?! *(Кричит).* Народ православный, не дадим так умышлять!

Сапожник Тит. Народ православный, дело сие у кремлевских стен на площади Пожар, где всегда толпа у торговых рядов. И ныне на глазах у толпы православной такое творится. То потребно, чтоб на шум стал сбегаться народ.

Посадский. Пойдем всей толпой во главе с сапожником Титом.

1-й мужик (*кричит*). Кончилось наше терпеньюшко!

Посадский. Все пойдем! Мы, молодшие посадские люди, купцы да торговые площади мужики!

Стрелецкий голова. Ежели умножилось разбойство, то не потерпим. Стрельцы, бейте бунтующий народ! (*Стрельцы бьют народ*).

Никита Романов (*стрелецкому голове*). Черный народ всколебался. Не лучше ли нас, бояр, пропустить, чтоб утихло?

Стрелецкий голова. Пропущу только тебя, боярин Никита Романов, да боярина Ивана Мстиславского. (*Пропускает их в Кремль*). А ты иди, народ, бояр уже пропустили.

Сапожник Тит. Прошли только Мстиславский, сам-третий, да Романов, сам-друг, братья государя троюродный да двоюродный. А и иных пропусти!

Купец. Как бы чего с боярами не сделали!

1-й мужик. Народ православный, крик поднимай, боясь, что Бельский их погубит! (*Кричит*).

Посадский. Особо же за боярина Никиту Романовича Романова боимся!

2-й мужик. Пропусти народ в Кремль боярина Никиту Романовича охранять!

Посадский. Добудем ворота, ломай!

Стрелецкий голова. Стрельцы, товсь! Фитиль, залп! (*Выстрелы. Некоторые падают. Крики: «Народ православный, убийство! Приступом возьмем Кремль! Добудем большую пушку с Лобного места, да вышибем вон Спасские ворота. Пойдем громить арсенал, там оружия и пороха вдоволь. Громи лавки!» Выстрелы, крики, шум. Ползет, все застилая, едкий пороховой дым*).

Занавес

Сцена 134

Золотая палата, Тронный зал Кремля. Заседание Думы.

Мстиславский. Первое после государя Ивана Васильевича думное сидение при таком настроении. Меня, главного боярина, да дворецкого боярина Никиту Романыча Романова, да иных бояр стрельцы кремлевские в Кремль не пускали. А пустили лишь меня и Никиту Романыча. Не по твоему ли, Бельский, наущению!

Бельский. Ворота Кремля велено закрыть из-за бунта. Черный народ всколебался.

Василий Шуйский. Все то - непрочность престолонаследия. Непрочность престолонаследия чувствуется народом. Из двух сыновей старший неспособен к самостоятельному царствованию, а меньший - еще младенец.

Романов. Боярин Василий Шуйский, знаешь ведь, разрешилось в пользу Федора. Федор Иванович был провозглашен царем.

Василий Шуйский. Кого б ни провозгласили царем, все равно власть находится в иных руках, не в царских. Сия мысль охватила русский народ, когда по столице разнеслась весть: «Царь Иван Васильевич скончался». Оттого сделалось волнение.

Петр Шуйский. И ныне, при первом думном сидении, царский трон пуст. Где царь?

Годунов. Царь с царицей с раннего утра пошли молиться в кремлевской Благовещенской церкви.

Василий Шуйский. Государству не инок на троне, царь потребен! Царь перед смертью по своему желанию и по свершению над ним предсмертного обряда принял монашество. Назвался Ионою, оставив своему сыну Федору царский венец, тебе же, Борис Годунов - царскую власть. Ты, Борис, с Бельским да Нагим, прежде содержали власть. Кто теперь власть содержит? Царь лишь волхвами да оборотами солнца интересовался, а вы ему потакали. Хотел перед смертью жениться на англичанке и отдать власть католику, а вы всему потакали, как и мучительствам прежним.

Годунов. Мучительствам не содействовал никогда. Царь Иван Васильевич, верно, меня любил. Показывал на пальцах, что Федор, Ирина и я, Борис Годунов, равны для него, как три перста.

Однако ж, под конец и на меня косился. Может, плохо бы мне пришлось, если бы царь не умер внезапно.

Василий Шуйский. То-то, что внезапно! Ходят слухи, что отравлен или удушен.

Щелканов. Ходят темные слухи, будто царь отравлен близкими людьми. Уж и за рубеж пошли те слухи. Надо те слухи опровергать. Царь умер оттого, что давний недуг обострился.

Бельский. На меня говорят как на палача. То неправда. Мы, временщики, возвышенные государем, со страхом ждали его гибели, с которой неизбежно все должно перемениться. И я дрожал перед желаниями тирана, и от его злодейских замыслов негодовал на царя, который столько крови лил. Мы ж должны были делать то под страхом смерти.

Боярин Шереметьев. Ты-то, Бельский, особо страшился! Ты, Бельский, целых тринадцать лет был известным любимцем царя и спал в его опочивальне и мылся с ним в мыльне, а говорили на тебя - «человекоядный зверь», как в сыске людей пытал!

Бельский. Я исполнял лишь государевы повеления. И брата моего Невежу Яковлевича Бельского государь казнил, и просьбу мою за него не уважил. Говорят на меня, что я царев любимец, а и я утомился от царских дьявольских порухов.

Романов. Ты-то утомился?! Ты есть истинный палач. А брата твоего не за взятку ли казнили, Невежу-брата?

Дионисий. Братья, с тяжелой душою слушаю сию нынешнюю преку в Думе не про отечество и про веру нашу православную. Про свое, про самовозвышение того ли, иного ли. Ныне объявлено сорок дней траура по усопшему государю, и молиться мы должны за грехи наши сообща. Наша распря посеет распря в народе. Да за грехи смута в умах томит ожиданием грядущих бед!

Годунов. Отец святой митрополит Дионисий Всея Руси, неудачная война, опричнина и передвижение народа от центра к окраинам, сей общий беспорядок внесли разруху и разорение и создали смуту в умах еще при жизни государя Ивана Васильевича. Государь Иван Васильевич, истинно, был страстен и жесток, объединяя великорусские области под московскою властью, как завещано отцом и дедом государя, то следует публично признать.

Романов. Признавая, помнить надо, что государь, принимая титул царев русского царя, украсил свое самодержавие пышными богоугодными обозначениями родства со вселенскими династиями старого и нового Рима.

Дионисий. Оба Рима погибли, старый и новый, остался Третий - Москва. Погибли от распрей, от язычества. Второй - ближний нам - двуглавый Рим погиб от неразумных и даже небогоугодных обетов. Гибель - награда за обещания не по разуму, за унию с латынами. Ленились греки за христианскую веру крепко стоять и против неверных. И они ныне неволею басурманскую веру боронят от находу. Царь турецкий у греков и сербов детей отнимает на седьмой год на воинскую науку и в свою веру ставит их, они же со своими детьми расставающихся, великим плачем плачут, да никто же себе не пособит. То не стряслось бы с нами такое.

Василий Шуйский. От беззакония династии Калиты, поставленной на Руси, страдаем.

Боярин Шереметьев. Необходимо противостоять князю-управителю, переступившему богоустановленный предел своей власти. Нечестивый, лукавый властитель - такой царь не Божий слуга, а дьявола, и не царь, а мучитель. О том народу надобно сказать.

Мстиславский. Судари думные, таковые речи излишне крепки, став известны, еще более взволнуют Московский Посад и прочий черный народ.

Дионисий. Власть царская ограничивается законом Божьим и действует только над телом, а не над душой подвластных ему людей. Над душой - церковь.

Василий Шуйский. А и власть над телом лишь для того, кто блюдет христианское право и законы отечества.

Романов. Богоустановленность власти благочестивого московского монарха и необходимость повиноваться и служить истинному царю, который есть Божий слуга и которого Бог на место себя посадил и которого суд никем не посуждается - таков на Руси самодержавный закон.

Годунов. Истину говорит Никита Романович, а скорби и беды - за грехи наши. Молясь об исправлении, и делом исправим. Щелканов, запишешь в грамоте, чтоб родичей Барятинского и Одоевского вернули из ссылки и отдали отнятые вотчины, да иных ссыльных поглядеть, кого вернуть назад.

Щелканов. Сделаем, Борис Федорович! Перепись по ящикам. Дьяк Гаврила Пушкин опись грамот поместного приказа почнет.

Борис Шереметьев. О царе Иване надо бы, однако, сказать, что Русь разрушал. А объявить то должно православное духовенство.

Дионисий. Изрек премудрый Соломон: «Царь, - рече, - добрыми яко град претвердыми столпами утвержден и крепок». И еще рече: «Любящий совет сохраняет свою душу, а не любящий совсем исчезает». В царе нашем борьба шла меж заповедями суровых старцев и порочностью многих своих близких людей, меж отшельниками-аскетами и отчаянными головорезами. А говорить дурно на царя ныне нет потребы.

Василий Шуйский. Нет, потребно говорить! Такое издавна в династии Калиты. Отец и дед царя Ивана были людьми разумными да не хворыми, без трясовичного биения, страшились видений да прочего. Однако прадед его Василий Темный был слаб как умом, так и волей, и хвор духом. Также и мать его Елена Глинская отличалась болезненностью. Бабка его София Палеолог из фамилии, расположенной к нервным хворобам. Брат Юрий Васильевич страдал слабоумием. Старший сын царевич Иван был жесток и кровожаден наподобие отца, отцом и убит. Нынешний царь Федор слаб умом, младший Дмитрий, ходят слухи, уже с младенчества страдает падучей трясовичной. Из двух сынов только старший правоспособен, и оба требуют опеки.

Годунов. Не ты ли, Василий Шуйский, в царя Василия стремишься обратиться?

Василий Шуйский. Не тебе ж, Годунову, в цари! Ты - из мурз татарских, мы ж, Шуйские - коренной великий русский род, выше всех прочих Рюриковичей и Гедиминовичей.

Мстиславский. И мы права имеем. Я, боярин Мстиславский, правнук великого царя Ивана III.

Романов. Вы, Мстиславские да Глинские, не так уж давно переселились из Литвы. Мы ж, Романовы, - род московский. В тяжкое время кончины государя при бурлящей Москве вы, Мстиславские, да вы, Шуйские, да прочие княжата, подняли голову, бунтуя народ.

Годунов. Истинно, в сей тяжкий момент сидеть бы всем Шуйским да прочим смиренно!

Романов. Подале от трона сидеть!

Василий Шуйский. Мы, Шуйские, в князьях больших братья и привыкли на больших местах сидеть. Вы ж, Романовы-Захарьины, мелкопоместные, а предок ваш Конь - конский мастер, коней лечил, рты чистил, смотрел очи да резал выпадок за четыре данных ему алтына. *(Смех, крики, перебранка).*

Митрополит Дионисий. Братья, опомнитесь! Вспомните аллегория святого старца - безутешная вдова, сидящая на перепутье на крестцах, со всех сторон окруженная дикими зверьми. Имя вдовы - Василия, сиречь власть.

Годунов. Государство наше - вдова, женщина, сидящая на крестцах. А прежде прочего ныне о погребении мужа потребно решать. Царское погребение успокоит народ да укажет на начало нового царствования.

Мстиславский. На третий день тело царя Ивана Васильевича всенародно с причастиями предать погребению в Архангельском соборе рядом с могилой убитого им сына. На том дело и кончим.

Дионисий. Тако ж в первый год по смерти царя Ивана гроб митрополита Филиппа Колычева, невинно убиенного и погребенного иноками за алтарем церкви в Отроч-монастыре, перенести в Соловки для народного почитания.

Бельский. Перевезение гроба опального старца лишь возбудит народ, сделаются волнения и против царя нынешнего Федора Ивановича. Людям же указать надобно, что истинный правит, благочестивый. Людей обяжем служить ему верно и безропотно.

Романов. И я молю, невинно убиенного старца митрополита Филиппа Колычева надо бы причислить к лику святых и открытые мощи его поставить в московском Успенском соборе. Праведника, мужа истинного злой смерти предал Малюта Скуратов, твой, Богдан Бельский, родной дядька. Вы царя на дурное лукавством склонили, наветами на благочестивого мужа. Все вы, Бельские, разом - прегнуснейшие и богомерзкие! *(Шум).*

Иван Шуйский (входит). Мир вам, думные бояре, и тебе, митрополит Дионисий Всея Руси!

Василий Шуйский (обрадованно). Слава тебе, князь Иван Петрович Шуйский, спаситель отечества!

Годунов. Ко времени поспел, Иван Петрович!

Иван Шуйский. Ко времени. А иное он скажет! *(Слуги вводят связанного Митьку).* Говори, вор!

Митька (падает на колени). Послан был на Новгородскую дорогу подстеречь и убить боярина Ивана Петровича Шуйского, оттого заворовал.

Романов. Кем послан?

Митька. Им послан, Богданом Бельским!

Бельский. Врет холоп, бес ему дал слово таковое! *(Выхватывает кинжал, бросается на Митьку. Иван Шуйский преграждает Бельскому дорогу. Митьку уводят).*

Василий Шуйский. Ухапить Бельского!

Романов. Ухапить мерзостного гонителя, ядовитого змея, пожирателя рабов Божьих! *(Бояре набрасываются на Бельского, тот отбивается).*

Годунов. Был ты один из сильнейших бояр, Богдан Бельский, но и тебя постигла опала за нечистые дела твои. *(Бельский убегает, преследуемый).*

Стрелецкий голова *(входит).* Чернь московская приступила, и ворота Фроловские хотят выбить, и секут, и пушку большую, которая стояла на Лобном месте, на город, на Кремль поворотили.

Годунов. Много ли народу?

Стрелецкий голова. Столичный посад восстал. Стрельцы пустили в ход оружие, но рассеять толпу не удалось. Народ всколебался весь без числа, со всяким оружием. Толпа пытается приступом взять Кремль со стороны площади.

Василий Шуйский. Много ли убито?

Стрелецкий голова. Стрельцы почали стрелять, человек двадцать убили, однако народ по-прежнему приступает к Кремлю. К черни пристали ратные люди разных городов.

Иван Шуйский. Я видел толпу и едва приехал в Кремль. Ежели бунтовщики приволокут пушку к Фроловским воротам, то есть ли у них ядра и порох?

Стрелецкий голова. Народ захватил в арсенале много оружия и пороха, а ныне громит лавки.

Мстиславский. Как бы и наши дворы не постигла та же участь! Чего бунтовщики желают?

Стрелецкий голова. Народ вопит, ругая вельмож изменниками и ворами. В толпе кричат, что Бельский побил боярина Мстиславского и иных бояр, требуют выдать Бельского для немедленной расправы.

Мстиславский. Надо бы выйти к народу, объявить об опале Бельского. Тут, на Думе, на Бельского напали с остервенением, то мыслю, он спрятался в царские палаты.

Годунов. Толпу усмирить пушками и стремянными стрельцами, а затем к усмиренной толпе выйти на Красное крыльцо, отложив распри, чтобы успокоить толпу.

Дионисий. Истинно, надо бы примириться земским и дворцовым перед угрозой бунта, а в Думе более не кричать. *(Слышен шум и крики, выстрелы. Бояре в испуге расходятся).*

Занавес

Сцена 135

Царские теремные палаты. Слышны шум и крики, пушечные выстрелы. Царь Федор Иванович и царица Ирина Федоровна молятся.

Федор. Всесильный всещедрый Бог, живоначальной Троицы преподобный святой Христос, спаси и помоги! *(Плачет).*

Ирина. Не плачь, Федор, читай молитву!

Федор. Ах, Иринушка, свет мой, утешение мое единое, супруга моя добродетельная, поможет ли Бог?! Черные люди города Москвы всколебались яко уроды. Слышал, когда Москва много лет тому горела, многих бояр побили, повсюду волнения, рагоза⁴⁴, нелюбовь. Отчего не смируется Бог? *(Плачет).*

Ирина. Не надобно, господине мой, печаловаться, молись Богу, он спасет, Господь услышит.

Федор. Знаю я, бояре на меня иноземцам доводят, что царь несколько помешан. Поляки про то пишут, севильский король про то в речи своей сказал. Я молитвы о своем малоумии не страшусь, я страх имею перед боярскими да холопскими жестокостями, с детства мне знакомыми. Когда ж, по Божьей воле сменив порфиру на сионскую рясу, отец мой великий государь Иван Васильевич оставил сие брэнное земное царство и вступил на вечные времена в царство небесное перед царем царей и господином государей, остались мы с тобой, родной моей супругой Ириной, словно среди пламени находясь. Ты, Иринушка, да Борис - кто еще со мной?

Ирина. Бог еще с тобой, да Матерь Божья, да святые, им молись!

⁴⁴ *Рагоза* - свара, ссора, брань.

Федор. Уж ночь и день провожу я в молитве, стремясь уйти от мирского мятежа, а все не могу умолить Бога. Отчего не принимает Господь мои молитвы?

Ирина. Государь Федор Иванович, для спасения надобно читать молитву беспрестанно и удручать плоть постом. Ты думаешь, что молишься Богу, а на самом деле молишься воздуху. Бог внимает уму, а не словам. Надобно молиться так: руки сложив на груди крестом, крепко и неустанно молиться со страхом и трепетом, и со вздохами, и слезами. *(Складывает руки Федора на груди).* Молись вслед за мной простой молитвой: «Отче наш, иже еси на небеси...»

Федор *(молится).* Отче наш, иже еси на небеси...» *(Плачет. Слышен сильный шум и тяжелые удары. Федор в испуге подбегает к окну).* Ворота кремлевские ломают! Московские правители где? Так с царской семьей поступают! Батюшка мне сказывал - власть самодержца от Бога, а бунтующий народ поднял руку на царскую семью! *(Кричит).* Где слуги? Слуг сюда! *(Входит слуга Родион Биркин).* Биркин, отчего стрельцы не разгонят толпу?

Биркин. Государь, Москва во власти черных людей. К ним примкнули многие ратные дворяне и казаки. *(Сильный стук).*

Федор *(в испуге мечется по палате, подбегает к окну).* Огромная толпа, много людей, чернь! Что ж, от черни некому помазника Божия защитить? Кто спасет?

Бельский *(вбегает).* Государь, сейчас бояре-изменники напали на меня в Думе с остервенением, едва я скрылся от них в царских палатах! Бояре хотят лишить тебя твоего законного права и сделать своим царем выходца из рода Шуйских, пользуясь бунтом взбесившихся смердов, ими подстрекаемых. Народ в собачьи стаи собрался, идут мытные люди, черные идут скопом в полном вооружении.

Федор *(испуганно).* Что они хотят? Грабить хотят? Казны нет у меня под рукой, казна у Бориса. Надо бы выслать народу шелковку-рухлядь, да наливки серебряны, ковши, да золотые украшения, чтоб затихли.

Бельский. Не одного лишь грабежа хотят. Боярами подстрекаемы, тебя поносят, да меня тоже.

Ирина. Сказано: «Поношение и укоризну, государь, прими Господа ради». Молись, государь!

Бельский. Государь, не время для молитв! Я решил вести в Кремль верных мне дворовых стрельцов, чтоб покончить с назревшей в земстве, дворце да городе смутой еще до того, как воевода Иван Шуйский войско в Кремль направит. Ты, государь, меня грамотой царской поддержи.

Ирина. Не делай так, Федор, то людская рагоза, ты делай лишь Божье, как тебе твоим умом предписано.

Федор. Делать Божье, как мне умом предписано? Говорят, у меня ума мало. Ах, мне еще менее ума - был бы богомолец, кроток, незлобив, милосерд, страсотерпец... Избегал бы людской доуки, удаляясь от суеты... Молитвой привлек бы на свое царство благословение. Может, Бог смилостивился бы и послал мне тихое и благополучное царствование. *(Плачет, обняв Ирину).*

Бельский. Государь Федор Иванович, уговариваю тебя в Кремле расставить дворцовую стражу по обычаю, установившемуся от батюшки твоего, царя Ивана Васильевича. Как бояре после Думы разъедутся обедать по своим дворам, запереть все ворота. Ты прикажи, я исполню.

Федор. Холод меня до костей пробирает. Не ведаю, что делать, Иринушка!

Ирина. И я через лисью душегрею дрожу, а говорю тебе: делай лишь Божье!

Бельский. Государь, род Годуновых опутал тебя, надеясь, что смерть твоя через самозванство откроет Борису дорогу к трону!

Ирина. Мужайся и крепись, Федор, господин и супруг мой! Христос бо повелел тебе, царю русскому, соблюсти от злых человеков. Молись, Федор!

Федор. Сказал пророк Исайя: «Всякая голова в чувстве, всякое сердце в горе». *(Молится, вместе с царицей встал на колени).*

Бельский *(становится рядом на колени).* Государь, ради спасения твоего, царя русского, и отечества нашего уговариваю тебя и умоляю держать двор и опричнину, как держал твой отец. Распустить регентский совет, боярскую опеку и править самому.

Федор. Сам править, как батюшка, не хочу. Повсюду измены, а народ в волнении.

Бельский. Я от твоего имени буду править. Измены изведем, народ уйдем именем твоим царским великим! Подпиши грамоту, а уж иное я сделаю.

Федор. Худо тут, на грешной земле! Завидую я праведникам. Худо царю более, чем иным. Ведь праведники уходят с многотой радостью и весельем в прекрасный рай древней радости, и они узнают всех праведных: Адама, Авеля, Еноса и Еноха и всех, кто усердно благодетельствовал владыке. Авраама,

Моисея, всех пророков и тех, кто был после воплощения Христова и пришествия - апостолов его и всех мучеников преподобных. Также и святителей. Равным образом Богородицу, и, кроме того, и предтечу. Так и всех вообще узнают они по виду и облику и с ними пребудут во веки веков. Вот счастье, иному смерду доступное, а мне, царю от корня римского, недоступное!

Бельский. Государь Федор Иванович, повсюду вероломство. И от измены бояр спесь, и от черного народа, и от крестьян, что шатаются меж дворов. Скорей надобно бунт извести ради спасения отечества, которое оставил тебе почивший царь Иван Васильевич.

Ирина *(молится)*. Помогите, Господи, пособи, Господи, помогите, чудотворцы московские. *(Входят стрельцы со стрелецким головой)*.

Бельский. Ко времени вы, стрельцы, поспели! Повсюду поставить в Кремле стражу да никого из бояр без моего веления не впускать и не выпускать.

Стрелецкий голова. Боярин Богдан Яковлевич Бельский, мы от бояр посланы за тобой!

Бельский. От кого прежде прочего?

Стрелецкий голова. Прежде прочего - от бояр Бориса Годунова и Никиты Романова и Ивана Мстиславского, также и от Шуйских. И иные то указывают, да прочие бояре.

Бельский. Я, начальник кремлевской стражи, обещаю вам, стрельцы, великое жалованье и привилегии, какими вы пользовались при почившем государе Иване Васильевиче. Убеждаю вас не бояться бояр и выполнять только мои приказы. *(Быстро входят бояре Годунов, Романов, Мстиславский, Иван Шуйский и дьяк Щелканов)*.

Годунов. Стрельцам ухватить Богдана Бельского!

Бельский. Стрельцам выполнять только мои приказы! Бейте бояр-изменников, защищайте своего благочестивого царя против врагов отечества!

Иван Шуйский. Стрельцы, я - воевода Иван Шуйский, и со мной в Москве полк дворянской конницы.

Никита Романов. Также и казачество за государя Федора Ивановича.

Годунов. Помните присягу, стрельцы, ухватите Бельского! *(Стрельцы хватают Бельского)*.

Бельский. Такая юдоль земная! Вслед за Нагими и меня постигла опала! Меня - одного из сильнейших бояр, кому покойный царь поручил опеку маленького Дмитрия, сосланного в Углич незаконно!

Федор *(кричит)*. Он, змей, меня уговаривал побить бояр! Ныне же змей обратился в свое естественное обличие!

Никита Романов. В Москве открылся ныне мятеж, возмущение, предпринятое за права Федора. Народ требует казни твоей, Бельский, подозревая, что ты извел царя Ивана и хочешь извести Федора.

Бельский. Истинно, дело идет - кому царствовать: слабоумному ли Федору, на которого нет надежды, что он поумнеет, али малолетнему Дмитрию, который мог бы быть умным человеком, достигши зрелого возраста.

Годунов. Ты, Бельский, конечно, должен желать воцарения Дмитрия, потому что с его малолетства правил бы государством. Федора же хотел извести.

Бельский. Признаю, мои виды и твои виды, Борис Годунов, противоположны. Но ты, Борис, так ловко умеешь заслониться, что думали иные, будто Борис Годунов и Богдан Бельский - приятели мы с тобой. Ловок ты, Борис! Однако, попомните, бояре: освободившись от меня, боярина Бельского, Годунов мало-помалу избавится и от вас, других трех товарищей по управлению государством - от тебя, боярина Романов, и от тебя, Мстиславский, от тебя, Шуйский. Опомнитесь потом, да уж не поправите. Кончина Федора откроет Годунову дорогу к трону, попомните то! *(Бельского уводят)*.

Мстиславский. Народ требует казни сей бешеной собаки. Отдать Бельского народу для успокоения мятежей. Хай, опозорив, убьют.

Годунов. Нет, так делать невозможно, то беззаконие. Государю да его боярам негоже отдавать холопам опальных, чтоб они избивали их, мучили или ссылали. На то есть государев суд, потому Бельского не выдавать. Его, как бы в угоду народу, сослать в низовья.

Шуйский. Сослать в отдаленную крепость Казань как опасного человека, сеявшего смуту среди знати в опасное время.

Романов. И в Казани беспокойно, татары волнуются, мордва и черемисы, потому лучше сослать в Нижний.

Годунов. Согласен с тобой, боярин Никита Романович. Сослать в Нижней Новгород, в село, да с добрыми приставами, о том народу с Красного крыльца объявить. Напишешь грамоту, Щелканов - «Ссылка Бельского» - как сослан был Богдан Бельский в село Никольское, и были у него в

приставах Андрей Ржевский да Василий Онучин. Также составить дело об извете на Богдана Бельского, чтоб закон соблюсти. А отдавать народу на растерзание не надо.

Щелканов. Сделаем, Борис Федорович!

Годунов. Сперва тайно Бельского из Москвы выпроводим, а затем объявим: то бояре Годунов и Романов велели.

Федор. Я тебя, Щелканов, вышлю народу говорить, да вас, бояре, пошлю уговаривать.

Годунов. Надобно, государь Федор Иванович, бунтовщиков усмирить войском, чтоб закон подтвердить да крепко стояти. А потом уж выйти во Фроловские ворота, речами успокоить толпу тебе, царю с царицей, да митрополиту Дионисию с духовенством, да нам, боярам земским и дворцовым.

Мстиславский. Истинно так, Борис. Ныне ж разведемся по своим дворам для их сбережения. Москва наполнена разбойниками. *(Бояре уходят).*

Федор. Утомился я. Пойду на колокольню звонить, на колокольне Бог ближе. *(Уходит).*

Годунов. Иди за ним, Ирина, смотри за ним.

Ирина. Блаженный пророк! Он, слабоумный, благородно о душевном спасении помышляет. Грех наш, я все время чревата, а живого родить не могу за грехи. Ложась спать с ним, по-христиански три земных поклона кладем. А теперь вечером на вечернюю полуночицу в тишине, и со вниманием, со смирением, и с молитвою, и с поклонами поем внятно и согласно. Однак, ныне мне тяжело поклоны класть, опять я чревата.

Годунов. Беременным женщинам лишь поясным поклоном молиться для сбережения плода. Авось, родится плод, авось, родится наследник. Рождение сына укрепит династию Калиты и не даст воцарствоваться Габсбургам. То завещание о передаче власти Габсбургам при бездетности Федора надобно сжечь.

Щелканов. То сделаю, Борис Федорович! *(Уходит).*

Занавес

Сцена 136

Площадь Пожар у Фроловских ворот. Стрельцы преграждают дорогу к воротам возбужденной толпе. Шум, крики.

1-й из народа. Вельможи - изменники и воры! Бельский - первый из них вор!

2-й (кричит). Царя Бельский побил, боярина Мстиславского и иных верных государю бояр!

3-й. Требуем выдать Бельского для народной расправы!

Стрелецкий голова. Народ, не вопи, не заступай!

4-й из народа. Вопим на свое разорение от московского волокитства и от неправедных судов!

5-й из народа. Мы, холопы, пограблены душой и телом!

3-й из народа. Издавна страдаем! Еще Москва лубяная была, не каменная, а народ уже страдал от вельмож! *(Входят английский посол Боус, австрийский посол Фон Бихау, немецкие и австрийские купцы.)*

Боус (стрелецкому голове). Я - Джером Боус, посол Ее Величества английской королевы Елизаветы. Борис Федорович Годунов, теперь князь-правитель, и три других главных боярина, вместе с ним составляющие правительство, пригласили в Кремль меня и австрийского посла Фон Бихау, и иных людей.

Стрелецкий голова. В Вышгород, сиречь в Кремль, не велено никого пускать, там думные люди заседают.

1-й из народа. Немец пришел английский да прочие.

2-й из народа. Боргеры стокхольмские! *(Смех.)*

3-й из народа (Боусу). Карлуха! Журавлиные ноги! *(Смех.)*

Фон Бихау. Он сказал «карлик»? Что есть «карлик»? По-русски «карлик» есть «журавлиные ноги»?

Стрелецкий голова (Боусу). Господа иноземцы, поберегитесь да отойдите подальше. Народ дивый, сиречь дикий, грубый. *(Иноземцы отходят.)*

Боус. Царь Иван Васильевич передал свой железный скипетр в слабые руки, тайну смерти унес в могилу. Правил он более пятидесяти лет, он завоевал Полоцк, Смоленск и многие другие города в доминионах королей Швеции и Польши, он завоевал царства Казанское и Астраханское, все области и многочисленные народы, ногайских и черкасских татар и другие народы по обе стороны Волги до Каспийского моря, он освободился от дани и поборов, которые его предки платили великому царю скифскому хану крымскому, однако сам обложил данью и поборами все завоеванные народы, также Сибирское царство. Ныне же - в развале.

Фон Бихау. Мы в Европе так долго боялись московитов, что трудно поверить в случившееся чудо. Бог чудом сохранил нас от московского медведя. Кто мог подумать, что столь большие богатства будут вскоре истреблены, и это государство, царь, князья и все люди так близки к гибели! Плохо, несправедливо приобретешь - скоро потеряешь.

Французский мушкетер Мержерет. Да, Москва побеждена. Так кончилась московская война, в которой царь Иван плохо поддержал репутацию своих предков и свою собственную. Во Франции много о том пишут. Вся страна по Днепру до Чернигова и по Двине до Старицы, край Новгородский и Ладужский вконец разорены, царь потерял более трехсот тысяч человек, около сорока тысяч уведены в плен. Эти потери обратили Россию в пустыню. Ивану IV простили бы его казни, как простили Александру Македонскому злые убийства, причуды и бред величия, но слава его как завоевателя померкла, и он теперь навек в обществе тиранов Калигулы, Нерона, Людовика XI и Христиана II. Кончилась великая Россия!

Фон Бихау. Да, кончилась. И торговля в этой варварской стране тяжела из-за плохого состояния русских дорог.

Английский купец. О, да! Летом из-за распутицы передвижение утомительно. Особенно плохи в России переправы через многочисленные реки. На них часто ломаются повозки.

Мержерет. Однако, я приехал наниматься в охрану к русскому государю, я слышал, что русский царь нанимает иноземных телохранителей, но не знаю, кто теперь правит. Нагие уже удалены, кажется, удален и начальник стражи, прежний любимец царя Богдан Бельский, особенно ненавистный народу, ибо народ обвиняет его во многих жестокостях.

Немецкий купец. Кто же теперь в России наиболее успешен?

Боус. Наиболее успешен князь-правитель Борис Годунов и боярин Никита Романов.

Фон Бихау. Однако, пустят ли нас сегодня в Кремль? Народ на площади все более и более беспокоен и злобен.

1-й из народа. Тати немецкие, по грехам нашим у почившего государя к иностранцам была тяга.

Купец. Немцы да Литва в конце царствовали повсюду, да кроме боярина Романова все иные то ему советовали иностранцев расплодить. Иные же советовали покинуть Русь.

3-й из народа. Никита Романович - брат первой жены Ивана Васильевича, добродетельной царицы Анастасии, которой память уважает народ, аки память святой. То - лучший из бояр. Стоило лишь умереть Анастасии Романовне, поддерживавшей в государе его добрый от природы нрав, как государь сильно изменился, как сделался другой человек да запродавал нас иноземцам.

4-й из народа. Править некому, владеть держати скипетру Российского государства и как прежде рати водити и многие окрестные государства великие под свою руку брати. Ныне окрестные государства стремятся на Русь руку наложить за умножение грехов православного христианства. *(Входят Николай Сапега, Ольбрех Заблоцкий, римский посланник Поссевино с секретарем и другие иностранцы.)*

1-й из народа. Паны пришли, латыны, злочестивая Литва.

2-й. Паны с великой ратью шли, ныне поляки идут жменею! *(Смех.)*

3-й из народа *(кричит).* Эй, вы, доктора латинские! *(Смех.)*

4-й из народа *(указывая на Поссевино).* Поп римского закону!

Ольбрех Заблоцкий. Монсеньер, Польша видит настоящий момент подходящим для окончательного покорения России. В России началась смута и холопские волнения.

Николай Сапега. Новый папа Сикст V поддерживает крестовый поход, и вы, монсеньер, должны сопроводить нас в этом военном походе. После победы и занятия Москвы будет осуществлен союз русской и католической церкви, к которому стремился Рим. Но мы нуждаемся в поддержке, также и материальной, от папской курии.

Поссевино. В Риме не стремятся к окончательному исчезновению Русской державы, а лишь, подчинению ее единой церкви.

Николай Сапега. То - ошибка Рима. Теперь действия против Москвы не представляют трудности. Москвой управляет больной слабый государь, полудиот. На деле власть перешла к боярам, которые не в ладах меж собой. Народ помышляет об избрании нового государя, а мы в Польше могли бы найти такого для России - например, королевича Ладислава или младенца Сигизмунда, сына шведского короля Иоганна и покойной королевы Екатерины Ягеллонки.

Ольбрех Заболоцкий. Иль просто какого-нибудь шута посадить на русский трон! *(Смеется.)*

Николай Сапега. Папа римский Сикст V должен оказать поддержку нашим планам. *(Крестится. Поляки и римляне крестятся.)*

1-й из народа. Латыны перекрестились своим проклятым крестом, тьфу! *(Плюет.)*

Секретарь Поссевино Буонаротти. Русские мужики нас плевывают, ибо русская церковь их тому учит.

2-й из народа. Эй, латын безмозглый, отступник от Христовой веры! Что изменился в лице - видно, сам постиг двухитрство и лукавство своего папы!

3-й из народа. Эй, ты, предтеча Антихриста! *(Смех.)*

4-й из народа. Будь ты проклят, латын, именем Господа нашего Иисуса Христа и святых апостолов и святых отцов!

Щелканов *(выходит из ворот).* Народ православный, новый царь Федор Иванович Всея Руси выслал меня из Кремля оповестить о своем намерении выйти на поклон с царицей и боярами, также с митрополитом Дионисием Всея Руси и духовенством. С трепетом и благоговением ждите помазанника Божия, чтоб стояли со всяким молчанием и кротостью, целомудрием и вниманием. Начальникам стражи и стрельцам зорко охранять Фроловские ворота, держа наготове оружие, и зажечь фитили, ежели вознамерится бунт. *(Объезжий голова и оберегальщики обходят толпу. Из Фроловских ворот выходят Борис Годунов, Никита Романов, Иван Мстиславский, Иван Шуйский, Василий Шуйский.)*

1-й из народа. Смотрите, православные, бояре-то вышли из Фроловских ворот!

2-й из народа. Ишь, испужались, вышли все вместе народ успокаивать!

Василий Блаженный *(появляется из толпы).* Что вы, бояре, не белы пришли, черны, как вороны, широки бороды? *(Смех.)* Сварите щелоку, мойте головы! *(Смех.)* Купите бороны, расчешите бороды! *(Смех.)*

2-й из народа. У бояр все расчесаны кудри, знать, их черти скребли! *(Смех.)*

Объезжий голова *(кричит).* Кто бунтовать будет, в колодки забьем!

2-й из народа. Не страши ты, страшила соломенная! *(Народ угрожающе надвигается. Крики.)*

Николай Сапега. Разумнее было бы покинуть опасное место, однако, теперь рыцарская честь не позволяет мне бежать от презренных мещан и подлых мужиков. *(Обнажает саблю.)*

Фон Бихау. Скорее спрячьте саблю, вы только разозлите русского медведя и натравите его на всех нас.

Николай Сапега *(вкладывает саблю в ножны).* Жалко, нельзя покрошить проклятых мужиков.

2-й из народа *(кричит).* Вельможи - изменники и воры!

3-й *(кричит).* От тучных житья нету, от бояр да иноземных немцев!

3-й из народа *(кричит).* Богдан Бельский извел Ивана Васильича и хочет умертвить Федора!

4-й из народа *(кричит).* Требуем немедля выдать Бельского для расправы!

Никита Романов *(возвысив голос).* Народ православный, я, боярин Никита Романович Романов, объявляю об отставке Бельского! Бельский по желанию народа сослан и на том мое, боярина Романова, слово. Верите ли мне?

1-й из народа. Тебе мы верим, Никита Романович, брату благоверной Анастасии, царскому дядюшке!

2-й из народа. Тебя мы любим, брата первой жены государя Ивана Васильевича добродетельной Анастасии, которую уважает народ как память святой!

3-й из народа. До того тебя мы, москвичи, любим, Никита Романович, что ныне, во время бунта против Бельского и иных изменных бояр, боимся за тебя, что изведут!

4-й из народа. Мы, толпа народная, боимся, как бы с тобой, светом нашим, чего-нибудь не сделали бояре, оттого насильно хотим вытребовать тебя из Кремля, увести в твой собственный дом. Будем беречь с горячей любовью тебя!

Никита Романов. За любовь народную к нам, боярам Романовым, низкий поклон! *(Кланяется.)* А страхов за меня не надобно испытывать. По удалении Бельского ныне в Кремле меж нами, правителями, полное единство, особо же между мной и царским шурином, братом царицы Ирины Федоровны боярином Годуновым Борисом Федоровичем. Он от себя слово скажет.

Годунов. Русские христиане, братья и сестры! Государь Федор Иванович ныне коронован, однако, кому царствовать, разрешится окончательно, когда именитые люди из городов, собравшись в Москве, от имени всей земли подадут Федору челобитную и попросят его быть царем.

Купец *(кричит).* Царем хотим Федора Ивановича, государя законного! *(Крики: Федора Ивановича хотим! Федор Иванович - наш государь!)*

Годунов. Соберем земский собор об избрании Федора на царство. Ныне же во имя торжественного венчания объявить общую амнистию. Те, кто сидел в тюрьме долго, по десять и по двадцать лет, освобождаются немедленно и получают обратно свои поместья. Всем заключенным объявить прощение, особо давним тюремным сидельцам, также попавшим за решетку в начале амнистии, возвращение опальным свободы и поместий. Во главе московской судебной палаты поставлен боярин Василий Иванович Шуйский.

Василий Шуйский. В судебной палате заготовлена грамота: запретить судьям подвергать впредь дворян гонениям при отсутствии основательных доказательств их вины, возвращение опальным свободы и поместий.

1-й из народа. Дворянам послабление, а нам, черному народу, каковы послабления?

Василий Шуйский. Также послабления черному народу: на Москве и в городах всяких воров для царского представления из тюрем освободят без наказания, также освобождение на Москве и в иных городах всем, еще не освобожденным. Освободим всех на волю, кроме самых великих убийственных дел.

Василий Блаженный. Великое веселье на масленицу будет!

2-й из народа. Отчего на масленицу, Вася?

Василий Блаженный. Масленица-обманщица, обманула нас, на Великий пост дала редьки хвост. *(Смех.)*

Крестьянин. Про дела крестьянские, про тяглые, говорить будешь?

Иван Мстиславский. Я, боярин Иван Федорович Мстиславский, главный боярин Думы, велел заготовить грамоты. Думу распустим, выберем заново, возьмем туда не от одной лишь Москвы, а от разных русских краев великого народа русского. Про царство русское да про царя нашего Федора Ивановича скажет митрополит Дионисий Всея Руси, вышедший к народу.

Митрополит Дионисий. Крестьянский православный народ, все люди Русской земли, соберутся для торжественного венчания в Москве царя Федора Ивановича. Титул государя при величайшей царской степени - великий монарх, Божьей милостью великий государь, царь и великий князь Федор Иванович Всея Руси самодержец и иных государств восточных, северных и западных. Молите Бога, Богоматерь, святых чудотворцев и всех святых за царя, да свершит его Господь царским венчанием! Умножим лета живота его, устроим царство его мирным и вечным, в род и в род. Государь, царь и великий князь Федор Иванович с царицей благоверной Ириной вышли к народу! *(Входят царь Федор и царица Ирина. Федор и Ирина становятся на колени и кланяются толпе. Толпа опускается на колени и кланяется царю и царице. Крики: Долгих лет государю и благоверной царице! Слава государю Федору Ивановичу!)*

Царь Федор. Народ русский - богомолец, паче живет человеколюбивым Божьим изъявлением. В нем же хотим быть преставился благоверный и христоробивый, во благодати пресветло сияющий государь наш, царь и великий князь Иван Васильевич Всея Руси, самодержец месяца марта в восемнадцатый день. И ныне вы, богомольцы наши, митрополиты, архиепископы, епископы, весь освященный собор, бояре, дворяне, приказные люди, дети боярские, атаманы казацкие, гости, служилые, жилецкие люди, всенародное множество городов всего великого Российского царства, избрать повинны нового царя. По Божьей милости и по данной вам благодати Святаго Духа, по вашему и всяких чинов всего Московского государства избранник, богомольцы наши, благословите и венчайте нас на наше великое государство царским венцом и диадемою по прежнему царскому чину и достоянию, молю вас и Бога. *(Кланяется народу.)*

Дионисий. В сие лето создания всенародного собора утвердится на царстве благочестивой державы Богом венчанный и Богом почтенный и христианства православного поборник Федор Иванович. *(Крики: Слава государю! Боже, храни государя Федора Ивановича!)*

Царь Федор. Народ русский-богомалец! Я молитвою привлеку на свое царство благоговение, чтоб Бог послал мне тихое благополучное царствование. И я, тихий царь, молитвой управлять буду лучше, чем разумом, избегать буду мирской доуки, удаляться от суеты, благоденствовать буду своему народу как угодник Божий.

Дионисий. Говорит наш царь-богомалец кротко, незлобив, милосерд, нищелюб и страстотерпец. Благодетель он наш!

Годунов. Народ православный, поглядите-ка, стряпчие несут калито - мешки с деньгами! *(Крики: Слава! Слава!)* Народ православный, и ко всей его царской радости царь с царицей своей жалуют вас, народ, и дарят вас деньгами. *(Стряпчие кидают монеты в толпу. Народ толкается и хватает деньги. Тихо Федору).* Видишь, Федор, народ - что зверь, то обращает свои звериные глаза к небу, то ищет, кого бы растерзать. *(Громко толпе.)* Кто имеет жалобницы исковые али явочные челобитные, али изветы, али повинные, али мировые али прочие, подавайте царю в казенный приказ.

Посадский (ехидно). Глядите, царский шурин-то Борис Годунов естеством светлодушен и нравом милостив, нищелюб!

Женщина (умиленно). Так и цветет, аки финик, листьем добродетели!

Крестьянка. Истинная добродетель!

Купец. О земли правлении с прилежанием мыслит!

Посадский. Правосудия любляние имеют безвозмездно!

2-й посадский (кричит). Боже, храни Бориса Федоровича! *(Крики: Боже, храни благодетеля нашего!)*

Иван Мстиславский (Романову тихо). Видишь ли, Никита Романович, Годунов превзрастает любовластьем и ставит себя выше иных!

Романов (тихо). Любовластие выводит на вершину, а с вершины падают шибко.

Иван Шуйский. Стою и молчу, гляжу да слушаю, да мыслю: иные скажут - самонадеян Годунов богомерзостным делом.

Романов (тихо). Много ли с тобой, воевода Иван Петрович Шуйский, дворян из Пскова?

Иван Шуйский. Около пятисот.

Василий Шуйский. Теми людьми закон защитим.

Митрополит Дионисий. Во имя государя нашего Федора Ивановича и государыни Ирины Федоровны певчие споют умиленный псалм «Милости суд воспою тебе, Господи!» *(Певчие поют. Народ и бояре вторят певчим.)*

Занавес

Сцена 137

Кремль. Толпа перед Золотой Грановитой палатой. Ночь. Горят факелы и звонят колокола. В толпе множество нищих.

Никулка. Дядя Петля-Карман Лобов, скоро ли вынос царского тела, да деньги раздавать будут и кутьей кормить?

Петля Лобов. Дело то, Никулка, многочасовое. Сперва митрополит идет в церковь да отпеваает по мертвому великий канон, а бояре и думные, и ближние его нарядаются в черное платье, пойдут на царский двор и у царского тела прощаются. Перед тем же, того же дня, царя измывают теплой водой, и возлога на него срачицу и порты и все царские одеяния.

Хомушка Горбатенький. А корону, кованный царский венец, кладут?

Петля Лобов. И корону положат в гроб.

Потянюшка Хроменький. Гроб царский золотой али серебряный?

Петля Лобов. Золотой с серебром ковчег бывает. Царя хоронят по естеству человеческому, царь бо естеством человек, лишь власть от Бога имеет. А бывает тот царский гроб деревянный иной раз. В среди обит бархатом вишневым, а сверху - чревчатым, и стоит его царское тело в его царской церкви, которая устроена перед покоем его, до тех мест, как будет погребение.

1-й из толпы. Гляди, старцы уж с восковыми свечами идут. Много тех свечей! И тех свечей изойдетса больше десяти берковиц, говорят! (*Берет у монаха свечу*). Святой отец, скоро ли вынос царского тела?

Монах. Уж скоро. Как канон отпоют. (*Проходит, раздавая свечи*).

2-й. И до шти недель у гроба его, говорят, церковны дьяки, и ночью псалтырь с молитвами поют. И в Москве, и в городе, по всем монастырям, по церквам прикажут чинити по царе по шти недель поминовение. Поставляют кутью во все дни, кроме воскресения и больших праздников. А в городах и в монастыре и по церквам на поминание деньги дают из городских доходов.

Дворянин. Ты, старец, по речам твоим, вместо разума седину едину имеешь и брадную власом долгость. Видно, из бунтовщиков. Да мало пытали, что так говоришь про государя.

Старец. А что я сказал? Сказал, что деньги раздают.

Купец. Видно, пустил его на волю Годунов. То Годунов велел бунтовщиков и воров на волю освободить.

1-й. Накануне народ за Годунова кричал: «Боже, храни Бориса Федоровича!»

Купец. Недоумы кричали. Московиты Борису противятся. Чул, как юрод Василий Блаженный ходил по городу и ругал Годуновых.

3-й. Истинно, некоторые говорят, что Бориса надо убить!

2-й. Смута на Руси. От литвы и от немца пошло всякое разорение грехов ради наших. Я чул, в Пскове началось возвращение.

Женщина. Истинно, в Пскове, чула, мор и разорение!

Дворянин. Вижу я, собрались тут одни бунтовщики гавкать! Эй, сыщики-караульщики, оберегальщики!

Молодец. Замолкни, чего кричишь?!

Дворянин. Ты-то кто, молодец? Эх ты, крапива! (*Замахивается*).

Молодец (*перехватывает руку*). Не усердствуй, служилый! Крапива, кто ее ни возьмет, тот руки ожжет! (*Смех*).

Дворянин. Гляди, прутья потерпишь, тать! Видно, долго на полатях лежал да смышлял, как бы кого облупить!

Купец (*указывая на парня*). И сей, вишь, каков глядит!

Парень. Я молчу, я ничего не прошу!

Купец. Глядение лихое пуще прошения! Ночью у пьяных мошны холостишь! Не для того ли пришел?

Парень. Пришел на царские похороны, воздати скорби что воздыханием. (*Смеется*).

Купец. Воры прикрытые, тати!

Парень. Истинно, времена шатки - береги шапки! (*Смех*).

Дворянин. Нехристи! Так-то вы пришли на похороны государевы!

Старец. Чем же мы язычников хуже? Глаголяти иные, яко прежде времени, ярости ради угашения жизни. Смерть его во странах языческих яко светлый праздник будет. Многие сотворились радостными и весело всплеснули руками.

2-й. Замолкни, старик! Возьмут тебя, да и нас с тобой!

3-й. Замолкните, уж дьяк Щелканов с Красного крыльца к народу говорит.

Щелканов. Народ! Сейчас начнется шествие с царским телом и погребение царское в Архангельском соборе. Чтоб стояли в благоговении и молитве, и дурачества не делали! По распоряжению, столичные церкви открыли свои двери перед прихожанами с вечера до следующего утра, чтоб народ с усердием вопил и слезы точил. А уклоняющихся бить по шее.

Молодец (*кричит*). Мы, молодшие посадские люди, спытать желаем, открыты ли царские кабаки?

Щелканов. Кабаки открыты, однако, за дурачество тяжкое - штрафование.

Молодец. Которое дурачество? В кабаке пируем, перед кабаком допиваем. (*Смех*).

1-й. Глядите, шествие уже началось. Вынесли из храмов старые почитаемые иконы и со святостью несут.

3-й. Чул я, после погребения святые иконы в Новодевичий понесут. Согнать хотят народ на Новодевичье, чтоб Годунова объявить царем, а Федора - в монахи. *(Идет шествие. Несут гроб. Плач, причитания плакальщиков).*

1-я плакальщица. Ограда многих благ, рай одушевлен, свет земли Русской!

Михалка *(плачет).* Угас свет страны, померк свет православия! Царь Иван Васильевич приемлет нашествие облака смертного, оставляет царство времени и отходит в жизнь вечную! *(Крестится. Звон колоколов).*

Старый чернец. Также и батюшку хоронили государева, благоверного князя Василия III. Когда отправляли в последний путь, не слышно было даже звона колоколов из-за плача, и сделалось, будто вставала сама земля! *(Плачет).*

Купец *(умиленно).* На сороковый день в церкви на кладбище панихида, избавляющая усопшего от загробных мук. *(Плачет).*

Петля Лобов. Как почнутся поминальные тризны, похороны, то деньги давать будут и кутьей кормить. *(Плачет).*

Потанюшка Хроменький. Хороша кутья! А бывает, кутья сделана - варено пшено, да с сахаром, да с ягодой, а в монастырях бывает сделана варена пшеница с сытью. *(Плачет).*

Никулка. А потом царь с царицей ходят по богадельням и по тюрьмам и дают милостыню. Также и нам, нищим и убогим людям, дают по рублю и по полтине и меньше человеку. И тех денег расходуется множество тысяч, да еще по полотенцу дают и по два платка. *(Плачет).* То при благословении нового царя и с царицей как благословляют, так ладаном меж образами. Положат в платке денег, а при похоронах дают лишь молитвенные деньги, чтоб за усопшего молиться. Дядя Петля Лобов, а площадные мужики говорят, будто царь без покаяния умер.

Петля Лобов. Не слушай, Никулка, площадных. Они прикинулись, вороватые, сущих с нами научая красти и разбивати. Гляди-ко, шествие государственных похорон, и идут по чину. Наперед идут дьяконы, попы певчие, и поют каноны, а позади их несут царское тело. А позади царского тела идет отец Дионисий, митрополит Всея Руси, и власти, и бояре, и потом царь Федор Иванович и царица Ирина Федоровна. Ныне пора настала Федору Ивановичу живоначальный крест целовати. У креста целовального - сам святейший.

Никулка. Где то сделается? Толпа большая, ничего не видно.

Петля Лобов. В той церкви, где погребаются цари. Именуема та церковь - Михаила Архангела.

Старица Филя. Не так оно все, не то ты, калика, говоришь!

1-й. Пусть старица Филя скажет, она ведает!

Старица Филя. Гроб несут пустой.

2-й. Где ж царь-то?

Старица Филя. Некоторые думают, что его, царя, хоронят с большой пышностью в церкви святого Михаила возле его, царя, предков. В самом же деле не так. В той самый день, когда он скончался, тело его пропало, и никто с тех пор не видел и не находил. То - за тяжкие грехи и нехристианские дела смрадные, жестокие казни.

Петля Лобов. Никулка, не слушай ее! Сии слухи - пересуды волшебные, колдовские! За такие пересуды - тюрьма и казнь.

Старик Самсон Татищев. Верно говорит - умер царь без царского обряда. Смерть в кругу семьи с приобщением к святым тайнам - небесная милость. За грехи царь кровокаательный лишен был той милости.

Петля Лобов. Не слушай их, Никулка, отойдем-ка от сих бесов! *(Отходят).*

Никулка. Дядя Петля Лобов, давать ли скоро уж почнут деньги и кутью?

Петля Лобов. Как над кутьею митрополит говорить почнет, говорить молитвы и кадить ладаном. А, проговорив молитвы, почнет митрополит есть кутью ложкой трижды, а потом поднесет царю и царице и большим властям и боярам, а потом уж всякого чина людям велено будет есть. И денег давать будут, опричь еретиков да воров. Они же среди нас стоят. Вон тот! *(Указывает на Молодца).* Да тот! *(Указывает на парня).* Вижу, что тати. Кликнуть надо бы объезжего голову.

Молодец *(Лобову).* Ох, мужик, не наешься ли кулаков моих?

Петля Лобов *(кричит).* Оберегальщики, караульщики!

Парень. Оставь его, калику. Бити его некому, ибо сняти с него нечего! *(Смеется).*

Молодец. У них, калик, мощна туга!

Дворянин. Воров да татей, вас наказать потрібно. Дознаемся, кто ты!

Молодец. Кто я? Я - Микола.

Дворянин. Микола Селянинович, а ты - Блудович. Царь помер, да воеводы с боярами остались, так воров не допустят.

1-й. Истинно, остались. Наказал Бог, послал воевод!

2-й. Издавна мы в убытке! Царские милости в боярские решета сыплются!

3-й. Царь глядит, а бояры скребут.

Дворянин. Бунтовщики, воры, в колодки вас!

Молодец Никола (дворянину). Ты, служилый, гляди, отпущу безо всякого платья по обычаю. Сымай трех соболий, верхнее платье на меху! (Молодец и Парень набрасываются на дворянина, валят его, срывают шубу). И ты, калика, давай свое калито! (Вырывает у Петли Лобова мешок - калито). Мешок тот полон, калито!

Парень. И купца потрясу! (Валит купца и грабит). У него шуба лисья! (Крики, шум).

Дворянин (борется с Молодцом, кричит). Разбой! (Молодец ударяет дворянина по голове кистенем. Вбегает объезжий голова со стрелецким головой, стрельцами и оберегальщиками).

Стрелецкий голова. Ухапить разбойника! (Молодец стреляет из пистолета и убегает с парнем).

Объезжий голова. Чего стряслось?

1-й (кричит). Душегубство, дворянина убили!

Купец (кричит и плачет). Грабеж! Взяли шубу лисью, да пояс золотой, да крест золотой с чепью!

Объезжий голова. Запиши, купец, что взято у тебя. (Оберегальщикам). Убитого унесите в объезжую. (Убитого уносят).

Петля Лобов. И у меня калито взяли с милостью спасенной, да били меня по уху.

Стрелецкий голова. Хвали Бога, калика, что не притемнили. Тот молодец - именитый московский разбойник Хлопок, а парень с ним - тот Шабарша. Знаем мы их, да вот поймать не можем.

Купец. Холод принимаю... Хоть ватолу, просту верхнюю одежду надеть. Отчего власть не смотрит, чтоб грабежники не делали дела обидного?!

Стрелецкий голова. Так всяких воров на Москве высвобождают для царского представления, всех без наказания, что нам, страже, не управиться. Горе людям, будущим при погребении, потому что погребение бывает в ночи, а народу бывает много множество - московских и приезжих из городов и из уездов. А у московских людей натура не богобоязливая, с мужского пола да с женского по улицам грабят платья и убивают до смерти. И сыщется того дни, как бывает царю, царицам или царевичу погребение, мертвых людей, убитых и зарезанных, больше ста человек.

Щелканов (с Красного крыльца). Народ, для царского представления подъячие начинают раздачу множества денег, завернутых в бумаги, по рублю и по полтине, и полуполтине на Ивановской площади. (Народ бежит к Кремлю).

Купец (кричит и плачет). Вы, стража, за разбойниками не глядите, повсюду ныне разбойники-сходцы. Хороший скуп берете с разбойников да пускаете.

Объезжий голова. За те воровские слова восхапите купца в объезжую избу.

Купец (кричит). Меня, купца, Микулу Кобеля, пограбили, и меня же в объезжую избу! Не разбойников, что меня ограбили, меня!

Стрелецкий голова. Ты сам и есть вор, преступник, злодей, нарушаешь законы.

Объезжий голова. Я тебя, Микулу Кобеля, знаю, на тебе жалобниц немало. Доход приказной, казенный сбор не платишь, доход городской не платишь, лихоимишь. Тем власть облаивал, так сие уж дело мятежное. (Купца уводят).

Стрелецкий голова. Надолго ли его посадить?

Объезжий голова. Было им, купцом ядовитым изрыгнуто кусательной лающей брани. За то взять с него золотыми ефимками.

Василий Блаженный (входит, бормоча). Некрещеная изба, некрещеная изба, некрещеная изба...

Стрелецкий голова (сердито). Идет черт нагой!

Объезжий голова. Василий Блаженный по улицам московским скитается.

Василий Блаженный. По улицам хожу, а в Кремль не пойду, там государево тело шибко смердит.

Стрелецкий голова. Ах ты, бродяга, вор и обманщик! За такие слова поносные против государя попадешь как еретик!

Объезжий голова. Государь во гробе народом оплакиваем, ты ж кощунствуешь!

Василий Блаженный. Государь во гробе, да душа в люте пламене жгучем. От тела ж государева исходит ужасный смрад, будто кто-либо, испустив из себя нечистоты и глумясь их, отбежал прочь. Так и мертвая грешная плоть омерзительна, от которой грешная государева душа отлетела. *(Уходит).*

Стрелецкий голова. В колодки бы его, тот юрод - бунтовщик почище еретиков!

Объезжий голова. Нельзя в колодки Божьего человека. Сам почивший государь Иван Васильевич замучил Филиппа-митрополита, но терпел дерзости, которыми юрод как бы плевал в него, смиренно глотал. *(Уходят).*

Занавес

Сцена 138

Кремль. Золотая Грановитая палата. На троне - царь Федор Иванович в короне, со скипетром и державным яблоком. В палате бояре, дворяне и иные сановники, митрополит, духовенство.

Годунов. Бояре да прочие сановные люди земли Русской! Усопший государь нам оставил да сыну своему Федору государство, истомленное продолжительной войной с Ливонией и еще более - скажем горькую истину - жестоким правлением его в неприязных отношениях со всеми соседями. Король шведский овладел древнерусскими городами в пределах Эстонии и совершенно отрезал нас от Балтийского моря. Король польский исхитил Ливонию, хочет возвратить и витольдовы завоевания. Хан крымский, подстрекаемый Баторием, собирает силы, чтоб снова ожесточить Россию. Султан турецкий, воспользовавшись нынешней слабостью России, утвердился на восточной стороне Кавказского перешейка среди черкесов и чечен и думает завоевать Астрахань. Орда ногайская поддерживает Кучума и посылает отряды злодеев на помощь строптивой Черемисе.

Федор. Жити бы тихо, смирно, торговлю бы вести по городам и деревням русским. Забыть бы про войны да про беды России, поездить бы. Люблю по России ездить. Церкви, деревни, собачий лай... Касимовы деревянные церкви, в Коломне - каменные стены, из-за них - множество церквей каменных. На высоком берегу станешь, а снизу - суда. На торгу кругом лавки, деревянные навесы. На навесе то сапоги, то крендели, то иной товар. Постоялы двory для гостей, избы, бревна посреди двора горят, лошадиное ржание. И Новгород на кручах, густо усеян домами и церквями. На песчаных откосах - прибрежные дома, суда, лодки. Тихая, смиренная Русь! *(Крестится, плачет. Долгая пауза).* Править хочу молитвою!

Годунов. Правь по-христиански, государь наш Федор Иванович!

Федор. Как по-христиански истинно править, Борис? Если б ты был царем, так как бы правил?

Годунов. Государь Федор Иванович, был бы я царем, то правил бы светлodusно.

Дионисий. Как то разумеешь?

Годунов. Святой отче, никто не был бы в моем царстве нищ или беден, и свою последнюю срачицу разделю со всеми. Знаю, что имею много недругов, и огорчен, какую ненависть возбуждаю в сердцах и во мнении иных. Оттого, святой отче, делаю замечание, клятву всем недругам не мстить. Вот Петр и Иван - сыновья Федора Басманова, давнего недруга со времени опричины. Ныне взяты мной для службы, ибо служба наша тяжка и требует новых молодых людей, особо перед лицом военных угроз польских и бунтовства татарского. *(Указывает на Петра и Ивана Басмановых).*

Щелканов. Борис Федорович, сказали мне, польский посол Сапега да поляки приехали и ждут. Тут же посланник римский, иезуит Поссевино. Допустить ли их в тронный зал?

Годунов. Допусти. Более всего ума потребно нам обнаружить в делах внешних. Охранительная политика великого государя Ивана III - ровная, осторожная, дальновидная и с тем вместе предприимчивая - для нас пример. Он не уступил соседям ничего, что только вошло прежде в состав Московского государства, в то же время старался ослабить недругов России, поселяя между ними раздоры, доведя их до изнеможения и всегда имея в готовности сильное войско, чтобы отразить врагов оружием. *(Входят польские послы Сапега и Ольбрехт Заболоцкий, а также папский нунций Поссевино).*

Сапега (*кланяется царю Федору*). Ясновельможный государь московский Федор Иванович, от Божьей милостью польского короля Батория поклон.

Федор. И королю Стефану наш христианский поклон для утверждения мира меж нами. Более всего покоя нам потребно, чтоб жити тихо и смирно.

Сапега. И наш Божьей милостью король, также польский сейм, того желают. А в помощь тому - Пан Бог и Матка Боска. Для того в посредничестве между нашими странами - святая Римская церковь и нунций папский, монсеньор Антонио Поссевино.

Дионисий. Усопший государь Иван Васильевич говорил, что с лютерами да латынами нам, православным, вместе не бывать. Усопший царь наш Иван Васильевич резко отклонил учение Папы Римского, усматривая его как самое ошибочное из существующих в христианском мире. Оно угождает властолюбию папы, вымышленное с целью сохранить его единоначалие, никем не дозволенное.

Федор. Добро ты говоришь, отец митрополит Дионисий. Все то, только более пространно, вместе с архимандритами и епископами, игуменами, всем нашим православным духовенством, изложи папскому нунцию Антонио Поссевино, иезуиту, у дверей Пречистой в Москве у храма. Так и батюшка мой слыл, тем и побеждаем.

Поссевино. Государь московский Федор Иванович, отец твой, государь Иван Васильевич, кончал свой земной путь с горьким сознанием понесенного поражения.

Федор. Как же поражения, если он мир с Божьей помощью объял? Борис, разве вечного мира не достигнуто?

Годунов. Государь превысочайший Федор Иванович, вечного мира на достигнуто. С польским королем Баторием - на десять лет, со шведами - на три года. Однако, Баторий по-прежнему мечтает о торжестве над Москвой и угрожает нам.

Федор. Оле! Великое падение, быть и убийству! (*Крестится, плачет*).

Сапега (*тихо*). Хоть про него говорят, что у него ума не много, но я увидал так из собственных наблюдений, что у него вовсе его нет.

Годунов. Чашу выпьем за Федора Ивановича! (*Служитель разносит вино*).

Сапега (*тихо*). Последний из династии Калиты - умственное ничтожество. (*Служитель разносит вино. Все выпивают*).

Федор. Хотел бы служить Святому Кресту иноческим житием. Тяжко мне державное бремя, Борис. Сними с меня, держи, Борис, по обычаю яблоко золотое в знак державного правительства. (*Отдает Годунову золотое яблоко*). Носи и чепь. (*Отдает золотую цепь*). Вот так мне легче. Молиться буду. Сниму с себя золотую цепь, а вместе с ней - бремя правления, чин приемов. Хочу лишь молитвой Божьей управлять. Тост мой - за Бориса, чтоб пили чашу слуги и конюшего Бориса Федоровича любили. (*Слуги разносят вино. Все выпивают*).

Сапега (*тихо*). Царь Федор короновался и по скудоумию тотчас отдал Борису Годунову, своему шурина, всецело принадлежащую ему, царю, по рождению и по избранию верховную власть.

Поссевино. Дела надобно делать с Годуновым.

Сапега. Если удержится у трона. Опаснее всего для него - Никита Романов, брат первой жены царя Ивана Васильевича.

Годунов. Государь наш Федор Иванович, отец твой, царь и великий князь Иван Васильевич, помирая, то говорил мне: «Пролей кровь свою и тело отдай на разрубление за сына моего Федора!» Так и совершу.

Мстиславский (*тихо*). Борис стоит у самого трона выше рынд, а мы, именитые бояре, сидим поодаль на лавках.

Никита Романов (*тихо*). Скуйте ему хоть золотые венцы и воздайте ему царские почести, а видно одно его сатанинский суетной пыл. Порода низкая, не царская. Почести же ему воздают, и то досадно.

Ольбрехт Заболоцкий. Ясновельможный пан, князь, правитель Борис Годунов! Желая делать великие дела, невозможно совершать небольшие споры в недоумении. Прежде всего, никому из посольства не дозволено выходить из своих квартир без особого разрешения и русского сопровождения. Также аудиенция откладывалась со дня на день под предлогом, что государь занемог. Также огонь жгут неподалеку, сгорело несколько домов возле посольства. Также имеем жалобы, что держат нас в тесной квартире, а вокруг нашего дома множество соломы, как будто для того, чтобы нас сжечь.

Годунов. Распоряжусь, чтоб при посредстве государственного дьяка Щелканова отведена была послам квартира просторная. Погляди за тем, Щелканов!

Щелканов. Потщусь, Борис Федорович!

Годунов. Решив дела малые, решим и великие. Говорят, что у нас нелады в державе. Есть нелады после долгой войны, но и паны, шляхта утомлены войнами и не желают новой войны. Знаем, что в Литве и Польше нет единения меж Баторием и панством. То не лучше ли при таком раздоре меж собой не воевать? О том мы потщимся, а дело за вами, панове. *(Уходит следом за царем Федором).*

Занавес

Сцена 139

Кремль. Казенный приказ. Годунов, Андрей и Владимир Щелкановы, Петр и Иван Басмановы, дьяк Пушкин, дьяки, подьячие за столами с бумагами.

Годунов. Искусно управлять государством означает, что кожный знает свое место, кожному по росписи свои жесты и слова. Приказы, избы, палаты да дворы нужду имеют в особом подборе приказных людей, назначенных приговором. Составлен ли уже список, Андрей Щелканов?

Щелканов. Прежде прочего, Борис Федорович, составлен список по дворцам, казне и конюшенному пути. Особо по новгородскому, тверскому, рязанскому, дмитриевскому дворцам.

Годунов. Челобитный приказ оставлю, как и прежде, за собой. Из комиссий разбойный приказ обновить надобно.

Щелканов. В разбойном приказе, как ты велел, Борис Федорович, Петр Басманов.

Годунов. Потщись, Петр Федорович! Обилием бродяг и разбоя на улицах городов с наступлением темноты городские улицы - во власти разбоя. Со временем сии разбойничьи выступления могут стать антигосподскими.

Басманов. Голод, Борис Федорович. В городах скапливается много пришлых людей: мастеровые, беглые крестьяне и холопы, богомольцы, нищие, юродивые, безместные попы. Часть имеет пропитание, часть ютится неизвестно где, оттого также и пожары. Особенно ночные пожары опасны. Вчера на Арбате горело, потек огонь до восполья Неглинной и до Чертория на горе, и до Федора Святого на Арбатской улице. Ежели буря великая разнесет огонь, по всей Москве огонь будет.

Годунов. Дома деревянные, строения скученно стоят за городскими укреплениями. Город Москву надобно окружить каменной стеной вместо деревянной, да повсюду каменных вместо деревянных домов построить. В каменный приказ надобно доброго человека подобрать. Что прежде был боярин Долгорукий, дела не делал. Дурно служивших вышибать, невзирая на происхождение, подбирать добрых в разрядный приказ, поместный, ямской, холопий. В посольском приказе ты, Андрей Щелканов, в разрядном твой брат Владимир. Также в земском надобно, в стрелецком, оружейном, пушечном, бронном, ямском, холопском. В судном боярин Василий Шуйский, он от боярской Думы поставлен. Однак, где можно, надо ставить не по родословной версте, особо в такие важные приказы, как разрядный, поместный, посольский.

Щелканов. Там, Борис Федорович, не бояре, а дворяне или из знатных дьячих фамилий.

Годунов. В сие смутное для России время царь наш Федор Иванович бездетен и слаб здоровьем.

Щелканов. Также и умом.

Годунов. Царь наш чист душой, однако более тяготит к иноческому житию, и мы, его верные советники, повинны блюсти честь монарха. Способ правления - поддержка закона. А разбои велики. Москва наполнена разбойниками, которые совершают поджоги. Не только от тесноты горим, зажигальщики тоже панику и суматоху для грабежа используют.

Басманов. Не одни лишь бродяги жгут. Два князя подожгли в сговоре с решеточными сторожами, чтоб казну из Покровского собора взять.

Годунов. Надобно сурово наказывать, не глядя на вельможное родство, а глядя лишь в судебник.

Басманов. Борис Федорович, разбойные и татевные дела совершаются ведомыми лихими людьми: разбойник Хлопок, Сенька Попугай с шайкой да прочие. Мы их в разбойном приказе знаем. Однако, многие в створе иной раз со стражей, иной раз с головами объезжими.

Годунов. В совершении таковых пройдох потребно особо внити, а без того разбойство общей российской бедой сотворится. Однако, первым делом мы почитаем обуздать мятежные Черемисы и прочие утверждения владычества России в западной Сибири. Также обуздание мятежных кавказцев на Тереке. Почуяв российскую смуту, сотворили мятеж.

Басманов. Мы за тем глядим, Борис Федорович. Допрашивали рязанских детей боярских. Продают донским казакам вооружение и всякие запасы, заповедные товары. Выяснили, виновные биты кнутом.

Годунов. Обыскные речи пошлите с докладом.

Басманов. Пошлем тебе, Борис Федорович.

Годунов. Царю пиши, Федору Ивановичу. Все бумаги в приказах чтоб писались на имя государя и от имени государя. В помощь Ермаку надобно отправить несколько отрядов стрельцов для окончательного покорения Сибири. Сия опасность татарских народов с востока особо заботит. О южных пределах отечества также забота, которым вновь грозит хан крымский.

Владимир Щелканов. Для такого дела войска мало, Борис Федорович. Войска мало, и содержания не хватает. Городовые стрельцы получали семьдесят пять копеек в год разовым на мундир и два рубли в год. Ныне и то получают нерегулярно, от случая к случаю. А ладожские стрельцы прислали жалобницы - жили без жалованья пять лет, задолжали великие деньги, кормятся Христовым именем. Такое то войско ныне.

Басманов. И в сыском да разбойном приказах не лучше. Решеточные сторожа, оберегальщики, объезжие головы, палачи - все обнищали, оттого иные скупы берут от разбойников, оттого и с разбоями тяжко сладить.

Годунов. Судари мои, казна пуста. Россия разорена войной, неурожаеми да внутренним пролитием крови. Господу так было угодно за грехи наши. Ныне государь Иван Васильевич принял нашествие облака смертного, и пора пришла Федора Ивановича. Мы, люди государевы, повинны сотворить присягу и верно служить царю и отечеству. Прежде прочего за хлебными делами следить при голоде нынешнем. Дьяк хлебного приказа Гаврила Пушкин, кто в Казани хлеб принимал?

Гаврила Пушкин. В Казани хлеб принимает приказчик Мирон Голохтионов. А в приеме хлеба по записной их тетради смотрят в бумаги: две тысячи девяносто три ясака ржи, овса тож пять тысяч сто. А хлеб, Борис Федорович, везут из Казани вельми плохо, добрый хлеб прячут, а везут недобрый, зерно пусто. Послал в двух мешочках портяных с рожью опыты. *(Достает один из мешочков, высыпает на стол зерно).*

Годунов *(смотрит зерно).* Пусто зерно. Таким зерном ни войско, ни народ не прокормишь.

Гаврила Пушкин. Неурожай, Борис Федорович. Во все лето были чрезвычайные дожди. В августе колос налился, да хлеб не зрел, стоял, аки трава. На Успенев день был большой мороз и побил рожь, да побил овес. На полях, особо в Поволжье, ничего не возшло, все погибло в земле. Особые пристава в Поволжье собирают трупы в домах и в могилах их хоронят, в общих ямах. В страданиях доходят до людоедства.

Годунов. Господи, спаси Россию! *(Крестится. Все крестятся).* Умилосердьяся, Господи, на люди твоя, пошли царю нашему Федору Ивановичу тихое царство!

Басманов. Ты царствуй, Борис Федорович, именем Федора Ивановича, по свойству с государем, за которым твоя родная сестра Ирина Федоровна.

Годунов. Голодающим уже прежде велел раздавать милостыню. Раздают ли?

Гаврила Пушкин. Борис Федорович, крадут и обманывают при раздаче милостыни. Прижиточные люди всюду хороший хлеб у себя затворили и для своих прибылей вздорожили хлеб в великую цену. И створом всякую поднимают цену.

Годунов. Велю сделать перепись запаса зерна. Надо бы запрещать изводить зерно на винокурение и на варку пива. Все совершить, чтоб спасти от голода народ.

Андрей Щелканов. Борис Федорович, гонец объявил, идет сюда царь Федор Иванович, и с ним бояре.

Басманов. Ты наш царь, Борис, государь наш Борис Федорович! Мы царя Федора знаем только по имени.

Годунов. Уж потщусь. Вот здесь, куда указываю обеими руками (*указывает на грудь*), здесь, в груди моей - бедствия народа русского. (*Входит царь Федор Иванович с боярами. Годунов кланяется*). Превысочайшей царской степени великий монарх наш Божьей милостью Федор Иванович, особо светел ты ныне да чист, видно, после творения молитв.

Царь Федор. Да, пел молитвы на клиросе, а после молитвы имел благовестники и благовестил со звонарем.

Никита Романов. Государь наш Федор Иванович, скажи Годунову то, что ведаешь.

Царь Федор. Как после благовещения сел за стол, а после стола глядел сквозь оконце, вижу - бояре идут, Никита Романович да прочие. И поведали они про тебя, Борис.

Годунов. Про что поведали, государь?

Царь Федор. Недоброе поведали. (*Сердито*). Борис, ты бес или человек? Говорил, ежели умрет Федор, Ирину отдам за брата австрийского императора, чтобы продолжить династию. Так ли говорил?

Никита Романов. Истинно так, государь. При живом благочестивом царе Федоре готовился предложить власть католику.

Годунов. Сии слова злодейские, чего затеять злодей и изменник может. То Нагой хотел передать власть Баторию.

Никита Романов. Нет, ты, Годунов, говорил - королева польская болеет, он, Баторий, сможет жениться на великой княгине.

Годунов. Ежели б даже и пожелал Бог кончины государя нашего Федора Ивановича, то Баторий женат и не подходит для Ирины.

Царь Федор. Сия интрига оскорбляет меня, царя Федора. Годунов, придется тебе отведать царского посоха! (*Бьет Годунова посохом по спине*).

Годунов. Пресвятая Троица, помилуй нас! Такая интрига не моя, ихняя. Бедствия вельможедержавия, терзавшее отечество в малолетствии усопшего батюшки твоего, государя Ивана Васильевича, еще свежи в памяти многих, и иные опасения России за будущую судьбу ее могут оправдаться.

Басманов. Оправдались бы, если б в числе советников царя нашего Федора Ивановича не было б тебя, Борис Федорович!

Василий Шуйский. Говоришь про вельможедержавие, а никогда в Московском государстве человек, не носящий венца, не ведал таким богатством, не достигал такой силы и чести, как ты, Борис. Мы, Шуйские, род давний, и того не имеем. Народ падает перед тобой ниц, когда ты выезжаешь, челобитчики именуют тебя царем, и сие не только лишь проходит им даром, но еще доставляет тебе, Борис, удовольствие. Так твое дело во вред отечеству.

Годунов. Ты, Василий Иванович Шуйский, во главе московской судебной палаты делаешь ли дело исправно? Москва наполнена разбойниками, которые совершают поджоги, да грабят и бьют народ, а меня упрекаешь!

Мстиславский. Не одни лишь низы, и боярство разорено. Опречь Строгановых и тебя, Годунова, неможно указать ни одной знатной фамилии, которая уцелела бы от разгрома. Среди богатых нет более прямых потомков Рюрика или Гедимина. Твое же богатство, Годунов, чрезмерно. В Думе сделана комиссия для рассмотрения твоих богатств, и о том скажет казначей Думы Головин.

Головин (*заглядывает в бумаги*). Богатство его, Бориса Федоровича Годунова, чрезмерно. Доход его преобразился до огромной суммы - девяносто три тысячи шестьсот в год, oprечь наследных вотчин в пользовании.

Мстиславский. Борис получил всю Важскую область, приносящую большой доход с поташи, сбываемой англичанам.

Головин (*заглядывает в бумаги*). Область Вага отдана ему в пользование, он получает с ней одной тридцать две тысячи рублей. Сверх того отданы ему доходы со всех конюшенных слобод по званию конюшенного, кое он носит, то двенадцать тысяч рублей. Доходы с Твери, Торжка - то тридцать восемь тысяч рублей.

Мстиславский. Истинно, доходы с Рязани, Твери, с Северской земли, с Торжка и доходы со всех московских бань и купален. Луга на берегах Москвы-реки вверх на тридцать, вниз на сорок верст с рощами и пчельниками.

Головин. Доходы с пчельников и пастбищ в окрестностях столицы по обе стороны Москвы-реки - пятнадцать тысяч рублей. Наконец, доходы с бань и купален в самой столице - десять тысяч рублей.

Иван Шуйский. При такой обстановке чести и богатства естественным делом Борису стал представляться престол. Про то уж не в одной Москве говорят, и в Пскове говорят.

Годунов. На все те вотчины и доходы дана мне при усопшем государе правая царская грамота, грамота, что я прав. А за всеми теми доходами еще каждый год получал от царя Ивана Васильевича по пятнадцать тысяч рублей, и утверждено то все местническим судом.

Василий Шуйский. В московской судебной палате множество дел незаконно опальных, чьи имения пограблены. Ты, Борис Годунов, воспользовался моментом, чтоб получить от казны вотчины казенных и опальных. Как прежний любимец царский князь Борис Тулупов впал в немилость, обличен был в измене и посажен был на кол, то царь Иван Васильевич велел отнять старинную волость Тулупова да отдал тебе, Годунову. Тогда и мать князя Тулупова замучена была вместе с ним, а имение ее отдали тебе, Годунову. Заодно с ними и другие казенные. Князь Михайло Плещеев, Василий Умнов, Алексей Федорович старый Мансуров, Федор Яковлев да Григорий Алексеевич Колтовский и прочие. Отошли все те вотчины тебе, Годунов.

Годунов. Те приношения даны мне против моей воли, сиречь насильно. О казенных скорблю, много отдал уж на поминование. Кормовая книга Иосифо-Волоцкого монастыря указывает вклады мои, Бориса Годунова, на вечное поминование братьев Умных, князя Тулупова и матери Тулупова, замученной вместе с ним. Ныне же, после смерти царя Ивана Васильевича, во славу благочестивого царя Федора Ивановича, объявляю, что жертвую Старицкую вотчину село Неверово, отданное мне при опале за бесчестье, что потерпел от князя Тулупова, в Иосифо-Волоцкий монастырь на вечное поминование казенных и замученных.

Никита Романов. Ты, Годунов, прежнего государя окрутил, ты и нынешнего окрутить желаешь.

Годунов. Сие есть Богово. Не обнести тебе меня, Никита Романов, не осрамить, не опровергнуть, не оговорить.

Никита Романов. За твоими лукавыми речами ты, Борис, шел к возвышению. Жена твоя, честолюбивая и злая дочь Малюты Скуратова, имевшая на тебя, мужа, великий wpływ, беспрестанно побуждает тебя к возвышению, подвигает и ободряет, не останавливаясь ни перед какими средствами, и успокаивает твою совесть, когда она колеблется. Чем выше ты становишься, тем настойчивей жена твоя побуждает тебя преодолевать совесть.

Годунов. Жена моя от церковного брака. То Дмитрий от седьмой, незаконной жены, а ты в том незаконном браке кумом был.

Никита Романов. Борис, а знаешь, что ведомо стало, что при живом царевиче Дмитрие корм для поминования в обходник списал, как об убиенном?

Годунов. То лжа. Корма ставят монастырские братья о поминовании разных лиц, а на Дмитрия не ставил.

Никита Романов (сердито). Ты к царству стремишься, в палате в чепях золотых у трона стоишь. В пирах, как чашу государеву пьют за государя и за других государей, то и за тебя, Бориса, тост. А по обилию и роскоши стол твой не уступает царскому. Яства на тридцати восьми оловянных. Пиры твои царские. *(Кричит).* Ты из подлого народа! Ты не можешь быть царем! Ты!.. Ты!.. Ты!.. Батушо-царушо-царушо! *(Падает).*

Федор Романов. Батюшка околдован! *(Вместе с Иваном Романовым поднимает упавшего Никиту Романова).*

Никита Романов. Батушо-батушо-царушо! *(Громко смеется).*

Федор Романов. Батюшка внезапно лишился речи и рассудка! *(Плачет).*

Царь Федор. Здрав был дядюшка мой Никита Романович, немощен стал и безумен. Сказано, кто пьян или безумен умирает, и тело его у церкви положат, и пения Божьего не будет, и душе мука. *(Плачет).* Бедный дядюшка мой!

Годунов. Зовите скорей лекаря! Родион Биркин, беги за лекарем!

Иван Романов. Смотрите, бояре, дядя нашего царя Никита Романович Романов-Юрьев, третий по завещанию усопшего государя Ивана Васильевича, а назначен наряду с Борисом Федоровичем. Тот же, не желая иметь никаких соперников у власти, да подложил нечто Никите Романовичу.

Годунов. То есть наклеп на меня. Не я, а судьба то совершила.

Федор Романов (кричит). Ты, Борис, рабочарь, велел околдовать батюшку! *(Бросается с ножом на Годунова. Схватка. Федора Романова хватают).*

Басманов (тревожно). Ты ранен, Борис Федорович?

Годунов (*держась за окровавленное плечо*). Ранен, но не опасно.

Мстиславский (*испуганно*). Мы, Борис Федорович, того не желали.

Василий Шуйский (*растерянно*). Такого беззакония мы не допускаем.

Иван Шуйский. Беззакония ли? Двоюродный брат царя Федор Никитич, сильный духом, не мог далее скрывать своего гнева.

Федор Романов. Жаль, что ранил тебя, Борис, не опасно, как задумывал. Нечестивый лукавый властитель, дьявол-чаровник! Казни меня теперь, околдовавший отца моего и вселивший безумие в честную его голову! (*Целует боярина Никиту Романова в голову*). Благодарю тебя, царь веков Иисусе Христе, Боже наш, царствующий с Отцом и Духом Святым, что сподобил нас быть убитыми невинно, как и сам ты, невинный агнец, заклан евреями-богоотрицателями.

Годунов. Невинно ли? Ведь хотел ты меня зарезать! Ангел же мой - святой князь Борис, девиз его - «Не пролей крови невинной».

Петр Басманов. Государь Борис Федорович, виновным головы рубить по приговору, прежде всего Романовым да Головину.

Головин. Прими души наши в свои живительные руки, Господи! (*Крестится*).

Иван Басманов. Борис Федорович, надобно изложить поименно, кто из думных угрожает твоей жизни.

Мстиславский. Мы, вожди Думы, желали бы мира при правлении отечеством. Не пожалуешь ли ко мне на званый пир, чтоб за чашей медовой помириться?

Василий Шуйский. Не рады и мы, Шуйские, тому греху и кровопролитию. Придешь ли, Борис?

Годунов. Про то помыслию. Государь наш усопший, царь грозный Иван Васильевич, не умел обходиться без плахи и веревки, а я, Борис, никогда не тороплюсь с ними, но ежели надо, применяю. Ныне же отвечу на интригу не кровью, а ссылками. Сослать Романовых и Головина в отдаленные города и содержать их под строгим присмотром.

Петр Басманов. Исполним, Борис Федорович.

Царь Федор. Борис, позволь мне с моим двоюродным братом Федором Никитичем попрощаться!

Годунов. Прощайся, государь, с ним надолго.

Царь Федор (*обнимает Федора Романова*). Верь в благочестие Иисусово!

Федор Романов. Храни тебя Бог, царь Федор Иванович! Не мысли ни о чем временном и преходящем, но мысли лишь о твоей великой земле, ее городах и о бесчисленном множестве верного тебе народу православного. (*Крестит царя Федора. Царь Федор Иванович и боярин Федор Никитич целуются*).

Годунов. Имеешь ли какое желание, боярин Федор Никитич?

Федор Романов. Заказал я в Волоколамском монастыре латинскую грамматику, писаную славянскими буквами, то прошу прислать ее ко мне в ссылку, чтоб хоть она там доставила мне много удовольствия.

Годунов. Так велю сделать.

Никита Романов (*хрипит*). Ты, Борис, царюшко, ты... (*Хрипит*).

Андрей Щелканов. Вишь, Борис, не желал боярин Никита Романов признать тебя царем! (*Смех. Входит лекарь Люев*).

Люев. Что тут стряслось, Борис Федорович?

Годунов. Звал тебя к боярину Романову, погляди его, а потом попользуй и меня.

Люев (*подходит к Романову*). Похоже, иступление ума, также трясовица. Вести боярина домой, я к нему приду. (*Никиту Романова уносят. Федора и Ивана Романовых и Головина уводят*).

Мстиславский. Мы, Борис Федорович, идти можем?

Годунов. Идите.

Мстиславский. Желаем тебе, Борис Федорович, скорого выздоровления. (*Бояре уходят*).

Годунов (*Люеву, перевязывающему Годунову раненое плечо*). Что с боярином Никитой Романовым?

Люев. Поражен параличом, лишился употребления языка.

Годунов. Долго ли проживет?

Люев. Умрет скоро.

Годунов. Был он мне весьма опасен, судьба скоро избавила меня от него. Сын его Федор бросился на меня с ножом, да вишь, не допустил Господь.

Люев. Рана не опасна, Борис Федорович. Прикладывать надо к ране кал котов или кошек, смешивать с горчицею. Также мозг петуховый с вином пити для укрепления.

Ирина Федоровна (*входит торопливо*). Борис, жив ли ты? Спаси и помилуй! (*Крестится*). Слышала, покушались на тебя Романовы. (*Обнимает Бориса и плачет*).

Годунов. Не голоси, сестра. Видишь ведь, не зарезали. А рана заживет со временем. Уведи Федора в теремные палаты да успокой.

Царь Федор. Иринушка, ненавидящий нас враг, сиречь бес, брани воздвигает. Ты ж, ладушка моя, мыслью разумно рассуждая, примиряешь.

Ирина. И о врагах печься потребно. Почти их пением и молитвой, и милостью.

Годунов. Не о душах их, врагов, печься, но о смерти, как от Бога назначенной. (*Царь Федор и царица Ирина уходят*). Главный казначей царя Ивана Васильевича, ныне казначей Думы Петр Головин стал дерзкий и весьма неуважительный ко мне. Человек он высокого происхождения и большой храбрости. Сослать его в опалу под наблюдение воеводы Ивана Воейкова, а еще лучше по дороге лишить жизни. Ты, Люев, сделаешь яд.

Люев. Сделаю, Борис Федорович, из магнитного камня индийского. Тот же камень терт мелко, сыпать его в кушанье, то быстро смерть изведет.

Петр Басманов. Величие твое, Борис Федорович, становится нетерпимым для многих, составляется заговор. Надо сделать розыск.

Годунов. Сделай, Петр Федорович. Прежде прочего первый боярин Думы Иван Мстиславский, также Шуйские. Знаю, Василий Шуйский к царскому трону стремится. Однако, еще опаснее князь Иван Васильевич Шуйский, воевода. Андрей Щелканов, поскольку я думаю на всякий случай о прибежище в Англии, как и государь, для себя и своей семьи, надобно прислать ко мне для разговора английского посла Боуса.

Андрей Щелканов. Государь Борис Федорович, идешь ты по стопам государя Ивана Васильевича, а тот Боус и англичане - народ неверный. Чем помысливать о тайном отъезде, не лучше ли найти предлог для его и Ивана Шуйского объявления врагами государства, также и иных?

Годунов. И то надо сделать, однако, все вместе. Все тайно перевезу свои сокровища в Соловецкий монастырь, чтоб оттуда в случае чего погрузить их на суда.

Петр Басманов. Государь Борис Федорович, потребна добрая охрана дворовая. Двести дворян - охрана внутренняя и наружная. Кроме них чтоб Кремль охраняли сильные отряды стрельцов, особо подобранных.

Андрей Щелканов. Мушкетер Жак Маржерет, французский офицер, предлагает составить отряд иноземных телохранителей.

Годунов. Того Маржерета пришлешь ко мне.

Андрей Щелканов. Исполню, Борис Федорович.

Годунов. А сыск против заговора сделаем, дело решенное. (*Ходит задумчиво*). На той степени величия, на которую я взошел, нельзя оставаться. Тут нет середины - либо трон, либо гибель. (*Уходит в сопровождении Щелкановых и Басмановых*).

Занавес

Сцена 140

Разбойный приказ. За столом Годунов, Петр и Иван Басмановы, Андрей и Владимир Щелкановы, ростовский архимандрит Иов, дьяки Шерафутдинов, Арцыбышев, Сумароков.

Годунов. Комиссия разбойного приказа собралась для рассмотрения заговора боярского. Архимандрит ростовский отец Иов, прими клятву, что смотреть будешь по судебному закону, мы ж покладем руки на Святое Писание.

Архимандрит Иов (*поднимая крест*). Да пребудет с вами и с ними милость Бога, мира, и Богородицы, и чудотворцев. (*Крестится. Все крестятся.*)

Годунов. Клятву страшну тем сотворили. Дьяк Андрей Щелканов, запишешь ту клятву в дела посольского приказа.

Щелканов. Исполню, Борис Федорович, запишем в переписную тетрадь.

Годунов. Отныне меж нами существует клятва крестоцеловальная, к царству утвержденная.

Петр Басманов. Многие разделились. К тебе, Борис Федорович Годунов, иные бояре, и дьяки, и думные, и служилые люди, к Мстиславскому - Шуйские, Воротынские, Головины, Колычевы и чернь московская. Однако, ты, Борис, осиливаешь.

Годунов. При грозном царе нашем Иване Васильевиче без крови бы не обошлось, ныне же наказывать будем через ссылки и пострижения. Починай дело, Петр Басманов, как глава разбойного приказа и сыска.

Петр Басманов. Первый - боярин Иван Федорович Мстиславский, пусть войдет. *(Стрельцы вводят Мстиславского.)* Боярин Иван Федорович Мстиславский, комиссия разбойного приказа смотрит твое дело. А в комиссии я, Петр Басманов от разбойного приказа, Иван Басманов от стрелецкого приказа, Андрей Щелканов от посольского приказа, Андрей Щелканов от разрядного приказа, дьяк Шерафутдинов от холопского приказа, дьяки Арцыбышев и Сумароков от поместного приказа. От духовенства - ростовский архимандрит Иов, от государя Федора Ивановича - боярин Борис Годунов.

Мстиславский. Извели бояр Романовых, да ныне хотите нас, Мстиславских, извести! Про тебя повсюду, Борис, говорят: «Он хочет извести царский корень и боярские роды.»

Годунов. Недоумы то говорят. Боярин Никита Романович Романов был стар, его постиг удар. Старший сын Никиты Романовича кинулся на меня с ножом, желая зарезать. Ныне же по-христиански государем нашим Федором Ивановичем и мной прощен, отцом Иовом, архиепископом ростовским, пострижен в монахи в Ростовский монастырь под именем Филарета. Каешься ли ты, боярин Иван Федорович Мстиславский?

Мстиславский. Ежели бы и каялся, то перед государем нашим законным Федором Ивановичем, а не перед тобой да худородными дьяками. Я - боярин Иван Федорович Мстиславский, сын двоюродного брата государева Ивана Васильевича, иначе внук сестры великого князя Василия III, отца государя Ивана Васильевича и дядя государя Федора Ивановича. При первой кампании Батория вместе со своим зятем Семеоном Бекбулатовичем возглавлял большой полк, сиречь был главнокомандующим русской армии. Ныне я - первый боярин Думы, а ты, Борис, позвал меня судить в разбойный приказ аки разбойника. Судебные дела бояр решает местнический суд, а также московская судебная палата с боярином Василием Шуйским.

Годунов. По указу государеву, в московскую судебную палату вместо боярина Василия Шуйского назначен судья дворового разряда окольничий Михаил Тимофеевич Соловой-Петров, один из тестей покойного царевича Ивана. Ему, ежели желаешь, подашь апелляцию. А судят тебя по судебнику.

Мстиславский. По которому судебнику?

Годунов. По судебнику, который от начала русского царства. Так ли, отец Иов?

Иов. Истинно так, устав великого князя Ярослава Владимировича, судебник святого великого самодержца царя Константина, греческого закона.

Мстиславский. Те судебники мне ведомы. Однако, призван в разбойный приказ, а дело мое разбойное ли? Как страшишься ты, Борис, опасного для тебя любовью всенародной и славой Федора Никитича, двоюродного брата государя, так страшишься ты и нас, Мстиславских, да прочих родовитых. Наша родовитость перед тобой, худородным,- вот наша вина, а не разбой.

Годунов. Ой ли? Скажи дело, Петр Федорович Басманов.

Петр Басманов. Ты, боярин Мстиславский, умыслил в доме своем пир сотворити, Бориса призвав, его убить, но Борис узнал.

Годунов. Разве то не разбой, разве не лихое дело? Зачти, дьяк Шерафутдинов, как по судебнику лихие дела судят.

Шерафутдинов. По судебнику лихие дела - крамола, государева измена, бунт.

Годунов. Истинно лихое дело тать Мстиславский хотел совершить, государеву измену.

Шерафутдинов. Государский убийца, убийство господина - вот то дело.

Годунов. И сие хотел совершить, ибо я поставлен государем быти правителем. Читай далее, дьяк Шерафутдинов.

Шерафутдинов. Зажигательство, поджог с целью воровства или вызова беспорядков.

Годунов. И тут поглядеть надобно, кто Москву жжет, не по наущению ли иных бунтующих вельмож вызван беспорядок? Вчера - пожар на Тверской, Никитской и Петровке.

Андрей Щелканов. Весь Большой Посад горел до Воронцовского сада на Яузе.

Владимир Щелканов. Ежели буря, то понесло пламень на Кремль.

Андрей Щелканов. Народ в церквах каменных спасался, и церкви не спасали, у них стены трескались от жара.

Архимандрит Иов. Святые иконы горели, где уж грешникам укрыться! (*Крестится.*)

Годунов. Разыскать все то!

Петр Басманов. Тщимся, Борис Федорович, уже иных взяли.

Годунов. Кто уж поджег церкви - то уж святотатство!

Мстиславский. Ежели святотатство, то у нас митрополит отец Дионисий такие дела решает. Или уж митрополита желаешь свергнуть? Меня, князя Ивана Федоровича Мстиславского, обвиняешь в том, будто я намерен был зазвать к себе и тебя, Бориса, убити, то и на митрополита лучше вымыслишь. Однако, есть у нас еще Дума, государь наш законный Федор Иванович.

Петр Басманов. Боярин Иван Федорович Мстиславский, нам ведомо, что составлялся заговор, намеревались подать царю Федору Ивановичу челобитную, чтоб он развелся с сестрой Бориса и женился на княжне Мстиславской, твоей дочери. Признаешь ли?

Мстиславский. Говорили лишь раз в Думе, что Ирина, сестра Бориса, бесплодна, а государство без наследника не может.

Годунов. Сказано было, чтоб принять ему, царю, второй брак, а царицу первого брака Ирину Федоровну пожаловать отпустить в иноческий чин, и брак учинить для царского рода чадородия. Так вы говорили. Боярин Иван Федорович Мстиславский, дела твои лихие и подпадают под судебник.

Шарафутдинов. Лихие дела, сопровождаемые убийством.

Мстиславский. И в том желаешь меня обвинить? На поклеп ли то на смех разумным людям?

Годунов. Обвиняем лишь, в чем виновен. И того довольно. Не только нынешние, и старые дела твои записаны. Дела твои издавна изменные. Читай, Шарафутдинов, про изменные дела, какие судебник царя Ивана Васильевича добавил к перечням лихих дел.

Шарафутдинов. Лихие дела изменнические - сдача городов, городской сдавец.

Годунов. Царь Иван Васильевич доверял тебе, Мстиславский, управление земщиной, ты ж признался в изменнических связях с татарами, да был прощен, благодаря ходатайству тогдашнего митрополита.

Мстиславский. За меня поручились три знатных боярина, которые со своей стороны представили двести восемьдесят пять поручителей.

Годунов. Однако, через некоторое время ты, Мстиславский, снова попался, и снова на подобном же, а избежал смертной казни лишь оттого, что зять твой, муж твоей сестры казанский царевич Семеон Бекбулатович, находившийся в Касимове, был приглашен царем Всея России и поселен в Кремле. Он тебя помиловал.

Андрей Щелканов. Указано: Мстиславский возглавлял армию и не отразил врага, публично покаялся, что сам повел хана на святые места, и своей изменой погубил стольный град.

Годунов. Каялся ли?

Мстиславский. Каялся под страхом смертной казни.

Андрей Щелканов. Князь Иван Федорович Мстиславский и его сыновья, бояре Федор и Василий, публично виновными признались, что перед царем во многих винах преступили и за свои вины били челом Дионисию митрополиту. Мстиславский под присягой обязался не отъезжать к Баторию, а также города никакого не сдавать.

Владимир Щелканов. Однако, после того сдал Полоцк и Сокол, неприступную крепость.

Петр Басманов. За прошлые и нынешние вины должен быть казнен с сыновьями.

Иван Басманов. И я так мыслю - комиссии сделать такой приговор.

Мстиславский (*испуганно*). Государь Иван Васильевич требовал от меня беспрекословного подчинения. Я то сделал, подчинился. Мы, Мстиславские, поклялись быть верными царю и его детям, обещали им служить и их землям, приимати во всем в правде безо всяких хитростей и лиха и измен некоторых не учиняти. Митрополит Дионисий принял ту клятву. Царем я был прощен, сохранил все свои посты.

Годунов. Прощен ли? Дьяк Арцыбышев, зачти запись проклятую.

Арцыбышев (*читает*). «Запись проклятая боярина Ивана же Федоровича Мстиславского, что он бо ни святым Божиим церквам и всему православному христианству веры своей не соблюл, а государю своему, царю и великому князю Ивану Васильевичу Всея Руси и его детям, царевичу Ивану и

царевичу Федору, и его землям и всему православному христианству и всей Русской земле изменил, навел со свои товарищи безбожного крымского Довлет-Гирея царя на святые Божественные церкви, на святые места и на святые монастыри и на все православное христианство, и те святые места с изменою его товарищей отторгнуты и исповержены, а христианская кровь многая пролита, а христианства многое множество погребению не сподобилось, и государь, царь и великий князь Всея Руси за его соблажение ко христианской вере и к нему, государю, и к его детям, царевичу Ивану и царевичу Федору, и ко всему православному христианству за ту его измену положили на него свою государеву опалу. В нем били челом митрополит Московский и Всея Руси, и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены из соборной России, старцы Троицкого и Кириллова монастырей, что ему впредь будучи веры христианской держати твердо и вере не соблажняться и к иной вере не приставати, и варвар на разорение православного христианства не наводити. И на той записи целовал боярин князь Иван Федорович крест у чудотворца Петрова реки с проклятьем, буде впредь учнет так делать измены, то будет проклят в сием веке и в будущем.» Все то записано на бумаге, а назади печати по красному воску.

Петр Басманов. По той бумаге с печатью по нарушению клятвы и новой измене должен быть казнен.

Мстиславский (*испуганно*). Я в послушании прежнему царю был, в послушании и нынешнему. Прими мое покаяние, Борис Федорович. (*Кланяется.*)

Годунов. Пооблетело с тебя спеси, боярин Иван Федорович! Изменил ты православию и ввек себя во тьму, однако, ради Господа нашего и Святой Богородицы, крови твоей не пролью. Согрешив, оставь радости сего суетного света, сего мира. Тебя насильно постригу в монахи, а младшую дочь твою, за то, что ее пророчили царю в невесты, заточить в монастырь. Сколько было за ним прошлых ручательств в рублях?

Арцибышев. Пятьсот рублей, Борис Федорович.

Годунов. Ныне ручательство в пяти рублях, больше не стоит. (*Смех. Мстиславского уводят.*) Первым боярином поставим Федора Трубецкого. Мстиславские более мне не опасны. Иное дело - зять Мстиславского Семен Бекбулатович, он был царем.

Андрей Щелканов. Он был царем, но вовсе не управлял государством.

Годунов. И ныне так могут сделать - управлять будут иные. Где он?

Андрей Щелканов. В Твери, Борис Федорович, в Тверском уезде у Семена Бекбулатовича в поместье. Сад великий яблоневоый и вишневоый - вот и вся его власть ныне. Оброк яблоками и вишнями платят. В поместном приказе списано - на год три бочки яблок да по ведру вишен. (*Смех.*)

Андрей Щелканов. Опасности от него никакой, Борис Федорович. Сидя на троне, в бумагах подписывал государю Ивану Васильевичу отдающий себя московским князем царь Симеон подписывался «ваш холоп». Во время ливонской войны он истинно командовал войском, однако, нигде не отличился. Пусть сидит ныне в саду да принимает оброк яблоками да вишнями. Государь Федор Иванович уж лишил ведь его княжества Тверского.

Годунов. Чем владеет Семен Бекбулатович, записать, Сумароков, подробно.

Сумароков (*берет бумагу*). По поместному приказу записано за ним село Кушалино Тверского уезда, то владение Семена Бекбулатовича на речке Кушалинке, а в селе церковь Николы-чудотворца деревянная, да церковь Воскресения Христова ветха и завалилась, да церковь Воздвижения Честного Креста деревянна, да двор князя Семена Бекбулатовича Тверского, да против двора изба судебная, и за ручьем против двора великого князя конюшенный двор, житничий да великого князя гумно оттынено тыном, и в нем три овина и молотья, где есть великого князя хлеб, да поповых дворов два. Во дворе одном никольский поп, во дворе втором воздвиженский поп да два пономаря. А у Воздвиженского честного креста на монастыре десять келий, и живут в них старицы и старцы и питаются от церкви Божьей. На ручью мельница, а у ней два колеса испорчены. По тверской дороге кабацкий двор, в селе торг, а торгуют по пятницам всяким деревенским товаром. Всего двадцать девять лавок и полулавок. Сам же двор великого князя - пять горенок, конюшня плетеная, мыльня. Вокруг - плетень да воротышки.

Андрей Щелканов. Таковы нынешние владения государя Всея Руси. (*Смех.*) Невелики владения прежнего царя русского! (*Смех.*)

Годунов. Взять и эти. При нынешнем раскладе вижу в нем соперника, коего использует боярство, мне не дружественное. Послать его в Соловки, дорогою ослепив. Жена его - дочь Мстиславского. От старшей дочери боярина Мстиславского имеет он девочку. Сколько годов?

Андрей Щелканов. Еще малютка, шести годов, Борис Федорович. Также растет сын, прижитый с одной девкой.

Годунов. Обоих истребити ядом. Опасно, ежели побегут в Польшу. Подтверждено ли про побег Богдана Бельского?

Петр Басманов. Жаль, подтверждено, Борис Федорович. Бежал в Польшу. Так и Иван Никитич Романов ушел в Польшу.

Годунов. Все дороги в Польшу и Литву закрыть заставами. При нынешней смуте опаснее всего самозванство. Самозванство отопрет дорогу к трону ежели не самому самозванцу, то Шуйским. Чую, с другими недовольными лицами и в Польше и в России задумывается заговор с целью не просто свергнуть государя Федора Ивановича, а свергнуть и погубить меня как правителя и всю мою семью порушить и погубить. Тем погубят Русь, погубят все государство! Други, вообразите сие ужасное: поляки яко панство дыхая на пролитие русской крови, на восхищение великого сокровища русского нацелились, скоро оружием перепоясаются и на кони свои восходят, и на великий царский град Москву нападают, и подкладным огнем пламень великий возжигают, и мечом людей погубляют, и богатство великое грабят, церковные здания раскапывают, отроковиц, красно прорастающих, из домов изводят и поимают в жены себе не по завещательному союзу законного брака, повинуючи их к вечной срамоте и работе. И так же вся великая Москва дымится, отцов великие палаты сокрушаются, вопль великий от голосов убиваюх и никакой надежды живота своего защищения. И бегают во храмы и плачутся люди. Поляки же во препровождении изменниками, явных изродцев своего отечества крепко на великую Москву нападают, сего ради всех смерти предадут и рассуждения возраста не имеют. *(Утирает глаза.)* Але, великое падение и убийство перед отчами сыновей, отроковиц же от матерей отымают, к растлению ведут. О, бедные матери, какой великою болезнью сердце ваше рассекается, о, род слепой и жестокий! Насильственно руки неправедного короля меч свой острый в нашей русской крови омочил. Бедные граждане не могут отринуть трупы от домов своих и зрят конечное разорение и домов своих вечное падение. Так будет! Разрушена превеликая Москва, пограблены сокровища, и сядут поляки во внутреннем городе, в превысоком Кремле, делая грабления. Преславная, паче великая Москва, допустишь ли иноземные стремления, допустишь ли иноплеменных, тяжкие казни людей твоих по удам раздробляющих. И сколько возможно изнести слез в разорении чад своих! *(Утирает слезы и крестится. Все утирают слезы и крестятся.)*

Петр Басманов. Опасения России за будущую судьбу ее могли бы оправдаться, ежели бы с нами не было тебя, Борис Федорович! Взяв решительный перевес над всеми членами Думы, царствуй по свойству с государем!

Годунов. Они, недруги, надеются на свою родовитость, я ж лишь на дальновидность ума, на хитрую политику, на искусство власти.

Архимандрит Иов. Царствуй, Борис Федорович, на благо России! Крест же святой православный очистит душу и отгонит страсти. *(Крестит Годунова.)*

Годунов. Отец святой, знаю, во мне иные видят лишь хитрого управителя государством. Хочу сделать для России много, и еще больше готовить ей будущего, спасти от внутренних раздоров и от нашествий иноплеменных.

Петр Басманов. Царствуй, Борис Федорович! *(Крестится. Все крестятся.)* Ныне же тут в разбойном смотре дела лихие.

Годунов. Каковы далее?

Петр Басманов. Смотрим дело митрополита Дионисия и крутицкого архиепископа Варлаама.

Годунов. Как дом без ушей и горница без очей, так отечество без добрых пастырей, особо в тяжкое время. Пусть приведут. Отец святой архиепископ Иов, готова ли роспись церковной комиссии о недобрых делах митрополита и его клеветов?

Иов. Готово, все расписано. *(Вводят Дионисия и Варлаама.)*

Петр Басманов. Старцы Дионисий и Варлаамий. Проведено следствие и собраны разные показания.

Дионисий. Духовный сан не подлежит суду светских властей.

Иов. Показания против тебя и против старца Варлаамия дали монахи, игумены, священники и прочие духовные. И ты, митрополит Дионисий, и архиепископ Крутицкий Варлаамий низвержены за дурное поведение.

Варлаамий. На место митрополита желаете посадить благоприятного Борису Иова, в том интрига!

Дионисий. Сказано: «Бойтесь убивающих душу больше, чем убивающих тело.» Душу свою сохрани верной Господу. При государе усопшем Иване Васильевиче тщился делать все для православия доброе. При государе Иване Васильевиче да при моем митрополичестве низвергнуты окончательно еретичные шатания, особо новгородцев. За правление Ивана Васильевича построено свыше сорока прекрасных каменных церквей, богато украшенных внутри, с главами, покрытыми позолотой из чистого золота, при моей митрополии множество из них. Государь построил свыше шестидесяти монастырей и обителей, подарив им колоколы и дав вклады, чтобы они молили за его душу. При моей митрополии из них построено десять.

Годунов. Сказал же сам: прежде всего надобно строить не тело. Сказано: «Цель инок - внутренняя переработка души.» Если внутреннее деяние не поможет человеку, напрасно он трудится во внешнем. Отечество разорено, а церковь богатеет. При нынешнем разорении лучше бедным помогать, чем церкви строить. Зачти, отец Иов, дела верховной комиссии!

Иов. При нынешнем митрополите Дионисии в монастырях всеобъедание и разврат. Монастыри, имеющие села - земной рай для начальников, которые принуждают к молчанию подчиненных. Архимандриты и игумены окружили себя своими родными и клеветами. Особо у крутицкого архимандрита Варламия, любимца митрополита Дионисия. Родни у него в монастырях среди братии по священнослужителям и монастырским селам множество.

Годунов. В монастырских селах особое притеснение народа, пашенного холопства. Так ли, дьяк Арцыбышев?

Арцыбышев. Так, Борис Федорович. В холопском приказе множество челобитных. Пишут, монах без милосердия, истязает за долг, али записывает к себе навсегда в рабство, али, лишив имущества, с пустыми руками изгоняет бедных из своих мест.

Годунов. Таково ли повинно быть пастырям? Народ притесняют, сами живут в роскоши. В монастырях курят вино, варят пиво и меды, справляют пиры. Вольное обращение с женским полом доходит до больших соблазнов. Так ли, отец Иов?

Иов. Так, Борис Федорович. Церковной комиссией установлено: монастыри, где чернецы и черницы живут вместе. Нередко можно встретить в монастырях мальчиков, ребят голоурых.

Годунов. За все то нестроение в столь тяжкое для отечества время низвергаешься ты, Дионисий, с митрополии, а ты, Варлакий, с кафедры крутицкой. Обоих сослать в монастыри.

Дионисий. Сказанное тут при мне - клевета. Иных склонили угрозами, иных соблазнили. Нестроение в монастырях - не моя вина, а греховности людской и соблазнов дьявола. До меня они были, и после меня будут. Ты ж, Борис, помни - что сеет человек, то и пожнет. То не мое слово, Господне. Хочешь ты, Борис, царствовать, а кончишь недобрым делом, и дети твои недолго тебя переживут.

Годунов (сердито). Снимите с него митру, сорвите облачение, оденьте в старую монашескую рясу. На простой телеге увезти обоих в монастырь! (Дионисия и Варлама уводят.) Дионисию забить ноги в деревянные колодки, а руки - в железные кандалы, посадить в монастырь Святого Николая Старого и морить голодом.

Иов. Так сделаем, Борис Федорович! Старца Варлама посадить в пекарне на чепь, хай муку просеивает.

Годунов. Святой отец Иов, сделаем тебя митрополитом Всея Руси. Про то буду говорить с богомольцами нашими и с богомольным государем Федором Ивановичем. А получишь потом еще небывалый в русском мире сан патриарха.

Иов. Приму сей сан, надеясь на помощь пречистой Богоматери. А молиться о помощи неизменно буду на московских Крутицах, у чудотворной иконы Варварьинской Богоматери. Русское государство, единственное независимое православное царство, должно заменить погибающую Византию, новый Израиль, среди которого - правая вера и истинное благочестие. Турецкие же да татарские люди - то агарянские люди, погубители Второго Рима. Третий Рим - Москва - стоит за весь народ, все православие нового Израиля.

Годунов. Еще при грозном нашем царе Иване Васильевиче была мысль: раз Московское государство заступило для всего православия место греческого царя, он, государь, должен иметь при себе патриарха, как имел его византийский император. Церкви наши повинны цвести. Цветущее состояние и высокое положение нашей церкви, ее отношение к константинопольскому патриарху, делают московскую патриархию неизбежной. Ныне греки ищут милости и заступления не в Константинополе у патриарха, а в Москве. Наш, московский, патриарх - заступник. Нынешний патриарх константинопольский Иеремей не стоит. С помощью Троицы и Божьей Матери потщимся

убедить Иерею отчесться от патриаршества в Константинополе и на Хиосе в пользу московского патриаршества. Щелканов, заготовь в посольском приказе грамоты. Первая грамота настольная святейшего Иерею, патриарха царьградского.

Андрей Щелканов. Писана та грамота как, Борис Федорович?

Годунов. Писана по-русски, на бумаге - на александрийском листе, сверху слово приписать «грамота», да девять строк писаны золотом: «Поставление на патриаршество Иовы, патриарха московского Всея Руси, а хотящим, чтоб быти патриархом поставления на Москве подтверждения от преосвященных митрополитов и епископов и архиепископов Российского государства». А в грамоте назади чтоб руки были приложены Иерею, патриарха царьградского, Иовы, патриарха московского и Всея Руси, и казанского, и ростовского, и сарского, и подольского митрополита, и архиепископа, и епископа, и архимандрита, также греческих властей, которые с Иереюем патриархом будут в Москве. А к грамоте привесить печать царя и великого князя Федора Ивановича Всея Руси на красном воску и иных властей десять печатей - четыре на красном и шесть на черном воску.

Андрей Щелканов. Пошлем грамоту с молодым гончиком в Царьград да потщимся, чтоб посол наш князь Голицын убедил Иерею руку приложить.

Годунов. Надобно заготовить и грамоту благословенную Иову, патриарху московскому и Всея Руси, какова прислана из Царьграда за патриаршими руками Иерею, патриарха царьградского, да александрийского патриарха Иоакима, да иерусалимского патриарха Сафония и иных греческих властей за руками преосвященных митрополитов и архиепископов, и епископов, что и впредь, по Иове-патриарху, патриархия поставляет на Москве преосвященных митрополитов и епископов и архиепископов Российского государства.

Андрей Щелканов. На чем писано?

Годунов. Писано на хартии, по-гречески.

Петр Басманов. Борис Федорович, замыслы главных врагов уничтожены. Остались, однако, Шуйские.

Годунов. Опаснее всех - князь Иван Петрович Шуйский, человек сильный и родом, и собственными заслугами, памятный геройской защитой Пскова против Батория. И сей высокий князь царский пользуется большим уважением, и силой, и властью, особенно в войске. То - мой главный соперник в правлении. Его недовольство и величие пугают.

Петр Басманов. Борис Федорович, как ты велел, спрошен слуга Шуйских Федор Старков. Все подтвердилось, Старков подал на Шуйских извет в измене. В Пскове вел с Баторием переговоры о сдаче, да приход московских воевод с войском тому помешал.

Годунов. Петр Федорович, произведен ли розыск?

Петр Басманов. Розыск произведен. Составлено сыское дело и расспросные речи. *(Вводят Шуйских Василия и Ивана Петровича.)* Боярин Шуйский, на вас подан извет слугой вашим Федором Старковым. *(Вводят Старкова.)* Скажи, Старков, держишься ли своего извета?

Федор Старков (кланяется). Держусь, всеблагий государь! Шуйские лихо умышляли с торговыми, сиречь площадными мужиками, возбудили московскую площадную толпу. Оттого я, слуга Шуйских, Федор Старков, учиняю мирскую.

Василий Шуйский. По твоему, Борис, наущению говорит холоп!

Годунов. Боярин Василий Шуйский, произведен судейский розыск.

Василий Шуйский. Произведен розыск, какой угоден был тебе, Годунову!

Годунов. Скажи еще, Федор Старков!

Старков. Всеблагий правитель Борис Федорович, говорю, чтоб глас мой был слышен во все люди: Шуйские стали перед государем измену делать, неправду, на всякое лихо умышляют с торговыми мужиками. А мужики заворовали было, не в свое дело вступились, к бездельникам пристали, и митрополит Дионисий к бездельникам пристал, святой истинный крест! *(Торопливо крестится.)*

Годунов. Про митрополита мы тебя ныне не пытаем. Увести холопа да посадить в подклеть. *(Старкова вводят.)* Боярин Василий Шуйский, знаю, чего ты желаешь. Царь Василий Шуйский - вот твое желание.

Владимир Щелканов. Уж куда-то ему в цари! Ты ж, Борис Федорович, молод и красив, да дороден, Василий же Шуйский возрастом мал, образом же нелеп, очи подслепы имеет. *(Смех.)*

Дьяк Арцыбышев. Боярин Василий Шуйский, хоть в книжном научении доволен и в рассуждении ума зело смыслит, однако ум тот изъян имеет: уклончив, скуп весьма и неподатлив, добрый совет не

желает слышать, оттого приказными людьми нелюбим. К тем тщенье имеет, которые ему в уши ложно шепчут. Он же сие с веселым лицом воспринимает и с радостью их послушати желает. Так было, как был судьей московским.

Петр Басманов. Мужиков бунтовал, чернь московскую, желая через сей бунт трон получить. Мужики - воровы, смерти достойны. Карати, головы им отсекоши. Ты ж признаешь дела свои лихие?

Василий Шуйский. Не признаю. Ты, Борис, желаешь отделаться от всех нас, желаешь, чтоб кара постигла фамилию Шуйских.

Петр Басманов. Ты, князь боярин Иван Петрович Шуйский, признаешься ли в измене, что хотел вступить в сговор с Баторием, отдать Псков, также с волхвами в волховании прилежание имеешь, а о воинах своих не радеешь?

Иван Шуйский. Все - лжа и клевета. Правда, что твои жестокость и лицемерие весьма чрезмерны.

Годунов. Которая же жестокость? Казней мало, за весь бунт лишь семерым купцам, особым бунтовщикам, отрубили головы, которые площадных мужиков подкупили, а те били и резали. Раскрыт заговор с целью отравить или убить царевича младенца Дмитрия и мать его и всех родственников, приверженцев и друзей, содержавшихся под строгим присмотром в отдаленном Угличе, а все то злодейство мне приписать. За все то злодейство, разбой, татьбу никто из вас не должен быть жив, однако велю вас сослать. Подобаает государю милостивым быть, и таков государь наш Федор Иванович. *(Шуйских уводят.)* Вижу, что составился тайный заговор недовольных с целью свергнуть меня как правителя. Сей заговор не смею разоблачать явно, ибо подробностей не знаю всех, однак желаю усилить свою охрану.

Андрей Щелканов. Французский мушкетер Маржерет, про которого говорил, имеет предложение на сей счет.

Годунов. Пусть пойдет. Французы - телохранители умелые. *(Ходит в задумчивости.)* Сильно я встревожен. Нельзя давать никакому злодею уйти, а его двору сохраниться. Боярина Василия Шуйского, боярина Ивана Петровича Шуйского сослать подальше. Других соучастников - Колтовских, Бекасовых, Урусовых - отправить в заточение. Особо опасаясь Ивана Петровича Шуйского. Ныне найден предлог для его обвинения и удаления из Москвы, такого мало. Надобно так сделать: неподалеку от Москвы удушить в избе. Его нечаянная смерть, героического воеводы, чтоб была всеми оплакана, и о том чтоб кричали бирючи на Крестцах.

Петр Басманов. Исполним, Борис Федорович. Сторожа под моим началом будут, а удушим в избе дымом от зажженного сырого сена и жнивья. То будет смерть как напрасная смотреться, опрометчивая, случайная смерть.

Годунов. Упокой его душу, Господи. *(Крестится.)* Государь наш и его предки приняли и исповедовали первоначальные правила христианской религии, как они верили, от греческой церкви, ведя свое древнее начало от святого апостола Андрея и покровителя государей наших святого Николая. Однако, греческая церковь по причине отступления от истины и распри подверглась упадку, заблуждению наиболее важных догматов и в отправлении богослужений. Из-за того богомольный государь наш Федор Иванович отделил московское духовное управление от греческой церкви, и ныне необходимость посылать в ту церковь божественное и принимать оттуда грамоты, чем подтвердилось мнение святого Афанасия и других отцов церкви на Никейском соборе и на других справедливых соборах. Постановлено - учение богослужения о трех символах наиболее согласно с апостольским уставом, использованное в первоначальной палестинской церкви. В России все исповедуют учение Троицы. *(Ходит в задумчивости.)* Нам союз нужен в Европе.

Андрей Щелканов. Борис Федорович, надежды на Англию уж и прежнего государя обманули, не лучше ли союз с Данией?

Годунов. Да, я колеблюсь, не вступить ли в союз с Данией, чтоб иметь опору и дружбу в ее могуществе. Хорошо б также подружиться с какими-либо иноземными государями, чтоб утвердиться там на троне и закрепить его за своими родичами. У меня сын Федор Борисович и дочь Ксения еще малы, однако ж ныне надобно добиваться. Хорошо б найти в Англии или Франции добрых принцев и принцесс для моих детей.

Андрей Щелканов. Борис Федорович, в Швеции есть принц Густав, сын прежнего короля Эрика, низложенного его братом Иоганном.

Годунов. Хорошо заманить в страну того Густава, пообещав Густаву в жены дочь Ксению, разумеется, если тот оправдает мои надежды. Щелканов, надобно послать тому Густаву подарки, именно:

серебряную посуду, много тканей, золотой и серебряной персидской парчи, бархата, атласа и других шелковых тканей, также драгоценностей - золотых и жемчужных цепей, хорошо лошадей десять да с полной сбруей, всевозможных мехов и денег десять тысяч рублей золотом.

Андрей Щелканов. Борис Федорович, такие богатые подарки возбудят толки в Думе и среди вельмож. При нынешней пустоте казны и без того распространяют слухи среди знати о растратах, и я подозреваю в том англичанина Боуса.

Годунов. Все ж пошли подарки как бы от имени государя Федора Ивановича. Ныне на Руси смуты, и я, князь-правитель, тоже опасаюсь за свою жизнь. Я подумываю о прибежище в Англии либо Дании для себя и своей семьи и тайно перевел мои сокровища в Соловки. Все те сокровища есть моя собственность, не принадлежащая казне, и если то было бы суждено, Англия либо Дания получила бы большую выгоду от большой ценности сего богатства. Я сам не уверен в моей жизни и жизни моей семьи, потому потребно добрых телохранителей-иноземцев. *(Ходит в задумчивости.)* Все пути из страны закрыть таким образом, чтоб невозможно было покинуть ее без дозволения государя и правительства, особо чтоб не выпустили из страны кого-нибудь из носящих оружие.

Петр Басманов. Исполним, государь.

Годунов *(ходит в задумчивости.)* Не знаю, долго ли жить буду. Я от морозов занемогаю, да боль в ноге - иной раз волоку за собой ногу.

Петр Басманов. Живи долго, Борис Федорович, с сыном своим. Победишь ты врагов своих, да будет у нас династия Годуновых.

Годунов *(ходит в задумчивости.)* Дочь моя Ксения - румяна, красива, однак, болезненна. Отдал бы ее замуж в Европу. Щелканов, слышал я, есть также добрый жених в Дании у короля датского Христиана. Чтоб женить его на Ксении, не пригласить ли и его по обычаю страны с почестями?

Щелканов. Помыслим да потщимся.

Годунов. Опасность велика для меня и моей семьи. Чем выше я становлюсь, тем более представляется мне опасность. Нельзя оставаться на той степени величия. Тут нет середины - либо трон, либо гибель. Всякое новое вступление на престол началось бы погибелью и моей, и моего семейства. Мне не простили бы моего прежнего, почти царского величия, потому я должен избавиться от таких людей, которые могли иметь право на престол после смерти Федора Ивановича. Пусть простит меня Бог! *(Уходит.)*

Занавес

Сцена 141

Варваринский Крестец Китай-города у Варваринских ворот с чудотворной иконой Варваринской Божьей Матери. Летняя лунная холодная ночь. Возле высокой жаровни, где горят дрова, греется народ. Иные сидят на бревнах, на ящиках, прямо на земле.

1-й крестьянин. Аж до месяца мая, до святого Афанасия снега не было. Зима - не зима, лето - не лето, осень - не осень, весна - не весна. Четвертого мая у нас снег великий выпал. Что было - пашни, ярицы, овса, пшеницы, ячмень, горох - все то снегом напало и великую яри шкоду учинило. Крестьяне перед усекновением головы святого Предтечи почали жито на хлеб жати, яко перед голодом.

2-й крестьянин. Голод по всем московским городам и по всей земле, а больше в Заволжье всего. Во время жатвы дожди были великие, а за Волгою во всех местах мороз весь хлеб побил, и то пришло за грехи наши. *(Крестится.)*

3-й крестьянин. Многие опухши померли, оставшие в селах траву едят, яко скоты, и кору от дерев.

4-й крестьянин. Множество народу измерло по всем городам и деревням. А зима у нас была студеная, велики морозы во всю зиму. Ни один день с отеплением не бывал, и снега прошли паче меры, и многие деревни занесло. И люди померли по деревням, и на путях также много народу скончалось.

Молодой крестьянин *(зевает, крестится.)* Зевается у меня ртом, весь день не етчи. Губы у меня помертвели, живот мой отоцал, по чужим дворам волочась. Вчерась я не ужинал.

Посадский. А ты кто?

Молодой крестьянин. Я-то? Никто.

Посадский. Звать-то тебя как?

Молодой крестьянин. Никак. Бродячий человек - вот как зови. Подати не плачу. Родимец помер, так бросил опустелое хозяйство да пошел бродить меж дворов. *(Зевает, крестится).*

Улита, крестьянин. И я так же. Ум мой не дойдет, как мне, бедному, впредь будет жить. Из деревни от голода прибежал в город. Живу на Москве, на Крутицах китайгородских, однако и тут гибну. А говорю все то я, Улита, пастух скота.

Посадский. Весь черный жилецкий народ, что крестьяне, что мы, посадские торгецы, кормятся по миру наймаючи, а кормиться нечем.

Старец. Виной всему - Годунов. Он - татарин, а святой отец митрополит Дионисий называл в проповедях татар злодеями Русской земли и врагами креста Господня. За то Годунов святого отца митрополита постриг в чернецы, а на стол поставил своего, Иова Ростовского.

Посадский. А ты кто, старец?

Старец. Я - Николая-Чудотворца Шартомского монастыря старец Калист.

2-й посадский. Истинно, шурья царицы виноваты. Они на русскую землю порчу наводят, про то юрод Василий Блаженный кричит на улицах. Ходит, проклинает Годуновых. Вчера пред храмом Воздвижения Честного Креста на Арбате кричал.

Старец Калист. Как тонет корабль, окормляемый ненаученными, как гибнет стадо при дремлющем пастыре, как истощается монастырь при несобидительных иноках, так и град разоряется при худых правителях, жадных и корыстных, да невежественных и неумелых.

Улита. Как у свиньи в ноздрях усерязь, сиречь серьга, видна, у недостойных правителей власть зрима. *(Смех).*

Боярский сын Семенов. Худородные, к образу нрава у них неразумных свиней обычай. Они все пожрут, что ни дадут им, что смертно. Растворенно же и сокрыто принесут им, они не ощутят. Ради мзды, прибытку, все попустят и со всем примирятся, ибо не разумеют зла, которое приносят городу, не жалуют боярскую знать, лишили страну и высшего дворянства, и горячих патриотов. Боярина Никиту Романовича Романова околдовали, сына его Федора постригли, и иных Романовых услали. Боярина князя Мстиславского услали, псковского защитника, спасителя отечества князя боярина Ивана Петровича Шуйского извели. Иных Шуйских услали, вдовствующую царицу Марию Нагую с царевичем Дмитрием в Углич заслали. Слух ходит, что царицу отравили, и ныне, говорят, при смерти она. У нее вылезают волосы, ногти, слезает кожа. А дьякам велено резать царевича Дмитрия.

1-й крестьянин. Кто ж Русь оборонит да спасет царевича?

Старец Калист. Бог оборонит. Углич - город Божий, на пятьсот дворов пятнадцать церквей. *(Крестится).*

Пьяный *(идет, приплясывает, поет).* Углич - город невесел, виноградом обнесен, в этом саде-винограде есть девица хороша! *(Смеется).*

Купец *(сердито).* Дурносоп, яржка кабацкий, дурачества делаешь перед Варваринскими воротами с иконой Божьей матери чудотворной!

Посадский. Народ молится, к Богородице святой Варваринской пришел, а тут всяка шпына ходит!

2-й посадский. Вот оплетем тебя по уху!

Пьяный *(заплетающимся языком).* Мир вам, люди добры православны! И я пришел к Богородице во спасение грехи замаливать. Днем вельми пьян был, не помню, как с кабака свели. В мошне было денег алтын десять, то все вычистили. *(Плачет).* Сказывают, что со многими бранился и с иными дрался, того не помню всего. Пришел домой - жену свою прибил, детей своих разогнал. Суды все да чаши притоптал, не с чего стало пити и ести, а купити нечем. То пришел сюда молиться, чтоб Пресвятая помогла. *(Садится на землю, плачет).*

Боярский сын Семенов. Грех, грех повсеместно на Руси! И у меня сын Митя также в блуд вдался. Сказал ему: «Сын, - предостерегающе, - чтоб жены льстивой и блудной при тебе не было», да услал в Черну волоску, в Усольску землицу с хлебным обозом. Воротился - вновь принялся в кале блуда возиться. Опять услал, нашел ему кельечку в богомолье в Алексеевском монастыре, однак, не помогает. Вот и пришел молиться.

Купец. Добрый монастырь. И у меня там для богомолья две кельешки и чулан, и сени.

Семенов. Послал Митю в Алексеевский монастырь под назырение старца Сыся, чтоб его опекал заботой. Однак, пишет старец Сысой: «Сынок вновь закутил». Того, изнуряет себя в блуде и

пьянстве. Первое мое письмо - «Митя, опомнись», второе - гневное, с клятвами. Не требуется борзого ума, чтоб грех понять - не понимает. Сказали мне - молиться святым Козьме и Демьяну, они против блуда. Молился, не пособляет. То говорят, здесь на Крестцах Варваринская Божья мать пособить может. Много слышал я про московские чудеса. У гроба святого митрополита Алексея чудеса - у какого-то недвижимого человека почали шевелиться руки и ноги, когда поднесли к гробу. Слепой прозрел, глухой стал слышать. Особо ж много чудес тут, у Варвары, за торгом. В первое же лето правления малолетнего государя Ивана Васильевича почались многие чудеса чудотворной иконы тут, у Варвары за торгом. То надежду имеем на чудеса нынешние, в первое лето правления государя Федора Ивановича.

Нищий Петля Лобов. Ныне грехи, не чудеса, сиречь, зловещие предзнаменования. Нам, каликам переходим русским, все те предзнаменования ведомы. Звезды, словно дождь, падают на землю и рассыпаются искрами, в Москве ночью колокола звонят сами собой, в церкви Рождества Богородицы упал верх и сокрушил много икон.

Старец Калист. Всему виной Годунов со товарищи, они порчу наводят. Железа, сиречь чума повсюду, множество народу померло, да голод. Годунов народ голодом морит!

Петля Лобов. На умы уныние и страх. Близится конец мира. Скоро окончится шестая тысяча лет существования мира и наступит Страшный Суд. Чудные явления в природе - предзнаменование роковое. Московское озеро две недели выло ночью, не давая спать людям, а потом слышен был в нем страшный стук.

Никулка. Дядя Петля Лобов, что будет после конца мира?

Петля Лобов. После конца мира, Никулка, обозначится жертвенный подвиг Христа, будущего судьи мира. Жертва судить будет, а едина наша заступница на суде - мать Христа, пресвятая Богородица. Тут, у Варваринской чудотворной иконы - пресвятая Богородица. Воспоем ей октаву Рождества, гимн Марии! *(Поет)*. «И сказала Мария - велика душа моя Господа, и возрадуется дух мой о Боге!» *(Народ молится)*.

Старица Филя *(входит с плачем)*. Народ православный, тебе обидно будет, что поведано!

Купец. Жена, о чем недоумеваешь и плачешься, чего ради?

Старица Филя. И недоумеваю, и плачусь о том, что сотворилось. *(Плачет)*.

Петля Лобов. Старица Филя, поведай, что есть!

Старица Филя. За грехи будет на нас гнев Божий, и глад, и огонь, и потоп, и нашествие неверных. *(Плачет)*.

Семенов. Чем про то тужить, молиться надобно сердечно образам, иконам святым во спасение, особо же иконе чудотворной Божьей Матери Варваринской.

Старица Филя. И иконы нас не спасут. За умножение наших грехов уходят от нас святые иконы. *(Плачет)*.

Посадский. Для чего, старица Филя, про иконы говоришь, что уходят, кто видел?

Старица Филя. Видения необычные, милостивые. Инокня слепая внутренним оком узрела, как через Фроловские ворота город покидают все московские чудотворцы: Алексей, Иона, с ними ростовский Леонтий, а также чудотворная икона Владимирской Божьей матери. Видела все шествие и Евдокия Коломянка, безымянна жена костромского воина, родственница государева казначея, пономарь церкви Благовещенской на Драгомилове, жена воздвиженского пресвитера Ульяна и прочий народ. *(Плачет)*.

Женщина. Народ православный, ежели образа уйдут, то пропали мы, горе нам и детям нашим, даже и тем, кто в люлечках, пропасть! Нам даже и до ада не дойти! *(Голосит)*.

Старица Филя. Жар геенны душу обжигает! *(Крестится)*.

Купец. Не голосите, жены! Вон мать московская за Варваринским торгом с нами, ей молиться во спасение, чтобы иные иконы вернулись!

Старец Калист. Пресвятая дева московская нас не оставит, ибо после святейшего сердца Иисусова пренепорочное сердце пресвятой девы Марии.

Петля Лобов. Воспоем Святой Деве! *(Поет)*. «Радуйся, благодатная, Господи с тобой, благословенна ты меж женами, аллилуйя!»

Старуха-нищая *(вбегает и опускается на землю, голосит, раскачиваясь)*. Горе мне, состарившейся, горе мне, убожьей вельми! *(Вет на себе волосы)*.

Посадский. Я ее знаю! То - пибирушка, что сидит у Пречистенских ворот!

Купец. Не голоси, убогая! Молись с народом Пресвятой Деве, она спасет!

Старуха. Как же спасет, он, голый черт, и Святую Деву прокликает, ибо одержим от беса!

Посадский. Который голый черт, что говоришь такое?!

Старуха. Юрод мне зло безумное сотворил, Васька Блаженный, Васька Нагоходец обокрал, а как я поймала его за руку, влачить меня почал, за власы держа, дергал меня за седины и утробу мою распихал ногами, ветхие мои зубы пястью избил. И как сижу я у Пречистенских ворот, прошу Христа ради, то преследует меня кожный день упорно!

Василий Блаженный (*вбегает*). Некрещеная изба, некрещеная изба, некрещеная изба! Хозяин в дому, что дьявол в аду! (*Плюет во все стороны*). Ах, ты тут, старуха!

Посадский. Чего, Вася, шалишь, чего старуху-то бьешь?

Старуха. Бьет меня, бьет, черт плешивый!

Василий Блаженный. Старая калика седатая, седатая, сама плешатая. Чего се плачешься? Воздыхай согнилая мерзости, померклая гноище, баба горбатая!

Старуха. Не корись ты, корзина дерюжная!

Василий Блаженный. Возрев на землю, кал возьму! (*Подбирает с земли кал*). Свалив, обло яко камень, на бесстыдное лицо твое ввержу! (*Мажет лицо старухи калом*).

Старуха. Лице мое калом помазал, жить не дает юрод! (*С плачем убегает*).

Никулка. Дядя Петля Лобов, смотри, страшный то юрод! (*Плачет*).

Петля Лобов. Поди прочь, юрод лживый, не то прогоним тебя дрекольем!

Василий Блаженный. Эй, вы, калики! Вы-то, калики, бродите по миру крещеному, кого обкрадете, своим зовете!

Петля Лобов. Ты, юрод, обманщик и колдун, мы ж, калики, просим милости спасенного Христа ради.

Василий Блаженный. Кричит калика зычным голосом: «Дай нам, каликам, милостыню!» Не рублем берет, не полтиной, берет то целыми тысячами. Скажи-ка, калика, как просишь?

Петля Лобов. Прошу Христа ради!

Василий Блаженный. Еще скажи!

Петля Лобов (*сердито*). Христа ради! Христа ради! Христа ради!!!

Василий Блаженный. Слыхали, что он говорит: «Ста ради! Ста ради! Ста ради! Денег ради! Сребролюбия ради!» Вот дуну на лице твое я крестом, а абие⁴⁵ преложится от человеческого образа, и сотворится змея великая, дьявол! Дьявол! Сатана! Сатана!

2-й крестьянин. Юрод видит в нищем дьявола!

Петля Лобов. Не корись ты, шлея бросовая! (*Замахивается клюкой*).

Василий Блаженный (*уворачивается, отскакивает*). И в тебя, дьявола, навозный клубок брошу! (*Бросает кал и попадает Петле Лобову в лицо. Смех*).

Пьяный. Юрод и сего калом по лицу помазал, весела потеха! (*Смеется*).

Петля Лобов. Народ православный, юрод у святые иконы Божьей Матери кощун творит! Бейте его!

Пьяный. Бити его некому, и сняти с него нечего! (*Смеется, поет, пританцовывает*). «На устье Самары-реки, на красном бережку, на том на сыпучем песочке!» (*Танцует*).

Посадский. Недобро делаешь, юрод, что у святой иконы Божьей Матери шалуешь!

Петля Лобов. Юрод и церковь не почитает, в храм приходит не молиться, а шаловать! То орехов набрал, в церковь пошел, а как служба почалась, почал бросать ими и гасить свечи, а как подошли люди, чтоб его вывести, вскочил на амвон и почал оттуда кидати в женщин орехами. Ныне ж совсем кощунство творит!

Василий Блаженный. Ах ты, шелудивый калика! (*Бросает кал, попадает снова в калику*).

Петля Лобов. Ах ты, тьма адова, вот я тебя клюкой! (*Калики гонятся за Василием Блаженным, тот убегает*).

1-й крестьянин. Про калик юрод правду сказывал! Их, нищих, все больше, нас, крестьян, все меньше.

2-й крестьянин. У них, калик, привольное житье, сумка переметная всегда хлебом и деньгами полна. Овсянку едят с маслом, да кисель гороховый с хлебом!

Бродяга. Истинно так! (*Зевает, крестится*).

4-й крестьянин. От непомерных налогов вконец обнищали, потому только остается жить в своих дворах, что ведь земля не расступится, вверх не улетит!

45 *Абие* – тотчас.

5-й крестьянин. Поборами разорены! Уж и в страдную пору не овсом коней держим, мякину едят за овса место, а то и веточный корм. *(Сердито)*. Пятую часть давати, не более, пятую часть урожая с возделанной земли! А ямские сборы с крестьян не городити, на богатых торговых гостей перекласть! Жизни нет ныне! При Иване Васильевиче Грозном лучше было!

Купец. И города разоряются! Люди наши обнищали, и торжища наши раскопаны, а иные торжища калом коневым заметаны.

Старец Калист. Разорение на Руси, а святые молитвы забываем. В знании молитв многие малоискусны, не умеют прочесть «Отче наш», просвещать же народ некому. Годунов повсюду своих клеветов ставит, а они невежественны. Даже епископ в Вологде в беседе не мог сказать, сколько было евангелистов, сколько было апостолов. Сказал: «Ежели Бог пожалует, то и будет спасение, знаю я али не знаю, сколько апостолов».

Боярский сын Семенов. В дворцах повсюду, то ли в Двинской четверти, то ли тут, в Москве, на дворовой стороне, взяточники скуп берут. В холопьем да поместном приказе главные взяточники - государевы дьяки Андрей Арцыбышев и Семен Сумароков, Годунова люди. Сам Андрей Щелканов взяточник!

Посадский. В суд ногой, в карман рукой!

2-й посадский. При прежнем государе Иване Васильевиче лучше было, недаром говорят! Он бояр да дьяков притеснял, а к народу был кроток!

Пьяный. И у нас на кружечном дворе ныне грабеж! Людям обнажения великие. Одни пьют, другие грабят, с одного конца бо горят, а с другого говорят. В кою пору у нас пили, тогда и хвалили, а ныне в руках не видят. Они же нас осмевают и дураками называют.

Посадский. От Годунова со товарищи погибель!

Боярский сын Семенов. Нынешние его товарищи - Щелканов да Басманов - яко бесы, путь Годунову подстилают и имя Христова выгоняют. Оттого покинули Москву святые образа и едина осталась наша заступница, чудотворная икона Варваринской Божьей Матери! *(Крестится. Все крестятся)*.

Старец Калист. Воспоем ей, Пречистой! Сказано: прежде всего сейте пшеницу Божью, ибо из Божьих чудес произрастает все иное. Семя же того урожая есть молитва. Воздадим родительнице Божьей! *(Молится)*. И возрадовался дух мой о Боге, Спасителе моем, что призрел он на смирение раба своего, ибо отныне будут ублажать меня все роды. *(Народ молится. Входят калики Петля Лобов и Никулка)*.

Петля Лобов (сердито). Юрод побежал поспешно вон. Гнались за ним, но не могли настичуть. Он, Васька Нагой, от беса одержимый, лицо мне калом помазал. Ежели бы настигли, то били бы клюками каличьими.

1-й крестьянин. Ты, тля каличья, Васю Блаженного, юрода святого, не замай. Он в тебе самом, нищем, дьявола распознал, да слушал, что просишь ста ради, денег ради!

Пьяный. Взявши кошел, да под окна пошел! Христа помянул, а собак подразнил! *(Смеется)*.

Старец Калист. Оставьте прю, люди Божьи! Замолкните! Вы ж, окаянные, не подобны ли тем, кто пригвоздил Спасителя к кресту?!

1-й крестьянин. Слыхал я про счастливые земли. Живут там цари милостиво. Они и виновных не казнят, а лишь мучают их на дыбулях.

Молодой крестьянин. Как путь в те счастливые земли найти?

1-й крестьянин. Не найти нам пути в те земли, до конца мира не найти нам справедливого царя.

2-й крестьянин. Сказывают, перед концом мира явится справедливый царь, при нем все будут счастливы. Будет он царь бедных, при нем бедные станут богатыми и откроются все блага земли, и сбудется предание о белгородском киселе, который из земли тек. Снова сам кисель из земли потечет!

Молодой крестьянин. Попить бы того белгородского киселя! *(Зевает, крестится)*.

Старица Филя. Нет более на Руси чудес! За грехи наши покинули Русь чудотворцы, а и Мать Божья Варваринская за грехи покинет, не истинно ли? *(Плачет)*.

Старец Калист. А не лучше ли каждому смирить гордыню свою перед господом и Матерью Божьей молитвой? *(Молится)*. И милостиво в роды родов, и по вящему яви силу мощи своей! *(Народ молится)*.

Василий Блаженный (входит с обрывком рыболовецкой сети, накинутой на тело, и лаптем на веревке, которым размахивает, как кадиллом. Поет, как бы молясь).. Мать Божья Варваринская, поведай, как бы мертвеца до зубов ободрать и от попадьи убежать! Аллилуйя!

Старица Филя. Снова явился юрод Васька Блаженный делати беснования! Буявый мирской смутотворец!

Петля Лобов. Юрод проклятый греху учит, бить его надобно за кощун, самовольное беснование злосмердениями и за вещевание, вот я его! (Поднимает клюку).

1-й крестьянин. Не замай юрода! Юрод аки невинно дитя!

Пьяный. Вася Блаженный, ты чего ныне подельвал?

Василий Блаженный. Голым гузном сажу с полатей мел. (Поворачивается, наклонившись).

Никулка. Дядя Петля Лобов, а юрод Божьей Матери голо гузно кажет!

Петля Лобов. Юрод кощунствует страшнее еретика.

Старец Калист. Неверующий соблазнится, а верующий еще более укрепитя в вере, ибо еретик от беса, юрод - от Бога.

Петля Лобов. Васька от беса, меня «дьявол» назвал, не сам ли бес? Васька-юрод, бес в тебе сидит крепок, много брани и посмеятельных слов говоришь. Иных бесов имеешь, в себе-то поищи!

Василий Блаженный. И я, калика, скажу укоризну твоим безумиям: дьявола ты предтеча! Он еще, последний Антихрист, не приблизился, он еще, последний черт, не бывал, его правда укажет!

Женщина (голосит). Кто ж нас спасет?

Старец Калист. Едина спасет Божья Мать пресвятая. Пресвятая Дева выше херувимов, выше серафимов. Кто может обратиться к Господу Иисусу нашему со словами «Сын мой»? Только Бог-отец и Святая Дева. Божий святой попал на небо, увидел много святых - Николая-Угодника и прочих - но не нашел Деву. Спросил ангелов: «Где ж Святая Дева?» Она там, с вами, с вами незримо, с вами всегда! (Молится, поет). Радуйся, благодатная, Господь с тобой, благословенная между женами!

Василий Блаженный (размахивая лаптем, поет). Слава отцу, и матери их, и сыну. Помилуй нас, горянских. Да, мы нагота и босота. К наготе дерзновение имеем, наготы ярем до конца носити. Спаси, Мать Христова Божья, прими дары от нагих, от босых, от людей своих. (Бросает в Варваринскую икону кал).

Женщина (в ужасе). Юрод Васька Блаженный чудотворную икону Богородицы калом помазал! (Крики ужаса).

Посадский. Что ж ты, юрод бесный, сделал?! Юродство его на безумие обратилось! Богородицу калом помазал! Попустил на нас, богомольцев, скорби великие и срамные позоры!

Женщина. Юрод голый бесноватый!

Василий Блаженный. Отвяжись, дура! Я только сделал одно дело вперед другого. (Бросает в чудотворную икону камень). Теперь и другое сделал.

Старец Калист. Видно, и правда, крещен ты дьяволом, юрод! Ты, юрод, поупал шибко!

Василий Блаженный. Чтоб в гордыню не войти, надобно поупасть! (Бросает второй камень в икону чудотворную).

Женщина (в ужасе). Нагой камнем пометывает в древнюю святую икону чудотворную!

Петля Лобов. Вот, говорили: «Не замай юрода!» Он, юрод Васька Блаженный, на глазах потрясенных богомольцев побивает камнями образ Божьей Матери на Варваринских воротах, который исстари считается чудотворным!

1-й крестьянин. Видно, уж не покрывает Бог нас от всякого зла, раз и святой блаженный бесчествует! (Крестится, плачет).

Петля Лобов (кричит). Народ православный, берите юрода да бейте его, пока не ляжет без памяти!

2-й крестьянин. Юрод швыряет камнями, грязью и нечистотами на святую Богоматерь! Бейте его! (Бьет юрода).

Купец. Нечистоту во святую икону кинул, ослушник Божий! (Бьет).

Женщина. Дьявол голый! (Бьет. Крики: «Круши ему ребра!» Народ бьет Василия Блаженного).

Василий Блаженный. Господи, молюсь за бьющих! Много досады и укорения биения принимает безумных сих челоуеков, а грех на мне, не на людях! Господи, тихо и благодарно снесу побои! Господи, не поставь им греха, сам я задираю народ и принуждаю бить себя, сам ввожу народ в соблазн!

Старец Калист. Юрод безумный, бесчинствуешь! Скрестил руки на груди в ожидании смерти, готовишь себе погребальное!

Посадский *(кричит)*. Бейте крепче чародея!

Василий Блаженный *(с окровавленным лицом молится)*. Блажен, кому отпущено беззаконие, блажен человек, которому Господь не вменяет греха и в чьих руках нет лукавства! Господи, не молчи, господи, не удаляйся от меня! Так подвигнись, пробудись для суда моего и тяжбы моей, Боже мой и Господи мой! Суди меня по правде твоей всякий век, Боже мой и Господи мой!

Старец Калист. Истинно, богохульствует, обидев Мать Божью, просит Сына Божьего о помощи!

Боярский сын Семенов *(кричит)*. Бейте его крепче! *(Василия Блаженного бьют)*.

Василий Блаженный *(кричит)*. Господь, не поставь им сего в вину! *(Снова бросает большой камень в икону)*.

Старец Калист. Ухапить урода! Плюйте ему в лицо, чтоб не поганил Родившую Христа! *(Народ плюет на Василия Блаженного и бьет его)*.

Петля Лобов. Умри, лживый урод, здесь нет бо тебе спасения! *(Бьет Василия Блаженного клюкой по голове. Тот падает)*.

Посадский *(кричит)*. Добивайте его!

Петля Лобов *(бьет Блаженного клюкой по голове)*. Лежи тут, суцище облезлое, вот тебе яичко «Христос воскрес!» *(Бьет Василия Блаженного ногой)*.

Пьяный *(смеется)*. Удар добрый подобен целованию, дай-ка и я пну, надругаюсь, поиграю над телом! *(Бьет Василия Блаженного ногой. Народ бьет Василия Блаженного. Вдруг икона Божьей Матери падает и разбивается)*.

1-й крестьянин *(кричит)*. Православные, опомнитесь, глядите, черт! На доске под святым изображением нарисован черт! Мы черту молили! *(Общее смятение, крики)*.

Старец Калист. Юрода святого, богоотводника, мучили, и зашали, хотя должны перед ним благоговеть! *(Становится перед лежащим юродом на колени)*. Святой блаженный Василий, Христа ради, московский чудотворец, простишь ты нас, грешников, вину нашу? *(Плачет. Народ с плачем становится на колени перед лежащим Василием Блаженным)*.

Василий Блаженный *(говорит с трудом)*. Всякая вина виноватая! *(Крестится с трудом)*.

1-й крестьянин. То он, калика, юроду святому голову клюкой проломил!

2-й крестьянин. Бродяги молятся по миру и морочат людей, отнимают милостыню у бедных!

Посадский. Бить надобно всех калик проклятых! *(Народ надвигается на калик)*.

Боярский сын Семенов. Застегну осью железною! *(Замахивается кистенем)*. В единый раз грязью сделаю!

Никулка. Дядя Петля Лобов, скорбно мне и страшно! *(Плачет)*.

Петля Лобов. Закрой очи, мальчик! *(Закрывает ладонью Никулке глаза)*. Яко же годно Господу, так и свершится! Други, сестры, братья, бейте скорей! А главу свою положить хочу за достояние Богоматери.

Василий Блаженный *(говорит тяжело)*. Пустите его с тощими руками. Иди, убогий, в часовню да молись, молись за грехи.

Старец Калист. Всем так надобно, все мы святое тело твое уязвляли, простишь ли?

Купец. Надобно отнести скорее святого к лекарю.

Василий Блаженный *(говорит с трудом)*. Лекарь мой - Господь, враг мой - дьявол. Сокрушите дьявола, то исцелюсь.

Купец *(снимает шубу и, свернув, кладет под голову Василия Блаженного)*. Не покидай нас, святой!

Женщина *(платком утирает кровь с головы юрода)*. Рай одушевлен, простишь ли нас?

Василий Блаженный *(говорит с трудом)*. Птица есть - пеликан, которая вскармливает птенцов своей кровью. То - не жертва, жертва - тело Христа. Так и живу среди вас.

Пьяный. Святой, скажи, как мне жить, грешному, голодному, бездной кабацкой одержиму?

1-й крестьянин. Василий Блаженный, святой многоходец, нам, крестьянам, как жить? Мы дело делаем, а дело зовется «барская пахота»! Еще о последнем поведай, богоотметник, на утешение плача нашего: как нам жить?

Василий Блаженный. Поднимите меня. *(Василия Блаженного приподнимают. Говорит с трудом)*. С прохладой живите, сиречь, с радостью, с красотой. Если хочешь прохладиться в свободное время от трудов - выйди на подворье хоромины твоей в воскресенье, в праздники, и смотри: небо, солнце,

луна, звезды, облака в высоте, и среди них прохладжайся. Смотри на доброту их и прославляй творца Христа-Бога. Ежели хочешь еще прохладиться, иди на двор твой и обойди кругом хоромины твои, гляди, что все распалось, или что спастись хочет, подновляй ветвие, неутвержденное закрепи, прах и гной загребай. А ежели хочешь еще прохладиться, то изыди за ограду твою, посмотри сюда и сюда, все к плодоносию и утверждению сотвори. Изыди на поля сел твоих и види нивы твои, умножающие плоды - пшеницу, ячмень и прочие, и травы зеленеющие, и цветы красные, горы, холмы, озера и источники, и реки, и с ними прохладжайся и прославляй Бога, иже тебя ради всего сия сотворившего.

Старица Филя. Святой блаженный, нет боле на Руси чудес! За грехи наши покинули Русь чудотворцы, а и Мать Божья Варваринская за грехи наши обесена! *(Плачет)*. И ты покидаешь нас!

Василий Блаженный. Есть на Руси святые, и Мать Божья не покинула Русь. Вот она - святая Мать Московская! *(Входит Анница с младенцем на руках, окруженная детьми разного возраста, подходит к Василию Блаженному, становится перед ним на колени. Василий Блаженный крестит ее и умирает)*.

Анница. Дети, тело святого перенесем в великую церковь, ибо творил чудеса, также и упрекал царя во всех его жестокостях и во всех его угнетениях, каким подвергал народ.

Никулка *(входит с плачем)*. Дядя Петля Лобов от отчаяния утопился в московском омуте, один я теперь на миру! *(Плачет)*.

Старец Калист. К ней иди, к Матери Московской, она примет! *(Никулка подходит к Аннице, та кладет руку ему на голову)*.

Женщина. Анница блаженная, как нам жить?

1-й крестьянин. Святая, на кого нам надежду иметь?

Анница. Вы надейтесь на Бога - Вседержителя. Молитесь на восток, где алтарь. Когда-нибудь с востока, где встает солнце, придет второй раз Иисус Христос, чтоб судить людей. *(Народ с молитвой, взяв тело Блаженного, уносит его под звон колоколов)*.

Занавес

Сцена 142

Книгописная мастерская Николаевского Тихоновой Пустыни монастыря. На стульцах за низкими столиками - книгописцы, переписчики, переплетчики, занятые своей работой. В углу - ветхий гроб с мощами. В ином углу - несколько мешков и кадей с солью.

Книгописец Кузьма Долгой. Уж ночь, вельми темно. Ох, голова моя болит, не могу и писати. *(Пишет)*.

Книгописец Максим. Хочется есть и пить, сести да позавтракати, хотя пост. *(Пишет)*.

Книгописец Яков. Час ужина, не заутреня. С шести ужинают. *(Пишет)*.

Книгописец Максим. Хочется ести и пити. Како мене бесится, коли поставят кисель с молоком, ох-ох! *(Пишет)*. Поддай, Господи, пива сего напитаться! *(Крестится, потом чешется)*. А работа мне трудна, ох, лихо мне сего писати, и еще ох! *(Чешется)*. Мешает работе короста, и поесть бы, помыться. О, святой Николай, пожалуй, избави от коросты сей. *(Крестится и чешется)*.

Книгописец Кузьма. Хочется спати, и недомогание терплю. Ох, ох, голова моя болит, не могу и писати. А уж ночь, лег бы спати. *(Зевает)*. Святой Пантелеймон, дай помощи, а, святой Пантелеймон, поспеши, уж глаза спати хотят. *(Крестится, зевает)*. Ой, лихо мне сего пупыря терпеть, голова моя болит и рука се терпеть не может. *(Пишет)*. Лихо перо, не вольно им писати. *(Смотрит написанное)*. Не тычь же в бок, нечистый, не лезь же в грех, что такое не то написал! *(Рвет страницу)*.

Книгописец Максим. От голода потемно написал, видать. И у меня бывает: вместо «хляби» «хлебы» писал, не «купей» а «кисель» писал. От голода все то. *(Чешется)*. И от коросты. Не «водья», «вода» написал. *(Рвет страницу)*.

Переплетчик Иванов. Ведомо же, где будет пометано, сиречь ошибочно писано или криво писано, то или с другом беседа, или в малоумии своем шукаете иное, не то, что помышляешь. Да описался вслед своей грубости, с другом беседея. Придет книгохранитель отец Пафнутий Раков, то не

пощадит. Так-то, книгописец Кузьма Долгой да ты, книгописец Максим, в миру Сантомир, да ты, книгописец Яков.

Книгописец Кузьма Долгой. Ты, переплетчик Алексей Иванов, сын Кабаков, свой урок делай, а в наш не впутывайся. Твое дело - наружное украшательство, наше же есть - внутреннее, духовное слово.

Переплетчик Иванов. То, что говоришь, книгописец Кузьма, нарекаю неразумием. Дело переплетное - древнее, и в Киевской Руси переплетали, исполняя с рукохудожеством. В древнем Киево-Печерском монастыре был монах Никон, переплетчик. Другой монах - Феодосий, прозван впоследствии Блаженный, пряд для него нитки и делал драгоценные камни: зернь, скинь, тиснение серебра и золота, чернь, рисунки, финифть, тяжелые оклады.

Книгописец Кузьма. Святой отец Максим Грек написал слово об обличении начетчиков православных: «Вы книги моих словес обильно украшаете серебром и золотом, силу же писания в них моих велений неже приемлете, неже исполняя и продать хотите». Так ли, старец Герасим Новгородец?

Старец Герасим Новгородец. Истинно, за богатым убранством не умеют читать красоты духа. Яко растворенный мед от единого сосуда пьем златою чашей, от того же серебряной чашей, так же и деревянной, не едина ли сладость пьющему бывает и веселье? *(Пишет)*.

Книгописец Максим. Сладость да веселье бывают от дела благоугодного. Переписка и писание текстов церковных - то истинное дело благородное и религиозный подвиг. Как переписывал апостол патриарший библиотеки, то делал с весельем.

Книгописец Яков. А мне весела посадская книга, переписыванье на продажу - «Азбука о голом и небогатом человеке», «Повесть о ерше», «Повесть о курае и лисице» да прочие. А писец пишет скорописью, чтобы иметь достаточно заработка и избежать нужду. За изящно читательным книжным писанием писать бывает медленнее и в убожестве недостаточно пищи и пожелания потреб тленных. Во иные книгописатель пишет книжечку вольно, в монастырях же пишет, что велено. Ныне вот велено писать житие святого царя Ивана Васильевича, вовсе мало часа имеем для заработка, и то голодно.

Переплетчик Иванов. Так за разговором дорыщетесь до кур, сиречь до петухов, а урок книгохранителя Пафнутия Ракова не сделаете. Чуете, уж идет? *(Слышны шаги. Входит книгохранитель Пафнутий Раков и два плечистых послушника - Леонид и Иосиф. Книгописцы и переплетчик встают и кланяются)*.

Пафнутий Раков. Книгописцы, каждый имеете свой урок по писанию жития святого государя Ивана Васильевича, и в скольких листах писано. Ты скажи, книгописец Кузьма Долгой!

Кузьма Долгой. Отец святой Пафнутий, пишем старательно, однако тяжело разуместь. Шаблоны смотрим для переработки в житие царя Ивана Васильевича.

Пафнутий Раков (недовольно). Про шаблон Жития Святого сказывал многожды. Образцы, по каким составляются Жития святого: его происхождение от благочестивых родителей, ранние подвиги, послушание, в случае жития святого государя - послушание Господу, раздача бедным имущества, при житии государя - раздача милостей государевых. Мученические подвиги в бедности, при житии государевом - мученические подвиги в государевых тяготах и награда Божья. Так ли делаете, скажи ты, книгописец Максим именем Сантомир!

Книгописец Максим. Отец святой, старание имеем, однако тяжело!

Пафнутий Раков (сердито). Вижу, старание имеете к иному - к писанию книг сторонних на продажу, оттого урок жития святого государя Ивана Васильевича делаете нестарательно. Так ли, ты, книгописец Иаков?

Книгописец Яков. Отец святой Пафнутий, упаси Господь! Княжение великого Иоанна Васильевича в Руси да жития его уподобляют по образцу во совершение жития начальников соловецких Зосимы и Савватия.

Пафнутий. Глянем, так ли. А прежде глянем, не захватили ли где книжек посадских, писанных на продажу. Вы, владычины ребята-парубки Леонид и Иосиф, гляньте-ко! *(Леонид и Иосиф осматривают келью)*. Мантии ощупывайте, парубки, они и там захватить могут!

Леонид. Нет ничего, отец святой Пафнутий!

Иосиф. Видать, с тщанием заховали.

Пафнутий Раков. Найдем - худо будет, ибо то тщание, которым дьявол улавливает людей на удицу, а ловцы - черти, а наживка - деньги. Все деньги сдавать в церковную казну! Ты пишешь ли на продажу, старец Герасим Новгородец?

Старец Герасим Новгородец. Преподобный отец Пафнутий, написал святое живописное Воскресение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, а продал львовскому купцу за девять коп западнорусских денег. В копе - шестьдесят грошей, грош - пять копеек. Всего - пятьсот сорок грошей. *(Достает кошель, отдает деньги).*

Пафнутий Раков *(берет деньги, пересчитывает).* Сие одобряю. Возьми десять грошей себе на дела. *(Дает старцу Герасиму деньги).* За утайку - не избежать суда мирского жестокого и Божьего страшного. Ания, участник первой христианской общины в Иерусалиме, за утайку части денег, вырученных от продажи имения, в пользу церкви был изобличен апостолом Петром и поражен Богом внезапной смертью.

Старец Герасим Новгородец. Отец Пафнутий, можно ли по исполнении уроков писать и далее на продажу для увеличения церковной казны?

Пафнутий Раков. Псалтыри пиши, книга душеполезного чтения! Ныне, при смуте русской, особая нужда в псалтырях и в минеи-четыи, каждодневном чтении русского человека.

Старец Герасим Новгородец. Псалтыри пишу. Псалтырь толковый пишу в келье. Преподобный псалтырь толковый живет в келье у игумена Синайского монастыря. Также и Четыи-минеи пишу, и с парубком Богданом Яковлевым, писцом-копиистом, пишу. Богдан Яковлев, покажь тетрадь отцу Пафнутию.

Богдан Яковлев *(с поклоном протягивает тетрадь).* Писал урок беглым полууставом.

Пафнутий Раков *(берет тетрадь).* Тут звательный падеж потребен - «истожителю», ставлю козупомету. Также местный падеж со старым смягчением - «в тузе человеце». *(Листает).* Буква «кса» тако повинна писаться. *(Исправляет).* Тут пишешь: «Поставь царя над Индеею в Иерусалиме», надобно «Поставь царя над Иудеею в Иерусалиме». Делаю мету-козу, писать надобно старательно, особо в шаблоне. Да гляди добро!

Старец Герасим Новгородец. Отец Пафнутий, и матрица-шаблон иной раз не добра! В особом Житии Александра Невского дата погребения князя неверна, сказано: «Месяца ноября в день на память святого отца нашего Григория Декаполита». Писец вторую цифру принял за букву и по Святым заменил святого Амфилохия на святого Григория.

Пафнутий. То мне ведомо. Летописный труд есть чтение. Наш Николаевский Тихоновой пустыни монастырь невелик и небогат, не именит, а писание святого жития государя Ивана Васильевича, первого русского царя, собирателя земли Русской, поручено нам, нашей книгописной мастерской, а не троице-сергеевской, не кирилло-белозерской, не соловецкой, не волоколамской. То - гордость велика, что поручение то нам от патриарха Иова Всея Руси. Также делаем переплет для жития святого государя Ивана Васильевича и для прочего. Делаешь ли переплет, дьяк Алексей Иванов сын Кабаков?

Иванов. Делаю, отец святой Пафнутий. Святое житие государя, царя и великого князя Ивана Васильевича Всея Руси для государя, царя и великого князя Федора Ивановича поволочено будет бархатом рытым, верх - серебряный, чекан золотой, а на нем - четыре камня - два яхонта лазоревых да изумруд в гнездах, надпись чернью о владельце. Тако же и для правителя государева Бориса Федоровича Годунова, только оклад выкован из серебра и наведен чернью. А для царицы Ирины Федоровны переплет шелковый, с жемчугом. Для отца патриарха Иова переплет - кожа с тиснением, также бархат и парча.

Пафнутий Раков. Сие одобряю. На переплетах Жития святого государя Ивана Васильевича должна быть тако ж София премудра Божья, ибо сей великий государь Иван Васильевич был не только лишь храбр, но и премудр.

Иванов. Потщусь! Однако, страх имею перед грабежом и разбоем. Чул, черкасы пришли, ограбили книгохранительницу Иосифо-Волоцкого монастыря, также и в Антониевом Спасском приходили разбойники, шайка Мити Бердникова. Старца Леонтия убили до смерти, книги поимали, с образцов оклады посядали.

Пафнутий Раков. То ведомо. Уж посланы грамоты от игумена отца Христофора в патриаршую, чтоб прислал патриарших стрельцов. Тако ж разное имущество храним в кельях и в церкви под защитой духовных заклятий и железных засовов. Тут добрый книгохранительницы книгописной на

железных крючьях сзади дверей прибит заслон ради крепости. У дверей, на пробоинах замок снычевой».

Иванов. Отец святой Пафнутий, однак, сторонние ходят книжные покупатели к книгописцам, а кто знает - может, то разбойники!?

Пафнутий Раков. Как так? Я велел придверникам сторонних не пускать под страхом наказания! И вы, книгописцы, чтоб сторонних не водили!

Книгописец Максим. Отец Пафнутий, сторонние не ходят, то прежде было.

Иванов. Ходят, ходят! Аки на торге в коробейный ряд!

Пафнутий Раков. Чули, книгописцы? За привод посторонних покупателей, как за книжную порчу, наказание монастырское - лишение пищи, сухоядие, публичные стояния на общем обеде.

Яков. Отец Пафнутий, то лжа от переплетчика Алексея Иванова сына Кабакова. Те сторонние, что приходят - они за солью идут из пекарни, из квасоварни или из поварни. А мы за те приходы по соль сами жалобницу имеем: в книгописной три бочки соли да две кади больших. Весу соли - полтора пудов, а от соли бумаге порча, также и пергаменту, да теснота. В оном углу хранится гроб с мощами, а мы, книгописцы, тем стеснены. Так ли?

Старец Герасим Новгородец. От соли - истинно, теснота и порча, а от ветхого гроба преподобного чудотворца Еуфимия тесноты не имели. Вблизи святых книг монахам не странно держать гроб святого.

Пафнутий Раков. Добро ты произнес, старец Герасим Новгородец. Скажу игумену Христофору, чтоб соль переставить. При тесноте в квасоварне, пекарне али поварне места нет, а поставлю в больнице монастырской. Книгам от соли порча, а больным от соляных паров - польза, очам и мозгу, и голове лечба есть. Мощи же святого чудотворца Ефимия тут стоять будут, при святых книгах. Так-то порешили. Ты ж, старец Герасим, починай читать свой урок, все остальные внимайте. *(Садится на стул около старца Герасима).*

Старец Герасим Новгородец *(читает).* Жития благоверного святого государя святого князя и российского страсотерпца Ивана Васильевича по прозвищу Грозный, а прозвище «Грозный» оттого, что при рождении сей благородной отрасли царского корня во всем царствии земли до основания по случаю рождения долгожданного наследника воздвигались церкви. В Коломенской церковь воздвигли.

Пафнутий Раков. Старец Герасим, тут впиши так: «Да по случаю деторождения наследника и устранения опасности распада государства Русского после смерти бездетного великого князя благоверного Василия воздвигнута церковь.»

Старец Герасим. Впишу, как велишь. *(Записывает. Читает).* «Церковь Вознесения в Коломенском образа Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и пресвятой девы Марии новгородцы обложили златом и серебром, и камнем драгим».

Пафнутий Раков. Особо надобно указать, что рождение наследника - награда за благочестие. Благоверный князь Василий III основал монастыри и церкви, по богомольям постоянно ездил. Вот за то в пятьдесят лет Бог и даровал ему, наконец, наследника.

Старец Герасим. Так у меня писано, отец Пафнутий. Отрок еще был в чреве матерном, а уж почал от сердца. Рождение было непросто, ибо иноплеменные почали уходить из-под пределов России, волки грызли друг друга, в страхе бежали. А когда Иван родился, то пришли старцы от всех краев земли, поклонились и предрекли великое будущее. Казанская ханша, узнав о рождении царя Ивана, объявила московским гонцам: «Родился царь, а у него - двое зубов. Одним съест нас, татар, а другим - вас».

Пафнутий Раков *(задумывается).* До сего места добро, про татар. А другим зубом, пиши, съест измену.

Старец Герасим. Так и я мыслил, отец Пафнутий, да не успел вписать.

Пафнутий Раков. Ежели мыслил, то пиши непокрыто. В святом житии двоемыслия быти не должно. Смотрите в образцы! Многие жития и похвальные слова починаются словами: «Тайну цареву добро есть храните, али память проповедуйте с похвалами. Что реку, то и возглаголю». Я тебя чу, старец Герасим Новгородец, за умение твое доброго грамотея, а игумен Христофор на тебя косит за

46 *Замок снычевой* - от «сныч», язычек, задвижка или засовец в замке, замочный запорец, который, при обороте ключа, запирает и отпирает.

прошлые дела, я ж тебе предстатель. Ты ж не прельщайся, ибо стану из предстателя, сиречь заступника, тебе в великую скорбь.

Старец Герасим. Отец Пафнутий, прежде соблазнялся, по молодости.

Пафнутий Раков (*недовольно*). То-то, гляди. Читай-ко далее свой урок, книжник Козьма Долгой!

Кузьма (*читает*). Августа двадцать пятого 1530-го года от Рождества Христова благоверная княгиня Елена разрешилась от бремени сыном. В честь ее разрешения по Русской земле прокатилась страшная гроза. Молнии блеснули, земля поколебалась. Новорожденный наречен был Иоанном в честь ближнего ко времени его рождения праздника усекновения Иоанна Предтечи. Восприемниками Ивана были монахи-иосифляне Касьян Босой и Даниил Переяславский. Мамкою к новорожденному приставлена была боярыня Аграфена Челяднина, родная сестра Ивана Овчины, входившего в силу и получившего по смерти великого князя Василия звание конюшого. Умер великий князь Василий на пятьдесят шестом году.

Пафнутий Раков (*недовольно*). Ты, книгописец Кузьма Долгой, не в те матрицы глядишь! А пишешь многое ложно и не по делу.

Кузьма. Я, отец Пафнутий, в летописи гляжу.

Пафнутий Раков (*сердито*). Сказано было - в житейские матрицы глядеть! Летописец не все безгрешной рукой пишет, многое не по делу пишет. Аграфена Челяднина - жена казненного изменника боярина Челяднина-Федорова, а такой желал на трон вместо государя. И брат ее, Овчина Телепнев, был казнен за интригу против благоверной великой княгини Елены. Благоверная княгиня Елена была бесплодна долго, в сопровождении новгородского владыки отца Макария ездила по монастырям в Переяславль, в Ростов, в Ярославль, в Спасово-Каменный монастырь на Кубенском озере, в Кирилло-Белозерский. Устраивала братии утешение, раздавала милостыни нищим. Во всех церквах молились о чадородии, из монастырей доставляли хлеб и квас. Ничего не помогало за грехи наши, шибко удручало. Четыре с половиной года не помогало, пока царева чета не прибегла к мощам преподобного Пафнутия Боровского. Лишь тогда великая княгиня забеременела. Так-то писать надо!

Книгописец Кузьма. Отец Пафнутий, у меня то писано. Указано - четыре с половиной года не беременела, а приглашение ко двору умелой в деле знахарки Аграфены с братом Иваном Овчиной помогло.

Пафнутий Раков (*сердито*). Не то, говорю, пишешь, не про то, дурак ты этакой! В матрицы жития велел глядеть! Не умея, не видя жития, истины святой не напишешь! Как в житии князя Федора Ярославского много чудес повинно быти, и все о святом житии государевом Ивана Васильевича. Ты ж пишешь особо преложные дела знахарок и изменников. Чудеса были от юродов святых, не от знахарей при рождении государя. Юродивый по имени Дементий на вопрос беременной благоверной княгини Елены, кого она родит, отвечал: «Родится сын Тит, широкий ум».

Книгописец Яков. Отец Пафнутий Раков, у меня про сего юрода писано.

Пафнутий Раков. Читай ты, книгописец Яков!

Яков (*читает*). В час рождения государя Ивана Васильевича внезапно явилась сильная гроза. Юродивый поведал княгине: «Родится Тит, широкий ум».

Пафнутий Раков. Отчего широкий ум?

Яков. В память апостола Тита, августа двадцать пятого в день рождения государя.

Пафнутий. По святому Иоанну Златоусту Тит - наиболее искушенный из учеников апостола Павла, вот объяснение - широкий ум. Инок Ферапонтова монастыря Галактион за двадцать пять лет до рождения царя Ивана предвидел: «Князь Василий Казань не возьмет, но овладеет ею благочестивый сын Иоанн». По-жидовски Иоанн - «Божья благодать» переводится. Место Казани - сатанинское, угроза православию. Прежде на месте Казани жили гигантские змеи от сатаны, и когда там было великое угодье, многие люди не могли на том месте поселиться. В татар змеи вселившись, позволили им там жить, чтобы отовсюду собирали к себе воинскую силу, и многие города русские обступили, и самого дошли града Москвы. Иоанн - Божья благодать - знал с молитвой о своей грозе, сиречь силе, знал свой нрав и широту своего ума, знал о высоком предназначении. Так святое житие государя Ивана Васильевича писать надобно!

Иванов. Они, отец Пафнутий, более на продажу грамотеям посадским да казакам горазды писать за алтыны!

Кузьма. Сие - лжа твоя, переплетчик Алексей Иванов сын Кабаков! Мы, отец Пафнутий, тщимся, делаем дело.

Пафнутий Раков. Делайте так и житие святого государя Ивана Васильевича. То житие повинно писати особо. Показать, как десница Бога вела Россию к величию, собиранию земли Русской. То - радостный гимн национального торжества, и писати надобно по-иному. *(Смотрит написанное)*. Писать с красотою, полууставом. Вы ж пишете, гляжу, грубым умом, мутным разумом, а рукой беззаконною.

Яков. Отец Пафнутий, от голода и холода да истомы руки не идут, сами с полуустава на простопописание переходят, на скоропись убогую!

Пафнутий Раков *(сердито)*. Не делая, да не яст! Монастырь наш Николаев Тихоновой пустыни живет по уставу Иосифа, где волоколамский игумен Христофор был послушником. Тот устав - на три устройства. Одну мантию, одну шубу худу, всю переносену, одно яство. Второе устройство - две яствы с калачом, иметь одну шубу неистрепану. Третье устройство - выбирать еду по вкусу, с хлебом али калачом, две мантии - новую и подержанную, два клобука, три свитки, две пары сапог. *(Смотрит в писание Герасима)*. Вот старец Герасим Новгородец старательно пишет, красно. А напишешь мне, Герасим, в Новгород архиепископу: «Пришли ко мне, отец архиепископ, книгу Маккавеев да хлебника, который горазд хлеба и пирогов печь». *(Герасим пишет)*. Добро пишешь! *(Берет бумагу)*. Скажу игумену, чтоб велел тебе составить опись монастырского имущества, а в церквах образы, и вещи, и ризы, и на колокольнях колоколы и всякое церковное строение монастырское.

Старец Герасим Новгородец. Отец Пафнутий, покорно благодарю, а исполню, что велишь. *(Целует Пафнутию Ракову руку)*.

Пафнутий Раков. Пожитье будешь иметь отныне по второму устройению. А еще потщишься - то третье устройство получишь. Ты ж, переплетчик Алексей Иванов сын Кабаков, одержишь отныне уж третье устройство с едой по вкусу да двумя парами сапог в награду.

Иванов. Оле, радуюсь! *(Целует Пафнутию руку)*.

Пафнутий Раков. Ты ж, книгописец Козьма Долгой, да ты, книгописец Максим, в миру Сантомир, да ты, книгописец Яков, в миру Демиан, жить, как и прежде, будете по первому устройению. Подвизание есть усердие, рвение, побуждение, богоугодная деятельность. По первому устройению будете, пока не переиначитесь и подвизания не покажете, а еще неисправней будете, велю поимать наказание - отлучение от трапезы на сорок дней, заключение в узах железных в монастырской тюрьме. Да памяуйте - по образчику Иосифо-Волоколамского монастыря в кельях ничего хранить нельзя, кроме книг и икон. Монахи располагают немногими вещами для обихода, да все не собственное. Не иметь собственной одежды, обуви, книг, икон. Чтоб в келиях не было тайноядия. Вода для питья также не в кельях, а в общей трапезной. Соблюдаться должна тишина на молитве, не переговариваться меж собой по вечерам, никуда не отлучаться, особо к ночи, не потреблять вино. Женщинам и отрокам вход запрещен, также и иным старцам. Вы, владычины ребята Леонид да Иосиф, за сим особо глядите.

Леонид. Уж поглядим, отец Пафнутий!

Иосиф. Многие грешат! Когда звонят в церковь, они без порток, в одних свитках в кельях сидят.

Леонид. Посадским и казакам книги продают, а после трудятся. Мужик орать так не трудится, как они до полуночи трудятся у пивного ведра!

Пафнутий Раков. Поймаем - то уж одарим и плетью, и темницею, что не пишете добро. Вы ж, книгописцы, сидите, пока урок не исполните. Ты ж, переплетчик Алексей Иванов сын Кабаков, иди в келью почивай, а ты, старец Герасим, можешь идти с копиистом своим.

Старец Герасим Новгородец. Отец Пафнутий, дозволю мне посидеть до окончания дела, а копиист хай идет. Иди, Богданец Яковлев!

Пафнутий. Похвально, что ты, старец, так о деле тщишься! Скажу про то игумену отцу Христофору. *(Уходит с переплетчиком и послушниками Иосифом и Леонидом)*.

Кузьма. Ушел, слава тебе Господи! *(Крестится)*.

Максим. И оговорщик с ним, пес, ищейка собачья Иванов сын Кабаков, переплетчик. На нас начальникам наушничает, подстрекает.

Яков. И ты, старец Герасим Новгородец, вишь, наперсником стал, сиречь любимцем.

Герасим. Сказано: с сильным не борись, с богатым не судись.

Яков. Как так, а Божья правда? Ты ж про Божью правду немало говорил?

Герасим. «Не судиться» означает - у них свое, у меня свое.

Кузьма. Монастырская верхушка свирепей зверей.

Максим. Мы голодуем, сухой хлеб жуем, а они водку хлещут - все служники монастырские, часовщик, ризничий, три пономаря, надзиратель большой. Ходят по кельям будильники и преддверники, и канонар, чтец канонарный, а и сам владыка игумен Христофор, да книгохранитель Пафнутий Раков, да второй книгохранитель именем Антия, они все едят и пьют!

Кузьма. Через плетень пьют, а нас не зовут. Для постных дней вязиги да икры, белорыбицы стельной!
(Крестится, зевает).

Яков. Помолчали бы, а не то понесет иной.

Старец Герасим. Ежели один на другого не понесет, то некому. Я не ябеда, не обнесу.

Яков. А ты откуда к нам появился, старец?

Герасим. В книгописной мастерской Кирилло-Белозерского монастыря прежде был.

Кузьма. Добро там, на Белом озере?

Герасим. Кому Бело озеро, а мне черней смолы.

Кузьма. Что так? Ты ж книгописец умелый, тщательный, отчего ж тебя не любили?

Герасим. Поначалу любили меня. Починал я послухом, переписчиком Чудова монастыря. А книги северной переписки хуже изяществом переписчиков суздальских и московских. Заставки не имеют орнамента, блеклы покрасом. Я ж по-московски писал. Писал сперва лексикон большой - одобрили. Потом дали писать Никоновское правило царя и великого князя Ивана Васильевича Всея Руси. Сидел над книгой день и ночь. Работу не приняли, штраф - пятьсот рублей. А обширная боярская городовая усадьба с многочисленными хозяйственными пристройками стоит триста рублей.

Максим. Что ж работу не приняли?

Герасим. За одну лишь взноску про рождение и крещение государево. Писал я по правилам чудовым, сиречь желал писать истину, то написал, что князь Василий уж был стар, а по летописи шибко влюбился в литовскую иноземку Елену и вопреки московским правилам обрил себе бороду и пекся о своей приятной наружности. Рождение сына было через год, в день его ангела Иоанна усекновения головы. Построил по вековому русскому обычаю в один день обыденку - церковь на старом Ваганькове, обетную церковь, своими царскими руками сделал в единый день. А когда крестили младенца царя в Троице-Сергиевском монастыре, то особо был при том Иван Федорович Оболенский-Телепнев, и слух имелся, что государь о двою отцу, и сделано то с ведома старого, больного князя Василия.

Кузьма. Я тоже такой слух знаю. Правда ли?

Герасим. Правда, теперь уж ведаю, о двою отцу, подобно Святополку Окаянному. Тогда ж чудом мне голову не отсекли, настоятель Соловецкий меня покрыл. Совсем покрыть не мог.

Кузьма. Что ж случилось?

Герасим. Знаешь ли песню такую? (Поет). «В тюрме сидючи во каменной, за решеткою под окошком, я не год сижу и не два сижу, я сижу, молодец, ровно девять лет».

Максим. Скорбно в тюрме было? Били?

Герасим. Кручинисто было. Били, как иных, и голодом морили. Нагих и босых и в железо скованных, по крестцам и торгам водили милостыню собирать с иными колодниками. Мыслил - околею, а вишь, не я околел - он, Ивашка кровавый, я его переключал, перехитрил. По окolenию его, государеву, Ивана Васильевича Всея Руси, освободили да выслали сюда, в Тихонову Пустынь.

Яков. Истинно, ты хитер! Государя Ивана Васильевича поносишь, а похвалы в летописном житие пишешь.

Герасим. Я похвалы с внешнего голоса пишу, с внутреннего голоса - проклиная. Многие года Иван Бешеный купался в крови своих подданных.

Яков. И при бдении ты, старец Герасим Новгородец, на клиросе с иными молитвы поешь за упокой умершего государя Ивана Васильевича, а также похвалы нынешним правителям - царю с царицей и Годунову.

Герасим. Молитвы сотворяю, а аминя не даю. Иные аминь дают, а я безмолвствую, али аминь даю с проволокою, не тотчас за именем царским.

Яков. Не страшишься, что за двоедушие да за двоедушное лукавство накажет Бог?

Герасим. Бог за такое простит. Пример свой имею юродского святого лукавства. Мыслите, юрод Василий Блаженный безумен был, не лукавил ли? Даже и тиран терпел юрода. Царь Иван Васильевич замучил Филиппа митрополита, но терпел дерзости, смиренно глотал, которыми юрод как бы плевал в него. Ныне от патриарха веление писать святое жительство государя Ивана Васильевича. Иван Бешеный творил во всей Руси разбой, а Ивана Кровавого в святые писать хотят!

Яков. Чул я, многие книгописные именитые мастерские Троице-Сергиевского монастыря, Кирилло-Белозерского, Соловецкого, даже Иосифо-Волоколамского, уж на что про государя, воспротивились писанию святого жития царя Ивана Васильевича. То дали заказ в нашу книжную клеть, в Николаевский Тихоновой пустыни. Наш же игумен Христофор - клевет патриарха Иова.

Герасим (зло). Не будет Иродовичу святого жителя! Жил нечисто, и умер нечисто, за игрой в шахматы, осужденной православной церковью. Умер без покаяния, аки колдун. Такова и смерть Святополка Окаянного! Се Бог наказал, а наказание князьям, государям русским. Как же ныне канонизировать Ивана Кровавого? Все равно что канонизировать Святополка Окаянного да писать его святое жительство! То кощун, противоречащий православному закону. Ежели так, приде время, и иных царей кровавых святыми пожелают объявить!

Максим. Не страшишься ли таких речей? Хоть при Годунове голов сечется меньше, а в твердые храмины сажают, иных же секут.

Герасим. Прежний страх еще в монастырях остался, а в миру страха меньше. Народ про кровопойственный род на крестцах и торгах говорит. Нечистый конец тирана есть утешение гонимым.

Кузьма. Истинно. Внучат у него нет, семья его вымирает.

Герасим. Сказано словами псалма: «Не пребудет долго перед Богом, который созидает престол беззакония кровями христианскими, исчезнут вскоре всем домом». Кровопойному роду московских государей предвкушается конец. Последний царь династии Калиты - то иноче Федор Иоаннович.

Кузьма. Монастырская жизнь мне в угнетение. Мыслью я уйти в мир, вольной смуты вкусить, уйти в писцы, что пишут на площади за денежки грамоты и челобитные по заказу тех, кого не умудрил Господь замысливать скорописью, а сподобил только читать по слогам. Али в сапожные мастеришки, и то лучше.

Максим. Когда постригался, мечтал о жизни святой. Тут же святости мало. Монастырская верхушка хранит хлеб да иное, да на торг пускает, а при голоде продает по дорогой цене. Мы ж, чернецы, голодаем.

Герасим. Ты где пострижен?

Максим. В Сийском монастыре.

Герасим. Ты будь в то пострижен. Подними-ка шапочку, на голову пострижен. *(Поднимает шапочку и стучит себе пальцем по голове).* Будь умом пострижен, не лишь волосами!

Яков. Хорошо б в Москву пойти, в книжные торговцы! Там в книжных рядах книги продают попы и дьяконы, и чернецы. Спасский мост Фроловской башни против Спасских ворот - место торговли. Там, на великом на каменном мосту с четырьмя арками, перекинутом через ров с водой, продают. Чул я, что находят там сбыт книги и церковные, и посадские. За два Евангелья три рубли с алтынами, а посадская книга - и того более.

Максим. Хорошо б в домашние попы податься к боярам. Чул я, набирают московские бояры для службы.

Герасим. В Москве и без тебя безместных попов в избытке. Собираются безместные попы у Спасских ворот, иначе называемых Святыми. Всюду они во множестве, и сидят безместные попы и дьяконы, и чернецы у Фроловских ворот, и стоят у Покрова Богородицы. Перед Божественной Литургией правил не правят и бесчинства чинят великие, меж собой бранятся и укоризны чинят скаредные и смехотворные. А иные меж собой играют и борются, и в кулачки бьются. После темницы туда пошел, а едва жив убежал. Попы, что без места собираются у Спасского моста, смотрят, чтоб никто иной новый не был. Без грамоты сидят там, неграмотные все. Без грамоты поп с Покровки меня по загровку стукнул, то уж сидеть буду тут, Бога моля. Авось, не презрит Бог моего убогого прошения. *(Входит придверник Фома).*

Фома. Чернецы, тут ли все? *(Оглядывается).*

Козьма. Говори смело, придверник Фома, тут все свои.

Фома. Донской козак Вакулька сын Потапов приехал за книгами писаными.

Козьма. Слава Богу! *(Крестится)*. Не презрел Бог моего убогого прошения, сыты будем и пьяны.

Максим. Хай идет Вакулька, а так, чтоб из служебников монастырских никто не узрел.

Фома. Служебники монастырские все давно по кельям спят, также и будильник отец Давыд, и надзиратели - владычины парубки.

Кузьма *(весело)*. У меня и сонливость минула от предвкушения лапши да оладий ржанных!

Максим *(весело)*. Пива добра, а также обварного меду! Хай скорей идет Вакулька, а книги все писаны. *(Фома уходит)*.

Яков. Добрый малый! За скуп покупателей тайно пускает, а книги писаны хранит в сторожке. У него в сторожке замок нутряной, надзиратель с владычиными ребятами внезапно не нагрят. Хранили посадские книги уже и в книжной казенке, и в ризнице, и в дьяконице, и в большом погребе, а, вишь, в сторожке надежней. *(Входят казак Вакулька и придверник Фома с книжным коробом)*.

Казак Вакулька. Чернецы святы, писцы книжные, приехал, вам да бью челом, многолетнего здравия желая.

Козьма. И тебе, брат Вакулька сын Потапов, того ж. Привез ли гостинцев и денег?

Вакулька. Привез гостинцев и денег. Книги желаю поглядеть.

Козьма. Вот тебе книги! *(Достает из короба)*. Тут, в коробе, книги всякие - церковные и сатиры посадские. Вот книги жития Зосимы и Саватия святых соловецких.

Вакулька *(смотрит книгу)*. Чернецы-книгописцы, не шибко ли писано скорописью? Тягостно скорописного писания прочтение и виедание малопривыкшим, и худо умеющим грамматического здравого учения. Потому менее уплачу.

Максим. Как же то скоропись? То - полуустав, переходящий в скоропись, но скоропись отчетливу. Гляди, какова букваца!

Вакулька. Я - великий любитель грамматического чтения всякого, а научен от пономаря, отца старца Варсонофия церкви Трех Святителей. Тот же, будучи лет преклонных, внезапно почил, то не всему обучил. Знаю лишь иное, иное же - нет. Я читаю с радостью, но не шибко. Мудрость вся тварь не может скрывать. Требования мудрости вся тварь не может понимать. Требование мудрости - множество разума. Мы то не все ведаем.

Яков. Не ведаешь - то и попроси у высшего себя разумом и учением. То бо мудрость не на старости дается, мудрость - дело духовное. Милосердному и мудрому уготован рай, христианское смирение. А книги - недорого, две рубли четырнадцать алтын одна деньга.

Вакулька. То возьму. Пиши надпись: «Сия книга глаголемая донского казака Вакульки Семенова сына Потапова, и кто за нее поймается, и на том взять пятьдесят рублей денег». *(Яков пишет)*.

Максим. И со всем прилежанием чтоб книгу блюл! *(Яков оканчивает надпись, дает Вакульке книгу. Тот отсчитывает и дает деньги из кошель)*. Блуди книгу, Вакулька!

Вакулька. Книги дороги. Тяга к грамотею сильно велика, то уж буду блюсти. *(Укладывает книги в мешок)*.

Козьма. Иные книги тебе покажем. Которые желаешь: Триодь ли постную - один рубль, Апостол - один рубль пятнадцать алтын, служебная Минея - один рубль двадцать шесть алтын четыре деньга, книга Григория Богослова - один рубль тринадцать алтын две деньга.

Вакулька. Все те книги - духовного чтения, то можно взять у дьякона для пользования временного, по пять-десять алтын. Я же одержал письмо от кума. Кум мой Яков - житель двинской. Жителя двинские привозят в Тургасово соль, а имеют также велику тягу к чтению. Вот пишет кум Яков. *(Достает письмо)*. «Поклон от Якова куму другу Вакульке. Пришли мне чтения доброго, не религиозные книги, а увеселительные». Так что из таковых?

Козьма. Есть книга назидательная - «Азбука, писана во хмелю». *(Достает книгу)*. Обличение пьянству.

Вакулька. Возьму. Кум про такие писал. *(Берет книгу и дает деньги)*. Напиши: «Куплена сия книга Вакульки Семенова сына Протопопова, куплена сия книга, а не крадена, за то поп руку приложил». Ты приложь за попа.

Старец Герасим. А есть еще азбуковый, то его таить надо от начальства, ибо он про насильство от богатых. *(Достает книгу из-под стольца, читает)*. «Бережь, чтоб посадские и земские, и старосты, и целовальники, и денежные сборщики, и мужики богатые, и горланы мелким людям обид и насильств, и продажи ни в чем не чинили. Воеводы должны беречь, и сами никаких насильств не

чинить. Лучшие хотят сложить с себя тягло, налоговую тяжесть богатых на слабых, а то и на голеньких».

Вакулька. Истинно так! Возьму. Цена какая?

Герасим. Рубль, как за святой Псалтырь.

Вакулька. Возьму. При Годунове жизни вовсе не стало. Томит нас, казаков, на запашках! *(Берет книгу, читает по слогам)*. «Охнул бы у меня богатый, как я его дубиною по спине ожег, чтоб впредь зла не мыслил.» Добро писано! Возьму, хоть знаю: начальники называют такие книги лживыми, еретичными и отречными книгами, сиречь запретными. *(Прячет книгу за пазуху и дает рубль Герасиму)*. Прежний государь сек головы, при Годунове по-иному изводят: голод да смертная язва гложет. Казней меньше, а есть грабеж. А новые дворянские земледельцы дозволяют себе всякие наглости и произвол, будто неприятель посетил сии земли. А нам, прочим, не перепускают, да велят еще править по третьему рублю. А буде не пожалуют нас - не велят перепускать по третьему рублю, и от насильства тако вконец погубим, али дубины возьмем, али разбредемся с земли Русской, что капустные черви.

Козьма. Выведи, Фома, казака, чтоб не видели.

Фома. Исполню. Пойдем, казак!

Вакулька. Богу нашему слава! Герасим, тебе, старец, чтоб чисто было в глазах, что таки книги пишешь, или также всякие блага. Водки попейте! *(Дает бутыл)*. В сторожке оставил вам, чернецы, гостинцы - бочку лосося да коробку сала. *(Крестится и уходит с Фомой)*.

Козьма *(пьет)*. В кабак пойдем, к кривому Фалафею, службу кабаку справим. На малой вечерне благовест, малые чарки в полведришка пивышка *(Смеется)*.

Максим *(пьет)*. Оставим все дневные скорби! *(Поет)*. «В одной келье монах бедный спасается, по три разика в день напивается. Как в обедню зазвонят, так монах идет в кабак, с себя рясу пропивает и клобук закладает». *(Смеется)*.

Яков *(выпивает)*. Пойдем с нами, старец Герасим Новгородец, пойдем, пропьем пост великий аки на масленицу!

Герасим. Греха не страшишься ли?

Козьма *(поет)*. Чего страшиться? Пономари сами плуты, в колокола много меди вызволили, железны языки перебили! *(Смеется)*.

Максим *(поет)*. Лучшая служба, как монахи кругом ведра сидят без порток, в одних свитках.

Яков. Эх, люблю веселье, да чтоб ели до икоты, пили до перхоты, пели до надсада, плясали до упада! *(Смеется)*. Пойдем с нами, Герасим Новгородец!

Герасим. Нет, братья, у меня дело не кончено, то не могу. Скоро красная горка, то на красную горку вместе погуляем.

Козьма. На красную горку весенние свадьбы справляют. Не хочешь ли ты, старик, жениться, то мы тебе вьюницу споем. Пойдем на улице с пением величайных и вьюнских песен в честь новобрачного, поженившегося на старой лесной ведьме.

Герасим. Идите, братья, у меня дело.

Козьма. То мы пойдем пироги есть с вином виноградным. *(Поет)*. «Не ломай, не сгибай, весь пирог подавай. Винограды красные, зелень мое.» *(Книгописцы уходят)*.

Герасим. Прости их, Господи, грешников! Счастлив, кто в кабаке беду забыть может. Нам на Руси такое веселье, чтоб сходиться бы на жильниках кладбищенских и кликать по гробам умерших с великим воплем. *(Подходит к окну)*. Однако, рассвет, тихо. Наконец я один, то могу делать свое дело тихое в надежде, что глас тихий сойдет во все люди, то и услышат. *(Достает из гроба летопись)*. Летописные эпистолии свои храню тайно во ветхом гробе с мощами, сиречь свою летопись в гроб пишу, во гроб святого чудотворца Еуфимия, да простится мне мой грех. Для дела святого допустимо пользоваться святыми мощами. Ведь и Василий Блаженный, чтоб знамение доказать свою правоту, ударил тростью по раке с мощами святого Варлаама, откуда огонь, да разбил икону Варваринскую, опоганенную чертом. *(Садится с летописью на стул возле стола)*. Люблю я красоту дела письменного - чернильницу, киноварь, маленький ножик для подчистки неправильных мест и чинки перьев, песочницу, чтоб присыпать пером непросохшие чернила, а пуще всего - сидеть так на стульце, положить рукопись на колени, и писать тонкословием со словами приятными - «благодотение», «ликуют», «отрываться» да прочими. Однако, повинен подавить сие и пользоваться иными словами: «яролюбив», «тяжкогневен», «яроств», «тяжкошумный», «зловолшебный»

пропойца, увы, крови, разумом зверовиден», ибо пишу летопись свою про мясоедного Ивана, льва, царя кровавого Ивана Васильевича Всея Руси, и про колесо злотекущего естества. Поставили его на царство, как огонь тяжкошумный и скверновластный. Земля уж не выносила злодейств царя Ивана-мучителя, испуская благодные вопли, тихо сама о беде плакала. *(Некоторое время молча пишет)*. Однако, пособил Бог, царь отвращался еды и отринул, жестокое свое жительство окончив. Давно писал сие, ныне уж оканчиваю написание многогрешною рукою своею. Еще одна последняя епистолия, и летопись окончена моя. *(Пишет)*. А писал сии книги не с единого списка, а с добрых разных правдочестных списков разных, также от летописей монастыря Чудова Каменного, и Павловского, и Корниловского писал, и с ветхого древнего перевода. Справить было не с чего, каких книг не добыл, то Бог простит. Писал сии истинные показания, на Бога надеясь. Прописывал, яко лежат здесь речи, и точки, и запятыя. *(Пишет)*. Оканчиваю книгу сию с благодарностью Богу и молю читателя: просьба моя о снисхождении. Писал сию книгу и в дороге, и в поле, и в местах, вовсе недобрых. Иной раз не было киновари, так заглавие писал теми же чернилами, что и текст. Также и вы, елико от священных, елико от мирских, вникнув в сию епистолию, написанную Бога ради, простите, не кляните, яко и сами вы от Бога, и человек требует прощения, понеже забвение и неразумение над всеми хвалятся. Радуется купец прикупом большим, и кормчий, в затишье пристав, и странник, в отечество свое пришед. Тако радуется и книжный писатель, дошедший до конца книги. Сия книга грешного чернеца, дьякона Герасима Новгородца, писана его скверною рукою. Прости меня, Бог. Слава свершителю Богу! Аминь! *(Оканчивает писать и ставит точку)*.

Занавес

КОНЕЦ

01.06.1994 — 05.03.1997

Летописец Горенштейн

Бурные события русской истории конца XVI — начала XVII века — консолидация власти Москвы над удельными княжествами, борьба за выход к морю, укрепление самодержавия, смена династии, самозванство и смута — многократно находили отражение в отечественной драматургии. Главные деятели той эпохи — царь Иван Грозный, его сын Федор Иоаннович, Борис Годунов, Малюта Скуратов и другие — побывали героями десятков самых различных пьес, от гениального пушкинского «Бориса Годунова» до сервильной «Ливонской войны» Ильи Сельвинского. Казалось бы, тема исчерпана; но драматург Фридрих Горенштейн нашел новый ракурс. Он написал «Драматические хроники времен Ивана IV Грозного».

Хроники сродни летописям — они призваны правдиво описывать исторические события и их участников, а не давать им эмоциональную оценку. Именно это попытался сделать Горенштейн на материале последних четырнадцати лет царствования Ивана. Сколько можно судить о замысле автора, его основной задачей было достоверно воспроизвести действительность XVI века, так чтобы читатель (и, особенно, зритель и слушатель — ведь речь идет о драматическом действии) погрузился в нее и смог самостоятельно выработать свое отношение к происходящему. И главным художественным средством писателя стал язык: действующие лица у Горенштейна говорят на языке, максимально приближенном к реальному русскому языку тех времен.

Такой прием, однако, неизбежно создал определенные затруднения. Во-первых, лексика — многие слова за четыре века вышли из употребления: кто знает теперь, что такое *брашно* или *канбан* или *скуп*? Некоторые из них Горенштейн объяснил непосредственно в тексте, применяя оборот «сиречь» (например, «*тщима*, сиречь пустыми руками»); другие нуждаются в подстрочных примечаниях, как в настоящем издании. Во-вторых — и в главных, — синтаксис, ритмика и мелодика русской речи XVI века существенно отличаются от современных. Для их успешной имитации Горенштейн изучил большое количество оригинальных источников эпохи и, во многих случаях, вложил в уста персонажей буквальные цитаты из памятников древнерусской литературы, иногда весьма протяженные.

Нужно надеяться, что будущее издание полного текста «На крестцах» включит в себя и полный список источников, использованных писателем. Здесь же стоит упомянуть хотя бы основные. Это, в первую очередь, послания Ивана Грозного королям Польши и Швеции, его переписка с монахами различных монастырей и, разумеется, с князем Андреем Курбским. Продиктованное царем духовное завещание. Записки иностранцев о своем пребывании в Москве Ивана Грозного — опричника Генриха Штадена, английского посла Джерома Горсея и других. Сочинения дьяка-невозвращенца Григория Котошихина. Сказания — «Повесть о приходе Стефана Батория на Псков» и «Повесть об Азовском осаде сидении донских казаков». Знаменитый славянский «Домострой». Разнообразные молитвенники. Записи народных былин, сказок, поговорок и даже ругательств. Сохранившиеся жалобы и записи о судебных делах. Труды по русской истории и филологии: Татищев, Карамзин, Соловьев, Костомаров, Ключевский, Лихачев. И многое другое — но уже понятен объем подготовительной работы, проведенной Фридрихом Горенштейном для написания «На крестцах».

Еще один элемент воспроизведения реальности — личности: действующие лица и те, кто лишь упоминается в хронике. Их не менее сотни, и практически каждое имя принадлежит реально существовавшему лицу. И то, что происходит с ними на страницах книги, почти всегда происходило и в действительности. Федор Басманов в самом деле убил своего отца, чтобы доказать свою верность царю. Победитель татар воевода Воротынский в самом деле был обвинен в колдовстве и был подвергнут пытке огнем. И сватовство царя Ивана к англичанке Марии Гастингс — исторический факт. Крохотная эпизодическая фигура в толпе на площади — «иноземец Фетька Лазарев сын Короман» — и та имеет протагониста: в одной из сохранившихся приказных грамот упоминается *греченин Фетька Лазорев сын Короман*. Даже полупредастные юродивые — псковский Никола Салос и московский Василий Блаженный — выведены Горенштейном в полном соответствии с преданиями об их деяниях.

Эпоха Ивана IV была еще и временем ожесточенной религиозной полемики. Споры иосифлян с нестяжателями, ереси стригольников и жидовствующих, раздоры между архиепископами и митрополитами сотрясали православную церковь и подготовили ее будущий раскол при царе Алексее Михайловиче. Церковь играла огромную роль в жизни Московской Руси, но предшественники Горенштейна, по разным причинам (в основном, цензурного характера), предпочитали не вдаваться в церковные проблемы. Горенштейн же счел нужным подробно проанализировать природу тогдашних теологических споров, будь то разногласия между Восточной и Западной церковью (диспут пастора Яна Рокиты с царем Иваном) или между официальной московской церковью и еретиками (сцены суда над Матвеем Башкиным и Феодосием Косым). Включение в хронику этих эпизодов — опять-таки, происходивших в действительности — придало ей еще большее правдоподобие.

Разумеется, в «На крестцах» есть и придуманные — или полупридуманые — персонажи и ситуации. Например, художник Алампей — соперник Рублева, писав-

ший иконы в содружестве с нечистой силой. Или Анница — новгородская распутная девка, ставшая талантливой вышивальщицей и наложницей царя, а потом, сойдя с ума, — бродячей Матерью Московской. Придуманы варшавские сцены с участием польских вельмож, пусть даже носящих имена реально существовавших людей. Придуманы профессиональные составители стихарей Михалки — отец и двое сыновей; эти персонажи, впрочем, возникли не вполне на пустом месте — дворяне Михалковы служили во времена Грозного в Посольском приказе. И, конечно, полностью придуманы крестьяне, торговцы, нищие, караульщики, купцы, ремесленники и безместные попы — народ, заполняющий улицы и площади Москвы, Новгорода и Пскова. Народ у Горенштейна не безмолвствует, а живо обсуждает все перипетии доносящихся до него событий, зачастую перевирая и фантазируя, но сохраняя то, что называется исторической памятью.

Однако, в конечном счете, русская история опирается не на устное, а на письменное слово — на слово летописца. Фигура старца Герасима Новгородца в заключительной сцене прямо перекликается с образом пушкинского Пимена. Оба они ощущают огромную ответственность — ведь по их летописям потомки будут судить о прошлом. И оба стараются писать как можно более правдиво и нелицеприятно, оберегая свою независимость от власти имущих и от людской молвы.

Так же, как писал свою хронику летописец Фридрих Горенштейн.

СИНОПСИС

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена первая. Отроч монастырь, келья Филиппа. Монахи вновь надевают на него оковы – слышно, царь послал Малюту и разорил Тверь. Филипп говорит о том, что царь идет на Новгород. Входит царь с Малютой. Филипп отказывается благословить поход на Новгород. Царь приказывает убить Филиппа. Малюта душил того подушкой.

Сцена вторая. Новгород, площадь около Детинца. Вече. Данилов дает слово беженцам из Твери и других городов. Новгородцы – за вольность. Дьяк Долматов призывает покориться. Входит царь с опричниками. Петр Волынец говорит о заговоре. Диалог царя и плотника. Царь говорит речь как Парфений Уродивый. Опричники срывают колокол – символ свободы Новгорода.

Сцена третья. Новгород. Городище. Духовные стоят на правеже. Царь говорит с ними о церквях – знаток их. После чего опричники и царевич Иван убивают духовных дубинами.

Сцена четвертая. Новгород. Волховский мост. Выход архиепископа Пимена. Царь не подходит к кресту Пимена, а обвиняет его в передаче Жигмонту. Велит Пимену служить обедню и явиться на обед к царю.

Сцена пятая. Столовая палата архиепископа. Тот приветствует царя, но царь дает знак и опричники начинают грабить палату. Вбегают скоморохи, издеваются над Пименом, приводят девку Анницу ему в жены. Приказывают играть на свирели, обещают сажать на кобылу и так водить со скоморохами.

Сцена шестая. Пыточный двор. Данилов висит на дыбе. Узников пытаются «пожаром» - огненной смесью, придуманной царем. Они погибают. Царевич читает найденные документы – царь велит их исправить. Царевич просится наместником в Новгород – царь отказывает. «Суший цьяшос». Царь решает начать объезд монастырей.

Сцена седьмая. Новгородский Антониев монастырь. Дослушав обедню, царь обсуждает икону и приказывает бить настоятеля. Царь объясняет царевичу, как Новгород отпал от единого русского государства. Опричники громят монастырь.

Сцена восьмая. Новгородский торг. Огромное количество товаров. Опричники тоже торгуют награбленным, подают нищим. Торг надеется, что его не тронут. Приезжает царь, беседует с купцами, показывает знание бухгалтерии. Начинается погром. Эпизод с английским купцом Рандольфом. По приказу царя убивают опричника, заплатившего вдове за хлеб. Нищих выгоняют за пределы города, на погибель.

Сцена девятая. Берег Волхова у моста. По приказу царя опричники избивают горожан, бросают их в реку с женами и детьми. Убивают и приведенных пленных татар и немцев – один татарин оказывает сопротивление.

Сцена десятая. Городище. Из оставшихся в живых с каждой улицы собрано по лучшему жителю. Царь дает им в воеводы Пронского и уезжает в Псков, посылая Малюту в Москву.

Сцена одиннадцатая. Ночь. Монастырь неподалеку от Пскова. Слышен звон псковских церквей.

Сцена двенадцатая. Псков. Столы с хлебом-солью. Встречающему царя игумену отрубают голову. Царь обвиняет псковичей в измене. Юродивый Николка протягивает царю кусок сырого мяса и требует удалиться. Гремит гром (зимой!), царский конь издыхает. Царь пугается, отпускает юродивого и велит окончить поход.

Сцена тринадцатая. Ночь, кладбище у церкви Рождества-на-Поле. Старцы (среди них Иван Жигальцо) погребают трупы. Вспоминается, какие места разграблены. Ловят полоумных, едящих трупы – и отпускают их.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена четырнадцатая. Александровская слобода. Висковатый приводит поляков и литовцев; царь тем временем наблюдает, как топят татарских пленников. После ухода послов Висковатый увещевает царя, но тот обвиняет его в измене и сообщает о гибели брата. Висковатова хватают и обвиняют во взятках.

Сцена пятнадцатая. Царь приглашает на обед Вяземского и Басмановых. Обвинив в желании руководить царем, приказывает схватить Вяземского и убить сыновей Басманова; старший, Федор, заслуживает прощения, убивая отца.

Сцена шестнадцатая. Москва. Поганая лужа. Публичная казнь. Прощение Михалков. Висковатова режут на части живьем, убивают Фуникова и Выродкова. Юрод предрекает набег крымцев на Русь.

Сцена семнадцатая. Крым, Бахчисарай. Девлет-гирей решает идти походом на Москву.

Сцена восемнадцатая. Александровская слобода. Царь вызывает Воротынского, поручает ему оборону от татар, обсуждает с Годуновым и Малютой хозяйственные дела, организацию войска.

Сцена девятнадцатая. Палата типография. Царь беседует с печатником Федоровым, рассуждает о пользе книг и учения.

Сцена двадцатая. Теремная палата. Разговор царя с царевичем и Никитой Романовым, его дядей. Царевич строптивится, царь бьет его жезлом. Приказывает казнить многих Романовых-Захарьиных, но не Никиту. Хочет сделать наследником датского принца Магнуса.

Сцена двадцать первая. Москва. Кремлевская золотая палата. Торжественный прием Магнуса, объявление его королем Ливонским и наследником Ивана. Царь беседует с иноземными послами на международные и религиозные темы. Приходит известие о движении крымцев на Москву.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена двадцать вторая. Серпухов. Царь, выйдя навстречу татарам, узнает, что они обошли его и вышли в Москве. Москва горит. Испугавшись, царь решает отступить и бежать на север.

Сцена двадцать третья. Горящая Москва. Воеводы – Бельский и Мстиславский говорят о царе, не пошедшем к ним на помощь. Хан Девлет-гирей пирует, положив помост на русских пленных. Василий Блаженный предрекает ему поражение. Хан решает не осаждать Кремль.

Сцена двадцать четвертая. Кирилло-Белозерский монастырь. Царь узнает, что Девлет-гирей ушел из Москвы в Крым. Пора возвращаться.

Сцена двадцать пятая. Сгоревшая Москва. Василий Блаженный обвиняет царя в том, что тот бросил своих подданных. Царь начинает обвинять в пожаре и поражении воевод, Мстиславского и Михаила Черкасского.

Сцена двадцать шестая. Москва, пыточный двор. Холопы Мстиславского под пыткой показывают, что он изменник. Приводят Черкасского, царь поит его и прощает его «вину». Тот спьяну жалуется на убийство своей жены и сына по приказу царя. Царь отпускает его, но приказывает посадить потом на кол. Царь заставляет Мстиславского признать, что тот изменил, но оставляет его командующим.

Сцена двадцать седьмая. Село Батошино, Губная изба. Царь и его соратники, одевшись в бедные крестьянские одежды, принимают крымских послов. Подкупают их и соглашаются отдать Астрахань. Царь увещевает царевича, который хочет воевать.

Сцена двадцать восьмая. Кремлевские палаты. Царь выбирает невесту: царевичу Ивану – княгиню Евдокию Сабурову, а себе – дочь купца Марфу Собакину (третья жена).

Сцена двадцать девятая. Александровская слобода, свадьба Ивана с Марфой Собакиной. Она больна – падает прямо на свадьбе. (Она умрет через одиннадцать дней).

Сцена тридцатая. Соборный совет архиепископов разрешает царю четвертый брак – с Анной Колтовской. Малюта указывает, что Марфа была отравлена.

Сцена тридцать первая. Москва. Свадьба царевича Ивана. Гости ждут «добра», потом пируют. Юрод Василий Блаженный осуждает празднество.

Сцена тридцать вторая. Коломна. Царь советуется с воеводами: Воротынским, казацким атаманом Черкашиным, наемником Ференсбахом о заслоне против татар и организации южной постоянной обороны. Решив, что сил достаточно, требует присылки крымских послов.

Сцена тридцать третья. Снова село Батошино, Губная изба. Но на этот раз царь и приближенные – в дорогих нарядах. После перепалки с послами те дают складную грамоту – разрыв отношений. Царь велит перевезти казну в Новгород.

Сцена тридцать четвертая. Крым, Бахчисарай. Девлет-гирей решает снова идти на Москву и покорить ее окончательно.

Сцена тридцать пятая. Александровская слобода. Узнав о намерении Девлет-гирея идти на Москву, царь решает лично отправиться на войну со Швецией, в Новгород.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена тридцать шестая. Новгород. Свадьба принца Магнуса и племянницы царя Марии Старицкой. Царь много говорит о желании дружбы с Европой; европейские послы сомневаются. В конце царь пляшет с иноками и узнает, что татары снова на Оке; падает в корчах.

Сцена тридцать седьмая. Новгород, царская спальная палата. Царь диктует заповедание в присутствии сыновей и Малюты. Кается в грехах.

Сцена тридцать восьмая. Поле у деревни Молодень. Воротынский отдает распоряжения к предстоящей битве.

Сцена тридцать девятая. Ставка Девлет-гирея. Битва началась.

Сцена сороковая. Битва у Гуляй-города: Воротынский командует.

Сцена сорок первая. Татарский стан под Гуляй-городом. Взять его не удастся.

Сцена сорок вторая. Казаки – изменник Кудияр Тишенков и Васька Рожа – призывают один изменить царю, врагу казаков, а другой бить басурман. Татары идут на приступ.

Сцена сорок третья. Отбив приступ, Воротынский и другие воеводы и казаки идут на вылазку.

Сцена сорок четвертая. Новгород. Теремная палата. Царь готовится бежать в Англию, ждет английского посла. Тот говорит, что Елизавета согласна принять Ивана как частное лицо, а не как государя в изгнании. В этот момент приходит известие о поражении татар – они ушли назад. Царь радуется и велит положить конец опричнине.

Сцена сорок пятая. Новгород. Волховский мост. Крестный ход в честь победы. Царь провозглашает отмену опричнины, позволяет убивать опричников.

Сцена сорок шестая. Новгород. Теремная палата. Царь беседует с сыновьями о Библии. Царица Анна прерывает. После ухода царевичей Малюта рассказывает о популярности Воротынского; царь велит его схватить и отвезти в Москву, а царицу Анну постричь в монахини.

Сцена сорок седьмая. Москва. Пыточный двор. Царь лично пытается Воротынского огнем, подгребают жезлом угли, обвиняет в воровстве. Возвышает Колычевых.

Сцена сорок восьмая. Москва. Крестец Китай-города. Чернец Игнатий рассказывает о трусости и подлости Ивана.

Сцена сорок девятая. Москва. Площадь Пожар-на-рву. Торжественный праздник в честь победы. Царя хвалят митрополит и архиепископ, Михалки читают стихи,

клеящие изменника Воротынского. Василий Блаженный подносит ему пуль в мешочке – славу света. Идет военный парад, потом скоморохи. Василий Блаженный прилюдно облеγχается, и царь велит на этом месте поставить храм Покрова. Народ гуляет.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Сцена пятидесятая. Золотая палата Кремля. Ивану докладывают о письме Курбского – он диктует ответ. (Честные люди с голубыми глазами?) Федоров и Мстиславец приносят первоотпечатанный «Апостол». Приходит известие о смерти Жигмонта – шанс объединения Москвы и Польши с Литвой в единую славянскую державу.

Сцена пятьдесят первая. Золотая палата Кремля. Царь пытается договориться с послами Литвы и Польши о своем избрании королем. Литва – не против; Польша хочет младшего сына – Федора, а не Ивана. Царь предлагает жениться на Анне Ягеллонке, отправив Анну Васильчикову (пятая жена?) в монастырь.

Сцена пятьдесят вторая. Варшава. Вольный сейм обсуждает избрание короля после бегства Генриха Анжуйского. Аристократы против Ивана, мелкие шляхтичи – за. Пламенная речь Курбского против Ивана. Шведы предлагают избрать королевой Анну Ягеллонку. Турки предлагают семиградского князя Стефана Батория, которого и избирают с последующей женитьбой на Анне.

Сцена пятьдесят третья. Золотая палата Кремля. Царь принимает австрийских послов, но с ними не договаривается.

Сцена пятьдесят четвертая. Царь принимает и оскорбляет польско-литовских и шведских послов. От ливонских послов требует дани и приказывает их схватить, как подданных Москвы. Решает идти в поход на Ливонию.

Сцена пятьдесят пятая. Псков. Царь готовится к походу на Ливонию. Цель – войти в Европу. Приехавшего короля Магнуса царь считает своим холопом и приказывает схватить. Уверен в разгроме Ливонии одним ударом.

Сцена пятьдесят шестая. Псков. Царь пишет письмо Баторию, предупреждает его против Курбского, вспоминает обиды раннего правления. Приказывает заложить Иван-город в устье Нарвы.

Сцена пятьдесят седьмая. Поле под Вольмаром. Идет осада города. Царь приказывает кормить себя тем же, что и войско.

Сцена пятьдесят восьмая. Площадь во взятом Вольмаре. Царь издевается перед польскими и орденскими пленными. Хвастается, что завоевана почти вся Ливония. Получает письмо от Екатерины Ягеллонки. Распалившись, убивает ребенка молодой вдовы и ее тоже. Приказывает утопить всех иудеев, перебить монахов, выгнать литовцев-католиков и протестантов и поселить в их дома православных.

Сцена пятьдесят девятая. Вольмар, замок. Царь диктует письмо Курбскому, хвалится своими успехами.

Сцена шестидесятая. Осада Пайды. Защитники взрывают себя в замке. Приходит весть о том, что Малюта погиб. Иван скорбит.

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ

Сцена шестьдесят первая. Краков, Вавель. Державная Рада обсуждает возможности войны с Москвой. Баторий ратует за удар на Псков, отрезая Ливонию. Он мечтает о Польской империи после покорения Москвы.

Сцена шестьдесят вторая. Александровская слобода. Царский пир. Царь пирует со скоморохами и Михалками. Михалка предлагает царю новую невесту Марию Долгорукую. Князь Репнин отказывается пить со скоморохами и увещевает царя. Тот приказывает увести его в погреб и там задушить.

Сцена шестьдесят третья. Александровская слобода. Перед царской опочивальной. Иван разгневан – Долгорукая оказалась не девицей. Приказывает ее утопить. Михалка предлагает другую, дякову жену. Та сопротивляется, ее силой волокут в опочивальню.

Сцена шестьдесят четвертая. Новгородская церковь Михаила-на-сковороде. Вваливается царь с Михалкой и другими – с охоты. Требуется забрать с собой Ксению, жену ключаря. Ключарь и тесть его пономарь выдают, где спрятаны церковные сокровища. Их сбрасывают с колокольни, Ксению поят допьяна; она закаляется.

Сцена шестьдесят пятая. Москва. Теремные палаты. Царь просматривает летописи и велит многое исправить. Беседует с художником Алампием из Новгорода, заказывает ему собственный портрет.

Сцена шестьдесят шестая. Москва. Теремные палаты. Художник Алампий пишет портрет царя и рассказывает о своей мечте – написать икону Варварьинской божьей матери лучше Рублева. Говорит, что хотел бы писать из головы, не по канонам. Аница, ставшая вышивальщицей, приходит показаться царю.

Сцена шестьдесят седьмая. Москва, царь сидит на троне. Приказывает составить новый чертеж Московской земли. Приходит сообщение, что Баторий пошел на Полоцк, Магнус и другие наемники перешли к нему. Хватают беглецов в Литву – князей Ростовских. Из-под пыток приводят Бромлея, любимого астролога царя. Иван решает поехать по монастырям.

ДЕЙСТВИЕ СЕДЬМОЕ

Сцена шестьдесят восьмая. Новгород. Царь с воеводами обсуждает состояние армии. Посол Батория объявляет войну Ивану. Приходит сообщение о том, что Полоцк и Сокол взяты Баторием. Иван решает не идти на врага, а отойти к Пскову.

Сцена шестьдесят девятая. Полоцк. Разноплеменные воины Батория дерутся между собой. Баторий запрещает убивать и грабить – это новая война, война двух цивилизаций. Баторий спрашивает пленного епископа, отчего русские так упорно сопротив-

ляются, зная, что их царь – кровопийца. Епископ Киприан отвечает, что дело в православии. Баторий собирается идти на Москву, чтобы Польша стала главной в славянском мире.

Сцена семидесятая. Псков. Иван получает вести о новых победах Батория. Он решает отправить к Баторию новое посольство с предложением мира.

Сцена семьдесят первая. Москва, трапезная царя. Иван утверждает в качестве ближайших к нему Годунова, Нагого и Бельского. Объявляет, что выдаст Федора за Ирину Годунову, а сам женится – хоть церковь и не разрешит – на Марии Нагой, чтобы она родила ему сына Дмитрия. Иван-царевич недоволен; отец бьет его палкой. Послы сообщают о взятии Великих Лук и об ультиматуме Батория: вся Ливония и контрибуция.

Сцена семьдесят вторая. Москва, теремная палата. Ивану читают послание Курбского. Он решает не отвечать и взамен диктует послание Баторию.

Сцена семьдесят третья. Варшава, сейм победителей. Предложения царя отвергнуты. Новгородские и псковские купцы приветствуют Батория. Посланец папы Поссевино и иезуиты предлагают свою помощь. Для полной победы над Россией Баторий решает идти на Псков, а оттуда на Москву.

ДЕЙСТВИЕ ВОСЬМОЕ

Сцена семьдесят четвертая. Москва, золотая палата. Царю читают послание Батория. Он узнает о потере Нарвы. Решает обратиться к папе, выставив Батория как союзника турок. Иван-сын недоволен таким решением.

Сцена семьдесят пятая. Ивангород близ Нарвы. Население изгоняет русских. Появившийся Баторий запрещает их преследовать.

Сцена семьдесят шестая. Москва, Духовный собор. Царь предлагает монастырям отдать в казну жертвованные и заложенные монастырям земли. Церковники ропщут, но соглашаются с этим, а также с дополнительным денежным налогом на войну. Несогласного архиепископа новгородского Леонида царь приказывает судить и казнить. Купцы жертвуют сами. Старец Масаил Сукин выступает против стяжательства.

Сцена семьдесят седьмая. Царская сокровищница в Кремле. Иван показывает сыновьям свои сокровища. Иван-сын упрекает его, что не дает нужного на войну и просит – снова – дать ему войско и отправить к Пскову. Иван гневно, с побоями отказывает – боится измены царевича.

Сцена семьдесят восьмая. Успенский собор Кремля. Боярская дума. Приводят убежавших в Литву Глинского и Пронского: царевич Иван берет их на поруки. Убежавшего в Литву Горенского царь велит казнить. Воеводу Мстиславского еще раз заставляет признаться в измене, но прощает. Иван объявляет, что посадит на трон татарина Симеона Бекбулатовича. Бояре в шоке, дружно протестуют. Царь предлагает боярина Че-

ляднин-Федорова. Тот, хоть и сопротивляется, но надевает корону и бармы – и тут Иван лично его убивает. Симеона Бекбулатовича сажают на трон.

Сцена семьдесят девятая. Царские палаты на Арбате. Царь обсуждает с Годуновым, Нагим и Бельским устройство своего удела, главное – удельного войска. Затем объясняет уезжающему английскому послу Дженкинсону, что его отречение – комедия, надо по-прежнему иметь дело с ним. Новый посол Боус смело говорит с царем, тот гневется, но уважает смелого собеседника. Приводит примеры казней и произвола королей в Англии.

Сцена восьмидесятая. Свадьба царя и Марии Нагой. Московские бояре обсуждают, какие бывали свадьбы. Тут же Михалка-стихотворец. Обсуждают царскую свадьбу и Дженкинсон с Боусом. Царь с новой царицей выходят из церкви.

ДЕЙСТВИЕ ДЕВЯТОЕ

Сцена восемьдесят первая. Троице-Сергиевский монастырь. Царь, царица и новорожденный младенец Дмитрий встречаются со старцем Максимом Греком. Дискуссия о троице. Грек осуждает всех царей, поступающих не по писанию во времена, когда близок последний век. Он говорит, что если царь не вернется в Москву помогать пострадавшим от войны, а поедет дальше по монастырям, Дмитрий не доживет до отрочества. Царь в гневе уезжает.

Сцена восемьдесят вторая. Песошский монастырь. Вассиан Топорков дает царю совет – не приближай советчиков умнее тебя, ты – самый лучший, самодержавие должно быть абсолютным. Никита Романов и Иван-сын не согласны, но царь рад совету. Входит делегация с просьбой царю вернуться на трон. Он соглашается и возвращается в Старицу.

Сцена восемьдесят третья. Старица. Царицу с младенцем отсылают. Царь принимает папского посланца Поссевино, торгуется из-за условий мира с Баторием, но решительно противится распространению католичества в России. При известии о прорыве отряда Радзивилла царь убегает. Радзивилл говорит Поссевино, что цель Польши – загнать русских назад в Азию.

Сцена восемьдесят четвертая. Москва, царская вышивальная мастерская. Анница кормит младенца и скрывает, от кого он прижит. Появляется царь; Анница прячет ребенка. Приходит Алампий, рассказывает, как он борется с бесом, когда пишет иконы. Венецианский посол представляется царю, рассказывается о Венеции. Спрятанного младенца находят; царь душит его собственноручно – это его грех. Анница укачивает мертвого младенца.

Сцена восемьдесят пятая. Варваринский крестец Китай-города. Ватага каликов и художник Алампий, подновляющий Варваринскую богоматерь. Входит Анница с мертвым младенцем – она его никому не отдает. Алампий, одержимый бесами, хочет с

нее писать глаза богоматери. Василий Блаженный подменяет мертвого младенца двумя живыми подкидышами. Анница успокаивает Алампия.

ДЕЙСТВИЕ ДЕСЯТОЕ

Сцена восемьдесят шестая. Москва. Успенский собор. Торжественный молебен о помощи Пскову. Царь посылает в Псков Шуйских.

Сцена восемьдесят седьмая. Польский лагерь под Псковом. Перебежчики рассказывают Баторию об укреплениях Пскова. Приезжает Поссевино, пытается договориться с Баторием на условиях сдачи Ливонии. Тот не согласен – требует сдачи Пскова.

Сцена восемьдесят восьмая. Псков. Троицкий собор. Все молятся за победу. Иван Шуйский расставляет воевод. Инок (?) Василий начинает писать повесть о походе Батория на Псков.

Сцена восемьдесят девятая. Польский стан. Обсуждается подрыв стен Пскова. Приходит известие о том, что Печерский монастырь не взят, но захвачен юродивый Николай Салос, тот, что когда-то испугал царя Ивана и тот ушел из Пскова, не разгромив его. Юродивый говорит, что королю надо уходить из-под Пскова, но Баторий его не слушает.

Сцена девяностая. Псков, совет у Шуйского в Покровской башне. Перебежчик рассказывает, где поляки ведут подкопы. Разные мастера рассказывают, как они будут защищаться от воинов Батория.

Сцена девяносто первая. Псковская улица. Народ недоволен обстрелом, желает сдать королю. Подошедший Шуйский со стрельцами разгоняет народ, указывает на крестный ход. Осада продолжается.

ДЕЙСТВИЕ ОДИНАДЦАТОЕ

Сцена девяносто вторая. Александровская слобода. Теремная палата. Царь и бояре обсуждают дела – дела плохи, Баторий осаждает Псков. Царевич в очередной раз просит дать ему войско – Иван отказывает и выражает недовольство Шереметьевыми – родом, откуда царевна, жена сына.

Сцена девяносто третья. Александровская слобода, покои царевича. Иван-сын жалуется Годунову на отца. Входит беременная Шереметьева, жена царевича. Вошедший царь, придравшись к ее наряду, бьет ее по животу. Царевич вступается, и царь бьет его железным посохом по голове. Царевич падает, тяжело раненный.

Сцена девяносто четвертая. Александровская слобода, покои царя. Царь кается в убийстве внука – Шереметьева родила мертвого ребенка. Приходит известие – царевич умер.

Сцена девяносто пятая. На крестцах Китай-города. Народ, дворяне и купцы обсуждают смерть царевича – слухи и байки самые разные. Иностранные послы предполагают, что и царь проживет теперь недолго.

Сцена девяносто шестая. Троицкий монастырь. Царь кается и решает посмертно простить всех изменников – кроме Курбского – и послать большие суммы в монастыри. Нагой и Бельский отмечают отсутствие Годунова.

Сцена девяносто седьмая. Москва, покои в доме Годунова. Царь проведывает больного Годунова, застаёт у него царевича Федора с его женой Ириной. Очень милостив ко всем троим. Задумывает провокацию – объявит, что уходит в монастырь.

Сцена девяносто восьмая. Теремная палата в Кремле. Царь и Бельский перебирают списки казненных и опальных – всем посмертное прощение и помилование.

Сцена девяносто девятая. Покои царя в Кремле. Ночь. Царь диктует канон святому ангелу Михаилу под именем Парфения Уродивого.

Сцена сотая. Боярская Дума – бояре спорят между собой о том, кто выше (особенно – Василий Шуйский) и о царе. Царь объявляет о прощении опальных.

ДЕЙСТВИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Сцена сто первая. Пригород Пскова, польский стан. Баторий узнает новости из Москвы, приказывает идти на приступ.

Сцена сто вторая. Псков, Похвальский раскат. Защитники города собирают силы: артиллерию, народ на помощь, священники с иконами. Несущий икону юродивый Николай Салос убит ядром. Артиллеристы взрывают Свинскую башню вместе с накопившимися в ней осаждающими.

Сцена сто третья. Стан Батория. Приступ отбит, поляки бегут, на их место врываются казаки.

Сцена сто четвертая. Польский лагерь. Солдаты недовольны. Баторий решает перейти к пассивной осаде, собирается уехать в Варшаву, оставляя командование Замоискому. Поссевино настойчиво рекомендует заключать мир. Замоиский задумывает покушение на Шуйского.

Сцена сто пятая. Псков, воеводская изба. В Псков приходит подкрепление стрельцов. Шуйскому приносят ларец-бомбу от поляков, но он разгадывает подвох. Приезжает гонец от царя – мир с Баторием заключен, поляки уходят от Пскова.

Сцена сто шестая. Москва, площадь Пожар. Народ ждет выхода царя, обсуждает новости. Поп Варламище ратует за православие, против лютеров. Царь и бояре выходят на Лобное место, царь слушает рассказ Шуйского, казаки бросают ему под ноги польские знамена. Царь обещает быть защитником народа и собрать Земский собор – наподобие английского парламента.

Сцена сто седьмая. Золотая палата, заседание Думы. Говорят о мирных переговорах с Баторием, о увеличении влияния иноземцев, о важности защиты православия. Затем Иван еще раз говорит о желании иметь постоянный Земский собор.

Сцена сто восьмая. Продолжение заседания Думы. Папский легат Поссевино рассказывает о переговорах с послами Батория. Он предлагает провести диспут о вере с царем, желая слияния церквей. Иван, поддерживаемый митрополитом, вспоминает историю и, обменявшись колкостями с Поссевино, прекращает диспут. Приходит известие, что в слободе Наливках с неба упал камень.

ДЕЙСТВИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Сцена сто девятая. Наливки. Народ толпится вокруг камня, поп Варламище винит чужеземцев. Входит царь со свитой, пробует разобрать надпись на камне. Ливонские маги говорят – написано: «Возмездие за слушание». Царь приказывает разбить камень, Варламище призывает бить иностранцев.

Сцена сто десятая. Немецкая слобода. Михалка объясняет иностранцам здешние порядки. Пьяные выходят из кабака буйными и голыми. Врывается толпа погромщиков во главе с Варламищем.

Сцена сто одиннадцатая. Немецкая слобода. Погром. Михалка целует крест погромщикам.

Сцена сто двенадцатая. Иван приезжает в разгромленную Немецкую слободу и одобряет погромщиков. Лично убивает немецкого купца и приказывает пытать его дочерей. Награбленное велит сдать в казну.

Сцена сто тринадцатая. Москва, золотая палата. Церковный собор. Архиепископ Давид выступает с похвалой Поссевино, за что отсылается в монастырь. Иерархи сетуют на художников, подражающих Западу.

Сцена сто четырнадцатая. Золотая палата. Царь и свита осматривают свежую роспись. Старец Топорков осуждает все новшества, Годунов и митрополит Дионисий поддерживают.

Сцена сто пятнадцатая. Кремлевский благовещенский собор. Осмотр продолжается. Дьяк Щелканов доносит на еретика – Матвея Башкина.

Сцена сто шестнадцатая. Успенский собор. Заседание духовного Соборного суда над Максимом Греком. Его обвиняют в намеренном искажении церковных книг на западный образец. После долгого диспута отсылают в Троицкую лавру на вечное заключение.

Сцена сто семнадцатая. Палата Чудова монастыря, заседание Соборного суда. Допрос Башкина – тот призывает к добру, говорит, что отпустил своих холопов. Его отправляют на испытание пыткой. Призывают инока Артемия, обвиняют в призывах к нестяжательству и пособничестве Башкину. Приказывают отправить его в Соловецкий монастырь на вечное заточение.

Сцена сто восемнадцатая. Успенский собор, заседание Соборного суда. Дело Феодосия Косого. Он проповедует, что Троицы нет, что монастыри придуманы церковью и т.п. Его взгляды близки к жидовствующим.

Сцена сто девятнадцатая. Площадь Пожар в Москве. Царский суд. Сначала мелкие дела – кого-то милуют, кого-то четвертуют. Затем судят и жгут огнем стригольников – еретиков, близких к жидовствующим. Царь занемогает, его уносят с площади.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Сцена сто двадцатая. Большая столовая палата. Близкие у ложа умирающего Ивана. Он называет опекунский совет при наследнике Федоре: Мстиславский, Иван Шуйский, Никита Романов, Бельский – но не Годунов, он отдельно. Нагую-царицу Иван удаляет.

Сцена сто двадцать первая. Царская сокровищница. Вносят царя в кресле. Он рассказывает окружающим о своих драгоценных камнях и их свойствах, дарит гранатовый крестик Ирине.

Сцена сто двадцать вторая. Кремлевская книгохранильница царя. Вносят царя, который рассказывает о своих книгах и своей любви к ним. Показывает иностранцам книги из особого, ранее замурованного, хранилища.

Сцена сто двадцать третья. Спальня царя. Царь диктует проект завещания – не включать в опекуны ни Нагих, ни Годунова. Иван хочет перед смертью жениться на английской аристократке, а, если Федор умрет бездетным, передать трон Эрнсту Габсбургскому.

Сцена сто двадцать четвертая. Теремная палата. Царь принимает отобранных нищих, они рассказывают, как ходили в Святую землю. Царь мечтает о таком путешествии.

Сцена сто двадцать пятая. Золотая палата. Заседание боярской Думы. Докладывают о смерти Девлет-гирея, но и о полном запустении Руси, отчего поход на Крым невозможен. Приходят казаки – Иван Кольцо – с рассказом о покорении Сибири Ермаком. Царь вначале корит казаков за их прежние вины, но потом соглашается принять их и Сибирь под свою руку. Ему становится лучше и он велит казнить провинившихся в Ливонском походе и ливонских пленников.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Сцена сто двадцать шестая. Опочивальня царя. Щелканов сообщает Годунову о тайном завещании царя, в пользу Эрнста. Он же сообщает о смерти Курбского. Царь доволен, говорит о планах жениться на англичанке. Призывает к себе Ирину, жену Федора и пытается ее изнасиловать.

Сцена сто двадцать седьмая. Теремная палата. Царь ведет разговоры о своей невесте-англичанке. Однако посол Боур дает понять, что королева с этим не согласна. Иван взбешен, приказывает травить ливонских пленников медведями, ссорится с Боуром.

Сцена сто двадцать восьмая. Опочивальня царя. Наступил предсказанный волхвами день смерти царя, но он чувствует себя лучше: беседует с Федором о Библии, принимает казака, привезшего шкатулку с сибирской землей, пьет, вызывает шута и, обозлившись на него, убивает кинжалом. Приказывает отвести себя в мыльню.

Сцена сто двадцать девятая. Царская мыльня. Царь, несмотря на советы врачей, парится и пьет, подстрекаемый Бельским. Михалка читает стихари, его секут, потом награждают рукомыльником. Входят нищие, царь омывает им ноги.

Сцена сто тридцатая. Царская опочивальня. Из бани приносят Ивана. Он начинает играть в шахматы с Годуновым и падает мертвый. Прибежавший митрополит постригает его Ионой.

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Сцена сто тридцать первая. Царская опочивальня. Над гробом Ивана читают псалтырь. Бояре радуются смерти царя. Нагие предъявляют претензии на власть – короновать Дмитрия, но Годунов и Никита Романов арестовывают их и велят срочно короновать Федора.

Сцена сто тридцать вторая. Успенский собор Кремля, коронация и миропомазание Федора. Пока он молится и говорит о божественном, Бельский и Годунов принимают меры к сохранению спокойствия.

Сцена сто тридцать третья. Площадь Пожар. Народ волнуется. В Кремль с трудом пропускаяют Никиту Романова и Мстиславского.

Сцена сто тридцать четвертая. Золотая палата. Заседание Думы. Бояре ругаются между собой. Входит Иван Шуйский, которого Бельский приказал подстеречь и убить. Бельского хватают, он вырывается и убегает.

Сцена сто тридцать пятая. Царские теремные палаты. Федор и Ирина молятся. Вбегает Бельский, просит Федора дать указ на правление ему. Входят бояре со стрельцами, Бельского хватают. Решают выслать его в село под Нижний.

Сцена сто тридцать шестая. Площадь Пожар у Фроловских ворот Кремля. Народ издевается над пришедшими иностранцами. Из ворот выходят бояре и Федор с Ириной. Все обращаются к народу с речами. Годунов говорит, что Федора должен еще избрать Земский собор.

Сцена сто тридцать седьмая. Кремль. Толпа перед Грановитой палатой ждет выноса тела царя. Ругань, слухи, грабежи. Василий Блаженный – некрещеная изба.

Сцена сто тридцать восьмая. Грановитая палата, Федор на троне. Принимают польских послов. Федор отдает Годунову золотое яблоко и цепь.

Сцена сто тридцать девятая. Кремль, Казенный приказ. Годунов, Щелкановы и его выдвиженец Басманов распределяют обязанности. Входит Федор с боярами, которые упрекают Годунова в узурпации власти. Внезапно Никиту Романова поражает удар; его сын Федор кидается на Годунова с ножом. Романовы сосланы, Федор пострижен под именем Филарета.

Сцена сто сороковая. Разбойный приказ. Годунов расправляется со своими соперниками. Мстиславского постригают, Симеона Бекбулатовича приказывают отослать в Соловки, дорогой ослепить, уничтожить всю его семью. Митрополита Дионисия ссылают с монастырь, ставят митрополитом Иова с надеждой сделать его патриархом. Шуйских ссылают, а Ивана Шуйского приказывают в дороге убить.

Сцена сто сорок первая. Варваринский крестец Китай-города. Нищие и прочий народ пришли к иконе Варваринской божьей матери. Говорят о разорении Руси, голоде, о том, что при Иване было лучше. Василий Блаженный всех ругает, мажет калом, бросает кал и камни в икону. Его бьют; икона падает и под ней обнаруживается изображение черта. Умиравший Блаженный называет подошедшую Анницу Матерью Московской.

Сцена сто сорок вторая. Книгописная мастерская монастыря. Писцы пишут житие Ивана по канонам летописей. Пришедший надзиратель приказывает писать по канону житий, умалчивая о жестокостях. Книгописец старец Герасим после ухода надзирателя рассказывает о своей жизни и о преступлениях Ивана. Оставшись один, дописывает свою летопись о кровавом Иване.